ISSN 2713-2021

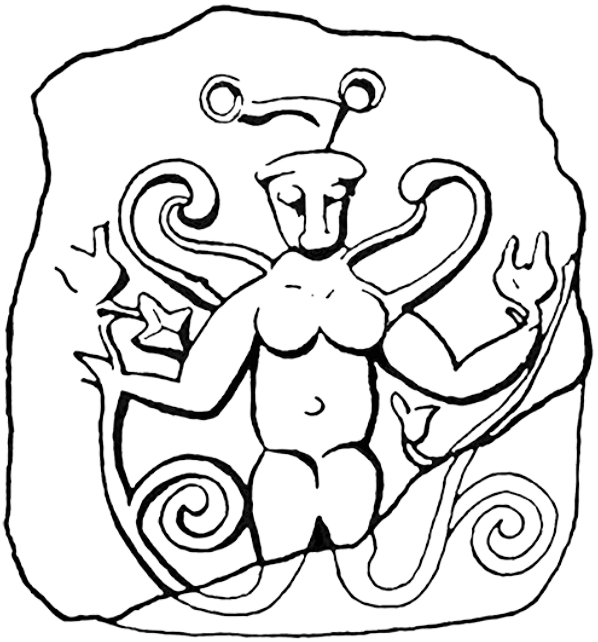
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2024
№ 16

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья



№ 16

Нес-Циона
2024

Редакция

С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор античного раздела
М.М. Чореф — кандидат исторических наук, Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, главный редактор средневекового раздела
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Михаэль Айзенберг — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, ответственный секретарь
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, Бонн, Германия
А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
А.З. Бейсенов — кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

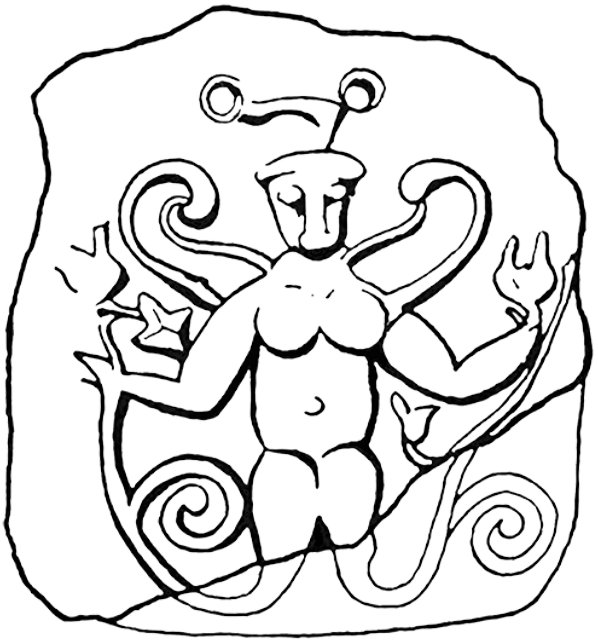
Редакционный совет

А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, Региональный исторический музей —Силистра
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дергачев — Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
А.К. Кушкумбаев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
Ю. Озтюрк — Dr. habil. (History), Professor, Sakarya University
М.Я. Ольбрих — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», председатель Ассоциации музейных экспертов
Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор археологии, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
Л. Пуббличи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
М. Диккенс — PhD (Philology), University of Alberta
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Д.Я. Ильясов — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт искусствознания АН РУз
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, Израиль 7403128
Тел./факс: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021
© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region



No. 16

Ness Ziona
2024

Editorials Board

S.Yu. Saprykin — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief of the Ancient Section
M.M. Choref — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Responsible Secretary, Editor-in-Chief of the Medieval Section
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
Michael Eisenberg — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Responsible Secretary
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha — Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
Mikhail Treister — Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher, Bonn, Germany
Attila Antal Türk — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
A.Z. Beisenov — PhD (History), A.H. Margulan Institute of arhaeology
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
Stefan Albrecht — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Regional Museum of History — Silistra
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
V.A. Dergaciov — Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
Yücel Öztürk — Dr. habil. (History), Professor, Sakarya University
Marek Jan Olbrycht — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, Chairman of the Association of Museum Experts
N.D. Russev — Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.V. Yartsev — Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova — Doctor of Archaeology, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Mark Dickens — PhD (Philology), University of Alberta
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
J.Ya. Ilyasov — PhD (Cultural Studies), Leading researcher, Institute of Art Studies of Academy of Sciences of Republic Uzbekistan
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, Israel 7403128
Tel./fax: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021
© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

M.V. Bedelbayeva (*Karaganda, Kazakhstan*), V.A. Novozhenov (*Almaty, Kazakhstan*), A.E. Rogozhinsky (*Almaty, Kazakhstan*), G.A. Kaldybaeva (*Almaty, Kazakhstan*). Petroglyphs-symbols of the Northern Balkhash Region in Kazakhstan (Antiquity and the Middle Ages) …….. 13

Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*). Находки наконечников стрел IX — первой половины VIII — первой половины VII вв. до н.э. в памятниках кобанской культурно-исторической общности Ставропольской возвышенности …….. 29

С.Б. Вальчак (*Москва, Россия*), С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), К.А. Фролова (*Тирасполь, Молдова*), В.С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 1 …… 42

А.О. Хотылев (*Москва, Россия*), А.А. Майоров (*Москва, Россия*), В.С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Каменные плиты из скифских захоронений левобережья Нижнего Днестра …….. 93

П.И. Шульга (*Новосибирск, Россия*), Д.П. Шульга (*Новосибирск, Россия*). К вопросу о бронзовых «скребницах» из Минусинской котловины …… 113

Г.С. Джумабекова (*Алматы, Казахстан*), Е.Ш. Амиров (*Караганды, Казахстан*), К. Алтынбеков (*Алматы, Казахстан*), Э.К. Алтынбекова (*Алматы, Казахстан*), Р.Ж. Жанузак (*Алматы, Казахстан*), А.Е. Чильдебаева (*Остин, США*), Г.А. Базарбаева (*Алматы, Казахстан*). Letum non omnia fenit (об одном шедевре школы торевтов саков Жетысу) ……... 125

П.И. Шульга (*Новосибирск, Россия*), И.В. Сальникова (*Новосибирск, Россия*). Феномен индийских зеркал-погремушек и бронзовые чаши с конусом …….. 159

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*), Н.И. Сударев (*Москва, Россия*). Золотые подвески в форме львиных головок из погребений последней четверти V в. до н.э. некрополей Таманского полуострова ……... 194

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*), И.В. Рукавишникова (*Москва, Россия*), Д.В. Бейлин (*Москва, Россия*). Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска …….. 234

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*). Косметические шпатели Боспора эллинистического времени …… 289

Е.В. Кузнецова (*Саратов, Россия*), Д.А. Шелепов (*Саратов, Россия*). Минералого-петрографическое исследование формовочной массы книдских амфор …….. 303

Е.В. Кузнецова (*Саратов, Россия*), С.Ю. Монахов (*Саратов, Россия*), Н.Б. Чурекова (*Саратов, Россия*). Базы данных античных амфор и клейм: результаты и перспективы цифровизации массового керамического источника …….. 335

С.В. Ярцев (*Тула, Россия*), Ма Янь (*Хух-Хото, Китай*). Новая находка сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием из раскопок «Аджиэль I» в контексте этнокультурного взаимодействия на территории европейского Боспора в I в. до н.э. …… 357

Akın Temür (*Samsun, Turkey*), Özkan Özbilgin (*Samsun, Turkey*). A Group of Glass Vessels in Samsun Museum …….. 366

Е.В. Вдовченков (*Ростов-на-Дону, Россия*), А.А. Подорожный (*Ростов-на-Дону, Россия*), О.Ю. Арамова (*Ростов-на-Дону, Россия*), Д.О. Фесенко (*Москва, Россия*), О.Е. Положенцев (*Ростов-на-Дону, Россия*), Джи Ын Ли (*Кёнгджу Республика Корея*), И.В. Корниенко (*Ростов-на-Дону, Россия*). Комплексное палеогенетическое исследование погребения с геральдическим набором из некрополя Ростовского городища …… 384

А.А. Красноперов (*Ижевск, Россия*). Контекст сбруйного набора из погребения 14 Ошкинского могильника на Вятке …….. 402

В.В. Герасимова (*Москва, Россия*), А.А. Клочко (*Москва, Россия*), В.Л. Косоруков (*Москва, Россия*). Опыт типизации краснолаковой керамики на основании данных рентгенофазового анализа (на материале из подвала II в. н.э. городской площади Цитадели Танаиса)…… 425

А.Н. Свиридов (*Москва, Россия*). Об устройстве перекрытий в подбойных могилах римского времени на некрополях ближайшей округи Херсонеса …… 449

С.В. Язиков (*Москва, Россия*). Металлические детали щитов из могильников римского времени Фронтовое 3 и Киль-Дере 1 …….. 464

С.А. Яценко (*Москва, Россия*). Тамги сарматов, среднеазиатских хуна и хунну ……... 480

А.А. Внуков (*Тула, Россия*), С.В. Ярцев (*Тула, Россия*), Е.В. Шушунова (*Тула, Россия*), В.Г. Зубарев (*Тула, Россия*). Социокультурный анализ фигурных портупейных пряжек из вождеского погребения с. Пороги и их исторический контекст …… 501

Р.Т. Дарменов (*Астана, Казахстан*), Б.М. Хасенова (*Алматы, Казахстан*), А.Ж. Назаров (*Кызылорда, Казахстан*). Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент …….. 512

М.С. Гаджиев (*Махачкала, Россия*), А.Л. Будайчиев (*Махачкала, Россия*), А.М. Абдулаев (*Махачкала, Россия*). Подземное кирпичное здание XI — начала XIII вв. в шахристане Дербента (Баб ал-Абваба) ……... 527

Sz. Rosta (*Kecskemét, Hungary*), Gy. Gulyás (*Kecskemét, Hungary*), Zs. Gallina (*Kecskemét, Hungary*), I. Pánya (*Kecskemét, Hungary*), A. Türk (*Budapest, Hungary*). Significant results of archaeological research the past 30 years on the Mongol invasion (1241—42) in Medieval Hungarian Kingdom …… 568

ИСТОРИЯ

М.А. Ведешкин (*Москва, Россия*). Констанций Хлор и Великое гонение …….. 579

Arkadi Akopov (*Gyumri, Armenia*), Hasmik Matikyan (*Gyumri, Armenia*), Armen Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*). The Principality of Tayk in the context of the regional policy of Byzantine Empire during the reign of Basil II …….. 594

Ю.В. Селезнев (*Воронеж, Россия*). Монгольский/ордынский фактор в межкняжеских усобицах на Руси в 1238—1300 гг. …… 603

Л.Ф. Абзалов (*Казань, Россия*), М.С. Гатин (*Казань, Россия*), И.А. Мустакимов (*Астана, Казахстан*), Р.Ю. Почекаев (*Санкт-Петербург, Россия*). «Платные дороги» в чингизидских государствах XIII—XIV вв. …… 620

Lamiya Gafar-zada (*Baku, Azerbaijan*). "...One of their chiefe festivall daies": the historical significance of the first Safavid trade privileges to the British ……. 631

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

У.М. Агатай (*Астана, Казахстан*), Ж.М. Сабитов (*Астана, Казахстан*), З.О. Ибадуллаева (*Астана, Казахстан*), Н.А. Досымбетов (*Алматы, Казахстан*). Огнестрельное оружие в ногайлинско-казахском героическом эпосе …… 651

Л.А. Бобров (*Новосибирск, Россия*), У.М. Агатай (*Астана, Казахстан*), С.С. Хасенов (*Астана, Казахстан*). Кольчатое наголовье второй половины XVI — середины XIX вв. из собрания Национального музея Республики Казахстан …….. 670

НУМИЗМАТИКА

Ilya Prokopov (*Blagoevgrad, Bulgaria*), Mariana Slavova (*Haskovo, Bulgaria*). The coin hoard from the Sarnitsa village, Haskovo region. Towards the question of clarifying the origin of Thasos imitations or barbarization …… 689

Vedat Keleş (*Samsun, Turkey*), Fatma Kızılyalçın Oyarçin (*Erzurum, Turkey*). Roman provincial coins found in the excavations of the Slope Bath of Parion (2008—2018) …… 697

Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*), М.М. Чореф (*Хайфа, Израиль*). Клад римских провинциальных тетрадрахм III в. из окрестностей Севастополя …….. 725

М.М. Чореф (*Хайфа, Израиль*). Литые подрезанные реплики боспорским статерам как источник исторической информации …….. 737

Ersin Çelikbaş (*Karabük, Turkey*), Kasım Oyarçin (*Samsun, Turkey*). The First Numismatic Evidence from the Inner Castle Baptistery of Paphlagonian Hadrianopolis …… 751

П.Н. Петров (*Алматы, Казахстан*), Ж.М. Белтенов (*Алматы, Казахстан*). К вопросу о золотых динарах Чингизидов Центральной Азии (некоторые нумизматические материалы первой половины XIII в.) …….. 768

П.Н. Петров (*Алматы, Казахстан*), А.Е. Рогожинский (*Алматы, Казахстан*). Хронология товарно-денежных отношений в средневековом городе Аспара (по нумизматическим материалам …… 785

ЭПИГРАФИКА

М.М. Чореф (*Хайфа, Израиль*). К вопросу о датировке посвятительной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгиппии …….. 811

Список сокращений …… 837

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» …….. 841

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

M.V. Bedelbayeva (*Karaganda, Kazakhstan*), V.A. Novozhenov (*Almaty, Kazakhstan*), A.E. Rogozhinsky (*Almaty, Kazakhstan*), G.A. Kaldybaeva (*Almaty, Kazakhstan*). Petroglyphs-symbols of the Northern Balkhash Region in Kazakhstan (Antiquity and the Middle Ages) …….. 13

Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*). Findings of arrowheads of the 9th — first half of the 8th — first half of the 7th centuries BCE in the Koban monuments cultural and historical community on the Stavropol upland ……. 29

S.B. Valchak (*Moscow, Russia*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), K.A. Frolova (*Tiraspol, Moldova*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). New graves of the Pre-Scythian time on the left bank of the Dniester. Pt. 1 …… 42

A.O. Khotylev (*Moscow, Russia*), A.A. Mayorov (*Moscow, Russia*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). Stone slabs from the Scythian graves in the Lower Dniester region …… 93

P.I. Shulga (*Novosibirsk, Russia*), D.P. Shulga (*Novosibirsk, Russia*). On the function of bronze "currycombs" from the Minusinsk Basin …… 113

Gulnara Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*), Yerlan Amirov (*Karaganda, Kazakhstan*), Kyrym Altynbekov (*Almaty, Kazakhstan*), Elina Altynbekova (*Almaty, Kazakhstan*), Ramazan Zhanuzak (*Almaty, Kazakhstan*), Ainash Childebayeva (*Austin, USA*), Galiya Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*). Letum non omnia fenit (about one masterpiece of the Zhetysu Saka toreutic school) …… 125

P.I. Shulga (*Novosibirsk, Russia*), I.V. Salnikova (*Novosibirsk, Russia*). The phenomenon of Indian rattle-mirrors and bronze bowls with a cone ……... 159

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Nikolay Sudarev (*Moscow, Russia*). Gold pendants in the form of lion heads from the burials of the last quarter of the 5th century BCE of the necropoleis of the Taman Peninsula …….. 194

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Irina Rukavishnikova (*Moscow, Russia*), Denis Beylin (*Moscow, Russia*). Bronze finger rings with the images on the bezels from "Batyrskiy 1" Necropolis in the region of Novorossiysk …… 234

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Bosporan cosmetic spatulas of the Hellenistic period ……... 289

Elena Kuznetsova (*Saratov, Russia*), Dmitriy Shelepov (*Saratov, Russia*). Mineralogical and petrographic study of the molding mass of the Knidian amphorae ……... 303

Elena Kuznetsova (*Saratov, Russia*), Sergey Monakhov (*Saratov, Russia*), Nataliya Churekova (*Saratov, Russia*). Databases of ancient amphorae and stamps: results and prospects of digitalization of a mass ceramic source …… 335

S.V. Yartsev (*Tula, Russia*), Ma Yan (*Hohhot, China*). A new find of grey clay pottery with dark lacquer coating from the excavations of "Adzhiel I" in the context of ethno-cultural interaction on the territory of the European Bosporus in the 1st century BCE …… 357

Akın Temür (*Samsun, Turkey*), Özkan Özbilgin (*Samsun, Turkey*). A Group of Glass Vessels in Samsun Museum …… 366

E.V. Vdovchenkov (*Rostov-on-Don, Russia*), A.A. Podorozhny (*Rostov-on-Don, Russia*), O.Yu. Aramova (*Rostov-on-Don, Russia*), D.O. Fesenko (*Moscow, Russia*), O.E. Polozencev (*Rostov-on-Don, Russia*), Ji Eun Lee (*Gyeongju, Republic of Korea*), I.V. Kornienko (*Rostov-on-Don, Russia*). Comprehensive paleogenetic study of a burial with a heraldic set from the Rostov settlement necropolis …….. 384

A.A. Krasnoperov (*Izhevsk, Russia*). Horse harness from burial 14 of the Oshkinsky Burial Ground on Vyatka and their context …… 402

Victoria Gerasimova (*Moscow, Russia*), Anna Klochko (*Moscow, Russia*), Vladimir Kosorukov (*Moscow, Russia*). An approach to red slip ware typology using X-ray analysis data (on material found in the basement of the 2nd century CE building in the Tanais Citadel's city square …… 425

A.N. Sviridov (*Moscow, Russia*). The structure of coverings in side chamber graves of the Roman period in necropoleis near Chersonesus …… 449

S.V. Yazikov (*Moscow, Russia*). Metal parts of shields from the Roman period burial grounds Frontovoe 3 and Kil-Dere 1 …….. 464

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*). Tamgas of Sarmatians, Transoxiana' Hūnā and Xiongnu …… 480

A.A. Vnukov (*Tula, Russia*), S.V. Yartsev (*Tula, Russia*), E.V. Shushunova (*Tula, Russia*), V.G. Zubarev (*Tula, Russia*). Social and cultural analysis of a figured belt buckles from the Chief Burial in the Porogi village and its historical context …….. 501

Rustem Darmenov (*Astana, Kazakhstan*), Bakyt Khassenova (*Almaty, Kazakhstan*), Agabek Nazarov (*Kyzylorda, Kazakhstan*). Signet ring with an inscription "Muhammad" from the medieval settlement of Jankent …… 512

M.S. Gadjiev (*Makhachkala, Russia*), A.L. Budaychiev (*Makhachkala, Russia*), A.M. Abdulaev (*Makhachkala, Russia*). Underground brick building of the 11th — early 13th centuries in Shahristan of Derbent (Bab al-abwab) …… 527

Sz. Rosta (*Kecskemét, Hungary*), Gy. Gulyás (*Kecskemét, Hungary*), Zs. Gallina (*Kecskemét, Hungary*), I. Pánya (*Kecskemét, Hungary*), A. Türk (*Budapest, Hungary*). Significant results of archaeological research the past 30 years on the Mongol invasion (1241—42) in Medieval Hungarian Kingdom …… 568

HISTORY

M.A. Vedeshkin (*Moscow, Russia*). Constantius Chlorus and the Great Persecution …. 579

Arkadi Akopov (*Gyumri, Armenia*), Hasmik Matikyan (*Gyumri, Armenia*), Armen Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*). The Principality of Tayk in the context of the regional policy of Byzantine Empire during the reign of Basil II …… 594

Yu.V. Seleznev (*Voronezh, Russia*). "Mongol/Horde factor" in inter-princely feuds in Russia in 1238—1300 …….. 603

L.F. Abzalov (*Kazan, Russia*), M.S. Gatin (*Kazan, Russia*), I.A. Mustakimov (*Astana, Kazakhstan*), R.Yu. Pochekaev (*Saint Petersburg, Russia*). "Toll roads" in the Chinggisid States of 13th—14th cc. …… 620

Lamiya Gafar-zada (*Baku, Azerbaijan*). "...One of their chiefe festivall daies": the historical significance of the first Safavid trade privileges to the British …….. 631

MILITARY HISTORY

O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*), Zh.M. Sabitov (*Astana, Kazakhstan*), Z.O. Ibadullayeva (*Astana, Kazakhstan*), N.A. Dossymbetov (*Almaty, Kazakhstan*). Firearms in the Noghaic-Kazakh heroic epos …….. 651

L.A. Bobrov (*Novosibirsk, Russia*), O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*), S.S. Khasenov (*Astana, Kazakhstan*). Mail coif of the second half of the 16th — mid 19th centuries from the collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan …….. 670

NUMISMATICS

Ilya Prokopov (*Blagoevgrad, Bulgaria*), Mariana Slavova (*Haskovo, Bulgaria*). The coin hoard from the Sarnitsa village, Haskovo region. Towards the question of clarifying the origin of Thasos imitations or barbarization …… 689

Vedat Keleş (*Samsun, Turkey*), Fatma Kızılyalçın Oyarçin (*Erzurum, Turkey*). Roman provincial coins found in the excavations of the Slope Bath of Parion (2008—2018) …… 697

Denis Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia*), Michael Choref (*Haifa, Israel*). A treasure of Roman provincial tetradrachms of the 3rd century from the vicinity of Sevastopol …… 725

Michael Choref (*Haifa, Israel*). Cast trimmed replicas of Bosporan staters as a source of historical information …… 737

Ersin Çelikbaş (*Karabük, Turkey*), Kasım Oyarçin (*Samsun, Turkey*). The First Numismatic Evidence from the Inner Castle Baptistery of Paphlagonian Hadrianopolis …… 751

P.N. Petrov (*Almaty, Kazakhstan*), J.M. Beltenov (*Almaty, Kazakhstan*). On the issue of the gold dinars of the Central Asian Chinggisids (some numismatic materials of the first half of the 13th century) …… 768

P.N. Petrov (*Almaty, Kazakhstan*), A.E. Rogozhinsky (*Almaty, Kazakhstan*). The chronology of commodity-money relations in the Medieval town of Aspara (based on numismatic artifacts) …… 785

EPIGRAPHY

Michael Choref (*Haifa, Israel*). On the question of dating the dedicatory inscription of Aspurgus found in 2013 in Gorgippia …….. 811

Abbreviations …… 837

Submissions …… 841

Археология

Archaeology

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.14.71.001

M.V. Bedelbayeva, V.A. Novozhenov, A.E. Rogozhinsky, G.A. Kaldybaeva

PETROGLYPHS-SYMBOLS OF THE NORTHERN BALKHASH REGION IN KAZAKHSTAN (ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES)*

The article is devoted to the analysis of petroglyphs-symbols founded in the figurative monuments of the Northern Balkhash Region and Betpakdala and having complex mythological content, which is repeated in the form of symbolic signs similar in iconography, found over vast geographical spaces. These include images of solar signs, labyrinths, lattices, as well as some animals, chariots, anthropomorphic characters and clan's tamgas. The analogies proposed by the authors indicate the vast geography of their distribution and contacts of the local population with the southern regions of Central Asia both in the Bronze Age and in subsequent historical periods.

Key words: Betpakdala, chariots, Schrenk's tulip, sun-headed characters, solar signs, tamgas, migrations, sacred landscapes.

About the authors: Bedelbayeva Marina Vasilyevna[1], Candidate of Historical Sciences, Buketov Karaganda University, Head of Museum of Archeology and Ethnography of Saryarka Archaeological Institute; Novozhenov Viktor Alexandrovich[2], Candidate of Historical Sciences, UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures; Rogozhinsky Alexey Evgenievich[3], Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology; Kaldybaeva Gaukhar Askarovna[4], Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1]100026, Kazakhstan, Karaganda, 28 Universitetskaya Str., Buketov Karaganda University, e-mail: bmv_1967@mail.ru; [2]050010, Kazakhstan, Almaty, 94 Kabanbay batyr Str., UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, e-mail: vnovozhenov@gmail.com; [3,4]4050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Ave., Margulan Institute of Archaeology, e-mail: [3]alexeyro@hotmail.com, [4]odd_story@mail.ru.

М.В. Бедельбаева, В.А. Новоженов, А.Е. Рогожинский, Г.А. Калдыбаева

ПЕТРОГЛИФЫ-СИМВОЛЫ СЕВЕРНОГО ПРИБАЛХАШЬЯ В КАЗАХСТАНЕ (ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Статья посвящена анализу петроглифов-символов, обнаруженных в изобразительных памятниках Северного Прибалхашья и Бетпакдалы, имеющих сложное мифологическое содержание, которое повторяется в виде сходных по иконографии символических знаков, встречающихся на обширных географических пространствах. К ним относятся изображения солярных знаков, лабиринтов, решеток, а также некоторых животных, колесниц, антропоморфных персонажей и родовых (клановых) тамг. Предложенные авторами аналогии указывают на обширную географию их распространения и контакты местного населения с южными регионами Центральной Азии как в эпоху бронзы, так и в последующие исторические периоды.

Ключевые слова: Бетпакдала, колесницы, тюльпан Шренка, солнцеголовые персонажи, солярные знаки, тамги, миграции, сакральные ландшафты.

Сведения об авторах: Бедельбаева Марина Васильевна[1], кандидат исторических наук, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, заведующая музеем археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института; Новоженов Виктор Александрович[2], кандидат исторических наук, Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО; Рогожинский Алексей Евгеньевич[3], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Калдыбаева Гаухар Аскаровна[4], Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

* The study was carried out within the framework of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan: Reconstruction of the cultural and historical landscapes of ancient Betpakdala (IRN AP19679947).

Статья поступила в номер 10 марта 2024 г.
Принята к печати 25 марта 2024 г.

© M.V. Bedelbayeva, V.A. Novozhenov, A.E. Rogozhinsky, G.A. Kaldybaeva, 2024.

Контактная информация: [1]100026, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, e-mail: bmv_1967@mail.ru; [2]050010, Казахстан, Алматы, ул. Кабанбай батыра, 94, Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, e-mail: vnovozhenov@gmail.com; [3,4]050010, Казахстан, Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, e-mail: [3]alexeyro@hotmail.com, [4]odd_story@mail.ru.

Introduction. The beginning of the scientific study of the petroglyphs of the Northern Balkhash region and Betpakdala in the fifties of the last century was laid by Alkey Margulan (Margulan 2003). Research was continued by Leonid R. Kyzlasov (Kyzlasov 1950), Alan G. Medoev (Medoev 1979) and Aleksey N. Maryashev, as well as expeditions of the Kazakh Institute of Archaeology (Beisenov et al. 2012: 259—274; Maryashev, Gumirova 2016: 183—191) and Karaganda University. New materials from the monuments were partially published based on the results of their monitoring (Bedelbayeva et al. 2015: 180—187, fig. 56—76; Bedelbayeva 2019; Novozhenov 2020).

The purpose of this publication is to analyze the special, so-called *petroglyphs-symbols* found here among the various and numerous rock carvings, which have complex mythological content and are repeated in the form of symbolic signs similar in iconography and probable content, found over vast geographical spaces, often distant from each other over considerable distances.

Methods. Along with traditional field research methods, special attention is paid to the analysis of specific petroglyphs and other archaeological objects concentrated in a single cultural and historical landscape. Together with other archaeological sites (settlements, burial grounds, roads, etc.), rock carvings indirectly reflect in the landscape the way of ancient communities lived, their relationship to the environment and the functional significance of its individual components, depending on the level of communications, social and technical development in a particular period history, and most importantly, they determine the level of mobility of the ancient population and its ability to travel significant distances in the steppe space (Rogozhinsky, Novozhenov 2018; Novozhenov 2020; 2022). To copy petroglyphs from the rocks, a non-contact method of photographic scanning was used, followed by graphic processing of the images.

Results. In the Begazy Mountains, the figurative monuments of Serikbay, Symtas, Nartai, Ryspek and Akshoky were examined. Over a hundred petroglyphs from different periods have been identified. Here founded images of wild and domestic animals, humans, and solar signs. Petroglyphs for the most part turned out to be synchronous in time of creation with the excavated and nearby burial structures, which date back to the Late Bronze Age and the Early Iron Age. The repertoire of petroglyphs widely includes traditional images of various animals: mountain sheeps, horses, camels, deers, dogs, argalis, as well as horsemen, anthropomorphic images and solar symbols, the number of which at different sites ranges from several dozen to hundreds.

In the Zheltau mountain system, five large points have been recorded, in which the main groups of petroglyphs are concentrated. Each group includes from 20 to 40 surfaces with a total number of drawings from 100 to 400. Numerous single images of animals, mainly mountain goat, are scattered between them.

Zheltau 1. In the Zheltau mountain system, one of the main groups of petroglyphs is located 30 km southeast of the village of Begazy, 18.5 km east of the village of Saryterek, on the left bank of the Zhinishke river, on the southwestern slope of the mountain system of the same name on on the spurs of two small hills. There is severe destruction of the rock outcrops that form the structure and microtopography of the complex. The technique of making petroglyphs is dominated by continuous, shallow, small-point carving; in some cases, traces of scratching are recorded. In total, 30 slabs with 230 petroglyphs were discovered, among which images of mountain goats/rams and horses predominate, deers and predators are found. There are single representations of Bactrian camel.

Zheltau 2 (Fig. 1). A large location of petroglyphs was discovered in a gorge on the western slope of the Zheltau Mountains, 10 km east of the Tokyrauyn river. Petroglyphs are carved on the surfaces of rocks (dykes) and individual stones, covered with a dense so called *desert tan*. The

cluster contains about 50 surfaces with petroglyphs of different periods from the Early Iron Age and the Middle Ages; several compositions may date back to the Bronze Age. Mostly there are surfaces with single petroglyphs.

Zheltau 3. A small complex of monuments, including the remains of sites from different periods and petroglyphs, was discovered in a gorge on the southwestern slope of the Zheltau Mountains, 12 km east of the Tokyrauyn river. The remains of the sites are two groups of ruined stone structures located along the bottom of the valley in the lower and upper parts of the gorge. Estimated dating of sites from the 19th century to the beginning of the 20th century. Petroglyphs are carved on the surfaces of rocky outcrops occupying the right side of the gorge. The substrate is coarse sandstone with rough surfaces covered with a dense *desert tan*. The cluster contains about 100 surfaces with petroglyphs of different periods from the Early Iron Age and the Middle Ages; several compositions may date back to the Bronze Age. The latter include two surfaces with images of chariots and spoked wheels. Petroglyphs that presumably date back to the Middle Ages predominate numerically. There are surfaces with both single petroglyphs and multi-figure compositions. The signs are found in compositions with images of the Early Iron Age and the Middle Ages.

Zheltau 4. Found in the gorge adjacent to the east, in its middle part. At the foot of the slope at the mouth of a short erosion valley there are the remains of stone residential and outbuildings of a wintering quarters of the early 20th century. Above it, on outcrops of sandstone covered with a black *desert tan*, there are about 50 surfaces with petroglyphs. Images of animals and anthropomorphic figures of the Early Iron Age predominate; a significant part of the images dates back to the Middle Ages.

Zheltau 5. In the central part of the Zheltau mountain system, on the southwestern slope of the highest part of the mountains, a group of sites of different periods and two points of concentration of petroglyphs were identified. Three tamgas of the *two arc* type were discovered in one site. 300 m east of the rock with tamgas, at the top of the ridge, a mound with a stone structure (diameter 8 m, height 0.8 m) was recorded, in which 5—6 steles with signs of processing were preserved. The probable dating of the mound is the Middle Ages.

Repertoire and petroglyphs-symbols. Thus, in the Zheltau mountain system, five large points have been recorded, in which the main groups of petroglyphs are concentrated; numerous single images of animals, mainly mountain sheeps, are scattered between them. Anthropomorphic characters are represented by riders on horses and, in one case, on a Bactrian camel. The scene of the hunt for mountain sheeps, antelopes and deers stands out, in which the main character — a horse archer — is depicted very realistically: the man is shown from the waist up and turned back, armed with a large complex bow and arrow. The petroglyphs of Begazy and Zheltau are chronologically correlated with the Late Bronze Age and the Early Iron Age; some of the images date back to the Bronze and Middle Ages (Beisenov et al. 2012: 259—274; Bedelbayeva et al. 2015; Novozhenov 2020).

A peculiarity of the repertoire of petroglyphs in the region is the absence of images of bulls, which are a marking image of the Bronze Age petroglyphs. The horses are drawn in an extremely simplified manner: a straight line of the body, the head and tail are often lowered, and four straight legs are shown. Despite some sketchiness in the engraving of other animals, they are presented much closer to originals and with great expressiveness. At the same time, stylized images of fantastic and opposing animals, *sun-headed* characters, solar signs, chariots, tulips and graphic images of generic (clan's) tamgas are of significant interest in the repertoire of the considered art monuments.

Fantastic animals and Master of the beasts. In the group of petroglyphs of Zheltau 3, images of an unusual animal were recorded — the celestial peri? (Fig. 2: 1); feline predators opposing each other (Fig. 2: 2; Fig. 3). The idea of confrontation between two animals or two people is quite common and popular in the Kazakh steppe and has many analogies in ancient art (for example, Luristan bronzes) and has already been interpreted (Novozhenov 2020).

As an antithesis to the unknown world of wild and fantastic animals, at the very top of the gorge, on a slab visible from all sides, there is a scene featuring various animals and a large human figure who dominates them (Fig. 2: 3; Fig. 4).

Solar characters and signs. Of interest are the schematic anthropomorphic images of the Zheltau 1 group, which can be considered as *sun-headed* characters (Fig. 2: 4; Fig. 5): above a person's head, drawn from the front, a *halo* is shown with several large dots. In one case, the arms of such a deity are spread out to the sides, the legs are apart, the phallus is drawn, in the other, the image is detailed by drawing the palms and fingers. This conventional manner of conveying the image may indicate its late origin in comparison with the canonical image of the *sun-headed* deities from Tamgaly and Akkainar, dating back to the Middle of the Bronze Age, and indicates the continuity of traditions and specific images on the rocks in different historical periods.

The images of the Zheltau 2 group, carved on a separate stone lying at the base of the dike, stand out for their symbolism. On the surface of the stone are depicted: three concentric circles with 12 rays radially extending from the outer circle. An identical solar sign published by Irina Shvets (Shvets 2012: 84—86). Below the solar sign there is a figure in the form of a straight cross; and a vague silhouetted figure from which extend four curved lines, converging together, resembling a flower bud; S-shaped figure with ends bent into a spiral (Fig. 2: 5).

The images are made using the deep embossing technique, the surface of the drawings is covered with a *desert tan*. Presumable dating is the Late Bronze Age or the beginning of the Early Iron Age. The type of petroglyph-symbols also includes images of *a lattice*, *labyrinth*, or *spiral*. Similar symbols are found in Siberia, Altai, Tuva and Mongolia, Northern Pakistan and the Alps (Shvets 2012: 88). Researchers explain the existence of such symbols and signs in petroglyphs by the dynamic development of associative and rational human thinking (Fig. 2: 6, 7).

Heavenly chariots. Conventional and very schematic images of three chariots were found in the Zheltau 3 group (Fig. 2: 8; Fig. 6). They are carved on a massive, almost horizontal slab located in the lower part of the gorge, destroyed by chips and abundantly covered with colonies of lichens. Made with fine-point embossing in combination with polishing the patina, they are difficult to distinguish, the images itself are well patinated.

The outlines of the image of the first chariot are damaged by lichen; it is located in the lower left part of the surface and represents a standard design for Central Asian chariot's petroglyphs. Wheels with four spokes, a semicircular platform in plan, and a central draught-pole with a rounded top at the end are depicted. Other features of the image include a protrusion on the drought-pole — a possible reinforcement of the place where the drawbar is attached to the riding platform and the design of the yoke of the cart in the form of two (three) parallel lines with a length and shape of the ends that is not typical for this structural element.

The draft animals — a pair of horses, are shown in an unusual place for them and are connected to the cart, probably by lassos and are in no way connected to the yoke of the chariot. Perhaps this depicts a partially unharnessed quadriga, in which only the trailing horses are shown, and the two root horses are only implied. The traditional place where the charioteer of this cart should have been — significantly destroyed by a colony of lichens and only isolated traces of carvings in the form of a circle (possible head) have been preserved, which in general do not allow to confidently speak about the presence of a charioteer's figure here. At the same time, the noted features do not distinguish this chariot from the entire array of analogues known in chariot petroglyphs of Altai, Southern Siberia, China, Mongolia, Kazakhstan and Kyrgyzstan (Novozhenov 2012; 2021).

The second chariot is depicted in the upper right part of the surface, next to the image of a mountain goat. The chariot is shown unharnessed, the design is traditional, triangular struts are shown that strengthen the place where the central draught-pole is attached to the yoke. This feature is noted on many chariots found in the geographically close mountains of Khantau and Shunak in the Balkhash region, as well as in more remote regions of Tuva, Mongolia, China and Tajikistan.

The third chariot was discovered in the upper right end of the common inclined surface, on a separate adjacent slab. A schematic image of an unharnessed chariot, two mountain goats and an indefinite geometric figure (sign) is recorded.

On the other vertical surface (Fig. 2: 9) are depicted two large wheels with eight spokes, a human figure, subrectangular and other figures, three horses depicted one above the other and an

archer opposing them. Embossed above this scene are two more four-spoke wheels and vague figures. Overall, the scene gives the impression of a symbolic image of a fantastic chariot — a triga with the charioteer shown with his arms spread to the sides. Only the most significant details of this chariot are depicted — a pair of wheels, a yoke, and draft horses. The lower rectangular figure is divided into two parts and crossed out by carved lines in the form of a lattice and perhaps symbolizes the riding platform of this chariot. We assume that this depicts a scene of confrontation between a symbolic, heavenly (?) chariot driven by a charioteer and an opposite archer, a plot very popular in the ancient rock art of Eurasia (Novozhenov 2012; 2020; 2021).

A unique image of a tulip, previously unknown in the petroglyphs of Kazakhstan, was discovered on the periphery of the Zheltau 1 group, at a distance and apart from the main concentration of images, on a relatively flat rock surface facing southwest and covered with a dense *desert tan*. A tulip shows a flower, a stem, two characteristic leaves and a round bulb. Below the flower is an indefinite figure and a straight cross (Fig. 7; 8). Judging by the shade of the patina, both drawings are older than the medieval petroglyphs carved on adjacent rock faces; their probable dating is the Bronze Age.

The image is identified as a Schrenk's tulip — *Tulipa Schrenkii*[1].This perennial herbaceous plant is considered the ancestor of the first cultivated varieties of tulip. This species was first discovered by A.I. Schrenk, associate professor of mineralogy at the University of Tartu, who in 1842—1843 traveled to these places. Dry buds of Schrenck's tulips are ubiquitous near the found image.

Tamga petroglyphs. In the Zheltau Mountains, a large series of ancient and medieval signs of identity of clans — tamga petroglyphs — has been identified. Thus, in the Zheltau 3 group, along with figurative images, a series of tamga-like signs was discovered, among which previously unknown types of signs stand out (Fig. 9). One of them is a large image in the form of a diamond, from the corners of which four straight lines extend, ending in a short arc. The dating of the sign, judging by the known analogies in Mongolia, may correspond to the Xiongnu-Sarmatian period. Probably, several images of tamga, reminiscent of the letter *H* unfolded horizontally, date back to the same time, analogies of which and the accompanying artistic tradition can be found in Tuva, Eastern Kazakhstan and Kyrgyzstan (Yatsenko et al. 2020: 171—175).

Discussion. Analysis of the petroglyphs-symbols of the Northern Balkhash region and their scientific interpretation allows to draw analogies with the rock carvings in the Tamgaly, and other pictorial monuments located to the south, to reveal a clear similarity with the Tamgaly style in the depiction of anthropomorphic creatures. Similar analogies take even further south — to the fertile Fergana Valley, through the sanctuary with the petroglyphs of Saimaly Tash, in Kyrgyzstan, thereby marking the ancient and probably traditional path of advancement of the population.

Note that images reminiscent in iconography of anthropomorphic *sun-headed* characters from Tamgaly, Akkainar and others in the Chu-Ili mountains and on Saimaly Tash, in the mountains of Kyrgyzstan, were found in the Northern Balkhash region for the first time. Above we have given a number of specific analogies for vehicles and solar signs depicted in petroglyphs, which clearly outline the geographical area of cultural contacts and possible migrations of the local population over significant distances both along the north-south line and in the latitudinal directions.

The combination of images of chariots with mountain goats and a certain sign identified in two cases seems to be non-random and may indicate a certain narrative structure and mythological content of these subjects. Thus, statistical methods have revealed a significant predominance of such combinations in the chariot petroglyphs of Altai and, above all, in the monuments of its Mongolian part

[1] Definition was made by Doctor of Biological Sciences, Professor M. Yu. Ishmuratova (Karaganda Buketov University), to whom the authors express gratitude. *Tulipa schrenkii* is a low (from 10 to 20 cm) erect plant with smooth leaves rich green color, about 20 cm in size, which fall apart. There are 3—4 leaves on one plant. The first rises from the ground, the remaining 2 or 3 wrap the peduncle at the very base. The edge of the leaves is slightly wavy. The flower is cup-shaped, 6—7 cm high . It consists of 6 petals, their edges are usually rounded or slightly pointed. The bulb is small in size from 2.5 to 3 cm. The shape is ovoid, densely covered with gray-brown scales. The flowering period is April-May.

(Novozhenov 2012). The mythological significance and interpretation of such combinations of images of chariots and deer or mountain goats were also noted (Smirnov 2018: 63—91).

The discovery in Zheltau of an image of a tulip flower — a motif atypical for the repertoire of Bronze Age rock art in Kazakhstan as a whole — forces us to again turn to the topic of distant cultural ties between pastoral tribes and the ancient agricultural population of Central Asia. Previously, a wide range of images and realities had already been identified, the appearance of which in the rock art of southern Kazakhstan was due to contacts of the steppe's tribes with the inhabitants of the ancient agricultural oases of Fergana, the Zeravshan and Murghab valleys (Rogozhinsky 2011: 87—99). In recent years, the number of such evidence has increased, including thanks to new finds in Semirechye, in the middle course of the river Chu, and objects of material culture (stone weights, painted ceramics), and rock paintings, the oldest of which indicate a connection with the carriers of the Anau culture of the Namazga III period, Sarazm and the Bactrian-Margiana archaeological complex (Rogozhinsky 2020: 37—48). That is why what is surprising is not the iconographic similarity of the tulip-petroglyph with numerous similar reproductions on cult objects of the Bactrian-Margiana archaeological complex (Fig. 8), but the area of its location — on the southern border of Kazakh steppe.

The abundance of images of tulips on Bactrian and Margiana things shows how important this symbol is for the Bronze Age population. In the materials of Gonur, analyzed by Prof. V.Yu. Kryukova, images of tulips are recorded on clay seals and a number of sculptures, which the author correlates with the veneration of the goddess of fertility and calendar rituals of worship at the time of their flowering. Semantic comprehension shows an important parallel with the presence of a goat, which in some cases plays the role of a sacrificial animal, in others it personifies a royal person (Kryukova 2012: 224—225). It has been suggested that there is an ancient "...Central Asian holiday, the marker of which was the tulip, and which was established much earlier than Nowruz, and then, having lost its specific ancient meaning, entered into a new ritual, including Zoroastrian and ethnographically attested…", during which a female deity is venerated, associated with the tulip (Kryukova 2012: 234). Thus, the found image of a tulip can serve as convincing evidence of cultural ties between ancient agricultural oases and the inhabitants of the Balkhash steppes.

In general, the original idea of mobility, embedded in local rock carvings and replicated in subsequent historical periods, corresponds to an accurate understanding of the sacred character of the entire natural-historical landscape (Novozhenov, Sydykov 2019; Rock Art 2020). A number of scenes on local rocks have already been interpreted as mythological, as scenes of sacrifice and worship of heavenly bodies (Margulan 2003: 14). Supporting such interpretations, we note their geographical distribution over considerable distances throughout Central Asia (Berezkin 2012: 35—39). It is obvious that such a wide geography of these subjects and the beliefs, cults and rituals associated with them is the result of the physical movement of their bearers themselves in space. Only in this way can the geographical distribution of many universal archetypes and mythologies, including those associated with the idea of mobility and the eternal search for the Promised Land, be explained (Novozhenov 2017; 2020).

The tamga-petroglyphs examined in the Zheltau Mountains are of significant interest because they contain an expressive series of signs that are contextually related to the petroglyphs of the nomads of the Xiongnu-Sarmatian era and medieval nomads. For the first time in this part of Kazakh steppe, a cluster of tamga petroglyphs of different periods has been discovered, the typological and stratigraphic analysis of which provides an example of the stage-by-stage formation of such monuments of tamga use practice, deepening their lower boundary.

The tamga dates back to the medieval period in the form of *two arcs*, with their ends facing in opposite directions. Notable is the large collection of tamga petroglyphs in the Zheltau 3 group, in which there are six signs of this type with various additional elements. Two varieties of tamga were not previously known, but in Zheltau they were found together at one more point. Later, during exploration in the Chu-Ili mountains in the fall of 2023, the same two signs, carved side by side on the same rock, were found above a medieval site in the Otyzuy valley. According to existing ideas, tamga petroglyphs of this type on the territory of Kazakhstan date back no earlier than the 9th —10th centuries, and their

distribution area should be associated with the settlement of tribes of the Kimak-Kipchak association (Yatsenko et al. 2019: 287—288). New finds of such signs in the Northern Balkhash region and in the southwest of Semirechye apparently mark another vector of migration of medieval nomads.

Conclusions. The variety of pictorial, archaeological, religious and natural objects can be correlated with the presence in various regions of Kazakhstan of traditions associated with the idea of mobility and the worship of caves, mountains and other natural objects, that is, monuments of a cult nature.

In fact, the sacred space of an area is not only visible, embodied monuments (locations of petroglyphs, archaeological sites, mausoleums, flora and fauna), but rather a complex socio-religious discourse aimed at the idea of thanksgiving, granting longevity, fulfillment of desires and consisting of a number of components: a ritual of collective pilgrimage, petition, repentance, mystical experiences, spiritual purification, sacrifice, prayer, a common meal, communication with the *shyrakshi* — the guardian of this cultural and historical landscape and sites, a kind of priest of this sanctuary. The basis of such ideas and the whole concept is the idea of mobility and the eternal search for a better life, better pastures, that very Paradise on earth, which is called the Promised Land (or Aria Vaidja), which fully corresponds to the Kazakh idea of *Zheruiyk*.

Thus, the rock art monuments of Betpakdala currently represent relict cultural (archaeological) landscapes, combining both fine and other types of archaeological monuments. Rock art as immovable monuments does not exist outside of the natural and cultural context. Along with other territorially related archaeological sites: settlements, necropolises, irrigation structures, remnants of communications, etc., they reflect in the landscape the mobile nature of the habitation of ancient groups, their cultural and religious ties, their attitude to the environment in a specific period of human history.

At the same time, petroglyphs are the embodiment of basic archetypes — collective subconscious myth-like symbols that express the basic needs and life cycles of society. Archetypes are reflected in the form of specific images, close in style and imaging technique to real objects, while maintaining their symbolism (Bedelbayeva 2019: 633—634). At the same time, the geographical distribution of similar archetypes and mythologies, and sometimes entire myths, as well as different artistic styles or tamgas, may indicate ethnic identity and the spread of related clans across large expanses of steppe Eurasia, their close cultural contacts and mutual influence on each other.

In the context of this discourse, the process of creating images becomes a ritual and one of the important spiritual practices that ensure the identity and mobility of society. Once formed, the sacred space lives life together with the society that created it and does not completely disappear with changes in the myths that determine its development, leaving both material and spiritual traces in the form of updated ideas about the sacred landscape and its use in new conditions.

References

Bedelbayeva, M.V. 2019. Images of sacred space: study, historical reality, modern mythologization (on the example of monuments in the Tayatkan-Shunak area). In: Baitanaev, B. (ed.). *Margulan's readings*. Nur-Sultan: Institute of Archaeology, 624—635.

Bedelbayeva, M.V., Novozhenov, V.A., Novozhenova, N.V. 2015. *Fine monuments of the Kazakh steppe*. Karaganda: Saryarka Archaeological Institute.

Beisenov, A.Z., Musaeva, R.S., Zhambulatov, K.A. 2012. On the creation of a natural scientific justification for the projected reserve-museum Kyzylarai-Begazy. In: Loman, V. (ed.). *Archaeology and history of Saryarka*. Karaganda: Publishing House of Karaganda University, 259—274.

Berezkin, Yu.E. 2012. Reconstruction of the plot of the creation of Man among the steppe Indo-Europeans. In: *Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations.* Vol. 2. Saint Petersburg, 35—39.

Kryukova V.Yu. 2012. About Gonur tulips. In: Sarianidi V.I. (ed.) *Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition.* T. 4. *Research by Gonur Depe in 2008—2011*. Moscow: Stary Sad, 222—237.

Kyzlasov, L.R. 1950. Sarybulak pisanitsa (rock art) in Betpakdala. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)* 35, 139—143.

Maksimova, A.G., Ermolaeva, A.S., Maryashev, A.N. 1985. *Rock carvings of Tamgaly.* Alma Ata: Oner.

Margulan, A.Kh. 2003. *Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting a wolf totem. Stone sculptures of Ulytau*. Vol. 3—4. Almaty: Dyke-Press.

Maryashev, A.N., Gumirova, O.N. 2016. New petroglyphs in the Shunak Mountains. In: Baitanaev, B. (ed.). *Current problems of Eurasian archaeology.* Almaty: Institute of Archaeology, 183—191.

Medoev, A.G. 1979. *Engravings on the rocks. Sary-Arka, Mangyshlak*. Pt. 1. Alma-Ata: Zhalyn.

Novozhenov, V.A. 2012. *The Miracle of Communication and the Earliest Wheeled Transport of Eurasia*. Moscow: Taus.

Novozhenov, V.A. 2017. Indo-Iranian mythological tradition in the petroglyphs of Kazakhstan and Central Asia: the myth of the creation of Man and the Wonderful Cart. In: Baipakov, K.M., Novozhenov, V.A. (eds.). *Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk Road.* Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 334—358.

Novozhenov V.A. 2020. *Rock chronicles of the Golden Steppe: a model of population communication in ancient times and the Middle Ages.* Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures.

Novozhenov, V.A. 2021. Rock carvings of chariots as a source of reconstruction. In: Mukhareva, A.N., Rusakova, I.D. (eds.). *Ancient art in the context of cultural and historical processes of Eurasia: to the 300th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk pisanitsa*. Kemerovo: KRIPKiPRO, 214—238.

Novozhenov, V.A. 2022. Rock art of Central Asia in the system of interaction of cultures: problems of study and prospects for research. In: Suleimenov, O.O., Isaeva, N.S. (eds.). *II International Summer School for teachers of the countries of Central Asia, Russia and Azerbaijan "Quality of education and rapprochement of cultures. Development of intercultural competencies in education".* Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 160—187.

Novozhenov, V.A., Sydykov, A.Zh. 2019. Bronze Age Transeurasian Communications. *Otan Tarikhy* 3 (87), 183—204.

Rock Art 2020: Jacobson-Tepfer, E., Novozhenov, V. (eds.). 2020. *Rock Art Chronicles of Golden Steppe: from Karatau to Altai.* Vol. 2. Almaty: UNESCO Center for Rapprochement of Cultures.

Rogozhinsky, A.E. 2011. Images and realities of the ancient agricultural civilization of Central Asia in the rock art of the Bronze Age of Southern Kazakhstan and Semirechye. In: *Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk pisanitsa.* T. 2. *Proceedings of SAIPI*. Vol. VIII. Kemerovo: KemGU, 87—99.

Rogozhinsky, A.E. 2020. Rock painting of Semirechye: new discoveries and distant ancient connections. In: *Current issues in the study of history, international relations and cultures of the countries of the East*. Novosibirsk: University press, 37—48.

Rogozhinsky, A.E., Novozhenov, V.A. 2018. *Cultural landscapes with petroglyphs of Central Asia: questions and answers.* Samarkand: IICAS.

Sarianidi, V.I. 2002. *Margush. Ancient Eastern kingdom in the old delta of the Murgab river.* Ashgabat: Turkmen dowlet habarlary.

Shvets, I. 2012. *Studien zur Felsbildkunst Kasachstans.* Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd. 1. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern.

Smirnov, N.Yu. 2018. Guiding deer: the plot of the hero's pursuit of a deer on a chariot in the visual tradition of the east and west of Eurasia of the second half of the second millennium — the turn of the first millennium BCE and some folklore-epic parallels. *Problems of history, philosophy, culture* 2 (60), 63—92.

Yatsenko et al. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinsky, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, J.Ya., Babayarov, G.B. 2019. *Tamgas of pre-Islamic Central Asia*. Samarkand: IICAS.

Yatsenko et al. 2020: Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinsky, A.E., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2020. *Archaeology and history of the Kangyu state.* Shymkent: Alem.

Fig. 1. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. General view of the 2nd group. Photo by V.A. Novozhenov.

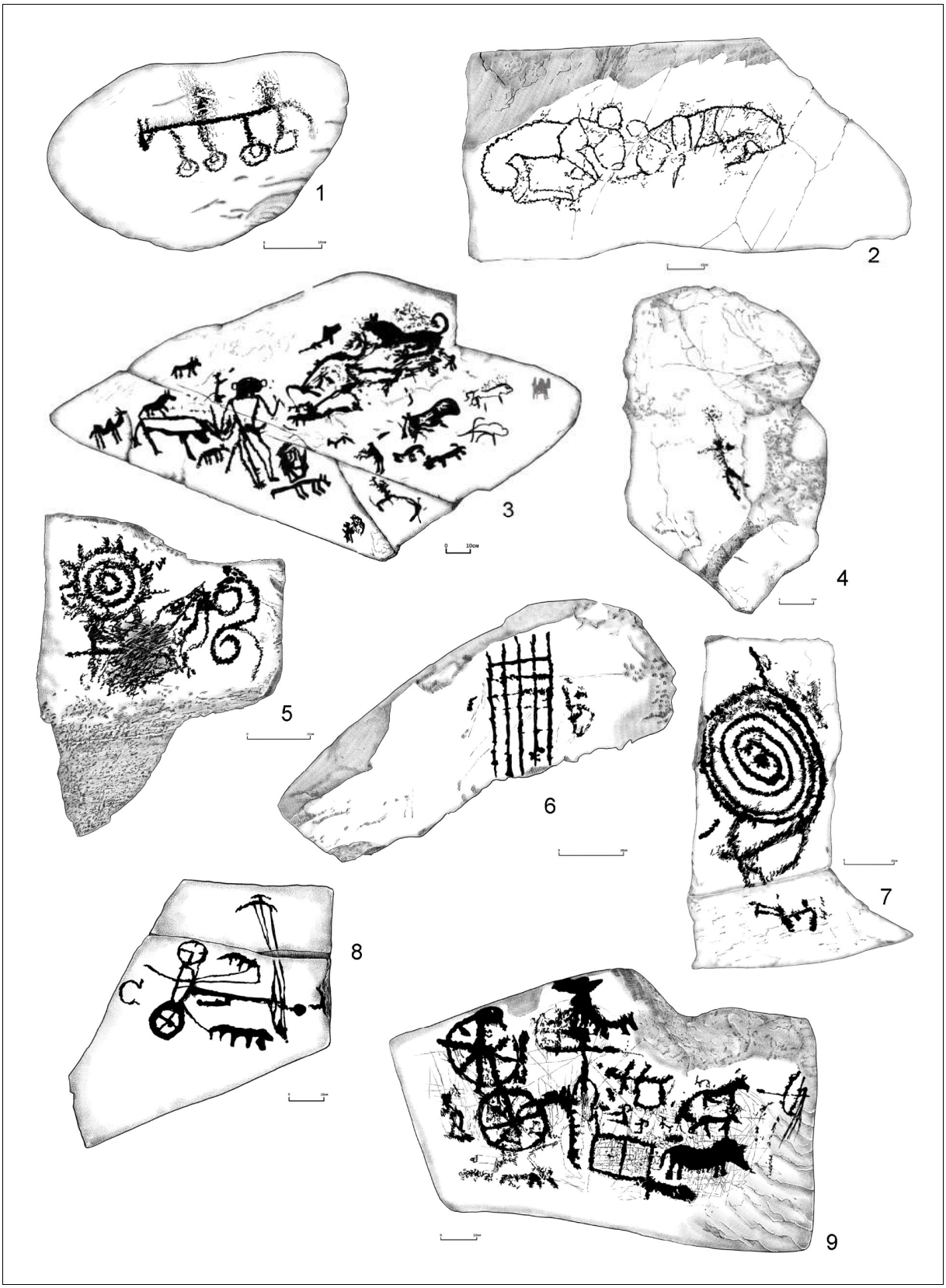


Fig. 2. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau 1-3 groupes. *1* — image of a fantastic animal (Heavenly peri?). Group 3; *2* — opposing feline predators. Group 3; *3* — Master of beasts. Group 3; *4* — stylized image of the Sun-headed deity. Group 1; *5* — image of a solar sign. Group 2; *6* — image of a *lattice*. Group 3; *7* — image of a *labyrinth* or *spiral*. Group 3; 8, 9 — images of chariots. Group 3. Drawings by the authors.

Fig. 3. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 3. Opposing feline predators. Photo by V.A. Novozhenov.

Fig. 4. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 3. Master of Beasts. Photo by V.A. Novozhenov.

Fig. 5. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 1. Anthropomorphic characters with splayed fingers, horses and horse rider. Photos of the authors.

Fig. 6. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 3. Image of chariots. Photo by V.A. Novozhenov.

Fig. 7. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 1. Image of a tulip. Photo by V.A. Novozhenov.

Fig. 8. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 1. Image of a tulip. Drawing of authors and analogies in the monuments of the Bactrian-Margiana Archaeological Complex (after Sarianidi 2002: 268).

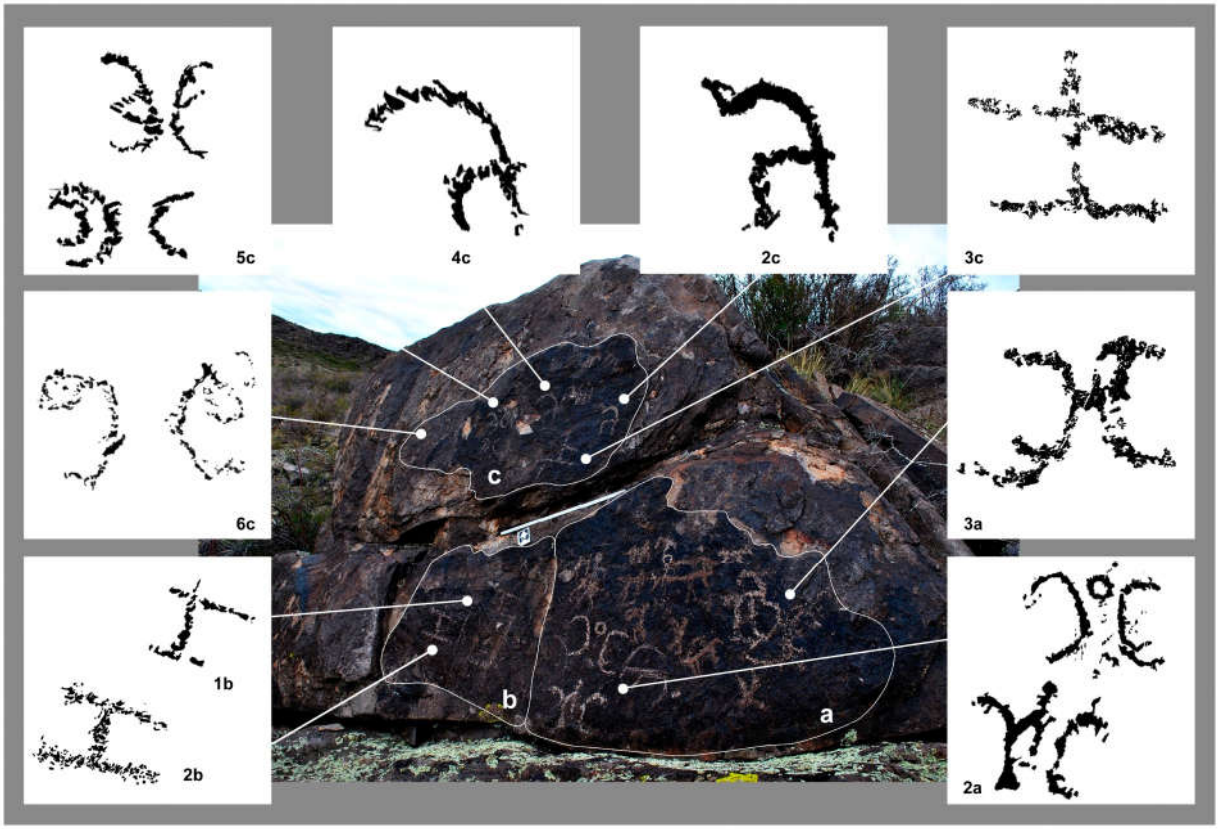


Fig. 9. Northern Balkhash region. Petroglyphs of Zheltau. Group 3 (separate flake). Clusters of tamga petroglyphs. Photo and drawing by the authors.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.56.63.002

Ю.А. Прокопенко

НАХОДКИ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII ВВ. ДО Н.Э. В ПАМЯТНИКАХ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НА СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ*

Статья посвящена типологическому и хронологическому анализу костяных и бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в могильниках и слоях поселений Ставропольской возвышенности IX — первой половины VIII — середины VII вв. до н.э. Стрелы обнаружены в грунтовых могильниках (могильник № 1 Томузловского городища; могильник № 1 Грушевского городища; могильник № 2 Татарского городища), в слоях поселений (Грушевское городище; находки в северо-западных окрестностях г. Ставрополя и на горе Стрижамент) и др. Костяные наконечники (7 экз.) относятся к двум группам: черешковые — 1 экз.; втульчатые — 6 экз. Бронзовые наконечники представлены четыремя группами: площики и полуплощик — 3 экз.; стрелы черногоровского типа — 2 экз.; втульчатые новочеркасского типа — 9 экз.; наконечники горизонта Жаботин — 45 экз.

Набор стрел, характерных для различных хронологических периодов в материалах могильника № 1 Томузловского городища (восточная часть Ставропольской возвышенности) позволяет отодвинуть начало функционирования данного городища к IX — первой половине VIII в. до н.э. В западной части Ставропольской возвышенности пока не известно погребений со стрелами ранее середины VIII в. до н.э., хотя отдельные находки в регионе предметов и кладов, представляющих более ранние периоды, известны.

Типологический анализ форм наконечников, происходящих из могильника № 1 Томузловского городища, позволяет определить основные векторы связей местной воинской культуры: северо-западное направление (Северное Причерноморье); северо-восточное (Южное Приуралье и Центральная Азия) и южное направление (Закавказье, Малая Азия). Возможно, это связано с особенностями расположения городища — поблизости от истоков р. Томузловки (широтное направление в сторону Волги) и рядом с р. Калаус (меридиальное направление — в сторону Прикаспия). Южнее памятника (недалеко) расположен район Кавминвод. На запад от Прикалаусских высот цепочкой протянулась Ставропольская возвышенность, что позволяло достаточно безопасно перемещаться в сторону Северного Причерноморья.

Найденная в могильнике № 1 Томузловского городища бронзовая заготовка двулопастного наконечника стрелы II типа, 2 варианта (по А.И. Мелюковой) VII — первой половины VI в. до н.э. свидетельствует о местном производстве (отливке) наконечников.

Ключевые слова: Ставропольская возвышенность, наконечники стрел, лопасти, втулка, шип, площик, черногоровский тип, новочеркасский тип, горизонт Жаботин.

Сведения об авторе: Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет.

Контактная информация: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: z_proko_15@mail.ru.

Yu.A. Prokopenko

FINDINGS OF ARROWHEADS OF THE 9th — FIRST HALF OF THE 8th — FIRST HALF OF THE 7th CENTURIES BCE IN THE KOBAN MONUMENTS CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY ON THE STAVROPOL UPLAND

The article is devoted to the typological and chronological analysis of bone and bronze arrowheads found in burial grounds and layers of settlements of the Stavropol Upland dating from the 9th — first half of the

* Статья поступила в номер 29 февраля 2024 г.
Принята к печати 10 марта 2024 г.

© Ю.А. Прокопенко, 2024.

8th century to the mid-7th century BCE. The arrows were found in soil-based burial grounds (burial ground No. 1 of the Tomuzlovskoe settlement; burial ground No. 1 of the Grushevskoe settlement; burial ground No. 2 of the Tatarskoe settlement), in the layers of settlements (Grushevskoe settlement; finds in the northwestern environs of Stavropol and on Mount Strizhament) and others. The bone points (7 copies) belong to two groups: socketed — 1 copy; tanged — 6 copies. Bronze tips are represented by four groups: flat and half-flat — 3 copies; Chernogorovsky-type arrows — 2 copies; socketed arrowheads of the Novocherkassk type— 9 copies; tips of the Jabotin horizon — 45 copies.

A set of arrows characteristic of various chronological periods in the materials of the burial ground No. 1 of the Tomuzlovskoe settlement (the eastern part of the Stavropol Upland) suggests an initial settlement period starting as early as the 9th — first half of the 8th century BCE. In the western part of the Stavropol Upland, burials with arrows dated earlier than the mid-8th century BCE have not yet been found in the western Stavropol Upland, though isolated items and hoards from earlier periods are known in the region.

The typological analysis of forms of the arrowhead forms from burial ground No. 1 at the Tomuzlovskoe ancient settlement indicates the main vectors of communications of local military culture: northwest direction (Northern Black Sea Coast); northeast (Southern Cisural area and Central Asia) and southern direction (Transcaucasia, Asia Minor). This may relate to the site's strategic location near the sources of the Tomuzlovka River (extending westward toward the Volga) and near the Kalaus River (running meridionally toward the Caspian region). South of the site lies the region of the Caucasian Mineral Waters, while to the west, the Stavropol Upland stretches as a corridor for relatively safe travel toward the Northern Black Sea area.

The discovery of a bronze blank for a two-bladed arrowhead of Type II, Variant 2 (following A.I. Melyukova) from the 7th — first half of the 6th century BCE in burial ground No. 1 at the Tomuzlovskoe settlement indicates local arrowhead production (casting) at the site.

Key words: Stavropol upland, arrowheads, blades, bushing, spike, plain, Montenegrin type, Novocherkassk type, Jabotin horizon.

About the author: Prokopenko Yuriy Anatol'yevich, Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University.

Contact information: 355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University, email: z_proko_15@mail.ru.

Введение. Наконечники стрел предскифского и раннескифского периодов являются достаточно редкой находкой в памятниках Ставропольской возвышенности, тем не менее, данный материал, в силу достаточной степени типологической и хронологической разработанности, является важным источником, позволяющим уточнить нижнюю границу периода заселения региона племенами кобанской культурно-исторической общности и проследить динамику смены военной моды у местного населения.

Стрелы обнаружены в грунтовых могильниках (могильник № 1 Томузловского городища; могильник № 1 Грушевского городища; могильник № 2 Татарского городища), в слоях поселений (Грушевское городище; находки в северо-западных окрестностях г. Ставрополя и на горе Стрижамент) и др[1].

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, а также на выделении и исследовании типов костяных и бронзовых наконечников стрел. Сравнительный анализ особенностей деталей наконечников (форма головки, длина втулки, расположение шипа), найденных в памятниках Ставропольской возвышенности и подобных, обнаруженных на территории Приднепровья, Закавказья, Малой Азии, Южного Приуралья, Центральной Азии и других районов Северного Кавказа позволяет локализовать ареал их распространения и центры производства в IX — середине VII вв. до н.э., а также указывает на основные направления связей воинской культуры автохтонного населения кобанской культурно-исторической общности (Ставропольской возвышенности) и кочевого населения.

[1] В данной статье рассматриваются только наиболее ранние наконечники. Экземпляры второй половины VII—VI вв. до н.э. не учитывались

Анализ. В составе колчанных наборов, характерных для воинов-лучников Ставропольской возвышенности в предскифский период, выделяются костяные и бронзовые наконечники стрел. Костяные наконечники (7 экз.) относятся к двум группам: черешковые — 1 экз.; втульчатые — 6 экз. Черешковые — наконечник стрелы, обнаруженный в слое VIII — начала VII вв. до н. э. Грушевского городища (Найденко, Прокопенко 1995: 35, табл. 2; Прокопенко 2018: рис. 1: 5) с треугольным очертанием головки, с острыми опущенными книзу жальцами и длинным черешком, имеющим шип, направленный книзу (рис. 1: 9). Размеры: Дл[2] — 52 мм; наибольшая Ш — 22 мм. Экземпляр является разновидностью типа III варианта 1 костяных наконечников (по классификации В.И. Козенковой).

По форме головки грушевский наконечник близок наконечнику из погребения 1 могильника Красные Камни (окрестности г. Кисловодска). Однако наличие шипа позволяет отнести экземпляр из Грушевского городища к отдельной разновидности. Аналогии этим находкам не прямые, но близкие происходят из слоев XI—VIII вв. до н. э. Змейского и Сержень-Юртовского поселений (Козенкова 1995: 7). Скорее всего, данный наконечник является подражанием бронзовым площикам с прямым черешком, имеющим боковой шип (например, находка на Бамутском поселении) (Козенкова 1982: табл. XI: 25).

Втульчатые наконечники пирамидальной формы — 6 экз. (3 целых, 3 фрагментированных экз. (могильник №2 Татарского городища, погребение 12 — не опубликовано). Данные экземпляры относятся к типу VII пирамидальных (со скрытой втулкой), квадратных в сечении наконечников по В.И. Козенковой (типу 2 по А.И. Мелюковой и С.Л. Дудареву). Представлены вариантом 1 — с прямым основанием (характерны для колчанных наборов VIII—VI вв. до н.э.

Аналогичные экземпляры представлены в погребении у Красных камней (2 экз.), в погребении 8 Султангорского могильника (1964 г.) (1 экз.), в могильнике на Крестовой и Барановской горках из сборов В.В. Бобина (1956 г.) (6 экз.), в каменном ящике на Станичной улице в Кисловодске (1 экз.), в гробнице 1 могильника Терезе и др. (Козенкова 1995: 7). Подобные четырехгранные экземпляры характерны для колчанных наборов предскифского и скифского времени. Однако ромбическое сечение одного из экземпляров сближает данные наконечники с аналогичными из комплексов новочеркасского периода.

Бронзовые наконечники (12 экз.) представлены четырьмя группами: площики и полуплощик — 3 экз.; втульчатые стрелы черногоровского типа — 2 экз.; втульчатые новочеркасского типа — 9 экз.; втульчатые наконечники горизонта Жаботин — 45 экз.[3] Площики вырезаны из бронзового листа (2 + 1 экз.), два экземпляра относятся к типу II (вырезанные из бронзового листа), варианту 1 по классификации В.И. Козенковой:

1) головка треугольная с опущенными к низу острыми шипами. Черешок слегка расширен в нижней части и закруглен (западные окрестности г. Ставрополя — в 3-х — 4-х км в сторону ст. Новомарьевской (находка 2009 г.) — 1 экз. (рис. 1: 10). Размеры: Дл — 41 мм; ширина головки — 18 мм; толщина — 1 мм (Прокопенко 2018: рис. 1: 6);

2) головка треугольная с опущенными к низу острыми шипами. Прямой удлиненный черешок закруглен (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12 — 1 экз.). Размеры: Дл — 52 мм; Ш головки — 22 мм; Т — 1 мм.

Данные наконечники более характерны для колчанных наборов воинов кобанской культурно-исторической общности VIII—VI вв. до н.э. (Березовский могильник, погребение 5 (1946 г.); Белореченский 2 могильник, погребение 3; могильник Индустрия, погребение 2; Султангорский могильник 3 (1976 г.), погребение. 6; Минераловодский могильник, погребение 30) (Козенкова 1995: 9).

Один экземпляр (полуплощик?), происходящий из случайных находок на горе Стрижамент, является переходным вариантом. Остролистное перо вырезано из бронзовой

[2] Д — диаметр; Дл — длина; В — высота; Ш — ширина; Т — толщина.

[3] С уверенностью к горизонту Жаботин можно отнести все наконечники, имеющие длину 45—52 мм. Отдельные экземпляры, имеющие меньшие размеры — 38 мм, могут также представлять колчанные наборы VII—VI вв. до н.э.

пластины — площик, но оно завершается короткой втулкой (Прокопенко, Кравцова 1998: 322, рис. 1: 12) (рис. 2: 11). Размеры: Дл — 38 мм; Ш головки — 9 мм.

К наиболее ранним из литых втульчатых — черногоровского типа (IX — первая половина VIII в. до н.э.) относятся два крупных бронзовых втульчатых двулопастных наконечника с широко выступающими приостренными (срезанными под острым углом) лопастями и короткой втулкой (рис. 1: 1, 2), происходящие из могильника № 1 Томузловского городища (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1: 1, 2) — килевидные, типа Малой Цимбалки по А.И. Тереножкину (1976: 33, рис. 7: 12—24), с крышевидной головкой с острыми шипами и выступающей втулкой — отдел 1, тип 7, согласно классификации К.Ф. Смирнова и В.Г. Петренко (1963: 26, табл. 1, № 27), группа 1, подгруппа 1, тип I, по С.Л. Дудареву (1999: 84). Размеры: Дл — 47 и 40 мм; Ш пера — 17 и 14 мм.

Такие экземпляры зафиксированы в комплексах подкурганных погребений Северного Причерноморья (Малая Цимбалка, Высокая Могила) (Тереножкин 1976: 82, рис. 4: 8). В единичных случаях они отмечены в памятниках VII — начала VI в. до н.э. Поволжья (поселение Михайловка — сборы на дюне П. Рыкова) (Смирнов, Петренко 1963: 26, табл. 12: 27; Дараган 2015: 146, ил. 11: 1). С.Л. Дударев отметил находки подобных наконечников с короткой втулкой в песках Затеречья (1 экз.) и в окрестностях г. Армавира (1 экз.) (Дударев 1999: 84).

В числе втульчатых бронзовых наконечников стрел новочеркасского типа в памятниках Ставропольской возвышенности зафиксированы две группы экземпляров (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12 — 9 экз. с лавролистной, ромбической и трапециевидной головками; находки на горе Стрижамент (поселение?) с трапециевидной головкой — 2 экз.).

Согласно морфологии пера, данные стрелы новочеркасского периода следует отнести к четырем типам второй подгруппы первой группы наконечников стрел по классификации С.Л. Дударева: II, III, IV, V.

Наконечник с ромбической головкой, имеющий длинную втулку — тип II по классификации С.Л. Дударева (тип I по А.И. Тереножкину) — 1 экз. (могильник № 1 Татарского городища, погребение 12 — комплекс не опубликован).

Аналогичные экземпляры найдены в могильниках Клин-Яр-III (случайная находка), на КМФ (погребение 14), хут. Кубанского (погребение 10), Станичном (г. Кисловодск), кладе с северо-западного склона г. Бештау в Пятигорске, кургане у ст. Некрасовской и др. (Дударев 1999: 87, рис. 18: 4—10).

Стрелы, имеющие листовидную форму пера с имитацией продолжения втулки — тип III, вариант 1 (по С.Л. Дудареву) (тип II по А.И. Тереножкину) — 4 экз. (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12). Подобные наконечники обнаружены в Геленджикских дольменах (курган 10, группа 2; курган 2, группа 3), курганах у ст. Некрасовской и Усть-Лабинской, могильнике Станичном, в окрестностях г. Кисловодска и др. (Дударев 1999: 87, рис. 18: 11—15, 17).

Образцы с удлиненной втулкой и пером трапециевидной формы — тип IV (по С.Л. Дудареву) — 4 экз. (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12 — 2 экз.; гора Стрижамент — 2 экз.). Размеры: Дл — 40 — 41 мм; наибольшая Ш пера — 10 мм; 11 мм; 11 мм (1 экз. фрагментирован) (Прокопенко, Кравцова 2018: рис. 1: 5, 7).

Такие стрелы характерны для колчанных наборов VIII — начала VII вв. до н.э. (Дударев 1999: 87—88, рис. 18). Например, они отмечены в погребальном инвентаре Симферопольского кургана (Мелюкова 1964: табл. 1: 6, 7). Наиболее близкими по форме наконечниками, выявленными в Предкавказье, являются экземпляры из Белореченского 2-го могильника (случайная находка) и из Станичного могильника (Кисловодск) (Козенкова 1995: 132, табл. II: 7, 14).

Наконечники с овально-ромбическими головками — тип V, вариант «а» (по С.Л. Дудареву) — 2 экз. (могильник № 2 Татарского городища, погребение № 12). Образцы этого типа найдены в курганах Уашхиту, у ст. Некрасовской и Усть-Лабинской, в кладе с г. Бештау, погребения у Кабан-горы, могильниках Белореченском 2-м, Станичном, Мугеранском, а также на территории Агачкалинского городища (Дударев 1999: 88, рис. 18, 22—26, 28—30). Все перечисленные находки датируются VIII — началом VII вв. до н.э.

Позднюю часть представленных стрел составляют наконечники горизонта «Жаботин» (конец VIII — первая половина VII в. до н.э.). Первую группу составляют бронзовые двулопастные втульчатые стрелы — отдел I, тип I (по А.И. Мелюковой) — крупные двулопастные наконечники с вытянутым ромбическим пером и втулкой с шипом (в отдельных случаях без шипа) (могильник № 1 Томузловского городища — 26 экз.; гора Стрижамент — 3 экз.).

Понятие «жаботинский тип наконечников стрел» было введено в научный оборот В.А. Ильинской. Исследователь в числе типологических признаков таких наконечников отметила: массивность, наличие двух лопастей, значительную (до 5 см) общую длину, асимметрично-ромбовидную форму пера, охватывающего длинную выступающую втулку до двух третей ее размера, наличие шипа (Іллінська 1973). Ею была намечена линия эволюции жаботинских наконечников с ромбическим пером и выступающей втулкой от асимметрично-ромбических (длинно-ромбических) наконечников типа Енджа (получивших название раннежаботинских), определив их связь с ранним этапом истории скифов в Северном Причерноморье, с формами наконечников, «принесенными из глубин Степного Востока» (Іллінська 1973: 17, 26).

В числе стрел, найденных в памятниках Ставропольской возвышенности, по форме пера и длине втулки выделяются семь вариантов:

1) перо симметрично-ромбической формы (максимальное расширение пера в средней части бойка); длинная втулка составляет практически ⅓ длины всего наконечника, длинный, плавно изогнутый шип прикреплен в верхней части втулки, в одном случае — к ее средней части (могильник № 1 Томузловского городища — 5 экз.) (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 2, 14, 15: 2, 17: 3, 7: 5, 3) — отдел 1, тип 1, вариант 1, согласно классификации А.И. Мелюковой (1964: 18, рис. 1) (рис. 1: 16—20). Размеры: Дл — 40, 42, 45, 46, 47 мм; максимальная Ш пера — 12 — 13 мм; Дл сохранившихся шипов достигает 15, 18, 19 мм, превышая длину втулки.

Подобные стрелы отмечены в инвентаре кургана 524 у с. Жаботин. Т.В. Рябкова крупные экземпляры с длинной втулкой включила в первую группу (рис. 1: 17—19); наконечники с меньшими размерами и более короткой втулкой (рис. 1, 16, 20) отнесла ко второй группе данного колчанного набора (Рябкова 2012: 348; 2014: 244). По сведениям исследователя, наконечники указанных параметров обнаружены в погребениях у Имирлера, Самтавро, Бажигана, слоях Богазкея, Тарса, Каман-Кале Хоюка, Дербента, хранятся в музеях Анатолии. Немногочисленные аналогии экземпляров меньших размеров — группы 2 (по Т.В. Рябковой) происходят из памятников Астраханского Заволжья, Нижнего Поволжья, Северского Донца (сборы Сибилева в Изюмском уезде), Ставрополья (мог. Красное Знамя, курган 9), Закавказья (Нонамме-Гора) и Передней Азии (Богазкей, Каман-Кале Хоюк) (Рябкова 2014: 244—245);

2) крупный экземпляр (могильник № 1 Томузловского городища) от отмеченных наконечников отличается размерами пера симметрично-ромбической формы и короткой втулкой (рис. 1: 15). Размеры: Дл — 49 мм; максимальная Ш — 21 мм; Дл втулки составляет 1/4 от длины наконечника; шип, прикрепленный в нижней части пера, сохранился частично (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1: 16);

Близкий по размерам экземпляр зафиксирован в кочевническом колчанном наборе VII в. до н.э. из погребения близ г. Амасья (Махортых 2021: рис. 2: 26);

3) с асимметрично ромбической формой пера (максимальная ширина пера смещена к острию), имеют укороченные втулки с шипом, длина которых составляет ¼ —⅙ длины наконечника (могильник № 1 Томузловского городища — 20 экз.; гора Стрижамент — 3 экз.) (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1: 21, 2: 1—7, 9—13, 16—18, 21—23, 5: 1, 2; Прокопенко, Кравцова 2020: рис. 1, 4, 7, 10). Размеры: Дл — 37, 38, 40, 48, 49, 50, 51, 52, 53 мм; максимальная Ш пера — 10 — 16 мм; Дл сохранившихся шипов — 12—15 мм (рис. 1: 5—7, 21—31, 2: 1—9).

Аналогичные наконечники зафиксированы в числе наконечников отмеченного комплекса Жаботин — группа 6, по Т.В. Рябковой (2014: 246, 252, рис. 1, 6). Подобные стрелы массово представлены в колчанном наборе из погребения 2, кургана 1 у с. Енджа. Три близких по форме экземпляра зафиксированы в комплексе предметов, найденном у хутора Алексеевский (Прокопенко 2018: рис. 1, 3, 6, 7). Типологические аналогии им также происходят из памятников

Северного Кавказа (Дербент, Сержень-Юрт, могильник Келермес), Закавказья (Самтавро, Норашен, Астхиблур). Интересно, что в келермесском наборе представлены сходные, но несколько более грацильные наконечники (Рябкова 2014: 246, рис. I.6: 2—8). Экземпляр с лопастями под срез втулки, найденный на горе Стрижамент (рис. 1: 7) близок подобным наконечникам из могилы 4 кургана Аржан-1 и Большого Гумаровского кургана (Рябкова 2014: рис. 1.6: 10, 11);

4) с пером асимметрично-ромбической формы, длинной втулкой (составляет ⅓ длины наконечника) без шипа (могильник № 1 Томузловского городища — 1 экз. (рис. 1: 14) — отдел 1, тип 1, вариант 4, по А.И. Мелюковой (1964: 18, рис. 1). Одна из лопастей декорирована тремя поперечными литыми рельефными полосками (рис. 1: 14). Размеры: Дл — 47 мм; максимальная Ш пера — 14 мм.

Аналогии представлены в наборе из кургана 524 могильника Жаботин — группа 5 наконечников согласно классификации Т.В. Рябковой (2014: 245, рис. 1: 5), а также в материалах курганов у с. Квитки, Ольшана, Белоградец в комплексе с новочеркасскими стрелами. Серия аналогичных наконечников выявлена в памятниках Северного Кавказа (Дербент; хут. Алексеевский; могильник Красное Знамя, курган 9; могильник Келермес, курганы 2—4 (раскопки Д.Г. Шульца); Клады, курган 41) и Закавказья и Малой Азии (Шеки — некрополь Йонджалы; Богазкей). Характерны они и для центральноазиатских памятников (Чиликты, курган 5; Большой Гумаровский курган, погребение 3; могильник Уйгарак, курган 39; могильник Айдынкуль I, курган 4; могильник Тыткескень, курган 56; Боровое-III; могильник Сакар-чага 6, курганы 3, 12, 20, 23) (Рябкова 2014: 246, 251, рис. 1, 5; Гасанов 2017: рис. 1: 8, 4: 11; Прокопенко 2018: рис. 1, 2);

5) с пером асимметрично-ромбической формы и укороченной втулкой без шипа (могильник № 1 Томузловского городища — 2 экз.; гора Стрижамент — 1 экз.) (рис. 1: 8, 12, 13). Размеры: Дл — 38, 48 мм, максимальная Ш пера — 13—14 мм; Дл втулки составляет ⅕—⅙ длины наконечника (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 2, 19, 20; Прокопенко, Кравцова 2020: рис. 1, 3) — отдел 1, тип 1, вариант 5, по А.И. Мелюковой (1964: 18, рис. 1). У двух наконечников нижние концы лопастей соединяются с втулкой под прямым углом, что сближает их с новочеркасскими образцами второй половины VIII — начала VII в. до н.э. (тип IV по С.Л. Дудареву).

Близкие по форме наконечники представлены в жаботинском колчанном наборе — группа 5, по Т.В. Рябковой (2014: 245). Подобные экземпляры с пером симметрично-ромбической или ассиметрично-ромбической формы представлены в материалах курганов у с. Квитки, Ольшана, Белоградец наряду с новочеркасскими наконечниками, а также на поселении Пожарная Балка. Аналогичные стрелы с незначительно выступающей втулкой зафиксированы в инвентаре погребения 1 кургана 2 могильника Енджа. Два таких же экземпляра представлены в комплексе предметов из хут. Алексеевский (Прокопенко 2018: рис. 1, 4). Подобные наконечники отмечены в Малой Азии (Нонамме-Гора), но более они характерны для центральноазиатских памятников (Чиликты, курган 5; Большой Гумаровский курган, погребение 3; могильник Уйгарак, курган 39; могильник Айдынкуль I, курган 4; могильник Тыткескень, курган 56; Боровое-III; могильник Сакар-чага 6, курган 3, 12, 20, 23) (Рябкова 2014: 246, 251, рис. 1, 5; Дараган 2015: 129, 132, ил. 2, 6);

6) крупные и средние наконечники с овальной головкой, имеющие втулку с шипом, составляющую ¼—⅕ длины всего наконечника — 9 экз. (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1, 8, 9, 14, 18—20) — отдел 1, тип 2, вариант 2, по А.И. Мелюковой (1964: 18, рис. 1). Шип прикреплен к верхней или к средней части втулки. Размеры: Дл — 38, 38, 39, 39, 44 мм; максимальная Ш — 11 — 13 мм (рис. 2: 16—21).

4 экземпляра имеют втулку с шипом, составляющую ¼—⅕ длины всего наконечника (1 экз. — заготовка с литником в верхней части) (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1: 9, 20, 5: 1, 2) — отдел 1, тип 2, вариант 2, по А.И. Мелюковой и В.И. Козенковой. Шип прикреплен к верхней части втулки. Размеры: Дл — 43, 45, 45, 49 мм (рис. 2: 18—21).

А.И. Мелюкова включила подобные стрелы в хронологические группы I (VII—VI вв. до н.э. — большая часть) и II (вторая половина VI — начало V в. до н.э. — единичные экземпляры) (Мелюкова 1964: 18, 21). По мнению Т.В. Рябковой, крупные образцы

относятся к 3 группе наконечников типа Жаботин (Рябкова 2014: рис. 1: 3). Один экземпляр найден в процессе исследования северо-западного сектора Краснознаменского кургана № 1 (Петренко 2006: 124, табл. 55: 14). Также, они отмечены в наборах из Богазкея и кургана 41 могильника Клады (Рябкова 2014: 250);

7) крупные наконечники, имеющие овальную головку, длинную втулку и шип, прикрепленный к верхней части втулки (в отдельных случаях — к средней части) — 1/1,5 — 6 экз. (рис. 2: 10—15) (Прокопенко, Рудницкий 2024: рис. 1: 3—7, 17, 21) — отдел 1, тип 2, вариант 2, по А.И. Мелюковой (1964: 18, рис. 1). Размеры: Дл — 39, 41, 42, 44, 47, 48, 50 мм; наибольшая Ш пера — 10 — 14 мм; длина сохранившихся шипов — 16, 17, 19 мм.

А.И. Мелюкова датировала такие стрелы VII—VI вв. до н.э. (1964: 18). Например, два аналогичных наконечника отмечены в инвентаре южной гробницы кургана № 1 Краснознаменского могильника (Петренко 2006: 128, табл. 54, 71). У ряда отмеченных экземпляров из могильника № 1 Томузловского могильника (рис. 2: 10—12) овальный абрис головки напоминает заоваленные лопасти стрел группы 1 жаботинских наконечников, по Т.В. Рябковой (2012: 348; 2014: 244). Возможно, овальность головки это результат заточки. Наиболее близким следует считать аналогичный наконечник, зафиксированный в колчанном наборе из кургана 524 у с. Жаботин из 3 группы, по Т.В. Рябковой (2012: 348, рис. 1: 19; 2014: рис. 1, 3). Также, они представлены в наборах кургана 406 могильника Журовка, курганов 2—4 Келермеса (раскопки Д.Г. Шульца) и др. (Рябкова 2014: 250, рис. 1, 3). Сходные экземпляры с овальной головкой и выделенной втулкой (без шипа) зафиксированы в захоронениях могильника № 1 Грушевского городища (юго-западные окрестности г. Ставрополя) (Козенкова 1995: 12).

Перечисленные предметы относятся к древностям горизонта Жаботин — концу VIII — первой половине VII в. до н.э. Аналогичные крупные наконечники с вытянутым ромбическим пером и укороченной втулкой с шипом представлены в колчанных наборах, выявленных в подкурганных захоронениях Северного Причерноморья (например, курган Енджа — Северная Болгария). Данные наконечники, согласно типологии А.И. Мелюковой, относятся к типу 1, наиболее раннему в ее первой хронологической группе (Мелюкова: 1964: 19, рис. 1, табл. 1: Г, 3).

С.В. Полиным были объединены раннежаботинские наконечники (типа Енджа) и позднежаботинские (типа Жаботин 524) в один тип «Енджа—Жаботин», при этом, подчеркивается их тесная связь с наконечниками IX — VIII вв. до н.э. типа Малой Цимбалки и Высокой Могилы. Как считает исследователь, наличие этой связи не позволяет считать наконечники типа «Енджа—Жаботин» инновацией VII в. до н.э. (Полін 1987: 20). В дальнейшем данная идея объединения наконечников типа Енджа и типа Жаботин в тип «Енджа—Жаботин» была поддержана М.Н. Дараган и В.А. Подобедом (Дараган, Подобед 2011: 564, 574).

Большинство исследователей относят жаботинский комплекс к докелермесскому периоду. Скифские наконечники из с. Енджа (Царев-брод) датированы В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным не позднее начала VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983: 19—20). В.Г. Петренко согласна с мнением А.И. Мелюковой о датировании таких удлиненно-ромбических экземпляров (типа «Енджа») началом — серединой VII в. до н.э. (Петренко 2006: 64). Я. Хохоровский связывает появление раннескифских находок (включая ромбические наконечники стрел из Енджи) «на пограничье Восточной и Центральной Европы» с рубежом VIII—VII вв. до н.э. (Хохоровский 2011: 9—10). С.А. Скорый отнес курган 524 у с. Жаботин к началу первой четверти VII в. до н.э., С.В. Полин его датирует VIII—VII вв. до н.э., М.Н. Дараган — периодом не позднее конца VIII в. до н.э. (Полін 1987: 22—23; Скорый 2003: 39—40; Дараган 2011: 572).

Т.В. Рябкова так же считает, что курган 524 у с. Жаботин по составляющим компонентам инвентарного набора может быть отнесен к тому же хронологическому пласту, к которому относятся такие широко известные памятники, как погребение 1 кургана 2 у с. Енджа; курган у с. Белоградец; курган у с. Ольшана; курган у с. Квитки; курганы 375 и 15 у с. Константиновка; погребение 1 кургана 4 могильника Холмский; курганы 1 и 2 могильника Хаджох I; курган 1 могильника Уашхиту I; курган у хутора Алексеевский; курган 9 могильника Красное Знамя; курган 41 могильника Клады; погребение 4 могильника Индустрия 1; погребение у восточного

подножия г. Бештау (Козьи Скалы); погребение 27 могильника Самтавро; погребения у Имирлера, в Норшунтепе и др. По мнению исследователя, материалы этого хронологического пласта представлены и в поселенческих памятниках: в горизонте Жаботин II Жаботинского поселения, горизонте А2 Западного Бельского городища, нижних слоях Дербентской крепости, в слоях, Богазкёя, Тарса, Каман-Кале Хоюка. При этом она относит время сооружения кургана 524 у с. Жаботин ближе к середине VIII в. до н.э. (Рябкова 2014: 276).

Результаты. В настоящее время на Ставропольской возвышенности пока не открыто комплексов, в которых наконечники новочеркасских типов сочетались бы со стрелами горизонта Жаботин. Либо представлены новочеркасские экземпляры (могильник № 2 Татарского городища, погребение 12), либо стрелы горизонта Жаботин (могильник № 1 Томузловского городища; могильник № 1 Грушевского городища; хут. Алексеевский). Группа наконечников, включающая экземпляры обеих групп, происходящая из района горы Стрижамент мало информативна, поскольку может состоять из находок на разных памятниках.

Набор стрел, характерных для различных хронологических периодов в материалах могильника № 1 Томузловского городища (восточная часть Ставропольской возвышенности) позволяет отодвинуть начало функционирования данного городища к IX — первой половине VIII в. до н.э. В западной части Ставропольской возвышенности пока не известно погребений со стрелами ранее середины VIII в. до н.э., хотя отдельные находки в регионе предметов и кладов, представляющих более ранние периоды, известны (клад бронзовых украшений с горы Стрижамент X — первой половины VIII в. до н.э.; биметаллический кинжал типа Лейбниц — северные окрестности г. Ставрополя и др.) (Мошинский, Скаков 2020: 178—179; Прокопенко 2021: 130—131).

Типологический анализ форм наконечников, происходящих из могильника № 1 Томузловского городища, позволяет определить основные векторы связей местной воинской культуры: северо-западное направление (Северное Причерноморье); северо-восточное (Южное Приуралье и Центральная Азия) и южное направление (Закавказье, Малая Азия). Возможно, это связано с особенностями расположения городища — поблизости от истоков р. Томузловки (широтное направление в сторону Прикаспия) и рядом с р. Калаус (меридиальное направление — в сторону Поволжья). Южнее памятника (недалеко) расположен район Кавминвод. На запад от Прикалаусских высот цепочкой протянулась Ставропольская возвышенность, что позволяло достаточно безопасно перемещаться в сторону Северного Причерноморья.

Найденная в могильнике № 1 Томузловского городища бронзовая заготовка двулопастного наконечника стрелы II типа, 2 варианта (по А.И. Мелюковой) VII — первой половины VI в. до н.э. (рис. 2: 21) свидетельствует о местном производстве (отливке) наконечников.

Литература

Гасанов З.Г. 2017. Двухлопастные втульчатые наконечники стрел скифского типа из захоронений Азербайджана и их связь с обрядом погребения Приаралья. *Мир Большого Алтая* 3 (4), 124—151.

Дараган М.Д. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи*. Киев: КНТ.

Дараган М.Н., Подобед В.А. 2011. Финал горизонта Жаботин II. Хронология горизонта Жаботин III. В: Дараган М.Н. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ, 563—589.

Дударев С.Л. 1999. *Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в до н.э.)*. Армавир: АГПИ.

Іллінська В.А 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія* 12, 13—26.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н.э*. Киев: Наукова думка.

Козенкова В.И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. Москва: Наука (САИ В2-5).

Козенкова В.И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. Москва: Наука (САИ В2-5).

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. 2020. Раннекобанский клад бронзовых предметов с г. Стрижамент (Ставрополье). *КСИА* 259, 164—184.

Найденко А.В., Прокопенко Ю.А. 1995. Археологические материалы Грушевского городища VIII—III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц). В: *Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции*. Ч. 1. Ставрополь: СГПИ, 24—36.

Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф (Corpus tumulorum scythicorumet sarmaticorum. Т. 1).

Полін С.В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія* 59, 17—36.

Прокопенко Ю.А. 2018. Комплекс предметов вооружения и конской упряжи раннескифской культуры, обнаруженный у хутора Алексеевский Ставропольского края. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 23. № 2, 17—32. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.2.

Прокопенко Ю.А. 2018а. Находки предметов вооружения и конской упряжи предскифского времени в окрестностях г. Ставрополя. *Oriental Studies* 3 (37), 23—36. DOI 10.22162/2619-0990-2018-37-3-23-36.

Прокопенко Ю.А. 2021. К вопросу о хронологии появления и жизнедеятельности анклава кобанской культуры на Ставропольской возвышенности. В: Малышев А.А., Скаков А.Ю. (отв. ред.). *Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Сборник статей Памяти доктора исторических наук Валентины Ивановны Козенковой*. Москва: Макс Пресс, 128—134. DOI: 10.29003/m2642.kchc/128-133.

Прокопенко Ю.А., Кравцова С.Л. 2020. Находки предметов эпохи бронзы и раннего железного века на склонах горы Стрижамент (Ставропольская возвышенность). В: *X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 23—25 октября 2020 г.)*. Краснодар: ИП Смородин, 319—329.

Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. 2024. Наконечники стрел предскифского, скифского и раннесарматского периодов из могильников Томузловского городища. В: Прокопенко Ю.А. (отв. ред.). *Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 17. Ставрополь: Печатный двор, 75—98.

Рябкова Т.В. 2012. Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин. В: Алешкин В.А. и др. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязного*. Кн. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 345—350.

Рябкова Т.В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Российский археологический ежегодник* 4, 236—296.

Скорый С.А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. 1963. *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья*. Москва: Наука.

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Хохоровский Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири в «культурный шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *Международный симпозиум «Terra Scythica», 17—23 августа 2011 г. Денисова пещера, Алтай*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 9—10.

References

Gasanov, Z.G. 2017. In *Mir Bol'shogo Altaya (The World of Greater Altai)* 3 (4), 124—151 (in Russian).

Daragan, M.D. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy lesostepi (The beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe)*. Kyiv: KNT (in Russian).

Daragan, M.N., Podobed, V.A. 2011. In: Daragan, M.N. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (The beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe)*. Kyiv: KNT, 563—589 (in Russian).

Dudarev. S.L. 1999. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Eevropy v predskifskuyu epokhu (IX — pervaya polovina VII v do n.e.) (Relationships between the North Caucasus Tribes and the Nomads of Southeastern Europe in the Pre-Scythian Period (9th — First Half of the 7th Century BCE))*. Armavir: AGPI (in Russian).

Illins'ka, V.A 1973. In *Arkheologiya (Archaeology)* 12, 13—26 (in Russian).

Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n.e. (Scythia of the 7th — 4th Centuries BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant (Typology and Chronological Classification of Koban Culture Objects. Eastern Variant)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources V2-5) (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1995. *Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoy kul'tury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant (Weapons, Military and Horse Equipment of the Koban Culture Tribes (Systematization and Chronology). Western variant)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources V2-5) (in Russian).

Moshinskiy, A.P., Skakov, A.Yu. 2020. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 259, 164—184 (in Russian).

Naydenko, A.V., Prokopenko, Yu.A. 1995. In: *Stavropol'skaya zemlya v proshlom i nastoyashchem. Materialy nauchnoy konferentsii (Stavropol land in the past and present. Proceedings of a scientific conference)*. Pt. 1. Stavropol: SGPI, 24—36 (in Russian).

Petrenko, V.G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogil'nik: elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamensky burial ground: elite burial mounds of the early Scythian era in the North Caucasus)*. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf (Corpus tumulorum scythicorumet sarmaticorum. T. 1) (in Russian).

Polin, S.V. 1987. In *Arkheologiya (Archaeology)* 59, 17—36 (in Ukrainian).

Prokopenko, Yu.A. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations)*. Vol. 23. No. 2, 17—32. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.2 (in Russian).

Prokopenko Yu.A. 2018a. In *Oriental Studies* 3 (37), 23—36. DOI 10.22162/2619-0990-2018-37-3-23-36 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2021. In: Malyshev, A.A., Skakov, A.Yu. (eds.). *Kobanskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v kontekste drevnostey Kavkaza. Sbornik statey Pamyati doktora istoricheskikh nauk Valentiny Ivanovny Kozenkovoy (Koban Cultural and Historical Community in the Context of the Antiquities of the Caucasus. Collection of Articles in Memory of Doctor of Historical Sciences Valentina Ivanovna Kozenkova)*. Moscow: Maks Press, 128—134. DOI: 10.29003/m2642.kchc/128-133(in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Kravtsova, S.L. 2020. In: *X "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyy Kavkaz v kontekste yevraziyskikh drevnostey. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (g. Anapa, 23—25 oktyabrya 2020 g.) (X "Anfimov Readings" on the archeology of the Western Caucasus. The Western Caucasus in the context of Eurasian antiquities. Proceedings of the international archaeological conference (Anapa, October 23—25, 2020))*. Krasnodar: IP Smorodin, 319—329(in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Rudnitskiy, R.R. 2024. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoy. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the History and Archeology of the North Caucasus and Adjacent Territories. Scientific almanac dedicated to the memory of the famous specialist in the history of the peoples of the North Caucasus, Doctor of Historical Sciences Tatyana Aleksandrovna Nevskaya. From the cultural history of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 17. Stavropol: Pechatnyy dvor, 75—98 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2012. In: Aleshkin, V.A. et al. (eds.). *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznogo (Steppe Eurasian Cultures and Their Interaction with Ancient Civilizations. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Bk. 2. Sainkt Petersburg: IIMK RAN, 345—350 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2014. In *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4, 236—296 (in Russian).

Skoryi, S.A. 2003. *Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa) (Scythians in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe (the Problem of Isolating the Iranian Ethnocultural Element))*. Kyiv: IA NANU (in Russian).

Smirnov, K.F., Petrenko, V.G. 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (Sauromatians of the Volga Region and Southern Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriytsy (Cimmerians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Khokhorovskiy, Ya. 2011. In: Molodin, V.I., Khansen, S. (eds.). *Mezhdunarodnyy simpozium "Terra Scythica", 17—23 avgusta 2011 g. Denisova peshchera, Altay (International Symposium "Terra Scythica", August 17—23, 2011. Denisova Cave, Altai)*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 9—10.

Рис. 1. Находки бронзовых наконечников стрел IX — первой половины VII в. до н.э.: *1* — западные окрестности г. Ставрополя (в 3-х км в сторону селения Новомарьевской); *2* — могильник № 1 Грушевского городища; *3* — могильник № 2 Татарского городища; *4* — гора Стрижамент; *5* — окрестности г. Армавира; *6* — могильник № 1 Томузловского городища; *7* — хутор Алексеевский; *8* — гора Бештау (северо-западный склон); *9* — погребение у горы Кабан-гора; *10* — могильник Станичный; могильник Клин-Яр III; Белореченский 2-й могильник; *11* — Змейское поселение; *12* — Серженьюртовское поселение; *13* — Бажиган; *14* — Затеречье (песчаные выдувы); *15* — Дербент; *16* — гора Верблюд; *17* — поселение Зольское-1; *18* — Агачкалнnское городище.

Fig. 1. Finds of bronze arrowheads of the 9th — the first half of the 7th century BCE: *1* — the western environs of Stavropol (3 km towards the village of Novomaryevskaya); *2* — burial ground No. 1 of the Grushevsky settlement; *3* — burial ground No. 2 of the Tatar settlement; *4* — Mount Strizhament; *5* — the vicinity of Armavir; *6* —burial ground No. 1 of the Tomuzlovsky settlement; *7* — Alekseevsky farm; *8* — Mount Beshtau (northwest slope); *9* — burial near Mount Boar Mountain; *10* — Stanichny burial ground; burial ground Klin-Yar III; Belorechensky 2nd burial ground; *11* — Zmeisky settlement; *12* —Serzhenyurt settlement; *13* — Bazhigan; *14* — Zerechye (sand blows); *15* — Derbent; *16* — Mount Verblyud; *17* — Zolskoye-1 settlement; *18* — Agachkalnsky settlement.

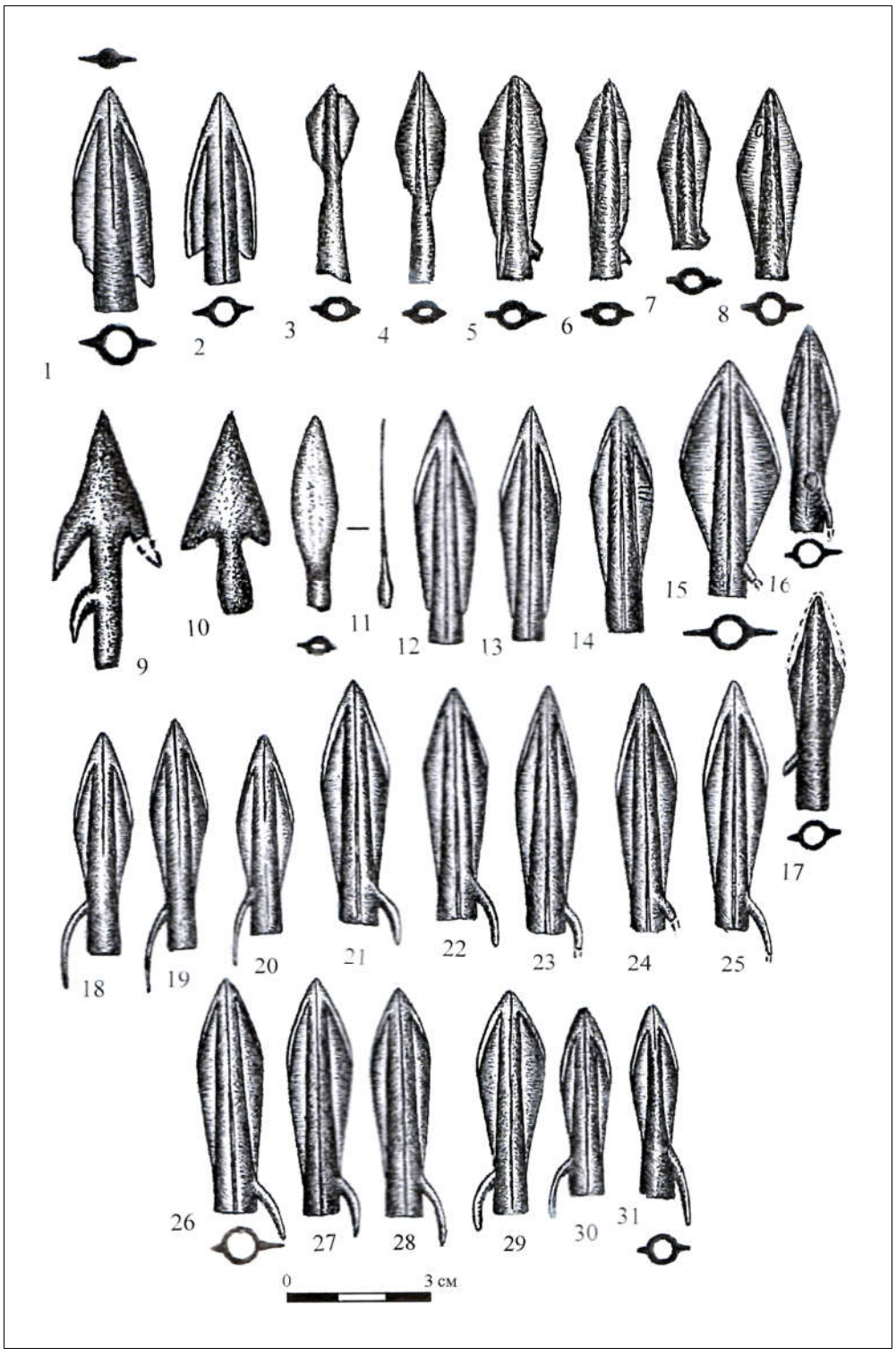


Рис. 2. Наконечники стрел IX — первой половины VIII — первой половины VII в. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности: *1—2, 12—31* — могильник № 1 Томузловского городища; *3—8, 11* — гора Стрижамент; *9* — Грушевское городище; *10* — западные окрестности г. Ставрополя (в 3-х км в сторону селения Новомарьевской). *9* — кость; остальные — бронза.

Fig. 2. Arrowheads 9th — the first half of the 8th — the first half of the 7th century BCE from the monuments of the Stavropol Upland: *1—2, 12—31* — burial ground No. 1 of the Tomuzlovsky settlement; *3—8, 11* — Mount Strizhament; *9* — Grushevsky settlement; *10* — the western environs of Stavropol (3 km towards the village of Novomaryevskaya). *9* — bone; the others are bronze.

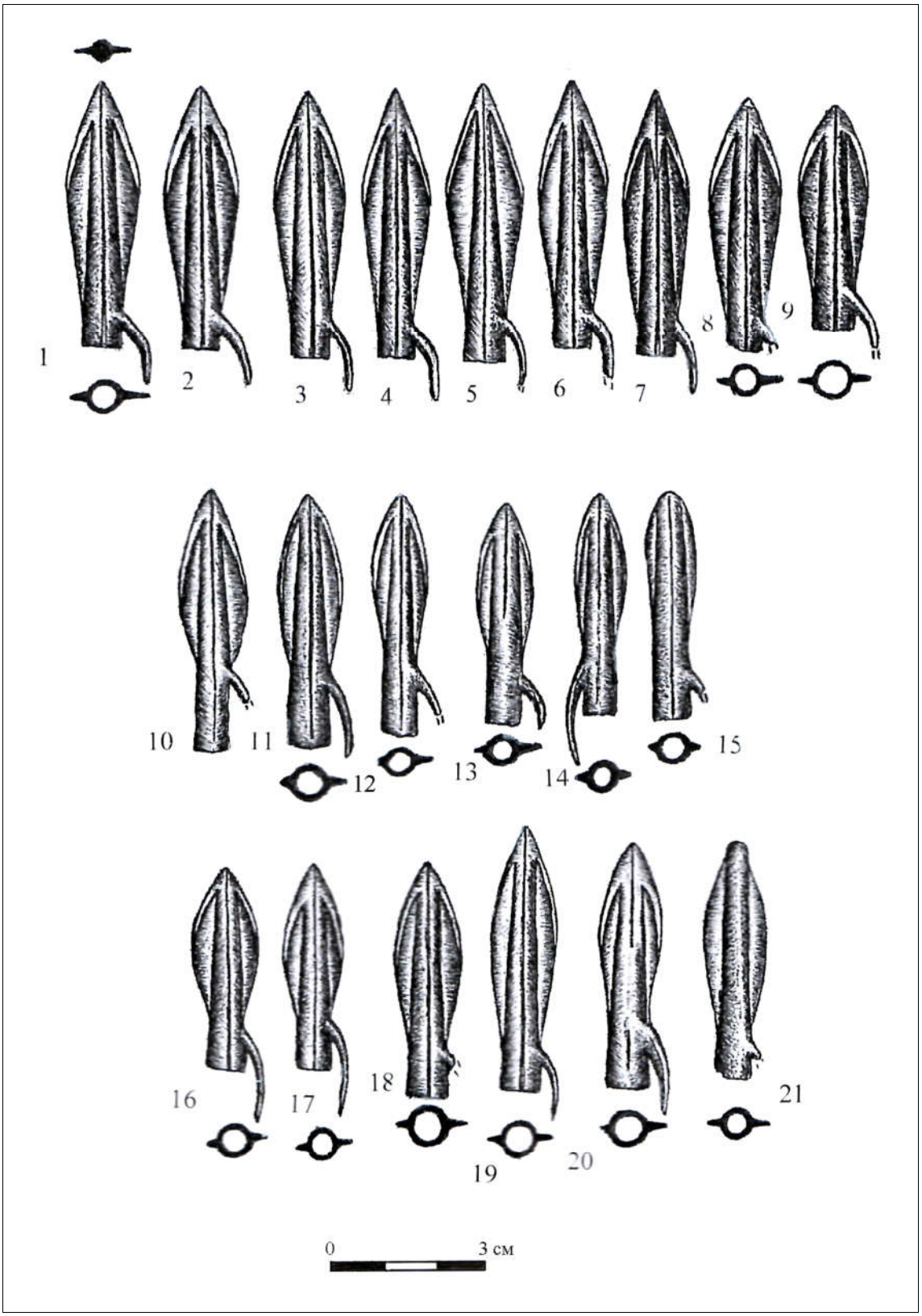


Рис. 3. Наконечники стрел конца VIII—VII вв. до н.э. из могильника № 1 Томузловского городища. Все — бронза.

Fig. 3. Arrowheads of the end of the 8th — 7th cc. BCE from the burial ground No. 1 of the Tomuzlovsky settlement. Everything is bronze.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.38.55.003

С.Б. Вальчак, С.Н. Разумов, К.А. Фролова, В.С. Синика

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА. Ч. 1*

В статье публикуются и анализируются погребения черногоровской культуры, изученные на левобережье Днестра. Все могилы датированы радиоуглеродным методом. Полученные даты показали, что захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры. Наличие «эффекта резервуара» для дат, полученных по костям взрослых людей, в большинстве случаев не подлежит сомнению. Его величина в настоящее время предварительно определена значением в 135 радиоуглеродных лет. Вполне вероятно, что радиоуглеродные даты, полученные для вытянутых на спине и боку предскифских погребений (не ранее середины VIII в. до н.э.), стали следствием резервуарного эффекта. Наиболее важным итогом работы стало значительное увеличение количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье.

Ключевые слова: Левобережье Днестра, предскифские погребения, радиоуглеродное датирование, вторая половина IX — первая половина VII в. до н.э.

Сведения об авторах: Вальчак Сергей Борисович[1], кандидат исторических наук, научный сотрудник скифо-сарматского отдела Института археологии РАН; Разумов Сергей Николаевич[2], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Фролова Ксения Александровна[3], научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Синика Виталий Степанович[4], доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: valchaks@yandex.ru; [2-4]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: [2]razum_22@mail.ru; [3]ksgo1997@vk.com; [4]sinica80@mail.ru.

S.B. Valchak, S.N. Razumov, K.A. Frolova, V.S. Sinika

NEW GRAVES OF THE PRE-SCYTHIAN TIME ON THE LEFT BANK OF THE DNIESTER. Pt. 1

The article publishes and analyzes the burials of the Chernogovka culture, studied on the left bank of the Dniester. All graves are radiocarbon dated. The obtained dates showed that the burials were made in the chronological range of the Pre-Scythian period, located on the chronological scale between the sites of the Late Bronze Age and the Early Scythian culture. The “reservoir effect” for dates derived from adult persons’ bones is, in most cases, undisputed. Its value is currently preliminary determined to be 135 radiocarbon years. It is likely that the radiocarbon dates obtained for Pre-Scythian graves laid on the back and side (no earlier than the middle of the 8th century BCE) were a consequence of the reservoir effect. The most important result of the work is a significant increase of quantity of funerary sites of the Pre-Scythian period in the North-West Black Sea region.

Key words: Left bank on the Dniester Region, Pre-Scythian graves, radiocarbon dating, the second half of the 9th — the first half of the 7th century BCE.

* Статья поступила в номер 6 января 2024 г.
Принята к печати 17 января 2024 г.

© С.Б. Вальчак, С.Н. Разумов, К.А. Фролова, В.С. Синика, 2024.

About the authors: Valchak Sergey Borisovich[1], Candidate of Historical Sciences, Researcher, Scythian and Sarmatian Department, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Razumov Sergey Nikolaevich[2], Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory "Archaeology", Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Frolova Ksenia Alexandrovna[3], Researcher, Laboratory "Archaeology", Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Sinika Vitalij Stepanovich[4], Doctor of Historical Sciences, Head of the Research Laboratory "Archaeology" Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko.

Contact information: [1]117292, Russian Federation, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; e-mail: valchaks@yandex.ru; [2-4]3300, Moldova, Tiraspol, Pokrovskaya St., 107, e-mail: [2]razum_22@mail.ru; [3]ksgo1997@vk.com; [4]sinica80@mail.ru.

Введение

С 1992 г. по настоящее время Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко проводятся масштабные раскопки курганов на левобережье Нижнего Днестра. Только в окрестностях с. Глиное Слободзейского р-на с 1995 г. по 2023 г. были исследованы 185 насыпей: 116 — на могильнике Глиное, 21 — в курганной группе «Водовод», 14 — в курганной группе «Сад», 10 — в курганной группе «ДОТ», 9 — в курганной группе «Север», 5 — в курганной группе «Сухая Балка», 3 — в курганной группе «Рыбхоз», 3 — в курганной группе «Кременная Балка», по 2 — в курганных группах «Клин» и «Плавни». Всего было изучено 844 погребения, которые были совершены в интервале IV тыс. до н.э. — XVIII в.

Многие десятки комплексов не содержали инвентаря, поэтому в силу различных причин (невозможность зафиксировать вид погребального сооружения; универсальность поз и ориентировок погребённых) отнесение этих захоронений не только к конкретной археологической культуре, но даже и к одной из эпох (энеолиту, бронзовому веку, раннему железному веку или к средневековью) являлось предположительным либо невозможным. В этой связи было принято решение датировать радиоуглеродным методом все такие погребения. С 2020 г. эта работа проводится в радиоуглеродных лабораториях Дебрецена (DeA), Киева (Ki), Познани (Poz) и Санкт-Петербурга (SPb). К настоящему времени получены сотни радиоуглеродных дат по костям человека, животных, дереву и древесному углю.

Одним из результатов этой работы стало датирование образцов из немногих погребений черногоровской культуры, содержавших инвентарь. Кроме того, были датированы захоронения без инвентаря или с невыразительными находками, культурно-хронологическая атрибуция которых была спорной либо невозможной. В результате среди последних были выявлены могилы предскифского времени. Было отмечено, что подобные погребения исследователями в лучшем случае в отчётах и публикациях записываются в неопределённые, а в худшем — атрибутируются без достаточных оснований, в том числе и для необоснованного увеличения источниковой базы памятников какого-то периода в различных регионах (Синика, Симоненко 2022).

В настоящей работе публикуются и анализируются 15 погребений черногоровской культуры и одна отдельная находка этого времени. Все захоронения были датированы радиоуглеродным методом. В одном случае это позволило выявить ошибку культурно-хронологической атрибуции, которая была допущена авторами первичной публикации.

Описание комплексов

1. Глиное 110/1

Курган 110 у с. Глиное располагался в 2,235 км к северу-северо-западу (358°) от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко в 2012 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбиты три бровки шириной 0,6 м по линии запад — восток (рис. 1: 1). Центральная бровка длиной 36 м, Северная и Южная бровки по 28 м. Расстояние между бровками по 5 м.

В кургане выявлены десять захоронений: два — усатовской культуры, четыре — ямной-культурно-исторической общности, одно — сабатиновской культуры, одно — белозерской культуры, одно — черногоровской культуры, и одно средневековое захоронение. Кроме того, в кургане была выявлена яма.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено на глубине 0,4 м в 1-ой Северной траншее в 2,45 м к северо-западу от R_0 (рис. 1: 2). Контуры погребального сооружения в насыпи не прослеживались.

Костяк мужчины (?) возрастом 20—30 лет (Разумов и др. 2013: 318, 332) обнаружен на глубине 0,5м, он лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, лежали параллельно друг другу.

Погребение безынвентарное.

2. Глиное/Водовод 21«А»/8

Курган 21 группы «Водовод» высотой 0,45 м от уровня древнего горизонта и диаметром до 19 м располагался в 4,681 км к северу-северо-востоку (15,42°) от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им Т.Г. Шевченко в 2021 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии север — юг, шириной по 0,6 м (рис. 3). Центральная бровка имела длину 40 м, западная и восточная — по 36 м. Расстояние между центрами бровок составляло по 6 м.

Исследования показали, что здесь первоначально находились две примыкающие друг к другу полами насыпи — курган «А» (северо-западный) и курган «Б» (юго-восточный).

Насыпь и погребённый чернозём кургана «А» были почти полностью уничтожены плантажной распашкой, лишь в центральной части на глубине 0,45 м от R_0 сохранился небольшой участок древней поверхности. В кургане «А» было обнаружено шесть округлых ям и 15 погребений: пять ямной культурно-исторической общности; одно — раннекатакомбной культуры, одно — ингульской катакомбной культуры; два сабатиновской культуры; два — черногоровской культуры; четыре средневековых. Курган был сооружён в раннем бронзовом веке над ямным погребением 14. Он был окружен кольцевым рвом. Была зафиксирована также кольцевая выемка диаметром около 21 м и шириной 5—6 м.

Курган «Б» был полностью снивелирован распашкой. В нём было обнаружено четыре погребения: одно — ингульской катакомбной культуры, два — днепро-прутской бабинской культуры, и одно — черногоровской. Диаметр кургана «Б» мог составлять около 10—11 м. Нумерация погребений общая для обоих курганов.

Погребение 8 (черногоровской культуры, впускное в кургане «А») обнаружено в 2 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,5 м от R_0. Южная часть захоронения разрушена средневековым погребением 7. Совершено в яме (рис. 4: 1, 2).

Яма прямоугольной формы, шириной 0,56 м и сохранившейся длиной 0,6 м, глубиной 0,55 м от R_0, была ориентирована длинной осью по линии север—юг.

Костяк взрослого человека возрастом 20—30 лет (Łukasik 2024d: 4) лежал на правом боку, с разворотом на грудь, головой на север-северо-запад. Череп лежал на правом виске. Сохранились только верхние части плечевых костей рук, которые, вероятно, изначально были вытянуты вдоль тела. Положение костей предплечий неизвестно. Скорченным или вытянутым было положение погребённого, достоверно установить не представляется возможным. Но судя по тому, что южнее ямы средневекового захоронения 7 остатки сооружения и кости ног погребения 8 не зафиксированы, наиболее вероятно, что последнее было скорченным.

Состав и расположение инвентаря. Между лицевой частью черепа и левым плечом стоял лепной сосуд (1).

Описание находки.

1. Лепной округлобокий горшок. Венчик утрачен. Дно с небольшими закраинами, слегка вогнутое; изнутри слегка выпуклое. Тесто с примесью шамота, мелкого песка. Цвет пятнами серовато-жёлтый, желтовато-серый, серый, чёрный. На внешней поверхности местами сохранился чёрный нагар. Поверхности шероховато-заглаженные. Диаметр шейки около 16 мм, тулова — 163 мм, дна — 94×99 мм. Сохранившаяся высота горшка 153 мм. Высота нижней части 80—85 мм. Толщина стенок 6—8 мм, в придонной части — до 10 мм. Толщина дна 15—16 мм; вогнуто до 1,5 мм, выпуклое изнутри до 1,5 мм (рис. 4: 3).

3. Глиное/Водовод 21«Б»/12а

Погребение 12а (черногоровской культуры, впускное в кургане «Б») обнаружено в 20 м к юго-востоку от R_0 (в центре кургана «Б») на глубине 0,84 м от R_0. Погребальное сооружение, по всей видимости, представляло собой подбой, впущенный в заполнение катакомбы ингульской катакомбной культуры (рис. 5: 1, 2).

Чуть выше дна камеры лежал костяк 1 — мужчины 35—45 лет (Łukasik 2024d: 5), в вытянутом положении на спине с разворотом на правый бок, головой на запад-юго-запад. Позвоночник изогнут, верхняя часть скелета по отношению к тазу смещена вправо. Левая рука слегка согнута в локте, кисть на левой бедренной кости. Правая рука вытянута, кисть на тазе. Ноги вытянуты, берцовые кости ног лежали параллельно, стопы сведены.

Погребение безынвентарное.

4. Глиное/Водовод 21«А»/17

Погребение 17 (черногоровской культуры, впускное в кургане «А») обнаружено в 2 м к северо-востоку от R_0. Совершено в подбое (рис. 6: 1, 2).

Входная яма подпрямоугольной формы зафиксирована на глубине 0,73 м от R_0, её размеры 2×0,7 м, глубина — 1,3 м от R_0.

К северу от входной ямы находилась погребальная камера подпрямоугольной формы, ориентированная по линии восток — запад, размерами 2,05×0,85 м по дну и глубиной 1,77 м от R_0. Прослежены остатки заклада входа в виде четырёх плах размерами около 0,5-0,55×0,1—0,15×0,03—0,04 м, установленных наклонно. Поверх плах, судя по светло-серому органическому тлену, были уложены стебли камыша. Свод камеры уплощённый, сохранился на высоту 0,44 м над дном.

На дне камеры под северной стенкой лежал костяк женщины 20—25 лет (Łukasik 2024d: 7) в вытянутом положении на правом боку с разворотом на спину, головой на запад. Руки были вытянуты вдоль тела, левая чуть согнута в локте, кисть на левой бедренной кости. Левая нога вытянута, стопа развёрнута вправо. Правая нога слабо согнута в колене вправо, стопа развёрнута вправо и находится рядом с левой стопой.

Погребение безынвентарное.

5. Глиное/ДОТ 7/11

Курган 7 группы «ДОТ» находился в 2,638 км к северу-северо-западу (355,64°) от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2021 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север—юг длиной 20 м и шириной 0,6 м (рис. 7). Насыпь и погребённый чернозём были полностью уничтожены плантажной распашкой.

В кургане было обнаружено 13 погребений: два усатовской культуры, одно — ямной культурно-исторической общности; одно — ингульской катакомбной культуры; четыре — днепро-прутской бабинской культуры; два — черногоровской культуры; три — средневековых.

Погребение 11 (черногоровской культуры, впускное) находилось в 7,5 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,45 м от R_0. Большей частью разрушено плантажной распашкой (рис. 8: 1).

Сохранились только лежавшие параллельно фрагментированные берцовые кости обеих ног взрослого человека возрастом более 20 лет (Łukasik 2024a: 1). Предположительно, он был положен вытянуто на спине, головой на запад.

Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

6. Глиное/ДОТ 7/12

Погребение 12 (черногоровской культуры, впускное) находилось в 7 м к северу-северо-востоку от R_0. Совершено в яме (рис. 8: 3, 4).

Яма трапециевидной формы размерами 2,35×0,45—0,8 м по дну и глубиной 0,72 м от R_0, ориентированная длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, была зафиксирована на глубине 0,65 м от R_0.

На дне камеры лежал костяк взрослого человека[1], в вытянутом положении на левом боку, головой на северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть прижата к левой бедренной кости. Правая согнута в локте под прямым углом, кисть у левого локтя. Ноги вытянуты, стопы сведены и развёрнуты влево.

У правого плеча найдены крестец и кость ноги мелкого рогатого скота[2] — остатки напутственной пищи.

Состав и расположение инвентаря. За теменем найдены два фрагмента керамики (1, 2), скорее всего, от одного сосуда.

Описание находок.

1. Фрагмент стенки лепного сосуда. Тесто с примесью шамота, включениями мелкого песка. Цвет серый, желтовато-серый, чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные. Размер фрагмента 79×50 мм. Толщина стенки 7—10 мм (рис. 8: 5).

2. Фрагмент стенки лепного сосуда. Тесто с примесью шамота, включениями мелкого песка. Цвет серый, желтовато-серый, чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные. Размеры фрагмента 67×61 мм. Толщина стенки 7—10 мм (рис. 8: 6).

7. Глиное/ДОТ 9/1

Курган 9 группы «ДОТ» находился в 3,013 км к северу-северо-западу (352,64°) от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2022 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии запад—восток шириной 0,6 м, длиной 20 м (рис. 9: 1).

[1] К настоящему времени антропологическое определение не проводилось.

[2] Кости животного после снятия из могилы сохранились в мелких фрагментах, поэтому его вид не был определён археозоологом.

Насыпь была полностью уничтожена распашкой. В кургане обнаружены четыре погребения ямной культурно-исторической общности и два захоронения черногоровской культуры.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северо-западу от R0 на глубине 1,03 м от R0. Впущено в заполнение основного погребения 2 ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 9: 2).

Костяк ребёнка возрастом 6—7 лет (Łukasik 2024a: 2) лежал слабо скорченно на левом боку, головой на запад. Левая рука вытянута, откинута в сторону и положена перед грудной клеткой. Правая рука вытянута, кисть лежала перед тазом. Ноги слабо согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах, берцовые кости срезаны входной ямой погребения 5.

Погребение безынвентарное.

8. Глиное/ДОТ 9/5

Погребение 5 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северу от R_0 на глубине 0,87 м от R_0. Совершено в подбое (рис. 10: 1, 2).

Входная яма подовальной формы размерами 1,85×0,7 м была ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Дно ямы наклонно спускалось к камере. У южной стенки ямы оно зафиксировано на глубине 1,8 м; перед ступенью, отделявшей входную яму от погребальной камеры — на глубине 1,91 м от R_0. Высота ступени 0,21 м.

Погребальная камера подтрапециевидной формы размерами 1,93×0,6—0,3 м и глубиной 2,12 м от R_0 располагалась параллельно камере и к северу от последней.

Костяк мужчины (?) возрастом 17—20 лет (Łukasik 2024a: 4) лежал вытянуто на левом боку с разворотом на спину, головой на юг-юго-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть прижата к левой бедренной кости. Правая была согнута в локте под тупым углом и кистью уложена на левое запястье. Ноги вытянуты, развёрнуты влево, стопы сведены, правая ступня лежала поверх левой.

Погребение безынвентарное.

9. Глиное/ДОТ 10/1

Курган 10 группы «ДОТ» находился в 4,086 км к северу-северо-западу (344,22°) от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2022 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии запад — восток шириной 0,6 м, длиной 20 м (рис. 11: 1).

Насыпь была полностью уничтожена распашкой. В кургане обнаружены два погребения ямной культурно-исторической общности, одно ингульской катакомбной культуры и два захоронения начала раннего железного века.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 1 м к северу от R_0 на глубине 0,6 м от R_0. Совершено в яме (рис. 11: 3, 4).

Яма подтрапециевидной формы с неровными стенками размерами 1,9×0,6—0,3 м, глубиной 0,84 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии запад—восток.

Костяк ребёнка возрастом 9—10 лет (Łukasik 2024a: 5) лежал вытянуто на правом боку головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть на левой бедренной кости. Правая была, вероятно, была откинута в сторону, к югу от тела. Ноги вытянуты, положены параллельно.

Среди костей скелета погребённого обнаружена правая плечевая кость (сохранилась дистальная часть) кряквы или пеганки.[3]

Погребение безынвентарное.

[3] Определение д-ра. биол. наук Н.В. Зеленкова (г. Москва, РФ). Поскольку сохранилась малодиагностичная дистальная (а не проксиматичная) часть кости, более точное определение невозможно.

10. Глиное/ДОТ 10/2

Погребение 2 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северу от R_0 на глубине 0,6 м от R_0. Совершено в яме (рис. 11: 2, 4).

Яма неправильной подпрямоугольной формы размерами 1,95×0,77 м, глубиной 0,76 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии запад—восток.

Костяк женщины (?) возрастом 25—35 лет (Łukasik 2024a: 6) лежал вытянуто на правом боку головой на запад. Левая рука была слабо согнута в локте, кисть на тазе. Правая рука прямая, откинута в сторону, к югу от тела. Ноги были слабо согнуты в коленях и завалены вправо.

Погребение безынвентарное.

11. Глиное/Рыбхоз 1/4

Курган 1 группы «Рыбхоз» располагался в 2,202 км к северо-востоку (43,30°) от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2019 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты пять бровок по линии запад — восток. Все бровки имели ширину по 0,6 м. Центральная бровка была длиной 40 м, I Северная и I Южная бровки были длиной по 36 м, II Северная и II Южная бровки — по 32 м (рис. 13). Насыпь была повреждена глубокой распашкой (до 0,4 м). Высота кургана от современной поверхности составляла 0,6 м. Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 0,7 м от R_0. В кургане обнаружено 24 погребения: 12 захоронений ямной культурно-исторической общности; одна могила ингульской катакомбной культуры; три погребения позднего бронзового века; три комплекса черногоровской культуры; одно скифское захоронение; четыре средневековых погребения.

Погребение 4 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 13 м к северу-северо-востоку от R_0, на глубине 0,63 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано (рис. 14: 1); предположительно, представляло собой подбой.

Скелет женщины возрастом 20—30 лет (Łukasik 2024b: 1) лежал вытянуто на правом боку, головой на северо-запад. Правая рука была слабо согнута в локте, положена вдоль грудной клетки, кисть перед тазом. Левая рука была согнута в локте под прямым углом, плечевая кость лежала поверх грудной клетки, кисть находилась под прямым углом к запястью у правого локтя. Ноги были скрещены в щиколотках, правая согнута в колене, завалена вправо. Левая нога прямая, её щиколотка лежала на правой. Под черепом была найдена кремневая галька (1).

Описание находки.

1. Галька речная без следов использования размерами 60×30×15 мм. Кремень жёлто-серый непрозрачный. Отдалённо напоминает профиль головы крупного копытного (коня?) (рис. рис. 14: 2).

12. Глиное/Рыбхоз 1/8

Погребение 8 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 7,5 м к северу-северо-востоку от R_0. Совершено в подбое (рис. 15: 1, 2). Погребальная камера частично перекрывала более раннее захоронение ямной культурно-исторической общности в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии запад—восток (захоронение 9).

Входная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами размерами 1×0,75 м и глубиной 1,14 м от R_0, была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток, зафиксирована на глубине 0,94 м от R_0.

К северу от входной ямы находилась *погребальная камера* неправильной подтрапециевидной формы размерами 1,1—0,5×0,9 м по дну и глубиной 1,33 м от R_0,

ориентированная по линии восток—запад. Свод камеры сохранился на высоту около 0,4 м над дном. От входной ямы камера отделена ступенькой высотой чуть более 0,2 м.

На дне камеры лежал костяк мужчины возрастом 20—35 лет (Łukasik 2024b: 2) в средне скорченном положении на левом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локте под прямым углом, запястье перекрывало локтевой сустав левой руки, которая была сильно согнута в локте под острым углом, а её кисть расположена у подбородка. Фаланги кисти левой руки перемещены землеройными животными в область таза. Бедренные кости располагались под прямым углом к оси позвоночника, берцовые были сильно согнуты под острым углом. Под правой кистью лежали кости овцы — тазовая бедренная и большая берцовая[4].

Под костяком отмечен слой коричневого органического тлена от подстилки размерами 1×0,5 м. Под тазом зафиксированы остатки кострища в виде округлого пятна золы и обожжённой глины диаметром около 0,25 м.

Состав и расположение инвентаря: перед костяком был зафиксирован тлен от пятиугольного в плане изделия из кожи размерами около 220×180 мм и толщиной около 10 мм, на нём и располагались кости животного. У шейных позвонков были найдены две бронзовые литые подвески, правая на черепе, а левая под ним (1, 2). У правого виска лежала бронзовая бляшка (3). За черепом погребённого найден астрагал (4)

Описание находок.

1. Бронзовая височная подвеска (правая). Подвес изготовлен из круглого в сечении, сужающегося к концу прута, спирально свёрнутого в неплотное кольцо в полтора оборота. На одном конце вертикально расположены три утолщения; два верхних — биконические, нижнее — шаровидное. Общие размеры изделия 26×14×15 мм. Диаметр кольца 14 мм. Диаметр прута 2,8—4 мм. Общая длина декоративного окончания 16 мм; диаметр утолщений 6 мм, 8×9 мм и 8×9 мм (рис. 15: 5).

2. Бронзовая височная подвеска (левая). Подвес изготовлен из круглого в сечении, сужающегося к концу прута, спирально свёрнутого в неплотное кольцо более одного оборота (часть кольца обломана). На одном конце вертикально расположены два утолщения; верхнее — биконическое, нижнее — шаровидное. Длина подвески 22 мм. Диаметр кольца 13 мм. Диаметр прута 3—3,5 мм. Общая длина декоративного окончания 10 мм; диаметр утолщений 6 мм и 8×9 мм (рис. 15: 6).

3. Бронзовая выпуклая бляшка. Круглая в плане, сегментовидная в сечении. Ушко литое, прямоугольное в сечении; расположено в одной плоскости с нижним срезом («скрытая петля»). Диаметр бляшки 13 мм, высота — 5 мм. Толщина пластины 2 мм. Размеры сечения ушка 3×2 мм (рис. 15: 4).

4. Астрагал овцы (левый)[5] размерами 34×21×18 мм (рис. 15: 3).

13. Глиное/Рыбхоз 1/14

Погребение 14 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 11,3 м к северо-востоку от R_0. Совершено в подбое (рис. 16: 1, 2).

Входная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами размерами 0,75×0,5 м и глубиной 1,29 м от R_0, ориентированная длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, была зафиксирована на глубине 1,1 м от R_0.

К северо-западу от входной ямы находилась *погребальная камера* неправильной подтрапециевидной формы размерами 0,67×0,4—0,6 м по дну и глубиной 1,45 м от R_0, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад. Свод камеры сохранился на высоту около 0,45 м над дном. От входной ямы камера отделена ступенькой высотой около 0,25 м.

На дне камеры лежал костяк ребёнка возрастом 2 года (Łukasik 2022: 1) в средне скорченном положении на левом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локте

[4] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).
[5] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.

под прямым углом, кисть на левом локтевом суставе (разрушена). Левая рука, вероятно, лежала перед грудной клеткой, была согнута в локте под острым углом, кисть могла находиться у подбородка (смещена норой). Бедренная кость левой ноги находилась под прямым углом к позвоночному столбу, берцовые кости — под острым углом к ней. Кости правой ноги были плотно прижаты друг к другу, находились под острым углом к позвоночному столбу и перекрывали верхнюю часть левой бедренной кости. Какой-либо тлен под скелетом и вокруг него не зафиксирован.

Состав и расположение инвентаря. Перед костяком между тазом и грудной клеткой находилось скопление из шести овечьих астрагалов (4). У лобной кости была найдена бронзовая подвеска (1). У черепа лежали бронзовые височные кольца (2, 3), одно из них близ правой ключицы, другое — под черепом.

Описание находок.

1. Бронзовое кольцо-подвеска с заходящими друг за друга концами. Изготовлена из круглого в сечении прута, свёрнутого в кольцо в 1,25 оборота. Диаметр подвески 7,5×6 мм, прута — 1,5 мм (рис. 16: 5).

2. Бронзовое височное кольцо-подвеска с заходящими друг за друга концами (у затылка). Изготовлено из круглого в сечении прута, свёрнутого в неплотное кольцо в 1,2 оборота. Торцы прута уплощены, как бы обрублены. Диаметр кольца 19 мм, прута — до 4 мм (рис. 16: 4).

3. Бронзовое височное кольцо-подвеска с заходящими друг за друга концами (под нижней челюстью). Изготовлено из круглого в сечении прута, свёрнутого в неплотное кольцо в 1,2 оборота. Торцы прута как бы обрублены; один торец уплощён, другой подтреугольный в продольном сечении. Диаметр кольца 19 мм, прута — до 4,5 мм (рис. 16: 3).

4. Шесть овечьих астрагалов[6] (три правых и три левых). Размеры от 28×20×19,5 мм до 38×25×22,5 мм (рис. 16: 6—11).

14. Глиное/Рыбхоз 3/4

Курган 3 группы «Рыбхоз» высотой 3,6 от уровня древнего горизонта и диаметром 61 м располагался в 2,217 км к северу-северо-западу (54,99°) от пересечения шоссе Тирасполь—Днестровск с дорогой, ведущей из с. Глиное Слободзейского района в Первомайск. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2021 г.

Курган раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты семь бровок по линии север — юг. Ширина всех бровок составляла 1 м. Центральная бровка имела длину 60 м, I Западная и I Восточная бровки — по 56 м, II Западная и II Восточная — по 52 м, III Западная и III Восточная — по 48 м. Высота кургана от современной поверхности составляла 3,55 м. Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 3,6 м от R_0.

В кургане № 3 группы «Рыбхоз» исследованы 135 погребений: 18 — ямной культурно-исторической общности, 5 — ингульской катакомбной культуры, 14 — сабатиновской культуры, 2 — черногоровской культуры, 1 — скифское, 5 — золотоордынского времени, а также 90 могил татарского кладбища XVIII в. В кургане был изучен и связанный с основными погребениями ямной культурно-исторической общности ров сложной конфигурации (рис. 17).

Погребение 4 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 4 м к востоку-юго-востоку от R_0 на глубине 0,98 м от R_0. Совершено в яме с уступом, сооружение прослежено частично (рис. 18: 1, 2).

Ширина прямоугольного уступа около 1 м, длина неизвестна. В восточной части уступа и в заполнении ямы прослежены остатки поперечного перекрытия из плах шириной до 0,1 м.

[6] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.

Под плахами зафиксирован светло-серый органический тлен от циновки. Размеры прямоугольной ямы около 2×0,8 м, глубина — 1,24 м от R_0.

Костяк взрослого человека возрастом более 20 лет (Łukasik 2024b: 4) сильно разрушен норами, *in situ* сохранились кости ног и таза, фрагменты костей руки. По всей видимости, погребённый лежал в вытянутом положении на левом боку, головой на запад. Под костями прослежены остатки подстилки в виде коричневого органического тлена размерами около 1,8×0,65 м.

Погребение безынвентарное.

15. Глиное/Рыбхоз 3/19

Погребение 19 (черногоровской культуры, впускное) находилось в 5 м к югу-юго-востоку от R_0 на глубине 0,65 м от R_0. Контуры погребального сооружения проследить не удалось (рис. 18: 7).

Костяк взрослого человека возрастом 20—35 лет (Łukasik 2022: 5) сильно разрушен норами, *in situ* сохранились отдельные кости черепа и стоп, фрагменты рёбер и позвонков. Вероятно, погребённый лежал в средне скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Под костями прослежены остатки подстилки в виде коричневого органического тлена размерами около 1,2×0,6 м.

Погребение безынвентарное.

16. Глиное/Рыбхоз 3 — находка в насыпи

В 17 м к востоку-северо-востоку от R_0 на глубине 2,69 м от R_0 найдена бронзовая бляха. Яма не прослежена.

Описание находки.

1. Бронзовая литая бляха-пуговица. Округлая в плане. Сегментовидная в сечении, с узкими уплощёнными полями по краю. Ушко цельнолитое, в виде перекладины круглой в сечении; расположено внутри полусферы. На внешней поверхности бляхи имеется сквозное отверстие асимметричной формы — литейный брак. Диаметр бляхи 31,5×28,3 мм. Высота дуги изделия по внешней поверхности 8,3 мм. Диаметр сечения перекладины в средней части 4 мм. Толщина корпуса 1,3—3,3 мм (рис. 18: 3).

Анализ обряда и инвентаря

Погребения предскифского периода на юге Восточной Европы в большинстве случаев являются впускными в курганы эпохи бронзы. Достаточно часто такие погребения встречаются в нескольких курганах отдельной группы или могильника. Кроме того, нередко несколько погребений предскифского периода, обычно два-три, впускались в насыпь одного кургана. С одной стороны, они могли быть совершены независимо друг от друга, различными коллективами предскифского населения, последовательно и на протяжении всего предскифского периода. С другой стороны, в случаях компактной локализации нескольких погребений в насыпи одного кургана, особенно при значительном сходстве погребального обряда, они могли быть совершены небольшим родственным коллективом в относительно короткий промежуток времени (Вальчак 2024).

В рассматриваемых нами случаях в *группе Глиное/Водовод* три погребения совершены в двух примыкающих друг к другу курганах, в одном из которых (курган 12«А») открыто два погребения (8 и 17) в центральной части насыпи, с существенными отличиями в погребальном обряде.

В *группе Глиное/ДОТ* шесть погребений открыты в трёх близко расположенных друг к другу курганах, по два погребения в каждом из них. В кургане 7 расположены погребения 11 и 12, перекрывая друг друга. В кургане 9 два отличающихся по обряду погребения 1 и 5 расположены в непосредственной близости в центральной части насыпи. В кургане 10 практически аналогичные по обряду погребения 1 и 2 расположены рядом в центре насыпи.

В *группе Глиное/Рыбхоз* в двух курганах были раскопаны пять предскифских погребений в двух курганах. В кургане 1 три погребения (4, 8 и 14) составляли компактную группу в северной части насыпи. Погребения 8 и 14 чрезвычайно близки по обряду и расположены на оси запад-восток по отношению друг к другу. В кургане 3 два погребения (4 и 19) находились центральной части кургана.

Применение естественно-научных методов датирования позволяет не только атрибутировать безынвентарные погребения, но и получить, пусть и в достаточно широком диапазоне, их абсолютные даты, зачастую отличающиеся от принятых археологических датировок. Сопоставление данных топографии и стратиграфии расположения погребений в курганах с полученными с помощью радиоуглеродного датирования результатами, вероятно, позволит, в некоторых случаях, установить интервал и последовательность совершения захоронений.

Всё многообразие признаков погребального обряда предскифского периода, а в рассматриваемых случаях именно тех, которые описывают конструкции погребальных сооружений и положение частей скелета погребённых, в разных сочетаниях и разном количестве встречается на всём протяжении степей юга Восточной Европы — от Дунайско-Днестровского междуречья до Волго-Уральского. Такая ситуация была отмечена достаточно давно (Гошко, Отрощенко 1986: 168—181), не изменилась она и в наши дни (Вальчак и др. 2019: 162—165; Вальчак 2024). Большее или меньшее количество устойчивых сочетаний этих признаков, наблюдаемое в том или ином регионе, скорее всего, обусловлено неравномерностью исследования различных территорий и случайностью выборки предскифских погребений из различных курганных могильников, особенно раскопанных не полностью. На сегодняшний день, как представляется по сочетанию таких признаков в погребальных комплексах, отсутствуют убедительные аргументы для обоснованного выделения каких-либо локальных групп погребальных памятников предскифского периода.

Кроме того, многие из таких признаков оказываются универсальными и характерными для погребального обряда других хронологических эпох (Каменецкий 1983: 232—243; 1986: 141—156), что затрудняет культурную атрибуцию погребальных комплексов, в которых инвентарь малоинформативен или вообще отсутствует. Присущие предскифскому погребальному обряду признаки и были некогда выделены по их встречаемости с предметами погребального инвентаря, отличными от характерных для более ранних и более поздних археологических культур (Тереножкин 1976: 90—92, 199). Именно на основании некоторых категорий погребального инвентаря, в первую очередь, оказывается возможным сколько-нибудь обоснованное выделение локальных и хронологических групп предскифских памятников (Дубовская 1989: 63—68; 1994: 15—27; Бокий и др. 1991: 176—182; Дубовская, Подобед 1996: 102—109).

Насколько тот или иной вариант формального признака погребального обряда, например, положение какой-либо из конечностей погребённого, был преднамеренным и значимым для совершавших захоронение, судить сложно. Возможно, при анализе совокупности погребений с информативным инвентарём, некоторыми из них можно и пренебречь, допустив обобщения (Каменецкий 1986: 137, 138). Но может возникнуть ситуация, когда при дальнейшем накоплении материала значимость какого-либо из признаков существенно повысится. Кроме того, каждый из вариантов формального признака может оказаться значимым для сравнения с хорошо атрибутируемыми погребальными комплексами и определения культурно-хронологической позиции безынвентарного погребения.

Погребения *Глиное/Водовод 21/8, Глиное/ДОТ 9/1, 10/1, 10/2, Глиное/Рыбхоз 3/19* были совершены *в прямоугольных и подпрямоугольных ямах* или в прямоугольных ямах с закруглёнными углами. Сами по себе все значения признака «форма могильной ямы», за редким исключением, универсальны и встречаются в культурах широкого хронологического диапазона. Подобные погребальные сооружения являются одними из самых распространённых в предскифский период на всей территории юга Восточной Европы.

Погребения *в подпрямоугольных ямах с уступом по периметру*, как в *Глиное/Рыбхоз 3/4*, встречаются среди предскифских захоронений редко. На уступах обычно фиксируются

следы поперечных перекрытий ямы деревянными плахами, брусьями и т.п. Наиболее близкими по обряду можно считать погребения Васильевка 1/8 в Присивашье и Дмитрово 1/1 в верховьях Ингульца (Махортых 2005: 319, 327, рис. 61: 10; 79: 8).

Погребение *Глиное/ДОТ 7/12* было совершено *в трапециевидной яме*. Такие ямы крайне немногочисленны в предскифское время. В частности, яма трапециевидной формы отмечена в могиле Киркаешты 2/6 на правобережье Нижнего Днестра, с ориентированным на восток и вытянутым на спине погребённым (Махортых 2005: 337, рис. 99: 1). Несколько напоминает трапециевидную форму яма захоронения Саицы 5/9 также на правобережье Нижнего Днестра, с ориентированным на запад и вытянутым на спине погребённым (Махортых 2005: 356, рис. 135: 7). На левобережье Среднего Днестра в трапециевидной яме было совершено только одно погребение — Мокра 1/10. Её длинная ось была ориентирована по линии север-северо-запад — юг-юго-восток; погребённый лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-запад[7]. Кроме того, в яме правильной трапециевидной формы было совершено погребение Васильевка 1/25в Северо-Восточном Приазовье (Махортых 2005: 320, рис. 62: 1).

Погребения в подбоях в предскифское время достаточно многочисленны и широко распространены в памятниках Северного Причерноморья (Гошко, Отрощенко 1986: 174—175; Махортых 2005: 54—55, 98), но они известны и в предыдущий период[8]. По подсчётам С.В. Махортыха, в Северном Причерноморье насчитывалось около 21% подбойных погребений предскифского периода (Махортых 2005: табл. 16; 21; 25; 29; 33; 36). На самом деле, в предскифских памятниках на всём пространстве юга Восточной Европы их намного больше, учитывая выявленные характерные признаки конструкции погребальных камер и зачастую плохо прослеживаемые входные ямы в насыпях курганов (Гошко, Отрощенко 1986: 173, 174).

Заклад входа в камеру подбоя деревянными плахами, жердями, брёвнами и т.п., поставленными наклонно или вертикально, как в могиле *Глиное/Водовод 21/17*, применялся в погребениях предскифского времени, вероятно, намного чаще, чем это прослежено при раскопках. Территориально наиболее близкими являются подобные конструкции в захоронениях Ивановка 4/1 на правобережье Южного Буга, Каменка II 5/15 и Пришиб 4/25 на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 334, 340, 352, рис. 91: 5; 105: 1; 128: 1). Таким образом, конструкции погребальных сооружений *Глиное/Водовод 21/12а, 21/17, Глиное/ДОТ 9/5, Глиное/Рыбхоз 1/4, 1/8, 1/14* не противоречат их атрибуции как предскифских.

Вытянутое положение на спине с западной ориентировкой (*Глиное 110/1, Глиное/ДОТ 7/11*) было характерно для позднейших, новочеркасских (позднечерногоровских) захоронений предскифского периода, а также для погребений раннескифского времени. Такие захоронения совершены как в ямах различных форм, так и в подбоях. Вариации положения погребённого наблюдаются в отклонениях от строго западной ориентировки, в небольшой согнутости рук в локтевых суставах, в параллельном расположении или в сведении ног у коленных суставов или у ступней.

Наиболее близкое отмеченному в захоронении Глиное 110/1 положение погребённых зафиксировано в следующих предскифских комплексах Северного Причерноморья: Урсоая1/4 на правобережье Нижнего Днестра (Махортых 2005: 364, рис. 150: 7; Вальчак и др. 2011: 38—42, рис. 1); Привольное 3/1 на левом берегу Ингула (Махортых 2005: 352, рис. 128: 1); Зелёный Луг 3/6 (Махортых 2005: 331, рис. 88: 1) и Васильевка 1/8 (Махортых 2005: 319, рис. 61: 10) на левобережье Нижнего Днепра; Дмитрово1/1 на правобережье Нижнего Днепра

[7] Раскопки 1994 г. д-ра. ист. наук Е.В. Ярового. Отчёт о раскопках кургана у с. Мокра, сданный в архив Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, оказался подложным (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 60). Сохранилось описание могилы, а также антропологические материалы, которые были датированы радиоуглеродным методом.

[8] Могилы в подбоях широко распространены в днепро-прутской бабинской культуре переходного периода от среднего к позднему бронзовому веку (Дворниченко 1968: 5—15; Шарафутдинова 1982: 48—51, 141; Савва 1992: 71; Литвиненко 2009: 8—9). Что касается белозёрской культуры, то В.В. Отрощенко пришел к выводу, что «носители белозерской культуры не хоронили своих умерших ни в подбоях, ни в катакомбах» (Отрощенко 2001: 191). Эта точка зрения подтверждается исследованиями новых материалов из Северо-Западного Причерноморья (Вальчак и др. 2020: 80—82; Valchak et al. 2020: 362).

(Махортых 2005: 327, 328, рис. 79: 8); Васильевка 1/25 в Северо-Восточном Приазовье (Махортых 2005: 320, рис. 62: 1); Танковое 9/6 у Перекопа в Крыму (Махортых 2005: 363, рис. 149: 1); Луговое 2/2 в Восточном Крыму (Махортых 2005: 343, рис. 108: 1). Аналогичное положение (на спине, с западной и юго-западной ориентировкой) встречается на Нижнем Дону в погребениях, обычно датируемых последней четвертью VIII — VII в. до н.э.: Кастырский VI 1/17 (Лукьяшко 1999: 48, рис. 33) и Романовская II 1/1 (Копылов, Лукьяшко 1995: 144, рис. 9: 1, 2). Встречаются подобные погребения и в предскифских памятниках левобережья Волги: Меркель G2/1 и Боаро 4/3 (Синицын 1947: 74, 75, 78, рис. 47, табл. VII: 1).

Северная ориентировка в погребениях предскифского периода, в том числе и с небольшими отклонениями (как в могиле *Глиное/Водовод 21«А»/8*) встречается редко, в основном как заметное отклонение при восточном и западном направлении. Отмечена она как у скорченных, так и у вытянутых на спине или боку погребённых. На левобережье Среднего Днестра, как отмечалось выше, северная ориентировка (с незначительным отклонением к западу) была отмечена в предскифском захоронении Мокра 1/10.

Учитывая фрагментарность могилы Глиное/Водовод 21«А»/8, очень важным для её интерпретации является факт находки глиняного сосуда у плеча, перед лицевой частью черепа. Такое расположение различных сосудов было отмечено как одно из характерных для предскифских погребений, вне зависимости от ориентировки и конструкции погребальных сооружений. Чаще всего подобным образом сосуды устанавливались в захоронениях близ скорченных погребённых (Полидович 2005: 199, 203, 204, рис. 1: 2а).

Утраты в верхней части не позволяют найти сосуду точные аналогии. Его особенностями являются округлое тулово и вогнутое дно с небольшими закраинами. Близкие признаки имеются у сосудов из предскифских погребений Гура-Быкулуй 1/5 на правобережье Нижнего Днестра и Красное 1/7 на левобережье Нижнего Днестра, Пришиб 41/2 на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 327, 340, 353, рис. 38: 1, 2, 5). Довольно многочисленны сосуды с подобными признаками в памятниках северо-восточной группы (по О.Р. Дубовской). Например, они известны в захоронениях Подгорный 4/1 (Мамонтов 1999: 50, рис. 2: 1), Рясни-I 1/8 и Солёнка-I 6/1 (Лукьяшко 1999: 66, 73, 74, 166—169, рис. 53; 61). Следует отметить, что *помещение в погребения кухонной керамики* (именно таким, судя по наличию нагара, является сосуд из могилы *Глиное/Водовод 21«А»/8)*, характерно преимущественно для памятников Волго-Донского региона, в более западных памятниках (в Северном Причерноморье) это явление наблюдается преимущественно в погребениях позднего этапа предскифского периода (Дубовская 1997: 191).

Наиболее близкими по расположению сосудов (а иногда и по ориентировке) захоронению Глиное/Водовод 21«А»/8 можно считать погребения Рошканы 3/4 на правобережье Нижнего Днестра и Красное (Григориопольского р-на) 5/3 на левобережье Нижнего Днестра (Махортых 2005: 340, 355, рис. 105: 4; 135: 1), Павловка 2/3 на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 349, рис. 123: 1), Колпаковка XXVI 4/1 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 338, рис. 100: 3), Весёлая Долина1/2 на правобережье Северского Донца (Махортых 2005: 321, рис. 67: 1).

Положение скелетов в погребениях *Глиное/Водовод 21«Б»/12а (вытянуто на спине с разворотом на правый бок)* и *Глиное/Водовод 21«А»/17 (вытянуто на правом боку с разворотом на спину)* характерно для новочеркасских (позднечерногоровских) захоронений предскифского периода, а также раннескифских могил. Их устраивали в ямах овальной и подпрямоугольной форм, но чаще в подбоях. Вариации положения погребённого наблюдаются в отклонениях от строго западной ориентировки, положении кистей правой или левой рук относительно костей таза и положения ног.

Среди более-менее близких по положению и ориентировке к погребению Глиное/Водовод 21«Б»/12а можно упомянуть следующие захоронения: № 3 кургана «Могила» на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 341, рис. 107: *1*), Малокатериновка 2/8 (Махортых 2005: 344, рис. 112: 1) и Большемихайловка 1/1 (Покровского р-на Днепропетровской обл.) на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 317, 318, рис. 54: 8). Кроме упомянутых, для

захоронения Глиное/Водовод 21«А»/17 можно отметить сходство с могилами Буторы I 14/6 на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 83, 84, рис. 59), Костычи 2/2 на правом берегу Южного Буга (Махортых 2005: 338, 339, рис. 103: 1), Софиевка 40/5 на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 360, 361, рис. 144: 10), Клунниково 6/1 на правобережье Северского Донца (Махортых 2005: 337, рис. 99: 6).

Положение погребённых на левом боку с ориентировкой на восток с отклонениями в погребениях *Глиное/ДОТ 7/12 и 9/5* встречается в позднейших, новочеркасских (позднечерногоровских) захоронениях предскифского периода, а также в раннескифских погребениях, но значительно реже, чем с ориентировкой в западный сектор. Их совершали как в ямах овальной, подпрямоугольной и подтрапециевидной форм, так и в подбоях. Вариации наблюдаются в существенно заметных и разнообразных отклонениях от строго восточной ориентировки, положении кистей правой или левой рук относительно костей таза и положения ног. Набор вариантных признаков положения рук и ног скелетов полностью аналогичен вытянутым погребениям с западной ориентировкой.

Наиболее близкими по положению погребённых в двух указанных выше захоронениях могут считаться две могилы Северного Причерноморья: Днепровка 1/14 и Первомаевка 3/4 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 328, 350, рис. 81: 5; 124: 4). Из памятников Волго-Донского региона можно упомянуть погребения Криволиманское I 12/4 (Лукьяшко 1999: 80, рис. 67) и Цаца 10/7 (Шилов 1962: 131).

Находка фрагментов керамического сосуда в захоронении *Глиное/ДОТ 7/12* соответствует наиболее часто встречающейся в Северном Причерноморье позиции размещения посуды в предскифских комплексах с вытянутыми на боку скелетами (Полидович 2005: 203, рис. 2: 1а).

Положение на правом боку с западной ориентировкой в захоронениях Глиное/ДОТ 101 и 10/2 так же характерно для памятников новочеркасского этапа предскифского периода, как и вытянутых на спине (Тереножкин 1976: 98). Формальный набор признаков погребального обряда, таких как положение рук и ног, в обоих положениях скелета может варьироваться в каждом отдельном случае.

Положение ног в погребении Глиное/ДОТ 10/1 близко к упоминавшимся захоронениям Большемихайловка 1/1 (Махортых 2005: 317, 318, рис. 54: 8) и Софиевка 40/5 (Махортых 2005: 360, 361, рис. 144: 10). К положению ног и левой руки в погребении Глиное/ДОТ 10/2 близки комплексы Буторы I 14/6 (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 83—84, рис. 59) и Костычи 2/2 (Махортых 2005: 318, 338, рис. 57: 6; 103: 1), к положению ног и правой руки — могила Зольное 1/10 в Крыму (Махортых 2005: 333, рис. 92: 1); во всех трёх случаях (Буторы I 14/6, Костычи 2/2, Зольное 1/10) погребённые расположены на спине и ориентированы в западный сектор. Откинутая в сторону рука (Каменецкий 1986: 147, 148, рис. 22: 12; 23: 12), как вариант размещения рук перед грудной клеткой погребённого, достаточно часто встречается как при скорченном, так и при вытянутом положении в погребениях предскифского времени (Вальчак и др. 2019: 163).

Близкое положение вытянутых погребённых с отставленной правой рукой отмечено в степях Предкавказья на р. Маныч как с западной, так и с восточной ориентировками. Западная ориентировка с отклонениями у погребённых на правом боку была зафиксирована во впускных предскифских комплексах Чограй IX 2/7, 3/7, 14/3 и 15/3 (Андреева и др. 1986: 25, 34—35, 124, 134—135). Захоронение Чограй IX 15/3 с фрагментами двух сосудов в составе инвентаря было перекрыто скорченным на левом боку и ориентированным на восток погребением 4 (Андреева и др. 1986: 134—137, рис. 595). Могила Чограй IX 14/3, в свою очередь, была перекрыта могилой 1, с вытянутым на левом боку с отставленной левой рукой и юго-западной ориентировкой погребённым, сопровождавшимся характерным кубком кобанской культуры (Андреева и др. 1986: 122-123, рис. 547; 550; 551) Северного Кавказа второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э., который идентичен кубку из захоронения Глиное 1/8 на левобережье Нижнего Днестра (Фидельский, Синика 2010: 165—169, рис. 1).

Общее сходство положения скелетов, а также погребальных сооружений захоронений Глиное/ДОТ 10/1 и 10/2**,** как и расположение их в непосредственной близости в центре курганной насыпи, позволяет считать их совершение одновременным или разделённым небольшим промежутком времени. Подобные случаи совстречаемости двух-трёх погребений в одном кургане неоднократно зафиксированы среди предскифских памятников юга Восточной Европы и предположительно считаются захоронениями членов одной семьи (Вальчак 2024).

Кость птицы в захоронения *Глиное/ДОТ 10/1*, обнаруженная среди костей скелета ребёнка, была бы единственной подобной достоверной находкой в предскифских погребениях Северного Причерноморья, если бы в 2020 г. кость птицы не была бы обнаружена среди костей скелета подростка (костяка 2) 14—17 лет (Łukasik 2024c: 8) в могиле Глиное/Сухая Балка 7/2. Последняя была основной для насыпи, а в ногах погребённого зафиксированы остатки жертвенной пищи — тазовая, бедренная, берцовая и пяточная кости овцы. В этой связи находку недиагностичного фрагмента кости (не позволяющего определить вид) птицы среди костей скелета подростка считать также остатками жертвенной пищи в настоящее время преждевременно.[9]

Близкое к погребению *Глиное/ДОТ 9/1* положение *средне скорченных на левом боку* скелетов, но с восточной ориентировкой, встречено в захоронении Гура-Быкулуй 5/1 на правобережье Нижнего Днестра (Дергачёв 1984: 3, 15, рис. 5: *6*; Махортых 2005: 327, рис. 75: *5*), а также в могилах Кривая Лука II 1/7 и Кривая Лука IX 2/16 в Нижнем Поволжье (Дворниченко 1982: 59, рис. 1: 2, 4), относящихся к группе предскифских погребений с вытянутыми перед грудной клеткой руками, что встречается и у вытянутых на боку захоронений (Вальчак и др. 2019: 163).

Положение рук, аналогичное отмеченному в захоронении *Глиное/Рыбхоз 1/4,* чаще всего наблюдается в предскифских памятниках у скорченных погребённых: Виноградный Сад 4/2 на правом берегу Южного Буга (Махортых 2005: 322, рис. 69: 1); Булаховка 1/2 и Троицкое 13/5 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 318, рис. 60: 4). *Положение ног* близко у северопричерноморских комплексов со слабо скорченными и вытянутыми на левом или правом боку скелетами в погребениях Каменка II 5/15 (Апостоловский р-н Днепропетровской обл.) на правобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 335, рис. 97: 5), Высокая Могила 1/2 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 323, рис. 95: 7) и Бирюково 8/2 в правобережном Подонье (Махортых 2005: 316, рис. 58: 1), которые ориентированы как в западный, так и в восточный секторы. Аналогичным можно считать положение ног у вытянутого на правом боку и ориентированного на запад погребённого в могиле Кривая Лука XXVIII 1/22 на Нижней Волге (Дворниченко 1982: 63, рис. 1: 10).

Кремнёвая галька из захоронения *Глиное/Рыбхоз 1/4* представляет определённый интерес. Куски минералов различных геологических пород (исключая многочисленные орудия и отщепы из кремня, куски охры, реальгара и серы) изредка встречаются в составе инвентаря погребений предскифского времени. В частности, это Высокое 5/3 в Северо-Западном Приазовье (Махортых 2005: 325), Раздольное 4/3 (Махортых 2005: 354) и Ялта 2/3 (Забавін, Небрат 2021: 74) в Северо-Восточном Приазовье, Рюмшино 1/2 в Крыму (Махортых 2005: 355—356). В Волго-Донском бассейне это захоронения Ясырев I 8/21 (Мошкова, Фёдорова-Давыдова 1974: 51), Антонов I4/7 (Мамонтов 1994: 32, рис. 7: *7*), Шляховский II 4/3 (Клепиков 1989: 62, рис. 192) и Меркель G4/6 (Синицын 1947: 85—86, рис. 47).

Обряд погребения *Глиное/Рыбхоз 1/8* отличается некоторой особенностью в положении левой руки, запястье которой располагалось у лицевой части черепа. Отметим, что согнутая под прямым или тупым углом правая рука и расположение её кисти в области локтя левой, как это отмечено в захоронениях *Глиное/Рыбхоз 1/8 и 1/14*, встречается редко (Вальчак и др. 2019: 164—165). В частности, расположение левой руки у лица при близком средне скорченном на

[9] Планируется проведение радиоуглеродного датирования кости птицы из погребения Глиное/ДОТ 10/1, чтобы исключить вероятность её случайного попадания в комплекс в позднейшее время.

левом боку положении скелета было отмечено в могиле Красное 1/7 на левобережье Нижнего Днестра (Махортых 2005: 340, рис. 97: 1) и Калиновка 1/2 (на левом берегу Южного Буга), при сильно скорченном на левом боку скелете (Махортых 2005: 334—335, рис. 105: 1, 2). Близкое положение рук зафиксировано и у средне скорченного скелета в погребении Кривая Лука IX 2/6 в Нижнем Поволжье (Фёдоров-Давыдов и др. 1974: 116, 118—119, рис. 121; 426: 4).

Остатки костра в могиле *Глиное/Рыбхоз 1/8* зафиксированы под тазом погребённого в виде округлого пятна золы и обожжённой глины диаметром около 0,25 м. Ранее подобный обряд был отмечен на левобережье Нижнего Днестра в захоронении Глиное/Сад 4/13 — обожжённый грунт, зола и мелкие древесные угольки под костяком ребёнка (Вальчак и др. 2019: 161). Данный курган располагался в 1,66 км к северо-западу от кургана Глиное/Рыбхоз 1. Кроме того, мелкие древесные угольки были найдены в области черепа погребённого в погребении Глиное/Сухая Балка 6/1. Эта насыпь[10] находилась в 4,67 км к северо-востоку от кургана Глиное/Рыбхоз 1.

Известно и иное использования огня в погребальном обряде носителей черногоровской культуры Северо-Западного Причерноморья. Сжигание деревянной намогильной конструкции и частичная кремация погребённого («кости обожжены до черноты») зафиксированы в широко известном (основном для курганной насыпи) погребении Слободзея 3/3 на левобережье Нижнего Днестра (Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 292—293, рис. 3). На могильнике Зальц на левобережье Кучурганского лимана (с. Лиманское, Раздельнянский р-н), в погребении 1/1 были отмечены следы частичной кремации — «пяточная кость правой ноги обожжена» (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 9). Следы горения перекрытий погребальных сооружений отмечены в черногоровских захоронениях курганов 2, 4 и 5 у с. Котюжены на правобережье Среднего Днестра (Левицкий, Кашуба 2011: 240, рис. 2). За пределами Северо-Западного Причерноморья такие же следы горения отмечены в захоронениях Высокая Могила 1/5 и Золотая Балка 14/3 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 324, 333). Частичная кремация зафиксирована в погребении Соколово II 3/4 в Орельско-Самарском междуречье — «кости конечностей, грудного отдела и темени заметно обожжены» (Махортых 2005: 359). Угли отмечены в заполнении захоронения Колпаковка III 1/1 на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 338).

Однако наибольший интерес для нас представляют три черногоровских погребальных сооружения, где зафиксирован тот же обряд, что и в захоронениях Глиное/Сад 4/13, Глиное/Рыбхоз 1/8 и Глиное/Сухая Балка 6/1 на левобережье Нижнего Днестра. Так, в комплексе Звонецкое I 15/2 на правобережье Нижнего Днепра, помимо пережжённого грунта и углей в заполнении подбоя, под черепом погребённого отмечена двухслойная подсыпка, «состоявшая из пепла и мелких обломков кальцинированных костей, перекрытых тонким слоем мела» (Махортых 2005: 330, рис. 87: 1). В захоронении Песчанка 1/5 в Орельско-Самарском междуречье под костяком «на дне отмечена наибольшая концентрация древесных углей и гранул обожжённого грунта, входивших также в заполнение могилы и, по-видимому, взятых из тризненного костра» (Махортых 2005: 350—351, рис. 123: 5). Наконец, в эпонимном памятнике Черногоровка 1/2 в Среднем Подонцовье дно сооружения «было посыпано золой и известью» (Махортых 2005: 365).

Можем также заметить, что обжигание дна ямы упоминается и для двух захоронений грунтового могильника Картал III на левом берегу Нижнего Дуная (Бруяко 2013: 176).

Бронзовая бляшка со скрытой петлёй из могилы *Глиное/Рыбхоз 1/8* находит множество аналогий среди украшений кобанской культуры Северного Кавказа, начиная с рубежа II—I тыс. до н.э. и на протяжении VIII—VII вв. до н.э. (Козенкова 1998: 36—37, табл. X: 3). В.И. Козенкова считала их «пуговицами», но представляется, что такие бляшки служили составной частью нашивного и неподвижного декора предметов одежды и иногда

[10] Курган Глиное/Сухая Балка 6, как и другие курганы и погребения группы «Сухая Балка» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, упоминаемые ниже, исследованы Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в 2020 г. под руководством В.С. Синики. Материалы готовятся к печати.

присутствуют в погребениях в нескольких экземплярах. В качестве пуговиц при скрытой петле их использование было бы очень затруднительным (Кадиева и др. 2020: 171—172, рис. 2: 1—6). В рассматриваемом случае бляшка могла служить украшением головного убора или ленты-венца из органического материала (Гошко, Отрощенко 1986: 176).

Височные подвески или серьги, полностью аналогичные найденным в погребении *Глиное/Рыбхоз 1/8*, в предскифских памятниках юга Восточной Европы (включая зону лесостепи и Северный Кавказ) нам не известны. Они лишь отдалённо напоминают предскифские изделия из драгоценных металлов и бронзы, имеющие дисковидные завершения, которые орнаментированы тремя расходящимися от центра линиями. Такие подвески («бараньи рожки») хорошо известны в степных памятниках черногоровской культуры Нижнего Днепра (Дубовская 1993: 143, 144; 1994: 23, рис. 4: 32—35; Махортых 2005: 69, 70, 105, рис. 30: 18—20, 35; Тарасова 2004: 24—25; 2005: 122—126, рис. 1—4). Они принципиально отличаются формой декоративного окончания от всех других экземпляров, встреченных в памятниках предскифского периода, как и от подвесок из «Рыбхоза».

Авторам настоящей работы удалось найти только одно украшение, которое условно можно считать близкой аналогией нашим подвескам в предскифских памятниках Северо-Западного Причерноморья и Балканско-Дунайского региона в целом. Предмет, о котором идет речь, происходит из слоя поселения Козия (на правом берегу Среднего Прута, Румыния, уезд Яссы, коммуна Костулень) культуры Козия-Сахарна. Первоначально находка была интерпретирована как фрагмент спинки «узелковой» фибулы (Кашуба 2000: 327, рис. 27: 43; Kašuba 2006, abb. 7: 1). М.Т. Кашуба датировала находку первой половиной IX в. до н.э. (Кашуба 2000: рис. XXXXIX: 13; Kaşuba 2003: fig. 9: 7). Отметим при этом, что изделия из могилы Глиное/Рыбхоз 1/8 однозначно позволяют рассматривать находку из Козии как подвеску.

Более всего, на наш взгляд, декоративные окончания подвесок из «Рыбхоза» по стилю напоминают оформление спинок восточно-средиземноморских («узелковых») фибул, особенно, с тремя шаровидными или биконическими утолщениями. Подобные фибулы в разное время датировались исследователями HA C (Vinski, Vinski-Gasparini 1962: 276, 279. Sl. 95; 99; 108), IX—VII (Gergova 1978: 297, 298. Tab. I: 7, 15), VIII (Tončeva 1980: 68, 69. Pl. XXVII: 7, 8, 10), X—IX — началом VIII (Мелюкова 1979: 30, рис. 5: 17) или HAB3, VIII в. до н.э. (Chochorowski 1993: 165, 191, 193, rys. 26: 6; 40: 2). В большинстве случаев все эти датировки совпадают с периодами финальной бронзы и предскифским в Северном Причерноморье. Наиболее восточная находка такой фибулы происходит из могильника кобанской культуры Кумбулта в горах Северной Осетии (Gergova 1978: 297, 298. Tab. I: 15).

Ближайшим же к курганному могильнику «Рыбхоз» памятником, в котором найдены подобные фибулы, насколько нам известно, является грунтовый могильник археологического комплекса Картал III в низовьях Дуная. Могильник и поселение датируются HAB2/B3 — C1, периодом «среднего гальштата» (= предскифским периодом) в рамках (X) IX—VIII вв. до н.э. (Бруяко 2013: 169—171, 178—181, 186, рис. 8: 1, 4; 2017: 312). Следует отметить и ориентировку погребённых в Картале III — в южный и юго-восточный сектор (Бруяко 2013: табл. 3), что определённо может рассматриваться как наследие белозёрских традиций в погребальном обряде.

Астрагал из захоронения *Глиное/Рыбхоз 1/8* пополняет список предскифских погребений с подобными находками, где они чаще всего встречаются *при скорченных скелетах в единственном экземпляре*. На левобережье Нижнего Днестра один овечий астрагал[11] лежал за затылком мужчины (?) 20—30 лет (Łukasik 2024c: 11) в захоронении Глиное/Сухая Балка 9/2. Ещё один астрагал (крупного рогатого скота!) был обнаружен в основном для насыпи погребении Слободзея 3/3.[12] Кроме того, в Северном Причерноморье по одному астрагалу было

[11] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.

[12] Данных об этой находке в публикации комплекса нет (Яровой, Кашуба, Махортых 2002), однако она была обнаружена среди антропологического материала в фондах Музея археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

найдено в следующих могилах: Висунск 1/2 на правобережье Нижнего Днепра; Золотая Балка 14/3, Заповитное 9/2, Высокая Могила 1/2, Петрово-Свистуново на левобережье Нижнего Днепра; Рюмшино 1/2 в Крыму и Астахово IV 18/13 в на правобережье Нижнего Дона (Махортых 2005: 315, 322—323, 330, 333, 351, 355—356). В Волго-Донском бассейне астрагалы встречены в инвентаре погребений Мариновка 1/17 (Мамонтов 1978: 161), Заплавное 2/2 (Шилов 1958), Пичуга 4/1 (Мамонтов 1982: 48), Антонов I 3/1 (Мамонтов 1994: 22) и Цаца 10/7 (Шилов 1962: 131, л. 18). В комплексе Ясырев I 5/15 был найден астрагал лошади (Мошкова, Фёдорова-Давыдова 1974: 35, табл. X: 3).

Кожаный сосуд, по всей видимости, находился в захоронении *Глиное/Рыбхоз 1/8*. Перед костяком был зафиксирован тлен оранжево-жёлтого цвета от пятиугольного в плане изделия из толстой кожи размерами около 220×180 мм и толщиной около 10 мм. На нём лежали кости овцы от жертвенной пищи.

До настоящего времени аналогичные сосуды не были известны в Северо-Западном Причерноморье. В раскопанном в 1988 г. предскифском погребении 2 кургана 1 могильника Рясни на левобережье Нижнего Дона за тазовыми костями погребённого «поверх пятна жёлтого органического тлена лежали кости овцы», среди которых находился железный нож с горбатой спинкой. Набор инвентаря погребения позволяет датировать его в рамках IX — первой половины VIII в. до н.э. (Гордин, Потапов 1991: 36, 37, 40, рис. 9: 1в; Лукьяшко 1999: 65, 66, рис. 52). В 2000 г. в Ипатовском р-не Ставропольского края было изучено черногоровское погребение 8 кургана 25 могильника Золотарёвка I. У восточной стенки погребальной камеры в изголовье погребённого лежало «изделие неправильной пятиугольной формы, вылепленное из жёлтой массы в форме небольшой плоской посудины с невысоким бортиком», при этом кости животного от жертвенной пищи лежали к северу от этого изделия. Погребение датировано самым финалом позднего бронзового века (Калмыков, Потапов 2004: 104, 107, рис. 1: 1). Несмотря на то, что материал, из которого было изготовлено «изделие из жёлтой массы», в работе не определяется, мы можем предположить, что и оно, и находка из могилы Глиное/Рыбхоз 1/8 были сосудами, изготовленными из кожи.

Особенности погребального обряда в погребении *Глиное/Рыбхоз 1/14* находят многочисленные аналогии среди предскифских памятников на юге Восточной Европы (Вальчак и др. 2019: 164—165). К ним относятся конструкция погребального сооружения с подбоем, ориентировка на восток, расположение одного из запястий рядом с локтевым суставом или лежащего поверх запястья другой руки.

Височные подвески, изготовленные из бронзового (и других металлов) стержня, скрученного в виде кольца, с концами стержня, выступающими один за другой, являются неизменным атрибутом могил, начиная с раннего энеолита и заканчивая началом раннего железного века. Такие предметы известны из памятников различных археологических культур на обширных просторах Восточной Европы и не являются основой для узкой датировки, если в комплексе нет других характерных и представительных находок.

Различные типы колец-подвесок, изготовленных из разных металлов и с торцами, обращенными друг к другу, известны на памятниках белозерской культуры: Струмок 7/1 и Криничное на левом берегу Нижнего Дуная, а также Кочковатое в междуречье Дуная и Днестра (Ванчугов 1990: 95, 97, рис. 35: 14, 15; 37: 10). Они также были найдены на предскифских памятниках Северного Причерноморья: Слободзея 3/3 на левом берегу Нижнего Днестра (Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 295, рис. 6: 3); Зимогорье 2/5 в среднем течении Северского Донца (Махортых 2005: 69, 105, рис. 30: 9, 32); Шахаевский-I 7/5 на левобережье Нижнего Дона (Лукяшко 1999, 82, рис. 70: *2*), а также в степных (Вальчак 2013: 52, рис. 3: 4) и горных районах Северного Кавказа (Козенкова 1998: 34—35, табл. IX: 10, 12).

Кольца-подвески с незамкнутыми и сходящимися концами в большинстве случаев скручивались скорее бессистемно и асимметрично. Кольцеобразная подвеска, найденная на черепе погребённого в могиле Траповка 16/9 в Дунайско-Днестровском междуречье (Ванчугов и др. 1976: 219—220, рис. 2: 3; 3: 7), является ближайшей аналогией к находке из

«Рыбхоза». Диаметр кольца 1,8 см; диаметр стержня составляет 0,2 см. Это кольцо почти такое же, как у нас, с точки зрения его диаметра и точности его исполнения. Тем не менее, оно изготовлено из стержня, который в два раза тоньше, чем кольца из «Рыбхоза» 1/14.

Соотношение между диаметром стержня и относительно небольшим диаметром окружности делает височные кольца из комплекса Глиное/Рыбхоз 1/14 довольно массивными. Кроме того, эти кольца имеют еще две особенности, которые не характерны для большинства таких изделий позднего бронзового века и раннего железного века Северного Причерноморья. Эти особенности — расстояние между концами кольца (что заметно, если смотреть сбоку) и усечение (резкое отрубание) концов стержня, из которого они сделаны. Такое сочетание особенностей (визуальная массивность, уплощение концов, расстояние между концами) обращает наше внимание на материалы Северного Кавказа, где подобные находки нередки. Похожая массивная кольцевая подвеска в 1,7 витка, между концами которой есть разрыв, была найдена среди множества украшений в пределах V (нижнего) горизонта поселения кобанской культуры Сержень-Юрт (Чечня, Шалинский район). Эти находки датируются X—VIII в. до н.э. (Козенкова 2001: 80, 110, рис. 36: 8).

Сочетание общей массивности с уплощенными (как будто отрубленными) концами довольно типично для браслетов кобанской культуры, характеризующих общий стиль отдельных категорий украшений региона (например: Козенкова 2004: табл. 34; 35). Подчеркнем, что наличие зазора между концами кольца (заметно при виде сбоку) является одной из характерных особенностей подвесок из Глиное/Рыбхоз 1/8, а также для подвесок черногоровской культуры в виде «бараньих рожек».

Бронзовая подвеска, найденная *на лобной части черепа*, немного более информативна. Она, возможно, служила зажимом для кожаной налобной ленты или украшением головного убора. Такая ситуация была неоднократно зафиксирована в предскифских погребениях черногоровской культуры Северного Причерноморья (Гошко, Отрощенко 1986: 176; Махортых 2005: 68—69) и степного Предкавказья (Кореняко 1982: 65—66, рис. 2: 5, 6).

Находка *шести астрагалов в Глиное/Рыбхоз 1/14* относится к достаточно редким случаям в погребениях предскифского времени. Как уже отмечено выше, чаще всего такие находки присутствуют в захоронениях в одном экземпляре. На левобережье Нижнего Днестра три овечьих астрагала найдены перед лицевой частью черепа ребёнка 5—7 лет (Łukasik 2024c: 7), лежавшего в вытянутом положении на левом боку (головой на северо-запад) в могиле Глиное/Сухая Балка 7/1. На левобережье Среднего Днестра два астрагала мелкого рогатого скота зафиксированы за теменем у подростка (?) в погребении Мокра 1/10. На правобережье Нижнего Днестра шесть астрагалов мелкого рогатого скота (три у левого плечевого сустава, и три — у локтя левой руки) обнаружены при вытянутом с западной ориентировкой скелете подростка в захоронении Хаджилар 1/2 (Махортых 2005: 364, рис. 151: 2—4). Восемь астрагалов (один окрашен красной охрой) найдены на правобережье Нижнего Днепра — во входной яме подбоя Кисличеватое I 1/1. В камере на левом боку (скорченно?) лежал костяк маленького ребёнка, головой на запад-северо-запад (Ковальова, Шалобудов, Тесленко 1999: 6—7, рис. 2: 1). Несколько астрагалов было найдено у таза скорченного и ориентированного на юг-юго-восток скелета в могиле Орехово 3/3 на правобережье Нижнего Днепра (Гошко, Отрощенко 1986: 171—172; Махортых 2005: 349).

На левобережье р. Маныч, в предкавказско-нижнедонских степях, в захоронении 3/1 группы Чограй IX при скорченном на левом боку и ориентированном на северо-запад взрослом погребённом три астрагала были найдены у локтя левой руки и один у его плеча (Андреева и др. 1986: 30, рис. 148—153). В этом же регионе, в могиле Весёлый 1/1, под кувшином, стоявшим у коленей сильно скорченного на левом боку и ориентированного на северо-восток погребённого молодого человека, были найдены пять астрагалов (Артамонов 1949: 307, рис. 4). Три астрагала у локтя правой руки были найдены при слабо скорченном на левом боку и ориентированном на восток женском скелете в могиле Сарепта 1/3 в г. Волгоград (Мамонтов 1983: 4, рис. 8: 3). Определённый интерес вызывает частое

совпадение мест расположения астрагалов относительно погребённых разного пола и возраста, как и кратное трём количество таких находок в значительно удалённых друг от друга предскифских погребениях на юге Восточной Европы.

Радиоуглеродные и археологические датировки комплексов

Погребение Глиное 110/1 было впущено в насыпь раннего бронзового века. Захоронение безынвентарное. Оснований для археологической датировки нет.

В первой публикации было предположительно интерпретировано как могила ингульской катакомбной культуры среднего бронзового века на основании радиоуглеродной даты, полученной в Киевской радиоуглеродной лаборатории в 2012 г., при этом было отмечено, что не исключается и более поздняя датировка (Разумов и др. 2013: 318, 326). Отметим, что сама радиоуглеродная дата была настолько ирреальной (4540±120BP) для безынвентарного погребения с относительной неплохой сохранностью костей (Разумов и др. 2013: 336, прил. 4: 1), что поверить в неё было трудно.

Спустя десять лет образец кости человека был повторно отправлен на датирование в «слепом режиме»[13] в Киевскую радиоуглеродную лабораторию вместе с прочими образцами из захоронения кургана Глиное 110. В результате в 2022 г. была получена новая дата могилы Глиное 110/1, которая разительно отличалась от первой. Предполагая, что такой исход возможен, ещё один образец кости человека из того же захоронения был отправлен одновременно на датирование в Дебреценскую радиоуглеродную лабораторию.

Итак, в Киевской радиоуглеродной лаборатории в 2022 г. была получена следующая дата: Ki—20427; 2580±40 BP (рис. 2: *1*), калиброванные интервалы — 1σ — 808—597 гг. до н.э., 2σ — 816—549 гг. до н.э., 3σ — 897—517 гг. до н.э.[14] В то же время из Дебреценской лаборатории пришла другая дата: DeA—38599; 2637±20 BP (рис. 2: *2*), калиброванные интервалы — 1σ — 811—796 гг. до н.э., 2σ — 824—778 гг. до н.э., 3σ — 895—777 гг. до н.э. Стало понятно, что, во-первых, дата погребения Глиное 110/1, полученная в 2012 г., является ошибочной, а во-вторых, что это захоронение было совершено в предскифское время. Кроме того, необходимо отметить, что обе даты, полученные в 2022 г. в разных лабораториях, использующим различные методики датирования (Киевская лаборатория — жидкостно-сцинтилляционный метод; Дебреценская лаборатория — метод ускорительной масс-спектроскопии), являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы практически совпадают на узких отрезках и по второй сигме (808—796 гг. до н.э.), и по третьей (895—777 гг. до н.э.).

Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения захоронения является интервал последней четверти IX — первой четверти VIII в. до н.э.

Погребение Глиное/Водовод 21«Б»/12а было впущено в насыпь среднего бронзового века. Могила безынвентарная. Оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Водовод 21/12а: Ki—20579; 2780±50 BP (рис. 5: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 997—841 гг. до н.э., 2σ — 1049—815 гг. до н.э., 3σ — 1127—802 гг. до н.э.

В 2023 г. также по кости человека была получена дата в Познаньской радиоуглеродной лаборатории: Poz-166404; 2705±30 BP (рис. 5: *4*), калиброванные интервалы — 1σ — 898—812 гг. до н.э., 2σ — 909—806 гг. до н.э., 3σ — 974—796 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (909—841 гг. до н.э.), и по третьей (974—802 гг. до

[13] Образец сопровождался только шифром, на котором был указан номер образца. Никакой другой информации в лабораторию предоставлено не было.

[14] Здесь и далее калибрование радиоуглеродных дат было произведено с использованием программы OxCal v4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020).

н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/ДОТ 21«Б»/12а является вторая половина IX — начало VIII в. до н.э.

Погребения Глиное/Водовод 21«А»/17 и 21«А»/8 были впущены в насыпь раннего бронзового века в указанной последовательности. Захоронение № 17 безынвентарное; оно было перекрыто могилой № 8 с невыразительным лепным сосудом. Оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата захоронения *Глиное/Водовод 21«А»/17*: Ki-20595; 2890±30 BP (рис. 6: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 1117—1016 гг. до н.э., 2σ — 1204—941 гг. до н.э., 3σ — 1218—927 гг. до н.э.

В 2023 г. также по кости человека была получена дата в Познаньской радиоуглеродной лаборатории: Poz-166406; 2700±30 BP (рис. 6: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 897—810 гг. до н.э., 2σ — 906—806 гг. до н.э., 3σ — 970—793 гг. до н.э.

В данном случае, несмотря на совпадение дат на отрезке по третьей сигме (970—927 гг. до н.э.), мы признаем корректной только дату из Познани. Судя по её калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/ДОТ 21«А»/17 является IX в. до н.э.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата захоронения *Глиное/Водовод 21«А»/8*: Ki-20597; 2720±50 BP (рис. 4: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 904—816 гг. до н.э., 2σ — 983—801 гг. до н.э., 3σ — 1048—780 гг. до н.э.

В 2023 г. также по кости человека была получена дата в Познаньской радиоуглеродной лаборатории: Poz-166399; 2525±30 BP (рис. 4: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 778—569 гг. до н.э., 2σ — 791—544 гг. до н.э., 3σ — 802—481 гг. до н.э.

В данном случае, несмотря на совпадение дат на отрезке по третьей сигме (970—927 гг. до н.э.), мы признаем корректной только дату из Познани. Судя по её калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Водовод 21«А»/8 является VII в. до н.э.

Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Водовод 21«А»/17 является IX в. до н.э., а захоронения Глиное/Водовод 21«А»/8 — VII в. до н.э.

При этом важно констатировать, что полученные радиоуглеродные даты подтвердили последовательность совершения черногоровских захоронений (более раннее — № 17, более позднее — № 8) в насыпи «А» кургана Глиное/Водовод 21.

Также стоит обратить внимание на то, что погребение Глиное/Водовод 21/17 было совершено в насыпи «А» (Poz-166406; 2700±30 BP) одновременно с захоронением Глиное/Водовод 21/12а (Poz-166404; 2705±30 BP) в насыпи «Б». При этом обе могилы были впущены в центры двух расположенных рядом курганов.

Погребения Глиное/ДОТ 7/11 и ДОТ 7/12 были впущены в курган раннего бронзового века. Захоронение № 11 разрушено при распашке насыпи. От костяка сохранились только берцовые кости. Инвентаря не обнаружено. В могиле № 12 были найдены невыразительные фрагменты двух лепных сосудов и кости мелкого рогатого скота от жертвенной пищи. Оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Водовод 7/11*: Ki-20557; 2700±40 BP (рис. 8: *2*), калиброванные интервалы — 1σ — 898—810 гг. до н.э., 2σ — 922—800 гг. до н.э., 3σ — 998—787 гг. до н.э.

В 2023 г. в Познаньской радиоуглеродной лаборатории по кости человека была получена дата погребения *Глиное/Водовод 7/12*: Poz—166336; 2695±30 BP (рис. 8: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 897—809 гг. до н.э., 2σ — 902—805 гг. до н.э., 3σ — 931—792 гг. до н.э.

Поскольку оба захоронения были расположены рядом друг с другом, их сравнение представляется уместным. Эти едва ли не идентичные даты указывают, что оба погребения

были совершены одновременно или практически одновременно, судя по калибровочным графикам, во второй половине IX в.

Погребения Глиное/ДОТ 9/1 и 9/5 были впущены в насыпь раннего бронзового века в указанной последовательности. Оба захоронения безынвентарные. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена первая дата захоронения *Глиное/ДОТ 9/1*: Ki-20621; 3030±50 BP (рис. 9: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 1386—1216 гг. до н.э., 2σ — 1413—1126 гг. до н.э., 3σ — 1447—1046 гг. до н.э.

Вторая дата, также по кости человека, была получена в 2023 г. в Познаньской лаборатории: Poz-166391; 2800±30 BP (рис. 9: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 996—913 гг. до н.э., 2σ — 1044—841 гг. до н.э., 3σ — 1108—829 гг. до н.э.

Очевидно, что дата из Киевской лаборатории (Ki-20621; 3030±50 BP) не отражает реального времени совершения погребения. Скорее всего, она стала следствием эффекта «резервуара». Об этом, как представляется, свидетельствует и дата из Познаньской лаборатории (Poz-166391; 2800±30 BP), несмотря на то, что она младше киевской на 230 лет. Тем не менее, калиброванный интервал последней по второй сигме включает первую половину IX в. до н.э., а по третьей — первые две трети указанного столетия.

В том же году по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата захоронения *Глиное/ДОТ 9/5*: Ki-20631; 2700±50 BP (рис. 10: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 898—809 гг. до н.э., 2σ — 977—791 гг. до н.э., 3σ — 1016—772 гг. до н.э.

Вторая дата, также по кости человека, была получена в 2023 г. в Познаньской лаборатории: Poz-166392; 2590±30 BP (рис. 10: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 802—777 гг. до н.э., 2σ — 815—593 гг. до н.э., 3σ — 829—549 гг. до н.э.

Обе эти даты можно условно считать корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках (хотя и небольших) и по второй сигме (815—791 гг. до н.э.), и по третьей (829—772 гг. до н.э.).

Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/ДОТ 9/1 является IX в. до н.э., а захоронения Глиное/ДОТ 9/5 — конец IX — первая половина VIII в. до н.э.

Погребения Глиное/ДОТ 10/1 и 10/2 были впущены в насыпь раннего бронзового века одновременно. Захоронения безынвентарные. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата захоронения *Глиное/ДОТ 10/1*: Ki-20622; 2620±50 BP (рис. 12: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 833—768 гг. до н.э., 2σ — 904—569 гг. до н.э., 3σ — 932—539 гг. до н.э.

Вторая дата, также по кости человека, была получена в 2023 г. в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории: DeA-43009; 2717±18 BP (рис. 12: 1), калиброванные интервалы — 1σ —898—826 гг. до н.э., 2σ — 904—816 гг. до н.э., 3σ — 922—808 гг. до н.э.

Обе эти даты можно являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на достаточных отрезках и по второй сигме (904—816 гг. до н.э.), и по третьей (922—808 гг. до н.э.).

Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения захоронения является IX в. до н.э.

В том же году по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата захоронения *Глиное/ДОТ 10/2*: Ki-20632; 2710±50 BP (рис. 12: 3), калиброванные интервалы — 1σ —899—814 гг. до н.э., 2σ —979—796 гг. до н.э., 3σ — 1045—775 гг. до н.э.

И эта дата была верифицирована в 2023 г. в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории: DeA-43010; 2740±19 BP (рис. 12: 4), калиброванные интервалы — 1σ —904—835 гг. до н.э., 2σ —923—827 гг. до н.э., 3σ —979—812 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (923—827 гг. до н.э.), и по третьей (979—812 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения захоронения так же, как и могилы Глиное/ДОТ 9/1, является IX в. до н.э.

При этом важно констатировать, что полученные радиоуглеродные даты подтверждают одновременность предскифских захоронений № 1 и 2 в кургане Глиное/Дот 10, на что также указывают планиграфические данные, а именно параллельное размещение обеих могил в непосредственной близости друг от друга.

Погребения Глиное/Рыбхоз 1/4, 1/8, 1/14 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Все захоронения содержали инвентарь.

В 2024 г. в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Рыбхоз 1/4*: Poz-184954; 2680±30 BP (рис. 14: *3*), калиброванные интервалы — 1σ — 894—804 гг. до н.э., 2σ — 900—801 гг. до н.э., 3σ — 922—790 гг. до н. э. Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является IX в. до н. э., возможно, его последняя треть.

Захоронение *Глиное/Рыбхоз 1/8* было датировано пять раз. Первые три даты были получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории по кости человека:

— в 2020 г. была получена дата Ki-19963; 2980±60 BP, калиброванные интервалы — 1σ — 1370—1115 гг. до н. э., 2σ — 1394—1016 гг. до н.э., 3σ — 1430—931 гг. до н.э.;

в 2021 г. была получена дата Ki-20175; 3240±40 BP, калиброванные интервалы – 1σ – 1536-1447 гг. до н. э., 2σ – 1612-1428 гг. до н. э., 3σ – 1637-1397 гг. до н. э.;

– в 2022 г. была получена дата Ki-20545; 3040±50 BP, калиброванные интервалы — 1σ — 1388—1223 гг. до н.э., 2σ — 1420—1127 гг. до н. э., 3σ — 1451—1050 гг. до н. э.

Стало очевидно, что в данном случае полученные даты стали либо следствием «эффекта резервуара» (Кузьмин 2017: 157—158), либо отражают неточность измерений.

В связи с этим в 2023 г. в Познаньской лаборатории была получена дата по кости овцы из данной могилы: Poz-166393; 2610±30 BP (рис. 15: *8*), калиброванные интервалы — 1σ — 807—786 гг. до н.э., 2σ — 821—769 гг. до н.э., 3σ — 898—587 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является интервал последней четверти IX — первой трети VIII в. до н.э.

В 2024 г. также из Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Рыбхоз 1/14 по кости человека: Poz-184955; 2710±30 BP (рис. 15: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 898—816 гг. до н. э., 2σ — 912—807 гг. до н. э., 3σ — 978—797 гг. до н. э. Эта дата, несомненно отражает «эффекта резервуара».

В 2023 г. в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Рыбхоз 1/14* по кости человека: Poz-166395; 2630±30 BP (рис. 16: 12), калиброванные интервалы — 1σ — 813—790 гг. до н.э., 2σ — 888—774 гг. до н.э., 3σ — 902—763 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является интервал последней трети IX — первой четверти VIII в. до н.э.

Отметим, что на основании археологических данных в 2020 г. погребения Глиное/Рыбхоз 1/8 и 1/14 были датированы IX — первой половиной VIII в. до н.э. (Valchak et al. 2020: 365, 369). В настоящее время есть основания сузить указанную датировку до последней трети IX — первой трети VIII в. до н.э. С большой долей вероятности, оба захоронения были совершены если не одновременно (№ 8 — Poz-166393; 2610±30 BP; № 14 — Poz-166395; 2630±30 BP), то в пределах очень узкого интервала времени. На это также указывают одинаковая форма сооружений, схожие позы и ориентировки погребённых.

Погребения Глиное/Рыбхоз 3/4 и 3/19 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Захоронения безынвентарные. Оснований для археологической датировки нет.

В 2021 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены даты для обоих погребений по кости человека:

– *Глиное/Рыбхоз 3/4*: Ki-20356; 2780±40 BP (рис. 18: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 987—844 гг. до н. э., 2σ — 1042—826 гг. до н. э., 3σ — 1109—809 гг. до н.э.;

– *Глиное/Рыбхоз 3/19*: Ki-20418; 2750±40 BP (рис. 18: 8), калиброванные интервалы — 1σ — 925—831 гг. до н.э., 2σ — 992—813 гг. до н. э., 3σ — 1047—802 гг. до н.э.;

В 2022 г. были получены ещё две даты по древесине из погребения 4 в Киевской и Познаньской радиоуглеродных лабораториях.

– *Глиное/Рыбхоз 3/4* (древесина перекрытия): Ki-20518; 2540±25 BP (рис. 18: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 789—592 гг. до н.э., 2σ — 795—551 гг. до н.э., 3σ — 801—543 гг. до н.э.;

– *Глиное/Рыбхоз 3/4* (древесина перекрытия): Poz-156346; 2565±30 BP (рис. 18: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 801—598 гг. до н.э., 2σ — 806—567 гг. до н.э., 3σ — 811—543 гг. до н.э.

Исходя из полученных дат, можно констатировать, что наиболее ранним погребением черногоровской культуры в кургане Глиное/Рыбхоз 3 было захоронение № 4 (в центре насыпи), затем была впущена могила № 19 (в центре насыпи).

Обе даты по кости человека, калиброванные интервалы которых совпадают по второй сигме в пределах 992—826 гг. до н. э. (по третьей сигме — в пределах 1047—809 гг. до н.э.), на первый взгляд, позволяют ограничить датировку черногоровских захоронений в пределах IX в. до н.э. Однако на основании двух дат по древесине перекрытия из погребения Глиное/Рыбхоз 3/4 (Ki-20518, 2540±25 BP; Poz-156346; 2565±30 BP), калиброванные интервалы которых пересекаются в пределах 795—567 гг. до н.э. (по второй сигме) и 801—543 гг. до н.э., есть все основания констатировать «эффект резервуара» для образца Ki-20356; 2780±40 BP (кости человека) из этой же могилы. Очевидно, что в данном случае удревнение составило не менее 200 лет в математическом выражении и не менее 100 лет от реального возраста, о чем свидетельствуют калибровочные графики дат, полученных по древесине из перекрытия.

Таким образом, датировку погребения № 4 мы определяем первой половиной VIII в. до н.э. В это же время было совершено захоронение № 19 кургана Глиное/Рыбхоз 3.

Глиное/Рыбхоз 3 — находка в насыпи — *бляшка со скрытой петлёй*.

Подобные изделия, как отмечалось выше, находят множество аналогий среди украшений кобанской культуры Северного Кавказа с рубежа II—I тыс. до н. э. и на протяжении VIII—VII вв. до н.э. (Козенкова 1998: 36—37, табл. X: 3). Напомним, что погребение Глиное/Рыбхоз 1/8, содержавшее аналогичную бляшку, было датировано на основании археологических данных IX — первой половиной VIII в. до н.э. (Valchak et al. 2020: 365, 369), а с учётом радиоуглеродных дат указанный интервал был сужен до последней трети IX — первой трети VIII в. до н.э. Здесь нам остаётся добавить, что датировка двух погребальных комплексов черногоровской культуры в кургане Глиное/Рыбхоз 3 определена на основании радиоуглеродных дат первой половиной VIII в. до н.э.

Заключительные положения

В настоящей работе анализируются 15 погребений и отдельная находка черногоровской культуры начала раннего железного века с левобережья Нижнего Днестра. Впервые публикуются 12 погребений и отдельная находка. Одно захоронение, введённое в научный оборот более десяти лет назад с ошибочной культурно-хронологической атрибуцией, впервые анализируется как предскифское. Данные о двух опубликованных ранее могилах уточнены и дополнены.

Все 15 погребений датированы радиоуглеродным методом в различных лабораториях (Дебрецена, Киева и Познани). Во всех случаях для датирования были использованы кости человека, а в некоторых— кости животных и древесина. Радиоуглеродные даты показали, что анализируемые захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры.

В связи с тем, что в 10 могилах инвентаря вообще не было, а в трёх были найдены невыразительные в культурно-хронологическом отношении предметы, самым важным результатом датирования 13 погребений стало их вычленение из массы таких же безынвентарных (неопределённых) захоронений, которые были совершены в более раннее или в более позднее время. В двух случаях, для могил с выразительным инвентарём (Глиное/Рыбхоз 1/8 и 1/14), радиоуглеродные даты позволили сузить археологическую датировку.

Другим не менее значимым результатом радиоуглеродного датирования является констатация «эффекта резервуара» для дат, полученных по костям взрослых людей. В частности, об этом свидетельствуют даты по древесине перекрытия погребения Рыбхоз 3/4 (Ki-20518: 2540±25 BP; Poz-156346: 2565±30 BP), которые минимум на 215 радиоуглеродных лет моложе даты по кости человека возрастом более 20 лет (Ki-20356: 2780±40 BP). Кроме того, на это указывает дата по костям овцы из захоронения Глиное/Рыбхоз 1/8 (Poz-166393: 2610±30 BP), которая младше даты по костям мужчины 20—35 лет (Poz-184955: 2710±30 BP) на 100 радиоуглеродных лет. Также «эффект резервуара» можно констатировать на основании дат, полученных по костям детей. Так, для погребения ребёнка (возрастом 2 года) Глиное/Рыбхоз 1/14 была получена дата Poz-166395 (2630±30BP), и она едва ли не идентична дате по костям овцы из совершенного одновременно или практически синхронно захоронения Глиное/Рыбхоз 1/8 (Poz-166393: 2610±30 BP). В другом случае, когда были датированы кости ребёнка (возрастом 9—10 лет) из могилы Глиное/ДОТ 10/1, одна из полученных дат (Ki-20622: 2620±50 BP) младше дат по костям женщины (?) возрастом 25—35 лет из одновременного погребения Глиное/ДОТ 10/2 на 90 радиоуглеродных лет (Ki-20632: 2710±50 BP; DeA-43010: 2740±19 BP)[15].

В настоящее время величина «эффекта резервуара» для предскифских погребений левобережья Нижнего Днестра, исследованных у с. Глиное Слободзейского района, варьируется от 90 до 215 радиоуглеродных лет, составляя в среднем 135 радиоуглеродных лет. Несомненно, в дальнейшем при накоплении дат, полученных на основании различных материалов из одного и того же погребения, это усреднённая величина будет корректироваться. В этой связи представляется обоснованным проведение не только радиоуглеродного датирования, но и измерений стабильного изотопа азота $\delta^{15}N$, наиболее корректно отражающих долю продуктов водного происхождения в рационе, а соответственно, дающих более корректное представление о разнице между мнимым и истинным возрастом образца (Плихт ван дер и др. 2007: 41—43).

Таким образом, за счёт дат по древесине, по костям мелкого рогатого скота и по костям детей шесть погребений, опубликованных в настоящей работе, получают вполне приемлемые датировки: Глиное/Рыбхоз 1/8 и 1/14 — последняя треть IX — первая треть VIII в. до н.э.; Глиное Рыбхоз 3/4 и 3/19 — первая половина VIII в. до н.э.; Глиное/ДОТ 10/1 и 10/2 — первая половина VIII в. до н.э. (на основании младшей даты из детского погребения 1).

Ещё три погребения получили даты по костям человека, однако их калиброванные интервалы, даже без учёта возможного резервуарного эффекта, вполне приемлемые: Глиное

[15] В некоторых случаях, возможно, и даты, полученные по костям детей, отражают «эффект резервуара». В частности, обе радиоуглеродные даты по костям ребёнка (возрастом 6—7 лет) из могилы Глиное/ДОТ 9/1 выглядят явно старше ожидаемых для захоронения предскифского периода дат. Однако в этом случае нельзя исключать, что погребение раннее, и его дата не выходит за пределы IX в.

110/1 — последняя четверть IX — первая четверть VIII в. до н.э.; Глиное/ДОТ 9/5 — конец IX — первая половина VIII в. до н.э.; Глиное/Водовод 21/8 — VII в. до н.э.

На радиоуглеродные даты остальных шести комплексов с большой долей вероятности (а в некоторых случаях, несомненно) повлиял «эффект резервуара»: Глиное/Водовод 21«Б»/12а (IX в. до н.э. по второй сигме младшей даты) и 21«А»/17 (IX в. до н.э. по второй сигме младшей даты); Глиное/ДОТ 7/11 (IX в. до н.э. по второй сигме младшей даты) и 7/12 (IX в. до н.э. по второй сигме младшей даты); Глиное/ДОТ 9/1 (первые три четверти IX в. по третьей сигме младшей даты); Глиное/Рыбхоз 1/4 (IX в. до н.э. по третьей сигме даты).

Кроме того, на резервуарный эффект могут указывать даты (не позднее первой половины VIII в. до н.э.), полученные для десяти вытянутых на спине, на боку или с завалом на бок погребений: Глиное 110/1; Глиное/Водовод 21«Б»/12а и 21«А»/17; Глиное/ДОТ 7/11, 7/12, 9/5, 10/1 и 10/2; Глиное/Рыбхоз 1/4 и 3/4.

В своё время подобные захоронения (вытянутые на спине или боку, преимущественно ориентированные на запад), объединённые в новочеркасскую группу (Тереножкин 1976: 98), в относительной периодизации О.Р. Дубовской были отнесены к позднечерногоровскому этапу. Исследовательница показала «значительное сходство» их погребального обряда с раннескифским, определив «промежуточное положение» таких памятников и их частичную синхронность с раннескифским хронологическим горизонтом (Дубовская 1997: 201, 211—212, рис. 1—7; 12). На основании сравнительно-типологического метода археологического датирования время появления некоторых характерных категорий вещей раннескифской культуры в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе предполагается не ранее конца VIII — начала VII в. до н.э., а формирование раннескифских курганных могильников — от 660—650 гг. до н.э. и позднее (Алексеев 2003: 104, 109). Вытянутые погребения позднечерногоровского этапа предскифского периода в степной зоне юга Восточной Европы по тем же принципам синхронизируются с позднейшими предскифскими древностями Северного Кавказа и Украинской Лесостепи, которые датируются последними двумя десятилетиями VIII — первой половиной VII в. до н.э. (Эрлих 1994: 98—121; 1994а: 168—175; 2007: 178—187; Скорый 1999: 60—65; Вальчак, Горболь 2020: 312—315, табл. 1).

Из этого следует, что радиоуглеродные даты, полученные для вытянутых на спине и боку предскифских погребений, изученных в окрестностях с. Глиное, в настоящее время противоречат археологическим датировкам. Вполне вероятно, несмотря на объективные сложности интерпретации радиоуглеродных дат (Алексеев и др. 2005: 16—21, 121—129, 146—150), что причиной данного противоречия является резервуарный эффект.

В завершении необходимо отметить, что наиболее важным итогом нашей работы стало значительное увеличение количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье. За последние 12 лет только в окрестностях с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра изучено не менее 40 новых захоронений черногоровской культуры. Три четверти из них были безынвентарными либо содержали невыразительные в культурном отношении находки. Их достоверная атрибуция в качестве предскифских стала возможной после проведения радиоуглеродного датирования. В результате общее число синхронных памятников региона резко выросло. Таким образом, появляются основания пересмотреть представления о небольшой плотности населения Северного Причерноморья в предскифское время.

Литература

Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев и др. 2005: Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт ван дер Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология.* Санкт-Петербург: ТЕЗА.

Андреева и др. 1986: Архив ИА РАН. Р-1. № 11910, 11910в. Андреева М.В., Ульянова О.А., Новикова Л.А., Павлович Г.А. 1986. Отчёт о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году.

Артамонов М.И. 1949. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. *СА* XI, 305—336.

Бокий Н.М., Горбул Г.П., Отрощенко В.В. 1991. Киммерийские захоронения на Кировоградщине. *СА* (1), 173—183.

Бруяко И.В. 2013. О пользе археологии в поисках сущего (Заметки о фактическом содержании понятия «фрако-киммерийский» горизонт). *Stratum plus* (3), 155—190.

Бруяко И.В. 2017. Коллекция псалиев предскифского времени из Картала. *Stratum plus* (3), 311-327.

Вальчак С.Б. 2013. Раскопки могильника Начерзий в Адыгее. В: Ворошилов А.Н. (отв. ред.). *Восточноевропейские древности*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 47—57.

Вальчак С.Б. 2024. Погребения начала раннего железного века в курганах юга Восточной Европы (метаструктура памятников). *Stratum plus* (3), 83—114.

Вальчак С.Б., Горболь Н.Ю. 2020. Предскифские погребения всадников в Волго-Донских степях. *Stratum plus* (3), 301—317.

Вальчак и др. 2019: Вальчак С.Б., Синика В.С., Лукасик С., Поспешны Л., Горболь Н.Ю. 2019. Предскифские погребения группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182.

Вальчак и др. 2020: Вальчак С.Б., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Горболь Н.Ю., Разумов С.Н., Синика В.С. 2020. Погребения предскифского времени в кургане группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *МАИАСП* 12, 77—97.

Вальчак С.Б., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2011. Малоизвестный киммерийский комплекс на правобережье Нижнего Днестра. *Историко-археологический альманах* 10, 38—43.

Ванчугов В.П. 1990. *Белозёрские памятники в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Тощев Г.Н. 1976. Охранные раскопки у с. Траповка Одесской области. В: Першина З.В. (ред.). *Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины*. Киев; Одесса: ОГУ, 214—224.

Гордин И.А., Потапов В.В. 1991. Предскифские погребения у с. Пешково. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году*. Вып. 10, 36—42.

Городцов В.А. 1905. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г*. (I). Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 226—514.

Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях. *СА* (1), 168—183.

Граков Б.Н. 1977. *Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы)*. Москва: МГУ.

Дворниченко В.В. 1968. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. В: Яценко И.В.(отв. ред.). *Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях*. Москва: Московский государственный университет, 5—15.

Дворниченко В.В. 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге. *КСИА* 170, 59—64.

Дергачёв В.А. 1984. Курганы у с. Гура-Быкулуй. В: Артёменко И.И. (отв. ред.). *Курганы в зонах новостроек Молдавии*. Кишинёв: Штиинца, 3—36.

Дубовская О.Р. 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада. *СА* (1), 63—69.

Дубовская О.Р. 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры. *АА* 2, 137—160.

Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *АА* 6, 181—218.

Дубовская О.Р., Подобед В.А. 1996. Об одном типе украшений черногоровского времени. *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* 2, 102—109.

Забавін В.О., Небрат С.Г. 2021. Нові поховання передскіфського часу з Північно-Східного Приазов'я. *Археологія* (1), 72—83.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: ИА НАНУ.

Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В. 2020. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3. *КСИА* 258, 165—180.

Калмыков А.А., Потапов В.В. 2004. Погребение из могильника Золтарёвка I и некоторые вопросы генезиса черногоровской культуры. *ССПіК* XI, 103—109.

Каменецкий И.С. 1983. Код для описания погребального обряда. В: Краснов Ю.А. (отв. ред.). *Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции*. Москва: Наука, 221—250.

Каменецкий И.С. 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая). В: Каменецкий И.С. (отв. ред.). *Археологические открытия на новостройках* 1. Москва: Наука, 136—194.

Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). *Stratum plus* (3), 241—488.

Клепиков 1989: Архив ИА РАН. Р-1. № 13705, 13706. Клепиков В.М. 1989. Отчёт об археологических раскопках в зоне строительства I очереди Фроловской оросительной системы у х. Шляховского Фроловского р-на Волгоградской области в 1989 году.

Ковальова І. Ф., Шалобудов В. М., Тесленко Д.Л. 1999. Дослідження курганів доби бронзи поблизу с. Кисличувата. *Проблеми археології Подніпров'я* 2, 4—35.

Козенкова В.И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант*. Москва: ИА РАН (САИ В2-5).

Козенкова В.И. 2001. *Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ)*. Москва: Наука.

Козенкова В.И. 2004. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII—VIII в. до н.э. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (V)*. Москва: Памятники исторической мысли.

Копылов В.П., Лукьяшко С.И. 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала. *Донские древности* 4, 117—148.

Кореняко В.А. 1982. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче. *КСИА* 170, 64—70.

Кузьмин Я. В. 2017. *Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях*. Томск: Томский государственный университет.

Левицкий О.Г., Кашуба М.Т. 2011. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений). *АВ* 17, 239—258.

Литвиненко Р.А. 2009. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*. Автореф. ... докт. іст. наук. Київ.

Лукьяшко С.И. 1999. *Предскифский период на Нижнем Дону*. Азов: АКМ.

Мамонтов 1978: Архив ИА РАН. Р-1. Мамонтов В.И. 1978. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК в 1978 г.

Мамонтов 1982: Архив ИА РАН. Р-1. № 9025, 9025а. Мамонтов В.И. 1982. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского Областного управления культуры, Областного музея краеведения и Донской экспедиции НИС ВГПИ за 1982 год.

Мамонтов 1983: Архив ИА РАН. Р-1. № 9895, 9895а. Мамонтов В.И. 1983. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского Областного управления культуры, Областного музея краеведения и Донской экспедиции НИС ВГПИ в 1983 году.

Мамонтов В.И. 1994. Курганный могильник Антонов I. *Древности Волго-Донских степей* 4, 15—46.

Мамонтов В.И. 1999. Материалы курганного могильника у озера Подгорное. *Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье* 3, 46—89.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А. 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года. В: Мошкова М.Г., Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Археологические памятники Нижнего Подонья* I. Москва: Наука, 21—122.

Отрощенко В.В. 1986. Белозёрская культура. В: Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 117—152.

Отрощенко В.В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ: ІА НАНУ.

Плихт ван дер и др. 2007: Плихт ван дер Й., Шишлина Н.И., Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. 2007. Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия. *Российская археология* (2), 39—47.

Полидович Ю.Б. 2005. О некоторых семантических аспектах функционирования сосудов в погребальных обрядах предскифского времени. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии* 2. Донецк: ДонНУ, 197—218.

Потапов В.В. 1999. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона. *Донская археология* 1, 62—68.

Разумов и др. 2013: Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (2), 297—340.

Савва Е.Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Прутo-Днестровского междуречья.* Кишинев: Штиинца.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Симоненко С.О. 2022. Радиоуглеродное датирование памятников предскифского времени на левобережье Днестра. В: Кашуба М.Т., Смирнов Н.Ю., Стоянов Е.О., Трубникова В.Б. (отв. ред.). *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). Материалы международной. научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902—1984)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 157—161.

Синицын И.В. 1947. *Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья*. Саратов: СГУ.

Скорый С.А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи.* Киев; Полтава: Археология.

Тарасова Н.В. 2004. Височные подвески — «бараньи рожки» предскифского периода. *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции*. Харьков: НМЦ «МД», 24—25.

Тарасова Н.В. 2005. Височные подвески из драгоценных металлов предскифского периода. *НАВ* (7), 122—132.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Фёдоров-Давыдов и др. 1974: Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5315, 5315а, в. Фёдоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В. 1974. Отчёт о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 г.

Фидельский С., Синика В. 2010. Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северокавказских влияниях на Юго-Восточную Европу в предскифское время). *Revista arheologică*. S. n. Vol. VI, Nr. 1, 164—170.

Шилов 1962: Архив ИА РАН. Р-1. № 2728. Шилов В.П. 1962. Отчёт о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1962 г.

Эрлих В.Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса.* Москва: ГМВ.

Эрлих В.Р. 1994а. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. *ВДИ* (3). 168—176.

Эрлих В.Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников.* Москва: Наука.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Типар, 279—343.

Chochorowski J. 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Uniwersytet Jagelloński.

Gergova D. 1978. Contributions to the Problem of Thrako-Caucasian Relations in the Iron Age. Pulpudeva (3), 296—304.

Kaşuba M. 2003. Periferia de est a complexului hallstatian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată (secolele X—VIII î. e. n. în interfluviul Nistru-Siret). In: Sava E. (ed.). I*nterferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic.* Chișinău: Institutul de Arheologie si Etnografie Academiei de Științe a Republicii Moldova, 183—210.

Kašuba M. 2006. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10-9 Jh. v. Chr. *Prähistorische Zeitschrift* 81 (2), 213—235.

Łukasik S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe RYBKHOZ site, Moldova: part 1.*Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe DOT site, Moldova: part 2 (K7B11, K9B1, K9B2, K9B5, K10B1, K10B2)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe RYBKHOZ site, Moldova: part 2 (K1B4, K1B8, K1B11, K3B1, K3B4, K3B95)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024c. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 2 (K5B1, K6B1, K6B2, K6B3A, K6B3, K6B4, K7B1, K7B2S1, K7B2S2, K8B2, K9B1S1, K9B1S2, K9B2, K9B3)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024d. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe VODOVOD site, Moldova: K18B1, K19B1, K20B1, K21B8, K21B11S2, K21B12-A, K21B12-B and K21B17.*Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwel P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plich J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 calkBP), *Radiocarbon*, is. 4. IntCal20. *Calibration Issue, August 2020*, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

Tončeva G. 1980. Chronologie du Hallstatt Ancien dans la Bulgarie de Nord-Est. *Studia Thracica* (5).

Valchak et al. 2020: Valchak S.B., Lysenko S.D., Gorbol N.Yu., Razumov S.N., Telnov N.P., Sinika V.S. 2020. Graves of the Beginning of the Early Iron Age in Barrow 1 of the "Rybkhoz" ("Fisch Farm") Group in the Lower Dniester Region. *Sprawozdania Archeologiczne* 72 (2), 357—371.

Vinski Z., Vinski-Gasparini K. 1962. O utjecajima istočno-alpske halštatske culture i balkanske ilirske culture na slavonsko-srijemsko Podunavlje. *Arheoloski radovi i rasprave* (II), 263—293.

References

Alekseev, A.Yu. 2003. *Hronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n.e (Chronography of European Scythia in the 7th — 4th centuries BCE)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Alekseev et al. 2005: Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasil'ev, S.S., Dergachyov, V.A., Zayceva, G.I., Kovaljuh, N.N., Kuk, G., Pliht van der, J., Possnert, G., Semencov, A.A., Skott, E.M., Chugunov, K.V. 2005. *Evraziya v skifskuyu epohu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya (Eurasia in the Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology)*. Saint Petersburg: TEZA (in Russian).

Andreeva et al. 1986: Andreeva, M.V., Ul'yanova, O.A., Novikova, L.A., Pavlovich, G.A. 1986. Arhiv IA RAN, R-1, №№ 11910, 11910v. *Otchyot o rabote Arzgirskogo otryada Stavropol'skoy ekspedicii v 1986 godu*.

Artamonov, M.I. 1949. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* XI, 305—336 (in Russian).

Bokiy, N.M., Gorbul, G.P., Otroshhenko, V.V. 1991. In *Sovetskaja arheologiya (Soviet archaeology)* 1, 173—183 (in Russian).

Bruyako, I.V. 2013. In *Stratum plus* 3, 155—190 (in Russian).

Bruyako, I.V. 2017. In *Stratum plus* 3, 311—327 (in Russian).

Valchak, S.B. 2013. Raskopki mogil'nika Nacherziy v Adygee. In: Voroshilov, A.N. (ed.). *Vostochnoevropeyskie drevnosti (East European antiquities)*. Voronezh: Nauchnaya kniga, 47—57 (in Russian).

Valchak, S.B. 2024. In *Stratum plus* 3, 83—114 (in Russian).

Valchak, S.B., Gorbol', N.Yu. 2020. In *Stratum plus* 3, 301—317 (in Russian).

Valchak et al. 2019: Valchak, S.B., Sinika, V.S., Lukasik, S., Pospeshny, L., Gorbol', N.Yu. 2019. In *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182 (in Russian).

Valchak et al. 2020: Valchak, S.B., Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Gorbol', N.Ju., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 77—97 (in Russian).

Valchak, S.B., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2011. In *Istoriko-arheologicheskij al'manah (Historical and Archaeological Almanac)* 10, 38—43 (in Russian).

Vanchugov, V.P. 1990. *Belozyorskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Belozerka culture sites in North-West Black Sea region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Vanchugov, V.P., Zaginaylo, A.G., Toshhev, G.N. 1976. In: Pershina, Z.V. (ed.). *Arheologicheskie i arheograficheskie issledovanija na territorii Yuzhnoj Ukrainy (Archaeological and archaeographic research on the territory of Southern Ukraine)*. Kyiv; Odessa: OGU, 214—224 (in Russian).

Gordin, I.A., Potapov, V.V. 1991. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 godu*. Iss. 10, 36—42 (in Russian).

Gorodcov, V.A. 1905. In *Trudy XII Arheologicheskogo sezda v Khar'kove v 1902 g. (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov in 1902)* (I). Moscow: Tovarishhestvo tipografii A.I. Mamontova, 226—514 (in Russian).

Goshko, T.Yu., Otroshhenko, V.V. 1986. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 1, 168—183 (in Russian).

Grakov, B.N. 1977. *Ranniy zheleznyy vek (kul'tury Zapadnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy) (Early Iron Age (cultures of Western and Southeastern Europe))*. Moscow: MGU (in Russian).

Dvornichenko, V.V. 1968. In: Yatsenko, I.V. (ed.). *Sbornik dokladov na IX i X Vsesojuznyh arheologicheskih studencheskih konferenciyah (Collection of reports at the 9th and 10th All-Union Archaeological Student Conferences)*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 5—15 (in Russian).

Dvornichenko, V.V. 1982. In *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii SSSR (Brief reports of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of USSR)* 170, 59—64 (in Russian).

Dergachyov, V.A. 1984. Kurgany u s. Gura-Bykuluj. In: Artyomenko, I.I. (ed.). *Kurgany v zonah novostroek Moldavii (Barrows in the areas of new buildings in Moldavia)*. Kishinev: Shtiinca, 3—36 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1989. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* (1), 63—69 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1993. In *Arheologicheskiy al'manah (Archaeological almanac)* 2, 137—160 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1997. In *Arheologicheskiy al'manah (Archaeological almanac)* 6, 181—218 (in Russian).

Dubovskaya, O.R., Podobed, V.A. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziyskih drevnostey (eneolit — bronzovyy vek) (North-Eastern Azov region in the system of Eurasian antiquities (Chalcolithic — Bronze Age))* 2, 102—109 (in Russian).

Zabavin, V.O., Nebrat, S.G. 2021. In *Arheologiya (Archaeology)* 1, 72—83 (in Russian).

Ivanova, S.V., Petrenko, V.G., Vetchinnikova, N.E. 2005. *Kurgany drevnih skotovodov mezhdurech'ya Yuzhnogo Buga i Dnestra (Barrows of ancient cattle breeders between the Southern Bug and Dniester rivers)*. Odessa: IA NANU (in Russian).

Kadieva, A.A., Valchak, S.B., Demidenko, S.V. 2020. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii Rossiyskoy Akademii nauk (Brief reports of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences)* 258, 165—180 (in Russian).

Kalmykov, A.A., Potapov, V.V. 2004. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the Black Sea Steppe and Crimea)* XI, 103—109 (in Russian).

Kameneckiy, I.S. 1983. In: Krasnov, Yu.A. (ed.). *Drevnosti Dona. Materialy rabot Donskoy ekspedicii (Antiquities of the Don. Materials from the work of the Don Expedition)*. Moscow: Nauka, 221—250 (in Russian).

Kameneckiy, I.S. 1986. In: Kameneckiy, I.S. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya na novostroykah (Archaeological discoveries in new buildings)* 1. Moscow: Nauka, 136—194 (in Russian).

Kashuba, M.T. 2000. In *Stratum plus* (3), 241—488 (in Russian).

Klepikov 1989: Arhiv IA RAN. R-1. No. 13705, 13706. Klepikov V.M. 1989. Otchyot ob arheologicheskih raskopkah v zone stroitel'stva I ocheredi Frolovskoy orositel'noy sistemy u h. Shljahovskogo Frolovskogo r-na Volgogradskoj oblasti v 1989 godu.

Koval'ova, I.F., Shalobudov, V.M., Teslenko, D.L. 1999. In *Problemi arheologiï Podniprov'ya (Problems of the archaeology of the Dnieper region)* 2, 4—35 (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1998. *Material'naya osnova byta kobanskih plemyon. Zapadnyi variant (The material basis of life of the Kuban tribes. Western version).* Moscow: IA RAN (Corpus of archaeological sources B2-5) (in Russian).

Kozenkova, V.I. 2001. Posyolok-ubezhishhe kobanskoy kul'tury u aula Serzhen'-Jurt v Chechne kak istoricheskiy istochnik (Severnyi Kavkaz) *(Refuge settlement of the Kuban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kozenkova, V.I. 2004. In *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)* V (in Russian).

Kopylov, V.P., Luk'jashko, S.I. 1995. In *Donskie drevnosti (Don Antiquities)* 4, 117—148 (in Russian).

Korenyako, V.A. 1982. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii SSSR (Brief reports of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of USSR)* 170, 64—70 (in Russian).

Kuz'min, Ya.V. 2017. *Geoarheologiya: estestvennonauchnye metody v arheologicheskih issledovaniyah (Geoarchaeology: Natural Science Methods in Archaeological Research)*. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).

Levickiy, O.G., Kashuba, M.T. 2011. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 17, 239—258 (in Russian).

Litvinenko, R.A. 2009. Babino cultural circle (based on the materials of burial sites. Doctor thesis. Kyiv.

Luk'yashko, S.I. 1999. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu (Pre-Scythian period in the Lower Don region)*. Azov: AKM (in Russian).

Mamontov 1978: Arhiv IA RAN. R-1. Mamontov V.I. 1978. Otchyot o rabote Privolzhskogo otryada LOIA AN SSSR, Volgogradskogo otdeleniya VOOPIK v 1978 g.

Mamontov 1982: Arhiv IA RAN. R-1. No. 9025, 9025a. Mamontov V.I. 1982. Otchyot o rabote Privolzhskogo otryada LOIA AN SSSR, Volgogradskogo Oblastnogo upravleniya kul'tury, Oblastnogo muzeya kraevedeniya i Donskoy ekspedicii NIS VGPI za 1982 god.

Mamontov 1983: Arhiv IA RAN. R-1. No. 9895, 9895a. Mamontov V.I. 1983. Otchyot o rabote Privolzhskogo otryada LOIA AN SSSR, Volgogradskogo Oblastnogo upravleniya kul'tury, Oblastnogo muzeya kraevedeniya i Donskoy ekspedicii NIS VGPI v 1983 godu.

Mamontov, V.I. 1994. In *Drevnosti Volgo-Donskih stepey (Antiquities of the Volga-Don steppes)* 4, 15—46 (in Russian).

Mamontov, V.I. 1999. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzh'e (Historical and archaeological research in the Lower Volga region)* 3, 46—89 (in Russian).

Mahortyh, S.V. 2005. *Kimmeriycy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Black Sea region)*. Kyiv: Shlyah (in Russian).

Melyukova, A.I. 1979. *Skifija i frakijskiy mir (Scythia and the Thracian word)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Moshkova, M.G., Fyodorova-Davydova, E.A. 1974. In: Moshkova, M.G., Shelov, D.B. (eds.). *Arheologicheskie pamjatniki Nizhnego Podon'ya (Archaeological sites of the Lower Don region)* I, 21—122 (in Russian).

Otroshhenko, V.V. 1986. In: Berezanskaya, S.S., Otroshhenko, V.V., Cherednichenko, N.N., Sharafutdinova, I.N. *Kul'tury epohi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age cultures in Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 117—152 (in Russian).

Otroshhenko, V.V. 2001. *Problemi periodizacii kul'tur seredn'oi ta pizn'oi bronzi pivdnya Shidnoi Evropy (kul'turno-stratigrafichni zistavlennya) (Problems of periodization of the Middle and Late Bronze Age culture of southern Northern Europe (cultural and stratigraphic comparisons))*. Kyiv: IA NANU (in Ukrainian).

Pliht van der et al. 2007: Pliht van der, Y., Shishlina, N.I., Hedzhes, R.E.M., Zazovskaya, E.P., Sevast'yanov, V.S., Chichagova, O.A. 2007. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 2, 39—47 (in Russian).

Polidovich, Yu.B. 2005. In: Evglevskiy, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural-semiotic studies in archeology)* 2, 197—218 (in Russian).

Potapov, V.V. 1999. In *Donskaya arheologiya (Don archaeology)* 1, 62—68 (in Russian).

Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N. P., Chetverikov, I.A. 2013. In *Stratum plus* (2), 297—340 (in Russian).

Savva, E.N. 1992. *Kul'tura mnogovalikovoy keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya (Culture of multi-roll ceramics of the Prut-Dniester interfluve)*. Chișinău: Shtiinca (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (barrows near Butory villahe)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological sites of Pridnestrovie I) (in Russian).

Sinika, V. S., Simonenko, S. O. 2022. In: Kashuba, M.T., Smirnov, N.Ju., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (eds.) *Evraziya v eneolite — rannem srednevekov'e (innovacii, kontakty, translyacii idey i tehnologiy). (Eurasia in the Neolithic — early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies))*. SPb: IIMK RAN, 157—161 (in Russian).

Sinicyn, I.V. 1947. *Arheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzh'ya (Archaeological excavations in the Lower Volga region)*. Saratov: SGU (in Russian).

Skoryi, S.A. 1999. *Kimmeriycy v Ukrainskoy Lesostepi (Cimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe)*. Kyiv; Poltava: Arheologiya (in Russian).

Tarasova, N.V. 2004. In *Problemy istorii i arheologii Ukrainy. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (Problems of history and archeology of Ukraine)*. Kharkiv: NMC "MD", 24—25 (in Russian).

Tarasova, N.V. 2005. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 7, 122—132 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoe (Scythian cemetery of the 3rd — 2nd centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie III) (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriycy (Cimerians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Fyodorov-Davydov et al. 1974: Arhiv IA RAN. R-1. No. 5315, 5315a, v. Fyodorov-Davydov G.A., Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V. 1974. Otchyot o raskopkah kurganov v urochishhe "Krivaya Luka" v Chernoyarskom rayone Astrahanskoy oblasti v 1974 g. (in Russian).

Fidel'skiy, S.A, Sinika, V.S. 2010. In *Revista arheologică*. S. n. Vol. VI, Nr. 1, 164—170 (in Russian).

Shilov 1962: Arhiv IA RAN. R-1. No. 2728: Shilov V.P. 1962. Otchyot o raskopkah Astrahanskoy arheologicheskoy ekspedicii v 1962 g.

Erlih, V.R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa (At the origins of the Early Scythian rite)*. Moscow: GMV (in Russian).

Erlih, V.R. 1994a. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 168—176 (in Russian).

Jerlih, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov (Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: Proto-Meotian group of monuments)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yarovoy, E.V., Kashuba, M.T., Mahortyh, S.V. 2002. *Kimmerijskiy kurgan u pgt. Slobodzeya (Cimmerian barrow near Slobodzeya)*. In: Ketraru, N.A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (Northern Black Sea region: from the Eneolithic to antiquity)*. Tiraspol: Tipar, 279—343 (in Russian).

Chochorowski, J. 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Uniwersytet Jagelloński.

Gergova, D. 1978. Contributions to the Problem of Thrako-Caucasian Relations in the Iron Age. Pulpudeva (3), 296—304.

Kaşuba, M. 2003. Periferia de est a complexului hallstatian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată (secolele X—VIII î. e. n. în interfluviul Nistru-Siret). In: Sava E. (ed.). I*nterferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: Institutul de Arheologie si Etnografie Academiei de Științe a Republicii Moldova, 183—210.

Kašuba, M. 2006. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10-9 Jh. v. Chr. *Prähistorische Zeitschrift* 81 (2), 213—235.

Łukasik, S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe RYBKHOZ site, Moldova: part 1*.Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe DOT site, Moldova: part 2 (K7B11, K9B1, K9B2, K9B5, K10B1, K10B2)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe RYBKHOZ site, Moldova: part 2 (K1B4, K1B8, K1B11, K3B1, K3B4, K3B95)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024c. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 2 (K5B1, K6B1, K6B2, K6B3A, K6B3, K6B4, K7B1, K7B2S1, K7B2S2, K8B2, K9B1S1, K9B1S2, K9B2, K9B3)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024d. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe VODOVOD site, Moldova: K18B1, K19B1, K20B1, K21B8, K21B11S2, K21B12-A, K21B12-B and K21B17*.Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwel, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plich, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 calkBP), *Radiocarbon*, is. 4. IntCal20. *Calibration Issue, August 2020*, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

Tončeva, G. 1980. Chronologie du Hallstatt Ancien dans la Bulgarie de Nord-Est. *Studia Thracica* (5).

Valchak et al. 2020: Valchak, S.B., Lysenko, S.D., Gorbol, N.Yu., Razumov, S.N., Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2020. Graves of the Beginning of the Early Iron Age in Barrow 1 of the "Rybkhoz" ("Fisch Farm") Group in the Lower Dniester Region. *Sprawozdania Archeologiczne* 72 (2), 357—371.

Vinski, Z., Vinski-Gasparini, K. 1962. O utjecajima istočno-alpske halštatske culture i balkanske ilirske culture na slavonsko-srijemsko Podunavlje. *Arheoloski radovi i rasprave* (II), 263—293.

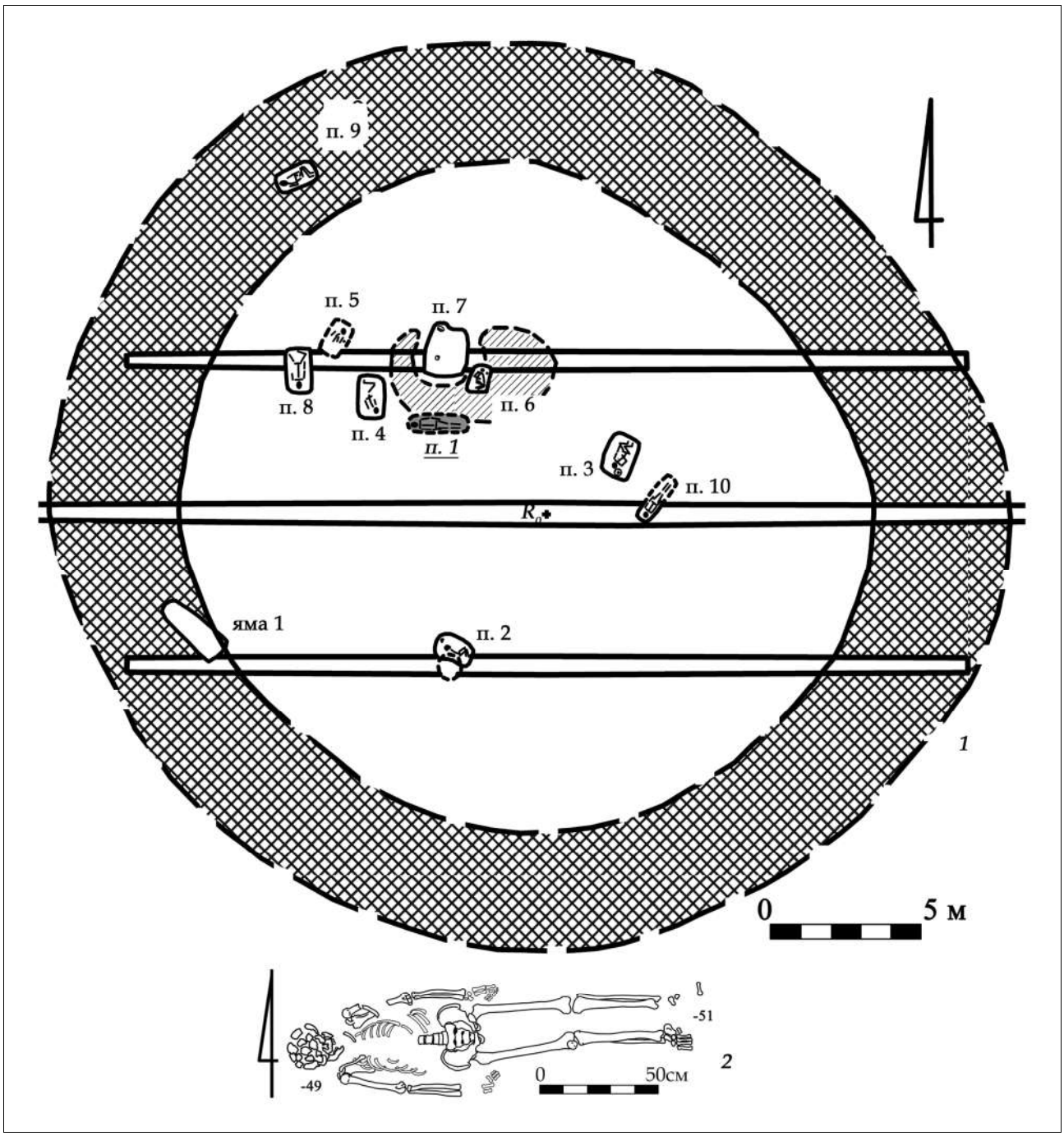


Рис. 1. План кургана 110 у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (*1*) и погребение 1 (*2*).

Fig. 1. Plan of barrow 110 near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester (*1*) and burial 1 (*2*).

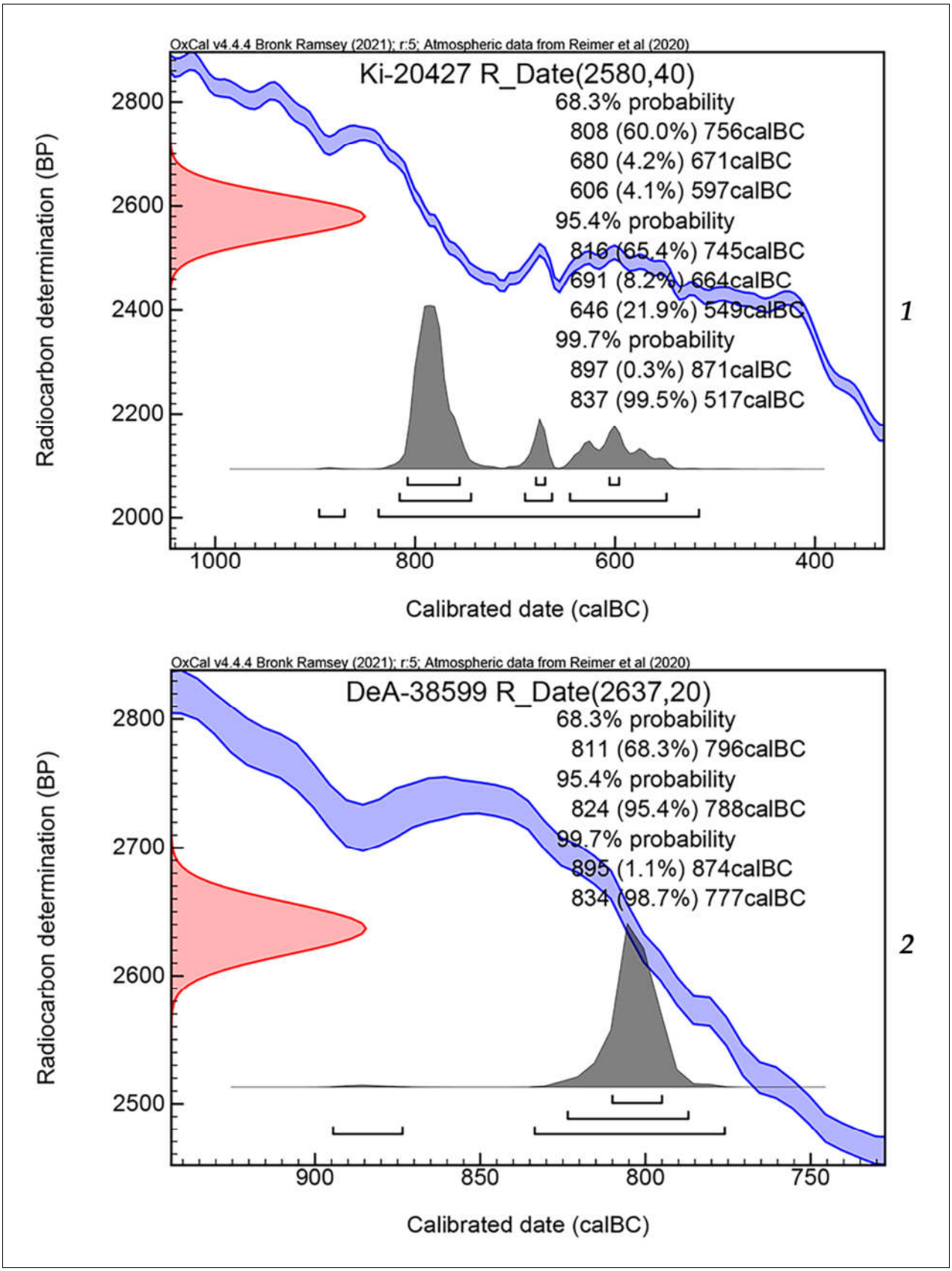


Рис. 2. Калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное 110/1.

Fig. 2. Calibrated radiocarbon dates for burial Glinoe 110/1.

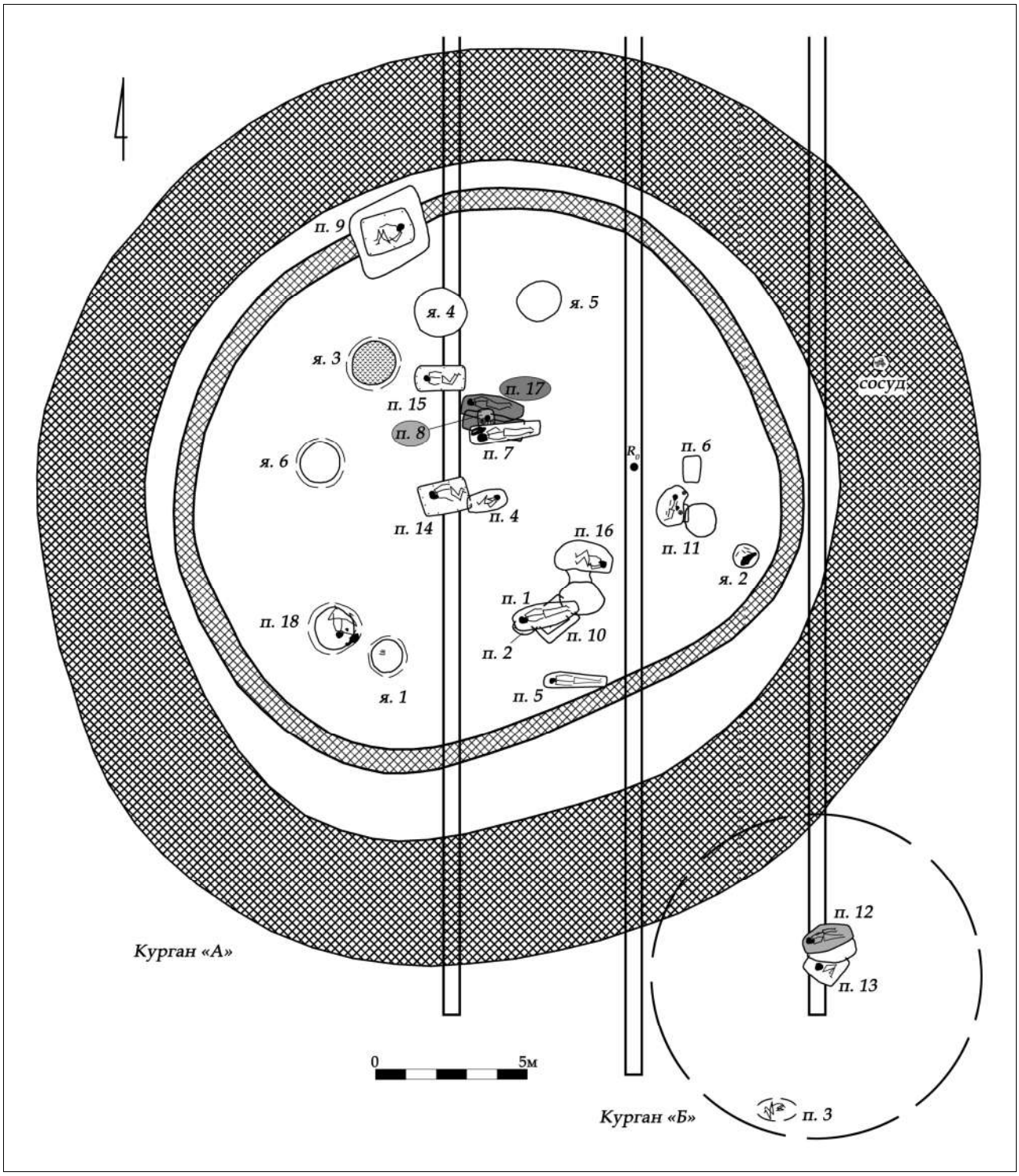


Рис. 3. План кургана Глиное/Водовод 21.

Fig. 3. Plan of the barrow Glinoe/Vodovod 21.

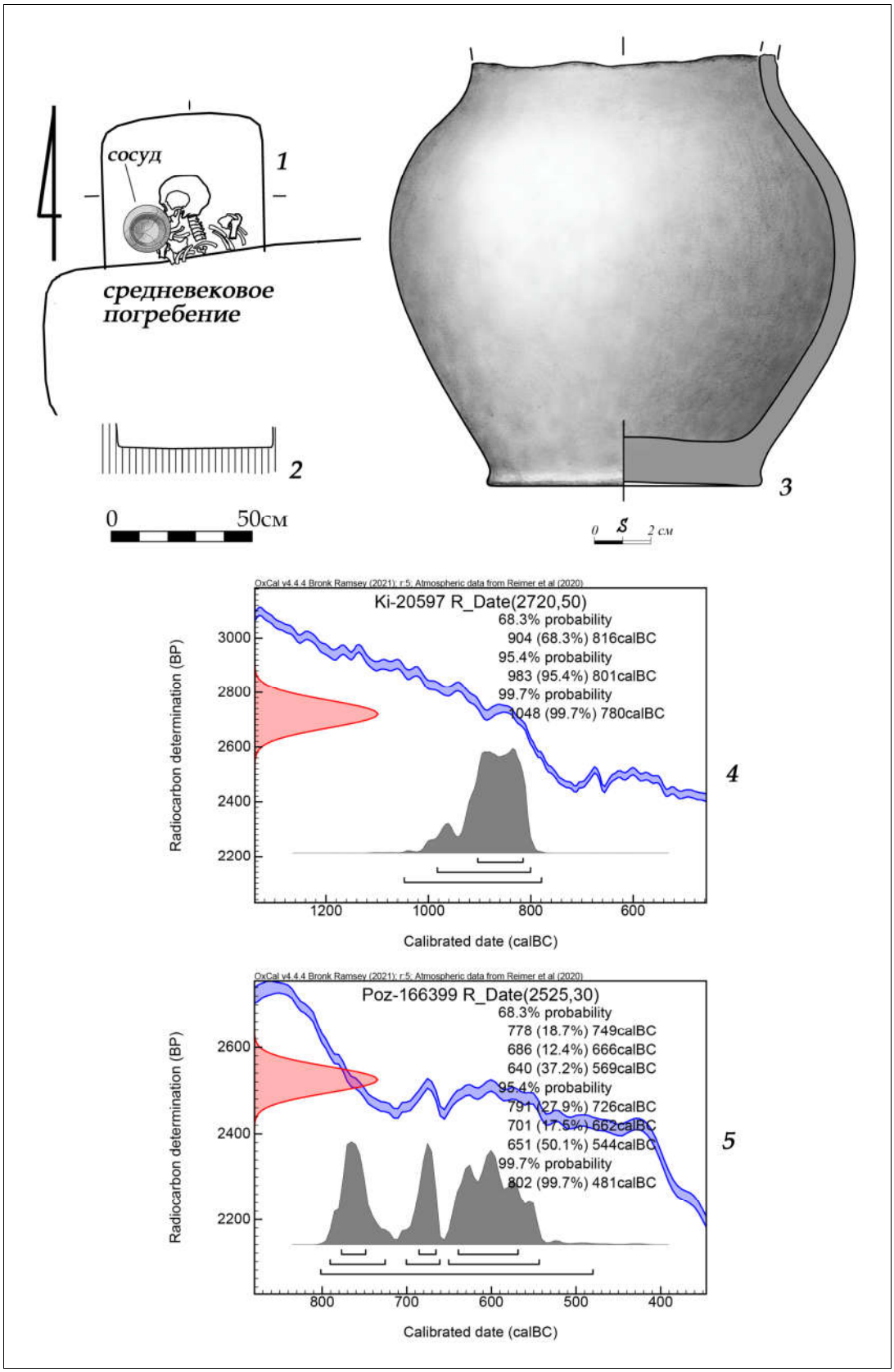


Рис. 4. Погребение Глиное/Водовод 21«А»/8 (*1—3*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*4, 5*)**.**

Fig. 4. Burial Glinoe/Vodovod 21“A”/8 (*1—3*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*4, 5*)**.**

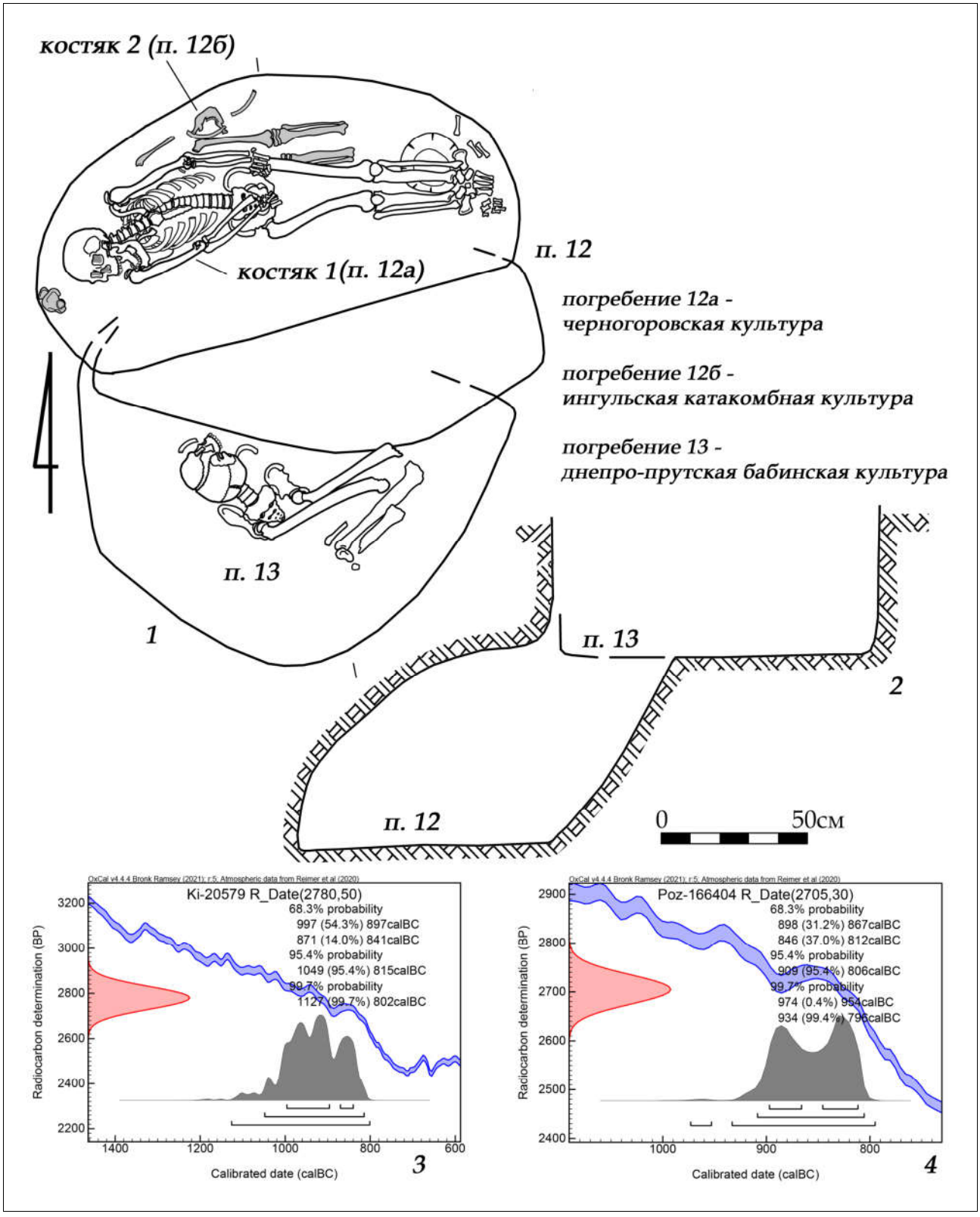


Рис. 5. Погребение Глиное/Водовод 21«Б»/12а (*1, 2*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*3, 4*)**.**

Fig. 5. Burial Glinoe/Vodovod 21“Б”/12а (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*3, 4*)**.**

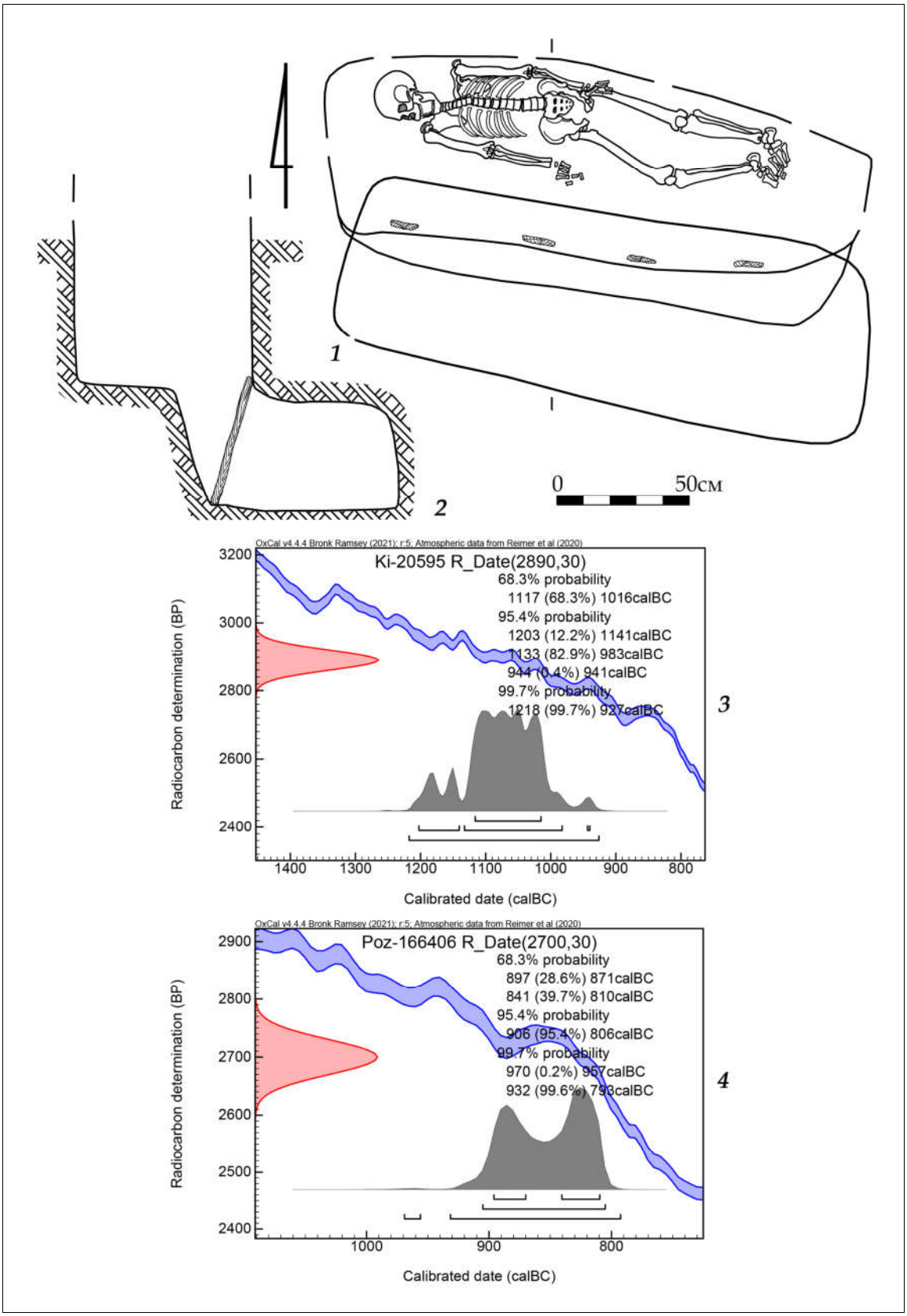


Рис. 6. Погребение Глиное/Водовод 21«А»/17 (*1, 2*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*3, 4*)**.**

Fig. 6. Burial Glinoe/Vodovod 21“A”/17 (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*3, 4*)**.**

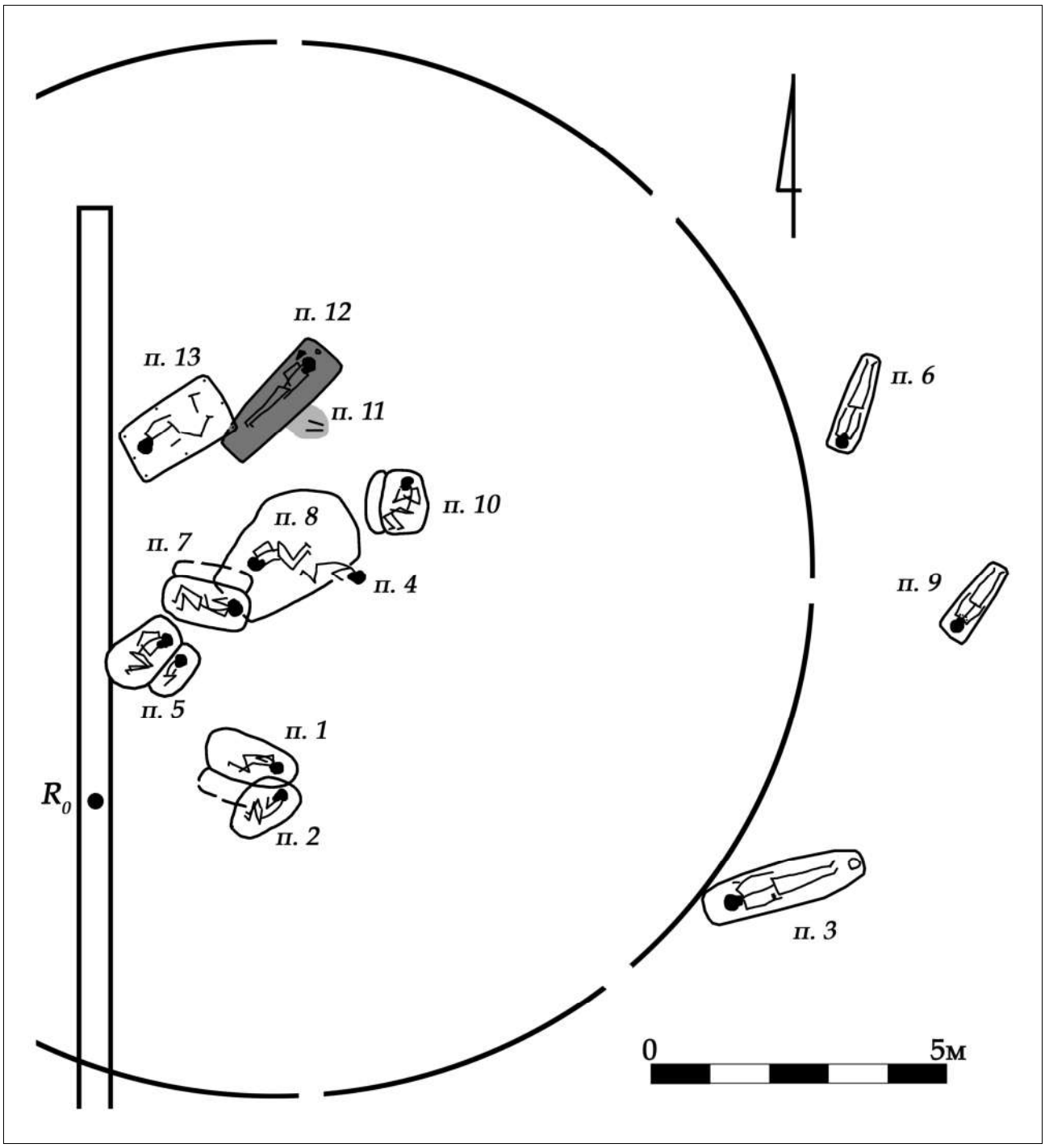


Рис. 7. План кургана Глиное/ДОТ 7.

Fig. 7. Plan of the barrow Glinoe/DOT 7.

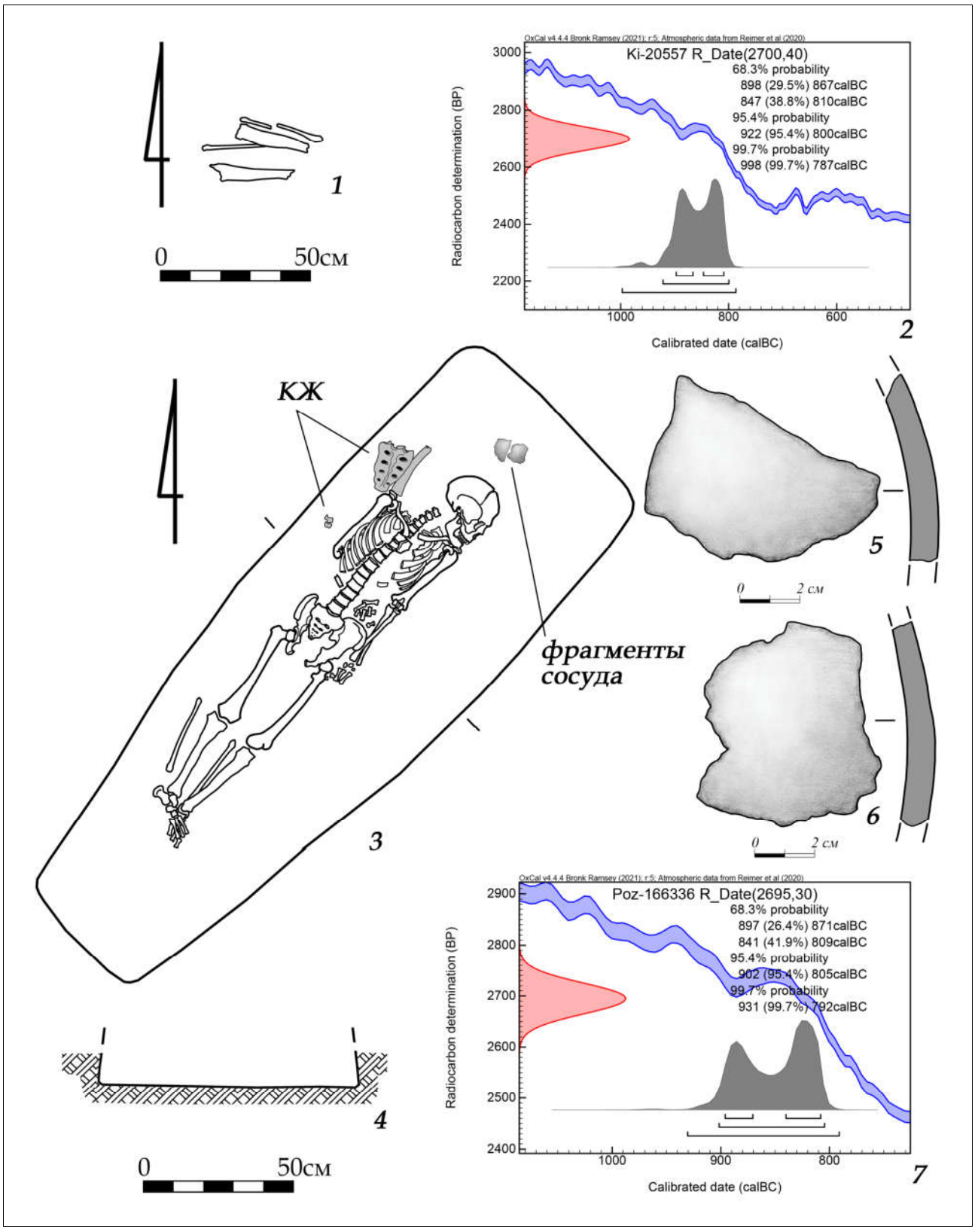


Рис. 8. Погребение Глиное/ДОТ 7/11 (*1*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*2*)**; погребение Глиное/ДОТ 7/12** (*3—6*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*7*)**.**

Fig. 8. Burial Glinoe/DOT 7/11 (*1*) **and its calibrated radiocarbon date** (*2*)**; burial Glinot/DOT 7/12** (*3—6*) **and its calibrated radiocarbon date** (*7*)**.**

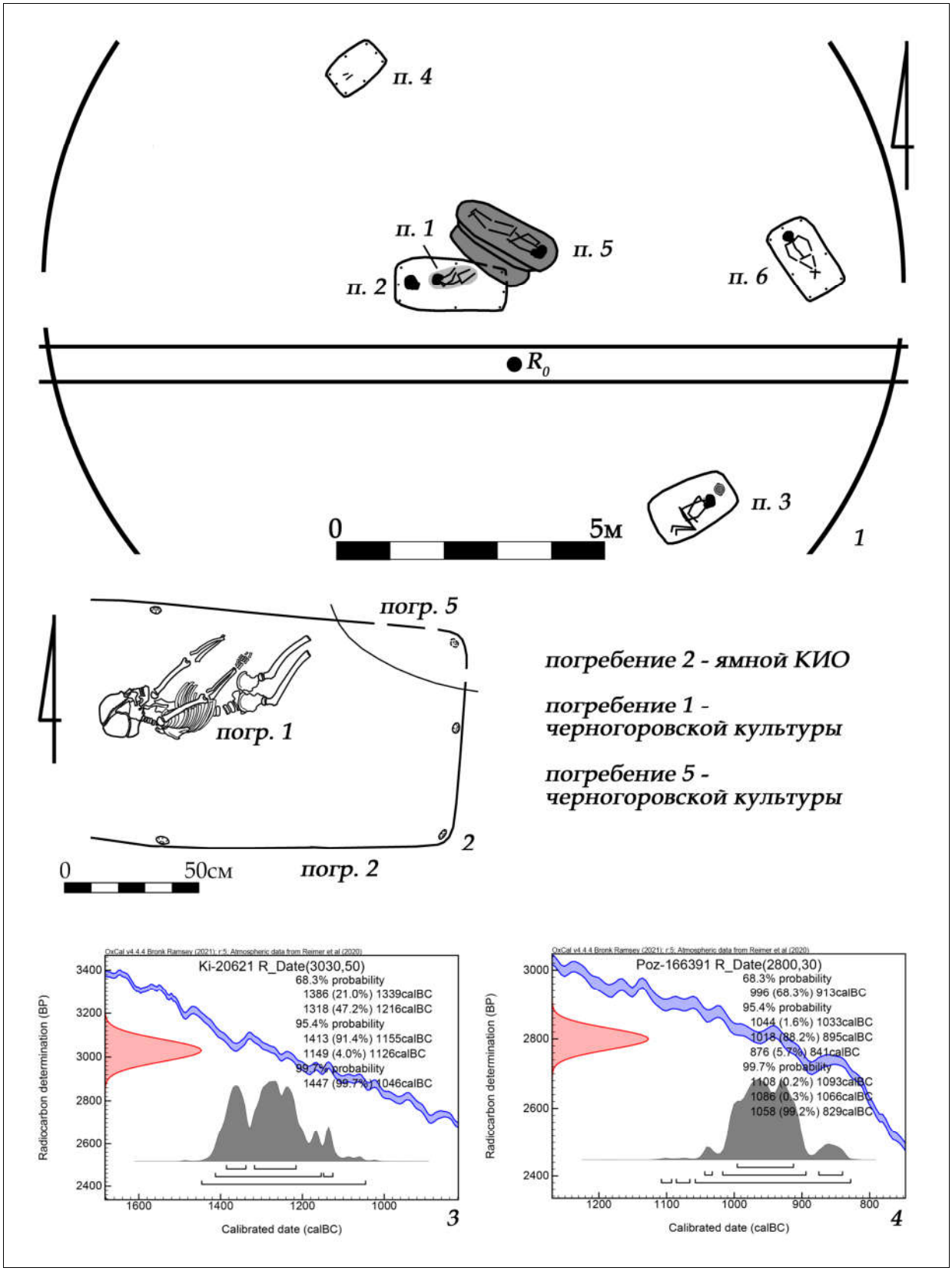


Рис. 9. План кургана Глиное/ДОТ 9 (*1*)**, погребение Глиное/ДОТ 9/1** (*2*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*3, 4*)**.**

Fig. 9. Plan of the barrow Glinoe/DOT 9 (*1*)**, burial Glinoe/DOT 9/1** (*2*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*3, 4*)**.**

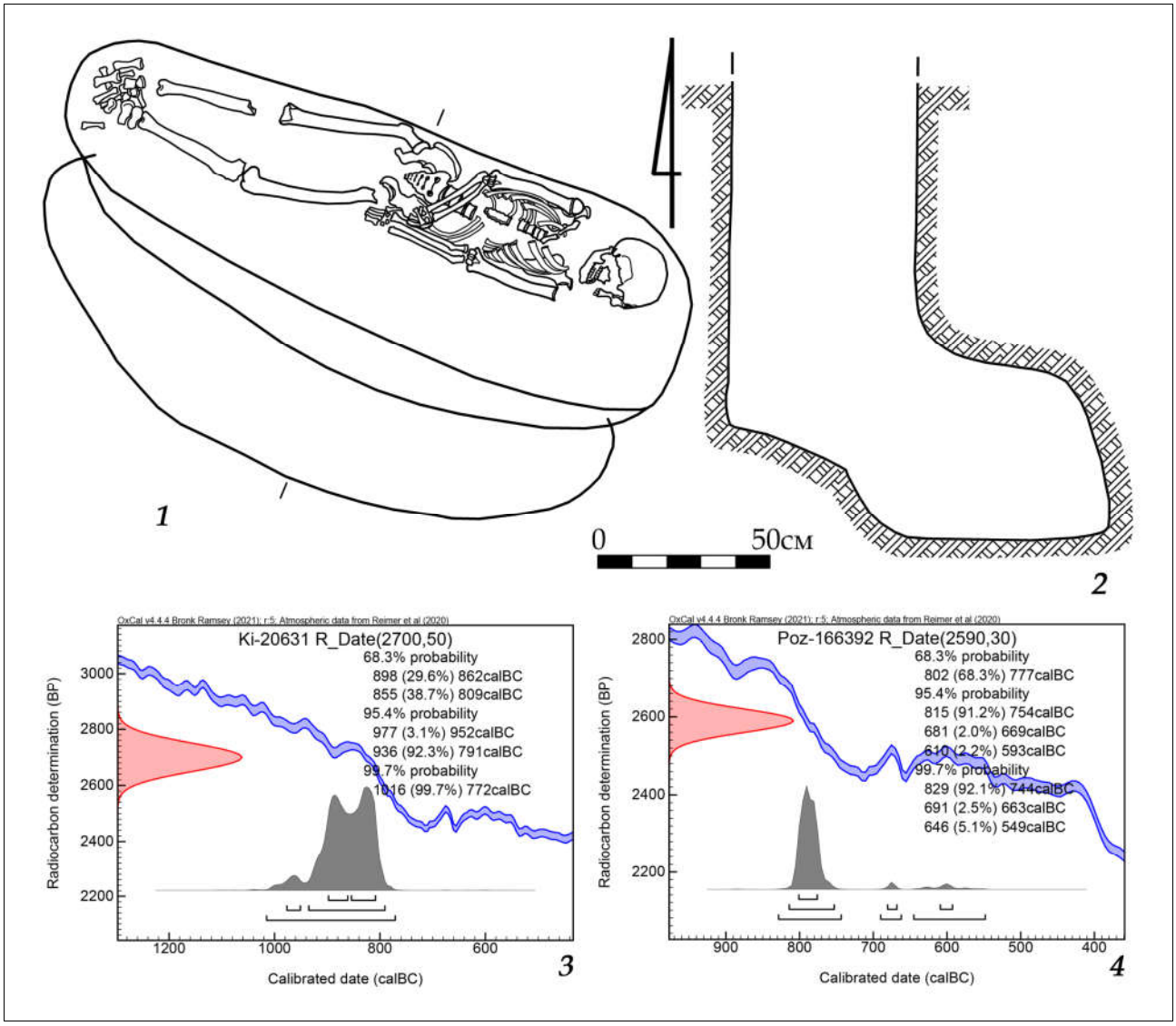


Рис. 10. Погребение Глиное/ДОТ 9/5 (*1, 2*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*3, 4*)**.**

Fig. 10. Burial Glinoe/DOT 9/5 (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*3, 4*)**.**

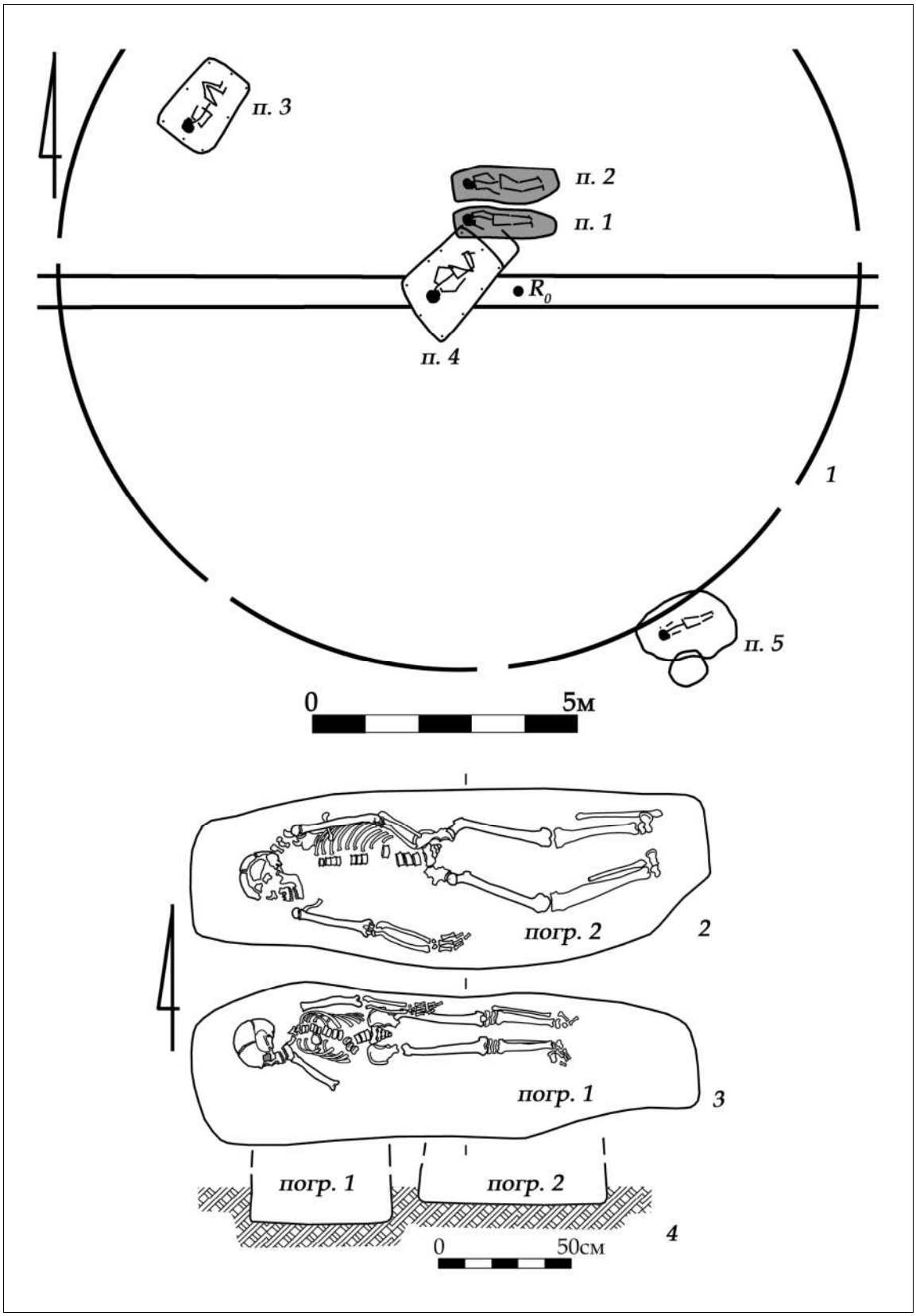


Рис. 11. План кургана Глиное/ДОТ 10 (*1*) и погребения Глиное/ДОТ 10/1 (*2, 4*) **и 10/2** (*3, 4*)**.**

Fig. 11. Plan of the barrow Glinoe/DOT 10 (*1*) and graves Glinoe/DOT 10/1 (*2, 4*) **and 10/2** (*3, 4*)**.**

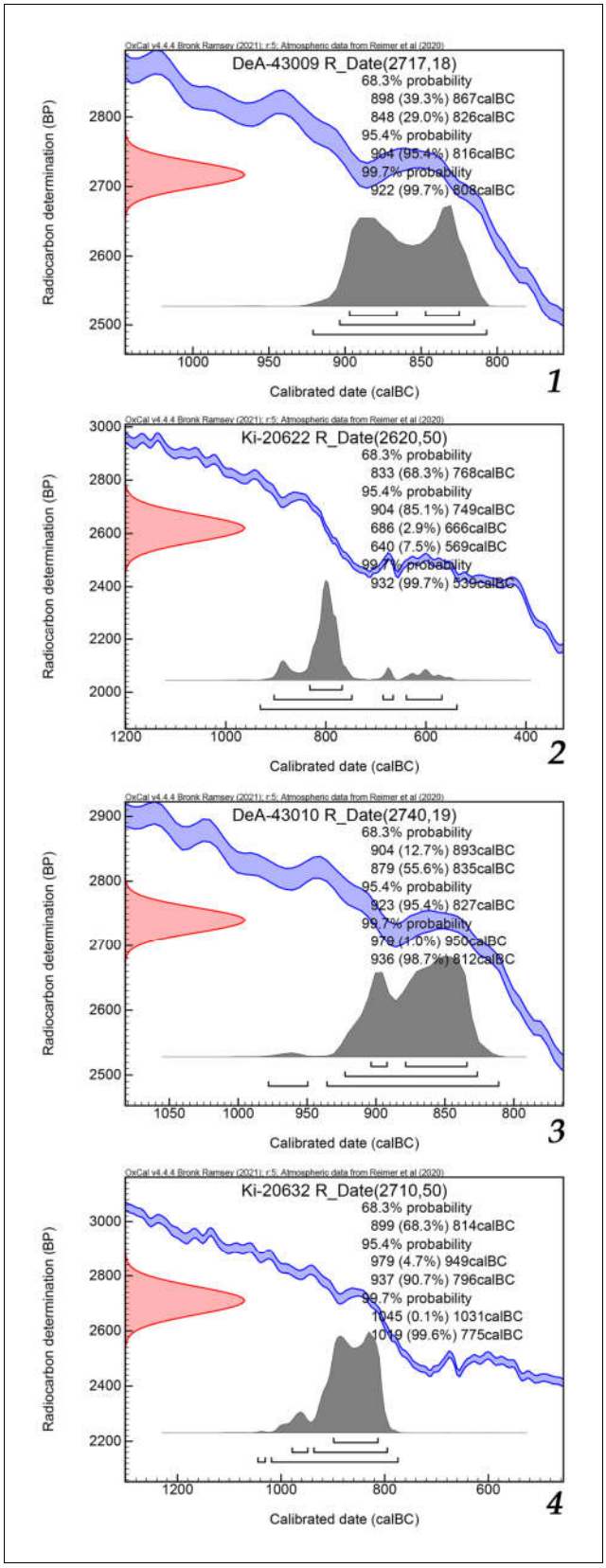


Рис. 12. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений Глиное/ДОТ 10/1 (*1, 2*) **и 10/2** (*3, 4*)**.**

Fig. 12. Calibrated radiocarbon dates for burials Glinoe/DOT 10/1 (*1, 2*) **and 10/2** (*3, 4*)**.**

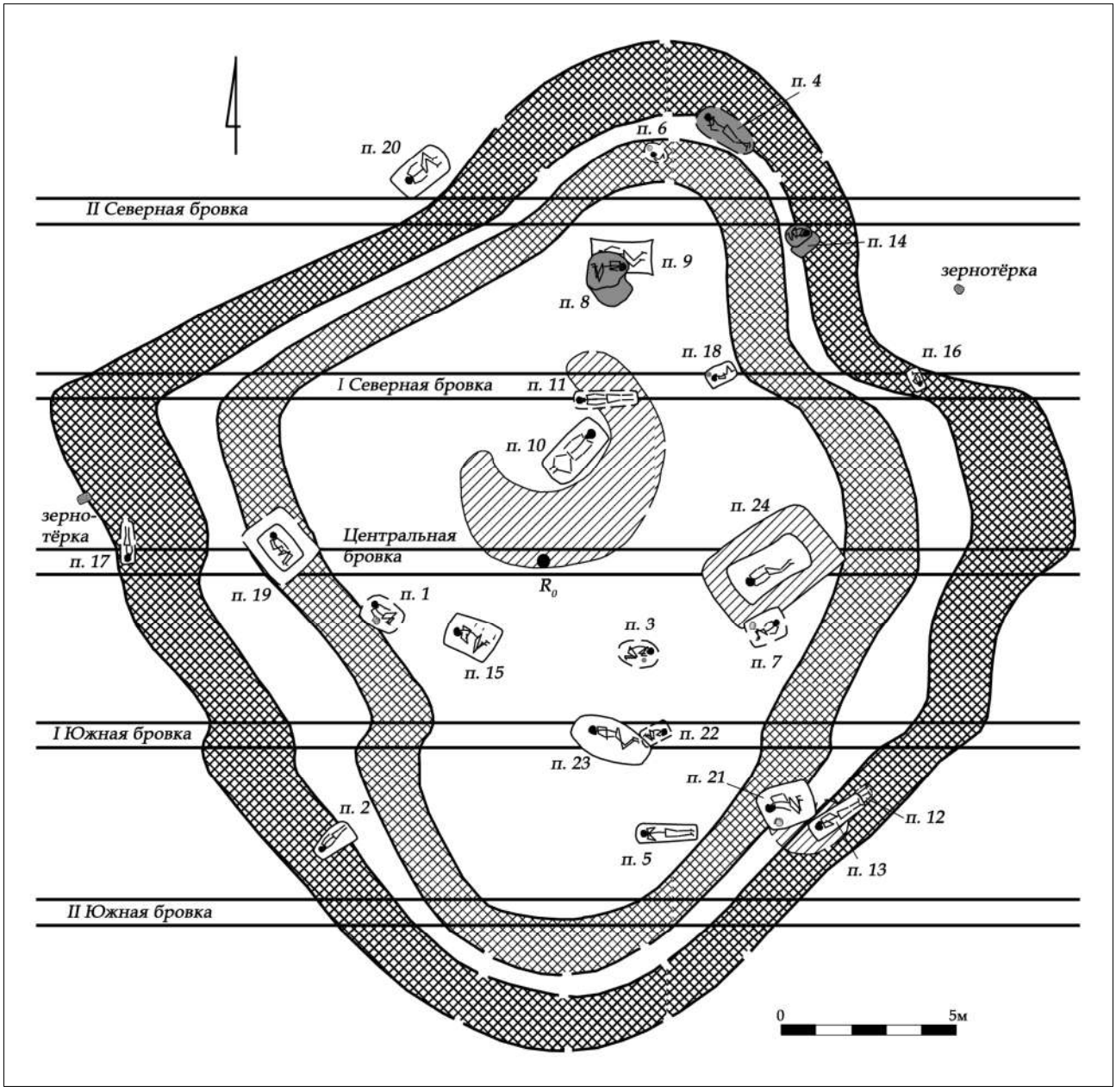


Рис. 13. План кургана Глиное/Рыбхоз 1.

Fig. 13. Plan of the barrow Glinoe/Rybkhoz 1.

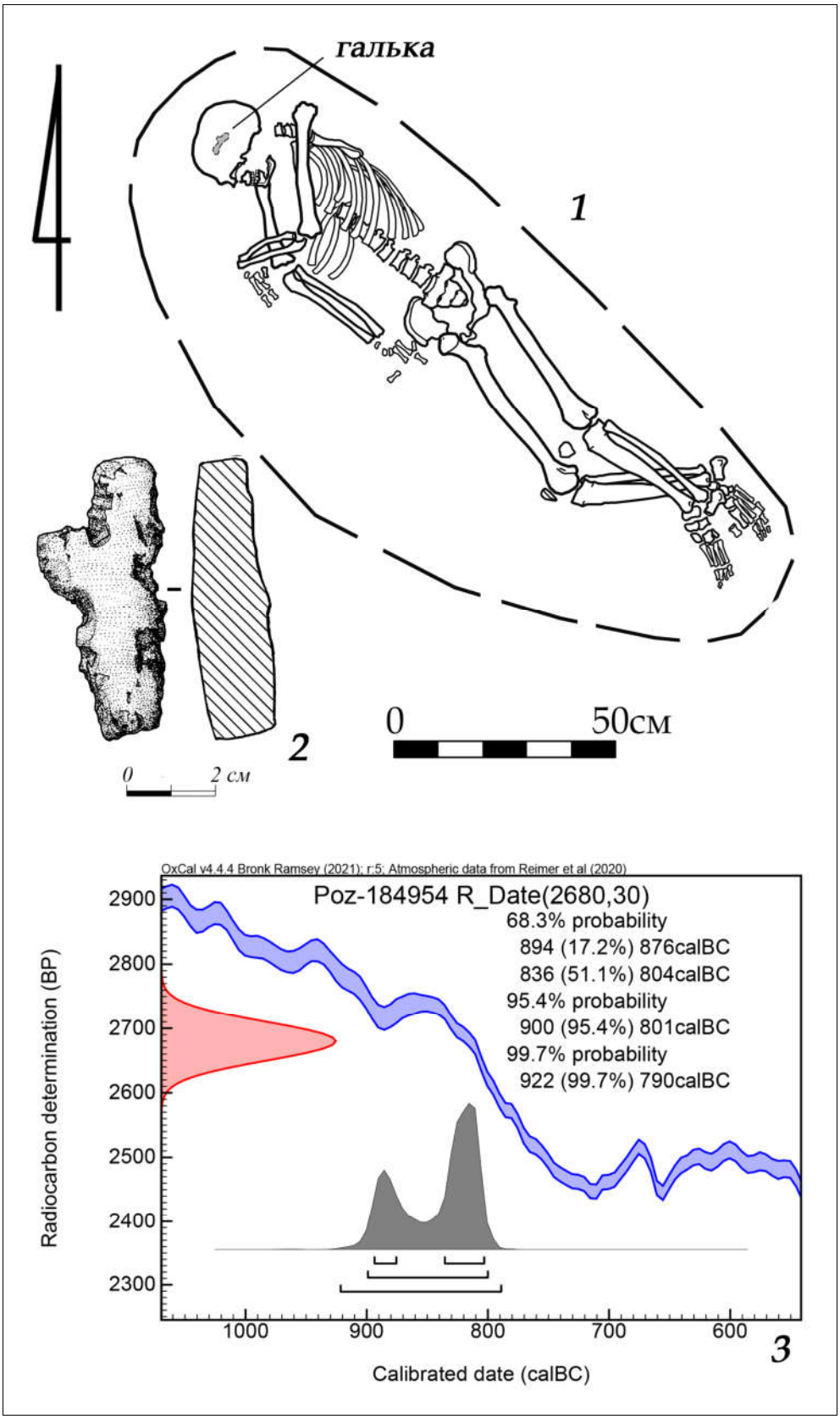


Рис. 14. Погребение Глиное/Рыбхоз 1/4 (*1, 2*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*3*)**.**

Fig. 14. Burial Glinoe/Rybkhoz 1/4 (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon date** (*3*)**.**

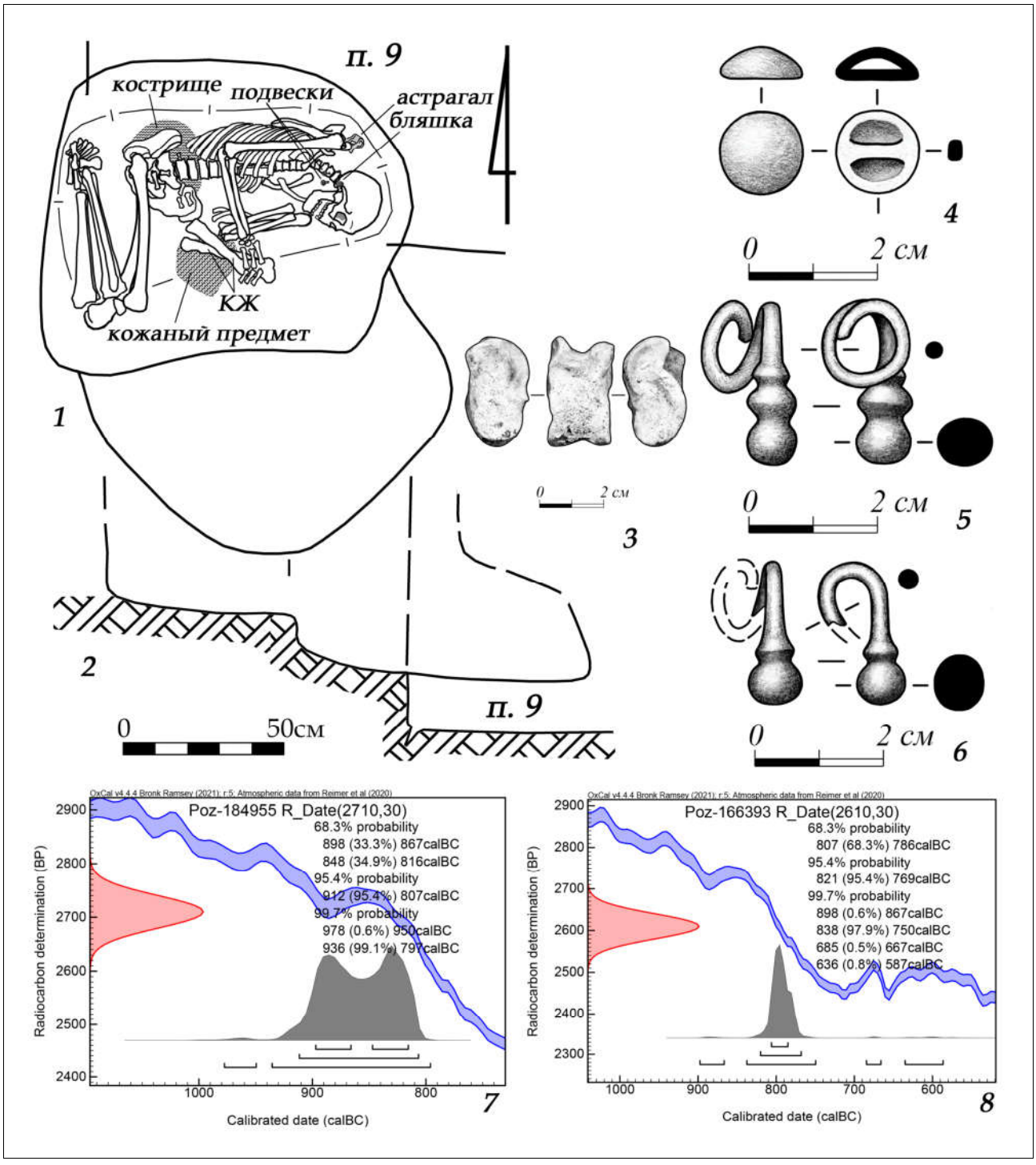


Рис. 15. Погребение Глиное/Рыбхоз 1/8 (*1—6*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*7, 8*)**.**

Fig. 15. Burial Glinoe/Rybkhoz 1/8 (*1—6*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*7, 8*)**.**

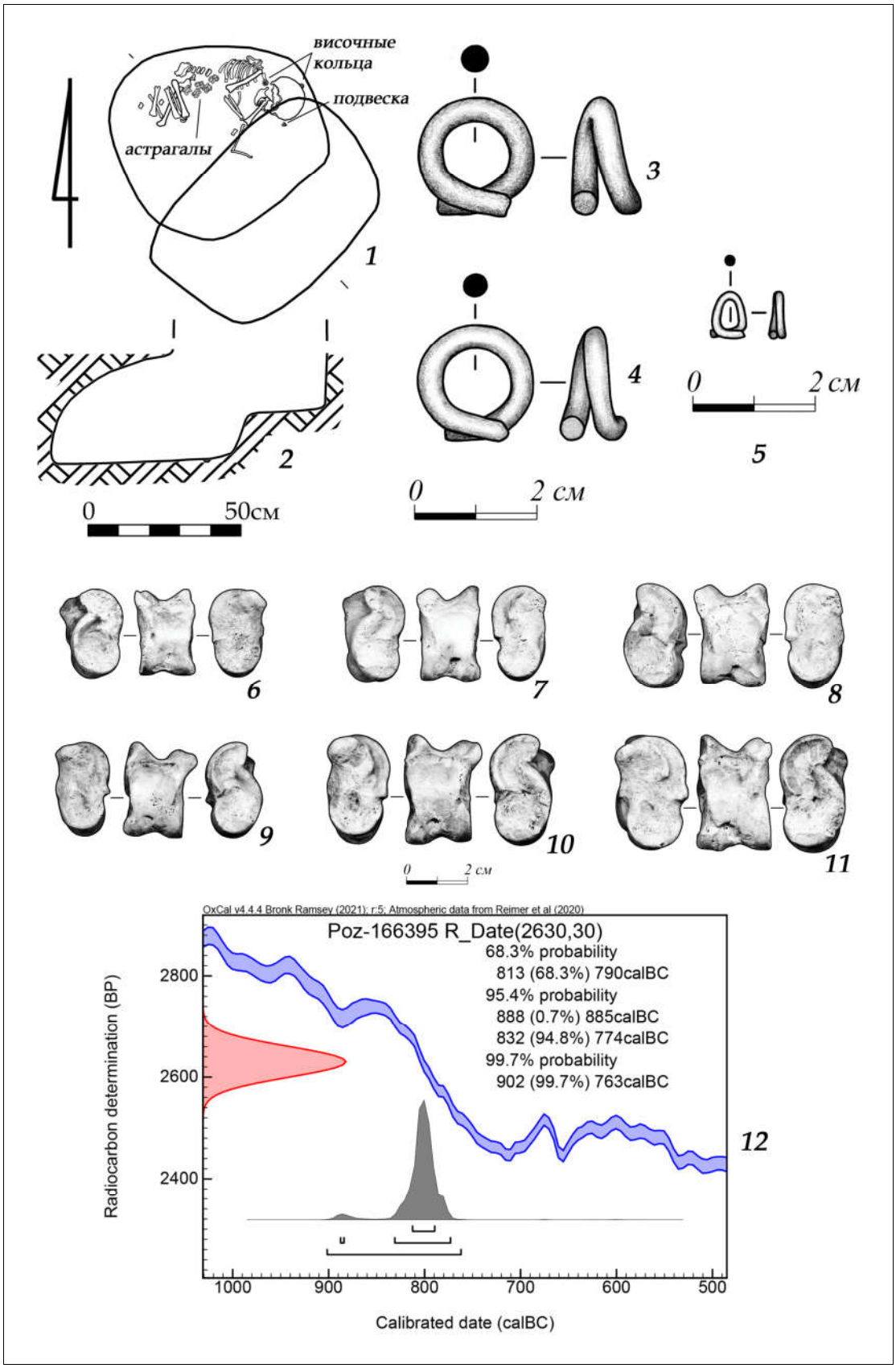


Рис. 16. Погребение Глиное/Рыбхоз 1/14 (*1—11*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*12*)**.**

Fig. 16. Burial Glinoe/Rybkhoz 1/14 (*1—11*) **and its calibrated radiocarbon date** (*12*)**.**

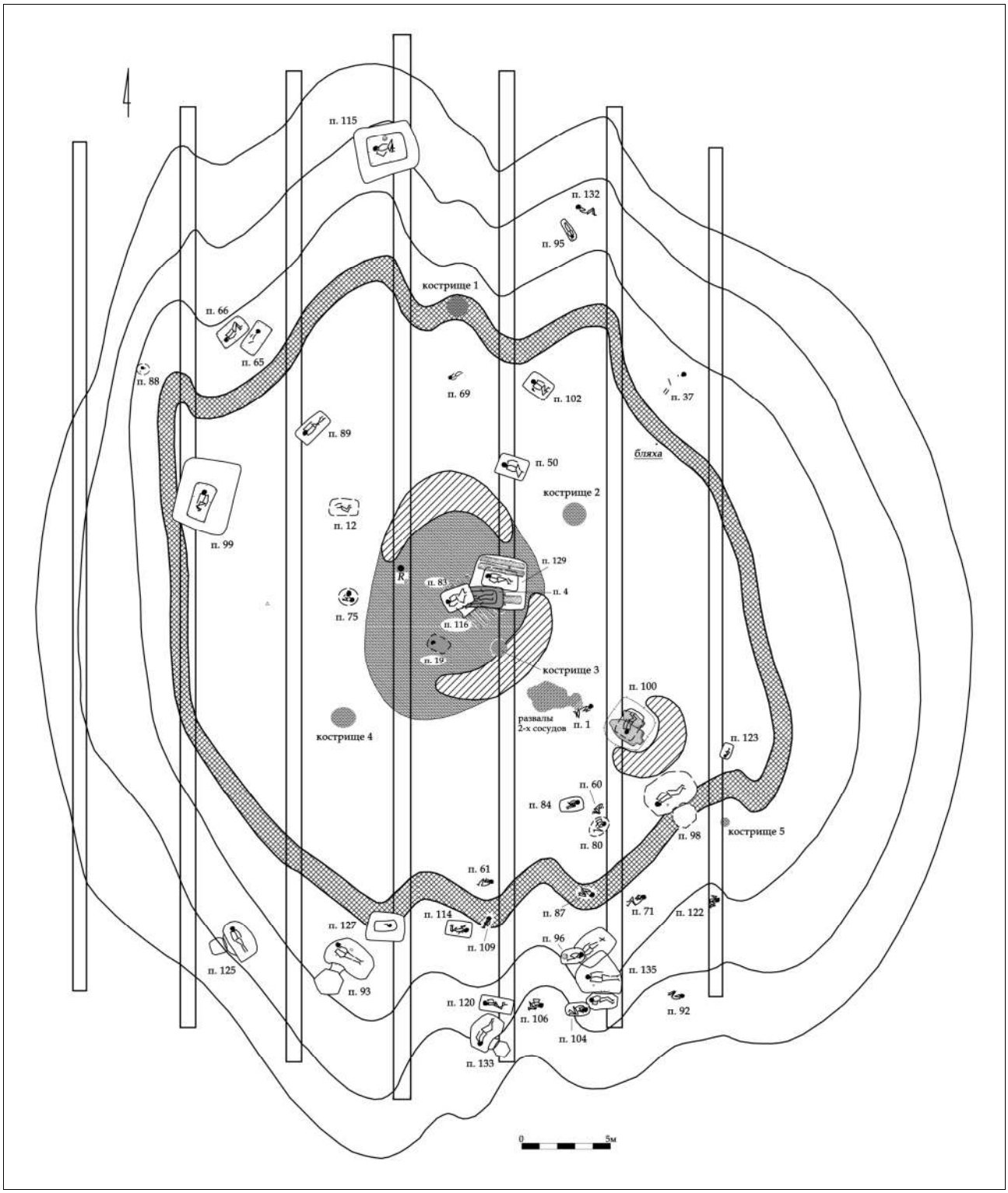


Рис. 17. План кургана Глиное/Рыбхоз 3.

Fig. 17. Plan of the barrow Glinoe/Rybkhoz 3.

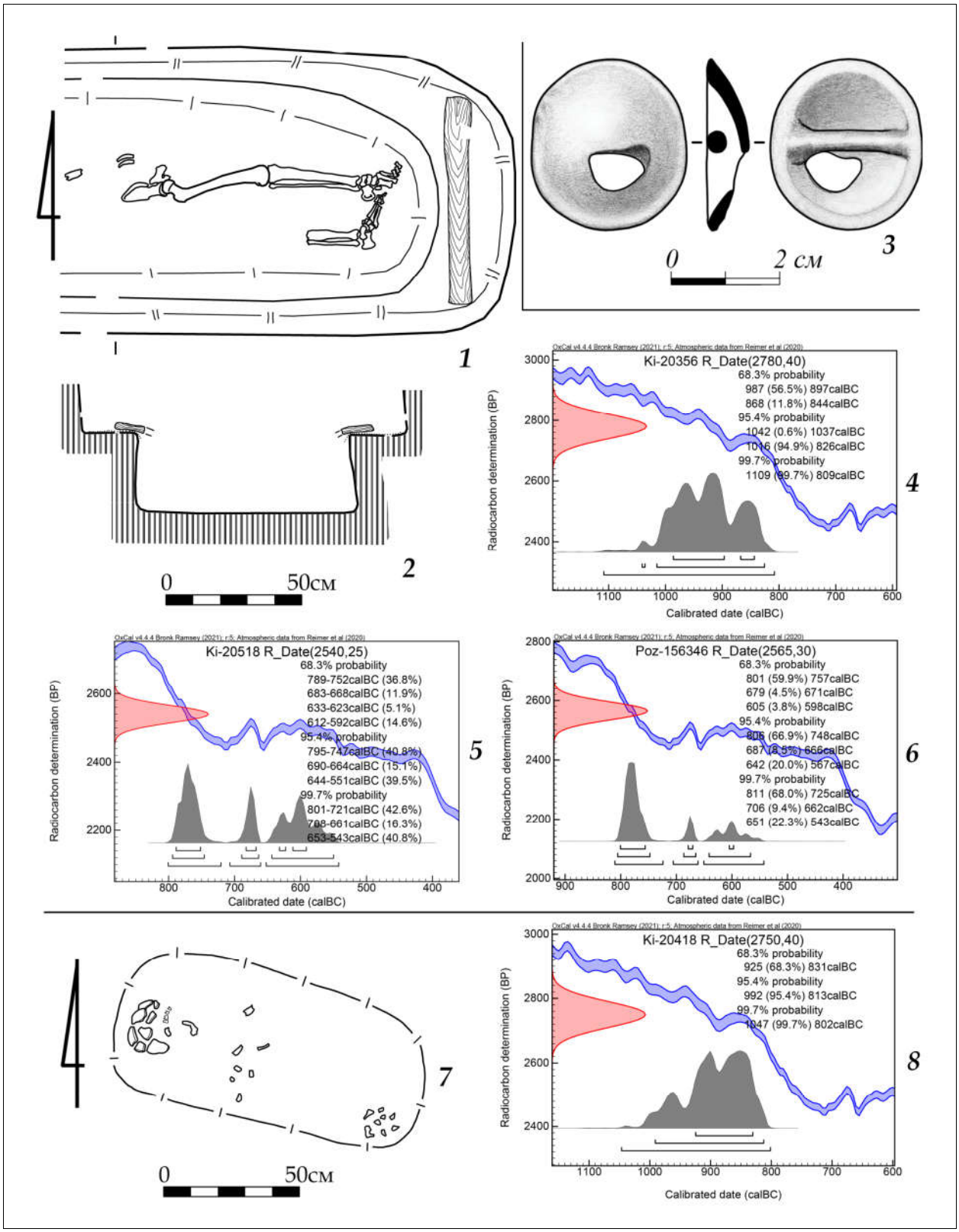


Рис. 18. Погребение Глиное/Рыбхоз 3/4 (*1, 2*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*4—6*)**; бляха в насыпи кургана Глиное/Рыбхоз 3** (*3*)**; погребение Глиное/Рыбхоз 3/19** (*7*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*8*)**.**

Fig. 18. Burial Glinoe/Rybkhoz 3/4 (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon date** (*4—6*)**; plaque from mound Glinoe/Rybkhoz 3** (*3*)**; burial Glinoe/Rybkhoz 3/19** (*7*) **and its calibrated radiocarbon date** (*8*)**.**

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.34.98.004

А.О. Хотылев, А.А. Майоров, В.С. Синика

КАМЕННЫЕ ПЛИТЫ ИЗ СКИФСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА*

В статье анализируются 43 каменные плиты из скифских захоронений левобережья Нижнего Днестра V—II вв. до н.э. Они происходят из мужских и женских погребений и использовались, вероятно, в качестве столов, на которые ставились различные предметы. Плиты имеют разные форму и размеры. Изучение состава горных пород показало, что плиты изготавливались из обломочных (песчаники, кварциты и алевролиты), и реже — карбонатных (известняки) пород, а весь каменный материал имеет местное происхождение. С течением времени количество плит в скифских погребениях региона увеличивается, а требования к правильности их форм и тщательности обработки снижаются, при этом заметна тенденция к отбору определённых горных пород (песчаников с карбонатным цементом), из которых они изготавливались. Скорее всего, это связано с природной трещиноватостью данных пород, которая позволяла легко получать плиты нужного размера.

Ключевые слова: Скифы, погребения, V—II вв. до н.э., левобережье Нижнего Днестра, каменные плиты, петрография, горные породы.

Сведения об авторах: Хотылев Алексей Олегович[1], кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры региональной геологи и истории геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Майоров Александр Александрович[2], аспирант кафедры региональной геологи и истории геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Синика Виталий Степанович[3], доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1-2]119991, РФ, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, ГЗ МГУ им. М.В. Ломоносова, геологический факультет, А-503, e-mail: [1]akhotylev@gmail.com; [2]alex.yora@gmail.com; [3]3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: sinica80@mail.ru.

A.O. Khotylev, A.A. Mayorov, V.S. Sinika

STONE SLABS FROM THE SCYTHIAN GRAVES IN THE LOWER DNIESTER REGION

The article analyzes 43 stone slabs from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester dated to the 5th — 2nd centuries BCE. They come from male and female burials and were probably used as tables on which various objects were placed. The slabs have different shapes and sizes. A study of the composition of the rocks showed that the slabs were made of clastic (sandstones, quartzites and siltstones), and less often carbonate (limestones) rocks, and all stone material was of local origin. Over time, the number of slabs in Scythian burials in the region increases, and the requirements for the correctness of their shapes and thoroughness of processing decrease, while there is a noticeable tendency to select certain rocks (sandstones with carbonate cement) from which they were made. Most likely, this is due to the natural fracturing of these rocks, which made it easy to obtain slabs of the required size.

Key words: Scythians, graves, the 5th — 2nd centuries BCE, left bank of the Lower Dniester, stone slabs, petrography, rocks.

About the authors: Khotylev Aleksei Olegovich[1], PhD in Geology, associate professor, Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University; Mayorov Alexander Alexandrovich[2], PhD student, Faculty of Geology,

* Статья поступила в номер 10 мая 2024 г.
Принята к печати 25 мая 2024 г.

© А.О. Хотылев, А.А. Майоров, В.С. Синика, 2024.

Lomonosov Moscow State University; Sinika Vitalij Stepanovich[3], Doctor of Historical Sciences, Head of the Research Laboratory "Archaeology" Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Contact information: [1-2]119991, Russian Federation, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory 1, Lomonosov MSU, Faculty of Geology, A-503, e-mail: [1]akhotylev@gmail.com; [2]alex.yora@gmail.com; [3]3300, Pridnestrovie, Tiraspol, Pokrovskaia St., 107, e-mail: sinica80@mail.ru.

Введение

Исследование скифских памятников на левобережье Нижнего Днестра проводится уже 130 лет. В настоящее время в регионе изучены сотни скифских захоронений, при этом их большая часть была исследована за последние 30 лет. Особенно масштабными оказались работы Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко у с. Глиное Слободзейского района.

На протяжении 1995-2012 гг. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012; 2016) и в 2017 г. (Синика, Тельнов 2018b) был исследован скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района. За 19 лет раскопок на памятнике были изучены 183 скифских погребения в 114 скифских курганах.

Позже, в 2015—2019 гг. и в 2021 г. Днестровская археологическая экспедиция ПГУ им. Т.Г. Шевченко проводила раскопки курганов в группах «Водовод»[1], «Сад»[2] и «Рыбхоз»[3] у с. Глиное Слободзейского района. Всего было изучено 37 насыпей — 21 в группе «Водовод», 14 — в группе «Сад», и 3 — в группе «Рыбхоз». В этих курганах, помимо захоронений и сооружений бронзового века, предскифского времени, сарматской культуры и средневекового времени, исследованы 96 скифских комплексов — 95 могил и один курган-кенотаф (Глиное/Водовод 17). Почти все погребения (92) были совершены в интервале второй половины V — рубежа IV—III вв. до н.э., и только три (Глиное/Водовод 7/5, 8/3, 8/4) — в более позднее время (в III — первой половине I в. до н.э.). Большая часть захоронений опубликована (Синика, Тельнов 2016a; 2016b; 2016c; 2017a; 2017b; 2017c; 2018a; Синика, Тельнов, Закордонец 2017; Синика, Лысенко, Тельнов 2018; Синика, Тельнов, Лысенко 2018a; 2018b; 2018c; 2018d; 2018e; Синика и др. 2019a; 2019b; 2019c; 2019d; 2020a; 2020b; 2020c; 2020d; 2020e; 2020f; 2021a; 2021b; 2021c; 2021d; Синика, Иващенко, Лысенко 2020; Синика, Разумов, Тельнов 2022; Sinika, Lysenko, Telnov 2017; Sinika et al. 2020; 2021). В каждой из статей приводится детальный анализ археологического материала. Кроме того, к настоящему времени были определены антропологические материалы из всех скифских захоронений (Łukasik 2016a; 2016b; 2017; 2018a; 2018b; 2019a; 2019b; 2024a; 2024b).

Наконец, в 2023 г. было начало исследование могильника «Кулак» у с. Коротное Слободзейского района. В нём в трёх курганах были изучены 14 скифских погребений III—II вв. до н.э.

В 2022 г. были опубликованы результаты изучения костей животных из скифских памятников III—II вв. до н.э. (Секерская, Синика 2022), а годом позже — костей животных из скифских погребений второй половины V — IV в. до н.э. (Секерская, Синика 2023). Также вышла из печати работа об изделиях из ткани и войлока из скифских погребений IV—II вв. до н.э. (Елкина, Синика 2023).

При этом план комплексного исследования полученных данных включает и анализ иных материалов из скифских погребений не только органического происхождения (антропологических и археозоологических материалов, изделий из ткани и древесины,

[1] Южная граница могильника Глиное/Водовод расположена в 2,017 км к северо-востоку от северной окраины могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное.

[2] Южная граница могильника Глиное/Сад расположена в 1,685 км к северо-востоку от северной окраины могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное.

[3] Западная граница могильника Глиное/Рыбхоз расположена в 2,087 км к западу от северной окраины могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное.

образцов подстилок и грунта), но и неорганического (например, каменных и стеклянных изделий). Первый шаг в этом направлении уже сделан — в 2023 г. были изучены гальки из ритуальных сосудов из скифских погребальных комплексов левобережья Нижнего Днестра (Хотылев, Майоров, Синика 2023).

В настоящей работе изложены результаты изучения горных пород, из которых были изготовлены каменные плиты из скифских погребений второй половины V — II в. до н.э., исследованных на могильниках Глиное/Водовод, Глиное/Сад, Глиное/Рыбхоз, Глиное и Коротное/Кулак на левобережье Нижнего Днестра.

Нельзя говорить, что каменные плиты не привлекали внимание специалистов-археологов. Как правило, эти изделия рассматривались среди предметов культа при анализе материальной культуры скифов Северо-Западного Причерноморья.

Так, в 2002 г. было отмечено, что их «в большинстве случаев изготавливали из известняка местного происхождения», что на плитах и возле них располагались различные находки, а также, что плиты встречаются «исключительно в женских захоронениях» (Синика 2002: 87). Последнее заключение было опровергнуто спустя значительное время, при анализе погребального инвентаря скифских погребений могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 918), а также в публикации материалов кургана второй половины IV в. до н.э. Глиное/Сад 11 (Синика и др. 2020d: 75—76, 84). Стало понятно, что каменные плиты встречаются и в женских, и в мужских захоронениях. Кроме того, было высказано предположение, что находки возле каменных плит и на плитах (мисок с ножами и с остатками от жертвенной пищи либо просто остатков от жертвенной пищи и ножей; чашек, курильниц, светильников, топора, зеркала, уздечных обойм и др.) позволяют интерпретировать их «в качестве ритуальных столов (столиков, подставок), на которые или у которых ставили различные предметы для использования в посмертном путешествии» (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 918—919).

Во всех остальных случаях каменные плиты из скифских погребений просто описывались в публикациях. При этом, что важно, определения горных пород, из которых они были изготовлены, либо просто не приводятся (что представляется целесообразным при отсутствии компетентного заключения), либо принадлежат археологам (являясь ошибочными или, как минимум, непроверяемыми), либо делались специалистами-геологами, однако только на основе визуального осмотра находок[4].

Настоящая работа призвана исправить сложившуюся ситуацию, поскольку мы обладаем возможностью не только обратиться вновь к каменным плитам из ранее опубликованных скифских могил V—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра, но и включить в выборку совсем новые находки из данного региона.

Описание материала и методы

Изученный материал включает в себя 43 образца, относящихся к захоронениям разных периодов.

В погребениях второй половины V — IV в. до н.э. обнаружены девять каменных плит: из захоронений могильника Глиное/Водовод — 5 плит, из могильника Глиное/Сад — 3 плиты, из могильника Глиное/Рыбхоз — 1 плита (табл. 1).

[4] В частности, весь каменный материал из скифского могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное, в том числе и плиты из погребений, были осмотрены и определены доктором геолого-минералогических наук Л.Ф. Романовым (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 73—74, рис. 22).

Табл. 1. **Распределение петрологических типов в каменных плитах из скифских погребений второй половины V — IV в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра**

№	Комплекс	Обломочные породы (определение)	Карбонатные породы (определение)	Всего образцов
1	Глиное/Водовод 2/12	песчаники с карбонатным цементом		1
2	Глиное/Водовод 9/2	алевролиты		1
3	Глиное/Водовод 11/1		известняки с песчанистой примесью	1
4	Глиное/Водовод 14/3		известняки с песчанистой примесью	1
5	Глиное/Водовод 16/1		известняки с песчанистой примесью	1
6	Глиное/Сад 9/ров		известняки органогенно-обломочные	1
7	Глиное/Сад 11/4	кварцитовидные песчаники вишневые		1
8	Глиное/Сад 13/3	кварциты мелкозернистые		1
9	Глиное/Рыбхоз 2/1		известняки органогенно-обломочные	1
Итого		**Песчаники (4)**	**Карбонатные породы (5)**	**9**

Плиты имеют неправильную, реже прямоугольную или округлую форму, их размеры (длина и ширина) не превышают 40 см. Плиты из захоронений Глиное/Водовод 11/1, 14/3, 16/1, 2/12 и Глиное/Сад 13/3 (рис. 1: 3) явно были пришлифованы и искусственно выровнены. Плита из захоронения Глиное/Водовод 9/2 несет хорошо сохранившиеся следы пришлифовки, которые вытянуты параллельно длинной оси плиты (рис. 1: 1). Плита из захоронения Глиное/Сад 11/4 сильно обколота и возможные следы пришлифовки сохранились только в ее центральной части (рис. 1: 2). Плита изо рва кургана Глиное/Сад 9 сильно фрагментирована и сохранилась плохо (рис. 1: 4), говорить о степени её обработки невозможно.

Из погребений III—II вв. до н.э. происходят 34 каменные плиты: 32 — из могильника Глиное (рис. 2), и 2 — из могильника Коротное/Кулак (табл. 2). Эти изделия очень похожи друг на друга, сделаны преимущественно из светло-бежевых песчаников, имеют неправильную угловатую форму, часто оглаженные закругленные края. Ширина плит варьируется в пределах 15—35 см, длина — не превышает 45 см. В отличие от плит из погребений более раннего времени, на изделиях из могил III—II вв. до н.э., как правило, нет следов пришлифовки или обкалывания: торцы плит закругленные и очень похожи на результат природного окатывания. Относительно обработанной выглядит только плита захоронения Глиное 51/1.

Табл. 2. **Распределение петрологических типов в каменных плитах из скифских погребений III—II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра**

№	Комплекс	Обломочные породы (определение)	Карбонатные породы (определение)	Всего образцов
1	Глиное 11/1	песчаники с карбонатным цементом		1
2	Глиное 13/1	песчаники с карбонатным цементом		1
3	Глиное 19/1 (у правого локтя)	песчаники с карбонатным цементом		1
4	Глиное 19/2		известняки органогенно-обломочные	1
5	Глиное 23/1	песчаники с карбонатным цементом		1
6	Глиное 31/1	песчаники с полевыми шпатами		1
7	Глиное 32/1	песчаники с карбонатным цементом		1
8	Глиное 35/1	песчаники с карбонатным цементом		1
9	Глиное 38/1	песчаники с карбонатным цементом		1
10	Глиное 38/3	песчаники с карбонатным цементом		1
11	Глиное 51/1	песчаники с карбонатным цементом		1
12	Глиное 54/3	песчаники с карбонатным цементом		1
13	Глиное 55/1	песчаники с карбонатным цементом		1
14	Глиное 60/1	песчаники с карбонатным цементом		1
15	Глиное 61/1	песчаники с карбонатным цементом		1
16	Глиное 69/2		известняки органогенно-обломочные	1
17	Глиное 69/2 (на лев. локте костяка 1)		известняки с песчанистой примесью	1
18	Глиное 74/2	песчаники с карбонатным цементом		1
19	Глиное 78/3		известняки органогенно-обломочные	1
20	Глиное 79/1	кварциты мелкозернистые		1
21	Глиное 81/1 (под черепом костяка 2)	песчаники с полевыми шпатами		1

Табл. 2. **Распределение петрологических типов в каменных плитах из скифских погребений III—II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра (продолжение)**

№	Комплекс	Обломочные породы (определение)	Карбонатные породы (определение)	Всего образцов
22	Глиное 82/1 (граб. ход)		известняки с песчанистой примесью	1
23	Глиное 81/3	песчаники с карбонатным цементом		1
24	Глиное 86/1	песчаники с карбонатным цементом		1
25	Глиное 88/1	песчаники с карбонатным цементом		1
26	Глиное 89/3	песчаники с карбонатным цементом		1
27	Глиное 95/1	песчаники с карбонатным цементом		1
28	Глиное 99/1	песчаники с карбонатным цементом		1
29	Глиное 100/1	песчаники с карбонатным цементом		1
30	Глиное 104/1	песчаники с карбонатным цементом		1
31	Глиное 106/1 (восточная камера)	песчаники с карбонатным цементом		1
32	Глиное 107/3	песчаники с карбонатным цементом		1
33	Коротное/Кулак 2/8	песчаники с карбонатным цементом		1
34	Коротное/Кулак 4/7	песчаники с карбонатным цементом		1
Итого		**Обломочные породы (29)**	**Карбонатные породы (5)**	34

Минеральный состав пород и их структурно-текстурные особенности были изучены в петрологических шлифах. Всего было исследовано 43 шлифа, по результатам описания которых были выделены основные петрологические группы и разности. Шлифы были изготовлены по стандартным методикам в шлифовальной лаборатории Института геологии и геохимии им. В. И. Вернадского РАН (РФ, г. Москва). Изучение шлифов выполнено на микроскопе Olympus BX53P (геологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва), приобретённого по программе развития МГУ.

Результаты

Анализ петрографического состава плит позволяет выделить две большие группы пород: обломочные, включающие в себя песчаники разных видов и алевролиты, и карбонатные — разнообразные известняки и мергели. Всего было выявлено шесть типов обломочных и два типа карбонатных пород. Они в значительной степени совпадают с типами, выделенными при анализе камней из ритуальных сосудов в скифских погребальных комплексах на левобережье Нижнего Днестра — из могильников Глиное, Глиное/Водовод, Глиное/Сад,

Коротное/Кулак и Чобручи/Источник (Хотылев, Майоров, Синика 2023: табл. 1; 2). Наличие одинаковых групп пород, которые использовались скифами (камни из ритуальных сосудов) или из которых они изготавливали предметы (плиты) не оставляет сомнений, что сравнивать результаты исследований различных категорий находок корректно.

Обломочные породы представлены 33 образцами и составляют 76,74% общей выборки.

Песчаники с карбонатным цементом. Наиболее широко распространённая разность среди изученных плит. Представляют собой неотчетливо-слоистые породы, в которых средне-мелкозернистая обломочная часть погружена в мелко-тонкокристаллический почти микритовый карбонатный цемент. Обломочная часть представлена в основном неокатанными и редко угловато-окатанными плохо сортированными зернами кварца размерами от 0,05×0,1 мм до 0,35×0,4 мм, которые составляют до 40% породы. Отмечаются единичные обломки кварцитов такого же размера. Цемент карбонатный микритовый очень мелкозернистый, занимает до 60% породы. Плита, изготовленная из песчаника с карбонатным цементом, в погребениях V—IV в. до н.э. только одна — найдена в могиле Глиное/Водовод 2/12, совершённой в начале последней четверти IV в. до н.э. (Синика, Тельнов 2017: 149). Позже, в III—II вв. до н.э. плиты из песчаника с карбонатным цементом получат широчайшее распространение: на могильнике Глиное обнаружены 26 таких плит (табл. 2; рис. 3: 1, 2). Отметим, что суммарно песчаники с карбонатным цементом составляют 62,8% общей выборки.

Кварцитовидные песчаники вишневые. Практически мономинеральные кварцевые мелкозернистые песчаники, сложенные хорошо сортированными, угловатыми, полуокатанными и почти окатанными зернами кварца размерами 0,15×0,35 мм, которые составляют до 70—75% породы. Помимо кварца в обломочной части породы встречаются единичные листочки слюд, полуокатанные зерна тонко-лепидобластовых серицитовых сланцев, отдельные обломки полевых шпатов размером до 0,3 мм, а также полуокатанные фрагменты кварцитов мелкогранобластовых и неравномерногранобластовых размерами 0,2×0,3 мм в количестве не более 10% породы. Цемент поровый карбонатно-железистый, составляет 15—20% породы и представляет собой мелкопятнистый агрегат из кальцита и гидрооксидов железа (лимонит, гетит и пр.). Именно данный цемент придает этим кварцитовидным песчаникам характерную темную вишневую окраску. Представлены единственным образцом из захоронения Глиное/Сад 11/4 IV в. до н.э. (рис. 3: 3, 4), что составляет 2,32% общей выборки.

Кварциты мелкозернистые. Однородные мономинеральные мелкозернистые кварциты, состоящие только из изометричных зерен кварца размерами 0,15×0,3 мм с единичными зернами рудных минералов размерами не более 0,15×0,2 мм. Все контуры зерен вторичные метаморфические за счет перекристаллизации, местами читаются первичные хорошо окатанные формы зерен со вторичными каймами перекристаллизации. В отличие от кварцитовидных вишневых песчаников, в этих породах отсутствует цемент, что и позволяет называть их именно кварцитами. Представлены одним образцом из захоронения Глиное/Сад 13/3 (рис. 3: 5, 6) IV в. до н.э. и одним образцом из захоронения Глиное 79/1 III—II вв. до н.э., что составляет 4,65% общей выборки.

Песчаники с полевыми шпатами. Практически мономинеральные мелкозернистые песчаники. Сложены резко преобладающими изометричными зернами кварца размерами 0,1×0,3 мм, неокатаными угловатыми, которые составляют до 70—75% породы. Характерной особенностью породы является наличие помимо кварца таких же угловатых неокатанных обломков полевых шпатов (плагиоклазов и в меньшей степени калиевых полевых шпатов) размерами 0,2×0,3 мм в количестве до 10%. Цемент поровый кальцитовый в количестве не более 1—2% и контактовый кремнистый в количестве до 5—7%. Представлены двумя образцами из погребений III—II вв. до н.э. Глиное 31/1 (рис. 3: 7, 8) и 81/1, что составляет 4,65% общей выборки.

Алевролиты. Мелкозернистые однородные породы с наклонной и неровной слоистостью, сложены изометричными зернами кварца размером 0,05—0,08 мм в количестве до 60—65% и тонко-лепидобластовым агрегатом серицита, состоящим из листочков размерами не более 0,02×0,03 мм (до 35—40%). Контуры кварца заливистые, что может указывать на частичную перекристаллизацию. Породы насыщены мелким пылевидным рудным минералом, придающим сероватый оттенок серицитовой массе. Отмечаются единичные выделения гидроокисдов железа в виде изометричных пятен размером не более 0,08 мм. Представлены единственным образцом из погребения второй половины V в. до н.э. Глиное/Водовод 9/2 (рис. 1: 1; 4: 1, 2), что составляет 2,32% общей выборки.

Карбонатные породы представлены 10 образцами и составляют 23,26% общей выборки.

Известняки органогенно-обломочные. Микритовые мелкристаллические известняки, в значительной степени состоящие из хорошо опознаваемых раковин фораминифер размерами 0,1×0,3 мм (до 40—45% породы) и частично перекристаллизованных спиральных раковин гастропод размерам до 2×6 мм. В отдельных образцах вокруг фрагментов раковин начинается формирование оболочек по типу оолитов. Цементирующая масса микритовая мелкокристаллическая, породы пористые за счет сохранения части пор внутри раковин гастропод и между ними. В некоторых образцах отмечается перекристаллизация цемента до среднекристаллического агрегата, развитие ожелезнения вокруг органических остатков. Породы представлены пятью образцами (двумя — из комплексов IV в. до н.э.: изо рва кургана Глиное/Сад 9 (рис. 1: 4; 4: 3, 4) и из погребения Глиное/Рыбхоз 2/1; тремя — из могил III—II вв. до н.э. Глиное 19/1, 62/2, 78/3 (рис. 2: 4)) и суммарно составляют 11,63% общей выборки.

Известняки с песчанистой примесью. Породы близкие к песчаникам с карбонатным цементом, условная граница (между первыми и вторыми) была проведена по облику карбонатной составляющей: в известняках с песчанистой примесью она составляет 40—50% породы и представляет собой средне-мелкокристаллический агрегат из зерен, сопоставимых по размеру с зернами обломочной части. В песчаниках с карбонатным цементом карбонатная масса мелкозернистая микритовая с зернами существенно меньшего размера по сравнению с зернами обломочной части. Обломочная часть известняков с песчанистой примесью составляет 50—55% и представлена неокатанными зернами кварца размерами 0,1×0,3 мм, равномерно распределенными в породе, иногда на макроуровне отмечается слоистая текстура породы. В цементе встречаются значительно перекристаллизованные раковины фораминифер размерами 0,1×0,2 мм. Группа включает в себя три образца из погребений IV в. до н.э. Глиное/Водовод 11/1 (рис. 4: 5, 6), 14/3, 16/1 и два образца из могил III—II вв. до н.э. Глиное 69/2 (рис. 2: 3) и 82/1, что составляет 11,63% общей выборки.

Анализ данных

Горные породы, использованные для изготовления каменных плит, судя по основным чертам геологического строения региона, являются местными. Привозных разностей пород, которые не встречаются в составе осадочных комплексов региона, в анализируемой нами выборке нет.

Преобладающим типом пород являются песчаники с карбонатным цементом, из которых сделано более половины общего количества исследованных плит и которые присутствуют как в более ранних (второй половины V — IV в. до н.э.), так и в более поздних (III—II вв. до н.э.) комплексах. Как уже отмечалось ранее (Петрунь 2008: 148; Хотылев, Майоров, Синика 2023: 339) мы считаем, что данные породы происходят из местных карбонатных толщ сарматского возраста. При этом подчеркнём, что для однозначного доказательства этого факта необходимо провести палеонтологический анализ фаунистических остатков из данных пород.

Карбонатные породы очень широко распространены в осадочных комплексах Приднестровья, в том числе разнообразные оолитовые, органогенные и прочие виды

известняков, что позволяет уверенно считать, что такие карбонатные разности будут иметь местное происхождение.

Кварцитовидные песчаники и кварциты, из которых изготавливали плиты, как показало изучение и сравнение шлифов, абсолютно идентичны по структуре и составу таким же породам, которые использовались скифами на левобережье Нижнего Днестра в качестве камней в ритуальных сосудах могильников (Хотылев, Майоров, Синика 2023: 339). Эти разности практически мономинеральные и не содержат каких-либо характерных минералов или примесей, позволявших привязать их к конкретным толщам-источникам. Кварцитовидные песчаники несут на себе следы слабого метаморфизма, что выражено в заливистых неровных границах зерен кварца и регенерационных каймах вокруг них. По нашему мнению, такие песчаники могут происходить из кембрийских комплексов или более древних комплексов, выходящих в верхнем течении Днестра. На принадлежность именно к палеозойским комплексам указывают следы метаморфизма — маловероятно, что такие структуры возникнут в неметаморфизованных толщах мела и кайнозоя. В работе В.Ф. Петруня указано происхождение красных кварцитов как результат переотложения современным Днестром девонских галек (Петрунь 2008: 148). Такое происхождение тоже весьма допустимо, но так или иначе конечным источником, откуда были взяты гальки, скорее всего, является аллювиальные отложения Днестра. Собственно, первичным источником обломочного материала для конгломератов девонского возраста вероятнее всего выступали раннепалеозойские или докембрийские метаморфизованные образования.

Таким образом, весь каменный материал, из которого изготовлены плиты, имеет местное происхождение и был отобран или в аллювиальных отложениях Днестра или в каких-то скальных выходах. Судя по заглаженным углам плит, их изготавливали из каких-то полуокатанных речных валунов. Маловероятно, чтобы такие очертания получились при отколе от скального выхода пород, так как известняки достаточно хрупкие породы и образуют острые углы при откалывании.

Горные породы, которые использовались скифами для изготовления плит, отличаются от тех, из которых состоят камни из ритуальных сосудов (курильниц). Это различие хорошо заметно при сравнении результатов изучения обеих категорий находок из могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное. В курильницах преобладают кварцитовидные песчаники (115 из 154 галек), а песчаники (24 из 154) и карбонатные породы (7 из 154) встречаются гораздо реже. На наш взгляд, это связано с особенностями состава аллювия Днестра. В его галечной фракции, видимо, преобладают кварцитовидные песчаники разных видов, а песчаники с карбонатным цементом присутствуют в меньшем количестве. При этом, если гипотеза о происхождении галек кварцитовидных песчаников как продуктов разрушения древних конгломератов верна, то становится понятно, что сделать из маленьких галек плиты невозможно, так как коренных скальных выходов кварцитов, откуда можно было бы отколоть плиты, в ближайших окрестностях нет, потому что в аллювий поступают уже окатанные фрагменты.

Песчаники с карбонатным цементом, вероятно, имеют где-то выходы недалеко от места расположения археологических памятников, поэтому их обломки более крупные. В силу своей слоистости их можно колоть на пластины, что удобно для изготовления плит. Отсутствие импортных горных пород, которые изредка использовались в качестве камней в ритуальных сосудах (Хотылев, Майоров, Синика 2023: 340), может свидетельствовать в пользу отсутствия постоянного импорта камня на левобережье Днестра. Единичные небольшие привозные гальки оказывались в курильницах или случайно, завезенные с балластным камнем или иными товарами, или как значимые для захороненного объекты (Хотылев, Майоров, Синика 2023: 340).

Другим, не менее важным вопросом, является сравнение горных пород, из которых скифы изготавливали плиты в разное время.

Если в более раннее время (во второй половине V — IV в. до н.э.) из песчаников с карбонатным цементом была изготовлена всего одна плита (11,11% плит из могил этого

периода), и она происходит из могилы, дата которой, как отмечалось выше, определяется началом последней четверти IV в. до н.э. (Глиное/Водовод 2/12), то в более позднее (III—II вв. до н.э.) — из этой породы было сделано большинство плит (26 или 76,47% плит из могил этого периода). Такое распределение не может быть обусловлено геологическими особенностями района (например, наличием поблизости выходов тех или иных горных пород), так как могильники Глиное, Глиное/Водовод, Глиное/Сад и Глиное/Рыбхоз расположены на расстоянии не более 2,1 км друг от друга, а могильник Коротное/Кулак находится не более чем в 7 км к юго-востоку от могильника Глиное/Рыбхоз.

По всей видимости, можно констатировать, что традиция изготавливать каменные плиты из одного сырья, которой не было в V—IV вв. до н.э. (когда плиты использовались реже и из разных горных пород), сформировалась в последней четверти IV в. до н.э. и ей, как правило, следовали в более позднее время — в III—II вв. до н.э. Об этом свидетельствует, в частности, распространение плит из песчаников с карбонатным цементом.

Дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы может служить статистика распространения каменных плит (из различных горных пород) в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья, частью которого является левобережье Нижнего Днестра. В могилах конца VII — IV в. до н.э., которых к настоящему времени насчитывается более 700 (Синика 2023: 34—35),[5] найдено не более 45 плит, т.е. подобные изделия встречены не более, чем в 6,5% погребений (Синика 2007a: 20; 2007b: 116; Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 918). В III—II вв. до н.э. плиты встречаются в два раза чаще — они известны, по последним данным, в количестве 48 экз. в 45 захоронениях или в 13,27% погребений периода (Синика 2023: 320)[6].

Стоит также отметить, что плиты из захоронений V—IV вв. до н.э. имеют, как правило, более правильные подпрямоугольные формы. При этом они, вне сомнений, были пришлифованы, то есть обработаны достаточно или относительно тщательно.

Напротив, плиты из погребений III—II вв. до н.э. чаще всего имеют неправильные формы, а обрабатывались менее тщательно, чем в более раннее время, или не обрабатывались вовсе.

Увеличение количества плит в погребениях III—II вв. до н.э., их неправильные и разнообразные формы, меньшая тщательность обработки поверхностей в сравнении с плитами из захоронений V—IV вв. до н.э. позволяет констатировать, что со временем плиты становятся всё более обыденным и привычным элементом погребального обряда.

Заключительные положения и выводы

Каменные плиты из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра чаще изготавливались из обломочных пород (песчаники с карбонатным цементом, кварцитовидных песчаников вишнёвых, кварцитов мелкозернистых, песчаников с полевыми шпатами и алевролитами — 76,74% общей выборки), реже — из карбонатных (известняки органогенно-обломочные, известняки с песчанистой примесью — 23,26% общей выборки).

Весь каменный материал, из которого были сделаны плиты, имеет местное происхождение. Кварциты и кварцитовидные песчаники отбирались из аллювиальных отложений Днестра, а песчаники в карбонатным цементом добывались или в скальных выходах неподалеку от могильников или из крупных полукатанных валунов в аллювии.

[5] В монографии указано общее число скифских погребений Северо-Западного Причерноморья (1046) и количество скифских захоронений III—II вв. до н.э. (339). Разница между ними составляет 707, и она является количеством скифских могил конца VII — IV в. до н.э. Отметим, что в этих подсчётах не учтены скифские погребения, исследованные Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Шевченко в 2023 г.

[6] Каменные плиты из погребений Коротное/Кулак 2/8 и 4/7, анализируемые в настоящей статье, в указанной монографии учтены не были.

Изготовление плит из песчаников с карбонатным цементом на левобережье Нижнего Днестра фиксируется с начала последней четверти IV в. до н.э. и получает широчайшее распространение в более позднее время — в III—II вв. до н.э.

С течением времени количество плит в скифских погребениях региона увеличивается, а требования к правильности их форм и тщательности обработки снижаются, при этом заметна тенденция к отбору определённых горных пород (песчаников с карбонатным цементом), из которых они изготавливались. Вероятнее всего, это связано с природной трещиноватостью данных пород, которая позволяла легко получать плиты нужного размера.

В этой связи, с целью получения более точной картины использования горных пород скифами Северо-Западного Причерноморья, представляется перспективным изучение иных артефактов из камня (орудий труда) из скифских памятников Поднестровья.

Литература

Елкина И.И., Синика В.С. 2023. Изделия из ткани и войлока из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра IV—II вв. до н.э. *Stratum plus* (6), 301—323.

Петрунь В.Ф. 2008. О камне из скифских погребений с курильницами в Нижнем Поднестровье и Подунавье. В: Охотников С.Б., Петренко В.Г. (отв. ред.). *Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса: Фаворит, 147—152.

Секерская Е.П., Синика В.С. 2022. Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра III—II вв. до н.э. *RA*, S. n. Vol. XVIII. nr. 1, 73—97.

Секерская Е.П., Синика В.С. 2023. Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра V—IV вв. до н.э. *Stratum plus* (3), 391—403.

Синика В.С. 2002. Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья). В: Копылов В.П. (отв. ред.) *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции.* Ростов-на-Дону: Ростовский педагогический университет, 85—87.

Синика В.С. 2007a. Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Синика В.С. 2007b. Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Синика В.С. 2023. *Скифская археологическая культура III—II вв. до н.э. Северо—Западного Причерноморья*. Тирасполь; Кишинёв: Stratum plus.

Синика В.С., Иващенко М.В., Лысенко С.Д. 2020. Случай синхронизации гераклейской и синопских клеймёных амфор в скифском погребальном комплексе IV в. до н.э. на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (6), 191—202.

Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа. В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. *Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 166-176.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2022. Скифский курган 11 группы «Водовод» на Нижнем Днестре. В: Мухаметзянова-Дуггал Р.М. (отв. ред.) *Призвание — археология*. *Сборник воспоминаний и научных статей (к 85-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов)*. Уфа: Диалог, 412-437.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016a. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Емінак* (4 [16]), 45—53.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016b. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV—III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра. *Новое прошлое* (4), 258—272.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016c. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. *Стародавнє Причорномор'я* XI, 488—499.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017a. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Новое прошлое* (4), 286—306.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017b. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* Сер. История. Политология. № 8 (257). Вып. 42, 5—12.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017c. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 131—152.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018a. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. *Самарский научный вестник.* Т. 7. № 1 (22), 133—144.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018b. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (отв. ред.). *Древности. Исследования. Проблемы.* Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А. 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник*. Т. 6. № 2 (19), 108—113.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018a. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартовского государственного университета* (1), 111—119.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018b. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. История. Политология. Социология (1), 125—138.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018c. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия СНЦ РАН* 20 (3), 234—244.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018d. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* (2), 78—93.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018e. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *ЗИИМК РАН*. Вып. 18, 69—79.

Синика и др. 2019a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2019. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental Studies* 45 (5), 822—844.

Синика и др. 2019b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *Вестник Волгоградского государственного университета*. *Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения* (1), 6—19.

Синика и др. 2019c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* (3), 365—390.

Синика и др. 2019d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра. В: Zanoci A., Băț M. (eds.). *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic*. *In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebranti*. Chișinău: Cartdidact, 281—295.

Синика и др. 2020a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Закордонец О.А. 2020. Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *МАИАСП* 12, 345—368.

Синика и др. 2020b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья. *Revista Arheologică*. Serie nouă. Vol. XVI. nr. 1, 99—107.

Синика и др. 2020c: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Емінак* (1 [29]), 392—406.

Синика и др. 2020d: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *НАВ* 19 (1), 64—101.

Синика и др. 2020e: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* (2), 165—202.

Синика и др. 2020f: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифское захоронение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* (3), 331—351.

Синика и др. 2021a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Закордонец О.А. 2021. Скифские погребения кургана 14 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *МАИАСП* 13, 343—379.

Синика и др. 2021b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021. Скифское детское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре. *ПА* (1), 23—36.

Синика и др. 2021d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С. Н. 2021. Скифский курган 13 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *УАВ* 21 (1), 145—159.

Синика и др. 2021с: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia*. Vol. XV [XXX]. nr. 1, 239—296.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16—19 октября*. Тирасполь: ПГУ, 5—15.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глинное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Хотылев А.О., Майоров А.А., Синика В.С. 2023. Камни из ритуальных сосудов в скифских погребальных комплексах на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (6), 325—347.

Łukasik S. 2016a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova*. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2016b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova.* Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2017. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrow 7*. Poznań, 30 September 2017. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2018a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 5—10*. Poznań, 2 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2018b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 2—6 and 8*. Poznań, 8 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2019a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 11—14*. Poznań, 10 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol

Łukasik S. 2019b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16*. Poznań, 28 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Rybkhoz site, Moldova: part 2 (K1B4, K1B8, K1B11, K3B1, K3B4, K3B95)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: K18B1, K19B1, K20B1, K21B8, K21B11S2, K21B12-A, K21B12-B and K21B17*. Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P. 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the "Garden" group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств* (4 [2]), 156—173.

Sinika et al. 2020: Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Telnov N.P. 2020. Barrow 17 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester and "Empty" Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. *Mousaios* XXIII, 261—273.

Sinika et al. 2021: Sinika V.S., Telnov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N. 2021. Scythian barrow 12 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester. *Емінак* (1 [33]), 253—267.

References

Elkina, I.I., Sinika, V.S. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 301—323 (in Russian).

Petrougne, V.F. 2008. In: Okhotnikov, S.B., Petrenko, V.G. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society)*. Odessa: Favorit, 147—152 (in Russian).

Sekerskaia, E.P., Sinika, V.S. 2022. In *Revista arheologică*, S. n. Vol. XVIII. nr. 1, 73—97 (in Russian).

Sekerskaia, E.P., Sinika, V.S. 2023. In *Stratum plus* (3), 391—403 (in Russian).

Sinika, V. S. 2002. In: Kopylov, V.P. (ed.) *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseyne Chyornogo morya v drevnosti i srednie veka (International relations in the Black Sea region in Antiquity and in the Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Rostov pedagogical university, 85—87.

Sinika, V.S. 2007. Funerary sites of Scythian culture of the 7th — early 3rd centuries on the territory of the Dniester-Prut-Danube steppes. Abstract of the dissertation for the academic degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow.

Sinika, V.S. 2007. Funerary sites of Scythian culture of the 7th — early 3rd centuries on the territory of the Dniester-Prut-Danube steppes. Dissertation for the academic degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow.

Sinika, V.S. 2023. *Skifskaya arheologicheskaya kul'tura III—II vv. do n.e. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Scythian archaeological culture of the 3rd — 2nd centuries BCE in North-West Black Sea region)*. Tiraspol; Kishinev: Stratum plus (in Russian).

Sinika, V.S., Ivashchenko, M.V., Lysenko, S.D. 2020. In *Stratum plus* (6), 191—202 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia (Black Sea Coast in Classical Antiquity and Early Middle Ages)*. Iss. 2. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 166—176 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2022. In: Mukhametzianova-Duggal, R.M. (ed.). *Prizvanie — arkheologiia (Archaeology as Vocation)*. Ufa: Dialog, 412—437 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In *Eminak. Naukovii shchokvartal'nik (Eminak: Scientific Quarterly)* (4 [16]), 45—53 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In *Novoe proshloe (New Past)* (4), 258—272 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016. In *Starodavnye Prychornomor'ya (The Black Sea Region in Antiquity)* XI, 488—499 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Novoe proshloe (New Past)* (4), 286—306 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia (Scientific Reports of Belgorod State University. History and Political Studies Series)*. No. 8 (257). Iss. 42, 5—12 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Stratum plus* (3), 131—152 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 7 (1 (22)), 133—144 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letiia N. P. Tel'nova (Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday)*. Series: Stratum Library. Chişinău; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Zakordonets, O.A. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 6 (2 (19)), 108—113 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* (1), 111—119 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiia (Bulletin of the Voronezh State University: History, Political and Social Sciences Series)* (1), 125—138 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 20 (3), 234—244 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S. D. 2018. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky)* (2), 78—93 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Transactions of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 18, 69—79 (in Russian).

Sinika, V. S., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2019. In *Oriental Studies* 45 (5), 822—844 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations)* (1), 6—19. (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019. In *Stratum* (3), 365—390 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019. In: Zanoci A., Băţ M. (eds.). *Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebranti*. Chişinău: Cartdidact, 281—295 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Zakordonets, O.A. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 345—368 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. In *Revista Arheologică*. Serie nouă. Vol. XVI. nr. 1, 99—107 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. In *Eminak. Naukovii shchokvartal'nik (Eminak: Scientific Quarterly)* (1 [29]), 392—406 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P., Łukasik, S. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (1), 64—101 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* (2), 165—202 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 331—351 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Zakordonets, O.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 343—379 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N. P. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 23—36 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 21 (1), 145—159 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Tyragetia*. Vol. XV [XXX]. nr. 1, 239—296 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2012. In: Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—II vv. do n. e. (Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd — 2nd Centuries BC)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 5—15 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of Pridnestrovie) III (in Russian).

Khotylev, A.O., Mayorov, A.A., Sinika, V.S. 2023. In *Stratum plus* (6), 325—347 (in Russian).

Łukasik, S. 2016. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova*. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2016. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova*. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2017. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrow 7*. Poznań, 30 September 2017. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2018. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 5—10*. Poznań, 2 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2018. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 2—6 and 8*. Poznań, 8 January 2018. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Sad site, Moldova: barrows 11—14*. Poznań, 10 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol

Łukasik, S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16*. Poznań, 28 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Rybkhoz site, Moldova: part 2 (K1B4, K1B8, K1B11, K3B1, K3B4, K3B95)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: K18B1, K19B1, K20B1, K21B8, K21B11S2, K21B12-A, K21B12-B and K21B17*. Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2017. In *Tractus aevorum* 4 [2], 156-173.

Sinika, V. S., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2020. Barrow 17 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester and "Empty" Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. In *Mousaios* XXIII, 261—273.

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. Scythian barrow 12 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester. In *Eminak* 1 [33], 253—267.

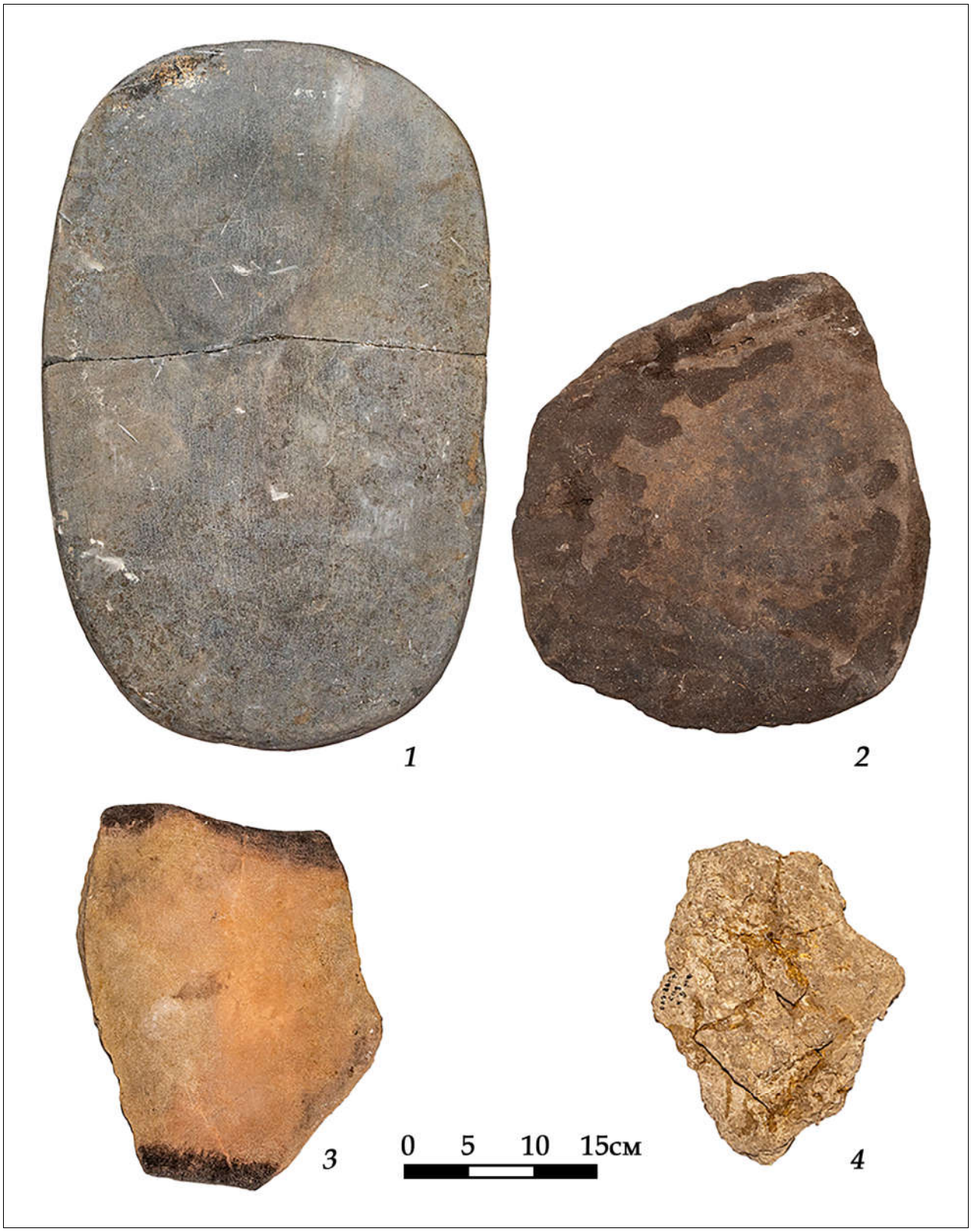


Рис. 1. **Каменные плиты из скифских погребальных комплексов второй половины V—IV в. до н.э.:** *1* — погребение Глиное/Водовод 9/2, *2* — захоронение Глиное/Сад 11/4, *3* — могила Глиное/Сад 13/3, *4* — ров кургана Глиное/Сад 9.

Fig. 1. Stone slabs from Scythian graves of the second half of the 5th — the 4th centuries BCE: *1* — burial Glinoe/Vodovod 9/2, *2* — grave Glinoe/Sad 11/4, *3* — burial Glinoe/Sad 13/3, *4* — ditch of the barrow Glinoe/Sad 9.

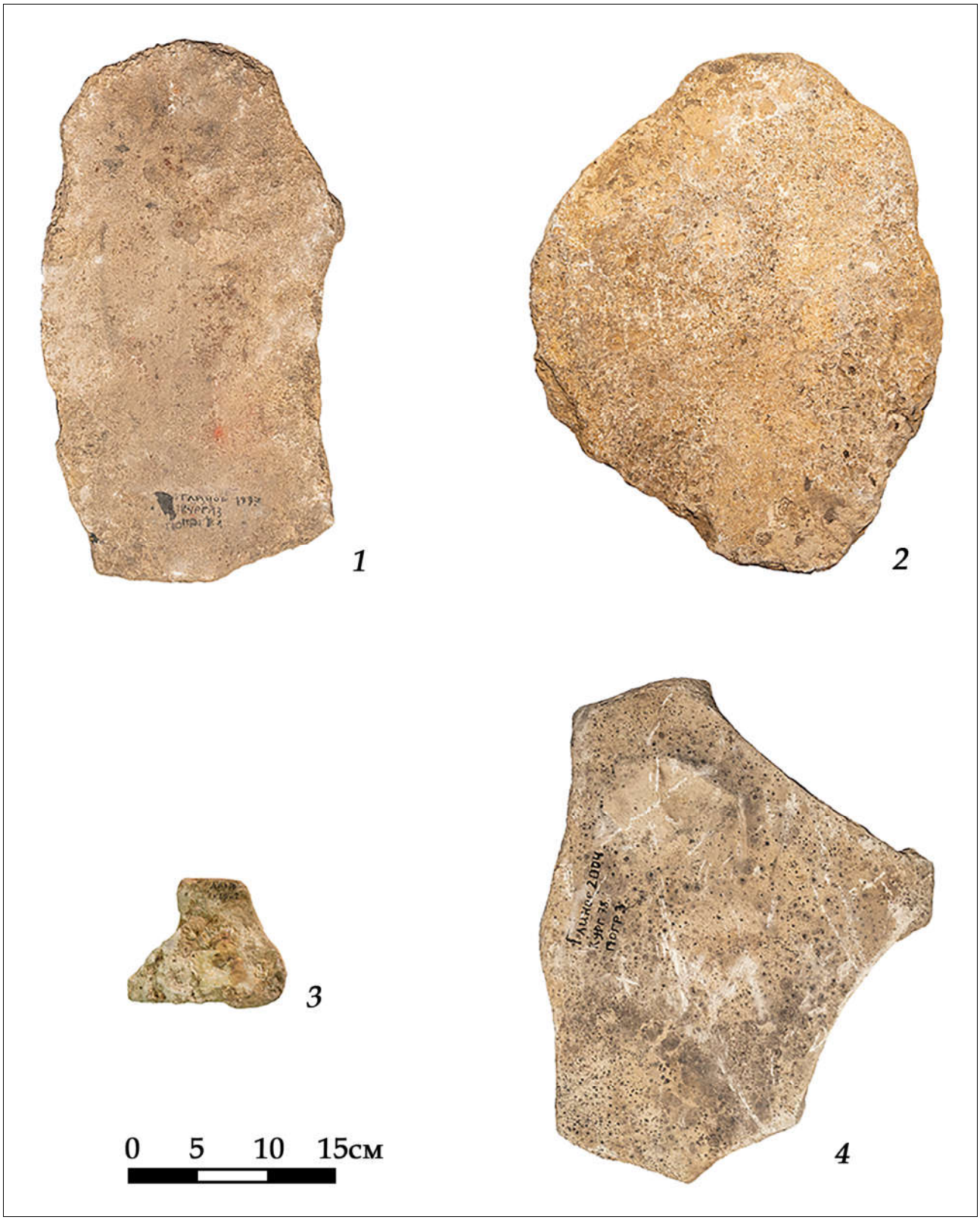


Рис. 2. Каменные плиты из скифских захоронений III—II вв. до н.э.: *1* — погребение Глиное 13/1, *2* — захоронение Глиное 19/2, *3* — погребение Глиное 69/2, *4* — захоронение Глиное 78/3.

Fig. 2. Stone slabs from Scythian graves of the 3rd — 2nd centuries BCE: *1* — burial Glinoe 13/1, *2* — grave Glinoe 19/2, *3* — burial Glinoe 69/2, *4* — grave Glinoe 78/3.

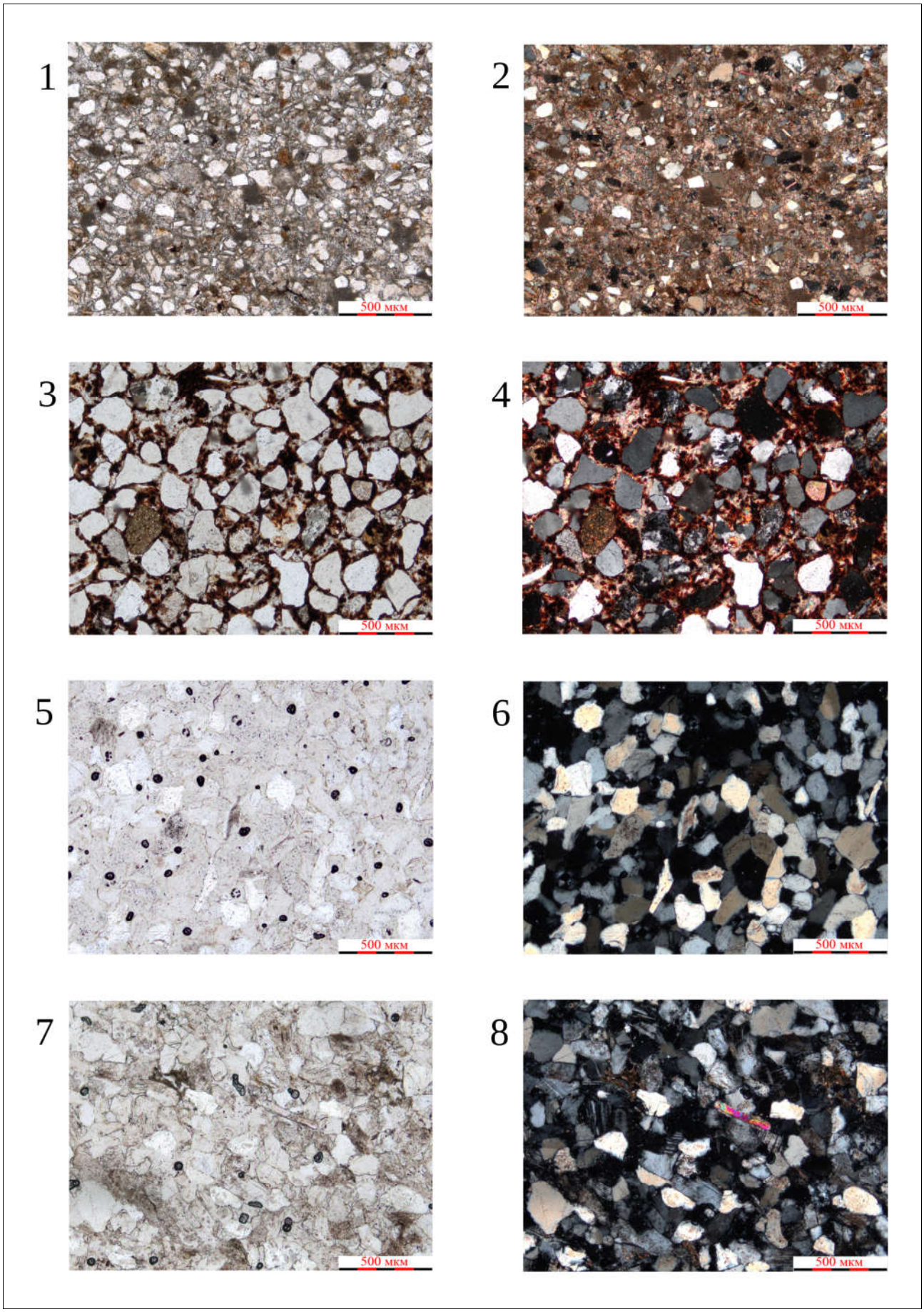

1
500 мкм
2
500 мкм
3
500 мкм
4
500 мкм
5
500 мкм
6
500 мкм
7
500 мкм
8
500 мкм

Рис. 3. Фотографии шлифов каменных плит, обломочные породы: *1, 2* — песчаники с карбонатным цементом (Глиное 60/1); *3, 4* — кварцитовидные песчаники вишневые (Глиное/Сад 11/4); *5, 6* — кварциты мелкозернистые (Глиное/Сад 13/3); *7, 8* — песчаники с полевыми шпатами (Глиное 31/1). *1, 3, 5, 7* — фотографии без анализатора; *2, 4, 6, 8* — фотографии с анализатором.

Fig. 3. Photos of thin sections of stone slabs, clastic rocks: *1, 2* — sandstones with carbonate cement (Glinoe 60/1); *3, 4* — quartzite-like cherry sandstones (Glinoe/Sad 11/4); *5, 6* — fine-grained quartzites (Glinoe/Sad 13/3); *7, 8* — sandstones with feldspars (Glinoe 31/1). *1, 3, 5, 7* — photographs without an analyzer; *2, 4, 6, 8* — photographs with an analyzer.

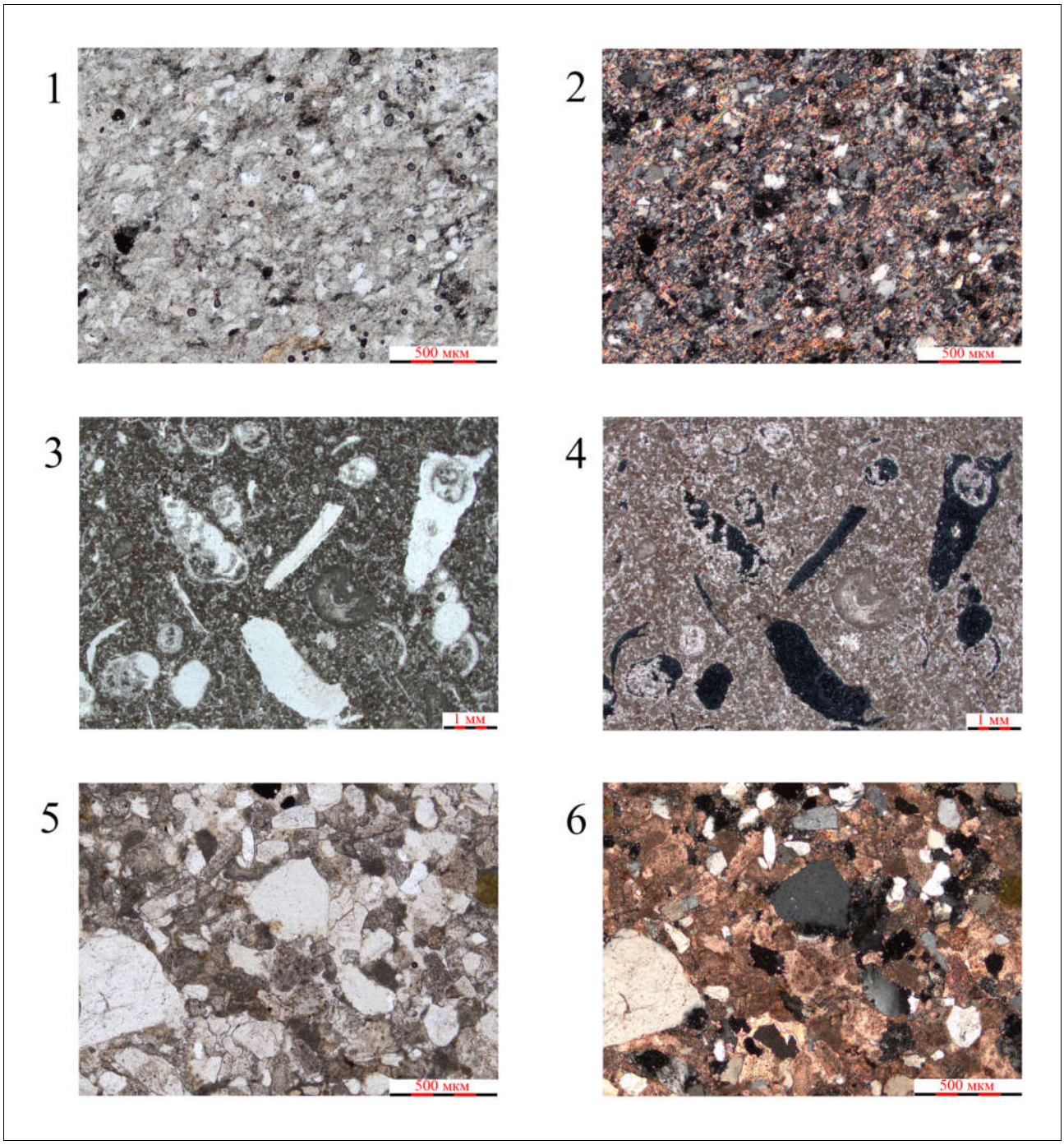


Рис. 4. Фотографии шлифов каменных плит, обломочные (алевролиты) и карбонатные породы: *1, 2* — алевролиты (Глиное/Водовод 9/2); *3, 4* — известняки органогенно-обломочные (Глиное/Сад 9/ров); *5, 6* — известняки с песчанистой примесью (Глиное/Водовод 11/1). *1, 3, 5* — фотографии без анализатора; *2, 4, 6* — фотографии с анализатором.

Fig. 4. Photographs of thin sections of stone slabs, clastic (siltstones) and carbonate rocks: *1, 2* — siltstones (Glinoe/Vodovod 9/2); *3, 4* — organogenic-clastic limestones (Glinoe/Sad 9/ditch); *5, 6* — limestones with sandy admixture (Glinoe/Vodovod 11/1). *1, 3, 5* — photos without analyzer; *2, 4, 6* — photographs with the analyzer.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.36.61.005

П.И. Шульга, Д.П. Шульга

К ВОПРОСУ О БРОНЗОВЫХ «СКРЕБНИЦАХ» ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ*

В статье рассматривается вопрос о назначении бронзовых «скребниц» — случайных находок из Минусинской котловины. Изделия существенно различаются между собой по конструкции, но выделяются наличием шипов длиной 1—2 см и ажурной конструкцией. Предполагается, что эти «скребницы» могли использоваться как своеобразные строгие псалии с эпохи поздней бронзы до VI—V вв. до н.э. Однако имеющиеся реконструкции функционирования «скребниц» слабо обоснованы или не выдерживают критики. Проблема отчасти решается благодаря привлечению данных из Северного Китая. В погребениях XIII—IX вв. до н.э. эпохи Шан и Западная Чжоу там обнаружены подобные изделия с шипами. Они использовались как строгие псалии в уздечках колесничных лошадей. При этом один из опубликованных псалиев в Китае имеет ажурную конструкцию, подобную некоторым минусинским «скребницам». По-видимому, все они надевались арочным просветом на грызло удил, и крепились к раздвоенным щёчным ремням через отверстия в основаниях «ножек».

Значительно сложней установить способ использования «скребниц» с ручками и бантовидной формы, бытовавших в Минусинской котловине до VI—V вв. до н.э. Судя по изношенности и устройству, изделия с ручками вставлялись не в удила, а в некие металлические трубочки. Однако подобных устройств в конском снаряжении Евразии во II—I тыс. до н.э. не известно. Бантовидные «скребницы» также не были адаптированы для использоваться с кольчатыми удилами, повсеместно распространёнными в VI—V вв. до н.э. Они не проходят во внешние кольца удил, и могли только привязываться к удилам, рассчитанным на двудырчатые псалии. Не находит объяснения и значительная сработанность бронзовых шипов на некоторых экземплярах, предположительно соприкасавшихся лишь с кожей лошади. Решение этих вопросов тормозится недостаточной источниковой базой. Предлагаемая работа предназначена частично заполнить эту лакуну.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Северный Китай, эпоха поздней бронзы и скифское время, конское снаряжение, колесничный комплекс, строгие псалии с шипами.

Сведения об авторах: Шульга Петр Иванович[1], кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Шульга Даниил Петрович[2], доктор исторических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: [1]630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, e-mail: shulgapi55@yandex.ru; [2]630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: alkaddafa@gmail.com.

P.I. Shulga, D.P. Shulga

ON THE FUNCTION OF BRONZE “CURRYCOMBS” FROM THE MINUSINSK BASIN

The article discusses the question of the bronze “currycombs” function — accidental finds from the Minusinsk Basin. The products differ considerably in their design but they are distinguished by the presence of thorns 1—2 cm long and openwork design. It is assumed that these “currycombs” could be used as as a

* Авторы выражают признательность сотрудникам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова за предоставленную возможность поработать с описанными в статье изделиями. Исследование выполнено в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН.

Статья поступила в номер 18 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 мая 2024 г.

© П.И. Шульга, Д.П. Шульга, 2024.

kind of cruel cheek-pieces from the Late Bronze Age to the 6th — 5th centuries BCE. However, there were no convincing reconstructions of "currycombs" functioning. The problem is partly solved by data from northern China. The discovery of similar items with thorns in chariot horses bridles in the Shang and Western Zhou epochs burials in China allows us to conclude that in the 13th — 9th centuries BCE in these territories they were a part of composite cruel bits. At the same time, one of the published cheek-pieces in China has an openwork design similar to some Minusinsk "currycombs". Apparently, all of them were put on an arch clearance on the mouthpiece and attached to the split cheek straps through the holes in the "legs" bases.

The «currycombs» with handles and bow-shaped ones, which existed in the Minusinsk basin until the 6th — 5th centuries BCE method of using is far more difficult to determine. Judging by the degree of wear and arrangement, the products with handles were not inserted into the bits, but into some metal tubes. However, such devices in horse equipment of Eurasia in the II—I thousand BCE are not known. Bow-shaped «currycombs» were also not adapted for use with ringed bits widespread in the 6th — 5th centuries BCE. They don`t pass through the bits` outer rings and could only get attached to the bits designed for double-hole cheek-pieces. There is also no explanation for bronze thorns significant wear on some specimens that appear to be in contact only with horse skin. Solution to these issues is delayed by an insufficient source base. The proposed work is intended to partially fill this void.

Key words: Minusinsk Basin, North China, Late Bronze Age and Scythian time, horse equipment, chariot complex, cruel cheek-pieces.

About the authors: Shulga Petr Ivanovich[1], Candidate of Historical Sciences, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Shulga Daniil Petrovich[2], Doctor of sciences, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: [1]630090, Russia, Novosibirsk, Akademika Lavrentyev Ave., 17, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: shulgapi55@yandex.ru; [2]630102, Russia, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya St., Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Детали конского снаряжения ранних этапов освоения лошади в степях Евразии вызывают особый интерес, поскольку встречаются они редко, и, как правило, ограничены только вариациями дисковидных роговых (костяных) псалиев, постепенно сменявшихся на пластинчатые (Боковенко 2018). Несмотря на простоту, их конструкция допускает разные способы соединения с ремнями оголовья. Важные наблюдения можно было бы сделать по расположению псалиев, но они крайне редко встречаются на черепах лошадей. Предлагаемые многочисленные реконструкции уздечек II тыс. до н.э. из степей Евразии пока не дают однозначного ответа на этот вопрос (Усачук 2010: рис. 3—7). Показательно, что пока нет единого мнения даже по направленности планки — единственного элемента псалия, явно предназначенного для соединения с одним из основных ремней уздечки.

Отдельную проблему представляет отсутствие псалиев и других деталей конского снаряжения к востоку от Казахстана на памятниках первой половины — середины II тыс. до н.э. Роговые псалии появляются там уже в виде стержневидных изделий и не ранее конца II тыс. до н.э. Исключением на востоке является лишь конское снаряжение Северного Китая, внезапно появившееся во второй половине II тыс. до н.э. в полном комплекте бронзовых деталей с псалиями, удилами, распределителями и многочисленными бляхами. При этом уздечка там уже имела классическое устройство с раздвоенным суголовным, налобным и наносным ремнями (рис. 1: 5)[1].

За пределами Северного Китая в восточной части степной Евразии бронзовые изделия типа ранних шипастых псалиев известны лишь в Минусинской котловине (Членова 1967: 74—75; Боковенко 1986: 12—13; Амзараков 2010; Шульга 2013: 47—48). Наиболее ранние из них могут быть датированы концом II тыс. до н.э. В Минусинском музее имеется около 50 экземпляров т.н.

[1] От образцов скифского времени эту уздечку отличает только наличие подгубного ремня. По всей видимости, подгубный ремень первоначально предназначался для удержания органических (ременных) удил на беззубом участке нижней челюсти лошади. Таким образом предотвращалось закусывание удил и их перегрызание.

бронзовых «скребниц» с шипами. П.И. Шульгой «скребницы» были разделены на четыре группы (Шульга 2013: 40—43). Группа 1 — «скребницы» на стержне (32 экз.) (рис. 1: 4, 3: 8б). Группа 2 — бантовидные изделия (8 экз.) (рис. 2: 1—6, 3: 5—7, 8а, 9). Группа 3 — вытянутые ажурные (решётчатые) изделия с арочным просветом внутри (2 экз.) (рис. 1: 1, 2; 3: 1—3). Группа 4 — решётчатые рамки прямоугольной и треугольной форм длиной около 9 см и 12 см (2 экз.) (рис. 1: 3; 2: 7, 3: 4). Каждая из этих рамок имеет на одной торцовой стороне небольшое отверстие. У прямоугольной рамки шипы отсутствуют (рис. 2: 7), и она включена в группу условно. Общим признаком для «скребниц» всех групп является наличие специфической ажурной конструкции в виде рамки с шипами.

В отношении «скребниц» имеется много вопросов, на которые пока нет приемлемого ответа. Во-первых, все эти изделия являются «случайными находками», поступившими в Минусинский музей до 1917 г. При этом, их количество, многообразие и различие форм указывают на существование в Минусинской котловине «скребниц» с эпохи поздней бронзы до VI в. до н.э. включительно. Однако, за прошедшее столетие подобных изделий достоверно не находили, ни случайно, ни в ходе масштабных раскопок могильников и поселений. Отсутствуют они и в периодически обнаруживаемых «кладах». Во-вторых, не находится объяснения и конструктивному разнообразию «скребниц». Среди них особенно необычными выглядят изделия с длинным стержнем (группа 1). Судя по сработанности некоторых экземпляров, в ходе использования стержень поворачивался на несколько десятков градусов в какой-то металлической втулке высотой около 2 см (рис. 1: 4) (Шульга 2013: 40—42). Н.А. Боковенко определял «скребницы» с ручками и бантовидные изделия как «строгие псалии», вставлявшиеся стержнями в малые дополнительные колечки раннескифских удил, в наибольшем количестве представленных в Минусинской котловине (рис. 2: 8) (Боковенко 2018: рис. 11). Однако, судя по конструктивным особенностям этих «скребниц» и имеющимся на них следам сработанности, стержни не вставлялись в малые колечки раннескифских удил (Шульга 2013: 44—48). К тому же, шипы вставленных в кольца скребниц сокращали бы зазор между ними до 8,5 см и 11,5 см. Очевидно, что большинство удил с такими «псалиями» просто не могли быть нормально помещены в рот лошади. К тому же, бантовидные изделия достоверно использовались до VI—V вв. до н.э., когда удила со стремечковидными окончаниями уже повсеместно вышли из употребления[2].

В отношении бантовидных изделий Н.Л. Членова со ссылкой на К.Ф. Смирнова предлагала иной способ расположения (Членова 1967: рис. 4: а, б). Однако конструкция с щёчными ремнями, закреплёнными на лопастях «скребницы» (рис. 2: 10) не обеспечивает поворотного момента, и не может оказать направленного воздействия при попытке развернуть лошадь. Вместе с тем, в такой уздечке даже в спокойном состоянии прижатые щёчными ремнями шипы постоянно бы травмировали лошадь. Видимая на рисунке попытка пропустить повод под нижний щёчный ремень (рис. 2: 10) не естественна, и не может дать положительного результата. Эти бантовидные «скребницы» не соотносятся с распространёнными в VI—V вв. до н.э., кольчатыми удилами. Они не проходят во внешние кольца удил. Теоретически, такие «скребницы» могли привязываться к кольчатым удилам, но результат был бы примерно такой же, как в реконструкции Н.Л. Членовой (рис. 2: 10).

Определённое сходство со «скребницами» из Минусинска имеется только среди строгих псалиев из Северного Китая. Конструктивно им близки П-образные пластинчатые изделия с шипами, использовавшиеся самостоятельно или как съёмная деталь в колесничной уздечке (рис. 1: 8). При этом

[2] «Скребницы» бабочковидной формы уверенно датируются по имеющимся на некоторых экземплярах реалистичным или стилизованным изображениям ушастого орла (рис. 2: 1—2; 3: 7), а также головок хищной птицы с длинными шеей и клювом (Членова 1967: табл. 16: 48). Изображения голов этих существ появились в Южной Сибири во второй половине VI в. до н.э., и были характерны для конца VI—V вв. до н.э., что справедливо отмечала ещё Н.Л. Членова (1967: 74). В это время в Минусинской котловине уже вышли из употребления удила со стремечковидными окончаниями и дополнительными колечками (рис. 2: 8б), и использовались стандартные для восточных степей удила с кольчатыми окончаниями, в которые вставлялись двудырчатые псалии.

два опубликованных в Китае псалия имеют ажурную (решётчатую) конструкцию (рис. 1: 6—7), подобную минусинским «скребницам» с арочным просветом внутри[3]. Упомянутые шипастые псалии в Китае надевались арочным просветом на грызло удил и крепились к раздвоенным щёчным ремням через отверстия в основаниях «ножек». Подобным образом могли фиксироваться и минусинские «скребницы» (рис. 1: 5, 5а, 5б), как это уже предполагалось (Боковенко 2018: рис. 11: *7*). К сожалению, в публикациях обычно отсутствуют точные прорисовки «скребниц» в масштабе и индивидуальные описания, что затрудняет их изучение. Приводим прорисовки и краткие описания 10 изделий из разных групп. Подразделяются они на более ранние (группы 3 и 4) и сравнительно поздние (группа 2), которые продолжали использовать в VI—V вв. до н.э.

Группа 3 — ажурные (решётчатые) изделия с арочным просветом внутри

Изделие № 4963. Общая длина 14,2 см, максимальная ширина 4,2 см (рис. 1: 1; 3: 1а, 2а, 3). В центре конструкции находится как бы согнутый вдвое «стержень» в виде буквы «П» с удлинёнными ножками. На значительно выступающих концах ножек находятся колечки, выглядящие как уплощённые с боков шишечки. Отверстия в колечках круглые диаметром 5 мм. Между ножками оставлен просвет, расширяющийся от 8 мм до 12 мм. В месте сгиба «стержня» имеется овальное расширение размерами 1,5×1 см. На внутренних стенках расширения видны следы значительной сработанности. Предположительно, в этом месте находилось внешнее окончание бронзовых удил, постепенно сточивших с одной стороны около трети стержня. Верхняя половина П-образной фигуры заключена в рамку с треугольным завершением. В местах соединения рамки с рёбрами расположено 7 шипов длиной 1,2—1,9 см. Все шипы несколько наклонены по продольной оси в одну сторону. Три шипа по углам треугольной фигуры имеют острые окончания без следов сработанности. Они грубо напаяны на, по-видимому, уже сильно сработанные шипы, изначально отлитые вместе с рамкой (рис. 3: 3). Факт предполагаемой починки изделия подтверждается сильной сработанностью концов двух нижних шипов. В отличие от бантовидных изделий ось симметрии в расположении шипов и рёбер продольная, а не поперечная.

Изделие № 4959. Представляет собой бронзовое изделие, значительно изогнутое в сторону шипов (рис. 1: 2; 3: 1б, 2б). Общая длина 13,5 см, максимальная ширина 3,5 см. Конструкция представляет вариацию изделия № 4963. Фактически, это такой же согнутый «стержень» в виде буквы «П», длинные ножки которого образованы сдвоенными уплощёнными рёбрами. На концах ножек также имеются овальные отверстия размерами 3×5 мм. Вместо рамки вдоль длинных сторон добавлено по одному ребру. На внутренней стороне изделия симметрично расположено 14 шипов, по семь с каждой стороны, немного изогнутых вниз и вовнутрь. Ось симметрии в расположении шипов и рёбер продольная. Длина шипов на внешних рёбрах 0,8—0,9 см. Все шипы на внутренних рёбрах больше внешних примерно на 2 мм. Концы шипов несколько сработаны. В большей мере сточены шипы нижнего ряда, а также находящиеся на внутренних рёбрах. По верху и по бокам ножек видны многочисленные поперечные бороздки. На участке с шипами они могли иметь позднее происхождение, но в нижней части (между отверстиями и шипами) бороздки могли образоваться ещё в древности.

[3] Один из этих псалиев представляет с удилами неразъёмную конструкцию (рис. 1: 6). Внешнее колечко малого диаметра фиксировалось на стержне, и не выступало за пределы псалия. Соответственно, повод и щёчные ремни могли крепиться только в прорезях псалия.

Группа 4 — решётчатые рамки

Изделие № 4964. Представляет собой бронзовую рамку подтреугольной вытянутой формы, длиной 13,5 см, шириной в основании 4,2 см (рис. 1: 3; 3: 4а). Рамка немного изогнута в сторону шипов. В расширенном основании имеется дуговидная выемка глубиной около 1 см, шириной 2 см, а в вершине — овальное отверстие размерами 3×5 мм. Следов сработанности на выемке не видно. На внутренней стороне рамки имеется 9 шипов длиной около 1 см, расположенных в местах пересечений рёбер симметрично продольной оси. Левый шип в верхнем ряду спилен, вероятно, для взятия пробы. Шипы верхнего ряда не имеют следов сработанности, но концы шипов среднего и нижнего рядов несколько сточены.

Изделие № 4960. Представляет собой бронзовую рамку прямоугольной формы, общей длиной 10,2 см, шириной 4,2 см (рис. 2: 7; 3: 4б). На одной стороне с торца имеется выступ с дополнительным подквадратным отверстием. Одна из продольных сторон рамки украшена шестью наклонными валиками. Шипов на рамке нет. Следов износа на каких-либо участках не заметно. Веских оснований для отнесения изделия к «скребницам» нет, но сходство с ними имеется, в частности, с изделием № 4964 (рис. 1: 3).

Группа 2 — бантовидные «скребницы»

Осмотрено и зарисовано шесть изделий, в том числе два с изображениями, публиковавшихся ранее без описания и масштаба (Членова 1967: табл. 16: 46—47).

Изделие № 4965. Представляет собой ажурную бронзовую пластину бантовидной (бабочковидной) формы с поперечной внутренней трубочкой по центру. Лопасти с ажурными изображениями клювовидного завитка расположены по принципу центральной симметрии, как на поясных бабочковидных бляшках (рис. 2: 2; 3: 7б). Длина пластины 7,6 см, толщина от 3 мм на окончаниях до 5 мм в центральной части у трубочки. Максимальная ширина лопастей 3 см. Длина трубочки около 2,4 см, ширина в центральной части 1,1 см. В сечении трубочка почти круглая внешними размерами 1,1×1,1 см, но её лицевая сторона (сторона без шипов) несколько уплощена. Отверстие овальное размерами 10×8 мм без явных следов сработанности. На внутренней стороне пластины расположено 7 шипов длиной 5—8 мм — по три симметрично на лопастях, и один по центру трубочки. Расположенный по центру трубочки шип – прямой. Остальные шипы несколько загнуты вовнутрь.

Изделие № 4966. Подобно изделию № 4965, но отличается от него большими размерами, наличием изображений головок ушастого орла вместо завитка, а также бортика на тыльной стороне с шипами (рис. 2: 1; 3: 7а). Длина пластины 11,5 см, толщина 2—3 мм, высота бортика 4—5 мм. Максимальная ширина лопастей 3,5 см. Длина поперечной трубочки около 2,5 см, ширина в центральной части 1,3 см. В сечении трубочка овальная внешними размерами 1,3×1,1 см, с внешней стороны немного уплощена. Отверстие в сечении овальное размерами 9×8 мм без явных следов сработанности. С лицевой стороны на трубочке имеется разрушенный участок подтреугольной формы. На внутренней стороне расположено 7 шипов — по три симметрично на лопастях, и один по центру трубочки. Шипы на лопастях выходят из бортиков. Кончики шипов на одном уровне. Длина их около 5 мм.

По форме, изображениям и их расположению оба указанных бантовидных изделия подобны поясным бабочковидным бляшкам V—III вв. до н.э. На лопастях тех и других по принципу центральной симметрии располагаются стилизованные или реалистичные образы хищной птицы или грифона. У некоторых поясных бляшек в Южной Сибири в центральной части располагается и трубочка для крепления к поясному ремню. Примечательно, что среди опубликованных поясных бляшек из Минусинской котловины большинство имеют по центру трубочки, а не традиционные петельки с оборотной стороны. Отмеченное сходство указывает на взаимосвязь и синхронное существование бантовидных «скребниц» и бабочковидных бляшек на раннем этапе

существования последних. Это могло быть связано со стремлением воспроизводить на поясах всадников и на уздечке схожие детали и образы.

Изделие № 4950. Представляет собой бронзовую ажурную 8-видную конструкцию с поперечными перемычками в лопастях (рис. 2: 3; 3: 8а). Длина рамки 10,7 см, максимальная ширина лопастей 3,9 см. Ширина в центральной части 1,6 см. На одной из сторон имеется 6 шипов длиной до 2,2 см. Они расположены симметрично, по три на лопастях. На каждой лопасти два шипа находятся в местах пересечения перемычек с рамкой. Шипы на одной из лопастей (на рисунке сверху) немного отогнуты от центра по продольной оси. На противоположной стороне (на рисунке снизу) крайний шип спилен. Вероятно, это было сделано в предыдущие годы для анализа металла.

Изделие № 4962. Представляет собой бронзовую рамку отличной сохранности в форме «двойного топора» (Членова 1967: 74) с поперечной трубочкой по центру (рис. 2: 4; 3: 9). Длина рамки 8,7 см. Максимальная ширина лопастей 4,4 см. Рамка равномерно изогнута в шипастую сторону. Длина трубочки 2 см, ширина в центральной части около 1,5 см. В сечении трубочка почти круглая внешними размерами около 1,5×1,4 см. Отверстие круглое диаметром около 1,1 см без явных следов сработанности. На внутренней стороне рамки расположено 7 шипов длиной 1,2—1,3 см — по три симметрично на лопастях. Один шип находится по центру трубочки. Концы шипов несколько притуплены, возможно, немного сработаны. Шипы на лопастях изогнуты к центру. Шип на трубочке значительно изогнут по продольной оси.

Изделие № 4954. Представляет собой бронзовую ажурную рамку отличной сохранности в форме «двойного топора» (рис. 2: 5; 3: 6). Лицевая сторона выглядит более эффектно, чем внутренняя, хотя дуговидные рёбра хорошо проработаны и на внутренней стороне. Литейные швы местами не сняты. Длина рамки 12,5 см, ширина по центру 3 см. Максимальная ширина лопастей 5,2—5,4 см. Рамка немного изогнута во внешнюю сторону. На внешней (лицевой) стороне рамки по центру расположено три петли, выступающие из рёбер рамки примерно на 1 см. По линии петель на поперечном ребре оставлена вогнутая стенка канала «трубочки». Внутренние стороны стенки канала и петель гладкие без явных следов сработанности. На внутренней стороне рамки расположено 9 прямых шипов длиной 4—6 мм — по четыре симметрично на лопастях, и один по центру на пересечении рёбер. Концы шипов уплощены, возможно, немного сработаны.

Изделие № 4961. Представляет собой бронзовую ажурную рамку в форме «двойного топора» (рис. 2: 6; 3: 5). Изделие подобно предыдущему (№ 4954), но выглядит проще, и имеет некоторые отличия. Размеры рамки меньше — длина 12,1 см, ширина по центру 2,3 см. Максимальная ширина лопастей 4,5 см. Рамка немного изогнута в сторону с шипами. По центру в рёбрах рамки имеется три поперечных овальных отверстия размерами 10×7 мм. Отверстия выполнены в виде овальных колец с более широкой внешней стенкой, выступающей на 3 мм. Кольца напоминают низкие петли. Следов сработанности в отверстиях не заметно. На внутренней стороне рамки расположено 6 шипов длиной 4—5 мм — по три симметрично на лопастях. Концы шипов несколько притуплены. Вероятно, таковыми они были уже при отливке. Поверхность рёбер на внутренней стороне (с шипами) плоская. Лицевая сторона выполнена в рельефе, и выглядит более эстетично.

Заключение

Анализ относящихся к «скребницам» изделий из Минусинского музея, с учётом имеющихся данных по конскому снаряжению, поясной фурнитуре и звериному стилю позволяет сделать несколько выводов и предположений. Во-первых, среди располагавшихся особняком загадочных «скребниц» из Минусинской котловины удалось достоверно выявить две группы изделий, соотносимых с уже известными в научном мире. Так, два шипастых изделия № 4963 и № 4959 (группа 3) (рис. 1: 1—2; 3: 1—3) с большой долей уверенности могут быть отнесены к строгим шипастым псалиям уздечки колесничных лошадей. Вполне сопоставимые аналогии находятся среди псалиев из Северного Китая XIII—IX вв. до н.э. Ранняя дата псалиев группы 3 из Минусинской котловины косвенно подтверждается и наличием там в погребениях бронзовых пряжек колесничего (ПНН) — единственной детали, достоверно указывающей на использование в этом районе колесниц.

Устанавливается несомненная связь некоторых разновидностей бантовидных «скребниц» и поясных бабочковидных бляшек, сосуществовавших во второй половине VI—V вв. до н.э. В это же время в Минусинской котловине, как и повсеместно в степной Евразии, доминировали простые двудырчатые псалии, вставлявшиеся в большие кольца удил. Данный факт подтверждается наличием в Минусинской котловине двудырчатых псалиев и большого количества кольчатых удил VI—III вв. до н.э. Проблема в том, что эти удила с кольчатыми окончаниями не адаптированы к «скребницам», и не могли составлять с ними рабочий «удильный аппарат». С существовавшими в это время бантовидными «скребницами» должно было взаимодействовать иное не известное нам устройство. Теоретически они могли крепиться к удилам или ременному капсулю ремешками, пропускаемыми сквозь трубочку и петли (рис. 2: 1—2, 4—6), а также просто привязываться (рис. 2: 3). Ещё сложней ситуация со «скребницами» группы 1, имевших функциональный стержень (рис. 1: 4; 3: 8б), вставлявшийся и закреплявшийся штифтом в некой металлической втулке. Таких устройств мы не знаем, хотя они должны были дойти до нашего времени, как и «скребницы».

Литература

Амзараков П.Б. 2010. Особенности генезиса конской узды раннескифского времени Минусинской котловины. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 9. № 5: *Археология и этнография.* Новосибирск: Издательство НГУ, 146—155.

Боковенко Н.А. 2018. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии. *Мир Большого Алтая* 4 (1), 8—42.

Усачук А.Н. 2010. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы. В: Кузнецов П.Ф. (гл. ред.). *Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Коллективная монография.* Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 238—291.

Членова Н.Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры.* Москва: Наука.

Шульга П.И. 2013. *Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова).* Новосибирск: РИЦ НГУ.

Сектор изучения Аньяна Института древних исследований Китайской Академии общественных наук. 1998. 河南安阳市梅 园庄东南的殷代车马坑 (Яма с колесницами и лошадьми эпохи Инь к юго-востоку от деревни Мэйюаньчжуан, город Аньян, провинция Хэнань). 考古学报 (Каогу) 10, 48—65, табл. 7, 8.

Цзин Чжунвэй. 2013. 钉齿镳与镝衔一公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究 (Стрекала, псалии с шипами и удила — исследование средств управления лошадью в Китае со второго тысячелетия до н.э. по 3 в. до н.э.) 考古学报 (Каогу) 3, 297—324.

References

Amzarakov, P.B. 2010. In: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya (Bulletin of the NSU. Series: History, Philology).* Vol. 8. № 5. *Arkheologiya i etnografiya (Archaeology and ethnography).* Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 146—155 (in Russian).

Bokovenko, N.A. 2018. In *Mir Bol'shogo Altaya (The World of the Big Altai)* 4 (1), 8—42.

Usachuk, A.N. 2010. In: Kuznetsov P.F. (ed.) *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii. Kollektivnaya monografiya (Horses, chariots and charioteers of the steppes of Eurasia. Collective monograph).* Ekaterinburg; Samara; Donetsk: Rifey, 238—291 (in Russian).

Chlenova, N.L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemyon tagarskoy kul'tury (The origin and early history of the Tagarian culture tribes).* Moscow: Nauka.

Shul'ga, P.I. 2013. *Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoy kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova) (Horse equipment of the early nomads of the Minusinsk basin (based on the materials of the Minusinsk Museum named after N.M. Martyanov)).* Novosibirsk: RITS NGU.

Sektor izucheniya An'yana Instituta drevnikh issledovaniy Kitayskoy Akademii obschestvennykh nauk. 1998. Yama s kolesnitsami i loshad'mi epokhi In' k yugo-vostoku ot derevni Meyyuan'chzhuan, gorod An'yan, provintsiya Khenan' (A pit with chariots and horses of the Yin era southeast of the village of Mei Yuan Zhuang, Anyang City, Henan Province). *Kaogu* 10, 48—65, tabl. 7, 8.

Tszin Chzhunvey. 2013. Strekala, psalii s shipami i udila — issledovanie sredstv upravleniya loshad'yu v Kitae so vtorogo tysyacheletiya do n.e. po 3 v. do n.e. (Goads, spiked psalms and bits — a study of horse controls in China from the second millennium BCE to the 3rd century BCE). *Kaogu* 3, 297—324.

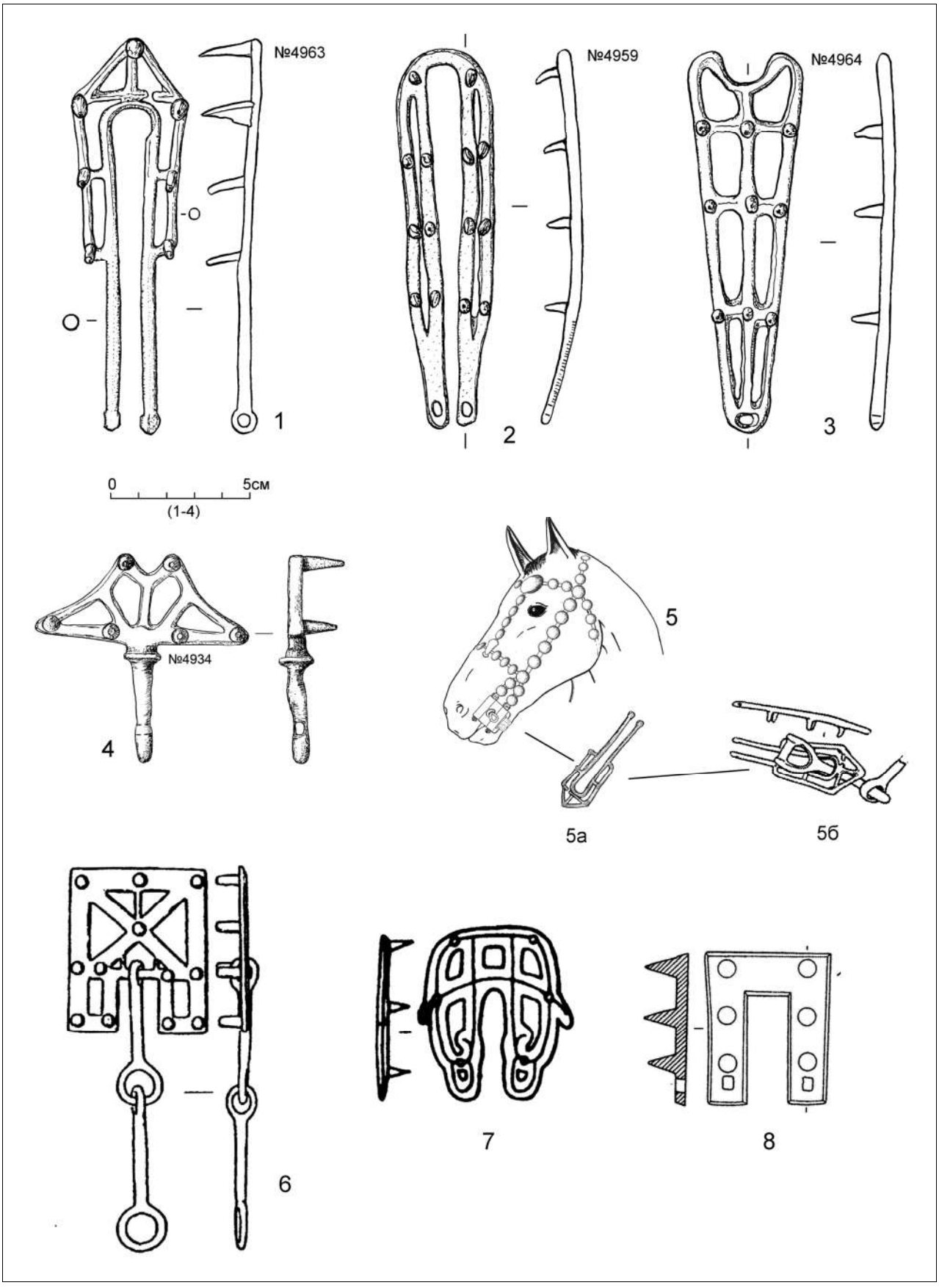

№4963
1
№4959
2
№4964
3
0 5см
(1-4)
№4934
4
5
5а
5б
6
7
8

Рис. 1. Бронзовые псалии с шипами из Минусинской котловины *(1—4, 5а, 5б)* **и Северного Китая** *(6—8)*: *5* — реконструкция уздечки с шипастыми псалиями из могильника Мэйюаньчжуан; *1—4* — изделия из фондов Минусинского музея (*5* — по Сектор изучения 1998; 5а, 5б — по Боковенко 2018: рис. 11: 7; 6—8 — по Цзин Чжунвэй 2013: рис. 8, 9).

Fig. 1. Bronze cheek-pieces with thorns from the Minusinsk Basin *(1—4, 5а, 5б)* and North China *(6—8)*: *5* — reconstruction of the bridle with thorny cheek-pieces from the Meiyuanzhuang cemetery; *1—4* — Products from the Minusinsk Museum (5 — after Sector of study 1998; 5а, 5б — after Bokovenko 2018: fig. 11: 7; 6—8 — after Jing Zhongwei 2013: fig. 8, 9).

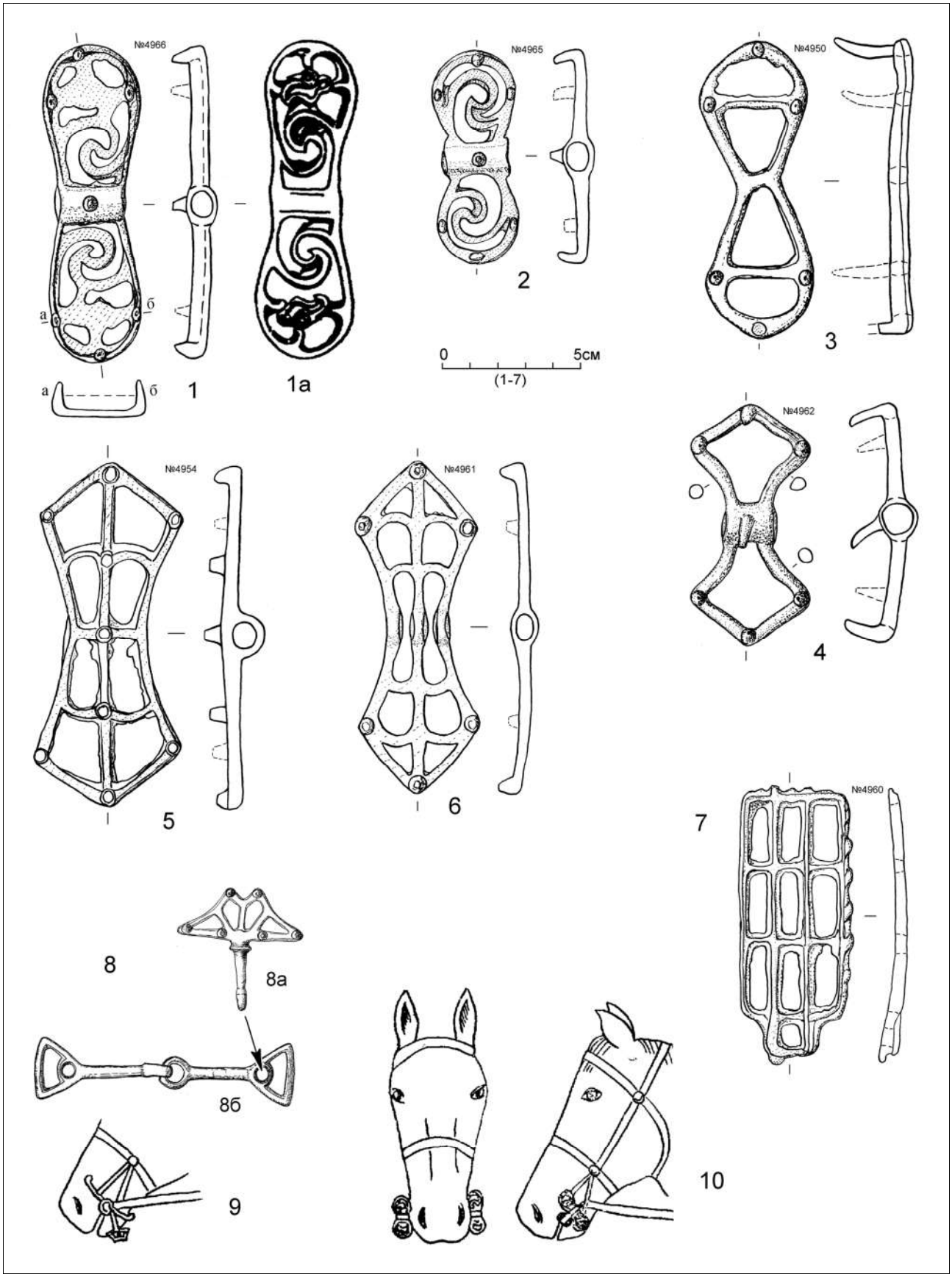

№4966
а
б
1
1а
№4965
2
0
5см
(1-7)
№4950
3
№4962
4
№4954
5
№4961
6
№4960
7
8
8а
8б
9
10

Рис. 2. Бронзовые «скребницы» из Минусинской котловины и предлагаемые способы их применения в уздечке: 1—7, 8а — изделия из фондов Минусинского музея; 8, 9 — способы использования «скребниц» со стержнем (по Боковенко 2018: рис. 11; Членова 1967: рис. 4в); 10 — способ использования бантовидных «скребниц» (по Членова 1967: рис. 4а, 4б).

Fig. 2. Bronze «currycombs» from the Minusinsk Basin and the proposed ways of their use in bridle: 1—7, 8a — products from the Minusinsk Museum; 8, 9 — “currycombs” with a rod ways of using (after Bokovenko 2018: fig. 11; Chlenova 1967: fig. 4в); 10 — bow-shaped “currycombs” way of using (after Chlenova 1967: fig. 4a, 4б).

Рис. 3. Бронзовые «скребницы» из Минусинского музея.

Fig. 3. Bronze «currycombs» from Minusinsk Museum.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.22.37.006

Г.С. Джумабекова, Е.Ш. Амиров, К. Алтынбеков, Э.К. Алтынбекова, Р.Ж. Жанузак, А.Е. Чильдебаева, Г.А. Базарбаева

LETUM NON OMNIA FINIT (ОБ ОДНОМ ШЕДЕВРЕ ШКОЛЫ ТОРЕВТОВ САКОВ ЖЕТЫСУ)*

Памяти нашего коллеги, археолога
Арнабая Абишевича Нуржанова
посвящаем

Археология раннего железного века Казахстана в последние десятилетия стремительно пополняется новыми данными, в том числе — по древнему искусству. К настоящему времени практически во всех регионах страны получены новые яркие комплексы, характеризующие существование устойчивых традиций в материальной культуре, особенно в торевтике. Целью настоящей статьи ставится ввод в научный оборот высокохудожественных изделий из курганов ранних кочевников, расположенных на территории города Алматы (конец V — начало IV в. до н.э.). При культурно-хронологической атрибуции находок предпринята попытка не только поиска аналогий им, но и привлечены данные антропологических и палеогенетических исследований. Анализируемые находки демонстрируют сюжетно-стилистические параллели с изделиями кургана Иссык и с искусством населения пазырыкской культуры. Подтверждается тезис К.А. Акишева о существовании семиреченской школы сакских торевтов и существование трансконтинентальных контактов между населением Передней Азии и Великой степи.

Ключевые слова: Жетысу, Алматы, Таугуль-3, курган Иссык, ранний железный век, саки, искусство, звериный стиль.

Сведения об авторах: Джумабекова Гульнара Саиновна[1], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Амиров Ерлан Шарефович[2], директор, ТОО «Археологические исследования»; Алтынбеков Кырым[3], директор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Алтынбекова Элина Кырымовна[4], дизайнер-реставратор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Жанузак Рамазан Жаксыбайулы[5], заведующий лабораторией физической антропологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Чильдебаева Айнаш Еркеновна[6], PhD, ассистент-профессор, Университет Техаса; Базарбаева Галия Аппазовна[7], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1,5,7]050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; [2]Казахстан, г. Караганды, ул. Механическая, 8а, кв. 2; [3,4]Казахстан, г. Алматы, ул. Венецианова, 6/5; [6]TX 78712, USA, Austin, University of Texas at Austin, 2201 Speedway; e-mail: [1]gdzhuma@mail.ru;[2]e.amirov82@gmail.com; [3]tengri05@mail.ru; [4]elina.altyn@gmail.com; [5]rzhanuzak04@gmail.com; [6]ainash.childebayeva@austin.utexas.edu; [7]galiya2002@gmail.com.

Gulnara Jumabekova, Yerlan Amirov, Kyrym Altynbekov, Elina Altynbekova, Ramazan Zhanuzak, Ainash Childebayeva, Galiya Bazarbayeva

LETUM NON OMNIA FINIT (ABOUT ONE MASTERPIECE OF THE ZHETYSU SAKA TOREUTIC SCHOOL)

The archaeology of the Early Iron Age in Kazakhstan has rapidly expanded with new data in recent decades, including in the field of ancient art. To date, new complexes have been discovered in almost all regions of the country, indicating the existence of stable traditions in material culture, particularly in toreutics. The aim of this article is to

* Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023—2025, ИРН проекта BR21882346.

Статья поступила в номер 31 июля 2024 г.
Принята к печати 14 августа 2024 г.

© Г.С. Джумабекова, Е.Ш. Амиров, К. Алтынбеков, Э.К. Алтынбекова, Р.Ж. Жанузак, А.Е. Чильдебаева, Г.А. Базарбаева, 2024.

introduce highly artistic artifacts from the early nomads' kurgans located in the city of Almaty (late 5th — early 4th century BCE) into academic discourse. The cultural and chronological attribution of the finds involved not only searching for analogies but also incorporating anthropological and paleogenetic research data. The analyzed findings show thematic and stylistic parallels with the artifacts from the Issyk kurgan and the art of the Pazyryk culture. K.A. Akishev's thesis regarding the existence of a Semirechenskaya school of Saka toreuts and the presence of transcontinental contacts between the populations of Western Asia and the Great Steppe is confirmed.

Key words: Zhetysu, Almaty, Taugul-3, Issyk kurgan, Early Iron Age, Saka tribes, art, animal style.

About the authors: Jumabekova Gulnara[1], PhD (History), Margulan Institute of Archaeology; Amirov Yerlan[2], director, LTD "Archaeological Researchers"; Altynbekov Kyrym[3], director, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Altynbekova Elina[4], designer-restorer, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Zhanuzak Ramazan[5], head of the Laboratory of Physical Anthropology, Margulan Institute of Archaeology; Childebayeva Ainash[6], PhD (Anthropology and Toxicology), Assistant Professor, University of Texas at Austin, 2201 Speedway, Austin, USA, TX 78712; Bazarbayeva Galiya[7], PhD (History), Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1,5,7]050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Ave., Margulan Institute of Archaeology; [2]Kazakhstan, Karaganda, 8a-2 Mekhanicheskaya, str.; [3,4]Kazakhstan, Almaty, 6/5 Venetsianov, str.; [6]TX 78712, USA, Austin, University of Texas at Austin, 2201 Speedway, e-mail: [1]gdzhuma@mail.ru; [2]e.amirov82@gmail.com; [3]tengri05@mail.ru; [4]elina.altyn@gmail.com; [5]rzhanuzak04@gmail.com; [6]ainash.childebayeva@austin.utexas.edu; [7]galiya2002@gmail.com.

Введение

В современной археологической науке Казахстана на протяжении последних десятилетий наметилась положительная тенденция в пополнении источниковедческой базы данных по раннему железному веку. Яркие находки происходят из курганов, исследовавшихся в различных регионах страны. Новые открытия стали возможными благодаря своевременной финансовой поддержке, осуществлявшейся в рамках реализации задач целого ряда научных проектов (Онгарулы и др. 2023; 2024).

Среди новых открытий особенно выделяются результаты исследования таких памятников, как Елеке сазы, Акжайлау и Тасарык (Урджар) в Тарбагатае и на Алтае (Samashev 2021; Байтанаев 2019; Самашев и др. 2023), Кызылжартас, Саба, Ыскак — в Сарыарке (Бейсенов и др. 2023; Дмитриев и др. 2022; Онгарулы и др. 2020), Бабиш мола 2, Чирик Рабат, Акшукыр, Буланды 3, Егистик, Мынарал — в Прииралье (Утубаев, Аккалиева 2024), Бисоба, Кураша I, Кайынбулак II, Жайык, Урысай-2 — в бассейне реки Урал (Бисембаев и др. 2019; Лукпанова 2022) и многие другие.

На фоне этих открытий материалы курганов № 2 и 3 мог. Таугуль-3 на территории г. Алматы видятся рельефнее и дополняют корпус сведений о культуре населения эпохи ранних кочевников. Материалы раскопок погребальных сооружений № 2 и 3 опубликованы ранее (Нуржанов и др. 2023; Амиров и др. 2024).

Могильник первоначально состоял из цепочки курганов, вытянутых по линии С—Ю вдоль р. Каргалы. Исследованы три объекта из нескольких сохранившихся курганов когда-то крупного могильника. В статье предпринимается попытка атрибутировать находку, выявленную в грабительском лазе кургана № 2, вне контекста полностью разрушенных погребений, а также изделие из кургана № 3.

Нужно отметить, что материалы исследованных курганов мог. Таугуль-3 (конструктивные особенности сооружений, погребальный обряд), позволяют отнести их к характерным памятникам саков Жетысу, что подтверждается и полученными датами: конец V — начало IV в. до н.э. (2407±29); дата, полученная на основании анализа кости скелета человека, лежавшего ничком на погребённой поверхности над южной ямой № 1, моложе — конец III — середина II в. до н.э. (2184±30).

Датировка, полученная на основании анализа костей собак: захороненной над началом грабительского лаза с южной стороны от основной конструкции — 1049±26 лет; кость собаки, выявленной над ямой № 1, дала дату 1022±31.

Таким образом, можно предположить, что курган был сооружён в период последней трети V — первой трети IV в. до н.э. (табл. 1, рис. 1—4).

Таблица 1. **Радиоуглеродные даты. Могильник Таугуль-3, курган № 2**
(Компания научных услуг «БАРНАС», Вильнюс радиокарбон).

	Sample designation	Lab. code	Radiocarbon age, BP	pMC
1	Курган № 2. Конструкция № 2. Могильная яма. Придонная часть.	FTMC-JP46-24	2407±29	74.11±0.24
2	Курган № 2. Бровка 0-Юг (кость собаки).	FTMC-JP46-25	1049±26	87.75±0.14
3	Курган № 2. Конструкция № 1.	FTMC-SF12-17	1022±31	88.05±0.34
4	Курган № 2. Конструкция № 1. Погребение 1.	FTMC-SF12-18	2184±30	76.19±0.29

Материалы и методы

Методика исследований. В ходе полевых исследований 2020 г. находки были переданы руководителем раскопа А.А. Нуржановым в Научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым». Под руководством директора лаборатории К. Алтынбекова с анализируемого предмета удалены загрязнения, предприняты меры по его консервации[1] (рис. 5).

Для тщательного изучения изображения на цилиндрической поверхности находки, с неё снята силиконовая матрица, которая после расправления была использована для создания гипсовой отливки (рис. 6). Данный способ позволил работать с развёрнутым изображением, не взаимодействуя с аутентичным предметом. Изучение слепка проводилось с использованием макросъемки на фотоаппарат Nikon с разрешением 4К, позволяющей проследить мелкие детали с высокой точностью. Изображение выводилось на экран с разрешением 8К, что позволило подробно ознакомиться с объектом исследования. Затем снимки изучались совместно с реставраторами. С использованием цветовой маркировки отмечались содержательные элементы композиции. Изучение развёрнутого с помощью слепков изображения позволило видеть его целиком, в отличие от изучения цилиндрического оригинала, где одномоментно возможно наблюдать не более половины изображения. Детальное знакомство с изображением, его обсуждение, позволили выполнить качественную графическую прорисовку предмета. Первое предположение о том, что граница изображения прямая, было опровергнуто в ходе изучения. Так, передние ноги травоядного животного загибались таким образом, что на развёртке оказались на уровне его рогов. И только детальная работа над слепком и оконтуривание всех выявленных частей тела, позволило увидеть изображение целиком.

[1] Иллюстрации подготовлены авторами. Благодарим Манаса Казикеева за графическую прорисовку предмета, Михаила Антонова за помощь в обработке рисунков.

В процессе изучения находки также использовались традиционные методы археологии: описание, сравнительно-типологический анализ, поиск аналогий, атрибуция.

Описание материала. Анализируемая находка — шпилька либо жезловидный предмет, представляющий собой железный округлый в сечении стержень с шаровидным навершием, обёрнутый тонким металлическим листом жёлтого цвета с рельефным, тиснённым изображением. Толщина металлического листа варьируется от 0,14 до 0,28 мм. Размеры стержня: длина 12,4 см, диаметр от 0,55 до 1,4 см. Шаровидное навершие отделено от стержня (видимо, в процессе археологизации) и имеет диаметр около 1,5 см.

Для изготовления изделия на металлической заготовке детально вырезалось рельефное изображение, таким образом выполнена подготовка металлической матрицы. Затем она была завёрнута в лист из жёлтого мягкого металла и методом басмы (придавливанием, чеканкой), лист принял форму узоров на матрице, повторяя все детали. Далее изделие дополнительно обработано прорисовкой стилем (тонким инструментом) для большей детализации.

На предмете помещена сцена терзания фантастическим кошачьим хищником травоядного животного, в основе которого — олень. Она вписана в узкое удлинённое пространство листа (размерами 12,4 × 2,8 см), куда смогли вместить детально всю сцену.

Олень показан в профиль, лежащим, с разворотом левым боком к зрителям. Его тело вывернуто — круп развёрнут вверх. Крупная голова вытянута вперёд на длинной шее. Большой глаз с выделенной слезницей вписан в круг. Пасть приоткрыта, храп выгнутый как у лося, подчёркнут рельефом (валиком). Нос преувеличен, он большой, показан закрученным кверху, напоминает стилизацию носа у волков в Сибирской коллекции Петра I. Вероятно, у оленя показана ноздря каплевидной формы внутри закрученного носа. Нос-ноздри соединяются с храпом. Скулы обозначены спиралевидным завитком. Губы оконтурены валиком. Большое листовидное ухо оттянуто назад и прижато к шее сверху. Оно имеет два выпуклых кружочка (полушарика) в основании. Детали узкого вытянутого листовидного уха проработаны рельефом внутри общего контура, чем хорошо передано не плоское ухо, передан его объём.

Рога большие, ветвистые. Два передних отростка рогов, в виде слабо изогнутой S-видной фигуры, вытянуты вперёд, нависают над мордой, чуть расширяются на концах. Ещё пять отростков показаны от основного рога вверх. Первый отросток показан в виде профильной головы грифа с загнутым клювом и крупным округлым глазом. Изогнутая шея оформлена в виде трёх параллельных валиков, возможно внешний из них обозначает гриву. Также обозначена створка клюва. Последний, пятый отросток, самый крупный, показан в виде головы грифона на длинной дуговидной шее с изогнутым небольшим хохолком. Клюв мощный с обозначенной углублением створкой и восковицей. Большой глаз округлый, с выделенной слезницей и выпуклым зрачком. Щека передана рельефом в виде полуподковы или широкой скобки. От шеи на затылок спиралевидным завитком выведено ухо. Голова грифона тяжами соединена со стержнем рогов. Расположенные между первым и последним отростком рога — три средних — выполнены в виде стилизованных головок грифонов со спиралевидным завитком и пламевидным хохолком, направленным вверх. Из них первые два одинаковые по размеру, а третий — наибольший из них.

Туловище животного перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повёрнутыми вверх. Лопатка обозначена двумя изогнутыми дуговидными рельефными линиями и третьей линией, заканчивающейся спиралевидным завитком. Бедро перевёрнуто на 180°, волюты на бёдрах и лопатке оленя выделены большой спиралью, также закрученной вверх и против часовой стрелки. Основание задней ноги на бедре обозначено полуподковой или скобкой. Задняя нога направлена назад и в колене согнута под прямым углом, от колена вытянута вверх-назад. Вдоль голени желобком выделен сустав (кость) — пясть, путовый сустав, приострённое копыто показано отдельно. Передняя нога подогнута назад под туловище, согнута также в путовом суставе — копыто помещено под туловище, т.е. она дважды согнута, чем показано неестественное положение, копыто приострённое.

Запястье оформлено сдвоенными кружками. Коленный сустав передних ног обозначен парными кружочками. Предплечье выделено изогнутой S-видной фигурой. Вторая передняя нога вытянута вперёд, копыто — под головой.

Положение ног оленя, ввиду замкнутой круговой композиции на стержне шпильки, может восприниматься так, что одна из них передняя подогнута под туловище, вторая, скорее, по аналогии с пазырыкскими изображениями — расположена под туловищем и подогнута внутрь, хотя при развёртывании листа обе ноги оказываются над оленем. Таким образом, при рассмотрении сцены положение передних ног оленя может восприниматься двояко, но нужно учитывать первоначальную необходимость «обернуть» стержень шпильки.

Кошачий хищник показан вцепившимся в травоядное животное. Морфологические особенности морды кошачьего хищника переданы чётко. Голова обращена к зрителю — впрямь и немного сверху, зубами (учитывая вывернутое туловище оленя) хищник вцепился в брюхо травоядного животного. Его правая лапа с тремя когтистыми пальцами находится сверху на загривке или лопатке оленя, левая передняя лапа, наоборот, снизу обхватила заднюю ногу жертвы. У кошачьего хищника широкая голова, мощная длинная шея (как и всё туловище), вывернутое туловище — две задние ноги с мощными лапами расположены в верхнем углу композиции, как бы подпирая лапами верх.

Глаза суженные, подтреугольные, раскосые. Характерные черты морды хищника переданы таким образом, что внутри более больших треугольных фигур находятся такие же мелкие. Нижняя линия глаз является верхней границей щёк, сморщенной верхней губы, переданной линией скобок. По сторонам щёк обозначена шерсть — это приострённые окончания скул-щёк.

Нос с линией лба оформлен в виде изогнутой буквы «Т». Лоб высокий. У кошачьего показаны складки на лбу и верхней губе. Уши листовидные, узкие, направлены в сторону и вверх, в основании — спиралевидный завиток, кончики ушей приострены и слегка загнуты внутрь. Ушная раковина обозначена углублением. Внешняя сторона уха выполнена в виде поперечных коротких валиков или насечек, передающими фактуру — шерсть. Верх головы — линия лба оформлена так, как будто уши двумя выгнутыми дугами соединяются в центре.

Задние ноги детализированы — продольным углублением обозначены суставы. Бедро показано вытянутым треугольником с выгнутыми сторонами, короткая сторона, направленная к ноге — оформлена спиралью, переходящей в сустав ноги (левая нога). Длинный хвост изгибается и тянется к загривку, показан цепочкой скобочек (чешуек). Он как бы заброшен/закинут на спину. Хвост от крестца поднимается — огибает круп.

От нижней линии плеча хищника вверх направлено листовидное крыло с завитком в основании (в виде запятой), фактура оперенья передана двумя линиями подковок, окончание крыла заужено, плохо сохранилось, очевидно, направлено вперёд. Туловище хищника перекрывает частично заднюю ногу оленя (рис. 7).

Изображение выполнено в технике низкого рельефа, тиснением. Детали показаны сочетанием умело и точно выполненных вдавлений и выпуклостей. Сцена предельно заполняет поверхность изделия. Оно вписано в форму пластины, которой обёрнут стержень.

Анализ изображения. Параллели в материалах кургана Иссык

Сюжет является классическим для искусства звериного стиля и, в целом, перекликается с декором ряда находок из восточной части евразийских степей по композиционному решению и художественным приёмам. Декор шпильки находит очевидные аналогии среди изделий кургана Иссык (V—IV вв. до н.э.): это проявляется в изобразительных средствах, стилистике изображений.

В таблице 2 представлен перечень находок из кургана Иссык, выполненный на основе описания К.А. Акишева (1978). В графе «Наименование предмета» в некоторых случаях в

скобках указан декор, что сделано для наиболее чёткого представления о каких изделиях идёт речь. Цифры, обозначающие количество, проставлены согласно описания в книге.

Таблица 2. **Перечень находок из кургана Иссык** (по Акишев 1978).

Наименование предмета	**Кол-во**	**Наименование предмета**	**Кол-во**
Статуэтка архара		Бляшки-нашивки в виде полумесяца	108
Протомы крылатых коней с рогами горного козла		Бляшки-нашивки ромбовидные	313
Пластины в виде птичьих крыльев	4	Пластинки неопределённых форм	74
Бляхи в виде барсов с зубчатыми пластинами, изображающими горы	2	Бусины из сердолика разных форм: круглые, бочонковидные и плоские	10
Бляха в виде барса с зубчатой пластиной и зубчатая пластина, изображающая горы		Бусины цилиндрической формы из пасты белого цвета	16
Бляхи в виде барсов	2	Бляхи-накладки ремня в виде лежащего оленя в профиль	3
Бляхи в виде морды льва	6	Бляхи-накладки ремня малые в виде головы оленя	13
Бляхи в виде лошадей	2	Кинжал	
Бляшки в виде горного козла	5	Бляха-накладка —украшение верхней части ножен (изображение лося)	1
Скульптуры птиц	5	Бляха-накладка — украшение узкой нижней части ножен кинжала (изображение лошади)	1
Диадема (имитация горных вершин или листьев растений)		Бляхи — распределители ремней (изображение волка)	2
Пластины в виде малых птичьих крыльев	2	Меч	
Длинные пластины в виде птичьих крыльев	4	Пронизи украшали ремни крепления меча (2 — цилиндрической, 1 — кольцевой формы). На самой крупной цилинд. — изображение головы тигра анфас	3
Пластины фигурные декоративные	5	Гривна (на окончаниях скульптурные головы барсов)	
Пластины фигурные мелкие	7	Перстень-печать (изображение человеческой головы в профиль)	
Пластины геометрических форм	2	Перстень с большим овальным выпуклым щитком	
Стреловидные украшения	4	Серьга с подвесками	

Таблица 2. **Перечень находок из кургана Иссык (продолжение)** (по Акишев 1978).

Наименование предмета	**Кол-во**	**Наименование предмета**	**Кол-во**
Пластины в виде горных вершин	4	Зеркало бронзовое с позолотой, литое	
Изображения деревьев	5	Лента широкая спиралевидная — декор нагайки	
Бляхи в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками	54	Большая серебряная чаша	
Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками	59	Малая серебряная чаша	
Бляшки треугольных форм	2411	Серебряная ложка	
Бляхи прямоугольно-фигурные	30	Бронзовая чаша (найдена во фрагментах)	
Бляшки составные	3	Большое и малое блюда (береза)	
Бляшки-нашивки прямоугольные	488	Черпак	
Бляшки-нашивки квадратные	162	Кувшины	10
Бляшки-нашивки круглые	30	Миски	6
Пронизки цилиндрические с рифленым орнаментом	103		
Примечания: 1) Оттенком выделены мелкие бляшки-нашивки; 2) изображения животных на пластинах, декорировавших клинок кинжала: *на одной* — змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; *на другой* — змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и полтуловища какого-то животного); 3) К.А. Акишев отметил, что в могиле найдено 12 предметов из дерева, но взять и сохранить удалось только два блюда-подноса и черпак.			

Анализ материала позволяет представить следующую картину. Поверхность предметов из кургана Иссык содержит различные изображения: человека (щиток перстня), зверей и птиц (элементы костюма, декор клинка кинжала, ручка серебряной ложки); полумесяца, горных вершин, растений, геометрических (прямоугольники, ромбы, квадраты, круги, цилиндры) и стилизованных фигур, декорировавших элементы костюма.

Репертуар зооморфных изображений включает хищников и травоядных: архара, лошадь, лося, оленя, горного козла, антилопу, кабана, волка, тигра, барса, льва, лису, зайца, змею. Образы животных представлены реальными и фантастическими изображениями. К последним относится изображение крылатого коня с рогами горного козла; крылатого оленя с хвостом лошади; крылатого тигра; ушастой птицы. Среди стилизованных, ажурных изображений, в декоре поверхности которых присутствуют завитки, отдаленно напоминающие скрытый образ животного.

Изображения зверей представлены целыми фигурами и редуцированно — в виде передней части туловища, в виде протомы, головы с передними лапами, головы. Копытные показаны с подогнутыми под брюхо ногами, с крупом, вывернутым на 180°. Хищники изображены — свернувшимся, с хищным оскалом, с крупом, вывернутым на 180°.

Орнитоморфные изображения — это образы хищных и не хищных птиц. Первые представлены фантастическими существами — присутствуют в декоре кинжала — в виде протом, а также в виде содержательных элементов, усиливающих синкретическое существо,

изображенное на бляхах пояса. Не хищные птицы показаны на вершине деревьев и все они — целые фигуры. Кроме того, имеются отдельные элементы в форме крыльев, когтей, присутствие которых, видимо, следует рассматривать по принципу *pars pro toto*.

Материалы кургана Иссык демонстрируют знание мастерами-ювелирами особенностей живой и неживой природы. Горные вершины, деревья, листья растений органично вписаны в декор костюма и образуют законченную композицию.

В таблице 3 представлены результаты анализа встречаемости тех или иных образов зверей и птиц, присутствующих в декоре находок кургана Иссык. Всего выявлено 19 различных анималистических изображений. Анализ данных красноречиво свидетельствует о ведущем образе тигра. Изображением животного декорирована поверхность 113-ти изделий и дважды хищник запечатлен на пластинах клинка.

Таблица 3. **Курган Иссык. Репертуар образов животных.**

Изображения зверей и птиц	**Кол-во**	**Изображения зверей и птиц**	**Кол-во**
Архар	3	Лось	1
Крылатый конь с рогами горного козла	2	Волк	5
Барс	7	Хищная птица	2
Лев	6	Змея	2
Лошадь	3	Лиса	2
Горный козёл	5	Заяц	3
Птицы	6	Коза	1
Тигр	115	Кабан	3
Крылатый олень с хвостом лошади	3	Джейран (косуля)	1
Олень	13		

Регион выявления находок, конструктивные элементы погребальных сооружений, художественно оформленные предметы, время сооружения объектов, в первую очередь, предполагает обратиться к этому памятнику — кургану Иссык. Изображению травоядного животного на изделии из мог. Таугуль-3 очень близок образ оленя, нанесённый на бляхи-накладки из кургана Иссык. К общим художественным решениям и стилистическим приёмам можно отнести поставленную горизонтально голову оленя, морда которого напоминает лосиную; скулы, выделенные завитком; глаза с высоким веком и обозначенным зрачком; характерная передача уха; оформление лопатки, окончаний отростков рогов (дополнительно ушастый грифон вырастает из загривка оленя), коленных сгибов.

Важным представляется отмеченный К.А. Акишевым принцип организации композиции, при котором изображение оленя полностью заполняет поверхность бляхи, создавая замкнутость прямоугольной рамки (Акишев 1978: 22; 101; ил. 38). Он характерен и для пластины, покрывающей стержень шпильки: положение вывернутых ног обоих животных замыкает изображение в определённые рамки. Также обнаруживается общее сходство с изображением оленя на бляхе-накладке на ножны кинжала из кургана Иссык (Акишев 1978: 105).

Изображение хищника впрямь — узнаваемый приём для декора изделий из кургана Иссык (Акишев 1978: ил. 19). Бляшки с изображением головы кошачьего хищника обнаруживают сходство с мордой крылатого зверя из мог. Таугуль-3, особенно — изображение головы льва (Акишев 1978: 20, 85; ил. 20).

Стилизованное изображение морды льва анфас, как отметил К.А. Акишев, напоминает человеческую личину. Следует назвать золотую пронизь из кургана Иссык с изображением морды хищника — у него такие же узкие глаза, но они развёрнуты иначе, вниз, а уши —

полукруглые; бляшки с головой анфас между планками (Акишев 1978: 89; ил. 32, 33). Надо отметить, что у кошачьих хищников из кургана Иссык в большинстве нос подчеркнуто уплощён, обозначены ноздри. У хищника из мог. Таугуль-3 он показан иначе, возможно, здесь имеет значение ракурс: взгляд на него направлен не совсем горизонтально, а немного сверху. Нужно отметить, что уши у иссыкских барсов более естественные, не выходят за границы самих изделий. У хищника с зубчатой пластиной на кулахе ухо прижато к голове. У хищника из мог. Таугуль-3 глаза более узкие, чем у изображения животных из кургана Иссык.

Близкие таугульскому изображения головы кошачьего хищника анфас между вертикальными планками украшают бляхи, обнаруженные в Кыргызстане, в районе оз. Иссык-Куль, возможно, из размытого погребения у с. Барскаун (VI—IV вв. до н.э.) (Акишев 1978: ил. 86; 87). Особенность позы барсов на кулахе из кургана Иссык (Акишев 1978: ил. 18; 19), с учётом сочетания горных пиков, деревьев, птиц и округлой формы головного убора, передает объёмную, пространственную картину (Акишев 1978: 86). Также в экспрессивной сцене на жезловидном предмете из мог. Таугуль-3 с перекрученными телами животных просматривается как бы усиление драматизма в округлой форме стержня.

Также, как и в кургане Иссык, уплощены морды у барсов, переданных в объёмных скульптурах семиреченских бронз. Явно уплощённая морда хищника из мог. Таугуль-3 отличается от воплощения образа хищного барса на поверхности художественных бронз Жетысу/Семиречья, даже если принять во внимание разные способы их изготовления, материал и т.д. У барсов с бортиков курильниц и жертвенных столов более крупные глаза, уши полукруглой формы, отличается форма крыла, нет сморщенной в оскале верхней губы, бёдра и лопатки — без акцентирования. Это узнаваемый, но обобщённый без детализации образ хищника в бронзе.

Совсем другой — обобщённый образ хищника, на венчике котла: в виде незамкнутого овала показаны глаза и уши, взгляд без хищного прищура, оскаленная пасть с подробно показанными зубами, но нет складок на губах, ноздри более вытянутой морды переданы углублением в виде скобки (Джумабекова, Базарбаева 2013: рис. 5: 2, 3, 5, 6: 8).

Вместе с тем, среди образов семиреченских бронз также известны фигурки кошачьих крылатых хищников с головой, повернутой в фас (Артамонов 1973: рис. 49).

Параллели изображению из Жетысу в древностях пазырыкской культуры

Отмеченная выше схожесть стилизованного изображения морды льва анфас с человеческой личиной, как общая для искусства Жетысу и Алтая деталь, дополняет ряд признаков, по которым можно провести параллель изделию из мог. Таугуль-3 с образцами творчества населения пазырыкской культуры, в частности, это прослеживается по находкам из мог. Берел. Явные параллели декору изделия из мог. Таугуль-3 прослеживаются в искусстве населения пазырыкской культуры с изображениями кошачьих хищников впрямь или сверху (мы не будем перечислять более ранние образцы древнего искусства с изображением хищника, у которого передняя часть или только голова показана в фас из раннесакских мог. Тагискен, Тасмола). В качестве примера можно привести украшение седельной покрышки, курган № 2 мог. Пазырык (Руденко 1953: рис. 156; около 300 г. до н.э.). В сцене нападения кошачьего хищника на лося его передняя часть, голова показаны сверху, обе передние лапы вцепились в спину травоядного, передние лапы — поверх туловища лося, задние ноги хищника — в позе «идущего» животного, но туловища у обоих животных не вывернуты.

Схожая композиция расположена на седельной покрышке из кургана № 1 (Руденко 1953: рис. 158; около 300 г. до н.э.) — у кошачьего хищника вывернут круп, у оленя с вытянутой головой вывернуты задние ноги, передние — направлены вперёд. Хищник вцепился в оленя снизу. Рога у оленя характерные, не стилизованные. Лапы «идущего» хищника очерчивают границы композиции.

Передача хвоста хищника из мог. Таугуль-3 ячейками или подковками перекликается с оформлением хвоста у фантастических существ, в основе которых находится кошачий хищник с татуировки мужчины из кургана № 2 (Руденко 1953: рис. 177—180).

Распространён в курганах пазырыкской культуры декор конского снаряжения с изображениями головы кошачьего хищника впрямь (анфас). Например, стилизованное изображение головы на роговых принадлежностях упряжи, роговой накладке на седельный ремень кургана № 3 (Руденко 1953: табл. XLVIII: 2): животные показаны с широко расставленными ушами, слегка приострёнными на конце и с завитком внутрь, выделены ноздри и скулы.

Изображения хищников на уздечных и седельных деревянных подвесках из Третьего Пазырыкского кургана характеризуются тем, что по внешней кромке рогов, расположенных над головой, закрученных на конце внутрь, всё же обозначены узкие уши поперечными наклонными, нечастыми насечками или бороздами (Руденко 1953: табл. LVI: 4—6).

Близки образу существа из мог. Таугуль-3 изображения головы кошачьего хищника из Пятого Пазырыкского кургана: например, формой ушей, напоминающих рога, особенно из-за их поперечного рифления, это «турьи рога» с завитками в основании. У кошачьих хищников характерные раскосые глаза, сморщенная верхняя губа, нос с широкими ноздрями. Эти деревянные украшения узды и седла из кургана № 5, видимо, представляют изображения головы хищника впрямь, передающих в одном элементе и уши, и рога над головой (Руденко 1953: табл. LXVIII: 3—5, 7*;* около 250 г. до н.э.). Накладки на седельные ремни с изображениями хищника, у которого задняя часть туловища показана в профиль, голова — анфас, передняя часть туловища с конечностями — передаёт скорее взгляд сверху, в комплекте с накладками с изображением лося с вывернутым крупом, по сути, в целом передает сюжет с умерщвлением травоядного животного. Лопатки и бёдра хищника декорированы спиралевидным завитком, а фактура хвоста — поперечными скобками. Широко растянутая пасть, подразумеваемая в нижней части морды, обрамляет сморщенную верхнюю губу.

Вырезанные из дерева украшения узды и седла из Пятого Пазырыкского кургана, комплект четвёртый (подвеска к передней луке седла; подвески к седельным ремням; накладки на подхвостные ремни) с изображением кошачьей головы, характеризуются изображениями ушей и рогов над головой, с закрученными внутрь кончиками рогов, образующими симметричную композицию из двух половинок (Руденко 1953: табл. LXVII).

В эту серию изображений входит набор вырезанных из дерева уздечных и седельных украшений из Третьего Пазырыкского кургана (мотив — рогатая львиная голова), в т.ч. в таблице приведены профильные изображения голов с шишечкой или завитком на концах «рогов», львиные головы впрямь с широкими закрученными на кончиках рогами над головой и узкими фактурными тонкими ушами по бокам. Нос широкий с выделенными ноздрями (Руденко 1953: табл. LVI).

Голова кошачьего хищника впрямь с выразительными бровями и раскосыми глазами, рельефными скулами и широким носом с обозначенными ноздрями, лоб разделён на две доли, уши изогнутые по бокам головы вверх с закрученными кончиками внутрь вверху помещена на медальоне из коллекции Фролова (Руденко 1953: табл. LXXX: 1).

Прекрасный образец головы впрямь рогатого кошачьего грифона, держащего в пасти двух гусей, находится на войлочном чепраке из Пятого Пазырыкского кургана, обнаруживает параллели с изображением из мог. Таугуль-3. Наибольшую схожесть придают рога грифона, хотя у него чётко показаны и уши (Руденко 1953: табл. C: 1).

Выразительна кожаная нашивка на одежду, покрытая золотом, с изображением головы хищника впрямь с характерными ушами, и, видимо, над головой в центре расположены рога, короткие, вытянутые вверх, демонстрирующая сходные черты с существом из мог. Таугуль-3 (Руденко 1953: рис. 176).

Образцы широко распространённого принципа построения композиции, когда травоядное животное изображено в схожей позе, известны в пазырыкской культуре. В объекте пазырыкской культуры — курган № 11 мог. Берел (297 г. до н.э.) в Казахском Алтае — выявлены характерные

для неё изобразительные памятники — элементы конского убранства. Среди них — плакетка со сценой терзания тигром оленя (Самашев 2011: рис. 36; 403). Оба животных с вывернутыми крупами, у оленя декорированы бедро и плечо, тигр впился в шею оленя.

Особенно выразительная голова анфас кошачьего хищника на украшении конского снаряжения — у него такие же узкие глаза, вытянутые выделенные скулы, крупные уши с завитками в основании, единственное — нижняя часть лица закрыта шерстью или гривой. Форма ушей — менее узкая и вытянутая (Самашев 2011: рис. 353). Несколько похожи другие подвески с головами кошачьих хищников анфас из кургана № 11, но менее выразительны (Самашев 2011: рис. 362—364).

Любопытны подвески в виде головы кошачьего хищника в композиции с тремя протомами орлиных грифонов — сморщенные губы, нос широкий с ноздрями, раскосые глаза, бороздка поперек лба, но уши короткие и широкие, вписанные в форму, подчинены форме щитка, с завитком (Самашев 2011: рис. 379, 381).

Наиболее близко к изображению из мог. Таугуль-3 находится наносник/налобная бляха из кургана № 11 мог. Берел: голова кошачьего хищника впрямь — принципиально схожа с таугульской: широкий нос с обозначенными ноздрями, раскосые глаза, брови, широко расставленные уши с завитками в основании, выступающие скулы (Самашев 2011: рис. 357).

Опубликовано седельное покрытие со сценой вгрызания тигра в травоядное животное в маске оленя (?) — хвост у тигра показан выступающим из-за спины через плечо к нижней части головы; голова оленя — впрямь, хищник изображен «шествующим» из кургана № 11 мог. Берел (Самашев 2011: рис. 385; Джумабекова, Базарбаева 2019).

Близость образцов искусства пазырыкской культуры демонстрирует аппликация войлочного покрытия седла (мог. Ак-Алаха-3, кург. № 1, около 277 г. до н.э.) со сценой терзания тигром оленя: у обоих животных вывернуты крупы, тигр вцепился в грудь оленя снизу, животные показаны в профиль, хвост тигра расположен поверх туловища. Правая лапа тигра находится на шее оленя. Животные вписаны в пространство седла, их ноги проходят по незримой ровной линии-границе (Баркова, Полосьмак 2005: рис. 3.6.б; Полосьмак 2000: рис. 141).

Вытянутые вперёд длинные и узкие уши, напоминающие рога, — у пятнистого барса с зубастой вытянутой пастью (голова — чёрная) у ног барана с перекрученным туловищем и закинутой назад головой, нанесённого на татуировке на левом плече женщины (мог. Ак-Алаха-3, курган № 1) (Полосьмак 2000: рис. 151, б).

На изделиях конского убранства пазырыкской культуры обычны изображения оленей и козлов с подогнутыми ногами в профиль и голова кошачьего хищника впрямь, уши симметрично смыкаются над головой, они направлены вверх и в стороны, на концах закручиваются внутрь или оформлены в виде шариков.

Наиболее близким к композиции на жезловидном предмете из мог. Таугуль-3 является сюжет татуировки на правом предплечье женской мумии из Пятого Пазырыкского кургана (Азбелев 2017: рис. 4; Баркова, Панкова 2005), где три тигра окружили двух оленей. Из них два хищника показаны таким образом, что на них направлен вид сверху, а задняя половина животного показана в профиль, положение ног — идущего животного. Третий хищник показан в позе идущего в профиль. Из двух оленей — нижний показан с вывернутым крупом. У двух тигров показаны лапы поверх туловища оленя и ухватившегося за ногу и отросток рога оленя. Один из тигров вцепился в оленя со сломанным хребтом. П.П. Азбелев считает, что положение ног хищников указывает на иранское происхождение сцены. Предполагается, что погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом откуда-то из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири (Азбелев 2017: 57).

Образ оленя в позе с подогнутой передней ногой и вывернутым крупом также является типичным для искусства ранних кочевников, в том числе для регионов Алтая и Жетысу: в сцене с терзанием грифоном лося, у которого голова повернута назад, но ноги показаны таким образом, что передняя вытянута вперёд и вторая подогнута под туловище, задние —

вывернуты и вытянуты назад (украшение седельного покрытия, Пазырык, курган № 1; Руденко 1953: рис. 161).

Среди пазырыкских образов часты изображения фантастических существ, в основе которых кошачий хищник, но присутствуют не только крылья, но и рога, а также грива (напр., Полосьмак 2000: рис. 142). Выделяется кошачий хищник с S-видными крыльями — деревянное украшение упряжи (Туэкта, курган № 1). Это парное или сдвоенное изображение крылатого кошачьего хищника с одной общей головой. Туловище передано в профиль, а голова — впрямь, кроме того, две пары передних ног показывают, что и передняя часть туловища также впрямь. У задних ног — огромные лапы с когтями. Крылья также имеют сходную фактуру оперенья — передано чешуйками по внешнему краю. У животного «улыбающаяся» морда с большой растянутой пастью с обозначенными зубами и широким носом, уши короткие (Руденко 1960: табл. CII; Артамонов 1973: рис. 295).

Можно назвать бронзовые поясные пряжки из Восточной Сибири (II—I вв. до н.э.) со сценой нападения кошачьего хищника на архара. У хищника голова и лапы показаны впрямь, уши его похожи на рога — они направлены вверх, приострённые на конце и чуть загнуты внутрь. У архара также — голова впрямь (Nomadic Art… 2002: 110, кат. 80).

Не вдаваясь в дальнейшее перечисление случаев изображения кошачьих хищников и грифонов, можно в целом отметить сходство, общие художественные приёмы, единые принципы воплощения образа кошачьего хищника и фантастического существа (грифона) в искусстве населения Жетысу и пазырыкского Алтая.

Конечно, классический сюжет известен на изделиях из Сибирской коллекции Петра 1, выполненный в схожей стилистической манере. Так, можно назвать парные ажурные пластины-застёжки в рамке с изображением лошади, на которую напал тигр. Тигр ухватился двумя передними лапами и зубами сверху за шею лошади, туловище хищника, как и травоядного, показано в профиль, но голова и передняя половина туловища тигра демонстрируют вид сверху. У лошади подкосившиеся под туловище ноги, рёбра показаны скобками или полуподковками, выделена лопатка (Руденко 1962: табл. VIII: 5, 6). Другое изделие — литая пластина-застёжка, на которой помещено изображение со сценой терзания крылатым и рогатым кошачьим грифоном коня, которого он ухватил за холку, когти передних лап вонзил в его шею и спину, на бёдрах и плече — фигурки в виде выгнуто-вогнутых треугольников и кружочков (Руденко 1962: табл. VIII: 7, 8). Характерные детали в оформлении грифона: кольчатость рогов с шариками на концах; крыло с перьями, кончиками, направленными вперед; листовидная форма кисточки на конце хвоста, поджатого между ног; кружок между треугольниками на бедре и верёвочный орнамент вдоль тела по хребту. У обоих животных вывернуты крупы, ограничивающие пространство рамки. Семантически и композиционно она схожа со сценой терзания на предмете из мог. Таугуль-3, оно также вписано в форму вещи. В тоже время, верхняя часть головы крылатого хищника, лоб с узкими ушами напоминает голову быков на изображениях с более поздних изделий Минусинской котловины, курганов Ноин-Улы.

Исследователями неоднократно подчеркивалась связь пазырыкского искусства с искусством Ирана, например, С.И. Руденко приводит в качестве примера такого влияния сцену нападения льва на быка из Персеполя (Руденко 1953: 348—256 и др.; рис. 186: а). Здесь лев, стоящий на задних ногах, с головой в фас кусает круп быка, а две лапы с выделенными когтями показаны поверх крупа быка. Уши льва с характерным изгибом подняты вертикально вверх и напоминают рога — узкие, с загнутыми кончиками, голова показана анфас. У быка одна передняя нога вытянута вперед, вторая — подогнута. Сцена нападения львиного грифона на козла на седельном покрытии из Первого Пазырыкского кургана (Руденко 1949: 55—56; рис. 19; 1953: табл. CX: 1) по композиции, сюжету и отдельным деталям, по мнению С.И. Руденко, ведет к искусству Ассирии и Ахеменидского Ирана. О взаимовлиянии искусства ранних кочевников и Передней Азии свидетельствуют такие предметы, как золотое налучье с фигурами козлов и оленей из Зивие (Артамонов 1973: 219; илл. 289).

Линия связи Алтай—Жетысу—Иран прослеживается на таком образе, как существа, изображённые на седельном покрытии из кургана № 10 и на серебряной бляхе-застёжке в одном из курганов могильника Иссык (Самашев 2011: 169—170, рис. 43; 404), предметы которого демонстрируют параллели с Ахеменидским Ираном.

Сюжетно-стилистическое сходство изображений Жетысу и Алтая — саков Юго-Восточного Казахстана и пазырыкцев несомненно. Ранее П.П. Азбелев предположил существование западного влияния на культуру древних алтайцев (2015: 36).

Обсуждение содержания сюжета композиции

Сцена нападения хищного зверя на травоядное животное, когда хищник показан вцепившимся в круп или заднюю ногу, в восточной части скифского мира в IV в. до н.э., по мнению специалистов, демонстрируют ахеменидское влияние. Характерно изображение жертвы с туловищем, задняя часть которого перекручена на 180° (Полидович 2006: 360). Одно из значений позы с вывернутым крупом — это способ указать на жертвенное предназначение копытного (у кошачьих, напротив, это поза атакующая) (Азбелев 2015: 35).

Существует мнение, что положение задних лап животных на алтайских изображениях, воспроизводящие часть тела шествующих хищников, а также элементы, акцентирующие плечевые и бедренные мускулы зверя в виде кружочков и скобок, — иранского происхождения (Азбелев 2013: 79). Профильное изображение хищника с головой, повёрнутой в сторону зрителя также характерно для иранского искусства (Сарианиди 1989: 104; Азбелев 2015: 44).

Нужно отметить, что барсы с кулаха (курган Иссык) тоже больше похожи на шагающих, но крыло у них иной формы, чем у хищника в кургане мог. Таугуль-3, более узкое, S-видное, фактура оперенья иначе передана. Относительно оленя можно отметить, что в композиции на шпильке у него тоже скорее сломан хребет, хищный монстр ещё и в брюхо вцепился — тем самым применён художественный приём, усиливший драматизм ситуации. Необходимо при обозначении в качестве аналогий таким композициям указывать «сюжетно и композиционно сопоставимые изображения», учитывая специфику материала и форму несущей поверхности (Азбелев 2013: 79).

Об экспрессивности и эмоциональности сцены, помимо самого сюжета, таких художественных приёмов как вывернутые крупы, свидетельствует и такой элемент как хвост хищника. Предполагается, что позиция хвоста между или на задних лапах, или заброшен на спину — связана с сильным эмоциональным напряжением животного для IV в. до н.э. Характерно для изображений IV в. до н.э. ахеменидской стилистической манеры или античной (Полидович 2002: 189).

Изображение нападающего хищника таким образом, что передняя половина туловища и голова отображают вид сверху, а задняя — показана в профиль, распространено на широкой территории Евразии в гунно-сарматский период. К ним относятся предметы, объединённые понятием «ордосские художественные бронзы» IV—I вв. до н.э. со сценой терзания (Богданов, Кузнецов 2001; Артамонов 1973: ил. 197), и в западной части степного пояса (Засецкая 2019: табл. XVIIA: д). Для позднескифского времени, с конца IV в. до н.э., фиксируется религиозно-политическое единство Ордоса и Саяно-Алтая, активные алтайско-ордосские контакты (Ковалёв 1999: 81).

Изображения головы кошачьего хищника анфас, стилизованные и реалистичные, известны на территории Китая, но отмечается, что для кочевников и для населения Китая — это разные культурные традиции. Большую роль в распространении определённых образов, художественных приёмов, стилистических решений имел подвижный образ жизни населения степи, мощные культурные связи Саяно-Алтая с западными и восточными регионами. При этом, несмотря на наличие канона, каждый мастер мог вырабатывать свой инвариант (Богданов 2006: 47—48; 64).

Обилие или плотное заполнение всей поверхности изделия, не говоря о фигурах животных, декоративными элементами, организация композиции свидетельствует об орнаментализации сцены. А также организация композиции, взаиморасположение животных и их положение свидетельствует о точном расчёте мастера и подчинении её форме предмета. В целом, применено композиционное решение с целью вписать сцену в форму изделия. Орнаментализация изображений, стилизация прекрасно прослеживаются на изделиях Пазырыка (Руденко 1953: табл. LIII: 1—3, LIV: 1, 6, 7, LVII, LXX: 4, 5, и др.).

Что касается образа хищного существа, изображённого на изделии из мог. Таугуль, то, несмотря на то, что уши его имеют фактуру (продольное углубление) именно ушей, по внешнему краю фиксируется короткое перпендикулярное рифление, однако они загнуты на приострённых концах внутрь, их форма, спиралевидные завитки в основании, позволяют увидеть или предположить в них двоякое значение или соединение — уши и рога. Наличие крыльев у хищника добавляет веса этому предположению, подразумевающему синкретический образ фантастического животного. В этом элементе также прослеживается параллель с Пазырыком. Но эта деталь хищника, на наш взгляд, усложняет сам образ.

В самом Пазырыке тоже существуют разные варианты воплощения образа хищного существа — с турьими рогами, с уплощенными мордами, с различными видами моделирования частей туловища, грифоны с рогами и крыльями. Например, различные варианты хищника демонстрируют Башадарская колода (около 296 г. до н.э.) и изображения головы хищника из кургана № 1 мог. Туэкта (около 430 г. до н.э.), изображения хищников из Пятого Пазыркского кургана; серебряное украшение ножен из Первого Туэктинского кургана с изображением кошачьих хищников с вывернутыми задними частями тела. Они некоторыми чертами, например, мордой, схожи с семиреченскими (культовые бронзы). Ещё одним элементом, демонстрирующим контакты или некоторую общность культуры населения двух регионов, является бронзовая курильница в одном из курганов могильника Иссык, обнаруживающая сходство с пазырыкскими изделиями (курган № 2) (Максимова 1978). Хотя, конечно, различия в художественном решении при воплощении определённого образа или декоре изделий обусловлено материалом — дерево, войлок, металл. Тем не менее, в каждом регионе сложились характерные для него, узнаваемые сюжетно-стилистические особенности и приёмы декора костюма, предметов вооружения и конского снаряжения и др.

Изображение оленя — важнейший образ в зверином пантеоне скифо-сибирского стиля Центральной Азии. Н.А. Боковенко выделяет этапы в развитии образа оленя, среди которых средний (классический) этап охватывает VI—III вв. до н.э. (2014). Для него характерны более динамичные позы животных с вывернутым крупом и стилизованными рогами, олень показан жертвой нападающего хищника или как часть синкретичного фантастического существа (с оленьими рогами и копытами). Новый образец художественного изделия вписывается в эту периодизацию.

К подобному выводу пришёл Д.Г. Савинов: поза травоядного животного в сцене терзания (жертвоприношений), обозначающая смерть, «с вывернутой задней частью туловища (вероятно, мёртвого)» и с «подогнутой передней ногой и придавленной вниз головой (вероятно, ещё живого, но уже обречённого)» вырабатывается к середине VI в. до н.э. (Савинов 2020: 45).

Изображение травоядного — крылатого теке — с туловищем в профиль и подогнутыми ногами с головой впрямь воплощено в известном изделии — ободе котла из Жетысу (Тасмагамбетов 2005: 119). В нём соединилось несколько художественных приёмов — совмещение позиции впрямь и в профиль, крылья, превращающие животное в мифическое существо.

Несмотря на схожие художественные приёмы, использованное композиционное решение этого распространённого сюжета, очевидно то, что в каждом регионе, месте локализации определённой культуры, проступает своеобразие, локальное отличие, указывающее, вероятно, на свою школу, центр искусства, запросы и предпочтения элиты, а также характер

и интенсивность контактов, взаимовлияния культуры, например, ранних кочевников и Ахеменидского Ирана, Китая.

По мнению К.А. Акишева, анализировавшего комплекс кургана Иссык, изделия древней торевтики созданы мастерами — выходцами из среды сакских племен Семиречья. В качестве одного из аргументов приводится находка блях с барельефной головой хищника между вертикальными рифлеными планками у с. Барскаун на берегу озера Иссык-Куль и пластины заготовок, остатки листовой бронзы со следами вырезывания из них блях, бесформенные куски бронзы, собранные для переплавки.

К.А. Акишев поставил вопрос о существовании семиреченской школы сакских торевтов. Искусство звериного стиля в регионах «отвечало конкретным этнокультурным традициям». Тем не менее, сакское искусство «звериного» стиля — синкретическое, объединившее два компонента: самобытное и заимствованное. В комплексе присутствуют изделия, изготовленные под влиянием «художественных особенностей и технико-стилистических приемов искусства Передней Азии» (Акишев 1978: 75).

Конечно, одна из близких аналогий — находка из кургана Тенлик (III—II вв. до н.э.) — жезловидная заколка из круглого в сечении железного стержня, обтянутого листовым золотом (Акишев 1978: 70—72). Нужно иметь в виду то, что изделие с нанесённой на него сценой из мог. Таугуль специально предназначалось для обёртывания стержня шпильки или жезловидного предмета — размеры, расположение фигур, идеальное вписывание в рамки предмета, форма предмета. Оно расположено вдоль стержня жезла, вокруг оси и замкнуто поперёк. Этим отличается от жезловидного предмета из кургана Тенлик, где стержень имеет гладкую поверхность.

Выводам К.А. Акишева созвучны высказывания Е.С. Богданова о том, что на выбор средств и приёмов художественного воплощения влияли и такие факторы, как существовавшие на определённых территориях изобразительные традиции и «художественные школы», формирующие эстетические пристрастия и понятие «красоты» (2011: 28).

Можно увидеть в представленном изделии, характерном для сакского периода Жетысу, как сюжетные, так и стилистические параллели с искусством населения пазырыкской культуры, а также, как отмечал еще К.А. Акишев, влияние искусства Передней Азии, ахеменидского Ирана. А.З. Бейсенов для территории Жетысу на основании ряда признаков выделяет иссыкскую культуру VI (V) — III вв., до н.э., синхронную с пазырыкской культурой Алтая (Бейсенов и др. 2018: 158; 2020). Племена, населявшие регион Жетысу; северные склоны Иле Алатау, были связаны транзитными маршрутами с Горным Алтаем, Иссык-Кульской котловиной, Средней и Передней Азией.

Результаты палеоантропологических исследований показывают, что физический облик скифо-сакского населения был разнообразным не только на обширном пространстве их расселения, но и внутри отдельных степных, лесостепных и предгорных зон Евразии. В основном, мнения исследователей расходятся при реконструкции расо- и морфогенетических процессов, протекавших в указанных районах и, в частности, при определении роли и доли слагающих компонентов местных и пришлых групп в формировании той или иной популяции. Несмотря на палитру взглядов по формированию антропологических типов скифо-сакских племён, можно заметить общую точку зрения многих исследователей, которая сводится к тому, что имеется непосредственная взаимосвязь популяций эпохи раннего железа Евразии в меридиональном направлении и наоборот.

Например, на основе результатов многомерного статистического анализа наблюдается стабильное сближение пазырыкской серии с населением Юго-Восточного Казахстана IV—III вв. до н.э. и Центрального Тянь-Шаня, Синьцзяня (Чжаосу), а для женской серии также с населением сакской культуры Восточного Казахстана, Синьцзяня и Северо-Западной Монголии (Алагоу, Улангом) реконструируется на основе антропологических исследований (Чикишева 2000: 117). Надо отметить, что, по предположению Т.А. Чикишевой, племена Горного Алтая уже со второй половины II тыс. до н.э. контактировали со скотоводческим

населением северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии (Чикишева 2000: 112—113). В целом, предлагается вывод: пазырыкцы близки к населению, проживавшему в сопредельных регионах Западного Саяна, саков и усуней Центрального и Восточного Тянь-Шаня, Юго-Западного Алтая, Джунгарского Алатау, Алайской долины и Восточного Приаралья (Чикишева 2000: 120). Позднее автором ещё раз было отмечено, что переднеазиатские связи древнего населения Горного Алтая имеют длительную историю и, кроме очевидных взаимодействий скифо-сакских популяций, она восходит к контактам с полуоседлыми племенами скотоводов Парфии, Маргианы и Северной Бактрии (Чикишева 2012: 169).

В результате анализа краниологических материалов сакского времени сделано утверждение о передвижении европеоидно-монголоидного населения из более северных и восточных регионов сначала в Восточный Казахстан, а затем уже в Притяньшанье и Алай. Кроме этого, на черепах притяньшанских саков были выявлены следы непреднамеренной искусственной «бешиковой» деформации затылочного типа, ближайшие аналогии которого зафиксированы среди находок Павлодарского Прииртышья, Западной и Южной Сибири (Китов и др. 2019: 156—157).

По данным Т.К. Ходжайова, сакские племена Восточного и Центрального Казахстана, Юго-Восточного Приаралья, Тянь-Шаня, Алая и Северного Туркменистана имеют в своей основе однородный антропологический комплекс. Кроме того, автором приводятся два варианта путей миграций насельников степи, реконструированных по данным антропологических источников. Первый из них проходил через Приаралье и Восточный Прикаспий в Южный Туркменистан и Северный Афганистан. Второй — из Приаралья через Центральные Кызылкумы в Южный Согд и Северную Бактрию. Автор также обращает внимание на наличие лобно-затылочной деформации среди населения пришлых групп, которая в Приаралье была известна ещё с середины I тыс. до н.э. Затем данная традиция распространяется с II в. до н.э. среди жителей Согда, Северной Бактрии и Маргианы (Ходжайов 2008: 146).

Рядом исследователей допускается существование более ранних трансконтинентальных контактов между цивилизациями Древнего Востока и населением Великой степи. Для раннесакского периода — на основе анализа художественных изделий из кургана Аржан-2 (середина — вторая половина VII в. до н.э.) К.В. Чугуновым высказана гипотеза формирования традиций торевтики наиболее сложных по технологии производства предметов на основе школы металлообработки эпохи бронзы Бактрии и Маргианы, на базе культурного наследия бактрийско-маргианского археологического комплекса (далее — БМАК) (Чугунов 2016).

О влиянии популяций с территории БМАК в более ранний период на население Алтая и Северного Тянь-Шаня, участие южного компонента в сложении культур ранних кочевников на территории Казахстана, усилившееся в промежуток 600—400 гг. до н.э. и продолжившееся в период IV—I вв. до н.э. — на племена пазырыкской культуры и саков, свидетельствуют результаты исследований изменения генофонда популяций, населявших территорию древней Центральной Азии. Авторы также отмечают, что по мнению ученых, возможной причиной упадка культур среднего и позднего бронзового века и появления скифов, наряду с таким важным фактором как увлажнение климата, могут быть и последствия социально-экономического давления со стороны земледельческих цивилизаций Бактрии и Маргианы. В целом, население железного века является более гетерогенной по сравнению с гомогенными группами предшествующего времени, в первую очередь за счет присутствия в них как восточных, так и южных компонентов (Gnecchi-Ruscone et al. 2021).

З. Самашев полагает, что на формирование пазырыкской общности могли оказать влияние события, происходившие после создания Ахеменидской державы, положение в древнекитайских царствах, воздействие после смерти Александра Македонского со стороны Греко-Бактрийского царства и других государств Срединного Востока. До похода Александра контакты пазырыкцев могли поддерживаться с Бактрией, Согдом и Хорезмом, номинальными сатрапиями Ахеменидов (Самашев 2011: 200).

Традиционные связи саков с Передней Азией, торговые и политические отношения между сакским миром и народами Северо-Западной Индии, Передней Азии, юга Средней Азии нарушились в ходе военной кампании Александра Македонского и падения Персидской империи. Около 325—300 гг. до н.э. произошла переориентация связей на Китай, активизировались контакты с кочевниками Джунгарии (Шульга 2011: 373—374). Примером культурных контактов жителей Жетысу с Китаем является фрагмент шёлковой ткани из кургана 133, могильная яма 2 мог. Каратума (IV—начало II в. до н.э.) (Орфинская, Усманова 2016).

Некоторые предметы — котёл с ножкой в виде грифона, поглощающего ногу лошади, видимо, также демонстрируют контакты с восточными по отношению к Жетысу областями. Датировки, полученные с предметов так называемых культовых бронз Семиречья, — анализировался нагар с котла с жертвенного стола (район п. Турген) — дали датировку cal BCE 381—208 и cal BCE 360—198 (IV — конец III в. до н.э. и вторая половина IV — рубеж III—II в. до н.э.) (Джумабекова, Базарбаева 2013: табл. 2). В кургане № 3 мог. Улжан на территории г. Алматы был выявлен медный котёл, датировка соседнего кургана № 2 показала 370—110 cal BCE (Амиров 2008; Базарбаева 2017: табл. 1).

Нужно отметить, что хронологически курганы пазырыкской культуры Восточного Казахстана, Юго-Восточного Алтая и примыкающих территорий Монголии сооружены по данным дендрохронологии в период около 326—275 гг. до н.э., характеризующийся резким увеличением населения и расширением её ареала. Предполагается, что в это время устанавливаются торговые пути между Китаем и Алтаем и рушатся существовавшие отношения региона с сакским миром и Индией.

В целом, время сооружения курганов Пазырыка — 300—250 гг. до н.э. Некоторые курганы плато Укок — более ранние, чем Пазырык-1, 2 (сооружались с 326 или 314 г. до н.э.). По наблюдению специалистов, более ранние сооружения — Первый и Второй Пазырыкские курганы демонстрируют связи с сакским миром и Передней Азией. Более поздние курганы Пазырык-3, 4 обнаруживают параллели в памятниках Синьцзяня. Курганы Пазырыка демонстрируют произошедшую около 325—300 г. до н.э. резкую переориентацию торговых и культурных связей с Передней Азии на Китай, активизируются связи с кочевниками Джунгарии. Курганы № 5 (с которым, может быть, у нас более близкие параллели), № 6 мог. Пазырык сооружены около 280—270 гг. до н.э. В Пятом Пазырыкском кургане, возможно, была погребена женщина из Китая (Шульга 2011: 373—374).

Однако, согласно другим данным, погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири. Попала в Горный Алтай «вследствие замужества, связанного с общим усилением западных связей культуры — и, судя по всему, в ущерб интенсивности сношений с юго-восточными соседями», предполагается, что переориентация обусловлена движением кочевых племён Казахстана и Средней Азии, вызванного падением державы Ахеменидов (Азбелев 2017: 57).

Учитывая, что материалы кургана Таугуль-3 и Иссык, видимо, старше Пазырыка, сооружены более чем на 100 лет раньше, а также отличие от стилистики культовых бронз Жетысу (с поправкой на материал, из которого изготовлены художественные изделия), возникает вопрос об этнокультурной принадлежности населения, оставившего культовые атрибуты (по-видимому, период их бытования довольно короткий), либо о социальной организации сакского общества, существовании слоя служителей культа.

Если рассматривать только предметы из металла, то можно увидеть, что при отсутствии в Жетысу находок изделий из органики, но при сравнении с Пазырыком изображения животных — более выразительные, экспрессивные, наполненные движением. Орнаментализм, свойственный изделиям населения региона, также ярко проявляется в Пазырыке благодаря материалу — дерево, кожа, войлок. В тоже время наблюдается близость в декоративности с замечательным памятником — мог. Филипповка (V—IV вв. до н.э.) и предметами из Сибирской коллекции Петра 1.

Е.Ф. Королькова делит филипповские находки на три группы по стилистическим характеристикам: первая представляет аналогии с искусством кочевников Казахстана и Зауралья; вторая — демонстрирует связь с кубанским звериным стилем; третья группа — зооморфным изображениям Алтая. Импортные вещи, связанные с ахеменидским Ираном, представляют самостоятельную группу. Отмечает «высшую степень декоративности и изощрённости линий и силуэтов» в этих предметах. Нужно добавить, что помимо отмеченных аналогий предметам звериного стиля из Филипповки в памятниках Алтая, Западного Казахстана и в Прикубанье (Королькова 2001: 40—41), можно говорить о параллелях в Жетысу.

Ранние кочевники были вовлечены в процессы, происходившие на территории сопредельных регионов, в том числе Ирана, Китая. На основе изучения и сопоставления археологических комплексов предполагается функционирование двух меридиональных торговых путей между земледельческими цивилизациями и кочевниками Сибири и Монголии: из Западной Азии через степи Казахстана в Горный Алтай, на Верхнюю Обь и Южный Урал (с VI в. до н.э.), угасший в начале III в. до н.э. после похода Александра Македонского на восток; и из Северного Китая в Южную Сибирь через Монголию (Shulga et al. 2021: 1178). Для времени господства Ахеменидской империи установлен период наибольшей стабильности южносибирских культур скифского типа (пазырыкской, саглынской и тагарской), рубеж IV—III вв. до н.э. — начало их трансформации вследствие завоеваний Александра Македонского в Средней Азии (20-е годы IV в. до н.э.), что привело к изменению этнокультурной ситуации в регионе (Савинов 1993: 129).

Археологические материалы, особенно такие как гребень с колесничным сюжетом из кургана № 6 мог. Таксай-I, свидетельствуют об активных коммуникациях и культурных контактах кочевников с Ассирией, Персией и другими регионами Передней Азии, их интеграции в составе империи Ахеменидов (Сдыков, Лукпанова 2013; Новоженов 2015: 187).

С.А. Яценко называет два региона, где обнаружены художественно оформленные предметы Ахеменидской империи, комплекты престижных ювелирных атрибутов ахеменидской аристократии — Юго-Западная Сибирь и Южный Урал. Это — дары представителям кочевой знати для поддержания торговли мехами (Яценко 2020).

Говоря о причинах попадания ахеменидских престижных ценностей на Южный Урал в V—IV вв. до н.э., предполагается, что они проникали в регион двумя волнами: в связи с участием южно-уральских номадов в подавлении египетского восстания Инара в 456—454 гг. до н.э., и — с событиями, последовавшими за гибелью ахеменидской державы и завоеванием Средней Азии Александром Македонским (Балахванцев 2016).

Помимо торговых отношений, известно, что саки платили дань царям династии Ахеменидов, поставляли в их армию воинов. Таким образом, мы можем предположить как влияние искусства Ахеменидского Ирана, так и тесное культурное взаимодействие населения Северного Тянь-Шаня (Иле Алатау) и Горного Алтая.

О находке в зверином стиле из кургана № 3 мог. Таугуль-3

Изделия, выполненные в зверином стиле, были обнаружены в кургане № 3 могильника Таугуль-3, расположенного в цепочке южнее объекта № 2. Погребальное сооружение представляет собой насыпь из земли и камня диаметром 23,1 м при высоте 2,5 м. В конструкции зафиксирована характерная черта для сакских курганов Жетысу — два «панциря» из галечника. Погребальная камера выявлена в центральной части подкурганной площадки. В профиль она имеет колоколовидную форму — на уровне материка её размеры составляют 2,47 × 1,45 м, в придонной части — 3,18 × 1,94 м. Могила ориентирована длинными стенками по линии ЗЮЗ—ВСВ. Заполнение ямы неоднородное, что обусловлено многочисленными ограблениями кургана. Верхняя часть могилы заполнена лёссовидным суглинком, также на разных уровнях встречаются камни, фрагменты костей и дерева. В некоторых местах сохранились слои глины, которыми были обмазаны стенки.

Погребальная камера кургана была ограблена, однако сохранившаяся часть погребального инвентаря представляет собой интересный комплекс. В него входят керамические сосуды разных типов, чаша из талька и две декоративные нашивки. Первоначально обе нашивки были идентичны, однако на момент раскопок одна из них была в плохо сохранившемся состоянии (рис. 8). Каждое изделие выполнено из цельного металлического листа жёлтого цвета и изображает два не симметрично смыкающихся крыла птицы. Крылья имеют заострённые концы и плавные линии изгибов, за счёт чего изделия обретают близкую к S-образной форму. На каждом крыле прослеживается изображение грифа с повёрнутой назад головой. Нижняя часть головы обозначена изогнутой линией, заканчивающейся завитком ниже и левее глаза, которую можно трактовать как ухо. Глаз передан в виде окружности, образованной тиснённым валиком с выпуклой точкой в центре. Птица имеет характерный изогнутый клюв. У птицы показаны крылья посредством тиснённых четырёх параллельных изогнутых линий, сходящихся к концу крыла. Парные изображения грифов не зеркальны. На данных изделиях можно увидеть характерную для сакского звериного стиля многослойность. Тиснённые изображения грифа, включая крылья, помещены внутрь изделий, представляющих, в свою очередь, крылья или имеющие форму крыла птицы.

Практически аналогичное изделие происходит из погребения одного из курганных могильников, находящихся в окрестностях г. Алматы, — Молалы или Шубарат. Авторами раскопок этих памятников на основе конструктивных особенностей погребальных сооружений и предметного комплекса предложена датировка (раскопки Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова, 1985—1986 гг.). Погребения мог. Молалы I имеют широкий хронологический диапазон, отдельные группы курганов отражают этапы функционирования могильника: VI в. до н.э.; V—IV вв. до н.э.; IV—III вв. до н.э.; II—I вв. до н.э.; Шубарат I: V—III вв. до н.э. и III—II вв. до н.э. (Нурмуханбетов, Трифонов 1989). В Каталоге Национального музея Республики Казахстан изделие опубликовано как нашивка из мог. Шубарат, III—II вв. до н.э. (Золото веков 2015: 146). Согласно другим данным, находка сделана при раскопках мог. Молалы, кург. № 21 (V—IV вв. до н.э.) (Самашев и др. 2007; Королькова 2006: табл. 47: 9).

На золотом штампованном изделии из мог. Молалы/Шубарат более чётко видны такие характерные для мифического существа черты, как мощный клюв с выделенной восковицей, большой круглый глаз с выпуклым зрачком, ухо, спиралью закручивающееся вверх. Конечности, скорее, показаны как ноги кошачьего хищника с широкими лапами. Фактура крыла, в отличие от нашивки из мог. Таугуль-3, дополнена по нижнему краю рядом поперечных подквадратных или прямоугольных выступов (по четыре на каждом крыле), передающих окончания маховых перьев. Таким образом, нашивки из мог. Молалы/Шубарат передают изображение мифического существа, грифона, так как помимо уха, у него присутствуют лапы хищника.

Близкие по форме изделия, изображающие смыкающиеся крылья, отмечены в кургане № 2 мог. Ак-Алаха I, датируемом V — началом IV в. до н.э. (Полосьмак 1994: 63, рис. 77). Н.В. Полосьмак трактовала их как крылья грифона, нашивавшиеся на статусный головной убор. Географически близкой аналогией для мог. Таугуль-3 являются раздельные несмыкающиеся крылья из головного убора «Золотого человека», курган Иссык (Акишев 1978: 84).

Изображения ушастых грифонов с гребнем и без него с повернутой назад головой украшают седельное покрытие из кургана № 1 мог. Ак-Алаха I (около 312 г. до н.э.) (Полосьмак 1994: рис. 51—53). Декор конского убранства в виде скульптурной вставной головки грифа на длинной шее с гребнем, с хохолком, вставленной в пластины, которые представляют собой два сложенных крыла, по сути, передают то же существо с повёрнутой назад головой, но объёмное (Полосьмак 1994: рис. 55, 58, 59, 64, и др.). Как видно из аналогий, золотые крылья, характерные для представителей «княжеского» или царского статуса, могли размещаться на головных уборах. Изображение хищной птицы с повёрнутой назад головой является весьма распространённым мотивом в сакском зверином стиле. В целом, изображения хищных птиц достаточно подробно классифицированы барнаульскими археологами (Уманский и др. 2005: 55). Важной деталью мифических орлов — образов из кургана № 3 мог. Таугуль-3 — является изображение уха при отсутствии

хохолка (середина VI — начало V в. до н.э.). Таким образом, выявленные нашивки являются типом изделий, характерным для погребальных памятников полосы культурных контактов по линии Жетысу — лесостепной и горный Алтай.

В кургане № 2, скорее, также присутствует изображение мифического орла. В кургане Иссык, помимо крыльев и целых фигур птиц на кулахе, присутствуют образы ушастых грифонов и стилизованные изображения грифона, которые появляются одновременно с мифическими орлами.

Нужно обратить внимание на то, что изображения хищных птиц с повёрнутой назад головой известны с раннесакского периода: Чиликты/Шиликты, курган № 5 (Черников 1965: табл. XIII, XIV), Талды 2, курган № 2 (Бейсенов 2014: 136), Аржан-2 (Чугунов и др. 2017: табл. 24, 46), в наскальных изображениях (Самашев 2006: 112; Бейсенов, Марьяшев, табл. XV; фото 5). С изображением мифического орла их сближает то, что голова его помещена в пределах общего контура птицы.

Нужно отметить явную декоративность, орнаментализм в изделиях как из кургана Иссык, так и Таугуль-3. Возможно, это свидетельствует об определённом этапе в развитии искусства, но в целом — характерная черта художественной культуры населения региона в этот период.

Материалы курганов Жетысу демонстрируют взаимоотношения, связь с Ираном и культурой Алтая, но и несомненную уникальность. В V—II вв. до н.э. территория Юго-Восточного Казахстана соседствовала с племенами, близкими пазырыкцам, с населением синкретичного варианта этой культуры и культурой содуньбулакэ сако-усуньского облика в бассейне р. Или. Население северной части Синьцзяна во второй половине IV в. до н.э. сближается в культурном отношении с носителями пазырыкской культуры Алтая, а население западной части — с саками и усунями Казахстана; сходство предметных комплексов и искусства звериного стиля скифоидных культур на территории Китая, Южной Сибири и Казахстана усиливается (Шульга 2020: 702—705). В этом отношении образцы звериного стиля на территории Юго-Восточного Казахстана, демонстрирующие общие черты искусства Алтая, Синьцзяня и Жетысу, подтверждают этот вывод.

Помимо образцов искусства, возможно, надо принимать во внимание такие факты, как погребальные конструкции. При несомненном сходстве сооружений саков Жетысу с Пазырыком, возможно объясняемым, в целом, общностью религиозно-мифологических концепций, можно привести и такую деталь, как использование дерева при сооружении погребальной камеры. В кургане Иссык она была построена из обработанных брёвен тянь-шаньской ели. Посуда размещена в южной и западной частях камеры, останки погребённого — в северной половине на дощатом полу, на спине, головой на запад. В кургане оказалось два захоронения: центральное и боковое (южное). Целым было южное захоронение (Акишев 1978: 15—16). В мог. Таугуль-3 также активно использовалось дерево — им перекрыта могильная яма, внутри прослежены остатки конструкций типа рамы на дне могильной ямы, в наземной части погребального сооружения зафиксировано применение глины, подготовленной особым образом. В Пазырыке активно использовалась лиственница — из неё построены срубы, саркофаги.

Погребальные традиции памятников кульсайского типа периода финальной бронзы горной зоны Жетысу (IX—VIII вв. до н.э.): использование глины для покрытия дна могильной ямы, сооружение погребальной камеры в виде рамы из брёвен, укрепление её стенок каменными выкладками — получили дальнейшее развитие в конструкциях сакских курганов региона. Использование дерева (рамы, срубы) выявлено в устройстве курганов в горных районах Северного Тянь-Шаня, в памятниках сакского времени Восточного Туркестана и Алтая, Синьцзяна. Близость материалов мог. Алагоу к Иссыку отмечена ранее (Погребова, Раевский 1988: 184—188, рис. 28, 29; Горячев 2009).

В памятниках Синьцзяня зафиксированы находки, например, в погребениях Алагоу, демонстрирующие явные соответствия изображениям кошачьих хищников, выявленных в курганах Иссык и Таугуль-3 (Qi Xiaoshan 2008: 130—131: No. 2—4, 6), там же есть и предметы,

обнаруживающие параллели с культовыми бронзами: оз. Барколь (Qi Xiaoshan 2008: 189: No. 4); Алтай (Qi Xiaoshan 2008: 227: No. 10); р. Или (Qi Xiaoshan 2008: 244: No. 6, 7).

Затрагивая ситуацию в Жетысу в период конца V – III–I вв. до н.э., нужно учесть датировку захоронения человека, лежащего ничком над ямой № 1 (южной), внутри которой выявлен сильный прокал, плотное заполнение из крупных валунов, можно предположить, что это искупительная жертва, совершённая после ограбления кургана иноплеменниками. Подобного рода жертвоприношение было зафиксировано при исследовании кургана № 5 могильника Улжан 2, расположенного в северо-западной части г. Алматы. В заполнении могильной ямы на глубине 1 м от уровня погребённой почвы был расчищен скелет человека, лежавший ничком, руки и ноги его были перекрещены. Судя по положению, можно сделать вывод, что они были связаны (Акылбек, Амиров 2009: 139). Данный индивид погиб насильственной смертью, о чём свидетельствует железный наконечник стрелы, застрявший между 16 и 17 позвонками. Расположение в заполнении ограбленной могильной ямы, характерная поза и следы насильственных действий иллюстрируют традицию искупительных жертвоприношений.

Возможно, к III в. до н.э. население саков Жетысу ощутило экспансию носителей пазырыкской культуры. Конец III — середина II в. до н.э. — период, когда на смену сакам Жетысу пришло другое население. Надо отметить, что, предположительно, в этот же период перестают функционировать предполагаемые святилища саков, представленные скоплениями медных котлов, жертвенных столов и курильниц. Их сохранность в предгорьях Иле Алатау предполагает, что культовые бронзы были оставлены с надеждой возвращения или невозможности увезти с собой.

По петроглифам западной части Жетысу (Чу-Илийское/Шу-Илейское междуречье) установлено перемещение групп кочевников из ареала пазырыкской и саглынской культур Саяно-Алтая и, вероятно, из северо-западных областей Китая (не ранее второй половины III в. до н.э.) по уже установившимся путям (Рогожинский 2016: 548). Эти наблюдения отражают изменения этнокультурной ситуации в огромном регионе. В этот же период, не позднее начала III в. до н.э. в Северной Бактрии сооружается разветвленная фортификационная система защиты северных границ земледельческих оазисов, в районе местонахождения горных проходов в плодородные долины (Двуреченская 2019).

Датировка захоронений собак (в том числе в грабительском лазе) позволяет высказать предположение о том, что курган был повторно ограблен в начале — первой половине XI в., животные были намеренно умерщвлены (?) и захоронены из-за опасения мести духа умершего.

Заключение

Таким образом, на изделии из кургана Таугуль-3 изображена сцена с двумя синкретическими существами — олень с рогами в виде грифов и кошачий хищник с крыльями. По мнению Д.В. Черемисина, создание образов синкретических существ связано с намерением акцентировать аспект непрерывности жизни и нового рождения, «условием которого служит смерть копытных в пасти хищников» (Черемисин 2008: 103).

На шпильке—жезловидном изделии из мог. Таугуль-3 представлен широко распространённый, характерный для искусства звериного стиля сюжет, — терзание хищником травоядного животного. В нём проявляются характерные черты композиционного решения сцены — заполнение всей поверхности изделия изображением, вписыванием его в форму изделия, орнаментализм, расчёт не просто на форму вещи, но и направление взгляда, плоская или не плоская поверхность (округлая). Но в качестве жертвы здесь выступает не просто травоядное животное, а существо, несколько схожее с оленями на татуировке мужчины из Второго Пазырыкского кургана (Руденко 1953: рис. 82; 83) — с клювом и отростками рогов, оканчивающимися головками грифов, с вывернутым крупом —

клювоголовым оленем, чей образ известен не только на Алтае, но и в Тыве, Монголии, Северном Китае (Полидович 2015: 111—112).

Возможно, представленные находки подтверждают существование традиционных меридиональных путей, связывающих Горный Алтай с Передней Азией и югом Средней Азии, через Среднюю Азию и Казахстан. Учитывая хронологический разрыв между курганами мог. Иссык, Таугуль-3 и Пазырык, предположительно находки демонстрируют влияние Ахеменидского Ирана на Алтай через племена, населявшие регион Жетысу; северные склоны Иле Алатау, связывающие его транзитными маршрутами с Иссык-Кульской котловиной, Средней и Передней Азией. В то же время, необходимо сопоставить художественные изделия и определить аспекты использования культовых бронз региона.

Литература

Азбелев П.П. 2013. К изучению пазырыкских татуировок. В: Соенов, В.И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии.* Вып. 5. Горно-Алтайск: ГАГУ, 78—82.

Азбелев П.П. 2015. Пазырыкское наследство и юэчжийская проблема. *Stratun plus,* 4, 23—55.

Азбелев П.П. 2017. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний. В: Мальцева С.В. Станюкович-Денисова Е.Ю., Захарова А.В. (ред.). *Актуальные проблемы теории и истории искусства*: сборник научных статей. Вып. 7. Санкт-Петербург: СПбГУ, 51—60.

Акишев К.А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Амиров Е.Ш. 2008. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги). *Известия НАН РК. Серия общественных наук,* 1, 29—34.

Амиров и др. 2024: Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д. 2024. Аварийные раскопки на могильнике Таугуль-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 3 (25), 87—99.

Артамонов М.И. 1973. *Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото*. Москва: Искусство.

Базарбаева Г.А. 2017. Памятники сакского времени Жетысу. В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Казахстан в сакскую эпоху.* Алматы: ИА КН МОН РК, 157—178.

Байтанаев Б.А. 2019. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (4), 9—22.

Балахванцев А.С. 2016. Ахеменидский Иран и Южный Урал в V—IV в. до н.э. В: Яблонский Л.Т., Краева Л.А. (отв. ред.). *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии.* М-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова (г. Оренбург, 12—15 мая 2016 года): сборник статей. Оренбург: ОГПУ, 40—43.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. 2005. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов: (новые материалы). *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (22), 48—59.

Баркова Л.Л., Полосьмак Н.В. 2005. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н.э.)*. Новосибирск: Инфолио.

Бейсенов А.З. 2014. *Древние сокровища Сарыарки*. Книга-альбом. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола».

Бейсенов А.З. 2020. Археолог Б. Нұрмұханбетов және Есік өңірі ескерткіштерін зерттеу мәселесі (Археолог Б. Нурмуханбетов и проблемы изучения памятников Иссыка). В: Мухтарова Г.Р. (отв. ред.). *I Иссыкские чтения: Золотой человек и проблемы археологии кочевников степного пояса Евразии*: материалы международной научно-практической онлайн-конференции (20 ноября 2020 г.), посвящённой 50-летию открытия «Золотого человека», 10-летию создания ГИКЗМ «Иссык» и 85-летию со дня рождения археолога Б.Н. Нурмуханбетова. Есик: ГИКЗМ «Иссык», 34—51.

Бейсенов и др. 2018: Бейсенов А., Дуйсенбай Д., Китов Е., Кулькова М. 2018. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу. *Теория и практика археологических исследований* 3 (23), 138—162.

Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. 2014. *Петроглифы раннего железного века Жетысу.* Алматы: ИА КН МОН РК.

Бейсенов и др. 2023: Бейсенов А.З., Паничкин А.В., Шашенов Д.Т. 2023. Железный топор из тасмолинского кургана могильника Кызылжартас: результаты металлографического и химического анализов. *МАИАСП* 15, 102—120.

Бисембаев и др. 2019: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Баиров Н.М., Амелин В.А. 2019. Работы последних лет на памятниках ранних кочевников Илекского микрорайона (предварительные итоги). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (3), 99—115.

Богданов Е.С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Богданов Е.С. 2011. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 23—28.

Богданов Е.С., Кузнецов Д.В. 2001. Ордосские художественные бронзы. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (6), 104—111.

Боковенко Н.А. 2014. Образ оленя в искусстве ранних кочевников Центральной Азии: тенденции развития и интерпретации. В: Деревянко В.И., Макаров Н.А., Ситдиков А.Г. (отв. ред.). Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (г. Казань, 20—25 октября 2014 г.). Т. IV. Казань: Отечество, 5—7.

Горячев А.А. 2009. О погребальном обряде поздней и финальной бронзы в памятниках кульсайского типа горной зоны Семиречья. В: Павлинская Л.Р. (ред.). *Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Кн. I. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 138—145.

Двуреченская Н.Д. 2019. К вопросу о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху. В: Балахванцев А.С., Маккавеев Н.А. (отв. ред.). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура*. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Б.А. Литвинского (г. Москва, 16—18 апреля 2018 г.). Москва: ИВ РАН, 99—113.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. 2013. *Художественные бронзы Жетысу*. Алматы: ИА КН МОН РК.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. 2019. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае. *Поволжская археология* 3 (29), 115—127.

Дмитриев и др. 2022: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Макен А.Б., Шохатаев О.С. 2022. Детское погребение и новые данные радиоуглеродного датирования памятников раннего железного века Центрального Казахстана. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1, 98—109.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: ООО «Антиква» (Археологические памятники Северного Причерноморья 1).

Золото веков 2015: Мынбай Д.К. (отв. ред.). 2015. *Золото веков. Коллекция предметов из золота и серебра Национального музея. Каталог*. Астана: НМ РК; Фолиант.

Китов и др. 2019: Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. 2019. *Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — первая половина II в. до н.э.)*. Алматы: ИА КН МОН РК.

Королькова Е.Ф. 2001. Филипповские курганы и звериный стиль. В: Пиотровский М.Б. (ред.). *Золотые олени Евразии*. Санкт-Петербург: Славия, 40—41.

Королькова Е.Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Лукпанова Я.А. 2022. Исследования курганного комплекса Урысай-2. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (16), 74—93.

Максимова А.Г. 1978. В: Акишев К.А. (отв. ред.). Еще один курган Иссыкского могильника Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 188—193.

Новоженов В.А. 2015. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев). В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева*. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 171—193.

Нуржанов и др. 2020: Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О раскопках кургана позднесакского времени в Алматы (краткие результаты полевых исследований 2020 года). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 4, 70—95.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. 1989. Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты. В: Добжанский В.Н. (отв. ред.). *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тезисы Всесоюзной археологической конференции (г. Москва, 5—7 мая 1989 г.)*. Ч. 1. Кемерово: КемГУ, 57—61.

Онгарулы и др. 2020: Онгарулы А., Каирмагамбетов А., Нускабай А., Рахимжанова С. 2020. Курган военной элиты саков. *ПА* 3 (33), 233—247.

Онгарулы и др. 2023: Онгарулы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В. 2023. Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 год. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (19), 222—232.

Онгарулы и др. 2024: Онгарулы А., Мамиров, Т.Б., Касенова А.Д. 2024. Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2023 год. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (23), 368—388.

Орфинская О.В., Усманова Э.Р. 2016. Шелковая ткань V—III вв. до н.э. из могильника Каратума. Приложение 5. В: Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 653—654.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1988. Ранний железный век. *Восточный Туркестан в древности и средневековье (Очерк истории)*. Москва: ГРВЛ, 156—189.

Полидович Ю.Б. 2002. Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников). В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии.* Т. 1. Донецк: ДонНУ, 189—206.

Полидович Ю.Б. 2006. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 3. Донецк: ДонНУ, 355—398.

Полидович Ю.Б. 2015. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира. В: Литвиненко Р.О. (гол. ред.). *Донецький археологічний збірник*. № 19. Вінниця: Донецкий университет, 85—142.

Полосьмак Н.В. 1994. *Стерегущие золото грифы*. Новосибирск: Наука.

Полосьмак Н.В. 2000. *Всадники Укока.* Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.

Рогожинский А.Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня: после движения номадов из центра Азии на Западе в последние века до нашей эры. В: Деревянко А.П., Молодин Е.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 527—549.

Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское вре*мя. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1962. *Сибирская коллекция Петра I*. Москва; Ленинград: АН СССР (САИ Д3-9).

Руденко С.И., Руденко Н.М. 1949. *Искусство скифов Алтая*. Москва: ГМИИ.

Савинов Д.Г. 1993. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху. В: Гадло А.В. (предисл.). *Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии.* Вып. 4. Санкт-Петербург: СПбГУ, 128—135.

Савинов Д.Г. 2018. Иерархия копытных животных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля. В: Леванова Е.С., Смирнов Н.Ю. (отв. ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; г. Москва, 6—7 декабря 2018 г.)*. Москва: ИА РАН, 32—51.

Самашев З. 2006. *Петроглифы Казахстана*. Алматы: Онер.

Самашев З. 2011. *Берел.* Алматы: Издательский дом «Таймас».

Самашев и др. 2007: Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. *Древнее золото Казахстана*. Алматы: Онер.

Самашев и др. 2023: Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. 2023. Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (20), 9—29.

Сарианиди В.И. 1989. *Храм и некрополь Тиллятепе*. Москва: Наука.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис.

Слюсаренко И.Ю. 2011. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 239—251.

Тасмагамбетов И.Н. 2005. *Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников*. Алматы: Общественный фонд «Берел».

Уманский и др. 2005: Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. *Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби*. Барнаул: Алтайский университет.

Утубаев Ж.Р., Аккалиева А.Ш. 2024. Ювелирные изделия саков Юго-Восточного Приаралья. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (23), 9—26.

Ходжайов Т.К. 2008. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время. *Археология, этнография и антропология Евразии* 3, 143—156.

Шульга П.И. 2011. О контактах населения верхней Оби и Горного Алтая с Синьцзяном и Северным Китаем в VIII—III вв. до н.э. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 370—378.

Шульга П.И. 2020. Культуры раннего железного века в Китае как часть скифского мира. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXVI, 702—706.

Черемисин Д.В. 2008. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве. В: Савинов Д.Г., Советова О.С. (ред.). *Тропою тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 99—105. (Тр. САИПИ; Вып. IV).

Черников С.С. 1965. *Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство»*. Москва: Наука.

Чикишева Т.А. 2000. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 107—121.

Чикишева Т.А. 2012. *Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Чугунов К.В. 2016. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2. В: Балахванцев А., Кулланда С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: ИВ РАН, 242—247.

Чугунов и др. 2017: Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Яценко С.А. 2020. Ювелирные изделия ахеменидского Ирана на территории степных кочевников. В: Лавренова О.А. (отв. ред., сост.). *Россия-Восток: взаимодействие в искусстве*. Сборник статей. Москва: Согласие, 135—143.

Gnecchi-Ruscone et al. 2021: Gnecchi-Ruscone G.A,, Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M.A., Bianco R.A., Radzeviciute R., et al. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians. *Science Advances* 7 (13). DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes 2002: Bunker E.C., Watt J.C.Y., Zhixin Sun. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press.

Qi Xiaoshan. 2008. *The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road — Sichou zhilu: Xinjiang gudai wenhua*. Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House (in Chinese).

Samashev Z. 2021. *The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai. In: Gold of the Great Steppe. People, Power and Production. First published to accompany the exhibition at the Fitzwilliam Museum*. Cambridge: Paul Holberton Publishing, 11—65.

Shulga et al 2021: Shulga P.I., Shulga D.P., Hasnulina K.A. 2021. Genesis of the Silk Road and Its Northern Directions. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 14 (8), 1167—1181.

References

Azbelev, P.P. 2013. In: Soyonov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*. Iss. 5. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 78—82 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2015. In *Stratum plus* 4, 23—55 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2017. In: Maltseva, S.V., Stanyukovich-Denisova, E.Y., Zakharova, A.V. (eds.). *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual problems of the theory and history of art*). Iss. 7. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 51—60.

Akishev, K.A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk kurgan. Art of the Sakas of Kazakhstan).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Amirov, E.S. 2008. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennych nauk (News of the National Academy of Sciences RK. Social sciences ser.)* 1, 29—34.

Amirov et al. 2024: Amirov, Y., Seitkaliev, M., Umitkaliev, D., Akhmetov, I. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 3 (25), 87—99 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1973. *Sokrovishcha sakov. Amu-Dar'inskiy klad. Altaiskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto* (*Treasures of the Sakas. The Amudarya treasure. Altai mounds. Minusinsk bronzes. Siberian gold*). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Bazarbayeva, G.A. 2017. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Kazahstan v sakskuyu epohu* (*Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 157—178.

Baitanayev, B.A. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (4), 9—22 (in Russian).

Balakhvantsev, A.S. 2016. In: Yablonskiy, L.T., Kraeva, L.A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arheologii* (*Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archaeology*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 40—43 (in Russian).

Barkova, L.L., Pankova, S.V. 2005. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*) 2 (22), 48—59 (in Russian).

Barkova, L.L., Polosmak, N.V. 2005. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV—III vv. do n.e.) (Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (4th—3rd centuries BCE)).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2014. *Drevnie sokrovishcha Saryarki — The ancient treasures of Saryarka*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Begazy-Tasmola (in Kazakh, Russian, English).

Beisenov, A.Z. 2020. In: Mukhtarova, G.R. (ed.). *I Issykskie chteniya (1st Issyk readings).* Esik: "Issyk" State Historical and Cultural Reserve Museum, 34—51 (in Kazakh).

Beisenov et al. 2018: Beisenov, A., Duisenbay, D., Kitov, E., Kulkova, M. 2018. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 3 (23), 138—162 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Maryashev, A.N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the Early Iron Age of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Beisenov et al. 2023: Beisenov, A.Z, Panichkin, A.V., Shashenov, D.T. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials on archaeology and history of the ancient and medieval Black Sea region)* 15, 102—120 (in Russian).

Bissembaev et al. 2019: Bissembaev, A.A., Khavansky, A.I., Akhatov, G.A., Duisengali, M.N., Mamedov, A.M., Bidagulov, N.T., Urazova, A.B., Bairov, N.M., Amelin, V.A. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (3), 99—115 (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2006. *Obraz hishchnika v plasticheskom iskusstve kochevyh narodov Tsentralnoy Azii (skifo-sibirskaya hudozhestvennaya traditsiya*) (*The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition*)). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 23—28 (in Russian).

Bogdanov, E.S., Kuznetsov, D.V. 2001. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2 (6), 104—111 (in Russian).

Bokovenko, N.A. 2014. In: Derevyanko, V.I., Makarov, N.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*). Vol. IV. Kazan: Otechestvo, 5—7 (in Russian).

Goryachev, A.A. 2009. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorii (Siberian collection-1. The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories*). Bk. I. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, 138—145 (in Russian).

Dvurechenskaya, N.D. 2019. In: Balakhvantsev, A.S., Makkaveev, N.A. (eds.). *Epoha imperii. Vostochnyi Iran ot Ahemenidov do Sasanidov: istoriya, arheologiya, kultura* (*The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanids: history, archaeology, culture).* Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 99—113 (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2013. *Khudozhestvennye bronzy Zhetysu (Artistic bronzes of Zhetysu).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2019. *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)* 3 (29), 115—127 (in Russian).

Dmitriev et al. 2022: Dmitriev, E.A., Kukushkin, A.I., Maken, A.B., Shohataev, O.S. 2022. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1, 98—109 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoi epohi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The art of the animal style of the Sarmatian era (2nd century BCE — the beginning of the 2nd century CE)).* Simferopol: Antiqua (in Russian).

Mynbai, D.K. (ed.). 2015. *Zoloto vekov. Kollektsiya predmetov iz zolota i serebra Natsionalnogo muzeya. Katalog (The gold of the ages. The collection of gold and silver objects of the National Museum. Catalog).* Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan; Folio (in Russian, Kazakh, English).

Kitov et al. 2019: Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2019. *Paleoantropologiya sakskih kultur Prityan'shan'ya (VIII — pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of Prityanshan (8th — the first half of the 2nd century BCE)).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Korolkova, E.F. 2001. In: Piotrovskiy, M.B. (ed.). *Zolotye oleni Evrazii (Golden deer of Eurasia).* Saint Petersburg: Slaviya, 40—41 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2006. *Zverinyi stil Evrazii. Iskusstvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII—IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokulturnoi prinadlezhnosti (The animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga river region and the Southern Urals in the Scythian era (7th—4th centuries BCE). Problems of style and ethnocultural affiliation).* Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

Lukpanova, Y. A. 2022. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (16), 74—93 (in Russian).

Maximova, A.G. 1978. In: Akishev, K.A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana* (*Archaeological sites of Kazakhstan).* Alma-Ata: Nauka, 188—193 (in Russian).

Novozhenov, V.A. 2015. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnyh protsessov Stepnoi Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of studying the ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Begazy-Tasmola, 171—193 (in Russian).

Nurzhanov et al. 2020: Nurzhanov, A.A., Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2020. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4, 70—95 (in Russian).

Nurmukhanbetov, B.N., Trifonov, Y.I. 1989. In: Dobzhansky, V.N. (ed*.). Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira (sotsialnaya struktura i obshchestvennye otnosheniya) (Problems of archaeology of the Scythian-Siberian world (social structure and social relations))*. Pt. 1. Kemerovo: Kemerovo State University, 57—61 (in Russian).

Onggaruly et al. 2020. Onggaruly, A., Kairmagambetov, A., Nuskabay, A., Rakhimzhanova, S. 2020. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 3 (33), 233—247 (in Russian).

Onggaruly et al. 2023: Onggaruly, A., Mamirov, T.B., Merts, I.V. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (19), 222—232 (in Russian).

Onggaruly et al. 2024: Onggaruly, A., Mamirov, T.B., Kasenova, A.D. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (23), 368—388 (in Russian).

Orfinskaya, O.V., Usmanova, E.R. 2016. In: Baipakov, K.M., Voyakin, D.A., Zakharov, S.V. *Mogilnik Karatuma*. *Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirech'e (Karatuma Burial ground. The necropolis of the Early Iron Age in Semirechye).* Almaty: Arheologicheskaya ekspertiza, 653—654 (in Russian).

Pogrebova, M.N., Raevsky, D.S. 1988. In: *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i srednevekov'e (Ocherk istorii) (East Turkestan in antiquity and the Middle Ages (An essay on history)*). Moscow: GRVL, 156—189 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2002. In: Yevglevsky, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural and semiotic studies in archaeology).* Vol. 1. Donetsk: Donetsk National University, 189—206 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2006. In: Yevglevsky, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural and semiotic studies in archaeology).* Vol. 3. Donetsk: Donetsk National University, 355—398 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2015. In: Litvinenko, R.O. (ed.). *Donetskii arheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 19. Vinnitsa: Donetsk University, 85—142 (in Russian).

Polosmak, N.V. 1994. *Steregushchie zoloto grify (Gold-hoarding griffins).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Polosmak, N.V. 2000. *Vsadniki Ukoka (The riders of Ukok).* Novosibirsk: INFOLIO-press (in Russian).

Rogozhinsky, A.E. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, E.I. (eds.). *Altai v krugu evraziyskih drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 527—549 (in Russian).

Rudenko, S.I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period*). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, S.I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Central Altai in the Scythian period).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, S.I. 1962. *Sibirskaya kollektsiya Petra I (Siberian collection of Peter I).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (Corpus of Archaeological Sources D3-9) (in Russian).

Rudenko, S.I., Rudenko, N.M. 1949. *Iskusstvo skifov Altaya (The art of the Scythians of Altai*). Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).

Savinov, D.G. 1993. In: Gadlo, A.V. (foreword). *Istoricheskaya etnografiya. Problemy arheologii i etnografii (Historical ethnography. Problems of archaeology and ethnography)*. Iss. 4. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 128—135 (in Russian).

Savinov, D.G. 2018. In: Levanova, E.S., Smirno, N.Y. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dihotomiya iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis (DIALOGUE 2017—2018. The dichotomy of art in Archaeology: locus, images, genesis*). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 32—51 (in Russian).

Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazahstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: Oner (in Russian).

Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: Taimas (in Russian).

Samashev et al. 2007: Samashev, Z., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G., Onggar, A. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan).* Almaty: Oner (in Russian).

Samashev et al. 2023: Samashev, Z., Chotbayev, A.E., Besetayev, B.B. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (20), 9—29 (in Russian).

Sarianidi, V.I. 1989. *Hram i nekropol Tillyatepe (Temple and necropolis of Tillyatepe*). Moscow: Nauka (in Russian).

Sdykov, M.N., Lukpanova, Y.A. 2013. *The early nomads of West Kazakhstan (by the example of the Taksai I mound complex).* Uralsk: Poligrafservis (in Kazakh, Russian, English).

Slyusarenko, I.Y. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 239—251 (in Russian).

Tasmagambetov, I.N. 2005. *Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kultura drevnih kochevnikov (Centaurs of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads)*. Almaty: Berel (in Russian).

Umansky et al. 2005: Umansky, A.P., Shamshin, A.B., Shulga, P.I. 2005. *Mogilnik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezh'e Obi (Rogoziha-1 Scythian burial ground on the left bank of the Ob River*). Barnaul: Altai University (in Russian).

Utubayev, Z.R., Akkaliyeva, A.S. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (23), 9—26 (in Kazakh).

Hodjayov, T.K. 2008. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3, 143—156 (in Russian).

Shulga, P.I. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 370—378 (in Russian).

Shulga, P.I. 2020. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* XXVI, 702—706 (in Russian).

Cheremisin, D.V. 2008. In: Savinov, D.G., Sovetov, O.S. (eds.). *Tropoyu tysyacheletiy. K yubileyu M.A. Devlet (Path of millennia. For the anniversary of M.A. Davlet)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 99—105 (in Russian).

Chernikov, S.S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' "skifskoe iskusstvo" (The mystery of the Golden kurgan. Where and when the "Scythian art" originated).* Moscow: Nauka (in Russian).

Chikisheva, T.A. 2000. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 4, 107—121 (in Russian).

Chikisheva, T.A. 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epohi neolita — rannego zheleza (Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Chugunov, K.V. 2016. In: Balakhvantsev, A., Kullanda, S. (eds.). *Kavkaz i step' na rubezhe epohi pozdney bronzy i rannego zheleza (The Caucasus and the Steppe at the turn of the Late Bronze and Early Iron Ages)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 242—247 (in Russian).

Chugunov et al. 2017: Chugunov, K.V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial kurgan of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2020. In: Lavrenov, O.A. (ed.). *Rossiya—Vostok: vzaimodejstvie v iskusstve (Russia—East: Interaction in art)*. Moscow: Soglasie, 135—143 (in Russian).

Gnecchi-Ruscone et al. 2021: Gnecchi-Ruscone, G.A,, Khussainova, E., Kahbatkyzy, N., Musralina, L., Spyrou, M.A., Bianco, R.A., Radzeviciute, R., et al. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians. *Science Advances* 7 (13). DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes 2002: Bunker, E.C., Watt, J.C.Y., Zhixin Sun. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press.

Qi Xiaoshan. 2008. *The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road — Sichou zhilu: Xinjiang gudai wenhua.* Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House (in Chinese).

Samashev, Z. 2021. *The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai. In: Gold of the Great Steppe. People, Power and Production. First published to accompany the exhibition at the Fitzwilliam Museum.* Cambridge: Paul Holberton Publishing, 11—65.

Shulga et al 2021: Shulga, P.I., Shulga, D.P., Hasnulina, K.A. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Journal of the Siberian Federal University. Humanities)* 14 (8), 1167—1181.

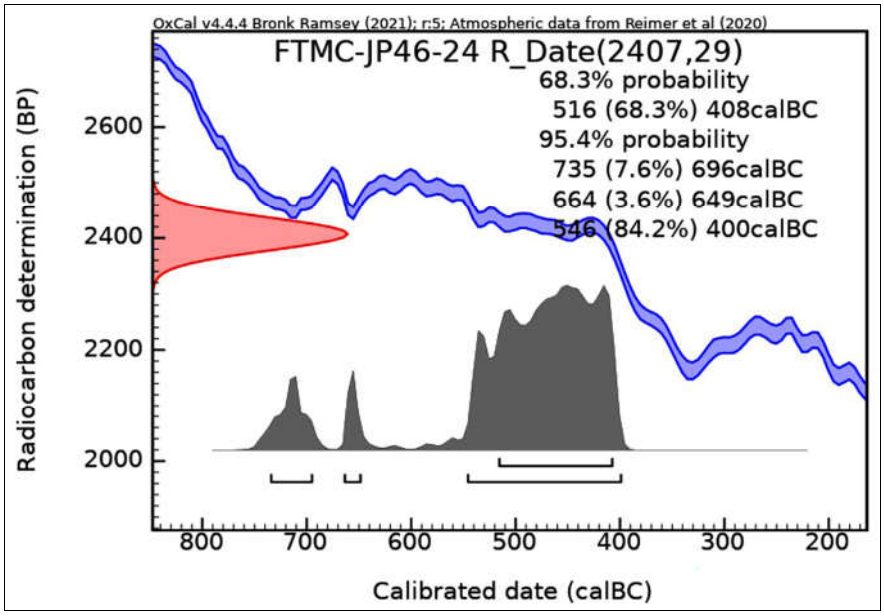


Рис. 1. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 2407±29 лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 1. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 2407±29BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

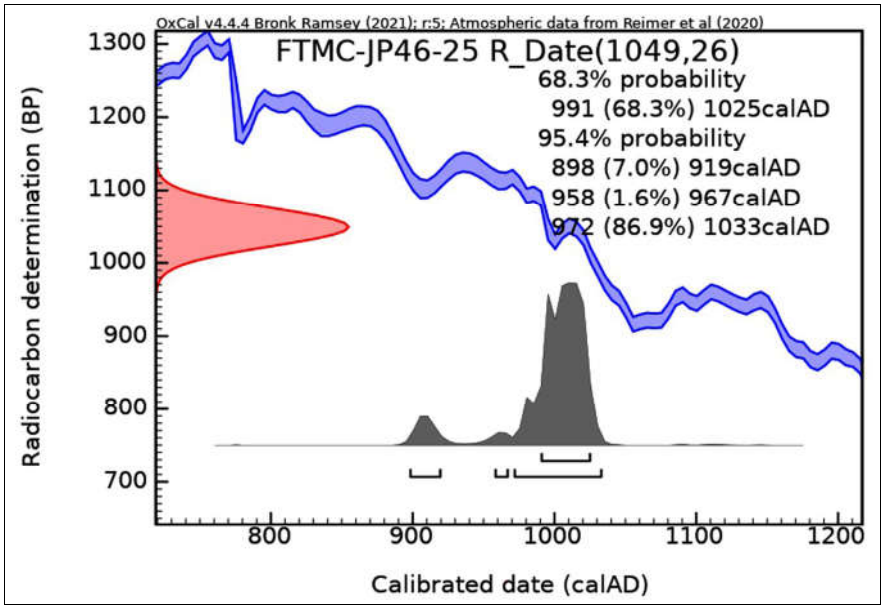


Рис. 2. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 1049±26 лет назад (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 2. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 1049±26BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

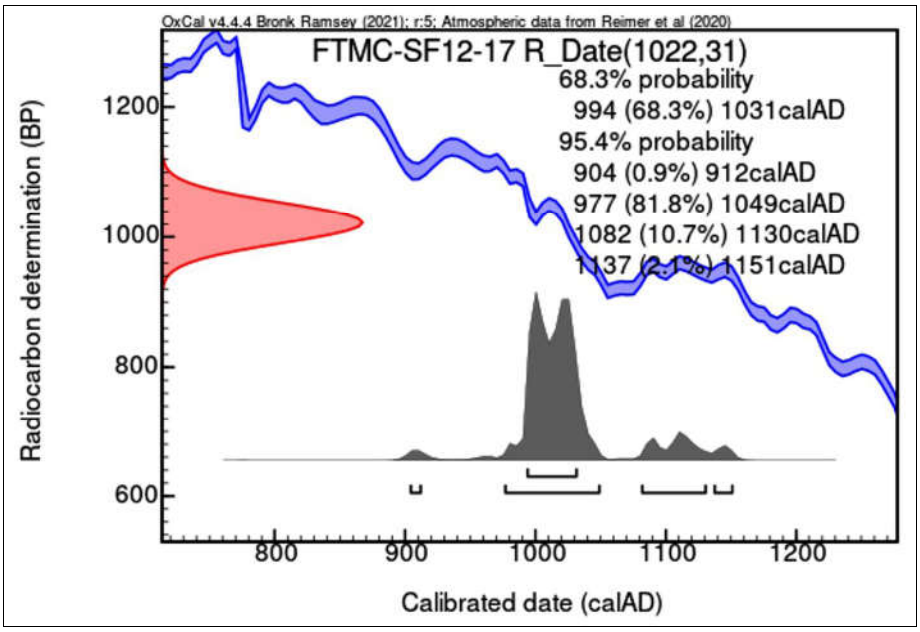


Рис. 3. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 1022±31лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 3. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 1022±31BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

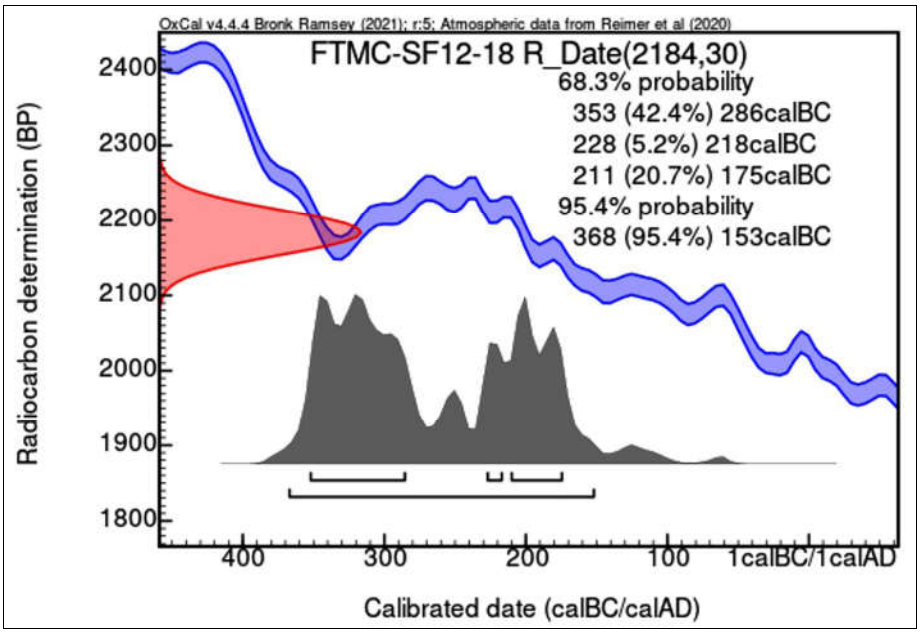


Рис. 4. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 2184±30 лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 4. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 2184±30 BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

Рис. 5. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Находка в грабительском лазе.

Fig. 5. Taugul-3 burial site, kurgan No. 2. Finding in the plunderers' mine.

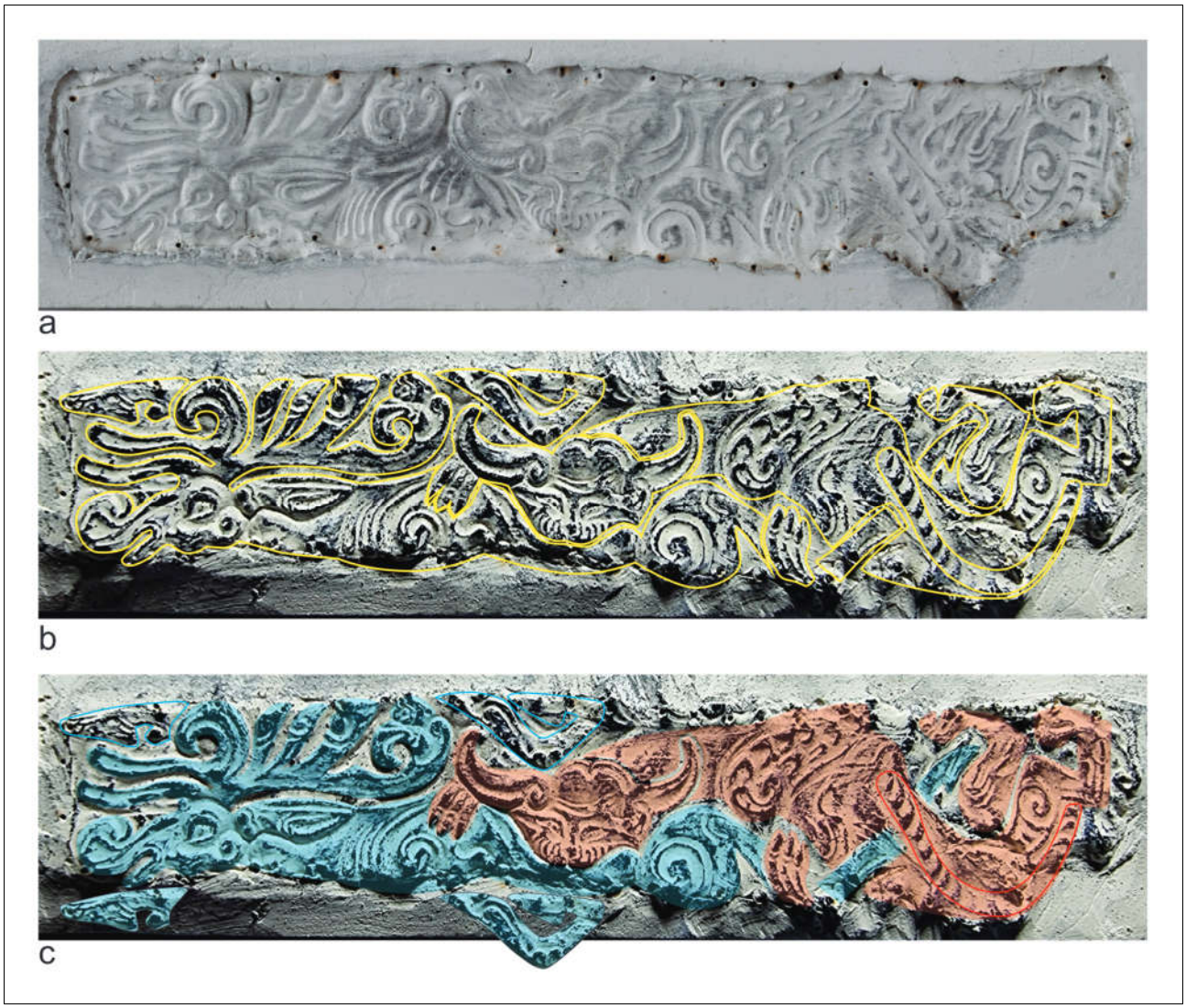


Рис. 6. Выявление изобразительного ряда на жезловидном предмете: *a* — тонированный гипсовый оттиск с распрямлённого силиконового слепка с предмета; *b* — прорисовка контуров частей животных на контрастной фотографии оттиска; *c* — цельные изображения животных, полученные путём переноса некоторых частей с верхней части вниз.

Fig. 6. Revealing the pictorial series on a rod-shaped object: *a* — toned plaster cast from a straightened silicone mold; *b* — outline drawings of animal parts on a contrast-enhanced photo of the cast; *c* — complete images of animals obtained by transferring some parts from the top down

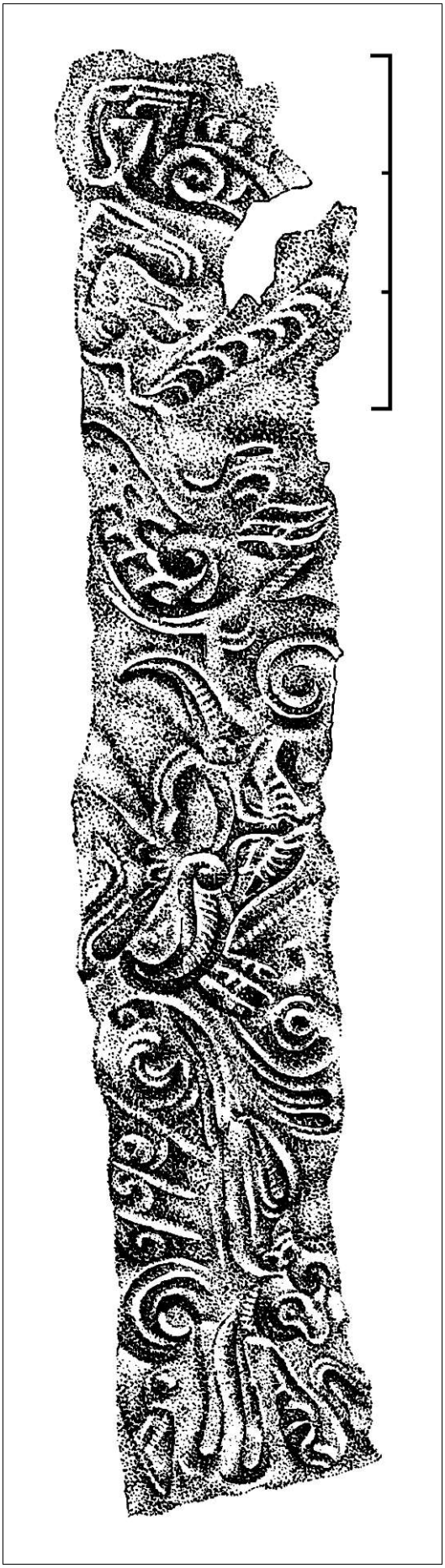


Рис. 7. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Находка в грабительском лазе. Художник: Манас Казикеев.

Fig. 7. Taugul-3 burial site, kurgan No. 2. Finding in the plunderers' mine. Artist: Manas Kazikeev.

Рис. 8. Могильник Таугуль-3, курган № 3. Находка.

Fig. 8. Taugul-3 burial site, kurgan No. 3. Finding.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.76.38.007

П.И. Шульга, И.В. Сальникова

ФЕНОМЕН ИНДИЙСКИХ ЗЕРКАЛ-ПОГРЕМУШЕК И БРОНЗОВЫЕ ЧАШИ С КОНУСОМ*

Бронзовые зеркала-погремушки с золотистым блеском и гравировками в «индийском» стиле относятся к наиболее сложным и трудоёмким в изготовлении изделиям. Они состояли из двух склёпанных дисков «музыкальной» высокооловянистой бронзы: плоского лицевого, и рельефного оборотного диска с полыми валиками, в которые помещались кусочки металла. При этом, оборотный диск с находящемся по центру конусом, валиками и циркульными окружностями может рассматриваться как вариант мандалы. В совокупности изделие являлось зеркалом, музыкальным инструментом, а также предметом культа. По всем данным, производились зеркала-погремушки где-то в области Северной Индии и Бактрии, однако все пять известных документированных зеркал обнаружены примерно в 2400 км к северу от предполагаемого места их производства. В трёх случаях они были найдены в парных женских погребениях IV в. до н.э. скифоидных культур на Южном Урале и Алтае. Предполагается, что эти женщины были служительницами неизвестного нам культа. На обширной промежуточной территории таких зеркал и погребений не известно. Не найдено их и в Индии. По этим причинам до недавнего времени зеркала-погремушки оставались неким экзотическим кратковременным явлением в кочевой среде IV в. до н.э. без предыстории и следов дальнейшей эволюции.

Новые материалы для решения феномена зеркал-погремушек были неожиданно получены в последние годы в северных краях — в таёжном Приобье, всего лишь в 300—400 км от Полярного круга. Обнаружение в 2014 г. в устье р. Казым культовых дисков с конусами, копировавших зеркала-погремушки, а в 2023 г. — уникальной бронзовой чаши с конусом в устье р. Ялбынья, инициировали новое направление поисков аналогий зеркалам-погремушкам. В ходе проведённого исследования, в предполагаемых местах производства зеркал-погремушек (Северный Пакистан и Индия) внимание было обращено на известные там бронзовые, керамические и каменные сосуды с конусами второй половины I тыс. до н.э., распространённые и в Юго-Восточной Азии. На некоторых из бронзовых сосудов сохранились гравировки, подобные имеющимся на зеркалах-погремушках. Часть из них также имели на дне конические выступы в окружении циркульных окружностей. По мнению специалистов, это были предметы культа, а конусы с окружностями являлись вариантами буддийской мандалы.

На основе имеющихся материалов авторы данной публикации приходят к заключению, что во второй половине I тыс. до н.э. в нескольких районах на территории от Таиланда до Афганистана изготавливались три вида портативных культовых изделий, каждый из которых содержал мандалу в виде конуса, окружённого кольцевыми валиками и циркульными окружностями: чаши с конусом, зеркала-погремушки и копирующие их культовые диски. Однако на территории производства этих изделий пока встречаются только бронзовые чаши с конусом, производимые в Индии до наших дней. Зеркала-погремушки и копирующие их культовые диски, вероятно, изготавливались, преимущественно для миссионерской деятельности в степной зоне Урала и Алтая, где и были найдены эти изделия. Производные от зеркал-погремушек культовые диски, по всей видимости, изготавливались позже — в III—I вв. до н.э. на территории современного Афганистана, но также для степных кочевников, откуда в ходе обмена попадали в таёжные районы Приобья. Маловероятно, чтобы вместе с дисками в северную тайгу передавались и верования, но конструкция мандалы с конусом и окружностями была воспринята таёжным населением, и производилась в Нижнем Приобье до V—VII вв. н.э.

Ключевые слова: Нижнее Приобье, Индия, Таиланд, высокооловянистая бронза, бронзовые сосуды и диски с конусом, зеркала-погремушки, служители культа, миссионеры, мандала, номады.

Сведения об авторах: Шульга Петр Иванович[1], кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Сальникова Ирина Владимировна[2], кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

* Исследование выполнено в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН.

Статья поступила в номер 11 марта 2024 г.
Принята к печати 5 апреля 2024 г.

© П.И. Шульга, И.В. Сальникова, 2024.

Контактная информация: [1,2]630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, e-mail: [1]shulgapi55@yandex.ru, [2]salnikovair52@gmail.com.

P.I. Shulga, I.V. Salnikova

THE PHENOMENON OF INDIAN RATTLE-MIRRORS AND BRONZE BOWLS WITH A CONE

Bronze rattle-mirrors with a gold glitter and engraving in “Indian” style belong to the most complex and time-consuming in manufacturing products. They consisted of two reverse discs of “musical” high-tin bronze: a flat front, and a relief reversible disc with hollow rollers with pieces of metal inside. At the same time, a reverse disc with a cone in the center, rollers and circular circles can be considered as a variant of the mandala. In combination, the product was a mirror, a musical instrument, and also an object of worship. According to all data, rattle-mirrors were produced somewhere in the North Indian and Bactria regions. However, all five known documented mirrors were found about 2400 km north of their intended production place. In three cases they were found in paired female burials of 4th century BCE Scythian-like cultures in the Southern Urals and Altai. Presumably the buried were servants of a cult unknown to us. Such mirrors and burials are not known in the vast intermediate country. Neither can be found in India. For these reasons, until recently, rattle mirrors remained an exotic short-lived phenomenon in the nomadic environment of the 4th century BCE without a history or traces of further evolution.

New materials for the rattle-mirrors phenomenon solution were unexpectedly obtained in recent years in the northern regions — in the taiga Ob region, only 300—400 km from the Arctic Circle. The discovery of a unique bronze bowl with a cone which copied the rattle-mirrors in 2014 at the mouth of the Kazym river, and the unique bronze bowl with a cone at the mouth of Yalbynya initiated a new direction of rattle-mirrors analogues searching. In the course of the study in the supposed places of rattle-mirrors manufacture (Northern Pakistan and India) the attention was drawn to the known there bronze, ceramic and stone vessels with cones in the second half of the first millennium BCE, distributed in Southeast Asia as well. Some of the bronze vessels had engravings similar to those found on the rattle-mirrors. Some of them also had conical protrusions at the bottom surrounded by circular circles. According to experts, these were the objects of worship, and cones with circles were the variants of the Buddhist mandala.

On the basis of the available materials, the authors of this publication conclude that in the second half of the 1st thousand BCE in several areas from Thailand to Afghanistan, three types of portable ceremonial items, all of which contained mandala in the form of a cone, surrounded by circular rollers and circular circles: bowls with a cone, rattle-mirrors and cult discs copying them. However, only bronze cone bowls produced in India to this day are found in the territory of these products manufacturing. Rattle-mirrors and cult discs copying them were probably made, mainly for missionary activities in the steppe zone of the Urals and Altai, where they were found. Derived from rattle mirrors cult discs were probably made later in the 3rd and 1st centuries BCE in the territory of modern Afghanistan, but also for steppe nomads, from where they came to the taiga areas of the Ob region during the exchange. It is unlikely that beliefs could be passed north with the discs, but the design of the cone-and-circle mandala was accepted by the taiga population and produced in the Lower Ob region until the 5th — 7th centuries CE.

Key words: Lower Ob region, India, Thailand, high-tin bronze, bronze vessels and discs with a cone, rattle-mirrors, religious workers, missionaries, mandala, nomads.

About the authors: Shulga Petr Ivanovich[1], Candidate of Historical Sciences, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Salnikova Irina Vladimirovna[2], Candidate of Historical Sciences, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,2]630090, Russia, Novosibirsk, Akademika Lavrentyev Ave., 17, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: [1]shulgapi55@yandex.ru, [2]salnikovair52@gmail.com.

Введение

Феномену бронзовых зеркал-погремушек посвящено множество научных работ, хотя таких зеркал известно всего лишь пять целых экземпляров и один тыльный диск от шестого. Три из них происходят с Урала и три — с Алтая (рис. 1). Пять целых зеркал найдены в погребениях скифоидных культур степной зоны: прохоровской, каменской и пазырыкской (Руденко 1953: 142—143; Смирнов 1968; 1975: 140—142; Уманский, Шульга 1999; Шульга 2003: 86—92; Сиротин 2010; 2012: 157—159). Тыльный диск шестого зеркала обнаружен вне археологического комплекса в лесной зоне Среднего Урала (Шульга, Оборин 2021). На фоне проводимых масштабных археологических исследований в Евразии, обнаружение всего шести зеркал, уже при первом приближении вызывает несомненный интерес. Зеркала расположены двумя компактными группами на Алтае и в Южном Предуралье (расстояние между ними около 2000 км), примерно в 2300—2400 км от возможного ближайшего места их производства (Северный Пакистан)[1]. Сходство парных захоронений женщин прохоровской культуры в Южном Приуралье (Мечетсай, Яковлевка-2) и каменской культуры на Алтае (Локоть-4а, возможно, Рогозиха-1), содержавших сложные в изготовлении однотипные зеркала-погремушки, указывает на намеренное совершение этих захоронений по единому обряду, не смотря на большое расстояние между Уралом и Алтаем, и культурное своеобразие местного населения. Всё это не позволяет считать их появление в степях случайным, а зеркала — лишь необычным предметом, сочетающим функции зеркала и музыкального инструмента. После обнаружения на Алтае в 1985 г. хорошо сохранившегося зеркала-погремушки в могильнике Рогозиха-1 с изображениями слона и «женщинами» в индийских одеяниях, область производства этих зеркал примерно определилась. Некоторые дополнительные данные в пользу этой точки зрения были найдены Я.В. Васильковым (2003; 2010 и др.), но к зеркалам-погремушкам они имели лишь косвенное отношение.

За 75 лет изучения зеркал-погремушек частично рассмотрены некоторые вопросы по технологии их производства, семантики изображений, а также статуса умерших, с которыми находились зеркала. Однако обоснованных ответов на вопросы о местах производства зеркал-погремушек, их назначении, причинах появления в специфических погребениях кочевников, а также дальнейшей судьбы зеркал-погремушек не было получено. До недавнего времени эти изделия оставались неким экзотическим кратковременным явлением в кочевой среде IV в. до н.э. без предыстории и следов дальнейшей эволюции.

Как ни удивительно, но новые материалы для решения указанных вопросов были получены в последние годы в северных краях — в тайге Нижнего Приобья, всего в 300—400 км от Полярного круга. Обнаружение в 2014 г. культовых дисков с конусами, копировавших зеркала-погремушки, а затем и уникальной бронзовой чаши из Ялбыньи инициировали новое направление поисков аналогий зеркалам-погремушкам и отдельным дискам. И они были найдены в виде бронзовых, керамических и каменных сосудов с конусами как в предполагаемых местах производства зеркал-погремушек (Северный Пакистан и Индия), так и далее — в Юго-Восточной Азии. Нужно сказать, что эти изделия начали эпизодически публиковать в Индии и Юго-Восточной Азии ещё в 1970—80-х гг., а некоторые из них были известны ещё в XIX в. По ряду причин эта информация оставалась вне поля зрения исследователей зеркал-погремушек на севере Евразии, как правило, ориентированных на поиски подобных зеркал и изображений. Между тем, данные по высокооловянистым бронзовым сосудам из Пакистана и Индии иногда привлекались (Равич 2006: 48), в том числе и в ходе анализа зеркал-погремушек

[1] Интересно, что все четыре зеркала-погремушки с религиозно-мифологическими сценами из погребений (две пары Мечетсай и Яковлевка-2 на Урале, Рогозиха-1 и Локоть-4а на Алтае) находятся в степях примерно на одной широте (52—53 гр. с.ш.), почти на одинаковом расстоянии от вероятного места их изготовления (в 2300—2400 км), и на одинаковом расстоянии от мест нахождения Казымского клада с культовыми дисками и чаши с конусом в устье р. Ялбыньи в Нижнем Приобье (около 1500 км) (рис. 1). При этом, расстояние между погребениями с зеркалами-погремушками на Урале и в Алтайском крае почти одинаковое: около 220 км между Мечетсаем и Яковлевкой-2, и около 250 км между Рогозихой-1 и Локтем-4а.)

(Marsadolov, Marsak 2000), но в этих работах сосуды с конусами не связывались с зеркалами-погремушками. Действительно, если бы не находки культовых дисков и чаши с конусом в Нижнем Приобье, такая связь была бы не очевидна.

Следует отметить, что и в среде исследователей Пакистана, Индии и Таиланда сосуды с конусами (knob vessel) из бронзы, керамики и камня долгое время не привлекали внимания (Glover 1990: 32—35). Имеющиеся публикации по «индийским» зеркалам-погремушкам с Алтая и Урала, а также культовым дискам с Нижнего Приобья, ими, по всей видимости, не были замечены. Исключением является одна статья, посвящённая бронзовым зеркалам из Таксилы (Chattopadhayay, Sen 2019). Со ссылкой на работы Я.В. Василькова 2010 и 2018 гг., в этой статье предполагается, что обнаруженные в степях Алтая и Южного Урала зеркала-погремушки изготавливались в степи местными мастерами, «использовавшими новую технологию, заимствованную из далекой Индии» (Chattopadhayay, Sen 142)[2]. Введённые в заблуждение индийские специалисты, логично предположили, что образцом для зеркал-погремушек послужили зеркала из Таксилы (Chattopadhayay, Sen 2019: 142). Однако опубликованные ими цельнометаллические зеркала с выпуклостью в центре оборотной стороны, валиком по периметру и остроугольным штырём-ручкой относятся к группе зеркал «бактрийского типа». Как правило, ранние экземпляры из найденных в Таксиле датируют последними веками до н.э. Даже принимая датировку Маршалла этих зеркал IV в. до н.э. (Chattopadhayay, Sen 2019: 137), мы не можем считать их прообразом зеркал-погремушек. Самые ранние из них соотносятся с известными в степях упрощёнными цельнометаллическими вариантами с конусом, валиками, циркульными окружностями и длинной ручкой (Уманский, Шульга 1999: 62, рис. 11; Равич 2006: рис. 1б; др.). Последние поступали в степи и использовались там одновременно с зеркалами-погремушками в рамках IV в. до н.э., возможно, с конца V в. до н.э. Так или иначе, но исходные образцы зеркал с мандалой на обороте должны были первоначально появиться где-то на севере Индии и Пакистана. Введение в научный оборот новых материалов, несомненно, позволит избежать подобных ошибок, и привлечь более широкий круг исследователей к изучению феномена зеркал-погремушек.

История исследования зеркал-погремушек

В силу необычности и редкости зеркал-погремушек, процесс их изучения (определение состава металла, технологии производства, анализ изображений и рельефа с конусом и валиками) происходил медленно и с большими задержками. Первое зеркало-погремушка, найденное в 1947 г во Втором Пазырыкском кургане с полностью сохранившейся роговой ручкой, на время обнаружения не имело аналогий (рис. 2: 1). Опубликовавший его С.И. Руденко, отнёс зеркало «к типу до сих пор неизвестному и впервые найденному»

[2] Предположение об изготовлении зеркал-погремушек в среде кочевников Алтая и Южного Урала беспочвенно и противоречит всем имеющимся данным. Автором этого недоразумения стал индолог Я.В. Васильков. Являясь сторонником индийского происхождения зеркал-погремушек, он, тем не менее, полагал, что изображения тигров на бронзовом зеркале из могильника Быстровка-1 в Новосибирском Приобье (Троицкая, Бородовский 1994: табл. XXXV) нанесли «местные мастера» (Васильков 2010: 23). На каком основании было сделано это заключение, не ясно. В последующей работе вновь фигурируют «местные мастера», но уже в среде не названных оппонентов: «… российские археологи считают весьма сомнительным индийское происхождение самих зеркал; они склонны полагать, как кажется, что местные скифские или сарматские мастера смогли сами изготовить эти художественные зеркала, используя новую технологию, заимствованную из далекой Индии» (Васильков 2018: 6). В действительности, ни один русскоязычный специалист, занимавшийся зеркалами-погремушками, не предполагал и не мог даже допустить, что эти горячекованные необычайно сложные в изготовлении зеркала с замечательными гравировками в «индийском» стиле производились местными мастерами в степях на Алтае и Южном Урале в IV в. до н.э. В качестве примера непонимания индийского происхождения зеркал Я.В. Васильков неоднократно приводил работы А.П. Уманского (Васильков 2001: 337—338; 2010: 9; 2018: 2). Однако там вовсе не говорилось о мастерах из степей. Алексей Павлович, ещё раньше предположивший особый статус слона на зеркале из Рогозихи-1 (Уманский 1999: 210) считал, что это зеркало «скорее всего индийской работы» (Уманский 1992: 59), или произведено «где-то за пределами Индии, но недалеко от неё» (Уманский 2003: 135).

(Руденко 1948: 42). Сергей Иванович, не знавший о музыкальных свойствах «серебряного» «женского» зеркала из Второго Пазырыкского кургана, считал, что его владелица «наложница племенного вождя … музыкантша», игравшая на инструменте типа арфы (Руденко 1953: 143). Вместе с тем, он допускал, что найденные в Пазырыке зеркала «могли иметь и иное, магическое значение» (Руденко 1953: 145).

Зеркало из Второго Пазырыкского кургана привлекло внимание лишь через 20 лет, при публикации найденного в Южном Приуралье в 1961 г. второго зеркала-погремушки (рис. 2: 2) (Смирнов 1968; 1975: рис. 57). Анализ металла зеркала из Мечетсая (курган 8) прохоровской культуры показал высокое содержание олова (20%) (Смирнов 1968: 118). К.Ф. Смирнов, также не знавший о музыкальных свойствах зеркала из Мечетсая, предположил его производство в Передней Азии, и рассматривал зеркало с «религиозно-символической сценой», как атрибут погребённых женщин-жриц[3]. По его мнению, «Основной мотив изображения — поклонение божеству, вероятно солнечному, символом которого является центр зеркала с валиком и выпуклостью и антропоморфная голова …» (Смирнов 1968: 118).

Вновь о двух указанных зеркалах вспомнили по прошествии ещё 20-ти лет. При этом статус погребённых с зеркалами женщин был существенно понижен. Зеркала из Пазырыка и Мечетсая определялись как экзотические музыкальные инструменты («зеркала-погремушки») придворных рабынь, также пользовавшихся и струнными инструментами (Кузнецова 1989). Судя по контексту, эта точка зрения сформировалась после установления факта наличия в зеркале из Пазырыка-2 неких металлических кусочков, издававших шум при потряхивании[4]. После знакомства с информацией по третьему зеркалу-погремушке из Рогозихи-1, позиция Т.М. Кузнецовой по статусу женщин и назначению зеркал осталась прежней. Однако место вероятного производства зеркал было определено в более широких рамках — как «восточное», не исключавшее Индию (Кузнецова 1993; 1995: 126). Под впечатлением проявившегося общего сходства трёх зеркал, исследователь пришла к эмоционально окрашенному выводу о создании их одним мастером, творившим «свои произведения где-то на Востоке в конце V в. до н.э. или на рубеже V—IV вв. до н.э.» (Кузнецова 1995: 126)[5]. Данное предположение не подтвердилось, но представляет интерес как способ объяснить наличие одинаковой, необычно сложной конструкции, не имеющей аналогий. Действительно, наличие всего трёх зеркал-погремушек, в то время не позволяло воспринимать их как существенное явление. Специфическая конструкция рельефных тыльных дисков с конусом по центру и полыми валиками внимания не привлекала.

Заметное расширение круга заинтересованных исследователей произошло после публикации найденного в 1985 г. зеркала из могильника Рогозиха-1 каменской культуры, расположенного в 60 км к западу от г. Барнаул (рис. 3, 4) (Уманский 1992) (Кузнецова 1993; 1995; Марсадолов 1996: 72; Marsadolov, Marsak 1997; Могильников 1997: 83; Ширин 1997). Находка четвёртого зеркала-погремушки на юге Алтайского края в могильнике Локоть-4а каменской культуры, расположенного в 300 км к юго-западу от г. Барнаул (Ситников, Шульга 1995) послужила новым импульсом исследования феномена появления на северной периферии кочевого мира зеркал восточного происхождения (рис. 2: 4) (Шульга 1997; 1999; Ширин 1997; Уманский, Шульга 1999; Уманский 1999). Помимо подробной публикации погребальных комплексов с зеркалами-погремушками, было обращено особое внимание на устройство тыльных дисков с центральным конусом и валиками, а

[3] В заключении статьи К.Ф. Смирнов отмечал: «…мечетсайское зеркало, попавшее в сарматскую могилу IV в. до н.э., связано с передневосточным искусством ахеменидской эпохи. Сюжет зеркала, рождённый в среде автохтонов Мидии и Ирана, отвечал религиозным представлениям сарматов, поклонявшихся солнцу. Женские фигуры, изображённые на зеркале, могли восприниматься как жрицы культов солнца и плодородия, служительницами которых, возможно, были две погребённые вооружённые сарматки» (Смирнов 1968: 121).

[4] Впервые два кусочка металла были зафиксированы в мечетсайском зеркале, но были восприняты как «капельки припоя» (Смирнов 1968: 118). Достоверно два кусочка металла обнаружены в 1994 г. в полости внешнего валика зеркала-погремушки из Локтя-4а (Шульга 1997: 145).

[5] В оригинале статьи дано: «на рубеже V—VI вв. до н.э. », но это явная опечатка.

также на описание и особенности изображений на зеркалах из Рогозихи-1 и Локтя-4а. Сделано предположение, что однотипность устройства этих редких зеркал обусловлена религиозными представлениями и стандартами, которые продолжали производиться согласно определённым канонам в разных мастерских на протяжении длительного времени (Уманский, Шульга 1999)[6].

По мнению П.И. Шульги, «зеркала с религиозно-символическими сценами, а также их упрощенные варианты с циркульным орнаментом, центральным конусом и валиком, иллюстрируют существовавшие в Индии, Бактрии, Иране и скифо-сакском мире близкие представления о расположенной на севере у золотой вершины Мандары или Хукайрья (горы Меру, Хара Бэрэзайти, Рипы, Рипеи) блаженной обители богов, мудрецов и величайших героев. Этот тип зеркал мог являться моделью центра Вселенной ариев с конусом посередине (Меру, золотая Мандара) и внешнем гранчатым валиком (круговой хребет Меру), окруженным по периметру солярными значками (вращающиеся в исполнении обряда солнце и звезды)» (Шульга 1999: 85). Проникновение на Алтай и в Южное Приуралье зеркал-погремушек и их упрощённых вариантов (Могильников, Уманский 1995; Уманский, Шульга, 1999: 62, рис. 11) автор связывал с предполагаемым всплеском проповеднической деятельности из Бактрии или северо-западных районов Индии, ставшей возможной после включения этого региона и южной части сако-массагетских племён в состав Персидского государства (Шульга 2003: 97). Подчёркивалось, что в кочевой среде зеркала-погремушки и их упрощённые варианты рассматривались как изделия, обладающие особой магической силой. Этот вывод подтверждали наблюдения о боязни древних грабителей (осквернителей ?) похитить или переместить эти зеркала, так и остающихся лежать вниз отражающей стороной после ухода злоумышленников в Локте-4а, Рогозихе-1 и в сумке женщины из Второго Пазырыкского кургана. Предложенная П.И. Шульгой точка зрения, в целом, была принята А.П. Уманским (Уманский 2003: 137). Вместе с тем, сюжет на рогозихинском зеркале интерпретировался им как многозначный символ. А.П. Уманский полагал, что на зеркале из Рогозихи-1 запечатлена праздничная процессия, возможно — «торжественное сошествие в подземное царство», а сам диск мог быть символической моделью колеса или колесницы (сансары) (Уманский, 1999; 2003). Помимо этого, А.П. Уманский предположил, что неестественные особенности в изображении слона (направленные вверх бивни, тонкие ноги) на рогозихинском зеркале (рис. 3) обусловлены канонами изображения священного «благого» слона (1999: 210).

Я.В. Васильков, в обосновании индийского происхождения зеркал полагал, что зеркала-погремушки и изображённые на них сцены являлись в древней Индии светскими изделиями, не имевшими отношения к религиозным культам. Назначение и особенности конструкции с конусом и валиками им не рассматривались. По мнению Я.В. Василькова, зеркало в Индии было «атрибутом куртуазно-гаремной культуры … Оно не имело культовой роли и если употреблялось в ритуалах, то исключительно в обрядах женской магии» (Васильков 2001: 343). В последующей развёрнутой публикации Я.В. Васильков писал о «начатой «зеркалами-

[6] На существование нескольких мастерских оказывают различия в устройстве зеркал-погремушек, их орнаментации, содержании религиозно-мифологических сцен, а также специфика распространения зеркал на огромной территории от Урала до Алтая, вдали от предполагаемых мест производства. Всё это также косвенно демонстрировало относительную продолжительность их производства и использования. Так, у трёх из пяти экземпляров, найденных в погребениях, были обломаны штыри для ручек, места сломов обычно зачищены, а у зеркала из Локтя-4а у места слома было пробито большое отверстие. Следует отметить, что в начале 2000-х погребения с зеркалами-погремушками в Локте-4а и Рогозихе-1 синхронизировались с Вторым Пазырыкским курганом, традиционно датируемым серединой V в. до н.э. (Руденко 1953; 1960: 336; Марсадолов 2000: 23; Шульга 2003: 111; см. Трейстер 2012б: 122). На раннюю дату зеркала из Локтя-4а, как будто, указывали и найденные рядом с ним бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники раннескифского облика (Шульга 2003: рис. 8: 4). Однако последующий анализ материалов данного могильника, и существенное омоложение Пазырыкских курганов до второй половины-конца IV в. до н.э. (см. сводку: Шульга и др. 2016: 279, 280, 285), не позволяют датировать захоронение в Локте-4а ранее конца V в. до н.э. Указанные бронзовые наконечники, несомненно, были ко времени погребения архаикой, вероятно, культового назначения. Подобные выводы были сделаны и М.Ю. Трейстером, на основании материалов с Южного Урала, с учётом новых датировок Пазырыка (Трейстер 2012б: 122—123).

погремушками» многовековой традиции импорта индийских зеркал в зону степных культур, где зеркала *в силу их ритуальной функции* (выд. авторами) пользовались особым спросом» (Васильков 2003: 32). Судя по контексту, *ритуальную функцию* эти зеркала получали уже в степной среде. Сюжеты сцен, изображённых на зеркалах из Мечетсая, Рогозихи-1 и Локтя-4а он трактует как светские (фольклорные), связанные с различными сказаниями. Соответственно, позу адорации (поднятая вверх рука) в сцене со слоном на рогозихинском зеркале (рис. 3, 4), Я.В. Васильков трактует как попытку прикоснуться к «божественному слону» (Васильков 2001: 340; 2010: 12; др.). Не предполагается культовое назначение и найденных в Индии каменных дисков. Стиль изображений на этих дисках также считается фольклорным (Васильков 2003: 29). В целом, указанный автор провёл значительную работу по поиску материальных свидетельств производства зеркал-погремушек в Индии. Изображение слона на рогозихинском зеркале достаточно убедительно соотносится с «чудесным белым слоном» из традиционных воззрений древних индийцев. Обращено внимание на каменные диски III—II вв. до н.э. с похожим на тыльные диски зеркал рельефным декором, а также на граффити со слоном и птицей на одном из дисков. Приведены данные по высокооловянистым зеркалам I в. до н.э. — I в. н.э. из Таксилы (Васильков 2003: 29—31), и некоторые другие свидетельства возможной связи зеркал-погремушек с Индией (Vassilkov 2010). Несомненный интерес представляет обращение к джайнским миниатюрам, где имеются подобные композиции с двумя девами по сторонам от божества. На некоторых из них стиль изображений очень похож на известный на зеркалах-погремушках, что отмечал и Б.И. Маршак (Marsadolov, Marsak 1997: 7). Сходство с джайнскими миниатюрами несомненно, но для периода в 1500 лет между временем производства зеркал-погремушек и ранними миниатюрами джайнов Я.В. Васильковым приведены лишь части двух скульптурных изделий (Vassilkov 2010: pl. II). В.А. Могильников полагал, что на рогозихинском и других зеркалах погремушках сцены содержали солярную символику, связанную с верхним миром (Могильников 1997: 83). В отношении статуса женщины из Второго Пазырыкского кургана допускались разные варианты. В том числе предполагалось, что она могла быть жрицей, прибывшей из «приалтайских степей» (Могильников 1997: 90). В.Ю. Зуев в опровержении «научного мифа о «савроматских жрицах» назвал комплекты зеркал и алтариков «косметическими наборами» знатных женщин (Зуев 1989: 136), принадлежавших к всадничеству (Зуев 1996: 61). Л.С. Марсадолов считал зеркала-погремушки импортом или военной добычей (Марсадолов 1996: 72).

Своего рода итогом начального этапа изучения зеркал-погремушек стали специальные разделы в капитальном исследовании по импортным изделиям скифского времени из Южного Приуралья (Трейстер 2012а: 48—49; 2012б: 121—125; Равич 2012а: 247—252), а также отдельная статья этих авторов (Равич и др. 2012). В указанных работах, на основе имевшихся к тому времени материалов, были обоснованы и сформулированы основные положения относительно 1) времени и места изготовления зеркал-погремушек, 2) технологии их изготовления и состава металла, 3) а также датировки зеркал, и погребений, в которых они обнаружены. По совокупности имеющихся данных, М.Ю. Трейстер определяет время изготовления зеркал-погремушек в рамках конца V—IV в. до н.э. (2012б: 123). На это указывает и отсутствие на Южном Урале в погребениях ранее конца V — начала IV в. до н.э. зеркал, изготовленных из сплава и по технологии, отмеченной у зеркал-погремушек (Равич и др. 2012: 89). На Алтае, погребения с зеркалами-погремушками, видимо, датируются в том же диапазоне (см. прим. 6). Относительно места изготовления зеркал высказано мнение, что «гипотеза об индийском или бактрийском центре изготовления зеркал-погремушек не имеет какой-либо другой более убедительной альтернативы» (Трейстер 2012б: 124; Равич и др. 2012: 89). Вполне логичным выглядит путь поступления зеркал в Южное Приуралье из указанных областей через Дахистан и Хорезм (Равич и др. 2012: 89). На основе изучения высокооловянистых зеркал из степного пояса и Средней Азии, а также с учётом данных по Индии, описан способ изготовления зеркал-погремушек и сарматских (бактрийских) зеркал. Они создавались путём горячей ковки в температурном диапазоне 520—700 °С. (Равич 2004;

2006; Равич и др. 2012: 81—83)[7]. В этих же публикациях дано подробное описание и анализ погребения из Яковлевки-2 с пятым зеркалом-погремушкой, обнаруженном также в парном женском погребении (рис. 2: 3) (Равич 2012б: 252; Сиротин 2012: 157—162). В целом, к 2012 г. были подведены основные итоги по выявленным зеркалам-погремушкам, но по вопросам их происхождения и назначения продвижение было незначительное. Для их решения нужны были новые материалы, прежде всего, с мест производства. Вскоре материалы появились, но не в Индии или в степных погребениях, а в таёжных северных областях в Нижнем Приобье и на Среднем Урале.

Культовые диски из Казымского клада, как результат эволюции зеркал-погремушек

Для понимания феномена зеркал-погремушек особое значение имеют находки 2014 г. недалеко от устья р. Казым (правый приток Оби, Белоярский район ХМАО-Югры), примерно в 300 км к югу от г. Салехарда, находящегося на линии Полярного круга (Бауло 2016; Шульга, Оборин 2017; Бауло, Белогай 2020). Там было обнаружено два скопления металлических вещей (рис. 1). В первом скоплении предметов находилось около 200 изделий, в том числе, не менее семи больших бронзовых дисков диаметром 10—11 см, первоначально принятых за тыльные диски зеркал-погремушек (рис. 6, 7, 9: 2). Там же находилось более ста бронзовых «сарматских» зеркал и плоских дисков с отверстиями по центру. Действительно, диски № 1 и № 3 подобны тыльным рельефным дискам зеркал-погремушек (рис. 9: 1, 2), но они меньшего диаметра и с довольно грубой гравировкой, включавшей изображения лошадей (рис. 6, 7). Сравнительный анализ зеркал-погремушек и найденных в Казымском кладе дисков позволил установить, что это родственные, но совершенно различные категории вещей, производившиеся в разных мастерских, попадавших к кочевникам и северным охотникам в разное время и при особых обстоятельствах. Выделены следующие характерные особенности семи больших дисков:

1) Диаметр дисков 10—11 см, т.е. на 4—5 см меньше, чем у зеркал-погремушек. Отверстия под заклёпки или петли у них отсутствуют, т.е. они изначально производились как особые портативные изделия, которые не имели практического значения, и могли использоваться только в горизонтальном положении на ровной поверхности. Часть из них, по-видимому, не кованные, а литые;

2) По форме выделяется два основных типа. К первому типу относятся диски с конусом и двумя валиками, копирующие зеркала-погремушки, вплоть до нанесения солярных знаков по периметру (рис. 6, 7) и грубых изображений дев в позе адорации (рис. 7: 1а, 1б). Диски второго типа не имеют внешнего валика (Шульга, Оборин 2017: ил. 3, 10);

3) Набор персонажей и их расположение в композициях имеют существенные и даже принципиальные отличия от зеркал-погремушек. Часть из них с изображениями лошадей создана в явно иной культурной среде (рис. 7: 1, 1в, 1г), а замечательные гравировки на диске № 2, по-видимому, передают несколько сюжетов из какого-то мифа о лошадях (Шульга, Оборин 2017: ил. 3, 4). Между собой большие диски также имели различия. Объясняются они изготовлением в разных местах и на протяжении длительного времени,

[7] Существует и противоположное мнение. Несколько индийских специалистов, изучавших бронзовые зеркала из Таксилы, пришли к заключению, что «ковка высокооловянистой бронзы не была известна кузнецам Таксилы». Они полагают, что подобные сарматским зеркала из Таксилы изготавливались не горячей ковкой, а литьём, с последующей полировкой. При этом, выпуклость по центру (knob) трактуется как результат технологии производства, т.е. выпуклость формировалась естественным путём по центру при заливании бронзы в форму (Chattopadhayay, Sen 2019: 141—142; Chattopadhyay, Jan 2021: 6). Необходимо отметить, что по указанию авторов этих публикаций металлография зеркал ими не проводилась (Chattopadhayay, Sen 2019: 141), а потому приведённое мнение пока не может быть принято.

начиная с III в. до н.э., предположительно в Бактрии и прилегающих районах[8]. Диски изготавливались мастерами, не только знакомыми с «индийскими» оригиналами зеркал-погремушек, но и полностью принявшими за образец форму оборотного рельефного диска с конусом и одним-двумя рельефными полыми валиками.

Важно подчеркнуть, что *на материалах из Казымского клада прослеживается сохранение традиции изготовления тыльных дисков зеркал-погремушек и дальнейшая эволюция нефункциональных больших культовых дисков*. Постепенно (?) их сменили малые диски диаметром около 6 см, фактически представляющие собой центральную часть зеркал-погремушек и больших дисков без орнамента, сцен и внешнего валика (рис. 8). *Эта схема с центральным конусом и концентрическими валиками была воспринята местным населением и воспроизводилась в Нижнем Приобье примерно до V—VII вв. н.э.* (рис. 9: 3—6). Таким образом, прослеживается эволюция портативных культовых изделий с конусами от импортных зеркал-погремушек IV в. до н.э. до дисков с конусом и валиками, изготавливавшихся в Нижнем Приобье по V—VII вв. н.э.:

1) зеркала-погремушки (рис. 9: 1);

2) большие диски с гравировками (рис. 6, 7, 9: 2);

3) большие диски без гравировок;

4) малые диски с гранчатым валиком без гравировок (рис. 8, 9: 3);

5) простые бляхи с конусом и одним валиком (рис. 9: 4);

5) бляхи, украшенные конусом, валиками, радиальными прорезями, а также изображениями голов медведей (рис. 9: 5);

6) эполетообразные застёжки с изображениями медвежьих голов (рис. 9: 6).

В этой цепи большие и малые культовые диски с полыми конусами и гранчатыми валиками (рис. 6—8, 9: 2, 3) и чаша из Ялбыньи предварительно могут датироваться со второй половины III по I в. до н.э. *Дно чаши из Ялбыньи по контурам валика фактически представляет собой малый культовый диск № В9 из Казымского клада*, с полыми конусом и шестигранным валиком, диаметром 5,5 см (рис. 8: 2, 2а) (Бауло, Белогай 2020: 22). Если условно добавить к валику на чаше плоскую закраину шириной 0,5 см, то дно чаши будет подобно другому диску № В8 из Казымского клада (рис. 8: 1, 1а) (Бауло, Белогай 2020: 20, 21). Наличие на этом диске внутреннего узкого и низкого валика, делает его сходство почти полным. Места производства этих портативных изделий, по-видимому, постепенно смещались от древней Индии, где производились зеркала-погремушки, до северной тайги, жители которой сами изготавливали бляхи последних трёх типов (рис. 9: 4—6).

Особенностью больших и малых культовых дисков, как и других изделий (сарматские зеркала, диски с центральным отверстием и др.), привнесённых в Нижнее Приобье, является *наличие на них различных граффити*, прочерченных местными умельцами на гладких плоскостях или непосредственно по изначально имевшимся изображениям (рис. 5: 2, 10: 1). На многих из них имеется 1—2 отверстия для подвешивания (крепления), также пробитых таёжными жителями. В этом отношении интерес представляет бронзовый тыльный диск от шестого зеркала-погремушки из Среднего Урала, о котором стало известно в 2016 г. (рис. 5) (Шульга, Оборин 2021). Поверх изначальных изображений на них нанесены изображения двух необычных существ («птицеслонов») (рис. 5: 2, 3). На данное время, это единственное зеркало-погремушка, найденное к северу от степного пояса, и использованное таёжными жителями точно также, как культовые диски и сарматские зеркала. Как и у других зеркал этого типа, по центру диска из Среднего Урала виден конус, окружённый двумя, очевидно полыми, шестигранными валиками. На внешней поверхности сохранился золотистый блеск. По периметру имеются отверстия от семи заклёпок, соединявших тыльный диск с лицевым.

[8] Ознакомленный с публикацией дисков из Казымского клада (Шульга, Оборин 2017) Я.В. Васильков также предположил, что часть этих дисков с изображениями коней производилась в рамках некой коневодческой культуры, расположенной рядом с Индией — возможно «на территории совр. Афганистана (с центром в районе Кандагара), откуда в Индию поставляли лучших коней.» (Васильков 2020: 21).

В целом, диск подобен четырём зеркалам-погремушкам с изображениями, но имеет бóльший диаметр (17—17,3 см) и особенности в изображениях. Пространство между валиками занято изображением многофигурной сцены, наиболее близкой мечетсайской, на которой также отсутствуют солярные знаки. По ряду признаков, зеркало относится к позднему этапу: изображения выглядят более грубыми; отсутствуют солярные знаки; присутствуют две пары S-образных знаков. На это могут указывать и отклонения от стандарта — диаметр диска больше стандартного на 2—3 см, а отверстия под заклёпки вдвое больше в диаметре (3 мм). Помимо этого, зеркало со Среднего Урала единственное из зеркал-погремушек, найденное вне погребения, и использованное только как культовый диск с граффити, нанесёнными местным населением. Важно, отметить, что указанный тыльный кованый диск из высокооловянистой бронзы был разъединён без повреждения хрупких краёв. Поверх сцены с «девами» между валиками были достаточно аккуратно нанесены изображения двух необычных существ («птицеслонов») (рис. 5: 3). Головы чудовищ с «хоботом» и пастью напоминают искажённые изображения клювов хищных птиц в скифском искусстве, у которых сверху показана восковица, а снизу щель рта. Наиболее близкие ассоциации возникают в сравнении со слоном из Рогозихи-1 (рис. 3), у которого видны хобот, щель рта, бивни и два последовательно расположенных гипертрофированных бугра («горба»), характерных для головы «благого» слона. При этом, «птицеслоны» расположены вполне симметрично относительно центральной части диска и головами по часовой стрелке. Подобное расположение и ориентация персонажей имеется на основной сцене диска № 3 из Казымского клада (рис. 7: 1). В нарушение древней «индийской» традиции, грубо выполненные гротескно выглядящие «девы» расположены на этом диске не друг против друга, а также по часовой стрелке. Логично предположить, что изображения «птицеслонов» были вырезаны в соответствии с этими принципами композиции. Вполне вероятно, тыльный диск зеркала из Среднего Урала маркирует наиболее ранний этап проникновения зеркал-погремушек в среду таёжных охотников.

Чаша из Ялбыньи

Существенное продвижение в изучении феномена зеркал-погремушек, на наш взгляд, позволяет сделать ещё одна находка из Нижнего Приобья. В 2023 г. Приполярным этнографическим отрядом (руководитель д-р ист. наук А.В. Бауло) проводилось обследование сакрального места в устье реки Ялбынья (Ялпынг — «Священная река»), расположенного на её высоком правом берегу. Река впадает в Северную Сосьву, в 25 км ниже по течению пос. Сартынья, примерно в 120 км по прямой к юго-западу от районного центра пос. Берёзово Ханты-Мансийского АО. В этом месте находится известный с XIX в. археологический памятник — раннесредневековое городище Ус-нёл (Бауло 2009). В предыдущие годы там были обнаружены изделия из бронзы и железа: антропоморфные фигурки, фигурка совы, перстень, наконечник копья, а также клад, содержащий разновременные предметы из бронзы и серебра, включающие диски и зеркала (Бауло 2009; 2011). Среди находок 2023 г. особый интерес представляет бронзовая чаша, лежавшая вверх дном в песке под корнями сосны, на разрушающемся участке берегового склона.

Чаша имеет полусферическую форму, диаметр по венчику около 14,4 см, высота 3,3 см (рис. 10). Сохранность хорошая. Поверхность гладкая, изнутри и снаружи покрыта естественной патиной серо-зелёного цвета. Имеются участки с пятнами светло-зеленой патины, концентрация которой увеличивается ко дну. Изнутри на стенке сохранился небольшой участок поверхности золотистого цвета. По стенкам чаши изнутри наблюдаются патинированные следы довольно грубой механической зачистки, вероятно, производившейся значительно позже её изготовления. На дне имеется небольшое отверстие с неровными краями размерами 6х3 мм, образовавшееся естественным образом. В 3—4 мм ниже венчика находится пробитое или просверленное патинированное круглое отверстие (для подвешивания ?) диаметром 3 мм. Следы потёртостей у

отверстия не фиксируются. В противоположной стороне под венчиком — овальное отверстие размерами около 17×12 мм и трещина, длиной в 14 мм. Края этого отверстия не патинированы, т.е. оно образовалось сравнительно недавно в районе горизонтальной трещины. В 5,5 см от круглого отверстия в кромке (венчике) чаши хорошо видна вставка из металла иного цвета размерами около 6×5 мм. Согласно предварительным данным элементного анализа состава сплава чаши, проведённого в Центральном Сибирском геологическом музее ИГМ СО РАН, чаша изготовлена методом горячей ковки из бронзы с содержанием олова 20—27%.

Внутри сосуда на дне в центральной части располагается конический выступ, окружённый двумя валиками. По одной из осей конус с валиками смещён от центра на 3 мм. Конус полый, его диаметр в основании 1,5 см, высота 6 мм. На вершине конуса имеется маленькая лунка диаметром около 1,5 мм. Внутренний малозаметный валик цельный, без граней, диаметром по гребню 2,3 см, высотой около 1,5 мм. Этот валик отделён от конуса и внешнего валика небольшими понижениями, т.е. уплощённые участки между конусом и внешним валиком отсутствуют. Внешний валик полый, диаметром 5,3 см, шириной 10—11 мм, высотой около 6 мм. Лицевая сторона валика оформлена шестью гранями, из которых две являются боковыми чуть наклонными к центру стенками высотой около 2 мм. Остальные грани несколько вогнуты. В сечении валик арочный. Изнутри валика поверхность гладкая, грани отсутствуют. Венчик чаши сверху уплощён. Его ширина около 2 мм. Ширина стенки в нижней части продолговатого отверстия около 1 мм. С внешней стороны дно имеет вид солярного знака, где «точкой» является ямка конуса, а окружностью — кольцевой желобок валика (рис. 10: 4). Центральная часть дна в границах кольцевого желобка немного выступает наружу (примерно на 1,5 мм) (рис. 10: 1). Соответственно, на ровной поверхности чаша стояла на выступающем кольце диаметром 3,5 см, как на поддоне.

Ниже малого круглого отверстия на внутренней стенке чаши процарапано острым предметом изображение рыбки, обращённой головой против движения солнца (рис. 10: 1). Граффити исполнено в реалистической манере. Рыбка показана в профиль, туловище и раздвоенный хвост выполнен одной линией, выходящей за пределы головы. Двумя скобками подчеркнута голова с жабрами. Спинной плавник намечен тремя параллельными наклонными короткими линиями, прорисован боковой плавник. Длина изображения рыбки около 3,4 см.

Чаша из Ялбаньи обнаружена вне какого-либо видимого археологического комплекса. Поэтому связывать её с раннесредневековым городищем Ус-нёл, где подобных вещей ещё не находили, можно лишь формально. Теоретически в данное место чашу могли принести как задолго до появления городища, так и значительно позже. Можно лишь предполагать, что положение чаши вверх дном указывает на её использование при совершении каких-то обрядов[9]. По размерам и общей форме чаша близка некоторым полусферическим высокооловянистым чашам раннего средневековья, найденным в бассейне Оби (более десяти чаш целых и во фрагментах) (см. Руденко 2017: 158; Бауло 2011: 38) и в Прикамье (Лещинская, Пастушенко 2018). На дне некоторых из этих чаш имелись концентрические окружности, прорезанные в ходе изготовления (Черных 2004: рис. 2: 1; Лещинская, Пастушенко 2018: рис. 4: 1, 2). Также известны чаши с позднее пробитым у венчика одним отверстием для подвешивания (Могильников 1964: 227; Черных 2004: 90). Толщина стенок сосудов, как правило, не превышает 1,5 мм. Однако конических выступов с валиками на дне этих чаш нет[10]. Если исходить из этих аналогий, то чашу из Ялбыньи следовало бы датировать не ранее V—VI вв. н.э., что соответствует и принятой датировке городища, на котором она была найдена. Между тем, проведённое исследование не позволяет принять такое предположение. Чаша из Ялбыньи однозначно относится к группе специфических

[9] Традиция помещать перевёрнутые сосуды (включая чаши) в погребения, приклады и другие места была широко распространена в Евразии с эпохи бронзы до средневековья включительно.

[10] Следует отметить, что подобные конические выступы встречаются на дне используемых до наших дней музыкальных тибетских и целительных мусульманских чаш, типа имеющихся в музее Бахчисарая (Абдураманова 2016).

изделий второй половины I тыс. до н.э. с коническими выступами по центру, окружёнными кольцевыми валиками и окружностями.

Обсуждение результатов

Обнаружение указанной бронзовой чаши в Нижнем Приобье инициировало поиск подобных сосудов I тыс. до н.э. с особой конструктивной особенностью — наличием по центру дна конического выступа в окружении кольцевых валиков. В Северной Евразии аналогий этой чаше не нашлось, но они обнаружились на обширной территории от Северного Пакистана (Таксила) до Таиланда. По данным Ш. Шринивасан, кованые сосуды из высокооловянистой бронзы в Индии, включая чаши с конусами, начали производить независимо от западных областей уже в первой половине I тыс. до н.э., и эта своеобразная древняя традиция сохранилась там до настоящего времени (Srinivasan 2010: 267; 2016; и др.). Однако имеются и другие точки зрения о происхождении сосудов с конусами и концентрическими окружностями. Некоторые исследователи справедливо указывают на более раннее существование сосудов с выступами по центру дна в культурах к западу от Индии. В Египте и Передней Азии чаши с полыми выступами по центру дна (типа фиал) существовали уже во II — начале I тыс. до н.э. Примерно к VIII в. до н.э. эти сосуды появляются в Греции и Ассирии. От последних берут начало персидские фиалы (Luschey 1939: 31—35, 37), в том числе и обнаруженные на Южном Урале (Трейстер 2012в: 90—97). У сосудов типа фиал в Передней Азии и Греции часто представлены прочерченные или прорисованные окружности и небольшие валики, но выступы (омфалы) практически всегда имеют вид уплощённого сверху шара. Конические выступы встречаются очень редко (Luschey 1939: рис. 8). На влияние сосудов типа фиал из Греции и Передней Азии (см. Bellina, Glover 2004: 77), могут указывать и сравнительно поздние датировки сосудов с конусами в Индии, Багладеш и Таиланде. Однако ситуация с подобными сосудами в I тыс. до н.э. для указанной территории не вполне ясна, в том числе и по обмену между Индией и Таиландом (Glover, Bennett 2012: 113). Не останавливаясь на вопросе о происхождении сосудов с конусами в Южной и Юго-Восточной Азии, отметим главное — *в древней Индии и Таиланде середины — второй половины I тыс. до н.э. рельефные конусы, валики и прорезные (циркульные) окружности на сосудах из бронзы, керамики и камня (гранитная чаша из Таксилы) принципиально отличаются от фиал Передней Азии и Греции.*

На памятниках IV—II вв. до н.э.[11] в Пакистане, Индии, Бангладеш и Таиланде встречено значительное количество бронзовых сосудов (как правило, чаш), на дне которых имеются выступы в виде конусов (knob). Судя по опубликованным данным, все эти сосуды изготавливались путём ковки заготовок, отлитых из высокооловянистой бронзы (20—28% олова). Во многих случаях конусы окружены прорезанными циркульными кольцами или (и) рельефными валиками (рис. 11: 4, 6). У опубликованных сосудов конус по центру дна цельнометаллический, сформированный вместе с дном сосуда (рис. 11: 5, 6) (Glover 1990: fig. 30; Glover, Bennett 2013: fig. 5), а иногда приклёпанный (рис. 11: 4) (Glover 1990: 32; Glover, Bellina 2011: fig. 2.18). Имевшее место приклёпывание конусов демонстрирует намеренность этой операции, а не естественное формирование технологического выступа в ходе изготовления сосуда, как это можно было бы предположить по одному из замечаний Ш. Шринивасан (Srinivasan 2010: 262, 267). Судя по немногочисленным опубликованным разрезам сосудов с конусами, дно их с внешней стороны было уплощённым. Видимые на дне с внутренней стороны рельефные конусы и валики были цельными, и с наружной стороны в

[11] Некоторые исследователи датируют ранние высокооловянистые сосуды с конусами из Нилгири, Адичаналлур, Таксилы и др. в рамках первой половины I тыс. до н.э. (Srinivasan 2010: 266; Pryce, Bellina 2017: 1). Однако вопрос этот остаётся дискуссионным.

рельефе не проявлялись[12]. Графических разрезов и качественных фотографий конусов с «кольцами» опубликовано немного. На фото и в разрезе чаши из Khao Sam Kaeo (Таиланд) на дне вокруг конуса виден невысокий цельный валик. При этом, дно этой чаши снизу плоское (рис. 11: 6) (Glover, Bellina 2011: fig. 2.23). Высокие гладкие валики видны на фото сосуда из могильника Агиабир (Agiabir, Индия) (Singh, Chattopadhyay 2003: fig. 5) и двух сосудов на могильнике Вари-Батесвар (Wari-Bateswar, Бангладеш) (Jahan 2006: fig. 2.8). Один из валиков окружён с внешней стороны кольцевидным желобком. Подобные валики могли быть полыми, но подтверждений тому пока нет. В отличие от чаши из Ялбыньи и культовых дисков из Казымского клада у чаш из Индии и Таиланда конусы и, по-видимому, валики, цельные, преобладают циркульные окружности. Вместе с тем, эти особенности роднят их с зеркалами-погремушками, имеющими цельные конусы (в мечетсайском зеркале конус также приклёпан) и циркульные окружности.

Помимо бронзовых сосудов с конусами, на территории Индии известно значительное количество памятников с керамическими сосудами, имевшими по центру дна конические выступы, окруженные прочерченными окружностями и валиками. Эта керамика датируется последними веками до н.э. (Glover 1990: 32, fig. 31). Известно и несколько каменных чаш с конусами и валиками. Наибольший интерес представляет хранящаяся в Британском музее массивная чаша из чёрного гранита диаметром 31,7 см, высотой 6 см (рис. 11: 7). По имеющимся сведениям, она была найдена в 1861 г. среди руин буддийского (?) храма в Таксиле — древней столице царства Гандхара на севере Пакистана, располагавшейся примерно в 560 км к юго-востоку от места образования реки Аму-Дарьи (Glover 1990: 38, 39, fig. 32; Glover, Bennett 2013: fig. 10; др.).

Наиболее представительная серия бронзовых сосудов с конусами, по-видимому, происходит из могильника Ban Don Ta Phet в Таиланде, где их найдено более 20 экземпляров (Glover 1990: 32; Glover, Bennett 2013). Не случайно один из исследователей этого могильника первым обратил внимание на конструкции в виде конуса, вписанного в прорезанные циркульные окружности или валики (Glover 1990: 32). Я. Гловер писал: «Если мы ищем объяснение значения выступа основания и концентрических кругов, то я думаю, что это следует рассматривать как общепринятую *мандалу*, схематический космологический символ, представляющий, возможно, гору Меру и окружающие океаны. Эти сосуды, будь то из бронзы, камня или керамики, не служили повседневными сосудами для приготовления пищи, сервировки или демонстрации еды, а служили какой-то особой цели только для ритуального и погребального использования. Они являются свидетелями принятия в Таиланде некоторыми группами индийских моральных, философских и политических концепций.» (Glover 1990: 35). Данная точка зрения была поддержана и другими исследователями (Jahan 2006: 83; Srinivasan 2010: 267). При этом Я. Гловер, как и другие авторы, сопоставил эту конструкцию с оформлением массивной гранитной чаши из Таксилы (Glover 1990: fig. 32; Glover, Bennett 2013, fig. 10; др.). Считается, что вместе гранитной чашей были найдены хрустальная кружка в виде гуся и золотая пластинка с религиозным текстом (Glover 1990: 38—39). Не имевшая практического значения в быту гранитная чаша является веским аргументом в поддержку взглядов об использовании изделий с конусом и кольцевыми валиками для проведения религиозных обрядов. Также существует мнение, что и «керамические чаши с коническими выступами могли использоваться буддийскими монахами как особый тип чаш с первого (?) века до нашей эры до начала христианской эры» (Glover 1990: 39). Сосуды из высокооловянистой бронзы (20—28% олова) ещё более подходили для культовых действий. Они долгое время сохраняли «желтоватый цвет, напоминающий золото, что является одной из причин, по которой этот сложный сплав использовался для особых, возможно, ритуальных и декоративных целей.» (Glover, Bennett 2013: 101).

[12] Видимые на некоторых фото валики (широкие рельефные кольца) в описаниях терминологически не отделяются от прорезанных циркульных колец. Обычно все они вместе называются кольцами или кругами — «circular rings», «concentric circles», «ringed bowls».

Замечательной особенностью некоторых из высокооловянистых кованых сосудов из Таиланда является наличие на внешних стенках многофигурных сцен и орнаментальных поясов. К 2017 г. на четырёх памятниках (Ban Don Ta Phet, Khao Chamuk, Kao Sam Keo, Khao Sek) там обнаружено около 15 чаш с изображениями жилищ, людей, животных, а также лотосов и солярных знаков (кружков с точками посередине) и других орнаментов (Glover 1990; Pryce, Bellina 2017; др.). Именно эти изображения по ряду особенностей наиболее близки имеющимся на зеркалах-погремушках. На этих чашах, как и на зеркалах некоторые фигуры как бы обрезаны орнаментальным поясом и присутствуют животные типа ланей, и слон с характерными выступами на голове (рис. 11: 1, 3). Сходство прослеживается в наличии и взаиморасположении лотосов и солярных знаков (рис. 11: 2, 3). Чаши представлены во фрагментах, но одна из них в Као Сам Кео сохранилась почти полностью. Внутри по центру дна чаши имеется цельный конический выступ. С внешней стороны дно уплощено и украшено розеткой. По расположению изображений, наличию кошачьих грифонов и лошадей она принципиально отличается от других, что позволило предположить её создание под влиянием греко-бактрийского искусства (Glover, Jahan 2014: 93). Указанные авторы считают её импортом из Северо-Западной Индии (Glover, Jahan 2014: 96). Вместе с тем, орнамент по венчику в виде заштрихованных треугольников и солярных значков, характерный почти для всех других орнаментированных чаш из Таиланда, указывает на их взаимосвязь. Там же авторы приводят прорисовку и фото сосуда для воды из округа Кулу (Куллу) (Химачал-Прадеш, северная Индия), который был найден в 1857 г. в разрушенном буддийском монастыре, и обычно относится к периоду Сунга (180—68 гг. до н.э.) (Glover, Jahan 2014: 93, fig. 11a—b).

Зеркала-погремушки, как разновидность портативных культовых изделий

На основе анализа зеркал-погремушек, а также обнаруженных в последние годы в Нижнем Приобье культовых дисков в устье реки Казым и культовой чаши в устье реки Ялбыньи, выделяется три категории изделий: зеркала-погремушки, культовые чаши и диски с конусом. Они могут быть отнесены к *одной группе портативных предметов культового назначения*. Все культовые диски из Казымского клада, тыльный диск от зеркала-погремушки из Среднего Урала и чаша из Ялбыньи уже были переиспользованы местным населением. На это однозначно указывают граффити на изделиях и проделанные в них отверстия для подвешивания или крепления. Тем не менее, они воспринимались не только как блестящие бронзовые изделия, подходящие для нанесения на них изображений духов и прочих существ, которым поклонялись в Нижнем Приобье. Местные жители явно восприняли дизайн мандалы с конусом и концентрическими валиками, воспроизводившийся в течение 6—8 столетий (рис. 9: 4—6). Однако было бы преждевременно включать жителей таёжной зоны в перечень адресатов, для которых на юге изготавливали культовые зеркала, диски и чаши с конусами. По всей видимости, в своём изначальном значении они адекватно воспринимались и имели хождение на территории от степей Южного Урала и Алтая до Таиланда на юге.

Основной частью каждого из этих предметов является вариант мандалы в виде конического выступа, рельефных гранчатых валиков и циркульных концентрических окружностей. Чаша, зеркала и, видимо, часть ранних культовых дисков, изготавливались из высокооловянистой, музыкальной бронзы, получавшей в ходе обработки золотистый цвет до блеска позолоты[13]. Способы использования их различались. В чашу могли наливать жидкости для использования в быту, а также для возлияний в ходе различных обрядов. Зеркала-погремушки могли использоваться традиционно как предмет туалета, как отражающая солнечный свет поверхность, и как музыкальный инструмент. Предположительно они могли служить и блюдом, если в границах

[13] Замечательно сохранившееся зеркало из Рогозихи-1 выглядит позолоченным (рис. 4). Изначально позолоченным считалось и зеркало из Локтя -4а, на корродированной поверхности которого были видны небольшие участки с частичками «позолоты» (Уманский, Шульга 1999: 50, 53).

рельефных валиков наливалась жидкость[14]. Наиболее специализированными предметами представляются культовые диски, не предназначавшиеся к использованию в быту. Показательно, что у ранних больших и малых дисков полностью отсутствовали какие-либо выступы, втулки, петли или отверстия для удержания в руках, крепления к чему-либо или подвешивания. Они представляли собой собственно *мандалу*, устанавливаемую на плоскую поверхность[15]. Теоретически в ограниченное валиками пространство дисков также могла заливаться жидкость. Интересно, что у двух больших дисков (№ 2 и № 5) из Казымского клада кромки по периметру были чуть загнуты вверх (на 2 мм) (Шульга, Оборин 2017: ил. 3, 8). Факт существования чаши из Ялбыньи с дном в виде культового диска позволяют предположить существование подобных дисков с более высокими бортиками для удержания заливаемой жидкости.

О назначении зеркал-погремушек и семантике изображений на зеркале из Рогозихи-1

Предположение о появлении в северных степях зеркал-погремушек в результате проповеднической деятельности с территории Индии (Шульга 1999), долгое время не имело дополнительных обоснований. Обращение к чашам с конусами с территории Индии и Юго-Восточной Азии принесло дополнительные аргументы. Прежде всего, стало очевидно, что конструкция зеркал из северных степей с конусами валиками и циркульными окружностями, не локальное явление, а вариант *мандалы*, распространённой во второй половине I тыс. до н.э. от Северного Пакистана до Таиланда.

Важно подчеркнуть, что на некоторых бронзовых сосудах (в основном это чаши с конусами из высокооловянистой бронзы) имеются своеобразные изображения, наиболее близкие нанесённым на зеркала-погремушки, со слоном, ланями, лотосами и солярными знаками (рис. 11: 1—3). На сохранившихся фрагментах чаш из Таиланда сцены с людьми статичные (рис. 11: 3). Однако на бронзовом кувшине из Северной Индии (долина Куллу, штат Химачал-Прадеш) представлена яркая процессия со слонами и запряжёнными в колесницы лошадьми (рис. 12) (Glover, Jahan 2014: 93, fig. 11)[16]. В составе процессии изображены три женщины с пышными причёсками, возможно, идущие в её начале. Две из них с обнажённой грудью играют на музыкальных инструментах. Женщина, расположенная на прорисовке справа, играет на струнном инструменте типа арфы «вина», подобном изображённому на зеркале из Рогозихи-1 (рис. 3, 4) и сохранившемся во Втором Пазырыкском кургане (Руденко 1953: табл. LXXXVI: 1). Женщина слева играет на длинной флейте «бансури» — инструменте, используемом в Индии до настоящего времени. Подвески серёжек музыкантш даны в виде солярных знаков, подобных изображённым на зеркалах из Яковлевки-2 и Среднего Урала (рис. 2: 3, 5: 1). Поле вокруг участников процессии заполнено солярными знаками, розетками и цветами с солярными знаками по центру, трёхлепестковыми лотосами и различными ветвями. Рядом с каждым цветком или ветвью присутствует один или несколько солярных знаков, как и на зеркалах-погремушках. Близость изображений на указанных сосудах и на зеркалах-погремушках не вызывает сомнений. Соответственно, имеются существенные основания для взвешенной трактовки содержания сцен на зеркалах-погремушках.

[14] К этой группе можно отнести и распространённые в степях упрощённые копии зеркал-погремушек — цельные зеркала IV в. до н.э., с ручками, конусом и низкими валиками (Могильников, Уманский 1995; Уманский, Шульга 1999: 62, рис. 11). Однако они не могли издавать шумящие звуки, да и кольцевые валики у них очень низкие для удержания жидкостей.

[15] Отверстия по краям дисков для их крепления к какой-то основе или подвешивания были проделаны позже таёжным населением, наносившим граффити.

[16] Сосуд не может быть отнесён к группе чаш с конусом, но чрезвычайно интересен как демонстрация существовавших в то время (около II—I вв. до н.э.) композиций и стиля.

Описанные выше изображения на кувшине по смыслу и набору участников очень близки сцене на зеркале из Рогозихи-1 (рис. 3). Сцена включает изображение чудесного «благого» слона с двумя характерными выступами на голове, а также группу из шести «женщин». Последние даны с браслетами на руках и ногах, и в одеждах, сохранившихся в Индии до настоящих дней. Одна из «женщин» показана играющей на «вине» — разновидности арфы, также хорошо известной в Индии. Трактуются эти изображения по-разному. Я.В. Васильков полагает, что сцена на рогозихинском зеркале является иллюстрацией сказочного сюжета, не относящегося к религиозно-мифологическим представлениям (Васильков 2001: 343; Vassilkov 2010; 2018). Исследователь считает, что на зеркале из Рогозихи-1 изображены царские жёны и замужние горожанки, пытающиеся по приказу царя исцелить его чудесного слона своим прикосновением. На спине слона сидит птица, лишившая его способности летать, двигаться и есть (Васильков 2001: 340). Соответственно и музыкальный инструмент исследователь первоначально был склонен интерпретировать как «лоток-кормушку» для слона (Васильков 2003: 30).

По мнению А.П. Уманского «на зеркале из Рогозихи-1 запечатлена праздничная процессия, в эпицентре которой находятся птица и слон: именно их приветствуют музыкой и танцами апсары, их осыпают цветами небожители. Процессия не стоит на месте, как может показаться на первый взгляд, она передана в движении», «чеканкой изображено торжественное сошествие в подземное царство», «… мастер изобразил праздничное шествие с участием слона в нарядной попоне, в праздничном платье перед ним идет “музыкантша”, а сзади — “танцовщица”» (Уманский 2003: 137). В качестве примера внешне подобных реальных шествий А.П. Уманский привёл описание Афанасием Никитиным парада войск некоего султана: сначала с султаном прошли 300 слонов, “наряженных в доспехах булатных и городки”, “на великих слонах” сидело по 12 воинов и на простых, обыкновенных, — по шесть. За султаном шествовал “благой” слон, он “весь в камке, с железной цепью во рте... а перед ним певцы да плясцов много”» (Уманский 2003: 135). Сходство указанного шествия в Индии XV в. со сценой на кувшине очевидно. На рогозихинском зеркале персонажей значительно меньше, но основные присутствуют: слон, музыкантша с арфой и танцовщица. При этом большинство «женщин» изображены там с поднятой рукой, как и на других зеркалах. У женщины в нижней части диска в поднятой руке находится цветок. Подобным образом держат цветки женщины на зеркалах из Яковлевки-2 и Среднего Урала (рис. 2: 3, 5: 1). Интересно, что обе они находятся в верхней части зеркал, где ранее предполагалось расположение главного действующего лица или божества, к которому обращены поднятые руки других участников. Та же ситуация и с расположением птицы. На рогозихинском зеркале она расположена вверху над слоном, а на зеркале из Среднего Урала — внизу над крупом правой лани (или между ланями). Отсюда создаётся впечатление, что в верхней части диска большинства зеркал-погремушек помещены не особые наиболее значимые существа, а «рядовые» персонажи: на всех трёх зеркалах с Урала — «стандартное» погрудное изображение «женщины» анфас или в профиль; на Алтае — лань и «благой» слон. По-видимому, «женщины» в позе адорации обращены не к ним, а к находящемуся в центре конусу, предположительно символизирующему гору Меру. Не углубляясь в рассмотрение сцен на зеркалах-погремушках, следует сказать, что по имеющимся данным, в них одновременно присутствуют светская и религиозная составляющие. В этом отношении показательны пышные шествия, представленные на кувшине из Химачал-Прадеш (рис. 12) и на зеркале из Рогозихи-1 (рис. 3).

Заключение

Очевидно, что зеркала-погремушки были изготовлены в среде, где существовала определённая изобразительная традиция, производство кованых изделий из высокооловянистой «позолоченной» музыкальной бронзы (включая чаши и зеркала), а также сакральная конструкция (буддийская *мандала*) в виде конического выступа, расположенного по центру прорезных окружностей или кольцевых рельефных валиков. Всё это должно было соединиться и сконцентрироваться в области, имевшей традиционные связи с кочевым миром, куда и поставлялись зеркала-погремушки и их упрощенные варианты. Таковая область могла располагаться на севере Пакистана, где находилась Таксила и прилегающие районы Северной Индии. Не случайно, именно в Таксиле найдены гранитная чаша с конусом и валиками, а восточнее в штате Химачал-Прадеш — бронзовый сосуд с изображениями, подобными нанесённым на зеркало-погремушку из Рогозихи-1. Оба изделия происходят из буддийских храма и монастыря. Важно отметить, что район Таксилы почти до конца IV в. до н.э. входил в состав Персидской империи. После этого многие столетия он оставался центром производства сарматских (в том числе «бактрийских) зеркал из высокооловянистой бронзы. На оборотной стороне этих зеркал зачастую воспроизводилась прежняя схема мандалы с конусом в центре, прорезными окружностями и валиком по периметру (Литвинский 1978: 81—85; Равич 2006; др.).

В своё время на основе анализа зеркал-погремушек и содержавших их четырёх парных погребений с Алтая и Южного Урала было сделано предположение, что захороненные с этими зеркалами женщины были представителями какого-то религиозного течения с территории Индии или Бактрии (Шульга 1999: 84). При этом одним из оснований для включения Бактрии в район изготовления зеркал-погремушек и организации проповеднической деятельности стали находки из мерзлотного Второго Пазырыкского кургана. Обувь, одежда и сумочки погребённой там черноволосой женщины с «холёными руками» были украшены разнообразными вариациями изображений лотоса и петуха. В конском подхоронении находилась уздечка с уникальными для Алтая роговыми бляхами с вырезанными цветами лотоса. Всё это как бы указывает на вероятность формирования костюма, под влиянием индийской культуры. Однако в композиции с лотосами и петухами органично встроено значительное количество стилизованных изображений головок грифона (Руденко, 1948: 55—56; 1953: 92—122). Образ грифона не был распространён в Индии, а потому допускалось, что костюм женщины мог отражать образцы бытовавшие где-то в Бактрии, в обществе, воспринявшим его с запада от греков или (и) с севера от кочевников.

Каких-либо письменных источников о миссионерской деятельности буддистов в северные степи не известно, но она документирована на других территориях. Так, в Юго-Восточной Азии с середины I тыс. до н.э. появилось множество религиозных памятников и изображений, привезенных из Индии или созданных по индийским прототипам. Несколько миссионеров были отправлены императором Ашокой для обращения жителей Суварнабхуми (предположительно, Юго-Восточная Азия) вскоре после Третьего буддийского собора в середине III века до нашей эры (Glover 1990: 9—10). В I тыс. н.э. эта деятельность сопровождалась распространением портативных культовых предметов. К ним относились небольшие по размерам фигурки Будды и модели храма из камня или керамики. Каменные модели храма Махаводхи в Бодх-Гая (место просветления Будды) имели высоту около 20 см. Они широко распространились по восточной Индии, включая Непал, Тибет, Аракан и Бирму, и часто служили прототипами для строительства святынь (Himanshu 2010: 293). Вполне вероятно, что подобными портативными культовыми предметами были чаши с конусами и небольшие каменные диски непонятного назначения из Индии второй половины I тыс. до н.э., похожие на зеркала-погремушки (Васильков 2003: рис. 5—8; Vassilkov 2010: 9). После обнаружения Казымского клада более подходящими аналогиями каменным дискам выглядят бронзовые культовые диски, часть которых, по всем данным, изготавливалась в Бактрии и ближайших районах, в том числе

«в районе Кандагара» (Васильков 2020: 21). Где-то на этой территории была изготовлена и чаша из Ялбыньи. В основе своей она воспроизводит «индийские» чаши. Однако дно её внутри и снаружи оформлено иначе — в виде одной из разновидностей культовых дисков с полыми конусом и гранчатым валиком (сравнить рис. 7: 3, 8, 10). Изготовившие чашу мастера намеренно оформляли дно в виде культовых дисков типа найденных в Казымском кладе. Как и диски из Казымского клада, она могла быть изготовлена уже вне «индийского» культурного окружения, где-то на территории Бактрии в III—II(I) вв. до н.э. как исключительно культовое изделие.

Литература

Абдураманова С.Н. 2016. Новые сведения о «чашах для гадания» из фондов Бахчисарайского музея-заповедника. *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры* 2.3. *История*, 121—125.

Бауло А.В. 2011. *Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Бауло А.В. 2016. «Старик священного города»: иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (44), 118—128.

Бауло А.В., Белогай О.И. 2020. *Казымский клад*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Васильков Я.В. 2001. Индийская сказка на скифском Алтае: Семантическая интерпретация рисунка на зеркале из могильника Рогозиха-1 (V в. до н.э.). В: Казанский Н.И. (отв. ред.). *Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского*. Санкт-Петербург: Наука, 335—345.

Васильков Я.В. 2003. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья. В: Пиотровский Ю.Ю. (отв. ред.). *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова*. Кн. II. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 28—33.

Васильков Я.В. 2020. Вспоминая аймырлыгские разговоры с А.М. Мандельштамом. В: Никоноров В.П.,. Кирчо Л.Б, Стоянов Е.О. (отв. ред.). *Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Санкт-Петербург:* ИИМК РАН, 19—21.

Зуев В.Ю. 1996. Научный миф о «савроматских жрицах». В: Алексеев А.Ю. (отв. ред.). Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 54—68.

Кузнецова Т.М. 1989. Пазырык и Мечетсай. Скифо-сибирский мир. В: Добжанский В.Н. (отв. ред.). *Проблемы археологии скифо-сибирского мира.* Ч. 1. Кемерово: КемГУ, 72—73.

Кузнецова Т.М. 1993. Восточные музыкальные зеркала. *Петербургский археологический вестник* 7, 82—87.

Кузнецова Т.М. 1995. Три восточных зеркала. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.* № V. Ч. 2, 124—128.

Лещинская Н.А., Пастушенко И.Ю. 2018. Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Камско-Вятского междуречья. *РА* 4, 66—80.

Марсадолов Л.С. 1996. История и итоги изучения археологических памятников VIII—IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Марсадолов Л.С. 2000. Археологические памятники IX — III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. … док. культурологии. Санкт-Петербург.

Могильников В.А. 1964. Васюганский клад. *СА* 2, 227—230.

Могильников В.А. 1997. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. Москва: Пущинский научный центр РАН.

Могильников В.А., Уманский А.П. 1995. Два зеркала из Новотроицких курганов. В: Могильников В.А. (отв. ред.). *Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи*. Москва: ИА РАН, 19—31.

Равич И.Г. 2004. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиками по краю диска. В: Маслов К.И. (отв. ред.). *Исследование и консервация памятников культуры.* Москва: ГосНИИР, 67—76.

Равич И.Г. 2006. Некоторые типы высокооловяных горячекованых зеркал сарматского времени и их технологические особенности. *КСИА* 220, 42—51.

Равич И.Г. 2012а. Состав и технология изготовления редких форм зеркал из погребений ранних кочевников Южного Приуралья. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.) В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе.* Т. 1. Москва: Таус, 247—252.

Равич И.Г. 2012б. Приложение. О технологии изготовления зеркала из кургана Яковлевка-II. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.) В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе.* Т. 1. Москва: Таус, 252.

Равич И.Г., Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. 2012. Индийское (?) бронзовое зеркало из кочевнического погребения IV в. до н.э. в Южном Приуралье. *ВДИ* 4 (283), 63—93.

Руденко С.И. 1948. Второй Пазырыкский курган (Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г.). Предварительное сообщение. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко К.А. 2017. О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X—XI вв. (по материалам торевтики). *ПА* 2 (20), 157—172.

Смирнов К.Ф. 1968. Бронзовое зеркало из Мечетсая. В: Виноградов А.В. (ред.). *История, археология и этнография Средней Азии*. Москва: Наука, 116—121.

Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. Москва: Наука.

Сиротин С.В. 2010. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка II из Зауральской Башкирии. XVIII. В: Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Горбунов В.С., Овсянников В.В., Котов В.Г., Савельев Н.С., Шмелева И.А., Щербаков Н.Б. (ред.). *Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология культуры, хронология.* Уфа: Башкирскоий ГПУ, 240—243.

Сиротин С.В. 2012. Комплекс с предметами ахеменидского круга одиночного кургана Яковлевка-II. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе*. Т. 2. Москва: Таус, 157—162.

Ситников С.М., Шульга П.И. 1995. Работы на Юго-Западном Алтае. В: Кирюшин Ю.Ф. (ред.). *Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая.* Барнаул: АГУ, 59—62.

Трейстер М.Ю. 2012а. Приложение. К вопросу о датировке Пазырыкского кургана № 2. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе.* Т. 1. Москва: Таус, 48—49.

Трейстер М.Ю. 2012б. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южно-азиатские импорты и местные подражания. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе*. Т. 1. Москва: Таус, 120—133.

Трейстер М.Ю. 2012в. Переднеазиатские бронзовые сосуды из Южного Приуралья. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.). В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе*. Т. 1. Москва: Таус, 90—97.

Уманский А.П. 1992. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году. В: Уманский А.П. (отв. ред.). *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла.* Барнаул: БГПУ, 51—59.

Уманский А.П. 1999. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи. В: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. (отв. ред.). *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: АГУ, 206—211.

Уманский А.П. 2003. О семантике изображений на зеркале из Рогозихи-I. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (14), 130—138.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. 2005. *Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби*. Барнаул: АГУ.

Уманский А.П., Шульга П.И. 1999. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края. В: Демин М.А. (отв. ред.). *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. Барнаул: БГПУ, 43—81.

Черных Е.М. 2004. Бронзовая чаша из Аверинского II могильника: К вопросу об использовании привозной посуды населением Прикамья в I тыс. н.э. В: Шутова Н.И. (отв. ред.). *Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 90—100.

Ширин Ю.В. 1997. Театр теней у ранних кочевников Евразии. В: Кирюшин Ю.Ф, Шамшин А.Б. (отв. ред.). *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири*. Барнаул: АГУ, 149—151.

Шульга П.И. 1997. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае. В: Кирюшин Ю.Ф, Шамшин А.Б. (отв. ред.). *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири.* Барнаул: АГУ, 144—148.

Шульга П.И. 1999. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы). *Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии* 4, 82—91.

Шульга П.И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть-4а*. Барнаул: Алтайский университет.

Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. 2016. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 272—285.

Шульга П.И., Оборин Ю.В. 2017. Бронзовые диски из Казымского клада и «восточные» зеркала-погремушки. *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого* 15, 84—123.

Шульга П.И., Оборин Ю.В. 2021. Зеркало-погремушка из Среднего Урала. *Народы и религии Евразии* 1 (26), 7—24.

Bellina B., Glover I.C. 2004. The archaeology of early contacts with India and the Mediterranean World from the fourth century BC to the fourth century AD. In: Glover I.C., Bellwood P. (eds). Southeast Asia, from the Prehistory to History. London: Routledge; Curzon Press, 68—89.

Chattopadhayay P.K., Satyakam S. 2019. Taxila Mirrors Preserved in India and Technology Transfer. *Indian Journal of History of Science.* 54.2, 135—143.

Glover I.C. 1990. Early trade between India and Southeast Asia: A link in the development of a world trading system. Hull: Centre for South-East Asian Studies (Occasional Papers 16).

Glover I.C., Bellina B. 2011. Ban Don Ta Phet and Khao Sam Kaeo: The Earliest Indian Contacts Re-assessed. In: Manguin P.-Y., Mani A., Wade G. (eds). *Early Interactions between South and Southeast Asia. Relections on Cross-Cultural Exchange*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 17—46.

Glover I., Bennett A. 2012. The high-tin bronzes of Thailand. In: Jett P. (ed.). *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy: Proceedings of the Fifth Forbes Symposium at the Freer Gallery of Art*. London: Archetype Publications Ltd., 101—114.

Glover I., Jahan S.H. 2014. An early northwest Indian decorated bronze bowl from Khao Sam Kaeo. In: Revire N., Murphy S.A. (eds.). *Before Siam. Essays in Art and Archaeology*. Bangkok: River Books, 91—97.

Himanshu P. R. 2010. From Centres of Pilgrimage to World Heritage Sites: Religious Travel Between India and Indonesia. In: Bellina B., Bacus E., Pryce T., Wisseman-Christie J. (eds.). *50 Years of Archaeology in Southeast Asia Essays in Honour of Ian Glover*. Bangkok: River Books, 289—299.

Jahan S. H. 2006. *Excavating waves and winds of (ex)change: A study of maritime trade in early Bengal.* Oxford: BAR (BAR International Series 1533).

Luschey H. 1939. *Die Phiale*. Bleicherode am Harz: Carl Nieft.

Marsadolov L.S., Marsak B.I. 2000. Early Indian Mirrors and the Problem of the Pre-Mauryan Figurative Art. South Asian Archaeology 1997. *Proceedings of the Fourteenth International Conference European Association of South Asian Archaeologists, held in the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Palazzo Brancaccio, Rome, 7-14 Jujy 1997*. Vol. III. Rome: Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente, 1053—1063.

Pryce T.O., Bellina B. 2017. High-tin bronze bowls and copper drums: Non-ferrous archaeometallurgical evidence for Khao Sek's involvement and role in regional exchange systems. *Archaeological Research in Asia* 13, 1—9.

Singh A.K., Chattopadhyay P.K. 2003. Carinated and knobbed copper vessels from the Narhan Culture, India. *Iams* 23.2003, 27—31.

Srinivasan S. 2010. Megalithic high-tin bronzes and peninsular India's 'living prehistory'. In: Bellina B., Bacus E., Pryce T., Wisseman-Christie J. (eds.). *50 Years of Archaeology in Southeast Asia Essays in Honour of Ian Glover*. Bangkok: River Books, 261—272.

Srinivasan S. 2016. Metallurgy of Zinc, High-tin Bronze and Gold in Indian Antiquity: Methodological Aspects. *Indian Journal of History of Science* 51.1 (2016), 22—32.

Vassilkov Y.V. 2010. Pre-Mauryan "Rattle-Mirrors" with Artistic Designs from Scythian Burial Mounds of the Altai Region in the Light of Sanskrit Sources. *Electronic Journal of Vedic Studies.* Vol. 17. Iss. 3. URL: http://www.ejvs.laurasianacademy.com/ (дата обращения 2 марта 2024).

Vassilkov Y.V. 2018. Five Indian 'Musical' Mirrors from Scythian and Sarmatian Barrows of Altai Region and South Urals, Russian Federation. *Icon Journal of Archaeology and Culture* 5, 1—7.

References

Abduramanova. S.N. 2016. In *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury (Questions of Crimean Tatar philology, history and culture) 2.3. Istoriya (History)*, 121—125 (in Russian).

Baulo, A.V. 2011. *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov (Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections)*. Novosibirsk: IAET SO RAN (in Russian).

Baulo, A.V. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 2 (44), 118—128 (in Russian).

Baulo, A.V., Belogay, O.I. 2020. *Kazymskiy klad (Kazym treasure)*. Novosibirsk: IAET SO RAN (in Russian).

Vasil'kov, Ya.V. 2001. In: Kazanski, N.I. (ed.). *Materialy konferentsii, posvyashchonnoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.M. Zhirmunskogo (Proceedings of the Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Academician V.M. Zhirmunsky)*. Saint Petersburg: Nauka, 335—345(in Russian).

Vasil'kov, Ya.V. 2003. In: Piotrovskiy, Yu.Yu. (ed.). *Stepi Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Petrovicha Gryaznova (The Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Bk. II. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 28—33 (in Russian).

Vasil'kov, Ya.V. 2020. In: Nikonorov, V.P.,. Kircho, L.B, Stoyanov, Ye.O. (eds.). *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii (stanovlenie, razvitie i vzaimodeystvie urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv) (Ancient and medieval cultures of Central Asia (formation, development and interaction of urbanized and pastoral societies))*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 19—21 (in Russian).

Zuev, V.Yu. 1996. In: Alekseev, A.Yu. (ed.) *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu (Priesthood and shamanism in the Scythian era)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 54—68 (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 1989. In: Dobzhanskiy, V.N. (ed.). *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (Problems of the archeology of the Scythian-Siberian world)*. Pt. 1. Kemerovo: KemGU, 72—73 (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 1993. In *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik (Petersburg archaeological bulletin)* 7, 82—87 (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 1995. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region)*. No. V. Pt. 2, 124—128 (in Russian).

Leshchinskaya, N.A., Pastushenko, I.Yu. 2018. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 66—80 (in Russian).

Marsadolov, L.S. 1996. *Istoriya i itogi izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov VIII—IV vekov do n.e. (ot istokov do nachala 80-kh godov XX veka) (History and results of the study of archaeological sites of the 8th — 4th centuries BCE (from the origins to the early 80s of the 20th century))*. Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).

Marsadolov, L.S. 2000. Archaeological monuments of the 9th — 3rd centuries BCE in the mountainous regions of Altai as a cultural and historical source (the phenomenon of the Pazyryk culture). PhD Thesis. Saint Petersburg.

Mogil'nikov, B.A. 1964. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 2, 227—230 (in Russian).

Mogil'nikov, V.A. 1997. *Naseleniye Verkhnego Priob'ya v seredine — vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e. (The population of the Upper Ob region in the middle — second half of the 1st millennium BCE)*. Moscow: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN (in Russian).

Mogil'nikov, V.A., Umanskiy, A.P. 1995. In: Mogil'nikov, V.A. (ed.). *Pamyatniki Evrazii skifo-sarmatskoy epokhi (Monuments of Eurasia of the Scythian-Sarmatian era. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: IA RAN, 19—31 (in Russian).

Ravich, I.G. 2004. In: Maslov, K.I. (ed.). *Issledovanie i konservatsiya pamyatnikov kul'tury (Research and Conservation of Cultural Monuments)*. Moscow: GosNIIR, 67—76 (in Russian).

Ravich, I.G. 2006. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 220, 42—51 (in Russian).

Ravich, I.G. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe)*. Vol. 1. Moscow: Taus, 247—252 (in Russian).

Ravich, I.G. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Toreutics and Jewelry in Eastern Europe)*. Vol. 1. Moscow: Taus, 252 (in Russian).

Ravich, I.G., Sirotin, S.V., Treister, M.Yu. 2012. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4 (283), 63—93 (in Russian).

Rudenko, S.I. 1948. *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan (Rezul'taty rabot ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1947 g.). Predvaritel'noe soobshchenie (The Second Pazyryk Kurgan (Results of the Expedition of the Institute of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1947). Preliminary Report)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Rudenko, S.I. 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya (The Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rudenko, S.I. 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya (The Culture of the Population of the Central Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rudenko, K.A. 2017. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2 (20), 157—172 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1968. In: Vinogradov, A.V. (ed.). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii (History, Archaeology, and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: Nauka, 116—121 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sirotin, S.V. 2010. In: Obydennova, G.T., Ivanov, V.A., Gorbunov, V.S., Ovsyannikov, V.V., Kotov, V.G., Savel'ev, N.S., Shmeleva, I.A., Shcherbakov, N.B. (eds.). *Ural'skoye arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya kul'tury, khronologiya (Ural archaeological meeting: cultural areas, archaeological cultures, chronology of culture, chronology)*. Ufa: Bashkirskoiy GPU, 240—243 (in Russian).

Sirotin, S.V. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya Torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Torevtics and Jewelery in Eastern Europe)*. Vol. 2. Moscow: Taus, 157—162 (in Russian).

Sitnikov, S.M., Shulga, P.I. 1995. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.). *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya (Problems of protection, study and use of cultural heritage of Altai)*. Barnaul: AGU, 59—62 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya Torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Torevtics and Jewelery in Eastern Europe)*. Vol. 1. Moscow: Taus, 48—49 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya Torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Torevtics and Jewelery in Eastern Europe)*. Vol. 1. Moscow: Taus, 120—133 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012v. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnyaya Torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope (Ancient Torevtics and Jewelery in Eastern Europe)*. Vol. 1. Moscow: Taus, 90—97 (in Russian).

Umanskiy, A.P. 1992. In: Umanskiy, A.P. (ed.) *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla*. Barnaul: BGPU, 51—59 (in Russian).

Umanskiy, A.P. 1999. In: Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. (ed.). *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy (Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories)*. Barnaul: AGU, 206—211 (in Russian).

Umanskiy, A.P. 2003. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2 (14), 130—138 (in Russian).

Umanskiy, A.P., Shamshin, A.B., Shulga, P.I. 2005. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'ye Obi (The tomb of the Scythian period Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River)*. Barnaul: AGU (in Russian).

Umanskiy, A.P., Shulga, P.I. 1999. In: Demin, M.A. (ed.). *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri (Questions of archeology and history of Southern Siberia)*. Barnaul: BGPU, 43—81 (in Russian).

Chernykh, E.M. 2004. In: Shutova, N.I. (ed.). *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya (Cult monuments of the Kamsk-Vyatka region: Materials and research. Izhevsk)*. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 90—100 (in Russian).

Shirin, Yu.V. 1997. In: Kiryushin, Yu.F, Shamshin, A.B. (ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri (Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia)*. Barnaul: AGU, 149—151 (in Russian).

Shulga, P.I. 1997. In: Kiryushin, Yu.F, Shamshin, A.B. (ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri (Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia)*. Barnaul: AGU, 144—148 (in Russian).

Shulga, P.I. 1999. In Drevnosti Altaya. *Izvestiya Laboratorii arkheologii (Antiquities of Altai. News of the Laboratory of Archeology)* 4, 82—91 (in Russian).

Shulga, P.I. 2003. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a (The tomb of the Scythian period Lokot'-4a)*. Barnaul: Altayskiy universitet (in Russian).

Shulga, P.I., Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (eds.). *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 272—285 (in Russian).

Shulga, P.I., Oborin, Yu.V. 2017. In *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansiysk Autonomous District in the Mirror of the Past)* 15, 84—123 (in Russian).

Shulga, P.I., Oborin, Yu.V. 2021. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and Religions of Eurasia)* 1 (26), 7—24 (in Russian).

Bellina, B., Glover, I.C. 2004. The archaeology of early contacts with India and the Mediterranean World from the fourth century BC to the fourth century AD. In: Glover, I.C., Bellwood, P. (eds). Southeast Asia, from the Prehistory to History. London: Routledge; Curzon Press, 68—89.

Chattopadhayay, P.K., Satyakam, S. 2019. Taxila Mirrors Preserved in India and Technology Transfer. *Indian Journal of History of Science.* 54.2, 135—143.

Glover, I.C. 1990. Early trade between India and Southeast Asia: A link in the development of a world trading system. Hull: Centre for South-East Asian Studies (Occasional Papers 16).

Glover, I.C., Bellina, B. 2011. Ban Don Ta Phet and Khao Sam Kaeo: The Earliest Indian Contacts Re-assessed. In: Manguin, P.-Y., Mani, A., Wade, G. (eds). *Early Interactions between South and Southeast Asia. Relections on Cross-Cultural Exchange*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 17—46.

Glover, I., Bennett, A. 2012. The high-tin bronzes of Thailand. In: Jett, P. (ed.). *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy: Proceedings of the Fifth Forbes Symposium at the Freer Gallery of Art*. London: Archetype Publications Ltd., 101—114.

Glover, I., Jahan, S.H. 2014. An early northwest Indian decorated bronze bowl from Khao Sam Kaeo. In: Revire, N., Murphy, S.A. (eds.). *Before Siam. Essays in Art and Archaeology*. Bangkok: River Books, 91—97.

Himanshu, P. R. 2010. From Centres of Pilgrimage to World Heritage Sites: Religious Travel Between India and Indonesia. In: Bellina, B., Bacus, E., Pryce, T., Wisseman-Christie, J. (eds.). *50 Years of Archaeology in Southeast Asia Essays in Honour of Ian Glover*. Bangkok: River Books, 289—299.

Jahan, S. H. 2006. *Excavating waves and winds of (ex)change: A study of maritime trade in early Bengal.* Oxford: BAR (BAR International Series 1533).

Luschey, H. 1939. *Die Phiale*. Bleicherode am Harz: Carl Nieft.

Marsadolov, L.S., Marsak, B.I. 2000. Early Indian Mirrors and the Problem of the Pre-Mauryan Figurative Art. South Asian Archaeology 1997. *Proceedings of the Fourteenth International Conference European Association of South Asian Archaeologists, held in the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Palazzo Brancaccio, Rome, 7-14 Jujy 1997*. Vol. III. Rome: Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente, 1053—1063.

Pryce, T.O., Bellina, B. 2017. High-tin bronze bowls and copper drums: Non-ferrous archaeometallurgical evidence for Khao Sek's involvement and role in regional exchange systems. *Archaeological Research in Asia* 13, 1—9.

Singh, A.K., Chattopadhyay, P.K. 2003. Carinated and knobbed copper vessels from the Narhan Culture, India. *Iams* 23.2003, 27—31.

Srinivasan, S. 2010. Megalithic high-tin bronzes and peninsular India's 'living prehistory'. In: Bellina, B., Bacus, E., Pryce, T., Wisseman-Christie, J. (eds.). *50 Years of Archaeology in Southeast Asia Essays in Honour of Ian Glover*. Bangkok: River Books, 261—272.

Srinivasan, S. 2016. Metallurgy of Zinc, High-tin Bronze and Gold in Indian Antiquity: Methodological Aspects. *Indian Journal of History of Science* 51.1 (2016), 22—32.

Vassilkov, Y.V. 2010. Pre-Mauryan "Rattle-Mirrors" with Artistic Designs from Scythian Burial Mounds of Altai Region in the Light of Sanskrit Sources. *Electronic Journal of Vedic Studies.* Vol. 17. Iss. 3. Available at: http://www.ejvs.laurasianacademy.com/ (accessed 2 марта 2024).

Vassilkov, Y.V. 2018. Five Indian 'Musical' Mirrors from Scythian and Sarmatian Barrows of Altai Region and South Urals, Russian Federation. *Icon Journal of Archaeology and Culture* 5, 1—7.

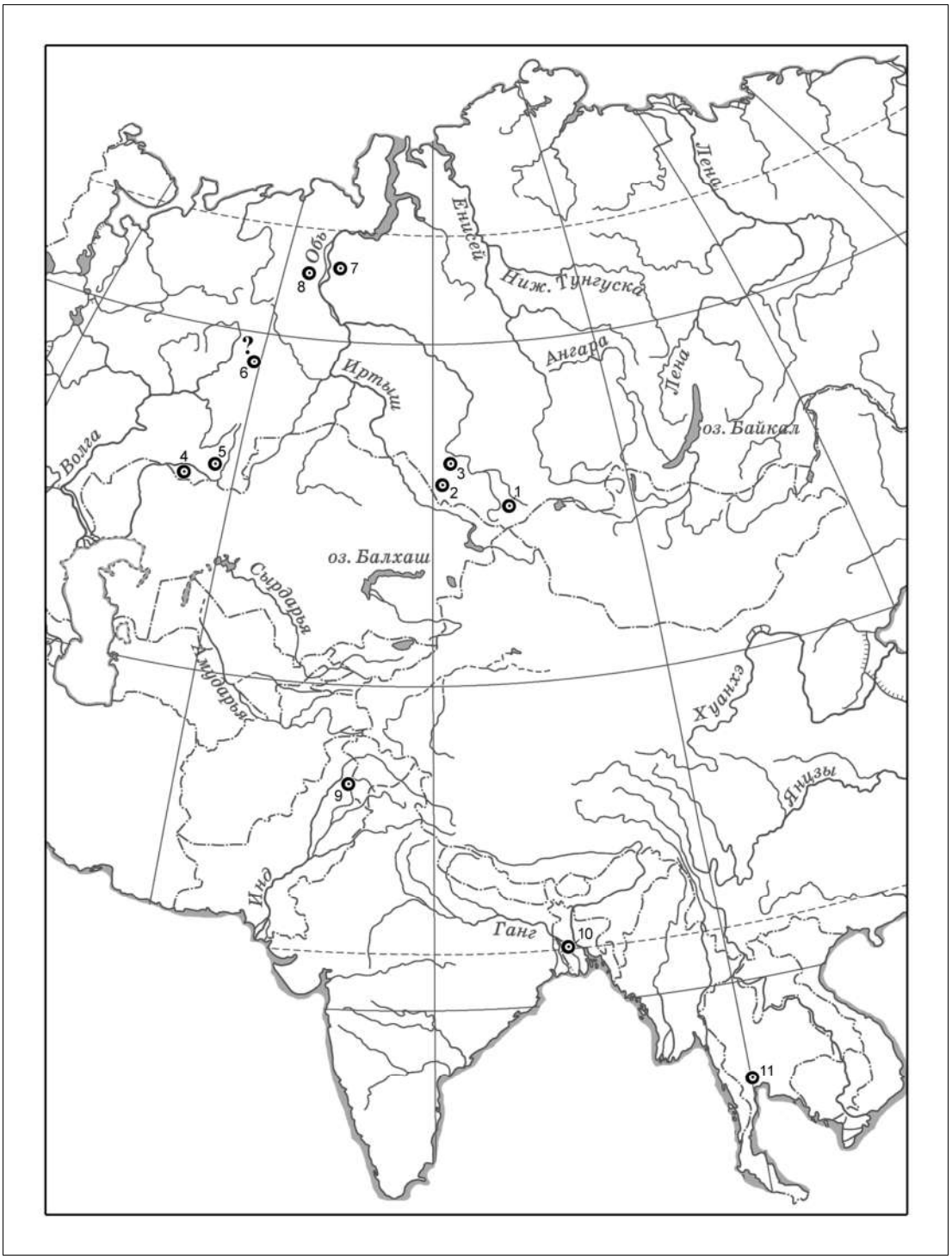


Рис. 1. Карта расположения памятников, упоминаемых в статье: *1—3* — зеркала-погремушки с Алтая (*1* — Второй Пазырыкский курган; *2* — Локоть-4а; *3* — Рогозиха-1); *4—6* — зеркала-погремушки с Урала (*4* — Мечетсай; *5* — Яковлевка-2; *6* — оборотный диск из Среднего Урала); *7* — Казымский клад; *8* — устье р. Ялбынья; *9* — Таксила; *10* — Вари-Батесвар (Wari-Bateswar); *11* — Бан Дон Та Пхет (Ban Don Ta Phet).

Fig. 1. Map of the sites mentioned in the article: *1—3* — rattle-mirrors from the Altai (1 - Second Pazyryk mound; *2* —Lokot-4a; *3* — Rogoziha-1); *4—6* — rattle-mirrors from the Urals (*4* — Mechetsaj; *5* — Yakovlevka -2; *6* — reversed disc from the Middle Urals); *7* — Kazym hoard; *8* — mouth of Yalbynya river; *9* — Taxila; *10* — Wari-Bateswar; *11* — Ban Don Ta Phet.

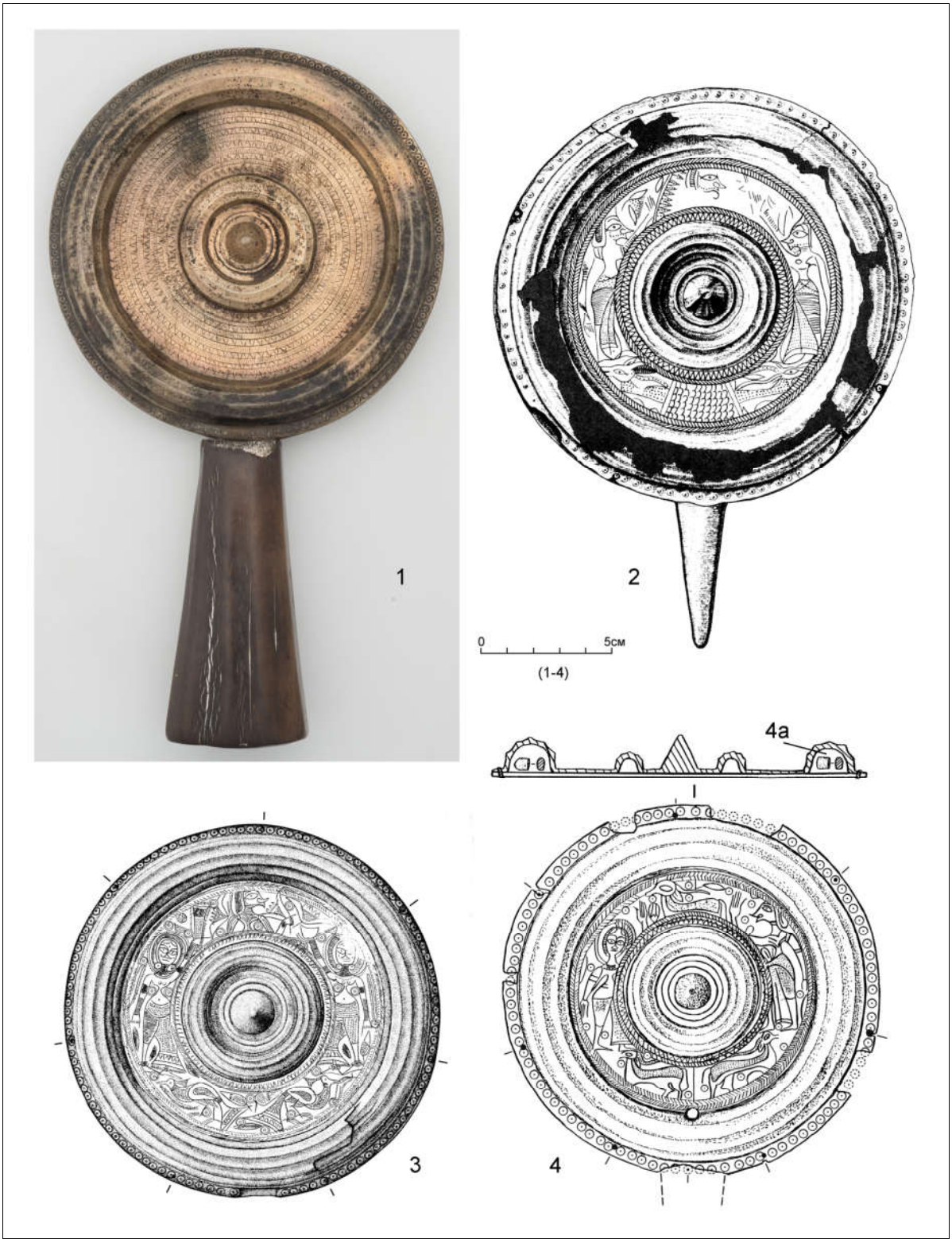


Рис. 2. Зеркала-погремушки с Алтая и Урала: *1* — Второй Пазырыкский курган; *2* — Мечетсай, курган 8; *3* — Яковлевка-2; *4* — Локоть-4а. *1* — по Васильков 2010: рис. 1; *2, 3* — по Равич 2012а: рис. 63, 64; *4* — по Шульга 2003: рис. 9.

Fig. 2. Rattle-mirrors from the Altai and Urals: *1* — The second Pazyryk mound; *2* — Mechetsaj mound 8; *3* — Yakovlevka-2; *4* — Lokot-4a. *1* — after Vasilkov 2010: fig. 1; 2, 3 — after Ravich 2012a: Fig. 63, 64; *4* — after Shulga 2003: Fig. 9.

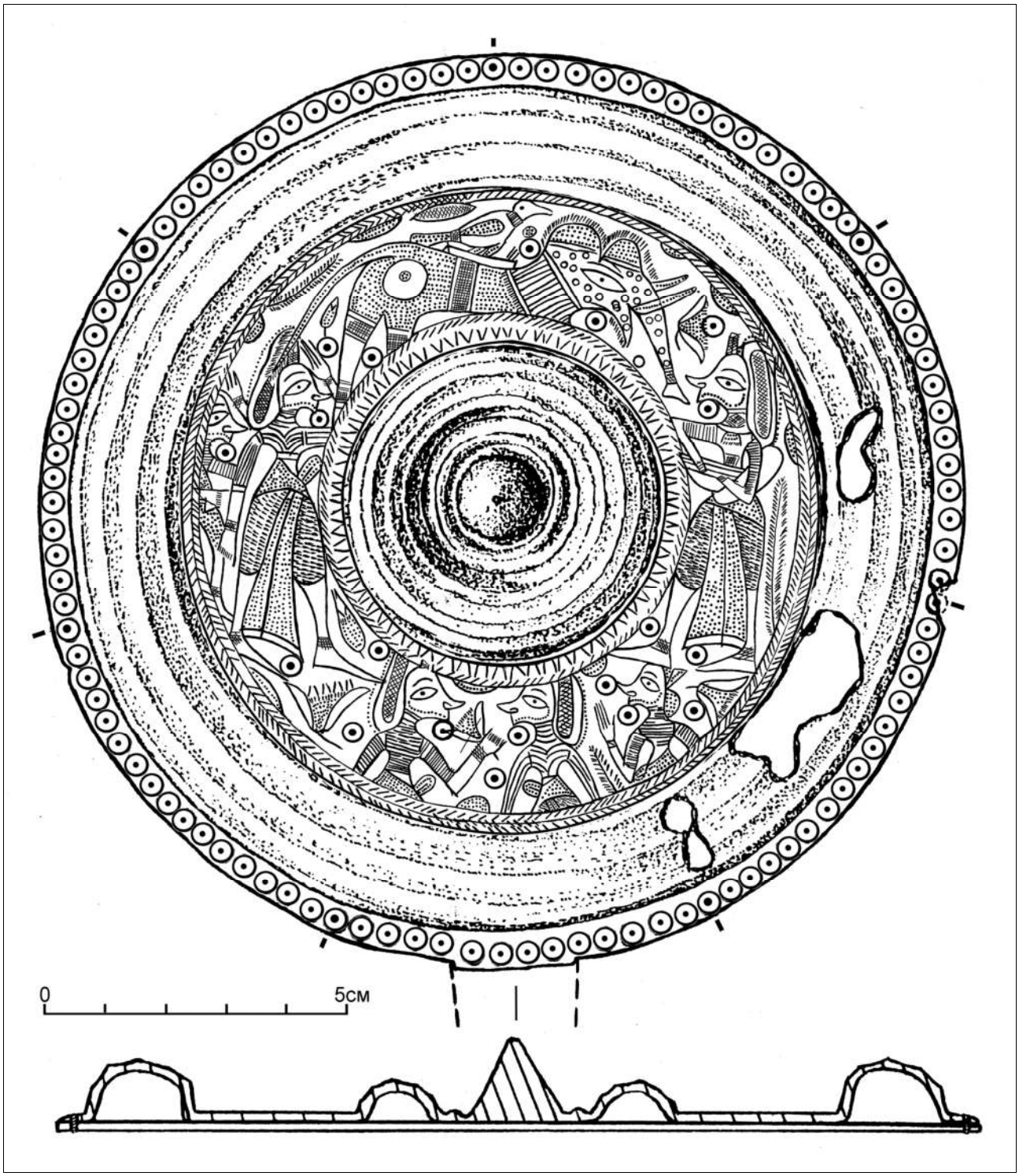


Рис. 3. Зеркало-погремушка из кургана 5 могильника Рогозиха-1 (по Уманский, Шамшин, Шульга 2005: рис. 12).

Fig. 3. Rattle-mirror from mound 5 Rogoziha-1 (after Umanskiy, Shamshin, Shulga 2005: Fig. 12).

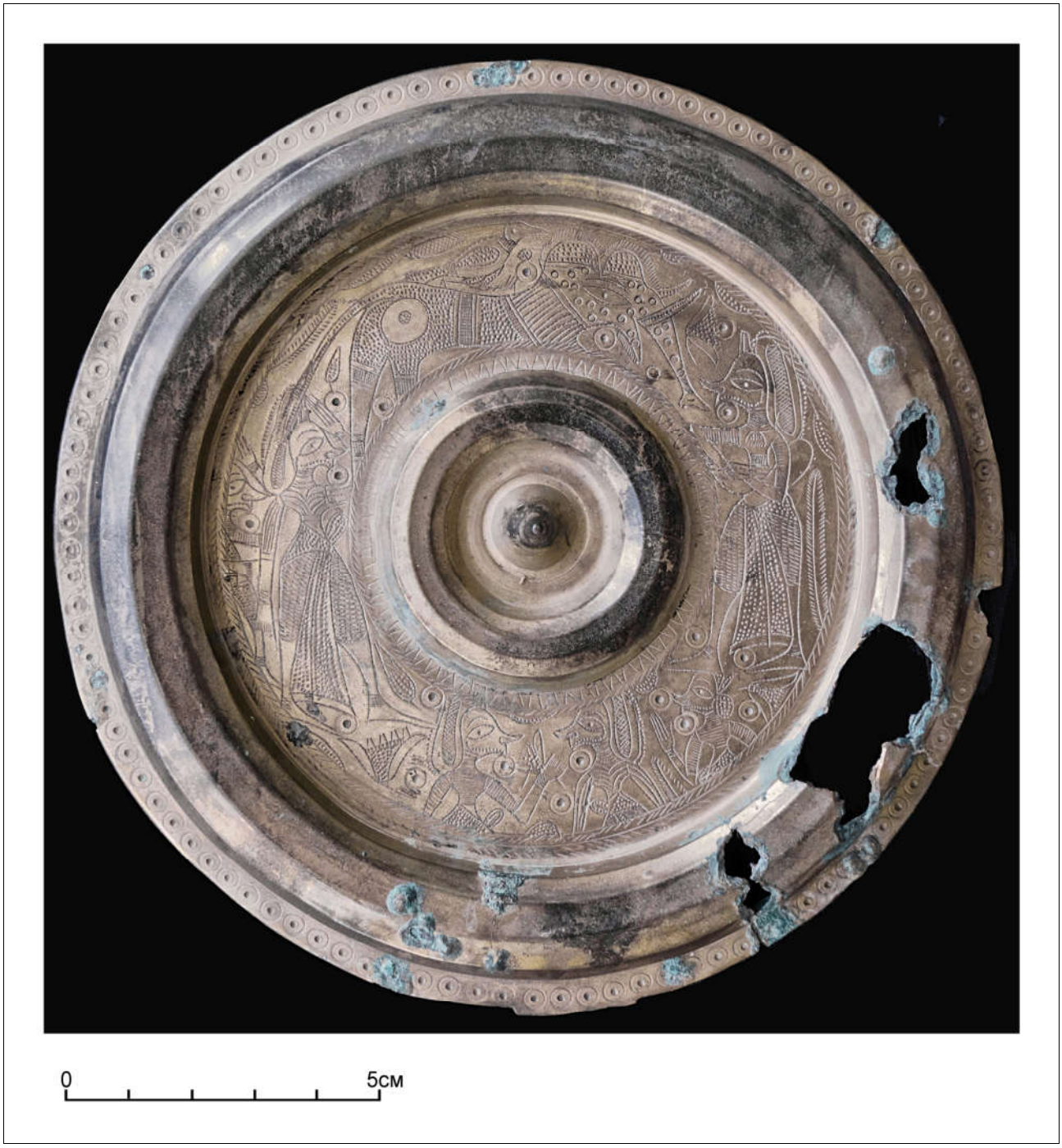


Рис. 4. Фото тыльного диска зеркала-погремушки из кургана 5 могильника Рогозиха-1 (предоставлено Н.С. Грибановой, заведующей Историко-краеведческим музеем Алтайского государственного педагогического университета).

Fig. 4. Photo of the rattle-mirror back disc from burial mound 5 Rogoziha-1 (provided by N.S. Gribanova, Head of the History and Local History Museum of the Altai State University of Education).

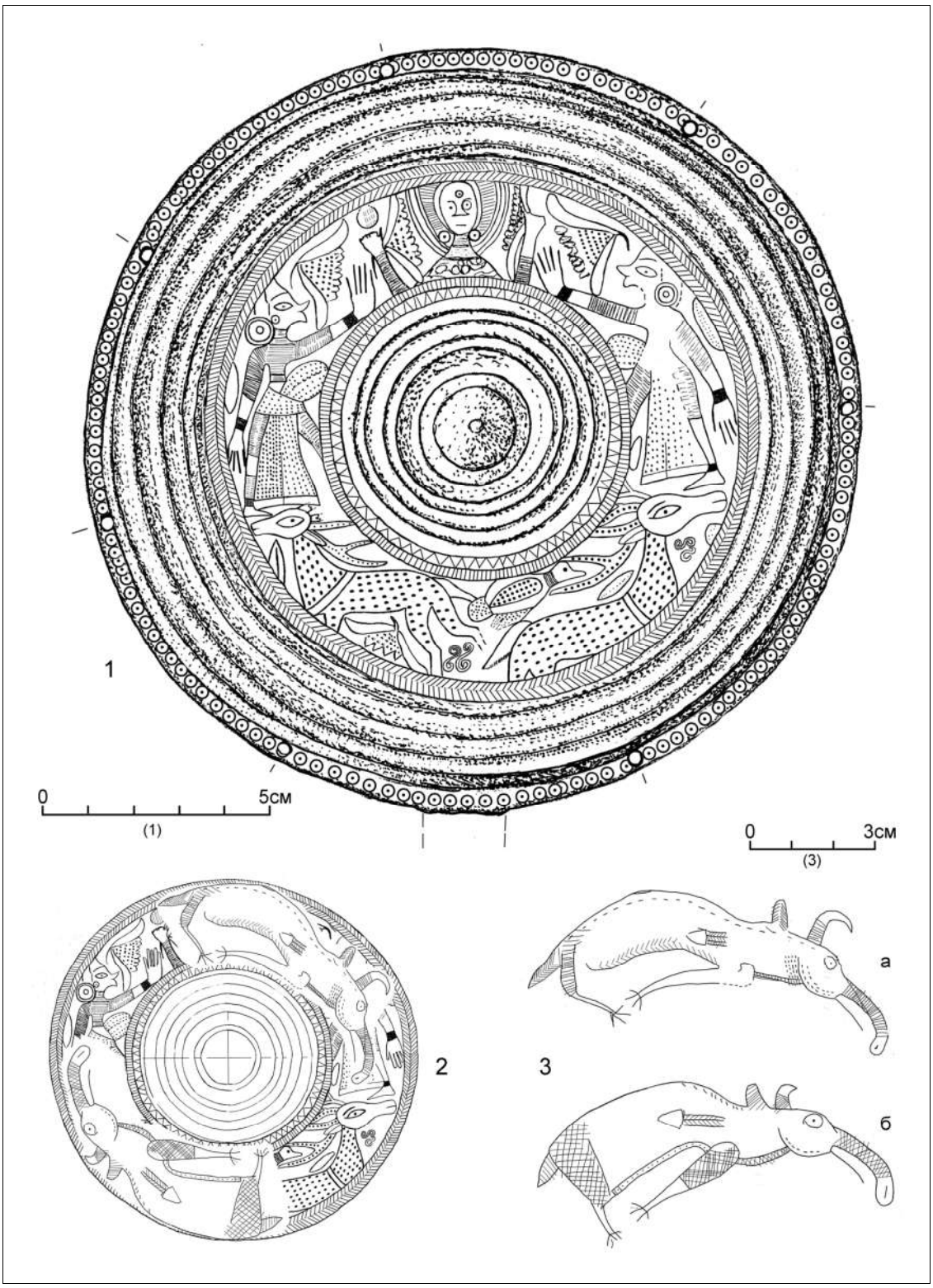


Рис. 5. Зеркало из Среднего Урала: *1* — прорисовка оборотного диска; *2* — расположение граффити на оборотном диске; *3а, 3б* — изображения существ, прочерченные поверх изначальной сцены с «девами» (по Шульга, Оборин 2021: рис. 1, 2).

Fig. 5. Mirror from the Middle Urals: *1* — drawing of the reversed disc; *2* — arrangement of graffiti on the reversed disc; *3a, 3б* — images of creatures drawn over the original scene with «virgins» (after Shulga, Oborin 2021: fig. 1, 2).

Рис. 6. Казымский клад. Большой бронзовый диск № 1: *1, 3* — фото и прорисовка лицевой стороны диска; *3а—3д* — изображения лошадей на диске; *2* — фото оборотной стороны (по Шульга, Оборин 2017: ил. 2).

Fig. 6. Kazym hoard. Large bronze disc 1: *1, 3* — photo and drawing of the front side of the disc; *3a—3d* — images of horses on the disc; *2* — photo of the reverse side (after Shulga, Oborin 2017: fig. 2).

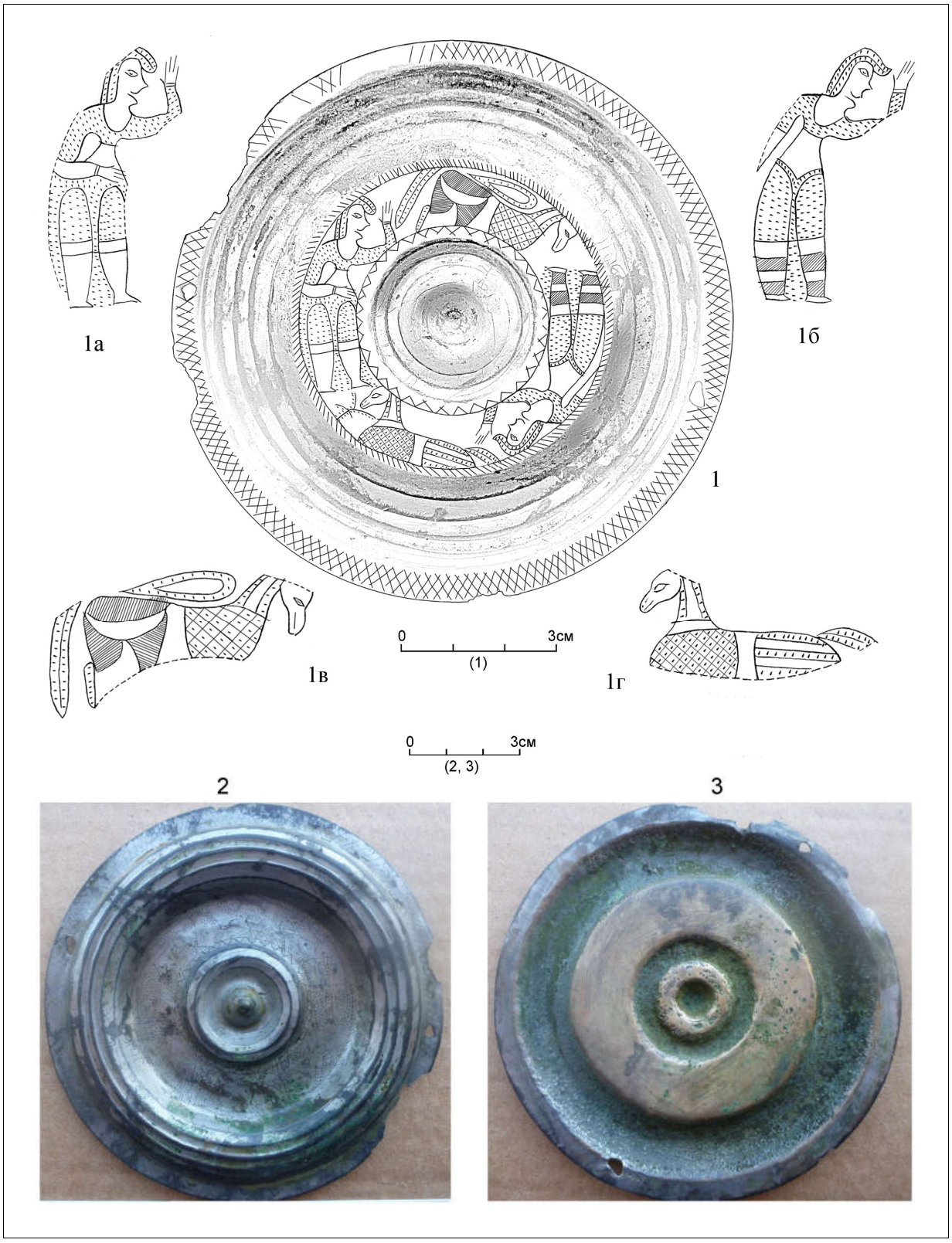


Рис. 7. Казымский клад. Большой бронзовый диск № 3: *1* — прорисовка лицевой стороны; *1а, 1б* — изображения «дев»; *1в, 1г* — изображения лошадей; *2, 3* — лицевая и оборотная стороны диска (по Шульга, Оборин 2017: ил. 5, 6).

Fig. 7. Kazym hoard. Large bronze disc 3: *1* — drawing of the front side; *1a, 1б* — images of «virgins»; *1в, 1г* — images of horses; *2, 3* — front and back side of disc (after Shulga, Oborin 2017: fig. 5, 6).

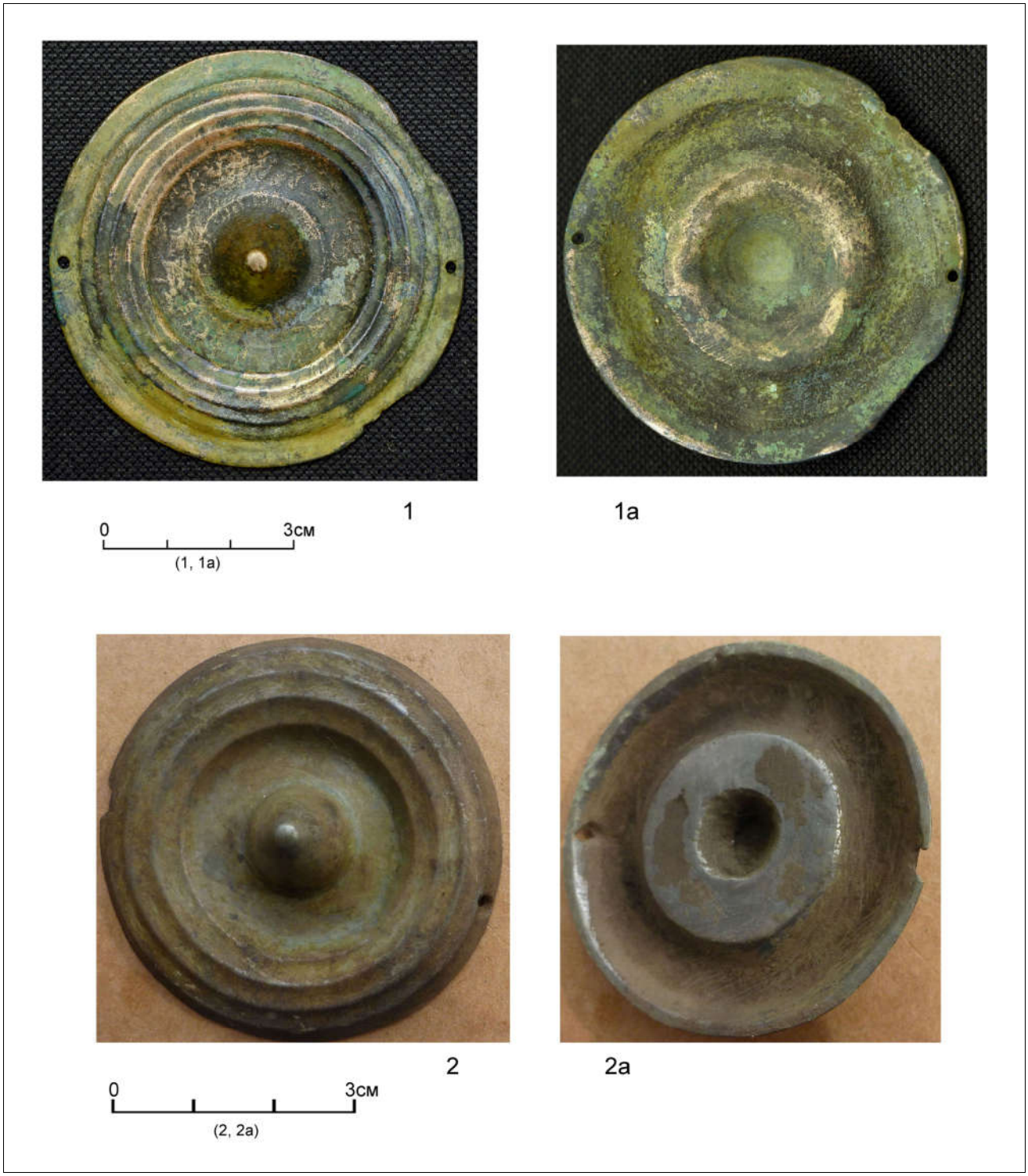


Рис. 8. Казымский клад. Малые бронзовые диски: *1, 1а* — лицевая и оборотная стороны диска № 8; *2, 2а* — лицевая и оборотная стороны диска № 9 (по Шульга, Оборин 2017: ил. 11).

Fig. 8. Kazym hoard. Small bronze discs: *1, 1a* — front and back sides of disc 8; *2, 2a* — front and back sides of disc 9 (after Shulga, Oborin 2017: fig. 11).

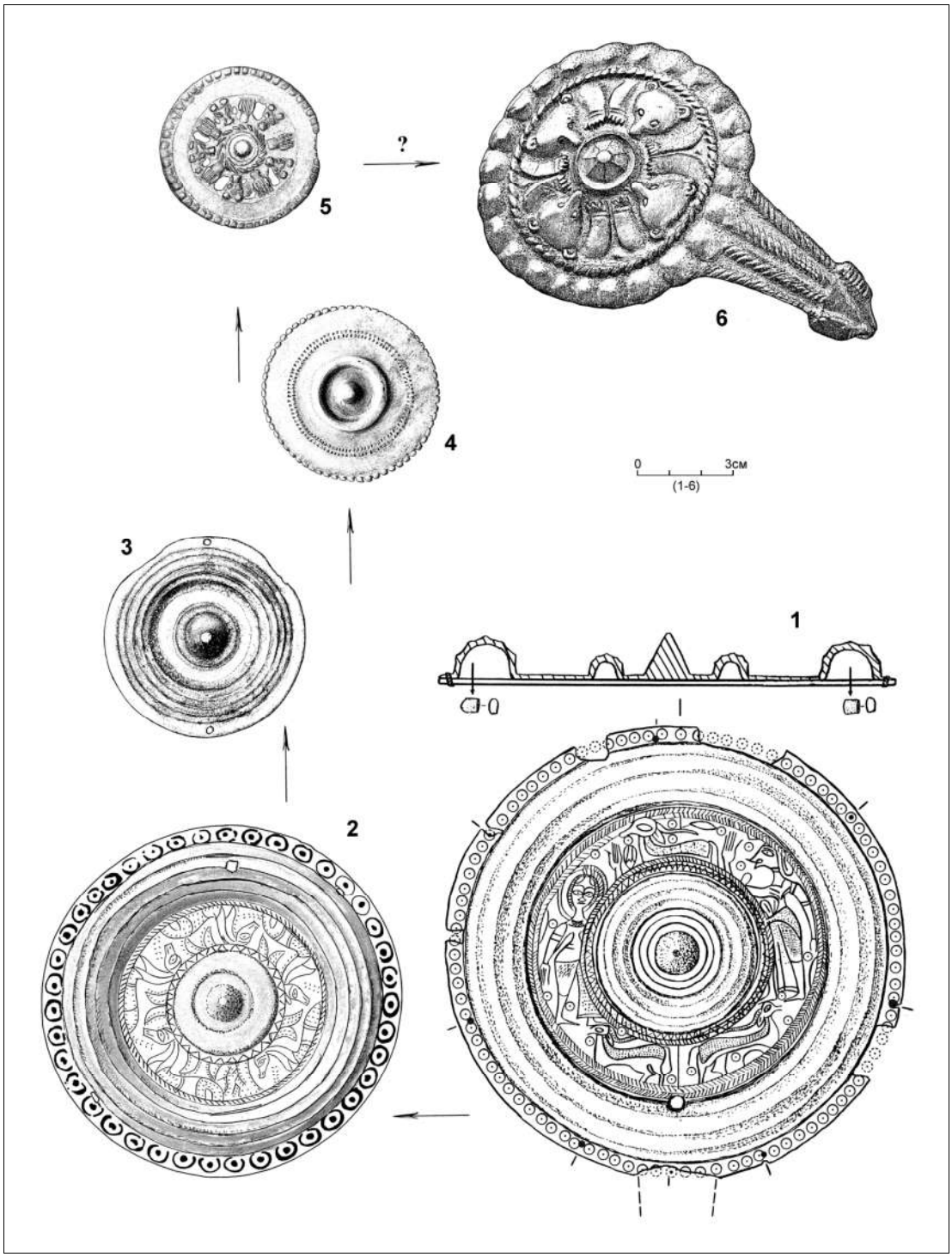


Рис. 9. Предполагаемая эволюция формы культовых бронзовых дисков, блях и эполетообразных застёжек: *1* — зеркало-погремушка; *2* — большой диск; *3, 4* — малые диски; *5* — бляха; *6* — эполетообразная застёжка (*1* — могильник Локоть-4а, по Шульга 2003: рис. 9; *2—4* — Казымский клад (по Бауло, Белогай 2020: 8, 9, 20, 21, 213; *5, 6* — находки из ЯНАО, по Бауло 2011: кат. № 324, 326).

Fig. 9. The supposed evolution of cult bronze discs form, badge and epaulette-like fasteners: *1* — rattle-mirror; *2* — large disc; *3, 4* — small discs; *5* — badge; *6* — epaulette-shaped fastener (*1* — Lokot-4a cemetery, after Shulga 2003: Fig. 9; *2—4* — Kazym hoard (after Baulo, Belogay 2020: 8, 9, 20, 21, 213; *5, 6* — finds from Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, after Baulo 2011: cat. No. 324, 326).

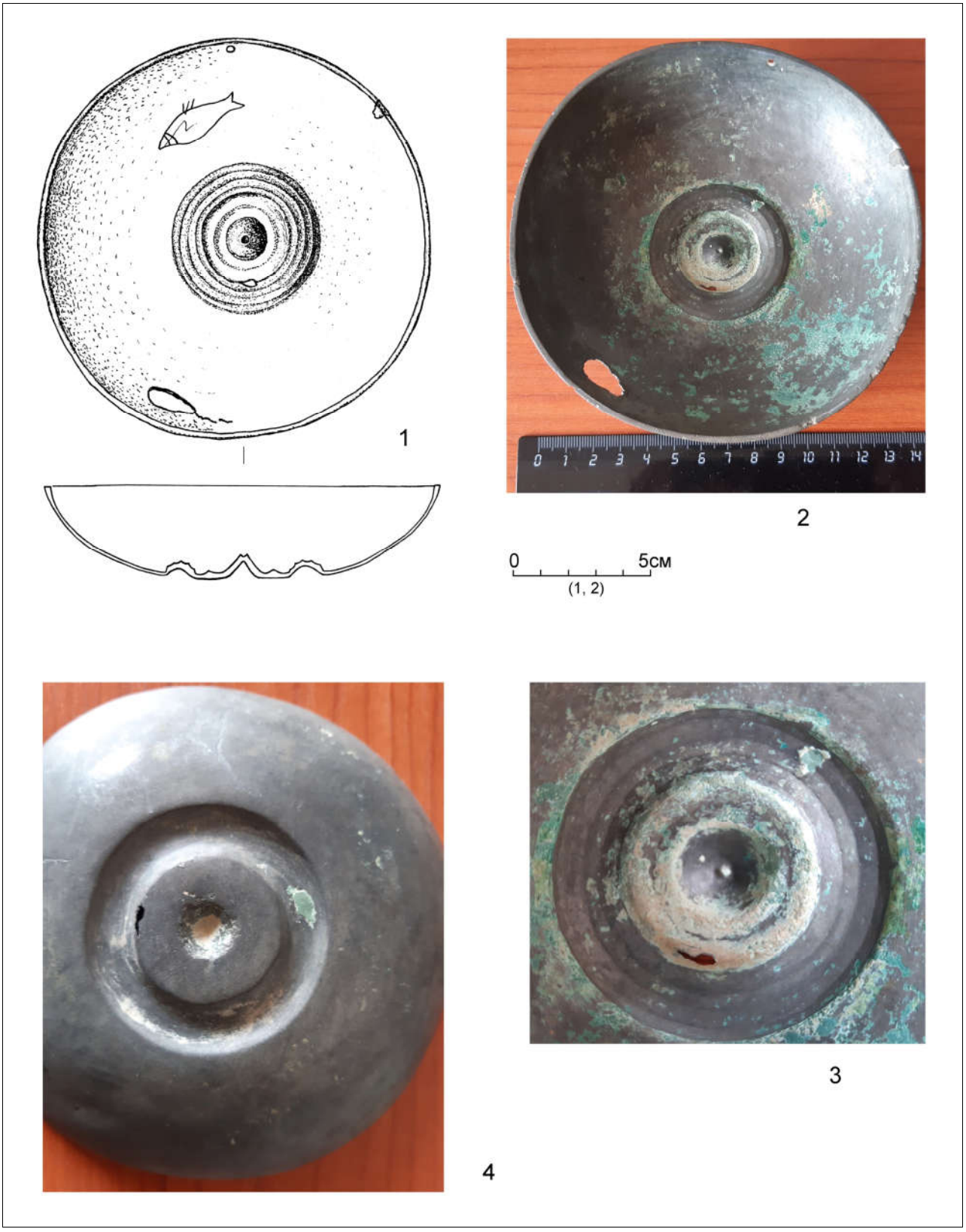


Рис. 10. Бронзовая чаша из Ялбыньи: *1, 2* — план и разрез чаши; *3* — конус с гранчатым валиком на дне чаши; *4* — дно чаши с внешней стороны.

Fig. 10. The bronze bowl from Yalbynya: *1, 2* — the plan and section of the bowl; *3* — the cone with roller with faces at the bottom of the bowl; *4* — the bottom of the bowl on the outside.

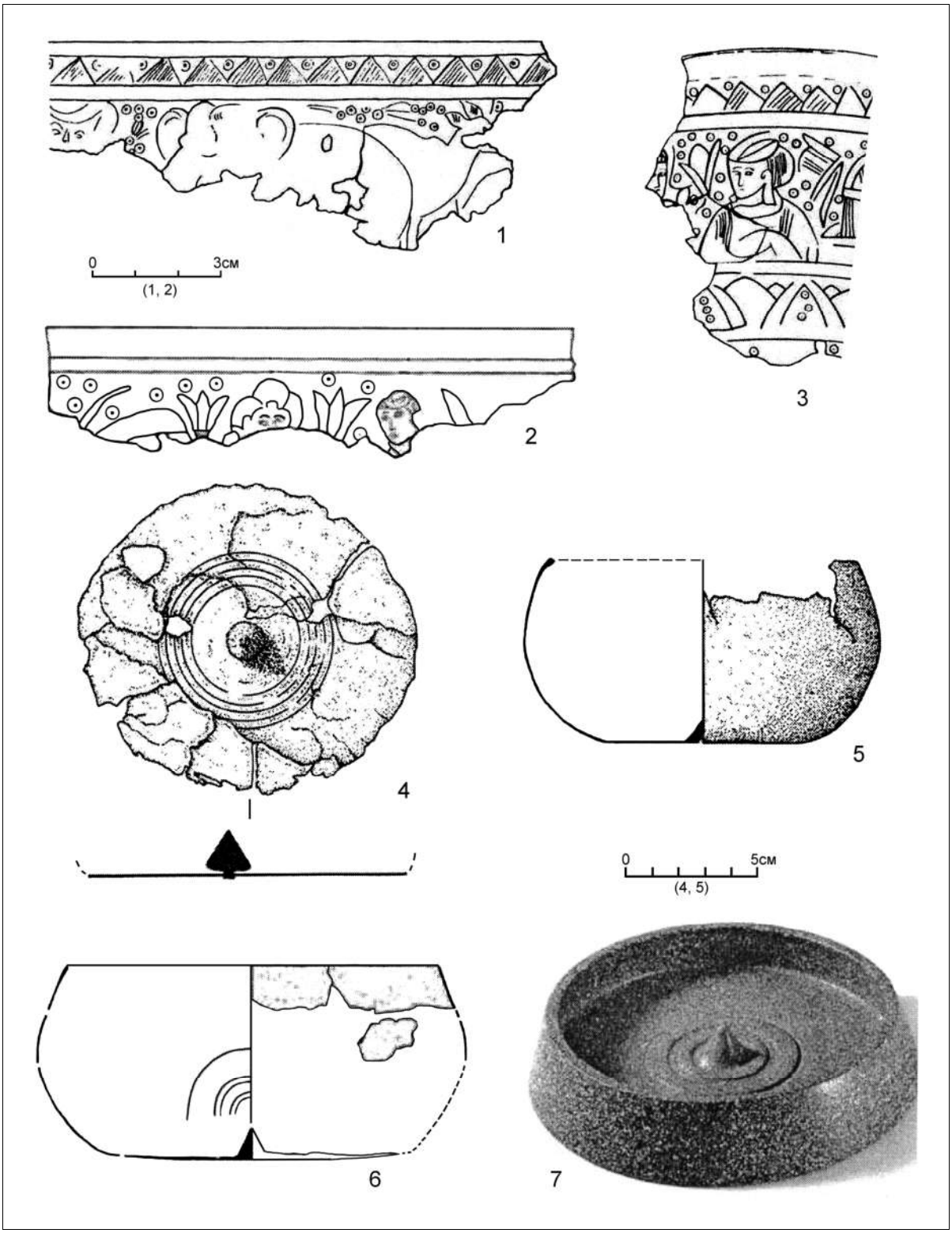


Рис. 11. Бронзовые чаши из Таиланда (*1—6*) **и каменная чаша с конусом из Таксилы (Пакистан).** *1, 3, 7* — по Glover 1990: fig. 26, 27, 32; *2* — по Glover, Bennett 2012: fig. 18; 4—6 — по Glover, Bellina 2011: fig. 2.18, 2.23.

Fig. 11. Bronze bowls from Thailand (*1—6*) **and stone bowl with cone from Taxila (Pakistan).** *1, 3, 7* — after Glover 1990: fig. 26, 27, 32; *2* — after Glover, Bennett 2012: fig. 18; *4—6* — after Glover, Bellina 2011: fig. 2.18, 2.23.

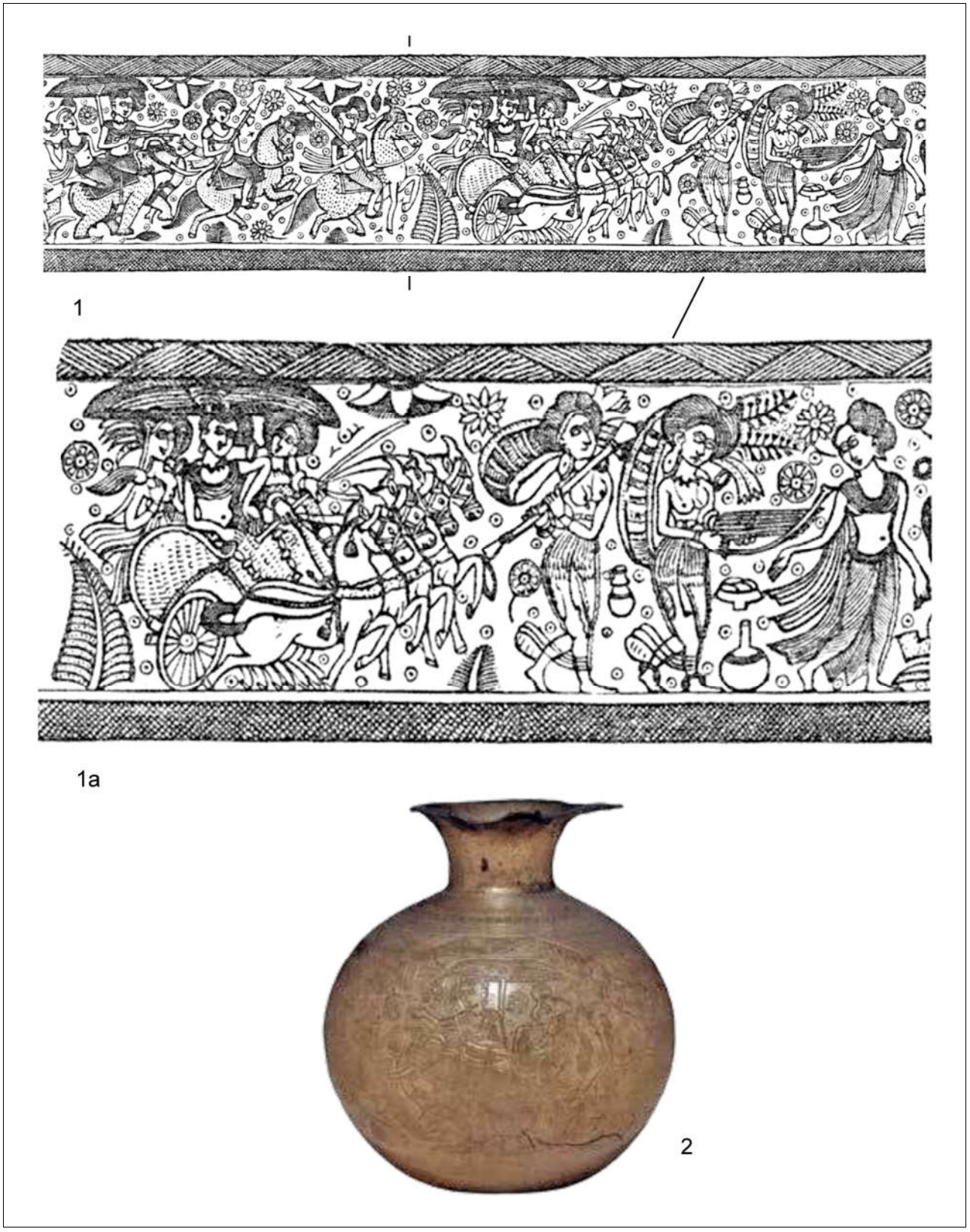


Рис. 12. Бронзовый кувшин из Северной Индии (долина Куллу, штат Химачал-Прадеш) и прорисовка изображённого на нём шествия (по Glover, Jahan 2014: fig. 11a, 11b).

Fig. 12. Bronze jug from North India (Kullu Valley, Himachal Pradesh) and a drawing of its depicted procession (after Glover, Jahan 2014: fig. 11a, 11b).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.83.89.008

М.Ю. Трейстер, Н.И. Сударев

ЗОЛОТЫЕ ПОДВЕСКИ В ФОРМЕ ЛЬВИНЫХ ГОЛОВОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V В. ДО Н.Э. НЕКРОПОЛЕЙ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

Данная статья посвящена публикации золотых подвесок в форме львиных головок V в. до н.э. из некрополей Таманского полуострова. Рассматриваемые подвески наиболее распространенный тип золотых подвесок в виде головок животных, которые представлены также подвесками в форме головок быка и барана. Известные подвески всех трех групп представлены в виде короткого каталога в Приложениях 1—3. Эти подвески были распространены от Южной Италии и Сицилии на западе, до Родоса, Эвбеи, Македонии, Фазоса и Фракии, до Ольвии и Боспора, а также Прикубанья, на востоке.

Внимание, которое привлекают именно находки с Таманского полуострова, объясняется тем, что все они происходят из раскопок некрополей, из погребальных комплексов, которые могут быть надежно датированы чернолаковой керамикой. Вероятно самой ранней является находка из некрополя Эретрии, если справедлива датировка комплекса первой четвертью V в. до н.э. Очевидно, что и подвески в форме головок быка и барана, появляются в это же время, судя по их использованию в качестве элементов ожерелий из погребений этого же некрополя. В Северном Причерноморье наиболее ранней подвеской в форме львиной головки является находка из могилы № 10/1913 некрополя Ольвии, которая возможно датируется еще второй, или скорее третьей четвертью V в. до н.э. Подвески из публикуемых комплексов Таманского полуострова могут быть датированы последней четвертью того же столетия и даже рубежом V—IV вв. до н.э. В конце V в. до н.э. такие подвески появляются в Таренте, где они получают распространение уже в следующем столетии.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, Таманский полуостров, Ольвия, золотые подвески в виде головок львов, быков, баранов, чернолаковая керамика, датировка погребальных комплексов.

Сведения об авторах: Трейстер Михаил Юрьевич[1], Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь; Сударев Николай Игоревич[2], кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН.

Контактная информация: [1]53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе, 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2]117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: sudarev@list.ru.

Mikhail Treister, Nikolay Sudarev

GOLD PENDANTS IN THE FORM OF LION HEADS FROM THE BURIALS OF THE LAST QUARTER OF THE 5th CENTURY BCE OF THE NECROPOLEIS OF THE TAMAN PENINSULA

This paper focuses on the publication of gold pendants in the form of lion heads of the 5th century BCE from the necropoleis of the Taman Peninsula. The pendants in question are the most common type of gold pendants in the form of animal heads, which are also represented by pendants in the form of bull and ram heads. The published pendants of all three groups are presented in the form of a short catalogue in Appendices 1—3. These pendants were

* Н.И. Сударевым подготовлен раздел о контексте находок и датировки комплексов из Северного Причерноморья, остальная часть статьи написана М.Ю. Трейстером. Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю коллекции Кеп в Государственном историческом музее, Г.А. Ломтадзе, за разрешение опубликовать фотографии находок из некрополя Кеп.

Статья поступила в номер 16 июня 2024 г.
Принята к печати 29 июня 2024 г.

© М.Ю. Трейстер, Н.И. Сударев, 2024.

widespread from Southern Italy and Sicily in the West, to Rhodes, Euboea, Macedonia, Thasos and Thrace, to Olbia and the Bosporus, as well as the Kuban region, in the East.

The attention that is attracted by the finds from the Taman Peninsula is explained by the fact that they all come from excavations of necropoleis, from the burial complexes that can be reliably dated by the black-glazed pottery. Probably the earliest find is from the necropolis of Eretria, if the dating of the complex to the first quarter of the 5th century BCE is correct. It is obvious that pendants in the form of bull and ram heads also appeared at the same time, judging by their use as elements of necklaces from the burials of the same cemetery. In the North Pontic region, the earliest pendant in the form of a lion's head is a find from the grave no. 10/1913 of the necropolis of Olbia, which may date back to the second, or rather the third quarter of the 5th century BCE. The pendants from the complexes of the Taman Peninsula, presented in the paper, can be dated to the last quarter of the same century and even to the turn of the 5th — 4th centuries BCE. In the late 5th century BCE, such pendants appeared in Tarentum, where they became widespread in the following century.

Key words: North Pontic area, Bosporan Kingdom, Taman peninsula, Olbia, gold pendants in the form of heads of lions, bulls and rams, black-glazed pottery, dating of the burial complexes.

About the authors: Treister Mikhail[1], Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher; Sudarev Nikolay[2], PhD in History, Research Fellow, Institute of Archeology RAS.

Contact information: [1]53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr, 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2]117036, Russian Federation, Moscow, Dmitriya Ulyanova street, 19, Institute of Archeology RAS, e-mail: sudarev@list.ru.

Введение. Золотые подвески в форме головок животных классического времени

Небольшие трехмерные головки животных, выполненные из золота, используются как элементы сложных ювелирных украшений по крайней мере с VII в. до н.э., о чем свидетельствуют, в частности, головки баранов и быков на золотой подвеске из Тралл, хранящейся в Лувре (Duplouy 2015: 87, fig. 1; Erdan 2021: 75—76, figs. 3—6), и украшений с Родоса (Laffineur 1978: 221, no. 156, pl. XVIII: 5; Mazet 2019: 134, fig. 1). Начиная с позднеархаического / раннеклассического времени в ювелирном деле Греции получают распространение подвески, выполненные в форме головок животных, в частности, баранов и быков (Higgins 1980: 129, pl. 26; Deppert-Lippitz 1985: 121, Abb. 68—69). Для последних известны не только сами подвески, но и их изображения как центральных элементов ожерелий из бус, как на подвеске в форме женской головки из скифского погребения IV в. до н.э. в кургане у с. Великая Белозерка (Kat. Schleswig 1991: 321, Nr. 130; Kat. Wien 1993: 159—161, Nr. 40; Русяева 1994: 104—106, рис. 1: 4—5; Cat. San Antonio 1999: 212—213, no. 95) или на серьге из Пантикапея (ДБК, табл. VII: 11—11а; Русяева 1994, 104—106, рис. 1: 3; Williams, Ogden 1994: 163, no. 103; Уильямс, Огден 1995: 163, № 103; Kat. Bonn 1997: 149—150, Nr. 61; Cat. Malibu 2007: 168—169, no. 71; Калашник 2014: 94—95). Но самые распространенные из них — подвески в форме головок львов.

К настоящему времени известен 26 мест (комплексов) и 5 — без известного происхождения, включающих 42 экземпляров подвесок в форме головок льва (в том числе 2 — серебряных), около трети которых (13 экз.) происходит из Северного Причерноморья, а для 11 подвесок известны и места находок. Три, а возможно и пять экземпляров из них были найдены в Ольвии, две происходят из Керчи, пять — с Таманского полуострова и еще одна подвеска была найдена в Уляпском кургане № 1 в Закубанье. Остальные подвески, места находок которых известны, были найдены Южной Италии и на Сицилии (6 экз. — в том числе в Таренте — 4 экз.), на Кипре (2 экз.), Фазосе (2 экз.), Родосе, в Эретрии на о. Эвбея, в Акарнании, а также в Абдере во Фракии (см. Приложение № 1) (рис. 1).

Менее распространенные подвески в форме головок быка (известно 18 экз. с происхождением и 4 — без него) происходят, в тех случаях когда это известно, из Эретрии (3 экз.), Македонии, Камироса на о. Родос, Южной Италии, а также Северного Причерноморья (7 экз., в том числе 1 — из Ольвии, 3 — из Пантикапея, 1 — с Таманского полуострова, 1 — из кургана

Карагодеуашх) (см. Приложение № 2). Еще реже использовались подвески в форме головок барана — их авторам известно всего 8 экз. (7 — с известным происхождением), из которых половина происходит из Южной Италии, а остальные — с Кипра, а также предположительно из Эретрии и Северного Причерноморья (см. Приложение № 3) (рис. 2).

Данная статья посвящена публикации золотых подвесок в форме львиных головок V в. до н.э. из некрополей Таманского полуострова. Внимание, которое привлекают именно находки с Таманского полуострова, объясняется тем, что все они происходят из раскопок некрополей, из комплексов, которые могут быть надежно датированы погребальным инвентарем.

Контекст находок и датировка комплексов из Северного Причерноморья

Некрополь Ольвии

Могила № 10/1913, грунтовая. Ориентировка: головой на ВЮВ.

Инвентарь: слева у ног — железный нож, чернолаковая солонка, маленькое чернолаковое блюдо на ножке (отбита в древности), свинцовый обломок, кусок смолы, обломок железного гвоздя; вдоль северного борта — бронзовое зеркало, около зеркала — золотая подвеска в виде льва; у головы — две височные подвески в форме круглых блях, две золотые спиралевидные подвески; слева у плеча — чернолаковый килик. золотые бусы, рядом с подвесками — дно алабастра из алебастра, золотые бусы (54 шт.), лигнитовые бусы, золотая реберчатая бусина, ручка серебряного сосуда. (Скуднова 1988: 127—129). По мнению В.М. Скудновой, данная могила датируется началом V в. до н.э., однако редактор издания некрополя (С.П. Борисковская) отметила, что часть чернолаковых сосудов датируется второй четвертью V в. до н.э. (Скуднова 1988: 128, прим. 1). Так как хронология чернолаковых сосудов имеет большое значение для датировки данного комплекса, остановимся на них подробнее[1].

Чернолаковый килик на высокой ложке, переходящей в подставку, со слегка изогнутым венчиком (О.1913.26) относится к группе Акрокап (Acrocup). Такие сосуды производили на протяжении всего V в. до н.э. (Bloesch 1940: 141—145; Егорова 2017: 21), однако пик их производства приходится на 460—450 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 96; Hayes 1984: 24, no. 35; Blegen, Palmer, Young 1964: 160). Более поздние сосуды имеют меньшие размеры и менее глубокое вместилище, более плоскую ножку с меньшим углублением и полосы в цвете глины, вместо рельефного выступа, на верхней части ножки. Именно это мы видим и в данном случае. Подобные сосуды датируются временем около 450 г. и даже в пределах 450—440 г. до н.э. (Bloesch 1940: 143, 145; Blegen, Palmer, Young 1964: 160, 239, 243; Sparkes, Talcott 1970: 266, no. 243), а в погребальные контексты могли попадать и в более позднее время (см., например: Παπασπυριδη, Καρουζου 1938: 20, 51, εικ. 5).

Чернолаковая чашечка на ножке, с полуваликом по краю (О.1913.25) долго была в употреблении, ножка отсутствует, лак частично утрачен. Данный сосуд относится к классу «блюдо на высокой ножке» (stemmed dish). Сосуды такой формы изготавливали в аттических мастерских с конца VI до второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 138—142). По типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт сосуд относится к типу «блюдо с выпуклыми стенками — миниатюрное» (convex and small dish) с формой края с более или менее выраженным утолщением на внешней поверхности (Sparkes, Talcott 1970: 140—141; Knigge 1976: 63, Taf. 82: 7). Маленькие сосуды данного типа довольно вариабельны и существуют чуть дольше, до середины и даже начала третьей четверти столетия (Knigge, 1976: 63, Taf. 37: 3, Nr. 248: 3; Taf. 49: 7, Nr. 63: 2, 44: 3, Taf. 55: 9). В погребениях Северного Причерноморья такие сосуды известны и в комплексах третьей четверти V в. до н.э. (Сорокина 1971: 82, 87, рис. 3: 8; Цокур и др. 2022а: 130—131, илл. 245: 3).

[1] Чернолаковые сосуды из погребения представлены в публикации некрополя (Скуднова 1988: 128, № 199), однако в не самом удачном ракурсе. Благодарим Ю.И. Ильину и Д.Е. Чистова за помощь и возможность ознакомиться с качественными изображениями данных сосудов.

Чернолаковая солонка на плоском дне, стенки вертикальные, закапчиваются горизонтальным узким краем; снаружи па дне граффити (O.1913.24). данная солонка по типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт сосуд относится к типу «маленьких чаш с крутой стенкой» (small bowl: steep wall) (Sparkes, Talcott 1970: 133). Такие сосуды производились всю первую половину V в. до н.э., вплоть до середины столетия, однако были в обиходе намного дольше и в погребения попадали в основном в 460—440/30 гг. до н.э. (Knigge 1976: 52, Taf. 82: 5).

Таким образом, для данного погребения широкая дата — вторая—третья четверть V в. до н.э., но наиболее вероятная — 450—440 гг. до н.э.

Некрополь Кеп

Погребение № 282/27 (1964). Погребение ребенка, лежащего головою на юго-восток, было совершено в земляной яме, форма которой не прослеживалась. Скелет девочки полностью истлел, но его ориентировку было возможно определить по расположению инвентаря (рис. 3: 1). В головах стоял раздавленный чернолаковый килик на низкой ножке со штампованным орнаментом (рис. 3: 10), сероглиняная плоскодонная амфора с ложнодвуствольными ручками (рис. 3: 10)[2], зеркало с деревянной ручкой (рис. 3: 6), заложенное камкой. На груди находилась подвеска в виде золотой львиной головы с оскаленной пастью. В ногах лежал чернолаковый амфориск со штампованным орнаментом в виде пальметт (рис. 3: 3) и бронзовое кольцо плохой сохранности с плоским удлиненным щитком (рис. 3: 8) типа II, по типологии Дж. Бордмана[3], а также стояла группа сосудов, состоящая из маленькой красноглиняной ольпы (рис. 3: 5) и четырех чернолаковых солонок, две из которых имели у края сверлины и граффити «КА». Солонки были попарно вложены одна в другую (рис. 3: 2). Рядом с сосудами находилась длинная бронзовая иголка (рис. 3: 7) и ракушка каури (рис. 3: 9).

В засыпке могильной ямы обнаружены обломки железной скобы. Уточнить датировку погребения помогают чернолаковые сосуды.

Три солонки относится к классу «миниатюрных мисок с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне (ring foot)» (Егорова 2017: 79) и типу «с широким венцом (broad rim)» по типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт (Sparkes, Talcott 1970: 133—134). Наиболее близкие экземпляры из находок Афинской Агоры датируются ок. 430—425 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: nos. 863—871) Подобные сосуды в некрополе Волна 1 встречены в погребениях второй половины V в. до н.э. (Цокур и др. 2022а: погребения № 8, 27, 44 и др.). Четвертая солонка относится к «солонкам с эхинообразными (закругленными) стенками (echinus wall)» (Sparkes, Talcott 1970: 136; Егорова 2017: 83) (рис. 3: 2). Наиболее близкие экземпляры из находок Афинской Агоры датируются ок. 420—400 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: nos. 913—914). Не противоречит этой датировке и контекст находок из погребения 140-1 некрополя Волна 1, где так же встречена аналогичная солонка (Цокур и др. 2022б: 30—33).

Чернолаковый килик (рис. 3: 10) относится к группе «Киликов на низком поддоне (stemless)», типу «Больших киликов» и варианту «изящный класс (delicate class)» по типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт (Sparkes, Talcott 1970: 102). Общая хронология варианта — вторая четверть V — первая четверть IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 102). Одним из хроноиндикаторов является изменение пропорций и профилировки поддона. Данный килик наиболее близок к № 487, из раскопок комплекса G 14:6 Афинской Агоры (Sparkes, Talcott 1970: 391), который датируется 430—420 гг. до н.э. Аналогичный сосуд из коллекции ГМИИ Т.В. Егорова датирует 430-ми гг. (Егорова 2017: 29, № 40). Еще одним

[2] Наиболее близкая аналогия по профилировке венчика и форме происходит из раскопок Афинской Агоры (Sparkes, Talcott 1970: 188—189, no. 1463), датируется по контексту концом V — началом IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 338).

[3] Подобные перстни датируются от середины до конца V в. до н.э. (Boardman 2001: 212—214).

признаком является покрытие лаком нижней стороны сосуда. Это характерно для этого типа киликов начиная с третьей и особенно в последней четверти V в. до н.э. (Corbett 1949: 322).

Для датировки данного сосуда важным признаком является гравированный и штампованный орнамент. Подобная техника украшения сосудов резным орнаментом наиболее распространена в третьей четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 28—29), однако в последней четверти столетия схема гравировки упрощается и звезду или резные листья в центральном рондо сменяют более простые штампованные пальметты, прорезанные круги и т.д. (Corbett 1949: 322—323). Ближайшие аналогии представленному орнаменту (Corbett 1949: nos. 35—36; Sparkes, Talcott 1970: 384, no. 503[4]) датируются 425—400 гг. до н.э.

Чернолаковый амфориск (рис. 3: 3) декорирован сложным штампованным орнаментом в виде пояса меандра, зеркально расположенных пальметт и ионийского киматия на верхней части плеч. Подобные сосуды В Аттике они выпускались с начала VI до конца V — начала IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970: 155—156). Амфориски, тулова которых украшались штампованным орнаментом, выделяются в отдельный штампованный класс (stamped class). Обычно два ряда пальметт, расположенные один над другим в зеркальном отражении, разделены рельефными полосами, а на позднем этапе — пояском меандра (Sparkes, Talcott 1970: 156; Егорова 2017: 99). Наиболее близкие аналогии данному сосуду датируются в пределах 430/425—400 гг. до н.э. или даже концом V — началом IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 317, pl. 39, nos. 1150[5],1159; Hayes 1984: 26—27, no. 40; Dufkova 2003: 235, Taf. 37: 28; Егорова 2017: 99).

Таким образом, данное погребение датируется в пределах 420—400 гг. до н.э.

Некрополь Волна 1[6]

Погребение 72/2015. Совершено в простой могильной яме прямоугольной формы. Костяк женский[7], расположен головой на северо-восток, вытянуто на спине. Руки и ноги расположены параллельно. Инвентарь, за исключением украшений расположен слева от костяка, вдоль левой ноги (рис. 4: 1). В районе черепа находились две спиралевидные (омегообразные) подвески с пирамидальными окончаниями, на фаланге левой кисти — фрагмент железного перстня. Три бусины — одна бронзовая и две пирамидальных синего стекла лежали в нижней части туловища и видимо были частью украшения одежды. На груди погребенной, в районе шеи находилась подвеска из желтого металла в виде головы льва, с петлей для подвешивания. Слева от погребенной, рядом с кистью левой руки находилось бронзовое зеркало, чернолаковая солонка аттического производства (рис. 4: 2), железный нож и нижняя часть красноглиняного арибаллического лекифа. В юго-западной части могилы, у левой стопы находились кувшин круглогорлый боспорского производства, кубок-канфар (sessile kantharos) сероглиняный и чернолаковая одноручная чаша аттического производства (рис. 4: 3). Материал погребения датируется в пределах второй половины V — первой половины IV в. до н.э. (Цокур и др. 2022а: 93—97). Уточнить датировку позволяют чернолаковые сосуды.

Солонка чернолаковая цилиндрической формы с вогнутыми внутрь стенками. Край венчика отогнут наружу. Дно выпуклое на кольцевом поддоне. Размеры: диаметр венчика — 58 мм, диаметр дна — 56 мм, высота — 28 мм (рис. 4: 2). Данный сосуд относится к «солонкам с вогнутыми стенками (concave wall) и имеет особую форму: плавно вогнутый внешний контур стенки, завершением которой сверху был слегка утолщенный, отогнутый наружу край; снизу продолжением стенки является отклоненный наружу прямой более или менее высокий поддон. Поддон формировался одновременно со стенками сосуда, а не отдельно, как кольцевые поддоны

[4] Колодец В 15:1.

[5] Колодец G 12:21 — 430—400 гг. до н.э.

[6] Поскольку погребения некрополя Волна 1 полностью опубликованы в монографии (Цокур и др. 2022а—б) в таблицах приводятся только датирующие погребения чернолаковые сосуды.

[7] Пол данного погребенного вначале был определен как мужской, что связано с плохой сохранностью тазовых костей и черепа.

(Sparkes, Talcott 1970: 136—137; Егорова 2017: 79). Подобные сосуды имеют достаточно широкую датировку, от второй половины VI до последней четверти IV вв. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 136—137; Rotroff 1997: 165—166), однако наиболее близкие аналогии из раскопок Афинской Агоры и могил Афинского Керамика позволяют сузить дату до последней четверти V в. до н.э. (Цокур и др. 2022а: 95). Аналогичные солонки из некрополя Аполлонии Понтийской М. Дамянов относит к ранней группе и датирует концом V — самым началом IV в. до н.э. (Дамянов 2023: 62). Очень близкие солонки происходят так же из тризн некрополя Аполлонии (Hermary et al. 2010: 222—223, pl. 102: a—c), которые датируются в пределах 380-х гг. до н.э., однако они отличаются чуть более тонкими, изящными пропорциями, что, по мнению авторов, отличает сосуды конца V в. до н.э. от солонок конца первой — начала второй четверти IV в. до н.э. Подобные сосуды из погребений № 36, 50, 77, 321 некрополя Олинфа Д. Робинсон датирует концом V или ранним IV в. до н.э. (Robinson 1950: 389—391, pl. 239). В некрополе Волна 1 подобные сосуды встречены в погребениях второй половины V — третьей четверти IV в. до н.э., однако наиболее близкие экземпляры происходят из погребений № 115 и 140-5[8], которые датируются последней четвертью V в. до н.э., и погребения № 100, в котором встречен арибаллический лекиф, который может датироваться первой четвертью IV в. до н.э. (Цокур и др. 2022а: 120—121, 138—143; 2022б: 40—43). Таким образом, наиболее узкая дата для данной солонки — 410—390 гг. до н.э.

Чаша чернолаковая одноручная. Тулово полусферической формы. Дно плоское, на кольцевом поддоне. Диаметр венчика — 174 мм, диаметр дна — 70 мм, высота — 41 мм, ручка — 10 × 10 мм (рис. 4: 3). Данный сосуд относится к одноручным чашам (one-handlers). По мнению исследователей Афинской Агоры, чернолаковые одноручные чаши производились с начала V в. до н. э. и практически до конца IV в. до н. э. Они отличаются по формам ручек, поддонов и изгибу стенки (Sparkes, Talcott, 1970: 124; Егорова, 2017: 72). Большинство аналогий данной чаше по форме датируются второй четвертью — серединой V в. до н.э. (Цокур и др. 2022а: 97), однако форма ручки позволяет предположить чуть более позднюю датировку. Она уже не «подковообразная», что характерно для более ранних чаш, но еще не приобрела выраженную «треугольную» форму, что характерно для чаш IV в. до н.э. Наиболее близкий вариант из материалов раскопок Афинской Агоры (№ 753) происходит из комплекса заполнения террасы A-B 21-22:1 , который датируется 420—390 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970: 124; 170a: 384). Для более позднего времени характерны вогнуто-выгнутая или загнутая внутрь форма венчика, более глубокое вместилище и более выраженная подтреугольная форма ручки (Rotroff 1997: 155—156).

Таким образом, наиболее точная дата погребения — 410—390 гг. до н.э.

Погребение № 114/2015. Совершено в простой могильной яме прямоугольной формы со скругленными углами в восточной части. Костяк взрослого человека, плохо сохранился, расположен головой на северо-восток, вытянуто на спине. Локти были разведены в стороны от туловища, кисти рук находились в области живота (?). Судя по инвентарю, погребение женское (рис. 5: 1).

Инвентарь в погребении был расположен вдоль левой стороны костяка, между южной стенкой ямы погребения и костяком. За головой погребенной обнаружена бронзовая игла. В районе черепа обнаружен набор предметов, вероятно, связанный с украшениями головного убора (Tonkova 1995: 188—189; 1997: 18—20; 1998: 751; 2001: 279; Цокур и др. 2022а: 134—138). В него входили пять спиралевидных бронзовых подвесок в виде незамкнутых

[8] В этих погребениях встречены так же аналогичные кувшины, аналогичные по форме (но сероглиняные) одноручные чаши, ножи и лекифы, что демонстрирует нам близость на уровне погребального обряда. Следует отметить, что они часто встречаются с предметами «женского» инвентаря (украшения, зеркала, пряслица и т.д.). В связи с этим интересным представляется мнение Д. Робинсона, который определил их как пиксиды типа «солонок» («salt-cellar» type) (Robinson 1950: 386). Действительно, сосуды аналогичной формы широко распространены вплоть до XVIII в. и известны как «пудренницы», «помадницы», «баночки для мазей/косметики» и т.д.

колец[9], колец, заходящих концами друг на друга и подвески в два с половиной оборота с серебряными навершиями в виде виноградной грозди на обоих концах. Возможно с этим же убором связаны и фрагменты пластин из штампованной бронзы[10], стеклянная вставка цилиндрической формы из стекла синего цвета, и раковина каури, найденные при разборе погребения, под черепом. В районе шеи находилась подвеска из золота в виде головы льва с петлей для подвешивания. На костях левой руки был надет бронзовый браслет в один оборот с несомкнутыми концами из бронзовой проволоки круглой в сечении. Концы браслета украшены концентрическими кругами по окружности проволоки. Подобные браслеты распространены в погребениях Северного Причерноморья, в первую очередь — некрополей района Анапы — Новороссийска. Известны они и в некрополях Боспора, однако датируются они достаточно широко: VI—IV вв. до н.э. (Новичихин 2010: 232).

Остальной инвентарь располагался слева от погребенной. Слева от черепа находились две солонки — чернолаковая (рис. 5: 3) и покрытая плохим лаком красного цвета Рядом, слева от костей грудной клетки находилась еще одна чернолаковая солонка (рис. 5: 2) и рядом с ней — фрагменты железного ножа. Чуть «ниже», приблизительно на уровне несохранившихся тазовых и бедренных костей располагалась чернолаковые мисочка (рис. 5: 5) и килик (рис. 5: 4). В ногах находилась простая столовая амфора северо-ионийского производства (Цокур и др. 2022а: 134—138). Весь инвентари датируется в пределах второй половины V в. до н.э., однако самые поздние из представленных предметов — чернолаковые солонки со штампованным орнаментом (рис. 5: 2—3) датируются последней четвертью столетия (Цокур и др. 2022а: 136). Наиболее близкие штампы пальметт происходят из комплекса IV в. до н.э., в котором однако присутствует значительное количество более ранних фрагментов (Corbett 1955: 178—179, no. 3a—c), а наиболее близкий орнамент из кольца ов и аналогичных пальметт — из колодца последней четверти V в. до н.э. (Corbett 1949: 344).

Таким образом, дата погребения — последняя четверть V в. до н.э.

Подвески в форме львиных головок

Львиные головки применялись в ювелирном деле Греции V—IV вв. до н.э. для оформления различных украшений. В первую очередь их использовали для оформления окончаний браслетов (Pfrommer 1990: 100—108, 335—340, TA 37—108)[11], гривен[12], шинок перстней (по сторонам щитка)[13], а также в качестве оправы подвесок из камня

[9] Одна из них находилась не в районе черепа, а рядом с кистью левой руки и возможно являлась простым кольцом.

[10] Или серебра низкого качества.

[11] Икизтепе, Лидия: Özgen, Öztürk 1996: 180, no. 131. — Икизтепе, Лидия: Özgen, Öztürk 1996: 160—161, no. 111. — Сарды: Curtis 1925: 25—26, nos. 49—50, pl. IV: 7—8; Meriçboyu 2001: 108—190. — Самсун: Pfrommer 1990: 98, 102, 337, Nr. TA 66; Platz-Horster 2001: 61—62, Nr. 37; Пантикапей, каменная гробница, открытая на г. Митридат в 1854 г.: Williams, Ogden 1994: 156—157, no. 96; Kat. Bonn 1997: 142— 143, Nr. 53; Cat. Malibu 2007: 148—149, no. 56; Калашник 2014: 80—81. — Пантикапей, некрополь, 1867 г.: Калашник 2014: 104—107. — Тарент: Williams, Ogden 1994: 218, no. 152.

[12] Талаевский курган: Петренко 1978: 44, pl. 31: 1; Galanina, Grach 1986: figs. 236—237; Кубышев и др. 2009: 84; Колтухов, Сенаторов 2015: 329—330, fig. 5, 5; Бабенко 2018: 198, рис. 8: 5. Комплекс датируется концом первой — началом второй четверти IV в. до н.э.: Полин 2014: 357; Колтухов, Сенаторов 2015: 331. — Малая Близница (фрагментированая гривна): ОАК за 1882—1888 гг.: Табл. VII: 11. — Куль-Оба (наконечник гривны): Artamonow 1970: Taf. 263; Galanina, Grach 1986: fig. 212. — Солоха: Петренко 1978: 46, раздел VI, табл. 35: 2—2a; Galanina, Grach 1986: figs. 122—123; Манцевич 1987: 55—57, № 33; Jacobson 1995: 119—120, N II.B.1, figs. 16—17; Williams 1998: 101, colour pl. 15. — Курган у Архангельской слободы: Leskov 1972: pls. 32, 40—41; 1974: 73, Abb. 103; Петренко 1978: табл. 31: 2; Kat. Schleswig 1991: 314, Nr. 105; 385. подобный же наконечник неизвестного происхождения хранится в Берлине: Greifenhagen 1970: Taf. 19: 1—3; Leskov 2008: 144—145, no. 185.

[13] Икизтепе, Лидия: Özgen, Öztürk 1996: 148, no. 103. — Гекчилер: Cat. Istanbul 2010: 553, no. 195. — Нимфей: Силантьева 1959: 42, рис. 19: 2а—б; Неверов 1986: 22, прим. 72, табл. II: 4; Neverov 2000: 180, fig. 5; 182, no. 9; Калашник 2014: 65; Трейстер 2023: 302, рис. 2: 5—6; 303. — Предположительно, г. Митридат: Platz-Horster 2001: 60, Nr. 36.

(Сарды: Meriçboyu 2001: 127, fig. 3; 2010: 170, fig. 13; Cat. Istanbul 2010: 496, no. 118), окончаний ожерелий (Капуя: Williams, Ogden 1994: 216, no. 149), серег (Сарды: Curtis 1925: 30—31, nos. 67—68, pl. VII: 5—7; Meriçboyu 2001: 125, fig. 2) и височных подвесок (Pfrommer 1990: 154—157, fig. 26 (карта распространения), 375—377, OR286—304; pls. 23: 7—8; 30: 23—26; Guzzo 1993: 96—97, VIB; 256—257; Williams, Ogden 1994: 215, no. 148), в том числе спиралевидных подвесок (Курион: Williams, Ogden 1994: 237, nos. 171—172).

Особую группу составляют золотые ушные подвески в форме щитков с изогнутыми дужками — в центре щиток был украшен львиной головкой. Такие подвески происходят преимущественно из Ольвии (Фармаковский 1914: 24—26, табл. IX; Скуднова 1988: 21, 83—84, № 122.17; 112—113, № 170.4; 114, № 172.1; 149—150, № 232.14; Kat. Bonn 1997: 127, Nr. 40; Крыжицкий и др. 1999: 496, 497, рис. 149; Калашник 2014: 44—47), а также (в одном случае) из скифского кургана в Емчихе в Приднепровье (Емчиха: Онайко 1966: 31, 64, № 237, табл. XXII: 1—2; XXIV: 44; Петренко 1978: 24—26, тип 2, табл. 16: 21; Кат. Москва 2002: 92, № 385) и датируются в рамках второй половины VI — начала V вв. до н.э.

Кроме того, львиные головки использовались и в качестве наконечников золотых рогов для питья (Власова 2000: 56—62, № 7, 8, 10, 11, 13, 15, 19, 21, 30), в частности, из т.н. Майкопского сокровища (Platz-Horster 2001: 46 — 47, Nr. 278; Platz-Horster, Nagler 2007: 223, Abb. 2), Уляпского кургана № 4 (Leskov 1990: 192, Nr. 239, Abb. 187, 189, 190; Власова 2000: 57—58, № 10; Кат. Москва 2002: 124—125, № 614; Erlich 2007: 209, Abb. 5; Эрлих 2010: 400, рис. 10; Анфимов 2011: 152—153; Лесков и др. 2013: 31—32, № 9, фото 5; Кат. Москва 2024: 68—69, № 40) и Семибратнего кургана № 2 (ОАК за 1876 г.: табл. IV: 8; Власова 2000: 56—57, № 8; Анфимов 2011: 102). Два слива серебряной с позолотой амфоры из Чертомлыцкого кургана также были оформлены в виде львиных головок (Artamonow 1970: Taf. 172—173; Galanina, Grach 1986: figs. 265—266; Алексеев и др. 1991: 174, № 91, 175—177 (илл.); Минасян 1991: 378, 379, рис. 1; Boardman 1994: 205, 206, fig. 6.28a-b; Schiltz 1994: 134, Abb. 101; Rolle et al. 1997: Teilbde 2—3, 17, Nr. 91, 208—209, Abb. 1—2; Taf. 24, Farbtaf. 3—5; Алексеев 2012: 195, 200, 201; Бабенко 2021: 122, рис. 1: 1; 2024: 72, рис. 1: 15; 2: 1—2).

В целом, один из самых распространенных вариантов использования львиных головок ювелирами в рассматриваемую эпоху — именно для изготовления подвесок, которые могли быть как частью ожерелий, так и использоваться в качестве одиночных.

В Икизтепе в Западной Лидии, среди разнообразных бронзовых матриц и формеров был найден и формер для изготовления львиных головок (Özgen, Öztürk 1996: 227, no. 213; Treister 2001: 61, figs. 14—15).

Подвеска в форме львиной головки на шнуре изображена на шее Аретузы на серебряных тетрадрахмах чеканки Сиракуз, датируемых ок. 435 г. и 405 гг. до н.э. (Deppert-Lippitz 1985: 150, Abb. 100; Papaevangelou-Genakos 2017: 87, pls. 31: 20.d; 32: 21).

Подвески в форме львиных головок из некрополей Таманского полуострова

Несмотря на типологическую близость подвески отличаются как деталями трактовки львиной пасти и гривы, так и оформлением петли для подвешивания.

Подвеска из Кеп (Приложение 1: № 3) спаяна по длине из двух половинок, тисненных в форме. Морда льва: пасть с зубами и высунутым языком, уши, грива, трактованы обобщенно и в рельефе. Уши — полукруглой формы, локоны гривы переданы прямыми и дуговидными валиками. Глаза обведены валиками, в центре выпуклое миндалевидной формы глазное яблоко. Нос оформлен поперечными параллельными валиками. Пасть обведена по краю узким валиком, обозначены стиснутые в пасти зубы, между которых в центре показан высунутый и плавно отогнутый вниз язык. С оборотной стороны полая подвеска запаяна округлой пластиной с аккуратно прорезанным овальным, почти округлым отверстием в центре. По краю в месте спайки проходит напаянная в форме кольца рубчатая проволока.

К затылку припаяна широкая овальная в сечении пластинчатая петля для подвешивания с четырьмя продольными уплощенными валиками (рис. 6).

Подвеска из погребения № 72/2015 некрополя Волна 1 (Приложение 1: № 1) отличается от находки из Кеп более тщательной проработкой деталей. В частности, внутри полукруглого уха, обведенного валиком, проработан каплевидный элемент с валиком по оси и по краю. Тщательнее проработана и грива, оформленная в виде сетки из нерегулярных ромбовидных ячеек с узкими валиками по краям элементов. Тремя парными горизонтальными канавками показаны усы. Язык, сильно высунут и завернут вниз, по краям оформлен валиками. С оборотной стороны полая подвеска запаяна округлой пластиной с аккуратно прорезанным округлым отверстием в центре. По краю в месте спайки подвески проходит напаянная в форме кольца с концами встык крученая проволока. К затылку припаяна узкая округлая в сечении пластинчатая петля для подвешивания с два валиками по краям, между которыми впаяна рубчатая проволока (рис. 7).

Подвеска из погребения № 114/2015 некрополя Волна 1 (Приложение 1: № 2) отличается трактовкой гривы в виде прямых косых параллельных валиков. Аналогичным образом короткими параллельными валиками обозначены брови. Плотно прижатые к голове уши обозначены низким полукруглым валиком. Пасть широко раскрыта. Между двух нижних клыков (в верхней челюсти сохранился один) высунут овальной формы с закругленным концом язык, слегка выступающий за пределы нижней челюсти. На лбу напаяна изначально 5-лепестковая розетта (сохранилось четыре лепестка). В основании розетты напаяна пластина, грубо обрезанная по контуру. Лепестки каплевидной формы выполнены напаянной рубчатой проволокой. В центре розетты впаян круглый шарик зерни.

По центральной оси языка проходит канавка. С оборотной стороны полая подвеска запаяна округлой пластиной с прорезанным изначально округлым (?) отверстием в центре с деформированными и загнутыми внутрь краями. Во краю в месте спайки проходит напаянная в форме кольца рубчатая проволока. К затылку припаяна широкая овальная в сечении пластинчатая петля для подвешивания. По каждому краям она оформлена полосой крестообразно нанесенных насечек. В центральной части — проходит три низких продольных валика, местами с короткими поперечными насечками (рис. 8).

Отверстия на задней пластине подвесок

Все публикуемые подвески (Приложение 1: № 1—3) имеют округлые отверстия на задней пластине (рис. 6—8). Округлое отверстие отмечается и на подвеске из Акарнании (Приложение 1: № 13). Отмечается, что и на упомянутой ольвийской подвеске «прорезано узкое подковообразное отверстие» (Приложение 1: № 9). Прямоугольный вырез сзади имеется на подвеске в форме головки быка одного из ожерелий из Эретрии (Kuruniotis 1913: 308). На некоторых подвесках в форме головок льва (Родос, Курион) (Приложение 1: № 14, 17) и быка (Курион, Блумингтон, Стататос) (Приложение 2: № 17, 20, 21) имеются треугольные вырезы.

Неоднократно предполагалось, что эти отверстия использовали для того, чтобы можно было положить что-то в полость подвески, таким образом, рассматриваемые подвески могли выполнять функцию футляров для благовоний или филактериев (ДБК: 82, 218). Действительно, у одной из подвесок в форме головки быка на оборотной стороне пластинка в виде крышечки, предполагается, что подвеска могла служить коробочкой для благовоний.

Другая гипотеза заключается в том, что отверстия были необходимы для выхода воздуха при пайке (Уильямс. Огден 1995: 249, № 187). В таком случае, форма и размер таких отверстий могут коррелироваться с работой той-или иной мастерской. И с этой точки зрения показательно, что у всех публикуемых подвесок отверстия имеют округлую форму. Не является ли это свидетельством их изготовления в мастерских Северного Причерноморья? Впрочем, округлое отверстие имеется и на подвеске из Акарнании (Приложение 1: № 15). Также округлое отверстие

расположено в центре задней пластины золотой сферической подвеске с филигранным декором из коллекции П. Канеллопулоса, которая определяется как этрусская IV в. до н.э. (Laffineur 1980: 395—396, no. 78, figs. 84—85).

Аналогии формам и элементам

Форма уха (полукруглого), трактовка пасти и гривы сближают подвеску из Кеп (Приложение 1: № 3) (рис. 6) с наконечниками ритона из Семибратнего кургана № 2 (ОАК за 1876г.: табл. IV: 8; Власова 2000: 56—57, № 8; Анфимов 2011: 102) и гривен в виде головок львов из скифских комплексов IV в. до н.э. (см. выше прим. 12), в частности, из Талаевского кургана (Петренко 1978: 44, табл. 31: 1; Galanina, Grach 1986: figs. 236—237; Кубышев и др. 2009: 84; Колтухов, Сенаторов 2015: 329—330, fig. 5: 5; Бабенко 2018: 198, рис. 8: 5). С подвеской второй половины V в. до н.э., происходящей с острова Родос (Приложение 1, № 15), кепскую подвеску (Приложение 1, № 3), а также подвеску из погребения № 114/2015 некрополя Волна 1 (Приложение 1, № 2) объединяет подобное оформление шва рельефной части с задней пластинкой в виде рубчатой проволоки.

Оформление петли одной из подвесок из некрополя Волна 1 (погребение № 72) (Приложение 1: № 1) (рис. 7), и подвески из случайных находок в Ольвии 1904 г. (см. Приложение 1: № 8) в форме рубчатой проволоки, впаянной между двух гладких, находит параллель, например, на подвеске в форме головки барана, происходящей предположительно с Кипра, хранящейся в Британском музее и датируемой второй половиной V в. до н.э. (см. Приложение 3: № 2), а также на подвеске в виде головы быка из плитовой гробницы в Аджимушкае, раскопанной А.Б. Ашиком в 1841 г. (см. Приложение 2: № 7).

Розетта из лепестков, выполненных рубчатой проволокой с впаянной в центре шариком зерни, но в основании петли, украшает подвеску из Камироса на Родосе, которую датируют второй половиной V в. до н.э. (Приложение 1: № 17), а также подвеску из Тарента, найденную в погребении второй половины IV в. до н.э. (Приложение 1: № 20) Подобная же розетта напаяна на лбу барана — золотой подвески ожерелья, предположительно происходящего из Эретрии и хранящегося в Берлине (Приложение 3: № 1).

Оформление носа поперечными валиками, а широкой петли — четырьмя продольными валиками, как на подвеске из Кеп (Приложение 1, № 3) (рис. 6), наблюдается на подвеске из могилы № 10/1913 некрополя Ольвии, которую следует датировать второй четвертью — серединой V в. до н.э. (Приложение 1: № 9). В то же время эту подвеска отличает значительно более тщательная проработка деталей, пасть раскрыта, показаны усы. Нос оформлен поперечными валиками, а усы, обозначены прочерченными канавка и на головках львов — сливах амфоры из Чертомлыка (Artamonow 1970: Taf. 172—173; Galanina, Grach 1986: figs. 265—266; Алексеев и др. 1991: 174, № 91, 175—177 (илл.); Минасян 1991: 378, 379, рис. 1; Boardman 1994: 205, 206, fig. 6.28a-b; Schiltz 1994: 134, Abb. 101; Rolle et al. 1997: Teilbde 2—3, 17, Nr. 91, 208—209, Abb. 1—2; Taf. 24, Farbtaf. 3—5; Алексеев 2012: 195, 200, 201; Бабенко 2021: 122, рис. 1: 1; 2024: 72, рис. 1: 15; 2: 1—2).

Оформление гривы прямыми и дуговидными валиками, как на подвеске из Кеп (Приложение 1: № 3) (рис. 6), можно сравнить, с подобными, но дополнительно проработанными тонкими линиями на наконечниках гривен из Куль-Обы (Artamonow 1970: Taf. 263; Galanina, Grach 1986: fig. 212) и Солохи (Петренко 1978: 46, раздел VI, табл. 35: 2—2а; Galanina, Grach 1986: figs. 122—123; Манцевич 1987: 55—57, № 33; Jacobson 1995: 119—120, N II.B.1, figs. 16—17; Williams 1998: 101, colour pl. 15). Подобным же образом оформлены и гривы на двух головках львов — сливах серебряной амфоры из кургана Чертомлык (Artamonow 1970: Taf. 172—173; Galanina, Grach 1986: figs. 265—266; Алексеев и др. 1991: 174, № 91, 175—177 (илл.); Минасян 1991: 378, 379, рис. 1; Boardman 1994: 205, 206, fig. 6.28a-b; Schiltz 1994: 134, Abb. 101; Rolle et al. 1997: Teilbde 2—3, 17, Nr. 91, 208—209, Abb. 1—2; Taf. 24, Farbtaf. 3—5; Алексеев 2012: 195, 200, 201; Бабенко 2021: 122, рис. 1: 1; 2024: 72, рис. 1: 15; 2:

1—2). Значительно ближе — трактовка гривы на наконечниках гривны из Талаевского кургана (Петренко 1978: 44, табл. 31: 1; Galanina, Grach 1986: figs. 236—237; Кубышев и др. 2009: 84; Колтухов, Сенаторов 2015: 329—330, fig. 5: 5; Бабенко 2018, 198, рис. 8: 5).

Оформление гривы в виде сетки с ромбовидными ячейками, как на подвеске из погребения № 72 некрополя Волна 1 (Приложение 1: № 1) (рис. 7), представлено на протомах львов золотых браслетов из Икизтепе (Özgen, Öztürk 1996: 178—179, no. 130; Meriçboyu 2001: 96—97; Özgen 2010: 325, fig. 36), на изображении льва на золотой бляхе в виде фигурки лежащего оленя из Куль-Обы (Артамонов 1968: 9—16; Artamonow 1970: Taf. 264—265; Galanina, Grach 1986: fig. 213; Kat. Hamburg 1993: 126—127, Nr. 62; Schiltz 1994: 158—159, Abb. 116; Королькова (Чежина), Алексеев 1994: 102—109; Kat. Bonn 1997: 158—159, Nr. 65; Алексеев 2012: 172—173), а также на наконечнике бронзового стержня, детали конской узды из погребения, открытого К.Р. Бегичевым на м. Тузла в 1852 г. (ДБК: 202, табл. XXIX: 12; Galanina, Grach 1986: figs. 281, 283; Кашаев 2013: 368—369, 371, рис. 5: 1; 6: 5). Оформление гривы в виде прямых параллельных валиков, как на подвеске из погребения № 114 некрополя Волна 1 (Приложение 1: № 2) (рис. 8), отмечается на подвеске из Мариона (Приложение 1: № 13) и на подвеске из Камироса (Приложение 1: № 17).

Хронология

Вероятно самой ранней является находка из некрополя Эретрии (Приложение 1: № 14), если справедлива датировка комплекса первой четвертью V в. до н.э. Очевидно, что и подвески в форме головок быка и барана, появляются в это же время, судя по их использованию в качестве элементов ожерелий из погребений этого же некрополя. В Северном Причерноморье наиболее ранней является скорее всего ольвийская подвеска из могилы № 10/1913 (Приложение 1: № 9), которая возможно датируется еще второй, или скорее третьей четвертью V в. до н.э. Подвески из публикуемых комплексов Таманского полуострова (Приложение 1: № 1—3) (рис. 6—8) могут быть датированы последней четвертью того же столетия и даже рубежом V—IV вв. до н.э. В конце V в. до н.э. такие подвески появляются в Таренте, где они получают распространение уже в следующем столетии (Приложение 1: № 19—22). Также не ранее второй половины — конца V в. до н.э. в Южной Италии появляются подвески в форме головок быка и барана. На Боспоре (Пантикапей) (Приложение 2: № 7—12) и в Закубанье (Карагодеуашх) (Приложение 2: № 15) подвески в форме головок быка были найдены в комплексах первой четверти и середины — начала третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014, 467—468), соответственно, а подвески серег из некрополя Лете в Македонии (Приложение 2, № 18) датируются началом III в. до н.э. Подвески в форме объемных головок быка продолжают использоваться и в позднеэллинистическое время, судя по богато украшенной филигранью и вставкой цветного камня в касте подвеске из Том, датированной II в. до н.э. (Lungu et al. 2012: 121, no. 1, pl. LVIII, 1) и подвеске ожерелья из кургана у дер. Синеморец в районе Бургаса (Cat. Bergen 2017: 151—152, no. 151). На шее мраморной статуи второй половины II в. н.э. знатного боспорца из Горгиппии изображена гривна, в центре которой представлена крупная головка быка, между двух змеиных головок (см. по поводу этой статуи и гривны с головкой быка: Treister, in: Mordvinceva, Treister 2005: 80—81).

Выводы

В целом, очевидно, что все подвески в той или иной степени индивидуальны и стилистические признаки не позволяют говорить о том или ином центре их производства. Скорее об этом могут свидетельствовать места их находок, которые показывают довольно отчетливую концентрацию подвесок в Южной Италии, прежде всего в Таренте, и в Северном Причерноморье, в Ольвии, и особенно на Боспоре.

Приложение 1. Подвески в форме львиных головок

1) Волна 1. Погребение № 72/2015. 410—390 гг. до н.э. Костяк женщины 35—40 лет, найдена под черепом. Дл. 1,7 см, шир. 18 мм, дм. петли 0,7 см. Таманский музейный комплекс, инв. № КМ-13928/158. Лит.: Новичихин 2019: 71, рис. 100; Цокур и др. 2022а: 94, илл. 175: 7 (рис. 7).

2) Волна 1. Погребение № 114/2015. Последняя четверть V в. до н.э. Пол и возраст не определялись, судя по инвентарю, погребение женское. Найдена под челюстью. Дл. 1,65 см, шир. 1,3 см, дм. отверстия петли 0,4 × 0,45 см. Таманский музейный комплекс, инв. № КМ-13928/306. Лит.: Новичихин 2019: 64, рис. 81; Цокур и др. 2022а: 135, илл. 252: 4. (рис. 8).

3) Кепы. Погребение № 282(27)/1964. 420—400 гг. до н.э. Погребение девочки. Найдена на груди. Дл. 1,9 см, шир. 1,5 см, петля: шир. 0,5 см, дм. 0,7 × 0,4 см. Москва, ГИМ, инв. № 98709, оп. Б-1324, № 87 (Сорокина 1967: 101—102, рис. 37; Кат. Москва 2002: 53, № 167; Журавлев 2010: 313, рис. 38; 314; Трейстер 2010: 546—547, рис. 18) (рис. 6).

4) Керчь, раскопки Д.В. Карейши в кургане у Карантинного шоссе, 1846. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж (ДБК: 166, табл. XXIV: 20).

5) Керчь. Ожерелье с различными подвесками, в том числе поздними, и центральным элементом в виде подвески в форме львиной головки, тисненной, обратная сторона открытая. По мнению А. Грайфенхагена, подвеска классического времени. Размеры не опубликованы. Берлин, Античное собрание (через коллекцию П. Маврогордато), инв. № 30219, 346 (Greifenhagen 1975: 21, Taf. 12: 4—5; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, № C/1.2.2.1, табл. 69).

6) Курган у ст. Сенной, раскопки 1852 г., женское погребение в деревянном саркофаге в гробнице из сырцового кирпича с богатым разнообразным инвентарем. Ст. Петербург, Государственный Эрмитаж (Власова 2010, 200—202 (первой половины IV в. до н.э.); Застрожнова 2012, 166—168; 2013, 177—178; 2019: 43—51; Трейстер 2015: 17).

7) Курган у ст. Сенной, раскопки 1855 г., женское погребение в деревянном гробу. Ст. Петербург, Государственный Эрмитаж (Герц 1876: 114; Застрожнова 2014: 477; Трейстер 2015: 18). В этом же погребении – серебряный перстень с изображением летящего Эрота с венком (Государственный Эрмитаж, инв. № Т.1855.1: ДБК 1854: Т. 1, 132 (как золотой); Т. 3: табл. XVIII: 14; Furtwängler 1900: Bd. 1, Taf. 10: 10; Bd. 2: 50; Неверов 1986: 19, прим. 20; Boardman 2001: 215, 296, pl. 659; Застрожнова 2014: 477; Трейстер 2015: 18; 2020: 235—236; 2023: 299–300, рис. 1: 5).

8) Уляп, курган № 1/1981. Ритуальный комплекс. Золотая подвеска отличается грубостью исполнения, отсутствием деталей и тем, что петля припаяна непосредственно в центре пластинки, запаивающей полость подвески сзади. Подобным же образом припаяны и петли для подвешивания у подвесок в форме бараньих головок из Майкопского сокровища. В. 2,3 см. Москва, Государственный музей Востока, инв. № 29 М-IV (Кат. Москва 1987: 89, № 37; Kat. Mannheim 1989: 107, Nr. 37; Leskov 1990: 178, Nr. 54, Abb. 151; Лесков и др. 2013: 22, № 33, рис. 13: 1; Власова 2024: 252; Кат. Москва 2024: 70, № 41).

9) Ольвия, могила № 10/1913. Золотая подвеска в виде львиной головки, с петлей в форме колечка с рубчиками, сзади на гладкой стороне прорезано узкое подковообразное отверстие; львиная пасть открыта, уши прижаты, грива трактована мелкими ромбами. Дл. 1,8 см. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № О.1913.20 (ОАК за 1913—1915 гг.: 41, рис. 51 в центре; Pharmakowsky 1914: 241—242, Nr. 2, Abb. 60 в центре; Скржинская 1986: 114, рис. 2: 11; 118, 120, рис. 4: 9; 122; 1987: 175, 178, рис. 56: 10; 179; Скуднова 1988: 128, № 199.2; Крыжицкий и др. 1999: 496, рис. 148).

10) Ольвия, среди вещей, приобретенных из случайных находок и тайных раскопок в 1904 г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж (ОАК за 1904 г.: 121, № 2, рис. 210).

11) Ольвия, покупка 1924 г. Приобретена за 30 руб. у крестьянина Г.С. Диденко Киевским археологическим музеем. В. 2,3 см, дл. 1,9 см. Киев, МИДУ, инв. № ДМ-6327. (Фармаковский 1926: 161, рис. 21; 163; Ganina 1974: no. 66; Kat. Wien 1993: 162—163, Nr. 41:

как первая публикация подвески неизвестного происхождения, отмечается, что имеется петля и на оборотной стороне)

12 [2]) Две подвески ожерелья из Северного Причерноморья, предположительно из раскопок Ольвии 1900 г.: Государственный Эрмитаж. Куплено в 1903 г. у Наделя. Государственный Эрмитаж, инв. № ГР-17748 (ОАК за 1903 г.: 147—148, рис. 287; Кат. Ст. Петербург 2024: т. 2, 284, № 438.

Кипр

13) Подвеска из Мариона, гробница 118/1958. В. 1,2 см. Никосия, Музей Кипра (Megaw 1958: 29, fig. 8; Pieridis 1971: 35, pl. XXII: 12 с датировкой 475—450 гг. до н.э.).

14) Подвеска из Куриона. В. 1,76 см, дм. торцевой стороны 1,3 см. Из коллекции Чеснола. Нью-Йорк, Музей Метрополитен, инв. № 74.51.3328 (Williams, Ogden 1994: 249, no. 187: 450—400 гг. до н.э.; Уильямс, Огден 1995, 249, № 187; Karageorghis et al. 2000: 240, no. 392.

Греция, Фракия

15) Подвеска предположительно из Акарнании. В. 2,3 см, дм. торцевой стороны 1,4 см. Лондон, Британский музей, инв. № 1919,0621.1 (Williams, Ogden 1994: 55, no. 8; Уильямс, Огден 1995: 55, № 8).

16) Эретрия. Некрополь. Центральная подвеска ожерелья. Первая четверть V в. до н.э. Афины, Национальный археологический музей (Kuruniotis 1913: 311—312, Taf. XV: 2; Higgins 1980: 129, pl. 26B.

17) Абдера. Некрополь. Раскопки 1972 г. Погребение в пифосе. Датировка не известна. Абдера, Археологический музей, инв. № МА 6936 (Kallintzi, Chatziprokopiou 2024: 209—210, fig. 5B).

Родос

18) Родос, Камирос. В. 2,1 см, шир. 1,7 см. Лондон, Британский музей, инв. № 1885.1213.45 (Marshall 1911: 100, no. 1208, pl. XII; Spier 1988: 232; Williams, Ogden 1994: 88, no. 39; Уильямс, Огден 1995: 88, № 39; вторая половина V в. до н.э.).

Южная Италия, Сицилия

19) Тарент, некрополь, погребение № 19/1954 (конец V в. до н.э.), выступы по краям торца, обильно украшена зернью. В. 1,8 см, дм. торцевой стороны 1,7 см. Таранто, Национальный археологический музей, инв. № 100734 (Cat. Milan 1984: 226, 230; Cat. Triest 2002: 251, no. 85.1: последние десятилетия V в. до н.э.).

20) Тарент, погребение № 442/1909 третьей четверти IV в. до н.э.: широкая петля с валиками, в основании от торцевой части отходят пластинчатые завитки с напаянной по краю рубчатой проволокой. В. 1,8 см, дм. торцевой стороны 1,6 см. Таранто, Национальный археологический музей, инв. № 4564 (Cat. Milan 1984: 230, no. 159; Kat. Wien 1996: 99—100, Nr. 133).

21) Тарент, погребение № 3/1959 второй половины IV в. до н.э.: на петлю напаяна пластинчатая 6-лепестковая розетта с напаянной по краю лепестков рубчатой проволокой и шариком зерни в центре. По основанию торцевой пластины напаяна рубчатая проволока. В. 1,6 см, дм. торцевой стороны 1,1 см. Таранто, Национальный археологический музей, инв. № 114662 (Cat. Milan 1984: 230—231, no. 160).

22) Тарент, находка вне комплекса 1956 г., лев с широко раскрытой пастью, в отличие от всех известных подвесок петля напаяна не по оси подвески, а перпендикулярно ей (параллельно торцевой части). По основанию торцевой пластины напаяна рубчатая

проволока. В. 1,6 см, дм. торцевой стороны 1,2 см. Таранто, Национальный археологический музей, инв. № 105956 (Cat. Milan 1984: 230, no. 158: вторая половина IV в. до н.э.).

23) Тиммари (в районе Матера, Басиликата): элемент ожерелья — припаян к пронизи. Матера, Музей, инв. № 8895 (catalogo.beniculturali.it: 1).

24 (4) Роккаглориоза, Лукания, погребение № 9: 4 подвески ожерелья припаянных к пронизям. Салерно, Sopr. Arch., инв. № 48122 (Gualtieri 1983: 320, fig. 20; Musti et al. 1992: 154—155, no. 122.2; 261—262; Guzzo 1993: 199, IVC1b; 228, Vaa2; Cat. Paestum 1996: 106, 108, no. 42.34: вторая четверть IV в. до н.э.; Cat. Venice 1996: 476, 723, no. 271: первая половина IV в. до н.э.).

25 (2) Монтанья Реале (Сицилия): две подвески с широкими петлями с валиками. В. 1,0 см, шир. 0,9 см. Палермо, Археологический музей, инв. № 30672—30673 (Lippolis 2008: 177, nos. 269—270: V в. до н.э.).

Серебряные, Фазос

26 (2) Из датируемого первой половиной — серединой IV в. до н.э. трупосожжения S-D на Фазосе происходят две серебряные подвески. Дм. 2,4 см. Фазос, Археологический музей (Sgorou, Agelarakis 2001: 344—345, figs. 30, 34; 354—355, no. 55c).

Место находки неизвестно

27 (11) Ожерелье из бус, 11 подвесок в форме львиных головок, 12 — в форме пальметт. «Die elf Löwenköpfchen in Halbformen getrieben, hinten offen. Die Öffnung von Spiraldraht eingefasst, unterhalb der Ohren durchbohrt für eine zweite Schnur, die wohl das Umklappen der Anhänger verhindern sollen» (Basel, Sonderliste M: 24—25, no. 58 с датировкой началом V в. до н.э.)

28) Ожерелье из бус с подвеской в форме львиной головки. «An kannelierter Öse getriebener Löwenkopf, hohl, hinten durch ein Goldplättchen mit punziertem Gorgoneion verschlossen» (Basel, Sonderliste M: 24—25, no. 59 с датировкой ок. 400 г. до н.э. и предположительным происхождением из Великой Греции).

29) Подвеска. Со слегка приоткрытой пастью и высунутым языком. Клыки и язык вставлены. Округлые уши, складки на носу и морде. Прочеканена грива. Сзади открытая, по краю напаяна рубчатая проволока (Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste T. Oktober 1981: 7, Nr. 13; 31 (Abb.) с датировкой первой половиной V в. до н.э.)

30) Подвеска. Ранее в коллекциях: comtesse Martine-Marie-Octavie Pol de Béhague (1870—1939), Париж; затем потомков маркиза Jean-Louis Hubert de Ganay (1922—2013), Франция (Antiquites et Objets d’Art 1987: lot 36; Cat. New York 2000: no. 39; christies.com: 1; Christies Antiquities New York April 2019: lot 151).

31) Монтекарло. HVMC, Auktions Haus aus Montecarlo. Подвеска, припаянная к пронизи. На пронизи с лицевой стороны 7-ленпетсковая филигранная розетта с шариком зерни. На оборотной пластине подвески прорезь округлой нерегулярной формы (hvmc.com: 1).

Приложение 2. Подвески в виде головки быка

1) Эретрия. Некрополь. Центральная подвеска ожерелья. Первая четверть V в. до н.э. Афины, Национальный археологический музей (Kuruniotis 1913: 306—309, Taf. XV: 1; Higgins 1980: 129, pl. 26A).

2) Эретрия. Некрополь. Центральная подвеска ожерелья. Первая четверть V в. до н.э. Афины, Национальный археологический музей, инв. № Χρ. 10 (Kuruniotis 1913: 309, Taf. XV: 3; Higgins 1980: 129, pl. 26C; Deppert-Lippitz 1985: 120, Abb. 68c; Despini 1996: 134—135, figs. 119—120; 241—242; Cat. Thessaloniki 1997: 100—101, no. 88).

3) Эретрия. Некрополь. Центральная подвеска ожерелья. Первая четверть V в. до н.э. Берлин, Античное собрание, инв. № GI15 (Misc. 8398) (Greifenhagen 1975: 15, Taf. 4: 2; 5: 1—2; Higgins 1980: 129, note 28; Deppert-Lippitz 1985: 120, Abb. 69; Despini 1996: 136, fig. 121; 242).

4) Афины, ранее собрание Нелидова (Pollak 1903: 107, Nr. 311, Taf. XIII).

5) Камирос, Родос. На пластине на оборотной стороне V-образный вырез. Лондон, Британский музей, инв. № 1860,0201.81 (Marshall 1911: 99, no. 1198, pl. XII; Spier 1988: 232).

6 (3) Кумы, 3 подвески ожерелья, состоящего из 13 подвесок (все припаяны к пронизям). В. макс. 3,7 см. Неаполь, Национальный археологический музей, инв. № 126431 (Guzzo 1993: 200, P.IV C2; Cat. Venice 1996: 474, 717, no. 247).

7) Аджимушкай, плитовая гробница, раскопки А.Б. Ашика, 1841 г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № П.1841.8 (ДБК: 218, табл. XXXII: 12; Калашник 2014: 92—93).

8) Пантикапей, 1845, «деревянная гробница». На оборотной стороне пластинка в виде крышечки, предполагается, что подвеска могла служить коробочкой для благовоний. О том, что такие подвески могли служить «коробочкой для духов», см. ДБК: 82, 218. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № П.1845.7 (ДБК: 82, табл. XIIa: 9; ОАК за 1873 г.: табл. III: 15; Williams, Ogden 1994: 160, no. 100: 375—350 гг. до н.э.; Уильямс, Огден 1995: 160, № 100).

9 (2) Керчь, местность Чибечик, находка почетного гражданина Керчи Ж. Митроффа — в каменной гробнице, на груди скелета, две подвески (ОАК за 1862: XVI; 1863: 106—139, табл. I: 7—8).

10) Пантикапей (?). Подвеска, «украшенная филигранью», приобретенная в 1911 г. в Керчи (ОАК за 1911 г.: 31, № 11; 32, рис. 58; Pharmakowsky 1912: 347, Abb. 35).

11) Пантикапей, г. Митридат. Берлин, Античное собрание, инв. № Misc. 11863,14 Ожерелье. Подвеска, открытая сзади (Greifenhagen 1970: 42, Taf. 19: 6—7).

12) Керчь, из собрания П.О. Бурачкова. Подвеска с декором из напаянных листьев плюща и прочеканенной вихревой розеттой. Москва, ГИМ, инв. № 10569. Оп. Б—300, № 16 (Кат. Москва 2002: 50, № 147).

13) Тамань, коллекция М. де Массоно. Берлин, Античное собрание, инв. № Misc. 11863,12 ожерелье из золотых бус с центральной подвеской (Greifenhagen 1975: 23, Taf. 15: 1; 16: 5).

14) Юг России, коллекция М. де Массоно. Берлин, Античное собрание, инв. № Misc. 11863,13 ожерелье из золотых бус с центральной подвеской (Greifenhagen 1975: 23—24, Taf. 15: 2; 16: 3).

15) Курган Карагодеуашх, раскопки Е.Д. Фелицына 1888 г. Элемент центральной подвески ожерелья, вверху припаян к бусине. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 2492/2 (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 27, № 23; 36, табл. IV: 1—2; Deppert-Lippitz 1985: 166—168, Abb. 116; Galanina, Grach 1986: fig. 254; Kat. Hamburg 1993: 138—139, Nr. 68; Русяева 1994: 106—107, рис. 2: 3—4; Despini 1996: 155, fig. 141; 247; Анфимов 2011: 166—167; Алексеев 2012: 236—237; Вахтина 2016: 26—27, рис. 2: 9).

16) Ольвия, покупка 1913 г. Внутри подвески остатки деревянного сердечника. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж (Pharmakowsky 1914: 257, Nr. 1, Abb. 81; Скржинская 1986: 114, рис. 2: 9; 120, рис. 4: 10; 122; 1987: 175, 178, рис. 56: 10; 179).

17) Курион. Треугольный вырез на задней пластине. Нью-Йорк, Метрополитен Музей, инв. № 74.51.3332. (Williams, Ogden 1994: 249, no. 188; Уильямс, Огден 1995: 249, № 188 с датировкой второй половиной V в. до н.э.).

18) Подвески пары золотых серег с круглым щитком из некрополя Лете, датируются началом III в. до н.э. На лбу быков касты в форме листьев плюща, ср. подвеску из деревянной гробницы, открытой в Керчи в 1845 г. Фессалоники, Национальный археологический музей, инв. № 5160 (Tsigarida, Ignatiadou 2000: 84, fig. 88; Cat. Thessaloniki 2007: 293, no. 1; Cat. Paris 2011: 352, no. 217/1—2).

Место находки неизвестно

19) Константинополь, антикварный рынок, фото из собрания Р. Цана. Подвеска ожерелья из округлых бус (Greifenhagen 1975: 18—19, Abb. 1).

20) Хранится в Блумингтоне, из коллекции Б. Берри. Богато украшенная — на голове филигранные розетты с шариками зерни, касты в форме листьев плюща из3 рубчатой проволоки. Треугольный вырез на задней пластине. В. 3,15 см, шир. 2,1 см. Блумингтон, Художественный музей Университета Индианы, инв. № 70.105.3 (Cat. Bloomington 1995, 213—215, no. 58 с датировкой ок. 325—280 гг. до н.э.).

21 (7) 7 подвесок в форме головок быка ожерелья из розетт с подвесками в форме желудей и головок быков. Афины, Национальный музей, коллекция Э. Стататос. (Amandry 1963: 228—234, no. 167, figs. 134—135, pl. 35 с датировкой не ранее III в. до н.э.; Pfrommer 1990: 276, Anm. 2480 с датировкой концом III — II вв. до н.э.).

22) Подвеска со вставками эмали, с округлой задней пластиной и петлей для подвешивания из пяти спаянных проволочек, припаянной к затылку (Basel, Sonderliste M: 31, no. 75, ill. p. 33).

Приложение 3. Подвески в виде головок барана

1) Эретрия. Берлин, Античное собрание, инв. № GI 15 (Greifenhagen 1975: 15—16, Taf. 4: 2; 5: 1—2 (первая половина V в. до н.э.); Deppert-Lippitz 1985: 121, Abb. 69; 122: конец VI в. до н.э.).

2) Кипр. Лондон, Британский музей, инв. № GR 1895.10-25.1 (петля на торце) (Marshall 1911: 225, no. 2023, pl. XXXIX; Williams, Ogden 1994: 248, no. 186; Уильямс, Огден 1995: 248, № 186 с датировкой второй половиной V в. до н.э.).

3) Подвеска ожерелья из Северного Причерноморья, предположительно из раскопок Ольвии 1900 г.: Государственный Эрмитаж. Куплено в 1903 г. у Наделя. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № ГР-17748 (ОАК за 1903 г.: 147—148, рис. 287; Кат. Ст. Петербург 2024: т. 2, 284, № 438).

4 (14) Подвески ожерелья из Майкопского клада, 14 экз. К торцевой пластинке припаяно ушко, с которым соединена цепочка. Берлин, Античное собрание, инв. № 30221q1-14 (Greifenhagen 1970: 58, Taf. 34, Nr. 1; Cat. New York 1975: 157, no. 2; Platz-Horster, Nagler 2007: 221, Abb. 1, справа).

5) Тарент. В. 1,2 см, дм. торцевой части 1,2 см. Таранто, Национальный Археологический музей, инв. № 105322 (Cat. Milan 1984: 227; Cat. Trieste 2002: 246, no. 78: V в. до н.э.).

6 (9) Рокканова, 9 подвесок ожерелья из погребения, датируемого третьей четвертью V в. до н.э. (Deppert-Lippitz 1985: 140, Abb. 89; Guzzo 1993: 230, VC6).

7) Тиммари: элемент ожерелья — припаян к пронизи. Матера, Музей, инв. № 8896 (catalogo.beniculturali.it: 2).

Место находки неизвестно

8) Центральная подвеска ожерелья из бус и подвесок, ранее в частной коллекции в Базеле. Украшена на лбу четырехлепестковой розеттой с шариком зерни (Segall 1966: 25, Taf. 35: V в. до н.э.).

Литература

Алексеев А.Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев и др. 1991: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Анфимов Н.В. 2011. *Древнее золото Кубани / The Kuban's Ancient Gold.* Краснодар: Традиция.

Артамонов М.И. 1968. Куль-обский олень. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.* Ленинград: Наука, 9—16.

Бабенко Л.И. 2018. Пекторaль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения). *Stratum plus* 3, 187—206.

Бабенко Л.І. 2021. Амфора з Чортомлика та пектораль з Товстої Могили: загальне та особливе (історіографічний огляд і нові спостереження). *АДІУ* 4, 121—133. DOI: https://doi.org/10.37445/adiu.2021.03.01.

Бабенко Л.І. 2024. Чортомлицька амфора як модифікація золотих «ворворок»: скіфська традиція у складовій шедевру греко-скіфської торевтики. *Археологія* 1, 69—92.

Вахтина М.Ю. 2016. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН). *Таврические студии* 10, 24—31.

Власова Е.В. 2000. Скифский рог. В: Соловьев С.Л. (ред.). *Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 46—67.

Власова Е.В. 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани.* III. Москва: Наука, 198—262.

Герц К.К. 1876. *Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.* Москва: Московское археологическое общество.

Дамянов М. 2023. *Чернофирнисова керамика от некропола на Аполония Понтика: типологическо и хронологическо изследване (по материали от обредните огнища, около 400 — 250 г. пр. Хр.)*. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов» (Разкопки и проучвания XLIX).

Егорова Т.В. 2017. *Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Научный каталог. Москва: Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Журавлев Д.В. 2010. Государственный исторический музей. Памятники греческого и римского периодов. В: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 296—327.

Застрожнова Е.Г. 2012. Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 г.: к истории открытия, *РА* 1, 166—168.

Застрожнова Е.Г. 2013. Археологические раскопки в Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева). В: БЧ XIV. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории*. Керчь: БФ «Деметра», 176–181.

Застрожнова Е.Г. 2014. Археологические раскопки Фанагории в 1852—1855 гг. (по материалам полевого журнала К. Р. Бегичева). *БИ* XXX, 469—481.

Застрожнова Е.Г. 2019. *Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.).* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Калашник Ю.П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Москва 2002: Журавлев Д.В. (ред.). *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского.* Москва: ГИМ.

Кат. Москва 2024: Эрлих В.Р. (ред.). *Ахеменидский след в Северном Причерноморье*. Москва: Государственный музей Востока.

Кат. Ст. Петербург 2024: Жижина Н.К. (ред.). *В поисках античного Боспора. К 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева*. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; Чистый лист.

Кашаев, С.В. 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов). *РАЕ* 3, 360—409.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. 2015. Скифский Талаевский курган 1891 г. *Античный мир и археология* 17, 318—341.

Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. 1994. Олень из кургана Куль-Оба. Проблемы археологии 3. *Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса*, 102—109.

Крыжицкий и др. 1999: Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Русяева А.С., Скржинская М.В. Крапивина В.В., Анохин В.А. 1999. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Кубышев и др. 2009: Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Лаппо-Данилевский А, Мальмберг В. 1894. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. *Материалы по археологии России* 13.

Лесков и др. 2013: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2013. *Меоты Закубанья IV—III вв. до н.э. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Государственный музей искусств народов Востока.

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха.* Ленинград: Искусство.

Минасян Р.С. 1991. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана. В: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка, 378—389.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.

Неверов О.Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации). В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 17—27.

Новичихин А.М. 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет. В: Малышев А.А. (ред.). *Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет.* Москва: Институт археологии РАН, 192—203 (Некрополи Черноморья III).

Новичихин А.М. 2019: *Древности Тамани.* Тамань: Платонов.

ОАК за 1862 г.: *Отчет археологической комиссии за 1862 г.* 1863. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1863 г.: *Отчет археологической комиссии за 1863 г.* 1864. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1882—1888 гг.: *Отчет археологической комиссии за 1882—1888 гг.* 1891. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1903 г.: *Отчет археологической комиссии за 1903 г.* 1906. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1904 г.: *Отчет археологической комиссии за 1904 г.* 1907. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1911 г.: *Отчет археологической комиссии за 1911 г.* 1914. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ОАК за 1913—1915 гг.: *Отчет археологической комиссии за 1913—1915 гг.* 1918. Петроград: 9-я Государственная типография.

Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н.э.* (САИ Д1-27). Москва: Наука.

Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д4-5).

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк (Курганы Украины 3).

Русяева М.В. 1994. Золоті прикраси у вигляді голови Гери. *Археологія* 1, 104—109.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов.* Москва, Ленинград: АН СССР, 5—107 (МИА 69).

Скржинская М.В. 1986. Греческие серьги и ожерелья архаического периода. В: Русяева А.С. (ред.). *Ольвия и ее округа*. Киев: Наукова думка, 112—126.

Скржинская М.В. 1987. Украшения и предметы туалета. В: Крыжицкий С.Д. (ред.). *Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время.* Киев: Наукова думка, 175—183.

Скуднова В.М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии.* Ленинград: Искусство.

Сорокина Н.П. 1967. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг. *КСИА* 109, 101—107.

Сорокина Н. П. 1971. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н. э. на Таманском полуострове. В: Орешников С.М. (ред.). *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. Москва: Наука, 76—88.

Трейстер М.Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани* II. Москва: Наука, 534—598.

Трейстер М.Ю. 2015. История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине 19 — первой трети 20 в. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории* (, Москва: Институт археологии РАН, 16—22 (Фанагория 2).

Трейстер М.Ю. 2020. Позднеархаический золотой перстень из Фанагории. *Hyranis* 2, 233—240.

Трейстер М.Ю. 2023. Ювелирные украшения позднеархаического и раннеклассического времени на Боспоре (конец VI — первая половина V в. до н.э.). I. Перстни. В: Хршановский В.А. и др. (ред.). *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 298—306.

Уильямс Д., Огден Д. 1995. *Греческое* золото. *Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н.э.* Санкт-Петербург: АО Славия.

Фармаковский Б.В. 1914. Архаический период в России. Памятники греческаго архаическаго и древняго восточнаго искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрного моря, в курганах Скифии и на Кавказе. *MAP* 34, 17—78.

Фармаковский Б.В. 1926. Отчет о раскопках Ольвии в 1924 году. *Сообщения ГАИМК* 1, 143—163.

Цокур и др. 2022а.: Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2022а. *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове*. В двух частях. Ч. 1. Москва: Институт археологии РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1—2).

Цокур и др. 2022б.: Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2022б. *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове*. В двух частях. Ч. 2. Москва: Институт археологии РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1—2).

Эрлих В.Р. 2010. Государственный музей народов Востока. Коллекция предскифского и скифского времени. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани* III. Москва: Наука, 392—409.

Amandry P. 1963. *Collection Hélène Stathatos*. III. Strasbourg: Université, Institut d'Archéologie.

Antiquites et Objets d'Art 1987: *Antiquites et Objets d'Art: Collection de Martine, Comtesse de Behague, Provenant de la Succession du Marquis de Ganay*, Sotheby's, Monaco, 5 December 1987.

Artamonow M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen.* Prag: Artia.

Blegen C.W., Palmer H., Young R.S. 1964. *The North Cemetery*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XIII).

Bloesch H. 1940. *Formen attischer Schalen von Exekias bis zum Ende des strengen Stils*. Bern; Bünipliz: Druck und Verlag Benteli A.G.

Boardman J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity.* London: Thames & Hudson.

Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings*. 2nd ed. London: Thames & Hudson.

Cat. Bergen 2017: *Legends in Gold. Thracian Treasures from Bulgaria. Bryggens Museum, Bergen City Museum.* Bergen: Bryggens Museum.

Cat. Bloomington 1995: Rudolph W. *A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum.* Bloomington, Indianapolis: Indiana University Art Museum.

Cat. Istanbul 2010: Cahill N.D. (ed.). *Lidyalılar ve dünyaları: [bu katalog, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık A.Ş. tarafından 19 Şubat — 15 Mayıs 2010 tarihleri arasında Yapı Kredi Vedat Nedim Tör Müzesi'nde açılan "Lidyalılar ve Dünyaları" sergisi dolayısıyla Yapı ve Kredi Bankası A.Ş. için hazırlanmıştır] = The Lydians and their World*. Istanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık.

Cat. Malibu 2007: Trofimova A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Cat. Milan 1984. De Juliis E.M. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistico.* Milano: Mondadori.

Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians*. New York: the Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974).

Cat. New York 2000: *Bull Leapers to Picasso.* London; New York: Robin Symes.

Cat. Paris 2011: Descamps-Lequime S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Musée du Louvre editions.

Cat. Paestum 1996: Cipriani M., Longo F. (eds.). *I Greci in Occidente. Poseidonia e i Lucani.* Napoli: Electa.

Cat. Policoro 1996: Bianko S., Bottini A., Pontradolfo A. et al. (eds.). *I Greci in Occidente. Greci, Enotri e Lucani nella Basilicata meridionale.* Napoli: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Harry N. Abrams.

Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition.* Athens: Archaeological Receipts Fund.

Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.

Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair A., Rubinich M. (eds.). *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia.* Trieste: Silvana Editoriale.

Cat. Venice 1996: Pugliese Carratelli G. (ed.). *The Western Greeks*. London: Thames & Hudson.

Christie's Antiquities New York 2019: *Christies Antiquities New York, 29 April 2019. Auction 17459*. New York: Christie's.

Corbett P.E. 1949. Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora. *Hesperia* 18, 298—351.

Corbett P.E. 1955. Palmette Stamps from an Attic Black-glaze Workshop. *Hesperia* 24, 172—186.

Curtis C.D. 1925. *Jewelry and Gold Work*. Pt. I. 1910—1914. Rome: Sindicato Italiano Arti Grafiche (Sardis 13).

Deppert-Lippitz B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz: von Zabern.

Despini Ai. 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens: Ekdotike Athenon.

Dufkova M. 2003. *Attische Keramik des 5. und 4 Jhs. v. Chr. im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Struktur der Funde*. In: Schmaltz B., Söldner M. (Hrsg.). *Griechische Keramik im kulturellen Kontexst. Akten des Internationalen Vasen-Symposions in Kiel vom 24. bis 28.9.2001 veranstaltet durch das Archäologische Institut der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel.* Münster: Scriptorium, 234—237.

Duplouy A. 2015. Observations sur la plastique archaïque lydienne. *Collection de l'Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité* 1345/1, 79—101.

Erdan E. 2021. An Archaic Golden Pendant from Tralleis. A Brief Iconographic Reexamination. *Phaselis* VII, 73—83.

Erlich V.R. 2007. Die Fürstengräber und Heiligtümer von Uljap. In: Parzinger H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. Munich; Berlin; London; New York: Prestel, 204—219.

Furtwängler A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum.* Bd. 1—3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient.

Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publ.

Ganina O.D. 1974. *Kyiv Museum of Historical Treasures*. Kyiv: Mistetstvo.

Greifenhagen A. 1970–1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall* I– II. Berlin: Gebr. Mann.

Gualtieri M. 1983. Two Lucanian Burials from Roccagloriosa. In: Hackens T., Holloway N.D., Ross R. Holloway (eds.) *Crossroads of the Mediterranean. Papers delivered at the Intern. Conference held at Brown University, 1981*. Louvain-la-Neuve, Providence: Brown University, Center of Old World Archaeology and Art, 301—329 (Archaeologia Transatlantica II).

Guzzo P.G. 1993. *Oreficerie dalla Magna Grecia*. Taranto: Scorpione Editore.

Hayes J.W. 1984. *Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum*: A Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum.

Hermary et al. 2010: Hermary A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. 2010. *Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve—IIIe s. av. J.-C.). Fouilles franco-bulgares (2002—2004)*. Paris: Centre Camille Jullian. Édition Errance (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5).

Higgins R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Jacobson E. 1995. *The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World.* Leiden; New York; Cologne: E.J. Brill.

Kallintzi C., Chatziprokopiou K. 2024. Apotropaic and Prophylactic Jewellery from Abdera. In: Spathi M.G., Chidiroglou M., Wallensten J. (eds.). *Apotropaia and Phylakteria. Confronting Evil in Ancient Greece*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 204—222.

Karageorghis et al. 2000: Karageorghis V., Mertens J., Rose M.E. 2000. *Ancient Art from Cyprus: The Cesnola Collection in The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Kat. Bonn 1997: Barkova L., Kalašnik Ju. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Hamburg 1993: Busch R. (Hrsg.). *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg.* Neumünster: Wachholtz.

Kat. Schleswig 1991: Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.

Kat. Wien 1993: Seipel W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien.* Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Wien 1996: Seipel W. (Hrsg.). *Die Magie des Goldes. Antike Schätze aus Italien. Kunsthistorisches Museum Wien*. Wien: Skira.

Knigge U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: Walter de Gruyter & Co (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen IX).

Kuruniotis K. 1913. Goldschmuck aus Eretria. *AM* 38, 289—328.

Laffineur R 1978. *L'orfèvrerie rhodienne orientalisante.* Paris: De Boccard.
Laffineur R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains. *BCH* 104, 345—457.
Leskov A. 1972. *Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries*. Leningrad: Aurora.
Leskov A.M. 1974. *Die skythischen Kurgane*. Zürich: Raggi; Küsnacht.
Leskov A.M. 1990. *Grabschätze der Adygeen.* München: Hirmer.
Leskov A.M. 2008. *The Maikop Treasure.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
Lippolis E. 2008. L'età classica ed ellenistica. In: Gandolfo L. (ed.). *Pulcherrima res. Preziosi ornamenti del passato (catalogo della mostra Palermo 2007)*. Palermo: Regione siciliano; Assessorato regionale dei beni culturali, 142—191.
Lungu et al. 2012: Lungu V., Covacef Z., Chera C. 2012. *Bijuterii antice din aur din colecţille Muzeului de istorie naţională şi archeologie Constanţa*. Constanţa: Editura Ex Ponto (Biblioheca Tomitana VI).
Marshall F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum.* London: British Museum.
Mazet C. 2019. Rhodian Orientalizing Jewellery in 19th-Century Collecting Europe. In: Shierup S. (ed.). *Documenting Ancient Rhodes: Archaeological Expeditions and Rhodian Antiquities*. Aarhus: Aarhus University Press, 133—144 (Gösta Enbom Monographs 6).
Meriçboyu Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari.* Istanbul: Akbank.
Meriçboyu Y.A. 2010. Lidya Dönemi Takilari. Lydian Jewelry. In: Cat. Istanbul 2010, 157—176.
Megaw A.H.S. 1958. Archaeology in Cyprus, 1958. *Archaeological Reports* 5, 25—34.
Mordvinceva V., Treister M. 2005. Zum Verhältnis "griechischer" und "barbarischer" Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. In: Fless F., Treister M. (Hrsg.). *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13. —15. Februar 2003.* Rahden/Westf.: Marie Leidorf, 67—81.
Münzen und Medaillen 1970: *Werke antiker Goldschmiedekunst*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste M. September 1970.
Münzen und Medaillen 1981: *Schmuck der Antike. Gefäße und Geräte aus Bronze*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste T. Oktober 1981.
Musti et al. 1992: Musti D., Benzi M. Rocchetti L. et al. 1992. *L'oro dei Greci.* Novarra: Istituto Geografico De Agostini.
Neverov O.Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 6, 179—191.
Özgen I. 2010. Lidya Hazinesi. Lydian Treasure. In: Cat. Istanbul 2010, 305—338.
Özgen I., Öztürk J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure.* Istanbul: Uğur Okman for Republic of Turkey; Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums.
Papaevangelou-Genakos C. 2017. The depictions of jewellery on coins. In: Liampi K., Papaevangelou-Genakos C., Plantzos D. (eds.). *Coinage/Jewellery. Uses—Interactions—Symbolisms from antiquity to the present. International conference proceedings, Ios, 26—28 June 2009* (Kerma 4). Athens: Lithia-Lithos, 79—102.
Papaspyridis Karouzou S. 1938. Ανασκαφή Τάφων του Άργους. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 15, 1933—1935, 16—53.
Pfrommer M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuller Forschungen 37).
Pharmakowsky B. 1912. Archäologische Funde im Jahre 1911. Russland. *AA,* 323—381.
Pharmakowsky B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *AA*, 205—292.
Pierides A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum.* Nicosia: Department of Antiquities.
Platz-Horster G. 2001. *Altes Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werken*. Berlin: P. von Zabern.
Platz-Horster G., Nagler A. 2007. Die Goldfunde von Majkop. In: Parzinger H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen.* Munich; Berlin; London; New York: Prestel, 220—227.
Pollak L. 1903. *Klassisch-Antike Goldschmiedearbeiten im Besitze Sr. exc. des Herrn von Nelidow in Rom.* Leipzig: Karl W. Hiersemann.
Robinson D.M. 1950. *Vases found in 1934 and 1938*. Baltimore: Johns Hopkins University Press (Excavations at Olynthus XIII).
Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Teil. 1—3. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1).
Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXIX).

Schiltz V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.
Sgourou M., Agelarakis A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—364.
Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C.* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XII).
Spier J.B. 1988. *Minor Arts and Regional Style in East Greece, 700—500 B.C.* Diss. Thesis. University of Oxford.
Tonkova M. 1997. Traditions and Aegean Influences on the Jewellery of Thracia in Early Hellenistic times. *Archaeologia Bulgarica* 1.2, 18—31.
Tonkova M. 1998. Les ateliers d'orfèvres de luxe en Thrace: méthodes de localization. *Topoi. Orient—Occident* 8.2, 749—764.
Tonkova M. 1999. L'orfèvrerie en Thrace aux Ve—IVe s. av. J.-C. Gisements d'or et d'argent, ateliers, parures'. In: Koukouli-Chrysanthaki Ch., Muller A., Papadopoulos Str. (eds.). *Thasos. Matières premières et technologie de la préhistoire à nos jours. Actes du Colloque International. Thasos, Liménaria, 26—29/9/1995.* Athènes; Paris: Diffusion de Boccard, 185—194.
Tonkova M. 2002. Classical Jewellery in Thrace: Origins and Development, Archaeological Contexts. In: Tsetskhladze G.R., de Boer J.G. (eds.). *Talanta. The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods. Proceedings of the Dutch archaeological and historical society* XXXII—XXXIII (2000—2001), 277—288.
Treister M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).
Tsigarida B., Ignatiadou D. 2000. *The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki.* Athens: Archaeological Receipts Fund.
Williams D. 1998. Identifying Greek Jewellers. In: Williams D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith. Proceedings of the International Conference, London, 4—6 October 1994.* London: British Museum Press, 99—104.
Williams D., Ogden J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: British Museum Press.

References

Alekseev, A.Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Eermitazha (Gold of the Scythian Kings in the Collection oft he Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
Alekseev et al. 1991: Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu, Rolle, R. 1991. *Chertomlyk, Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. A Scythian Royal Kurgan of the 4th Century BCE).* Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Anfimov, N.V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani / The Kuban's Ancient Gold.* 2nd ed. Krasnodar: Traditsiya.
Artamonov, M.I. 1968. In: Gaydukevich V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* (*Ancient History and Culture of the Mediterranean and Black Sea Regions*). Leningrad: Nauka, 9—16 (in Russian).
Babenko, L.I. 2018. In *Stratum plus* 3, 187—206 (in Russian).
Babenko, L.I. 2021. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* (*Archaeology and Ancient History oft he Ukraine)* 4, 121—133. DOI: https://doi.org/10.37445/adiu.2021.03.01 (in Ukrainian).
Babenko, L.I. 2024. In *Arkheologiya* (*Archaeology*) 1, 69—92 (in Ukrainian).
Vakhtina, M.Yu. 2016. In *Tavricheskie studii* (*Tauric Studia*) 10, 24—31 (in Russian).
Vlasova, E.V. 2000. In: Solovyov S.L. (ed.). *Antichnoe Prichernomor'e. Sbornik statey po klassicheskoy arkheologii* (*Ancient Black Sea Region. Collection of Articles on Classical Archaeology*). Saint Petersburg: State Hermitage, 46—67 (in Russian).
Vlasova, E.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban).* Vol. 3. Moscow: Nauka, 198—262 (in Russian).
Gerts, K.K. 1876. *Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 g. (Historical Review of Archaeological Research and Discoveries in the Taman Peninsula from the late 18th Century to 1859)*. Moscow: Moscow Archaeological Society (in Russian).
Damyanov, M. 2023. *Chernofirnisova keramika ot nekropola na Apoloniya Pontika: tipologichesko i hronologichesko izsledvane (po materiali ot obrednite ognisha, okolo 400 — 250 g. pr.Hr.). (Black-Glazed Pottery from the Necropolis of Apollonia Pontica: Typological and Chronological study (based on materials from ritual fireplaces, ca. 400 — 250 BCE))*. Sofia: "Prof Marin Drinov" Publishing House of BAS (Archaeological Excavations and Research XLIX) (in Bulgarian).
Egorova, T.V. 2017. *Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnyh iskusstv im. A.S. Pushkina. Nauchnyj katalog* (*Antique Black-Glazed Ceramics from the*

Collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts. Scientific catalogue). Moscow: The Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 296—327 (in Russian).

Zastrozhnova, E.G. 2012. In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) 1, 166–168 (in Russian).

Zastrozhnova, E.G. 2013. In: *Bosporskiye chteniya (Bosporan readings)* XIV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskiy ob'ekt v kontekste istorii (Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Period of antiquity and the Middle Ages. Archaeological Object in the Context of History)*. Kerch: BF "Demetra", 176—181 (in Russian).

Zastrozhnova, E.G. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 469—481 (in Russian).

Zastrozhnova, E.G. 2019. *Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII — seredina XX v.)* (*Phanagoria. History of Archaeological Research (late 18th — mid-20th Centuries*). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-History.

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamytniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya* (*Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Objects of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Region*). Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Cat. Moscow 2002: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Na krayu oikumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (At the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the Northern Coast of Pontus Euxeinos)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Cat. Moscow 2024: Erlikh, V.R. (ed.). *Akhemenidskiy sled v Severnom Prichernomor'e* (*The Achaemenid Trace in the North Pontic Region*). Moscow: State Oriental Museum (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024: Zhizhina, N.K. (ed.). *V poiskakh antichnogo Bospora. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Rostovtseva (In Search of the Antique Bosporus. On the 150-th Anniversary of Mikhail Rostovzeff)*. Vol 1. Saint Petersburg: The State Hermitage; Tabula Rasa (in Russian).

Kashaev, S.V. 2013. In *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* (*Russian Archaeological Yearbook*) 3, 360—409 (in Russian).

Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. 2015. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 17, 318—341 (in Russian).

Korol'kova (Chezhina), E.F., Alekseev, A.Yu. 1994. In *Problemy arkheologii (Problems of Archaeology)* 3. *Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva. Sbornik statey v pamyat' professora V.I. Ravdonikasa* (*Monuments of Ancient and Medieval Art. Collection of Articles in the Memory of Professor V.I. Ravdonikas)*, 102—109 (in Russian).

Kryzhitskiy et al. 1999: Kryzhitskiy, S.D., Leypunskaya, N.A., Rusyaeva, A.S. Skrzhinskaya, M.V., Krapivina, V.V., Anokhin, V.A. 1999. *Olviya. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e* (*Olbia. Ancient State in the North Pontic Region*). Kyiv: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalev, N.V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan (Bratolyubov Burial mound)*. Kyiv: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Lappo-Danilevskiy, A, Mal'mberg, V. 1894. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on Archaeology of Russia)* 13 (in Russian).

Leskov et al. 2013: Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh,V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV—III vv. do n.e. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy (The Maiotians of the Trans-Kuban Region in the 4th—3rd Centuries BCE. The Sanctuaries and Ritual Complexes)*. Moscow: State Oriental Museum (in Russian).

Mantsevich, A.P. 1987. Kurgan Solokha (Solokha Burial Mound). Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Minasyan, R.S. 1991. In: Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu, Rolle, R. 1991. *Chertomlyk, Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. A Scythian Royal Kurgan of the 4th Century BCE)*. Kiev: Naukova dumka, 378—389 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). I—3. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika* (*Antique Toreutics*). Leningrad: State Hermitage, 17—27 (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2010. In: Malyshev A.A. (ed.). *Naselenie arhaicheskoy Sindiki po materialam nekropolya u khutora Rassvet* (*Population of Archaic Sindica based on the Material from the Necropolis near the Rassvet Farmstead*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 192—203 (Black Sea Necropoleis III) (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2019. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman)*. Taman: Platonov (in Russian).

OAK for 1862: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1862 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1862*). 1863. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

OAK for 1863: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1863 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1863*). 1864. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

OAK for 1882—1888: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1882—1888 gody* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882—1888*). 1891. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

OAK for 1903: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1903 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903*). 1906. Saint Petersburg: Printing house of the Main Directorate of Appanages (in Russian).

OAK for 1904: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1904 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1904*). 1907. Saint Petersburg: Printing house of the Main Directorate of Appanages (in Russian).

OAK for 1911: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1911 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1911*). 1914. Saint Petersburg: Printing house of the Main Directorate of Appanages (in Russian).

OAK for 1913—1915: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913—1915 gody* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913—1915*). 1918. Petrograd: 9th State typography.

Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridenprov'e i Pobuzh'e v VII—V vv. do n.e.* (*Antique Import in the Dbieper and Bug Regions in the 7th — 5th Centuries BCE*). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e.* (*Finery of Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE*). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine* (*A Scythian Zolotaya Balka Kurgan Cemetery of the 5th — 4th Centuries BCE in the Kherson Region*). Kiev: Oleg Filyuk Publisher (Burial Mounds of the Ukraine 3) (in Russian).

Rusyaeva, M.V. 1994. In *Arkheologiya* (*Archaeology*) 1, 104—109 (in Russian).

Silant'eva, L.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov* (*Necropoleis of Certain Bosporan Cities*). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 5—107 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).

Skrzhinskaya, M.V. 1986. In: Rusyaeva, A.S. (ed.). *Olviya i ee okruga* (*Olbia and its Neighborhood)*. Kyiv: Naukova dumka, 112—126 (in Russian).

Skrzhinskaya, M.V. 1987. In: Kryzhitskiy, S.D. (ed.). *Kul'tura naseleniya Ol'vii i ee okrugi v arkhaicheskoe vremya* (*The Culture of the Population of Olbia and its Neighborhood in the Archaic Period*). Kyiv: Naukova dumka, 175—183 (in Russian).

Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii* (*The Archaic Necropolis of Olbia*). Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Sorokina, N.P. 1967. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* (*Brief Reports of the Institute of Archaeology*) 109, 101—107 (in Russian).

Sorokina, N.P. 1971. In: Oreshnikov, S.M. (ed.). *Istoriya i kultura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym (History and culture of Eastern Europe according to archaeological data*). Moscow: Nauka, 76—88 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 534—598 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii (Gold of Phanagoria)*, Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16—22 (Phanagoria 2) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Hypanis* 2, 233—240 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2023. In: Khrshanovskiy, V.A. et al. (eds.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (*The Bosporan Phaenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Materials oft he International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: Tabula Rasa, 298—306 (in Russian).

Williams, D., Ogden, J. 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V—IV veka do n.e. (Greek Gold. The Jewellery Art of the Classical Period. 5th — 4th Centuries BCE)*. Saint Petersburg: AO Slavia (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1914. In *Materialy po arkheologii Rossii* (*Materials on the Archaeology of Russia*) 34, 17—78 (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1926. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* (*Reports of the State Academy of the History of Material Culture*) 1, 143—163.

Tsokur et al. 2022a: Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022a. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* (*Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula).* In two parts Pt. 1. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Tsokur et al. 2022б: Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022б. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* (*Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula).* In two parts. Pt. 2. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Erlikh, V.R. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)* III. Moscow: Nauka, 392—409 (in Russian).

Amandry, P. 1963. *Collection Hélène Stathatos*. III. Strasbourg: Université, Institut d'Archéologie.

Antiquites et Objets d'Art 1987: *Antiquites et Objets d'Art: Collection de Martine, Comtesse de Behague, Provenant de la Succession du Marquis de Ganay*, Sotheby's, Monaco, 5 December 1987.

Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag: Artia.

Blegen, C.W., Palmer, H., Young, R.S. 1964. *The North Cemetery*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XIII).

Bloesch, H. 1940. *Formen attischer Schalen von Exekias bis zum Ende des strengen Stils*. Bern; Bünipliz: Druck und Verlag Benteli A.G.

Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity.* London: Thames & Hudson.

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings*. 2nd ed. London: Thames & Hudson.

Cat. Bergen 2017: *Legends in Gold. Thracian Treasures from Bulgaria. Bryggens Museum, Bergen City Museum*. Bergen: Bryggens Museum.

Cat. Bloomington 1995: Rudolph, W. *A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum.* Bloomington, Indianapolis: Indiana University Art Museum.

Cat. Istanbul 2010: Cahill, N.D. (ed.). *Lidyalılar ve dünyaları: [bu katalog, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık A.Ş. tarafından 19 Şubat — 15 Mayıs 2010 tarihleri arasında Yapı Kredi Vedat Nedim Tör Müzesi'nde açılan "Lidyalılar ve Dünyaları" sergisi dolayısıyla Yapı ve Kredi Bankası A.Ş. için hazırlanmıştır] = The Lydians and their World*. Istanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık.

Cat. Malibu 2007: Trofimova, A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Cat. Milan 1984. De Juliis, E.M. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistico.* Milano: Mondadori.

Cat. New York 1975: *From the Lands of the Scythians*. New York: the Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/1974).

Cat. New York 2000: *Bull Leapers to Picasso.* London; New York: Robin Symes.

Cat. Paris 2011: Descamps-Lequime, S. (ed.). *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris: Musée du Louvre editions.

Cat. Paestum 1996: Cipriani, M., Longo, F. (eds.). *I Greci in Occidente. Poseidonia e i Lucani.* Napoli: Electa.

Cat. Policoro 1996: Bianko, S., Bottini, A., Pontradolfo, A. et al. (eds.). *I Greci in Occidente. Greci, Enotri e Lucani nella Basilicata meridionale.* Napoli: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Harry N. Abrams.

Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition.* Athens: Archaeological Receipts Fund.

Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos, D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.

Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair, A., Rubinich, M. (eds.). *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia.* Trieste: Silvana Editoriale.

Cat. Venice 1996: Pugliese Carratelli, G. (ed.). *The Western Greeks.* London: Thames & Hudson.

Christie's Antiquities New York 2019: *Christies Antiquities New York, 29 April 2019. Auction 17459*. New York: Christie's.

Corbett, P.E. 1949. Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora. *Hesperia* 18, 298—351.

Corbett, P.E. 1955. Palmette Stamps from an Attic Black-glaze Workshop. *Hesperia* 24, 172—186.

Curtis, C.D. 1925. *Jewelry and Gold Work*. Pt. I. 1910—1914. Rome: Sindicato Italiano Arti Grafiche (Sardis 13).
Deppert-Lippitz, B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz: von Zabern.
Despini, Ai. 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens: Ekdotike Athenon.
Dufkova, M. 2003. *Attische Keramik des 5. und 4 Jhs. v. Chr. im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Struktur der Funde*. In: Schmaltz, B., Söldner, M. (Hrsg.). *Griechische Keramik im kulturellen Kontexst. Akten des Internationalen Vasen-Symposions in Kiel vom 24. bis 28.9.2001 veranstaltet durch das Archäologische Institut der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel.* Münster: Scriptorium, 234—237.
Duplouy, A. 2015. Observations sur la plastique archaïque lydienne. *Collection de l'Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité* 1345/1, 79—101.
Erdan, E. 2021. An Archaic Golden Pendant from Tralleis. A Brief Iconographic Reexamination. *Phaselis* VII, 73—83.
Erlich, V.R. 2007. Die Fürstengräber und Heiligtümer von Uljap. In: Parzinger, H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. Munich; Berlin; London; New York: Prestel, 204—219.
Furtwängler, A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum.* Bd. 1–3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient.
Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publ.
Ganina, O.D. 1974. *Kyiv Museum of Historical Treasures*. Kyiv: Mistetstvo.
Greifenhagen, A. 1970–1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall* I– II. Berlin: Gebr. Mann.
Gualtieri, M. 1983. Two Lucanian Burials from Roccagloriosa. In: Hackens, T., Holloway, N.D., Ross, R. Holloway, (eds.) *Crossroads of the Mediterranean. Papers delivered at the Intern. Conference held at Brown University, 1981*. Louvain-la-Neuve, Providence: Brown University, Center of Old World Archaeology and Art, 301—329 (Archaeologia Transatlantica II).
Guzzo, P.G. 1993. *Oreficerie dalla Magna Grecia*. Taranto: Scorpione Editore.
Hayes, J.W. 1984. *Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum*: A Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum.
Hermary et al. 2010: Hermary, A., Panayotova, K., Baralis, A., Damyanov, M., Riapov, A. 2010. *Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve—IIIe s. av. J.-C.). Fouilles franco-bulgares (2002—2004)*. Paris: Centre Camille Jullian. Édition Errance (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5).
Higgins, R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.
Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World*. Leiden; New York; Cologne: E.J. Brill.
Kallintzi, C., Chatziprokopiou, K. 2024. Apotropaic and Prophylactic Jewellery from Abdera. In: Spathi, M.G., Chidiroglou, M., Wallensten, J. (eds.). *Apotropaia and Phylakteria. Confronting Evil in Ancient Greece*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 204—222.
Karageorghis et al. 2000: Karageorghis, V., Mertens, J., Rose, M.E. 2000. *Ancient Art from Cyprus: The Cesnola Collection in The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Kat. Bonn 1997: Barkova, L., Kalašnik, Ju. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.
Kat. Hamburg 1993: Busch, R. (Hrsg.). *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg.* Neumünster: Wachholtz.
Kat. Schleswig 1991: Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.
Kat. Wien 1993: Seipel, W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien.* Wien: Kunsthistorisches Museum.
Kat. Wien 1996: Seipel, W. (Hrsg.). *Die Magie des Goldes. Antike Schätze aus Italien. Kunsthistorisches Museum Wien*. Wien: Skira.
Knigge, U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: Walter de Gruyter & Co (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen IX).
Kuruniotis, K. 1913. Goldschmuck aus Eretria. *AM* 38, 289—328.
Laffineur, R 1978. *L'orfèvrerie rhodienne orientalisante.* Paris: De Boccard.
Laffineur, R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains. *BCH* 104, 345—457.
Leskov, A. 1972. *Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries*. Leningrad: Aurora.
Leskov, A.M. 1974. *Die skythischen Kurgane* . Zürich: Raggi; Küsnacht.
Leskov, A.M. 1990. *Grabschätze der Adygeen.* München: Hirmer.
Leskov, A.M. 2008. *The Maikop Treasure.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lippolis, E. 2008. L'età classica ed ellenistica. In: Gandolfo L. (ed.). *Pulcherrima res. Preziosi ornamenti del passato (catalogo della mostra Palermo 2007)*. Palermo: Regione siciliano; Assessorato regionale dei beni culturali, 142—191.

Lungu et al. 2012: Lungu, V., Covacef, Z., Chera, C. 2012. *Bijuterii antice din aur din colecţille Muzeului de istorie naţională şi archeologie Constanţa*. Constanţa: Editura Ex Ponto (Biblioheca Tomitana VI).

Marshall, F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: British Museum.

Mazet, C. 2019. Rhodian Orientalizing Jewellery in 19th-Century Collecting Europe. In: Shierup, S. (ed.). *Documenting Ancient Rhodes: Archaeological Expeditions and Rhodian Antiquities*. Aarhus: Aarhus University Press, 133—144 (Gösta Enbom Monographs 6).

Meriçboyu, Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari.* Istanbul: Akbank.

Meriçboyu, Y.A. 2010. Lidya Dönemi Takilari. Lydian Jewelry. In: Cat. Istanbul 2010, 157—176.

Megaw, A.H.S. 1958. Archaeology in Cyprus, 1958. *Archaeological Reports* 5, 25—34.

Mordvinceva, V., Treister, M. 2005. Zum Verhältnis "griechischer" und "barbarischer" Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. In: Fless, F., Treister, M. (Hrsg.). *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13. —15. Februar 2003.* Rahden/Westf.: Marie Leidorf, 67—81.

Münzen und Medaillen 1970: *Werke antiker Goldschmiedekunst*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste M. September 1970.

Münzen und Medaillen 1981: *Schmuck der Antike. Gefäße und Geräte aus Bronze*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste T. Oktober 1981.

Musti et al. 1992: Musti, D., Benzi, M. Rocchetti, L. et al. 1992. *L'oro dei Greci.* Novarra: Istituto Geografico De Agostini.

Neverov, O.Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 6, 179—191.

Özgen, I. 2010. Lidya Hazinesi. Lydian Treasure. In: Cat. Istanbul 2010, 305—338.

Özgen, I., Öztürk, J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure.* Istanbul: Uğur Okman for Republic of Turkey; Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums.

Papaevangelou-Genakos, C. 2017. The depictions of jewellery on coins. In: K. Liampi, C. Papaevangelou-Genakos, D. Plantzos (eds.). *Coinage/Jewellery. Uses–Interactions–Symbolisms from antiquity to the present. International conference proceedings, Ios, 26–28 June 2009* (Kerma 4). Athens: Lithia-Lithos, 79—102.

Papaspyridis Karouzou, S. 1938. Ανασκαφή Τάφων του Άργους. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 15, 1933—1935, 16—53.

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuller Forschungen 37).

Pharmakowsky, B. 1912. Archäologische Funde im Jahre 1911. Russland. *AA,* 323—381.

Pharmakowsky, B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *AA*, 205—292.

Pierides, A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum.* Nicosia: Department of Antiquities.

Platz-Horster, G. 2001. *Altes Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werken*. Berlin: P. von Zabern.

Platz-Horster, G., Nagler, A. 2007. Die Goldfunde von Majkop. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. Munich; Berlin; London; New York: Prestel, 220—227.

Pollak, L. 1903. *Klassisch-Antike Goldschmiedearbeiten im Besitze Sr. exc. des Herrn von Nelidow in Rom.* Leipzig: Karl W. Hiersemann.

Robinson, D.M. 1950. *Vases found in 1934 and 1938*. Baltimore: Johns Hopkins University Press (Excavations at Olynthus XIII).

Rolle, R., Murzin, V.Ju., Alekseev, A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Teil. 1—3. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1).

Rotroff, S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XXIX).

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.

Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—364.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th , 5th, 4th Centuries B.C.* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XII).

Spier, J.B. 1988. *Minor Arts and Regional Style in East Greece, 700—500 B.C.* Diss. Thesis. University of Oxford.

Tonkova, M. 1997. Traditions and Aegean Influences on the Jewellery of Thracia in Early Hellenistic times. *Archaeologia Bulgarica* 1.2, 18—31.

Tonkova, M. 1998. Les ateliers d'orfèvres de luxe en Thrace: méthodes de localization. *Topoi. Orient—Occident* 8.2, 749—764.

Tonkova, M. 1999. L'orfèvrerie en Thrace aux Ve—IVe s. av. J.-C. Gisements d'or et d'argent, ateliers, parures'. In: Koukouli-Chrysanthaki, Ch., Muller, A., Papadopoulos, Str. (eds.). *Thasos. Matières premières et technologie de la préhistoire à nos jours. Actes du Colloque International. Thasos, Liménaria, 26—29/9/1995.* Athènes; Paris: Diffusion de Boccard, 185—194.

Tonkova, M. 2002. Classical Jewellery in Thrace: Origins and Development, Archaeological Contexts. In: Tsetskhladze, G.R., de Boer, J.G. (eds.). *Talanta. The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods. Proceedings of the Dutch archaeological and historical society* XXXII—XXXIII (2000—2001), 277—288.

Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).

Tsigarida, B., Ignatiadou, D. 2000. *The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki.* Athens: Archaeological Receipts Fund.

Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewellers. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith. Proceedings of the International Conference, London, 4—6 October 1994.* London: British Museum Press, 99—104.

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: British Museum Press.

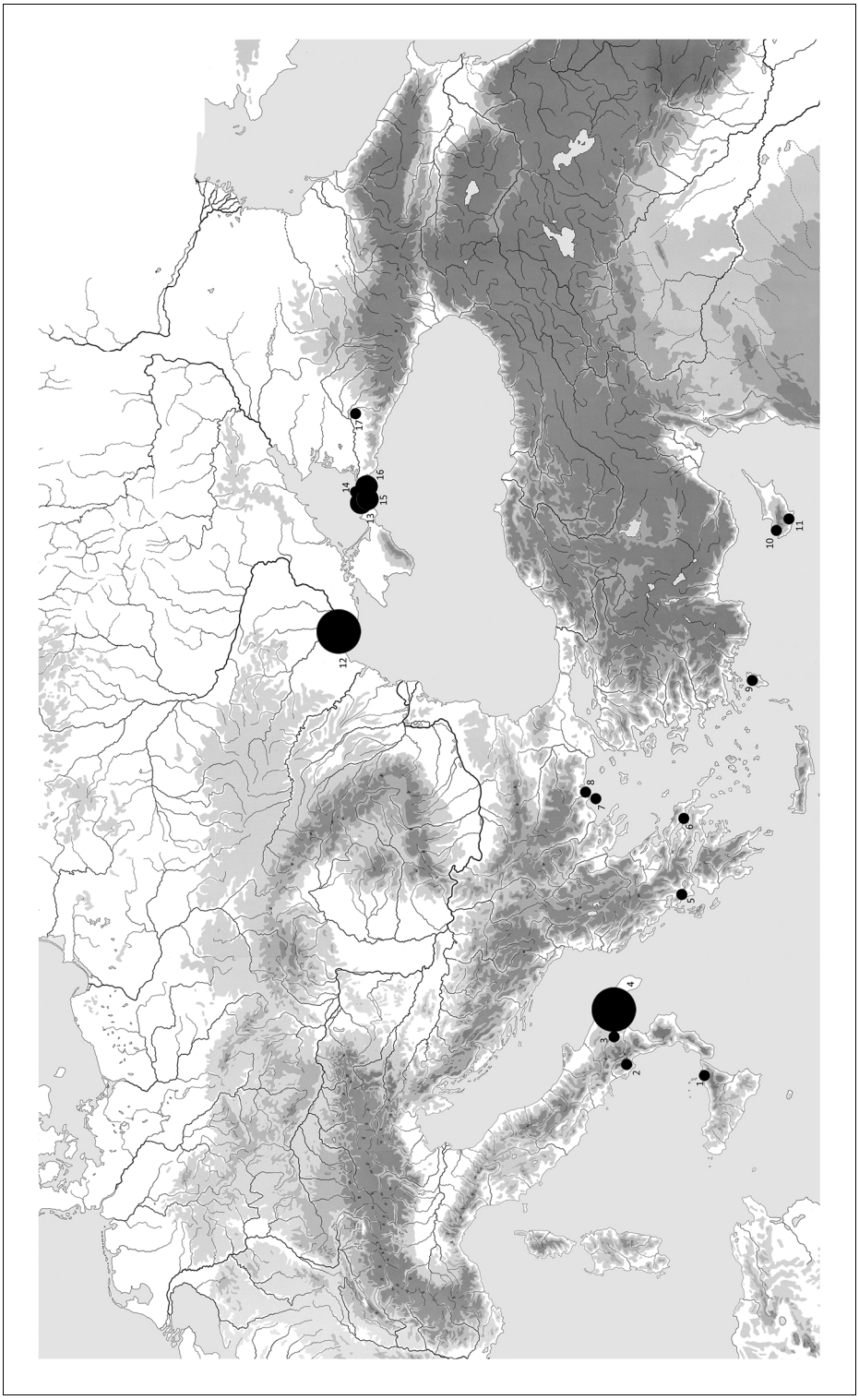


Рис. 1. Подвески в форме львиных головок. *1* — Монтанья Реале (Сицилия), *2* — Роккаглориоза, Лукания, *3* — Тиммари, *4* — Тарент, *5* — Акарнания, *6* — Эретрия, *7* — Фазос, *8* — Абдера, *9* — Камирос, *10* — Марион, *11* — Курион, *12* — Ольвия, *13* — Керчь, *14* — Кепы, *15* — Фанагория, *16* — Волна 1, *17* — Уляп. Карта, М.Ю. Трейстер, 2024.

Fig. 1. Pendants in the form of lion heads. *1* — Montagna Reale (Sicily), *2* — Roccagloriosa, Lucania, *3* — Timmari, *4* — Taranto, *5* — Acarnania, *6* — Eretria, *7* — Thasos, *8* — Abdera, *9* — Kamiros, *10* — Marion, *11* — Kurion, *12* — Olbia, *13* — Kerch, *14* — Kepoi, *15* — Phanagoria, *16* — Volna 1, *17* — Ulyap. Map, M. Treister, 2024.

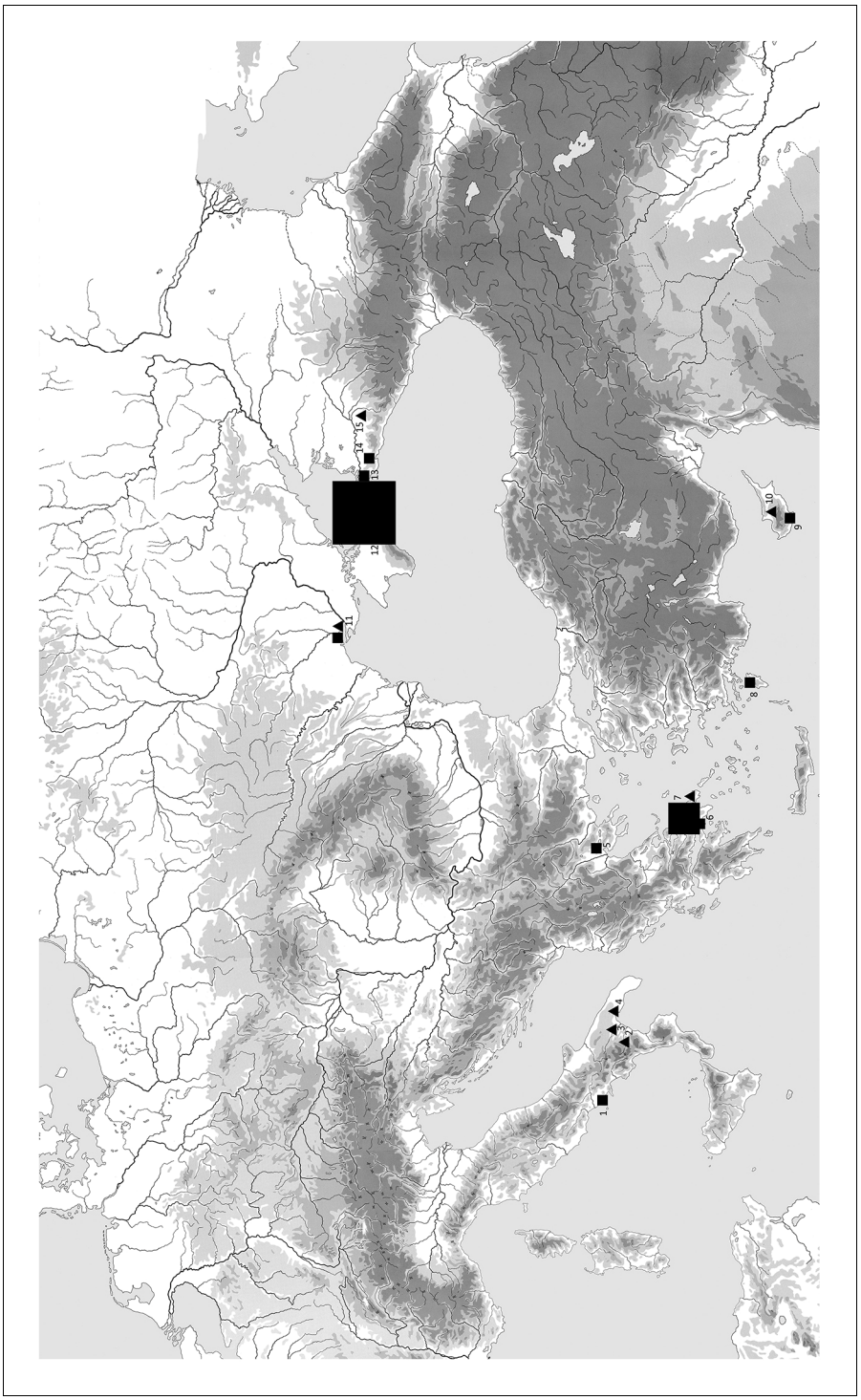


Рис. 2. Подвески в форме головок быков и баранов. Квадраты — подвески в форме головок быков, треугольники — подвески в форме головок баранов. *1* — Кумы, *2* — Рокканова, *3* — Тиммари, *4* — Тарент, *5* — Лете, *6* — Афины, *7* — Эретрия, *8* — Камирос, *9* — Курион, *10* — Кипр, *11* — Ольвия, *12* — Керчь, *13* — Тамань, *14* — курган Карагодеуашх, *15* — Майкопский клад. Карта, М.Ю. Трейстер, 2024.

Fig. 2. Pendants in the form of bull and ram heads. Quadrats — pendants in the form of bull heads, triangles — pendants in the form o fram heads. *1* — Cumae, *2* — Roccanova, *3* — Timmari, *4* — Taranto, *5* — Lete, *6* — Athens, *7* — Eretria, *8* — Kamiros, *9* — Kurion, *10* — Cyprus, *11* — Olbia, *12* — Kerch, *13* — Taman, *14* — Karagodeuashkh burial mound, *15* — Maikop Treasure. Map, M. Treister, 2024.

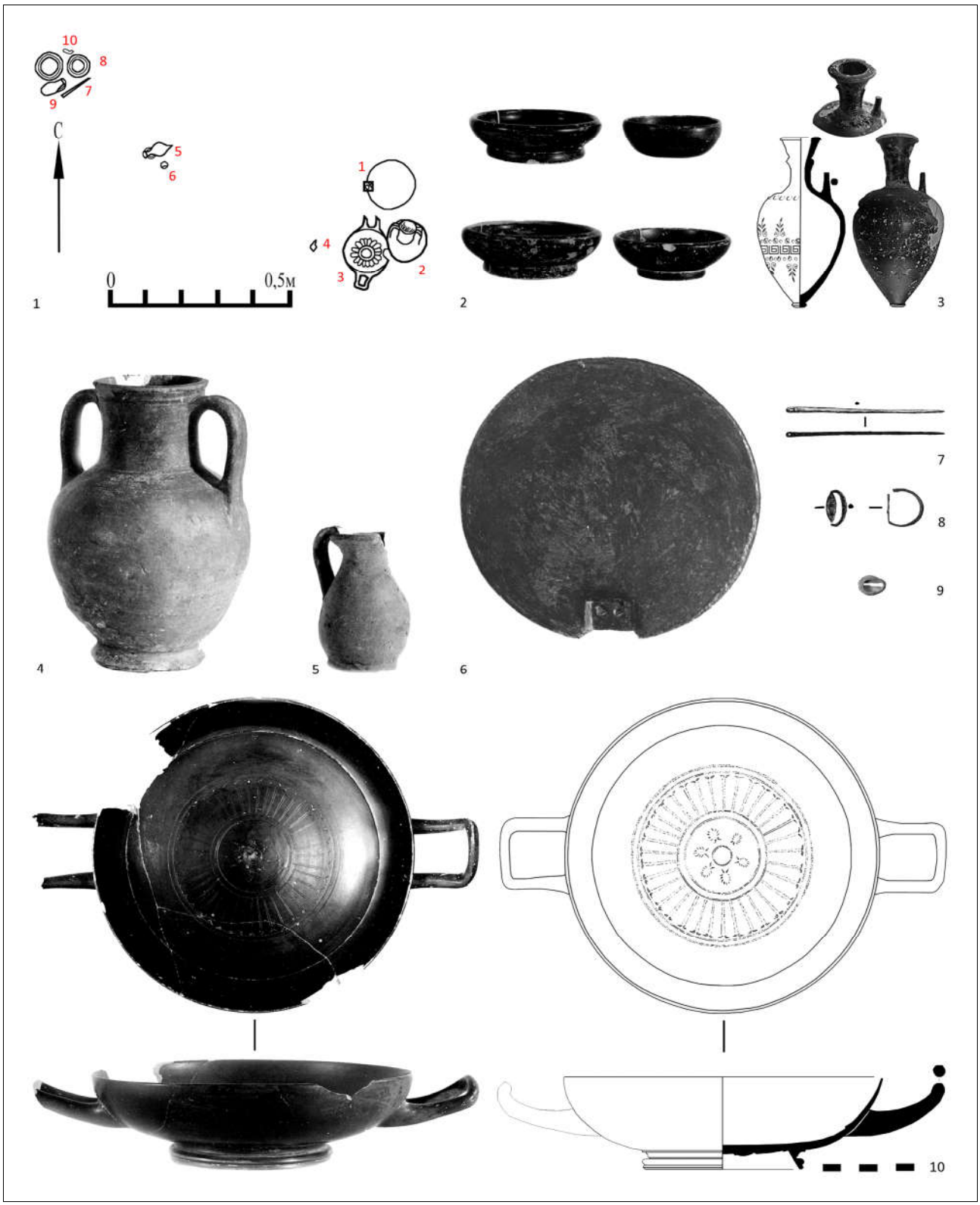

10
8
9
7
С
5
6
1
4
3
2
0
0,5м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 3. Кепы. Погребение № 282/27 (1964). *1* — План: 1— зеркало бронзовое, 2 — амфора столовая, сероглиняная, 3 — Килик чернолаковый, 4 — подвеска золотая, 5 — амфориск чернолаковый, 6 — перстень бронзовый, 7 — игрла бронзовая, 8 — солонки чернолаковые (4 шт.), 9 — кувшинчик-ольпа красноглиняный, 10 — раковина каури. Москва, ГИМ. *2* — солонки чернолаковые (4 шт.), инв. № 98709/80—83, оп. Б 1324, № 80-83; *3* — амфориск чернолаковый, инв. № 98709/84, оп. Б 1324, № 84; *4* — амфора столовая, сероглиняная. Москва, ГИМ, инв. № 98709/86, оп. Б 1324, № 86; *5* — ольпа красноглиняная, инв. № 98709/85, оп. Б 1324, № 85; *6* — зеркало бронзовое. Москва, ГИМ, инв. № 98709/91, оп. Б 1324, № 91; *7* — игла бронзовая, инв. № 98709/89а, оп. Б 1324, № 89а; *8* — перстень бронзовый, инв. № 98709/89, оп. Б 1324, № 89; *9* — раковина каури, инв. № 98709/88, оп. Б 1324, № 88; *10* — килик чернолаковый, инв. № 98709/79, оп. Б 1324, № 79. Рис. 1, 3, 7, 8 — Н.П. Сорокина 1964 (из личного архива Н.П. Сорокиной); 10 — А.В. Журавлев, 2015. Фото 2, 4—8, 10 — В.Вл. Зарин, 1970—1980 (из личного архива Сорокиной Н.П.); 3, 9 — В.В. Сударева, 2015.

Fig. 3. Kepoi. Burial no. 282/27 (1964). *1* — Plan: 1 — bronze mirror, 2 — table amphora, gray clay, 3 — black-glazed kylix, 4 — gold pendant, 5 — black-glazed amphoriskos, 6 — bronze finger ring, 7 — bronze needle, 8 — black-glazed saltcellars (4 pcs.), 9 — red clay olpe, 10 — cowrie shell. Moscow, State Historical Museum. *2* — black-glazed saltcellars (4 pcs.), inv. no. 98709/80—83, list B 1324, no. 80—83; *3* — amphoriskos black-glazed, inv. no. 98709/84, list B 1324, no. 84; *4* — table amphora, gray clay, inv. no. 98709/86, list B 1324, no. 86; *5* — red clay olpe, inv. no. 98709/85, list B 1324, no. 85; *6* — bronze mirror, inv. no. 98709/91, list B 1324, no. 91; *7* — bronze needle, inv. no. 98709/89a, list B 1324, no. 89a; *8* — bronze finger ring, inv. no. 98709/89, list B 1324, no. 89; *9* — cowrie shell, inv. no. 98709/88, list B 1324, no. 88; *10* — black-glazed kylix, inv. no. 98709/79, list B 1324, no. 79. Figs. 1, 3, 7, 8 — Nina Sorokina 1964 (from the personal archive of N.P. Sorokina); 10 — Alexander Zhuravlev, 2015. Photos 2, 4—8, 10 — Vartan Zarin, 1970—1980 (from the personal archive of N.P. Sorokina); 3, 9 — Vera Sudareva, 2015.

С
1
12
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0 10 50см
2
3

Рис. 4. Волна 1. Погребение № 72/2015. *1* — План: 1— спиралевидная подвеска с пирамидальными окончаниями бронзовая, 2 — подвеска золотая, 3 — железного перстня фрагмент, 4 — бусины, 5 — зеркало бронзовое, 6 — солонка чернолаковая, 7 — нож железный, 8 — фрагмент красноглиняного арибаллического лекифа, 9 — чаша одноручная чернолаковая, 10 — кувшин коричневоглиняный, 11 — кубок-канфар сероглиняный, 12 — спиралевидная подвеска бронзовая. Таманский музейный комплекс — филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына». *2* — солонка чернолаковая, инв. № КМ 13928/164, *3* — чаша одноручная чернолаковая, инв. № КМ 13928/167. Фото и рисунки — И.В. Цокур, 2016 (по Цокур и др. 2022а: 310, 312, илл.173, 176: 3, 5).

Fig. 4. Volna 1. Burial no. 72/2015. *1* — Plan: 1 — bronze spiral-shaped pendant with pyramidal ends, 2 — gold pendant, 3 — fragment of an iron finger ring, 4 — beads, 5 — bronze mirror, 6 — black-glazed saltcellar, 7 — iron knife, 8 — fragment of a red-clay aryballic lekythos, 9 —black-glazed one-handler, 10 — brown clay jug, 11 — grey-clay sessile kantharos, 12 — bronze spiral-shaped pendant. Taman, Taman Museum complex — the branch of the State budgetary cultural institution of the Krasnodar Territory “Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn”. *2* — black-glazed saltcellar, inv. no. KM 13928/164, *3* — black-glazed one-handler, inv. no. KM 13928/167. Photos and drawings — Irina Tsokur, 2016, (after Tsokur et al. 2022a: 310, 312, fig.173, 176: 3, 5).

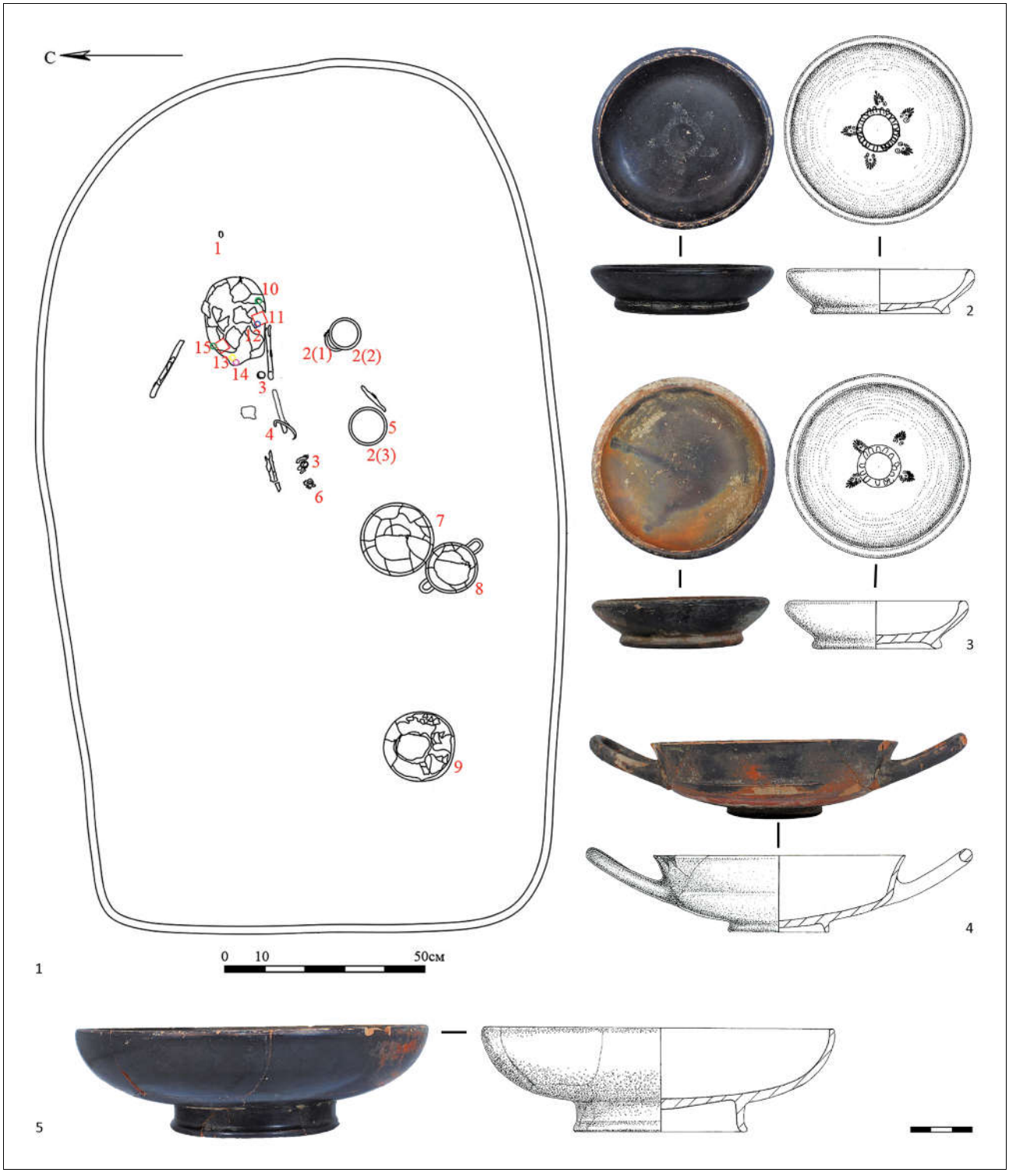

С
1
10
11
12
15
13
14
3
4
2(1)
2(2)
5
2(3)
3
6
7
8
9
0 10 50см
2
3
4
5

Рис. 5. Волна 1. Погребение № 114/2015. *1* — План: 1— игла бронзовая, 2 (1—2)— солонка чернолаковая, под ней — солонка покрытая плохим лаком красного цвета, 2 (3) — солонка чернолаковая, 3 — подвеска бронзовая, 4 — браслет бронзовый, 5 — ножа железного фрагмент, 6 — кольцо бронзовое, 7 — мисочка чернолаковая, 8 — килик чернолаковый, 9 — амфора столовая, 10 — подвеска бронзовая, 11 — пластин бронзовых фрагменты, 12 — вставка стекляная, 13 — подвеска золотая, 14 — раковина каури, 15 — спиралевидная подвеска бронзовая. Таманский музейный комплекс — филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края "Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына". *2* — солонка чернолаковая, инв. № КМ 13928/296, *3* — солонка чернолаковая, инв. № КМ 13928/295, *4* — килик чернолаковый, инв. № КМ 13928/303, *5* — мисочка чернолаковая, инв. № КМ 13928/302.Фото и рисунки — И.В. Цокур, 2016 (по Цокур и др. 2022а: 383—385, илл. 251, 252: 1, 2; 253: 7, 8).

Fig. 5. Volna 1. Burial no. 114/2015. *1* — Plan: 1 — bronze needle, 2 (1—2) — black-glazed saltcellar, under it — a saltcellar covered with poor red glaze, 2 (3) — black-glazed saltcellar, 3—bronze pendant, 4 — bronze bracelet, 5 — fragment of iron knife, 6 — bronze ring, 7 — black-glazed bowl, 8 — black-glazed kylix, 9 — table amphora, 10 — bronze pendant, 11 — bronze plate fragments, 12 — glass bead, 13 — gold pendant, 14 — cowrie shell, 15 — spiral bronze pendant. Taman, Taman Museum complex — the branch of the State budgetary cultural institution of the Krasnodar Territory "Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after. E.D. Felitsyn". *2* — black-glazed saltcellar, inv. no. KM 13928/296, *3* — black-glazed saltcellar, inv. no. KM 13928/295, *4*—black-glazed kylix, inv. no. KM 13928/303, *5* — black-glazed bowl, inv. no. KM 13928/302. Photos and drawings — Irina Tsokur, 2016 (after Tsokur et al. 2022a: 383—385, fig. 251, 252: 1, 2, 253: 7, 8).

Рис. 6. Кепы. Погребение № 282/27 (1964). Золотая подвеска. Москва, ГИМ, инв. № 98709, оп. Б-1324, № 87. Фото — В.В. Сударева, 2015.

Fig. 6. Kepoi. Burial no. 282/27 (1964). Gold pendant. Moscow, State Histoprical Museum, inv.-no. 98709, list Б-1324, no. 87. Photo — Vera Sudareva, 2015.

Рис. 7. Волна 1. Погребение № 72/2015. Золотая подвеска. Тамань, Таманский музейный комплекс — филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына», инв. № КМ-13928/158. Фото — А.О. Шаров, 2019.

Fig. 7. Volna 1. Burial no. 72/2015. Gold pendant. Taman, Taman Museum complex — the branch of the State budgetary cultural institution of the Krasnodar Territory “Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after. E.D. Felitsyn”, inv.-no. КМ-13928/158. Photo — Alexander Sharov, 2019.

Рис. 8. Волна 1. Погребение № 114/2015. Золотая подвеска. Тамань, Таманский музейный комплекс — филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына», инв. № КМ-13928/306. Фото — А.О. Шаров, 2019.

Fig. 8. Volna 1. Burial no. 72/2015. Gold pendant. Taman, Taman Museum complex — the branch of the State budgetary cultural institution of the Krasnodar Territory “Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after. E.D. Felitsyn”, inv.-no. KM-13928/306. Photo — Alexander Sharov, 2019.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.41.20.009

М.Ю. Трейстер, И.В. Рукавишникова, Д.В. Бейлин

БРОНЗОВЫЕ ПЕРСТНИ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НА ЩИТКАХ ИЗ МОГИЛЬНИКА «БАТЫРСКИЙ 1» В РАЙОНЕ НОВОРОССИЙСКА*

Данная статья посвящена публикации бронзовых перстей, найденных при раскопках 2023 г. могильника «Батырский 1» в окрестностях Новороссийска. Погребения совершены в каменных ящиках по обряду ингумации. Рядом с могилами располагались поминальные комплексы — тризны. Судя по форме и конструкции погребальных сооружений и обряду, могильник принадлежал местному «синдскому» населению, проживавшему в глубине материка примерно в 20 км от прибрежных греческих поселений. Амфоры Гераклеи Понтийской, Синопы, Книда и Фасоса и чернолаковая керамика, обнаруженные как в тризнах, так и в погребальных сооружениях, позволяют датировать могильник в рамках второй половины IV — первых десятилетий III в. до н.э.

Отличительной чертой могильника, нехарактерной для других некрополей местного населения Боспора (за исключением некоторых других могильников этого же микрорегиона), отмеченной во всех комплексах с оружием, является многочисленные бронзовые перстни с гравированными и точечными изображениями на щитках. Представлены различные греческие мифологические персонажи, а также животные и птицы, архитектурные сооружения. Всего было найдено 26 бронзовых перстней, происходящих из 11 погребений. В статье представлена классификации перстней по форме и проанализированы изображения на щитках. В приложениях представлен каталог находок и результаты анализов металла перстней.

Обращает на себя внимание тот факт, что определенные типы перстней коррелируется с некоторыми погребениями. Некоторые из перстней, найденные в одном погребении, представляют очень редко встречающиеся на перстнях или уникальные образы. Возможно, все это отражение определенных хронологических закономерностей, либо того, что перстни отдельных форм могли попадать к населению, оставившему могильник, партиями. Определенным сюжетам отдавалось специальное предпочтение. Это позволяет предполагать предпочтение выбора владельцами перстней, которые могли быть приобретены ими в ювелирных лавках близлежащих городов Боспорского царства, например, в Горгиппии.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, могильник «Батырский 1» в окрестностях Новороссийска, бронзовые перстни с изображениями на щитках, типология, формы, сюжеты изображений, датировка погребальных комплексов.

Сведения об авторах: Трейстер Михаил Юрьевич[1], Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь; Рукавишникова Ирина Викторовна[2], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН; Бейлин Денис Владиславович[3], научный сотрудник, Институт археологии РАН.

Контактная информация: [1]53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе, 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2,3]117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: [2]rukavishnikovairina@yandex.ru; [3]denis_beylin1979@mail.ru.

---

* Раскопки 2023 г. отряда Института археологии РАН под руководством И.В. Рукавишниковой. Разделы 1—2 подготовлены И.В. Рукавишниковой и Д.В. Бейлиным. Раздел 3 написан на основании определения амфорного материала, который выполнен Д.В. Бейлиным, синопского клейма — А.В. Ковальчук, чернолаковой миски — Т.В. Егоровой. Атрибуция перстней и сюжетов, изображенных на их щитках выполнена М.Ю. Трейстером, которым подготовлены разделы 4—5 и выводы (раздел 6). Каталог (Приложение 1) подготовлен И.В. Руковишниковой и М.Ю. Трейстером. В Приложении 2 представлены результаты анализов металла перстней, которые получены с помощью портативного анализатора X-MET3000TX методом рентгенофлуоресцентного анализа в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Статья поступила в номер 11 июля 2024 г.
Принята к печати 20 июля 2024 г.

© М.Ю. Трейстер, И.В. Рукавишникова, Д.В. Бейлин, 2024.

Mikhail Treister, Irina Rukavishnikova, Denis Beylin

BRONZE FINGER RINGS WITH THE IMAGES ON THE BEZELS FROM "BATYRSKIY 1" NECROPOLIS IN THE REGION OF NOVOROSSIYSK

This paper focuses on the publication of bronze finger-rings found during the excavations of the "Batyrsky 1" burial ground in the vicinity of Novorossiysk in 2023. The burials were made in stone cists according to the inhumation rite. Next to the graves were funeral feasts. Judging by the shape and design of the burial structures and the rite, the burial ground belonged to the local "Sindian" population living inland approximately 20 km from the coastal Greek settlements. Amphoras from Heraclea Pontica, Sinope, Knidos and Thasos and black-glazed pottery found both in the funeral feasts and in the burial structures allow dating the necropolis within the second half of the 4th — third quarter of the 3rd century BCE.

A distinctive feature of the burial ground, uncharacteristic of other necropoleis of the local population of the Cimmerian Bosporus (with the exception of some other burial grounds in the same microregion), revealed in all complexes with weapons, are numerous bronze finger rings with engraved and dotted images on the bezels. Various Greek mythological characters are represented, as well as animals and birds, and architectural monuments. A total of 26 bronze finger rings were found, originating from 11 burials. The article presents a classification of the finger rings by their shape and analyzes the images on the bezels. The appendices present a catalogue of finds and the results of their metal analysis.

It is worth noting that certain types of finger rings correlate with certain burials. Some of them found in one burial represent very rare or unique images. Perhaps all this reflects certain chronological patterns, or the fact that finger rings of certain forms could have been acquired by the population that left the burial ground in batches. Certain subjects were given special preference. All this allows us to assume that the owners preferred to choose finger rings that could have been purchased by them in jewellery shops in nearby cities of the Bosporan Kingdom, for example, in Gorgippia.

Key words: North Pontic area, Bosporan Kingdom, "Batyrskiy 1" necropolis in the region of Novorossiysk, bronze finger rings with the images on the bezels, typology, shapes, motifs, dating of the burial complexes.

About the authors: Treister Mikhail[1], Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher; Rukavishnikova Irina[2], PhD in History, Senior Researcher, Institute of Archeology RAS; Beylin Denis[3], Research Fellow, Institute of Archeology RAS.

Contact information: [1]53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr, 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2,3]117036, Russian Federation, Moscow, Dmitriya Ulyanova street, 19, Institute of Archeology RAS, e-mail: [2]rukavishnikovairina@yandex.ru; [3]denis_beylin1979@mail.ru.

---

1. Введение

Грунтовый могильник «Батырский 1» находится южнее поселка Верхнебаканский в 10 км к северо-западу от Новороссийска (рис. 1). Он исследовался в 2023 г. отрядом Института археологии РАН под руководством И.В. Рукавишниковой. На раскопанном участке могильника были открыты 22 погребальных комплекса (рис. 2). Погребения совершены в каменных ящиках по обряду ингумации. Рядом с могилами располагались поминальные комплексы — тризны. Судя по форме и конструкции погребальных сооружений и обряду, принадлежал местному «синдскому» населению, которое связывается с племенами торетов и киркетов, проживавшему в глубине материка примерно в 20 км от прибрежных греческих поселений и предположительно находящихся на службе и царей Боспора и контролирующих перевалы. Амфоры Гераклеи Понтийской, Синопы, Книда и Фасоса и чернолаковая керамика, обнаруженные как в тризнах, так и в погребальных сооружениях, позволяют датировать могильник в рамках второй половины IV — третьей четверти III в. до н.э.

Практически все погребения были ограблены в древности, а погребальные сооружения пострадали в результате планирования склонов в 60-х гг. XX в. Несмотря на это, часть скелетов и инвентаря были зафиксированы *in situ*. Часть могил содержала коллективные погребения.

Вероятно, в каменных ящиках и над каменным закладом могил, захоранивалась лошадь, или её часть (шкура с головой?). Отличительной чертой могильника, нехарактерной для других некрополей местного населения Боспора, отмеченной во всех комплексах с оружием, является многочисленные бронзовые перстни, как правило, с гравированными и точечными изображениями на щитках, которым и посвящена данная работа. Всего было найдено 26 бронзовых перстней, происходящих из 11 погребений. В одном погребении могло находится от одного до 6 перстней (рис. 3). Ниже будет представлена классификации перстней по форме и проанализированы изображения на щитках. Специальное внимание будет уделено результатам 22 анализов металла перстней, проведенных в лаборатории естественно-научных методов Института археологии в Москве. Результаты получены с помощью портативного анализатора X-MET3000TX методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). В настоящее время перстни находятся на реставрации и исследовании в Институте археологии РАН в Москве и в дальнейшем будут переданы в Новороссийский исторический музей-заповедник.

2. Контекст находок

В выборке всех перстней могильника Батырский 1 есть несколько предметов, зафиксированных *in situ*. К сожалению, все погребения в каменных ящиках были частично ограблены в древности или потревожены при подзахоронениях (как в погребении № 10). Во многих погребениях вместе с бронзовыми перстнями найдены и железные перстни.

В погребении № 15, где было открыто почти полностью сохранившееся погребение молодой женщины (по антропологическому определению), на пальцах правой руки зафиксированы бронзовые перстни кат. № 18 и 19. Чуть дальше от кисти левой руки найден перстень кат. № 20. Перстни кат. № 16 и 17 найдены в заполнении правой стороны от скелета (рис. 4).

Планиграфически погребения № 15 и 16 расположены рядом в одной линии. В погребении № 16 найдены останки одного индивида — женщины, а в заполнении два бронзовых перстня кат. № 21 и 22.

В коллективном склепе погребения № 10 перстни зафиксированы с левой и правой сторон от скелетов: перстни кат. № 4, 5, 8 и 9 — у левых рук, № 6 и 7 — у правых рук. Однозначно можно определить расположение перстня кат. № 9 на женской руке (рис. 5).

В погребении № 5 захоронены мужчина и женщина, а также ребенок. Бронзовый перстень без гравировки кат. № 1 был найден один. Комплекс нарушен ограблением, но кому принадлежал найденный перстень не известно. Таким образом, у нас нет достаточных оснований считать, что подобный перстень предмет женского или мужского убора.

В погребении № 6 зафиксированы останки только мужчины и найден только один железный перстень.

3. Хронология могильника

Амфоры Гераклеи Понтийской (рис. 6), Синопы, Книда и Фасоса, обнаруженные как в тризнах, так и в погребальных сооружениях, позволяют датировать могильник в рамках второй половины IV — третьей четверти III в. до н.э.

Особое внимание привлекают следующие находки:

- Чернолаковая миска из погребения № 15 (рис. 7: 3—4) типологически близка мискам из Афин последней четверти IV в. до н.э. (Rotroff 1997: 338, fig. 62, pl. 75: 966—968), из раскопок поселения Чайка в Северо-Западном Крыму (Егорова 2009: 115, 116, рис. 20: 278), ритуального комплекса № 5 некрополя Месембрии, который М. Дамянов датирует 330—310 гг. до н.э. (Damyanov 2017: 97, fig. 6). Подобные миски из некрополя Аполлонии исследователь датирует последней четвертью IV в. до н.э. (Дамянов 2023: 53, обр. 32: 393, 320)[1];

[1] Определение Т.В. Егоровой, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

• Прямоугольное синопское клеймо фабриканта Эвхариста (Εὐχάριστος) (размеры 5,5 × 1,7/ 2,0 см) из погребения № 8 отпечатано у верхнего корня амфорной ручки (рис. 7: 1—2). Аналогия происходит из Нимфея (IosPE III: № 8761; Нимфей, 1940, № 434). Б.Н. Граков видит в поле клейма «еясный знак» Над окончанием читается небольшая неровность, которую, однако, сложно определить как эмблему. Б.Н. Граков относил деятельность Эвхариста к V хронологической группе (IosPE III: № 8761, Граков 1928: 202), И. Гарлан — к VI группе (Garlan, Kara 2004: 291). Согласно таблице совместимости имен астиномов и фабрикантов, Эвхарист (Fedoseev 1999: 37, № 100) работал при магистратах Ἡρακλείδης Μικρίου (Fedoseev 1999: 32, № 64) и Χορηγίων Λεωμέδοντος (Fedoseev 1999: 34, № 167; Придик 1917: 80, № 381). Таким образом, его деятельность можно отнести к середине 50-х — середине 30-х гг. III в. до н.э.[2]

4. Формы перстней

Типология бронзовых перстней с углубленными изображениями на щитках позднеархаического — раннеэллинистического времени была предложена еще в 1970 г. Д. Бордманом (Boardman 2001: 87, fig. 1) и в основном принимается немногочисленными исследователями, публикующими подобные материалы (Philipp 1981: 138—139; Zagdoun 1984: 185—187). Нельзя не отметить, однако, что в описании и схемах перстней, выполненных Бордманом, имеется довольно много неопределенности, которая проявляется в невозможности разграничить близкие по форме типы, например, VI / VIII, V/VII. Отчасти реакцией на эти неясные моменты было появление типологии А.-М. Загдун, выделившей 28 типов перстней, найденных в Корикейском Андросе, пещере на южном склоне Парнаса в районе Дельф, в четыре из которых исследовательница относит к V в. до н.э. (типы VI—IX), а 16 — к IV в. до н.э. (типы X—XXV; в том числе три типа X—XII — к первой половине столетия) (Zagdoun 1984: 185—187). Свою типологию металлических перстней, во многом повторяющую типологию Бордмана со всеми ее неточностями и неопределенностями в, предложил и О.Я. Неверов, который выделяет 7 типов перстней с врезанными изображениями на щитках архаического и классического времени, некоторые из которых подразделяются на варианты. Неопределенность усиливается еще и тем, что на прилагаемой к тексту таблице изображения некоторых типов и вариантов отсутствуют, а в тех случаях, когда к одному типу относится несколько вариантов не указывается, какой именно вариант изображен (Неверов 1986: 18—22).

М. Чачева, опубликовавшая недавно перстни из некрополя Аполлонии Понтийской, предлагает свою типологию, в которой для серебряных и бронзовых перстней с изображениями на щитках или без изображений, датирующихся в рамках последней четверти V — IV вв. до н.э., выделяется четыре типа (A.I-4), у двух из которых выделены два варианта (A.II.1—2; A.III.1—2) (Chacheva 2017: 137—139, 157, fig. 1), при этом тип A.II.1 соответствует типам VI, VIII, XI Бордмана, тип A.II.2 — типам V и VII Бордмана, а тип A.IV — типу XVI Бордмана.

Перстни с шинками, плавно загибающимися внутрь
и переходящими без ступеньки в небольшой овальный щиток (рис. 8)

К типам V / VII по классификации Д. Бордмана (Boardman 2001: 213, fig. 217, V, VII; 214) и A.II.2, по классификации М. Чачевой (Chacheva 2017: 138, 157, fig. 1; 159, fig. 5) относятся перстни наиболее многочисленной группы — с шинками плавно загибающимися внутрь и переходящими без ступеньки в небольшой овальный щиток из погребений № 7 (кат. № 2), 13 (кат. № 10—11), 14 (кат. № 14), 15 (кат. № 16—20) и 16 (кат. № 21) (рис. 8). У перстня подобной формы из погребения 18 (кат. № 24, рис. 8: 11, 13: 6, 15: 2) щиток имеет почти округлую форму. Обращает на себя внимание тот факт, что в погребениях № 13 и 15 были найдены только перстни рассматриваемого типа. Из девяти проанализированных

[2] Определение А.И. Ковальчук, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

перстней этой группы, лишь один изготовлен из оловянистой бронзы (с довольно высокой концентрацией мышьяка — 0,23%) (кат. № 19, Приложение 2, анализ № 51014), три перстня — из свинцовисто-оловянистой (кат. № 11, 14, 17; Приложение 2, анализ № 51006, 51008, 51011), остальные — из оловянисто-свинцовистой бронзы (Приложение 2, анализ № 51010, 51012, 51015, 51016, 51018).

Д. Бордман отмечает появление перстней типа V в конце V в. до н.э. и распространение перстней типа VII в IV в. до н.э. (Boardman 2001: 214).

В некрополе Аполлонии перстни этого типа используются на протяжении IV в. до н.э., преимущественно в первой половине — середине столетия (Chacheva 2017: 138, 157, fig. 1). Подобные перстни из Олинфа, выделенные Д. М. Робинсоном в тип I, также не могут датироваться позднее 348 г. до н.э. (Robinson 1941: 134—147, nos. 446—473, pls. XXVI—XXVII). Известны перстни такой формы и в Олимпии (Philipp 1981: 166, Nr. 608; 168—169, Nr. 620, 622, Taf. 9; 10; 43). В некрополе Аканфа перстень такого типа был найден в погребении 1564 с разнообразным инвентарем, датирующим его третьей четвертью IV в. до н.э., при этом сам перстень датируют серединой столетия; подобный перстень из погребения № 1442 относят к первой половине IV в. до н.э. (Kaltsas 1998: 277, 278, fig. 37; pls. 77, 131).

Золотой перстень такого типа с изображением на щитке барса, терзающего оленя, происходит из Семибратнего кургана № 6 (Неверов 1986: 19—20; Анфимов 2011: 113 внизу; Горончаровский 2014: 568). Погребение в кургане датируют, как правило в рамках конца V — начала IV в. до н.э. (Горончаровский 2014: 570—571, табл. 1). В рамках конца V — начала IV в. до н.э. датируются комплексы из Западного некрополя Архонтико (погребения 456 (Chrysostomou 2022: 209, fig. 8) и 593 (Chrysostomou 2022: 202, 203, figs. 2—3)) и северного некрополя Пеллы (погребение 01/1 (Akamatis 2003: 307, 309, fig. 9; Chrysostomou 2022: 209, fig. 9)) с бронзовыми перстнями такой формы.

Перстни со щитками, выделенными подрезкой (рис. 9: 1—5)

Перстень из погребения № 16 (кат. № 22, рис. 9: 1, 13: 4, 17: 3) с выделенным от дужки щитком формы, приближающейся к ромбовидной, со скругленными углами относится к типу VI, по классификации Д. Бордмана или IVB, по типологии О.Я Неверова (1986: 20, табл. I: 5). Отмечается, что перстни этого типа, появившись ок. 400 г. до н.э. были распространены на протяжении всего IV в. до н.э. (Boardman 2001: 213, fig. 217, VI; 214).

Перстни с овальными щитками из погребений 0 (кат. № 27, рис. 9: 2, 11: 4, 14: 5), 18 (кат. № 23, рис. 9: 3, 13: 5, 17: 5), 14 (кат. № 13, рис. 9: 4, 12: 8, 17: 4) и с почти округлым щитком из погребения 14 (кат. № 15, рис. 9: 5, 12: 10, 15: 3) (рис. 9: 2—5) относятся к типу VIII, по классификации Д. Бордмана, который является дальнейшим развитием типа VI и для которого характерна подрезка ниже края щитка. Отмечается, что этот тип перстней был распространен в середине и второй половине IV в. до н.э. (Boardman 2001: 213, fig. 217, VIII; 214). За исключением одного из перстней из погребения № 14 (кат. № 13, Приложение № 2, анализ № 51007), который отлит из оловянистой бронзы, остальные перстни изготовлены из оловянисто-свинцовистой бронзы.

Если ориентироваться на типологию перстней из некрополя Аполлонии Понтийской, то эти перстни относятся к типу A.II.1, которые появляются в последней четверти V в. до н.э., бытуют преимущественно в первой половине IV в. до н.э., а один из экземпляр происходит из комплекса третьей четверти IV в. до н.э. (Chacheva 2017: 138, 157, fig. 1; 159, fig. 4). Рассматриваемая форма была преобладающей для бронзовых перстней из Олимпии (Philipp 1981: 160—161, Nr. 582, 586, Taf. 8; 9; 42), в том числе относимых Х. Филипп к изделиям «мастерской Сфинкса» (Philipp 1981: 172—175, Nr. 624—628, 630, Taf. 43). В Таренте такой бронзовый перстень (Cat. Trieste 2002: 250, no. 84.4) был найден в погребальном комплексе, который датируется разнообразным инвентарем последней четвертью IV в. до н.э. (Cat. Trieste 2002: 249—251, no. 84.1—19).

Подробный анализ золотых перстней такой формы с почти округлыми гладкими щитками с подрезкой с. о. Родос, из Македонии, Западного и Северного Причерноморья, проведенный нами, показал, что такие перстни характерны для последней четверти IV — первой четверти III в. до н.э. (Трейстер 2015: 146—148).

Два золотых перстня с Фасоса, отнесенных к типу VI по классификации Бордмана (Sgorou, Agelarakis 2001: 339), происходят из погребений, датированных керамикой и монетами началом IV в. до н.э. (погребение EK-VIII: Sgorou, Agelarakis 2001: 336, 338, 352, no. 14, figs. 12b, 13) и серединой — второй половиной столетия (EK-I: Sgorou, Agelarakis 2001: 339, fig. 19; 336, fig. 12a; 353, no. 23). Золотой перстень с гравированным изображением на щитке с изображением сидящей женской фигуры, играющей на кифаре, был найден в кургане Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 28, № 28; 39, табл. III: 10—11; Анфимов 2011: 163 вверху; Вахтина 2016: 28, рис. 2: 1), который датируется керамическим материалом серединой — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 467—468).

Бронзовый с позолотой, серебряный и золотые перстни такого типа с изображениями на щитках из Тарента происходят из комплексов, датируемых третьей четвертью или концом IV в. до н.э. (Cat. Milan 1984: 258—259, 286—289, nos. 201, 205—207). Судя по датировке комплекса из некрополя Эдессы в Македонии, такой бронзовый с позолотой перстень был найден в комплексе конца IV — первой четверти III в. до н.э. (Chrysostomou 2013: 79—80, fig. 42, 294—295, no. 323).

Бронзовые перстни рассматриваемого типа известны и по находкам в некрополях Боспора Киммерийского и в меотских погребениях Прикубанья. Два бронзовых перстня происходят из погребения № 294з могильника Старокорсунского городища № 2, которое надежно датируется по амфорному материалу второй четвертью IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 261—262, рис. 31: 9—10). Отмечаются и находки таких перстней в погребениях IV в. до н.э. в Закубанье (Кононов 2006: 129, отдел III, тип III). В гробницах № 9 и 15 могильника в Лобановой щели под Новороссийском такие бронзовые перстни были найдены в комплексах, датированных керамикой в рамках IV (второй половины) — начала III вв. до н.э. (Дмитриев, Малышев 1999: 36, рис. 16: 2—3; 42, рис. 22: 2; 45—46).

В погребении A107 некрополя Нимфея два бронзовых перстня рассматриваемого типа с изображениями на щитках были найдены вместе с медной монетой Пантикапея 330—315 гг. до н.э. (Грач 1999: 64, № 2—3 (отнесение здесь перстней и самого погребения ко II в. до н.э., безусловно, ошибочное), 228, табл. 63: 7—8; Neverov 1995: 74, nos. 41—42, pl. XIV: 4—5; 2000: 190, nos. 41—42). Бронзовый фрагментированный перстень этого типа с гладким щитком без изображения был найден вместе с разнообразным и хорошо датирующимся материалом в земляной гробнице № 25/1907 на г. Митридат (Шкорпил 1910: 18, № 5; ГЭ. П.1907.11). Погребение можно датировать концом IV — началом III в. до н.э. (См. о датировке Treister 2010: 254, no. 8. По мнению Е.М. Алексеевой, комплекс датируется второй половиной IV — III вв. до н.э. (Алексеева 1975: 76; 1978: 79, П 200).). В других случаях находок бронзовых перстней данной формы в некрополе Пантикапея трудно судить о датировке контекста, в связи с тем, что он не опубликован. Это касается перстня с изображением сирены, играющей на авлосе, из раскопок 1874 г. гробницы на г. Митридат (П.1874.28: ОАК за 1875 г.: 34—35, табл. II: 21; Кат. Ленинград 1973: № 93), с изображением колесницы — из земляной гробницы № 7 к западу от г. Митридат, открытой в 1869 г. (П.1869.63), а также с гладким щитком без изображения — из каменной гробницы на г. Митридат, открытой в 1882 г. (П.1882.29).

Бронзовый перстень рассматриваемой формы с изображением Ники был найден при раскопках поселения на Западном берегу Казачьей бухты (Маячный полуостров) в винодельческом комплексе Южного квартала, в слое, который датируется концом IV — первой третью III вв. до н.э. (Краснодубец 2021: 209, рис. 1: 2).

В целом, очевидно, что перстни данного типа в большей степени характерны для второй половины IV в. до н.э. — начала III в. до н.э., хотя появились еще в конце V — начале IV в. до н.э.

Перстни с узкими шинками и овальными, округлыми или листовидными щитками

Перстни с узкими шинками и овальными, округлыми или листовидными щитками из погребений № 10 (кат. № 4, рис. 10: 1, 12: 1; и № 8, рис. 10: 2, 12: 5) и 14 (кат. № 12, рис. 10: 3, 12: 7, 16: 3) (рис. 10: 1—3) относятся к типу X, который является вариантом типа VI (Boardman 2001: 213, fig. 217, X; 214). Перстни из погребения № 10 изготовлены из оловянистой и оловянисто-свинцовистой (с довольно низкой концентрацией свинца — 2,25%) бронзы. В первом случае можно отметить сравнительные высокие концентрации никеля (0,18%), во втором — сурьмы и мышьяка (0,17 и 0,29%, соответственно) (Приложение № 2, анализы № 51002, 51004).

В некрополе Аполлонии перстни типа (A.III.2) используются на протяжении второй четверти — второй половины IV в. до н.э. (Chacheva 2017: 138—139, 157, fig. 1; 160, fig. 6). Многочисленная группа таких перстней, объединенная Д.М. Робинсоном в тип II, происходит из Олинфа (Robinson 1941: 147—155, nos. 474—494, pl. XXVII). Подобную же форму имеет и бронзовый перстень из датируемого второй половиной IV в. до н.э. погребения № 133 некрополя Волна 1 на Таманском полуострове (Цокур и др. 2022: т. 2, 18, табл. 294: 3).

Перстни с округлыми щитками, с верхними концами шинки, расположенными в пределах нижней поверхности щитка

Для перстней из погребения № 10 (кат. № 5—7) (рис. 10: 4—5, 12: 2, 4) типа XII характерны округлые щитки, при этом верхние концы шинки, расположены в пределах нижней поверхности щитка. Отмечается, что это форма характерна для эллинистических перстней Западной Греции (Boardman 2001: 213, fig. 217, XII; 214). В Аполлонии Понтике такие перстни не зафиксированы. Подобный по конструкции перстень был найден в датирующемся в рамках последней четверти IV — первой четверти III в. до н.э. погребении № 140-14 некрополя Волна 1 на Таманском полуострове (Цокур и др. 2022: т. 2, 56, табл. 358: 13). Проанализирован лишь один из перстней этой группы — он изготовлен из оловянистой бронзы (кат. № 7, Приложение № 2, анализ № 51003).

Перстни с небольшими выпуклыми щитками овальной формы, которые являются непосредственным продолжением шинки

Перстни из погребений № 5 (кат. № 1, рис. 10: 6, 11: 1), 10 (кат. № 9, рис. 10: 7, 12: 6), 19 (кат. № 25—26, рис. 10: 8—9, 13: 7—8) (рис. 10: 6—9) имеет небольшие выпуклые щитки овальной формы, которые являются непосредственным продолжением шинки. Обращает на себя внимание тот факт, что в погребениях № 5 и 19 были найдены только перстни рассматриваемого типа.

В двух случаях перстни этого типа изготовлены из оловянисто-свинцовистой бронзы с невысокими концентрациями, как олова (6—9%), так и свинца (1—5%), в двух других случаях концентрации свинца — меньше 1% и сплав с содержанием олова в рамках 7—9% может быть определен как оловянистая бронза, с относительным высоким содержанием мышьяка (0,18—0,25%), а в одном случае — цинка (0,5%) (Приложение 2, анализы № 50999, 51005, 51019, 51020).

Публикуемые перстни близки типу XVI, по классификации Д. Бордмана (Boardman 2001: 213, fig. 217, XVI; 214). Подобный по форме золотой перстень с Родоса происходит из комплекса первой половины III в. до н.э. (Filimonos, Giannikouri 1999: 209, no. 7, pl. 31a), а золотой перстень с Фасоса (Sgorou, Agelarakis 2001: 339, fig. 20; 353, no. 28) был найден в погребении с миниатюрным приземистым лекифом с пальметтой (Sgorou, Agelarakis 2001: 353, no. 29). Из датируемого первой половиной — серединой IV в. до н.э. трупосожжения S-D на Фасосе происходят три подобных серебряных перстня с гладкими щитками (Sgorou, Agelarakis 2001: 347, 348, fig. 38; 355, no. 58), а бронзовые перстни такой формы происходят из погребений № 86в и 93в могильника Старокорсуновского городища № 2, которые датируется, соответственно третьей четвертью и концом IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005, 249, рис. 11, 14; 251,

рис. 13, 5), а также погребений могильника в Лобановой щели (Дмитриев, Малышев 1999: 42, рис. 22: 7; 43); и Заря-2 у ст. Натухаевской под Новороссийском (Шишлов и др. 2018: 342, рис. 8: 4). Подобный фрагментированный бронзовый перстень происходит из раскопок усадьбы «Масляная гора» хоры Херсонеса из слоя, который относится к середине — третьей четверти III в. до н.э. (Кранодубец 2021: 210, рис. 1: 4).

Массивные, литые перстни с крупным овальным щитком и широкой шинкой

Один перстень — из погребения № 8 (кат. № 3, рис. 9: 6, 11: 3, 16: 4) относятся к типу XVII, по классификации Д. Бордмана (Boardman 2001: 213, fig. 217; 214), получившему распространение преимущественно в III в. до н.э. (Неверов 1986: 22) и представленному, в частности, перстнями так называемого птолемеевского типа (Неверов 1974: 106—115; 1976, 166—183; Трейстер 1985: 126—139; 2022a: 322—335; 2022b: 281—287; 2024: 5—45; Коровина 1987: 137—148; Финогенова 2001: 164—167; Schreiber 2015: 227—283; 2018: 59—65; Краснодубец 2018a: 105—109; 2018b: 105—112). Это массивные, литые перстни с крупным овальным щитком и широкой шинкой, плоской изнутри и выпуклой снаружи. Помимо портретов правителей на перстнях такой формы из Северного Причерноморья известны изображения греческих божеств, не только Аполлона с кифарой, как в случае с публикуемым здесь перстнем и перстнем из могильника Лобанова Щель: Колпакова и др. 2011: 21, рис. 13: 9; Шишлов и др. 2013: 313, рис. 14: 9; 314, № 6; 326; Новичихин 2017: 28: илл. слева; novomuseum.ru: 1), ошибочно опубликованным как перстень с изображением сатира с флейтой но и стоящего Геракла с палицей (Танаис, погребение № 181/1961: Арсеньева 1977: 24, 97, 138, табл. XXIX: 4; Западный некрополь, раскоп XVIII/3, 2007 г.: Арсеньева и др. 2010: 17, рис. 9: 4; могильник в Лобановой щели под Новороссийском: Малышев, Новичихин 2022: 180, рис. 11: 10), Афины Промахос (Горгиппия: Трейстер 1982: 68, № 4, рис. 1: 5, 12; 1985: 128; Алексеева 1982: 16, рис. 10: 7; 86; 1997: 240. — Тирамба: Трейстер 1982: 68, прим. 11; 1985: 128. — Широкая Балка: Трейстер 1985: 128; могильник на ул. Колхозная (ст. Раевская, раскопки А.А. Малышева 2009 г.): Малышев, Новичихин 2022: 180, рис. 11: 6. — Оттиск подобного перстня на амфорной ручке из сельского поселения в Приазовье: Масленников 2011: 271—272, № 12, рис. 2: 3; 2012: 222—223, № 12, рис. 2: 3), Артемиды с собакой (Кепы), быка (Виноградный 7, погребение № 93: Сударев 2017: 187, рис. 13 вверху слева; Херсонес, раскопки Х.Р. Лепера 1909 г.: Краснодубец 2018б: 111, № 19, рис. 1: 11; Краснодубец, Тюрин 2020: 48—54, рис. 1: 1), а также собак в прыжке (см. ниже).

Вероятная датировка перстня первой половиной — серединой III в. до н.э. подтверждается найденным в погребении синопским клеймом (рис. 7: 1—2), которое может быть датировано серединой — третьей четвертью III в. до н.э.

Обратим внимание на состав металла перстня (кат. № 3, Приложение № 2, анализ № 51001). Этот перстень не просто отлит из свинцовисто-оловянистой бронзы, но он единственный, в котором концентрации свинца более чем в полтора раза превышают содержание олова, достигая 13,65%. На общем фоне его выделяет и высокое содержание в металле висмута (0,51%). Близкая и более высокая (до 26%) концентрация свинца отмечается и для некоторых перстней птолемеевского типа из собрания Анапского (Трейстер 1982: 72, табл. 1: 6) и Херсонесского (Антипова, Краснодубец 2020: 311, № 7—8) музеев.

5. Сюжеты изображений на щитках перстней

Божества и мифологические персонажи

Геракл-лучник (рис. 8: 1, 11: 2, 15: 1)

Коленопреклоненный лучник в профиль представлен на золотом перстне с вытянуто-овальным щитком, согласно классификации Д. Бордмана, типа I, который был характерен для позднеархаического времени и до середины V в. до н.э. (Boardman 2001: 212—214) из кургана Близнец-2 (Ромашко, Скорый 2009: 64—65, рис. 63: 1—2). Положение ног лучника с правой ногой, согнутой в колене и поставленной почти вертикально, и левой — с опущенным бедром и голенью, параллельной уровню земли (*Knielauf*) сопоставимо с изображением ног юноши, натягивающего струну лука, на приписываемом резчику Эпименесу халцедоновом скарабеоиде ок. 500 г. до н.э. в собрании Музея Метрополитен, предположительно происходящем из Навкратиса (Furtwängler 1900: Bd. 1, pl. IX: 23; LI: 14; Beazley 1920: pl. A10; Lippold 1922: Taf. 53: 3; Boardman 1968: 93, no. 248, pl. 16; 1985: 87—88, pl. 75c; 2001: 148, 184, pl. 357; Walter-Karydi 1975: 8, 9, Abb. 4; Zazoff 1983: 103, Anm. 13, Taf. 23: 3; Mertens 1989: 54, figs. 4, 5; Richter 2006: 12, no. 42, pl. VII; Zwierlein-Diehl 2007: 41, 353, Abb. 98, Taf. 29; Berthold 2008: 152—153, Abb. 5; Masson 2018: 15, fig. 25). В подобной же позе, но в профиль вправо изображен обнаженный юноша-лучник на овальном щитке золотого перстня, датируемого архаическим временем, из коллекции Музея Бенаки — в поле перстня дополнительно изображен венок (Cat. Dallas 1990: 35, pl. 13; Cat. Athens 1999: 142—143, no. 38, figs. 94—95).

О том, что на перстне кат. № 2 (рис. 8: 1, 11: 2, 15: 1) изображен Геракл, свидетельствует изображенная справа вертикально стоящая палица. Ближайшая параллель коленопреклоненный лучник с палицей сзади — на бронзовом перстне с овальным щитком, хранящемся в Мюнхене (Boardman 2001: 231, 302, no. 798). В качестве параллели изображению (но без стоящей палицы и Геракл в львином скальпе) можно привести эмблемы на монетах (Kraay, Hirmer 1966: fig. 439; Sgorou, Agelarakis 2001: 332, fig. 8b; 352, nos. 3, 11; 354, no. 45; Cat. Athens 2018: 288, nos. 195—196; Cat. Athens 2019: 84, nos. 5—6) и амфорных клеймах Фасоса IV в. до н.э. (Tzochev 2016: 12, 13, fig. 1).

Играющий на авлосе Марсий

На трех перстнях из погребений № 14 (кат. № 12, рис. 10: 3, 12: 7, 16: 3), 15 (кат. № 16, рис. 8: 5, 11: 5, 16: 2), 16 (кат. № 21, рис. 8: 10, 13: 3, 16: 1), представлено изображение сидящего на табурете или стуле с низкой спинкой персонажа в профиль влево, играющего на двойной флейте. В одном случае (кат. № 16, рис. 8: 5, 11: 5, 16: 2) он обнажен и сидит, согнув правую ногу в колене и поджав ее под себя, а левую, почти прямую, выставив вперед. На двух других перстнях персонаж задрапирован в хитон с косыми складками и представлен с опущенными на землю ногами. В одном случае на голове изображен фригийский конический колпак, с вырастающими вверху завитками (кат. № 21, рис. 8: 10, 13: 3, 16: 1), что в целом напоминает шлем типа Пилос с плюмажем (Waurick 1988: 151—158). Детали изображения нижней части ног не видны, поэтому трудно сказать, были ли показаны как копыта, неразличимы и козлиные рога, но изображение в целом соответствует образу Пана, в том числе представленному на геммах (Boardman, Wagner 2018: 51, no. 43) и Силена (с хвостом), как на щитке бронзового перстня в собрании Британского музея (Walters 1899: 309, no. 2250; Marshall 1907: 195, no. 1234, pl. XXX) и золотого перстня из коллекции Г. Кемпе (Hoffmann, Davidson 1965: 253, no. 112). Персонаж без каких-либо атрибутов, изображен сидящим на табурете и играющим на двойной флейте на щитке бронзового перстня из Корикейской пещеры, датированном IV в. до н.э. (Zagdoun 1984: 212, no. 88).

Вероятно, особенно учитывая тот факт, что на одном из перстней персонаж изображен во фригийском колпаке, в нем следует видеть Марсия, играющего на авлосе, мотив,

представленный на аттических вазах и рельефах конца V — начала IV вв. до н.э. (LIMC VI: 370—371, nos. 22—24, s.v. Marsyas I (A. Weis).

Играющий на кифаре Аполлон

Играющий на кифаре изображенный стоящим в профиль влево обнаженный Аполлон представлен типом, получившим распространение в греческом искусстве еще в VI в. до н.э. (LIMC II: 199—206, s.v. Apollon), в частности, на бронзовом перстне позднеархаического типа из Корикейской пещеры (Zagdoun 1984: 217, no. 104). Подобные изображения представлены и в глиптике второй половины IV — III вв. до н.э. (LIMC II: 200, Nr. 89—90. s.v. Apollon; см. также изображение на сердоликовой гемме II в. до н.э., в частной коллекции (Boardman et al. 2009: no. 121; Boardman, Wagner 2018: 136, no. 124)), при этом преобладал тип, изображающий бога, одетого в хитон и в гиматий, а не обнаженный, как на рассматриваемом.

С этой точки зрения, изображение на перстне из погребения № 8 (кат. № 3, рис. 9: 6, 11: 3, 16: 4), надежно датируемом не ранее начала III в. до н.э. (по форме) и не позднее середины — третьей четверти III в. до н.э. (по контексту), казалось бы, уникально. Однако перстень точно такой же формы и с аналогичным изображением на щитке (ошибочно опубликованный как перстень с изображением играющего на флейте Сатира) происходит из погребения № 21 Лобанова Щель: Колпакова и др. 2011: 14, № 6; 21, рис. 13: 9; Шишлов и др. 2013: 313, рис. 14: 9; 314, № 6; 326; ср. фото: Новичихин 2017: 28: илл. слева; novomuseum.ru: 1). Авторы датируют погребение III — началом II вв. до н.э. Обращает на себя внимание, однако, находка в комплексе двух красноглиняных унгвентариев с вертикальными ручками на плечиках (Колпакова и др. 2011: 14, № 6; 20, рис. 13: 4—5; Шишлов и др. 2013: 313, рис. 14: 4—5; 314, № 4; 325; Новичихин 2017: 26: илл. слева). Подобные унгвентарии были распространены в Македонии, Фракии, Аттике и Пелопоннесе во второй половине, особенно, конце IV — начале III в. до н.э.[3] Среди них имеются и чернолаковые образцы, украшенные в стиле «Западного склона агоры»[4]. Находки унгвентариев с вертикальными ручками на плечиках встречаются и в Ольвии (Парович-Пешикан 1974: 108, 109, рис. 93: 2), и на Боспоре (Tolstikov, Zhuravlev 2004: 274, pl. 97: 9).

Судя по изображению на гемме, вставленной в медальон из погребения № 177/1999 у ст. Тенгинской, которое датируется по сопровождающему материалу последней четвертью II в. до н.э., подобная иконографическая схема используется при изображении Аполлона Кифареда и во II в. до н.э. с той лишь разницей, что персонаж изображен в позе контрапоста, его правая нога согнута в колене и поставлена на носок (Беглова 2005, 170, Nr. 13; 176, рис. 2: 3—4; Трейстер 2007: 297—298; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 86, A270.1 с литературой, табл. 41; 79; Берзина 2010: 76—77, № 31; Беглова, Эрлих 2018: 83, № 13; 170, рис. 109: 3—4; 197: 16, фото 6: слева). Как и на рассматриваемом перстне — фигура обнаженная, со спины ее закрывает лишь плащ. Подобное изображение на булле из карфагенского архива датируют III в. до н.э. (Berges 1997: 161, Nr. 522, Taf. 87), а аналогичное изображение на сердоликовой гемме из собрания Эрмитажа, датированной I в. до н.э., отличается тем, что Аполлон лишь держит кифару правой рукой, а в левой, вытянутой вперед, находится фиала (Neverov 1976: 100, no. 88).

Летящий Эрот с венком

Изображение летящего Эрота с венком или повязкой на щитке перстня из погребения № 18 (кат. № 24, рис. 8: 11, 13: 6, 15: 2) — сюжет, очень распространенный на щитках золотых и серебряных перстней, а также скарабеев позднеархаического и

[3] См. в целом: Trakatelli 2013: 85—86, figs. 11—13; Kotitsa 2014: 407—417, πίν. 138—142. См. также: Knigge 1976: 159, Nr. 358.1, Taf. 67; Drogou, Touratsoglou 1998: 41—42, άριθ. Π1260, πίν. 16; Rotroff 2006: 150, no. 401, fig. 61, pl. 51.

[4] Македония, с датировкой началом III в. до н.э.: Салоники: Cat. Paris 2011: 444, no. 277/1; Амфиполь: Peristeri et al. 2018: 292, πίν. 2: второй ряд, слева. — Пелла: Kotitsa 2013: 74, Abb. 13; 75. — Месембрия: Bozhkova 2014: 210, fig. 27.

раннеклассического времени — в частности, подобные изображения украшают перстни из Фанагории с Таманского полуострова (Трейстер 2023: 299, 300, рис. 1: 5). Изображение летящего Эрота с неразличимым предметом в руках представлено на щитке бронзового перстня из Коликейской пещеры, датированном концом V в. до н.э. (Zagdoun 1984: 208, no. 72). Однако, данный мотив (с венком) украшает и перстни более позднего времени, как бронзовый перстень типа VIII из Олимпии (Philipp 1981: 174—175, Nr. 630, Taf. 10; 43), и золотой перстень с почти круглым щитком и с надписью ΧΑΙΡΕ из Кефаллении, датируемый последней трети III в. до н.э. (Marshall 1907: 20, no. 102, pl. IV; Williams, Ogden 1994: 73, no. 29; Gerring 2000: 152, Nr. XI/8, Abb. 64). С точки зрения техники изображения фигуры Эорота при помощи коротких прямых линий — ближайшая параллель — изображение Эрота на щитке бронзового перстня из Коликейской пещеры; автору публикации стилистические аналогии не известны (Zagdoun 1984: 219, no. 111).

Ника с венком

На перстне из погребения № 14 (кат. № 14, рис. 8: 4, 11: 4, 14: 3) представлено изображение Ники в профиль влево в длинном хитоне с вертикальными складками, с крыльями за спиной и венком в вытянутых вперед руках. Подобное изображение в вазописи представлена на аттическом краснофигурном лекифе работы вазописца Эсхина второй — третьей четверти V в. до н.э., хранящегося в Афинах (ARV²: vol. 1, 709, no. 709.11; arachne.dainst.org: 1) В глиптике — ближайшая параллель изображению на серебряном перстне с овальным щитком, по мнению Бордмана западно-греческой работы IV в. до н.э. (common style) (Boardman 2001: 228, 301, pl. 771). Близкие изображения имеются и на щитках бронзового перстня из раскопок поселения на Маячном полуострове, который найден в слое конца IV — первой трети III вв. до н.э. (Краснодубец 2021: 209, рис. 1: 2) и золотого перстня — из погребения конца IV в. до н.э. некрополя Аканфа (Cat. New York 2004: 135, no. 30).

О распространении этой иконографической схемы в эпоху раннего эллинизма свидетельствует тот факт, что она используется для украшения реверса золотых статеров Александра Македонского (Kaiser 1986: 41—57; Price 1991).

Афина, держащая в руке пальмовую ветвь?

На овальном щитке перстня кат. № 18 (рис. 8: 7, 11: 7, 14: 1) из погребения № 15 представлена в профиль влево стоящая женская фигура в подпоясанном хитоне, спадающем вертикальными складками до ног, в шлеме (?) с вытянутой вперед и вниз рукой, в которой она держит узкий овальный предмет (лист?).

Стоящая женская фигура с посохом (?)

На овальном щитке перстня кат. № 11 (рис. 8: 3, 13: 2, 14: 4) из погребения № 13 представлена в профиль влево стоящая женская фигура в подпоясанном хитоне, спадающем вертикальными складками до ног. Левая рука, согнутая в локте, упирается в бок. Правая рука, вытянутая вперед и вниз, опирается на стоящий на земле под углом посох.

Стоящая женская фигура с лентой (?)

На овальном щитке перстня кат. № 27 (рис. 9: 2, 11: 4, 14: 5), найденного вне погребений на квадрате F10, представлена в профиль влево стоящая женская фигура в подпоясанном хитоне, спадающем вертикальными складками до ног. Руки, вытянуты вперед, правая находится выше левой. В руках находится лента или змея (?), переброшенная через правое плечо за спину. Здесь лента спускается вниз, образуя волнистый изгиб в нижней части, на уровне голеней.

Стоящая женская фигура с вытянутыми вперед руками в длинном хитоне в профиль влево на бронзовом перстне с овальным щитком из погребения второй половины IV в. до н.э. некрополя Аполлонии Понтийской (Chacheva 2017: 149—150, no. 21, fig. 10; Cat. Paris 2019: 177, no. 181).

Грифон

Грифон, идущий влево, с загнутым серповидным крылом, передней лапой, поднятой вверх, по своей иконографической схеме восходит к изображениям грифона архаического времени, представлен на перстне из погребения № 18 (кат. № 23, рис. 9: 3, 13: 5, 17: 5).

Изображения грифонов получают широкое распространение в искусстве Ближнего Востока уже во II тыс. до н.э. (Goldman 1960: 321—322; Rehm 1992: 284; Black & Green 1992: 99—101), а также в сиро-хеттском и финикийском искусстве I тыс. до н.э. (Dierichs 1981: 275—290) и были заимствованы в греческом искусстве позднего геометрического, ориентализирующего и архаического времени (Delplace 1980: 13—120; Dierichs 1981), а также в ахеменидском искусстве (Rehm 1992: 284—285). В изображениях грифонов в искусстве Восточной Греции серповидной формы крылья, загнутые вверх (т.н. *Sichelflügel*), представлены уже на изображениях, датирующихся второй половиной VII в. до н.э., о чем свидетельствует и образ на серебряном ритоне из Келермесского кургана № 3 (Dierichs 1981: 226, Nr. OS3, Abb. 120—120a; Galanina 1997: 228—229, Nr. 41, Taf. 38—39) и на контурной бронзовой пластине из Олимпии VII в. до н.э. (Philipp, Born 2004: 261—274, Nr. 37, Taf. 45—48).

Как правило в глиптике конца V — IV в. до н.э. представлены изображения грифонов в подобной схеме с правой передней лапой, поднятой вверх, но с крылом, расположенным в горизонтальной плоскости (см. подробно: Трейстер 2014), хотя изображения в аналогичной позе с серповидным крылом в монетной чеканке различных центров Малой Азии и Фракии появляются еще в начале V в. до н.э. (Трейстер 2014: 202). Переход в иконографии орлиноголового грифона от «архаического» загнутого вверх крыла к горизонтально вытянутому крылу, верхние и нижние плоскости которого сходятся на конце, очень хорошо прослеживается на монетных эмблемах Абдеры (Delplace 1980: 96—101; Dierichs 1981: 250—259; Chryssanthaki-Nagle 2007: 95—151, pls. 6: 8; 7: 16—17; 8: 6. 8; 9: 12, 14—15). Очевидно, что в иконографии орлиноголового грифона на монетах Абдеры переход от изображения загнутого вверх крыла серповидного облика к горизонтальному крылу с проработанным оперением происходит постепенно на протяжении второй — третьей четверти V в. до н.э. Сходный процесс проходил и в других областях античного изобразительного искусства (Chatzdimitriou 2011: 213—214). Аналогичное, серповидной формы крыло изображено и у сидящего грифона, у которого и передние лапы стоят на земле, изображенного на золотой эмблеме горита из Куль-Обы (Артамонов 1968: 9—16; Artamonow 1970: Taf. 264—265; Galanina, Grach 1986: fig. 213; Kat. Hamburg 1993: 126—127, Nr. 62; Schiltz 1994: 158—159, Abb. 116; Королькова (Чежина), Алексеев 1994: 102—109; Kat. Bonn 1997: 158—159, Nr. 65; Алексеев 2012: 172—173). Если принимать эту смену в изображении крыла грифона как общую хронологическую тенденцию, то грифон на перстне из могильника «Батырский 1» выполнен в стиле первой половины V в. до н.э., хотя в подобной же иконографической схеме и с аналогичным крылом львиноголовый грифон изображался и в IV в. до н.э., например на датируемой ок. 360—350 гг. до н.э. галечной мозаике из Сикиона (Salzmann 1982: 11, 18, 25—26, 112, Nr. 118, Taf. 20; Pappalardo, Ciardiello 2012: 59, 62—63). Изображения не грифона, а сидящего сфинкса в профиль вправо с одной из приподнятых передних лап представлено на щитках чет**ы**рех бронзовых перстней из Олимпии, относимых Х. Филипп к изделиям «мастерской Сфинкса» (Philipp 1981: 172—175, Nr. 624—627, Taf. 10; 43).

Сидящая женская фигура в профиль влево

Сидящая женская фигура в профиль влево с сильно выгнутой спиной и наклоненной вперед головой, задрапированная до щиколоток ног на перстне из погребения № 15 (кат. № 19, рис. 8: 8, 11: 8, 14: 2), по своему общему облику напоминает фигуры на щитках бронзовых перстней: из кремации середины IV в. до н.э. некрополя Аканфа в Македонии (Cat. Thessaloniki 2007: 195, no. 14 (K. Rhomiopoulou), из погребения второй четверти IV в. до н.э. некрополя Аполлонии Понтики (Chacheva 2017: 148—149, no. 16, fig. 10; Cat. Paris 2019: 177, no. 182), из погребения конца IV в. до н.э. A107 некрополя Нимфея (Грач 1999: 64, № 3, 228, табл. 63: 7; Neverov 1995: 74, no. 41, pl. XIV, 5; 2000: 190, no. 41), датированном второй половиной IV в. до н.э. бронзовом перстне из Корикейской пещеры (Zagdoun 1984: 219, no. 114), фигуру Деметры (Boardman 2001: 232) или юноши (Boardman 2001: 302), сидящего на скале на перстне из музея Виктории и Альберта (Boardman 2001: pl. 804).

Комический актер

На перстне кат. № 15 (рис. 9: 5, 12: 10, 15: 3) из погребения № 14 представлен в профиль вправо бородатый мужской персонаж с плащом за спиной, хитоном, поднятым вверх и образующим валик на поясе, обнаженным загнутым вверх фаллом. Его левая рука, согнутая в локте, поднята вверх, а правой рукой он опирается на посох.

Очевидно, что на щитке перстня представлен комический актер. Сопоставимое изображение имеется на бронзовом перстне типа VII в Малибу — здесь представлен также в профиль вправо мужской персонаж с аналогичным образом изображенным в виде валика на поясе хитоном, вытянутым фаллом, опирающийся правой рукой на посох. Отличие заключается в отсутствие плаща за спиной и в том, что в левой руке, вытянутой вперед, он держит венок — приобретенный в Бейруте перстень датируют IV в. до н.э. (Spier 1992: 45, no. 81).

Еще одно изображение, которое можно рассматривать в качестве аналогии — на щитке бронзового перстня типа A.IV, по М. Чачевой, который происходит из цистового погребения последней четверти V в. до н.э. некрополя Аполлонии (Chacheva 2017: 139, 151, no. 31, fig. 10). Это изображение определяется, предположительно, как комаст (Chacheva 2017: 143). Здесь представлена фигура подобного персонажа с аналогичным образом поднятым хитоном, обнаженным фаллом, опирающейся в бок левой рукой, и правой, выставленной вперед. К рассматриваемой группе примыкает и бронзовый перстень с изображением толстого актера, изображающего охотника, с обнаженным фаллом и изогнутым ломанными отрезками посохом в собрании Музея Метрополитен (Boardman 2001: 231, fig. 253; Richter 2006: 12—13, no. 44: pl. VIII).

Известны подобные изображения актеров в народных театральных представлениях (φλύαξ), которые получили распространение в Южной Италии в IV в. до н.э. (Athenaeus 14.621—622; Piqueux 2022: 51—54, 73—136). Аналогичные изображения представлены и в аттических терракотах второй четверти IV в. до н.э. (Trendall, Webster 1971: 127, no. IV, 9; Günter 2022: 124—128) и особенно часто (известно не менее 250 таких φλύαξ сосудов) в апулийской вазописи 420—340 гг. до н.э., особенно второй—третьей четверти IV в. до н.э. (Trendall 1967: 31, 32, no. 27, pls. III: a; 41, no. 51, V: a; 49, no. 74, VI: a; 62, no. 112; VII: b; VIII: a; Trendall, Webster 1971: 127—144, no. IV, 10—36; Cat. Malibu 1994: 124—135, nos. 56—59; Trendall 2016: 107—111; 113—122; Trendall 1967: 64, no. 122, pls. VIII: a; Taplin 1992: 139—140, figs. 1—2; Günther 2022: 104, Abb. 12; 216, Abb. 40; 248, Abb. 48; 261, Nr. 4, Taf. 4; Nr. 15, Taf. 7; 268, Nr. 49, 269, Nr. 55, Taf. 31; 275, Nr. 107a, 107b, Taf. 53: 2, 54: 2; 280, Nr. 144, Taf. 68: 2 etc.; Piqueux 2022: 71, fig. I.28; 154, fig. 3.2a). Сопоставимо и изображение комического актера на бронзовой статуэтке из коллекции Фляйшман в Музее Гетти (Cat. Malibu 1994: 218—219, no. 108).

Интересно, что на некоторых сосудах, как и на рассматриваемом перстне совпадает и изогнутая форма посоха (ср. Trendall 1967, 64, no. 122, pls. VIII: a; Taplin 1992: 139—140,

figs. 1—2; 2007: 28, fig. 7; Günther 2022: 261, Nr. 4, Taf. 4; Nr. 15, Taf. 7; Nr. 18, Taf. 9: 2; 265, Nr. 26, Taf. 15: 2; 268, Nr. 45, Taf. 27; 269, Nr. 59, Taf. 33: 1; Piqueux 2022: 93, fig. 2.5; 96, fig. 2.6; 104, 105, fig. 2.10; 115, fig. 2.17; 198, fig. 4.1; 246—247, figs. 5.5—6).

Архитектурные сооружения

На почти округлом щитке перстня кат. № 4 (рис. 10: 1, 12: 1) из погребения № 10 в технике точечных наколов представлен фасад храма в антах с треугольным фронтоном. Не исключено, что в правом нижнем углу фронтона неумело передан акротерий. Фронтон храма с акротериями изображен на щитке перстня из Корикейского Андроса (Zagdoun 1984: 219, no. 112).

Животные и птицы

Собаки

На перстнях из погребений № 15 (кат. № 17, рис. 8: 6, 11: 6, 17: 2) и 16 (кат. № 22, рис. 9: 1, 13: 4, 17: 3) изображены собаки. Изображения сидящих собак украшает бронзовые перстни из некрополя Аполлонии Понтики (Chacheva 2017: 144, 150, no. 26; 165, fig. 14), из Олинфа (Robinson 1941: 152, no. 482, pl. XXVII; Chrysostomou 2022: 209, fig. 10) и Корикейской пещеры (Zagdoun 1984: 207—208, no. 69), а также скарабеоид, хранящийся в Эрмитаже (Boardman 2001: 355, pl. 931; Wyndham Cook Group). Собака в профиль влево в прыжке изображена на бронзовых перстнях с овальным щитком типа XVII, по классификации Д. Бордмана, из могилы № 193/1964 некрополя Фанагории (Коровина 1987: 142, рис. 2; 144) и поселения «Усадьба «Виноградник» (Иванов, Черненко 2021: 216, рис. 1: 3; 219—220). Это изображение на перстнях, датирующихся не ранее III в. до н.э., а также на оттисках перстня на грузилах из Пистироса (Ondřejova 2007: 243—246, fig. 2; Bouzek, Ondřejova 2017: 195, 196, fig. 10) и буллах из Карфагена (Berges 1997: 102, Nr. 121—122, Taf. 43), сопоставимо по иконографии с гравированным изображением собаки, гонящейся за зайцем на обкладке из слоновой кости гребня из Куль-Обы (Galanina, Grach 1986: fig. 214; Грач 1983: 121: рис. 1; 126: рис. 6; 1986: 75, 76, рис. 1; Кат. Ст. Петербург 2024: т. 1, 311, № 124). На овальном щитке золотого перстня из Чертомлыка изображена в профиль собака в ошейнике, грызущая кость (Дн 1863, 1/385: Петренко 1978: 62, табл. 52: 23; Galanina, Grach 1986: fig. 246, справа; Алексеев и др. 1991: 111, № 164; Gerring 2000: 135—136, Nr. VIII/13, Abb. 17; Алексеев 2012: 204). На овальном щитке датированного IV в. до н.э. перстня предположительно из Сицилии, хранящегося в Малибу, представлена в профиль вправо лежащая собака с вытянутыми передними лапами, и задними — поджатыми под туловищем (Spier 1992: 37, no. 62).

Изображения собак в профиль влево и вправо, припавших к земле (обозначена линия земли) — мотив, представленный в глиптике, в частности, на скарабеоде из халцедона в Национальной Библиотеке в Париже (Boardman 2001: 292, pl. 572: здесь собака разглядывает насекомое). Сопоставимо с публикуемым и изображение припавшей к земле собаки на гравированном деревяном гребне из колодца поселения Приморский 23 на Таманском полуострове, найденном вместе с богатым амфорным материалом 390—380 гг. до н.э. (Колесников 2010: 105, 106, рис. 9: 1, 4; Устаева, Журавлев 2010: 84, рис. 32).

Птица

На перстне кат. № 20 (рис. 8: 9, 11: 9, 17: 1) из погребения № 15 изображена в профиль птица с поднятым вверх крылом. Изображения различных птиц в разных ракурсах встречаются на бронзовых перстнях IV в. до н.э., например, из Аполлонии Понтики (Младенова 1963: 303, № 959, табл. 161; Chacheva 2017: 144, 148, no. 14; 150—151, nos. 23, 25, 27, fig. 14). Близкое изображение птицы в профиль с высоком поднятым крылом с

проработанным оперением представлено на щитке бронзового перстня из погребения некрополя Олинфа первой половины IV в. до н.э. (Robinson 1941: 142—143, no. 462, fig. 14, pl. XXVI) и на бронзовом перстне из датируемой концом IV — началом III в. до н.э. могилы; 1/1956 некрополя Ольвии (Паровић-Пешикан 1974: 102—103, рис. 90: 14; 91: 1; 158, № 8). Также с подобным образом трактованным высоко поднятым крылом изображена не сидящая, а летящая птица на оттиске металлического перстня на глиняном ткацком грузиле из Херсонеса, датированном IV—III вв. до н.э. (Неверов 2000: 36, рис. 10). Укажем также на изображение взлетающей уточки на овальном щитке золотого перстня из кургана Чертомлык (Алексеев и др. 1991: 111, № 97; Rolle et al. 1997: 18, Nr. 97, Farbtaf. 8; Алексеев 2012: 202).

Дельфин с руками, играющий на двойной флейте

Абсолютно уникально изображение на перстне кат. № 13 (рис. 9: 4, 12: 8, 17: 4) из погребения № 14. Представлен изображенный влево дельфин с руками, играющий на двойной флейте. Изображения дельфинов встречаются в греческой глиптике классического времени, например, на скарабеоиде, хранящемся в Бостоне (Boardman 2001: 198, 289, pl. 506), на щитках бронзовых перстней: из Кирикейской пещеры, датируемом началом IV в. до н.э. (Zagdoun 1984: 216—217, no. 101), из датируемого второй половиной IV в. до н.э. погребения № 133 некрополя Волна 1 на Таманском полуострове (Цокур и др. 2022: т. 2, 18, табл. 294: 3), а также на щитке бронзового с позолотой перстня с Родоса, происходящего из комплекса, который датируется началом III в. до н.э. (Filimonos, Giannikouri 1999: 208—209, no. 6, pl. 28a). Известны и изображения Эрота, играющего на авлосе, и сидящего на дельфине, как на аттическом краснофигурном лекифе ок. 470 г. до н.э., приписываемом вазописцу Bowdoin (artmuseum.princeton.edu: 1; Lissarague 1987: 119, fig. 92).

Аналогии изображению великолепной работы на перстне из погребения № 14 в глиптике мне не известны. Однако очень близкое изображение украшает чернофигурный килик в собрании Музея Вилла Джулия, датируемый ок. 570 г. до н.э. Здесь изображены три дельфина: по краям — два обычных, а в центре также дельфин с руками, которыми он держит авлос (Rome, Villa Giulia 64 608; Simon 1976: 78—79, Taf. 61; Lissarague 1990: 119—120, fig. 93; Brijder 2000: 601—604, no. 544, figs. 129—132, pl. 186: h; Frontisi-Ducroix 2003: 117, note 27; LIMC Suppplementum 2009: 352, no. 89, s.v. Monstra (N. Icard-Gianolio, A.-V. Szabados); Smith 2021: 211; BAPD no. 505 с лит.; beazley.ox.ac.uk: 1).

Не случайно греки называли дыхательное отверстие дельфина авлосом. Любовь дельфинов к музыке авлоса была общим место в греческой литературе (Eur. El. 435—436; «очарованный трелью флейты, дельфин играл» (Αρ. Βάτραχοι. 1317—1318): «любящий флейту дельфин»), а воспевая авлиста Сокада из Аргоса Пиндар восхвалял его силу (fr. 140b S.-M) (Wallace 2003: 79—80; Smith 2021: 211). Очевидно, что связь дельфина с данным типом музыкального инструмента подчеркивается и тем, что фигурки дельфина (с раковинами во рту) использованы в качестве конструктивных элементов авлоса, найденного в Мероэ в пирамиде царицы Аманишахето (10 г. до н.э.) (Gänsicke, Hagel 2017: 383, fig. 45.4; 386; Hagel 2019: 179, 181, 191, fig. 3).

Звезды

Изображение 6-лучевой звезды подобно оформлению щитков перстней из погребений № 10 (кат. № 9, рис. 10: 7, 12: 6) и 19 (кат. № 26, рис. 10: 9, 13: 8) украшает бронзовый перстень такой же формы из погребения третьей четверти IV в. до н.э. № 86в могильника Старокорсуновского городища № 2 (Лимберис, Марченко 2005: 249, рис. 11, 14), тогда как перстень из погребения № 66в того же могильника, которое датируется третьей четвертью III в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2005: 247, рис. 7: 3) является еще более близкой аналогией, поскольку и на его щитке также имеется точечный декор между лучами звезды.

Буквы, интегрированные в изображения

На щитках некоторых перстней в изображения интегрированы отдельные буквы: М — с изображением дельфина, играющего на двойной флейте (кат. № 13, рис. 9: 4, 12: 8, 17: 4), с изображением стоящей женской фигуры с лентой (кат. № 27, рис. 9: 2, 11: 4, 14: 5).

6. Выводы

Опубликованная в этой статье очень представительная коллекция бронзовых перстней IV — первой половины III вв. до н.э. заслуживает внимание не только из-за своего количества, разнообразия сюжетов, и отдельных уникальных изображений, сопоставимых с коллекциями бронзовых перстней этого времени из таких центров, как Олинф или Аполлония Понтика. Результаты анализа металла перстней в целом показывают картину использования рецептов сплавов, которая характерна для бронзовых перстней Боспора рассматриваемого времени (Treister 1988: 55—57, fig. 38).

Такое количество греческих бронзовых перстней нехарактерно в целом для других некрополей местного населения Боспора, хотя в отдельных погребениях варварского населения (тореты и киркеты?) в окрестностях Новороссийска, в частности, в могильниках у Лобановой щели (см. ниже), Владимировском (Шишлов и др. 2007: рис. 5: 22—24) и др. также встречается необычно большое количество перстней.

Особенно это касается погребений в каменных ящиках могильника Лобанова щель, в отдельных гробницах которого было найдено до пяти бронзовых и железных перстней. Так, в гробнице № 21 могильника Лобанова щель было найдено при костяках по 2—3 перстня in situ Колпакова и др. 2011: 14—15, № 6—8, 12; 21, рис. 13: 9—15; Шишлов и др. 2013: 313, рис. 14: 9—15; 314, № 6—8, 12; 326; правда преимущественно железные (Колпакова и др. 2011: 15, № 12; 21, рис. 13: 12—15; Шишлов и др. 2013: 313, рис. 14: 12—15; 314, № 12. Авторы датируют погребение III — началом II вв. до н.э.

Пять бронзовых перстней были найдены в гробнице № 15 (Дмитриев, Малышев 1999: 42, рис. 22: 1—3, 7—8). Пять перстней, в том числе два бронзовых, происходят из гробницы № 2 (Дмитриев, Малышев 1999: 29, рис. 10: 1—3, 7, 9). Три перстня (один — бронзовый, два — железных происходят из гробницы № 10 (Дмитриев, Малышев 1999: 37, рис. 17: 2—4), три бронзовых — в гробнице № 8 (Дмитриев, Малышев 1999: 35, рис. 15: 16—18), два бронзовых — в гробнице № 9 (Дмитриев, Малышев 1999: 36, рис. 16: 2—3). Два железных перстня найдены в погребении № 28 того же могильника (Шишлов и др. 2021: 290, рис. 10: 10—11; 291, № 3).

Также обращает на себя внимание тот факт, что определенные типы перстней коррелируется с некоторыми погребениями. Так, например, в погребениях № 13 и 15 были найдены только перстни с шинками, плавно загибающимися внутрь и переходящими без ступеньки в небольшой овальный щиток (рис. 8). Некоторые из перстней, особенно из погребения № 14, представляют очень редко встречающиеся на перстнях образы, как комический актер на перстне кат. № 15 (рис. 9: 5, 12: 10, 15: 3). Абсолютно уникально изображение дельфина, играющего на двойной флейте, на другом перстне из этого же погребения (кат. № 13, рис. 9: 4, 12: 8, 17: 4), которое находит единственную параллель в чернофигурной вазописи. Возможно, это говорит либо об определенных хронологических закономерностях, либо о том, что перстни отдельных форм могли попадать к населению, оставившему могильник, партиями. Определенным сюжетам отдавалось специальное предпочтение. Бросается в глаза серия изображений с персонажами, играющими на музыкальных инструментах, прежде всего, на двойных флейтах. Среди изображений животных выделяются два перстня, на щитках которых представлены собаки. Это позволяет предполагать предпочтение выбора владельцами перстней, которые могли быть приобретены владельцами в ювелирных лавках близлежащих городов Боспорского царства, например, в Горгиппии.

Приложение 1. Каталог перстней

1. Перстень с утолщенным выпуклым щитком овальной формы без изображения. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи, непосредственно переходит в щиток.
   Бронза; литье.
   Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. 2,15 см, дм. 1,75 см. — Щиток: 1,6 × 1,1 см, толщ. 0,3 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 5. Оп. № 3.
   Сохранность: без видимых повреждений; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 6, 11: 1.

2. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке изображена в профиль влево фигура стреляющего из лука обнаженного Геракла с выставленной вперед правой ногой и согнутой в колене — левой. За спиной изображена стоящая вертикально палица.
   Бронза; литье, гравировка.
   Размер кольца: Шир. 2,07 см, выс. макс. сохр. 1,3 см. Дм. 1,7 см. — Щиток: 1,8 × 1,0 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,2 см.
   Погребение № 7. Оп. № 1.
   Сохранность: часть шинки утрачена, сбои по краю щитка и шинки; окислы на поверхности.
   Рис. 8: 1, 11: 2, 15: 1.

3. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи. На щитке изображена в профиль влево фигура Аполлона с кифарой в руках.
   Бронза; литье, гравировка.
   Размер кольца: Шир. 2,3 см, выс. макс. сохр. 1,85 см. Дм. макс. 1,9 см. — Щиток: 2,4 × 1,8 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,55 см, толщ. 0,2 см.
   Погребение № 8. Оп. № 1.
   Сохранность: сбои и утрата по краю щитка; окислы на поверхности.
   Рис. 9: 6, 11: 3, 16: 4.

4. Перстень с уплощенным круглым щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке изображен храм в антах.
   Бронза; литье, гравировка пуансоном.
   Размер кольца: шир.1,9 см, выс. макс. сохр. 2,0 см, дм. 1,7 см. — Щиток: 1,7 × 0,7 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 10. Оп. № 8.
   Сохранность: часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 1, 12: 1.

5. Перстень с плоским овальным и накладным плоским щитком без изображений. Узкая овальная в сечении шинка.
   Бронза; литье.
   Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. макс. сохр. 2,0 см.— Щиток накладной: 2,0 × 1,8 см, толщ. 0,15 см. — Шинка: шир. 0,5 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 10. Оп. № 10.
   Сохранность: часть шинки утрачена, сбои с утратами по краю накладного щитка; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 4; 12: 2.

6. Перстень с плоским овальным и накладным плоским щитком без изображений. Узкая овальная в сечении шинка, заведена на щиток изнутри.
   Бронза; литье.
   Размер кольца: шир. 1,9 см, выс. макс. сохр. 1,8 см, дм. 1,6 см. — Щиток: 2,2 × 2,2 см, толщ. 0,15 см. — Шинка: шир. 0,5 см, толщ. 0,1 см.
   Погребение № 10. Оп. № 12.
   Сохранность: сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 5; 12: 4.

7. Щиток перстня круглый накладной без изображений.
   Бронза; литье.
   Размер щитка: 2,2 × 2,2 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 10. Оп. № 13.
   Сохранность: царапины на щитке; окислы на поверхности.
   Рис. 12: 3.

8. Перстень с утолщенным щитком овальной формы без изображения. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи непосредственно переходит в щиток.
   Бронза; литье.
   Размер кольца: Шир. 1,7 см, выс. сохр. 0,7 см. — Щиток: 1,2 × 0,9 см, толщ. 0,15 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 10. Оп. № 19.
   Сохранность: значительная часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 2, 12: 5.

9. Перстень с утолщенным выпуклым щитком овальной формы. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи, непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена 6-лучевая звезда с точками между лучами.
   Бронза; литье, гравировка.
   Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. 2,1 см, дм. 1,8 см. — Щиток: 1,5 × 1,0 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,15 см.
   Погребение № 10. Оп. № 22.
   Сохранность: сбои по краю щитка, часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
   Рис. 10: 7, 12: 6.

10. Перстень с плоским фрагментированным щитком овальной формы. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображение не читается.
    Бронза, литье. гравировка.
    Размер кольца: шир. 1,8 см, выс. 1,8 см, дм. 1,7 см. — Щиток: 1,8 × 0,9 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,2 см.
    Погребение № 13. Оп. № 2.
    Сохранность: часть шинки и щитка утрачены; окислы на поверхности.
    Рис. 8: 2, 13: 1.

11. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль влево фигура стоящей женщины с посохом в правой руке.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: Шир.2,2 см, выс. макс. сохр. 1,8 см, дм. 1,7 см. — Щиток: 2,0 × 1,5 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 13. Оп. № 3.
Сохранность: сбои с утратами по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 3, 13: 2, 14: 4.

12. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке, выделенным от шинки ступенькой, изображена в профиль влево сидящая мужская задрапированная фигура, играющая на авлосе.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,0 см, выс. макс. сохр. 1,2 см. Дм. 1,7 см. — Щиток: 1,3 × 0,9 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 14. Оп. № 2.
Сохранность: значительная часть шинки утрачена, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 10: 3, 12: 7, 16: 3.

13. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке, выделенным от шинки подрезкой, изображена в профиль влево фигура дельфина с руками, играющая на авлосе.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,2 см, выс. макс. сохр. 2,2 см, дм. 1,9 см. — Щиток: 2,0 × 1,3 см, толщ. 0,3 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 14. Оп. № 4.
Сохранность: сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 9: 4, 12: 8, 17: 4.

14. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке изображена в профиль влево фигура Ники с венком в вытянутых вперед руках.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.1,8 см, выс. макс. сохр. 1,8 см, дм. 1,6 см. — Щиток: 1,8 × 1,2 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 14. Оп. № 5.
Сохранность: из двух фрагментов, утраты, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 4, 11: 4, 14: 3.

15. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке изображен в профиль комический актер, идущий вправо, с подогнутой одеждой, обнаженным фаллом и изогнутым посохом в правой руке.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,3 см, выс. макс. сохр. 1,8 см, дм. 2,1 см. — Щиток: 2,3 × 1,8 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 14. Оп. № 8.
Сохранность: утрачен фрагмент шинки, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 9: 5, 12: 10, 15: 3.

16. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка, непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль влево фигура обнаженного сидящего Сатира, согнувшего правую ногу в колене и поджавшего ее под себя, а левую, почти прямую ногу, выставившего вперед. Персонаж играет на авлосе.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,3 см, выс. макс. сохр. 2,1 см, дм. 1,9 см. — Щиток: 1,8 × 1,2 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 15. Оп. № 3.
Сохранность: сбои по краям щитка и шинки; окислы на поверхности.
Рис. 8: 5, 11: 5, 16: 2.

17. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке изображена в профиль вправо фигура собаки на поводке, припавшей к земле, с шлейкой. Линия земли.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,0 см, выс. макс. сохр. 2,1 см. Дм. 1,7 см. — Щиток: 2,0 × 1,3 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 15. Оп. № 4.
Сохранность: шинка фрагментирована, утраты, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 6, 11: 6, 17: 2.

18. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль влево фигура стоящей задрапированной женщины (Афины ?), в шлеме (?) с вытянутой вперед и вниз рукой, в которой она держит узкий овальный предмет.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. макс. сохр. 2,0 см, дм. 1,7 см. — Щиток: 1,9 × 1,3 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 15. Оп. № 6.
Сохранность: шинка фрагментирована, утраты, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 7, 11: 7, 14: 1.

19. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль сидящая фигура в гиматии с музыкальным инструментом.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 1,8 см, выс. макс. сохр. 0,8 см. — Щиток: 1,5 × 0,9 см, толщ. 0,3 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 15. Оп. № 8.
Сохранность: значительная часть шинки утрачена, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 8, 11: 8, 14: 2.

20. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль влево фигура птицы с поднятым крылом и распушенным хвостом. Линия земли.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир.2,0 см, выс. макс. сохр. 2,0 см, дм. 1,7 см. — Щиток: 1,6 × 0,8 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 15. Оп. № 12.
Сохранность: часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
Рис. 8: 9, 11: 9, 17: 1.

21. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена в профиль влево сидящая на табурете задрапированная фигура мужская (?) фигура в шлеме типа Пилос (?), играющая на авлосе.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. макс. сохр. 2,0 см, дм. 1,8 см. — Щиток: 1,6 × 1,0 см, толщ. 0,15 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,1 см.
Погребение № 16. Оп. № 1.
Сохранность: значительная часть шинки утрачена, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 10, 13: 3, 16: 1.

22. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке, выделенным от шинки подрезкой, изображена в профиль влево фигура припавшей в земле собаки. Линия земли.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 1,9 см, выс. макс. сохр. 1,9 см, дм. 1,8 см. — Щиток: 1,8 × 1,2 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 16. Оп. № 8.
Сохранность: значительная часть шинки утрачена, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 9: 1, 13: 4, 17: 3.

23. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке, выделенным от шинки подрезкой, изображена в профиль влево фигура стоящего грифона с приподнятой правой передней лапой и серповидным крылом, голова развернута en face.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 2,3 см, выс. 2,3 см, дм. 1,9 см. — Щиток: 1,8 × 1,4 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 18. Оп. № 5.
Сохранность: сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 9: 3, 13: 5, 17: 5.

24. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена фигура летящего влево Эрота с венком (?) в руках.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 1,9 см, выс. макс. сохр. 2,0 см. Дм. 1,8 см. — Щиток: 1,8 × 1,6 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 18. Оп. № 12.
Сохранность: сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 8: 11, 13: 6, 15: 2.

25. Перстень с утолщенным выпуклым щитком овальной формы. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи непосредственно переходит в щиток.
Бронза, литье.
Размер кольца: общие размеры не реконструируются, шир. 1,8 см, выс. сохр. 0,8 см. Дм. 1,7 см. — Щиток: 1,7 × 0,8 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,2 см, толщ. 0,15 см.
Погребение № 19. Оп. № 6.
Сохранность: большая часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
Рис. 10: 8, 13: 7.

26. Перстень с утолщенным выпуклым щитком овальной формы. Узкая шинка, плоская изнутри и выпуклая снаружи, непосредственно переходит в щиток. На щитке изображена 6-лучевая звезда с одиночными точками и рядами точек между лучами.
Бронза; литье. гравировка.
Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. 2,0 см, дм. 1,8 см. — Щиток: 1,8 × 0,8 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,25 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 19. Оп. № 7.
Сохранность: часть шинки утрачена; окислы на поверхности.
Рис. 10: 9, 13: 8.

27. Перстень с плоским овальным щитком. Узкая овальная в сечении шинка. На щитке, выделенным от шинки подрезкой, изображена в профиль влево
стоящая женская фигура в подпоясанном хитоне, спадающем вертикальными складками до ног. Руки, вытянуты вперед, в них находится, переброшенная через правое плечо за спину, где она спускается вниз, образуя волнистый изгиб в нижней части.
Бронза; литье, гравировка.
Размер кольца: шир. 2,0 см, выс. макс. сохр. 0,8 см, дм. 1,8 см. — Щиток: 1,8 × 1,3 см, толщ. 0,2 см. — Шинка: шир. 0,3 см, толщ. 0,2 см.
Погребение № 0 (шурф 1). Оп. № 3 на плане, квадрат F10.
Сохранность: большая часть шинки утрачена, сбои по краю щитка; окислы на поверхности.
Рис. 9: 2, 11: 4, 14: 5.

Приложение 2. Результаты анализа химического состава перстней из могильника «Батырский 1»

№ лаборатории	№ по кат.,	Комплекс	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Химико-металлургически группы
50999	№ 1	п. 5, оп. № 1	ОСН	6,74	4,74		0,1	0,04	0,04	0,04	0,05	0,03		Cu+Sn+Pb
51000	№ 2	п. 7, кв. F10/F11, оп. № 1	ОСН	2,32	1,72		0,06	0,03	0,03	0,07	<0,04	0,03		Cu+Sn+Pb
51001	№ 3	п. 8, кв. F9, оп. № 1	ОСН	8,01	13,65		0,53	0,04			<0,04	0,04	0,03	Cu+Sn+Pb (Bi)
51002	№ 4	п. 10, оп. № 8	ОСН	10,97	0,1		0,02	0,02		0,02	0,14	0,18		Cu+Sn (Ni)
51003	№ 7	п. 10, оп. № 13	ОСН	6,87	0,21		0,04	0,04		0,01	0,06			Cu+Sn
51004	№ 8	п. 10, оп. № 19	ОСН	5,15	2,25		0,1	0,05	0,17	0,29	0,24	0,01	0,03	Cu+Sn+Pb (As)
51005	№ 9	п. 10, оп. № 22	ОСН	7,57	0,52		0,05	0,06	0,14	0,25	0,09	0,02		Cu+Sn (Pb,As)
51006	№ 11	п. 13, оп. № 3	ОСН	5,03	5,39		0,22	0,03	0,01	0,1	0,18			Cu+Sn+Pb
51007	№ 13	п. 14, оп. № 4	ОСН	10,02	0,1	0,02	0,02	0,02		0,11	0,16			Cu+Sn
51008	№ 14	п. 14, оп. № 5	ОСН	4,65	6,63		0,13	0,04	0,03		0,07	0,02		Cu+Sn+Pb
51009	№ 15	п. 14, оп. № 8	ОСН	7,3	3,86	0,03	0,1	0,03		0,06	0,07	0,02		Cu+Sn+Pb
51010	№ 16	п. 15, оп. № 3	ОСН	9,74	1,44	0,18	0,05	0,02		0,08	0,12	0,03		Cu+Sn+Pb
51011	№ 17	п. 15, оп. № 4	ОСН	4,07	5,27		0,22	0,04	0,03	0,05	0,06	0,03		Cu+Sn+Pb
51012	№ 18	п. 15, оп. № 6	ОСН	7,43	1,91		0,06	0,03		0,02	0,06	0,03		Cu+Sn+Pb
51014	№ 19	п. 15, оп. № 8	ОСН	9	0,61	0,03	0,05	0,03		0,23	0,08	0,02		Cu+Sn (Pb, As)
51015	№ 20	п. 15, оп. № 12	ОСН	10,26	2,21		0,1	0,03		0,09	0,16			Cu+Sn+Pb
51016	№ 21	п. 16, оп. № 1	ОСН	7,87	0,78		0,04	0,03		0,2	0,07	0,02		Cu+Sn+Pb
51017	№ 23	п. 18, оп. № 5	ОСН	7,59	2,36		0,08	0,02		0,09	0,14	0,01		Cu+Sn+Pb
51018	№ 24	п. 18, оп. № 12	ОСН	9,56	2,65	0,11	0,1	0,05		0,02	0,21	0,03	0,02	Cu+Sn+Pb
51019	№ 25	п. 19, оп. №6	ОСН	8,98	0,33	0,5	0,03	0,07	0,19	0,18	0,1	0,07		Cu+Sn (Zn)
51020	№ 26	п. 19, оп. №7	ОСН	4,03	1,24	0,27	0,05	0,07	0,3	0,39	0,16	0,07		Cu+Sn+Pb (As)
51021	№ 27	кв. F10/F11, п.м.	ОСН	9,33	1,61		0,07	0,03		0,15	0,08	0,02	0,01	Cu+Sn+Pb

Литература

Алексеев А.Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев и др. 1991: Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. В: Кругликова И.Т. (ред.). *Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции*. II. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 22—84.

Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия.* Москва: Эдиториал УРСС.

Антипенко А.В., Краснодубец Е.М. 2020. Исследования элементного состава перстней «птолемеевского» типа из Херсонеса Таврического. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна, 310—315.

Анфимов Н.В. 2011. *Древнее золото Кубани / The Kuban's Ancient Gold.* Краснодар: Традиция.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. Москва: Наука.

Арсеньева и др. 2010: Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. 2010. Археологические исследования и открытия о хронологии Танаиса. В: Масленников А.А., Гаврилюк Н.А., Завойкин А.А. (ред.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия.* Вып. 1. Москва: Институт археологии РАН; Киев: Институт археологии НАН Украины, 11—21.

Артамонов М.И. 1968. Куль-обский олень. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.* Ленинград: Наука, 9—16.

Беглова Е.А. 2005. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника. В: Носкова Л.М. (ред.). *Материальная культура Востока*. Вып. 4. Москва: Государственный музей Востока, 166—181.

Беглова Е.А., Эрлих В.А. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника.* Москва: Нестор-История.

Берзина С.Я. 2010. *Древние геммы Востока*. Москва: Памятники исторической мысли.

Вахтина М.Ю. 2016. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН). *Таврические студии* 10, 24—31.

Горончаровский В.А. 2014. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья. *Боспорские исследования* XXX, 553—618.

Граков Б.Н. 1928. *Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов*. Москва: РАНИОН.

Грач Н.Л. 1983. Гребень из кургана Куль-Оба. *Études et travaux* XIII, 119—126.

Грач Н.Л. 1986. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции). В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 75—90.

Грач Н.Л. 1999. *Некрополь Нимфея*. Санкт-Петербург: Наука.

Дамянов М. 2023. *Чернофирнисова керамика от некропола на Аполония Понтика: типологическо и хронологическо изследване (по материали от обредните огнища, около 400 — 250 г. пр. Хр.)*. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов».

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 1999. Могильник VI—II вв. до н.э. в устье Лобановой щели. *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)* 5, 17—51.

Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV—II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Захаров А.А. 1928. Геммы и античные перстни Государственного Исторического музея. Москва: Издание Государственного исторического музея (Труды секции археологии РАНИОН III).

Иванов А.А., Черненко В.Г. 2021. Бронзовые перстни с изображениями из раскопок поселения «Усадьба "Виноградник"» в 2014 г. *ДБ* 26, 214—224.

Кат. Ленинград 1973: *Античная художественная бронза. Каталог выставки. Эрмитаж*. Ленинград: Аврора.

Кат. Ст. Петербург 2024. Жижина Н.К. (ред.). *В поисках античного Боспора. К 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева*. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; Чистый лист.

Колесников А.Б. 2010. Раскопки поселения Приморский 23 в 1992 г. В: Масленников А.А., Гаврилюк Н.А., Завойкин А.А. (ред.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия.* Вып. 1. Москва: Институт археологии РАН; Киев: Институт археологии НАН Украины, 101—107.

Колпакова и др. 2011: Колпакова А.В., Шишлов А.В., Федоренко Н.В. 2011. Новые раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» у Новороссийска. *Исторические записки (исследования и материалы)* 7, 6—41.

Кононов В.Ю. 2006. Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских могильников Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Прикубанья* 6, 124—133.

Коровина, А.К. 1987. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы. *СГМИИ* 8, 137—148.

Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. 1994. Олень из кургана Куль-Оба. *Проблемы археологии* 3. *Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память проф. В.И. Равдоникаса*, 102—109.

Краснодубец Е.М. 2018a. *О двух находках из раскопок в IX квартале*. В: Яшаева Т.Ю., Майко В.В. (ред.). *Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова*. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 105—109.

Краснодубец Е.М. 2018b. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 105—112.

Краснодубец Е.М. 2021. Находки перстней позднеклассического и эллинистического времени в округе Херсонеса. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции*. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 208—213.

Краснодубец Е.М., Тюрин М.И. 2020. Эллинистический перстень с бодающимся быком из Херсонеса Таврического. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции, 6-7 октября 2020 г., г. Симферополь*. Симферополь: Салта, 48—54.

Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. 1894. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. *Материалы по археологии России* 13.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 5, 219—324.

Малышев А.А., Новичихин А.М. 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа. *Hyranis* 4, 162—185.

Масленников А.А. 2011. Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья. *ПИФК* 4 (34), 264—276.

Масленников А.А. 2012. Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья. В: Масленников А.А. (ред.). *Древности Боспора*. Supplementum III. *Царская хора Боспора*. Т. 2. *Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. Москва: Институт археологии РАН, 217—226.

Младенова Я. 1963. Наките от некропола на Аполония. В: Венедиков И. (ред.). *Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947—1949 г*. София: Българска академия на науките, 287—304.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.

Неверов О.Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (к вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье). *ВДИ* 1, 106—115.

Неверов О.Я. 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья. *ТГЭ* 17, 166—183.

Неверов О.Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации). В:. Грач Н.Л (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 17—27.

Неверов О.Я. 2000. *Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья. В:* Соловьев С.Л. (ред.), *Античное Причерноморье*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 24—45.

Новичихин А.М. 2017. *Утриш сквозь века*. Краснодар: Платонов.

ОАК за 1859 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1859 г.* 1860. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1875 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1875 г.* 1878. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Парович-Пешикан М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка.

Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э*. Москва: Наука (САИ Д4-5).

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк (Курганы Украины 3).

Придик Е.М. 1917: *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Петроград: Типография Российской Академии наук.

Ромашко В.А., Скорый, С.А. 2009. *Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Сударев Н.И. 2017. Погребения некрополя Виноградный-7. Краснодарский край, Темрюкский район. В: Энговатова А.В. (ред.). *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г.*. Москва: Институт археологии РАН, 182—189 (Материалы спасательных археологических исследований 19).

Трейстер М.Ю. 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей. *ВДИ* 3, 67—76.

Трейстер М.Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. *ВДИ* 1, 126—139.

Трейстер М.Ю. 2007. Вставки гемм (за исключением перстней). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 295—305.

Трейстер М.Ю. 2014. Так называемые греко-персидские скарабеоиды с изображением орлиноголового грифона V—IV вв. до н.э. (иконография, хронология, распространение). В: Мордвинцева В.И., Хэрке Х., Шевченко Т. (ред.). *Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь—Ялта, 20—23 сентября 2012 г.) / Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung (Simferopol — Jalta, 20.-23. September 2012)*. Киев: Издательский дом «Стилос», 196—214.

Трейстер М.Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 77—181 (Материалы по археологии и истории Фанагории 2).

Трейстер М.Ю. 2022а. Проблемы атрибуции портретов на перстнях «птолемеевского типа». В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *XXIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное»*. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; БФ «Деметра», 322—335.

Трейстер М.Ю. 2022б. «Птолемеевские» перстни на Боспоре и в варварском хинтерланде (распределение, хронология, контексты находок). В: Хршановский В.А. (ред.). *«Большие и малые города Боспорского царства». Круглый стол, посвященный 75-летию Евгения Александровича Молева. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 281—287.

Трейстер М.Ю. 2023. Ювелирные украшения позднеархаического и раннеклассического времени на Боспоре (конец VI — первая половина V в. до н.э.). I. Перстни. В: Хршановский В.А. и др. (ред.). *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 298—306.

Трейстер М.Ю. 2024. Птолемеевские перстни в Северном Причерноморье. Новые находки и гипотезы интерпретации. *ПИФК* 1, 5—45.

Устаева Э.Р., Журавлев Д.В. 2010. Таманский музейный комплекс. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. III. Москва: Наука, 64— 97.

Финогенова, С.И. 2001. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 2, 164—167.

Цокур и др. 2022: Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2022. *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове. В двух частях.* Москва: Институт археологии РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1—2).

Шишлов и др. 2007: Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. 2007. Материальная культура Владимировского могильника. *Исторические записки. Исследования и материалы* 5, 4—19.

Шишлов и др. 2013: Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2013. Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в 2005—2006 гг. В: Крохмаль А.Г. (ред.). *Научные труды*. Т. 1. *Биоразнообразие государственного природного заповедника «Утриш»*. Анапа: Государственный заповедник «Утриш», 294—330.

Шишлов и др. 2018: Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2018. Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской г. Новороссийска. В: Схатум Р.Б., Улитин В.В. (ред.). *VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая — 1 июня 2018 г.)*. Краснодар: ИП Шлепнев М.В., 339—347.

Шишлов и др. 2021: Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. 2021. Исследования могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в (по итогам раскопок 2007 и 2009 гг.). В: Быхалова О.Н. (ред.). *Научные труды*. Т. 5. *Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана.* Анапа: Государственный заповедник «Утриш», 285—295.

Шкорпил В.В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. *ИАК* 35, 12—47.

Akamatis I.M. 2003. Τα ανασκαφικά δεδομένα στην Αγορά της Πέλλας το 2001. *Εγνατία* 7, 299—326.

arachne.dainst.org: 1: Attisch rotfigurige Lekythos des Aischines-Malers. URL: https://arachne.dainst.org/entity/1171177 (дата обращения 01.05.2021).

Artamonow M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen.* Prag: Artia.

artmuseum.princeton.edu: 1: Red-figure Lekythos: Eros Riding a Dolphin and Playing the Double Flutes (Auloi), ca. 480 B.C. URL: https://artmuseum.princeton.edu/collections/objects/102445 (дата обращения 01.05.2021).

Beazley J.D. 1920. *The Lewes House Collection of Ancient Gems.* Oxford: Clarendon.

beazley.ox.ac.uk: 1: 505, Athenian, Rome, Mus. Naz. Etrusco di Villa Guilla, 64608. URL: https://www.beazley.ox.ac.uk/record/45FE397E-F21B-4C9A-B706-2C5C8ACCBF84 (дата обращения 01.05.2021).

Berges D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Rakob F. (Hrsg.). *Die Deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: Philipp von Zabern, 10—214 (Karthago II).

Berthold A.S. 2008. Entwurf und Ausführung in den artes minores. Münz- und Gemmenkünstler des 6. — 4. Jhs. v. Chr. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.). Halle-Wittenberg.

Black J., Green A. 1992. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary.* London: University of Texas Press.

Boardman et al. 2009: Boardman J., Scarisbrick D., Wagner C., Zwierlein-Diehl E. 2009. *The Marlborough Gems*. Oxford: Oxford University Press.

Boardman J. 1968. *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the 6th and Early 5th Century BC.* London: Thames and Hudson.

Boardman J. 1985. Greek Gem Engraving: Archaic to Classical. In: Boulter C.G. (ed.). *Greek Art, Archaic into Classical*. Leiden: E.J. Brill, 83—95 (Cincinnati Classical Studies 5).

Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames and Hudson.

Boardman J., Wagner C. 2018. *Masterpieces in Miniature: Engraved Gems from Prehistory to the Present*, London: Philipp Wilson Publishers.

Bouzek J., Ondřejova I. 2017. Grotesques, Caricatures and the clever Mice at Pistiros. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 2. *Graecolationa Pragensia*, 187—200.

Brijder H.A.G. 2000. *Siana Cups III. The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and Siana Cups resembling Lip-cups*. Amsterdam: Allard Pierson Museum.

Cat. Athens 1999: Delivorrias A. (ed.). 1999. *Ελληνικα κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη.* Athens: Μουσείο Μπενάκη — Εκδόσεις Αδάμ.

Cat. Athens 2018: Kakavas G., Drene S. (eds.). 2018. *Ηρακλής. Ἥρως Διαχρονικός και Αιώνιος, κατάλογος έκθεσης*. Athens: Νομισματικο μουσειο.

Cat. Athens 2019: Kakavas G., Papaevangelou-Genakou C. (eds.). 2019. *Καρποί και Σύμβολα / Fruits & Symbols*. Athens: Νομισματικο μουσειο.

Cat. Dallas 1990: Bromberg A.M. 1990. *Gold of Greece. Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum.* Dallas: Dallas *Museum* of Art.

Cat. Malibu 1994: Harris J. (ed.). *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Cat. Milan 1984: De Juliis E.M. (ed.). 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistico.* Milano: Mondadori.

Cat. New York 2004: Pandermalis D. 2004. *Alexander the Great Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation (USA).

Cat. Paris 2019: Baralis A., Panayotova K., Nedev D. (eds.). 2019. *Apollonia du Pont, sur les pas des archéologues. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie (catalogue d'exposition).* Paris: Édition Faber.

Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Ζήτρος.

Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair A., Rubinich M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia.* Trieste: Silvana Editoriale.

Chacheva M. 2017. Finger Rings from the Necropolis of Apollonia Pontica. In: Kiyashkina P., Damyanov M., Bozhkova A., Delev P. (eds.). *Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4—7, 2012* (Nessebar IV). Veliko Tarnovo: Faber Publishing House, 134—166.

Chatzidimitriou A. 2011. A Terracotta Griffin Figurine from the Necropolis in Karystos: A Brief Excursus into the Development of the Griffin Figure. In: Rupp D.W., Tomlinson J.E. (eds.). *Euboea and Athens Colloquium in Memory of Malcolm B. Wallace*. Athens: The Canadian Institute in Greece, 209—232.

Chrysostomou A. 2013. *Νέοι Θησαυροί της Εδεσσαϊκής Γης. Από την έρευνα του νότιου νεκροταφείου της κάτω πόλης της αρχαίας Έδεσσας*. Έδεσσα: Εκτύπωση-Βιβλιοδεσία.

Chrysostomou P. 2022. Χάλκινο σφραγιστικό δακτυλίδι από το Αρχοντικό Πέλλας με παράσταση του πρώτου επεισοδίου του αισώπειου μύθου *Ἀλώπηξ καὶ Γέρανος*. In: Tsigarida E.B., Tzanavari K., Chrysostomou A. (eds.). 2022. *Πότνια Πέλλης. Τιμητικός τόμος για την Μαρία Λιλιμπάκη-Ακαμάτη*. Thessaloniki: Εκδόσεις Ζήτη, 201—220.

Chryssanthaki-Nagle K. 2007. *L'histoire monetaire d'Abdère en Thrace*. Athènes: De Boccard (MELETHMATA 51).

Damyanov M. 2017. Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005). In: Kiyashkina P., Damyanov M., Bozhkova A., Delev P. (eds.). *Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4—7, 2012*. Veliko Tarnovo: Faber Publishing House, 86—100 (Nessebar IV).

Delplace C. 1980. *Le griffon: de l'archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique.* Bruxelles: Institut historique belge de Rome.

Dierichs A. 1981. *Das Bild des Greifen in der frühgriechischen Flächenkunst.* Münster: Lit.

Drougou St., Touratsoglou I. 1998. *Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βέροιας* (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου. 28). Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In. Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 27—48.

Filimonos M., Giannikouri *A.* 1999. Grave offerings from Rhodes: Pottery and Jewellery. In: Bilde P., Engberg-Pedersen T., Gabrielsen V., Hannestad L., Zahle J. (eds.). 1999. *Hellenistic Rhodes: Politics, Culture, and Society*. Aarhus: Aarhus University Press, 205—226 (Studies in Hellenistic Civilizations 9).

Frontisi-Ducroix F. 2003. *L'œil du serpent. Jeux de mots, jeux d'images* In: *Dossier: Alexandre le Grand, religion et tradition* [en ligne]. Paris; Athènes: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. DOI: https://doi.org/10.4000/books.editionsehess.2105.

Furtwängler A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum* 1—3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient.

Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publ.

Galanina L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes. "Königsgräber" der frühskythischen Zeit*. Moskau; Berlin: Institut für allgemeine Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften; Zentrum für erforschung Studien der alten Zivilisationen (Steppenvölker Eurasiens 1).

Gänsicke S., Hagel S. 2017. The Auloi from Meroë: Preliminary Notes on the Conservation, Technical Examination, and Interpretation of a Cache of Ancient Musical Instruments. In: Daehner J.M., Lapatin K., Spinelli A. (eds.). *Artistry in Bronze. The Greeks and Their Legacy XIXth International Congress on Ancient Bronzes*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 381—388.

Garlan Y., Kara H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: De Boccard (Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10).

Gerring B. 2000. *Sphragides. Die gravierten Fingerringe des Hellenismus*. Oxford: British Archaeological Reports (British Archaeological Reports Int. Ser. 848).

Goldman B. 1960. The Development of the Lion-Griffin. *American Journal of Archaeology* LXIV, 319—328.

Günther E. 2022. *Komische Bilder. Bezugsrahmen und narratives Potenzial unteritalischer Komödienvasen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Philippika 166).

Hagel S. 2019. Reconstructing the Auloi from Queen Amanishakheto's Pyramid. In: Eichmann R., Fang J.J., Koch L.-C. (Hrsg.). *Studien zur Musikarchäologie* 11. *Orient-Archäologie* 40, 177—197.

Hoffmann H., Davidson P.F. 1965. *Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander.* Mainz: von Zabern.

Kaiser W.B. 1986. Alexandres Goldmünzen. *Schweizerische numismatische Rundschau* 65, 41—57.

Kaltsas N.E. 1998. *Ακανθος Ι. Η ανασκαφή το νεκροταφείο κατά το 1979*. Athens: Ταμείο αρχαιολογικών πόρων και απαλλοτριώσεων.

Kat. Bonn 1997: Barkova L., Kalašnik Ju. (Hrsg.). 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Hamburg 1993: Busch R. (Hrsg.). 1993. *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster: Wachholtz.

Knigge U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: De Gruyter (Kerameikos IX).
Kotitsa Z. 2013. Frühhellenistische Keramik aus Pydna: Hinweise auf regionale und überregionale Kontakte. In: Fenn N., Römer-Strehl C. (eds.). *Networks in the Hellenistic World. According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond*. Oxford: Archaeopress, 67—80 (BAR Intern. Ser. 2539).
Kotitsa Z. 2014. Τυπολογία, χρονολόγηση και χρήση μυροδοχείων: Ενδείξεις από τη βόρεια Πιερία. In: Kotsou E. (ed.). *Η΄ Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Ιωάννινα 5-9 μαΐου 2009*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 407—424.
Kraay C.M., Hirmer M. 1966. *Greek Coins*. New York: Abrams.
LIMC II 1984: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* Bd. II. Zürich, München: Artemis Verlag.
LIMC VI 1992: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* Bd. VI. Zürich: Artemis Verlag.
LIMC Supplementum 2009: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Supplementum.* Düsseldorf: Artemis Verlag.
Lippold G. 1922. *Gemmen und Kameen des Altertums und der Neuzeit.* Stuttgart: Julisu Hoffmann Verlag.
Lissarague F. 1990. *The Aesthetics of the Greek Banquet. Images of Wine and Ritual.* Princeton: Princeton University Press.
Marshall F.H. 1907. *Catalogue of the Finger Rings*, *Greek, Etruscan, and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum.* London: British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities.
Masson A. 2018. Seals and seal impressions. In: Naukratis. Greeks in Egypt. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20190801125433/https://www.britishmuseum.org/research/online_research_catalogues/ng/naukratis_greeks_in_egypt/material_culture_of_naukratis/seals_and_seal_impressions.aspx (дата обращения 01.06.2024).
Mertens J. 1989. Timeas's Scarab. *Metropolitan Museum Journal* 24, 53—56.
Neverov O. 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora.
Neverov O. Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *ACSS* 6, 179—191.
Neverov O.J. 1995. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion. *Archeologia* 46, 71—75.
novomuseum.ru: 1: Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель». URL: https://novomuseum.ru/arheologiya/40-ekspeditsii/155-------l-r.html (дата обращения 01.05.2021).
Ondřejova I., 2007. Gem Imprints on Loom-Weights: the Running Dog. In: Bouzek J., Domaradzka L., Archibald Z.H. (eds.). *Pistiros. Excavations and Studies*. III. Prague: Charles University, Faculty of Arts, 243—246.
Pappalardo U., Ciardiello R. 2012. *Griechische und römische Mosaiken.* München: Hirmer.
Peristeri K., Papadopoulou E., Garoufa S. 2018. Οδικός Άξονας Σερρών-Αμφίπολης 2011. Ελληνιστική κεραμική-προκαταρκτική μελέτη. In: Kotsou E. (ed.). Θ΄ Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. *9th Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Proceedings*. Vol. II. Athens: Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 291—314.
Philipp H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia*. Berlin: Walter de Gruyter (Olympische Forschungen XIII).
Philipp H., Born H. 2004. *Archaische Silhouettenbleche und Schildzeichen in Olympia*. Berlin: De Gruyter (Olympische Forschungen 30).
Piqueux A. 2022. *The Comic Body in Ancient Greek Theatre and Art, 440-320 BCE.* Oxford: Oxford University Press.
Price M. 1991. *The Coinage in the name of Alexander the Great and Philip Arridhaeus*. Vols. 1—2. Zurich: Swiss Numismatic Society in association with British Museum.
Rehm E. 1992. *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster: Ugarit-Verlag.
Richter, G.M.A. 2006. *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. Roma: L'ERMA di Bretschneider.
Robinson, D.M. 1941. *Metal and Minor Miscellaneous Finds*. Baltimore: Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford (Olynthus X).
Rolle et al. 1998: Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Th. 1—3. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1).
Rotroff S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: The American School of Classical Studies (The Athenian Agora. XXIX).
Rotroff S.I. 2006. *Hellenistic Pottery: The Plain Ware*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora. XXXIII).
Salzmann D. 1982. *Untersuchungen zu den antiken Kieselmosaiken*. Berlin: Gebr. Mann (Archäologischen Forschungen 10).
Schiltz V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.

Schreiber T. 2015. Herrscher ohne Diadem oder ptolemäisches “Zeitgesicht”? Zu den sogenannten Ptolemäerringen im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität. *Boreas* 37/38 (2014—2015), 227—283.

Schreiber T. 2018. Zu den sogenannten Ptolemäerringen — Versuch einer Rekontextualisierung. In: Schreiber T. (Hrsg.). *Zugänge zur Kontextualisierung bildlicher Darstellungen in den Altertumswissenschaften*. Münster: Archäologie Diagonal, 59—65.

Sgourou M., Agelarakis A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—364.

Simon E. 1976. *Die griechischen Vasen*. München: Hirmer.

Smith T.J. 2021. Animals in Athenian Life. In: Neils J., Rogers D.K. (eds.). *The Cambridge Companion to Ancient Athens*. Cambridge: Cambridge University Press, 199—214.

Spier J. 1992. *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Taplin O. 1992. The New Choregos Vase. *Pallas* XXXVIII. *Dramaturgie et actualité du théâtre antique*, 139—151. DOI: https://doi.org/10.3406/palla.1992.1241.

Taplin O. 2007. *Pots and Plays: Interactions between Tragedy and Greek Vase-Painting of the Fourth Century B.C.* Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Tolstikov V., Zhuravlev D. 2004. Hellenistic Pottery from two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum. In: Drogou St. (ed.). *ΣΤ’ Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική: προβλήματα χρονολόγησης κλειστά σύνολα — εργαστήρια, Βόλος 17—23 Απριλίου 2000; Πρακτικά.* Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 269—276.

Trakatelli L.-A. 2013. The category of the so called Pseudo-Cypriot amphoras and their distribution in Cyprus, Greece and the Black Sea. In: Fenn N., Römer-Strehl C. (eds.). *Networks in the Hellenistic World. According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond.* Oxford: Archaeopress, 81—91 (BAR Intern. Ser. 2539).

Treister M. 1988. Bronzeworking in Bosporus according to Results of Spectral Analyses. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 10, 21—79.

Treister M. 2010. “Achaemenid” and “Achaemenid-inspired” Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus: Aarhus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).

Trendall A.D. 1967. *Phlyax Vases*. London: University of London, Institute of Classical Studies (Institute of Classical Studies Bulletin Suppl. No. 19).

Trendall A.D. 2016. McPhee I. (ed.). *Myth, Drama and Style in South Italian Vase-Painting. Selected Papers by A.D. Trendall*. Uppsala: Aströms förlag.

Trendall A.D., Webster T.B.L. 1971. *Illustrations of Greek Drama*. London: Phaidon Press.

Tzochev C. 2016. *Amphora Stamps from Thasos*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (Athenian Agora XXXVII).

Wallace R.W. 2003. An Early Fifth-Century Athenian Revolution in Aulos Music. *Harvard Studies in Classical Philology* 101, 73—92. https://doi.org/10.2307/3658525.

Walter-Karydi E. 1975. Spätarchaische Gemmenschneider. *Jahrbuch der Berliner Museen* 17, 5—44.

Walters H.B. 1899. *Catalogue of the Bronzes in the British Museum. Greek, Roman & Etruscan.* I—II. London: British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities.

Waurick G. 1988. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 151—180 (Monographien RGZM 14).

Williams D., Ogden J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: Thames and Hudson.

Zagdoun M.-A. 1984. Chapitre IV. Bagues et anneaux. *Bulletin de correspondance hellénique*. Suppl. 9, 183—260.

Zazoff P. 1983. *Die antiken Gemmen (Handbuch der Archäologie)*. München: C.H. Beck.

Zwierlein-Diehl E. 2007. *Antike Gemmen und Ihr Nachleben.* Berlin: Walter de Gruyter.

References

Alekseev, A.Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Eermitazha (Gold of the Scythian Kings in the Collection oft he Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu, Rolle, R. 1991. *Chertomlyk, Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. A Scythian Royal Kurgan of the 4th Century BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique Beads of the North Pontic Region)* Pt. 1. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12). (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique Beads of the North Pontic Region)*. Pt. 2. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1982. In: Kruglikova, I.T. (ed.). *Gorgippia. Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Gorgippia. Materials of the Anapa Archaeological Expedition)*. II. Krasnodar: Krasnodar book publishing house, 22—84 (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1997. *Antichnyy gorod Gorgippia (Antique City of Gorgippia)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Antipenko, A.V., Krasnodubets, E.M. 2020. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Bosporskoe tsarstvo M.I. Rostovtseva. Vzglyad iz 21-go veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon. Bosporan Kingdom of M.I. Rostovtsev. View from the 21st Century. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Publishing and Printing Center of the Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 310—315 (in Russian).

Anfimov, N.V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani / The Kuban's Ancient Gold.* Krasnodar: Traditsiya (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1977. *Nekropol' Tanaisa (The Necropolis of Tanais)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Ilyashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, H.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* (*ΣΥΜΒΟΛΑ. Antique World of the North Pontic Region. The Newest Finds and Discoveries)*. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine, 11—21 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya (Ancient History and Culture of the Mediterranean and Black Sea Regions).* Leningrad: Nauka, 9—16 (in Russian).

Beglova, E.A. 2005. In: Noskova, L.M. (ed.). *Material'naya kul'tura Vostoka (Material Culture of the East)*. Moscow: State Oriental Museum, 166—181 (in Russian).

Beglova, E.A., Erlikh, V.R. 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika (The Maoitians of the Trans-Kuban Region. After the Materials of the Tenginskaya Burial Ground)*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).

Berzina, S.Ya. 2010. *Drevnie gemmy Vostoka (Ancient Gems of the East)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli (in Russian).

Vakhtina, M.Yu. *2016.* In *Tavricheskie studii (Tauric Studia)* 10, 24—31 (in Russian).

Goroncharovskiy, V.A. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 553—618 (in Russian).

Grakov, B.N. 1928. *Drevne-grecheskie keramicheskie kleyma s imenami astinomov (Ancient Greek Ceramic Stamps with the Names of the Astynomoi)*. Moscow: RANION (in Russian).

Grach, N.L. 1983. In *Études et travaux* XIII, 119—126 (in Russian).

Grach, N.L. 1986. In: N.L. Grach (ed.). *Antichnaya torevtika (Antique Toreutics)*. Leningrad: State Hermitage, 75—90 (in Russian).

Grach, N.L. 1999. *Nekropol' Nimfeya (The Necropolis of Nymphaion)*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Damyanov, M. 2023. *Chernofirnisova keramika ot nekropola na Apoloniya Pontika: tipologichesko i hronologichesko izsledvane (po materiali ot obrednite ognisha, okolo 400—250 g. pr.Hr.). (Black-Glazed Pottery from the Necropolis of Apollonia Pontica: Typological and Chronological study (based on materials from ritual fireplaces, ca. 400—250 BCE)*. Sofia: "Prof Marin Drinov" Publishing House of BAS (Archaeological Excavations and Research XLIX) (in Bulgarian).

Dmitriev, A.V., Malyshev, A.A. 1999. In: *Istoriko-arkheolgicheskiy al'manakh (Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya)* (*Historico-Archaeological Almanakh (of the Armavir Local Lore Museum))* 5, 17—51 (in Russian).

Egorova, *T.*V. 2009. *Chernolakovaya keramika IV—II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-Glazed Pottery of the 4th—2nd Centuries BCE from the Sites oft he North-Western Crimea)*. Moscow: Moscow State Lomonosov University (in Russian).

Zakharov, A.A. 1928. *Gemmy i antichnye perstni Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (The Gems and Antique Finger Rings of the State Historical Museum)*. Moscow: Publication of the State Historical Museum *(*The Proceedings of the Archaeological Section of RANION III) (in Russian).

Ivanov, A.A., Chernenko, V.G. 2021. In *Drevnosti Bospora (Bosporan Antiquities)* 26, 214—224 (in Russian).

Cat. Leningrad 1973: *Antichnaya khudozhestvennaya bronza. Katalog vystavki. Ermitazh (Antique Artistic Bronze. Exhibition catalogue. Hermitage)*. Leningrad: Aurora (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024: Zhizhina, N.K. (ed.). *V poiskakh antichnogo Bospora. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Rostovtseva (In Search of the Antique Bosporus. On the 150-th Anniversary of Mikhail Rostovzeff).* Vol 1. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ.; "Tabula Rasa" Publ. (in Russian).

Kolesnikov, A.B. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, H.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ. Antique World of the North Pontic Region. The Newest Finds and Discoveries).* Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine, 101—107 (in Russian).

Kolpakova, A.V., Shishlov, A.V., Fedorenko, N.V. 2011. In *Istoricheskie zapiski (issledovaniya i materialy) (Historical Notes (Studies and Materials))* 7, 6—41 (in Russian).

Kononov, V.Yu. 2006. In *Materialy i issledovanya po arkheologii Prikuban'ya (Materials and Studies in the Archaeology of the Kuban Region)* 6, 124—133.

Korovina, A.K. 1987. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im A.S. Pushkina* (*Reports of the State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin*) 8, 137—148 (in Russian).

Korol'kova (Chezhina), E.F., Alekseev, A.Yu. 1994. In *Problemy arkheologii (Problems of Archaeology)* 3. *Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva. Sbornik statey v pamyat' professora V.I. Ravdonikasa (Monuments of Ancient and Medieval Art. Collection of Articles in the Memory of Professor V.I. Ravdonikas)*, 102—109 (in Russian).

Krasnodubets, E.M. 2018a. In: Yashaeva, T.Yu., Mayko, V.V. (eds.). *Arkkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statey v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova (Archaeology of the Ancient and Medieval city. Collection of articles in Honor of Stanislav Grigorievich Ryzhov)*. Sevastopol; Kaliningrad: ROST-DOAFK, 105—109 (in Russian).

Krasnodubets, E.M. 2018b. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira (Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World)*. Pt. 2. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 105—112 (in Russian).

Krasnodubets, E.M. 2021. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *XXII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (XXII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. New Discoveries, New Projects. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Simferopol; Kerch: Charity Foundation "Demetra", 208—213 (in Russian).

Krasnodubets, E.M., Tyurin, M.I. 2020. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Novye issledovaniya molodykh arkheologov v Krymu. Materialy nauchnoy konferentsii, 6—7 oktybrya 2020 g., g. Simferopol' (New Research by Young Archaeologists in the Crimea. Proceedings of the Scientific Conference, October 6—7, 2020, Simferopol)*. Simferopol: Salta, 48—54 (in Russian).

Lappo-Danilevskiy, A, Mal'mberg, V. 1894. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on Archaeology of Russia)* 13 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2005. In *Materialy i issledovanya po arkheologii Prikuban'ya (Materials and Studies in the Archaeology of the Kuban Region)* 5, 219—324 (in Russian).

Malyshev, A.A., Novichikhin, A.M. 2022. In *Hypanis* 4, 162—185 (in Russian).

Maslennikov, A.A. 2011. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 4 (34), 264—276 (in Russian).

Maslennikov, A.A. 2012. In: Maslennikov, A.A. (ed.). *Drevnosti Bospora*. Suppl. III. *Tsarskaya khora Bospora*. Vol. 2. *Individual'nye nakhodki i massovyy arkheologicheskiy material (Antiquities of the Bosporus*. Suppl. III. *Royal Chora of the Bosporus*. Vol. 2. *Individual Finds and Mass Archaeological Material)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 217—226 (in Russian).

Mladenova, I. 1963. In: Venedikov, I. (ed.). *Apollonia. Les fouilles dans le nécropole d'Apollonia en 1947—1949*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 287—304 (in Bulgarian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE)*. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1974. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 106—115 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1976. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* 17, 166—183.

Neverov, O.Ya. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika (Antique Toreutics)*. Leningrad: State Hermitage, 17—27 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 2000. In: Solovyov, S.L. (ed.). *Antichnoe Prichernomor'e. Sbornik statey po klassicheskoy arkheologii (Ancient Black Sea Region. Collection of Articles on Classical Archaeology)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 24—45 (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2017. *Utrish skvoz' veka (Utrish through Centuries)*. Krasnodar: Platonov (in Russian).

OAK for 1859: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1859 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1859)*. 1860. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

OAK for 1875: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii za 1875 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1875)*. 1878. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Parovich-Peshikan, M. 1974. *Nekropol' Ol'vii ellnisticheskogo vremeni (Necropolis of Olbia oft the Hellenistic Period)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e. (Finery of Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources Д4-5) (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (A Scythian Zolotaya Balka Kurgan Cemetery of the 5th—4th Centuries BCE in the Kherson Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk Publisher (Burial Mounds of the Ukraine. Vol. 3) (in Russian).

Pridik, E.M. 1917: *Inventarnyy katalog kleym ma amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniya (Inventory Catalogue of Stamps on Amphora Handles and Necks and on Tiles of the Hermitage Collection)*. Petrograd: Printing house of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Romashko, V.A., Skoryi, C.A. 2009. *Bliznets-2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom nadporozh'e (Bliznets-2: A Scythian Aristocratic Burial Mound in the Dnieper right-bank Nadporozhye)*. Dnepropetrovsk: Porogi (in Russian).

Sudarev, N.I. 2017. In: Engovatova, A.V. (ed.). *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 (Cities, Settlements, Necropoleis. 2016 Excavations)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of the Rescue Archaeological Investigations 19), 182—189 (in Russian).

Treister, M.Yu. 1982. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 3, 67—76 (in Russian).

Treister, M.Yu. 1985. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 126—139 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE)*. Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 295—305 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2014. In: Mordvinceva, V.I., Härke, H., Shevchenko, T. (eds.). *Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung (Simferopol — Jalta, 20.-23. September 2012)*. Kyiv: Stilos Publ. House, 196—214 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii (Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 77—181 (Materials on Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022a. In:. Zin'ko, V.N, Zin'ko, E.A. (eds.). *XXIII Bosporskie chteniya "Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe" (XXIII Bosporan Readings "Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Antiquity and Middle Ages. The Sacral and the Material")*. Simferopol; Kerch: The Crimean Federal University named after V.I. Vernadskiy, Charity Foundation "Demeter", 322—335 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2022b. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *"Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva". Kruglyy stol, posvyashchennyy 75-letiyu Evgeniya Aleksandrovicha Moleva. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii ("Big and Small Cities of the Bosporan Kingdom" Round table dedicated to the 75th Anniversary of Evgeniy Aleksandrovich Molev. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 281—287 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2023. In: Khrshanovskiy, V.A. et al. (eds.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan Phaenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Materials of the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Tabula Rasa" Publ., 298—306 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2024. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*) 1, 5—45 (in Russian).

Ustaeva, E.R., Zhuravlev, D.V. *2010*. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 64— 97 (in Russian).

Finogenova, S.I. 2001. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*) 2, 164—167 (in Russian).

Tsokur et al. 2022: Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove (Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic*

Periods on the Taman Peninsula). In two parts. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Shishlov et al. 2007: Shishlov, A.V., Fedorenko, N.V., Kolpakova, A.V., Kononenko, A.P. 2007. In *Istoricheskie zapiski (issledovaniya i materialy) (Historical Notes (Studies and Materials))* 5, 4—19 (in Russian).

Shishlov et al. 2013: Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2013. In: Krokhmal', A.G. (ed.). *Bioraznoobrazie gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika "Utrish". Nauchnye trudy* (*Biodiversity of the Utrish State Nature Reserve. Scientific papers*). Vol. 1 (2012). Anapa: State Reserve "Utrish", 294—330 (in Russian).

Shishlov et al. 2018: Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2018. In: Skhatum, R.B., Ulitin, V.V. (eds.). *VIII "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Voyna i torgovlya kak faktory istoricheskogo razvitiya narodov Zapadnogo Kavkaza vdrevnosti i srednvekov'e: Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (g. Anapa, 30 maya — 1 iyunya 2018 g.)*. (*VIII "Anfimov Readings" on the Archeology of the Western Caucasus. War and Trade as Factors in the Historical Development of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Archaeological Conference (Anapa, May 30 — June 1, 2018)*). Krasnodar: IP Shlepnev M.V., 339—347 (in Russian).

Shishlov et al. 2021: Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2021. In: Bykhalova, O.N. (ed.). *"Nazemnye i morskie ekosistemy poluostrova Abrau:* istoriya*, sostoyanie, okhrana". Nauchnye trudy* (*"Terrestrial and marine Ecosystems of the Abrau Peninsula: History, Status, Protection". Scientific papers*). Vol. 5. Anapa: State Reserve "Utrish", 285—295 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1910. In *Izvestiya arkheolgicheskoy komissii* (*Reports of the Archaeological Commission*) 35, 12—47 (in Russian).

Akamatis, I.M. 2003. Τα ανασκαφικά δεδομένα στην Αγορά της Πέλλας το 2001. *Εγνατία* 7, 299—326.

arachne.dainst.org: 1: Attisch rotfigurige Lekythos des Aischines-Malers. Available at: https://arachne.dainst.org/entity/1171177 (accessed 01.05.2021).

Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag: Artia.

artmuseum.princeton.edu: 1: Red-figure Lekythos: Eros Riding a Dolphin and Playing the Double Flutes (Auloi), ca. 480 B.C. Available at: https://artmuseum.princeton.edu/collections/objects/102445 accessed 01.05.2021).

Beazley, J.D. 1920. *The Lewes House Collection of Ancient Gems*. Oxford: Clarendon.

beazley.ox.ac.uk: 1: 505, Athenian, Rome, Mus. Naz. Etrusco di Villa Guilla, 64608. Available at: https://www.beazley.ox.ac.uk/record/45FE397E-F21B-4C9A-B706-2C5C8ACCBF84 (accessed 01.05.2021).

Berges, D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Rakob, F. (Hrsg.). *Die Deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: Philipp von Zabern, 10—214 (Karthago II).

Berthold, A.S. 2008. Entwurf und Ausführung in den artes minores. Münz- und Gemmenkünstler des 6. — 4. Jhs. v. Chr. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.). Halle-Wittenberg.

Black, J., Green, A. 1992. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary*. London: University of Texas Press.

Boardman et al. 2009: Boardman, J., Scarisbrick, D., Wagner, C., Zwierlein-Diehl, E. 2009. *The Marlborough Gems*. Oxford: Oxford University Press.

Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1968. *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the 6th and Early 5th Century BC*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1985. Greek Gem Engraving: Archaic to Classical. In: Boulter, C.G. (ed.). *Greek Art, Archaic into Classical*. Leiden: E.J. Brill (Cincinnati Classical Studies 5), 83—95.

Boardman, J., Wagner, C. 2018. *Masterpieces in Miniature: Engraved Gems from Prehistory to the Present*, London: Philipp Wilson Publishers.

Bouzek, J., Ondřejova, I. 2017. Grotesques, Caricatures and the clever Mice at Pistiros. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 2. *Graecolationa Pragensia*, 187—200.

Brijder, H.A.G. 2000. *Siana Cups III. The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and Siana Cups resembling Lip-cups*. Amsterdam: Allard Pierson Museum.

Cat. Athens 1999: Delivorrias, A. (ed.). 1999. *Ελληνικα κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Athens: Μουσείο Μπενάκη — Εκδόσεις Αδάμ.

Cat. Athens 2018: Kakavas, G., Drene, S. (eds.). 2018. *Ηρακλής. Ἥρως Διαχρονικός και Αιώνιος, κατάλογος έκθεσης*. Athens: Νομισματικο μουσειο.

Cat. Athens 2019: Kakavas, G., Papaevangelou-Genakou, C. (eds.). 2019. *Καρποί και Σύμβολα / Fruits & Symbols*. Athens: Νομισματικο μουσειο.

Cat. Dallas 1990: Bromberg, A.M. 1990. *Gold of Greece. Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum.* Dallas: Dallas *Museum* of Art.

Cat. Malibu 1994: Harris, J. (ed.). *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Cat. Milan 1984: De Juliis, E.M. (ed.). 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistico.* Milano: Mondadori.

Cat. New York 2004: Pandermalis, D. 2004. *Alexander the Great Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation (USA).

Cat. Paris 2019: Baralis, A., Panayotova, K., Nedev, D. (eds.). 2019. *Apollonia du Pont, sur les pas des archéologues. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie (catalogue d'exposition).* Paris: Édition Faber.

Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos, D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Ζήτρος.

Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair A., Rubinich M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia.* Trieste: Silvana Editoriale.

Chacheva, M. 2017. Finger Rings from the Necropolis of Apollonia Pontica. In: Kiyashkina, P., Damyanov, M., Bozhkova, A., Delev, P. (eds.). *Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4—7, 2012* (Nessebar IV). Veliko Tarnovo: Faber Publishing House, 134—166.

Chatzidimitriou, A. 2011. A Terracotta Griffin Figurine from the Necropolis in Karystos: A Brief Excursus into the Development of the Griffin Figure. In: Rupp, D.W., Tomlinson, J.E. (eds.). *Euboea and Athens Colloquium in Memory of Malcolm B. Wallace*. Athens: The Canadian Institute in Greece, 209—232.

Chrysostomou, A. 2013. *Νέοι Θησαυροί της Εδεσσαϊκής Γης. Από την έρευνα του νότιου νεκροταφείου της κάτω πόλης της αρχαίας Έδεσσας*. Έδεσσα: Εκτύπωση-Βιβλιοδεσία.

Chrysostomou, P. 2022. Χάλκινο σφραγιστικό δακτυλίδι από το Αρχοντικό Πέλλας με παράσταση του πρώτου επεισοδίου του αισώπειου μύθου *Ἀλώπηξ καὶ Γέρανος.* In: Tsigarida, E.B., Tzanavari, K., Chrysostomou, A. (eds.). 2022. *Πότνια Πέλλης. Τιμητικός τόμος για την Μαρία Λιλιμπάκη-Ακαμάτη*. Thessaloniki: Εκδόσεις Ζήτη, 201—220.

Chryssanthaki-Nagle, K. 2007. *L'histoire monetaire d'Abdère en Thrace*. Athènes: De Boccard (MELETHMATA 51).

Damyanov, M. 2017. Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005). In: Kiyashkina, P., Damyanov, M., Bozhkova, A., Delev, P. (eds.). *Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4—7, 2012*. Veliko Tarnovo: Faber Publishing House, 86—100 (Nessebar IV).

Delplace, C. 1980. *Le griffon: de l'archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique.* Bruxelles: Institut historique belge de Rome.

Dierichs, A. 1981. *Das Bild des Greifen in der frühgriechischen Flächenkunst.* Münster: Lit.

Drougou, St., Touratsoglou, I. 1998. *Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βέροιας* (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου. 28). Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

Fedoseev, N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In. Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 27—48.

Filimonos, M., Giannikouri, *A.* 1999. Grave offerings from Rhodes: Pottery and Jewellery. In: Bilde, P., Engberg-Pedersen, T., Gabrielsen, V., Hannestad, L., Zahle, J. (eds.). 1999. *Hellenistic Rhodes: Politics, Culture, and Society.* Aarhus: Aarhus University Press, 205—226 (Studies in Hellenistic Civilizations 9).

Frontisi-Ducroix, F. 2003. *L'œil du serpent. Jeux de mots, jeux d'images* In: *Dossier: Alexandre le Grand, religion et tradition* [en ligne]. Paris; Athènes: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. DOI: https://doi.org/10.4000/books.editionsehess.2105.

Furtwängler A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum* 1—3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient.

Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publ.

Galanina, L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes. "Königsgräber" der frühskythischen Zeit*. Moskau; Berlin: Institut für allgemeine Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften; Zentrum für erforschung Studien der alten Zivilisationen (Steppenvölker Eurasiens 1).

Gänsicke, S., Hagel, S. 2017. The Auloi from Meroë: Preliminary Notes on the Conservation, Technical Examination, and Interpretation of a Cache of Ancient Musical Instruments. In: Daehner, J.M., Lapatin, K., Spinelli, A. (eds.). *Artistry in Bronze. The Greeks and Their Legacy XIXth International Congress on Ancient Bronzes*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 381—388.

Garlan, Y., Kara, H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: De Boccard (Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10).

Gerring, B. 2000. *Sphragides. Die gravierten Fingerringe des Hellenismus*. Oxford: British Archaeological Reports (British Archaeological Reports Int. Ser. 848).

Goldman, B. 1960. The Development of the Lion-Griffin. *American Journal of Archaeology* LXIV, 319—328.

Günther, E. 2022. *Komische Bilder. Bezugsrahmen und narratives Potenzial unteritalischer Komödienvasen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Philippika 166).

Hagel, S. 2019. Reconstructing the Auloi from Queen Amanishakheto's Pyramid. In: Eichmann, R., Fang, J.J., Koch, L.-C. (Hrsg.). *Studien zur Musikarchäologie* 11. *Orient-Archäologie* 40, 177—197.

Hoffmann, H., Davidson, P.F. 1965. *Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander*. Mainz: von Zabern.

Kaiser, W.B. 1986. Alexandres Goldmünzen. *Schweizerische numismatische Rundschau* 65, 41—57.

Kaltsas, N.E. 1998. *Ακανθος Ι. Η ανασκαφή το νεκροταφείο κατά το 1979*. Athens: Ταμείο αρχαιολογικών πόρων και απαλλοτριώσεων.

Kat. Bonn 1997: Barkova, L., Kalašnik, Ju. (Hrsg.). 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Hamburg 1993: Busch, R. (Hrsg.). 1993. *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster: Wachholtz.

Knigge, U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: De Gruyter (Kerameikos IX).

Kotitsa, Z. 2013. Frühhellenistische Keramik aus Pydna: Hinweise auf regionale und überregionale Kontakte. In: Fenn, N., Römer-Strehl, C. (eds.). *Networks in the Hellenistic World. According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond*. Oxford: Archaeopress, 67—80 (BAR Intern. Ser. 2539).

Kotitsa, Z. 2014. Τυπολογία, χρονολόγηση και χρήση μυροδοχείων: Ενδείξεις από τη βόρεια Πιερία. In: Kotsou, E. (ed.). *Η΄ Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Ιωάννινα 5-9 μαΐου 2009*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 407—424.

Kraay, C.M., Hirmer, M. 1966. *Greek Coins*. New York: Abrams.

LIMC II 1984: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. II. Zürich, München: Artemis Verlag.

LIMC VI 1992: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. VI. Zürich: Artemis Verlag.

LIMC Supplementum 2009: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Supplementum*. Düsseldorf: Artemis Verlag.

Lippold, G. 1922. *Gemmen und Kameen des Altertums und der Neuzeit*. Stuttgart: Julisu Hoffmann Verlag.

Lissarague, F. 1990. *The Aesthetics of the Greek Banquet. Images of Wine and Ritual*. Princeton: Princeton University Press.

Marshall, F.H. 1907. *Catalogue of the Finger Rings, Greek, Etruscan, and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities.

Masson, A. 2018. Seals and seal impressions. In: Naukratis. Greeks in Egypt. Available at: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20190801125433/https://www.britishmuseum.org/research/online_research_catalogues/ng/naukratis_greeks_in_egypt/material_culture_of_naukratis/seals_and_seal_impressions.aspx (accessed 01.06.2024).

Mertens, J. 1989. Timeas's Scarab. *Metropolitan Museum Journal* 24, 53—56.

Neverov, O. 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora.

Neverov, O. Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *ACSS* 6, 179—191.

Neverov, O.J. 1995. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion. *Archeologia* 46, 71—75.

novomuseum.ru: 1: Excavations of the Early Iron Age burial ground "Lobanova Shchel". Available at: https://novomuseum.ru/arheologiya/40-ekspeditsii/155-------l-r.html (accessed 01.05.2021).

Ondřejova, I., 2007. Gem Imprints on Loom-Weights: the Running Dog. In: Bouzek, J., Domaradzka, L., Archibald, Z.H. (eds.). *Pistiros. Excavations and Studies*. III. Prague: Charles University, Faculty of Arts, 243—246.

Pappalardo, U., Ciardiello, R. 2012. *Griechische und römische Mosaiken*. München: Hirmer.

Peristeri, K., Papadopoulou, E., Garoufa, S. 2018. Οδικός Άξονας Σερρών-Αμφίπολης 2011. Ελληνιστική κεραμική-προκαταρκτική μελέτη. In: Kotsou, E. (ed.). *Θ΄* Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. *9th Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Proceedings*. Vol. II. Athens: Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 291—314.

Philipp, H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia*. Berlin: Walter de Gruyter (Olympische Forschungen XIII).
Philipp, H., Born, H. 2004. *Archaische Silhouettenbleche und Schildzeichen in Olympia*. Berlin: De Gruyter (Olympische Forschungen 30).
Piqueux, A. 2022. *The Comic Body in Ancient Greek Theatre and Art, 440-320 BCE.* Oxford: Oxford University Press.
Price, M. 1991. *The Coinage in the name of Alexander the Great and Philip Arridhaeus*. Vols. 1—2. Zurich: Swiss Numismatic Society in association with British Museum.
Rehm, E. 1992. *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster: Ugarit-Verlag.
Richter, G.M.A. 2006. *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. Roma: L'ERMA di Bretschneider.
Robinson, D.M. 1941. *Metal and Minor Miscellaneous Finds*. Baltimore: Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford (Olynthus X).
Rolle et al. 1998: Rolle, R., Murzin, V.Ju., Alekseev, A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Th. 1—3. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1).
Rotroff, S.I. 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Princeton: The American School of Classical Studies (The Athenian Agora. XXIX).
Rotroff, S.I. 2006. *Hellenistic Pottery: The Plain Ware*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora. XXXIII).
Salzmann, D. 1982. *Untersuchungen zu den antiken Kieselmosaiken*. Berlin: Gebr. Mann (Archäologischen Forschungen 10).
Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.
Schreiber, T. 2015. Herrscher ohne Diadem oder ptolemäisches "Zeitgesicht"? Zu den sogenannten Ptolemäerringen im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität. *Boreas* 37/38 (2014—2015), 227—283.
Schreiber, T. 2018. Zu den sogenannten Ptolemäerringen — Versuch einer Rekontextualisierung. In: Schreiber, T. (Hrsg.). *Zugänge zur Kontextualisierung bildlicher Darstellungen in den Altertumswissenschaften*. Münster: Archäologie Diagonal, 59—65.
Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—364.
Simon, E. 1976. *Die griechischen Vasen*. München: Hirmer.
Smith, T.J. 2021. Animals in Athenian Life. In: Neils, J., Rogers, D.K. (eds.). *The Cambridge Companion to Ancient Athens*. Cambridge: Cambridge University Press, 199—214.
Spier, J. 1992. *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum.* Malibu: The J. Paul Getty Museum.
Taplin, O. 1992. The New Choregos Vase. *Pallas* XXXVIII. *Dramaturgie et actualité du théâtre antique*, 139—151. DOI: https://doi.org/10.3406/palla.1992.1241.
Taplin, O. 2007. *Pots and Plays: Interactions between Tragedy and Greek Vase-Painting of the Fourth Century B.C.* Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.
Tolstikov, V., Zhuravlev, D. 2004. Hellenistic Pottery from two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum. In: Drogou St. (ed.). *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική: προβλήματα χρονολόγησης κλειστά σύνολα — εργαστήρια, Βόλος 17—23 Απριλίου 2000; Πρακτικά.* Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 269—276.
Trakatelli, L.-A. 2013. The category of the so called Pseudo-Cypriot amphoras and their distribution in Cyprus, Greece and the Black Sea. In: Fenn, N., Römer-Strehl, C. (eds.). *Networks in the Hellenistic World. According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond.* Oxford: Archaeopress, 81—91 (BAR Intern. Ser. 2539).
Treister M. 1988. Bronzeworking in Bosporus according to Results of Spectral Analyses. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 10, 21—79.
Treister, M. 2010. "Achaemenid" and "Achaemenid-inspired" Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus: Aarhus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).
Trendall, A.D. 1967. *Phlyax Vases*. London: University of London, Institute of Classical Studies (Institute of Classical Studies Bulletin Suppl. No. 19).
Trendall, A.D. 2016. McPhee, I. (ed.). *Myth, Drama and Style in South Italian Vase-Painting. Selected Papers by A.D. Trendall.* Uppsala: Aströms förlag.
Trendall, A.D., Webster, T.B.L. 1971. *Illustrations of Greek Drama.* London: Phaidon Press.

Tzochev, C. 2016. *Amphora Stamps from Thasos*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (Athenian Agora XXXVII).

Wallace, R.W. 2003. An Early Fifth-Century Athenian Revolution in Aulos Music. *Harvard Studies in Classical Philology* 101, 73—92. https://doi.org/10.2307/3658525.

Walter-Karydi, E. 1975. Spätarchaische Gemmenschneider. *Jahrbuch der Berliner Museen* 17, 5—44.

Walters, H.B. 1899. *Catalogue of the Bronzes in the British Museum. Greek, Roman & Etruscan.* I—II. London: British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities.

Waurick, G. 1988. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 151—180 (Monographien RGZM 14).

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: Thames and Hudson.

Zagdoun, M.-A. 1984. Chapitre IV. Bagues et anneaux. *Bulletin de correspondance hellénique*. Suppl. 9, 183—260.

Zazoff, P. 1983. *Die antiken Gemmen (Handbuch der Archäologie)*. München: C.H. Beck.

Zwierlein-Diehl, E. 2007. *Antike Gemmen und Ihr Nachleben.* Berlin: Walter de Gruyter.

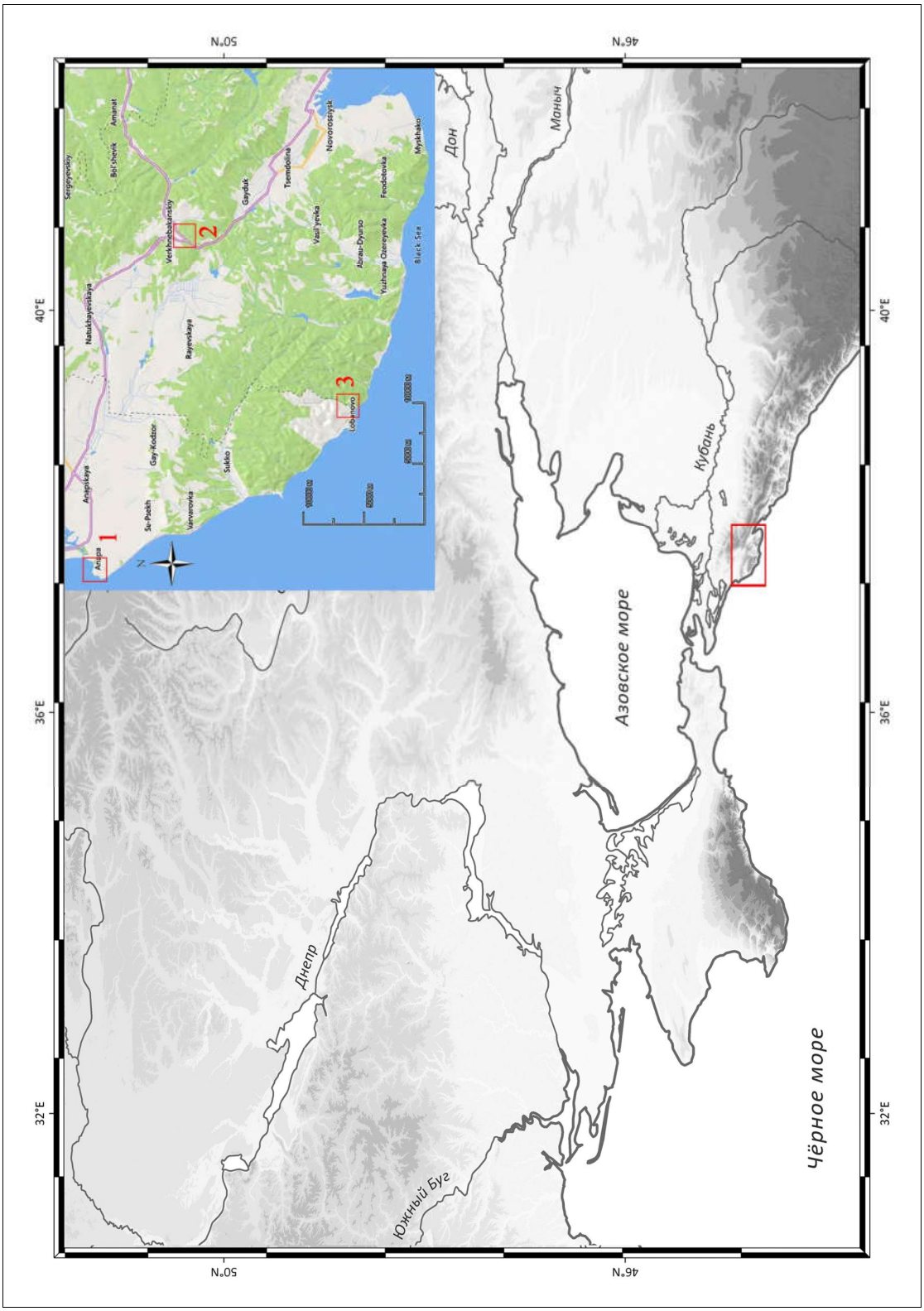


Рис. 1. Карта Северного Причерноморья. Врезка – район Анапы — Новороссийска. *1* — Горгиппия; *2* — могильник Лобанова щель; *3* — могильник «Батырский 1». Подоснова Г.П. Гарбузова, карта — Д.В. Бейлин.

Fig. 1. Map of the North Pontic region. Insert — Anapa—Novorossiysk area. *1* — Gorgippia; *2* — Lobanov Shchel’ (Gap) burial ground; *3* — “Batyrsky 1” burial ground. Base — Gennady Garbuzov, map — Denis Beylin.

Рис. 2. Могильник «Батырский 1». Исследованный участок. *1* — вид с юго-запада; *2* — вид с северо-востока. Фотоархив экспедиции, декабрь 2023 г.

Fig. 2. “Batyrsky 1” burial ground. The investigated area. *1* — view from the southwest; *2* — view from the northeast. Expedition photo archive, December 2023.

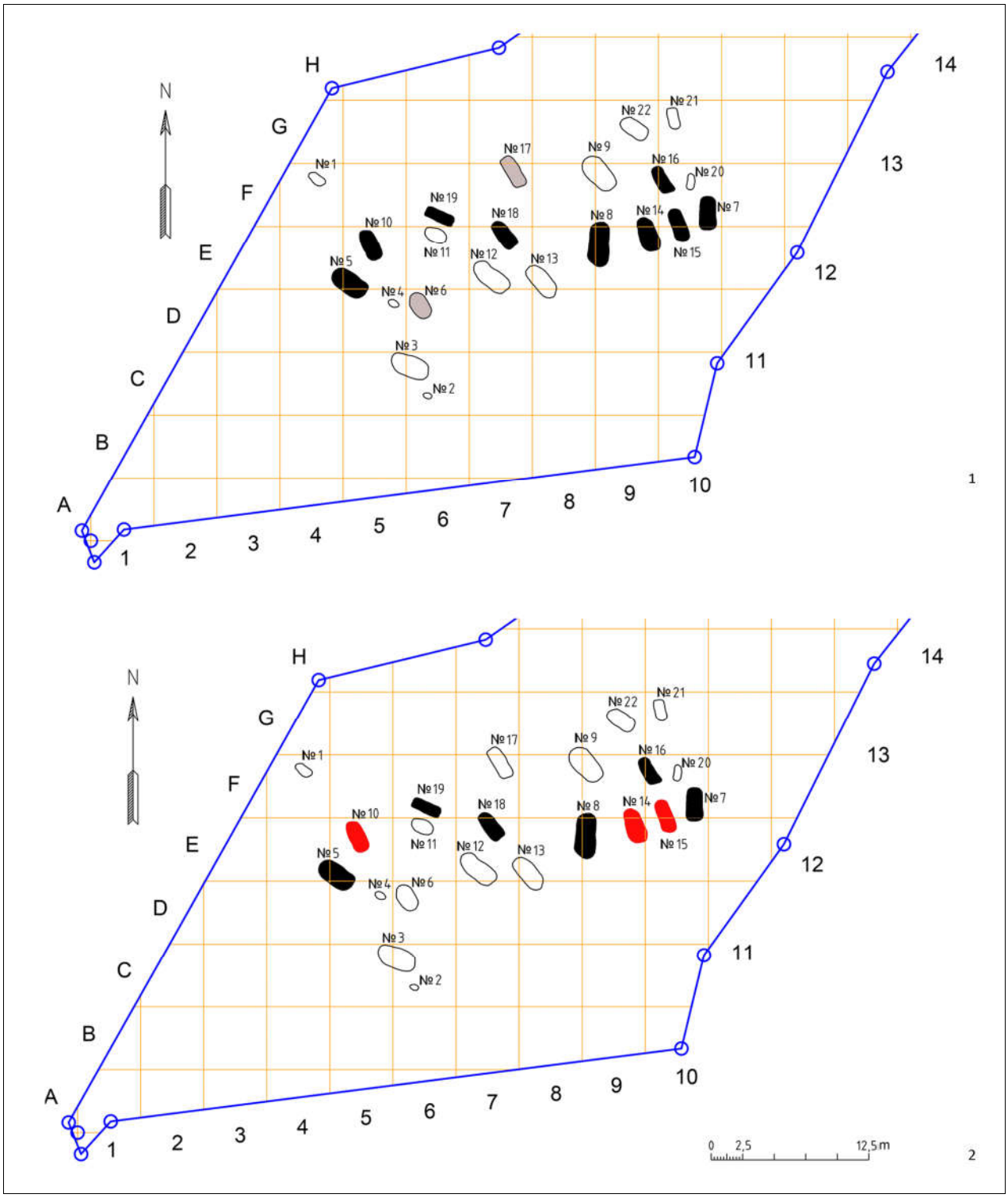


Рис. 3. Могильник «Батырский 1». План погребений. *1* — черным выделены погребения с перстнями в погребальном комплексе, серым – только с одним железным перстнем; *2* — красным выделены погребения с тремя и более бронзовыми перстнями в погребальном комплексе, черным с одним или двумя. Рисунки И.В. Рукавишниковой.

Fig. 3. “Batyrsky 1” burial ground. Plan of the burials. *1* — burials with finger rings in the burial complex are marked in black, with only one iron finger ring — in grey; *2* — burials with three or more bronze finger rings in the burial complex are marked in red, with one or two bronze finger rings — in black. Drawings by Irina Rukavishnikova.

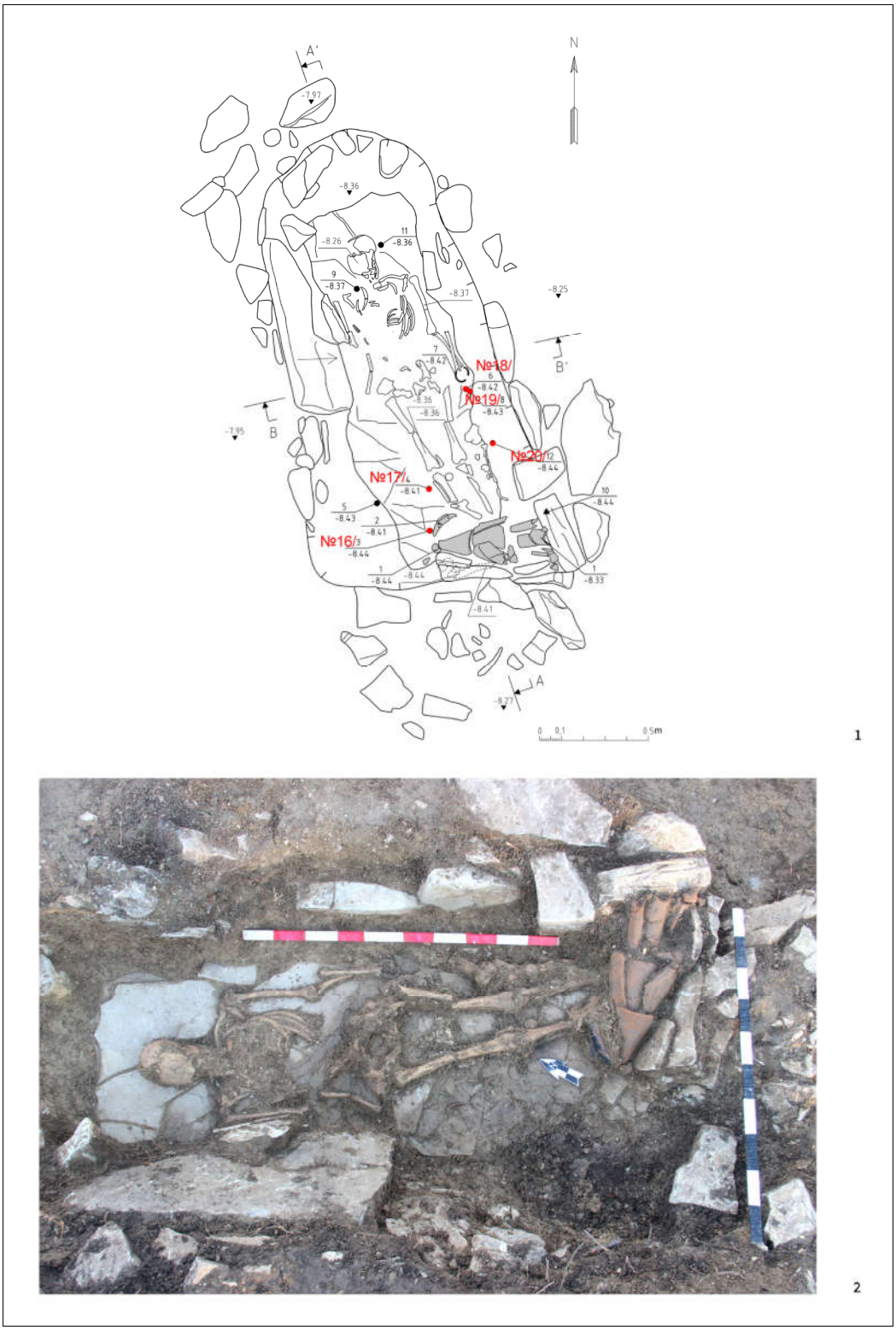


Рис. 4. Могильник «Батырский 1». Погребение № 15. *1* — план с указанием мест находок перстней кат. № 16—20; *2* — вид погребения с юго-запада. Рисунок И.В. Рукавишниковой, фото — фотоархив экспедиции, декабрь 2023 г.

Fig. 4. “Batyrsky 1” burial ground. Burial no. 15. *1* — plan indicating the locations of finds of finger rings cat. nos. 16—20; *2* — view of the burial from the southwest. Drawing by Irina Rukavishnikova, photo — Expedition photo archive, December 2023.

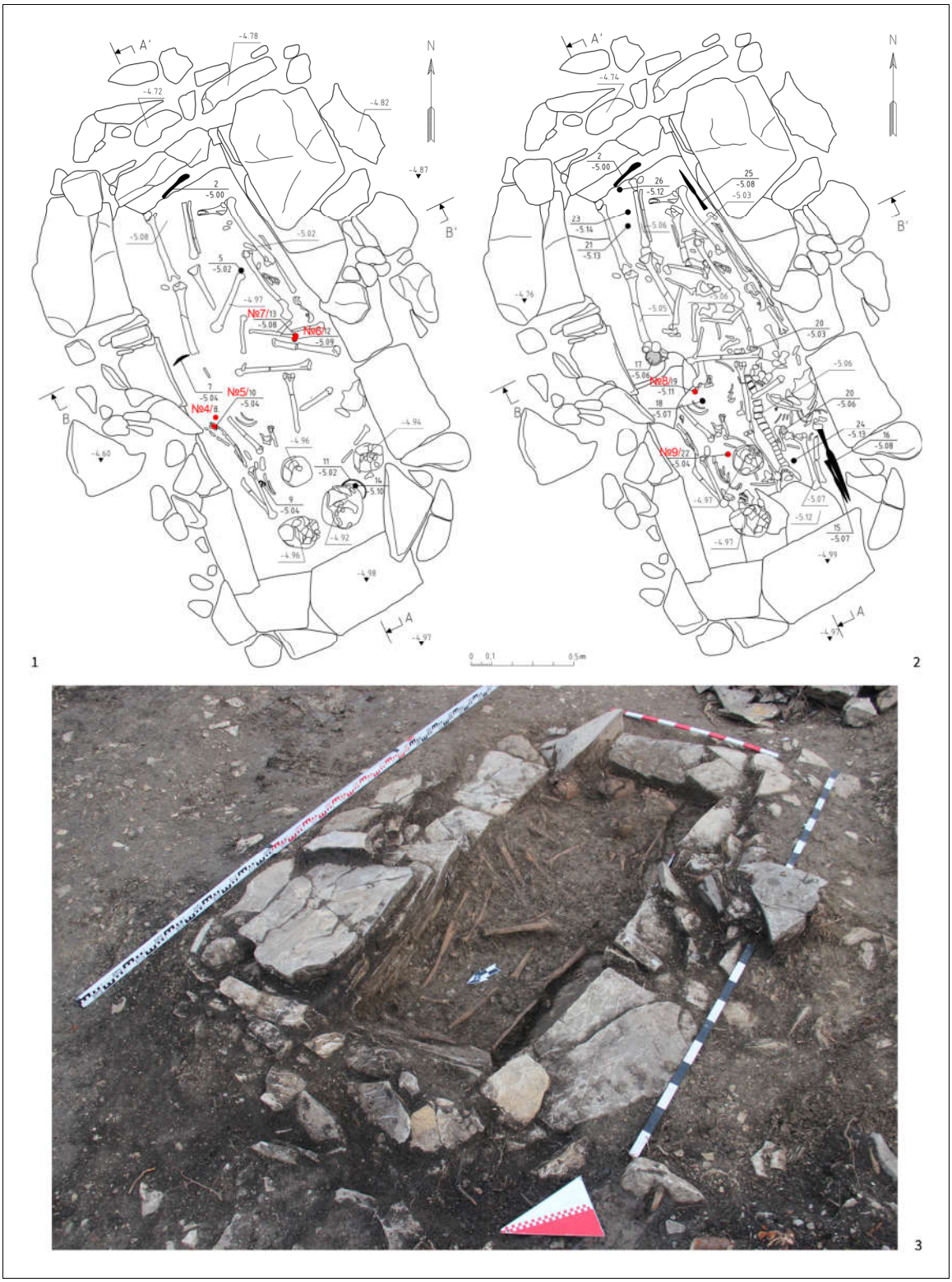


Рис. 5. Могильник «Батырский 1». Погребение № 10. *1* — план уровня 1 с указанием мест находок перстней кат. № 5—7; *2* — план уровня 2 с указанием мест находок перстней кат. № 8—9; *3* — вид погребения с северо-запада. Рисунки И.В. Рукавишниковой, фото — фотоархив экспедиции, декабрь 2023 г.

Fig. 5. “Batyrsky 1” burial ground. Burial no. 10. *1* — plan of level 1 indicating the locations of finds of finger rings cat. nos. 5—7; *2* — plan of level 2 indicating the locations of finds of finger rings cat. nos. 8—9; *3* — view of the burial from the northwest. Drawing by Irina Rukavishnikova, photo — Expedition photo archive, December 2023.

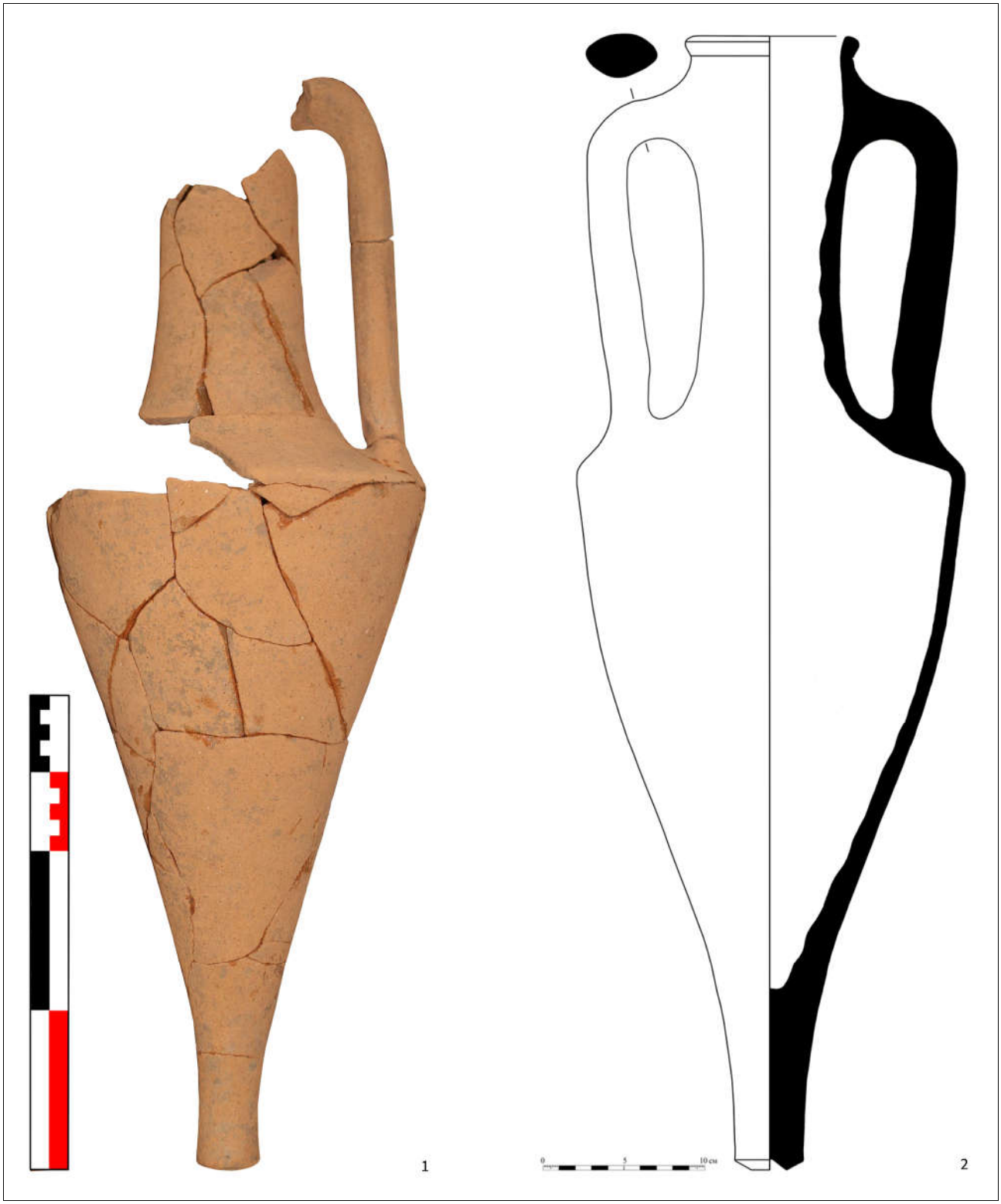


Рис. 6. Могильник «Батырский 1». Погребение № 15. Амфора Гераклеи Понтийской. Фото и рисунок Д.В. Бейлина.

Fig. 6. “Batyrsky 1” burial ground. Burial no. 15. Amphora of Heraclea Pontica. Photo and drawing by Denis Beylin.

Рис. 7. Могильник «Батырский 1». *1—2* — погребение № 8, ручка синопской амфоры с клеймом; *3—4* — погребение № 15, миска чернолаковая. Фото и рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 7. Burial ground “Batyrsky 1”. *1—2* — burial no. 8, handle of a Sinopean amphora with a stamp; *3—4* — burial no. 15, black-glazed bowl. Photos and drawings by Denis Beylin.

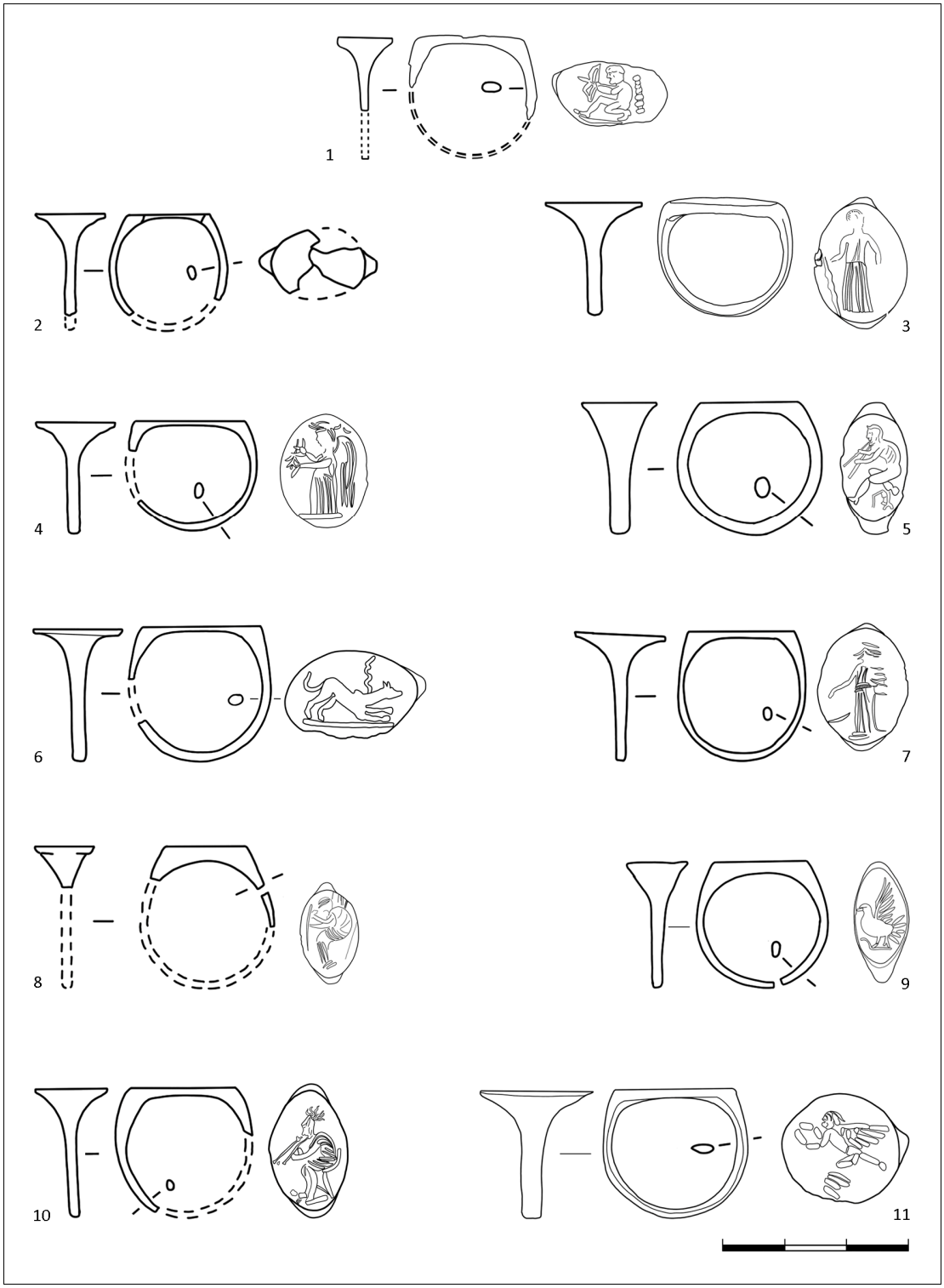


Рис. 8. Могильник «Батырский 1». Формы перстней. Перстни с шинками, плавно загибающимися внутрь и переходящими без ступеньки в небольшой овальный щиток. *1* — кат. № 2; *2* — кат. № 10; *3* — кат. № 11; *4* — кат. № 14; *5* — кат. № 16; *6* — кат. № 17; *7* — кат. № 18; *8* — кат. № 19; *9* — кат. № 20; *10* — кат. № 21; *11* — кат. № 24. Рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 8. Burial ground “Batyrsky 1”. Finger ring shapes. Rings with hoops that smoothly curve inward and passing into a small oval bezel without a step. *1* — cat. no. 2; *2* — cat. no. 10; *3* — cat. no. 11; *4* — cat. no. 14; *5* — cat. no. 16; *6* — cat. no. 17; *7* — cat. no. 18; *8* — cat. no. 19; *9* — cat. no. 20; *10* — cat. no. 21; *11* — cat. no. 24. Drawings by Denis Beylin.

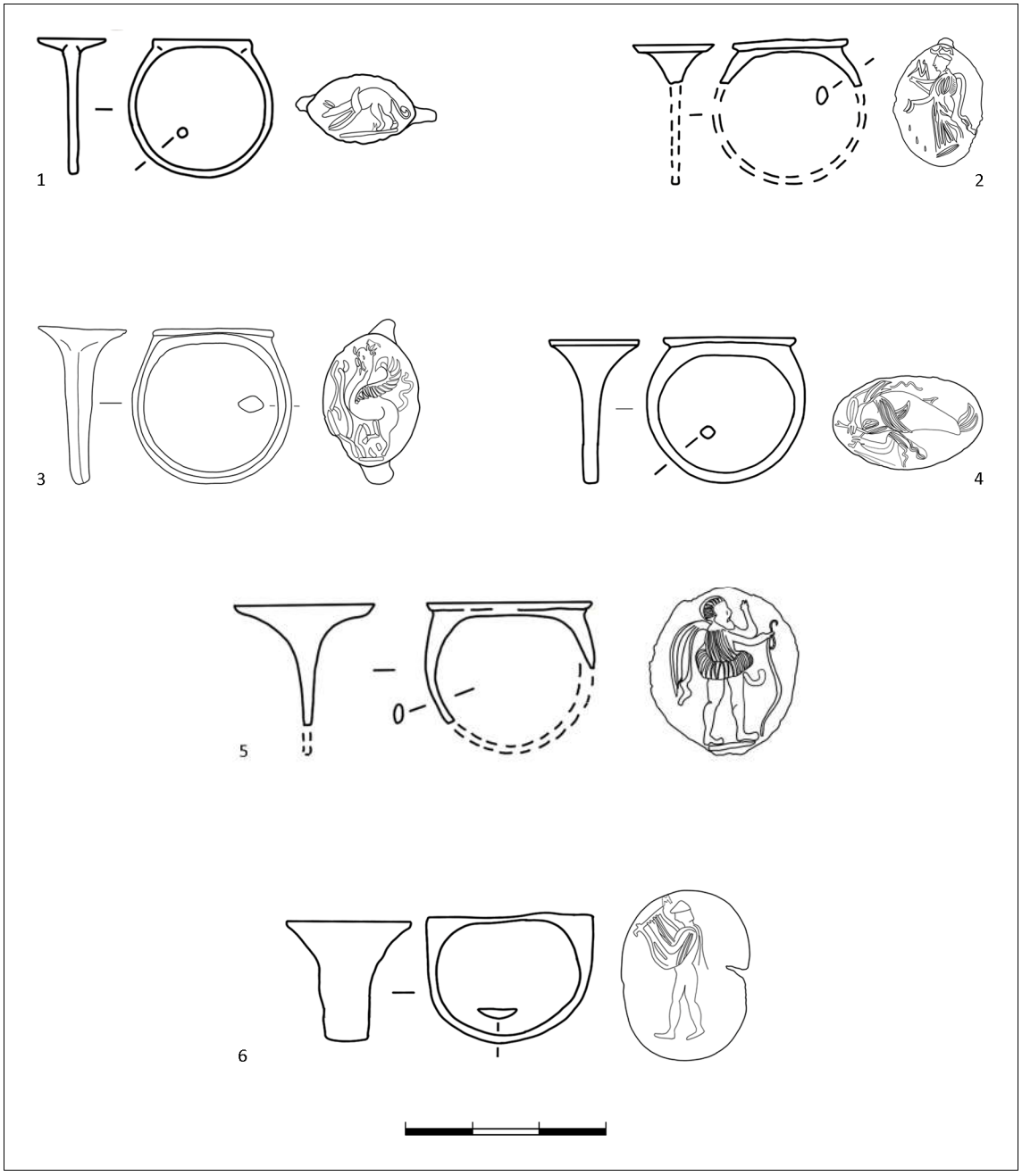


Рис. 9. Могильник «Батырский 1». Формы перстней. Перстни со щитками, выделенными подрезкой. *1* — кат. № 22; *2* — кат. № 27; *3* — кат. № 23; *4* — кат. № 13; *5* — кат. № 15. **Массивный перстень с крупным овальным щитком и широкой шинкой.** *6* — кат. № 3. Рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 9. Burial ground "Batyrsky 1". Finger ring shapes. Rings with bezels, separated from the hoops with grooves. *1* — cat. no. 22; *2* — cat. no. 27; *3* — cat. no. 23; *4* — cat. no. 13; *5* — cat. no. 15. **A massive finger ring with a large oval bezel and a wide hoop.** *6* — cat. no. 3. Drawings by Denis Beylin.

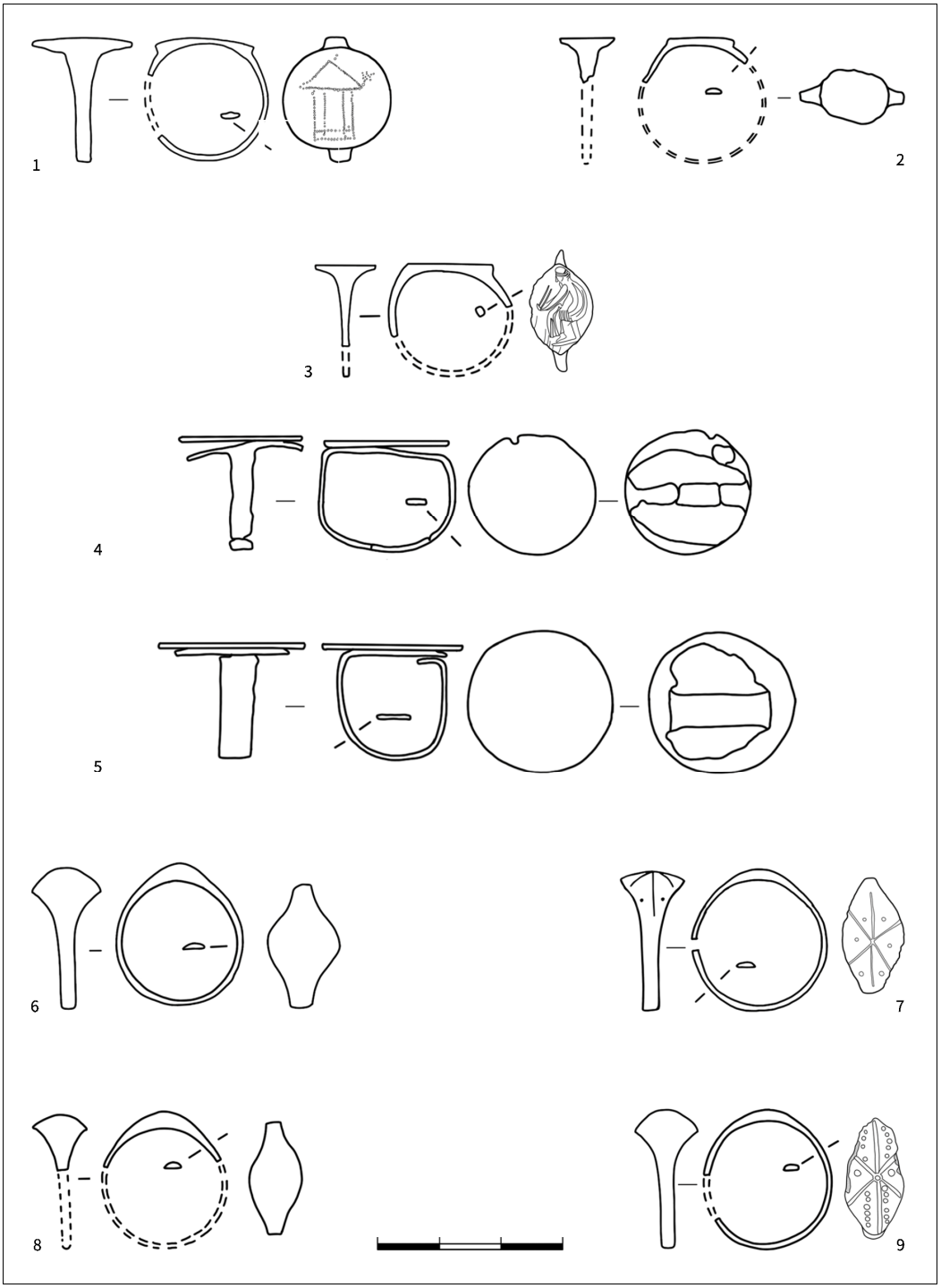


Рис. 10. Могильник “Батырский 1”. Формы перстней. Перстни с узкими шинками и овальными, округлыми или листовидными щитками. *1* — кат. № 4; *2* — кат. № 8; *3* — кат. № 12. Перстни с округлыми щитками и шинками с верхними концами внакладку; *4* — кат. № 5; *5* — кат. № 6. Перстни с небольшими выпуклыми щитками овальной формы, которые являются непосредственным продолжением шинки. *6* — кат. № 1; *7* — кат. № 9; *8* — кат. № 25; *9* — кат. № 26. Рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 10. Burial ground “Batyrsky 1”. Finger ring shapes. Rings with narrow hoops and oval, round or leaf-shaped bezels. *1* — cat. no. 4; *2* — cat. no. 8; *3* — cat. no. 12. Rings with rounded bezels and hoops with overlaid upper ends; *4* — cat. no. 5; *5* — cat. no. 6. Rings with small convex oval-shaped bezels, which are direct continuations of the hoops. *6* — cat. no. 1; *7* — cat. no. 9; *8* — cat. no. 25; *9* — cat. no. 26. Drawings by Denis Beylin.

Рис. 11. Могильник «Батырский 1». Перстни из погребений № 0, 5, 7, 8 и 15. *1* — погребение № 5; кат. № 1; *2* — погребение № 7, кат. № 3; *3* — погребение № 8, кат. № 3; *4* — погребение № 0, кат. № 27; *5—9* — погребение № 15: *5*— кат. № 16; *6* — кат. № 17; *7* — кат. № 18; *8* — кат. № 19; *9* — кат. № 20. Фото Д.В. Бейлина.

Fig. 11. Burial ground “Batyrsky 1”. Finger rings from the burials nos. 0, 5, 7, 8 and 15. *1* — burial no. 5, cat. no. 1; *2* — burial no. 7, cat. no. 3; *3* — burial no. 8, cat. no. 3; *4* — burial no. 0, cat. no. 27; *5—9* — burial no. 15: *5* — cat. no. 16; *6* — cat. no. 17; *7* — cat. no. 18; *8* — cat. no. 19; *9* — cat. no. 20. Photos by Denis Beylin.

Рис. 12. Могильник «Батырский 1». Перстни из погребений № 10 и 14. *1*—6 — погребение № 10: *1* — кат. № 4, *2* — кат. № 5, *3* — кат. № 7, *4* — кат. № 6, *5* — кат. № 8, *6* — кат. № 9; *7*—*10* — погребение № 14: *7*— кат. № 12, *8* — кат. № 13, *9* — кат. № 14, *10* — кат. № 15. Фото Д.В. Бейлина.

Fig. 12. Burial ground “Batyrsky 1”. Finger rings from the burials nos. 10 and 14. *1*—6 — burial no. 10: *1* — cat. no. 4, *2* — cat. no. 5, *3* — cat. no. 7, *4* — cat. no. 6, *5* — cat. no. 8, *6* — cat. no. 9; *7*—*10* — burial no. 14: *7* — cat. no. 12, *8* — cat. no. 13, *9* — cat. no. 14, *10* — cat. no. 15. Photos by Denis Beylin.

Рис. 13. Могильник «Батырский 1». Перстни из погребений № 13, 16, 18 и 19. *1—2* — погребение № 13: *1* — кат. № 10, *2* — кат. № 11, *3—4* — погребение № 16: *3* — кат. № 21, *4* — кат. № 22, *5—6* — погребение № 18: *5*— кат. № 23, *6* — кат. № 24; *7—8* — погребение № 19: *7* — кат. № 25, *8* — кат. № 26. Фото Д.В. Бейлина.

Fig. 13. Burial ground "Batyrsky 1". Finger rings from the burials nos. 13, 16, 18 and 19. *1—2* — burial no. 13: *1* — cat. no. 10, *2* — cat. no. 11, *3—4* — burial no. 16: *3* — cat. no. 21, *4* — cat. no. 22, *5—6* — burial no. 18: *5* — cat. no. 23, *6* — cat. no. 24, *7—8* — burial no. 19: *7* — cat. no. 25, *8* — cat. no. 26. Photos by Denis Beylin.

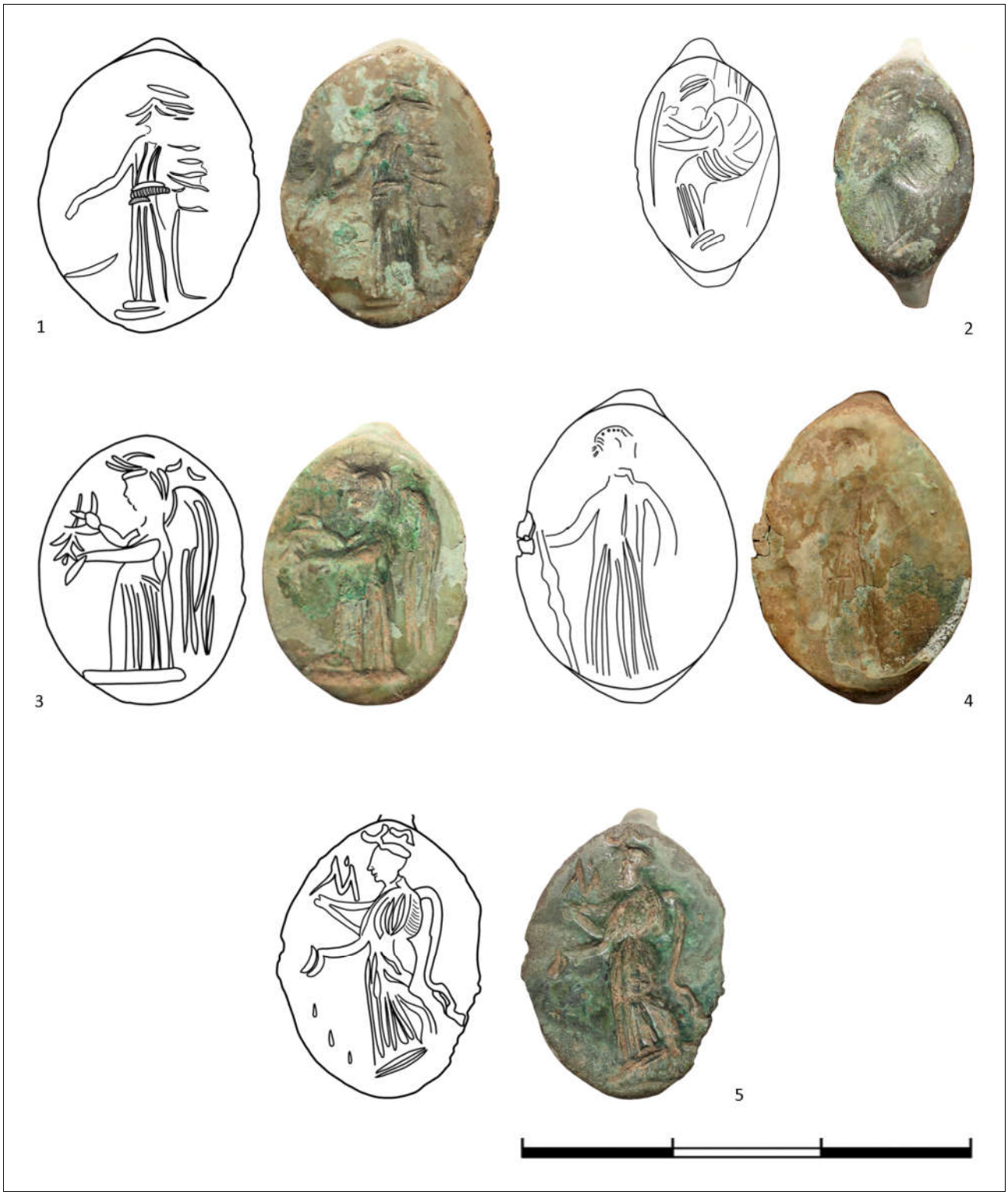


Рис. 14. Могильник «Батырский 1» Изображения на щитках перстней. Женские фигуры. *1—2* — погребение № 15: *1* — кат. № 18; *2* —кат. № 19; *3* — погребение № 14, кат. № 14; *4* — погребение № 13, кат. № 11; *5* — погребение № 0, кат. № 27. Фото и рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 14. Burial ground “Batyrsky 1”. Images on the ring bezels. Female figures. *1—2* — burial no. 15: *1* — cat. no. 18; *2* — cat. no. 19; *3* — burial no. 14, cat. no. 14; *4* — burial no. 13, cat. no. 11; *5* — burial no. 0, cat. no. 27. Photos and drawings by Denis Beylin.

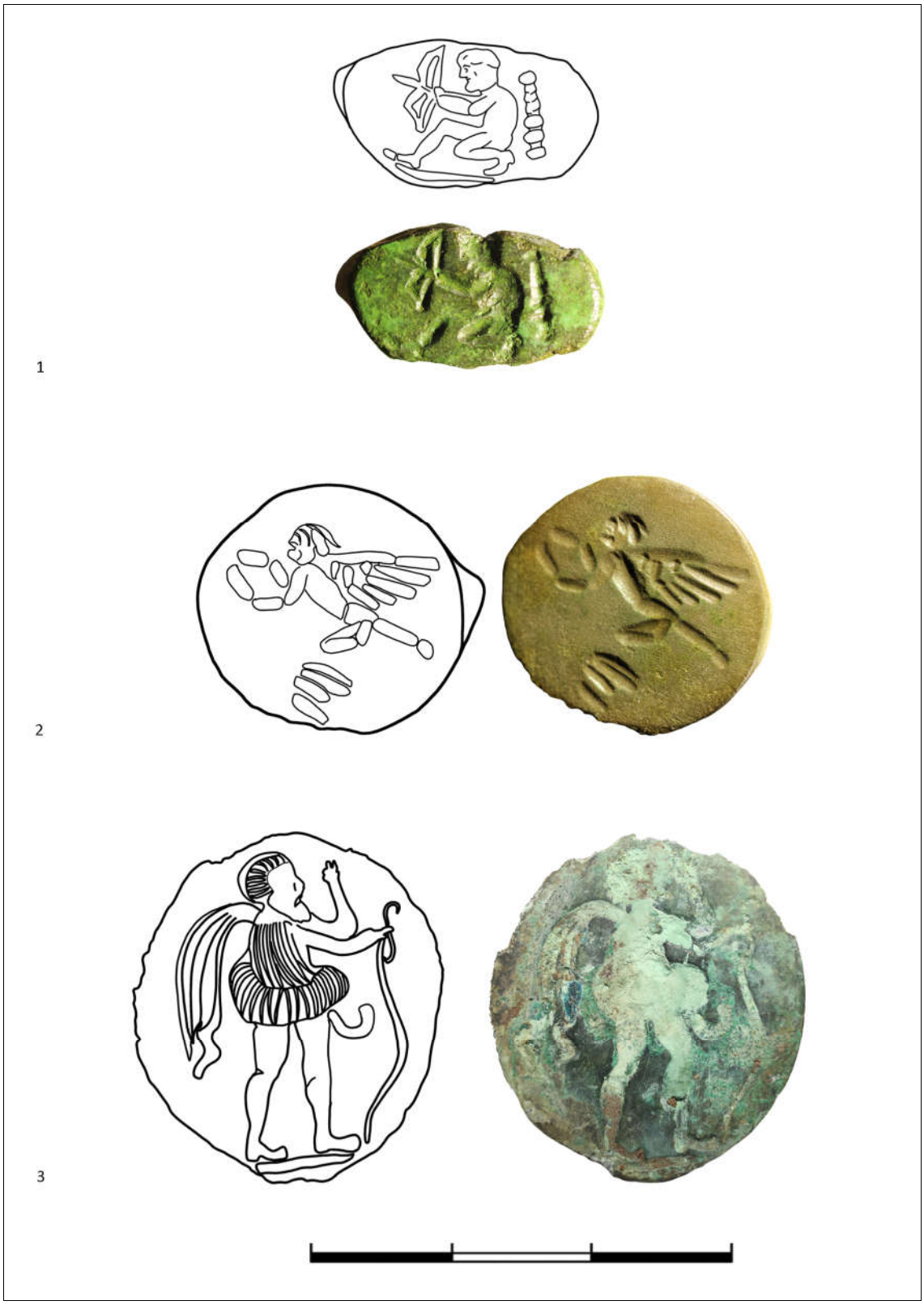


Рис. 15. Могильник «Батырский 1» Изображения на щитках перстней. Мужские фигуры. *1* — погребение № 7, кат. № 2; *2* — погребение № 18, кат. № 24; *3* — погребение № 14, кат. № 15. Фото и рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 15. Burial ground “Batyrsky 1”. Images on the ring bezels. Male figures. *1* — burial no. 7, cat. no. 2; *2* — burial no. 18, cat. no. 24; *3* — burial no. 14, cat. no. 15. Photos and drawings by Denis Beylin.

Рис. 16. Могильник «Батырский 1» Изображения на щитках перстней. Мужские фигуры с музыкальными инструментами. *1* — погребение № 16, кат. № 21; *2* — погребение № 15, кат. № 16; *3* — погребение № 14, кат. № 12; *4* — погребение № 8, кат. № 3. Фото и рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 16. Burial ground “Batyrsky 1”. Images on the ring bezels. Male figures with musical instruments. *1* — burial no. 16, cat. no. 21; *2* — burial no. 15, cat. no. 16; *3* — burial no. 14, cat. no. 12; *4* — burial no. 8, cat. no. 3. Photos and drawings by Denis Beylin.

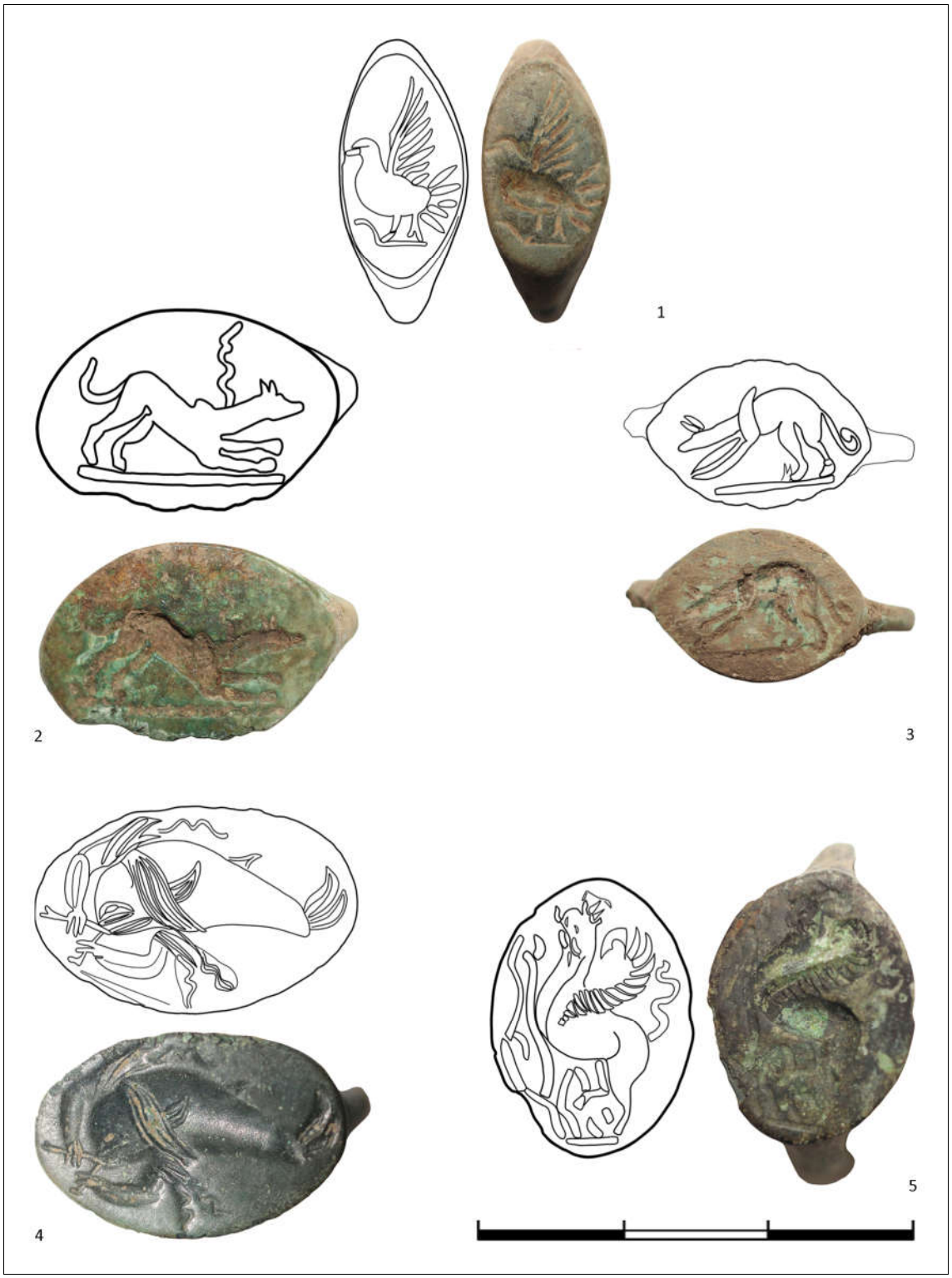


Рис. 17. Могильник «Батырский 1» Изображения на щитках перстней. Птицы, животные, мифологические существа. *1—2* — погребение № 15: *1*— кат. № 20, *2* — кат. № 17; *3* — погребение № 16, кат. № 22; *4* — погребение № 14, кат. № 13; *5* — погребение № 18, кат. № 23. Фото и рисунки Д.В. Бейлина.

Fig. 17. Burial ground “Batyrsky 1”. Images on the ring bezels. Birds, animals, mythological creatures. ***1***—*2* — burial no. 15: *1* — cat. no. 20, *2* — cat. no. 17; *3* — burial no. 16, cat. no. 12; *4* — burial no. 14, cat. no. 13; *5* — burial no. 18, cat. no. 23. Photos and drawings by Denis Beylin.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.13.61.011

М.Ю. Трейстер

КОСМЕТИЧЕСКИЕ ШПАТЕЛИ БОСПОРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ*

В данной работе пойдет речь о бронзовых инструментах необычной формы, которые с одного конца оформлены плоской или ромбовидной в сечении лопаточкой, разделенной на самом конце на два острия, а другой конец может быть оформлен в виде небольшой округлой ложечки. За пределами Северного Причерноморья аналогии таким инструментам, каталог находок которых составляет основу статьи, неизвестны, а большинство находок происходят из Пантикапея и его некрополя, а также некрополей Таманского полуострова и Горгиппии, датирующихся в широких рамках конца IV — II вв. до н.э. Наиболее поздние — женские погребения середины — второй половины II в. до н.э. в гробницах Артюховского кургана. В тех случаях, когда инвентарь дает основания для предположения о поле погребенных, они были найдены в женских погребениях. Вопреки мнению некоторых исследователей нет никаких оснований рассматривать их как сложный медицинский инструмент. Несмотря на то, что рассматриваемые инструменты в комплексах обнаруживают связь как с веретенообразными флаконами, так и зеркалами, вряд ли возможно рассматривать их только как инструмент для извлечения благовоний или мазей из флаконов, т.к. в целом, в подавляющем большинстве случаев унгвентарии в различных областях античного мира находят в погребениях без каких-либо инструментов. Возможно, в данном случае, можно говорить о такой связи как о региональной особенности. Очевидно, что мы имеем дело со специфической формой косметического инструмента, характерного только для Северного Причерноморья эллинистического времени. Предположение о возможности из использования для ухода за ногтями представляется мне более вероятным, нежели предположение об их употреблении в качестве зубочисток.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, Таманский полуостров, Ольвия, бронзовые шпатели, медицинские инструменты, унгвентарии.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе, 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

BOSPORAN COSMETIC SPATULAS OF THE HELLENISTIC PERIOD

This paper focuses on bronze instruments of an unusual shape, which at one end are shaped like a flat or diamond-shaped spatula, divided at the very end into two points, and the other end can be shaped like a small round spoon. Outside the North Pontic area, analogies to such instruments, the catalogue of finds of which forms the basis of the article, are unknown, and most of the finds come from Pantikapaion and its necropolis, as well as the necropoleis of the Taman Peninsula and Gorgippia, dating broadly from the late 4th to the 2nd centuries BCE. The latest are female burials from the middle — second half of the 2nd century BCE in the tombs of the Artyukhov burial mound. In cases where the grave goods provide grounds for assumptions

* Автор выражает искреннюю признательность за предоставление информации и фотографий о шпателях из коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника — Н.В. Быковской, из раскопок курганной группы Вышестеблиевская 21 — Н.И. Судареву. Хранящиеся в Государственном Эрмитаже шпатели из раскопок Пантикапея и Горгиппии, а также шпатели из некрополей Фанагории и Тирамбы в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина были исследованы и зарисованы автором в процессе подготовки кандидатской диссертации в 1978—1982 гг.

Статья поступила в номер 1 июня 2024 г.
Принята к печати 18 июня 2024 г.

© М.Ю. Трейстер, 2024.

about the sex of the buried, they were found in female burials. Contrary to the opinion of some researchers, there is no reason to consider them as sophisticated medical instruments. Despite the fact that the instruments in question in the complexes show a connection with both spindle-shaped unguentaria and mirrors, it is hardly possible to consider them only as a tool for extracting incense or ointments from the flasks, because in general, in the vast majority of cases, unguentaria in various areas of the ancient world are found in burials without any tools. Perhaps, in this case, we can suggest such a connection as a regional feature. It is obvious that we are dealing with a specific form of cosmetic instrument, characteristic only for the North Pontic area of the Hellenistic period. The assumption about the possibility of using them for nail care seems to me more likely than the that about their use as toothpicks.

Key words: North Pontic area, Bosporan Kingdom, Taman peninsula, Olbia, bronze spatulas, medical instruments, unguentaria.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr, 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

На Боспоре и в Ольвии были найдены бронзовые инструменты своеобразной формы. Всего нами учтен 22 экземпляр, из которых 15 являются находками на Боспоре, преимущественно в Пантикапее и на Таманском полуострове, датирующихся в широких рамках конца IV — II вв. до н.э., один из инструментов происходит из Елизаветинского грунтового некрополя в Прикубанья, а шесть — из Ольвии.

Особенностью большинства публикуемых инструментов является то, что с одного конца они оформлены плоской или ромбовидной в сечении лопаточкой, разделенной на самом конце на два острия, а другой конец может быть оформлен в виде небольшой округлой ложечки. Центральная часть инструмента — ручка — оформлена бусинами и астрагалами, а также на каком-то участке может иметь почти квадратное сечение со сторонами украшенными полосками, образующими меандр, или оформлена только первым или последним образом. Широкая часть лопаточки, примыкающая к ручке, может быть профилирована по краю и украшена по сторонам гравированным декором в форме крестообразных или сетчатых линий. На их фоне найденный в Мирмекии экземпляр отличается тем, что раздваивающиеся концы начинаются практически от ручки, а лопаточка как таковая практически отсутствует.

За пределами Северного Причерноморья аналогии таким инструментам неизвестны, впрочем, нет их и среди опубликованных инструментов из Херсонеса.

Наиболее ранний комплекс — женское погребение во 2-й плитовой гробнице в кургане по дороге в Аджимушкай, отрытое в 1841 г., в котором была найдена краснофигурная пелика П.1841.12 середины IV в. до н.э. (Schefold 1934: 43, Nr. 376 (группа G: 360—350 гг. до н.э.); Vasko 2022: 39, no. 12). Наиболее поздние — женские погребения середины — второй половины II в. до н.э. в гробницах II[1] и III[2] Артюховского кургана. В тех случаях, когда инвентарь дает основания для предположения о поле погребенных, рассматриваемые предметы были найдены в женских погребениях. В ограбленном в древности погребении № 5, открытом на восточном участке некрополя Пантикапея инструмент был найден вместе с разнообразными предметами, датирующимися в рамках IV—II вв. до н.э. (Чевелев 1989: 15—18, рис. 31—37). II в. до н.э. датируется погребение № 43/1908 на Глинище в Керчи с разнообразным инвентарем (Шкорпил 1911: 87—88; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 68, № А217). I в. до н.э. датируется разрушение водораспределительного помещения № 176 с цистерной № 2, в котором был найден инструмент на западном плато акрополя Пантикапея (Толстиков 2007: 117; Толстиков 2017: 80, рис. 58).

[1] Максимова 1979: 23: середина — третья четверть II в. до н.э.; ср. Pfrommer 1990: 266: женское погребение: середина — третья четверть II в. до н.э.; Plantzos 1996: около 100 г. до н.э.

[2] Середина — третья четверть II в. до н.э.; ср. Pfrommer 1990: 266: вторая половина II в. до н.э.

Отсутствие аналогий за пределами Боспора и Ольвии примечательно. И это связано не только с тем, что в большинстве случаев опубликованы бронзовые медицинские инструменты и предметы, связанные с туалетом, датирующиеся первыми веками нашей эры и известные как по находкам в Северном (Кадеев 1994: 58—65; Кат. Москва 2002: 81, № 321—323; Новиченкова 2016), Западном Причерноморье, так и в западных провинциях Римской империи, на Балканах и в Малой Азии.

В частности, ни разу среди сотен инструментов не было найдено таких штапелей (*spathomela, Spatelsond*) (Milne 1907: 58—61; Comstock, Vermeule 1971: 434—435, no. 637; Künzl 1982: 27—28; Bliquez 1994: 46—47, 135—144, nos. 107—144; Riha 1986: 72—78, Taf. 50—55; Кирова 2010: 56—57, B1.1; Müller-Dürr 2015: 242—244), которые имели бы не просто лопаточку с прямым (Carapanos 1878: 95, no. 10, pl. LI: 19; Furtwängler 1890: 182, Nr. 1120, Taf. 65; Milne 1907: 58—61, pl. XIII: 3—4; Richter 1915— 451, no. 1757; Deonna 1938, 221—223, fig. 248; pl. LXXIV, figs. 599, 600, 601: 2—3, 5, 7—11; Robinson 1941: 352—353, nos. 1691, 1696—1697, pl. CXII; Boucher et al. 1980: 118, no. 652; Künzl 1982: 51, Abb. 19: 16; Chavanne 1990: 23—24, nos. 166—169, pl. VIII; Bliquez 1994: 140, nos. 129—130; Hempel 2001: 152—153, Nr. 12—14; Taf. 24; Bliquez 2015: 157—167, 397, fig. 25 слева) или закругленным или слегка заостренным концом (Carapanos 1878, 95, no. 10, pl. LI: 18; Furtwängler 1890: 182, Nr. 1114—1119, Taf. 65; Milne 1907: 58—61, pls. XII, XIII: 1—2; Deonna 1938: 222, pl. LXXIV, fig. 601: 1, 4, 6; Robinson 1941: 352, no. 1689, pl. CXII; Goldman 1950: 390, fig. 264: 24; Comstock, Vermeule 1971: 433, nos. 631—632; Boucher et al. 1980: 118, nos. 647—651, 653—655; Gregl 1982: 180—181, 186—188, nos. 25—38, tabl. 4—5, 11: 3—4; Künzl 1982: 13, Abb. 3: слева; 31, Abb. 9; 47, Abb. 15: 13—14; 65, Abb. 35: 23; 72, Abb. 46: 3; 77, Abb. 51: 17—18; 90, Abb. 68: 6, 8; 91, Abb. 69: 1—3; 98, Abb. 78: слева; 104, Abb. 83: 6; 115, Abb. 90: 4; 123, Abb. 97; Michaelides 1984: 316—317, fig. 1: 8; 2009: 96, fig. 4; Kanzewa 1988: 235, Abb. 4; Borell 1989: 129—130, Nr. 143, Taf. 53; Cat. New York 1990: 157—158, nos. 30—33; Cat. Padua 2000: 150—151, no. 266, d, e, g; Gostenčnik 2002: 149—154, Abb. 3: 4—5; 6; Bliquez 1994: 135—140, nos. 107—128; 2003: 322, figs. 1—2; 2015, 157—167, 394, fig. 20: в центре; 397, fig. 25: справа; Кат. Москва 2002: 81, № 321—323; Aparaschivei, Matei 2010: 1257, no. 9, fig. 9; Кирова 2010: 56—57, табл. VIII: B1.1.76—82; Franken 2011: 349; Kat. Berlin 2011: 546, Nr. 6.47; Gui 2011: 125, pl. I: 5. 8; Baykan 2017: 297, fig. 1; Ратковић 2017: 170—171, табл. II: 1; III; Lilimbaki-Akamati, Akamatis 2023: 610, αρ. 16, εικ. 13), а именно с раздвоенным и подобным образом украшенным.

Недавняя публикация металлических изделий из Джебель Халида с подробным разделом о шпателях (из этого памятника происходит 71 экземпляр) избавляет меня от рассуждений о классификации этих изделий как эллинистического времени, так и первых веков н.э. Отмеченные выше шпатели относятся к типу 1 по классификации М. Мазис (Mazis 2023: 289—293, 295—318, nos. FT419—483; 328—330, nos. FT528—546). У некоторых шпателей ручки также оформлены бусинами и астрагалами (Richter 1915: 451, no. 1757; Deonna 1938: 221—223, pl. LXXIV, fig. 601: 2—3, 5; Comstock, Vermeule 1971, 433, no. 632; Kanzewa 1988: 235, Abb. 4; Mazis 2023, 289, fig. 5; 295, FT419, 297—299, FT423, 426—427, 429), однако второй тип оформления не встречается.

Находки из Джебель Халида — не единственные, которые датируются эллинистическим временем. К этому же периоду относятся и шпатели из Македонии (Дервени (Themelis, Touratsoglou 1997: 91, no. B115α; 2007, 240, no. 7.β; Ignatiadou 2015: fig. 7.1—2; 2017: 263), Пидна (Besios, Pappa 1995: 120, A; Tsigarida 2007: 126, no. 5.β)), Пергама (Franken 2011: 349; Kat. Berlin 2011: 546, Nr. 6.47), с Делоса (Deonna 1938: 221—223, fig. 248; pl. LXXIV, figs. 599—601), Пантикапея (Шкорпил 1911: 76, рис. 14; ОАК за 1908 г.: 111, рис. 143), а к еще более раннему времени принадлежат находки из Олинфа (Robinson 1941: 352—353, nos. 1689—1697, pl. CXII).

Найденные в некрополе Рудии в Апулии и датируемые III—II вв. до н.э. инструменты находят довольно близкую параллель, происходящую из Мирмекия и отличаются от большинства рассматриваемых здесь инструментов тем, что раздваивающиеся концы

начинаются практически от ручки, а лопаточка как таковая практически отсутствует, при этом концы расходятся в стороны. Каким образом был оформлен другой конец неясно из-за сохранности предметов, а центральная часть их также оформлена бусинами и астрагалами (Delli Ponte 1973: 87—88, no. 131, tav. LXXII). Близки к ним конструктивно инструменты, также с расходящимися в сторону вилочками, но на концах длинных лопаточек, хранящиеся в Музее Вормса, точное происхождение которых не известны (они могут происходить как из Италии, так из Вормса). Эти инструменты, которые определяют как многоцелевой инструмент, который в том числе мог служить для вынимания мазей или порошков, размельчения субстанций (Künzl 1981: 54—55, Nr. 7—8). Значительно ближе публикуемым нами инструментам являются два бронзовых инструмента из собрания Римско-Германского музея Майнца, но и они отличаются как пропорциями, так и декором (Tabanelli 1958: tav. XL).

Публикуя рассматриваемые предметы, найденные в Артюховском кургане, М.И. Максимова высказала соображение, что в отличие от простых уховерток, такие более сложные инструменты могли, вероятно употребляться для ухода за ногтями и зубами и находили применение в косметике и медицине (Максимова 1979: 95). По мнению М.А. Хомчик (1991: 65, рис. 2: 5—7; 66; 2000: рис. 2: 5—7), которая указывает на находки шести таких предметов в Ольвии, изображения трех из которых ею публикуются, это зонды с расщепленной лопаткой. «Они состоят из фигурного стержня с длинной (4—6 см), плоской, прямоугольной расщепленной лопаткой, на другом конце находится круглая или желобчатая ложечка. По мнению современных врачей, такими инструментами могли пользоваться при операциях на уздечке языка и сосудах. Возможно, в древности с их помощью (расщепленный край лопатки использовался для расщепления мышц) могли удалять из ран посторонние тела, прежде всего, наконечники стрел. Ложечка могла исполнять функции ушного зонда». Точка зрения о том, что это медицинские инструменты разделяется и в других исследованиях, посвященных Ольвии римского времени (Buiskikh, Novichenkova 2021: 43; Kozlenko 2022: 75, 76, fig. 12: 13—15). При этом возможные альтернативные точки зрения даже не рассматриваются, также как не приводится никаких параллелей находкам из Ольвии. В качестве хирургических инструментов опубликованы и два предмета из Пантикапея, хранящиеся в Керченском музее (Мировое наследие Европейского Боспора 2017: 324, № 200—201). В этой связи надо отметить, что находки отдельных инструментов (спатул, пинцетов и пр.) в домах Помпей или в Аугсте скорее следует рассматривать скорее как косметические, а не медицинские инструменты (Riha 1986: 73; Bliquez 1994: 46; Berg 2019: 171). Немаловажен и тот факт, что в Помпеях они часто были найдены в комплексах с такими предметами как унгвентарии, пиксиды и зеркала (Berg 2010: 292, 298; 2017: 17—18, tab. 2).

Конечно, это не исключает использования таких универсальных инструментов и как медицинских — они, по крайней мере, с рубежа IV—III вв. до н.э. зафиксированы в наборах инструментов врачей, которые помещались в специальные бронзовые шкатулки, как это было в мужском погребении в гробнице В в Дервени (Themelis, Touratsoglou 1997: 91, no. B115α; 2007: 240, no. 7.β; Ignatiadou 2015: fig. 7.1—2; 2017: 263). С другой стороны имеются свидетельства находки шпателей вместе с пинцетами, бусиной и фибулой в деревянной шкатулке в женском погребении позднеархаического времени в некрополе в Дескати в районе Гревены в Македонии (Karamitrou-Mentesidi 2010: 31—32, εικ. 10). Также в деревянной шкатулке вместе с бусами, фибулами, раковинами, унгвентарием, свинцовой пиксидой и бронзовым зеркалом, в каменном ящике № 275/2016 Восточного некрополя Фанагории была найдена бронзовая туалетная ложечка в виде стержня с небольшим овальным вместилищем на одном конце (Ворошилова 2020: 101, № 12; 105, рис. 10: 9); погребение датируется богатым инвентарем второй половиной II в. до н.э. (Ворошилова 2020: 103).

Издатели комплекса из Кучугур рассматривают находку либо как медицинский, либо как косметический инструмент (Горланов и др. 2019: 169). Между тем, еще И.Д. Марченко предположила по отношению к фанагорийской находке, что это шпатель, которым извлекали благовония из флаконов (Марченко 1956: 111). Подобное же назначение предполагалось и

для найденных в погребениях некрополя Тарента III—II вв. до н.э. так называемых уховерток. Это серебряные инструменты с ручкой округлого сечения, как правило, заканчивающиеся на одном конце округлой небольшой ложечкой (Cat. Milano 1984: 356—357, nos. 319—322) или, реже — плоским подтреугольной формой лопаточкой (Cat. Milano 1984: 357, no. 323). По мнению Э. Липоллиса, при их помощи не только доставали содержимое из флакона, но и наносили мази и бальзамы на лицо и тело (Cat. Milano 1984: 356). Аналогичные предметы представлены и находками в некрополе Метапонта (Rocchietti 2002: 161—162). Впрочем, форма инструментов, при помощи которых могли доставать содержимое унгвентариев, могла быть разнообразной. Так, например, на Кипре в комплексах I—II вв. н.э. это были стержни с кольцом сверху, диском в центре, который закрывал отверстие флакона, и шишечкой или шариком на нижнем конце (Zachariou-Kaila 2009: 335—336, fig. 13).

Такие флаконы были найдены и в погребении некрополя Кучугур (Горланов и др. 2019: 163, № 1.1.5; 164, рис. 4: 7—11; 14—16) и, по крайнем мере, в одном из погребений некрополя Пантикапея (1908, каменная гробница № 43). И в фанагорийском погребении, и в двух женских погребениях Артюховского кургана, и в погребении, открытом в 1908 г. на Глинище, и в погребении некрополя Кучугур (Горланов и др. 2019: 167, № 2.1.2; 168, рис. 6: 9) прослеживается корреляция рассматриваемых инструментов не только с флаконом, но и с зеркалом.

Интересно, что в гробнице № 43/1908 на Глинище зеркало дм. 12 см лежало рядом с сероглиняным флаконом с белыми и коричневыми полосками справа от ноги, а на зеркале лежал «приставший к нему инструмент, оканчивающийся с одной стороны маленькой ложечкой, с другой вилочкой о двух остриях» (Шкорпил 1911: 87). В отчете отмечается, что аналогичный инструмент был найден в том же году в могиле № 27 на г. Митридат, однако этот шпатель имел один длинный уплощенный конец, а второй узкий овальный с небольшим расширением (Шкорпил 1911: 76, рис. 14; ОАК за 1908 г.: 111, рис. 143). Заслуживает внимание и то, что и этот инструмент явно был связан с унгвентарием. Они находились у левой щеки костяка, при этом инструмент был прислонен к стоящему унгвентарию.

Подводя итог, можно отметить следующее. Конечно, несмотря на то, что рассматриваемые инструменты в комплексах обнаруживают связь как с веретенообразными флаконами, так и зеркалами, рассматривать их только как инструмент для извлечения благовоний или мазей из флаконов вряд ли возможно, т.к. в целом, в подавляющем большинстве случаев унгвентарии в различных областях античного мира находят в погребениях без каких-либо инструментов. Возможно, в данном случае, можно говорить о такой связи как о региональной особенности. Очевидно, что мы имеем дело со специфической формой косметического инструмента, характерного только для Северного Причерноморья эллинистического времени. Косвенно это подтверждается и своеобразным стилем оформления ручек некоторых шпателей в форме рельефного меандра, параллели которому нам не известны. Высказанное М.И. Максимовой предположение о возможности из использования для ухода за ногтями представляется мне более вероятным, нежели предположение об их употреблении в качестве зубочисток. В любом случае, нет никаких оснований рассматривать их как сложный медицинский инструмент.

Каталог

Пантикапей

1. Некрополь Пантикапея, 1841 г. По дороге в Аджимушкай, 2-я плитовая гробница в кургане, женское погребение. Дл. 12,0 см. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № П.1841.15. Трейстер 1984: рис. 100: 1; 2015: 174, прим. 754. Рис. 1: 1.
2. Некрополь Пантикапея, 1842. Глинище. Курган. Земляная гробница с каменной крышкой. Дл. 10,0 см. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № П.1842.45. Трейстер 1984: рис. 100: 2; 2015: 174, прим. 754. Рис. 1: 2.
3. Некрополь Пантикапея, 1908 г. Глинище, 2-я Булганакская ул., 24, усадьба И. Марченка, каменная гробница № 43 (с эллинистической керамикой, в том числе пеликой с канеллированным туловом, бальзамарием и др.). Дл. 15,5 см. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № П.1908.95. Шкорпил 1911: 87, рис. 29; Трейстер 1984: рис. 100: 4. Женское погребение с серебряным медальоном с изображением бюста Афродиты и двух эротов на груди (ОАК за 1908 г.: 111, рис. 142; Шкорпил 1911: 88, рис. 30; Трейстер 2007: 70; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, № А217.1). Сероглиняный флакон с белыми и коричневыми полосками справа от ноги. Рядом с ним лежало круглое бронзовое зеркало дм. 12 см и на нем «приставший к нему инструмент, оканчивающийся с одной стороны маленькой ложечкой, с другой вилочкой о двух остриях» (Шкорпил 1911: 87). Рис. 1: 4.
4. Некрополь Пантикапея. Раскопки О.Д. Чевелева, 1989 г. 3-я Портовая ул., погребение № 5. Дл. 10,8 см. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № КМ-5732. Чевелев 1989: 16, № 8, рис. 37: 1; Мировое наследие Европейского Боспора 2017: 324, № 200. Рис. 2: 4.
5. Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 2007 г., цистерна №2 водораспределительного помещения № 176. Дл. 14,0 см. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № КМ-8126. Мировое наследие Европейского Боспора 2017: 324, № 201. Рис. 2: 10.
6. Мирмекий. Участок С «у основания скалы Карантинного мыса». Раскопки А.М. Бутягина, 2003 г. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № КМ-7684. Описание слоя: Бутягин 2004: 36—39. Рис. 2: 1.

Таманский полуостров

7. Артюховский курган, гробница II. Дл. 10,5 см. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Арт. 94. ОАК за 1880 г.: 13; Максимова 1979: 17, 93, рис. 33: слева; 94, № 8; 146. Рис. 2: 5.
8. Артюховский курган, гробница II. Дл. 10,9 см. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Арт. 118. ОАК за 1880 г.: 23, № 28; Максимова 1979: 18, 93, рис. 33: справа; 95, № 9; 147. Рис. 2: 6.
9. Фанагория. Восточный некрополь, погребение № 126 (328)/1951 (III в. до н.э.). Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина. Марченко 1956: 109, рис. 2: 15; 111; Трейстер 1984: рис. 100, 5; 2015: 174. Шпатель был найден вместе с пеликой (Марченко 1956: 109, рис. 2: 6; 110), железным ножом, леканой (Марченко 1956: 111) и бронзовым зеркалом (Марченко 1956: 111). Рис. 1: 5.
10. Тирамба, 1961, могила № 17 (середина III в. до н.э.). Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина. Трейстер 1984: рис. 100: 6. Рис. 1: 6.
11. Кучугуры, курган № 1 (1985), погребение № 4. Комплекс датирован III—II вв. до н.э. Дл. 7,2 см. Рабочая часть, длина — 4 см. Серебро (?). Горланов и др. 2019: 168, рис. 6: 11; 169, № 2.1.6. Рис. 2: 3.
12. Курганная группа Вышестеблиевская 21, курган № 6/2016, погребение № 54. Оп. 54/7, инд. 655. Сударев 2017а: т. 3, 72, № 7, рис. 4240: 4; 4247: 1 (в погребении два красноглиняных унгвентария). Рис. 2: 8.
13. Курганная группа Вышестеблиевская 21, курган № 8/2016, погребение № 53. Оп. 53/12, инд. 284. Сударев 2017а: т. 3, 161, № 12, рис. 4957: 8; 4967, 1; Сударев 2017б: 187, рис. 13 слева. Рис. 2: 9.
14. Курганная группа Вышестеблиевская 21, курган № 8/2016, погребение № 53. Оп. 53/13, инд. 285. Сударев 2017а: т. 3, 162, № 13, рис. 4958: 2; 4967: 2. Рис. 2: 2.

Прикубанье

15. Елизаветинское городище. Некрополь, раскопки В.А. Городцова, 1934—1936 гг. Санкт-Петербург, Музей археологии и этнографии имени Петра Великого. Виноградов 2010: 497, рис. 6; 498. Рис. 2: 7.

Горгиппия

16. Курган № 10/1882 в окрестностях Горгиппии. Дл. 12,9 см. Санкт-Петербург, ГЭ. Трейстер 1984: рис. 100: 3; 2015: 174. Рис. 1: 3.

Ольвия

17. Ольвия. Киев, Национальный музей истории Украины. Хомчик 1991: 65, рис. 2: 5; 66; 2000: рис. 2, 5; Kozlenko 2022: 75, 76, fig. 12: 13. Зонд с расщепленной лопаткой.
18. Ольвия. Хомчик 1991: 65, рис. 2: 6; 66; 2000: рис. 2: 6; Kozlenko 2022: 75, 76, fig. 12: 14. Зонд с расщепленной лопаткой.
19. Ольвия. Хомчик 1991: 65, рис. 2: 7; 66; 2000: рис. 2: 7; Kozlenko 2022: 75, 76, fig. 12: 15. Зонд с расщепленной лопаткой.

20—22. Ольвия. Хомчик 1991: 66 (упомянуты).

Литература

Бутягин 2004: НА ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1684. Бутягин А.М. 2004. Отчет о работах Мирмекийской археологической экспедиции в 2003 г. Санкт-Петербург.

Виноградов Ю.А. 2010. Музей археологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. 3. Москва: Наука, 492—499.

Ворошилова О.М. 2020. Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.). *Hyparis* 2, 93—108.

Горланов и др. 2019: Горланов С.С., Малышев А.А., Мирошина Т.В. 2019. Комплекс захоронений эпохи эллинизма из курганного некрополя у поселка Кучугуры. *КСИА* 257, 155—173.

Кадеев В.И. 1994. О медицине в Херсонесе Таврическом. *Древности*, 58—65.

Кат. Москва 2002: Д.В. Журавлев (ред.). *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. Москва: ГИМ.

Кирова Н. 2010. *Медицината в провинциите Долна Мизия и Тракия (I — края на III в.)* (Национален археологически институт с музейт Българска академия на науките. Дисертации 3). София: Национален археологически институт с музей, Българска академия на науките.

Максимова М.И. 1979. *Артюховский курган*. Ленинград: Искусство.

Марченко И.Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. В: Смирнов А.П. (ред.). *Фанагория*. Москва: Изд-во АН СССР, 102—127 (МИА 57).

Мировое наследие Европейского Боспора 2017: *Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Керчь: Восточно-Крымский историко-культурный музей—заповедник; Симферополь: ИП Игнатов — Ignatov.one®.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1—3. Симферополь; Бонн: Тарпан.

Новиченкова М.В. 2016. Римские медицинские инструменты из святилища у перевала Гурзуфское Седло в горном Крыму. *ПИФК* 2, 213—226.

ОАК за 1908 г. *Отчет археологической комиссии за* за 1908 г. 1912. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Ратковић Д.Б. 2017. Присуство лекара у утврђењу *Diana. Зборник Народног Музеја, археологија* XXIII.1, 165—186.

Сударев 2017а: НА ИА РАН. Сударев Н.И. 2017. Отчёт об археологических раскопках в 2016 году «На территории выявленного объекта археологического наследия поселения Виноградный-7 (IV—I вв. до н.э.) в зоне строительства подъезда от автомобильной дороги М-25 Новороссийск — Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 — км 42 в рамках реконструкции участков автомобильной дороги Новороссийск — Керченский пролив (на Симферополь) в Темрюкском районе Краснодарского края».

Сударев Н.И. 2017б. Погребения некрополя Виноградный 7. В: Энговатова А.В. (ред.). *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016*. Москва: Институт археологии РАН, 182—189 (Материалы спасательных археологических исследований 19).

Толстиков 2007: НА ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1912. Толстиков В.П. 2007. Отчет о раскопках городища Пантикапея в 2007 году.

Толстиков В.П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея. В: Кузнецов В.Д., Толстиков В.П. (ред.). *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 69—83.

Трейстер М.Ю. 1984. *Бронзолитейное ремесло античного Боспора*. Канд. дисс. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: ИА РАН, 77—181 (Материалы по археологии и истории Фанагории 2).

Шкорпил В.В. 1911. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. *ИАК* 40, 62—91.

Хомчик М.А. 1991. Хірургічні інструменти в Ольвії. *Археологія* 3, 63—69.

Хомчик М.А. 2000. Античные хирургические инструменты из Ольвии. *Восточно-европейский археологический журнал* 2 (3). URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/khomchik.htm (дата обращения 15.05.2024).

Чевелев 1989: НА ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1039. Чевелев О.Д. 1989. Отчет о раскопках Керченской археологической экспедиции в 1989 году. Керчь: Историко-археологический музей.

Aparaschvei D. 2012: *Healthcare and Medicine in Moesia Inferior*. Iaşi: Ed. Univ. “Alexandru Ioan Cuza”.

Aparaschivei D., Matei I. 2010. Instruments medicaux romains provenus de la province Mésie Inférieure. *Revista medico-chirurgicala a Societatii de Medici si Naturalisti din Iasi* 114.4, 1254—1260.

Baykan D. 2017. Medicine in Balkans during the Roman Period. *Balkan Medical Journal* 34, 295—300.

Berg R. 2010. Lo specchio di Venere. Riflessioni sul *mundus muliebris* nella pittura Pompeiana. In: Bragantini I. (ed.). *Atti del X congresso internazionale dell’AIPMA (Association Internationale pour la Peinture Murale Antique, Napoli 17—21 settembre 2007)*. Napoli: L’Orientale Università degli Studi — Napoli, 289—300.

Berg R. 2017. Toiletries and Taverns. Cosmetic Sets in Small Houses, Hospitia and Lupanaria at Pompeii. *Arctos. Acta Philologica Phennica* LI, 13—40.

Berg R. 2019. Instruments and Utensils. In: Berg R., Kuivalainen I. (eds.). *Domus pompeiana M. Lucretii* IX. 3.5. *The Inscriptions, Works of Art and Finds from the Old and New*. Vantaa: Societas Scientiarum Fennica, 161—186 *Excavations* (Commentationes humanarum litterarum 136).

Bessios M., Pappa M. 1995. *Pydna*. Thessaloniki: Pieriki Anaptixiaki.

Bliquez L.J. 1994. *Roman Surgical Instruments and Other Minor Objects in the National Archaeological Museum of Naples*. Mainz am Rhein: von Zabern.

Bliquez L.J. 2003. Roman Surgical Spoon-Probes and Their Ancient Names (μήλη, μηλωτίς/μηλωτρίς, *specillum*). *Journal of Roman Archaeology* 16, 323—*330.*

Bliquez L.J. 2015. The Tools of Asclepius: Surgical Instrum*ents in Greek and Roman Times.* Leiden; Boston: R.J. Brill (Studies in ancient medicine 43).

Borell B. 1989. *Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall*. Mainz: von Zabern (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg 3.1).

Boucher St., Perdu G., Feugère M. 1980. *Bronzes antiques du Musée de la civilisation gallo-romaine à Lyon. II, Instrumentum, aegyptiaca*. Paris: Diffusion de Boccard.

Buiskikh A.V., Novichenkova M.V. 2021. The Roman Citadel in Pontic Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 27, 11—67.

Carapanos C. 1878. *Dodone et ses ruines*. Paris: Hachette.

Cat. Milan 1984: de Juliis E.H. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistica.* Milano: Arnold Mondadori Editore Arte.

Cat. New York 1990: dell’Orto L.F., Varone A. (eds.). *Rediscovering Pompeii*. Roma: “L’Erma” di Bretschneider.

Cat. Padua 2000: Zampieri G., Lavarone B. (eds.). *Bronzi antichi del Museo Archaeologico di Padova. Catalogo della mostra.* Roma: “L’Erma” di Bretschneider.

Chavanne M.-J. 1990. *La nécropole d’Amathonte. Tombes 110—385*. IV. *Les petits objets.* Nicosia: Fondation A.G. Leventis — service des antiquités de Chypre; Ecole française d’Athènes.

Comstock M., Vermeule C.C. 1971. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston.* Boston: Museum of Fine Arts.

Deonna W. 1938. *Le mobilier délien*. Paris: de Boccard (Exploration archéologique de Délos XVIII).

Franken N. 2011. Bronze, Blei und Eisen — Metallfunde aus Pergamon. In: *Kat. Berlin* 2011, 346—350.

Furtwängler A. 1890. *Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia*. Berlin: Asher (Olympia: die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung IV).

Goldman H. 1950. *Tarsus. Excavations at Gözlü Kule, Tarsus*. Vol. 1. *The Hellenistic and Roman Periods.* Princeton: Princeton University Press.

Gostenčnik K. 2002. Medizinische Instrumente aus dem römischen Kärnten. *Carinthia* I, 192, 139—164.

Gregl Z. 1982. Rimski medicinski instrumenti iz Hrvatske. I. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 15.1, 175—210.

Gui M. 2011. Evidence for medical and personal care in the case of Roman army in Dacia. *Ephemeris Napocensis* XXI, 115—130.

Hempel G.H. 2001. *Die Nekropole von Tarent im 2. und 1. Jahrhundert v. Chr. Studien zur materiellen Kultur*. Taranto: Scorpione.

Ignatiadou B. 2015. The warrior priest in Derveni grave B was a healer too. *Histoire, médecine et santé* 8, 89—113.

Ignatiadou B. 2017. Bronze Medical and Writing Cases in Classical and Hellenistic Macedonia. In: Daehner J.M., Lapatin K., Spinelli A. (eds.). *Artistry in Bronze. The Greeks and Their Legacy, XIXth International Congress on Ancient Bronzes*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum and the Getty Conservation Institute, 260—267.

Kanzewa T. 1994. Bronzene Chirurgische Instrumente im Museum N. Zagora. In: *Akten der 10. Internationalen Tagung Über Antike Bronzen (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg)*. Stuttgart: Theiss in Herder, 233—236.

Karamitrou-Mentesidi G. 2010. Γρεβενά 2007. Πριόνια και Φράγμα Ιλαρίωνα. *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη* 21 (2007), 23—36.

Kat. Berlin 2011: Grüßinger R., Kästner V., Scholl A. (Hrsg.). *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung.* Petersberg: Imhof Verlag.

Kozlenko R. 2022. Barracks of the Roman Garrison in Olbia Pontica. *Ephemeris Napocensis* XXII, 53—94.

Künzl E. 1981. Medizinische Instrumente aus dem römischen Altertum im städtischen Museum Worms. *Der Wormsgau* 13 (1979/81), 49—63.

Künzl E. 1982. Medizinische Instrumente aus Sepulkralfunden der römischen Kaiserzeit. *Bonner Jahrbücher* 182, 1—131.

Lilimbaki-Akamati M., Akamatis I.M. 2023. Ιερά Πέλλας. Ανασκαφικά ευρήματα-αναθήματα. In: Stefanakis M., Giannopoulou M., Achiola M. (eds.). *Πολύτροπος. Τιμητικός Τόμος για τον Καθηγητή Νικόλαο Χρ. Σταμπολίδη*. Τ. ΙΙ. Ρέθυμνο: Μεσογειακή Αρχαιολογική Εταιρεία, 599—616.

Mazis M. 2023. *Jebel Khalid on the Euphrates*. Vol. 7. *The Metals*. Sydney: Meditarch (Mediterranean Archaeology Suppl. 12).

Michaelides D. 1984. A Roman Surgeon's Tomb from Nea Paphos. Pt. 1. *Report of the Department of Antiquities Cyprus*, 315—332.

Michaelides D. 2009. Medicine in Ancient Cyprus. In: Rossetto M., Tsianikas M., Couvalis G., Palaktsoglou M. (eds.). *Greek Research in Australia: Proceedings of the Eighth Biennial International Conference of Greek Studies, Flinders University June 2009*. Adelaide: Flinders University, 93—106.

Milne J.S. 1907. *Surgical Instruments in Greek and Roman Times.* Oxford: Clarendon Press.

Müller-Dürr M. 2015. "Medizinische" Instrumente der Römerzeit in Baden-Württemberg. *Fundberichte aus Baden-Württemberg* 35, 221—369.

Richter G.M.A. 1915. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Riha E. 1986. *Römisches Toilettgerät und medizinische Instrumente aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Römermuseum Augst (Forschungen in Augst 6).

Robinson D.M. 1941: *Metal and Minor Miscellaneous Finds* (Excavations at Olynthus Part X). Baltimore: Johns Hopkins Press. London: Humphrey Milford.

Rocchietti D. 2002. *Aree sepolcrali a Metaponto: corredi ed ideologia funeraria fra VI e III secolo a. C.* Potenza: Consiglio regionale della Basilicata.

Schefold K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin und Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & CO.

Tabanelli M. 1958. *Lo strumento chirurgico e la sua storia*. Forli: Romagna medica.

Themelis P., Touratsoglou I. 1997. *Οι Τάφοι του Δερβενίου*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.

Themelis P., Touratsoglou I. 2007. Οι Τάφοι του Δερβενίου. In: Grammenos D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: ΖΗΤΡΟΣ, 215—268.

Tsigarida B. 2007. Τα νεκροταφεία της αρχαίας Πύδνας. In: Grammenos D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: ΖΗΤΡΟΣ, 109—132.

Vasko D.S. 2022. The Turban Alopekis Painter. In: Öniz H., Fazlullin S. (eds.). *SOMA 2016. Proceedings of the 20th Symposium on Mediterranean Archaeology*. Oxford: Archaeopress, 35—42.

Zachariou-Kaila E. 2009. Personal grooming: Metal objects from Roman Cyprus. In:. Guimier-Sorbets A.-M. (ed.). *Actes du colloque "Chypre à l'époque hellénistique et impériale", Recherches récentes et nouvelles découvertes, Université Paris Ouest-Nanterre et Institut National d'Histoire de l'Art Nanterre — Paris 25—26 septembre 2009*. Paris: De Boccard, 325—346 (Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes 39).

References

Butyagin 2004: NA VKIKMZ. Op. 2. Yed. khr. 1684. Butyagin A.M. 2004. Otchet o rabotakh Mirmekiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2003 g. Sankt-Peterburg.

Vinogradov, Yu.A. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)* 3. Moscow: Nauka, 492—499 (in Russian).

Voroshikova, O.M. 2020. In *Hypanis* 2, 93—108 (in Russian).

Gorlanov et al. 2019: Gorlanov, S.S., Malyshev, A.A., Miroshina, T.*V. 2019. In Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Reports of the Institute of Archaeology) 257, 155—173 (in Russian).

Kadeev, V.I. 1994. In *Drevnosti* (*Antiquities*), 58—65 (in Russian).

Cat. Moscow 2002: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (On the edge of the oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontus Euxine)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Kirova, N. 2010. Medicine in the Provinces Lower Moesia and Thrace (1st — late 3rd Centuries). PhD Thesis. Sofia: National Institute of Archaeology with Museum Bulgarian Academy of Sciences.

Maksimova, M.I. 1979. *Artyukhovskiy kurgan (The Artyukov Burial Mound)*. Leningrad: Inskusstvo, Leningrad Dept. (in Russian).

Marchenko, I.D. 1956. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Fanagoriya (Phanagoria)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 102—127 (Materials and Investigations in the Archaeology oft he USSR 57) (in Russian).

Mirovoe nasledie Evropeyskogo Bospora 2017: *Mirovoe nasledie Evropeyskogo Bospora. Kollektsii Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog (World Heritage of the European Bosporus. The Collections of the Eastern-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve. The Catalogue)*. Kerch: Eastern-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve. — Simferopol: IP Ignatov — Ignatov.one® (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. 1—3. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Novichenkova, M.V. 2016. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Problems of History, Philology, Culture*) 2, 213—226 (in Russian).

OAK for 1908: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1908 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908*). 1912. Saint Petersburg: Printing house of the Main Directorate of Appanages (in Russian).

Ratkovich, D.B. 2017. In *Zbornik Narodnog Muzeja, arheologija (Recueil du Musée national de Belgrade, archéologie)* XXIII.1, 165—186 (in Serbian).

Sudarev 2017a: NA IA RAN. Sudarev N.I. 2017. Otchot ob arkheologicheskikh raskopkakh v 2016 godu "Na territorii vyyavlennogo ob'yekta arkheologicheskogo naslediya poseleniya Vinogradnyy-7 (IV—I vv. do n.e.) v zone stroitel'stva pod'yezda ot avtomobil'noy dorogi M-25 Novorossiysk — Kerchenskiy proliv k g. Kerch' i sukhogruznomu rayonu morskogo porta Taman' na uchastke km 0 — km 42 v ramkakh rekonstruktsii uchastkov avtomobil'noy dorogi Novorossiysk — Kerchenskiy proliv (na Simferopol') v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya".

Sudarev, N.I. 2017b. In: Engovatova, A.V. (ed.). *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016* (*Cities, Settlements, Necropoleis. 2016 Excavations*). Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 182—189 (Materials oft he Rescue Archaeological Investigations 19) (in Russian).

Tolstikov 2007: NA VKIKMZ. Op. 2. Ed. khr. 1912. Tolstikov V.P. 2007. Otchet o raskopkakh gorodishcha Pantikapeya v 2007 godu.

Tolstikov, V.P. 2017. In: Kuznetsov, V.D., Tolstikov, V.P. (eds.). *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva (Pantikapaion and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom)*. Moscow: State Pushkin Museum of Fine Arts, 69—83 (in Russian).

Treister, M.Yu. 1984. *Bronzoliteynoe remeslo antichnogo Bospora* (*Bronzeworking of the ancient Bosporus*). PhD Thesis. Moscow: Moscow State Lomonosov University (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE)*. Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii (Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Sciences, 77—181 (Materials on Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1911. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 40, 62—91 (in Russian).

Khomchik, M.A. 1991. In *Arkheologiya* (*Archaeology*) 3, 63—69 (in Ukrainian).

Khomchik, M.A. 2000. In *Vostochno-evropeyskiy arkheologicheskiy zhurnal (Eastern-European Archaeological Journal)* 2 (3). Available at: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/khomchik.htm (accessed 15.05.2024) (in Russian).

Chevelev 1989: NA VKIKMZ. Op. 2. Ed. khr. 1039. Chevelev O.D. 1989. Otchet o raskopkakh Kerchenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1989 godu. Kerch: Istoriko-arkheologicheskiy muzey.

Aparaschvei, D. 2012: *Healthcare and Medicine in Moesia Inferior*. Iaşi: Ed. Univ. "Alexandru Ioan Cuza".

Aparaschivei, D., Matei, I. 2010. Instruments medicaux romains provenus de la province Mésie Inférieure. *Revista medico-chirurgicala a Societatii de Medici si Naturalisti din Iasi* 114.4, 1254—1260.

Baykan, D. 2017. Medicine in Balkans during the Roman Period. *Balkan Medical Journal* 34, 295—300.

Berg, R. 2010. Lo specchio di Venere. Riflessioni sul *mundus muliebris* nella pittura Pompeiana. In: Bragantini, I. (ed.). *Atti del X congresso internazionale dell'AIPMA (Association Internationale pour la Peinture Murale Antique, Napoli 17—21 settembre 2007)*. Napoli: L'Orientale Università degli Studi — Napoli, 289—300.

Berg, R. 2017. Toiletries and Taverns. Cosmetic Sets in Small Houses, Hospitia and Lupanaria at Pompeii. *Arctos. Acta Philologica Phennica* LI, 13—40.

Berg, R. 2019. Instruments and Utensils. In: Berg, R., Kuivalainen, I. (eds.). *Domus pompeiana M. Lucretii* IX. 3.5. *The Inscriptions, Works of Art and Finds from the Old and New*. Vantaa: Societas Scientiarum Fennica, 161—186 *Excavations* (Commentationes humanarum litterarum 136).

Bessios, M., Pappa, M. 1995. *Pydna*. Thessaloniki: Pieriki Anaptixiaki.

Bliquez, L.J. 1994. *Roman Surgical Instruments and Other Minor Objects in the National Archaeological Museum of Naples*. Mainz am Rhein: von Zabern.

Bliquez, L.J. 2003. Roman Surgical Spoon-Probes and Their Ancient Names (μήλη, μηλωτίς/μηλωτρίς, *specillum*). *Journal of Roman Archaeology* 16, 323—*330*.

Bliquez, L.J. 2015. The Tools of Asclepius: Surgical Instrum*ents in Greek and Roman Times*. Leiden; Boston: R.J. Brill (Studies in ancient medicine 43).

Borell, B. 1989. *Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall*. Mainz: von Zabern (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg 3.1).

Boucher, St., Perdu, G., Feugère, M. 1980. *Bronzes antiques du Musée de la civilisation gallo-romaine à Lyon. II, Instrumentum, aegyptiaca*. Paris: Diffusion de Boccard.

Buiskikh, A.V., Novichenkova, M.V. 2021. The Roman Citadel in Pontic Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 27, 11—67.

Carapanos, C. 1878. *Dodone et ses ruines*. Paris: Hachette.

Cat. Milan 1984: de Juliis, E.H. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milano: Arnold Mondadori Editore Arte.

Cat. New York 1990: dell'Orto, L.F., Varone, A. (eds.). *Rediscovering Pompeii*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.

Cat. Padua 2000: Zampieri, G., Lavarone, B. (eds.). *Bronzi antichi del Museo Archaeologico di Padova. Catalogo della mostra*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.

Chavanne, M.-J. 1990. *La nécropole d'Amathonte. Tombes 110—385*. IV. *Les petits objets*. Nicosia: Fondation A.G. Leventis — service des antiquités de Chypre; Ecole française d'Athènes.

Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston: Museum of Fine Arts.

Deonna, W. 1938. *Le mobilier délien*. Paris: de Boccard (Exploration archéologique de Délos XVIII).

Franken, N. 2011. Bronze, Blei und Eisen — Metallfunde aus Pergamon. In: *Kat. Berlin* 2011, 346—350.

Furtwängler, A. 1890. *Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia*. Berlin: Asher (Olympia: die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung IV).

Goldman, H. 1950. *Tarsus. Excavations at Gözlü Kule, Tarsus*. Vol. 1. *The Hellenistic and Roman Periods*. Princeton: Princeton University Press.

Gostenčnik, K. 2002. Medizinische Instrumente aus dem römischen Kärnten. *Carinthia* I, 192, 139—164.
Gregl, Z. 1982. Rimski medicinski instrumenti iz Hrvatske. I. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 15.1, 175—210.
Gui, M. 2011. Evidence for medical and personal care in the case of Roman army in Dacia. *Ephemeris Napocensis* XXI, 115—130.
Hempel, G.H. 2001. *Die Nekropole von Tarent im 2. und 1. Jahrhundert v. Chr. Studien zur materiellen Kultur*. Taranto: Scorpione.
Ignatiadou, B. 2015. The warrior priest in Derveni grave B was a healer too. *Histoire, médecine et santé* 8, 89—113.
Ignatiadou, B. 2017. Bronze Medical and Writing Cases in Classical and Hellenistic Macedonia. In: Daehner, J.M., Lapatin, K., Spinelli, A. (eds.). *Artistry in Bronze. The Greeks and Their Legacy, XIXth International Congress on Ancient Bronzes*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum and the Getty Conservation Institute, 260—267.
Kanzewa, T. 1994. Bronzene Chirurgische Instrumente im Museum N. Zagora. In: *Akten der 10. Internationalen Tagung Über Antike Bronzen (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg)*. Stuttgart: Theiss in Herder, 233—236.
Karamitrou-Mentesidi, G. 2010. Γρεβενά 2007. Πριόνια και Φράγμα Ιλαρίωνα. *Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη* 21 (2007), 23—36.
Kat. Berlin 2011: Grüßinger, R., Kästner, V., Scholl, A. (Hrsg.). *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Petersberg: Imhof Verlag.
Kozlenko, R. 2022. Barracks of the Roman Garrison in Olbia Pontica. *Ephemeris Napocensis* XXII, 53—94.
Künzl, E. 1981. Medizinische Instrumente aus dem römischen Altertum im städtischen Museum Worms. *Der Wormsgau* 13 (1979/81), 49—63.
Künzl, E. 1982. Medizinische Instrumente aus Sepulkralfunden der römischen Kaiserzeit. *Bonner Jahrbücher* 182, 1—131.
Lilimbaki-Akamati, M., Akamatis, I.M. 2023. Ιερά Πέλλας. Ανασκαφικά ευρήματα-αναθήματα. In: Stefanakis, M., Giannopoulou, M., Achiola M. (eds.). *Πολύτροπος. Τιμητικός Τόμος για τον Καθηγητή Νικόλαο Χρ. Σταμπολίδη*. T. II. Ρέθυμνο: Μεσογειακή Αρχαιολογική Εταιρεία, 599—616.
Mazis, M. 2023. *Jebel Khalid on the Euphrates*. Vol. 7. *The Metals*. Sydney: Meditarch (Mediterranean Archaeology Suppl. 12).
Michaelides, D. 1984. A Roman Surgeon's Tomb from Nea Paphos. Pt. 1. *Report of the Department of Antiquities Cyprus*, 315—332.
Michaelides, D. 2009. Medicine in Ancient Cyprus. In: Rossetto, M., Tsianikas, M., Couvalis, G., Palaktsoglou, M. (eds.). *Greek Research in Australia: Proceedings of the Eighth Biennial International Conference of Greek Studies, Flinders University June 2009*. Adelaide: Flinders University, 93—106.
Milne, J.S. 1907. *Surgical Instruments in Greek and Roman Times.* Oxford: Clarendon Press.
Müller-Dürr, M. 2015. "Medizinische" Instrumente der Römerzeit in Baden-Württemberg. *Fundberichte aus Baden-Württemberg* 35, 221—369.
Richter, G.M.A. 1915. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York: Metropolitan Museum of Art.
Riha, E. 1986. *Römisches Toilettgerät und medizinische Instrumente aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Römermuseum Augst (Forschungen in Augst 6).
Robinson, D.M. 1941: *Metal and Minor Miscellaneous Finds* (Excavations at Olynthus Part X). Baltimore: Johns Hopkins Press. London: Humphrey Milford.
Rocchietti D. 2002. *Aree sepolcrali a Metaponto: corredi ed ideologia funeraria fra VI e III secolo a. C.* Potenza: Consiglio regionale della Basilicata.
Schefold, K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin und Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & CO.
Tabanelli, M. 1958. *Lo strumento chirurgico e la sua storia*. Forli: Romagna medica.
Themelis, P., Touratsoglou, I. 1997. *Οι Τάφοι του Δερβενίου*. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων.
Themelis, P., Touratsoglou, I. 2007. Οι Τάφοι του Δερβενίου. In: Grammenos, D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: ΖΗΤΡΟΣ, 215—268.
Tsigarida, B. 2007. Τα νεκροταφεία της αρχαίας Πύδνας. In: Grammenos, D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: ΖΗΤΡΟΣ, 109—132.
Vasko, D.S. 2022. The Turban Alopekis Painter. In: Öniz, H., Fazlullin, S. (eds.). *SOMA 2016. Proceedings of the 20th Symposium on Mediterranean Archaeology*. Oxford: Archaeopress, 35—42.
Zachariou-Kaila, E. 2009. Personal grooming: Metal objects from Roman Cyprus. In: Guimier-Sorbets, A.-M. (ed.). *Actes du colloque "Chypre à l'époque hellénistique et impériale", Recherches récentes et nouvelles découvertes, Université Paris Ouest-Nanterre et Institut National d'Histoire de l'Art Nanterre — Paris 25—26 septembre 2009*. Paris: De Boccard, 325—346 (Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes 39).

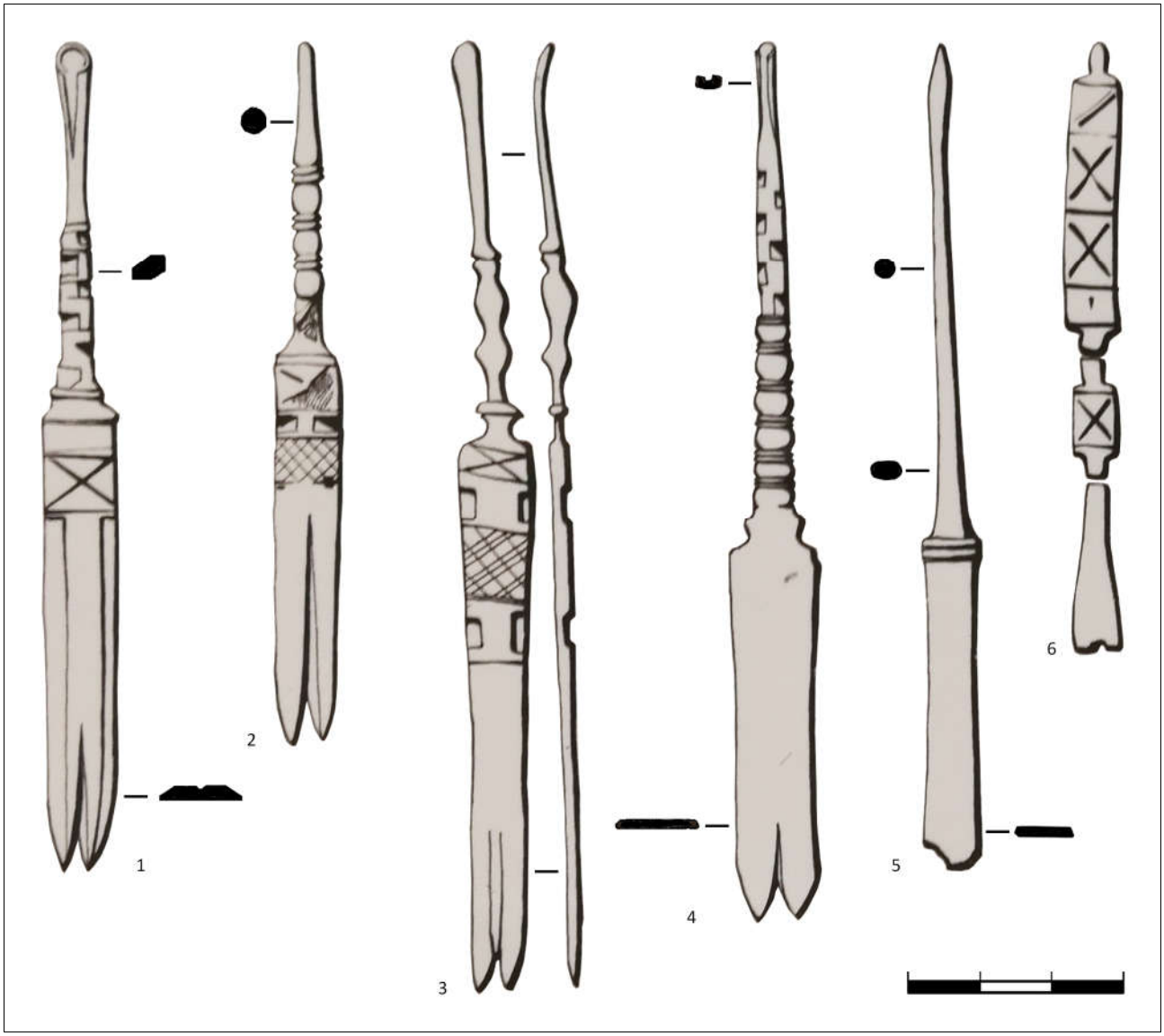


Рис. 1. Бронзовые шпатели из некрополей Боспорского царства. *1—2, 4* — Пантикапей, *3* — Горгиппия, *5* — Фанагория, *6* — Тирамба. *1* — кат. № 1; *2* — кат. № 2; *3* — кат. № 16; *4* — кат. № 3; *5* — кат. № 9; *6* — кат. № 10. Рисунки М.Ю. Трейстера, 1978—1982.

Fig. 1. Bronze spatulas from the necropoleis of the Bosporan Kingdom. *1—2, 4* — Pantikapaion, *3* — Gorgippia, *5* — Phanagoria, *6* — Tyramba. *1* — cat. no. 1; *2* — cat. no. 2; *3* — cat. no. 16; *4* — cat. no. 3; *5* — cat. no. 9; *6* — cat. no. 10. Drawing by M. Treister, 1978—1982.

Рис. 2. Бронзовые шпатели из некрополей Боспорского царства и Прикубанья. *1* — Мирмекий, *2, 8, 9* — Курганная группа Вышестеблиевская 21, курганы № 6 и 8/2016, *3* — Кучугуры, курган № 1/1985; *4, 10* — Пантикапей, *5, 6* — Артюховский курган, *7* — Елизаветинское городище. Некрополь, раскопки В.А. Городцова, 1934—1936 гг. *1* — кат. № 6; *2* — кат. № 14; *3* — кат. № 11; *4* — кат. № 4; *5* — кат. № 7; *6* — кат. № 8; *7* — кат. № 15; *8* — кат. № 12; *9* — кат. № 13; *10* — кат. № 5. *1, 4, 10* — фото Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника; *2, 8, 9* — фото Н.И. Сударева; *3* — по Горланов и др. 2019: 168, рис. 6: 11; *5, 6* — по Максимова 1979: 93, рис. 33; *7* — по Виноградов 2010: 497, рис. 6.

Fig. 2. Bronze spatulas from the necropoleis of the Bosporan Kingdom and the Kuban area. *1* — Myrmekion, *2, 8, 9* — Kurgan group Vyshesteblievskaya 21, burial mounds nos. 6 and 8/2016; *3* — Kuchugury, burial mound no. 1/1985; *4, 10* — Pantikapaion, *5, 6* — Artyukhov burial mound, *7* — Elizavetinskoe fortified settelement. Necropolis, excavations by V.A. Gorodtsov, 1934—1936. *1* — cat. no. 6; *2* — cat. no. 14; *3* — cat. no. 11; *4* — cat. no. 4; *5* — cat. no. 7; *6* — cat. no. 8; *7* — cat. no. 15; *8* — cat. no. 12; *9* — cat. no. 13; *10* — cat. no. 5. *1, 4, 10* — photographs of the Eastern-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve; *2, 8, 9* — photographs by N.I. Sudarev; *3* — photographs after Gorlanov et al. 2019: 168, fig. 6: 11; *5, 6* — photographs after Maksimova 1979: 93, fig. 33; *7* — photographs after Vinogradov 2010: 497, fig. 6.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.10.24.012

Е.В. Кузнецова, Д.А. Шелепов

МИНЕРАЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ КНИДСКИХ АМФОР*

В статье представлены результаты петрографического исследования 32 образцов керамики, полученных с целых и фрагментированных амфор, в том числе клейменых. Материал охватывает период с середины IV по конец II в. до н.э. Проведенный анализ шлифов позволил выделить четыре петрографические группы формовочной массы, две из которых (A и B) надежно соотносятся с мастерскими Книда. Локализация доказывается наличием в обеих группах клейм, чье книдское происхождение не вызывает сомнения. Высказывается предположение, что амфоры обеих групп были изготовлены в местечке Решадие (Reşadie). Оно основано на результатах сборов и археологических раскопок, проводившихся в этом районе. Разнообразие минералогического состава тканей сосудов, образцы с которых вошли в группы C и D, позволяет говорить о том, что амфоры были изготовлены за пределами Книдского полуострова.

Ключевые слова: греческие амфоры, клейма, Книдский полуостров, минералого-петрографические исследования, шлиф, локализация.

Сведения об авторах: Кузнецова Елена Владимировна[1], кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Шелепов Дмитрий Александрович[2], Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: [1,2]410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]shelepov-dmitriy@mail.ru.

Elena Kuznetsova, Dmitriy Shelepov

MINERALOGICAL AND PETROGRAPHIC STUDY OF THE MOLDING MASS OF THE KNIDIAN AMPHORAE

The article presents the results of a petrographic study of 32 ceramic samples obtained from whole and fragmented amphorae, including stamped ones. The material covers the period from the middle of the 4th to the end of the 2nd century BCE. The analysis of the thin sections made it possible to identify four petrographic groups of the molding mass, two of which (A and B) reliably correlate with the Knidos workshops. Localization is proved by the presence of stamps in both groups, whose Knidian origin is beyond doubt. It is suggested that the amphorae of both groups were made in the Reşadie. It is based on the results of amphora assemblage and archaeological excavations conducted in the area. The diversity of the mineralogical composition of the vessel tissues, samples from which were included in groups C and D, suggests that the amphorae were made outside the Knidian Peninsula.

Key words: Greek amphorae, stamps, Knidian peninsula, mineralogical and petrographic study, thin section, localization.

About the authors: Kuznetsova Elena[1], PhD (History), Saratov State University; Shelepov Dmitriy[2], Saratov State University.

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (грант № 22-28-00375, https://rscf.ru/project/22-28-00375/).

Статья поступила в номер 6 декабря 2023 г.
Принята к печати 21 декабря 2023 г.

© Е.В. Кузнецова, Д.А. Шелепов, 2024.

Contact information: [1,2]410012, Russia, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]shelepov-dmitriy@mail.ru.

О наличии амфорного производства в Книде стало известно еще в середине XIX в., когда из общей массы керамических клейм выделили серию штампов с этноникон Κνίδιον. Целую амфору, на обеих ручках которой имелись одинаковые оттиски, впервые упоминает Е. Придик в своде клейм из Афин (Pridik 1896: 172, no. 245, 246). Позднее В. Грейс опубликовала фотографии трех книдских сосудов эллинистического времени (Grace 1934: 202, fig. 1: 6—8). В дальнейшем было установлено, что этникон в клеймах Книда появляется только в середине III века до н.э. (Кац 2007: 220—231), поэтому долгое время считалось, что массовое амфорное производство появилось в полисе именно в это время. В ходе археологических исследований на территории Книдского полуострова 1970—1980-х гг. были открыты остатки мастерских, свидетельствующие о наличии здесь керамического производства с VII в. до н.э. по VIII в. н.э., а следы изготовления амфор датируются начиная с VI в. до н.э. (Tuna et al. 1987: 48, 49; Амперер, Гарлан 1992: 15; Tuna 2012: 38; Sakarya 2016: 56, 65). Предполагается, что в архаическую эпоху в Книде изготавливалась тара т.н. «милетского» типа, хотя до настоящего времени подобных целых сосудов на территории полуострова обнаружено не было (Sakarya 2016: 65, pl. 10—12).

Уверенно о начале массового производства книдских амфор можно говорить начиная со второй четверти IV в. до н.э. Эволюции тары этого центра посвящено несколько публикаций, при этом зарубежные авторы зачастую из-за отсутствия целых форм опираются в своей типологии на профильные фрагменты (Tuna et al. 1986: 48; Монахов 2003: 101—111, табл. 71—78; Sakarya 2016: 64, 66—68; Doksanaltı et al. 2019: 283—316; Sakarya et al. 2019: 317—339). Совсем недавно, благодаря анализу керамических комплексов из некрополей Прикубанья, были предложены некоторые корректировки хронологии отдельных вариантов (Кузнецова 2020: 101—107; Монахов, Кузнецова 2021: 183—205; Kuznetsova, Monakhov 2023: 47—82). Основная масса целых форм происходит из раскопок античных памятников Северного Причерноморья, что позволило отечественным исследователям, опираясь на материалы керамических комплексов, выстроить типологические ряды книдской тары начиная со второй четверти IV в. до н.э.

Вместе с тем, правильность локализации отдельных сосудов до сих пор остается под сомнением. Проблемы с атрибуцией амфор связаны с тем, что в IV в. до н.э. целый ряд производственных центров, в том числе и Книд, изготавливали тару, имеющую так называемый «грибовидный» венец. В связи с этим, отнесение некоторых амфор с «грибовидными» венцами к производству Книда вызывает вопросы. Помочь проверить правильность выделения книдской продукции из общего массива материала может только привлечение различных естественно-научных методов, в первую очередь, петрографического анализа как наиболее доступного.

В зарубежной античной археологии петрография играет большую роль в установлении мест изготовления различных категорий изделий из глины. Базируясь на определении морфологических свойств и оптических констант минералов, она позволяет определить минеральный состав керамики, а также проследить изменение вещества в процессе обжига (Riederer 2004: 143—158). Заимствованный из геологии, петрографический метод постепенно из вспомогательного превращается в самостоятельный раздел археометрии (Круг 1965; Сайко, Кузнецова 1977; Fulford, Peacock 1984; Растегаева 2022). Применительно к амфорологии, наиболее полные результаты изучения минерального состава формовочной массы сосудов различных производственных центров были опубликованы в середине 1990-х гг. Я. Уайтбредом (Whitbread 1995). Уделив большое внимание методике проведения петрографического анализа керамики и принципам представления результатов, автор дал подробную характеристику формовочных масс тарных сосудов основных производственных центров. Для книдских амфор Я. Уайтбред выделил два основных класса теста: 1) **первый класс** отличается большим количеством вулканических включений, присутствием

крупных зерен филлита, поликристаллического кварца, кремнезема, известняка, песчаника, биотита, роговой обманки и некоторых других (Whitbread 1995: 73, pl. 4.11); 2) **второй класс** выделяется слюдистым характером теста с преобладанием компонентов (монокристаллический кварц, желтая слюда, поликристаллический кварц, известняк, кремнезем, кальцит, хлорит, циркон и гранат) иловой размерности с очень небольшим количеством среднего и мелкого песка (Whitbread 1995: 74, pl. 4.12). Кроме того, сравнение полученных данных позволило ученому высказать предположение о принадлежности целой серии клейм с эмблемой «нос корабля» к производству Книда (Whitbread 1995: 107—117), что подтвердилось дальнейшими исследованиями и в настоящее время не вызывает сомнений (Börker 1986; Монахов 2003: 105—106; Кац 2007: 220—223; Ефремов и др. 2023: 281—337).

В данной работе представлены результаты минералого-петрографического исследования образцов формовочной массы целых и фрагментированных амфор, отнесенных к продукции Книда с учётом их морфологических характеристик. Также были рассмотрены сколы, взятые с сосудов, имеющих некоторые визуальные особенности, напоминающие тару этого центра. Основная коллекция образцов была предоставлена в распоряжение научного коллектива С.Ю. Монаховым, за что авторы выражают ему искреннюю признательность. Выборку удалось также пополнить благодаря разрешению С.Л. Соловьева и помощи начальников участков на Южном пригороде Херсонеса в 2021 г. (Кузнецова, Растегаева 2022: 110—111). В целом было изучено 32 образца, среди которых присутствуют и сколы с клейм. Последнее особенно важно, т.к. эти экземпляры являются эталонными в нашем исследовании. В анализируемую выборку были включены и образцы амфор, отнесенные к книдскому производству лишь предположительно, на основании некоторых внешних особенностей и визуальных характеристик черепка (рис. 1: 5—7), а также взятые с клейм, чьё книдское происхождение также не бесспорно. Особо следует подчеркнуть, что во время изучения шлифов все они были «обезличены». Таким образом, специалист-петрограф не был осведомлён о существующих сомнениях в верности локализации сосудов. Для проверки результативности минералого-петрографического метода в выборку преднамеренно были добавлены сколы с родосского и херсонесского оттисков.

Методика изучения петрографических шлифов подробно описана в предварительной публикации результатов (Кузнецова и др. 2023а), поэтому мы не будем на этом останавливаться.

Проанализированные образцы разделились на четыре петрографические группы. Ниже дается детальное сводное описание основных черт, характерных для образцов, вошедших в эти группы (табл. 1).

Группа А (табл. 1, рис. 1—3). Основу формовочной массы составляют гидрослюдисто-глинистые минералы. Эта тонкочешуйчатая смесь представляет собой тесное срастание дегидратированных гидрослюдисто-глинистых частиц с многочисленными бесформенными выделениями гидроокислов железа, которые придают образцам красновато-коричневый цвет. В этой массе присутствуют чешуйки бесцветной слюды с субпараллельной ориентировкой (рис. 2: 15) по длинной оси и обломочный материала пелитовой фракции (5—7 %), которая, как правило резорбируясь, сливается с основной массой. Так же в основной ткани образца равномерно рассеяны мелкие (0,05—0,2 мм) овальные и изометричные зерна ярко красного гидрогематита (около 5—7 %). Большой разброс размерности зерен гематита говорит о его внесении в основную массу вместе с отощителем (рис. 2: 2, 6, 7; 3: 2, 3, 9, 11, 12, 14).

Отощитель представлен обломками алевритовой фракции 0,05 мм и мельче и составляет около 10—15 %. Его состав разнообразен: обломки кварца, кварцитов, кремнистых (кварц-гематитовых) обломков, напоминающих яшму треугольной и серповидной формы с ярко выраженной мозаичной, иногда микрогранобластовой структурой и волнистым погасанием (рис. 2: 4, 11, 3: 3). Присутствуют плагиоклазы призматических и изометричных очертаний, с ярко выраженными полисентетическими двойниками, микроклином (калиевый полевой шпат) с характерным решетчатым микроклиновым двойникованием. Полевые шпаты (рис. 1: 10, 15; 2: 15, 3: 8, 13) чистые, лишены вторичных изменений, имеют свежий облик и не подвержены

процессу пелитизации. Из темноцветных минералов встречаются пироксен (диопсид) (рис. 1: 12), представленный его бесцветной разностью — салитом, зеленая роговая обманка с характерной для всех амфиболов спайностью. Наличие кварц-эпидотовых и кварц-мусковитовых обломков говорит об использовании в качестве отощителя обломков пород метаморфического генезиса (возможно, филлитов). Иногда встречаются обломки ярко-оранжевого (рис. 1: 12; 3: 3, 11) слоистого иддингсита? (возможно, продукт изменения магнезиально-железистых минералов), биотит присутствует в виде коротких чешуек, которые характеризуются высокой степенью измененности (окисленности).

В образцах группы А присутствуют обломки карбонатов различной структуры и размерности. Как правило, крупные обломки сложены свежим крупнокристаллическим кальцитом с характерным двойникованием и ярко выраженной перламутровой интерференционной окраской (рис. 1: 11, 14, 2: 15; 3: 3). Более мелкие включения выполнены пелитоморфным кальцитом, который несет следы декарбонатизации и окружены полупрозрачными ореолами или осветленными каймами, образовавшимися, по-видимому, при обжиге. Форма обломков не окатанная, полигональная, изометричная. Так же встречаются единичные карбонатные обломки органики: раковины двустворок и иглокожих довольно хорошей сохранности (рис. 2: 12).

Отмечаются включения овальной формы, сложенные криптокристаллическим сильно лимонитизированным (до не прозрачного) глинистым веществом и представляющих, по-видимому, продукты отжига отощавших основную массу сухих глин (рис. 1: 3, 8, 15; 3: 3, 7, 10, 14). Иногда они содержат (в одном зерне) включения кварцитов, в редких случаях встречаются обломки, содержащие пелитоморфный материал. Эти включения окружены каймой усадки, которая, по-видимому, появляется после обжига основной массы. Псаммитовая фракция (0,1—0,5 мм) составляет около 1—2 %, ее состав аналогичен алевритовой. Пористость образцов находится в пределах 5—7 %. Поры различных морфологических типов: округлые, удлиненно-уплощенные размером 0,1—0,4 мм (рис. 2: 8; 3: 4, 11, 14). Присутствие остатков карбонатного вещества и свежесть плагиоклазов позволяют предположить, что режим обжига не превышал 800—850°С.

Группа В (табл. 2, рис. 4—5). Основа формовочной массы гидрослюдисто-глинистая умеренно красноватого цвета с включениями (обособлениями) гидроокислов железа с примесью пелитового материала 7—10 % (рис. 4: 2, 10, 14, 5: 2, 6, 17, 19).

В качестве отощителя отмечаются обломки алевритовой (5—7 %) и псаммитовой (1 %) фракций кремнистых и кремнисто-гидрослюдистых пород с микрогранобластовой структурой (рис. 4: 4, 6, 7, 8, 15, 5: 13, 14). В небольшом количестве присутствуют обломки зерен плагиоклазов (рис. 5: 7, 8, 19) и калиевых полевых шпатов (рис. 5: 3). Минеральный комплекс позволяет предположить, что в качестве отощителя в основном использовались обломки метаморфических пород. Присутствуют обломки сухотертой глины (шамота), обособляющиеся от основной массы каемками усадки, что явно говорит об их внесении в качестве отощителя (рис. 4: 3, 12; 5: 18). Состав окатышей сходен с составом основной массы (гидрослюдисто-глинистая+ пелитовое вещество).

Карбонатное вещество пелитовой размерности в большом количестве рассеяно по основной массе. Так же отмечаются округлые включения карбонатного вещества пелитоморфной структуры. Карбонат хорошей сохранности, без следов и каемок разложения и зачастую с яркой перламутровой окраской (рис. 4: 16, 5: 4, 10, 11). Иногда встречаются обломки раковин карбонатного состава (рис. 4: 11).

В редких случаях присутствуют ярко-оранжевые волокнистые обособления идингситоподобного вещества (рис. 5: 15), образовавшиеся, по-видимому, по немногочисленным обломкам темноцветных минералов.

Пористость образцов группы В составляет около 2 %. Поры различных морфологических типов округлые, удлиненно-уплощенные.

Присутствие остатков карбонатного вещества и неизмененных полевых шпатов позволяет предположить, что режим обжига не превышал 800—850°С.

Минералого-петрографическая характеристика тканей первых двух групп очень близка, однако есть несколько отличительных особенностей, позволяющих их различать. Для керамики группы А характерно присутствие мелких (0,05—0,2 мм) не окатанных обломков ярко-красного гидрогематита (около 5—7 %), большой разброс размерности которых говорит о его внесении в основную массу вместе с отощителем. Образцы группы В характеризуются присутствием карбонатного вещества пелитовой размерности, в большом количестве рассеянного в основной массе. Фиксируются округлые включения карбонатного вещества пелитоморфной структуры, иногда обломки раковин карбонатного состава. Минеральный комплекс тканей «группы В» позволяет предположить, что в качестве отощителя в основном использовались обломки метаморфических пород. Кроме того, пористость образцов этой группы находится в пределах 2 %, в отличие от 5—7 %, характерных для тканей «группы А» (табл. 1). Ткани «группы В» больше всего соответствуют тканям класса 1 по Я. Уайтбреду.

Группа С (табл. 3, рис. 6). Основная масса образцов представлена красновато-бурой глинистой массой с обособлениями гидроокислов железа, примеси (до 20—25 %) пелитоморфного кальцита, рассеянного по всей массе, а также резорбированного пелитоморфного обломочного материала (рис. 6: 2, 6, 10). Гидрослюда присутствует во всех образцах с различной степенью диагностики.

Отощитель представлен алевритовой (10—15 %) и псаммитовой (1 %) фракциями. Его состав сформирован обломками метаморфических пород: кварц, кварциты, яшмоиды с гранобластовой и микрогранобластовой структурой мозаичного погасания (рис. 6: 7, 8, 12). Отмечаются зерна кислых плагиоклазов (рис. 6: 14, 16). Встречаются единичные красные зерна гематита, обломки карбонатного материала различной морфологии (окатанные, угловатые и др.). Структура их пелитоморфная. Карбонатное вещество различной степени сохранности, от чистого, хорошо реагирующего на поляризованный свет, до мутного, вплоть до срастания с гидроокислами железа. Иногда, в следствии декарбонатизации вещества, присутствуют каемки осветления или его выгорание с образованием вторичных микропор (рис. 6: 3, 4, 15).

Так же встречаются темно-коричневые округлые обособления (шамот) с каемками усадки, что явно указывает на их внесение в качестве отощителя.

Пористость образцов составляет около 5 %. Поры различных морфологических типов: округлые, удлиненно-уплощенные (рис. 6: 11). Зачастую тусклый красно-бурый цвет образца, большое количество хорошо сохранившегося карбонатного материала, а также наличие не выгоревших карбонатных каемок вокруг овальных включений позволяют предположить, что режим обжига, скорее всего, не превышал 750—800°С. В отдельных случаях отмечается более высокая степень разложения карбонатного вещества, а также различная пелитизация полевых шпатов и других компонентов отощителя, позволяющая предположить, что режим обжига некоторых образцов составлял около 900°С.

Группа D (табл. 3, рис. 7—8). Отличительной особенностью данной группы является присутствие в формовочной массе минералов глинисто-гидрослюдистого состава с большим (до 80 %) включением светлой слюды мусковита (серицита) и пелитового материала (до 10 %). Это определило волнисто-параллельные структурно-текстурные особенности данной группы. По-видимому, данная структура обязана своим происхождением параллельно ориентированному расположению чешуек серицита и удлиненных червеобразных пор между ними (рис. 7: 2, 9, 10, 12). В некоторых образцах гидрослюда сильно импрегнирована гидроокислами железа.

Отощитель представлен алевритовой (10—15 %) и псаммитовой (2—3 %) фракциями. В качестве отощителя присутствуют обломки гранитоидов, кварца, плагиоклазов, калиевых полевых шпатов (микроклин, ортоклаз). Кварц чистый, не трещиноватый, зачастую с

гранобластовой структурой (рис. 7: 3, 6). Плагиоклазы кислого состава (олигоклаз) с ярко выраженными полисентетическими двойниками, чистые (рис. 7: 5). Микроклин и ортоклаз чистые, без следов пелитизации. В некоторых образцах очень много параллельно-ориентированно расположенных в основной массе обломков амфиболов, и листочков слюды (мусковита), как правило, они свежие с яркими интерференционными окрасками, в редких случаях слабо измененные (рис. 7: 8—12, 15). Встречаются немногочисленные обломки карбонатного вещества пелитоморфной структуры довольно хорошей сохранности и не разложившейся при обжиге (рис. 7: 13—15).

Пористость образцов находиться в пределах (7—10 %). Поры различных морфологических типов: округлые, удлиненно-уплощенные (рис. 7: 4).

Степень сохранности остатков карбонатного вещества и свежесть плагиоклазов позволяет предположить, что режим обжига не превышал 800—850°С.

Иной минеральный состав характер для образцов № 277 и № I-ChT.5 (табл. 3, рис. 8), принадлежащих продукции Родоса и Херсонеса.

Распределение шлифов по группам произошло практически равномерно. В петрографическую **группу А** вошло наибольшее число образцов амфор (12 ед.). Единственным экземпляром (№ 187) представлена амфора «геленджикского» варианта третьей четверти IV в. до н.э. (рис. 9: 1; 2: 9—12) из объекта № 16, кургана № 2 могильника «Виноградный-7» в Темрюкском районе Краснодарского края (Марченко и др. 2007: 173, рис. 31: 4). В первой публикации, со ссылкой на консультацию С.Ю. Монахова, сосуд был отнесен к продукции неустановленных центров производства. Обращают на себя внимание необычная для книдской тары профилировка ножки и сходящиеся к основанию горла ручки. Однако результаты минералого-петрографического анализа говорят о том, что данный сосуд был изготовлен в мастерских Книда.

Среди целых сосудов группы А выделяются два практически идентичных экземпляра, относящиеся к «херсонесскому» варианту I типа амфор Книда («с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом»). Образец № 166 (рис. 9: 2; 2: 1—4) получен с амфоры из погр. № 105 (Монахов и др. 2021: 199, Kn.11), а образец № 168 (рис. 9: 3; 2: 5—8) с сосуда из погр. № 353 Прикубанского некрополя (Монахов и др. 2021: 198, Kn.10). Оба сосуда датируются третьей четвертью IV в. до н.э. К этому варианту принадлежит и горло (обр. № 55), найденное в 1986 г. в п. Героевка с рельефным монограммным клеймом «ΠΑΘ» на ручке (рис. 9: 4; 1: 9—12; Монахов 2003: 303, табл. 72: 1). Принадлежность таких оттисков Книду надёжно установлена, благодаря сборам с керамических свалок у мастерских (Empereur 1988: 159, 160; Ефремов 2018: 542—543 с лит.). В группу А попал и образец № 90 (рис. 9: 5; 1: 13—16), полученный с фрагмента, на ручке которого также стоит оттиск «ΠΑΘ» (Монахов 2003: 303, табл. 73: 1). Вместе с тем, данный экземпляр относится к иному морфологическому типу книдской тары — «с коническим горлом и кубаревидной ножкой» (тип II), отличающемуся не грибовидным, а валикообразным венцом. Следует, однако, заметить, что компонентные составы формовочной массы образцов № 55 и № 90 (табл. 1) не являются идентичными (Кузнецова и др. 2022а: 64—65, табл. 1). Вместе с тем их принадлежность к продукции Книда подтверждена не только петрографическим анализом, но и другими естественно-научными методами (Мандрыкина и др. 2021: 711—730; Mandrykina et al. 2021: 684—703).

В петрографическую группу А также вошли три целых и один фрагментированный сосуд «пифоидного» варианта типа амфор «с коническим горлом и кубаревидной ножкой». Первый (№ 219) найден в погребении № 103 Прикубанского некрополя (рис. 9: 6; 3: 1—4) вместе с амфорой Коса и датируется третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов и др. 2021: 200, Kn.14). Второй (№ 18) обнаружен в 1981 г. в погребении № 25 некрополя Горгиппии конца IV в. до н.э. (рис. 9: 7; 1: 1—4; Монахов 1999: 444—446, табл. 193: 1; 2003: 303, табл. 73: 5). В этом же объекте была обнаружена и нижняя часть книдской амфоры

(обр. № 19; (рис. 9: 8; 1: 5—8; Монахов 1999: 444—446, табл. 193: 2). Происхождение четвертого сосуда «пифоидного» варианта (обр. № 278, рис. 9: 9; 3: 10—12), вошедшего в группу А, неизвестно, он хранится в коллекции Краснодарского музея и датируется последней третью IV — началом III в. до н.э. (Монахов и др. 2022: 141, Kn.18).

Наконец, в группу А вошел образец № 280, взятый с амфоры «афинского» варианта того же типа II (рис. 9: 10; 3: 12—14) из раскопок кургана № 2 на г. Горелая (Кац и др. 2005: 108, рис. 1: 13). Комплекс материалов данного кургана надежно датируется серединой III в. до н.э.

Самый поздний образец, вошедший в группу А, принадлежит прямоугольному клейму (№ I-Kn.5) с легендой ἐπὶ Καλλίστου Μόρμις вокруг головы быка (рис. 9: 11). Магистрат Κάλλιστος относится к группе IIIA по классификации Н.В. Ефремова и датируется им 255—215 гг. до н.э. (Jefremov 1995: 67). Примечательно, что по своему минералогическому составу он практически идентичен образцу № 219 (табл. 1; рис. 3: 1—4, 5—8).

Относительно последнего сосуда из группы А (обр. № 275), случайно найденного на некрополе Старокорсунского городища № 2 (рис. 9: 11; 2: 13—16), ткань которого очень близка остальным рассмотренным образцам (табл. 1), следует отметить, что его морфологические характеристики весьма далеки от классических книдских сосудов. Очень широкое тулово, пологие плечи, профили венца и ножки не находят аналогий среди известной книдской тары. Визуальные характеристики теста также не ассоциируются с амфорами Книда. Не случайно в последней публикации этот экземпляр предположительно отнесен к продукции Эрифр (Монахов и др. 2022: 122, Er.2). Однако минеральный состав формовочной массы практически идентичен другим петрографическим шлифам группы А.

Таким образом, петрографическая группа А объединила сосуды двух типов, выпускавшихся с середины—третьей четверти IV в. до последней четверти III в. до н.э., в том числе с клеймами «ΠΑΘ». Примечательно, что клейма «ΠΑΘ» часто встречаются при осмотре керамических свалок амфорных мастерских в местечке Решадие (Reșadie) (Empereur. 1988: 159). Кроме того, здесь же на одном из участков была зафиксирована серия прямоугольных клейм разных магистратов, в качестве эмблемы в которых изображался букраний (Tuna 1990: 238, res. 12), как в нашем оттиске-образце № I-Kn.5. Среди 11 называемых исследователями имен нет магистрата Κάλλιστος, но присутствует имя фабриканта Μόρμις в сочетании с магистратами Εὐκράτης (группа IIIA) и Φίλιππος (группа IV) (Empereur, Picon 1986: 118, note 20, fig. 25; Jefremow 1995: 129). Следовательно, не исключена вероятность того, что и амфора с клеймом магистрата Κάλλιστος (рис. 9: 11) была изготовлена в указанном районе.

В **группе В** также оказались два клейма, обнаруженные во время раскопок Южного пригорода Херсонеса в 2021 г.[1] Первое клеймо (№ I-Kn.3) восстанавливается уверенно: ἐπὶ Δράκον|τος [Ἐπιφάνευς] | Κνίδιο[ν] «пчела» (рис. 10: 1; 4: 5—8); относится к VI хронологической группе по классификации Н.В. Ефремова и датируется 146—114/110 гг. (Jefremow 1995: 189, Nr. 399—400 — эмблема указана неверно, как «лист»). Второе клеймо (№ I-Kn.2) в отсутствие протирки надёжно прочитать не удалось, но его книдская принадлежность не вызывает сомнения, а наличие характерной для фабрикантов Драконта и Драконтомена рамки позволяет отнести его к IV (215—166 гг.) или V (166—146 гг.) хронологической группе (рис. 10: 2; 4: 1—4). Таким образом, данные образцы являются для нас эталонными при характеристике всех экземпляров, вошедших в петрографическую группу В. Особо подчеркнем, что по своему минералогическому составу формовочная масса данных образцов аналогична образцу № 20 (табл. 2).

Кроме них в нее вошли образцы с пяти сосудов. Один из сколов (№ 53) взят с амфоры «геленджикского» варианта (рис. 10: 3; 4: 13—16), хранящейся в Геленджикском музее (Монахов 2003: 102—103, табл. 71: 5). Обстоятельства находки неизвестны, датировка

[1] Чтение и атрибуция клейм выполнены Н.В. Ефремовым, за что мы выражаем ему свою благодарность.

определяется в пределах середины — третьей четверти IV в. до н.э. К этому же времени относится и амфора (обр. № 97; рис. 10: 4; 5: 1—4) того же варианта из Киевского музея (Монахов 2003: 102—103, табл. 71: 7). Образец № 221 взят с амфоры без ножки, находящейся на хранении в Краснодарском музее, место ее обнаружения неизвестно (Монахов и др. 2022: 139, Kn.14). На одной из ручек оттиснуто круглое рельефное клеймо «Е» (рис. 10: 5; 5: 9—11), подобные оттиски в последние годы относят к производству Книда (Ефремов 2018: 551, LX.1). Сам сосуд относится к «пифоидному» варианту (II-B) книдской тары «с коническим горлом и кубаревидной ножкой» (Монахов 2003: 304, табл. 74: 5). К этому же варианту принадлежит и фрагментированная амфора (обр. № 20) без горла из погр. № 25 некрополя Горгиппии (рис. 10: 7; 4: 9—12; Монахов 1999: 444—446, табл. 193: 2). Наконец, в петрографическую группу B попал и образец № 282 с амфоры из погр. № 381в восточного могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 10: 6; 5: 12—15)[2]. Сосуд представляет собой полностандартный неклейменый экземпляр того же варианта книдской тары (Монахов и др. 2022: 54—56, 143, Kn.22).

Отдельно следует остановиться еще на двух керамических образцах, вошедших в рассматриваемую петрографическую группу. Один из них (№ 180) получен с амфоры из погребения № 2 кургана № 2 Прикубанского некрополя (Монахов и др. 2021: 214, Un.2). У сосуда массивный грибовидный венец, высокое расширяющееся к плечам горло, пифоидное тулово и ножка с глубокой полусферической выемкой (рис. 10: 8; 5: 5—8). По характерному набору морфологических признаков такие сосуды были выделены С.Ю. Монаховым в «рыжановский» вариант (Монахов 2003: 28—29, табл. 16: 1, 2). Подобные амфоры традиционно объединяются в условный тип «Солоха I», место их изготовления остается неизвестным.

В свое время фрагментированная амфора из ямы № 4/1988 г. Елизаветовского городища (обр. № 270; рис. 10: 9; 5: 16—19) с клеймом ΚΛΕΩ (Монахов 2003: 29, табл. 16: 4) была отнесена к продукции Самоса, аналогов клейму нам найти не удалось. Однако образец керамики с нее, также как и с предыдущего экземпляра № 180, по минеральному составу вошел в петрографическую группу B книдских амфор. Внешне указанные амфоры имеют отдельные общие черты с классической тарой Книда, однако, несмотря на полученные результаты минералого-петрографического анализа, отнесение их к книдским мастерским вызывает сомнения. Подтвердить или опровергнуть полученные выводы могут только дальнейшие исследования формовочной массы с привлечением образцов амфор других производственных центров.

Что касается остальных описанных экземпляров, вошедших в петрографическую группу B, можно уверенно говорить о том, что все они были изготовлены в Книде. Особую значимость имеет тот факт, что представленные в данной выборке сосуды охватывают широкий хронологический промежуток — с последней трети IV по конец II в. до н.э. Доказательством локализации являются три клейма, вошедшие в рассматриваемую группу, в одном из которых присутствует этникон. Благодаря исследованиям керамических мастерских Книдского полуострова, проведенным Ж.-И. Амперером и М. Пиконом в первой половине 1980-х гг., мы можем достаточно уверенно определить место изготовления по крайней мере одного сосуда. Во время обследования свалок им удалось установить место работы фабриканта Ἐπιφάνης, чье имя присутствует в нашем клейме (образец № I-Kn.3). Его мастерская находилась в местечке Решадие (Reṣadie) и функционировала более четверти века (Empereur, Picon 1986: 120, fig. 23, 26).

Как уже было сказано выше, здесь же в Решадии были обнаружены и многочисленные клейма с монограммой «ΠΑΘ». Два фрагментированных сосуда с подобными оттисками на ручках вошли в нашу петрографическую группу A. Следовательно, велика вероятность того, что обе петрографические группы (A и B) книдских амфор связаны именно с этим производственным местом. Здесь на площади более 1 км^2 были зафиксированы несколько

[2] Благодарим Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко за предоставленные образцы.

мастерских, существовавших на протяжении, как минимум второй половины IV в. до н.э. — VI в. н.э. (Empereur, Picon 1986: 119, fig. 23; Tuna 2012: 42; Sakarya 2019: 323). Фиксируемые отличия минерального состава обеих групп могут объясняться геологическими особенностями данного региона. По наблюдениям турецкого исследователя Н. Туны, в керамических мастерских использовались различные виды глин из залежей[3], сформировавшихся с близлежащих склонов под воздействием различных ветров между двумя руслами ручьев. Кроме того, между двумя руслами могли образоваться отложения вулканического пепла (Tuna 1990: 358). Полученные в ходе нашего исследования выводы также подтверждают это предположение.

В **группу С**, имеющую некоторые близкие характеристики с первыми двумя группами, но все же значительно отличающуюся по компонентному составу, попали 4 образца. Два фрагмента принадлежат амфорам из погр. № 88 (Монахов и др. 2021: 215, Un.3) и № 202 (Монахов и др. 2021: 197, Kn.7) Прикубанского некрополя. Первый сосуд (обр. № 158) представляет собой крупный пифоид на широкой остроребернoй ножке, с высоким расширяющимся книзу горлом и слегка отогнутым наружу грибовидным венцом (рис. 11: 1; 6: 9—12). Вторая фрагментированная амфора (обр. № 165), при публикации отнесенная к продукции Книда, также имеет грибовидный венец, пифоидное тулово и широкую остроребернyю ножку с глубокой выемкой (рис. 11: 2; 6: 5—8).

Еще один образец, вошедший в группу С, происходит с монограммного клейма (№ I-Kn.1, рис. 11: 3; 6: 1—4)[4]. Четвёртый образец получен с ручки, на которой оттиснуто прямоугольное клеймо с изображением двух виноградных гроздей, вертикально разделенных веткой (№ 279, рис. 11: 4; 6: 13—16). Такие штампы в настоящее время относят к ранним клеймам Книда (Болонкина и др. 2019: 299, 317, № КН 89.1—89.3, табл. 9 -КН 89.1). Сопоставление компонентного состава образцов вышеописанных групп позволяет с высокой долей уверенности говорить о том, что *сколы группы С не имеют отношения к книдским мастерским*. Более того они, по всей видимости, были изготовлены в разных центрах. Впрочем, мы не можем до конца исключить возможность изготовления этих сосудов в другом районе довольно протяжённого Книдского полуострова. Однако в настоящее время у нас нет оснований связывать экземпляры, вошедшие в «группу С», с продукцией книдских мастерских.

Наконец, **группа D** выделяется большим разнообразием минерального состава формовочных масс вошедших в нее образцов (табл. 3). Компонентный состав шлифов отличается не только от состава образцов остальных трех групп, но и внутри самой группы D. Именно в неё вошли сколы с двух клейм других центров производства — Родоса (обр. № 277) и Херсонеса Таврического (обр. № I.ChT.5)[5]. Отметим, что образец № 277 взят с фрагмента амфоры с клеймом СΩТА 280—270-х гг. до н.э. (рис. 12: 6; 8: 1—3), отнесенного С.Ю. Монаховым к типу «бенаки» (Монахов 2003: 121, табл. 85 -3). Херсонесский экземпляр получен с клейма «[ἀστυ]νομοῦ|ντος Νικασι|τείμ[ου τοῦ] | [Πυθο(...)]» (рис. 12: 7; 8: 4—6), датирующегося 192 г. до н.э. (Кац 1994: табл. XXXVI. 1-84; 2007: 443, прил. X.3, № 32)[6].

Помимо клейменых образцов, место изготовления которых надежно устанавливается благодаря имеющимся штампам, в группу D вошли три сосуда, отдельные морфологические

[3] Различия в формовочной массе прослеживаются не только для тарной, но и для простой керамики (Tuna 2003: 49).

[4] Н.В. Ефремов, отметив отсутствие аналогий, высказал две возможные версии происхождения данного оттиска: 1) Аканф (со ссылкой на нечто похожее у Panagou 2010: ΑΚΑΝΘΟΣ. Εικ. 17), предполагая, что в нашем оттиске мы также имеем дело с некоей стилизацией дельфина; 2) группа II ранних оттисков Книда с возможной монограммой KI.

[5] Образец с Родоса в дальнейшем был отнесен петрологом к группе родосских глин на основании полученных данных при анализе сколов с родосских амфор. Херсонесский образец идентифицируется благодаря сохранившейся легенде клейма, так как в проанализированной нами выборке образцы херсонесских амфор отсутствуют.

[6] Выражаем искреннюю признательность Н.В. Ефремову за прочтение клейма.

черты которых напоминают тару Книда, но общая форма и визуальные особенности глины заставляют сомневаться в их книдском происхождении. Среди них амфора (обр. № 281) из погр. № 381в могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 12: 1; 7: 10—12), обнаруженная в 2020 г. вместе с амфорой Книда «пифоидного» типа и богатым набором другого инвентаря (Кузнецова и др. 2022b: 139—151). О книдской амфоре из этого захоронения говорилось выше (№ 282), здесь отметим, что интересующий нас *образец № 281 не имеет к книдскому производству никакого отношения*. В дальнейшем, в ходе изучения партии образцов, предположительно относящихся к продукции Коса, был обнаружен полный петрографический аналог данного скола — образец № 287 (рис. 7: 13—15). Он был получен с фрагментированной амфоры, найденной в 2022 г. в ходе раскопок поселения 3 у ст-цы Тамань (рис. 12: 2). Этот экземпляр относится к варианту V-B косской тары и датируется концом II — первой третью I в. до н.э. (Монахов 2014: 214, рис. 12: 56, 57).

Кроме того, в группе D оказался образец № 182, взятый с амфоры из погр. № 192 Прикубанского некрополя (Монахов и др. 2021: 217, Un.8). У сосуда небольшой грибовидный нависающий венец, короткое горло, отделенное от плеч уступом и кубаревидная ножка (рис. 12: 3; 7: 4—6). Весьма близкие морфологические характеристики имеет и амфора из погребения № 206 того же некрополя (Монахов и др. 2021: 216, Un.6) — образец № 269 (рис. 12: 4; 7: 7—9). Минеральный состав данного экземпляра отличается и от № 182 и от всех остальных образцов группы D. Наконец, последний образец № 143 из этой группы принадлежит амфоре из погр. № 66 некрополя Мирмекия (рис. 12: 5; 7: 1—3), при последней публикации отнесенная к «кругу Коса» (Монахов и др. 2019: 164, Ks-c.2). Благодаря проведенному минералого-петрографическому исследованию можно уверено говорить о том, что *данный сосуд, как и все остальные, не был изготовлен в мастерских Книда*.

Таким образом, отличия, выявленные в ходе исследования образцов, вошедших в группы C и D, позволяют утверждать, что сосуды, с которых они получены, *были изготовлены в мастерских, лежащих за пределами Книдского полуострова.*

Для проверки достоверности данных минералого-петрографического исследования, они были сопоставлены с результатами анализа основного и микропримесного элементного состава, выполненного методами растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским анализом, масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (Мандрыкина и др. 2021). К сожалению, сравнение возможно было провести только на примере семи образцов. Тем не менее, оно показало, что полученные разными методиками данные очень близки. Из группы образцов по содержанию микропримесных компонентов выделяются фрагменты 55 и 90, принадлежащие двум разным типам амфор. Оба экземпляра имеют клейма ΠΑΘ, принадлежность которых к производству Книда не вызывает сомнения. В связи с этим можно уверенно говорить о том, что данные сосуды были изготовлены в одной мастерской, либо в двух разных мастерских, расположенных близко друг другу и использовавших один источник добычи глины. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что выявленные различия в микропримесном составе связаны с присутствием включений минералов, добавленных в тесто в качестве отощителя. Важно, что полученные разными методиками очень близкие результаты доказывают правильность отнесения всех сосудов этой небольшой выборки к продукции Книда[7]. При этом подтверждается, что минералого-петрографические исследования дают

[7] Среди образцов, подвергшихся анализу микропримесного состава, присутствовали и сколы с двух клейм (№ 22в и 128) с эмблемой «нос корабля» (Мандрыкина и др. 2021: 716, табл. 2). На момент публикации в нашем распоряжении отсутствовали фотографии оттисков, поэтому пришлось ограничиться лишь расшифровкой их легенд. Однако, разбирая архив В.И. Каца, удалось обнаружить старые фотографии этих клейм, по которым можно уверенно восстановить их легенды: 1 (№ 22в) — Πασι|κρά(---) ← прора (Ефремов и др. 2023: рис. 5 — XXVa.31); 2 (№ 128) — Παυσ|ίμα(χος) ← прора (Ефремов и др. 2023: рис. 5 -XXVIc.11). К сожалению, образцы

достаточно надежные данные, которые можно использовать для определения происхождения сосудов (Кузнецова и др. 2023b: 645—652).

Таким образом, проведенное минералого-петрографического исследование 32 образцов тканей амфор позволило выделить четыре различные группы формовочной массы. Сосуды и клейма, вошедшие в группы A и B, могут быть уверенно отнесены к производству Книда. Локализация доказывается наличием в обеих группах клейм, чье книдское происхождение не вызывает сомнения. Более того, опираясь на результаты сборов и археологических раскопок, проводившихся в местечке Решадие, можно утверждать, что амфоры обеих групп были изготовлены именно в этом районе, где на сравнительно небольшой площади сконцентрировано значительное количество керамических, в том числе, амфорных мастерских. Исследователям удалось установить, что производство тарной керамики осуществлялось здесь на протяжении нескольких столетий, начиная с IV в. до н.э. вплоть до позднеримского периода. При этом о нижней дате появления амфорных мастерских авторы могут говорить, опираясь только на найденные в ходе исследования территории клейма. Огромное количество обнаруженных здесь профильных фрагментов — венцов и ножек — не дает узкой даты. Благодаря проведенному минералого-петрографическому исследованию книдских сосудов мы можем уверенно говорить о том, что изготовление амфорного тары в мастерских Решадие началось, как минимум, в середине IV в. до н.э. Нельзя исключить при этом возможность существования мастерских и в более раннее время, но на сегодняшний у нас нет никаких оснований утверждать это уверенно.

Относительно петрографических групп C и D отметим, что мы также достаточно уверенно можем констатировать, что вошедшие в них сосуды и клейма были изготовлены за пределами Книдского полуострова. Расширение источниковой базы исследования, привлечение дополнительных образцов не только с книдских амфор и клейм, но и с сосудов, произведенных в мастерских близлежащих полисов, позволит в дальнейшем уточнить полученные нами выводы, а в отдельных случаях и локализовать сосуды, чье место изготовления в настоящий момент остается неустановленным.

Литература

Амперер Ж.И., Гарлан И. 1992. Греческие амфорные мастерские. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры*. Саратов: Саратовский университет, 8—32.

Болонкина Е.В., Ефремов Н.В., Колесников А.Б. 2019. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда. *Античный мир и археология* 19, 275—317.

Ефремов Н.В. 2018. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда. В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону: Археологическое общество «Наследие», 542—561.

Ефремов Н.В., Колесников А.Б., Болонкина Е.В. 2023. Керамические клейма Книда с эмблемой «нос корабля» (хронологическая группа Iб). *Античный мир и археология* 21, 285—340.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения).* Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Центр археологических исследований «Деметра».

Кац В.И., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю. 2005. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фанталовского полуострова. В: Марченко И.И. (ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады*. Краснодар: Символика, 107—118.

были очень малы и после элементного состава от них ничего не осталось, в связи с чем проведение их минералого-петрографического изучения было невозможно.

Круг О.Ю. 1965. Применение петрографии в археологии. В: Колчин Б.А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, 146—151.

Кузнецова Е.В. 2020. Книдские амфоры IV в. до н.э. из меотских могильников Прикубанья: уточнение хронологии. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 101—107.

Кузнецова Е.В., Растегаева М.Н. 2022. Петрографическое изучение глин амфор: характеристика коллекции образцов. В: Зайков А.В. (отв. ред.). *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Севастополь, 25—29 сентября 2022 г*. Симферополь: ООО «Антиква», 109—113.

Кузнецова Е.В., Растегаева М.Н., Шелепов Д.А. 2022. Петрографическое изучение глин античных амфор: основные задачи проекта. В: Хайрединова Э.А., Яцишина Е.Б. (ред.). *Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами. Материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь, 5—7 октября 2022 г*. Симферополь: ООО «Антиква», 62—68.

Кузнецова и др. 2022: Кузнецова Е.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю. 2022. Погребение с книдскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2. *КСИА* 267, 139—152.

Кузнецова Е.В., Шелепов Д.А., Андрушкевич С.О. 2023a. Петрографический анализ формовочной массы амфор из погребения № 381*в* могильника Старокорсунского городища № 2. *КСИА* 272, 276—289.

Кузнецова Е.В., Шелепов Д.А., Андрушкевич С.О. 2023b. Сравнительный анализ результатов изучения теста книдских амфор различными естественно-научными методами. *Российские нанотехнологии* 18 (5), 645—652.

Мандрыкина и др. 2021: Мандрыкина А.В., Кварталов В.Б., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю., Терещенко Е.Ю., Алексеева О.А. 2021. Сравнительный анализ элементного состава античной керамики из Книда и Коса: уточнение локализации. *Российские нанотехнологии* 16 (5), 711—730.

Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю. 2007. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005—2006 гг. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 7, 151—392.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus* 3, 195—222.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2021. Уточненная хронология книдских амфор IV — начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани. *Stratum plus* 3, 183—205.

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог.* Саратов: Амирит.

Монахов и др. 2021: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. *Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына).* Саратов: ООО «Волга».

Монахов и др. 2022: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. *Амфоры VII—I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына*. Саратов: Амирит.

Растегаева М.Н. 2022. Керамическая петрография: история метода и современное состояние. *МАИАСП* S1, 110—125.

Сайко Э.В., Кузнецова Л.В. 1977. *Методологические основы исследования древней керамики*. Москва: Информационный центр по проблемам культуры и искусства.

Чурекова Н.Б. 2022. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Поселение 3» у ст-цы Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края в 2022 году по открытому листу № 1100-2022. Саратов.

Börker C. 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. *BCH.* Suppl. XIII, 473—478.

Doksanaltı E.M., Karaoğlan İ., Zoroğlu C. 2019. The small Knidian amphora types. *HEROM. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture*, 283—316.

Empereur J.-Y. 1988. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadiye (peninsule de Datça). *Araştirma Sonuçlari Toplantisi* VI, 159—163.

Empereur J.-Y., Picon M. 1986. A la Recherche D'Amphores. *BCH.* Suppl .XIII, 103—126.

Fulford H.G., Peacock D.P.S. 1984. *The Avenue du Président Habib Bourguiba, Salammbo. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site.* In: *Excavations of Carthago* 1.2. Sheffield: University of Sheffield Department of Prehistory and Archaeology for the British Academy.

Grace V. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* 3, 197—310.

Jefremow N.V. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Tuduv-Verl.

Kuznetsova E.V., Monakhov S.Yu. 2023. Knidian Amphorae of the 4th — Early 3rd Centuries BC from the Maeotian Necropoleis of the Kuban. *PROPONTICA* 1 (1)/ 47—82.

Mandrykina et al. 2021: Mandrykina A.V., Kvartalov V.B., Kuznetsova E.V., Monakhov S.Yu., Tereschenko E.Yu., Alekseeva O.A. 2021. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos: Clarification of Localization. *Nanobiotechnology Reports* 16 (5), 684—703.

Pridik E. 1896. Amphorenstempel aus Athen, *AthMitt* 21, 127—187.

Riederer J. 2004. Thin Section Microscopy Applied to the Study of Archaeological Ceramics. *Hyperfine Interactions* 154, 143—158.

Sakarya I. 2016. *Trade Relations of Ancient Burgaz from Archaic to mid of 4th Centuries: the Amphorae Evidence within the Domestic Contexts*. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Department of Settlement Archaeology.

Sakarya İ., Atıcı N., Tuna N. 2019. Knidian amphorae of the Hellenistic and Late Roman Periods at Burgaz (Palaia Knidos). *HEROM. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture* 8, 317—339.

Tuna N. 1990. Datça yarımadası'nda Hellenistik dönem amphora üretim merkezleri. *X. Türk Tarih Kongresi'nden ayrıbasım.* Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevı, 229—242, 347—371.

Tuna, N. 2003. Datça/Reşadiye Seramik atölyelerinde Hellenistik dönem günlük seramik üretemi. In: C. Abadie-Reynal (ed.), *Les Ceramiques en Anatolie aux Epoques Hellenistique et Romaine. Actes de la Table Ronde d'Istanbul*, 22—24 mai 1996. Istanbul; Paris: De Boccard, 45—54.

Tuna N. 2012. *Knidos Teritoryumu'nda Arkeolojik Araştırmalar.* Ankara: Aydan Yayıncılık Sanayi Ticaret A. Ş.

Tuna N., Empereur J.-Y., Picon M., Doger E. 1987. Raport préliminaire de la prospection archéologique turko-française des ateliers d'amphores de Reşadie — Kiliseyani, sur la péninsule de Datça (15 juillet — 3 aoŭt 1986). *Anatolia Antiqua* I, 47—52.

Whitebread I.K. 1995. *Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study*. Athens: The British School at Athens.

References

Amperer, Zh.I., Garlan, I. 1992. In: Kats, V.I., Monakhov, S.Yu. (eds.). *Grecheskie amfory (Greek amphora workshops)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 8—32 (in Russian).

Bolonkina, E.V., Efremov, N.V., Kolesnikov, A.B. 2019. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 19, 275—317 (in Russian).

Efremov, N.V. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'ye v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 70-letiyu professora V.P. Kopylova (The Black Sea region in ancient and early medieval times. Collection of scientific papers dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov)*. Rostov-on-Don: Arkheologicheskoye obshchestvo "Naslediye", 542—561 (in Russian).

Efremov, N.V., Kolesnikov, A.B., Bolonkina, E.V. 2023. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 21, 285—340 (in Russian).

Kats, V.I. 1994. *Keramicheskiye kleyma Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue-identifier)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Kats, V.I. 2007. *Grecheskiye keramicheskiye kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) (Greek ceramic stamps of the classical and Hellenistic periods (an attempt at a comprehensive study))*. Simferopol; Kerch: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya NANU; Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy "Demetra" (in Russian).

Kats, V.I., Kuznetsova, E.V., Monakhov, S.Yu. 2005. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady (The Fourth Kuban Archaeological Conference. Abstracts and reports)*. Krasnodar: Simvolika, 107—118 (in Russian).

Krug, O.Yu. 1965. In: Kolchin, B.A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and natural sciences)*. Moscow: Nauka, 146—151 (in Russian).

Kuznetsova, E.V. 2020. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo M.I. Rostovtseva. Vzglyad iz XXI veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon. Bosporan kingdom of M. I. Rostovtseva. A view from the 21st century. Proceedings of the international scientific conference)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 101—107 (in Russian).

Kuznetsova, E.V., Rastegaeva, M.N. 2022. In: Zaykov, A.V. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sevastopol', 25—29 sentyabrya 2022 g. (History and archeology of the Northern Black Sea region in the ancient and medieval eras. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Sevastopol, September 25—29, 2022).* Simferopol: OOO "Antikva", 109—113 (in Russian).

Kuznetsova, E.V., Rastegaeva, M.N., Shelepov, D.A. 2022. In: Khayredinova, E.A., Yatsishina, E.B. (eds.). *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya ob"yektov kul'turnogo naslediya yestestvenno-nauchnymi metodami. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Simferopol', 5—7 oktyabrya 2022 g. (Interdisciplinary studies of cultural heritage sites by natural science methods. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Simferopol, 5—7 October 2022)*. Simferopol: OOO "Antikva", 62—68 (in Russian).

Kuznetsova et al. 2022: Kuznetsova, E.V., Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I., Monakhov, S.Yu. 2022. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 267, 139—152 (in Russian).

Kuznetsova, E.V., Shelepov, D.A., Andrushkevich, S.O. 2023a. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 272, 276—289 (in Russian).

Kuznetsova, E.V., Shelepov, D.A., Andrushkevich, S.O. 2023b. In *Rossiyskie nanotekhnologii (Russian Nanotechnologies)* 18 (5), 645—652 (in Russian).

Mandrykina et al. 2021: Mandrykina, A.V., Kvartalov, V.B., Kuznetsova, E.V., Monakhov. S.Yu., Tereshchenko, E.Yu., Alekseeva, O.A. 2021. In *Rossiyskie nanotekhnologii (Russian Nanotechnologies)* 16 (5), 711—730 (in Russian).

Marchenko, I.I., Bochkovoy, V.V., Kononov, V.Yu. 2007. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and studies on the archeology of Kuban)* 7, 151—392 (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye: kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek amphorae in the Black Sea region: ceramic container complexes of the 7th — 2nd centuries BCE)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye: tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare (Greek amphorae in the Black Sea region: amphora typology of the leading centers exporting goods in ceramic containers)*. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2014. In *Stratum plus* 3, 195—222 (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2021. In Stratum plus 3, 183—205 (in Russian).

Monakhov et al. 2019: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (Antique amphora collection of the State Hermitage Museum of the 6th — 2nd centuries BCE. Catalogue)*. Saratov: Amirit (in Russian).

Monakhov et al. 2021: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV — nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna) (Amphoras of the Prikuban necropolis of the 4th — early 3rd century BCE (from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn))*. Saratov: OOO "Volga" (in Russian).

Monakhov et al. 2022: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. *Amfory VII—I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsynav (Amphoras of the 7th — 1st centuries BCE from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)*. Saratov: Amirit (in Russian).

Rastegayeva, M.N. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 110—125 (in Russian).

Sayko, E.V., Kuznetsova, L.V. 1977. *Metodologicheskiye osnovy icsledovaniya drevney keramiki (Methodological foundations of the study of ancient ceramics)*. Moscow: Informatsionnyy tsentr po problemam kul'tury i iskusstva (in Russian).

Churekova, N.B. 2022. Otchet o provedenii arkheologicheskikh polevykh rabot na territorii ob"yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Poseleniye 3» u st-tsy Taman' v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2022 godu po otkrytomu listu № 1100-2022. Saratov.

Börker, C. 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. *BCH.* Suppl. XIII, 473—478.

Doksanaltı, E.M., Karaoğlan, İ., Zoroğlu, C. 2019. The small Knidian amphora types. *HEROM. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture*, 283—316.

Empereur, J.-Y. 1988. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadiye (peninsule de Datça). *Araştirma Sonuçlari Toplantisi* VI, 159—163.

Empereur, J.-Y., Picon, M. 1986. A la Recherche D'Amphores. *BCH*. Suppl .XIII, 103—126.

Fulford, H.G., Peacock, D.P.S. 1984. *The Avenue du Président Habib Bourguiba, Salammbo. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site.* In: *Excavations of Carthago* 1.2. Sheffield: University of Sheffield Department of Prehistory and Archaeology for the British Academy.

Grace, V. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* 3, 197—310.

Jefremow, N.V. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Tuduv-Verl.

Kuznetsova, E.V., Monakhov, S.Yu. 2023. Knidian Amphorae of the 4th — Early 3rd Centuries BC from the Maeotian Necropoleis of the Kuban. *PROPONTICA* 1 (1)/ 47—82.

Mandrykina et al. 2021: Mandrykina, A.V., Kvartalov, V.B., Kuznetsova, E.V., Monakhov, S.Yu., Tereschenko, E.Yu., Alekseeva, O.A. 2021. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos: Clarification of Localization. *Nanobiotechnology Reports* 16 (5), 684—703.

Pridik, E. 1896. Amphorenstempel aus Athen, *AthMitt* 21, 127—187.

Riederer, J. 2004. Thin Section Microscopy Applied to the Study of Archaeological Ceramics. *Hyperfine Interactions* 154, 143—158.

Sakarya, I. 2016. *Trade Relations of Ancient Burgaz from Archaic to mid of 4th Centuries: the Amphorae Evidence within the Domestic Contexts*. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Department of Settlement Archaeology.

Sakarya, İ., Atıcı, N., Tuna, N. 2019. Knidian amphorae of the Hellenistic and Late Roman Periods at Burgaz (Palaia Knidos). *HEROM. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture* 8, 317—339.

Tuna, N. 1990. Datça yarımadası'nda Hellenistik dönem amphora üretim merkezleri. *X. Türk Tarih Kongresi'nden ayrıbasım.* Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevı, 229—242, 347—371.

Tuna, N. 2003. Datça/Reşadiye Seramik atölyelerinde Hellenistik dönem günlük seramik üretemi. In: C. Abadie-Reynal (ed.), *Les Ceramiques en Anatolie aux Epoques Hellenistique et Romaine. Actes de la Table Ronde d'Istanbul*, 22—24 mai 1996. Istanbul; Paris: De Boccard, 45—54.

Tuna, N. 2012. *Knidos Teritoryumu'nda Arkeolojik Araştırmalar*. Ankara: Aydan Yayıncılık Sanayi Ticaret A. Ş.

Tuna, N., Empereur, J.-Y., Picon, M., Doger, E. 1987. Raport préliminaire de la prospection archéologique turko-française des ateliers d'amphores de Reşadie — Kiliseyani, sur la péninsule de Datça (15 juillet — 3 aoŭt 1986). *Anatolia Antiqua* I, 47—52.

Whitebread, I.K. 1995. *Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study*. Athens: The British School at Athens.

Таблица 1. **Компонентный состав формовочной массы петрографической группы А**

Компонент/№ обр.	**18**	**19**	**55**	**90**	**166**	**168**	**219**	**278**	**280**	**275**	**187**	**I-Kn.5**
Основная масса гидрослюдисто-глинистая с пелитовым кварцем и ГОЖ	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Кварц волнистого угасания	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Кварциты	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Кварциты (яшмоиды)	■	■	■	?	■	■		■	■	■	■	
Плагиоклаз	■		■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Калиевый полевой шпат (микроклин, ортоклаз)			■									
Обломки метаморфических кварц-мусковитовых (серицитовых) пород			■									
Пироксен			▒	*ед. обл.			?					
Амфибол (рог. обманка)			▒					■				
Биотит			▒	*ед. обл.			▒					▒
Мусковит (Серицит)	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Иддингсит?			▒				?	▒				?
Обломки Гематита	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Обособления красно-коричневые (шамот)	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Кальцит крупнокристаллический			■									
Кальцит пелитоморфный	■	■	■	■	■		■	■	■	■	■	■
Карбонатная органика (обломки)			■								■	■
Пористость	5—7	5—7	~2	7—10	5—7	5-7	3—5	5—7	1—2	2—3	2—3	3—5
Псаммитовая фракция, %	1—2	1—2	1—3	1—2	2—3	1	1	2—3	1—2	1—2	1—2	1
Алевритовая фракция, %	5—7	7—10	10—15	10—15	10—15	5—7	5—7	5—7	7—10	10—15	10—15	5—7
Температура обжига, ~T°C	800—850	800—850	750	800—850	800—850	850	800—850	800—850	800—850	800—850	800—850	800—850

Таблица 2. **Компонентный состав формовочной массы петрографической группы В**

Компонент/№ обр.	**20**	**53**	**97**	**180**	**221**	**270**	**282**	**I-Kn.2**	**I-Kn.3**
Основная масса гидрослюдисто-глинистая с пелитовым кварцем и ГОЖ									
Кварц волнистого угасания									
Кварциты									
Кварциты (яшмоиды)									
Плагиоклаз									
Калиевый полевой шпат (микроклин, ортоклаз)									
Обломки метаморфических кварц-мусковитовых (серицитовых) пород									
Мусковит (Серицит)									
Иддингсит?									
Обломки Гематита							*ед. зерна		
Обособления красно-коричневые (шамот)									
Кальцит крупнокристаллический	редко						редко	редко	редко
Кальцит пелитоморфный									

Таблица 3. **Компонентный состав формовочной массы петрографических групп C и D**

Компонент/№ обр.	Группа C				Группа D						
	158	**165**	**279**	**I-Kn.1**	**143**	**182**	**269**	**281**	**287**	**277 Родос**	**I-ChT.1**
Основная масса гидрослюдисто-глинистая с пелитовым кварцем и ГОЖ											
Кварц волнистого угасания											
Кварциты											
Плагиоклаз										редко	
Калиевый полевой шпат (микроклин, ортоклаз)											
Обломки основных (средних) пород											
Обломки метаморфических кварц-мусковитовых (серицитовых) пород											
Пироксен											
Биотит								(до 5—10 %)			
Амфибол (рог. обманка)											
Обломки кислых пород											
Мусковит (Серицит)								(до 15—20 %)			
Иддингсит?											
Обломки Гематита											??
Обособления красно-коричневые (шамот)											
Кальцит крупнокристаллический											
Кальцит пелитоморфный	[8]				редко						
Карбонатная органика (обломки)											
Пористость	3	-	7—10	3—5	7-10	10	1—2	1—2	2—3	~2—3	7—10
Псаммитовая фракция, %	1	1	1	1	2—3	7		1—2	5	~2	1
Алевритовая фракция, %	10—15	10—15	15—20	20	10—15	10—15	3—5	5—7	15—20	10—15	7—10
Температура обжига, ~T°C	900	750—800	900	850	800—850	900	800—850	800—850	750—800	750—(800—850)	850

[8] Перешел в аморфное состояние.

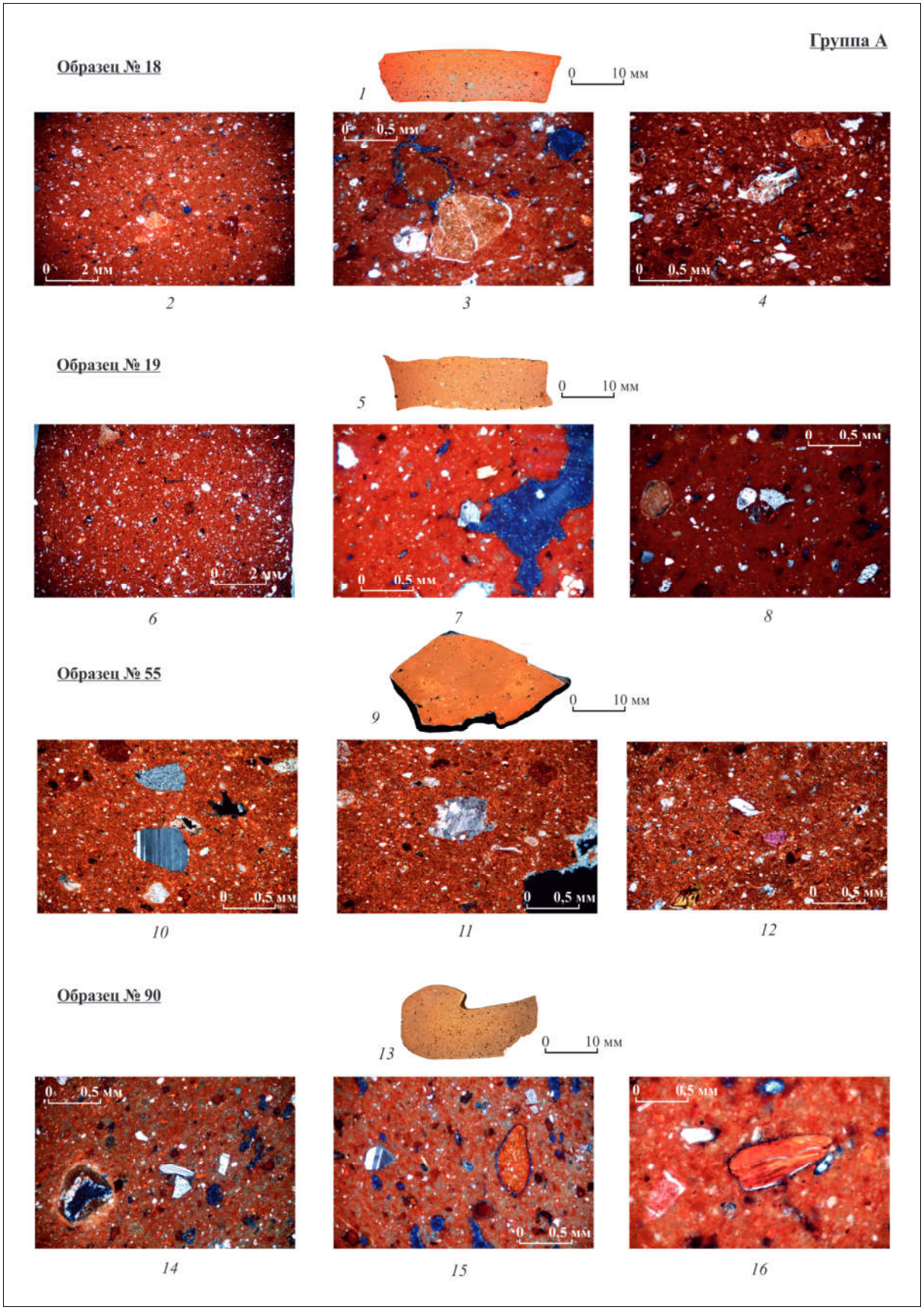


Рис. 1. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа А.

Fig. 1. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group A.

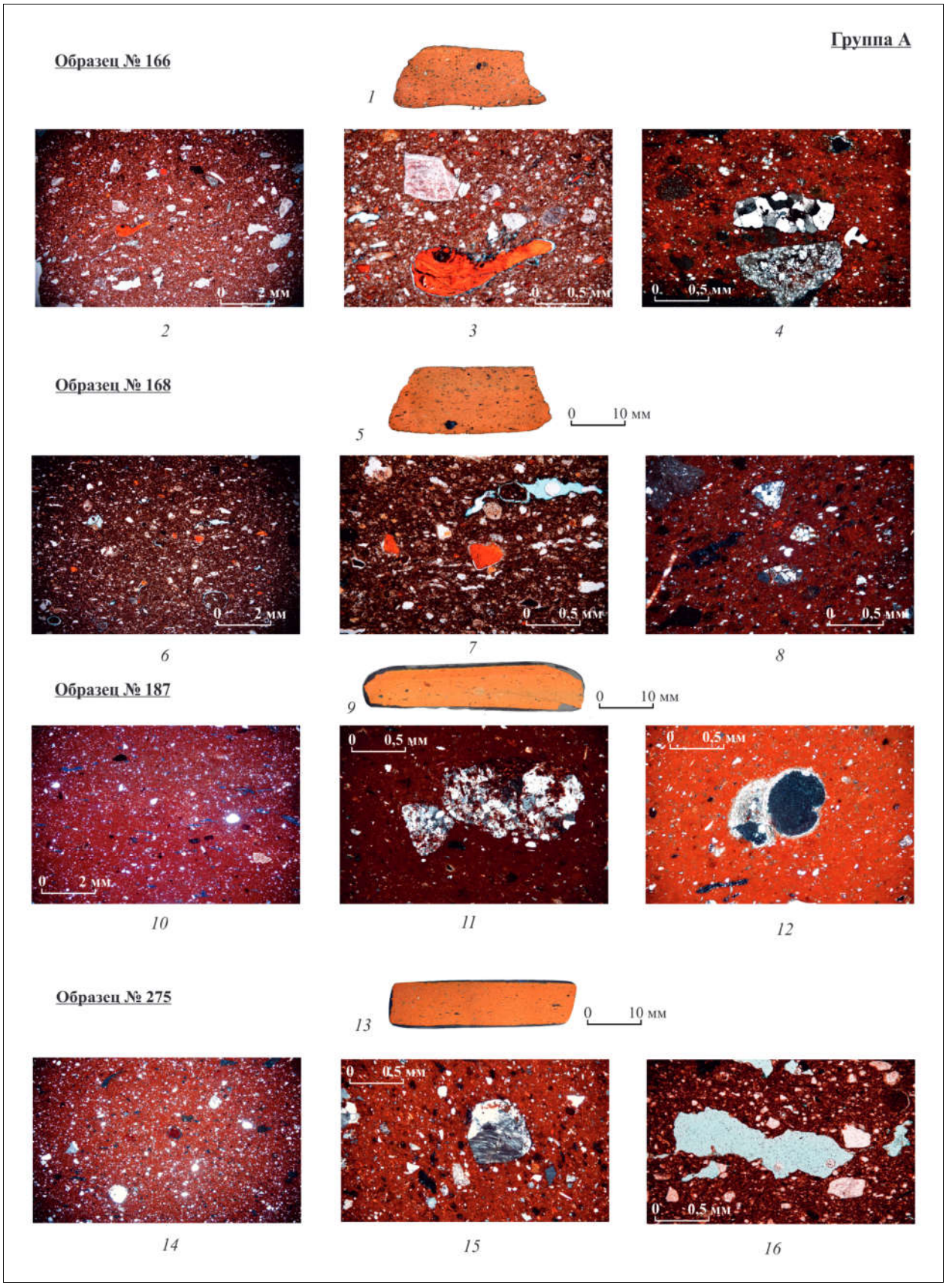


Рис. 2. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа А.

Fig. 2. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group A.

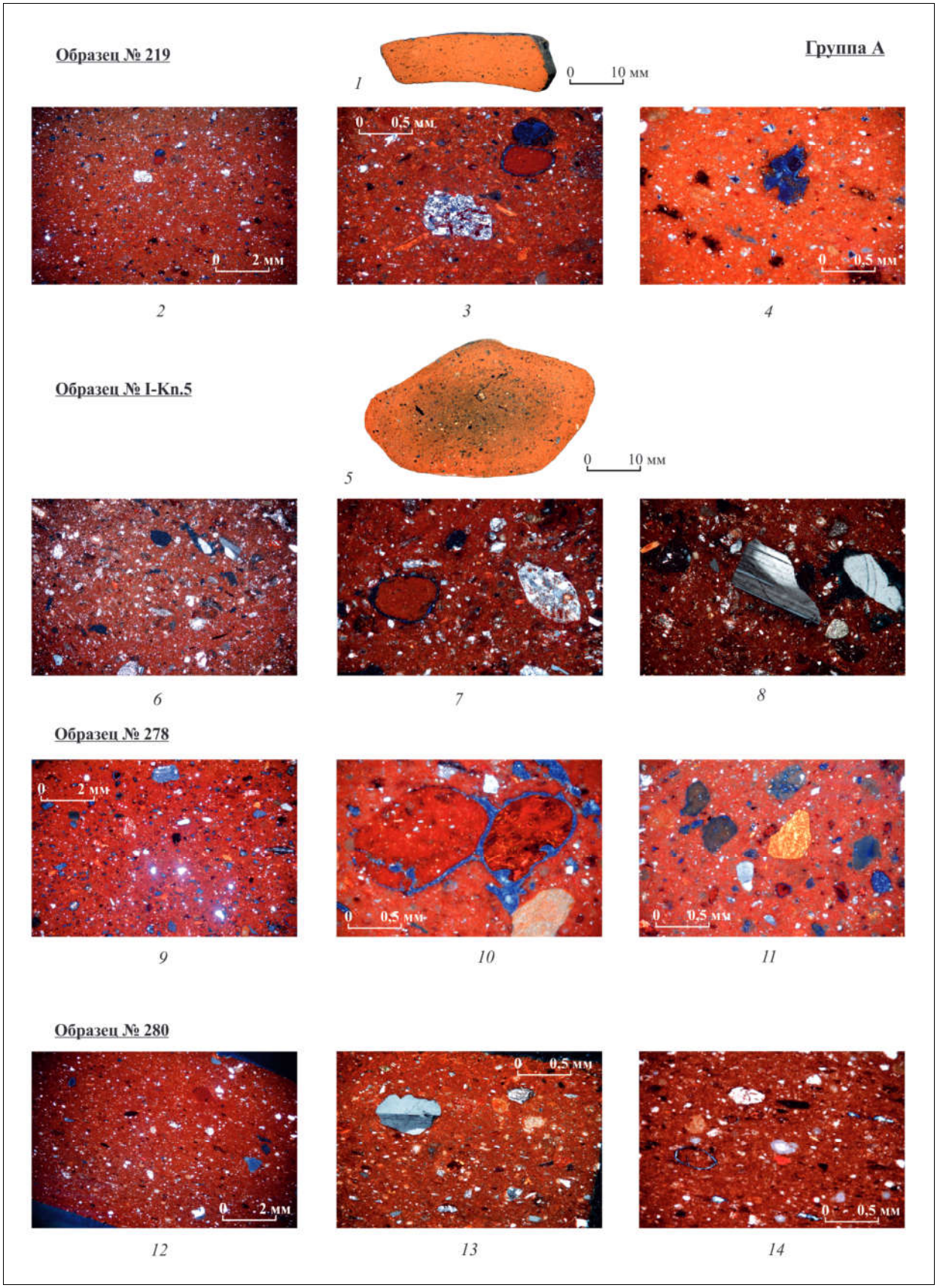


Рис. 3. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа А.

Fig. 3. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group A.

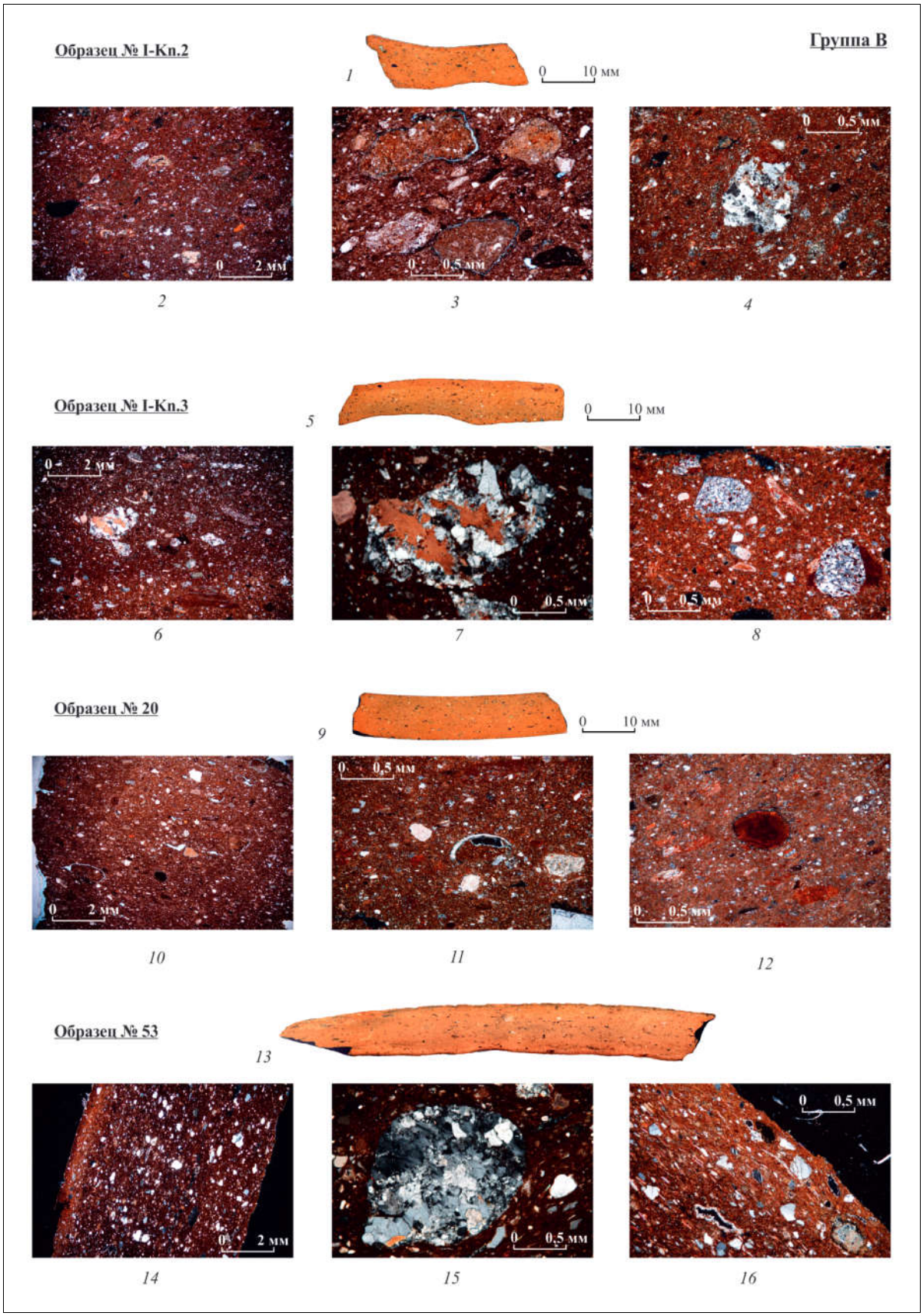


Рис. 4. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа В.

Fig. 4. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group B.

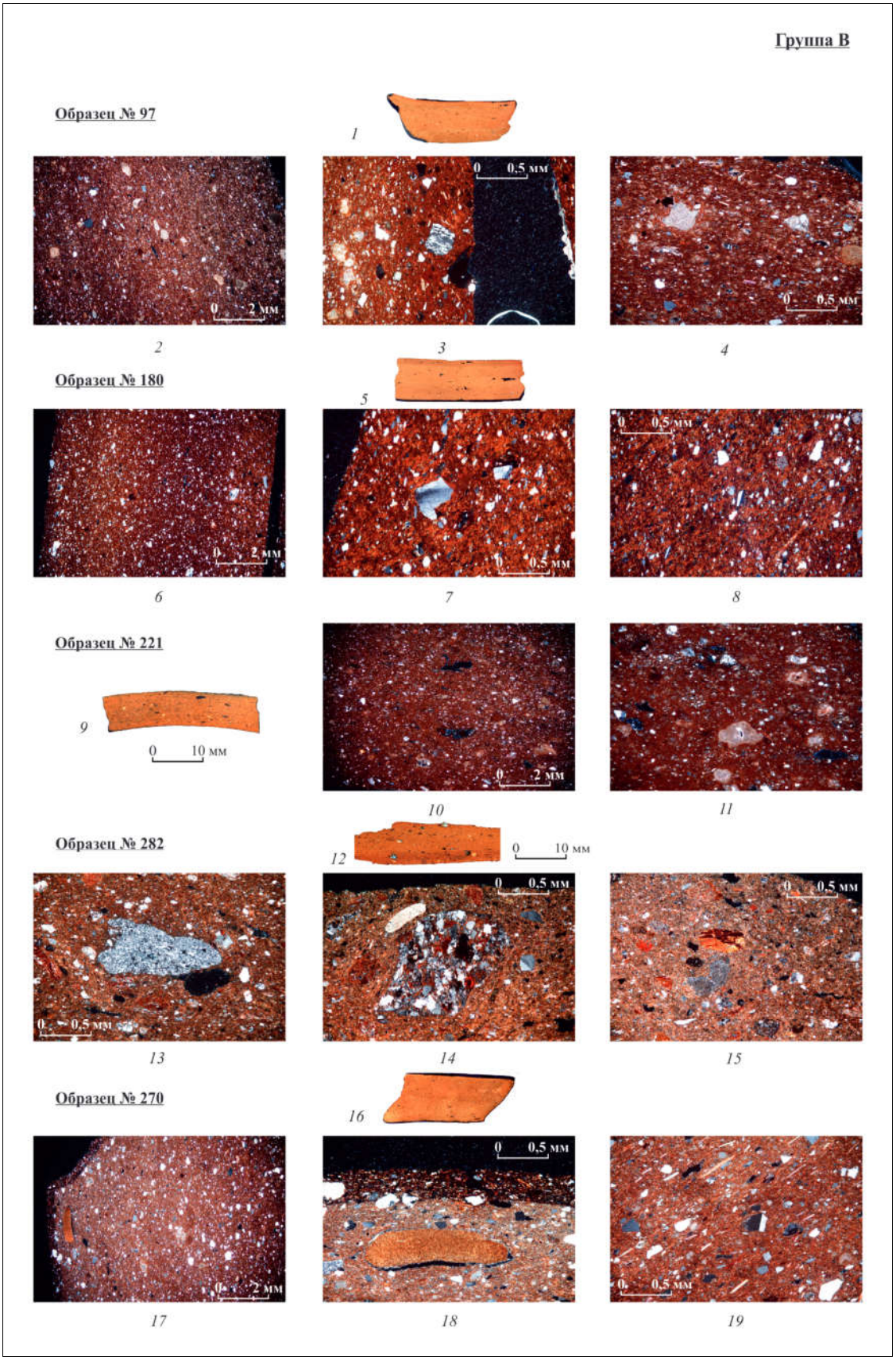


Рис. 5. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа В.

Fig. 5. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group B.

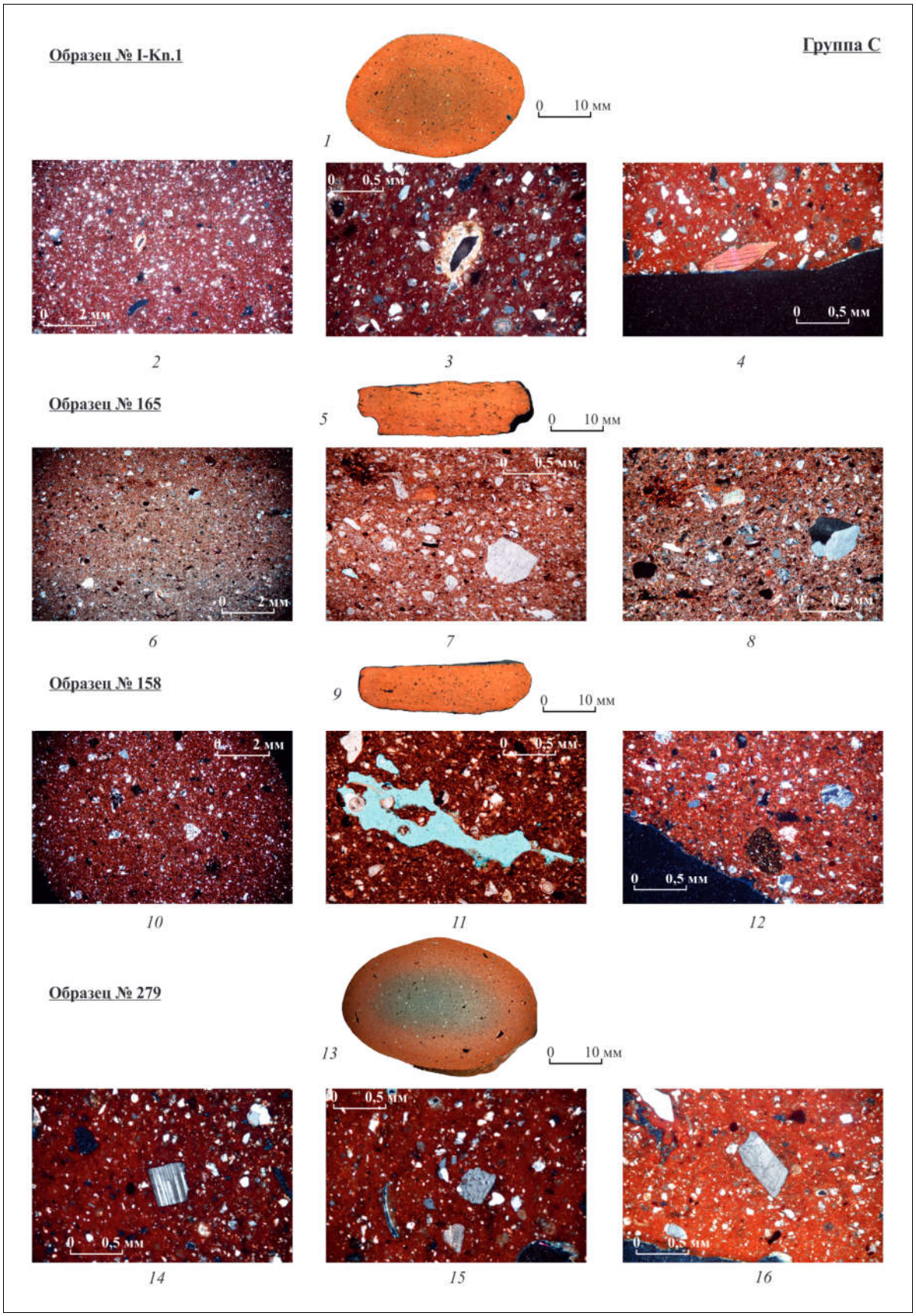


Рис. 6. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа С.

Fig. 6. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group C.

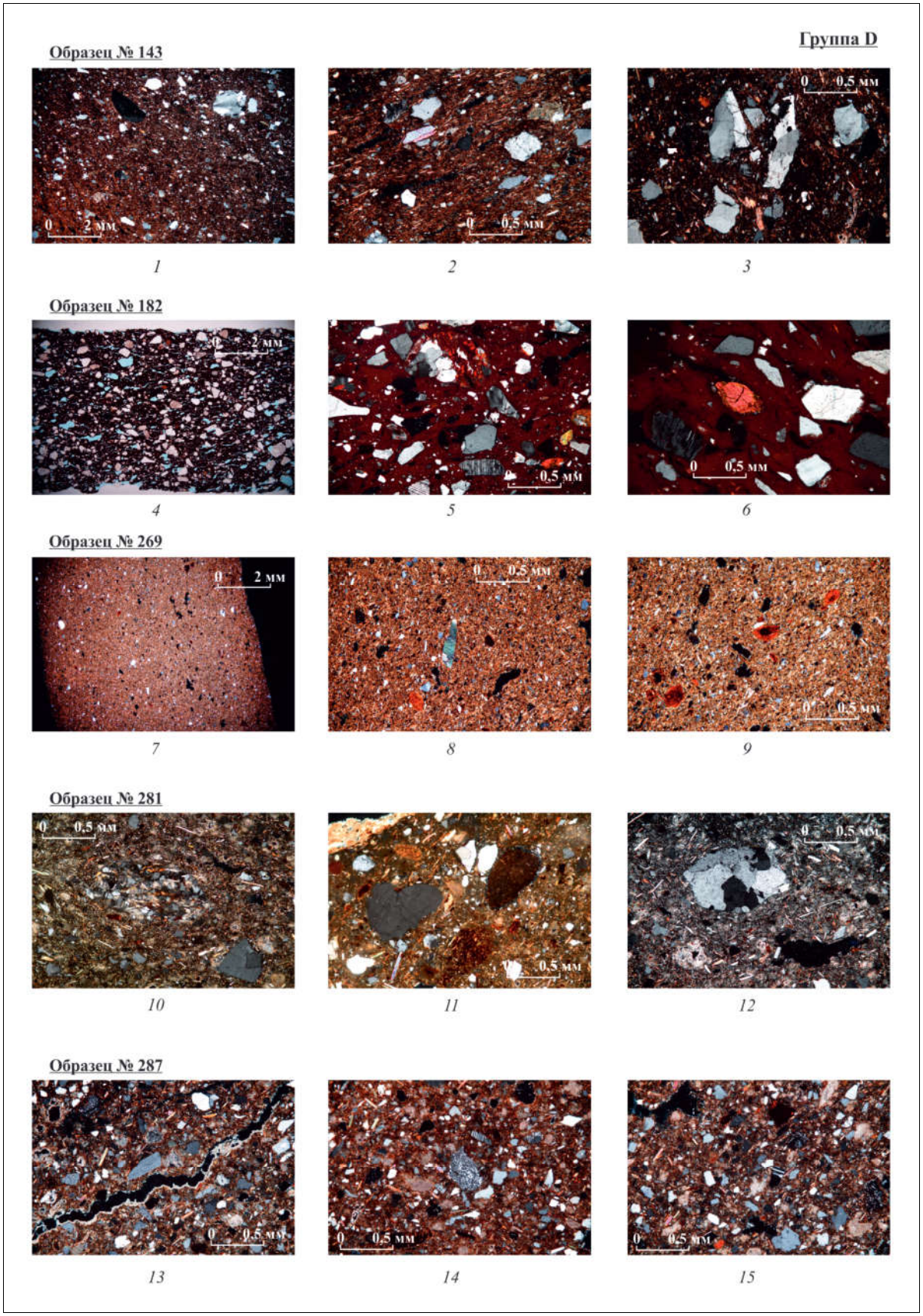


Рис. 7. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа D.

Fig. 7. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group D.

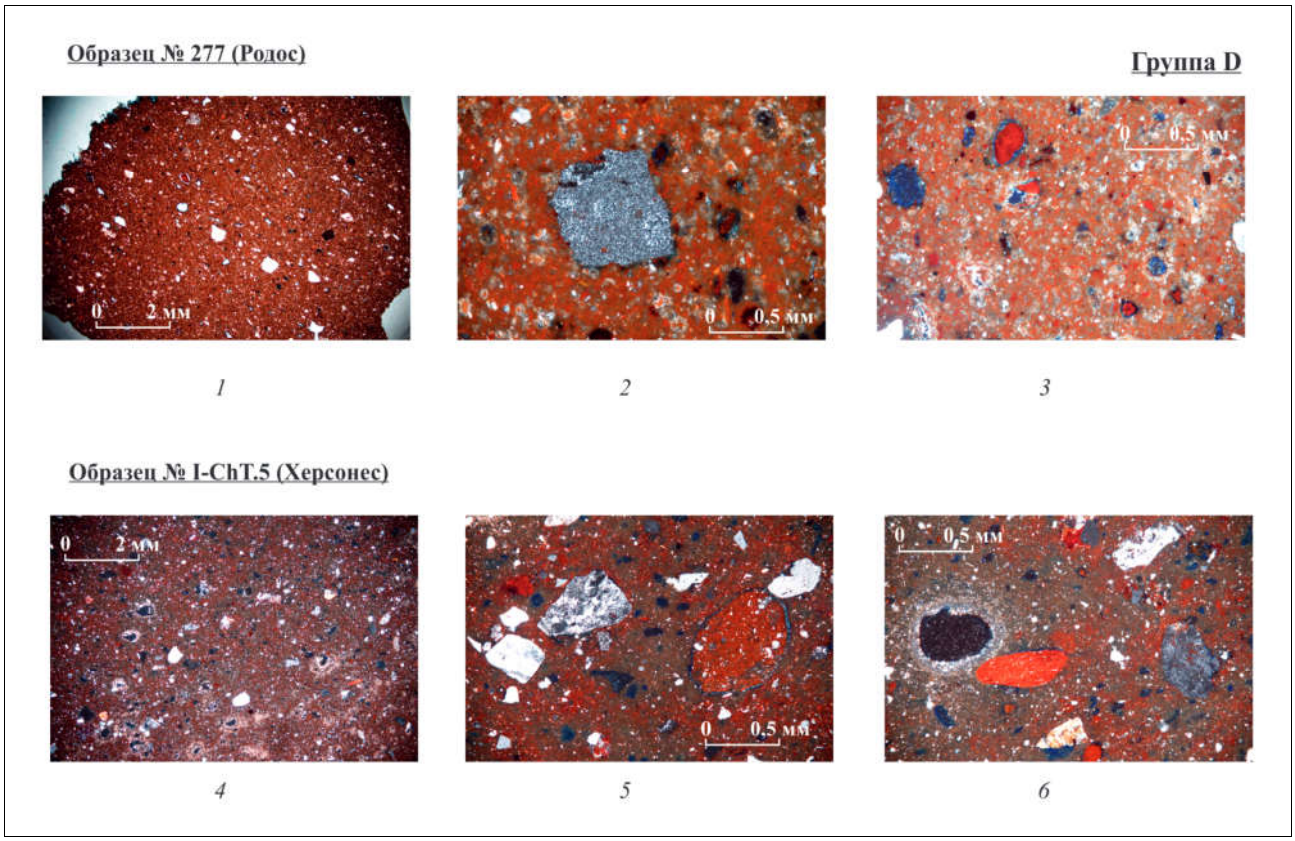


Рис. 8. Петрографические аншлифы и шлифы образцов с книдских амфор, группа D.

Fig. 8. Petrographic thin section and polished section of samples from the Knidian amphorae, group D.

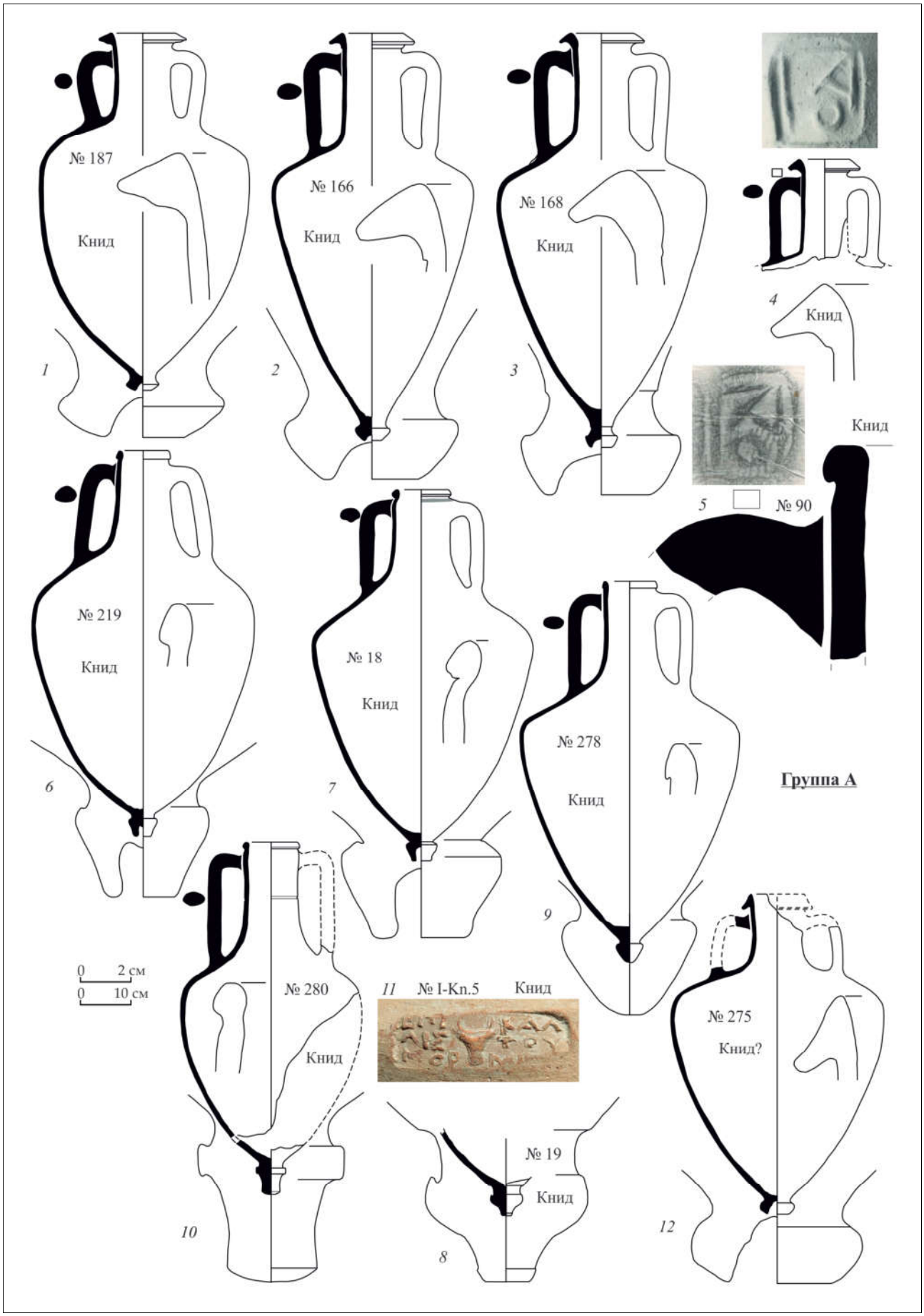

№ 187
Книд
1
№ 166
Книд
2
№ 168
Книд
3
4
Книд
5
№ 90
Книд
№ 219
Книд
6
№ 18
Книд
7
№ 278
Книд
9
Группа А
0 2 см
0 10 см
№ 280
Книд
10
11
№ I-Кп.5
Книд
№ 19
Книд
8
№ 275
Книд?
12

Рис. 9. Амфоры петрографической группы А: *1* — курган 2, объект 15 у пос. Виноградный; *2* — погребение № 105 Прикубанского некрополя; *3* — погребение № 353 Прикубанского некрополя; *4* — из Героевки; *5* — из Ольвии; *6* — погреберие № 103 Прикубанского некрополя; *7, 8* — из Горгиппии; *9* — Краснодарский музей; *10* — курган № 2 на г. Горелая; *11* — из Херсонеса; *12* — ПМ, некрополь Старокорсунского городища № 2.

Fig. 9. Amphorae of petrographic group A: *1* — kurgan 2, object 15 at the village Vinogradniy; *2* — burial No. 105 of the Prikubanskiy necropolis; *3* — burial No. 353 of the Prikubanskiy necropolis; *4* — from Geroyevka; *5* — from Olbia; 6 — burial No. 103 of the Prikubanskiy necropolis; 7, 8 — from Gorgippia; 9 — Krasnodar Museum; 10 — kurgan No. 2 in Gorelaya mountain; 11 — from Chersonesos; *12* — a random find, necropolis of Starokorsunskoe settlement No. 2.

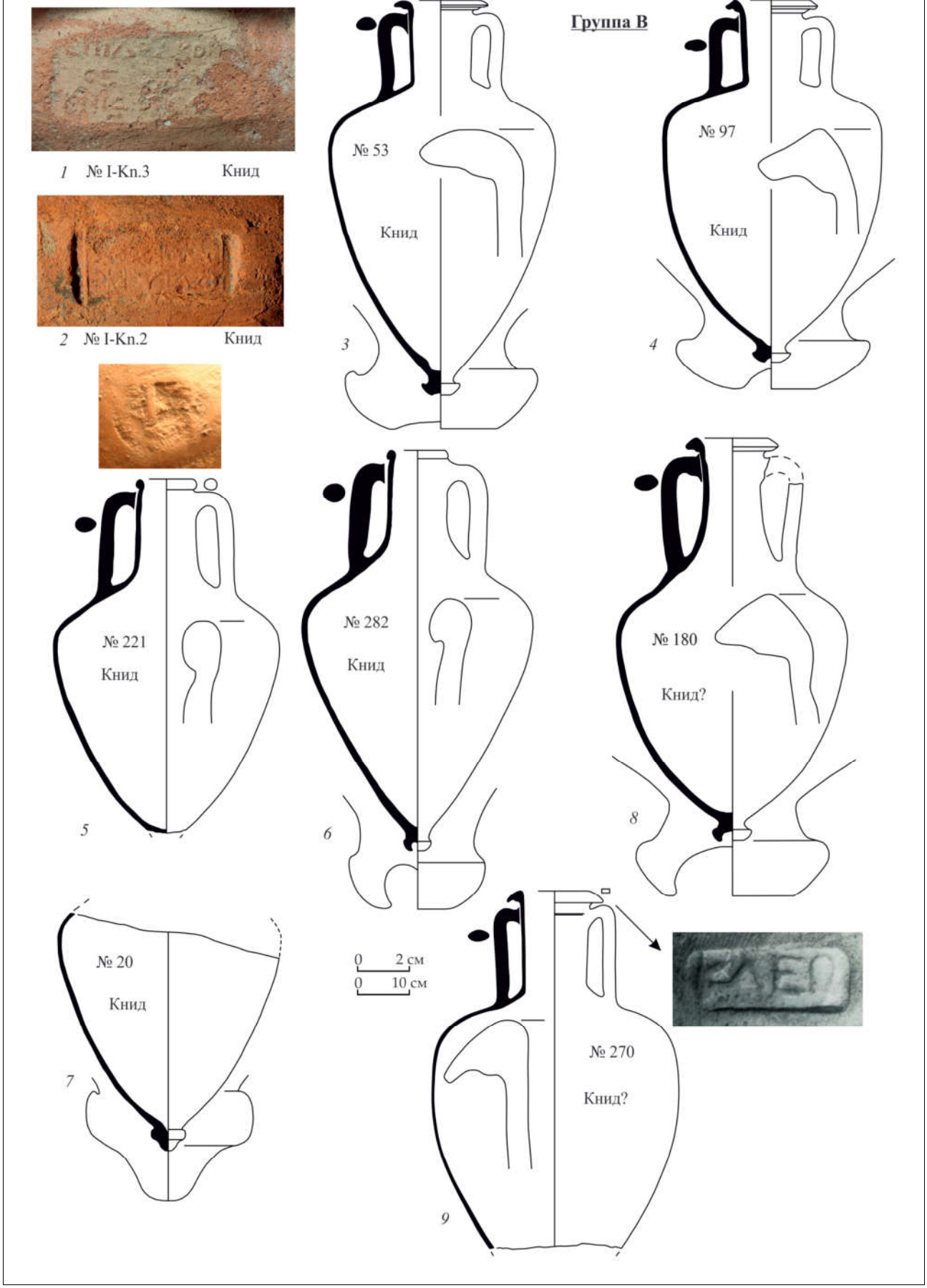

Группа В
1 № I-Kn.3 Книд
2 № I-Kn.2 Книд
№ 53
Книд
3
№ 97
Книд
4
№ 221
Книд
5
№ 282
Книд
6
№ 180
Книд?
8
№ 20
Книд
7
0 2 см
0 10 см
№ 270
Книд?
9

Рис. 10. Амфоры петрографической группы В: *1, 2* — из Херсонеса; *3* — Геленджикский музей; *4* — Киевский музей; *5* — Краснодарский музей; *6* — погребение№ 282 Прикубанского некрополя; *7* — из Горгиппии; *8* — курган 2, погребение № 2 Прикубанского некрополя; *9* — с Елизаветовского городища.

---

10. Amphorae of petrographic group B: *1, 2* — from Chersonesos; *3* — Gelendzhik Museum; *4* — Kiev Museum; *5* — Krasnodar Museum; 6 — burial No. 282 of the Prikubanskiy necropolis; *7* — from Gorgippia; *8* — kurgan. 2, burial No. 2 of the Prikubanskiy necropolis; *9* — from the Elizavetovskoe settlement.

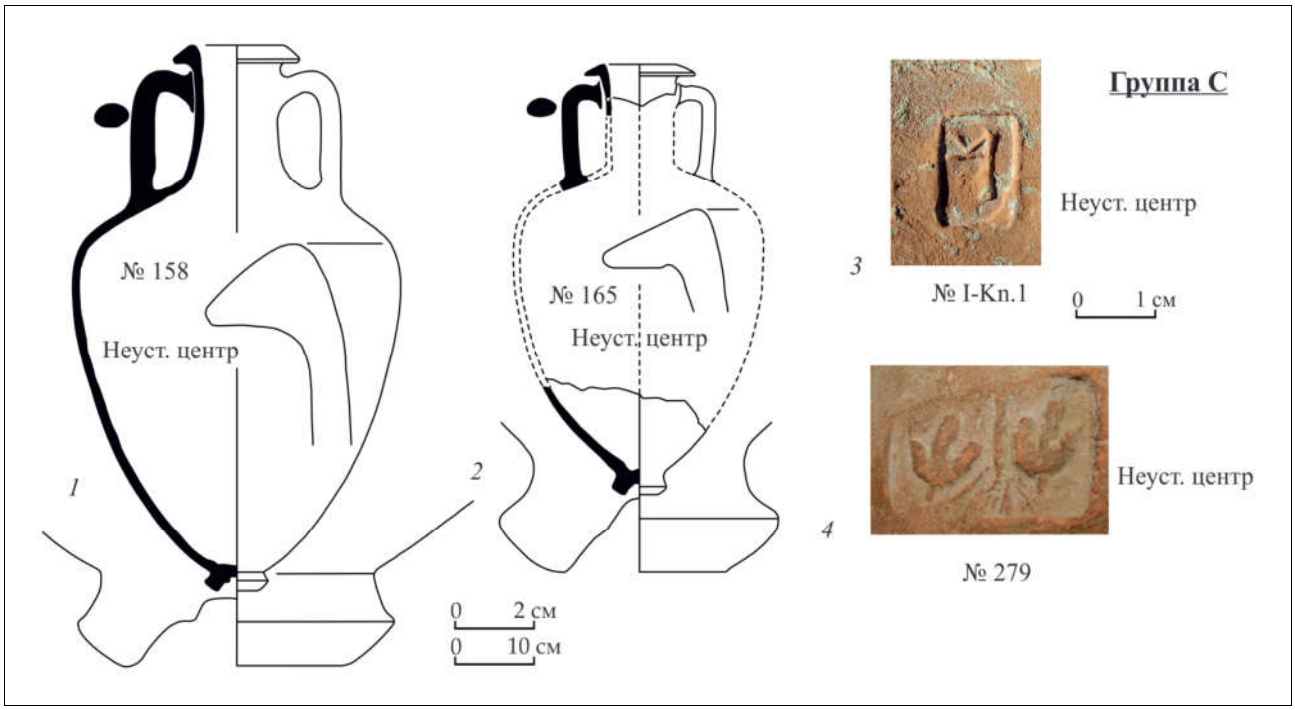


Рис. 11. Амфоры петрографической группы С: *1* — погребение № 88 Прикубанского некрополя; *2* — погребение № 202 Прикубанского некрополя; *3* — из Херсонеса; *4* — место находки неизвестно.

Fig. 11. Amphorae of petrographic group C: *1* — burial No. 88 of the Prikubanskiy necropolis; *2* — burial No. 202 of the Prikubanskiy necropolis; *3* — from Chersonesos; *4* — the place of discovery is unknown.

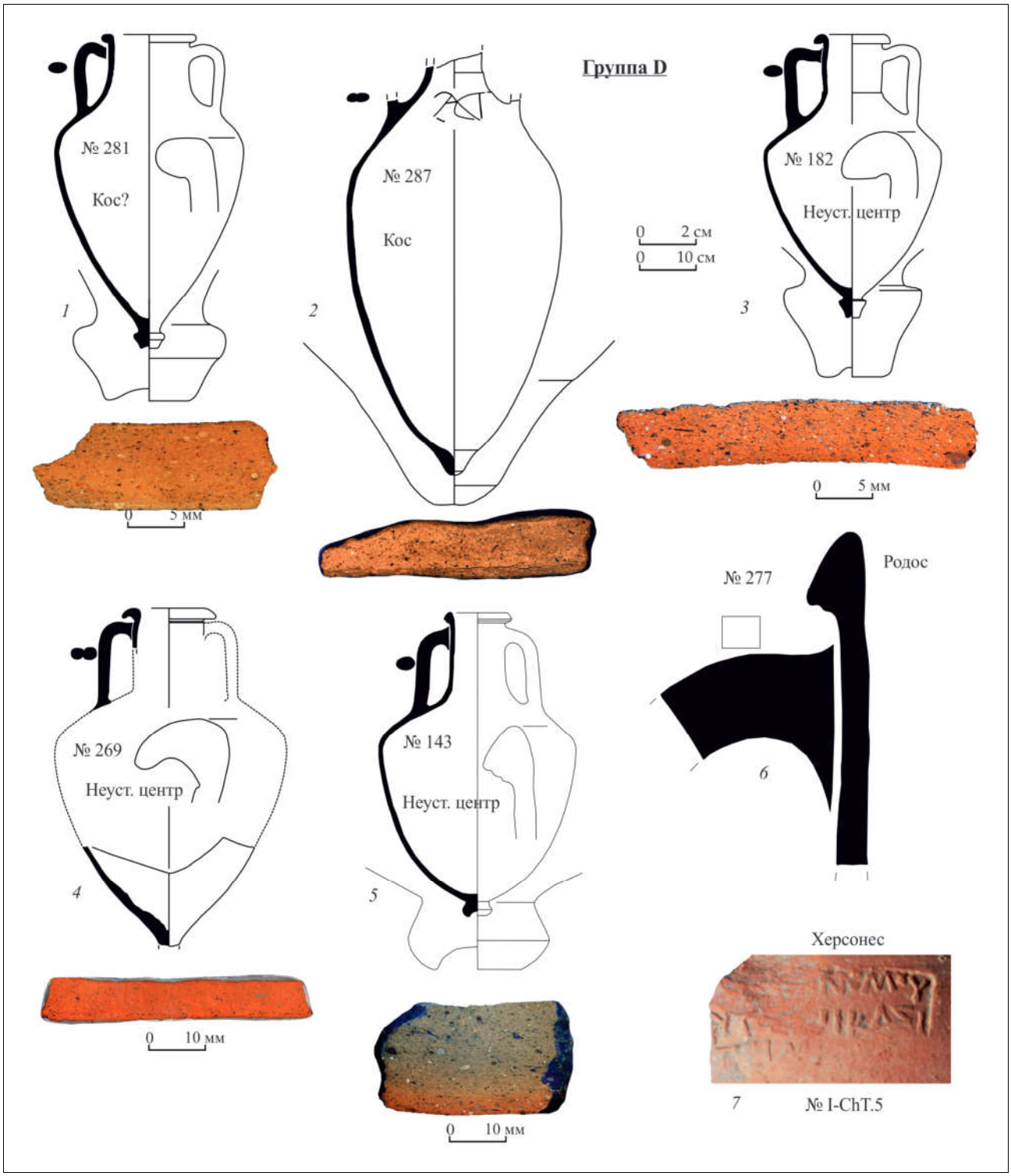


Рис. 12. Амфоры петрографической группы D: *1* — погребение № 381в некрополя Старокорсунского городища № 2; *2* — яма № 8 поселения 3 у ст-цы Тамань (по Чурекова 2022: 194, рис. 134: 1); *3* — погребение № 192 Прикубанского некрополя; *4* — погр. № 206 Прикубанского некрополя; *5* — из Мирмекия; *6* — из Анапского музея; *7* — из Херсонеса.

Fig. 12. Amphorae of petrographic group D: *1* — burial No. 381b of the necropolis of the Starokorsunskoe settlement No. 2; *2* — pit No. 8 of the settlement 3 near the village of Taman (after Churekova 2022: 194, fig. 134: 1); *3* — burial No. 192 of the Prikubanskiy necropolis; *4* — burial No. 206 of the Prikubanskiy necropolis; *5* — from Myrmekion; *6* — from the Anapa Museum; *7* — from Chersonesos.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.71.70.013

Е.В. Кузнецова, С.Ю. Монахов, Н.Б. Чурекова

БАЗЫ ДАННЫХ АНТИЧНЫХ АМФОР И КЛЕЙМ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ МАССОВОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА*

В статье рассматриваются информационные ресурсы, посвященные массовому археологическому материалу — амфорам и клеймам античной эпохи. В настоящее время существует меньше десятка баз данных, содержащих информацию о разных категориях этого вида источника. Все они призваны приблизиться к решению основной задачи: обеспечению доступа к информации вне зависимости от страны проживания исследователя, качества библиотек и размеров музейных фондохранилищ. В области документирования и представления накопленных материалов, керамическая эпиграфика достигла более значимых результатов. С точки зрения документирования и визуализации объектов наиболее удачным и отвечающим всем современным требованиям, следует считать прием формирования иллюстративных материалов на основе трехмерных моделей, созданных с помощью фотограмметрии. Особого внимания заслуживают варианты представления результатов поисковых запросов, разработанных и реализованных в базе данных «Roman Open Data». В статье также подробно рассматриваются возможности использования информации, представленной на информационном портале APE, посвященном тарным амфорам.

Ключевые слова: античные амфоры и клейма, базы данных, статистический анализ.

Сведения об авторах: Кузнецова Елена Владимировна[1], кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Монахов Сергей Юрьевич[2], доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Чурекова Наталия Борисовна[3], кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: [1-3]410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]monachsj@mail.ru, [3]nat-churekova@list.ru.

Elena Kuznetsova, Sergey Monakhov, Nataliya Churekova

DATABASES OF ANCIENT AMPHORAE AND STAMPS: RESULTS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF A MASS CERAMIC SOURCE

This article presents information resources on mass archaeological material — amphorae and stamps of the ancient era. Currently, there are fewer than a dozen databases containing information on various categories of this source type. All of them appeal to get closer to solving the primal problem: providing access to information regardless of the researcher’s country of residence, the quality of libraries and the size of museum depositories. In the field of documenting and presenting accumulated materials, ceramic epigraphy has achieved more significant results. According to objects documenting and visualizing, the method of generating illustrative materials based on three-dimensional models generated using photogrammetry should be considered most successful and meeting all modern requirements. The options for

* Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FSRR-2023-0006.

Статья поступила в номер 24 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 мая 2024 г.

© Е.В. Кузнецова, С.Ю. Монахов, Н.Б. Чурекова, 2024.

presenting the search queries results developed and implemented in the «Roman Open Data» database are particularly noteworthy. The possibilities of using the information presented on the APE data portal dedicated to container amphorae are also detailed in the article.

Key words: Ancient amphorae and stamps, databases, statistical analysis.

About the authors: Kuznetsova Elena[1], PhD (History), Saratov State University; Monakhov Sergey[2], Dr. habil. (History), Professor, Saratov State University; Churekova Nataliya[3], PhD (History), Saratov State University.

Contact information: [1-3]410012, Russia, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]monachsj@mail.ru, [3]nat-churekova@list.ru.

Роль амфорных материалов в интерпретации результатов археологических исследований поселений и некрополей античного времени трудно переоценить. Данная категория источника выступает в качестве основного средства при установлении хронологии как отдельных археологических объектов, так и памятников в целом. Однако возможности исторической интерпретации этих находок гораздо шире и отнюдь не ограничиваются их датирующими свойствами. Отличительные морфологические особенности тарной керамики различных центров производства позволяют не только установить место и дату их изготовления, но и производить ее типологизацию, выявляя вариативные черты отдельных групп. Массовость и присутствие амфорных фрагментов и клейм на всех памятниках античной эпохи дают возможность применять статистические методы анализа информации уже на этапе камеральной обработки находок.

Особое значение амфорный материал имеет для определения характера и объёма торговых отношений эллинских полисов между собой и с варварской периферией (Зеест 1960: 15—39; Брашинский 1984: 148 сл.; Монахов 2003: 7 сл.; Monakhov, Kuznetsova 2017: 59 ff.; Lawall, Tzochev 2020: 117 ff.). Стоит отметить, что в этой области отечественные исследователи значительно опережают своих зарубежных коллег. В российской историографии сложилось целое направление, занимающееся реконструкцией экономических связей отдельных полисов и государств Северного Причерноморья с понтийскими и средиземноморскими центрами, поставлявшими свою продукцию в амфорной таре. Еще в 1980—1990-е гг. были предложены и успешно апробированы алгоритмы анализа массового материала с привлечением статистических методов (Ковальченко 1984: 84; Брашинский 1984; Кац 1992: 205—228; 2007: 352). Дальнейшие работы показали, что изучение массового материала позволяет не только установить список основных контрагентов, выявить периоды подъема и спада торговли, определить специфику импорта и т.п. Результаты анализа хронологического и пространственного распределения амфорных фрагментов могут использоваться при реконструкции социально-экономических, а порой и политических процессов конкретного региона (Кузнецова 2005; 2013; Ломтадзе 2015; Monakhov, Kuznetsova 2017; Чурекова 2022; 2023a; 2023b; Monakhov, Churekova 2022). Кроме того, статистический анализ позволяет устанавливать периоды подъема и спада объемов торговли самих экспортеров, т.е. центров, поставляющих свою продукцию в амфорной таре (Kuznetsova, Monakhov 2022: 47—82). Выше перечислены лишь основные, наиболее очевидные сферы античной экономики, для изучения которых может быть привлечен массовый археологический материал.

Несмотря на ощутимые преимущества данной категории источника, он используется еще в недостаточной степени для реконструкции торговых, или шире, экономических, связей в античном мире. Связано это, прежде всего, с проблемами, существующими на этапе первичной интерпретации и последующей публикации материалов раскопок (Монахов и др. 2023a: 299—311). Научные отчёты, которые могли бы лечь в основу подобных изысканий, нередко содержат лакуны, путаницу и ошибки в интерпретации предметов, а чертежи и фото публикуемых находок плохого качества. Это в равной степени относится и к целым формам, и к

отдельным фрагментам, в том числе имеющим клейма, и объясняется нехваткой специалистов-амфорологов и керамических эпиграфистов.

Еще одним обстоятельством, значительно усложняющим работу исследователей, является огромное количество публикаций, разрозненных к тому же по сотням изданий, очень часто недоступным для ознакомления. Несмотря на значительное развитие цифровизации и информатизации научного знания, все еще очень велико число научных работ, существующих только в печатном виде и не выставленных в сеть интернет. Данное положение характерно как для отечественной, так и для зарубежной науки. На наш взгляд, зарубежные исследователи даже в большей степени «грешат» своей оторванностью от русскоязычных публикаций.

В тоже время развитие информатизации способствует значительному прогрессу в области накопления и введения в научный оборот все большего массива археологической информации. В данном случаем, мы имеем в виду появившиеся в последние 30 лет возможности по созданию баз данных различных находок. Все создаваемые информационные сервисы по массовым категориям источника призваны приблизиться к решению основной задачи: обеспечению доступа к информации вне зависимости от страны проживания исследователя, качества библиотек и размеров музейных фондохранилищ. Развитие и совершенствование подобных ресурсов в перспективе позволит более точно идентифицировать находки в процессе археологических и камеральных работ, что неизбежно приведет к вычленению «новых» типов сосудов (и штампов, если речь идет о клеймах) в разных регионах и, в конечном итоге, будет способствовать лучшему пониманию торговых связей античного мира.

В настоящее время существует несколько датабаз, посвященных тарным сосудам и клеймам. Керамическая эпиграфика достигла в этой сфере более значимых результатов. Это и не удивительно. Клейма привлекают внимание ученых уже почти 200 лет и предоставляют огромные возможности извлечения из них различной исторической информации (Remesal Rodríguez et al. 2013: 317). О целесообразности создания единой базы, объединяющей сведения о большинстве найденных керамических клейм, в историографии говорилось неоднократно. Не отрицая важности и необходимости печатных изданий каталогов клейм одного производственного центра, большинство эпиграфистов единодушно выступают за создание подобного информационного ресурса, предлагая варианты описания и представления в нем оптимального объема информации (Гарлан 2010: 371—396; Гарлан, Боду 2011: 411—426; Badoud 2011; Remesal Rodríguez et al. 2013: 317).

Базы данных по керамической эпиграфике

Обзор специализированных ресурсов, посвященных *греческим* керамическим клеймам, на наш взгляд, следует начать с **архива Вирджинии Грейс**, каталогизированного и размещенного в сети Интернет Американской школой классических исследований в Афинах (ascsa.edu.gr: 1). Данный ресурс, по сути, не является базой данных в классическом понимании, однако не сказать о нем несколько слов нельзя. Коллекция содержит профессиональную переписку, фотографии, протирки, рабочие записи и научную библиотеку исследовательницы. Кроме того, в нее входит так называемый проект «Амфоры», представляющий собой тысячи каталожных карточек со сведениями о клейменых амфорных ручках, найденных по всему Средиземноморью. Документы сгруппированы в пять серий: **A** — личные документы (включая переписку, фотографии, пометки и записи) (Lawall 2022: 255 ff.); **B** — карточки с родосскими клеймеными ручками (коллекция полностью доступна для ознакомления онлайн); **C** — карточки с клейменными книдскими ручками; **D** — карточки с клеймами с Афинской агоры; **E** — научная библиотека (представляет собой перечень публикаций, имевшихся в личной библиотеке В. Грейс).

Систематизацией наследия исследовательницы занималась Т. Панагу, стремившаяся сохранить первоначальный порядок и названия папок. Оцифровка архива продолжается и в

настоящее время. При этом создатели ресурса неоднократно обращают внимание исследователей на то, что с представленной информацией можно только ознакомиться. Для получения разрешения на публикацию любой информации, касающейся документов В. Грейс, необходимо обращаться в Департамент архивов Американской школы классических исследований в Афинах. Несмотря на данное ограничение, переоценить значимость этого информационного ресурса трудно. В нем сконцентрирован огромный массив информации о керамических клеймах античной эпохи, который никогда не был бы доступен большинству исследователей без его оцифровки и обеспечения свободного доступа. К сожалению, строгость законодательства о соблюдении авторского права, привела к тому, что со значительной частью научных работ самой В. Грейс до сих пор невозможно ознакомиться в сети Интернет. Несмотря на все возрастающую цифровизацию и информатизацию исследователи по-прежнему вынуждены искать иные возможности получения копий публикаций (не только В. Грейс, но и многих других авторов), необходимых им для работы.

Масштабный проект по созданию пополняемой базы данных **“Matrices des Timbres des Eponymes et Fabricants Rhodiens”** в 2008 г. был инициирован Ж.-И. Амперером совместно с Александрийским центром изучения амфор (amphoralex.org: 1). В основу ресурса легли родосские амфорные клейма, хранящиеся в Греко-римском музее в Александрии, значительная часть которых происходит из коллекции Бенаки. Дополнительно были привлечены материалы из раскопок в Александрии и других музеев и собраний (Делосского музея, раскопок за пределами Александрии, публикаций и т.п.). В настоящее время в базе содержится информация о клеймах с именами 258 родосских эпонимов (7955 оттисков) и 448 фабрикантов (4669 оттисков). Клейма представлены в алфавитном порядке по именам эпонимов в следующей последовательности: сначала с названиями месяцев, затем — без упоминания месяцев в легендах клейм. В основе хронологии лежит работа Г. Финкельштейна (Finkielsztejn 2001: 196, tab. 22.1).

Ресурс оснащен системой простого и расширенного поиска. В первом случае в качестве критерия запроса выступает имя эпонима или фабриканта, которое вводится в поисковую строку в греческом или латинском написании. Имеется возможность указать название месяца и хронологический период. Расширенная форма запроса предусматривает поиск по описанию штампа: его форме; наличию эмблемы; типу букв (например, лунарное написание сигмы, курсивное написание омеги и т.п.); особенностям написания легенды (монограмма, аббревиатура и т.п.); направление надписи; наличию второго клейма и т.д. Каждый оттиск в базе сопровождается фотографией и протиркой (при наличии); расшифровкой легенды; кратким описанием (включающим датировку и размер); в отдельных случаях присутствует отсылка на известные аналогии.

Не совсем удачна, на наш взгляд, выбранная система нумерования оттисков. В качестве идентификаторов выбраны не порядковые номера, а своеобразный шифр, включающий указание на эпонимное/фабрикантское клеймо (RE — эпонимное, RF — фабрикантское); имя эпонима/фабриканта с указанием месяца (при наличии его в легенде); порядковый номер. Таким образом, ссылка на конкретный оттиск из базы получается довольно громоздкой. Например, круглый оттиск эпонима Агасиппа в сочетании с названием месяца имеет следующий шифр — RE-ΑΓΗΣΙΠΠΟΣ-ΣΜΙΝΘΙΟΣ-001. При этом, возможность копирования текста из базы отсутствует, в связи с чем ссылку приходится набирать вручную.

Помимо родосских клейм из Александрии, в 2014 г. в эту же базу были добавлены клейма из раскопок на Делосе — это родосские, косские, хиосские, книдские оттиски и клейма «группы Никандра» и «группы Пармениска». Пополнение базы родосских клейм в настоящее время продолжается, что отображается на специальной вкладке — «Обновления». Несмотря на незначительные замечания, рассматриваемый информационный ресурс представляет собой результат колоссальной работы, проведенной группой исследователей и

продолжающейся до сих пор. Обеспечение доступа к огромному массиву информации позволяет проводить быстрый поиск аналогов для восстановления неполных оттисков, определять их датировку. Расширенная система поиска дает возможность найти аналогии даже для сильно фрагментированных клейм.

Наиболее успешным примером действующей базы данных по римской малой эпиграфике является **“Roman Open Data”** (romanopendata.eu: 1), работа над которой началась еще в 1995 г. под руководством Хосе Ремесала Родригеса (Remesal Rodríguez et al. 2017: 174 ff.). В ней собрана информация об опубликованных различными исследователями клеймах, дипинти и граффити на сосудах. Ресурс оснащен развернутой системой поиска, в котором в качестве критериев выступают надпись; тип надписи (клеймо, дипинти, граффити); место производства сосуда; место находки; тип амфоры; направление надписи и некоторые другие. Результаты поиска могут быть представлены в нескольких вариантах: в виде отображения на карте; в виде таблицы и в виде галереи имеющихся изображений. На карте отображаются места и концентрация находок интересующих надписей. В таблице представлен тип амфоры, область находки, конкретное место находки (с указанием времени обнаружения), транскрипция надписи. В галерее можно познакомиться с имеющимися изображениями надписей. Иллюстрации, как правило, представляют собой прорисовки надписей, в отдельных случаях присутствуют фотографии. Если надпись или клеймо было зафиксировано на сохранившемся сосуде — его чертеж также включен в базу данных. Каждый результат поиска в обязательном порядке сопровождается библиографическими ссылками.

Особо следует отметить имеющуюся возможность визуализации разных поисковых запросов. Для примера, мы задали параметры поиска по типам амфор «Дрессель 1», «Дрессель 10», «Дрессель 11», «Дрессель 12» (рис. 1). Общее количество результатов поиска составляет 1550, из которых большая часть приходится на сосуды первого типа (1482 экз.). Каждый поисковый запрос отображается отдельным цветом. Геопространственная визуализация позволяет наглядно увидеть взаимовстречаемость амфор разных типов, а также места концентрации находок. Кроме того, те же поисковые запросы могут быть представлены в виде временной шкалы (рис. 2).

В целом созданный информационный ресурс следует признать научно значимым и удачно реализованным. Обращает на себя внимание, что регион Черного моря проектом не охвачен. Отдельные находки римских амфор с территории, к примеру, Румынии и Турции, включены в датабазу, но по каким-то причинам не отображаются на интерактивной карте. Возможно, что работы над проектом еще продолжаются. К сожалению, на сайте отсутствует информация о количестве размещенных в системе объектов, а также о степени завершенности исследований[1]; ссылка на центральную страница проекта CEIPAC в настоящее время не действительна. Остается только надеяться, что наполнение ресурса будет продолжено и со временем он охватит всю территорию, на которую распространялось римское влияние.

С 2011 г. в рамках этого же проекта началось создание и информационного ресурса, посвященного греческим амфорным клеймам (romanopendata.eu: 2). В настоящее время в ней доступна информация о 1703 родосских клеймах. По всей видимости, в последние годы ресурс не пополнялся.

В отечественной эпиграфике до недавнего времени попытки создания электронных баз данных керамических клейм не предпринимались, несмотря на серьезные успехи российских специалистов в этой области. Учитывая гигантский объем накопленного материала, работы по созданию общего свода требуют особой тщательности и скрупулезности и не под силу отдельно

[1] В публикации 2017 года авторы указывает, что в системе содержится информация о более чем 43 000 клейм, граффити и дипинти (Remesal Rodríguez et al. 2017: 173).

взятому специалисту. Напомним, что составление единственного в своем роде Свода IOSPE III, существующего только в рукописном виде, заняло 70 лет (Кац 2007: 75—93). Многие годы он использовался в качестве справочного издания, прежде всего, для поиска аналогий вновь обнаруженным клеймам, гораздо реже — для изучения закономерностей распределения клейм во времени и пространстве (Брашинский 1963; 1980; 1984; Кац 1979 и др.). Долгое время в научных кругах обсуждалась идея о необходимости публикации этого корпуса. Однако до ее осуществления дело так и не дошло, так как подобная задача была сопряжена с целым рядом трудностей. В первую очередь, необходимо было провести тотальную сверку вошедших в него материалов. Во-вторых, требовалось откорректировать предложенные составителями чтения легенд и датировки. В-третьих, имеющийся свод следовало дополнить новыми находками (Кац 2007: 91). Помимо колоссального труда, требующего привлечения целого коллектива, сложно себе представить объем возможного печатного издания. На современном уровне цифровизации альтернативой переизданию IOSPE III как раз и могут стать электронные базы данных. Однако и здесь источниковедение сталкивается с целым рядом трудностей, среди которых основным является отсутствие достаточного количества специалистов. В настоящее время отечественная керамическая эпиграфика переживает глубокий кризис, так как количество эпиграфистов высокого уровня исчисляется единицами. Тем не менее, кое-какие подвижки все-таки есть.

Несколько лет назад стартовал проект по созданию единственного на сегодняшний день отечественного информационного ресурса «**Керамические клейма Северного Причерноморья**» под руководством А.В. Ковальчук (stampsofbosphorus.ru: 1). База данных призвана упростить процесс восстановления поврежденных оттисков, поиска аналогий и определения датировок. Ресурс является открытым и пополняемым. Основой создаваемой датабазы являются коллекции клейм из раскопок нескольких античных памятников: Гермонасса, Генеральское-Западное, Голубицкая 2, Крутой берег, мыс Зюк, Полянка, Сюрташ и Танаис. Насколько можно судить из новостной ленты сайта, в настоящее время на нем размещена информация о 2223 оттисках (на амфорах, черепице и мерных сосудах) разных центров производства.

Каждом клейму присвоен порядковый номер, в описании указывается номер штампа (при наличии); центр производства; имя магистрата и(или) фабриканта; эмблема; фото (при наличии); протирка (при наличии); легенда клейма; место и год находки; инвентарный номер; сохранность; датировка; аналогии; публикация. Ресурс оснащен системой простого (имя и центр производства) и расширенного поиска. Последний включает в себя следующие критерии: место хранения, инвентарный номер, место и год находки, эмблема. Результаты поиска представлены списком имен магистратов и (или) фабрикантов (с разбивкой) в алфавитном порядке. При этом отсутствует возможность просмотра иллюстративной части без использования системы поиска. То есть, каталог, как таковой, на сайте отсутствует, что, на наш взгляд, не очень удобно, так как затрудняет работу с базой исследователям, не являющимся специалистами в области керамической эпиграфики. Обращает на себя внимание и отсутствие возможности выбора в поисковом запросе интересующего хронологического периода, что значительно затрудняет проведение каких-бы то ни было статистических подсчетов. Учитывая, что процесс создания этого, очень важного для античных археологов, ресурса только начался, остается надеяться, что со временем он будет усовершенствован, а функционал его возможного использования значительно расширен.

Несколько слов следует сказать о небольшом проекте Лаборатории RSSDA, реализованном в 2022—2023 гг. под руководством С.В. Ольховского и посвященного разработке методики документирования амфорных клейм (amphorastamps.rssda.su: 1). Информационный ресурс представляет собой «**Цифровой корпус амфорных клейм**», на котором размещена информация о 399 клеймах преимущественно из материалов подводных спасательных раскопок 2015—2017 гг. на ОАН «Бухта Ак-Бурун» и хранящихся в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Кроме того, в базе

содержатся сведения о некоторых клеймах из раскопок Фанагории (подводный раскоп), Нимфея и Полянки.

Помимо фотографии в цветном и черно-белом вариантах, в базе содержится 3D модель каждого клейма, созданная при помощи фотограмметрии на основе нескольких десятков фотографий, выполненных по определенной методике (Свойский и др. 2023). Подобное представление предмета обладает целым рядом преимуществ. Исследователь имеет возможность «вращать» объект, что позволяет увидеть незаметные в «плоскостном» изображении детали. Предусмотрены функции измерения размера всего оттиска или отдельных элементов, включая глубину рельефа; переключения между цветной и черно-белой передачей объекта, а также осветления изображения. Все это предоставляет исследователю дополнительные возможности при работе с клеймом и его интерпретацией. Усовершенствование алгоритма фотограмметрической обработки клейм позволило научному коллективу документировать в среднем 35 клейм в день (Свойский и др. 2023: 380—382).

В базе данных предусмотрено несколько фильтров: памятник (место находки); центр производства; год раскопок; место находки (раскоп, объект и т.д.); тип сосуда (амфора, керамида, лагинос); расположение клейма; сохранность; тип рельефа; содержание (эпиграфное, анэпиграфное); форма; происхождение. Сразу обращает на себя внимание отсутствие фильтра по дате и легенде или имени магистрата/фабриканта, что представляется несколько странным. Кроме того, не совсем понятно присутствие в фильтрах позиций «Группа по Финкельштейну» и «Группа по Гарлану». Очевидно, что хронологические классификации этих исследователей распространяются только на ограниченное количество производственных центров. Несмотря на имеющиеся недоработки, в целом рассматриваемая база данных является совершенно новаторским решением в области представления информации о керамических клеймах в онлайн режиме. Предлагаемый авторами подход к созданию цифрового корпуса клейм отвечает всем основным требованиям и по своим информативным возможностям значительно превосходит традиционные методики.

Базы данных тарных сосудов

В сфере создания единого информационного портала целые или фрагментированные амфоры античной эпохи привлекали гораздо меньшее внимание исследователей. Первой попыткой объединить имеющиеся сведения об амфорах и клеймах в рамках доступной базы данных можно назвать “**The AMPHORAS Project**”, в которой планировалось размещать информацию о сосудах и клеймах, опубликованных в различных научных работах. «Следы» проекта еще можно найти в интернете projects.chass.utoronto.ca: 1, хотя он не обновляется много лет.

Практически единственной действующей зарубежной базой данных по римским амфорам является ресурс «**Roman Amphorae: a digital resource**» (ADS), стартовавший в 2005 г. Проект инициирован кафедрой археологии Саутгемптонского университета (archaeologydataservice.ac.uk: 1) под руководством Симона Кея (Simon Keay) и Дэвида Уильямса (David Williams) с целью создания онлайн-ресурса для изучения римских амфор. При этом во вступительном слове на сайте проекта отмечено, что информационная система предназначена, в первую очередь, для исследователей, незнакомых с амфорным материалом, сотрудников музеев и студентов с целью упрощения идентификации сосудов, определения их типологической принадлежности, места изготовления и датировки.

Датабаза представляет собой каталог, в котором римские амфоры сгруппированы по типам, выделенным различными исследователями. Кроме того, имеется отдельный каталог петрографических изображений и описаний теста сосудов. Создатели ресурса учли, что не все пользователи имеют достаточные сведения о типологии римской тары, поэтому предусмотрели возможность поиска нужной информации по т.н. «альтернативным классификациям». К примеру, известные в отечественной историографии сосуды II в. н.э.

т.н. «мирмекийского» типа (Зеест 1960: 111—112, табл. XXX: 72) в зарубежной научной литературе имеют название тип «Опайт B1» (Opaiţ 1991: 141). В базе ADS приводятся характеристика морфологических особенностей амфор этого типа, места известных находок, чертежи нескольких сосудов, визуальное описание глины (из-за отсутствия петрографических шлифов), датировки, библиография, 3D модели, и иные встречающиеся названия типа — Беттгер 3-1 и Кузманов 15. Такие же элементы алгоритма описания предусмотрены для каждой амфоры, включенной в базу. Не редко они дополняются фотографиями сосудов и петрографических шлифов.

Следует особо отметить очень подробную систему поиска. Помимо названия типа, критериями запроса могут выступать: морфологические характеристики сосуда (форма венца, горла, тулова и т.п.), диапазон метрических параметров (высота, максимальный диаметр тулова, диаметр венца), дата и место изготовления, место находки (регион или конкретная страна), а также особенности формовочной массы (по присутствию в ней редких включений). На ресурсе предусмотрена возможность скачивания файлов рисунков, фотографий (при их наличии) и 3D моделей. Согласно метаданным, в базе содержится 3786 изображений объектов (в данном случае не совсем понятно, соответствует ли это число количеству размещенных в базе сосудов). При этом, статистика использования ресурса демонстрирует постоянный рост интереса к нему, из года в год увеличивается количество посещений и скачиваний информации. Однако последние изменения на сайте были сделаны в мае 2014 г., по всей видимости на сегодняшний день пополнение базы данных остановлено.

С сожалением следует констатировать, что большинство подобных проектов (за редким исключением) создано в рамках грантов, ограниченных трехлетним, в лучшем случае пятилетним сроком. В дальнейшем, при отсутствии финансирования, базы попадают в архив (как в случае с ADS) либо вовсе пропадают из интернет-пространства. Лишь крупные научные центры типа American School of Classical Studies at Athens и Le Centre Alexandrin d'Étude des Amphores могут позволить себе многолетние проекты с участием десятков специалистов, занимающихся пополнением и расширением научных информационных ресурсов.

В данном случае не является исключением и база данных по греческой керамической таре, созданная коллективом Саратовского госуниверситета в рамках проекта РНФ № 18-18-00096. Первоначально она задумывалась лишь как наглядное онлайн дополнение к публикуемым амфорным коллекциям различных музеев. На протяжении последних 30 лет в рамках работы кафедры истории древнего мира и Института археологии и культурного наследия СГУ активно развивалось археологическое источниковедение. С 2015 г. наш коллектив под руководством С.Ю. Монахова приступил к публикации амфорных собраний музеев России. Цель проекта — обращение к материалам, накопленным за более чем двести лет раскопок и хранящимся в десятках музеев страны. Работа показала, что с материалами музейных коллекций сложилась парадоксальная ситуация — предметы, обнаруженные во время раскопок еще в первой половине XIX века, до сих пор ни разу не публиковались (Монахов и др. 2022: 10—11)!

Информационный ресурс «**Греческие амфоры (VII—II вв. до н.э.) с северных берегов Понта — APE**» (ape.sgu.ru: 1) был создан в самом конце 2018 г., когда на нем была размещена информация о 50 сосудах из собрания музея-заповедника «Херсонес Таврический», монографическое издание которого состоялось в 2017 г. (Монахов и др. 2017). Наполнение базы информацией о сосудах именного этого музея, а не Керченского, публикация амфорного собрания которого состоялась годом ранее (Монахов и др. 2016), было обусловлено необходимостью соблюдения всех юридических формальностей и получением разрешения на размещения изображений музейных предметов в общем доступе. Стоит заметить, что именно получение таких разрешений от музеев, в соответствии с российским законодательством, значительно затрудняет работу исследователей с музейными коллекциями, но не является непреодолимым препятствием. Понимая научную значимость

подобных проектов, руководство всех без исключения музеев (по крайней мере, на данном этапе) идет навстречу и дает необходимое согласие. Начиная с 2019 г., база APE пополняется систематически, в нее оперативно добавляется информация об опубликованных сосудах после выхода печатных изданий.

За 5 лет существования на портал APE добавлены сведения об амфорах Керченского и Херсонесского музеев, Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Краснодарского и Ялтинского музеев (Монахов и др. 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023), каждый из которых имеет условное обозначение APE и номер: I — Керченский музей; II — Херсонесский музей; III — Эрмитаж; IV — ГМИИ; V и VI — Краснодарский музей; VII — Ялтинский музей. Структура базы отчасти повторяет каталоги. Амфоры сгруппированы по центрам производства (каждый центр обозначен специальным сокращением), имеется раздел с описанием опубликованных керамических комплексов, на отдельных страницах размещены списки литературы (с доступными ссылками), краткие биографии исследователей и др. Для каждого сосуда приводятся обмерный чертеж и фотография, дается фотография клейма, граффити или дипинти при их наличии. Кроме того, представлены: краткое описание амфоры, размеры, визуальные особенности глины, типологическая принадлежность, датировка, аналогии, место и контекст находки (рис. 3). Важная особенность созданной базы APE заключается в том, что все сосуды были обработаны нашим научным коллективом лично по единому алгоритму с тщательной фиксацией всех качественных и количественных признаков.

В общей сложности система содержит сведения о **1591 амфоре**. Каждый сосуд можно открыть в отдельной вкладке, нажав синюю стрелку в нижнем правом углу и получить, таким образом, персональный интернет-адрес страницы конкретного экземпляра. Кроме того, предусмотрена возможность открытия в отдельном окне изображения сосуда (чертежа и фотографии) с последующим сохранением в формате .jpg.

По мере развития ресурса стала очевидна необходимость размещения на нем информации не только о самих сосудах, но и о керамических комплексах, из которых они происходят. На сегодняшний день их насчитывается **217**. В описании каждого комплекса содержатся гиперссылки на конкретные происходящие из него сосуды. В данном случае особую значимость имеет тот факт, что в описание комплексов (подвалов, погребений, ям, помещений и т.п.) входит и характеристика другого импорта: расписной и чернолаковой керамики, отдельных керамических клейм, стеклянных сосудов и т.п. (рис. 4), что расширяет наши возможности в установлении узких датировок не только самих археологических объектов, но и содержащихся в них находок.

Самая представительная коллекция амфор (на момент опубликования) хранится в Краснодарском музее — **673** экз., что составляет 42,3 % от общего количества амфор, представленных в семи монографиях. На втором месте — собрание Государственного Эрмитажа — 312 экз. (19,7 %), затем Керченский[2] (242 экз., 15,2 %), Херсонесский музеи (213 экз., 13,4 %), ГМИИ (104 экз., 6,5 %) и Ялтинский музей (47 экз., 2,9 %).

По центрам производства амфоры распределяются следующим образом: с большим отрывом лидирует Гераклея Понтийская — **329** экз. (20,7 %), затем Фасос — **173** экз. (10,9 %), Хиос — **167** экз. (10,5 %), Менда — **144** экз. (9 %), Синопа — **134** экз. (8,4 %), Икос — **72** экз. (4,5 %), Херсонес — **69** экз. (4,3 %), Книд — **66** экз. (4,1 %). Остальные центры производства керамической тары сильно уступают количественно. Единичными экземплярами представлены сосуды Амастрии, Колофона, неустановленных центров «круга

[2] После выхода в свет монографии по амфорной коллекции Керченского музея на Пантикапее был открыт интереснейших объект, содержащий сотни амфор различных центров производства первых трех четвертей IV в. до н.э. Его исследование продолжается до сих пор. После предварительной камеральной обработки и фиксации, сосуды поступают на хранение в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Таким образом, коллекция Керченского музея в настоящее время значительно возросла и, вероятно, превзошла по численности собрание Краснодарского музея (Толстиков, Ломтадзе 2016).

Менды» и «круга Родоса», Эгио, неустановленного пунийского центра, греко-италийская и римская амфоры. Часть из них попала в музейные собрания через дарения или приобретения, а большая часть происходит с памятников Северного Причерноморья. Конечно, делать какие-то статистические расчеты исходя из одного экземпляра невозможно, но общую картину по набору центров-экспортеров керамической тары такие находки дополняют. Для получения такой элементарной статистики по распределению обработанного нами массива амфор по центрам производства достаточно посмотреть главную страницу Каталога базы APE, где для каждого центра отмечено количество вошедших в базу сосудов.

Информационная система APE снабжена развернутой системой поиска, в качестве критериев которого могут выступать: центр производства сосуда/клейма; тип амфоры (преимущественно, по классификации С.Ю. Монахова); номер и место хранения; фамилии исследователя; место находки; имени магистрата и/или фабриканта; шифр музея (APE.I — Керчь, APE.II — Херсонес и т.д.) названию комплекса и дате. Недавно была добавлена возможность дополнительных фильтров результатов поиска: по наличию клейма, дипинто или граффито. Таким образом, у исследователей появилась возможность отсортировать только клейменые амфоры, или только амфоры с дипинти, или сосуды, сочетающие несколько параметров поиска — например, имеющие клеймо и граффито. К примеру, можно установить, что в базе размещена информация о 79 сосудах из раскопок Пантикапея, хранящиеся в Керченском музее, Эрмитаже и ГМИИ, 29 из них имеют клейма, и только на двух, помимо клейма, имеется граффито. Также совсем недавно были расширены возможности поиска необходимой информации по комплексам: в частности, добавлены фильтры «Наличие чернолаковой керамики», «Наличие стеклянных сосудов» и «Наличие расписной керамики». Кроме того, на странице поиска по комплексам добавлены строки запроса по имени магистранта/фабриканта. Дело в том, что в заполнении многих объектов, помимо целых или археологически целых клейменых сосудов, присутствовали отдельные клейма, которые в описании приведены в виде таблицы (рис. 5). В ближайшее время планируется внести дополнительную информацию об этих отдельных оттисках, чтобы данные появлялись в результатах поисковых запросов.

Использование разнообразных критериев запроса дает возможность исследователям в том числе проводить различные статистические исследования (Чурекова 2023а). К примеру, с помощью ограничения хронологического диапазона, можно установить, что база содержит сведения о 84 хиосских сосудах V в. до н.э., в то время как продукция Фасоса этого же периода представлена только 51 экземпляром. Эти данные хорошо соотносятся с тем, что мы получаем при исследовании археологических памятников Причерноморья. Среди сосудов VI в. до н.э., имеющихся в нашей выборке, Хиос также занимает лидирующие позиции по импорту. При этом обращает на себя внимание очень небольшое количество хиосских амфор эллинистического времени в музейных коллекциях, что лишний раз подтверждает сделанный ранее вывод о резком сокращении хиосского экспорта в Причерноморье с конца IV в. до н.э. (Монахов 2003: 23). Нельзя говорить о полном прекращении хиосских поставок в это время, однако большая часть имеющихся в нашем распоряжении поздних амфор этого центра происходит из Северо-Западного Причерноморья. Однако распределение хиосских амфор по музейным собраниям отнюдь неравномерно. К примеру, в Краснодарской коллекции хранится только 14 сосудов этого центра, 7 из которых найдены при раскопках на Тамани и Семибратнего городища, происхождение еще 6 остается неизвестно. Документально подтверждается находка в меотских некрополях лишь одного экземпляра хиосской тары[3]. И в результатах этого поискового запроса, где критериями поиска выступают «центр производства» и «музей» (в данном случае — APE.VI), уже отражены не просто особенности формирования коллекции музея, а специфика торговых связей Прикубанского региона, для которого характерно практически полное отсутствие тары Хиоса и Пепарета (Монахов и др. 2023а: 304—305).

[3] По иронии судьбы, в фондах музея он обнаружен не был. Информация о нем известна только из отчета.

В 2023 г. принято решение дополнить базу данных APE еще одним очень важным элементом — фотографиями петрографических шлифов и их кратким описанием. Работы по петрографическому изучению глин амфор разных производственных центров велись в рамках проекта РНФ № 22-28-00375 «Минералого-петрографические исследования античной тарной керамики эпохи классики и эллинизма», руководитель Е.В. Кузнецова. Дело в том, что некоторые из образцов тканей взяты с амфор, которые уже опубликованы и размещены в базе данных APE. Количество таких образцов невелико (на сегодняшний день их всего 28), но, как нам представляется, добавление информации о результатах петрографического анализа ткани конкретных амфор значительно увеличит научную значимость информационного ресурса.

Таким образом, функционал портала APE не ограничивается лишь описанием особенностей сосудов и возможностью поиска аналогий вновь обнаруженным амфорам и клеймам, но и позволяет проводить различные статистические исследования, в том числе при характеристике торговых связей отдельных полисов или регионов. Выбранный формат представления информации себя вполне оправдал, о чем можно судить по статистике посещений. На сегодняшний день количество просмотров превышает 51000 и можно уверенно говорить о стабильном росте популярности и востребованности ресурса.

Разумеется, так как речь идет о музейных коллекциях, материалы, содержащиеся в базе, не являются генеральной совокупностью, а представляют собой довольно специфическую выборку, так как при пополнении собраний музеев зачастую отдают предпочтение целым сосудам, желательно с клеймами, дипинти и граффити. К тому же в такие крупные музеи, как Государственный Эрмитаж и ГМИИ им. А.С. Пушкина, не часто сдавались археологические коллекции, это происходило только в тех отдельных случаях, когда исследования проводились сотрудниками, благо в обоих музеях раскопкам уделяется огромное внимание и в их фондах хранятся материалы со многих памятников Северного Причерноморья. Порой формирование собрания амфор происходит в результате дарений или поступления частных коллекций. Именно так произошло, например, в Ялтинском музее, где античное хранение было сформировано из собрания древностей великого князя Александра Михайловича. При этом, к сожалению, не сохранилось абсолютно никаких учетных записей о происхождении предметов, хотя известно, что описи коллекции Александра Михайловича в свое время были составлены Э.Р. фон Штерном и К.К. Косцюшко-Валюжиничем (Монахов и др. 2023b: 8). Есть и исключения из подобной практики: коллекция из Прикубанского некрополя была сдана в Краснодарский музей целиком и за исключением нескольких сосудов мы располагаем полным набором находок, включая амфоры и прочие материалы комплексов.

Также нельзя не учитывать, что в музеи, как правило, сдают материалы археологических раскопок с близлежащей территории, исключение составляют опять же ГМИИ и Эрмитаж. Это в свою очередь определяет географию и хронологию музейных амфорных собраний. Так, в Керченском музее представлены почти исключительно материалы, происходящие с поселений, некрополей и курганов Керченского полуострова: Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Тиритаки, поселений европейского Боспора на Азовском и Черноморском побережье и т.д. Большое количество амфор происходят из охранных раскопок на территории Керчи и не могут быть соотнесены с каким-то конкретным памятником. Присутствуют в собрании и сосуды, чье происхождение вообще неизвестно (71 экз.) или поднятые из моря (28 экз.). Причем, так как Керчь в советское время являлась крупным портовым городом, то в музей активно поступали находки не только из вод, омывающих Крым (Керченский пролив, м. Опук, Феодосия, Ялта, Судак, Севастополь), но и сделанные у берегов Анапы и даже у о. Змеиный (Чурекова 2023b: 255).

В Херсонесском музее отмечается примерно такая же картина — в основном здесь хранятся находки из раскопок самого Херсонеса, а также с территории Гераклейского полуострова. В этой коллекции мало сосудов, поднятых со дна моря — 9 экз., а большая часть беспаспортных амфор (всего 31 экз.) соотносится с дореволюционными раскопками

К.К. Косцюшко-Валюжинича, но при этом, установить точное место находки невозможно (Монахов и др. 2017: 82, 95. NA.1, Er.6; Чурекова 2023b: 255).

Самое большое разнообразие в происхождении амфор можно наблюдать в коллекции Эрмитажа. Во-первых, в музей поступали находки из самых разных регионов России. В особенности это относится к дореволюционным раскопкам. Здесь и материалы из курганов Лесостепи, и курганных некрополей Нижнего Дона и Кубани, из раскопок античных городов Северного Причерноморья: Пантикапея, Мирмекия и т.д. Особое место в коллекции занимают находки из Березани и Ольвии. Есть и амфоры (43 экз.), происходящие из частных коллекций или переданные из собраний различных учреждений (ИАК, Русского археологического института в Константинополе, ГАИМК и т.д.), естественно, установить принадлежность таких сосудов к конкретным памятникам невозможно (Монахов и др. 2019; Чурекова 2023b: 255).

Коллекция ГМИИ сама по себе небольшая, и хранящиеся здесь сосуды в основном происходят из раскопок на Таманском п-ве (Фанагория, Гермонасса, Кепы, Тирамба) и в Пантикапее, которые проводили сотрудники музея (М.М. Кобылина, А.К. Коровина, Е.А. Савостина, В.П. Толстиков и др.). 12 амфор поступили из разного рода дарений и покупок. 4 сосуда подняты из моря, при этом с одним из них связана интересная история: удалось установить, что амфора была произведена в одном из поместий представителя знатного римского рода Сестиев и возможно, происходит из знаменитого кораблекрушения Гран-Конглуэ близ Марселя (Монахов 2020; Monakhov 2021).

Амфоры из собрания Краснодарского музея были опубликованы в двух томах (Монахов и др. 2021; 2022). Как уже неоднократно отмечалось, это самая большая в России, и вероятно в мире, коллекция амфор, всего нами было обработано 673 сосуда. Из них 324 амфоры происходят из Прикубанского некрополя, остальные, по большей части, — из меотских могильников, расположенных вблизи Краснодара (у хут. Ленина, у ст-ц Старокорсунская, Елизаветинская, Марьянская, Пашковская и др.). Однако здесь также присутствуют немногочисленные материалы с более отдаленных от Краснодара памятников, например, с Тамани. Амфор, происхождение которых неизвестно, 44 экз., причем у большинства из них шифр утерян уже после поступления в музей.

В целом, обработанные материалы значительно продвинули наши представления о торговле античного мира. Амфорный материал обладает колоссальным потенциалом, а использование в исследованиях каталогов или базы APE в ряде случаев дает результаты, совпадающие с теми выводами, которые сделаны на основании работы с отчетами или непосредственно с находками из раскопок памятников. Очень важным результатом нашей работы стало появление аналогичных изданий в Турции (Sezgin et al. 2022), похожий проект “**DigiAmphorae**” стартовал в Болгарии (Balabanov 2023: 125—126). Последний посвящен изучению амфорных коллекций музеев страны, и должен завершиться созданием базы данных по тарным сосудам. Проект инициирован NNEC-UNESCO — София, Болгария, с несколькими партнерами. За основу оболочки ресурса взята схема, предложенная в нашей базе APE, однако исследователи планируют дополнить ее данными о химическом составе формовочной массы тарных сосудов и системой трехмерной визуализации. Начало проекта было анонсировано в 2023 г., о степени его выполнения пока судить сложно (Balabanov 2023: 125—126), однако мы очень надеемся на его успешную реализацию.

При этом стоит подчеркнуть, что массив керамической тары в музейных собраниях других стран значительно уступает отечественным фондохранилищам. Работа по введению в научный оборот амфор из музейных собраний в настоящий момент продолжается. Впереди нас ждет завершение работы с коллекциями феодосийского, евпаторийского музеев, Центрального музея Тавриды, музея-заповедника «Калос Лимен», Ростовского областного музея краеведения, Азовского и других музеев.

В целом следует отметить, что в области цифровизации массового керамического материала, за последние десятилетия достигнуты значительные успехи. Усилия отдельных научных

коллективов, занимающихся разработкой и пополнением информационных ресурсов, привели к созданию нескольких достаточно удобных в использовании и научно значимых датабаз, функционал которых постепенно усовершенствуется и дополняется новыми возможностями. С точки зрения документирования и визуализации объектов наиболее удачным и отвечающим всем современным требованиям, следует считать прием формирования иллюстративных материалов на основе трехмерных моделей, созданных с помощью фотограмметрии. Особого внимания заслуживают варианты представления результатов поисковых запросов, разработанных и реализованных в базе данных «Roman Open Data». Достигнутые значимые результаты в области систематизации и информатизации позволят в конечном счете приблизиться к реализации столь необходимых исследователям цифровых корпусов массового археологического материала, каковым являются амфоры и керамические клейма.

Литература

Брашинский И.Б. 1963. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н.э. В: Болтунова А.И. (отв. ред.). *Античный город*. Москва: АН СССР, 132—145.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли*. Ленинград: Наука.

Гарлан И. 2010. Последние достижения греческой керамической эпиграфики на Западе. *AMA* 14, 371—396.

Гарлан И., Боду Н. 2011. Греческие амфорные клейма. *AMA* 15, 411—425.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора.* Москва: Наука (МИА 83).

Кац В.И. 1979. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм). *AMA* 4, 176—191.

Кац В.И. 1992. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (отв. ред.). *Греческие амфоры*. Саратов: Саратовский университет, 205—228.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Ковальченко И.Д. 1984. *Количественные методы в исторических исследованиях*. 1984. Москва: Высшая школа.

Кузнецова Е.В. 2005. Методика изучения античной торговли (на примере керамического комплекса Фанагорийского городища). *Antiquitas Iuventae* 1, 159—172.

Кузнецова Е.В. 2013. *Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI—III вв. до н.э. (по данным керамической тары)*: дисс. … канд. ист. наук. Саратов: Саратовский университет.

Ломтадзе Г.А. 2015. *Керамическая тара из раскопок поселений IV — первой трети III в. до н.э. «царской хоры Европейского Боспора.* Москва: ИА РАН (Древности Боспора. Suppl. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 3).

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2020. Подарок вождю: римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ. *Нижневолжский археологический вестник* 19 (2), 306—310.

Монахов и др. 2016: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Саратов: Новый проект.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2017. *Амфоры V—II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес-Таврический». Каталог.* Саратов: Новый проект.

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит.

Монахов и др. 2020: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI—I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Амирит.

Монахов и др. 2021: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. *Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына)*. Саратов: Ипполит.

Монахов и др. 2022: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. *Амфоры VI—I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына*. Саратов: Амирит.

Монахов и др. 2023: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Новиченкова Н.Г., Чурекова Н.Б. 2023. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея*. Саратов: Амирит.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2023. Амфорные собрания музеев России: некоторые итоги по результатам изданий последних лет. *ПИФК* 3 (81), 299—311.

Свойский и др. 2023: Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В. 2023. О методике массового бесконтактного документирования амфорных клейм. *КСИА* 270, 370—383.

Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А. 2016. Комплекс амфор подзнеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация). *Древности Боспора* 20, 467—482.

Чурекова Н.Б. 2022. О возможностях использования статистических методов при работе с базой APE. В: Лебединский В.В. (отв. ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами востока. VI международная научная конференция (Севастополь, 3—7 октября 2022 г.). Материалы конференции*. Москва: ИВ РАН, 459—468.

Чурекова Н.Б. 2023a. Статистические методы при работе с амфорными каталогами и базой APE. *AMA* 21, 226—239.

Чурекова Н.Б. 2023b. Амфоры как источник по изучению торговых связей греческих полисов: особенности работы с печатными и электронными музейными каталогами. В: Хршановский В.А. (предс. редкол.) и др. *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 252—258.

amphoralex.org: 1: Centre Alexandrin d'Étude des Amphores. URL: http://amphoralex.org (дата обращения 12.01.2024).

amphorastamps.rssda.su: 1: Амфорные клейма. URL: https://amphorastamps.rssda.su (дата обращения 12.01.2024).

ape.sgu.ru: 1: Греческие амфоры (VII—II вв. до н.э.) с северных берегов Понта — APE. URL: https://ape.sgu.ru/Amphora/ (дата обращения 12.01.2024).

archaeologydataservice.ac.uk: 1: Roman Amphorae: a digital resource. URL: https://archaeologydataservice.ac.uk/archives/view/amphora_ahrb_2005/ (дата обращения 12.01.2024).

ascsa.edu.gr: 1: American School of Classical Studies. URL: https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid (дата обращения 12.01.2024).

Badoud N. 2011. De la description en archéologie: l'exemple des timbres amphoriques. *Workshop on the Documentation of Amphora Stamps and the Study of Eastern Mediterranean Amphorae*. URL: https://www.academia.edu/15974665/De_la_description_en_arch%C3%A9ologie (дата обращения 12.01.2024).

Balabanov P. 2023. DigiAmphorae Project. *Bulgarian e-Journal of Archaeology* 13.1, 125—126.

Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* / BAR IS 990. Oxford: Oxford Press.

Kuznetsova E.V. Monakhov S.Yu. 2022. Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections). In: Rembart L., Waldner A. (eds.). *IARPotHP* 4. *Manufacturers and Markets. The Contribution of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small*. Wien: Phoibos Verlag, 447—463.

Lawall M., Tzochev Ch. 2020. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010—2020. *Archaeological Reports* 66 (2019—2020). The Society for the Promotion of Hellenic Studies and the British School at Athens. Athens: British School at Athens, 117—144.

Lawall M.L. 2022. Virginia Grace and Joseph Brashinsky on Samian amphoras. В: Медведев А.П. (отв. ред.). *«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова*. Саратов: Амирит, 252—268.

Monakhov S.Yu. 2021. The Discovery of a Greco-Italic Amphora from the Black Sea Region. *Pontica* LIV, 295—305.

Monakhov S.Yu., Churekova N.B. 2022. Hellenistic Amphorae in the Project "Greek Amphorae from the Northern Pontus Euxinus (7th — 2nd Century B.C.) — APE". In: Rembart L., Waldner A. (eds.). *IARPotHP* 4. *Manufacturers and Markets. The Contribution of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small*. Wien: Phoibos Verlag, 307—317.

Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: Kozlovskaya V. (ed.). *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 59—99, 294—298, 318—360.

Opaiţ A. 1991. Ceramica din aşezarea şi cetatea de la Independenţa. (Murighiol), sec. V î, e. n. — VII e. n. *Peuce* X. Vol. I, 133—182.

projects.chass.utoronto.ca: 1: The AMPHORAS Project. URL: http://projects.chass.utoronto.ca/cgi-bin/amphoras/well (дата обращения 12.01.2024).

Remesal Rodríguez J., García Sánchez M., Rull G. 2017. La banque de données d'épigraphie amphorique grecque du CEIPAC et The EPNet Project. *Protection and Enhancement of Cultural Heritage. The Case of Transport Amphorae*. Rhodes: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού Εφορεία Αρχαιοτήτων Δωδεκανήσου Οδός Ιπποτών, 169—183.

Remesal Rodríguez J., Porcheddu V., Garcíe Sánches M. 2013. Sodales Adiuvate! Il contributo dell'informatica al progresso dell'epigrafia anforaria Greca. *Epigraphica* LXXV (1—2), 310—334.

romanopendata.eu: 1: Roman Open Data. URL: https://romanopendata.eu/#!/#%2F (дата обращения 12.01.2024).

romanopendata.eu: 2: CEIPAC. URL: https://romanopendata.eu/greek/activity (дата обращения 12.01.2024).

Sezgin Yu., Kaan Şenol A., Cankardeş-Şenol G. 2022. *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları.* İstanbul: İzmir Ticaret Borsası ve yazarlar.

stampsofbosphorus.ru: 1: Керамические клейма Северного Причерноморья. URL: http://stampsofbosphorus.ru/ (дата обращения 12.01.2024).

References

Brashinskiy, I.B. 1963. In: Boltunova, A.I. (ed.). *Antichnyy gorod (The Ancient City)*. Moscow: AN SSSR, 132—145 (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1980. *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu (Greek ceramic import on the Lower Don)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1984. *Metody issledovaniya antichnoy torgovli (Methods of studying ancient trade)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Garlan, Y. 2010. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 14, 371—396 (in Russian).

Garlan, Y., Bodu, N. 2011. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 15, 411—425 (in Russian).

Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic container of the Bosporus)*. Moscow: AN SSSR (Materials and research on archeology of the USSR 83) (in Russian).

Kats, V.I. 1979. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 4, 176—191 (in Russian).

Kats, V.I. 1992. In: Kats, V.I., Monakhov, S.Yu. (eds.). *Grecheskie amfory (Greek amphorae)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 205—228 (in Russian).

Kats, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XVIII (in Russian).

Koval'chenko, I.D. 1984. *Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh (Quantitative methods in historical research)*. 1984. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Kuznetsova, E.V. 2005. In *Antiquitas Iuventae* 1, 159—172 (in Russian).

Kuznetsova, E.V. 2013. Economic ties of ancient settlements of the Asian Bosporus in the 6th — 3rd centuries BC (based on ceramic containers). PhD Thesis. Saratov: Saratovskiy universitet.

Lomtadze, G.A. 2015. *Keramicheskaya tara iz raskopok poseleniy IV — pervoy treti III v. do n.e. «tsarskoy khory Evropeyskogo Bospora (Ceramic containers from excavations of settlements of the 4th - first third of the 3rd century BCE of the "Royal Chora of the European Bosporus")*. Moscow: IA RAN (Antiquities of the Bosporus. Suppl. III. The royal chorus of the Bosporus (based on excavations in the Crimean Azov region). Vol. 3) (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye: tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare (Greek amphorae in the Black Sea region: typology of amphorae of the leading centers exporting goods in ceramic containers)*. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2020. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (2), 306—310 (in Russian).

Monakhov et al. 2016: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016. *Amfory VI—II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog (Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the Collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Catalogue)*. Saratov: Novyy proyekt (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017. *Amfory V—II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Khersones-Tavricheskiy". Katalog*

(Amphoras of the 5th — 2nd Centuries BCE from the Collection of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos". Catalogue). Saratov: Novyy proyekt (in Russian).

Monakhov et al. 2019: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (Antique amphora collection of the State Hermitage Museum of the 6th — 2nd Centuries BCE)*. Saratov: Amirit (in Russian).

Monakhov et al. 2020: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020. *Amfory VI—I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Amphoras of the 6th — 1st centuries BCE from the collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Saratov: Amirit (in Russian).

Monakhov et al. 2021: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV — nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna) (Amphoras of the Prikubansky necropolis of the 4th — early 3rd centuries BCE (from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn))*. Saratov: Ippolit (in Russian).

Monakhov et al 2022: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. *Amfory VI—I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna (Amphoras of the 6th — 1st centuries BCE from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)*. Saratov: Amirit (in Russian).

Monakhov i dr. 2023: Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Novichenkova N.G., Churekova N.B. 2023. Amfory VI—II vv. do n.e. iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya. Saratov: Amirit (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2023. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3 (81), 299—311 (in Russian).

Svoyskiy et al. 2023: Svoyskiy, Yu.M., Ol'khovskiy, S.V., Romanenko, E.V., Zaytsev, A.V. 2023. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 270, 370—383 (in Russian).

Tolstikov, V.P., Lomtadze, G.A. 2016. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus)* 20, 467—482 (in Russian).

Churekova, N.B. 2022. In: Lebedinskiy, V.V. (ed.). *Istoricheskiye, kul'turnyye, mezhnatsional'nye, religioznyye i politicheskiye svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami vostoka. VI mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sevastopol', 3—7 oktyabrya 2022 g.). Materialy konferentsii (Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East. 6th International Scientific Conference (Sevastopol, October 3—7, 2022). Conference materials)*. Moscow: IV RAN, 459—468 (in Russian).

Churekova, N.B. 2023a. In *Antichnyy mir i arkheologiya* (*The Ancient World and Archaeology*) 21, 226—239 (in Russian).

Churekova, N.B. 2023b. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.) et al. *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii (Bosporan phenomenon: quarta pars saeculi. Results, problems, discussions)*. Saint Petersburg: Chistyy list, 252—258 (in Russian).

amphoralex.org: 1: Centre Alexandrin d'Étude des Amphores. Available at: http://amphoralex.org (accessed 12.01.2024).

amphorastamps.rssda.su: 1: Амфорные клейма. Available at: https://amphorastamps.rssda.su (accessed 12.01.2024).

ape.sgu.ru: 1: Greek amphorae (7th — 2nd centuries BCE) from the northern shores of Pontus — APE. Available at: https://ape.sgu.ru/Amphora/ (accessed 12.01.2024).

archaeologydataservice.ac.uk: 1: Roman Amphorae: a digital resource. Available at: https://archaeologydataservice.ac.uk/ archives/view/amphora_ahrb_2005/ (accessed 12.01.2024).

ascsa.edu.gr: 1: American School of Classical Studies. Available at: https://www.ascsa.edu.gr/index.php /archives/virginia-grace-finding-aid (accessed 12.01.2024).

Badoud, N. 2011. De la description en archéologie: l'exemple des timbres amphoriques. *Workshop on the Documentation of Amphora Stamps and the Study of Eastern Mediterranean Amphorae*. Available at: https://www.academia.edu/15974665/De_la_description_en_arch%C3%A9ologie (accessed 12.01.2024).

Balabanov, P. 2023. DigiAmphorae Project. *Bulgarian e-Journal of Archaeology* 13.1, 125—126.

Finkielsztejn, G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan* / BAR IS 990. Oxford: Oxford Press.

Kuznetsova, E.V. Monakhov, S.Yu. 2022. Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections). In: Rembart, L., Waldner, A. (eds.). *IARPotHP* 4. *Manufacturers and Markets. The Contribution of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small*. Wien: Phoibos Verlag, 447—463.

Lawall, M., Tzochev, Ch. 2020. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010—2020. *Archaeological Reports* 66 (2019—2020). The Society for the Promotion of Hellenic Studies and the British School at Athens. Athens: British School at Athens, 117—144.

Lawall, M.L. 2022. Virginia Grace and Joseph Brashinsky on Samian amphoras. In: Medvedev, A.P. (ed.). *"Ot Kavkaza do Dunaya": Severnoe Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu professora S.YU. Monakhova ("From the Caucasus to the Danube": The Northern Black Sea region in the ancient era. Collection of scientific papers for the 70th Anniversary of Professor S.Yu. Monakhov)*. Saratov: Amirit, 252—268.

Monakhov, S.Yu., Churekova, N.B. 2022. Hellenistic Amphorae in the Project "Greek Amphorae from the Northern Pontus Euxinus (7th — 2nd Century B.C.) — APE". In: Rembart L., Waldner A. (eds.). *IARPotHP* 4. *Manufacturers and Markets. The Contribution of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small*. Wien: Phoibos Verlag, 307—317.

Monakhov S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: Kozlovskaya V. (ed.). *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 59—99, 294—298, 318—360.

Monakhov, S.Yu. 2021. The Discovery of a Greco-Italic Amphora from the Black Sea Region. *Pontica* LIV, 295—305.

Opaiţ, A. 1991. Ceramica din aşezarea şi cetatea de la Independenţa. (Murighiol), sec. V î, e. n. — VII e. n. *Peuce* X. Vol. I, 133—182.

projects.chass.utoronto.ca: 1: The AMPHORAS Project. Available at: http://projects.chass.utoronto.ca/cgi-bin/amphoras/well (accessed 12.01.2024).

Remesal Rodríguez, J., García Sánchez, M., Rull, G. 2017. La banque de données d'épigraphie amphorique grecque du CEIPAC et The EPNet Project. *Protection and Enhancement of Cultural Heritage. The Case of Transport Amphorae*. Rhodes: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού Εφορεία Αρχαιοτήτων Δωδεκανήσου Οδός Ιπποτών, 169—183.

Remesal Rodríguez, J., Porcheddu, V., Garcíe Sánches, M. 2013. Sodales Adiuvate! Il contributo dell'informatica al progresso dell'epigrafia anforaria Greca. *Epigraphica* LXXV (1—2), 310—334.

romanopendata.eu: 1: Roman Open Data. Available at: https://romanopendata.eu/#!/#%2F (accessed 12.01.2024).

romanopendata.eu: 2: CEIPAC. Available at: https://romanopendata.eu/greek/activity (accessed 12.01.2024).

Sezgin, Yu., Kaan Şenol, A., Cankardeş-Şenol, G. 2022. *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları.* İstanbul: İzmir Ticaret Borsası ve yazarlar.

stampsofbosphorus.ru: 1: Ceramic stamps of the Northern Black Sea region. Available at: http://stampsofbosphorus.ru/ (accessed 12.01.2024).

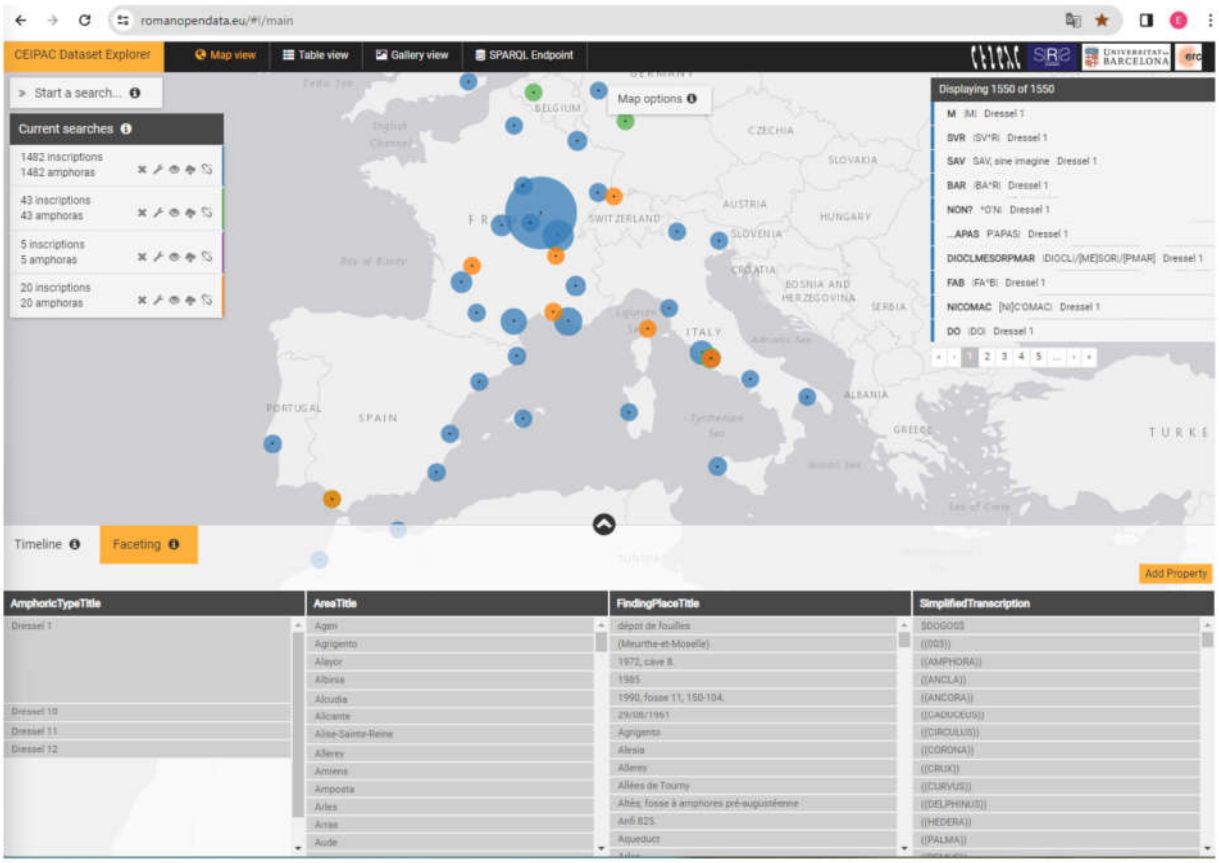


Рис. 1. Количественное и географическое распределение амфор разных типов по данным базы «Roman Open Data» (по romanopendata.eu: 1)**.**

Fig. 1. Quantitative and geographical distribution of amphoras of different types according to the Roman Open Data database (after romanopendata.eu: 1)**.**

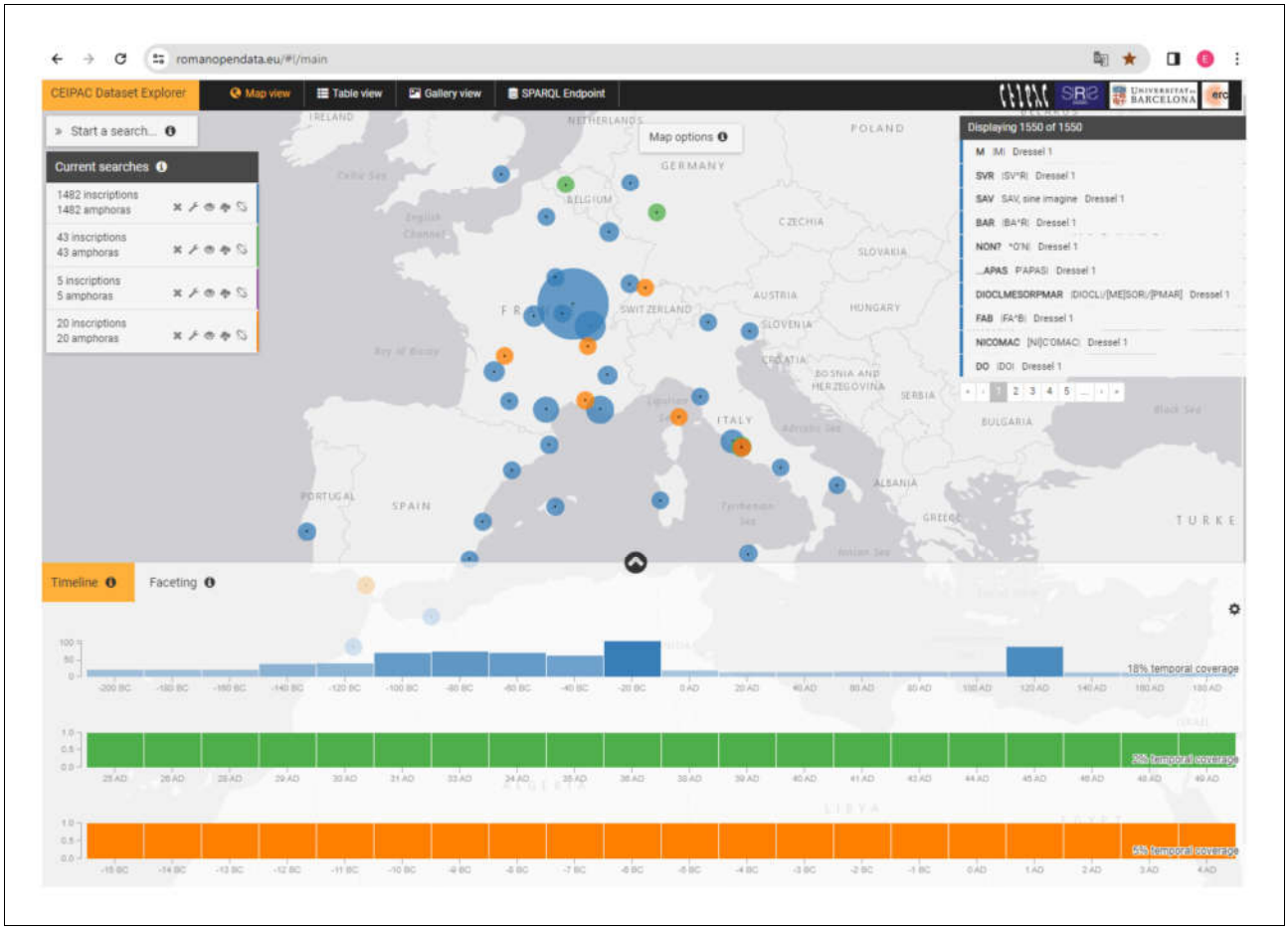


Рис. 2. Количественное, географическое и хронологическое распределение амфор разных типов по данным базы «Roman Open Data» (по romanopendata.eu: 1)**.**

Fig. 2. Quantitative, geographical and chronological distribution of amphoras of different types according to the Roman Open Data database (after romanopendata.eu: 1)**.**

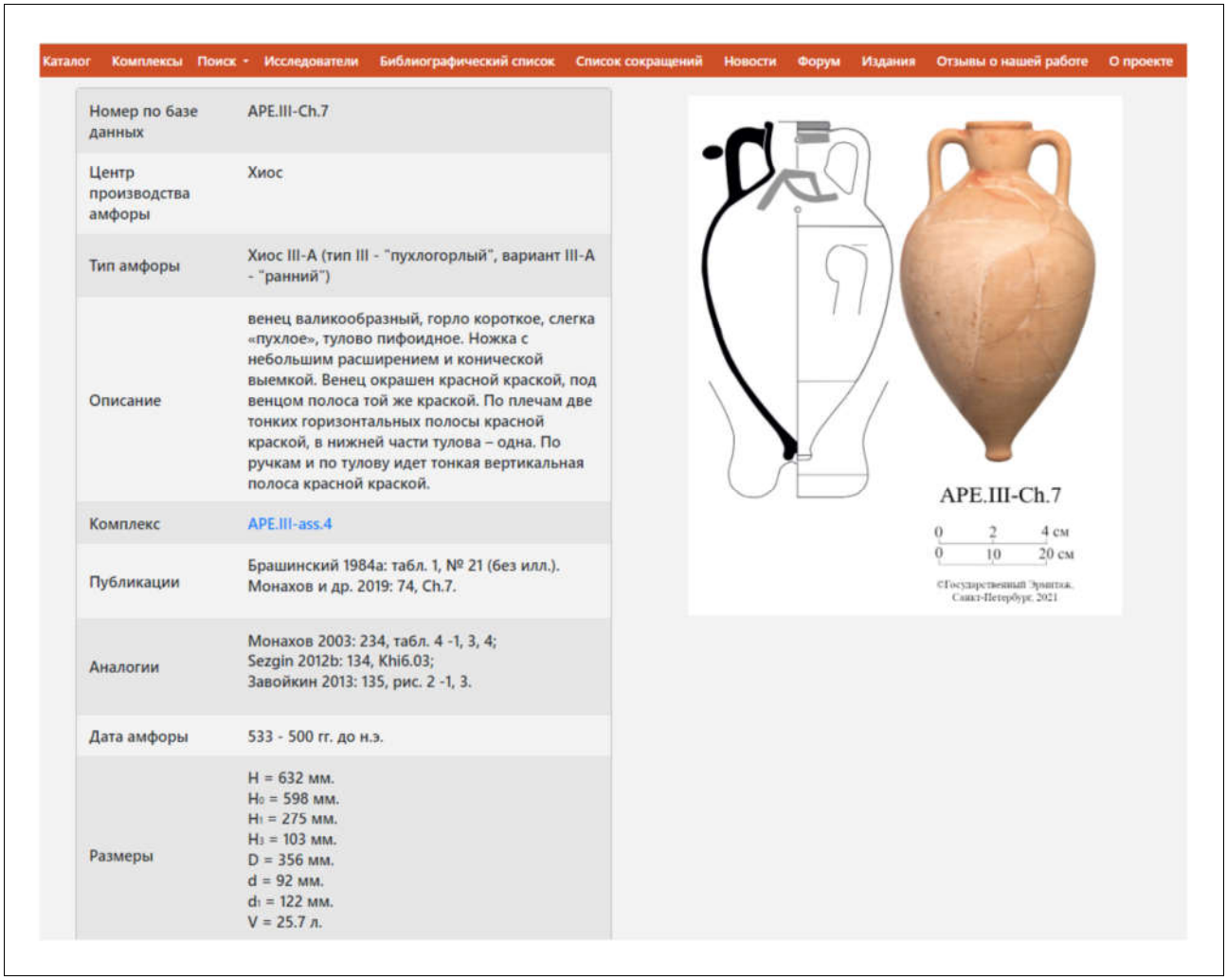


Рис. 3. «Карточка» хиосской амфоры в базе данных APE (по ape.sgu.ru: 1: № APE.III-Ch.7)**.**

Fig. 3. The "card" of the Chian amphora from the APE database (after ape.sgu.ru: 1: No. APE.III-Ch.7)**.**

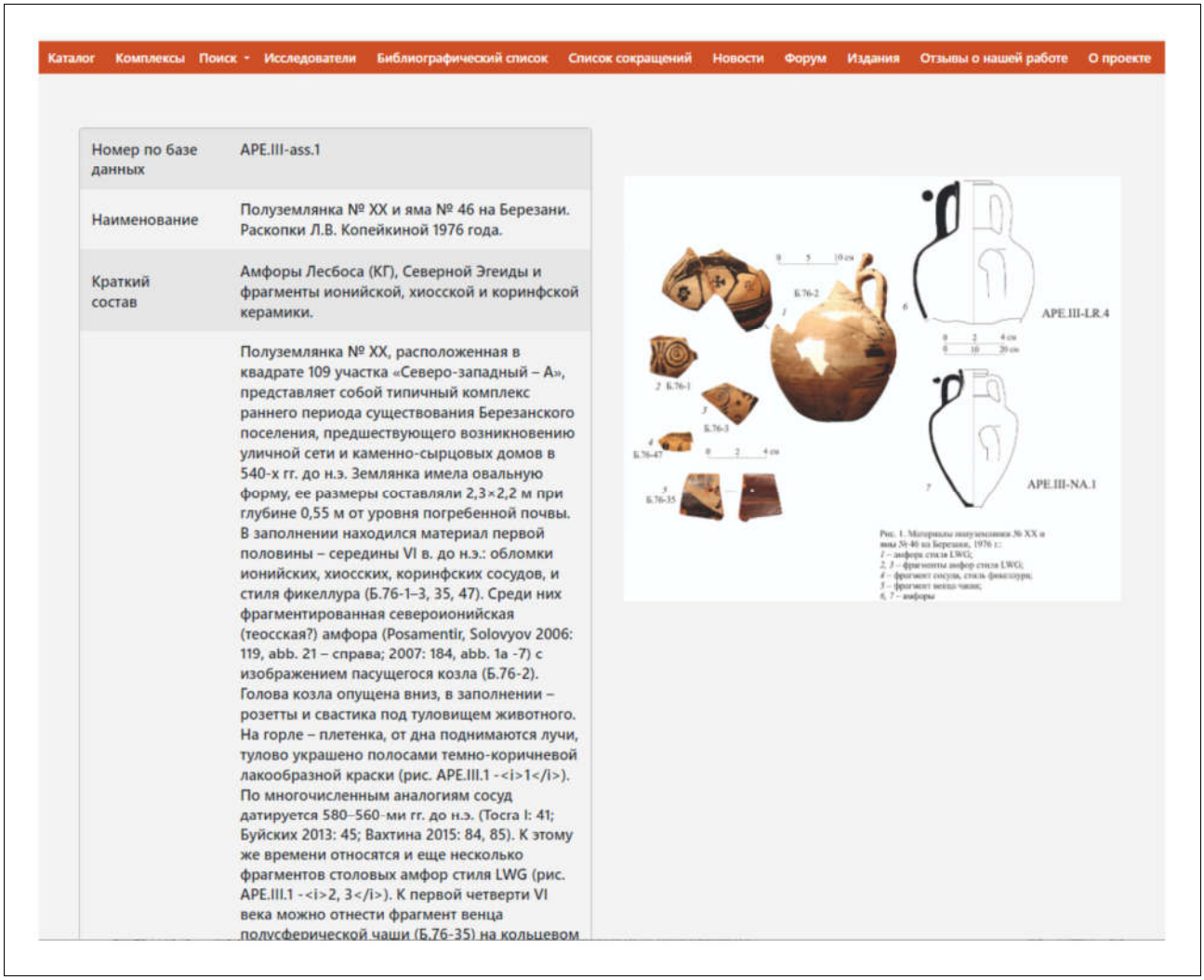


Рис. 4. Информация о комплексе «Полуземлянка № XX и яма № 46 на Березани» в базе данных APE (по ape.sgu.ru: 1: № APE.III-ass.1).

Fig. 4. Information about the complex “Half-dogout No. XX and pit No. 46 on Berezan” in the APE database (after ape.sgu.ru: 1:No. APE.III-ass.1).

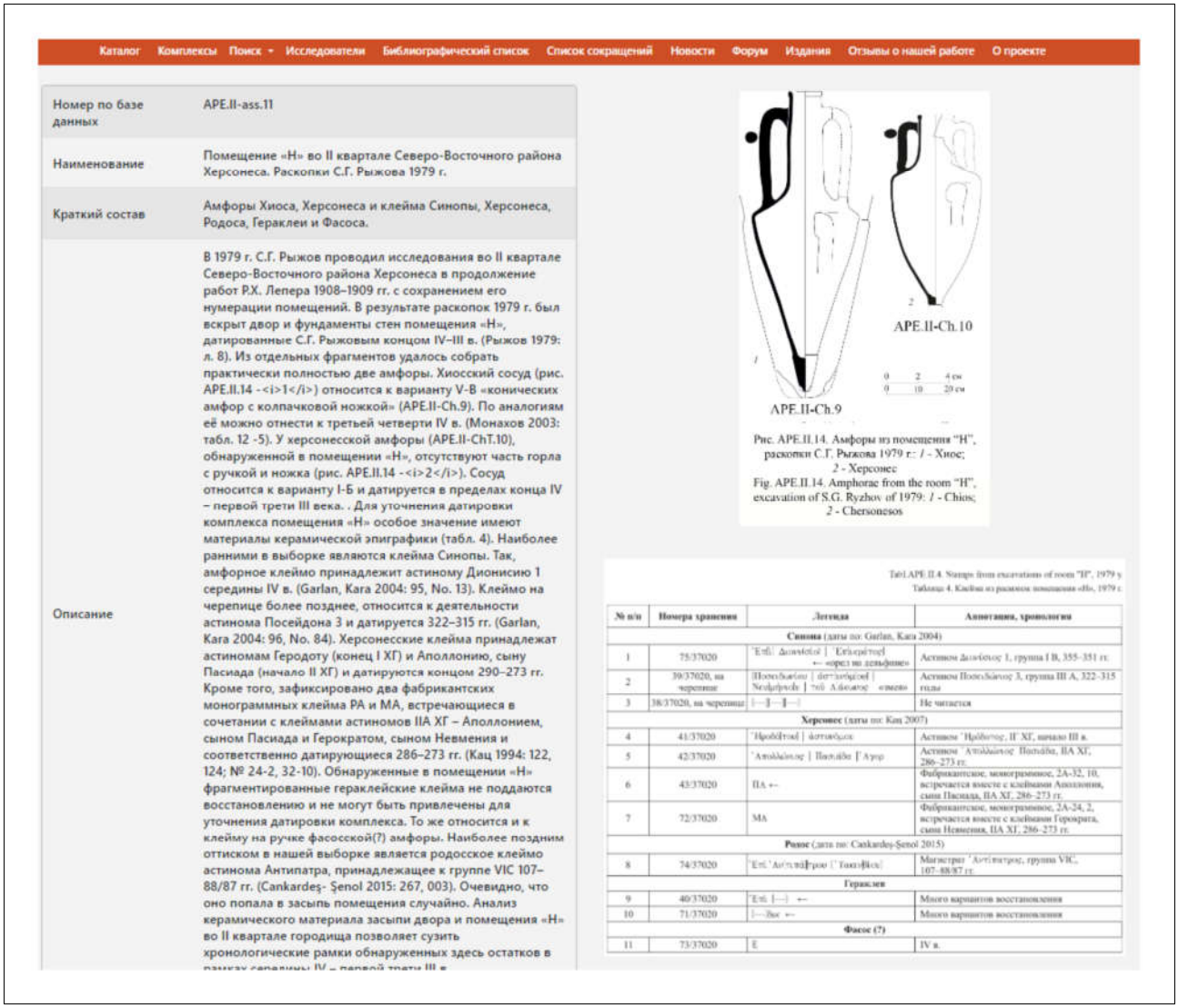


Рис. 5. Информация о комплексе из Херсонеса с отдельными клеймами из заполнения объекта (по ape.sgu.ru: 1: № APE.II-ass.11)**.**

Fig. 5. Information about the complex from Chersonesos with separate stamps from the filling of the object (after ape.sgu.ru: 1: No. APE.II-ass.11)**.**

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.24.49.014

С.В. Ярцев, Ма Янь

НОВАЯ НАХОДКА СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ С ТЕМНОЛАКОВЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ РАСКОПОК «АДЖИЭЛЬ I» В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В I В. ДО Н.Э.*

Статья посвящена сероглиняной керамике с темнолаковым покрытием, фрагмент которой был найден в 2023 г. в слое I в. до н.э. — I в. н.э. на территории памятника «Аджиэль I», расположенного на западной границе Боспорского царства. Относительно к общему объему гончарной посуды в регионе, такая керамика в указанное время встречается значительно реже. Очевидно, что использование данной специфической гончарной продукции отражает особенности этнокультурного взаимодействия на Боспоре в эпоху Митридатовых войн и в последующий период правления царей Фарнака и Асандра. По мнению автора, наличие указанной керамики в ряде пограничных мест государства, где в данное время несли службу наемники и военные поселенцы, может свидетельствовать в пользу присутствия там военнослужащих, скорее всего высокого ранга, для которых использование чернолаковой посуды было частью культурной традиции. В ходе нарушения торговых связей и прекращения поступления привычного объема импорта в регион, именно они стали основными потребителями изделий, создаваемых в ходе местного производства имитации подобной посуды. В качестве рабочей гипотезы, автор предлагает считать таких командиров — выходцами из Малой Азии, которые попали на Боспор вместе с понтийской армией Митридата VI Евпатора и остались здесь на службе у царей Фарнака и Асандра. Не исключено, что употреблением такой посуды, указанные ветераны пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентичность, пребывая в иной этнической среде.

Ключевые слова: Боспорское царство, Митридат VI Евпатор, Фарнак, Асандр, военные поселенцы, чернолаковая керамика, сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, «Аджиэль I», Узунларская оборонительная линия, сигнальные башни, царские резиденции.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович[1], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ма Янь[2], PhD, Университет Внутренней Монголии.

Контактная информация: [1]300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, e-mail: s-yartsev@yandex.ru; [2]010021, Китайская народная республика, г. Хух-Хото, ул. Западного колледжа, д. 235, Университет Внутренней Монголии, e-mail: my_history@163.com.

S.V. Yartsev, Ma Yan

A NEW FIND OF GREY CLAY POTTERY WITH DARK LACQUER COATING FROM THE EXCAVATIONS OF “ADZHIEL I” IN THE CONTEXT OF ETHNO-CULTURAL INTERACTION ON THE TERRITORY OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE 1ST CENTURY BCE

The article is devoted to grey clay pottery with dark lacquer coating, a fragment of which was found in 2023 in the layer of the 1st century BCE — 1st century CE at the “Adzhiel I” site, located on the western border of the Bosporan Kingdom. Relative to the total volume of pottery in the region, such pottery is much

* Работа выполнена за счет гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 25 июня 2024 г.
Принята к печати 12 июля 2024 г.

© С.В. Ярцев, Ма Янь, 2024.

rarer at this time. Obviously, the use of this specific pottery reflects the peculiarities of ethno-cultural interaction in the Bosporus during the era of the Mithridatic Wars and in the subsequent period of the reign of the kings Pharnaces and Asander. In the author's opinion, the finds of the above ceramics in a number of frontier places of the state, where mercenaries and military settlers were serving at that time, could indicate the presence of military personnel, most likely of high status, for whom the use of black-lacquer ware was part of the cultural tradition. Amid disruptions to trade connections and a decline in traditional imports, these military elites became the primary consumers of locally produced imitations of such pottery. As a working hypothesis, the author proposes to consider such military commanders as natives of Asia Minor, who came to the Bosporus together with the Pontic army of Mithridates VI Eupator and stayed here in the service of the kings Pharnaces and Asander. It is not excluded that by using such utensils, these war veterans tried to preserve their ethnic and possibly social identity, staying in a different ethnic environment.

Key words: Bosporan Kingdom, Mithridates VI Eupator, Pharnaces, Asander, military settlers, black-lacquer ceramics, grey-clay ceramics with dark-lacquer coating, "Adzhiel I", Uzunlar defence line, signal towers, royal residences.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich[1], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Ma Yan[2], PhD, Inner Mongolia University.

Contact information: [1]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, e-mail: s-yartsev@yandex.ru; [2]010021, People's Republic of China, Hohhot, 235 West College Rd., Inner Mongolia University, e-mail: my_history@163.com.

Исследуемый нами с 2017 г. памятник «Аджиэль I» был выявлен на правом юго-восточном склоне Аджиэльской балки — естественном защитном рубеже Восточного Крыма. Балка располагается почти в меридиональном направлении и поэтому отгораживает большую часть Керченского полуострова (Зубарев, Смекалов 2014: 106). Данное урочище характеризуется крутыми обрывистыми склонами и отличается обилием воды. По его дну протекает река одноименного названия, впадающая в Казантипский залив Азовского моря. В окрестностях балки располагаются большие массивы высокопродуктивных земель — черноземов, что вместе с другими особенностями данного района Европейского Боспора, безусловно, способствовало размещению здесь пограничных военных поселений, крепостей и гарнизонов государства (Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016: 110—136). Все это также объясняет, почему Узунларская оборонительная линия, укрепленная при царе Асандре башнями (Масленников 2003: 208), фактически брала под защиту именно этот район Восточного Крыма. Частью данной сложной системы фортификации в I в. до н.э., безусловно, являлся и укрепленный форт «Аджиэль I», расположенный на относительно ровной поверхности одного из мысов Аджиэльской балки, в 1,8 км к востоку от сторожевой башни на Узунларском валу № 2 и проезда II (Смекалова 2018: 25, рис. 1; 30, рис. 6; Абрамзон 2022: 6—8, рис. 2).

Выявленный объект располагается в непосредственной близости от археологических памятников «Городище Белинское», «Некрополь городища Белинское», «Аджиэль II», «Аджиэль III» и «Аджиэль IV». Он находится на платообразной поверхности выступающего в сторону Аджиэльской балки мыса и на его резко обрывающихся в балку склонах. Большая часть поверхности поселения сильно задернована и покрыта травяной растительностью. Перепад высот в направлении северо-восток — юго-запад составляет порядка 20 м. Здесь же на крутой обрывистой поверхности расположен мощный зольник с многочисленными черепками гончарной и лепной керамики I в. до н.э. — начала II в. н.э., а также рыболовными грузилами из ручек амфор, фрагментами пирамидальных грузил и печины. Судя по предварительным данным, указанное поселение было укреплено довольно мощными стенами и башнями. Один из участков оборонительной стены шириной более 1,0 м выявлен на северо-западном крае поселения. С противоположной, юго-восточной стороны, на самом краю обрыва был обнаружен фундамент круглого сооружения, предположительно башни. Площадь поселения определялась нами исходя из распространения археологического материала и границы культурного слоя памятника. Установление же точной границы последнего, стало возможным после проведения шурфовок

указанной территории. Судя по предварительным данным, площадь памятника составляет 0,34 га. Исходя из расположения объекта, небольшой гарнизон данного форта, мог контролировать важный участок дороги от прохода II в Узунларской оборонительной линии в сторону Тароны, а также передавать сигнал опасности в сторону Пантикапея. Возможно, также именно здесь в древности существовал мост через р. Аджиэль, что, безусловно, поднимало степень ответственности гарнизона за контролем над данным местом (Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018: 25—29; Ярцев, Филатов 2021: 106—113; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 335—341).

В ходе археологического исследования форта, в слое желто-коричневого суглинка с бутом, камнями и большим содержанием золы I в. до н.э. — I в. н.э. (шурф № 26), на глубине 0,4—0,5 м, был найден фрагмент донца не совсем обычной тарелки размером 9,5×9,8 см (рис. 1). Глина изделия темно-серая, плотная с мелкими белыми включениями и блестками. С внутренней стороны тарелки, где был нанесен орнамент в виде пальметты по кругу, хорошо сохранилось черное лаковое покрытие, отдаленно напоминающее черный лак эллинистического времени. В нашем случае, лак черного цвета, в достаточной степени густой и с матовым отливом, покрывает лишь внутреннюю сторону тарелки. Внешняя поверхность донца сероглиняной тарелки лаком не покрыта. Найденное на «Аджиэль I» изделие, однозначно относится к кругу редкой сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием[1]. Конечно, подобная сероглиняная гончарная посуда, в том числе и с лаковым покрытием, бытовала у античного населения Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса, Боспора) еще в предшествующее время — в IV—III вв. до н.э. (Егорова 2009: 64—70; Масленников 2019: 134, прим. 1). В дальнейшем в III—II вв. до н.э. доля всей неаттической керамики в Северном Причерноморье, включающая в себя и чернолаковую и сероглиняную посуду, неуклонно возрастала (Егорова 2009: 46—70). Однако, новый импульс к производству такой продукции был почему-то получен именно в I в. до н.э., когда сероглиняная посуда с темнолаковым покрытием уже в заметном количестве появляется, в первую очередь, в закрытых комплексах — сторожевых башнях на Узунларском валу (Масленников 2019: 141). Последние, как известно, были возведены Асандром, возможно, когда он был архонтом, и, по большей части, погибли при Полемоне I. Следовательно, период существования данных укреплений не выходит за рамки 40-х — 14/8 гг. до н.э. (Абрамзон 2022: 7). Конечно, некоторые башни и форты, пережили это время и функционировали в последующий период при римских ставленниках на Боспоре (Супренков 2018: 237; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 196—197). Но, судя по материалу, появление и относительное распространение новой волны сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием было все же связано с предыдущим временем. Пытаясь определить причины организации данного производства подобных изделий, имитирующих импортную, в том числе чернолаковую посуду (возможно, где-то на территории Южного или Северного Понта), обычно концентрируют внимание на блокаде Помпеем черноморских проливов в ходе войны с Митридатом VI Евпатором (Plut. Pomp., 34—36, 38—39; Dio Cass., XXXVI, 54, XXXVII, 4; Журавлев 2005: 246—247). Но, по мнению А.А. Масленникова, более вероятнее ключевую роль в распространении указанной керамики сыграли события финала правления Фарнака, а также первых лет правления Асандра (Масленников 2019: 141). Именно тогда наблюдались трудности с поставкой импортной посуды в Северное Причерноморье, включая чернолаковую керамику. Поэтому в данное время в Херсонесе и на Боспоре вполне могло быть налажено местное производство, подразумевавшее подражание, насколько это было возможно, распространенным ранее в античном мире формам посуды, в том числе и чернолаковой керамике (Масленников 2019: 141—142).

В своем недавнем исследовании М.Г. Абрамзон справедливо отметил, что многочисленная лепная керамика из башен Узунларского вала может пролить свет на

[1] Выражаю искреннюю благодарность канд. ист. наук, научному сотруднику 1 категории, хранителю фонда античных городов Северного Причерноморья и византийских древностей ГИМ Д.В. Журавлеву за помощь в определении данной находки.

этнический состав и культуру обитателей данных укреплений (Абрамзон 2022: 7). К этому стоит добавить, что сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, также происходящая из раскопок указанных памятников, не в меньшей степени может прояснить социальную и этническую специфику людей, проживающих в таких крепостях и сторожевых башнях. На такую возможность указывают и важные обстоятельства, связанные с обнаружением данной керамики, на которые, в своем исследовании, обратил внимание А.А. Масленников. Во-первых, сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием почему-то присутствует не во всех укреплениях, функционировавших при царе Асандре. Где-то она встречается относительно часто, как в сторожевых башнях на Узунларском валу, в других же подобных местах, ее наоборот нет совсем (например, в Кутлакской крепости, некоторых укреплениях в глубине Керченского полуострова) (Масленников 2019: 141). Во-вторых, при изготовлении такой сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием в качестве прототипов почему-то выбирались исключительно «зарубежные» формы сосудов (Эгеида, Македония и особенно Пергам), причем уже довольно архаичные к моменту производства местного аналога (Масленников 2019: 141, прим. 3). Все это несколько сужает поиск основных пользователей такой посуды в Северном Причерноморье, ставя под сомнение их боспорское происхождение. Не исключено, что одними из главных заказчиков и потребителей сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием, являлись не жители античных городов Северного Причерноморья, а выходцы из неких центров позднеэллинистического мира, возможно покинувшие родину на волне бурных событий эпохи Митридатовых войн и осевшие на Боспоре в период правления царей Фарнака и Асандра. При этом таких людей было не слишком много, ведь большая часть лепной керамики из тех же сторожевых башен на Узунларском валу и других укреплений указанного времени однозначно указывает на местный позднескифский этнический элемент (Масленников 1990: 92—93; 1994: 180—182; Клемешова 2018: 101). Более того, большое количество такой варварской керамики свидетельствует в пользу того, что поздние скифы не только занимались здесь снабжением гарнизонов продовольствием, но и сами составляли значительную часть несущих в подобных местах службу солдат (Клемешова 2018: 101).

Однако нам мало что известно о структуре подразделений и командном составе таких военных поселенцев — выходцев из местной варварской среды. Дело в том, что социальный статус служилого человека обязывал варваров не только участвовать в военных действиях боспорского царя, но и выплачивать определенную ренту — налог за пользование царской землей, правда, нередко отменявшийся на определенный период (Зубарь, Зинько 2006: 138; Виноградов, Горончаровский 2009: 157). Учитывая, что сбором налогов в той или иной военно-административном округе государства обычно занимался его наместник или начальник (КБН 1965: № 36), логично предположить, что именно ему и подчинялись, в первую очередь, гарнизоны варварских поселенцев. Тем не менее, вряд ли именно наместник непосредственно командовал расселенными на территории античного государства выходцами из Барбарикума. Очевидно, что данную функцию осуществляли конкретные командиры данных подразделений. В этой связи, любопытно, что на Боспоре помимо крупных военных чинов хилиархов (КБН 1965: № 36, 53, 58, 984, 1049) и стратегов (КБН 1965: № 1134, 1141, 1179, 1237, 1256), упоминаются еще и спирархи (КБН 1965: № 263), лохаги (КБН 1965: № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251а) и начальники отрядов наемников, например галлов или фракийцев (App. Mithr., 111; КБН 1965: № 666). Наибольший интерес для нас вызывает термин «спира» (или «синтагма»), который обычно использовался для обозначения конкретного воинского подразделения (отряда по 256 человек в армиях эллинистических государств или римского манипула, а в дальнейшем когорты) (Виноградов, Горончаровский 2009: 154, прим. 6). Существует мнение, что разделение Митридатом VI Евпатором своих и союзных войск на отряды и спиры (App. Mithr., 87, 108) послужило началом появления подобной тактической единицы и на Боспоре. Не исключено, что помощь в организации таких подразделений — спир в боспорской армии была получена от римских перебежчиков, которые могли создавать их по образцу, хорошо знакомых им когорт

(Виноградов, Горончаровский 2009: 154—155; Наумов 2010: 198—199). Что же касается лохагов, то отряды под их командованием, скорее всего, не имели постоянной численности и по своему количеству отражали ситуацию в конкретном территориально-административном районе государства (Виноградов, Горончаровский 2009: 155).

Все вышесказанное может свидетельствовать о следующем. Известно, что в ходе начала масштабных военных действий в состав действующих вооруженных сил Боспора оперативно включались и военные поселенцы (Виноградов, Горончаровский 2009: 157). Но, в таком случае, последние изначально должны были причислены к какой либо спире или отряду и иметь своих командиров, непосредственно руководившими варварскими контингентами на месте. Именно такие командиры и обеспечивали дисциплину в варварских подразделениях, а также быстрое выполнение приказов командования. В виду важности указанных должностей вряд ли на них могли назначаться люди из варварской среды, родственной основной массе военнослужащих. При этом еще Митридат VI Евпатор, разделивший свое войско, собранное в 63 г. до н.э. для похода в Италию, на шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108), не мог доверить командование воинскими подразделениями малознакомым ему людям. Скорее всего, на такие важные посты им назначались проверенные в боях и походах опытные воины из офицерского состава армии. Ведь именно их, судя по находкам из погребений воинов Митридата на Боспоре, царь награждал особыми дарами — серебряными фалярами, застежками—медальонами, а также дорогими стеклянными сосудами (Виноградов, Горончаровский 2009: 145—147). В этой связи мы не можем исключить того, что на командных должностях в армии еще со времен Митридата VI Евпатора, находились именно такие люди понтийского происхождения (Наумов 2010: 198, 216). Тем более, есть все основания предполагать, что многие из них, попадая в Северное Причерноморье, оставались здесь жить навсегда. Так, существует мнение, что еще в первой четверти I в. до н.э., после помощи оказанной Херсонесу, не все воины понтийской армии возвратились обратно. В Таврике мог остаться немногочисленный контингент для несения гарнизонной службы в стратегических важных местах (Ланцов 2001: 65—66). В дальнейшем, в ходе финальных событий противостояния Митридата VI Евпатора с Римом, предполагалось, что царь привел с собой на Боспор около 3000—4000 воинов понтийской армии (Наумов 2010: 199). В этом случае, некоторые из ветеранов Митридата VI Евпатора, впоследствии перешедшие на сторону Фарнака и Асандра, вполне могли возглавить и некоторые отряды военных поселенцев в приграничных районах государства. Может быть, феномен использования сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием в пограничных укреплениях Боспорского царства в данное время как раз и отражает сложившуюся неоднородность проходившего здесь службу варварского контингента.

В связи со всем вышесказанным, обратим внимание, что начиная со второй четверти I в. до н.э. из-за бурных событий Митридатовых войн импорт посуды в Северное Причерноморье, в том числе из Малой Азии, резко сократился. На Боспоре в это время массово изготавливается керамика и достаточно высокого уровня достигает производство краснолаковой посуды (Журавлев 2011: 236). Однако в данный период новый импульс получает и выпуск сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием. При этом, по своей форме, многие образцы такой керамики нередко были идентичны изделиям оригинального производства прошлых лет. Таким образом, на Боспоре в указанное время параллельно осуществлялся выпуск двух версий (в красном и черном исполнении) одних и тех же форм сосудов. Они отличались друг от друга только цветом лака (Журавлев, Ломтадзе 2022: 62). Это сложно объяснить только промежуточным этапом перехода моды с чернолаковой керамики на посуду с краснолаковым покрытием. Даже, несмотря на то, что указанные изменения наиболее активно происходили именно в последней четверти I в. до н.э., в т.ч. и в годы правления царя Асандра, когда в пограничных районах государства функционировали военные поселения с доминирующим позднескифским этническим элементом. В этой связи, учитывая, что устойчивой моды на использование чернолаковой посуды у поздних скифов никогда не было (Дашевская 1991: 31),

не совсем понятным выглядит мотивация отдельных представителей таких воинских коллективов, которые в условиях сокращения импорта, принципиально продолжали использовать посуду местного производства, имитирующую привозную аттическую или малоазийскую продукцию. Не исключено, что в данный период в среде местной воинской аристократии окончательно сложилась новая социальная или этническая группа, которая демонстративно позиционировала себя в качестве исключительных потребителей традиционных форм аттической посуды. Возможно, что тем самым указанные люди пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентичность, находясь в иной этнической среде. Именно поэтому они длительное время придерживались моды на традиционную керамику, несмотря на то, что последняя вскоре перестанет поступать на Боспор в необходимом количестве и ее место займет продукция местных центров, имитирующая оригинальные образцы. Другое объяснение сочетания позднескифских лепных сосудов с гончарной сероглиняной керамикой с темнолаковым покрытием в боспорских укреплениях найти трудно. Не представляющая никакой материальной ценности сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, грубо имитирующая импортную чернолаковую посуду, для выходцев из далеких районов Малой Азии, осевших в Северном Причерноморье, вполне могла сыграть роль своеобразного маркера, позволяющего отличить своих от чужих. Следовательно, наличие указанной керамики на Боспоре в одних местах и отсутствие ее в других должно объясняться присутствием или отсутствием в данных укреплениях служилой знати понтийского или иного происхождения, сознательно осознающей себя отдельной этнической и социальной группой.

Таким образом, наличие в слоях «Аджиэль I» сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием среди фрагментов другой гончарной и лепной посуды, в т.ч. позднескифского происхождения, вполне может свидетельствовать о разноэтничности местного гарнизона. Вероятно, причина этого в том, что пребывающие здесь воины, контролировали один из важнейших северных проходов в Узунларской оборонительной линии, через который проходила главная дорога из Центрального Крыма на Тарону и дальше на Пантикапей (Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018: 25—29; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 336). В этой связи наличие среди воинов указанного форта, обеспечивающего охрану важного участка границы, опытных военачальников, имеющих понтийское происхождение, вполне оправдано. Такие подразделения, скорее всего, входили в отряд или спиру, которыми как раз и командовали опытные ветераны Митридата VI Евпатора, перешедшие на сторону Фарнака, а затем и Асандра. На этапе нарушения торговых связей и прекращения поступления в Северное Причерноморье импорта, в т.ч. качественной чернолаковой керамики аттического и малоазийского происхождения, именно они стали основными потребителями изделий местного производства, имитирующих подобную посуду. Не исключено, что использованием такой керамики, непопулярной среди местных варваров, указанные люди пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентификацию, пребывая в иной этнической среде.

Литература

Абрамзон М.Г. 2022. Клад из башни Узунларского вала. В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН.* Москва: Институт археологии РАН, 5—20.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2009. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.)*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-петербургского государственного университета; Нестор-История.

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука.

Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV—II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма.* Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова.

Журавлев Д.В. 2005. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время. *Antiqvitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 1, 235—254.

Журавлев Д.В. 2011. Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея. *ПИФК* 4, 221—263.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2022. Столовая посуда и светильники из резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59—100.

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. 2014. Предварительное изучение археологических памятников урочища Аджиэль. *Таврические студии* 6, 106—111.

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. 2016. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль. *БИ* XXXIII, 110—136.

Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ* XII.

КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

Клемешова М.Е. 2018. Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ). *ДБ* 22, 85—103.

Ланцов С.Б. 2001. К вопросу о пребывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике. В: Иваненко П.И. (ред.). *175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции.* Керчь: Керченский Историко-Культурный заповедник, 63—66.

Масленников А.А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* Москва: Наука.

Масленников А.А. 1994. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым). *РА* 4, 176—184.

Масленников А.А. 2003. *Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма.* Тула: Гриф и К.

Масленников А.А. 2019. Сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму. *РА* 4, 134—143.

Наумов Л.А. 2010. *Митридатовы войны: мысли дилетанта.* Москва: Волшебный фонарь.

Смекалова Т.Н. 2018. О древних проездах через Узунларский вал. *ПИФК* 1, 24—38.

Супренков А.А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек. *ДБ* 22, 230—256.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. 2018. Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.). *Историческая и социально-образовательная мысль* 10 (5/2), 25—31.

Ярцев С.В., Филатов Р.И. 2021. Некоторые вопросы обороны западных рубежей Европейского Боспора в период правления царя Асандра в I в. до н.э. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Классическая и византийская традиция. 2021: сборник материалов XV международной научной конференции.* Белгород: НИУ «БелГУ», 106—113.

Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. К вопросу об интерпретации и локализации тафриев, а также местности и города с таким же названием на территории античного Крыма. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции.* Санкт-Петербург: Чистый лист, 194—198.

References

Abramzon, M.G. 2022. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN (Hypanis. Transactions of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 5—20 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009. *Voyennaya istoriya i voyennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. — seredina III v. n.e.) (Military history and military affairs of the Cimmerian Bosporus (6th century BCE — mid-3rd century CE))*. Saint Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; Nestor-Istoriya (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Late Scythians in Crimea)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Egorova, T.V. 2009. *Chernolakovaya keramika IV—II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ceramics of the 4th — 2nd centuries BCE from the sites of the North-Western Crimea)*. Moscow: MGU im. M.V.Lomonosova (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2005. In *Antiqvitas aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal (Antiqvitas aeterna. Volga Region Journal of Antiquities)* 1, 235—254 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2011. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 4, 221—263 (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2022. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 27, 59—100 (in Russian).

Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2014. In *Tavricheskie studii (Tauride Studii)* 6, 106—111 (in Russian).
Zubarev, V.G., Smekalov, S.L., Yartsev, S.V. 2016. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XXXIII, 110—136 (in Russian).
Zubar, V.M., Zinko, V.N. 2006. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XII (in Russian).
KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
Klemeshova, M.E. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 85—103 (in Russian).
Lantsov, S.B. 2001. In: Ivanenko, P.I. (ed.). *175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostey. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (175 years of the Kerch Museum of Antiquities. Proceedings of the international conference)*. Kerch: Kerchenskiy Istoriko-Kul'turnyy zapovednik, 63—66 (in Russian).
Maslennikov, A.A. 1990. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosporan state in the first centuries CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Maslennikov, A.A. 1994. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 176—184 (in Russian).
Maslennikov, A.A. 2003. *Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma (Ancient earthen border-defensive structures of Eastern Crimea)*. Tula: Grif i K (in Russian).
Maslennikov, A.A. 2019. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 134—143 (in Russian).
Naumov, L.A. 2010. *Mitridatovy voyny: mysli diletanta (Mithridatic wars: thoughts of an amateur)*. Moscow: Volshebnyy fonar' (in Russian).
Smekalova, T.N. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 1, 24—38 (in Russian).
Suprenkov, A.A. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 230—256 (in Russian).
Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2018. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' (Historical and socio-educational thought)* 10 (5/2), 25—31 (in Russian).
Yartsev, S.V., Filatov, R.I. 2021. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. 2021: sbornik materialov XV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Classical and Byzantine Tradition. 2021: collection of materials of the 15th international scientific conference)*. Belgorod: NIU "BelGU", 106—113 (in Russian).
Yartsev, S.V., Shushunova, E.V., Vnukov, A.A. 2023. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Materials of the international scientific conference)*. Saint Peterburg: Chistyy list, 194—198 (in Russian).

Рис. 1. Фрагмент донца сероглиняной тарелки с темнолаковым покрытием из «Аджиэль I».

Fig. 1. Fragment of the bottom of a grey clay plate with dark lacquer coating from “Adzhiel I”.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.86.55.015

Akın Temür, Özkan Özbilgin

A GROUP OF GLASS VESSELS IN SAMSUN MUSEUM*

Glass, which has evolved continuously since its discovery, was initially used by the wealthy classes, but over time, with advancements in construction technologies and increased production speed, it became widely adopted across all levels of society. Glass vessels used in daily life became an important part of societal life. The collections of the Samsun Museum contain a large number of glass vessels. The items under study in this publication were acquired through purchase, donation, or confiscation. The fact that most artifacts are well-preserved suggests that they likely originate from burial contexts. Evaluating these items is crucial for understanding the political, commercial, and cultural organization of the period in which they were used, as well as their geographical distribution. Additionally, detailed analysis can provide insights into the place of production of the vessels. The glass artifacts from the Samsun Museum collections represent common forms, with similar examples identified in various regions. The study results indicate that Eastern Mediterranean culture had a broad distribution, extending throughout Anatolia. Glass vessels were produced in similar forms across the extensive territory governed by the Roman Empire, reflecting the dominant cultural norms of the period. Therefore, precise information on the origin of the vessels is difficult to establish. This challenge is also compounded by the lack of evidence for glassmaking furnaces in the region. Thus, it may be hypothesized that these vessels could be of imported origin. Nevertheless, it should be considered that Amisos and Neoklaudiopolis — important cities in the region — would have been unlikely to ignore the production or trade of glass as a valuable commercial resource.

Key words: Glass, Glass Production, Samsun, Samsun Museum, Ancient Glass.

About the authors: Temür Akın[1], Doctor of Archaeology, Associate Professor, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology, Corresponding Author; Özbilgin Özkan[2], PhD Student, Graduate School of Education, Department of Archaeology, Ondokuz Mayıs University.

Contact information: [1,2]55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology, e-mail: [1]akintemur@gmail.com; [2]ozkanozbilgin@gmail.com.

Акин Темур, Ёзкан Ёзбилгин

ГРУППА СТЕКЛЯННОЙ ПОСУДЫ В МУЗЕЕ САМСУНА

Стекло, которое непрерывно развивалось с того момента, когда было изобретено, изначально использовалось зажиточным населением, но со временем, по мере совершенствования строительных технологий и производства — стало доступно различным слоям общества. Стеклянные сосуды, используемые повсеместно, стали важной частью жизни населения. В фондах музея г. Самсуна сосредоточено большое количество стеклянных сосудов. Экземпляры, ставшие предметом исследования настоящей публикации, появились в музее в результате покупки, дарения или конфискации. Большинство сосудов из стекла хорошей сохранности, что позволяет предположить их происхождение из захоронений. Оценка этих предметов очень важна с точки зрения определения как политического, экономического и культурного аспектов жизни общества, так и их распространения. Кроме того, тщательный анализ позволяет получить данные о месте производства сосудов. Формы стеклянных изделий из фондов музея г. Самсуна, довольно распространённые, обнаруживают аналогии в разных районах побережья Средиземного моря. В результате исследования выявлено, что культура региона имела широкое распространение, в том числе на Восточное Средиземноморье и Анатолию. Выявлено, что стеклянные сосуды близких форм изготавливались на широкой территории, находящейся под властью Римской империи. Поэтому очень сложно установить точное

* Статья поступила в номер 23 мая 2024 г.
Принята к печати 5 июля 2024 г.

© Akın Temür, Özkan Özbilgin, 2024.

место производства конкретных сосудов. Трудность также заключается в том, что еще не обнаружены остатки печей, предназначавшихся для производства стекла в регионе. Таким образом, можно предположить, что сосуды из г. Самсуна импортного происхождения. Однако следует принять во внимание, что Амисос и Неоклаудиополис — важные и крупные города в регионе, которые могли быть центрами производства или торговли стеклом.

Ключевые слова: стекло, стекольное производство, Самсун, Самсунский музей, античное стекло.

Сведения об авторах: Темур Акын[1], доктор археологии, доцент, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии, автор-корреспондент; Ёзбилгин Ёзкан[2], аспирант Высшей педагогической школы, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии.

Контактная информация: [1,2]55200, Турция, г. Самсун, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии, e-mail: [1]akintemur@gmail.com; [2]ozkanozbilgin@gmail.com.

Introduction

As a result of the development process it has undergone since its discovery, glass has become one of the most preferred materials in the production of both architectural and small vessels in daily life. In line with these characteristics, glass vessels are frequently encountered in almost every field that has an archaeological character. The acquisition of these vessels to the museum inventory takes place in various ways such as archaeological excavation, purchase, or confiscation. Samsun Museum has a large number of glass vessels. In this study, 15 vessels, which were brought to the museum inventory through confiscation and purchase, were analyzed under six different headings according to their form characteristics[1]. In the literature, these forms are defined as trulla, amphoriskos, aryballos, bird-shaped vessel/guttus/askos, oinochoe/khous and beaker, and most of these forms are represented by single specimens in the museum inventory. The beaker form, which is more numerous than the others, has been subdivided into conical, indented and carinated forms according to their types. The artifacts were manufactured by free-blown technique. Each vessel is analyzed in detail under different headings and information about the definition, function and historical development of the forms is given. In addition, the vessels were dated by comparing them with their counterparts in the literature in terms of form and technical characteristics.

1. Trulla

The trulla, one of the open-mouthed vessels, is a vessel form with a long, single handle (Akkurnaz 2016: 108). It has two different forms: shallow and deep (Isings 1957: 92). It is a typical example of early metal ladles (Kunina 1997: 294) and is also called “pan” or “patera” by researchers (Whitehouse 1997: 198). In antiquity, they were used to scoop wine from large-sized vessels, with perforated types speculated to function as sieve-shaped ladles (Tekcam 2011: 234). Widely employed in the Roman world, trullas served multiple purposes, including as drinking vessels, libation vessels, or ritual objects in religious ceremonies (Whitehouse 1997: 198). Furthermores, it has also been suggested that they may have been used during bathing (Whitehouse 1997: 198).

The deep trulla-shaped glass vessels (cat. no. 1—2), acquired by the Samsun Museum through confiscation, have thick walls, a wide ring rim with a two-stepped and tubular profile, two sides/ears protruding upwards at the junction with the rim, horizontal, wide, long and concave single handles, semi-globular bodies, low bases and concave bottoms. However, the handle of cat. no. 2 is broken. One of the specimens (cat. no. 1) is turquoise and the other (cat. no. 2) is yellowish green. These specimens vary in height, measuring between 6.5 and 7.2 cm, with walls ranging from 0.2 to 0.3 cm in thickness and rim diameters spanning 10.7 to 11 cm. Isings notes that this type,

[1] The drawings of the vessels were made by C. Gizem Tırıl-Özbilgin. Thank you for your contributions.

which he identifies as "form 75b", was widely used in the 1st c. CE and that decorated examples were found in the later period (Isings 1957: 92, form 75b).

A comparable sample in the collection of the Royal Ontario Museum is dated to the 2nd c. CE (Hayes 1975: 59, no. 148). A sample in the collection of the Türkiye Şişe Cam Fabrikaları (Canav 1985: 84, cat. no. 135) and a similar sample in the collection of the Hermitage are dated to the 1st c. CE (Kunina 1997: 294—296, cat. no. 202). Moreover, a sample in the collection of the Corning Museum is dated to the 1st — 2nd cc. CE however, an alternative dating suggests it may also belong to the 4th c. CE (Whitehouse 1997: 198, no. 346).

Notably, specimens of this type of vessel are generally dated to 50 and 150 CE, however decorated or metal specimens can be dated to later periods (Whitehouse 1997: 198, no. 346). These specimens are almost identical in terms of technical and formal characteristics to the vessels in the museum inventory. For this reason, the trulla specimens in this study are dated to the 1st — 2nd cc. CE.

2. Amphoriskos

Amphoriskos, meaning small-sized amphora, is a two-handled vessel form with a lip, narrow neck, wide body and a pointed, button, knob or cone-shaped bottom (Akkurnaz 2016: 162). The ovoit-bodied specimens originated from the Near East and Italy, whereas those with bulbous-shaped bodies were manufactured in western regions, likely to be dated to a later time period (Isings 1957: 77). Because of their compact dimensions, it is likely that amphora were employed for cosmetic functions, such as containing fragrances or oils, rather than serving storage or preservation purposes like amphorae (Sparkes et al. 1970: 155).

The amphoriskos (cat. no. 3), which was acquired by the Samsun Museum through confiscation, features a wide ring-shaped rim, a short-narrow cylindrical neck and a globular body with a slightly concave bottom. Two thin handles were subsequently appliqued vertically to the upper section of the neck and the shoulder of the amphoriskos. The vessel exhibits a yellowish-brown hue, adorned with patches of dark brown mottling in certain areas. It stands at a height of 8.7 cm, with a wall thickness of 0.1 cm and a rim diameter measuring 3.1 cm.

Isings states that amphoriskos of different types, which he classifies as "form 15 and form 60", started being manufactured through the blowing technique in the initial half of the 1st c. CE, and later became one of the most prevalent and utilized forms by the middle of the c. (Isings 1957: 32). Two similar specimens in the Hermitage collection are dated to the 1st c. CE (Kunina 1997: 204, 321—322, cat. nos. 341—342), while two similarly shaped specimens in the Royal Ontario Museum collection, identified as Aryballos, are dated to the second half of the 1st c. CE and early 2nd c. CE (Hayes 1975: 54, 195, cat. nos. 119—120, plt. 9/119—120). Considering the similarities in technical and formal characteristics of the specimens, the specimen in the Samsun Museum is dated to the 1st — 2nd cc. CE.

3. Aryballos

Aryballos-shaped vessels originating from the late 7th c. BCE are characterized as diminutive, featuring short, narrow, or thick necks and exhibiting spherical or ovoit bodies. These vessels are typically round or flat-bottomed, lacking pedestals, and are equipped with two small ring-shaped handles affixed to the neck. They were primarily utilized for holding scent and oil (Tekcam 2011: 23; Akkurnaz 2016: 164). The name Aryballos is of Greek origin and its Latin equivalent is "ampulla" (Whitehouse 1997: 201). Glass aryballoi, one of the most common cosmetic vessels, are imitations of those made of metal or ceramic (Isings 1957: 78, form 61). Although mostly two-handled, there are also examples with three or four handles (Isings 1957: 79). The crafting of these vessels, utilizing various techniques before the Roman Period, transformed into a widely adopted form during the Roman Empire, particularly flourishing during the Flavian Period due to the introduction of the blowing technique (Isings 1957: 79; Whitehouse 1997: 201), and they remained in use until the 3rd c. CE

(Whitehouse 1997: 201). Functionally, these vessels were employed in baths to transport perfume, ointment, or oil (Whitehouse 1997: 201). It is believed that this particular form, favored by athletes, was fastened to the wall or the athletes' wrists using a rope. The vessels were crafted in various sizes, adapted to different periods, ensuring ease of carrying, particularly in smaller dimensions. Additionally, these vessels were utilized as grave gifts (Akkurnaz 2016: 165).

The aryballos (cat. no. 4), obtained by the Samsun Museum through confiscation, features a rim that is thickened and mushroom-shaped, a short and narrow cylindrical neck, and a globular body with a slightly concave bottom. It has two handles, subsequently appliqued vertically to the neck and shoulder. The predominant color of the body is black, adorned with brown mottling. Its dimensions include a height of 7.1 cm, a wall thickness of 0.2 cm, and a rim diameter of 2.8 cm.

Isings states that this vessel form, which he refers to as "form 61", was widely used by the 1st c. CE and began to decline in the 4th c. CE (Isings 1957: 78—81, form 61). In another study, Isings (Isings 1971: 14, no. 28) noted that types with mushroom-shaped rims were widely used from the second half of the 1st c. CE to the 2nd c. CE (Isings 1971: 14, no. 28). A comparable sample in the collection of Hüseyin Kocabaş is dated to the 2nd c. CE (Akat et al. 1984: 65, 34, no. 117b). No specific date is suggested for a sample in the collection of the Türkiye Şişe Cam Fabrikaları (Canav 1985: 38, cat. no. 22). Based on similar specimens and the information provided, the vessel is dated to the 1st — 2nd cc. CE.

4. Bird Shaped Vessel/Guttus/Askos

Bird-shaped vessels exhibit a zoomorphic form. In general, they have a lip, a narrow, cylindrical, short or long neck, a globular or semi-globular body and a tail-shaped spout. Typologically, these vessels lack a specific terminology but are functionally described as askos, guttus, or feeding bottles (Whitehouse 1997: 122; Lightfoot 2017: 161). While the precise place of production remains unknown, this common form was manufactured both in the east and the west (Antonaras 2010: 302). These vessels were utilized for pouring oil into oil lamps or for mixing wine during sacrificial ceremonies or baths (Whitehouse 1997: 122; Antonaras 2010: 302; Lightfoot 2017: 161). Additionally, they served as cosmetic vessels, often referred to as askos or guttus (Akkurnaz 2016: 93—94).

There are two bird-shaped vessels (cat. no. 5—6) in the Samsun Museum acquired through purchase. One of the vessels (cat. no. 5) is characterized by a ring-shaped spout, a short-narrow neck, a sack-shaped splayed body, and a spout attached to the bottom. This vessel displays a greenish color with brownish mottling. Its dimensions include a height of 7.1 cm, a wall thickness of 0.1 cm, and a rim diameter of 2.9 cm. The second vessel (cat. no. 6) is characterized by a ring-shaped rim, a narrow and long neck, an bulbous-shaped body, and a spout attached to the center of the body, although a portion of the spout is damaged. It features a greenish-cream color with some brown mottling. The dimensions include a height of 8.5 cm, a wall thickness of 0.2 cm, and a rim diameter of 3.4 cm.

Isings identifies this vessel form as "form 11", indicating that it emerged in the first half of the 1st c. CE and was crafted using the blowing technique (Isings 1957: 27, form 11). A similar specimen in the collection of the Royal Ontario Museum is dated to 50—150 CE (Hayes 1975: 54, 195, cat. no. 118), a specimen in the collection of the Carnegie Museum is dated to the 1st c. CE (Oliver 1980: 57, cat. no. 44), a similar specimen in the collection of Hüseyin Kocabaş is dated to the 3rd c. CE (Akat et al. 1984: 66, 35, cat. no. 124), a specimen in the collection of the Türkiye Şişe Cam Fabrikaları (Canav 1985: 39, cat. no. 23) and an example in the Hermitage collection (Kunina 1997: 328—329, cat. no. 380) are dated to the 1st c. CE, two specimens in the Corning Museum catalog are dated to the 1st — 3rd cc. CE (Whitehouse 1997: 122, cat. no. 188—189), similar specimens unearthed in the Thessalonike excavations are dated to the mid-2nd to 3rd cc. CE (Antonaras 2010: 302, fig. 2), a comparable specimen in the Sivas Museum is dated to the 1st — 3rd cc. CE (Atila 2015: 162, 169, cat. nos. 5, 6, fig. 2: 5, 6), and finally, similar specimens in the Cesnola collection are generally dated to the 1st — 3rd cc. CE, although with different dates (Lightfoot 2017: 160—162, cat. nos. 182—185). Furthermore, Antonaras asserts that the production

and utilization of this particular vessel form persisted into the 4th c. CE (Antonaras 2010: 302). Generally, there is a widespread understanding that bird-shaped vessels were in extensive use over a long period of time. However, considering the similarities in form and the information provided, the first vessel (cat. no. 5) is dated to the 1st — 2nd cc. CE, while the second vessel (cat. no. 6) is dated to the mid-2nd c. CE — 3rd c. CE, based on the form characteristics as well as the fact that the Thessalonike specimens are excavation finds and provide a specific stratigraphy.

5. Oinochoe/Khous

This vessel form, holding a prominent position as one of the extensively utilized early vessels (Sparkes et al. 1970: 58), are commonly referred to as oinochoe or khous (Akkurnaz 2016: 96—97, 102—104). Different base samples with varying forms can be observed: with globular or conical body; flat, beak or trefoil rim according to the rim types; high (arched) or low handles placed vertically on the shoulder or body according to the handle structure (Akkurnaz 2016: 103). There are also types with trefoil rim, short cylindrical neck, single handle and globular body (Tekcam 2011: 117, 155; Akkurnaz 2016: 103). Functioning as a vessel for daily use, it served the purpose of transporting various liquids (Sparkes et al. 1970: 58). The shape of the rim was designed for easy pouring of liquid and it was mostly preferred for wine service (Akkurnaz 2016: 103). Functionally, it was also widely used for measuring liquids in relation to its size and volume (Tekcam 2011: 117; Akkurnaz 2016: 96, 103—104).

There is one vessel with a trefoil rim (cat. no. 7) that was acquired by the Samsun Museum through purchase. The vessel features a trefoil rim, a long, narrow and cylindrical neck, a globular body and a simple, vertical single handle. It has an opaque blue color. The vessel measures 10.8 cm in height, 0.2 cm in wall thickness and 4.5 cm in rim diameter.

Isings states that this vessel form, which he identifies as “form 88b”, was developed from the vessel form he identifies as “form 56” (Isings 1957: 104). He also notes that the vessels he identified as “form 56” and “form 88b” began to be produced in the second half of the 1st c. CE using the blowing technique and that the earliest sample of the form 88b dates to the 2nd c. CE (Isings 1957: 74, 105, form 56, form 88b). Three mold-blown specimens in the Hermitage Collection (Kunina 1997: 38, 115, 276—277, cat. nos. 123—125) and one free-blown specimen in the collection of the İzmir Ticaret Tarihi Museum (Gürler 2000: 90, env. no. 9) are dated to the second half of the 1st c. CE, and one specimen in the Cesnola Collection is dated to the mid-1st to the 2nd c. CE (Lightfoot 2017: 131, cat. no. 136). Based on comparable specimens and the information provided, the specimen in the Samsun Museum is dated between the 1st and 2nd cc. CE.

6. Beakers

Beakers, among the various forms crafted for storing or serving liquids in ancient daily life, exhibit diverse developments aligned with their functions and the prevailing fashion trends of the period (Akkurnaz 2016: 111). The Samsun Museum possesses eight beakers (cat. no. 8—15) in its inventory, acquired through either confiscation or purchase. Some of these beakers exhibit intricate decorations carved through the wheel-cutting technique. The majority of them are green, variations in colour such as yellowish green and turquoise are also evident. These beakers present a range of dimensions, with heights spanning 7.3—11 cm, wall thickness between 0.1—0.3 cm, and rim diameters ranging from 6.4—8 cm. Due to their distinct form characteristics, these vessels are analyzed under three separate headings.

6.1. Conical Beakers

There are five conical beakers in the Samsun Museum. Two of these beakers are with bases, the others without bases. They are divided into three different types according to their form characteristics.

Type A (Cat. No. 8): Isings, who examines conical beakers as well, categorizes this particular type as "form 29" (Isings 1957: 44, form 29). The specimen in the Samsun Museum features a flat rim crafted flat by the cutting technique, a cylindrical, slightly convex conical body, a rounded base and a slightly concave bottom. The body is decorated with sequential groove and fluted decoration in wheel-cutting technique. The vessel is green in color, with a height of 7.3 cm, a thickness of 0.1 cm and a rim diameter of 6.4 cm.

Isings states that this form dates back to the second half of the 1st c. CE, that it is similar to “form 12”, that it can be cylindrical, ovoit or conical with a trimmed top, that there are molded examples from Pompeii, and that the blown ones have an average height of 15 cm. He observes that late samples of this type are not universally distributed but are exclusive to Cyprus, assigning a timeframe for this type to the 1st to early 3rd cc. CE (Isings 1957: 44). Additionally, he highlights a specimen in the Turin Museum originating from a tomb dating back to the 1st c. CE (Isings 1957: 44). An almost identical sample in the Hermitage collection, categorized as an Eastern Mediterranean type, is dated to the second half of the 1st c. CE (Kunina 1997: 312—313, cat. no. 293). Additionally, a specimen acquired through purchase by the Pergamon Museum is assigned a date range of the 2nd — 4th cc. CE (Atila, Gürler 2009: 130, cat. no. 202), while a similar vessel recovered from tomb M76 in the Parion necropolis is dated to the mid-1st or second half of the 1st c. CE (Kasapoğlu, Özdemir 2012: 160, res. 210/M76). Considering this collective information and comparable specimens, the beaker under consideration is dated to the 1st c. CE.

Type B (Cat. No. 9—10): Specimens of this type are conical beakers with bases. These are categorized as “form 34” by Isings (Isings 1957: 48—49, form 34). The form consists of a cylindrical conical body with a flaring rim smoothed with the cutting technique, narrowing to a slightly convex shape towards the bottom, a rounded base, a low base with fillings and a concave bottom. There are no decorative elements on the beakers and they are green in color. The specimen in cat. no. 9 has a height of 11 cm, a wall thickness of 0.2 cm and a rim diameter of 8 cm. The other beaker (cat. no. 10), recorded to have been found in the village of Dumantepe in Terme-Dumantepe, has a height of 10.2 cm, a wall of 0.3 cm and a rim diameter of 7.3 cm.

Isings categorizes this type among those that appeared in the second half of the 1st c. CE. He highlights that the production of this type involved various base types, with the majority employing the wheel-cutting technique, although some were filled or single-piece and that these beakers typically feature decorations with grooves or flutes, but samples without ornamentation were also observed. Isings further notes that the use of this type persisted into the 4th c., substantiating his observations with specific samples (Isings 1957: 48—49). He also mentions that a decorated Karanis find (Harden 1937: 149, Plt. XV/408) among these specimens was unearthed in a house dating to the late 2nd-3rd c. CE (Isings 1957: 49). A specimen in the Royal Ontario Museum is dated to the late 1st — early 2nd cc. CE (Hayes 1975: 56—57, fig. 3: 136), an example in the Hüseyin Kocabaş Collection to the first half of the 3rd c. CE (Akad et al. 1984: 68, fig. 145), and two specimens in the Yüksel Erimtan Collection to the 2nd — 3rd cc. CE (Lightfoot, Arslan 1992: 75—76, cat. nos. 31, 32). Considering this information and similar specimens, the artifacts in the museum inventory are dated to the 2nd — 3rd c. CE.

Type C (Cat. No. 11—12): Isings categorizes this type as “form 106” (Isings 1957: 126—131, form 106). The form has a cylindrical conical body, rounded base and concave bottom, with a cylindrical, tapering conical body with a flared rim that was flattened and smoothed with the wheel-cut technique. Both beakers have wheel-cut fluted decorations on the body. The beakers are green

in color. Cat. no. 11 has a height of 10.4 cm, a wall thickness of 0.2 cm and a rim diameter of 7.1 cm (Isings 1957: 127—129, form 106b2). The other beaker (cat. no. 12) has a height of 8.8 cm, a wall thickness of 0.1 cm and a rim diameter of 6.9 cm (Isings 1957: 129—130, form 106c2).

Isings notes that this type is a variant of "form 106", with similar decorative elements, a flared rim, and dates it to the 3rd — 4th cc. CE (Isings 1957: 126—130). A specimen from the Carnegie Museum is dated to the 4th c. CE (Oliver 1980: 108, cat. no. 177), and a specimen in the Hermitage collection, designated as an Eastern Mediterranean type, is dated to the 2nd — 3rd cc. CE (Kunina 1997: 318, 320, cat. no. 325). Two specimens in the collection of the Türkiye Şişe Cam Fabrikaları were published, but no specific date was suggested (Canav 1985: 82, cat. nos. 129—130). Considering the provided information and analogous samples, the specimens in the Samsun Museum are dated between the 2nd and 4th c. CE.

6.2. Indented Beakers (Cat. No. 13—14)

There are two beakers with indented decoration that were acquired to the Samsun Museum through confiscation. The form is characterized by a rounded, flared mouth that is pulled outward and folded inward, a short, cylindrical and concave neck, a body that widens at the top and narrows towards the bottom, and a concave bottom. The beakers are green in colour. The indents on the body are used as decorative elements. There are also some differences between the two beakers. Cat. no. 13 has a rounded and ring-shaped rim. It measures 10.2 cm in height, 0.2 cm in wall thickness and 7.1 cm in rim diameter. The body is decorated with six indents. The rim of the other beaker is trimmed and flattened. It has a height of 7.7 cm, a wall thickness of 0.1 cm and a rim diameter of 7 cm. The most significant difference between the two specimens is that one has four (cat. no. 13) and the other (cat. no. 14) six indents on the body.

Isings traces the origin of this type, which he identifies as "form 32", to the second half of the 1st c. CE. He notes that the form generally has a convex body, a concave base and a square-like form with four indentations, and that early examples are scarce, dating them to the 1st — 4th cc. CE. (Isings 1957: 46—47, form 32). He also notes that a six-indented specimen from Cologne comes from a tomb dating to the second half of the 3rd c. CE (Isings 1957: 47). A similar specimen from the Royal Ontario Museum is dated to the second half of the 2nd — early 3rd cc. CE (Hayes 1975: 65, fig. 7: 191), two specimens in the collection of Hüseyin Kocabaş are dated to the 2nd — 3rd cc. CE (Akat et al. 1984: 67—68, figs. 138b, 142), one specimen in the collection of Yüksel Erimtan is dated to the second half of the 2nd c. CE (Lightfoot, Arslan 1992: 99, cat. no. 52), three specimens in the Hermitage Collection are dated to the second half of the 1st c. CE (Kunina 1997: 314—315, cat. nos. 305—307), three specimens in the Hermitage Collection are dated to the second half of the 1st c. CE (Kunina 1997: 314—315, cat. no. 305—307), and a specimen from the Corning Museum is dated to the second half of the 1st c. CE (Whitehouse 1997: 112, cat. no. 171), and one from the Smintheion to the 1st — 2nd cc. CE (Gençler 2004: 63, 71, fig. 10). Considering the specimens in the above-mentioned studies and the information provided about the form, the Samsun specimens are dated to the 2nd — 3rd c. CE.

6.3. Base-Carinated Beaker (Cat. No. 15)

The Samsun Museum has acquired a base-carinated beaker through purchase. The form features an outward-facing rim rounded by being pulled out and folded inward, a body with an "S" profile that is concave from the rim to the center of the body and tapers sharply to the bottom from the center of the body, a low, thick, filled base, and a high concave bottom. The turquoise-colored specimen has a height of 8 cm, a wall thickness of 0.3 cm and a rim diameter of 7.6 cm.

Isings considered this type, which he identified as "form 109b", to be one of the most common forms of the 4th c. CE; he notes that it generally resembles the pedestalless type of "form 34", that it differs from this form in that the body narrows towards the base, and that although there are many specimens, those that can be dated are few, and he gives many specimens dating to the 3rd — 4th cc. CE

(Isings 1957: 136—137, form 109b). A specimen in the collection of the Türkiye Şişe Cam Fabrikaları was published, but no specific date was suggested (Canav 1985: 78, cat. no. 121). A fluted example in the Yüksel Erimtan collection is dated to the 2nd — 3rd c. CE (Lightfoot, Arslan 1992: 103, cat. no. 54) and a fluted and groove decorated example in the Corning Museum to the 3rd — 4th c. CE (Whitehouse 1997: 248, cat. no. 422). Considering the aforementioned information and similar specimens, this beaker is dated to the 3rd — 4th c. CE.

Conclusion

The glass artifacts considered in this study are categorized into six types based on their form and technical attributes, each examined independently. All of these vessels are crafted using the free-blowing technique and molded with the assistance of a tool. Decorated vessels are relatively scarce, with embellishments such as flutes, grooves, and indents found on only a few specimens. The fact that most of the vessels, which are replicas of metal or ceramic vessels, are found intact suggests that they are grave finds. Furthermore, the idea is substantiated by the existence of comparable specimens reported as grave finds in various publications, the identification of numerous unauthorized excavation pits during conducted surveys in the region, and the historical evidence indicating that the eastern slope of Oymaağaç Höyük/Nerik was utilized as a cemetery area during the Hellenistic and Roman periods (Czichon, Yılmaz 2014: 340). These data also offer insights into the possible archaeological context of the vessels. Moreover, the average dating of the vessels to the 1st — 4th cc. CE aligns with the political timeline of the region. The identification of analogous specimens as originating from Syria-Palestine, Cyprus, or the broader Eastern Mediterranean region, and the dissemination of these forms from such areas, can be attributed to the prevailing cultural influence. Consequently, the widespread use of similar specimens across a broad geographical range during the relevant period can be linked to the dominance of Roman culture. Notably, there is no available data indicating whether the vessels in the museum were imported or locally produced. Nevertheless, the absence of evidence supporting local production enhances the likelihood that these vessels might have been imported rather than locally manufactured. Recent studies featuring comparable specimens indicate that the glass trade likely resulted from an expansive network, covering a wide geographical area, rather than following a fixed route. There is evidence indicating that commercial activities persisted through various periods, conducted both by land and sea. The Uluburun and Gelidonya Shipwrecks, dating back to the 14th — 13th cc. BCE, hold significant importance in demonstrating how far back maritime trade stretches in history (Bass 1986a: 269—296; 1986b: 294; Bass et al. 1967: 14, 133, 164; Pulak 1988: 1, 35; 1998: 202; Tek 2005: 111; Nicholson et al. 1997: 143—153; Jackson et al. 1998: 22). The discovery of luxury glass vessels among the exported items in the Antikythera Shipwreck, dating to the Late Hellenistic Period (Weinberg 1965: 30—39; Weinberg, McClellan 1992: 28—33; Erten Yağcı 1993: 45), and the presence of numerous Early Byzantine Period glass oil lamps found in a pithos retrieved from the sea in the Sinop Museum (Temür 2018: 236; Temür, Eker 2019) are significant findings indicating the continuation of maritime glass trade. On the other hand, the absence of any evidence of local production is quite remarkable. This deficiency is likely attributable to the absence of a comprehensive excavation study focused on the late periods of the region, leading to a lack of data on production. Considering the deep-rooted history of the region and the fact that it was a port city, it is undeniable that glass, an important commercial raw material, was not produced. It is quite appropriate to think that future excavations may uncover evidence of glass production and resolve this uncertainty.

Catalogue

Cat. No	1 (Fig. 1: 1)	Inv. No: 3-50-1988	Loc: Confiscation	Form: Trulla/Pan/Paterae
Dimensions	Diameter: 10.7 cm	Height: 6.5 cm	Width: 9.4 cm	Bottom Dia.: 5.3 cm
Color	Turquoise		Technique: Free-blown and tooling	
Description	Transparent, rounded by pulling outwards and folding inwards, and pulled outwards and rounded inwards again, two-tiered, protruding, wide ring mouth, long, flat, with two edges (ears) protruding at the point where it meets the mouth, concave, tapering towards the middle and widening again towards the tip, handle, hemispherical, cylindrical body, rounded base, low base, concave bottom. Full, repaired, iridescent, limestone residues, occasional wear on the surface, various cracks on the body.			
Counterparts	Isings 1957: 92, form 75b; Hayes 1975: 59, plt. 12/148; Canav 1985: 84, kat. no. 135; Kunina 1997: 294—296, cat. no. 202; Whitehouse 1997: 198, no. 346.			
Date	1st — 2nd cc. CE			

Cat. No	2 (Fig. 1: 2)	Inv. No: 3-56-1988	Loc: Confiscation	Form: Trulla/Pan/Paterae	
Dimensions	Diameter: 11 cm	Height: 7.2 cm	Width: 0.2 cm	Gen.: 10 cm	Bottom Dia.: 5.3 cm
Color	Yellowish Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, rounded by being pulled out and folded in, and then pulled out and rounded in again, two-stage, protruding, wide ring rim, protruding ear-shaped handle residue at the point where the handle meets the mouth, hemispherical, cylindrical body, rounded base, low base, high concave bottom. Broken (part of the mouth and the entire handle), iridescent, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 92, form 75b; Hayes 1975: 59, plt. 12/148; Canav 1985: 84, kat. no. 135; Kunina 1997: 294—296, cat. no. 202; Whitehouse 1997: 198, no. 346.				
Date	1st — 2nd cc. CE				

Cat. No	3 (Fig. 1: 3)	Inv. No: 3-16-1988	Loc: Confiscation	Form : Amphoriskos	
Dimensions	Diameter: 3.1 cm	Height: 8.7 cm	Wall: 0.1 cm	Width: 6.7 cm	Bottom Dia.: 3.9 cm
Color	Yellowish Brown		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, rounded by pulling out and folding inwards, wide, ring mouth, short, narrow, cylindrical, neck expanding towards the body, spherical body, rounded concave bottom. Broken (upper part of the body), iridescent, limestone structure, some wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 32, 77—78, form 15, 60; Hayes 1975: 54, 195, cat. no. 119—120, plt. 9/119—120; Kunina 1997: 204, 321—322, cat. no. 341—342.				
Date	1st — 2nd c. CE				

Cat. No	4 (Fig. 2: 1)	Inv. No: 3-28-1988	Loc: Confiscation	Form : Aryballos	
Dimensions	Diameter: 2.8 cm	Height: 7.1 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 6.8 cm	Bottom Dia.: 3.3 cm
Color	Bluish Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Translucent, rounded and flattened by pulling out and folding out again, wide ring-shaped and mushroom-like mouth that becomes slightly concave downwards and thickening to an oval shape, short, cylindrical neck, spherical body in yellowish brown tones, two simple handles later added to the neck and body, rounded slightly concave bottom. Full, iridescent, slightly limestone structure, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Morin 1913: 84, fig. 88, form 33; Isings 1957: 78—81, form 61; Isings 1971: 14, no. 28; Akat et al. 1984: 65, 34, no. 117b; Canav 1985: 38, kat. no. 22.				
Date	late 1st — 2nd cc. CE				

Cat. No	5 (Fig. 2: 2)	Inv. No: 6-1-1994	Loc: Purchase	Form : Guttus/Askos/Bird-Shaped Vessel	
Dimensions	Diameter: 2.9 cm	Height: 7.1 cm	Wall: 0.1 cm	Width: 4.3 cm	Bottom Dia.: 2.9 cm
Color	Greenish		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, wide ring mouth that is rounded by pulling out and folding in, cylindrical, concave neck that narrows and widens towards the body, oval, bird-shaped body with a tail-shaped pouring hole, rounded base, slightly concave bottom. Full, iridescent, limestone structure, occasional wear on the surface, flaking on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 27, form 11; Hayes 1975: 54, 195, cat. no. 118; Oliver 1980: 57, cat. no. 44; Akat et al. 1984: 66, 35, kat. no. 124; Canav 1985: 39, kat. no. 23; Kunina 1997: 328—329, cat. no. 380; Whitehouse 1997: 122, cat. no. 188—189; Antonaras 2010: 302, fig. 2; Atila 2015: 162, 169, cat. no. 5, 6, fig. 2/5, 6; Lightfoot 2017: 160—162, cat. no. 182—185.				
Date	1st — 2nd cc. CE				

Cat. No	6 (Fig. 2: 3)	Inv. No: 2006-7	Loc: Purchase	Form : Guttus/Askos/Bird-Shaped Vessel	
Dimensions	Diameter: 3.4 cm	Height: 8.5 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 7.2 cm	Bottom Dia.: 2.9 cm
Color	Greenish Cream		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, wide ring mouth that is rounded by pulling out and folding in, cylindrical neck that expands towards the body, oval, bird-shaped body with a tail-shaped pouring hole, rounded base, slightly concave bottom. Broken (end part of the pouring hole), iridescent, limestone structure, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 27, form 11; Hayes 1975: 54, 195, cat. no. 118; Oliver 1980: 57, cat. no. 44; Akat et al. 1984: 66, 35, kat. no. 124; Canav 1985: 39, kat. no. 23; Kunina 1997: 328—329, cat. no. 380; Whitehouse 1997: 122, cat. no. 188-189; Antonaras 2010: 302, fig. 2; Atila 2015: 162, 169, cat. no. 5, 6, fig. 2: 5, 6; Lightfoot 2017: 160—162, cat. no. 182—185.				
Date	2nd — 3rd cc. CE				

Cat. No	7 (Fig. 3: 1)	Inv. No: 2010-29 (A)	Loc: Purchase	Form : Oinochoe	
Dimensions	Diameter: 4.5 cm	Height: 10.8 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 7 cm	Bottom Dia.: 4 cm
Color	Opaque Blue		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Wide trefoil mouth, rounded by pulling out and folding inwards, cylindrical, long neck, single thin cylindrical handle added later to the mouth and where the neck and shoulder intersect, spherical body, rounded base, slightly concave bottom. Full, iridescent, limestone structure, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 74, 105, form 56, form 88b; Kunina 1997: 38, 115, 276—277, cat. no. 123—125; Gürler 2000: 90, env. no. 9; Lightfoot 2017: 131, cat. no. 136.				
Date	1st — 2nd cc. CE				

Cat. No	8 (Fig. 3: 2)	Inv. No: 3-49-1988	Loc: Confiscation	Form : Conical Beaker	
Dimensions	Diameter: 6.4 cm	Height: 7.3 cm	Wall: 0.1 cm	Width: 6.9 cm	Bottom Dia.: 4 cm
Color	Yellowish Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, rim left flat by cutting technique, cylindrical, slightly convex, conical body with 3 grooves and 3 triple groove decorations made with tool and wheel-cutting technique starting from the rim, rounded base, slightly concave bottom. Full, iridescent, limestone structure, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 44, form 29; Kunina 1997: 312—313, cat. no. 293; Atila, Gürler 2009: 130, kat. no. 202; Kasapoğlu, Özdemir 2012: 160, res. 210/M76.				
Date	1st c. CE				

Cat. No	9 (Fig. 3: 3)	Inv. No: 3-47-1988	Loc: Confiscation	Form: Base Conical Beaker/ Goblet/Lamb	
Dimensions	Diameter: 8 cm	Height: 11 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 7.2 cm	Bottom Dia.: 5.2 cm
Color	Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, outwardly inclined rim that was pulled outwards and folded inwards and cut on the wheel and left flat, wide, slightly convex body, thick ring-shaped, low filled base, concave bottom. Full, iridescent, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Harden 1936: 149, plt. XV/408; Isings 1957: 48—49, form 34; Hayes 1975: 56—57, fig. 3: 136; Akat et al. 1984: 68, res. 145; Lightfoot, Arslan 1992: 75—76, kat. no. 31, 32.				
Date	2nd — 3rd cc. CE				

Cat. No	10 (Fig. 4: 1)	Inv. No: 11-1-1983	Loc: Purchase	Form: Base Conical Beaker/ Goblet/Lamb	
Dimensions	Diameter: 7.3 cm	Height: 10.2 cm	Wall: 0.3 cm	Width: 6 cm	Bottom Dia.: 4.5 cm
Color	Greenish		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, outwardly inclined rim that was pulled out and folded inwards and cut on the wheel and left flat, wide, slightly convex body, thick ring-shaped, low filled base, high concave bottom. Full, iridescent, occasional wear on the surface, cracks on the lower part of the body.				
Counterparts	Harden 1936: 149, plt. XV/408; Isings 1957: 48—49, form 34; Hayes 1975: 56—57, fig. 3: 136; Akat et al. 1984: 68, res. 145; Lightfoot, Arslan 1992: 75—76, kat. no. 31, 32.				
Date	2nd — 3rd cc. CE				

Cat. No	11 (Fig. 4: 2)	Inv. No: 3-42-1988	Loc: Confiscation	Form: Conical Beaker	
Dimensions	Diameter: 7.1 cm	Height: 10.4 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 6.4 cm	Bottom Dia.: 4 cm
Color	Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, slightly projecting mouth that was pulled out and left flat with the cutting technique, conical shaped body, 7 rows of 3-tiered grooves made with the wheel-cutting technique applied to the entire body starting from just below the mouth at 0,5—2 cm intervals, rounded, slightly concave bottom. Full, iridescent, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 127—129, form 106b2; Oliver 1980: 108, no. 177; Canav 1985: 82, kat. no. 129—130, Kunina 1997: 318, 320, cat. no. 325.				
Date	2nd — 4th cc. CE				

Cat. No	12 (Fig. 4: 3)	Inv. No: 2006-134 (A)	Loc: Purchase	Form: Conical Beaker	
Dimensions	Diameter: 6.9 cm	Height: 8.8 cm	Wall: 0.1 cm	Width: 5.5 cm	Bottom Dia.: 4.2 cm
Color	Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, everted rim, conical body, 2 rows of 3 grooves made with wheel cutting technique in the middle of the body, 2 at 1 cm intervals from the rim, rounded base, high concave bottom. Full, limestone structure, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 129—130, form 106c2; Oliver 1980: 108, no. 177; Canav 1985: 82, kat. no. 129—130, Kunina 1997: 318, 320, cat. no. 325.				
Date	2nd — 4th cc. CE				

Cat. No	13 (Fig. 5: 1)	Inv. No: 3-48-1988	Loc: Confiscation	Form : Indented Beaker	
Dimensions	Diameter: 7.1 cm	Height: 10.2 cm	Wall: 0.2 cm	Width: 6.8 cm	Bottom Dia.: 3.5 cm
Color	Greenish		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, rounded, extroverted, ring-shaped rim, short, cylindrical, concave neck, body widening at the top and narrowing towards the bottom, 6 depression decorations on the body, rounded base, slightly concave bottom. Broken (a small fracture and various cracks on the body), iridescent, occasional wear on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 46—47, form 32; Hayes 1975: 65, fig. 7: 191; Akat et al. 1984: 67—68, res. 138b, 142; Lightfoot, Arslan 1992: 99 kat. no. 52; Kunina 1997: 314—315, cat. no. 305—307; Whitehouse 1997: 112, cat. no. 171; Gençler 2004: 63, 71, res. 10.				
Date	2nd — 3rd cc. CE				

Cat. No	14 (Fig. 5: 2)	Inv. No: 3-53-1988	Loc: Confiscation	Form : Indented Beaker	
Dimensions	Diameter: 7 cm	Height: 7.7 cm	Wall: 0.1 cm	Width: 7.5 cm	Bottom Dia.: 4.2 cm
Color	Yellowish Green		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, pulled outwards and folded inwards and left flat and straightened by cutting technique, everted rim, short, cylindrical, concave neck, body widening at the top and narrowing towards the bottom, 4 depression decorations on the body, rounded, slightly concave bottom. Full, iridescent, occasional wear on the surface, flaking on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 46—47, form 32; Hayes 1975: 65, fig. 7: 191; Akat et al. 1984: 67—68, res. 138b, 142; Lightfoot, Arslan 1992: 99, kat. no. 52; Kunina 1997: 314—315, cat. no. 305—307; Whitehouse 1997: 112, cat. no. 171; Gençler 2004: 63, 71, res. 10.				
Date	2nd — 3rd cc. CE				

Cat. No	15 (Fig. 5: 3)	Inv. No: 6-1-1998	Loc: Purchase	Form : Base-Carinated Beaker	
Dimensions	Diameter: 7.6 cm	Height: 8 cm	Wall: 0.3 cm	Width: 6.3 cm	Bottom Dia.: 3.4 cm
Color	Turquoise		Technique: Free-blown and tooling		
Description	Transparent, everted mouth that is pulled out and left flat, concave “S” profile body that narrows and widens, narrowing at the bottom of the body, rounded base, low base, high concave bottom. Full, iridescent, occasional wear on the surface, flaking on the surface.				
Counterparts	Isings 1957: 136—137, form 109b; Canav 1985: 78, kat. no. 121; Lightfoot, Arslan 1992: 103, kat. no. 54; Whitehouse 1997: 248, cat. no. 422.				
Date	3rd — 4th cc. CE				

References

Akat, Y., Fıratlı, N., Kocabaş, H. 1984. Hüseyin Kocabaş Koleksiyonu Cam Eserler Kataloğu. İstanbul: Arkeoloji Sanat Yayınları.

Akkurnaz, F.B. 2016. Eski Yunan ve Roma Kaplar-İşlevler. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları.

Antonaras, A.C. 2010. Glassware in Late Antique Thessalonikē (Third to Seventh Centuries C.E.). In: Nasrallah, L., Bakirtzis, Ch., Friesen, St.J. (eds.). From Roman to Early Christian Thessalonike: Studies in Religion and Archaeology. Cambridge: Harvard University Press, 299—331 (Harvard Theological Studies 64).

Atila, C., 2015. Roman Glass Vessels in Sivas Museum. Arkeoloji Dergisi XX (2015), 161—179.

Atila, C., Gürler, B. 2009. Bergama Müzesi Cam Eserleri. İzmir: Berksav.

Bass et al. 1967: Bass, G.F., Throckmorton, P., du Plat Taylor, J., Hennessy, B., Shulman, A.R., Buchholz, H.G. 1967. Cape Gelidonya: A Bronze Age Shipwreck. Philadelphia. Transactions of the American Philosophical Society 57/8, 1—177.

Bass, G. 1986. A Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun (Kaş): 1984 Campaign. American Journal of Archaeology 90/3, 269—296.

Canav, Ü. 1985. Türkiye Şişe ve Cam Fabrikaları A.Ş. Cam Eserler Koleksiyonu. İstanbul: Çağdaş Yayıncılık ve Basın Sanayi.

Czichon, M.R., Yılmaz, M.A. 2014. Vezirköprü /Oymaağaç Höyük-Nerik(?) Projesi. In: Kasapoğlu, H., Yılmaz, M.A. (eds.). Anadolu'nun Zirvesinde Türk Arkeolojisinin 40 Yılı. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 339—346.

Erten Yağcı, E. 1993. Başlangıcından Geç Antik Dönem Sonuna Kadar Anadolu'da Cam. Yayımlanmamış Doktora Tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.

Gençler, Ç. 2004. Smintheion Camları Üzerine Ön Rapor. In: Çizmeli-Öğün, Z., Sipahi, T., Keskin, L. (eds.). I.—II. Ulusal Arkeolojik Araştırmalar Sempozyumu, Anadolu/Anatolia Ek Dizi No: 1. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 61—74.

Gürler, B. 2007. Cam Eserler. İzmir Ticaret Tarihi Müzesi ve Antik Ege'de Ticaret. İzmir: İzmir Ticaret Odası Yayınları, 83—101.

Harden, B.D. 1936. Roman Glass from Karanis. An Arbor: University of Michigan Press (Humanistic Series. Vol. XLI).

Hayes, J.W. 1975. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto: Royal Ontario Museum.

Isings, C. 1957. Roman Glass From Dated Finds. Groningen: J.B. Wolters (Archaelogia Traiectina II).

Isings, C. 1971. Roman Glass in Limburg. Groningen: Wolters-Nordhoff.

Jackson et al. 1998: Jackson, C.M., Nicholson, T.P., Gnesinger, W. 1998. Glassmaking at Tell-el Amarna: An Inergrated Approach. Journal of Glass Studies 40, 11—24.

Kasapoğlu, H., Özdemir, S. 2012. Cam Eserler. In: Başaran, C. (ed.). Antik Troas'ın Parlayan Kenti Parion. İzmir: Ege Yayınları, 151—163.

Kunina, N. 1997. Ancient Glass in the Hermitage Collection. Saint Petersburg: ARS Publiser.

Lightfoot, S.C. 2017. The Cesnola Collection of Cypriot Art: Ancient Glass. New Haven; Londan: Yale University Press.

Lightfoot, S.C., Arslan, M. 1992. Anadolu Antik Camları: Yüksel Erimtan Koleksiyonu. Ankara: Ünal Offset.

Morin, J.A.J. 1913. La Verrerie en Gaule Sous L'empire Romain. Paris: H. Laurens.

Nicholson et al. 1997. Nicholson, T.P., Jackson, C.M., Trott, K.M. 1997. The Ulu Burun Glass Ingots, Cylindrical Vessels and Egyptian Glass. The Journal of Egyptian Archaeology 83, 143—153.

Oliver, Jr.A. 1980. Ancient Glass in the Carnegie Museum of Natural History. Pittshburg.

Pulak, C. 1988. The Bronze Age Shipwreck at Ulu Burun, Turkey: 1985 Campaign. American Journal of Archaeology 92, 1—37.

Sparkes, B. A. et al. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Pt. 1. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora 12).

Tek, A.T. 2005. Antik Dönem'de Anadolu'da Cam Üretimi. In: Karasu, B., Özen, A.,T., Alanyali, F.,S., Yamaçli, R. (eds.). Seres 2005, III. Uluslararası Katılımlı Seramik, Cam, Emaye, Sır ve Boya Semineri, 17-19 Ekim 2005, Eskişehir. Tübitak,108—123.

Tekçam, T. 2011. Arkeoloji Sözlüğü. İstanbul: Alfa Yayınları.

Temür, A. 2018. Sinop Müzesi Erken Bizans Dönemi Cam Kandilleri. Journal of History School XXXIII, 227—267.

Temür, A., Eker, F. 2019. Sinop Müzesi Cam Eserler Kataloğu. Ankara: Akademisyen Yayınevi.

Weinberg, G.D. 1965. The Glass From Antikythera Shipwreck Reconsidered: The Glass Vessels From The Antıkythera Wreck. Transactions of the American Philosophical Society 55/3, 30—39.

Weinberg, G.D., McClellan, C.M. 1992. Glass vessels in Ancient Greece: Their history illustrated from the collection of the National Archaeological Museum, Athens. Athens: Archaeological Receipts Fund (Publications of the Archaeologikon Deltion 47).

Whitehouse, D. 1997. Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. 1. New York: The Corning Museum of Glass.

Fig. 1. 1. *a—c* — Trulla/Pan/Paterae; 2. *a—c* — Trulla/Pan/Paterae; 3. *a—c* — Amphoriskos.

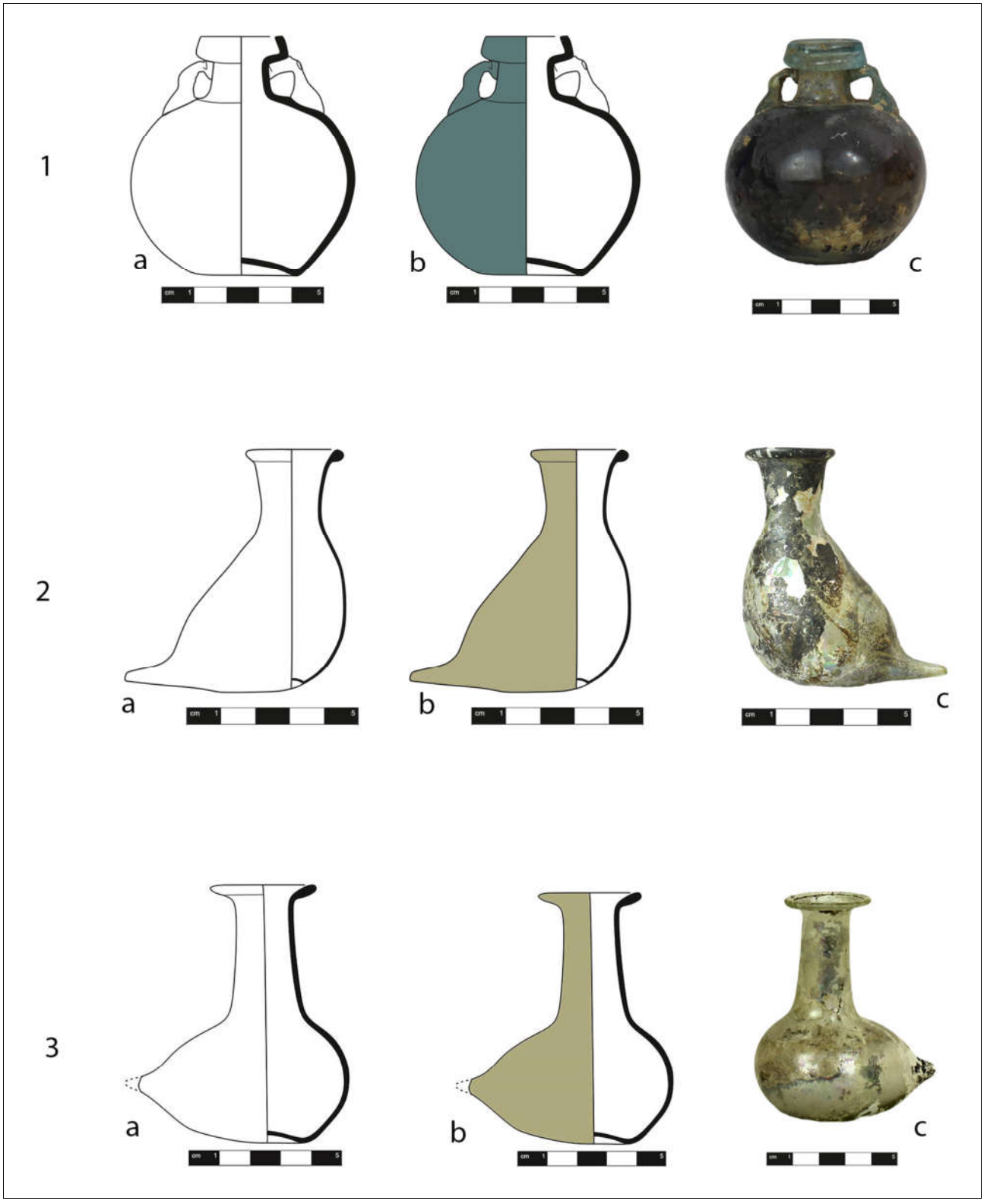


Fig. 2. 1. *a—c* — Aryballos; 2. *a—c* — Guttus/Askos/Bird-Shaped; 3. *a—c* — Guttus/Askos/Bird-Shaped.

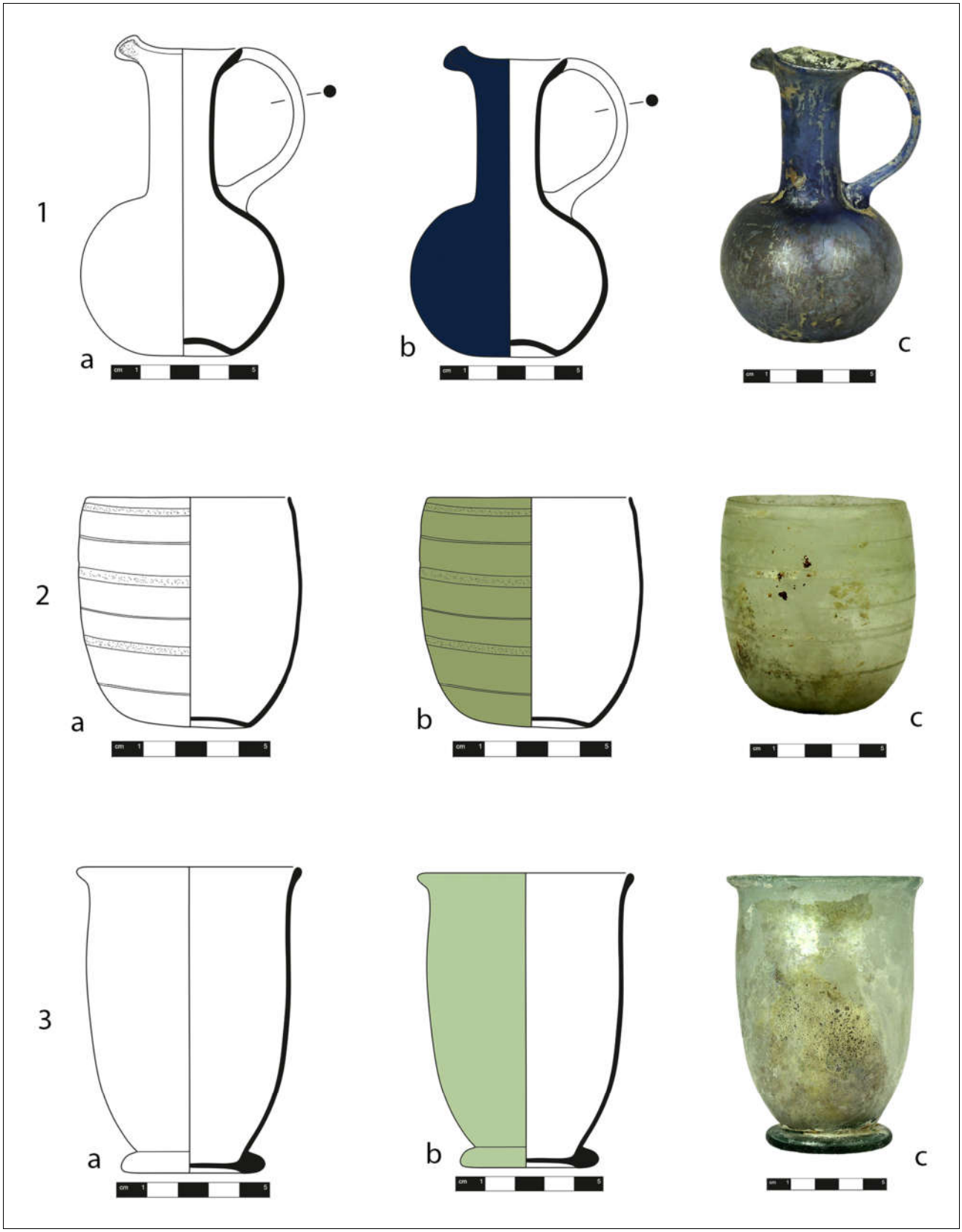


Fig. 3. 1. *a—c* — Oinochoe; 2. *a—c* — Conical Beaker; 3. *a—c* — Base Conical Beaker/Goblet/Lamb.

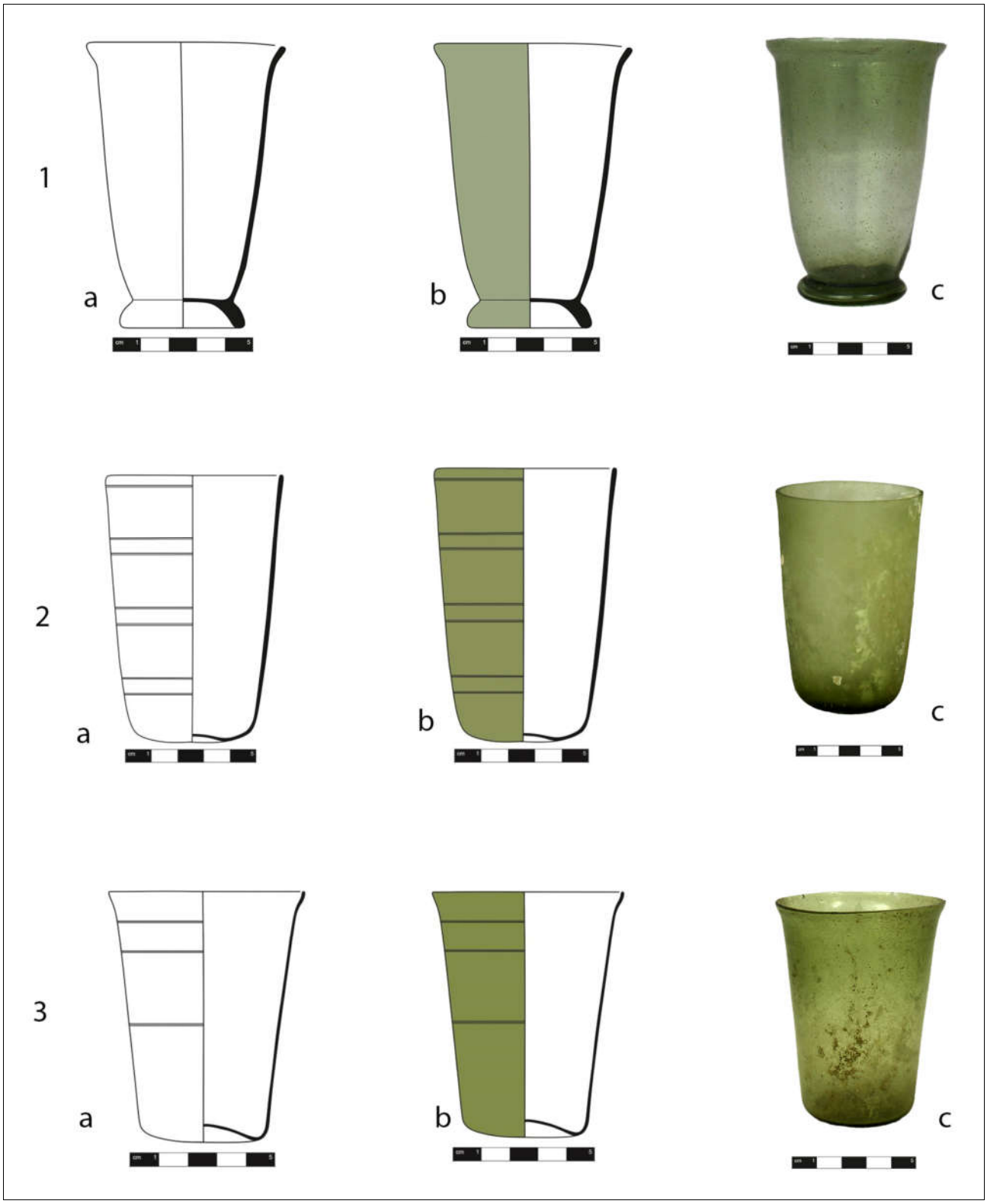


Fig. 4. 1. *a—c* — Base Conical Beaker/Goblet/Lamb; 2. *a—c* — Conical Beaker; 3. *a—c* — Conical Beaker.

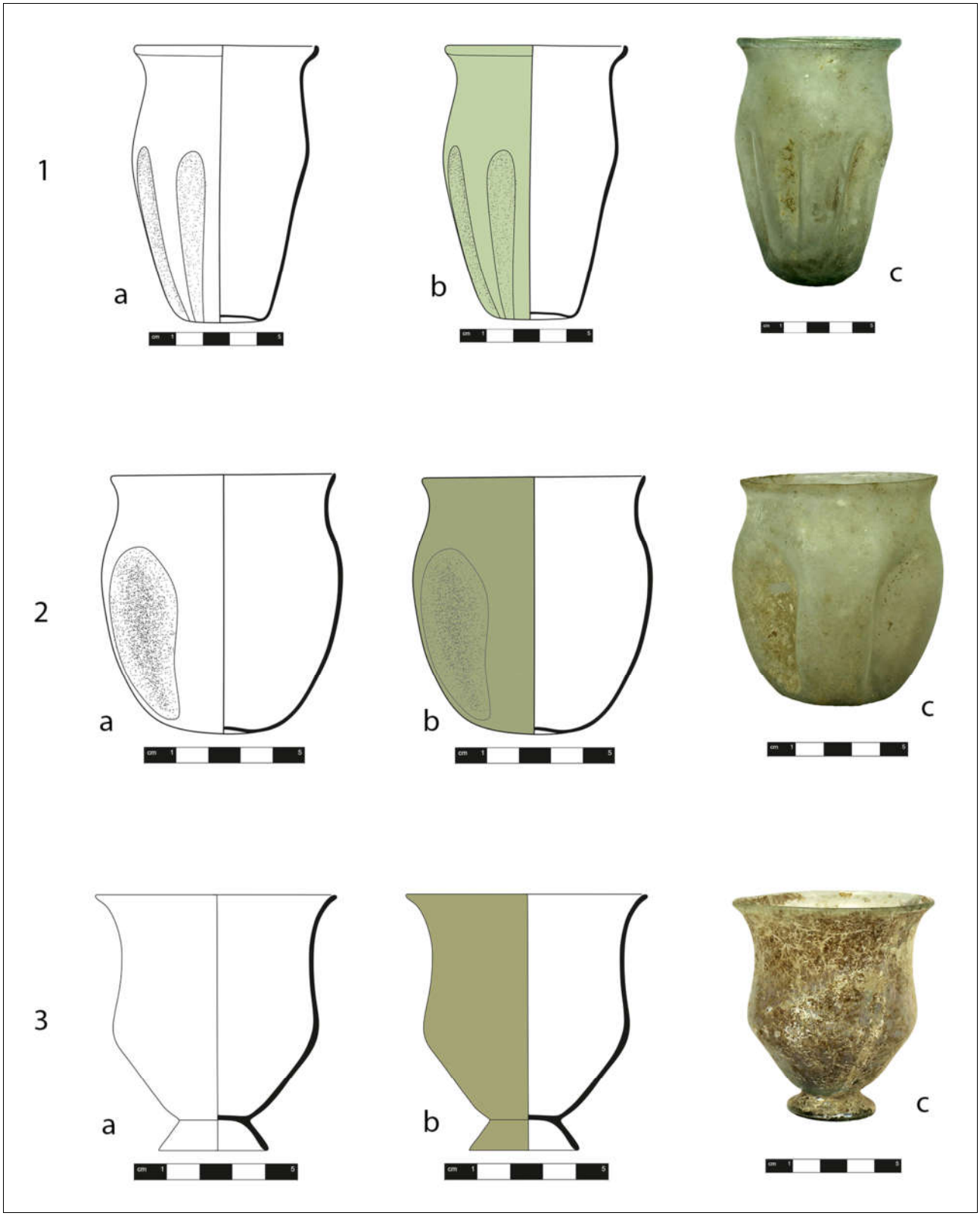


Fig. 5. 1. *a—c* — Indented Beaker; 2. *a—c* — Indented Beaker; 3. *a—c* — Base Carinated Beaker.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.60.37.016

Е.В. Вдовченков, А.А. Подорожный, О.Ю. Арамова, Д.О. Фесенко, О.Е. Положенцев, Джи Ын Ли, И.В. Корниенко

КОМПЛЕКСНОЕ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ГЕРАЛЬДИЧЕСКИМ НАБОРОМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ РОСТОВСКОГО ГОРОДИЩА*

Цель исследования — комплексный анализ подкурганного впускного погребения № 5В с некрополя Ростовского городища (территория г. Ростова-на-Дону, Нижний Дон). Геральдический набор и погребальный обряд (северноориентированный подбой) показывают нам на принадлежность его к типу Суханово второй половины VI — начала VII в. н.э. Но сочетание геральдического стиля с культурной традицией Суханово и чучелом коня позволяет предложить рубеж VI—VII вв. Палеогенетический анализ помог реконструировать фенотип погребенного, а также установить гаплотипы Y-хромосомы и митохондриальной ДНК, которые говорят об его азиатском происхождении. RFA-анализ установил состав геральдической гарнитуры, некоторые из элементов которой были сделаны из свинца, и покрыты золотой фольгой.

Ключевые слова: некрополь Ростовского городища, геральдический стиль, группа погребений типа Суханово, фенотип, RFA-анализ, древняя ДНК, гаплотипы, полиморфные генетические маркеры, Нижний Дон.

Сведения об авторах: Вдовченков Евгений Викторович[1], доктор исторических наук, Южный федеральный университет; Подорожный Александр Александрович[2], ООО «Южархеология»; Арамова Ольга Юрьевна[3], Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Южный федеральный университет; Фесенко Денис Олегович[4], кандидат биологических наук, Институт молекулярной биологии имени В.А. Энгельгардта Российской академии наук; Положенцев Олег Евгеньевич[5], кандидат физико-математических наук, Южный федеральный университет; Джи Ын Ли[6], кандидат исторических наук, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия; Корниенко Игорь Валериевич[7], доктор биологических наук, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Южный федеральный университет.

Контактная информация: [1,3,5,7]344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Южный федеральный университет, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru; [3]aramova@sfedu.ru; [5]olegpolozhentzev@mail.ru; [7]ikornienko@yandex.ru; [2]344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Станиславского, д. 130/Б, Общество с ограниченной ответственностью «Южархеология», e-mail: [2]podoroznii@yandex.ru; [4]119991, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 32, Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта Российской академии наук, e-mail: [4]deferos@yandex.ru; [6]38102, Республика Корея, г. Кёнгджу, ул. Янджонгро, д. 260, Мэрия города Кёнгджу, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия, e-mail: [6]johannalee@korea.kr; [3,7]344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук.

---

* Работа была выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»), генетическая часть выполнена в рамках реализации госзадания ЮНЦ РАН (№ гр. проекта 122011900166-9).

Статья поступила в номер 11 июля 2024 г.
Принята к печати 5 августа 2024 г.

© Е.В. Вдовченков, А.А. Подорожный, О.Ю. Арамова, Д.О. Фесенко, О.Е. Положенцев, Джи Ын Ли, И.В. Корниенко, 2024.

E.V. Vdovchenkov, A.A. Podorozhny, O.Yu. Aramova, D.O. Fesenko, O.E. Polozencev, Ji Eun Lee, I.V. Kornienko

COMPREHENSIVE PALEOGENETIC STUDY OF A BURIAL WITH A HERALDIC SET FROM THE ROSTOV SETTLEMENT NECROPOLIS

The aim of the study is a comprehensive analysis of the under-barrow inlet burial No. 5B from the necropolis of the Rostov settlement (the territory of Rostov-on-Don, Lower Don). The heraldic set and the burial rite (north-oriented lining) show us that it belongs to the Sukhanovo type of the second half of the 6th — early 7th century CE. But the combination of the heraldic style with the cultural tradition of Sukhanovo and the stuffed horse allows us to suggest the turn of the century. Paleogenetic analysis allowed us to reconstruct the phenotype of the buried, as well as to establish the haplotypes of the Y-chromosome and mitochondrial DNA, which indicate his Asian origin. RFA-analysis allowed us to establish the composition of the heraldic font, some of the elements of which were made of lead and covered with gold foil.

Key words: Rostov settlement necropolis, heraldic style, group of burials of the Sukhanovo type, phenotype, RFA-analysis, ancient DNA, haplotypes, polymorphic genetic markers, Lower Don.

About the authors: Vdovchenkov Evgeny Viktorovich[1], Dr. habil (History), Southern Federal University; Podorozhny Alexander Alexandrovich[2], Limited Liability Company “Yuzharheologiya”; Aramova Olga Yurievna[3], Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University; Fesenko Denis Olegovich[4], PhD (Biology), Engelhardt Institute of Molecular Biology, Russian Academy of Sciences; Polozencev Oleg Evgenievich[5], PhD (Physico-mathematical Sciences), Southern Federal University; Ji Eun Lee[6], PhD (History), Organization of World Heritage Cities, Asia Pacific Regional Secretariat; Kornienko Igor Valerievich[7], Dr. habil (Biology), Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University.

Contact information: [1,3,5,7]344006, Russia, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Southern Federal University, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru; [3]aramova@sfedu.ru; [5]olegpolozhentzev@mail.ru; [7]ikornienko@yandex.ru; [2]344006, Russia, Rostov-on-Don, 130/B Stanislavskogo St., Limited Liability Company “Yuzharheologiya”, e-mail: [2]podoroznii@yandex.ru; [4]119991, Russia, Moscow, 32 Vavilov St., Engelhardt Institute of Molecular Biology, Russian Academy of Sciences, e-mail: [4]deferos@yandex.ru; [6]38102, Republic of Korea, Gyeongju, Gyeongsanbuk-do, 260, Yangjeongro St., Cityhall of Gyeongju, Asia-Pacific Regional Secretariat of the Organization of World Heritage Cities, e-mail: [6]johannalee@korea.kr; [3,7]344006, Russia, Rostov-on-Don, 41 Chekhova Av., Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

Археологическая часть

Описание. Объект археологического наследия «Грунтовый некрополь Ростовского городища» расположен в границах высокой надпойменной террасы правого берега р. Дон, в центральной части г. Ростова-на-Дону. Отдельная группа погребений (погребения № 3—8) обнаружена в центральной части раскопа (участки № 3—4) несколькими компактными группами и относится скорее всего уже к курганному могильнику, который в древности был расположен на гребне водораздела между рекой Дон и балкой Генеральской ещё до возникновения Ростовского городища, при этом продолжая своё существование одновременно с поселением и его некрополем.

Погребения с общим номером 5 расположены на участке № 3 в квадратах 9М, 10М, 9Н, 10Н и представляет собой связку погребений, которая, по всей видимости, находилась в центральной части насыпи кургана.

Погребение № 5В (рис. 1) было открыто в юго-западной части объекта и представляет собой впускную могилу с подбоем. Данная конструкция уничтожила большую часть погребения 5Б, колодец могилы имел размеры 190 см на 75—80 см и был вытянут своей длинной осью по линии север—юг. На дне колодца зафиксирована ступенька шириной до 40—45 см и высотой 25—35 см, на ступеньке был прослежен материковый выкид из

погребальной камеры, на котором располагались кости лошади: череп, 2 шейных позвонка, 4 конечности в сочленениях, кости хвоста. Часть ступеньки проследить не удалось, так как она частично была сформирована из заполнения погребения 5Б. По всей видимости, данный неполный скелет лошади был захоронен вместе со шкурой и представлял собой чучело животного, использовавшееся при погребальном обряде. Это чучело мелкого средненого жеребца старше 4 лет. Стоит отметить, что кости конечностей были обрублены не по суставам, а разрублены на середине костей предплечья[1].

Погребальная камера направлена параллельно ступеньке, имеет Г-образную форму и отделена от входного колодца каменным закладом. На дне погребальной камеры располагается костяк человека, ориентированный головой на север. Погребённый лежит вытянуто на спине, пятки и колени сведены вместе, руки вытянуты вдоль туловища, кости правой кисти руки разбросаны вследствие деятельности грызунов, левая кисть руки располагалась в нижней части таза, локтевая кость левой руки покоилась под крылом подвздошной кости таза, а лучевая кость левой руки лежала на этой части таза сверху.

Скелет принадлежал мужчине 35—45 лет. Череп искусственно деформирован, кольцевая деформация, европеоид, по облику похож на позднесарматское население Волго-Уралья. Травм нет, рельеф костей выражен хорошо, что свидетельствует о хорошем физическом развитии[2].

Под левой ногой и под правой частью грудной клетки прослежен тёмно-коричневый тлен подстилки, а сами кости умершего имеют красноватый оттенок (возможно, следы погребального савана, о чем будет сказано ниже).

В северной части камеры подбоя выявлены кости барана: череп и четыре конечности в сочленениях, по всей видимости, это также было чучело животного, возле костей барана удалось зафиксировать остатки деревянной миски. Овца (баран) старше 2,5 лет.

В районе стоп погребённого зафиксированы мелкие изделия из (предположительно) бронзы и серебра, они представлены остатками небольших металлических серых пластин подпрямоугольной формы с бронзовыми креплениями. В районе пояса погребённого также обнаружены остатки пластинок серого цвета и бронзовых креплений, на некоторых изделиях видны следы позолоты, к сожалению, большая часть данных изделий очень плохой сохранности и буквально рассыпалась при контакте с кислородом.

Инвентарь. Из всего поясного набора удалось сохранить и законсервировать лишь несколько предметов, серая металлическая основа изделий практически истлела и рассыпалась при контакте с кислородом, а золотое покрытие было настолько тонким, что любое неловкое движение приводило к её деформации (золотое покрытие бляшек было не толще фольги), но несмотря на всё вышесказанное удалось сохранить следующие предметы:

- небольшая железная пряжка округлой формы (рис. 2: 1);
- 4 разноразмерных бронзовых язычка от пряжек с загнутым концом (рис. 2: 12);
- 3 небольшие серые бляшки Т-образной формы в виде щитка с перекладиной на ножке (рис. 2: 2, 3, 15), причём у одной из них полностью отсутствовало золотое покрытие (рис. 2: 3), а перекладина сохранилась только на экземпляре 3.1;
- наконечник основного пояса с подпрямоугольным основанием и округлым верхом, покрытый золотом (рис. 2: 4);
- наконечник вспомогательного ремня щитовидной формы с золочением (рис. 2: 6);
- два наконечника вспомогательного ремня (рис. 2: 7, 14);
- 3 сильнодеформированных пластины, понять их первоначальный облик не представляется возможным (рис. 2: 5, 8, 9);
- отдельные фрагменты золотого покрытия (рис. 2: 10);
- 2 бронзовых скобы от обуви (рис. 2: 13);
- 10 бронзовых петелек для крепления пластин (рис. 2: 11).

[1] Определение костей животных было сделано археозоологом А.А. Антоновой.

[2] Костные останки были исследованы антропологом канд. ист. наук Е.П. Китовым.

Также в районе пояса были обнаружены сильно коррозированные фрагменты металлических изделий, покрытые золотом, которые не удалось идентифицировать. По всей видимости, это были детали поясной гарнитуры.

Исходя из анализа сохранившихся изделий, было установлено, что комплекс предметов, выявленный в районе пояса покойного, является частью геральдического поясного набора, характерного для VI—VII вв. Такие поясные наборы состоят из пряжки и многочисленных наконечников вспомогательных ремней и разнотипных бляшек, имеющих элементы в форме геральдического щитка. Встречаются подобные находки на обширной территории от Венгрии до Южного Урала и Забайкалья (Азбелев 1993). Геральдические поясные наборы широко представлены и в памятниках Юга России. Схожие находки были выявлены в дельте р. Дон, на территории современного коттеджного посёлка Белогорье (Парусимов 2011); встречаются подобные находки и на территории Краснодарского края, например исследования в Тимашевском районе на поселении у хутора Лютых 2 (Мячин 2018: 65—72, погребение 2); хорошо изучены находки поясных наборов из Крыма (Айбабин 1990: 3—86, 175—241); давно известно множество подобных поясных наборов и на территории Северного Кавказа, например катакомбы 11, 12 и 17 из Суаргома в Верхнем Чми в Северной Осетии (раскопки Д.Я. Самоквасова) (Рунич 1979); находки из Кугульского западного склепа 3 (по А.П. Руницу) из района Пятигорья Ставропольского края; детали геральдических поясных наборов встречаются и на территории Курской и Орловской областей (Родинкова 2020: 141—144; Радюш и др. 2020: 225—227).

В погребении № 5В особый интерес вызывают 2 небольшие серые накладки Т-образной формы в виде щитка с перекладиной на ножке, причём у одной из них полностью отсутствовало золотое покрытие (рис. 2: 15). Данные бляшки близки своей формой к варианту 5, выделенному А.И. Айбабиным на основе находок из Крыма (Айбабин 1990: 53, рис. 50: 14). Этот вариант отличается пластиной со сплошным непрорезным щитком. Перекладина выполнена отдельным костыльком, который был утрачен во второй накладке.

Накладки без прорезей редки и не обозначены в краткой схеме эволюции накладок (Амброз 1973: 294; рис. 289: 29—40). Но и с другими накладками есть проблемы. И.О. Гавритухин, например, так и не смог сузить дату для Т-образной накладки с пламевидным щитком и полуовальной прорезью в нем, с широкой датировкой вторая половина VI — первая половина VII вв. (Гавритухин 2022: 119, рис. 172: 1).

Вместе с тем есть определённые наблюдения, которые позволяют сузить дату этих Т-образных накладок. Так, И.О. Гавритухин выделил 1 горизонт псевдопряжек с сопутствующими им Т-образными накладками со сплошным щитком, и датировал его второй половиной VI — началом VII вв. (Гавритухин 2001: 36). К их числу относится комплекс из катакомбы Клин-Яр III, № 357 (Belinskij, Härke 2018: 292, рис. 110: 3, 12; Гавритухин 2023: рис. 10: 4—6), где можно встретить очень близкую Т-образную накладку, а также схожий наконечник ремня с закруглением на конце, как на рис. 2: 4, 6. И.О. Гавритухин относит комплекс Клин-Яр III, 357 к эпохе Первого Тюркского каганата, т. е. второй половине VI — началу VII вв. (Гавритухин 2023: 164—165).

Также следует обратить внимание на то, что перемычка между перекладиной и щитком короткая, а длинные перемычки относятся к позднему периоду бытования этих накладок — 620/640-е гг. (Гавритухин 2022: 110). Безусловно, это косвенный аргумент, но его тоже стоит принимать во внимание. Что же касается хронологической разницы между сплошным щитком и щитком прорезным, то в настоящее время нет убедительной аргументации по этой теме, как и убедительной типологии (Bálint 1992: 381—384; Гавритухин 2022: 109).

Также следует обратить внимание, что такая пластинка, как на рис. 2: 3, встречается в комплексе Чапаевский, курган 29, погребение 2, и он датируется первой — началом второй трети VII в. (Атавин 1996: 228, таб. 7: 8). Но Чапаевский — это уже другая культурная традиция, с восточной ориентацией погребения и другими отличиями (Комар 2013: 683 и далее, табл. 12: 14). Также наконечник пояса (рис. 2: 4) близок наконечнику пояса из

Чапаевского (Атавин 1996: таб. 4: 2), и он датируется А.Г. Атавиным второй половиной VI — первой четвертью VII в.

Обоймицы, петельки для крепления кончика ремня (рис. 2: 13) датируются Э.А. Хайрединовой второй половиной VI—VII вв. (Хайрединова 2003: 131, рис. 2: 11).

В целом геральдическая гарнитура может быть отнесена ко второй половине VI — первой половине VII вв., но ситуация с Т-образными накладками позволяет осторожно предположить дату вторая половина VI — начало VII вв.

Погребальный обряд. А.В. Комар проанализировал погребальный обряд в степной зоне Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья (Комар 2013). На основании ряда особенностей погребение № 5В (рис. 1) можно отнести к типу Суханово (Комар 2013: 681—683, табл. 11). Эта группа датируется второй половиной VI в. — началом VII в. н.э. Основанием для этого является наличие следующих признаков:

1. Строгая северная ориентировка;

2. Подбой, в котором тело располагалось с западной стороны;

3. Наличие погребального савана или обычая связывания, при которых колени и пятки сведены вместе. Как уже было сказано, кости умершего имеют красноватый оттенок, что может быть объяснено цветом савана (рис. 3). Обращаем внимание, что в раннем Средневековье встречается окраска луба, в который был завернут покойный, в красный цвет (погребение Костогрызово, курган 1, погребение 7 — Комар 2013: 699);

4. Отсутствие погребального инвентаря. Единственным предметом, который сопровождал умершего, помимо чучела коня и чучела (?) барана, была деревянная миска. Объяснить это бедностью погребенного нельзя — он имел довольно богатую поясную гарнитуру, серые металлические пластинки, покрытые золотом. А.В. Комар указывает, что даже в богатом Суханово (курган 8, погребение 2) был минимальный сопроводительный инвентарь (Комар 2013: 681);

5. Наличие костей коня — но только в поздних погребениях этого типа Суханово, т.е. в конце VI — начале VII вв. В этот же период появляются детали геральдической гарнитуры пояса и обуви, как в данном погребении;

6. Напутственная пища в сосуде у головы, в данном случае в деревянной чаше;

«Сухановские» черты сохраняются в первой половине VII в., сочетаясь с древностями типа Сивашовка (Комар 2013: 695).

Таким образом, погребение содержит все признаки типа Суханово, и на основании погребального обряда может быть датировано концом VI — первой половиной VII вв., может быть, с тенденцией отнесения его к рубежу веков — поскольку в более поздних погребениях появляется больше погребального инвентаря.

В результате археологического исследования объекта «Грунтовый некрополь Ростовского городища» (г. Ростов-на-Дону, пр-т. Соколова, д. 22 / ул. Социалистическая д. 114—116, д. 118, 2022 г.) было раскопано погребение № 5В, которое оказалось довольно нетипичным для меотского некрополя, и в связи с этим было обследовано методами не только археологии, но также палеогенетики и физики.

Методы исследования

Анализ погребального инвентаря при помощи метода микрорентгенофлуоресцентного анализа (микро-RFA). Химический состав исследуемых предметов определялся методом микро-RFA с помощью микро рентгенофлуоресцентного спектрометра M4 Tornado (Bruker Corp., Германия) исследовательской группой под руководством О.Е. Положенцева на базе Международного исследовательского института интеллектуальных материалов Южного федерального университета. Метод микро-RFA позволяет производить неразрушающий элементный анализ неоднородных проб с высокой чувствительностью. Прибор оснащен рентгеновской трубкой на основе родия в качестве источника возбуждения. Напряжение и ток

рентгеновской трубки составляли 50 кВ и 300 мА, размер пучка — 25 мкм, шаг столика — 5 мкм, скорость перемещения столика от 100 мм/с.

Особенность этого метода заключается в том, что он дает состав изделий, начиная с 11 элемента периодической системы им. Д. И. Менделеева — т.е. натрия. Этот метод показал свою продуктивность при работе с цветными металлами. Измерения химического состава проводилось точечными исследованиями. Для анализа использованы обрывки фольги (рис. 2: 10), петельки крепления (рис. 2: 11), а также серые металлические фрагменты поясного набора, не отраженные в иллюстрациях. Результаты приведены в табл. 1—3.

Генетический анализ фрагментов скелета образца № 5В. Объектами палеогенетического исследования послужили 3 фрагмента скелета образца № 5В: левая бедренная кость (рис. 3), левая плечевая кость, фрагмент фаланги нижних конечностей.

Работа с биологическим материалом осуществлялась в отдельных помещениях научной лаборатории «Идентификация объектов биологического происхождения» Академии биологии и биотехнологии им. Д.И. Ивановского ЮФУ и молекулярно-генетической лаборатории Южного научного центра РАН, все поверхности, стены и пол которых заранее были обработаны 15% коммерческим раствором гипохлорита натрия, а затем водопроводной водой. Лабораторные помещения в течение суток непрерывно облучали пятиламповым рециркулятором Дезар-7 (МЕДПРИБОРЫ, Россия), который также не выключался в процессе работы. Все манипуляции с археологическими объектами и древней ДНК (дДНК) проводились с использованием чистых медицинских костюмов, одноразовых медицинских масок, шапочек, перчаток и нарукавников. Настоящее исследование осуществлялось с общепринятыми стандартами работы с дДНК.

Пробоподготовку костных объектов и выделение древней ДНК проводили с использованием оригинальных методик, описанных в работах И.В. Корниенко и соавторов, включающих специальную деконтаминационную обработку костного порошка (Арамова и др. 2019; Корниенко и др. 2021; Патент 2789387). Экстракцию ДНК из исследуемых образцов проводили в пяти независимых параллелях органическим методом в присутствии отрицательного контроля (Корниенко, Харламов 2012). Дополнительную концентрацию и очистку дДНК осуществляли с использованием центрифужного концентратора Amicon Ultra-4, Ultra Centrifugal Filter, 30 kDa (MERCK, США). Средний объем полученной дДНК составлял не более 100 мкл.

Концентрацию активной ДНК-матрицы определяли методом ферментативной амплификации ДНК в реальном времени (ПЦР-РВ) с использованием коммерческой тест-системы EVA Green (Синтол, Россия) при помощи термоциклера iQ5 (Bio-Rad, США). Для оценки концентрации дДНК был использован участок гена *HBB* по следующей программе амплификации: 1 цикл (1X) 95°C — 04:45, 2 цикл: (42X) 95°C — 00:15, 56°C — 00:15, 72°C — 00:35 (Cawthon 2002: 47). Оценку концентрации проводили путем сравнения пороговых циклов (Ct) исследуемых образцов с калибровочной кривой. Все исследования проводились в пяти параллелях для каждого объекта. Данные анализировали при помощи программы iQ5 Optical System Software (версия 2.0).

Генотипирование микросателлитных локусов аутосомной дДНК проводилось с использованием тест—системы COrDIS «Эксперт» (Гордиз, Россия) в соответствии с руководством пользователя (gordiz.ru/cordis-expert: 1). Были идентифицированы локусы *D3S1358, TH01, D12S391, D1S1656, D10S1248, D22S1045, D2S441, D7S820, D13S317, FGA, TPOX, D18S51, D16S539, D8S1179, CSF1PO, D5S818, vWA, D21S11, SE33* и локус *Amelogenin*, определяющий половую принадлежность. Каждый образец был амплифицирован в 5 независимых параллелях, также использовался положительный контроль (мужская ДНК в концентрации 0,8 нг/мкл) и отрицательный контроль (деионизированная вода).

Типирование микросателлитных локусов Y-хромосомы осуществлялось при помощи тест-системы COrDIS-Y (Гордиз, Россия) в соответствии с руководством пользователя (gordiz.ru/cordis-y: 1). Были типированы локусы *DYS19, DYS389I, DYS389II, DYS390, DYS391, DYS392, DYS393,*

DYS385a, DYS385b, DYS438, DYS439, DYS437, DYS447, DYS576, DYS449, DYS456, DYS448 и *DYS635.* Амплификацию ДНК осуществляли с помощью термоциклера GeneAmp PCR System 9700 (Applied Biosystems, США). Каждый образец был амплифицирован в 5 независимых параллелях, также использовался положительный контроль (мужская ДНК в концентрации 0,8 нг/мкл) и отрицательный контроль. Электрофорез ампликонов проводили, используя генетический анализатор 3130xl Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США) и НАНОФОР 05 (ИАП РАН, Россия) в соответствии с руководствами пользователя. Идентификацию аллелей проводили по внутреннему размерному стандарту S450. Обработка результатов и идентификация аллелей проходила автоматически с помощью программы GeneMapper ID (версия 3.2) (Applied Biosystems, США).

Исследование гипервариабельного региона митохондриальный ДНК (мтДНК) осуществлялось методом секвенирования по Сэнгеру. Амплификацию мтДНК исследуемых образцов проводили в 3 параллелях при помощи iQ5 (Bio-Rad, США) и специфичных праймеров, структура которых, а также условия проведения реакции подробно изложены в ранней работе научной группы И.В. Корниенко (Корниенко и др. 2022).

Очистку продуктов амплификации от возможных избытков компонентов реакции проводили при помощи магнитных частиц CleanMag DNA (Евроген, Россия) согласно инструкции пользователя (evrogen.ru/kit-user-manuals/BM035: 1). Качественная оценка результата очистки осуществлялась путем электрофореза в 2% агарозном геле при помощи системы гель—документирования Gel Doc XR+ (Bio—Rad, США) по схеме: 5 мин — 120 V, 15 мин — 100 V. Полученные данные анализировали при помощи программы iQ5 Optical System Software (версия 2.0).

Секвенирование было выполнено при помощи набора BigDye Terminator версия 1.1 Cycle Sequencing Kit (Applied Biosystems, США) и термоциклере GeneAmp PCR System 9700 (Applied Biosystems, США) по следующей схеме: 1 цикл (1X) 95°C — 01:00, 2 цикл: (30X) 96°C — 00:10, X°C — 00:10, 60°C — 04:00, где X — температура отжига, используемого в реакции праймера. Очистка образцов после секвенирования осуществлялась при помощи колонок DyeEx 2.0 Spin Kit (Qiagen, Германия) согласно инструкции пользователя. Детекция продуктов секвенирования осуществлялась при помощи 3130xl Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США). Анализ полученных данных проводили с использованием программ Sequencing Analysis (версия 5.3) и BioEdit (версия 7.0.5.2) tools.thermofisher.com/cms_041479: 1; Hall 1999) относительно сравнения с уточненной референсной последовательностью (Anderson и др. 1981).

Анализ гаплотипов проводили с использованием базы данных YHRD (Willuweit 2007) и программ Haplogroup Predictor, Y-DNA Haplogroup Predictor — NEVGEN (Athey 2005; nevgen.org: 1). Принадлежность мтДНК к той или иной гаплогруппе устанавливали при помощи базы данных EMPOP и онлайн—программы HaploGrep (empop.online: 1; Kloss-Brandstätter и др. 2011).

ДНК-фенотипирование состояло из трех этапов: мультиплексной ПЦР, гибридизации ПЦР-продукта на биочипе и регистрации генотипа. В ходе мультиплексной ПЦР происходила амплификация и флуоресцентное мечение 53 целевых фрагментов генома человека, содержащих 60 генетических маркеров, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови системы AB0, базовой Y-гаплогруппой и половой принадлежностью человека с использованием набора реагентов Phenotype Expert (Центр исследования ДНК, Россия). Важно отметить, что средняя длина продуктов реакции составляет около 79 п.н., что повышает шансы на успешное генотипирование деградированной дДНК. Реакцию осуществляли по следующей схеме: 1 цикл 95°C — 02:00, 2 цикл: (50X) 94°C — 00:30, 65°C — 00:40, 72°C — 00:30, 3 цикл (50X) 94°C — 00:20, 52°C — 00:30, 72°C — 00:30. Каждый образец был амплифицирован в 4 независимых параллелях, также использовался положительный контроль (мужская ДНК в концентрации 0,4 нг/мкл) и отрицательный контроль.

Гибридизацию ампликонов на биочипы проводили путем добавления смеси 7,5 мкл формамида, 7,5 мкл промывочного буфера и 15 мкл ампликонов в камеру биочипа, которые

затем были помещены в термостат на 12 ч при 37 °С. После гибридизации биочипы помещали в 20-кратный разведенный промывочный буфер на 15 мин, а затем в дистиллированную воду на 2 мин и на финальном этапе обдували сжатым воздухом. Детекция полученных данных осуществлялась при помощи анализатора Пико-Дент (Биочип-ИМБ, Россия) согласно руководству по эксплуатации. Трансляция генотипа в фенотип осуществлялась с использованием программы Phenotype Expert (Центр исследования ДНК, Россия) и интернет-ресурса The HIrisPlex—S System (Фесенко и др. 2022; hirisplex.erasmusmc.n: 1).

Результаты и обсуждение

Исследование химического состава исследуемых предметов показало высокое содержание золота в фольге — до 98% (табл. 1). В другом образце количество золота варьировало от 47 до 93% (табл. 1). Эта фольга использовалась для покрытия металлических деталей поясной гарнитуры — наконечника пояса, Т-образных накладок и других элементов, не полностью сохранившихся.

Петельки, используемые для крепления накладок и других металлических деталей к кожаному поясу, состояли в одном случае из практически чистой меди, в другом — из меди со значительной примесью свинца — до 23% (таб. 2). В результате исследования сильно коррозированных металлических деталей поясной гарнитуры, не отраженных на рис. 2, установлено, что они состоят из свинца (таб. 3). Внешний вид этих деталей не позволил восстановить их форму, а сами пластинки слоились.

В результате количественной оценки дДНК установлена характерная для палеобиологического материала деградация. Средняя медиана концентрации дДНК составила $3{,}1 \times 10^{-3}$ нг/мкл.

В результате генотипирования аутосомных STR-локусов установлено, что генетический материал погребения № 5В имеет характерные для дДНК особенности: выпадение локусов и аллелей, убывающий характер детектированных пиков генотипирования. Таким образом идентифицировано 10 генетических маркеров из 21: *D3S1358* 18,20; *D10S1248* 13, —; *D22S1045* 10,17; *D2S441* 9,11; *FGA* 23,30; *TPOX* 9, —; *D18S51* 12,14; *D8S1179* 12, —; *vWA* 17, —; *SE33* 17, —. Локус *Amelogenin* указывает на возможный мужской генетический пол индивида.

Исходя из международной базы данных частот аллелей STR—локусов в различных современных метапопуляциях pop.STR (spsmart.cesga.es/popstr: 1) установлено, что локус *D3S1358* имеет редкий генетический признак 20, характерный только для современного населения Европы (частота встречаемости 0,001). Генетический маркер *D2S441* имеет редкий генетический признак 9, характерный для современного населения Африки, Америки и Восточной Азии (частота встречаемости 0,003). Локус *FGA* также имеет редкий аллель 30, встречающийся у современного населения Африки и Америки с частотой 0.002. Остальные установленные генетические признаки преимущественно представлены у современного населения Восточной Азии. Исходя из расширенной международной базы данных частот генетических признаков STRidER (strider.online: 1) установленный неполный генетический профиль аутосомной ДНК представителя древней культуры наиболее часто представлен в современной азиатской метапопуляции ($1{,}0409e^{-22}$).

Анализ результатов типирования микросателлитных локусов Y-хромосомы показал отсутствие продуктов амплификации, что свидетельствует о сильной деградации активной ДНК-матрицы. Таким образом на основании типирования Y-хромосомы подтвердить генетический пол, а также гаплогруппу Y-хромосомы не удалось.

В результате сравнения полученных нуклеотидных последовательностей гипервариабельного региона мтДНК представителя древнего населения юга России I тыс. н.э. с уточненной референсной Кембриджской последовательностью были выявлены специфические полиморфизмы, на основании которых была установлена гаплогруппа мтДНК. Установлены

следующие однонуклеотидные замены: 16223 C>T, 16256C>T, 16311T>C, 16352T>C, где Y>Z — Y заменен на Z. Стоит отметить, что, как и в предыдущих исследованиях тенденцией являлось отсутствие ПЦР-продуктов того или иного участка мтДНК.

Таким образом, с вероятностью практически 60 % установлена гаплогруппа D4q*. Гаплогруппа D имеет свое наибольшее распространение в современной Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Сибири и у представителей коренного населения Америки, составляя 1% от общих гаплотипов на планете, что подтверждают полученные ранее результаты генотипирования аутосомной дДНК. Субклад D4q* характерен для современного населения Тибета, а также Киргизии (Comas и др. 2004).

Помимо вопросов о происхождении популяций, палеогенетика позволяет также установить фенотипические характеристики останков. Процедура ДНК-фенотипирования подтвердила полученные ранее данные, а также (вследствие наибольшей чувствительности метода) позволила установить гаплогруппу Y-хромосомы. Установлена принадлежность к гаплогруппе R (предполагаемый центр формирования Центральная Азия), тем самым определяя возможное патрилинейное происхождение из азиатских регионов. Подтвержден мужской генетический пол исследуемого индивида, а также установлена A (II) группа крови системы AB0. Согласно алгоритму вероятностной оценки базовых фенотипических вариантов исследуемый представитель древней культуры имел смуглую кожу (частота вероятности 0,838), темный цвет волос (шатен 0,656), темные: карие или черные глаза (0,978).

Таким образом, погребение № 5В выделяется от иных захоронений археологического памятника «Ростовское городище». Уникальное сочетание преобладания восточноазиатский этногенетических характеристик с редко встречающимися признаками европейской популяции в совокупности с археологическими данными позволяет лучше понять особенности этногенетической истории населения Юга России в раннем Средневековье. Но следует учесть, что это только один индивид, и на его материале нельзя делать каких-то значительных выводов.

Заключение

Данный комплекс привлекает внимание тем, что гарнитура в геральдическом стиле довольно редко встречается в донском регионе. Это погребение было сделано в кургане на периферии меотского могильника, но принадлежит уже совершенно другой эпохе — раннему Средневековью. Датировать погребение можно второй половиной VI — началом VII вв., но можно и сузить — предположить рубеж VI—VII вв., поскольку для культурной группы типа Суханово, выделенной А.В. Комаром, геральдические элементы и чучело коня встречаются на позднем этапе существования.

Данные генетиков об азиатском происхождении погребенного не вызывают особого удивления, поскольку хорошо известны центральноазиатские истоки ядра мигрантов в эпоху Великого переселения народов и в начале раннего средневековья, но являются новым важным источников по этому вопросу. Также следует обратить внимание на связь с европейской популяцией, и в этом отношении деформация черепа погребенного говорит о преемственности с предшествующими традициями, в первую очередь сармато-аланского мира.

Погребенного нельзя отнести ни к бедной части общества, ни к аристократии. С одной стороны, отсутствие инвентаря диктовалось погребальной традицией этой культурной группы. Мы видим золотое покрытие поясного набора. Но, с другой стороны, в формировании поясной и обувной гарнитуры использовался свинец, а не, например, серебро. Нам не удалось провести исследование всей гарнитуры, но можно предположить, что использование свинца было более дешевым вариантом оформления престижного обувного и поясного набора. В этом отношении перспективным было бы проведение исследование состава гарнитуры других погребений этой эпохи, поскольку есть вероятность, что не все предметы, определенные как серебряные, окажутся таковыми.

Погребения типа Суханово А.В. Комар связывает с утигурами, господствующими в Причерноморье после победы над кутригурами — с середины VI в. до начала VII в. (Комар 2008: 112). Принадлежность этого кочевника к утигурам вероятна, но настаивать на этом вряд ли возможно, учитывая ограниченное количество погребений этого времени, а также, что более важно, специфику археологических источников.

Все процедуры, выполненные в исследовании с участием людей, соответствуют этическим стандартам институционального и/или национального комитета по исследовательской этике и Хельсинкской декларации 1964 г. и ее последующим изменениям или сопоставимым нормам этики.

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Литература

Азбелев П.П. 1993. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля. *Петербургский археологический вестник* 3, 89—93.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 3—86, 175—241.

Амброз А.К. 1973. Рец.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest. 1969. *СА* 2, 288—298.

Амброз А.К. 1989. *Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв.* Москва: Наука.

Арамова и др. 2019: Арамова О.Ю., Фалеева Т.Г., Махоткин М.А. Андрианов А.И, Корниенко И.В. Инновационная методика деконтаминации археологического биологического материала. В: Шкурат Т.П. (отв. ред.). *Генетика — фундаментальная основа инноваций в медицине и селекции* (материалы VIII научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону—Таганрог, 26—29 сентября 2019 г.). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 89—90.

Атавин А.Г. 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Самара: СОИКМ, 208—264.

Белявская О.С. 2019. Ременная гарнитура с раннесредневековых поселенческих памятников Республики Башкортостан. *ПИФК* 1, 186—201.

Гаврилова А.А. 1965. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён*. Москва; Ленинград: Наука.

Гавритухин И.О. 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма)*. Т. 2. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 31—86.

Гавритухин И.О. 2022. Глава 6. Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V—VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 95—121.

Гавритухин И.О. 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия). *НАВ* 22 (1), 139—202.

Комар А.В. 2008. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья второй половины VI — начала VII в. *Сугдейский сборник* III, 87—117.

Комар А.В. 2013. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI — второй половины VIII в. В: Досымбаева А., Жолдасбеков М. (рук. проекта). *Атлас Тюркского каганата*. Астана: Service press, 671—820.

Корниенко и др. 2022: Корниенко И.В., Панова Т.Д., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю., Сидоренко Ю.С. 2022. Молекулярно-генетическая идентификация безымянных захоронений первой половины XVI в. из некрополя Вознесенского собора Московского Кремля. *Генетика* 58 (2), 206—218.

Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю. Патент № 2789387 C1 Российская Федерация, МПК A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28. Композиция для удаления ДНК и/или РНК-содержащего биологического материала (варианты) № 2021129837 (заявл. 11.10.2021, опубл. 02.02.2023).

Корниенко И.В., Харламов С.Г. 2012. *Методы исследования ДНК человека*. Ростов-на-Дону: ЮФУ.

Мячин 2018: личный архив С.В. Мячина. Мячин С.В. 2018. Отчёт охранно-спасательные раскопки «поселения у хутора Лютых 2» в Тимашевском районе Краснодарского края в 2017. г. Ставрополь.

Парусимов И. Н. 2011. Сбору у хут. Дугино. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 г.* 25, 116—123.

Родинкова В.Е. 2020. Исследования Суджанского археологического отряда ИА РАН. В: Ивашов М.В. (отв. ред., сост.). *Археологические исследования в центральном Черноземье*. Липецк; Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 141—144.

Рунич А.П. 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья. *СА* 4, 232—248.

Фесенко и др. 2022: Фесенко Д.О., Ивановский Д.И., Иванов П.Л., Земскова Е.Ю., Агапитова А.С., Поляков С.А., Фесенко О.Е., Филиппова М.А., Заседателев А.С. 2022. Биочип для генотипирования полиморфизмов, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови, половой принадлежностью, основной гаплогруппой Y-хромосомы, и его использование для исследования славянской популяции. *Молекулярная биология* 56 (5), 860—880.

Хайрединова Э.А. 2003. Обувные наборы V—VII вв. из Юго-Западного Крыма. *МАИЭТ* X, 125—160.

Anderson S., Bankier A.T., Barrell B.G. et al. 1981. Sequence and organization of the human mitochondrial genome. *Nature* 290, 457—465.

Athey T.W. 2005. Haplogroup Prediction from Y-STR Values Using an Allele Frequency Approach. *Journal of Genetic Genealogy* 1, 1—7.

Bálint Cs. 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von ÜčTepe (Sovj. Azerbaidzhan). In: Daim F. (ed.). *Awarenforschungen* 1. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 309—496 (Studien zur Archäologie der Awaren 4).

Belinskij A.B., Härke H. 2018. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994—1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt (Archäologie in Eurasien 36).

Cawthon R.M. 2002. Telomere measurement by quantitative PCR. *Nucleic Acids Res* 30 (10), 47.

Comas D., Plaza S., Wells R.S. et al. 2004. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: Evidence from maternal DNA lineages. *European Journal of Human Genetics* 12 (6), 495—504.

empop.online: 1. URL: https://empop.online/ (дата обращения 12.07.2024).

evrogen.ru/kit-user-manuals/BM035: 1. URL: https://evrogen.ru/kit-user-manuals/BM035.pdf (дата обращения 12.07.2024).

gordiz.ru/cordis-expert: 1. URL: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-expert/ (дата обращения 12.07.2024).

gordiz.ru/cordis-y: 1. URL: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-y/ (дата обращения 12.07.2024).

Hall T.A. 1999. BioEdit: A User-Friendly Biological Sequence Alignment Editor and Analysis Program for Windows 95/98/NT. *Nucleic Acids Symposium Series* 41, 95—98.

hirisplex.erasmusmc.n: 1. URL: https://hirisplex.erasmusmc.nl/ (дата обращения 12.07.2024).

Kloss-Brandstätter A., Pacher D., Schönherr S. et al. 2011. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups. *Human Mutation* 32, 25—32.

Kornienko I.V., Faleeva T.G., Aramova O.Y. et al. 2021. Y-Chromosome Haplogroup Diversity in Khazar Burials from Southern Russia. *Russian Journal of Genetics* 57 (4), 477—488.

nevgen.org: 1. URL: https://www.nevgen.org/ (дата обращения 12.07.2024).

spsmart.cesga.es/popstr: 1. URL: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (дата обращения 12.07.2024).

strider.online: 1. URL: https://strider.online/ (дата обращения 12.07.2024).

tools.thermofisher.com/ cms_041479: 1. URL: https://tools.thermofisher.com/content/sfs/manuals/cms_041479.pdf (дата обращения 12.07.2024).

Willuweit S., Roewer L. 2007. International Forensic Y Chromosome User Group. Y chromosome haplotype reference database (YHRD): update. *Elsevier Ireland* 1 (2), 83—87.

References

Azbelev, P.P. 1993. In *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 3, 89—93 (in Russian).

Aybabin, A.I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* I, 3—86, 175—241 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 2, 288—298 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V—VII vv. (Chronology of antiquities of the Northern Caucasus of the 5th — 7th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Aramova et al. 2019: Aramova, O.Yu., Faleeva, T.G., Makhotkin, M.A. Andrianov, A.I, Korniyenko, I.V. 2019. In: Shkurat, T.P. (ed.). *Genetika — fundamental'naya osnova innovatsiy v meditsine i selektsii*

(materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Rostov-na-Donu—Taganrog, 26—29 sentyabrya 2019 g.) (Genetics — the fundamental basis of innovations in medicine and breeding (Proceedings of the 8th scientific and practical conference with international participation. Rostov-on-Don—Taganrog, September 26—29, 2019)). Rostov-on-Don: YuFU, 89—90 (in Russian).

Atavin, A.G. 1996. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n.e. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE)*. Samara: SOIKM, 208—264 (in Russian).

Belyavskaya, O.S. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1, 186—201 (in Russian).

Gavrilova, A.A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemon (The Kudyrge burial ground as a source for the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2001. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tura yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n.e. (iz istorii kostyuma) (The culture of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (from the history of costume))*. Vol. 2. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina, 31—86 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2022. In: Oblomskiy, A.M. (ed.). *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Stayevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V—VII v.) i nekotoryye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya (Trade and craft complex near the village of Staevo in the upper reaches of the river. Voronezh (late 5th-7th centuries) and some problems of the archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages)*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 95—121 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. 2023. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga. Archaeological Bulletin)* 22 (1), 139—202 (in Russian).

Komar, A.V. 2008. In *Sugdeyskiy sbornik (Sugdaia Collected Works)* III, 87—117 (in Russian).

Komar, A.V. 2013. In: Dosymbaeva, A., Zholdasbekov, M. (ed.). *Atlas Tyurkskogo kaganata (Atlas of the Turkic Khaganate)*. Astana: Service press, 671—820 (in Russian).

Kornienko et al. 2022: Korniyenko, I.V., Panova, T.D., Faleeva, T.G., Aramova, O.Yu., Sidorenko, Yu.S. 2022. In *Genetika (Genetics)* 58 (2), 206—218 (in Russian).

Kornienko I.V., Faleeva T.G., Aramova, O.Yu. Patent № 2789387 C1 Rossiyskaya Federatsiya, MPK A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28. Kompozitsiya dlya udaleniya DNK i/ili RNK-soderzhashchego biologicheskogo materiala (varianty) No. 2021129837 (zayavl. 11.10.2021, opubl. 02.02.2023).

Kornienko, I.V., Kharlamov, S.G. 2012. *Metody issledovaniya DNK cheloveka (Methods of human DNA research)*. Rostov-on-Don: YuFU (in Russian).

Myachin 2018: lichnyy arkhiv S.V. Myachina. Myachin S.V. 2018. Otchot okhranno-spasatel'nyye raskopki "poseleniya u khutora Lyutykh 2" v Timashevskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2017. g. Stavropol.

Parusimov, I. N. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2009 g. (Historical and archaeological research in Azov and on the Lower Don in 2009)* 25, 116—123 (in Russian).

Rodinkova, V.Ye. 2020. In: Ivashov, M.V. (ed., comp.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v tsentral'nom Chernozem'ye (Archaeological research in the central Chernozem region)*. Lipetsk; Voronezh: Poligraficheskoye izdaniye "Novyy vzglyad", 141—144 (in Russian).

Runich, A.P. 1979. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 232—248 (in Russian).

Fesenko et al. 2022: Fesenko, D.O., Ivanovskiy, D.I., Ivanov, P.L., Zemskova, E.Yu., Agapitova, A.S., Polyakov, S.A., Fesenko, O.Ye., Filippova, M.A., Zasedatelev, A.S. 2022. In Molekulyarnaya biologiya (*Molecular Biology*) 56 (5), 860—880 (in Russian).

Khayredinova, E.A. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 125—160 (in Russian).

Anderson, S., Bankier, A.T., Barrell, B.G. et al. 1981. Sequence and organization of the human mitochondrial genome. *Nature* 290, 457—465.

Athey, T.W. 2005. Haplogroup Prediction from Y-STR Values Using an Allele Frequency Approach. *Journal of Genetic Genealogy* 1, 1—7.

Bálint, Cs. 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von ÜčTepe (Sovj. Azerbaidzhan). In: Daim, F. (ed.). *Awarenforschungen* 1. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 309—496 (Studien zur Archäologie der Awaren 4).

Belinskij, A.B., Härke, H. 2018. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994—1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt (Archäologie in Eurasien 36).

Cawthon, R.M. 2002. Telomere measurement by quantitative PCR. *Nucleic Acids Res* 30 (10), 47.

Comas, D., Plaza, S., Wells, R.S. et al. 2004. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: Evidence from maternal DNA lineages. *European Journal of Human Genetics* 12 (6), 495—504.

empop.online: 1. URL: https://empop.online/ (дата обращения 12.07.2024).

evrogen.ru/kit-user-manuals/BM035: 1. Available at: https://evrogen.ru/kit-user-manuals/BM035.pdf (accessed 12.07.2024).

gordiz.ru/cordis-expert: 1. Available at: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-expert/ (accessed 12.07.2024).

gordiz.ru/cordis-y: 1. Available at: https://gordiz.ru/products/dna-hid/cordis-y/ (accessed 12.07.2024).

Hall, T.A. 1999. BioEdit: A User-Friendly Biological Sequence Alignment Editor and Analysis Program for Windows 95/98/NT. *Nucleic Acids Symposium Series* 41, 95—98.

hirisplex.erasmusmc.n: 1. Available at: https://hirisplex.erasmusmc.nl/ (accessed 12.07.2024).

Kloss-Brandstätter, A., Pacher, D., Schönherr, S. et al. 2011. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups. *Human Mutation* 32, 25—32.

Kornienko, I.V., Faleeva, T.G., Aramova, O.Y. et al. 2021. Y-Chromosome Haplogroup Diversity in Khazar Burials from Southern Russia. *Russian Journal of Genetics* 57 (4), 477—488.

nevgen.org: 1. Available at: https://www.nevgen.org/ (accessed 12.07.2024).

spsmart.cesga.es/popstr: 1. Available at: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (accessed 12.07.2024).

strider.online: 1. Available at: https://strider.online/ (accessed 12.07.2024).

tools.thermofisher.com/ cms_041479: 1. Available at: https://tools.thermofisher.com/content/sfs/manuals/cms_041479.pdf (accessed 12.07.2024).

Willuweit, S., Roewer, L. 2007. International Forensic Y Chromosome User Group. Y chromosome haplotype reference database (YHRD): update. *Elsevier Ireland* 1 (2), 83—87.

Таблица 1. Золотая фольга (рис. 2: 10).

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
Si	14	K-series	0.00	0.00	0.00
Cu	29	K-series	1.29	3.89	0.00
Au	79	L-series	98.71	96.11	0.19
		Total:	100.00	100.00	

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
Si	14	K-series	2.04	6.57	0.00
Cl	17	K-series	22.90	58.40	0.10
Ag	47	K-series	0.00	0.00	0.00
Au	79	L-series	74.45	34.17	0.16
Cu	29	K-series	0.61	0.87	0.00
		Total:	100.00	100.00	

Таблица 2. Бронзовые петельки (рис. 2: 11).

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
Ca	20	K-series	19.09	32.06	0.01
Fe	26	K-series	0.49	0.59	0.00
Cu	29	K-series	56.10	59.42	0.05
Os	76	L-series	1.11	0.39	0.00
Pb	82	L-series	23.21	7.54	0.01
		Total:	100.00	100.00	

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
S	16	K-series	0.27	0.52	0.00
Cl	17	K-series	4.94	8.49	0.01
Cu	29	K-series	94.79	90.99	0.44
		Total:	100.00	100.00	

Таблица 3. Металлические неопределенные фрагменты из области пояса.

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
Al	13	K-series	3.23	8.34	0.00
Si	14	K-series	6.70	16.61	0.00
Cl	17	K-series	22.24	43.68	0.03
Ca	20	K-series	5.78	10.05	0.01
Fe	26	K-series	0.52	0.65	0.00
Ag	47	K-series	0.00	0.00	0.00
Sn	50	K-series	0.00	0.00	0.00
Pb	82	L-series	61.52	20.67	0.03
		Total:	100.00	100.00	

El	AN	Series	norm. C [wt.%]	Atom. C [at.%]	Error (1 Sigma) [wt.%]
Al	13	K-series	2.43	6.10	0.00
Si	14	K-series	5.91	14.27	0.00
P	15	K-series	0.65	1.42	0.00
Cl	17	K-series	3.93	7.51	0.00
Ca	20	K-series	29.79	50.38	0.01
Fe	26	K-series	0.64	0.77	0.00
Pb	82	L-series	55.28	18.08	0.04
Cu	29	K-series	1.39	1.48	0.00
		Total:	100.00	100.00	

Таблица 4. Установленные STR-маркеры погребенного из п. 5В.

№	STR локус	П. 5В	№	STR локус	П. 5В
1.	D3S1358	18,20	12.	D18S51	12,14
2.	TH01	12,-	13.	D16S539	-
3.	D12S391	-	14.	D8S1179	12,-
4.	D1S1656	-	15.	CSF1PO	-
5.	D10S1248	13,-	16.	D5S818	-
6.	D22S1045	10,17	17.	vWA	17,-
7.	D2S441	9,11	18.	D21S11	-
8.	D7S820	-	19.	SE33	17,-
9.	D13S317	-	20.	D2S1338	-
10.	FGA	23,30	21.	D19S433	-
11.	TPOX	9,-	22.	Amelogenin	XY

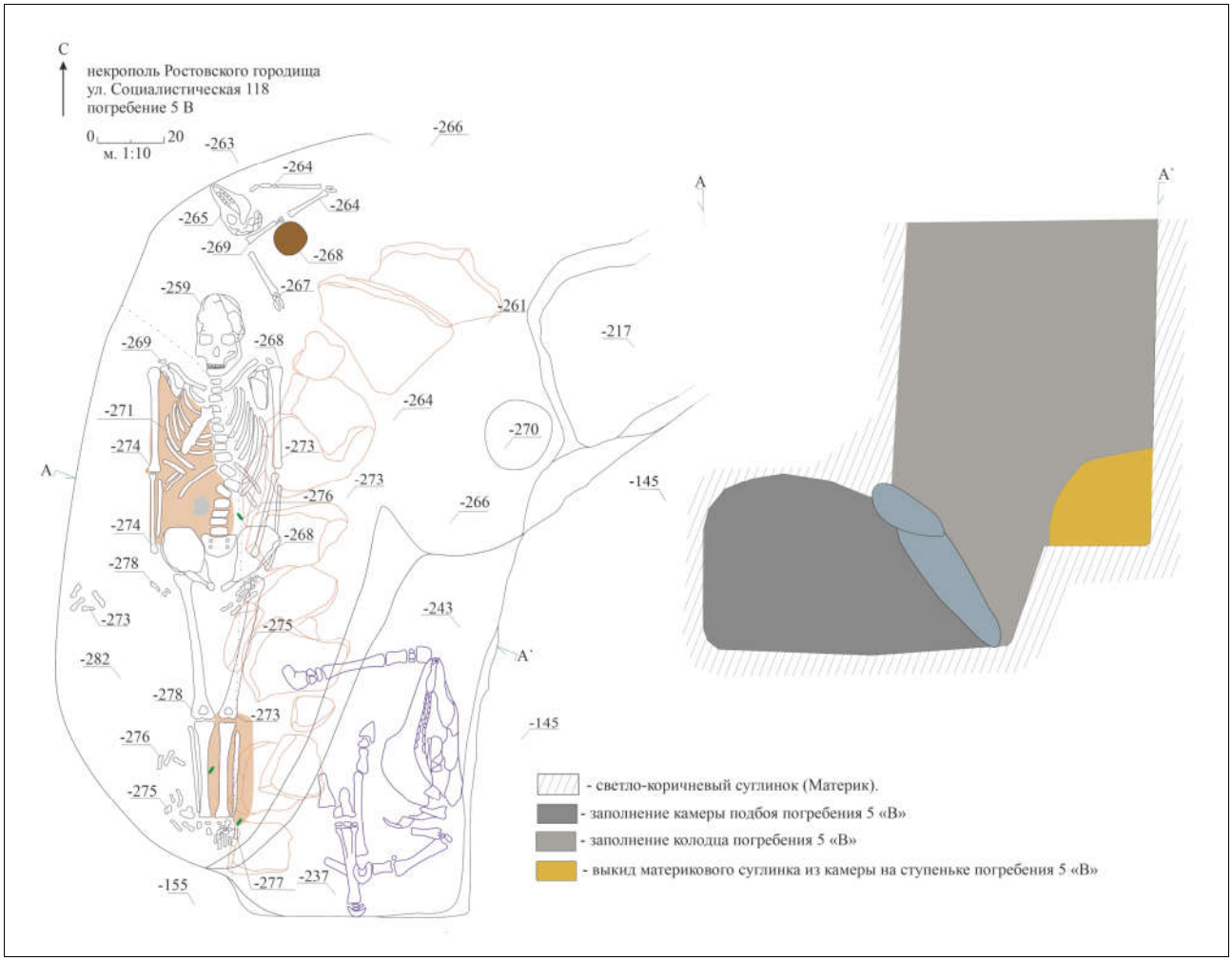


Рис. 1. Раскопки на территории грунтового некрополя Ростовского городища по адресу: ул. Социалистическая 114—118. Погребение № 5В, общий чертёж и поперечный разрез.

Fig. 1. Excavations on the territory of the ground necropolis of the Rostov settlement at the address: 114—118 Socialisticheskaya St. Burial No. 5B, general drawing and cross-section.

Рис. 2. Раскопки на территории грунтового некрополя Ростовского городища по адресу: ул. Социалистическая 114—118. Погребение 5 В, находки: *1* — железная пряжка; *2* — Т-образная геральдическая накладка; *3* — геральдическая накладка; *4* — крупная поясная накладка подпрямоугольной формы со скруглением на одном конце; *5* — фрагмент поясной накладки; *6* — геральдическая поясная накладка; *7* — поясная накладка с бронзовой петлёй; *8* — фрагментированная геральдическая поясная накладка (возможно Т-образной формы); *9* — фрагментированная геральдическая поясная накладка; *10* — фрагменты покрытия поясных накладок; *11* — бронзовые петельковидные крепления; *12* — бронзовые язычки от пряжек; *13* — бронзовые скобы; *14* — фрагмент поясной накладки; *15* — геральдическая поясная накладка Т-образной формы.

Fig. 2. Excavations on the territory of the ground necropolis of the Rostov settlement at the address: ul. Socialisticheskaya 114—118. Burial 5B, finds: *1* — iron buckle; *2* — T-shaped heraldic plate; *3* — heraldic plate; *4* — large rectangular belt plate with a rounding at one end; *5* — fragment of belt plate; *6* — heraldic belt plate; *7* — belt plate with bronze loop; *8* — fragmented heraldic belt plate (possibly T-shaped) ; *9* — fragmented heraldic belt plate; *10* — fragments of belt plate covering; *11* — bronze loop-shaped fastenings; *12* — bronze buckle tongues; *13* — bronze brackets; *14* — fragment of belt plate; *15* — T-shaped heraldic belt plate.

Рис. 3. Левая бедренная кость образца № 5В.

Fig. 3. Left femur, sample No. 5B.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.97.43.017

А.А. Красноперов

КОНТЕКСТ СБРУЙНОГО НАБОРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 14 ОШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ВЯТКЕ*

Рассмотрен контекст погребения 14 Ошкинского могильника на р. Вятке. Памятник относится к азелинской культуре (позднесарматское время в Прикамье). Само погребение выделяется из местных древностей. В могиле найден комплект из пряжки и наконечника-подвески, относящихся к серии «Опошня», выделенной В.Ю. Малашевым и А.М. Обломским, имеющей центрально-европейские прототипы. Уздечный набор соответствует структуре узды «всадниических комплексов» позднесарматского времени, описанной С.И. Безугловым. В тексте статьи предложен вариант относительной периодизации комплексов, и основания для разделения локальных вариантов. Наиболее близкий аналог удилам с «очковидными» псалиями с выступами внутрь рамки из Ошки, погребение 14 в Валовый I, курган 25 / погребение 1 на Дону. Нащечные бляхи ромбической формы соответствуют очень редкому типу: 6 находок на Дону, 1 в Поволжье и 1 в Посурье. Вся группа погребений датируется второй половиной II — первой половиной III вв., или, уже, концом II — первой третью III вв., они отражают непосредственное взаимодействие сарматских и германских воинских групп (предметы вооружения и воинская экипировка), в событиях, связанных с Империей (римская бронзовая и стеклянная посуда, монеты). Происхождение этой группы, и находок провинциально-римского происхождения (поясная гарнитура) в лесной зоне Восточной Европы, отмеченной И.О. Гавритухиным и А.М. Воронцовым, связывается с событиями Маркоманских войн. Речь идет не о миграции-переселении, а об участии лиц или групп из отдаленных регионов в войнах на границах или территории Империи, вернувшихся с элементами воинской экипировки по окончании событий (срока службы ?) на родину.

Ключевые слова: хронология, позднесарматское время, узда, Прикамье, Подонье, Маркоманские войны.

Сведения об авторе: Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

Контактная информация: 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

A.A. Krasnoperov

HORSE HARNESS FROM BURIAL 14 OF THE OSHKINSKY BURIAL GROUND ON VYATKA AND THEIR CONTEXT

The context of burial 14 of the Oshkini burial ground on the Vyatka River is considered.The monument belongs to the Azelino culture (late Sarmatian time in the Kama region). The burial itself stands out from local antiquities. A set of buckle and pendant tip belonging to the “Oposhnya” series, identified by V.Yu. Malashev and A.M. Oblomsky, which has Central European prototypes. The bridle set corresponds to the structure of the bridle of the “equestrian complexes” of the late Sarmatian period, described by S.I. Bezuglov. The text of the article proposes a variant of the relative periodization of complexes, and the basis for dividing local variants. The closest analogue to the bit with “spectacle-shaped” cheekpieces with protrusions inside the frame from Oshki, grave 14 in Valovyj I, barrow 25 / grave 1 on the Don. Rhombic

* Выражаю благодарность Д.Г. Бугрову (Казань), Л.И. Липиной (Ижевск), В.А. Бернц (Ижевск) и И.В. Толочко (Ростов-на-Дону) за предоставленные прорисовки, обсуждение и помощь с литературой.

Статья поступила в номер 15 мая 2024 г.
Принята к печати 29 мая 2024 г.

© А.А. Красноперов, 2024.

cheek plaques correspond to a very rare type: 6 finds on the Don, 1 in the Volga region and 1 in the Sura River region. The entire group of burials dates back to the 2nd half II — 1st half III centuries, or already late II — 1 third of the III centuries, they reflect the direct interaction of Sarmatian and Germanic military groups (weapons and military equipment), in events related to the Empire (Roman bronze and glassware, coins). The origin of this group, and finds of provincial-Roman origin (waist set) in the forest zone of Eastern Europe, noted by I.O. Gavritukhin and A.M. Vorontsov, is associated with the events of the Marcomannic Wars. We are not talking about migration-resettlement, but about the participation of individuals or groups from remote regions in wars on the borders or territory of the Empire, who returned with elements of military equipment at the end of the events (service period ?) to their homeland.

Key words: chronology, late Sarmatian time, bridle, Kama region, Don region, Marcomannic wars.

About the author: Krasnoperov Alexandr Anatolievich, PhD (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS.

Contact information: 426004, Russia, Izhevsk, 4 Lomonosov St., Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

Введение

Ошкинский могильник расположен на правом берегу р. Буй, правого притока р. Вятки, правого притока р. Камы, левого притока р. Волги, между дд. Вершинята и Ошки Уржумского р-на Кировской области, и является одним из самых ранних[1] памятников азелинской культуры. Первые находки из сборов поступили в Уржумский краеведческий музей (постоянная экспозиция). Раскапывался в 1986—1987 гг. под руководством Н.А. Лещинской, изучено 32 погребения. Автором раскопок общая хронология определена концом I — III вв. н.э., рассматриваемое ниже погребение 14[2] отнесено к третьей хронологической группе и датировано III — началом IV в. н.э. (Лещинская 2000: 11; 2014: 167—168).

Погребение представляет собой ингумацию: мужчина 50—60 лет (определение канд. биол. наук Г.В. Рыкушиной). Вещи расположены как на теле погребенного (1), так и тремя скоплениями: справа (2), слева (3) у головы и в ногах (4) (рис. 1).

(1) В области грудной клетки — железная пряжка, 3 спиралевидные подвески (рассыпались), бронзовая подвеска-лошадка, лучковая фибула. На левом бедре — пронизка-костылек. Между бедренными костями — бронзовые пронизки, железная пряжка. На коленях — крупные бронзовые бляхи, вокруг которых мелкие бляшки.

(2) Справа от головы — железный нож в бронзовых ножнах, 2 железных наконечника стрел, железные пряжка и наконечник-подвеска.

(3) В ногах — костяная подпружная пряжка, костяная лопаточка и накладка, 2 железных наконечника копья, топор, пряжка.

(4) Слева от головы — железный нож и группа предметов конской упряжи: удила, нащечники, бронзовые пряжки, наконечники-подвески, накладки, 7 бронзовых пронизок.

Погребение представляет интерес по сочетанию вещей различного культурного облика: «азелинских» (подвеска-конек), предположительно «кара-абызских» (костяные лопаточка[3] и подпружная пряжка, фрагмент бронзовых ножен[4]) и «сарматских» облика (фибула, уздечный

---

[1] О хронологии см.: (Лыганов, Бугров 2019: 201).

[2] Первые наблюдения об этом комплексе были озвучены на конференции «Лесная и лесостепная полоса восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в с. Монастырщина Тульской обл. в 2012 г. Доклад полностью переработан.

[3] Лопаточки более характерны для кара-абызских могильников: Охлебинино, погребение 28 (Пшеничнюк 1968: рис. 17: 2), 313, 430 (Пшеничнюк 1993: рис. 13: 5); Шипово, погребения 34, 51, 59, 62, 96 (Пшеничнюк 1976: рис. 23: 1, 2, 30: 3, 31: 6, 33: 6), 69/XIII (Овсянников и др. 2007: рис. 41: 7).

[4] Ножны такого оформления и профиля встречены в Охлебининском могильнике кара-абызской культуры: погребения 28 и 82 (Пшеничнюк 1968: рис. 14: 1, 3), 142 (Пшеничнюк 1993: рис. 8: 15), 430 (Пшеничнюк 1987: рис. 2: 1), 491 (Пшеничнюк 1993: рис. 14: 20).

набор). Уздечный набор специально не анализировался (Лещинская 2014: 168). Поскольку памятник опубликован дважды (Лещинская 2000; 2014), дальнейшее изложение касается только атрибуции находок.

Материалы

Фрагмент лучковой одночленной фибулы (Амброз-15) относится к 4 варианту[5] (рис. 1: 7). А.С. Скрипкин относил их бытование ко второй половине II — началу III в. (Скрипкин 1977: 103), на Кавказе встречаются совместно с сильнопрофилированными фибулами и в первой половине III в. (Абрамова 1996: 101; Малашев 2009: 209), В.В. Кропотов датирует вариант 4 — четвертой четвертью II — первой половиной III вв., «периодом господства позднесарматской культуры» (Кропотов 2010: 72, 75, 77—78). Именно этот вариант маркирует начало мазунинской и азелинской культур, и датирует процесс их становления как самостоятельных первой половиной III в. (Красноперов 2021).

Набор из железных пряжки и наконечника-подвески объединяет «западные» и сарматские элементы. Пряжка (рис. 1: 21), с плоской квадратной рамкой и длинным широким прямоугольным щитком, язычок обломан. Не исключено, что рамка имела фасетировку. Отличие от сарматских пряжек Малашев-П3а (Малашев 2000: рис. 2) заключается в соотношении щитка и рамки, у сарматских щиток уже рамки. Прямоугольные пряжки служили застежками воинских ремней центральноевропейского Барбарикума. Р. Мадыда-Легутко выделила экземпляры в группу G, большая часть находок относится к периоду B2, но встречаются и несколько позже, вплоть до начала C1 (Madyda-Legutko 1986: 46, 47), что в общих рамках соответствует третьей четверти I — началу III вв. По признаку «отсутствие фасетировки» наконечник-подвеска (рис. 1: 20) должен соответствовать группе Малашев-Н1, но в отношении сильно корродированных экземпляров однозначно утверждать, что фасетировки не было, нельзя. Также отличаются пропорции (ошкинский экземпляр существенно шире эталонных образцов типологии В.Ю. Малашева), и, не исключено, что имеется расширение в нижней части подвески или слабая вогнутость боковых сторон. Комплексы с наконечниками Малашев-Н1 отнесены ко II — первой четверти III вв. н.э. (Малашев 2000: рис. 2). Но учитывая морфологические особенности возможно другое соответствие — в группе выделенной В.Ю. Малашевым и А.М. Обломским наконечников типа «Опошня», для которых характерны большая ширина и вогнутость боковых сторон подвески. Последний признак характерен как для двух-, так и для одночастных наконечников на территории Венгрии (сарматские комплексы) и Польши. Датируются не позднее середины III в. (Малашев, Обломский 2002: 115, 117, 119). Пара предметов сочетает элементы центральноевропейского и сарматского происхождения (Красноперов 2015: 217), но в таком сочетании встречается от Днепровского Левобережья (Малашев, Обломский 2002), до южного Урала (Малашев, Яблонский 2008: рис. 206: 3—5, 207; Красноперов 2015: 217, рис. 9, 10: В), с очагом существенной концентрации в Крыму, и, в меньшей степени, восточном Причерноморье (Васильев 2005; Масякин 2018).

Четыре бронзовые пряжки (рис. 1: 34—37) относятся к группе Малашев-П1, — II — первая четверть III вв. (Малашев 2000: рис. 2).

Четыре бронзовых наконечника-подвески (рис. 1: 38—41) относятся к группе Малашев-Н2, с фасетированным краем подвески, — вторая четверть — середина III в. (Малашев 2000: рис. 2).

Наконечники в форме буквы U (рис. 1: 68, 69), с закругленным окончанием с заклепкой и прямоугольной прорезью[6]. Судя по положению на полевых фотографиях, могли выполнять функцию штанг. Близкие, но не идентичные формы известны в Крыму: Усть-Альма, могила 793 (Труфанов 2005—2009: рис. 60: 25), в комплексе с двучленной лучковой фибулой, пряжкой,

[5] Подробнейший обзор см.: (Гавритухин 2022). О находках в Прикамье: (Красноперов 2024).
[6] Не исключено, что их нужно сравнивать со штангами удил.

близкой Малашев-П2б с птицевидным язычком, пряжками Малашев-П1, круглой портупейной пряжкой с двускатной поверхностью, — вторая треть III вв. (Труфанов 2010: 161, рис. 13).

Семь бронзовых бус-пронизок с двухскатной боковой поверхностью (рис. 1: 59—65). В сарматских комплексах распространены серебряные, железные экземпляры, иногда инкрустированные другим металлом, обычно 4 или 7 шт., но встречаются и иные наборы.

Удила с двухпетельчатыми «очковидными» псалиями и разновеликими зажимами (рис. 1: 70). Кольца фасетированы, внутри колец треугольный выступ. Пряжки (зажимы) поводных ремней разные: узкий и широкий; штанги не сохранились, или их не было. Наблюдения над типологией, хронологией и происхождением, обобщены в отдельной работе (Красноперов 2023). Среди «очковидных» псалий рамки без дополнительных элементов представлены с инвентарем среднесарматского времени, рамки с внутренним выступом и/или фасетировкой — с инвентарем позднесарматского времени (Красноперов 2023: прим. 7). Наибольшее сходство (возможно даже на уровне подражания) имеют с удилами из Валовый I, курган 25 / погребение 1 (Аланский всадник 2005: кат. 42; Беспалый, Беспалая, Раев 2007: табл. 74: 2; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 30: 1,2).

Удила с «похожими» (отдаленно) псалиями найдены в разрушенном погребении Таутовского могильника (рис. 2) в Чувашии (Мясников, Ефимов 2009; Мясников 2012). Псалии бронзовые, кольца небольшого диаметра с маленьким выступом. В петлях сохранились по паре бронзовых штанг. В набор входили также пряжка Малашев—П1, пряжка-зажим («щиток» образован раскованными концами «рамки», соединенными внахлест) с рамкой с выступом внутрь, аналогичным рамкам псалий, сбруйные зажимы, в т.ч. с двухскатной поверхностью (конструктивно схожие с наконечниками ML-5 (Madyda-Legutko 2011: tabl. XVI, XXI)), наконечники-подвески Малашев-Н1, -Н2, -Н5, сбруйные бусы, прямоугольная пластина с фасетированными краями, с двумя прорезями со вставленными зажимами, наконечники копий, фрагмент палаша с «рогатым» навершием. Существенно, что с памятника происходит поясной набор из пряжки и наконечника (Мясников 2015), имеющий соответствия в сарматских комплексах дунайских провинций.

Еще один набор, типологически аналогичный таутовскому, происходит из Нейзац, могила 355 (рис. 3), но псалии железные, плакированные золотой и серебряной фольгой, и штанга не раздельная (в форме «камертона»)[7]. В комплекс входят многочисленные пряжки, наконечники-подвески Малашев-Н1, «четырехрогая» подвеска, амфора типа Шелов—С/Внуков-CIVC, нож-серп (Храпунов 2015: рис. 1—4). Традиция не сплошной плакировки удил золотом и серебром характерна для среднесарматского времени (Октябрьский V, курган 1 / погребение 1, Нижняя Добринка, курган 2). По амфоре могила датируется второй четвертью — концом II в.

Бляхи-нащечники ромбической формы (рис. 1: 66, 67). Впервые описаны С.И. Безугловым. Всего в сарматской среде известно 7 находок:

1) Центральный VI, курган 16 / погребение 8 (Безуглов 1988) (рис. 4: 44, 45);

2) Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (Безуглов 1997) (рис. 5: 22, 23);

3) Хапры (Безуглов 1989) (рис. 6: Б-5);

4) Кобяковский, погребение 73/2000 (Ларенок 2012: рис. 1—5[8]; Ларенок 2013: табл. 50—52) (рис. 7: 44, 45);

5) Московский II, курган 2 / погребение 1 (не опубликован, мне известен по отчету Л.С. Ильюкова 1986 г.);

6) Старица, курган 60 / погребение 1 (Кривошеев 2005: рис. 2: Б) (рис. 6: А-1);

7) Большевик II, курган 3 / погребение 1 (Безуглов, Нидзельницкая 2020) (рис. 8: 38, 39).

И один комплекс в Посурье — Усть-Уза, погребение 42 (Гришаков и др. 2016: рис. 26: 1, 2) (рис. 9).

[7] О форме — ср. с: (Красноперов 2015: рис. 17).

[8] См.: (Безуглов 2010: 113—прим.6).

Обсуждение

Хронология комплекса

Контекст формирования[9] набора Ошки, погребение 14 очевиден — «всаднический горизонт» позднесарматского времени по С.И. Безуглову, — вторая половина II — первая половина III вв., или, уже, конец II — первая треть III вв.

Группа была выделена С.И. Безугловым в 1988—1989, 1997 гг. (Безуглов 1988; 1989; 1997), но подробно освещена относительно недавно (Безуглов 2017; 2019). Долгое время полный список признаков восстанавливался с трудом. Составляющие элементы однообразны по формам и стилистике, совместно встречаются в комплексах, образуя замкнутый круг аналогий, но сами наборы не повторяют друг друга полностью. Диагностирующими элементами являются:

1) длинный меч с навершием и бусиной-фиксатором из камня или раковины (рис. 4: 10,11, 5: 7,8, 7: 28); круглые портупейные пряжки с двухскатной поверхностью;

2) нож со сплошной, круглой в сечении, костяной или бронзовой рукоятью с навершием-шляпкой (рис. 5: 24);

3) очень длинный четырехгранный оселок (рис. 4: 15, 5: 25, 8: 11);

4) плеть-нагайка с 8-видной обоймой и утяжелителями (рис. 4: 1,9,57, 5: 18, 8: 1—3, 10, 11, 25, 26);

5) уздечный набор:

а) удила с бронзовыми кольцами и парой разновеликих зажимов (рис. 1: 70, 5: 19, 20); с колесовидными, секировидными, и др. псалиями (рис. 2: 16, 4: 27, 28, 6: А-8, 6: Б-1, 2, 7: 42, 43);

б) 4—7 пронизки-бусины (рис. 1: 59—65, 2: 18,19, 4: 2—8, 5: 9—11,16, 8: 27—33);

в) пряжки без язычков (рис. 1: 15, 16, 19, 2: 4, 4: 53—56, 7: 20, 8: 19), пряжки с зажимом-обоймой, соединенной внахлест (рис. 5: 5, 6);

г) пряжки и наконечники-подвески, одночастные наконечники; наконечники-зажимы с кольцом (рис. 1: 34—41, 2: 1, 5—9, 12, 13, 17, 4: 29—37, 46, 47, 5: 1, 2, 12, 13, 15, 6: А-2, 3, 5—7, 6: Б-3, 7: 16—19, 34—41, 8: 20—22, 36, 37, 47—50, 52); пряжки с квадратными (прямоугольными) рамками центрально-европейского происхождения (рис. 1: 21, 4: 50, 6: А-4, 7: 21, 8: 34, 35);

д) бляшки с вертикальным выступом (рис. 4: 48, 49, 5: 3,4, 8: 41—42), или подвески с обоймой для крепления (рис. 7: 22, 23), пропеллеровидные бляшки (рис. 5: 14); «тамгообразные» детали (рис. 4: 45);

е) ромбические, круглые прорезные, круглые и каплевидные бляхи (фалары, нащечники) (рис. 1: 66, 67, 4: 44, 45, 63—65, 5: 22, 23, 6: А-1, 6: Б-5, 7: 44, 45, 8: 15—18, 38, 39, 45, 46); бляхи в форме рыб;

ж) ошейники и нагрудные ремни с бляхами прямоугольной формы с прорезями (рис. 2: 2); прямоугольные и прямоугольно-округлые («языковидные») подвески от двухчастных наконечников;

6) круглые кольца (распределители—?) (рис. 4: 58, 7: 33);

7) лучковые фибулы 4-5 варианта (рис. 1: 7, 4: 43, 8: 51);

8) бронзовая посуда римской работы типов Эггерс—100, —140, —144, —160[10] (рис. 5: 21, 8: 44); стеклянные сосуды (рис. 8: 43);

9) деревянные сосуды с металлическими деталями (рис. 8: 14, 60);

10) металлические флакончики;

11) костяные концевые и срединные накладки сложного лука (рис. 4: 14).

Масштаб явления огромен: крайние территориальные точки горизонта: Хевиздёрк, курган 28 и Визешдпушта, курган 4 на Венгерской равнине[11] — Лебедевка VI, курганы 1, 3,

[9] Учитывая антропологическое определение, время совершения захоронения несколько позже.

[10] См. сводки и обсуждения: (Трейстер 2020; Симоненко 2023).

[11] Возможно, Рошава Драгана в Болгарии.

37, Каратобе I, курган 4, Кызыл-Кайнар-тобе в Казахстане[12]; Дербентский II, погребение 4, Куркли, погребение 14 в Дагестане[13] — Мокинский, погребение 105 в Пермском крае.

Контекст погребения

Хронологически «всаднические комплексы» неоднородны. Полный набор складывался постепенно и существовал долго. Если оперировать перечнем элементов (меч с фурнитурой, сбруя), фактически это не горизонт, а горизонт*ы*. Для ранней группы характерны детали, плакированные гладкой золотой фольгой (Горгиппия, склеп 2, Городской, погребение 22, Керчь 1897, Неаполь Скифский, погребение А, Опушки, могила 1, Тауйхабль, 1978), с ними встречаются, кроме длинных, короткие мечи в ножнах с парными выступами, мелкие железные трехлопастные наконечники стрел, сильнопрофилированные фибулы (рис. 10: I—А). Для второй группы характерны детали, плакированные золотой фольгой с точечным расчеканом (рис. 10: I—Б). Для третьей плакировка не характерна, получает распространение фасетирование краев изделий и лучковые фибулы 4—5 вариантов (рис. 10: I—В). В поздней группе появляются полихромные элементы (Нейзац, склеп 306) и фибулы с завитком (рис. 10: I—Г). Но в классической концепции С.И. Безуглова к «всадническому горизонту» относятся только 2 и 3 из перечисленных.

Можно отметить и территориальные отличия. Характерной деталью южноуральских комплексов являются ошейники из прямоугольных блях со скошенным краем и прорезями[14], которые сопровождаются наконечниками Малашев-Н5 (Мошкова 2001) (рис. 10: II—А). Западнее (от Поволжья и далее) пластины с прорезями тоже встречаются, но имеют другую форму («языковидную»), расположение прорезей другое (две по длине, и одна поперек), или не имеют скошенного края. Они являются подвеской наконечников-подвесок (Нейзац, склеп 17) (рис. 10: II—Б). Практически только для нижнего Подонья характерны ромбические нащечники и секировидные псалии[15] (рис. 10: II—В). Здесь же регулярно встречаются пряжки западных форм. Специфической особенностью прикамских наборов являются бляхи с длинными выступами с заклепками (рис. 10: II—Г). Т.е. возможно выделение в дальнейшем не меньше трех (южноуральская, нижнедонская, прикамская), а, скорее всего, четырех-пяти (крымская — ?, «общая» — ?) локальных групп.

В контексте возможных локальных вариантов Ошкинское погребение выделяется среди прикамских. В нем представлены «западная» пряжка, удила, имеющие параллель только в Валовый I, курган 25 / погребение 1 (Красноперов 2019: табл. 3: 67, 4: 68), и нащечники ромбической формы. Учитывая специфичность форм, 6 нижнедонских, 1 волжский (перечислены выше при описании блях) и 1 вятский комплексы, не просто синхронны, а непосредственно связаны.

Среди наиболее подробно описанных донских и волжских комплексов заметна разница в оформлении псалиев и блях. По этим, декоративным, признакам погребения образуют группы с более тесными связями между собой. Например, можно выделить серии с псалиями с четырехлучевой розеткой (Битак, погребение 120, Кировский I, курган 1 / погребение 2, Кировский III, курган 1 / погребение 2, Старица, курган 26 / погребение 2), с трехлучевой розеткой (Бельбек IV, погребение 223, Городской, погребение 22, Котлубань, курган 2, Лебедевка VI, курган 24, Солодовка I, курган 6 / погребение 1, Танаис, погребение 186, Усть-Альма, склеп 830), с секировидными псалияим (Валовый I, курган 4 / погребение 1, Старица, курган 60, Хапры; Сладковский, курган 19, Усть-Лабинская, курган 31/1902), с нащечниками ромбической формы, и др. В качестве предположения можно допустить, что неиндивидуальные, а групповые различия в оформлении наборов (форма/декор нащечников, блях, псалиев) могут являться маркерами отдельных воинских подразделений.

[12] Возможно, Орлат в Узбекистане; Татарские могилки в Алтайском крае.
[13] Возможно, Львовский Шестой, курган 8 (ранний).
[14] Возможно, Нагорное, курган 9.
[15] Есть и в Крыму: Нейзац, могила 374 (Храпунов 2015: рис. 10: 2).

Заключение

Обстоятельства формирования группы

Погребения «всаднического горизонта» определенно оставлены профессиональными кочевыми воинами. Одновременно, они отражают непосредственное взаимодействие сарматских и германских воинских групп (предметы вооружения и воинская экипировка (Васильев 2005: 286)), в событиях, связанных с Империей (римская бронзовая и стеклянная посуда, монеты). Исходя из хронологии «всаднического горизонта» и монетных находок, это происходило в эпоху Маркоманских войн 166—180 гг. в областях Норика и Паннонии (Безуглов 2017: 108—109; 2019: 50). Выход из оборота может относится как к этому времени, так и несколько позже.

Большая часть участников осталась в Причерноморье — нижнем Подонье[16], и Крыму, другие связаны с более восточными областями, но традиционно «сарматскими» — Поволжье, южный Урал, третьи — с «не сарматской» лесной зоной — Посурье, Прикамье.

В лесной зоне Восточной Европы, в Поочье и Посурье, известны находки (наконечники ремней), появление которых связывается с военизированными коллективами, принимавшими участие в Маркоманских войнах на территории Норика и Паннонии (Гавритухин, Воронцов 2018: 610), но без участия сармат, а непосредственно через «германцев». Фактически, это два вектора, «северный» и «южный» (в ряде случаев можно говорить об их объединении: Подвязье, погребение 54[17] (Грибов 2017), связанные с одними событиями, и сходящиеся в Прикамье. Речь идет не о миграции-переселении, а об участии лиц или групп из отдаленных регионов в войнах на границах или территории Империи, и вернувшихся с элементами воинской экипировки по окончании событий (срока службы — ?) на родину.

Литература

Абрамова М.П. 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II—III вв. н.э.). *Историко-археологический альманах* 2, 100—105.

Аланский всадник 2005: Габуев Т.А. (сост.). 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки. Москва: ГМИНВ.

Безуглов С.И. 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье. *СА* 4, 103—115.

Безуглов С.И. 1989. Позднесарматские погребение у ст. Хапры (1924 г.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г.* 8, 25—27.

Безуглов С.И. 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.* 14, 133—142.

Безуглов С.И. 2010. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы). В: Скрипкин А.С. (ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов, г. Волгоград 03.10.2009*. Вып. III. Волгоград: ВолГУ, 93—116.

Безуглов С.И. 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84—147.

Безуглов С.И. 2019. Степь и Танаис во II—III вв. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — V в. н.э.)* V: *Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*, 47—52.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: ИПФ «Медиа-Полис».

Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2018. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н.э. (культурно-исторический облик). *Археосреда* XIII, 27 декабря 2018. URL: https://vk.com/album-160916322_259134661 (дата обращения 21.04.2024).

[16] Не очень понятна ситуация в Прикубанье.

[17] Этот комплекс непосредственно связан с Прикамьем через очень специфическое навершие ножа/кинжала.

Безуглов С.И., Нидзельницкая Л.Ю. 2020. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* VI, 215—259.

Безуглов С.И., Яценко В.В. 2023. Курган позднесарматского времени у ручья Мокрый Чалтырь. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IX, 25—91.

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (МИА ЮР 2).

Бытковский О.Ф. 2010. Новые сарматские погребения из восточного Оренбуржья. *НАВ* 11, 272—282.

Васильев А.А. 2005. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре. *БИ* IX, 279—288.

Гавритухин И.О. 2022. Из истории изучения подвязных лучковых фибул. В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (ред.). *Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи*. Москва: ИА РАН, 229—238.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2018. Узкие ременные наконечники с щелью для крепления, бытовавшие во 2—3 веках на востоке Европы. В: Nieabitowska-Wisniewska B., Luczkiewicz P., Saowski S., Stasiak-Cyan M., Erdrich M. (eds.). *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rcznicç rodzin*. T. 1. Lubin: UMCS, 592—617.

Глухов А.А. 2005. Новые сарматские воинские захоронения II — 1 пол. III в. н.э. из Заволжья. *НАВ* 7, 226—242.

Грибов Н.Н. 2017. О времени появления финских грунтовых погребений на Нижней Оке. *КСИА* 249. Ч. II, 28—43. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.28-43.

Гришаков и др. 2016: Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Седышев О.В., Сомкина А.Н. 2016. *Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III—IV вв.)*. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева.

Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2023. Погребение всадника с парадной уздой из некрополя Ростовского городища. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IX, 1182—145.

Демиденко С.В. 2016. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай. *КСИА* 244, 195—221.

Ильюков Л.С. 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 100—140 (МИАД 1).

Ильюков Л.С. 2002. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника. В: Ильюков Л.С. (отв. ред.). *Аксайские древности*. Ростов-на-Дону: Областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Министерства культуры Ростовской области, 231—242.

Красноперов А.А. 2011. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье. В: Байтанаев Б.Ә. (ред.). *Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары*. Т. 2. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 228—238.

Красноперов А.А. 2015. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье. *Stratum plus* 4, 207—234.

Красноперов А.А. 2021. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья. *Вестник Брянского государственного университета* 4, 59—66. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66.

Красноперов А.А. 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей. В: Гавритухин И.О., Воронцов А.М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция* 4. Ч. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 103—190.

Красноперов А.А. 2023. Удила сарматских типов в пьяноборской культуре. *МАИАСП* 15, 142—167. DOI: 10.53737/6732.2023.27.87.005.

Красноперов А.А. 2024. Привозные фибулы Прикамья первых веков н.э.: динамика распространения. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал* 2 (50), 230—258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14.

Кривошеев М.В. 2005. Комплексы позднесарматского времени могильника Старица. *Археологические записки* 4, 65—72.

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Ларенок В.А. 2012. Два уникальных погребения из некрополя Кобякова городища. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* 26, 291—312.

Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом».

Лещинская Н.А. 2000. *Ошкинский могильник — памятник пьяноборской эпохи на Вятке*. Ижевск: ИД «Удмуртский университет».

Лещинская Н.А. 2014. *Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I—V вв. н.э.)*. Ижевск: б/и (МИ КВАЭ 27).

Лыганов А.В., Бугров Д.Г. 2019. Находки раннего железного века. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение. *Археология евразийских степей* 4, 201—232.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 194—217 (МИАД 1).

Малашев В.Ю. 2009. Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени. *НАВ* 10, 225—235.

Малашев В.Ю, Обломский А.М. 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья. *РА* 4, 113—124.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10*. Москва: Восточная литература.

Масякин В.В. 2018. Деталь ременной гарнитуры в полихромном стиле из склепа Сорака. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 135—139.

Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А. 2007. Комплекс украшений конской упряжи из аула Тауйхабль. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь: Универсум, 109—114.

Мошкова М.Г. 2001. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан). *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1, 236—249.

Мясников Н.С. 2012. Новые материалы из Таутовского могильника. *Чувашская археология* 1, 204—213.

Мясников Н.С. 2015. Исследования Таутовского могильника в 2011 г. *Чувашская археология* 2, 79—84.

Мясников Н.С., Ефимов Е.Л. 2009. Новые археологические материалы Таутовского грунтового могильника железного века в Чувашии. *Археология евразийских степей* 10. *Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина*, 106—111.

Овсянников и др. 2007: Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.П. 2007. *Шиповский могильник в лесостепном Приуралье*. Уфа: Гилем.

Пшеничнюк А.Х. 1968. Охлебининский могильник. *Археология и этнография Башкирии* 3, 59—104.

Пшеничнюк А.Х. 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.). В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Древности Южного Урала*. Уфа: б/и, 35—131.

Пшеничнюк А.Х. 1987. Исследования по раннему железному веку. В: Пшеничнюк А.Х., Иванов В.А. (ред.). *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа: б/и, 67—76.

Пшеничнюк А.Х. 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника. В: Агеев Б.Б. (отв. ред.). *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа: б/и, 32—61.

Сазонов и др. 1995: Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского. В: Дитлер П.А. (отв. ред.). *Археология Адыгеи*. Майкоп: Меоты, 113—137.

Симоненко О.В. 2023. Римські бронзові черпаки у варварів Північного Причорномор'я. *Археологія* 4. DOI: 10.15407/arheologia2023.04.053.

Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *СА* 2, 100—120.

Трейстер М.Ю. 2020. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 2, 5—60. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-5-60.

Труфанов А.А. 2005—2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117—328.

Труфанов А.А. 2010. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145—194.

Храпунов И.Н. 2015. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац. *ПИФК* 1, 216—240.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. 2004. Склеп с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац. *БИ* VII, 299—326.

Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford: BAR (BAR International Series 360).

Madyda-Legutko R. 2011. *Studia nad zróznicowaniem metalowich części pasów w kulture przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Historia Iagellonica.

References

Abramova, M.P. 1996. In *Istoriko-arheologicheskiy al'manah (Historical and Archaeological Almanac)* 2, 100—105 (in Russian).

Alanskiy vsadnik 2005: Gabuev, T.A. (ed.). 2005. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I—XII vekov: Katalog vystavki (Alan horseman. Treasures of the princes of the 1st — 12th centuries: Exhibition catalog)*. Moscow: SMOA (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1988. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 4, 103—115 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1989. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1988 godu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 198)* 8, 25—27 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1997. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1994)* 14, 133—142 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2010. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym) (Formation and development of the late Sarmatian culture (according to archaeological and natural science data))*. Iss. III. Volgograd: VSU, 93—116 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 4, 84—147 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2019. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — V v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* V, 47—52 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009. *Pozdnesarmastkie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyi I) (Late Sarmatian burials at the mouth of the Don (Valovy I burial mound))*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2018. In *Arheosreda* XIII, 27 December 2018. Available at: https://vk.com/album-160916322_259134661 (accessed 21.04.2024).

Bezuglov, S.I., Nidzel'nickaya, L.Yu. 2020. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* VI, 215—259 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Yatsenko, V.V. 2023. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* IX, 25—91 (in Russian).

Bespalyi, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyj mogil'nik "Valovyj 1" (Ancient population of the Lower Don. Kurgan burial ground "Valovy 1")*. Rostov-on-Don: YuNTS RAN (Materials and research on the archeology of the South of Russia 2) (in Russian).

Bytkovskiy, O.F. 2010. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11, 272—282 (in Russian).

Vasil'ev, A.A. 2005. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan studies)* IX, 279—288 (in Russian).

Gavrituhin, I.O. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe-3: varvary na granicah Imperii (Roman burial ground Frontovoe-3: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAS, 229—238 (in Russian).

Gavrituhin, I.O., Vorontsov, A.M. 2018. In: Nieabitowska-Wisniewska, B., Luczkiewicz, P., Saowski, S., Stasiak-Cyan, M., Erdrich, M. (eds.). *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rcznicç rodzin*. Vol. 1. Lubin: UMCS, 592—617 (in Russian).

Gluhov, A.A. 2005. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 226—242 (in Russian).

Gribov, N.N. 2017. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 249. Pt. II, 28—43. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.28-43 (in Russian).

Grishakov et al. 2016: Grishakov, V.V., Davydov, S.D., Sedyshev, O.V., Somkina, A.N. 2016. *Mordovskie plemena nakanune Velikogo pereseleniya narodov (Ust'-Uzinskij mogil'nik III—IV vv.) (Mordovian tribes on the eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky burial ground of the 3rd — 4th centuries))*. Saransk: EvsevievMordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2023. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* IX, 118—145 (in Russian).

Demidenko, S.V. 2016. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 244, 195—221 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra; Gefest, 100—140 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2002. In: Il'yukov, L.S. (ed.). *Aksayskie drevnosti (Aksai antiquities)*. Rostov-on-Don: Regional Inspectorate for the Protection and Operation of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of the Rostov Region, 231—242 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2011. In: Baitanaev, B.A. (ed.). *Arheologiya Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects)*. Vol. 2. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 228—238 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2015. In *Stratum plus* 4, 207—234 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2021. In. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Bryansk State University)* 4, 59—66. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2019. In: Gavrituhin, I.O., Vorontsov, A.M. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Konferenciya 4. *(Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration. Conference* 4*)*. Pt. 2 Tula: The Museums of Kulikovo Field, 103—190 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2023. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region)* 15, 142—167. DOI: 10.53737/6732.2023.27.87.005 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2024. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University)* 2 (50), 230—258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14 (in Russian).

Krivosheev, M.V. 2005: In *Arheologicheskie zapiski (Archaeological notes)* 4, 65—72 (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epohi (Fibulae of the Sarmatian era)*. Kyiv: ADEF-Ukraina (in Russian).

Larenok, V.A. 2012. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2010)* 26, 291—312 (in Russian).

Larenok, V.A. 2013. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nyh kompleksov nekropolya Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakov settlement necropolis from excavations in 1999—2000)*. Pt. 1. Rostov-on-Don: Don PH (in Russian).

Leshchinskaya, N.A. 2000. *Oshkinskiy mogil'nik — pamyatnik p'yanoborskoj epohi na Vyatke (Oshki burial ground — a monument to the Pyanobor era on Vyatka)*. Izhevsk: UdSU (in Russian).

Leshchinskaya, N.A. 2014. *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov I—V vv. n.e.) (Vyatka region in the Pyanobor era (based on materials from funerary monuments of the 4th — 8th centuries CE))*. Izhevsk: s.n. (Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition 27) (in Russian).

Lyganov, A.V., Bugrov, D.G. 2019. In *Arheologiya evraziyskih stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 4, 201—232 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra; Gefest, 194—217 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Wolga Archaeological Bulletin)* 10, 225—235 (in Russian).

Malashev, V.Yu, Oblomskiy, A.M. 2002. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archeology)* 4, 113—124 (in Russian).

Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: Vostochyaya Literatura (in Russian).

Masyakin, V.V. 2018. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon. General and Particular in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Pt. 1. Saint Petersburg: IPC SPbSUPTD, 135—139 (in Russian).

Mordvinceva, V.I., Hachaturova, E.A. 2007. In: Zaytsev, Yu.P., Mordvinceva, V.I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy (Ancient Taurica. Collection in honor of the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)*. Simferopol: Universum, 109—114 (in Russian).

Moshkova, M.G. 2001. In *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepey (Materials on the archeology of the Volga-Don steppes)* 1, 236—249 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2012. In *Chuvashskaya arheologiya (Chuvash archeology)* 1, 204—213 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2015. In *Chuvashskaya arheologiya (Chuvash archeology)* 2, 79—84 (in Russian).

Myasnikov, N.S., Efimov, E.L. 2009. In *Arheologiya evraziyskih stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 10, 106—111 (in Russian).

Ovsyannikov et al. 2007: Ovsyannikov, V.V., Savel'ev, N.S., Akbulatov, I.M., Vasil'ev, V.P. 2007. *Shipovskiy mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo burial ground in the forest-steppe Urals)*. Ufa: Gilem (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1968. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii (Archeology and ethnography of Bashkiria)* 3, 59—104 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1976. In: Kuzeev, R.G. (ed.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: s.n., 35—131 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1987. In: Pshenichnyuk, A.Kh., Ivanov, V.A. (eds.). *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala (Questions of ancient and medieval history of the Southern Urals)*. Ufa: s.n., 67—76 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1993. In: Ageev, B.B. (ed.). *Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala (Chronology of monuments of the Southern Urals)*. Ufa: s.n, 32—61 (in Russian).

Sazonov et al. 1995: Sazonov, A.A., Spasovskiy, Yu.N., Sahtar'ek, Z.N., Tov, A.A. 1995. In:. Ditler, P.A (ed.). *Arheologiya Adygei (Archeology of Adygea)*. Majkop: Meoty, 113—137 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1977. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 2, 100—120 (in Russian).

Simonenko, O.V. 2023. In *Arheologiya (Archaeology)* 4. DOI: https://doi.org/10.15407/arheologia2023.04.053 (in Ukrainian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)*, 2, 5—60. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-5-60 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2005—2009. In *Stratum plus* 4, 117—328 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2010. In *Stratum plus* 4, 145—194 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1, 216—240 (in Russian).

Madyda- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan studies)* VII, 299—326 (in Russian).

Legutko, R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford: BAR (BAR International Series 360).

Madyda-Legutko, R. 2011. *Studia nad zróznicowaniem metalowich części pasów w kulture przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Historia Iagellonica.

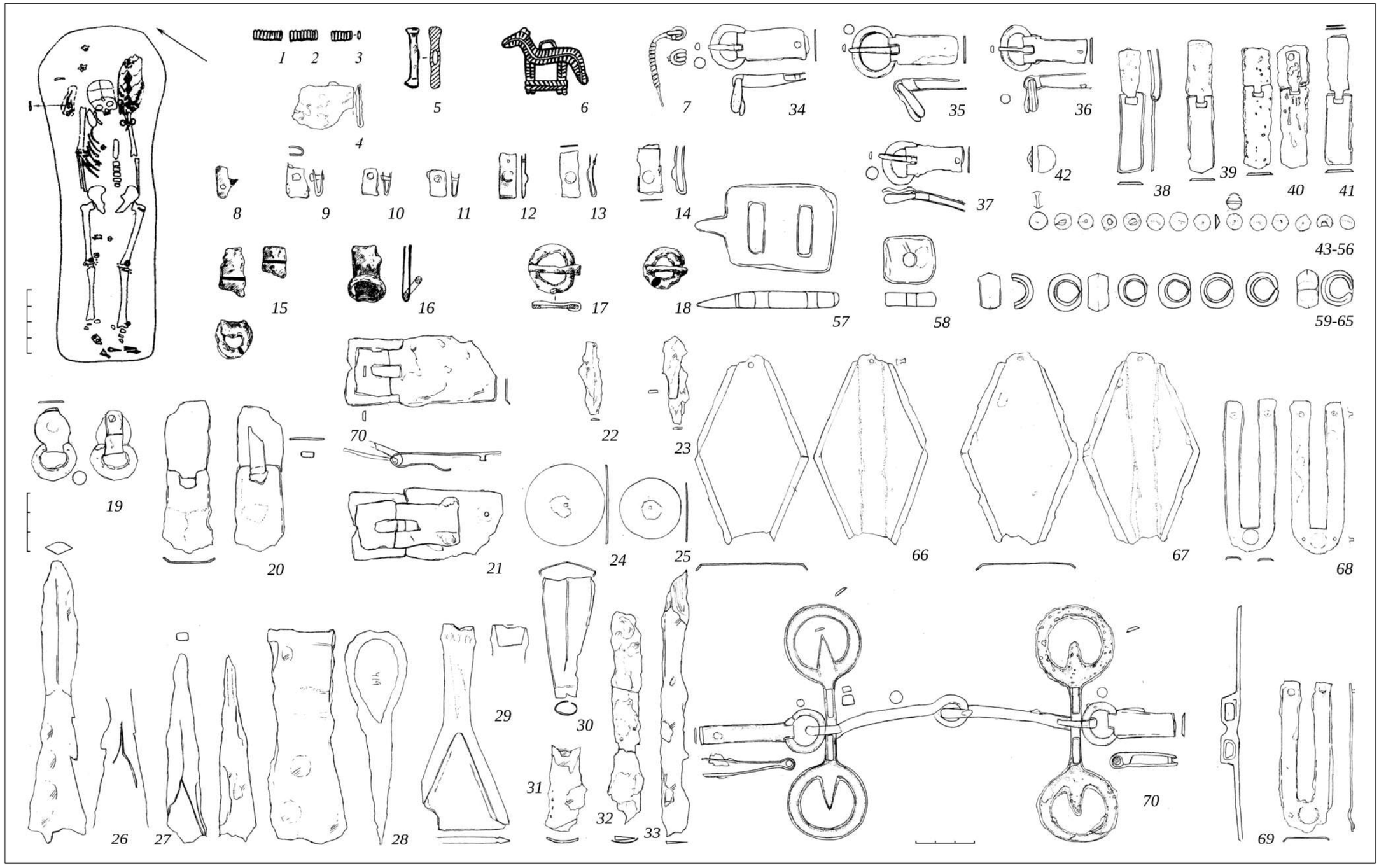


Рис. 1. Ошки, погребение 14 (по Лещинская 2000: рис. 13—15, с изменениями)**.**

Fig. 1. Oshki, grave 14 (after Leshchinskaya 2000: Fig. 13—15, with modifications)**.**

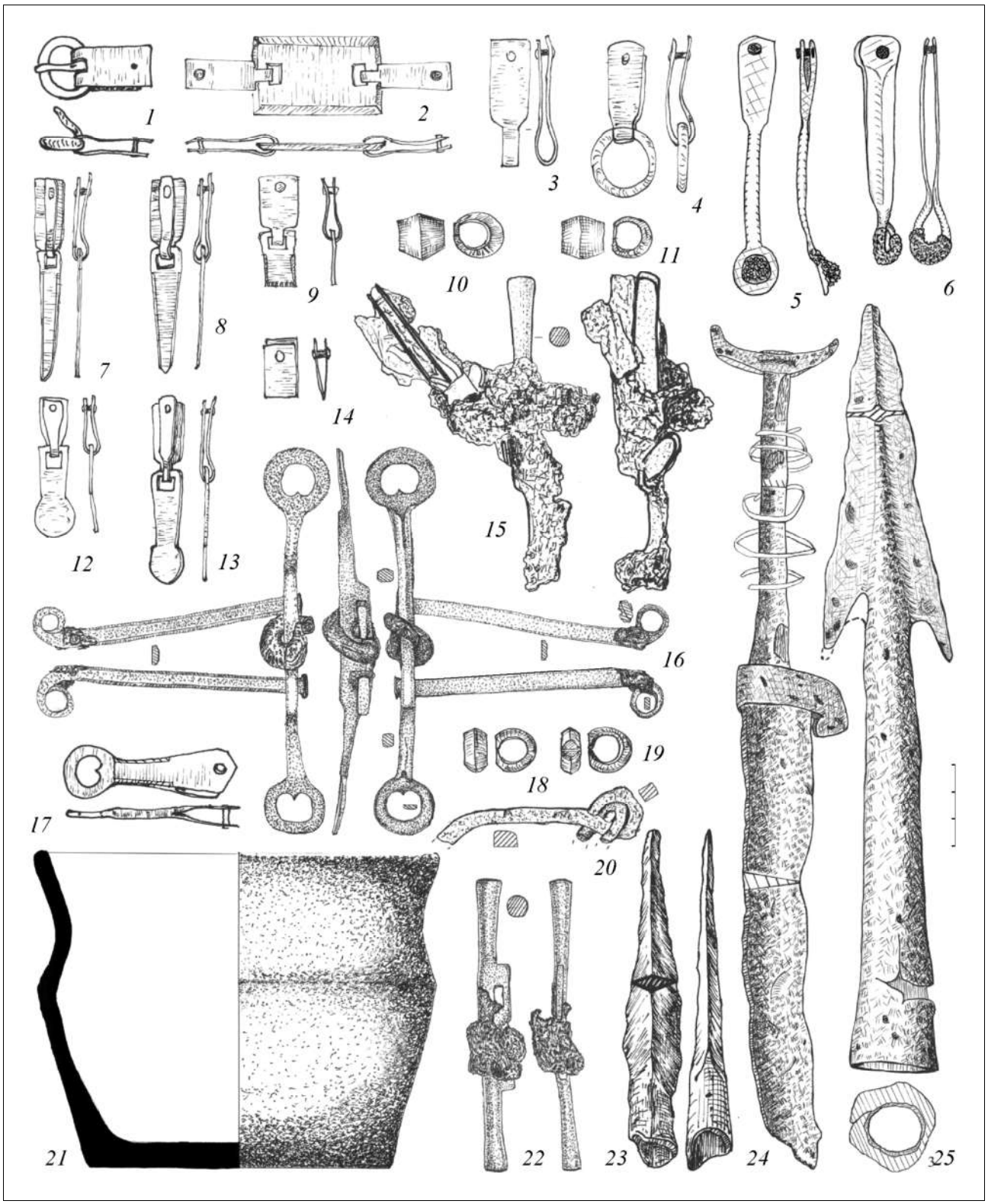


Рис. 2. Таутово, разрушенное погребение и сборы (по Мясников 2012)**.**

Fig. 2. Tautovo, destroyed burial and collections (after Myasnikov 2012)**.**

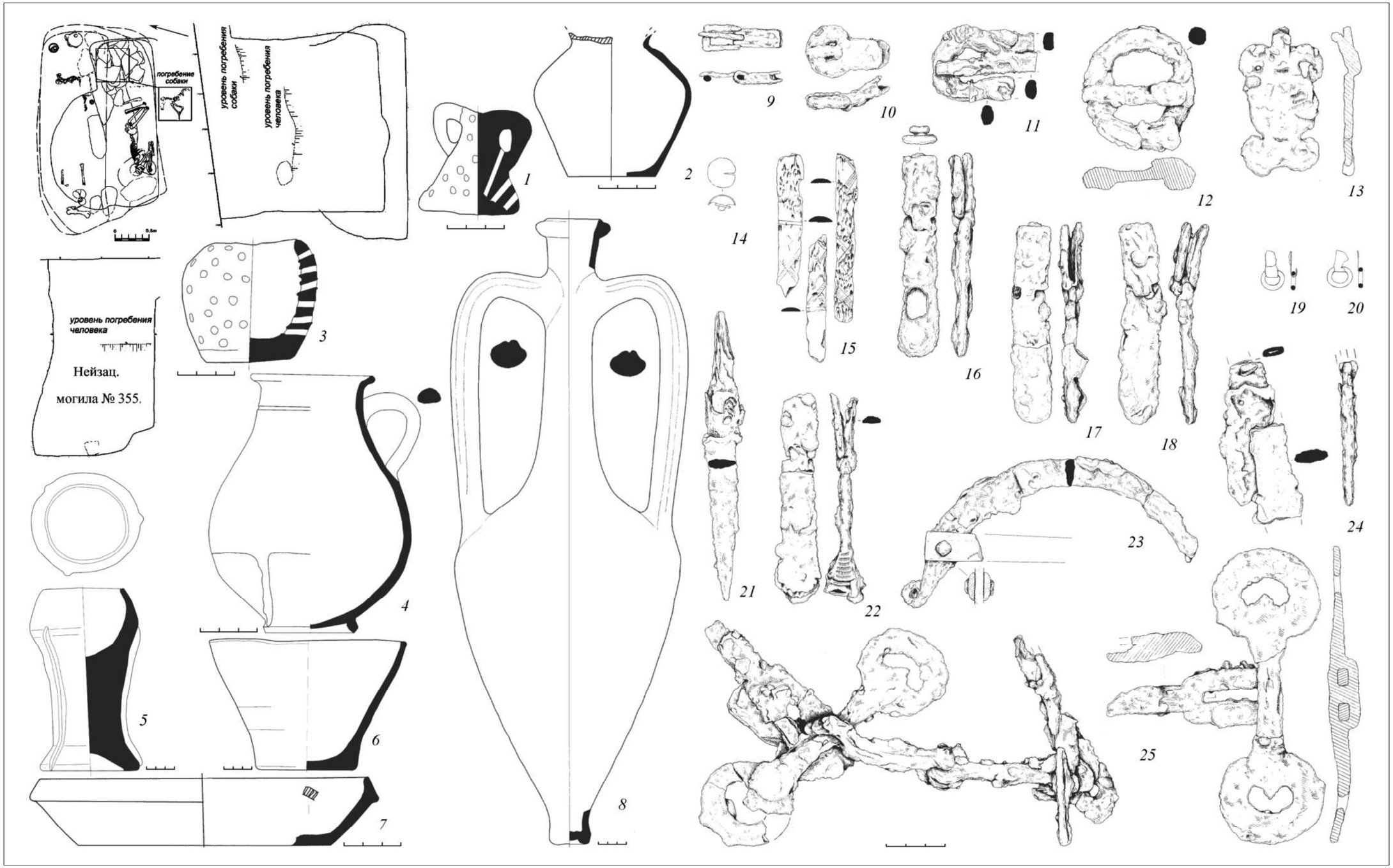


Рис. 3. Нейзац, могила 355 (по Храпунов 2015: рис. 1—4)**.**

Fig. 3. Neizats, grave 355 (after Khrapunov 2015: Fig. 1—4)**.**

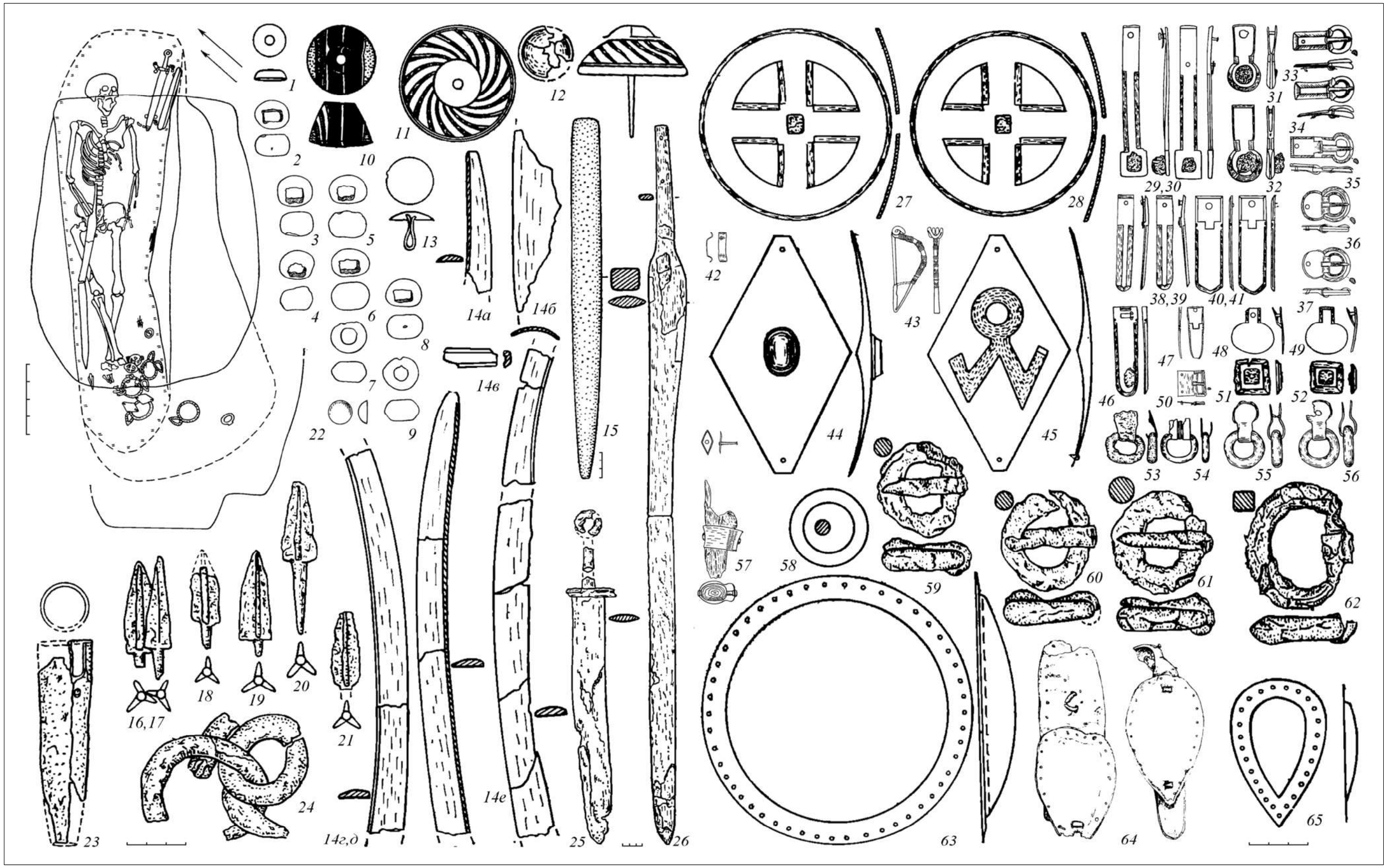


Рис. 4. Центральный VI, курган 16 / погребение 8 (поБезуглов 1988).

Fig. 4. Central'niy VI, barrow 16/grave 8 (after Bezuglov 1988).

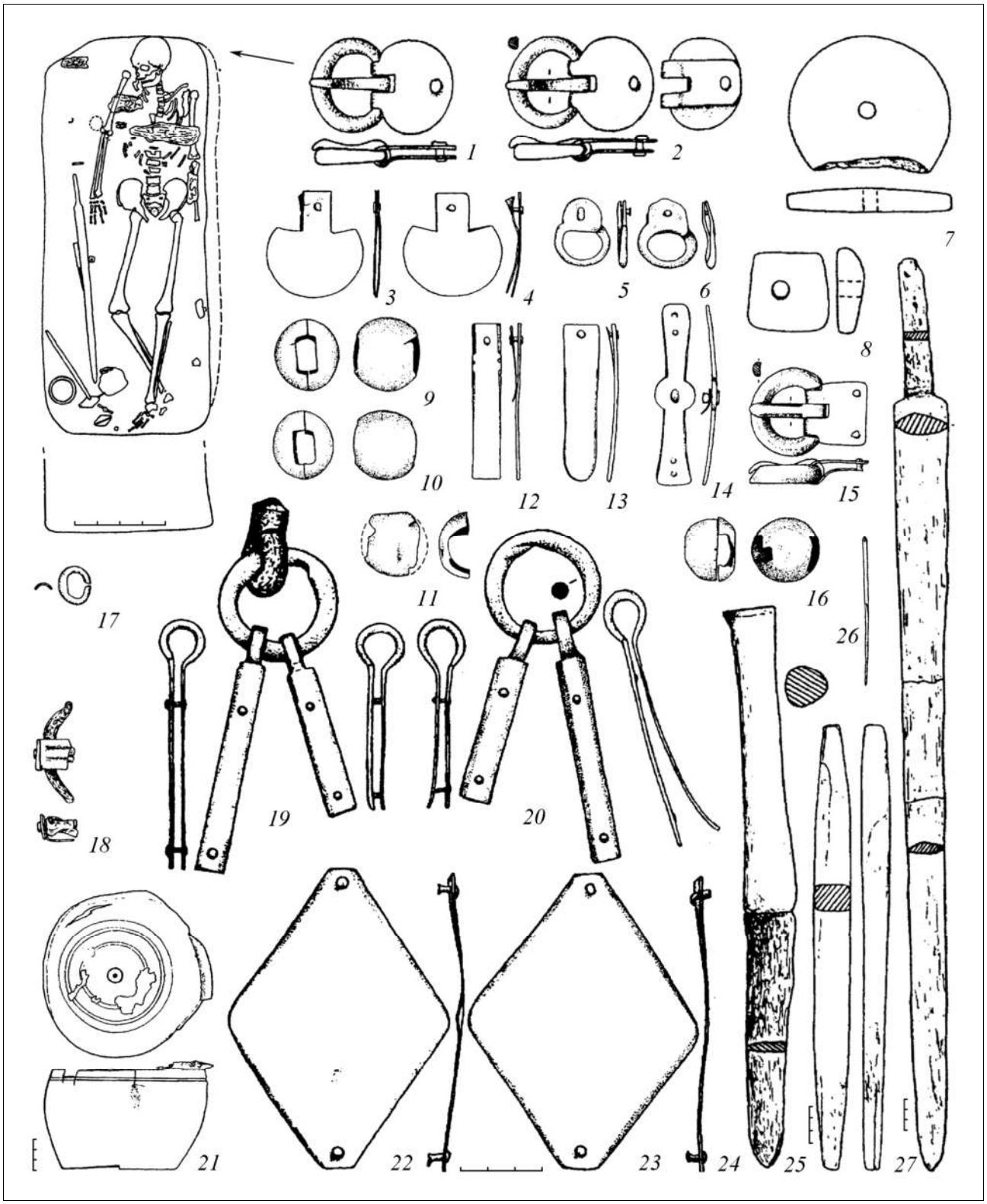


Рис. 5. Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (по Безуглов 1997)**.**

Fig. 5. Vysochino VII, barrow 12/grave 1 (after Bezuglov 1997).

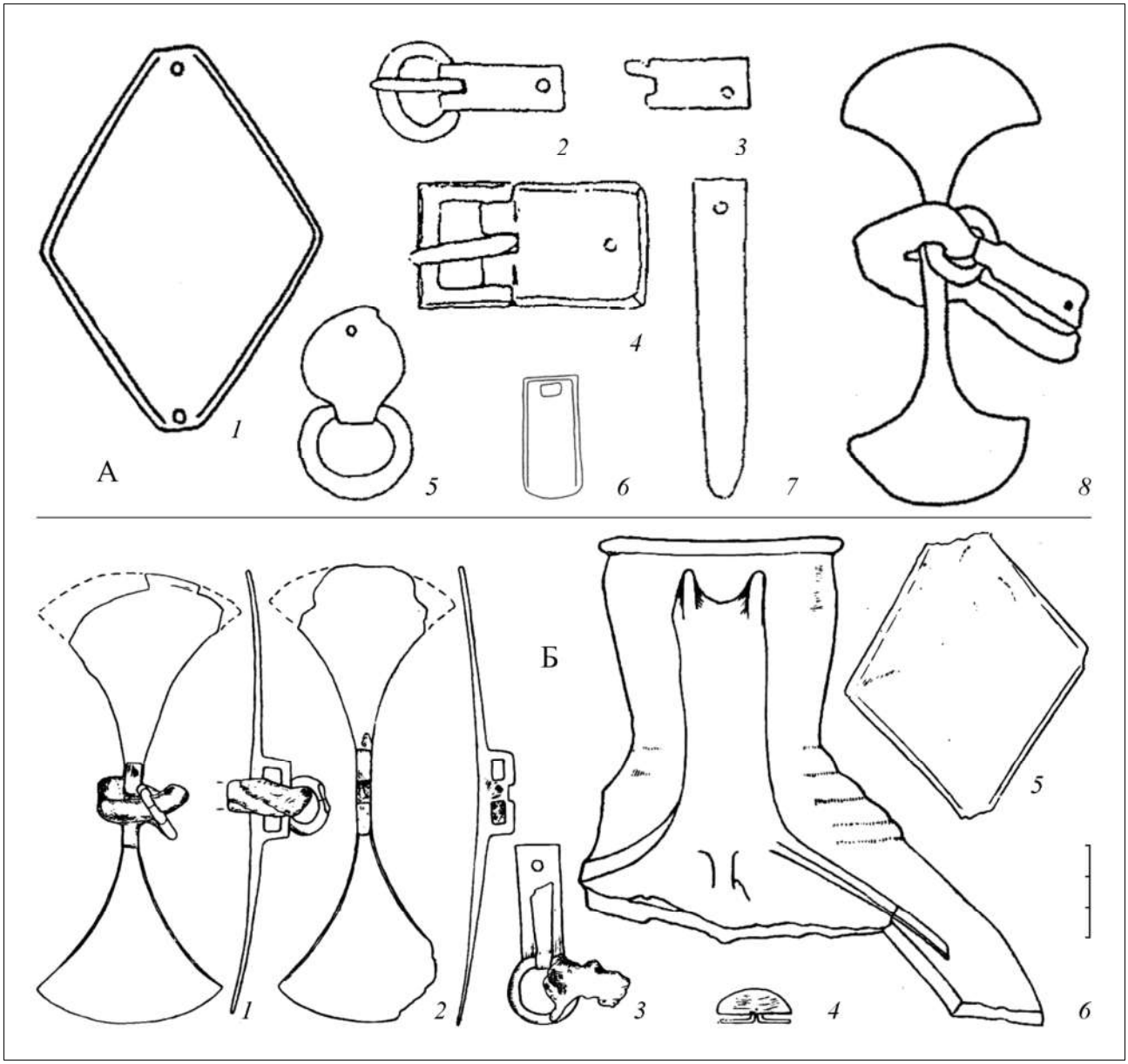


Рис. 6. *А* — Старица, курган 60 / погребение 1 (по Кривошеев 2005: рис. 2: Б) (масштаб в публикации недостоверен; здесь вещи даны пропорционально остальным). *Б* — Хапры (по Безуглов 1989)**.**

Fig. 6. *A* — Staritsa, barrow 60 / grave 1 (Krivosheev 2005: Fig. 2: B) (the scale in the publication is unreliable; here things are given in proportion to the rest). *B* — Khapry (Bezuglov 1989).

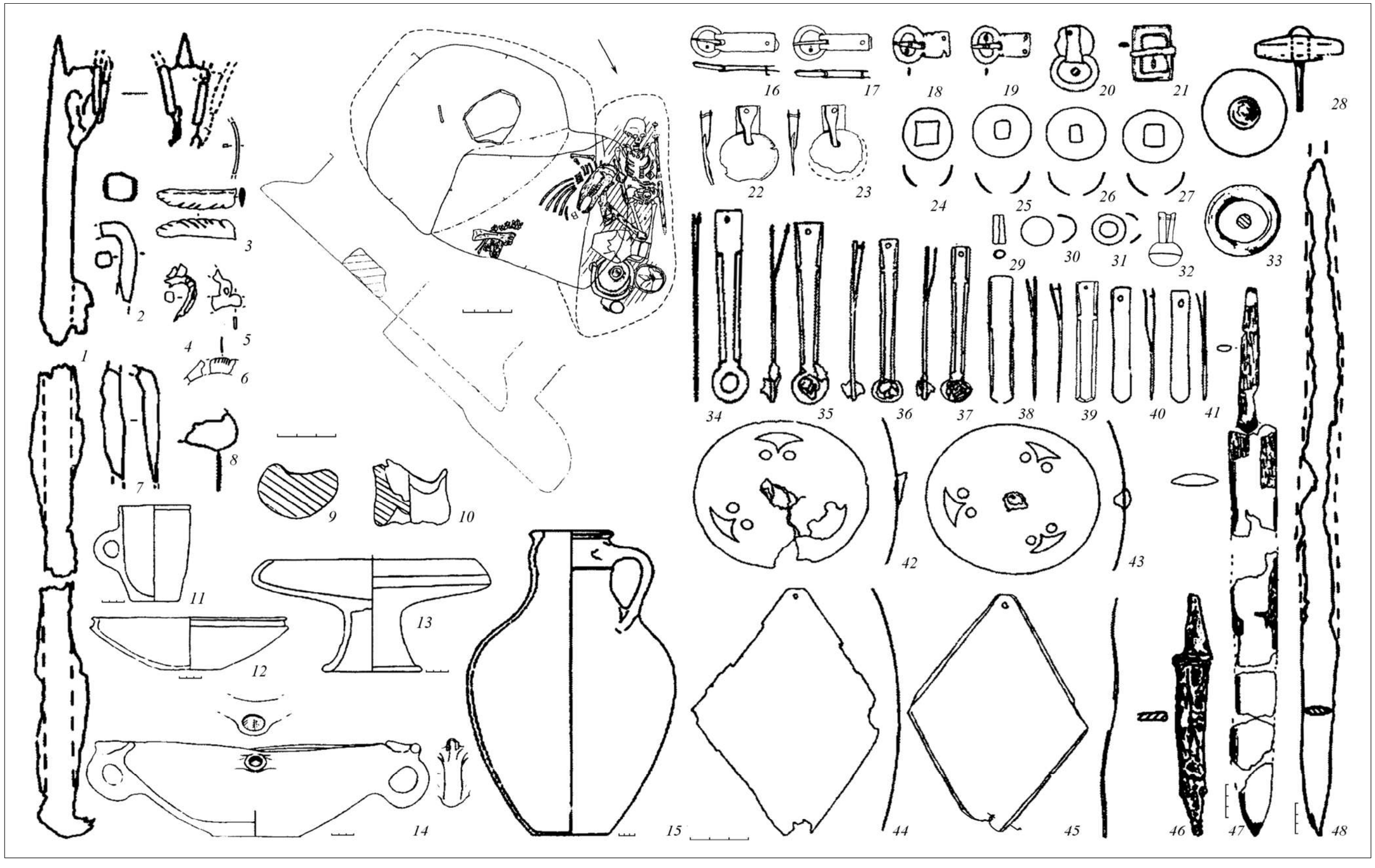


Рис. 7. Кобяковский, погребение 73/2000 (по Ларенок 2013: табл. 50—52)**.**

Fig. 7. Kobyakovsky, grave 73/2000 (after Larenok 2013: tab. 50—52)**.**

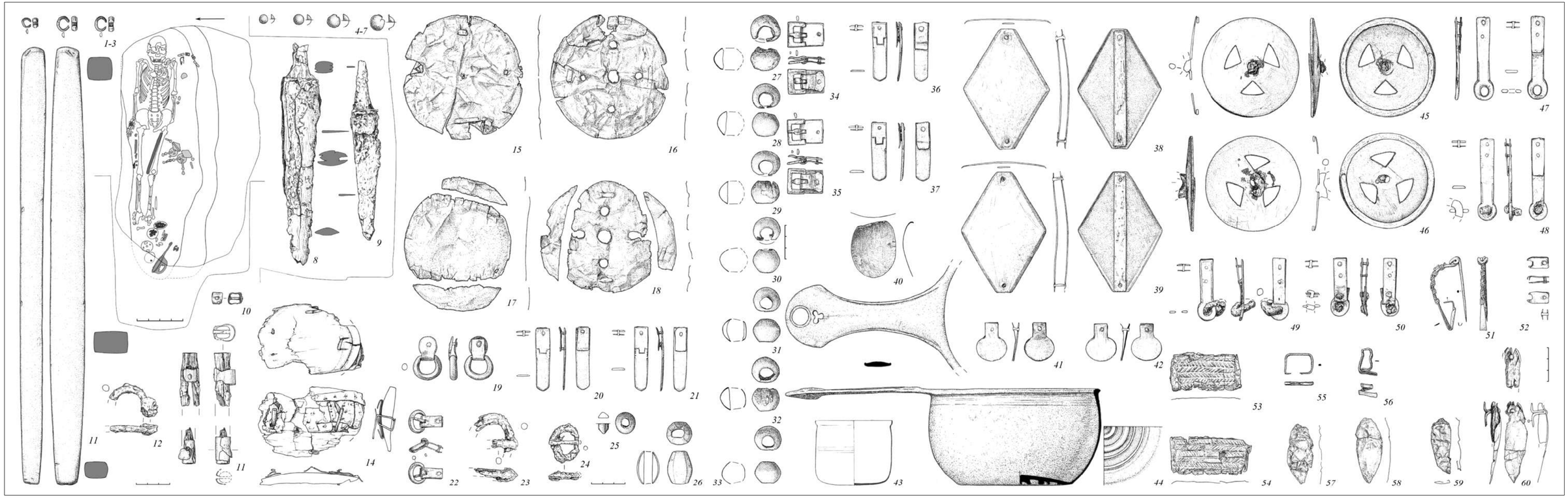


Рис. 8. Большевик II, курган 3/ погребение 1 (по Безуглов, Нидзельницкая 2020).

Fig. 8. Bolshevik II, barrow 3/ grave 1 (after Bezuglov, Nidzelnitskaya 2020).

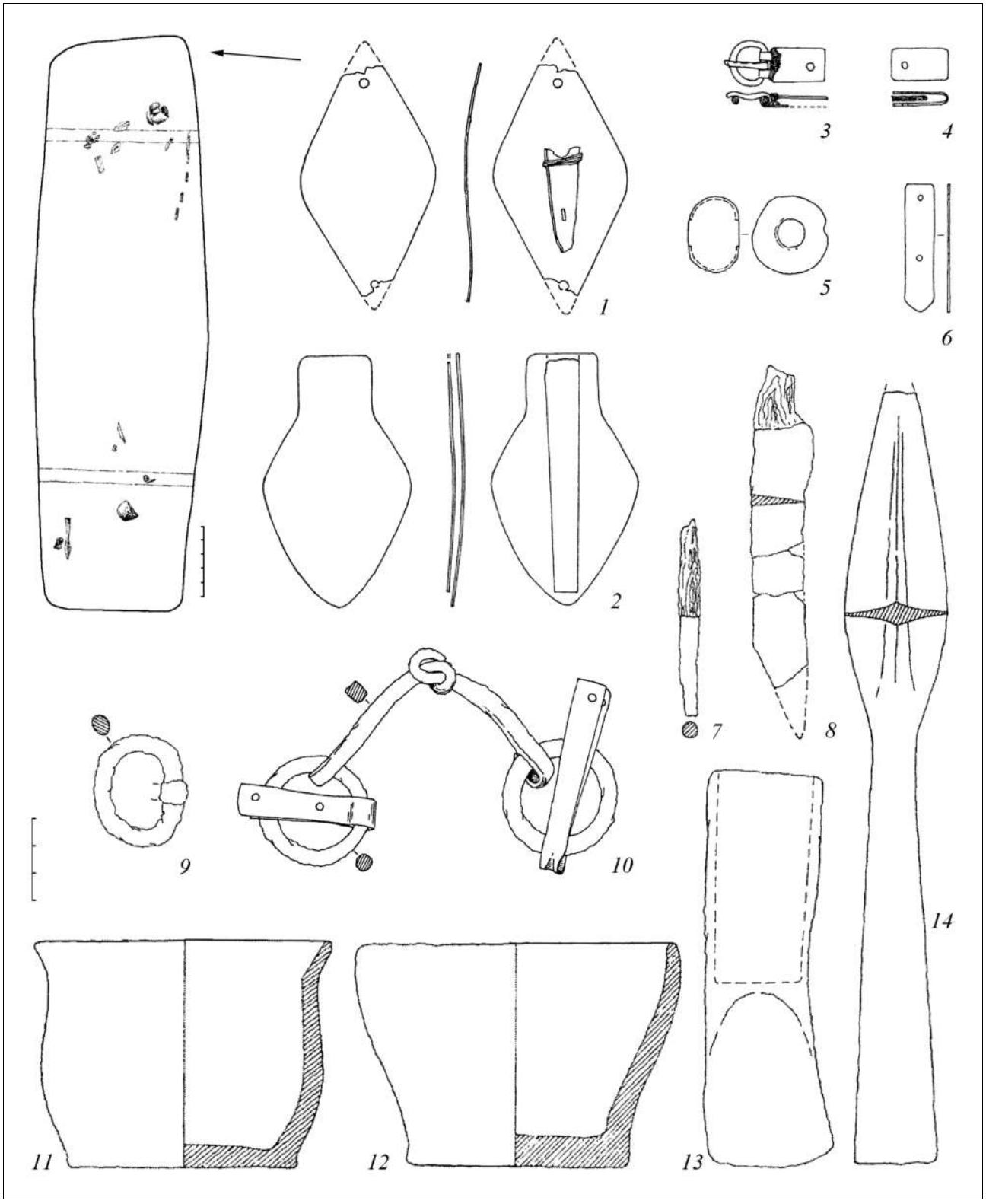


Рис. 9. Усть-Уза, погребение 42 (по Гришаков и др. 2016: рис. 24: 6—8, 25, 26)**.**

Fig. 9. Ust'-Uza, grave 42 (after Grishakov et al. 2016: Fig. 24: 6—8, 25, 26)**.**

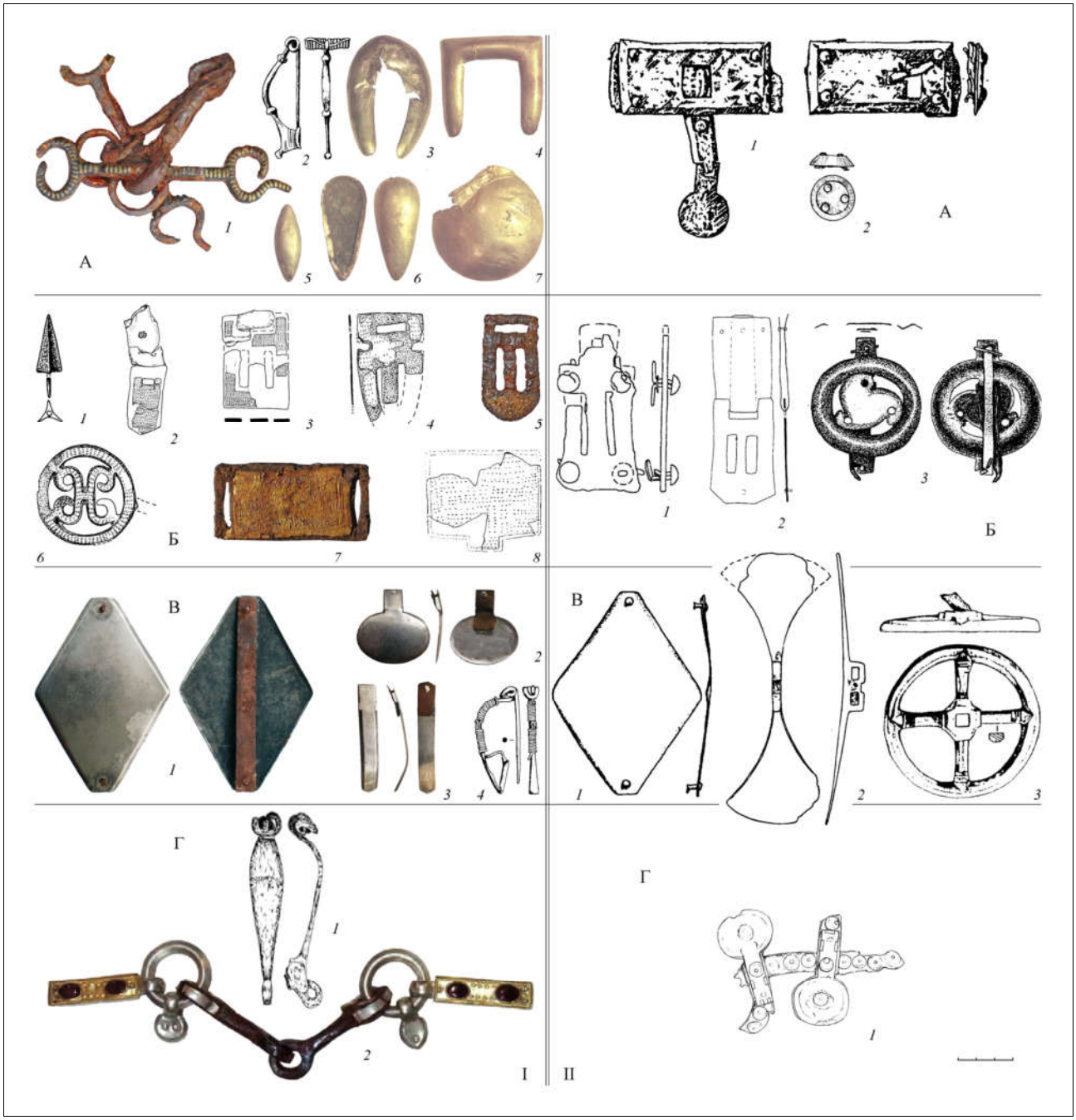

А
Б
В
Г
I
II

Рис. 10. Хронологические (I) и территориальные (II) группы. I. *А* — «с гладкой плакировкой»: *1* — Царский, погребение 64 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 8); *2* — Городской, погребение 22 (по Сазонов и др. 1995: рис. 7: 11); *3—7* —Тайухабль, 1978 (по Мордвинцева, Хачатурова 2007: рис. 5: 1, 3—6). *Б* — «плакировка с точечной расчеканкой»: *1, 4, 6* — Кировский I, курган 1 / погребение 2 (по Ильюков 2000: рис. 6: 4, 8, 8: 8); *2, 3* — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 32: 1, 10); *5* — Кобяковский, курген 5 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 3); *7* — Кобяковский, курган 10 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 4); *8* — Северо-Восточный, курган 19 (по Ильюков 2002: рис. 5: 1). В — фасетированные изделия: 1 — Большевик II, курган 3 / погребение 1 (Безуглов, Нидзельницкая 2020: рис. 13: 2); 2,3 — Танаис, погребение 186 (по Безуглов, Ильяшенко 2018); 4 — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 28: 6). *Г* — «полихромные изделия («Закшув—Кишпек»): 1, 2 — Гремячий III, курган 1 (по Демиденко 2016: рис. 4: 3, 7: 1)**. II.** *А* — «южноуральская группа»: 1 — Лебедевка VI, курган 3 (по Мошкова 2001: рис. 2: 2); *2* — Лебедевка VI, курган 1 (по Мошкова 2001: рис. 1: 8). *Б* — «общая группа»: *1* — Красноуральский, курган 10 (по Бытковский 2010: рис. 4: 2); *2* —Нейзац, склеп 17 (по Храпунов, Мульд 2004: рис. 3: 6); *3* — Солодовка I, курган 6 / погребение 1 (по Глухов 2005: рис. 4: 1). *В* — «нижнедонская группа»: *1* — Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (по Безуглов 1997: рис. 1: 4); *2* — Хапры (по Безуглов 1989: рис. 1: 1); *3* — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 32: 1). *Г* — «прикамская группа»: *1* — Тарасово, погребение .765 (по Красноперов 2011: рис. 4: 50).

Fig. 10. Chronological (I) and territorial (II) groups. I. *A* — “with smooth plating”: *1* — Tsarskiy, grave 64 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 8); *2* — Gorodskoy, grave 22 (ater Sazonov et al. 1995: Fig. 7: 11); *3—7* — Taihuabl’ 1978 (after Mordvintseva, Khachaturova 2007: Fig. 5: 1, 3—6). *Б* — “plating with spot chasing”: *1, 4, 6* — Kirovskiy I, barrow 1 / grave 2 (after Ilyukov 2000: Fig. 6: 4, 8, 8: 8); *2, 3* — Valovyi I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 32: 1, 10); *5* — Kobyakovskiy, barrow 5 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 3); *7* — Kobyakovskiy, barrow 10 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 4); *8* — Sewero-Vostochniy, barrow 19 (after Ilyukov 2002: Fig. 5: 1). *B* — faceted products: *1* — Bolshevik II, barrow 3 / grave 1 (after Bezuglov, Nidzelnitskaya 2020: Fig. 13: 2); *2, 3* — Tanais, grave 186 (after Bezuglov, Ilyashenko 2018); *4* — Valoviy I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 28: 6). *Г* — “polychrome products (“Zakshuv-Kishpek”): *1, 2* — Gremyachiy III, barrow 1 (after Demidenko 2016: Fig. 4: 3, 7: 1)**. II.** *A* — “South Ural group”: *1* — Lebedevka VI, barrow 3 (after Moshkova 2001: Fig. 2: 2); *2* — Lebedevka VI, barrow 1 (after Moshkova 2001: Fig. 1: 8). *Б* — “general group”: *1* — Krasnouralskiy, barrow 10 (after Bytkovsky 2010: Fig. 4: 2); *2* — Neyzats, crypt 17 (after Khrapunov, Muld 2004: Fig. 3: 6); *3* — Solodovka I, barrow 6 / grave 1 (after Glukhov 2005: Fig. 4: 1). *B* — “Lower Don group”: 1 — Vysochino VII, barrow 12 / grave 1 (after Bezuglov 1997: Fig. 1: 4); *2* — Khapry (after Bezuglov 1989: Fig. 1: 1); *3* — Valovyi I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 32: 1). *Г* — “Kama group”: *1* — Tarasovo, grave 765 (after Krasnoperov 2011: Fig. 4: 50).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.43.88.018

В.В. Герасимова, А.А. Клочко, В.Л. Косоруков

ОПЫТ ТИПИЗАЦИИ КРАСНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКИ НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ РЕНТГЕНОФАЗОВОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ ПОДВАЛА II В. Н.Э. ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ ЦИТАДЕЛИ ТАНАИСА)*

Краснолаковая столовая посуда (terra sigillata) часто встречается в закрытых комплексах Танаиса римского времени. Несмотря на это, она редко становилась объектом исследования. За всю историю изучения Танаиса вопросу путей поступления краснолаковой столовой посуды в эмпорий было посвящено всего несколько работ. Настоящее исследование — первые результаты естественнонаучного изучения краснолаковой керамики (регионально-геологический анализ результатов фазового рентгеноструктурного анализа формовочной массы) из закрытых комплексов городища. Его результаты подтверждают поступление краснолаковой керамики из Херсонеса Таврического и Западной Анатолии в Танаис во II в.н. э, а также позволяют выделить две группы понтийской сигиллаты, произведенной в регионах существенно различающегося геологического строения. Методически важные результаты касаются анализа известковистости керамики как индикатора вторичных (гипергенных) изменений ее в культурном слое. Регионально-геологическая интерпретация минерального состава керамики позволяет приступить к формированию титульной коллекции результатов рентгенофазового анализа краснолаковой керамики Танаиса.

Ключевые слова: краснолаковая столовая посуда, terra sigillata, минеральный состав, рентгенофазовый анализ, Северное Причерноморье, Танаис.

Сведения об авторах: Герасимова Виктория Валерьевна[1], Факультет гуманитарных наук, Центр античной и восточной археологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Клочко Анна Александровна[2], кандидат геолого-минералогических наук, Факультет гуманитарных наук, Центр античной и восточной археологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Косоруков Владимир Леонидович[3], Кафедра нефтегазовой седиментологии и морской геологии, Геологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: [1,2]105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная 21/4, ст. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», e-mail: [1]gerasimowa.viktoria1993@yandex.ru, [2]anna02@inbox.ru; [3]119234, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова, Геологический факультет, e-mail: kosorukov-vladimir@rambler.ru.

Victoria Gerasimova, Anna Klochko, Vladimir Kosorukov

AN APPROACH TO RED SLIP WARE TYPOLOGY USING X-RAY ANALYSIS DATA (ON MATERIAL FOUND IN THE BASEMENT OF THE 2nd CENTURY CE BUILDING IN THE TANAIS CITADEL'S CITY SQUARE)

Red slip ware (terra sigillata) is often found in the closed complexes of Tanais of Roman times but has rarely been the main subject of research. In the entire history of Tanais's studies, provenance and trade routes of red slip ware to the emporium have been the focus of only a handful of studies. This study unveils the initial findings of a scientific exploration into this red slip ware (regional geological analysis of the molding mass phase X-ray diffraction results) from the closed complexes of the settlement. Our results allow us to distinguish the two groups of Pontic sigillata produced in two regions

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта — программы Научного фонда НИУ ВШЭ «Академическая аспирантура». Диссертационное исследование Герасимовой В.В. «Краснолаковая керамика из закрытых комплексов Танаиса I—IV вв. н.э.».

Статья поступила в номер 11 апреля 2024 г.
Принята к печати 21 мая 2024 г.

© В.В. Герасимова, А.А. Клочко, В.Л. Косоруков, 2024.

of significantly different geological structure and to establish at least two sources of Tanais terra sigillata in the 2nd century CE: Tauric Chersonesos and Western Anatolia. Methodologically important results were also obtained by the analysis of calcareous inclusions in ceramics as an indicator of it's secondary (hypergene) changes in the cultural layer. The regional geological interpretation of mineral composition of ceramics allows us to start forming a title collection of results of X-ray phase analysis of the red slip ware of Tanais.

Key words: red slip ware, terra sigillata, mineral composition, X-ray phase analysis, Northern Black Sea region, Tanais.

About the authors: Gerasimova Victoria[1], Faculty of Humanities, Center for Ancient and Oriental Archaeology, National Research University "Higher School of Economics"; Klochko Anna[2], PhD in Geology and Mineralogy, Faculty of Humanities, Center for Ancient and Oriental Archaeology, National Research University "Higher School of Economics"; Kosorukov Vladimir[3], Department of Petroleum Sedimentology and Marine Geology, Faculty of Geology, Lomonosov Moscow State University.

Contact information: [1,2]105066, Russia, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya str., building 1, National Research University "Higher School of Economics", e-mail: [1]gerasimowa.viktoria1993@yandex.ru, [2]anna02@inbox.ru; [3]119234, Moscow, Russia, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geology, e-mail: kosorukov-vladimir@rambler.ru.

Краснолаковая столовая посуда, или *terra sigillata,* получила широкое распространение в римское время. Она производилась на территориях современных Италии, Испании, Франции, Египта; на Кипре и Малой Азии. Поэтому многие исследователи считают ее своего рода маркером римской культуры в провинциях (Mafftoli 2007: 553—596). Вопреки очевидности этого вывода *terra sigillata* Северного Причерноморья долгое время оставалась без должного внимания исследователей**.** Ее серьезное изучение началось только в середине прошлого века. Так, отечественные ученые стали активно публиковать керамику из раскопок малых городов Боспора (Книпович 1952: 318—320), разработали собственную систему ее датирования и классификации (Knipowitsch 1929: 55). В последние десятилетия были выделены понтийская и боспорская сигиллата.

Понтийская сигиллата впервые была выделена и классифицирована Дж. Хейсом в 1985 г. на основании русскоязычных публикаций и коллекций с юга России, хранящихся в европейских музеях (Hayes 1985: Tav. XXII—XXIII). В 2010 г. Д.В. Журавлев, на материалах некрополей Бельбекской долины, создал ее типологию (Журавлев. 2010: 732). Боспорскую сигиллату выделил в отдельную группу К. Домжальский в 1995 г на материалах из раскопок Нимфея (Домжальский, Чистов: 2003: 3—42). Классификацию и типологию он разработал совместно с Д.В.Журавлевым (Домжальский, Журавлев: 2003: 89—92). Однако, несмотря на обширные знания об этих группах краснолаковой керамики, важная проблема — определение места их производства — до сих пор не решена.

Определение локализации древней керамики любого типа и периода требует междисциплинарного исследования: необходимо проводить геологический и геоархеологический анализ, сопоставляя состав минеральной части керамики с особенностями строения и геологической истории предполагаемого производственного региона.

В 2021 г. К. Домжальский попытался разрешить этот вопрос с применением естественнонаучных методов. Он опубликовал в своей диссертации результаты анализа элементного химического состава материала позднеантичной понтийской сигиллаты, разделив ее на две большие группы, А и В, предположительно, относящиеся к разным производственным центрам (Domzalski 2021: 181—189). Близкий подход, но с более широким спектром методов, использовала группа Д.В. Журавлева в 2023 г. (Журавлев и др. 2023: 612—635). Была проанализирована краснолаковая столовая посуда из раскопок Пантикапея: выборка была представительнее, в нее вошли образцы не только понтийской, но и боспорской сигиллаты, краснолаковая керамика неопределенных центров и понтийская сероглиняная посуда.

Каждому образцу было дано подробное археологическое описание, указаны метрические данные, цвет покрытия и формовочной массы. Аналитика показала качественные различия между понтийской и боспорской сигиллатой. Краснолаковая понтийская посуда была

разделена на несколько групп, соотнесенных с возможными производственными провинциями. (Журавлев и др. 2023: 635).

Надо отметить, что в исследовании западных групп краснолаковой столовой посуды, в первую очередь италийской и испанской, и в целом ангобированной керамики, происходящей с территории Пиренейского полуострова, междисциплинарный подход применяется давно и весьма успешно. На сегодняшний день он включает в себя комбинацию археологической статистики (De Soto et al. 2016: 237—248, Gattiglia, Dubbini, Anichini 2021: 63—85), рентгенофазового (Rosado et al. 2017: 1—13; McKenzie-Clark, Magnussen 2018: 420—429), химического (De Soto et al. 2016: 237—248; Daszkiewicz, Schneider 2005: 1—7; Daszkiewicz et al. 2018: 133—204.) и термического (Abdel Rahim 2016: 19—27) анализов формовочной массы, археологическую петрографию (Guarino et al. 2011: 455—470) и производственную (технологическую) реконструкцию (Grifa et al. 2019: 291—303; Appolonia 1999: 1427—1435). Отличает этот подход поэтапное рассмотрение последовательных уровней вещественного состава керамики — ее минерального состава (главным образом, методом рентгеноструктурного анализа RSA) и, следующим шагом — геохимический анализ материала. В целом, современный междисциплинарный подход направлен на выявление в керамике вещественных маркеров (минеральных ассоциаций и геохимических индикаторов), указывающих на локальные геологические условия мест ее производства.

Исследовательская проблема и основные принципы методологического подхода к ее решению. За многолетнюю историю исследования Танаиса краснолаковая керамика редко становилась первостепенным объектом изучения. Работы по этой теме опубликованы Т.М. Арсеньевой (Арсеньева 1984: 231—232; 1985: 77—84) и К. Домжальским в соавторстве с Т.М. Арсеньевой. (Arsen’eva, Domzalski 2002: 415—491). Значительная часть этих исследований посвящена краснолаковому материалу позднеантичного времени. Это не позволяет составить внятного представления об общем составе и путях поступления краснолаковой посуды в Танаис в первые века н.э. — времени экономического расцвета города. Расширение материальной базы исследования в совокупности с применением междисциплинарного подхода в изучении *terra sigillata*, на наш взгляд, позволит прояснить эти вопросы.

Первый этап данного междисциплинарного исследования — типизация и статистико-комбинаторный анализ краснолаковой керамики Танаиса. Его цель — определить видовой, типологический и количественный состав *terra sigillata,* поступавшей в эмпорий в I—III вв. н.э. Проведение этой работы возможно только на основе образцов с уверенным археологическим контекстом. Это условие выполнимо при исследовании материала из закрытых комплексов. Такими объектами в Танаисе представляются подвалы городских усадеб Цитадели. Часть из них перестает существовать в конце II в. н.э, некоторые в середине III в. н.э. Это позволяет уверено локализовать и датировать исследуемые объекты. Из материалов этих комплексов мы сформировали статистико-аналитическую базу данных для рентгенофазового анализа.

Второй этап — определение минерального состава кристаллической фракции формовочной массы краснолаковой керамики методом РФА, рентгенофазового анализа валового минерального состава. Глина — осадочная порода, образующаяся при деградации плотных минералов и сохраняющая указания на их состав в «питающей провинции». Минеральный состав формовочной массы древней керамики дает информацию об исходных для нее породах «питающей провинции»; о характере и степени преобразования формовочной массы при обжиге; в некоторых случаях — об условиях захоронения керамики в культурном слое.

Краснолаковая керамика — сложный объект для установления характерных особенностей состава формовочной массы, позволяющих уверенно локализовать место ее производства. Причина этого — сочетание природных особенностей сырья (глиноземистые глины повышенной известковистости) и технологии глиноподготовки: тщательная, поэтапная флотация (отмучивание) для удаления включений, улучшающая внешний облик готового изделия — и при этом обедняющая минеральный состав формовочной массы. Для определения геологических условий формирования исходных глинистых отложений и локализации мест производства керамики выполнен ее

минералогический анализ, который в дальнейшем планируется дополнить микроскопическим изучением материала и определением его характерных геохимических особенностей.

Геологический анализ результатов рентгенофазового анализа первоначально выполняется «вслепую» — керамика типизируется на основании различия минерального состава. Вторым этапом идет геологическая интерпретация результатов и только потом, после установления предполагаемых территориально-геологических регионов, осуществляется геолого-археологическая типизация — сопоставление вероятных геологических обстановок формирования минеральных ассоциаций, выделенных в образцах с собранными в анализируемой выборке типами керамики.

В настоящей работе представлены результаты исследования материалов из подвала 3 постройки 4 южной части Цитадели Танаиса (раскоп XIX).

Выбор этого закрытого комплекса не случаен. В его заполнении вторая по численности, после амфорной тары, группа керамики — это краснолаковая посуда. На территории основного четырехугольника городища подобных комплексов немного. Материалы из этого подвала были опубликованы дважды: Т.М. Арсеньевой вместе с Б. Бёттгером (Arsen'eva, Böttger 1999: 411—443) в 1999 г. и С.А. Науменко совместно с Ю. К. Гугуевым в 2021 г. (Гугуев, Науменко 2021: 535—577). В обеих работах краснолаковая керамика рассматривалась лишь как сопутствующий материал. Ее публикация как основного объекта исследования осуществляется впервые.

Общие сведения об археологическом объекте. Постройка 4 с подвалом 3 (восточный подвал) расположена в юго-восточной части основного четырехугольника городища Танаис. По мнению Б. Бёттгера, объект был построен в конце I в. н.э. и разрушен во второй половине II в. (Arsen'eva, Böttger 1999: 440). Над подвалом располагалась жилая часть помещения. Подвал узкий, прямоугольной формы, ориентирован длинной осью по линии «восток — запад». Размеры объекта 4,8×1,75 м, общая площадь 8,5 кв. м (рис. 1: 1, 2). Подвал вырублен в скале, с юга примыкает к скале; северная, восточная и западная стены — каменная кладка. Пол скальный, за исключением северной части помещения, вымощенной плоскими камнями, укрепленными со стороны стены орфостатными плитами. (рис. 2: 1—4)[1]. К северо-западу от подвала располагается двор, в центре которого находится цистерна по сбору дождевой воды (рис. 2: 2) (Arsen'eva, Böttger 1999: 411—443).

Статистико-комбинаторный анализ материала. Общее количество археологически целых форм краснолаковой посуды и ее фрагментов в данном закрытом комплексе составляет 70 ед. Большая часть представлена фрагментами. Поэтому при первичном подсчете мы учитывали нижние части сосудов, диаметр которых можно измерить без дополнительной реконструкции, 1 дно = 1 целому сосуду. Это касалось и верхних частей сосудов. Их сохранность должна была составлять не менее ¼ от изначального диаметра. Исключением стали фрагменты сосудов, представленные в комплексе единичными экземплярами. (Об. Т.2, Т.10, Т.19 и Т.27). В итоге выборка для статистико-комбинаторного анализа начитывала 54 ед. (табл. 1).

Перед подсчетом отобранная керамика была распределена по типам. Определение производилось по типологиям: Дж. Хейса (Hayes 1985: 406, Tav. XVI—XXIII), Д.В. Журавлева (Журавлев. 2010: 327—611).

Статистико-комбинаторный анализ выполнялся в два этапа. На первом этапе материал, после типизации, был разделен на пять групп: Eastern sigillata C, понтийскую краснолаковую посуду, *«херсонесскую сигиллату»*, понтийскую столовую посуду с покрытием и сосуды неопределенного типа (табл. 2).

Второй этап — разделение сосудов внутри этих групп на формы с последующим статистическим подсчетом. Это позволило создать выборку из самых представительных образцов каждой формы для дальнейших лабораторных исследований.

[1] Чертеж плана южной части Цитадели Танаиса (рис. 1.) выполнен М. Ульрихом. Фотографии подвала 3 постройки 4 (рис. 2: 2, 3, 4) — Б. Бёттгер, чертеж плана постройки 4 — С.А. Науменко (рис. 2: 1).

Таблица 1. **Статистическая выборка краснолаковой керамики и понтийской столовой посуды из подвала 3 постройки 4 южной части Цитадели Танаиса (с разделением на типы)**

Понтийская сигиллата	44 ед.
Eastern sigillata C	3 ед.
«Херсонесская» сигиллата	4 ед.
Неопределенная форма	3 ед.
Общее число	**54 ед.**

Аналитическая группа. Для проведения рентгеноструктурного анализа были отобраны археологически целые формы и фрагменты профильных частей краснолаковых сосудов из статистической выборки, размером не менее 6,3×5,2 см. (рис. 3, 4, 5) — всего 27 ед.

В эту группу вошли:

- образцы, археологически определенные как *понтийская сигиллата*: тарелки различных форм, чаша, миска, кувшин, кружки и канфары (кубки) [2];
- *«херсонесская сигиллата»,* локальное производство «понтийской традиции» (Ушаков 2015: 201) — миска;
- Eastern sigillata C: чаши.
- неопределенный тип: глубокая чаша с вогнутым бортиком, глубокая миска с рудиментарной ручкой под венчиком и блюдо.

При отборе учитывалась степень внешнего воздействия на предмет. Сильно заизвесткованные и пораженные плесневым грибком образцы в аналитическую группу включены не были.

Таблица 2. **Итоговая статистическая выборка краснолаковой керамики и понтийской столовой посуды из подвала 3 постройки 4 южной части Цитадели Танаиса: разделение на формы)**

Группа керамики	**Форма сосудов** *(археологически целые формы и фрагменты профильных частей)*
Понтийская сигиллата	Тарелки с вертикальным бортиком — 20 ед. (фрагменты профильных частей+1 арх. цел.) Чаши с вертикальным бортиком — 5 ед. (фр. пр) Чаши со скошенным вовнутрь венчиком — 2 ед. (фр. пр.) Тарелки с нависающим краем — 3 ед. (фр. пр.) Тарелки с отогнутым краем — 3 ед. (фр. пр.) Миска с вертикальным бортиком — 1 ед. (развал из 6 фр. (Херсонес?) Кувшины — 4 ед. (фр. пр.) Кубки (канфары) — 3 ед. (фр. пр.) Кружки — 3 ед. (фр. пр.).
Eastern sigillata C.	Чаша — 3 ед. (фр. пр.)
Понтийская столовая посуда	Миска — 3 ед. (фр. пр.)
Неопределенный тип	Глубокая миска с рудиментарной ручкой налепом — 1 ед. (развал из 15 фр.) Чаша, 1/3 верхней части — 1 ед. Блюдо — 1 ед. (фр. пр.)

Цвет лакового покрытия (мелкодисперсного ангоба) и формовочной массы образцов определен с помощью электронного спектроколориметра цветовой системы Munsell Soil Colour Charts. Анализ видимых примесей в массе выполнен с помощью стереоскопического микроскопа Микромед МС — 2 — ZOOM вар.2CR.

[2] Фотографии предметов на рис. 3 (Т.12, Т.15, Т.16) и рис. 4 (Т.14, Т.20) — С.А. Науменко.

Таблица 3. **Понтийская сигиллата**

Описание формовочной массы	Описание покрытия	Тип/Дата
Тарелки с вертикальным бортиком (1/2 часть сосуда и фрагменты верхней и нижней частей сосудов) Т.1, Т.5, Т.6, Т.9, Т. 11, Т.16, Т.23, Т.24, Т.26		
Образцы Т.4, Т.5, Т.16 с внутренней стороны орнаментированы рядами косых насечек. По центру у образца Т.5 клеймо — пальметта. Формовочная масса всех отобранных образцов плотная. Исключение составляет образец Т.4 (формовочная масса пористая). Видимые включения в формовочной массе во всех образцах незначительные, представлены белыми и блестящими частицами. Прокал массы достаточно равномерный. Цвет варьируется в пределах:	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Покрытие глянцевое. Цвет варьируется в пределах: от 2.5 YR 5/6—5/8 Т.6.: Плотность покрытия неоднородная. Цвет: 10R 4/6	Форма I по Дж.Хейсу Вторая половина I в.н.э. — конец II в.н.э.(амфорная тара из этого комплекса датируется не позднее конца II в.н.э.) Т.6. Форма II по Дж.Хейсу. (?) Конец I — нач. III в. н. э
Чаша с вертикальным бортиком (1/2 часть сосуда). Т.15		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал массы равномерный. Цвет: 5 YR 5/4	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 5/6—5/8, в местах затемнения: 5 YR 3/3	Форма 30 поД. В. Журавлеву. Форма V по Дж.Хейсу Конец I—первая половина II в. н. э.
Кубки (канфары) - фрагмент верхней части с сохранившейся ручкой Т19, Т.22		
Т.22 Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими блестящими частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 5/4. Т.19 Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 5/6.	Т.22 Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 4/4—4/8. Цвет покрытия Т.19 5YR 6/8	Т.22 Форма 34 по Д. В. Журавлеву (?). Форма X по Дж.Хейсу Вторая половина I в. н. э. Т.19 Форма 32.3 По Д. В. Журавлеву (?) последняя четверть I в.н.э.

Таблица 3. **Понтийская сигиллата (продолжение)**

Описание формовочной массы	**Описание покрытия**	**Тип/Дата**
Тарелки с сильно отогнутым, нависающим венчиком — бортиком (фрагменты). Т.12		
Описание формовочной массы	*Описание покрытия*	*Тип/Дата*
С внутренней стороны орнаментирована двумя рядами косых насечек. Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими блестящими частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 6/5.	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 5/4—5/8.	Форма III по Дж.Хейсу Вторая половина II — нач.III в.н.э.
Тарелка с сильно отогнутым венчиком, образующим площадку (фрагмент). Т.21, Т.23.		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 5/4.	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 5/4—5/6.	Понтийская сигиллата (?) Внесены в категорию из-за особенностей структуры формовочной массы и покрытия. Т.21. Ближайшие аналогии из Сагаласоса: Poblome Fig. 55. Variant 1C131 (1) Вторая половина I в.н.э. (Совпадает по форме с ESB Augustan) Т.23. Понтийская сигиллата (?) Ближайшие аналогии: Zelle 1481 Вторая половина I в.н.э. Аналогии из Сагаласоса Poblome Tipe 1C150 25 г.до н.э.- 25 г. н.э. Аналогии из работы Poblome: I в.н.э. (ESC) и вторая половина I в.н.э. (ESB)

Таблица 3. **Понтийская сигиллата (продолжение)**

Описание формовочной массы	Описание покрытия	Тип/Дата
Чаша со скошенным во внутрь венчиком (фрагмент). Т.8, Т.14		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми и блестящими частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 6/5.	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 5/4—5/8. В месте затемнения: 5 YR 3/3	Форма IV по Дж.Хейсу. Конец I в.н.э.
Глубокая миска (?) с полосами на венчике — бортике (фрагменты). Т.10, Т.18		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми и блестящими частицами. Прокал разных частей сосуда не равномерный. Во фрагментах верхней части наблюдается локальный пережог. Цвет массы основной массы: 5 YR 7/4. Цвет массы, подвергшейся температурным колебаниям: 5YR 4/3	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 4/4—4/8. В месте затемнения: 5 YR 3/3	Локальный тип — «Херсонесская сигиллата» Установить точную форму затруднительно: сосуд представлен только во фрагментах (6 ед.) II—III вв.н. э. (?)
Дно кувшина на кольцевом поддоне. Т.17		
Формовочная масса с редкими порами небольшого диаметра. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми и блестящими частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 7/4	На сохранившейся части практически отсутствует покрытие. Цвет покрытия фрагмента: 2.5 YR 4/4	Форма 2.2 по Д. В. Журавлеву (?) Первая половина II в.н.э.(?) Установить точную форму затруднительно.
Верхняя часть кружки (фрагмент). Т.20		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 5/4.	Покрытие плотное, равномерное, глянцевое. Цвет: 2.5 YR 5/8.	Форма 4 по Д. В. Журавлеву(?) Первая половина II вв.н. э.

Таблица 3. **Понтийская сигиллата (продолжение)**

Описание формовочной массы	Описание покрытия	Тип/Дата
Eastern sigillata C (два фрагмента от одного сосуда) Т.13, Т.2 (один фрагмент)		
Т.13. Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими темными частицами. Т.2. Прокал равномерный. Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 5/4—5/6. Покрытие плотное, неравномерное. Цвет: 2.5. YR 4/8.	Т.13. Покрытие плотное, неравномерное. Цвет варьируется. Цвет: 10R 4/6. В месте затемнения: 5 YR 3/3 Т.2. Цвет массы: 5 YR 5/4—5/6. Покрытие плотное, неравномерное. Цвет: 4/8. В месте затемнения: 5 YR 3/3	Çandarly Ware, форма L19 — H6 Конец I—II вв.н. э. (Hayes. 1985: Tav.XVII.6) Çandarly Ware, форма FL26 B. H 11, Dragendorff 18 I н.э.— первая половина II вв.н.э. (Hayes. 1985: Tav.XVII. 11)
Формы неопределенного типа. Т.7, Т.25 **Чаша с вогнутым бортиком (1/3 верхней части тулова). Т.7**		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми частицами. Прокал массы неравномерный. Возможно, имел место недожог (?) Цвет массы по краям скола: 5 YR 5/4. Цвет по центру: 5 YR 5/2	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 4/6—4/8 до, в местах затемнения, 5 YR 3/3	Вторая половина I в.н.э. - II вв.н. э. (?) Встречается в закрытых комплексах Танаиса II вв.н. э. Ближайшая аналогия Forma III B Вторая половина I в.н.э. (Mayet. 1975)
Глубокая миска (?) с рудиментарной ручкой-налепом под венчиком (фрагменты). Т.25		
Формовочная масса плотная. Видимые включения незначительные, представлены мелкими белыми и блестящими частицами. Прокал равномерный. Цвет массы: 5 YR 7/4	Плотность и цвет покрытия неоднородные. Цвет варьируется от 2.5 YR 4/4—4/8. В месте затемнения: 5 YR 3/3	Установить точную форму затруднительно. Сосуд представлен только во фрагментах. I—III вв.н. э. (?) Общее число фрагментов: 15

Методы исследования. Исследования минерального состава образцов краснолаковой керамики выполнялись на базе кафедры нефтегазовой седиментологии и морской геологии МГУ.

Съемка производилась на рентгеновском дифрактометре RIGAKU MINIFLEX 600. Напряжение 40кВ, ток 15мА, излучение KCu альфа. Рентген 40 кВ, 15 мА Скорость сканирования / Продолжительность 5,0000 град/мин.

Применялись следующие параметры съемки. Гониометр MiniFlex 300/600 Ширина шага 0,0200 град. Приставка ASC — 8 Ось сканирования Theta/2 — Theta. Диапазон сканирования — 3,0000—40,0000 град. Щель выбора СВО — Щель падения 1,250 градусов. Дифференцированный луч моно. Ограничивающая прорезь 10,0 мм. Детектор D/teX Ultra2. Приемная щель № 1 1,250 град. Режим сканирования — непрерывный. Приемная щель № 2 0,3 мм.

Для исследования навеску пробы (3,0 г.) истирали до состояния тонкой пудры (около 0,01мм). Полученным порошком заполняли кювету диаметром 20 мм и толщиной 2мм и производили съемку на дифрактометре Rigaku Miniflex — 600 рабочий ток 15 мА, рабочее напряжение 40 kV, съемка производилась с рентгеновской трубкой с Cu — антикатодом. Полученную дифрактограмму обрабатывали по программе PDXL — 2, определяли минеральные фазы, содержащиеся в пробе, и их количество в образце.

Количество минеральных фаз определяли с помощью уравнения коэффициента, зависящего от массового поглощения рентгеновских лучей данной минеральной фазы. За поглощающий коэффициент = 1 принималось значение массового коэффициента поглощения кварца, ввиду присутствия его во всех образцах. У минералов с большим коэффициентом поглощения уравнивающий коэффициент увеличивает значение его коэффициента поглощения, а с меньшим — уменьшает.

Для определения уравнивающего коэффициента использовался поглощающий коэффициент равный 1 (кварц), для этого высчитывалось отношение кварца к каждой определенной минеральной фазе (табл. 4).

Таблица 4. **Уравнивающие коэффициенты для расчетов количественных соотношений минералов в пробе.**

Минерал	**Коэффициент поглощения**	**Уравнивающий коэффициент**
кварц	56,22	1,0
альбит	52,90	1,2
кальцит	112,24	1,5
гематит	42	2,0
клинопироксен	55,13	1,3
роговая обманка	79,54	1,5
слюда	67,20	1,5
цеолит (гейландит)	40,48	1,2
КПШ	77,12	1,4
хлорит	46,60	1,5
каолинит	47,79	1,2

После измерения каждого образца выдавалась дифрактограмма с выявленными минеральными фазами и таблица пиков спектра, в которой указывались основные данные по исследуемому образцу. Для расшифровки рентгенограммы, кроме выявленных пиков минералов, для количественного анализа использовалась площадь пиков, по которой считается содержание каждого минерала в образце. Уравнивающий коэффициент каждого минерала умножался на площадь этого минерала, после чего высчитывалось суммарное содержание всех минеральных фаз в исследуемом веществе. На последнем этапе расчет по каждому минералу, вычисленный с применением уравнивающего коэффициента, умножается на 100 и делится на суммарное количество минеральных фаз в исследуемом

веществе. В итоговой таблице получается процентное содержание всех минералов в образце, сумма которых не должна превышать 100% (табл. 4).

Состав краснолаковой керамики. Следует отметить, что применяемый рентгенофазовый метод определения минерального состава — полуколичественный, т.к. не учитывает рентгеноаморфную фазу образцов, содержание которой в керамических образцах может быть изменчивым — от первых процентов до 15—20% (Салахов 2016: 407) и зависит от температуры обжига и степени вторичного изменения археологического материала.

Минеральный состав образцов керамики, изученных методом фазового рентгеноструктурного анализа, достаточно однороден и, в целом, характерен для археологического материала этого типа (табл. 4). Минералы, диагностируемые в кристаллической фазе образцов: кварц, минералы группы плагиоклазов (преобладает альбит), минералы группы калиевых полевых шпатов (КПШ), диопсид (минерал группы пироксенов), в единственном образце встречена роговая обманка (минерал группы амфиболов), гематит, кальцит, в единичных образцах — цеолит и глинистые минералы (смектит и хлорит) в количестве на пределе чувствительности метода. Содержание минералов в образце — относительное, т.е. за 100% принято суммарное содержание в нем кристаллической фазы.

Минеральный состав керамики является результатом сочетания двух факторов — особенностей состава исходного глинистого сырья и параметров его обжига (степени термического воздействия). Отдельные минералы и их группы, а также соотношения некоторых минералов, отражают генетическую информацию о керамическом материале. Выделяются несколько групп минералов: парагенез (минералы, образующиеся в единых условиях, для керамики — условиях обжига) и ассоциации (минералы, совместное нахождение которых связано с одним из этапов формирования исходных глинистых горных пород).

Определённые минералы встречается во всех образцах (ассоциация кварца, плагиоклаза, калиевого полевого шпата и гематит), некоторые — в части образцов (пироксен, кальцит), остальные — в единичных образцах.

Ассоциация минералов питающей провинции: кварц, плагиоклаз (альбит, реже — лабрадор), калиевые полевые шпаты (КПШ) и слюда (мусковит), пироксен (?), амфибол (роговая обманка), цеолит. Эта группа минералов, происходящих из горных пород «питающей провинции» — геологического региона, поставляющего обломочный материал для формирования глинистых отложений.

Керамический парагенез — минералы группы клинопироксена (разновидность пироксена диопсид (Ca, Mg) SiO_3) и гематит Fe_2O_3. Формирование клинопироксена при обжиге известковистых глин в результате химической реакции между оксидом кальция, образующимся при термической диссоциации (разложении) карбоната и кремнеземом (SiO_2), хорошо известно в керамике Средиземноморского региона (Papadopoulou et al: 2006. 39—45; Tschegg et al: 2009. 69—78; Rathossi et al: 1841—1851). Минерал гематит в данном случае также формируется при обжиге керамики из различных, в том числе микрокристаллических (гетит) и аморфных соединений железа (лимонит), а также за счет термического разрушения некоторых глинистых минералов (хлорит).

Ассоциация минералов глинистых пород исходной формовочной массы — хлорит и смектит, которые сохранились лишь в одном образце (Обр. Т.7), в минимальном количестве (на пределе чувствительности метода).

Минерал вторичного (гипергенного) изменения керамики — кальцит. Новообразование кальцита в керамике, происходящее после ее захоронения в культурном слое, имеет большое значение для корректной оценки состава исходного керамического материала и параметров его обжига и в последние годы специально рассматривается на примере разных групп археологического материала (Ontiveros et al. 1999: 8—18; Drieu 2020:129—143, Gilstrap et al. 2021: 749). Содержание кальцита в образцах резко неоднородное — от первых процентов — до 33% (Обр. Т.1).

Обсуждение результатов фазового рентгеноструктурного анализа. Определение минерального состава археологической керамики представляет собой первый этап изучения ее вещественного состава с целью последующей локализации центров керамических производств древности. Рентгеноструктурный анализ рассматриваемого типа керамического материала не позволяет на этой стадии исследования выполнить его уверенное сопоставление с теми или иными регионами керамического производства, однако является основой для типизации керамики и оптимизации способов и методов ее дальнейшего изучения.

Типизация керамики по минеральному составу. В целом, соотношение минералов в проанализированной керамической выборке может указывать на ее неоднородность — на смешение исходных глин различного состава. Рассматриваемый набор керамики из закрытого археологического комплекса может быть разделен на несколько типов, причем в качестве основного типоморфного признака нами рассматривается содержание минералов группы пироксенов и амфиболов (темноцветных), а в отдельных образцах — и некоторых других минералов.

Выделены: ***Пироксенсодержащая керамика***, неправомерно известковистая, с гематитом (Обр. Т.2, Т.3, Т.4, Т.5, Т.6, Т.7, Т.8, Т.12, Т.16, Т.17, Т.18, Т.19, Т.21, Т.22, Т.24, Т.25, Т.27), ***безпироксеновая керамика*** (Т.1, Т.9, Т.10, Т.11, Т.14, Т.15, Т.20, Т.23, Т.26), ***керамика с амфиболом*** (Обр. Т.13). Как вариант пироксеновой керамики рассматривается материал с остаточными не трансформировавшимися глинистыми минералами (результат неполного обжига) и цеолитом.

О природе пироксена в керамике. Присутствие клинопироксена (диопсида) в значительной части образцов может быть связано с одной стороны — с обломками этого минерала, т. е. его происхождением из исходных магматических пород, с другой стороны — с новообразованием пироксена при обжиге известковистых (вероятно, смектитовых) глин при температуре более 800^0. Принадлежность части пироксена именно к «керамическому парагенезу» подтверждает различие составов двух образцов (Обр. Т.10, Обр.Т.18). Предполагается, что это — фрагменты одного сосуда, происходящие из его разных частей — основания и верхней части, которые подверглись различному термическому воздействию. Образец Т.18 содержит 15% пироксена, а в образце Т.10 этот минерал не диагностирован.

Эти выводы совпадают с археологической интерпретацией образцов. Они оба могут быть отнесены к одной группе керамики — *«херсонесской сигиллате»*. Ее выделил на материалах музейных коллекций в 1970 г. В. И. Кадеев (Кадеев:1970.91), типизировал — М.И. Золотарев (Золотарев 1994: 18—23, прил. 10, 11, 16—18, рис. 8, 9). Место производства этого типа краснолаковой керамики не установлено. Большинство исследователей относит ее к продукции херсонесских мастерских, локальному очагу понтийской производственной традиции (Ушаков 2015: 201.

Отличительные особенности *«херсонесской сигиллаты»* хорошо изучены. Одна из таких особенностей — неравномерный обжиг сосудов (Ушаков 1997: 120—122). Нарушение температурного режима и технологии изготовления было основной причиной керамического брака: вздутия поверхности и пережога формовочной массы верхней части изделия, изменения общей формы. Из 1093 профильных частей херсонесской краснолаковой посуды, обнаруженных при разборе водосборных цистерн в помещении 8 XCVII квартала северо-восточного района Херсонеса, 24% приходилось на керамический брак (Золотарев 1994: 8; табл. 1, Ушаков 2015: 200). Хронологические рамки бытования этих сосудов — со II по начало V вв. н.э. (Ушаков 2004: 24, Ушаков 2015: 201). Это согласуется с датировкой исследуемого закрытого комплекса. Тем не менее, для уверенной типизации пироксена в керамике из Танаиса необходимо расширение статистической выборки пироксенсодержащих образцов с дальнейшим исследованием их на оптическом и электронном микроскопе.

Керамика неполного обжига (Обр.Т.7) отличается присутствием в керамике в незначительных количествах глинистых минералов исходной формовочной массы — смектита и хлорита, что указывает на температуру обжига, вероятно, ниже 750^0 — 800^0. Значительное

содержание в этом образце пироксена (13%) может быть свидетельством присутствия в керамике и обломочного пироксена из исходных горных пород, поскольку «керамический» пироксен при таких температурах только начинает формироваться. Признаки неравномерного слабого обжига изделия видны и при микроскопическом анализе изделия.

Определение этой керамики как составной части одной из аналитических групп, дает возможность отнести их к «понтийской производственной традиции». Поскольку с точки зрения археологической типизации, группа в которую они входят, относится к одному типу керамики — ***понтийской сигиллате.*** Отличия в минеральном составе формовочных масс двух основных аналитических групп отражают особенности предобразования исходных пород производственных регионов. Недожог в Обр. Т.7 может быть обусловлен особенностями технологии изготовления сосудов в одной из мастерских производящей провинции. Это дает основание предположить, что краснолаковая посуда ***«понтийской производственной традиции»*** могла изготавливаться и поступать в Танаис в I—II вв. н.э. как минимум из трех различных по геологическому строению регионов, одним из которых, по всей видимости, был полуостров Крым.

Керамика с амфиболом (роговой обманкой), представлена единственным образцом (Обр. Т.13). Роговая обманка в керамике является обломками пород питающей провинции, к тому же примеров ее кристаллизации при обжиге керамики нам не известно. Роговая обманка — породообразующий минерал магматических пород, основного и среднего состава; минерал неустойчив к выветриванию и дальнему переносу, и обычно встречается в глинистых отложениях гористых областей или на незначительном удалении от них — в предгорьях.

Учитывая это, особенно важна его археологическая интерпретация. Образец Т.13 — это чаша *Eastern sigillata C. Çandarly Ware, форма L19 — H6*. Этот вид краснолаковой керамики хорошо исследован. Известно место его производства — античный город Питана в устье реки Эвенус в Малой Азии (совр. Чандарли, Турция). Производственные площадки и печи обнаружил в 1911 г. При раскопках Питаны З. Лешке. Он же выделил эту группу *terra sigillata*, назвав ее «чандарлийской» (Loeschcke 1912: 344—407). Позже К. Кеньён отнесет ее к *Eastern sigillata C* (Crowfoot, Crowfoot, Kenyon 1957: 281).

В данном случае археологическая типизация согласуется со спецификой состава керамики. Место ее производства — Западно-Анатолийский регион. Это регион молодого вулканизма, сложенный преимущественно вулканитами андезитодацитового состава, в которых амфибол — типичный породообразующий минерал.

Однако остается открытым вопрос почему в эту аналитическую группу не вошел образец Т.2, который археологически определяется как одна из форм краснолаковой керамики из Чандарли. Этот вопрос может быть разрешен увеличением аналитической группы.

О вторичной карбонатизации керамики. В проанализированных образцах краснолаковой керамики достаточно сильно развиты процессы вторичного (гипергенного) изменения, проявившиеся, главным образом, в неоднородной карбонатизации материала. Сопоставление распределения керамического материала в разрезе культурного слоя закрытого комплекса выявило следующие закономерности, позволяющие дать, на наш взгляд, уверенную интерпретацию природы наблюдаемой неравномерной карбонатизации.

Образцы с максимальным содержанием карбонатного вещества — Т.1 — 33%, Т.12 — 25% и Т.27 — 21%, происходят из верхней части разреза закрытого комплекса. В его средней части содержание карбоната находится в интервале 2—10%, а нижние слои разреза содержат только бескарбонатную керамику (рис. 5). Следует отметить и нахождение в непосредственной близости от этого раскопа большой емкости для хранения воды, дно которой расположено на уровне слоев керамики, не содержащей карбоната. Эти закономерности характерны для распределения кальцита, привносимого в археологический разрез в результате иллювиального процесса — вмывания и накопления его на определенном стратиграфическом уровне.

Намечается, хотя и существенно менее выраженная, обратная корреляция содержания карбоната и гематита. Возможно, часть железа в виде растворимых соединений может вымываться из керамики щелочными грунтовыми водами в верхней части разреза культурного слоя (на фоне его повышенной известковистости).

Заключение. В данной работе выполнены исследования минерального состава керамики и типизация ее на основании характерных минеральных ассоциаций и парагенезов, диагностированных фазовым рентгеноструктурным анализом. Минеральный состав древней керамики — источник достаточно скудной генетической информации о геологической природе исходных керамических глин и параметрах их обжига. Тем не менее, привлечение регионально-геологической информации о возможных геологических обстановках нахождения диагностированных минеральных парагенезов и комплексов горных пород, содержащих индикаторные минералы (например, редкий в керамике кластический цеолит), позволяет сопоставить керамику с регионами предполагаемого производства. Такое сопоставление основывается на установлении в комплексах горных пород «питающей провинции» индикаторных минералов и их ассоциаций, диагностированных в керамике.

Результаты анализов, сделанные «слепым методом» (при анализе была неизвестна принадлежность образцов к выделяемым археологически типам керамики), позволяют выяснить, что исследованная нами, краснолаковая керамика в конце II в. н.э. поступала в Танаис из четырех регионов. Для двух из них результаты анализов коррелируют с археологической интерпретацией, подтверждая ее. Это античная Питана (Eastern sigillata C) и Херсонес Таврический (херсонесская сигиллата).

Керамика группы «понтийская сигиллата», археологически определяемая как принадлежащая единой группе, как выяснилось, в действительности доставлялась из двух регионов, различных по геолого-минералогическому строению. Определить точное локализацию каждого из этих двух центров производства пока не удается, но с увеличением статистической выборки это, возможно, удастся сделать в будущем.

В целом, накопление статистически значимого объема данных по минеральному составу краснолаковой керамики Северного Причерноморья, выполненного предложенным в статье методом, позволит расширить набор минералов — индикаторов геологических условий формирования исходных глин (например, роговой обманки и цеолитов, и других) для более уверенной локализации керамики в будущем.

Кроме того, с методической точки зрения, важным, на наш взгляд, является уверенное определение гипергенного характера неравномерной известковистости керамических артефактов, связанной с процессами вторичной карбонатизации. Содержание кальцита в проанализированной краснолаковой керамике может рассматриваться только как проявление степени ее вторичного изменения и не может быть индикатором параметров обжига керамики. Таким образом, этот показатель не должен приниматься в расчет ни при определении места производства керамики, ни при изучении производственных процессов.

Литература

Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.

Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса*. Москва: Наука.

Арсеньева Т.М. 1984. Краснолаковая посуда. В: Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. (отв. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья.* Москва: Наука, 231—232.

Арсеньева Т.М. 1985. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса. *КСИА* 182*,* 77—84.

Гугуев Ю.К., Науменко С.А. 2021. Подвал II в. н.э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX). *МАИАСП* 13, 535—577.

Домжальский К., Журавлев Д.В. 2003. Боспорская сигиллата. В: Зинько В.Н. (отв. ред.). БЧ IV. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: Деметра, 89—92.

Домжальский К., Чистов Д.Е. 2003. Итоги работ на участке «Н» (1994—1998). В: Соколова О.Ю. (отв. ред.). *Материалы Нимфейской экспедиции*. Вып. I. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 3—42.

Дьячков С.Ю. 1998. Клейма на краснолаковой керамике из раскопок Херсонесской «казармы». *Труды ГИМ* 102. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*, 88—93.

Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: Отделение Института востоковедения Национальной академии наук Украины; Благотворительный фонд «Деметра».

Журавлев и др. 2023: Журавлев Д.В., Мандрыкина А.В., Смокотина А.В., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Исмагулов А.М., Малозовская М.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. 2023. Боспорская и понтийская сигиллата из Пантикапея: опыт сравнительного анализа. *Российские нанотехнологии* 18 (5), 612—635.

Золотарев, Коробков, Ушаков 1994: НА ГИАМЗ ХТ. Д. 3219.8. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. 1994. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1994 г.

Книпович Т.Н. 1952. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. Москва; Ленинград: АН СССР, 318—320 (МИА 25).

Конюхов А.И., Емельяненко О.А., Косоруков В.Л. 2015. Новые данные о минеральном составе меловых и палеогеновых отложений на южном склоне Большого Кавказа. В: Дмитриевский А.Н., Япаскурт О.В., Постникова О.В. (отв. ред.). *Эволюция осадочных процессов в истории Земли. Материалы VIII Всероссийского литологического совещания (Москва, 27-30 октября 2015 г.)*. Т. 1. Москва: РГУНГ им. И.М. Губкина, 248—251.

Салахов А.М. 2016. *Современные керамические материалы*. Казань: КФУ.

Ушаков С.В. 1997. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике. В: Антонова И.А. (ред.). *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной конференции (Севастополь, 29 августа — 1 сентября 1997 г.)*. Севастополь: Историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 120—122.

Ушаков С.В. 2004. Три группы краснолаковой керамики из Херсонеса (к вопросу об обработке массового археологического материала). *АДСВ* 36, 22—33.

Ушаков С.В. 2015. Херсонесская сигиллата: к истории изучения. В: Дьячков С.В. (отв. ред.) *Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы*. *Laurea* I. Харьков: НТМТ, 198—203.

Шелов Д.Б. 1961. *Некрополь Танаиса*. Москва: АН СССР (МИА 98).

Abdel Rahim N.S. 2016. Analytical Study and Conservation of Archaeological Terra Sigillata Ware from Roman Period, Tripoli, Libya. *Scientific culture* 2 (2), 19—27.

Appolonia L. 1999. Technological Features of Roman Terra Sigillata from Gallic and Italian Centres of Production. *Journal of Archaeological Science* 26, 1427—1435.

Arsen'eva T.M., Böttger B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5, 411—443.

Arsen'eva T.M., Domzalski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Cau Ontiveros M.A., Day P.M., Montana G. 2002. Secondary calcite in archaeological ceramics: Evaluation of contamination and alteration processes by thin section study. In: Kilikoglou V., Hein A., Maniatis Y. (eds.) *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics: papers pres. at the 5th Europ. meet. on ancient ceramics, Athens 1999*. Oxford: Archaeopress, 8—18.

Daszkiewicz et al. 2018: Daszkiewicz M., Schneider G., Rotroff S.I., Owen R. 2018. Eastern Sigillata at Sardis: Evidence for a Local Industry. *Bulletin of ASOR* 308, 133—204.

Daszkiewicz M., Schneider G. 2005. Chemische Analysen von Late Roman C-Ware aus Ephesos, Beitrag zu Ladstätter S., Sauer R. Late Roman C-Ware und locale spätantike Feinware aus Ephesos. *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos*. *Archäologische Forschungen* 13, 165—167.

De Soto et al. 2016: De Soto I.S., García Giménez R., Reyes de Soto M. 2016. Roman ceramic pieces from central Spain: visual, textural, chemical, mineralogical and statistical analysis. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 16 (1), 237—248.

Domzalski K. 2021. *Pontic red slip ware. Typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the black sea region. Bibliotheca Antiqua* XXV. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology.

Drieu L. 2020. A pottery biography: considering the entire lifecycle of a pot in organic residue analysis. *ArcheoSciences, revue d'archéométrie* 44 (2), 129—143.

Gattiglia G., Dubbini N., Anichini F: 2021. Spatio-temporal network analysis applied to Roman terra sigillata. *Archeological data* I, 63—85.

Gilstrap et al. 2021: Gilstrap W.D., Meanwell J.L., Paris E.H., López Bravo R., Day P.M. 2021. Post-Depositional Alteration of Calcium Carbonate Phases in Archaeological Ceramics: Depletion and Redistribution Effects. *Minerals* 11 (7), 3—33.

Grifa et al. 2019: Grifa C., Germinario C., De Bonis A., Langella A. 2019. Comparing ceramic technologies: The production of Terra Sigillata in Puteoli and in the Bay of Naple. *Journal of Archaeological Science* 23, 291—303.

Guarino et al. 2011: Guarino V., De Bonis A., Grifa C., Langella A. 2011. Archaeometric Study on Terra Sigillata from Cales (Italy). *Periodico di Mineralogia* 80 (3), 455—470.

Hayes J.W. 1985. *Sigillate Orientali. Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Roma: Istituto dell' Enciclopedia Italiana.

Knipowitsch T. 1929. *Die Keramik romischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage*. Frankfurt am Main: Baer.

Mafftoli E. 2007. La sigillata italica di Bolsena (scavi di Poggio Moscini, 1962—1973*) Mélanges de l'école française de Rome-Antiquité* 119 (2), 553—596.

McKenzie-Clark J., Magnussen J. 2018. The analysis of Italian Sigillata potters' stamps using dual energy computed tomography (DECT) and X-ray imaging. *Journal of Archaeological Science* 18, 420—429.

Papadopoulou et al. 2006: Papadopoulou N.D., Lalia-Kantouri M., Kantiranis N., Stratis A.J. 2006. Thermal and mineralogical contribution to the ancient ceramics and natural clays characterization. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry* 84, 39—45.

Rathossi C., Pontikes Y. 2010. Effect of firing temperature and atmosphere on ceramics made of NW Peloponnese clay sediments. Part I: Reaction paths, crystalline phases, microstructure and color. *Journal of the European Ceramic Society* 30, 1841—1851.

Rosado et al. 2017: Rosado L., Van Pevenage J., Vandenabeele P., Candeias A., Lopes M.C., Tavares D., Alfenim R., Schiavon N., Mirão J. 2017. Multi-analytical study of ceramic pigments application in the study of Iron Age decorated pottery from SW Iberia. In: Carbone P (ed.). *Measurement: papers pres. at the 11th International Conference on Measurement, Bratislava 2017.* Netherlands: Elsevier BV, 1—13.

Tschegg C., Ntaflos T., Hein I. 2009. Thermally Triggered Two-stage Reaction of Carbonates and Clay During Ceramic Firing — A Case Study on Bronze Age. *Applied Clay Science* 43, 69—78.

Zhuravlev D. 2002. Terra sigillata and red slip pottery in the north Pontic region (a short bibliographical survey). In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 8, 237—308.

Zhuravlev et al. 1997: Zhuravlev D., Demidenko S., Trejster M. 1997 «Kruglij Kurgan». Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz: Philipp von Zabern, 409—435.

Reference

Alekseeva, E.M. 1997. *Antichnyy gorod Gorgippiya (The ancient city of Gorgippia)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1977. *Nekropol' Tanaisa (Necropolis of Tanais)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1984. In: Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T., Dolgorukov, V.S. (eds.). Antichnye *gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya (Ancient states of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka, 231—232 (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1985. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 182, 77—84 (in Russian).

Guguev, Yu.K., Naumenko, S.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 535—577 (in Russian).

Domzhal'skiy, K., Zhuravlev, D.V. 2003. In: Zinko, V.N. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporus Readings)* IV. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (*Cimmerian Bosporus and Barbarian World during Antiquity and the Middle Ages*). Kerch: Demetra, 89—92 (in Russian).

Domzhal'skiy, K., Chistov, D.Ye. 2003. In: Sokolova, O.Yu. (ed.). *Materialy Nimfeyskoy ekspeditsii (Materials of the Nymphaeum Expedition)*. Iss. I. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 3—42 (in Russian).

D'yachkov, S.Yu. 1998. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Transactions of the State Historical Museum)* 102. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e (Hellenistic and Roman Ceramics in the Northern Black Sea Region)*, 88—93 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I—III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) (Red-gloss ceramics of the South-Western Crimea of the 1st — 3rd centuries CE (based on the materials of the late Scythian necropolises of the Belbek Valley))*.

Simferopol: Otdeleniye Instituta vostokovedeniya Natsional'noy akademii nauk Ukrainy; Blagotvoritel'nyy fond "Demetra" (in Russian).

Zhuravlev i dr. 2023: Zhuravlev, D.V., Mandrykina, A.V., Smokotina, A.V., Gur'yeva, P.V., Kovalenko, Ye.S., Ismagulov, A.M., Malozovskaya, M.S., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, Ye.B. 2023. In *Rossiyskie nanotekhnologii (Russian Nanotechnologies)* 18 (5), 612—635 (in Russian).

Zolotarev, Korobkov, Ushakov 1994: NA GIAMZ KHT. D. 3219.8. Zolotarev M.I., Korobkov D.Yu., Ushakov S.V. 1994. Otchet o raskopkakh v Severo-vostochnom rayone Khersonesa v 1994 g.

Knipovich, T.N. 1952. *Krasnolakovaya keramika pervykh vekov n.e. iz raskopok Bosporskoy ekspeditsii 1935—1940 gg. (Red-gloss ceramics of the first centuries CE from excavations of the Bosporus expedition of 1935—1940)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 318—320 (Materials and research on the archaeology of the USSR 25) (in Russian).

Konyukhov, A.I., Emel'yanenko, O.A., Kosorukov, V.L. 2015. In: Dmitriyevskiy, A.N., Yapaskurt, O.V., Postnikova, O.V. (eds.). *Evolyutsiya osadochnykh protsessov v istorii Zemli. Materialy VIII Vserossiyskogo litologicheskogo soveshchaniya (Moskva, 27-30 oktyabrya 2015 g.) (Evolution of sedimentary processes in the history of the Earth. Proceedings of the VIII All-Russian lithological conference (Moscow, October 27-30, 2015))*. Vol. 1. Moscow: RGUNG im. I.M. Gubkina, 248—251 (in Russian).

Salakhov, A.M. 2016. *Sovremennye keramicheskie materialy (Modern ceramic materials)*. Kazan: KFU (in Russian).

Ushakov, S.V. 1997. In: Antonova, I.A. (ed.). *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskiy aspekt. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Sevastopol', 29 avgusta — 1 sentyabrya 1997 g.) (Chersonesos in the ancient world. Historical and archaeological aspect. Abstracts of reports of the international conference (Sevastopol, August 29 — September 1, 1997))*. Sevastopol: Istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik "Khersones Tavricheskiy", 120—122 (in Russian).

Ushakov, S.V. 2004. In *Antichnaya Drevnost' i Srednie Veka* 36, 22—33 (in Russian).

Ushakov, S.V. 2015. In: D'yachkov S.V. (ed.) *Antichnyy mir i Sredniye veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeyeva. Materialy (The Ancient World and the Middle Ages: Readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev. Materials)*. Laurea I. Kharkov: NTMT, 198—203 (in Russian).

Shelov, D.B. 1961. *Nekropol' Tanaisa (Necropolis of Tanais)*. Moscow: AN SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR 98) (in Russian).

Abdel Rahim, N.S. 2016. Analytical Study and Conservation of Archaeological Terra Sigıllata Ware from Roman Period, Tripoli, Libya. *Scientific culture* 2 (2), 19—27.

Appolonia, L. 1999. Technological Features of Roman Terra Sigillata from Gallic and Italian Centres of Production. *Journal of Archaeological Science* 26, 1427—1435.

Arsen'eva, T.M., Böttger, B. 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998. *Eurasia Antiqua* 5, 411—443.

Arsen'eva, T.M., Domzalski, K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Cau Ontiveros, M.A., Day, P.M., Montana, G. 2002. Secondary calcite in archaeological ceramics: Evaluation of contamination and alteration processes by thin section study. In: Kilikoglou, V., Hein, A., Maniatis, Y. (eds.) *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics: papers pres. at the 5th Europ. meet. on ancient ceramics, Athens 1999.* Oxford: Archaeopress, 8—18.

Daszkiewicz et al. 2018: Daszkiewicz, M., Schneider, G., Rotroff, S.I., Owen, R. 2018. Eastern Sigillata at Sardis: Evidence for a Local Industry. *Bulletin of ASOR* 308, 133—204.

Daszkiewicz, M., Schneider, G. 2005. Chemische Analysen von Late Roman C-Ware aus Ephesos, Beitrag zu Ladstätter S., Sauer R. Late Roman C-Ware und locale spätantike Feinware aus Ephesos. *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos. Archäologische Forschungen* 13, 165—167.

De Soto et al. 2016: De Soto, I.S., García Giménez, R., Reyes de Soto, M. 2016. Roman ceramic pieces from central Spain: visual, textural, chemical, mineralogical and statistical analysis. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 16 (1), 237—248.

Domzalski, K. 2021. *Pontic red slip ware. Typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the black sea region. Bibliotheca Antiqua* XXV. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology.

Drieu, L. 2020. A pottery biography: considering the entire lifecycle of a pot in organic residue analysis. *ArcheoSciences, revue d'archéométrie* 44 (2), 129—143.

Gattiglia, G., Dubbini, N., Anichini F: 2021. Spatio-temporal network analysis applied to Roman terra sigillata. *Archeological data* I, 63—85.

Gilstrap et al. 2021: Gilstrap, W.D., Meanwell, J.L., Paris, E.H., López Bravo, R., Day, P.M. 2021. Post-Depositional Alteration of Calcium Carbonate Phases in Archaeological Ceramics: Depletion and Redistribution Effects. *Minerals* 11 (7), 3—33.

Grifa et al. 2019: Grifa, C., Germinario, C., De Bonis, A., Langella, A. 2019. Comparing ceramic technologies: The production of Terra Sigillata in Puteoli and in the Bay of Naple. *Journal of Archaeological Science* 23, 291—303.

Guarino et al. 2011: Guarino, V., De Bonis, A., Grifa, C., Langella, A. 2011. Archaeometric Study on Terra Sigillata from Cales (Italy). *Periodico di Mineralogia* 80 (3), 455—470.

Hayes, J.W. 1985. *Sigillate Orientali. Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Roma: Istituto dell' Enciclopedia Italiana.

Knipowitsch, T. 1929. *Die Keramik romischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage*. Frankfurt am Main: Baer.

Mafftoli, E. 2007. La sigillata italica di Bolsena (scavi di Poggio Moscini, 1962—1973*) Mélanges de l'école française de Rome-Antiquité* 119 (2), 553—596.

McKenzie-Clark, J., Magnussen, J. 2018. The analysis of Italian Sigillata potters' stamps using dual energy computed tomography (DECT) and X-ray imaging. *Journal of Archaeological Science* 18, 420—429.

Papadopoulou et al. 2006: Papadopoulou, N.D., Lalia-Kantouri, M., Kantiranis, N., Stratis, A.J. 2006. Thermal and mineralogical contribution to the ancient ceramics and natural clays characterization. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry* 84, 39—45.

Rathossi, C., Pontikes, Y. 2010. Effect of firing temperature and atmosphere on ceramics made of NW Peloponnese clay sediments. Part I: Reaction paths, crystalline phases, microstructure and color. *Journal of the European Ceramic Society* 30, 1841—1851.

Rosado et al. 2017: Rosado, L., Van Pevenage, J., Vandenabeele, P., Candeias, A., Lopes, M.C., Tavares, D., Alfenim, R., Schiavon, N., Mirão, J. 2017. Multi-analytical study of ceramic pigments application in the study of Iron Age decorated pottery from SW Iberia. In: Carbone, P (ed.). *Measurement: papers pres. at the 11th International Conference on Measurement, Bratislava 2017.* Netherlands: Elsevier BV, 1—13.

Tschegg, C., Ntaflos, T., Hein, I. 2009. Thermally Triggered Two-stage Reaction of Carbonates and Clay During Ceramic Firing — A Case Study on Bronze Age. *Applied Clay Science* 43, 69—78.

Zhuravlev, D. 2002. Terra sigillata and red slip pottery in the north Pontic region (a short bibliographical survey). In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 8, 237—308.

Zhuravlev et al. 1997: Zhuravlev, D., Demidenko, S., Trejster, M. 1997 «Kruglij Kurgan». Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3. Mainz: Philipp von Zabern, 409—435.

Таблица 5. Минеральный состав кристаллической фазы краснолакового керамического материала из Танаиса

№	№ в партии	Обломочные минералы			слюда	Px	HB	хлорит	гематит	смектит	цеолит	кальцит	комментарии
		кварц	PL	КПШ									
1	T1	36	4	10	12	—	—	—	5	—	—	33	Сильно известковистый образец
2	T2	41	5	3	29	14	—	—	8	—	—	—	Пироксен+ отсутствие карбоната
3	T3	24	48	—	3	11	—	—	1	—	*1*	12	Много пироксена + высокая известковистость
4	T4	31	20	14	6	21	—	—	3	—	—	5	
5	T5	61	23	6	—	4	—	—	—	—	—	6	
6	T6	54	22	10	1	4	—	—	2	—	—	7	
7	T7	30	29	13	3	13	—	сл	2	4	—	6	Сохранились глинистые минералы — слабый обжиг?
8	T8	23	31	11	1	28	—	—	6	—	—	—	Много пироксена + отсутствие карбоната
9	T9	36	35	10	12	—	—	—	7	—	—	—	Образцы без пироксена и кальцита.
10	T10	65	14	13	2	—	—	—	6	—	—	—	
11	T11	63	21	11	—	—	—	—	5	—	—	—	
12	T12	29	25	4	8	6	—	—	3	—	—	25	Сильно известковистый образец
13	T13	53	24	7	—	—	11	—	5	—	—	—	Образец с амфиболом
14	T14	63	17	4	7	—	—	—	9	—	—	—	Образцы без пироксена и кальцита.
15	T15	45	37	8	1	—	—	—	7	—	—	2	
16	T16	50	15	6	13	8	—	—	4	—	—	3	
17	T17	59	18	5	3	13	—	—	2	—	—	—	Много пироксена + отсутствие карбоната
18	T18	31	20	32	3	11	—	—	3	—	—	—	Много пироксена + отсутствие карбоната
19	T19	42	24	3	16	5	—	—	10	—	—	—	
20	T20	62	16	4	10	—	—	—	3	—	—	5	
21	T21	82	5	6	3	3	—	—	1	—	—	—	
22	T22	27	45	8	—	18	—	—	2	—	—	—	Много пироксена + отсутствие карбоната
23	T23	59	25	12	—	—	—	—	4	—	—	—	Образцы без пироксена и кальцита.
24	T24	41	36	8	1	5	—	—	5	—	—	4	
25	T25	27	36	8	1	15	—	—	3	—	—	10	Много пироксена + высокая известковистость
26	T26	56	34	7	—	—	—	—	3	—	—	—	Образцы без пироксена и кальцита.
27	T27	20	25	7	8	16	—	—	3	—	—	21	Сильно известковистый образец

Рис. 1. Постройка 4, подвал 3 на раскопе XIX: *1* — план постройки 4; *2* — подвал 3, вид с запада; *3* — подвал, вид с востока; *4* — северо-западный угол подвала, вид с ЮВ.

Fig. 1. Building 4, room 3 on the Trench XIX: *1* — plan of the building 4; *2* — basement 3, view from the west; *3* — basement, view from the cast; *4* — north-western corner of the basement, view from the South—East.

Рис. 2. Понтийская сигиллата — T.4, T.5, T.15, T.12, T.16, T.22, T.27. **Eastern sigillata C** — T.13, T.2; **Неопределенная форма** — T.7.

Fig. 2. Pontic sigillata — T.4, T.5, T.15, T.12, T.16, T.22, T.27. **Eastern sigillata C** — T.13, T.2; **Indefinite form** — T.7.

Рис. 3. Понтийская сигиллата — Т.18, Т.6, Т.23, Т.21, Т.1, Т.9, Т.8; **«Херсонесская сигиллата»** — Т.18; **Неопределенная форма** — Т.25.

Fig. 3. Pontic sigillata — T.18, T.6, T.23, T.21, T.1, T.9, T.8; **“Chersonesos sigillata”** — T18; **Indefinite form** — T.2, T.25.

Рис. 4. Понтийская сигиллата — T.14, T.20, T.19, T.17, T.11, T.26, T.24; **«Херсонесская сигиллата»** — T.10.

Fig. 4. Pontic sigillata — T.14, T.20, T.19, T.17, T.11, T.26, T.24; **“Chersonesos sigillata”** — T.10.

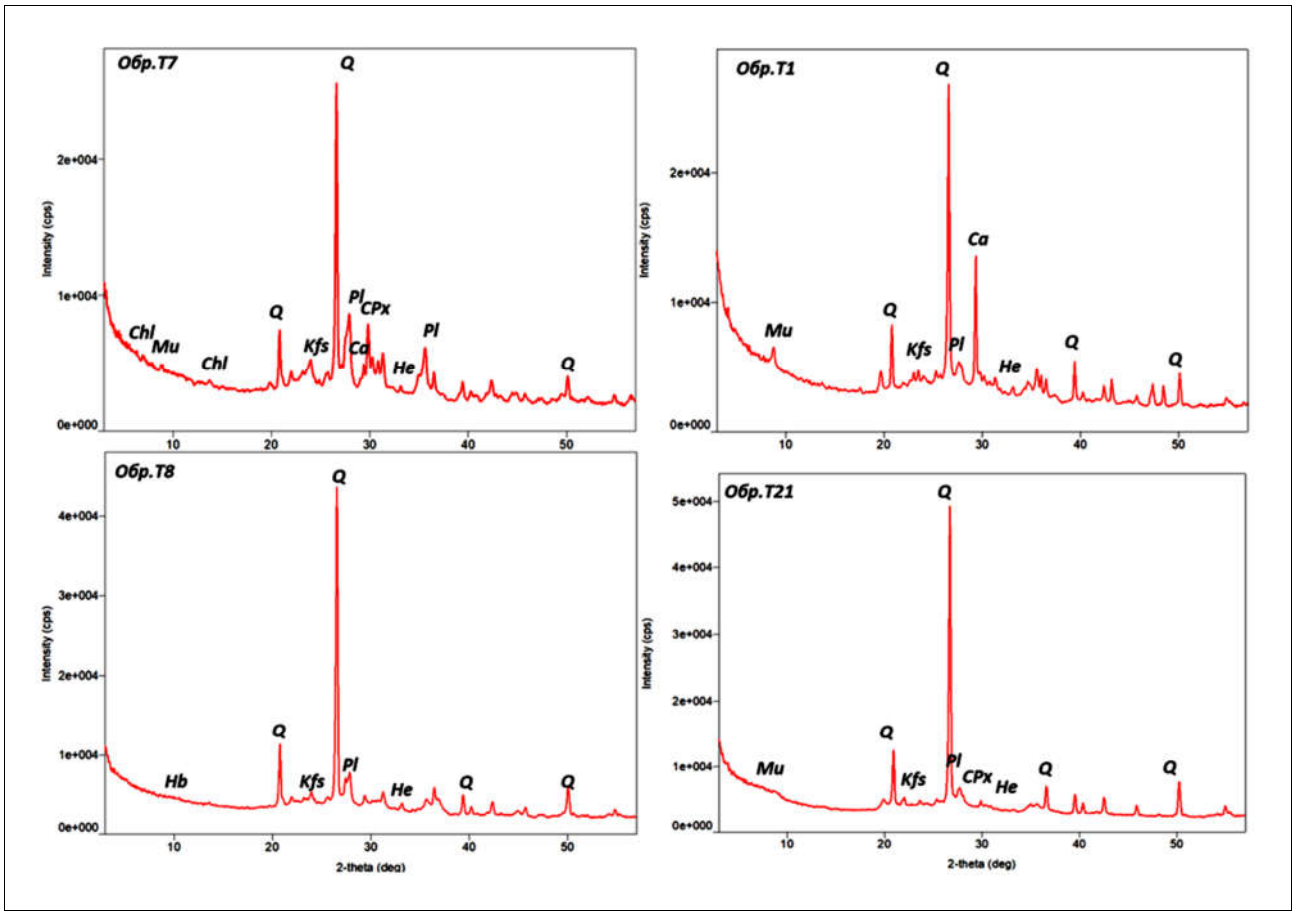


Рис. 5. Примеры дифрактограмм образцов *(1, 7, 8, 21)* **краснолаковой керамики из Танаиса.** Обозначены пики отражений, соответствующие минералам: Q — кварц, Pl — плагиоклаз, Kfs — калиевый полевой шпат, Mu — мусковит, CPx — клинопироксен, Hb — роговая обманка, Chl — хлорит, He — гематит, Ca — кальцит.

Fig. 5. Examples of diffractograms *(1, 7, 8, 21)* **of red slipe ware from Tanais.** Reflection peaks corresponding to minerals are indicated: Q — quartz, Pl — plagioclase, Kfs — potassium feldspar, Mu — muscovite, CPx — clinopyroxene, Hb — hornblende, Chl — chlorite, He — hematite, Ca — calcite.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.45.22.019

А.Н. Свиридов

ОБ УСТРОЙСТВЕ ПЕРЕКРЫТИЙ В ПОДБОЙНЫХ МОГИЛАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА НЕКРОПОЛЯХ БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА*

Представлены предварительные наблюдения по одному из малоизученных аспектов устройства погребальных сооружений римского времени Юго-Западного Крыма — способам перекрытия подбойных ниш. На материалах полностью раскопанного некрополя Фронтовое 3 предлагается классификация перекрытий подбоев, включающая два типа, различающихся отсутствием или наличием камня. Для второго типа выделено пять вариантов размещения камней в закладе. Полученные данные сопоставлены с материалами синхронных, наиболее полно раскопанных некрополей, расположенных в ближайшей округе Херсонеса. Там обнаружились те же варианты перекрытий, что и в некрополе Фронтовое 3. Выдвинута гипотеза о хронологических различиях этих вариантов.

Ключевые слова: подбой, заклад, могила, некрополь, округа Херсонеса, римское время.

Сведения об авторе: Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН.

Контактная информация: 17292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН, e-mail: a_sviridov@mail.ru.

A.N. Sviridov

THE STRUCTURE OF COVERINGS IN SIDE CHAMBER GRAVES OF THE ROMAN PERIOD IN NECROPOLEIS NEAR CHERSONESUS

Preliminary observations are presented on the ways of closing the side chambers in graves, which is among the aspects of burial structures of the Roman period in Southwestern Crimea that has been limitedly studied. Based on the data from the Frontovoe 3 cemetery, a classification is proposed, with two types of coverings, one of which used stones and the other did not. The second type, in particular, represents five modes of placing stones above the chamber in the fill of the pit. The classification was then extrapolated to the most fully excavated necropoleis of the same period in the vicinity of Chersonesus, and since a similar diversity of grave coverings has now been recorded elsewhere, a hypothesis is proposed that this was due to chronological reasons.

Key words: undercut, stone barrier, grave, necropolis, vicinity of Chersonesus, Roman period.

About the author: Sviridov Aleksey Nicolaevich, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences.

Contact information: 117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova St., Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, e-mail: a_sviridov@mail.ru.

Изучение погребальных памятников первых веков н.э. в Юго-Западном Крыму продолжается уже около 190 лет. Начало было положено еще в 1834 г. Дюбуа де Монпере на некрополе Неаполя Скифского (Бабенчиков 1957: 94). На сегодняшний день в результате

* Исследование выполнено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010—2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Статья поступила в номер 31 июля 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.

© А.Н. Свиридов, 2024.

всестороннего исследования погребальных комплексов накоплен огромный объем информации. Но несмотря на это, многие аспекты материальной и духовной культуры населения рассматриваемого региона в римское время остаются дискуссионными. В том числе это относится и к реконструкции погребального обряда. Одним из основных погребальных сооружений на рубеже эр в Крыму являются подбойные могилы. Появление их в регионе большинством исследователей традиционно связывается с притоком нового, сарматизированного населения (Гущина 1967: 40; Пуздровский 1994: 401—402; Храпунов 2002: 78). В отдельных работах поднимаются вопросы о связи подобных погребальных сооружений с местными традициями (Высотская 1987: 49—50). Более подробное изучение структуры подбойных захоронений, отдельных конструктивных элементов, а также их сравнение с кругом аналогий из других регионов позволило бы более четко ответить на вопросы об этнической принадлежности населения, хоронившего в могилах с подбоями.

Одним из мало разработанных вопросов в изучении подбойных погребений является детальное рассмотрение типов перекрытия подбоя. Традиционно этому вопросу исследователи уделяли мало внимания, зачастую указывая лишь о наличии каменного перекрытия. Чаще всего упоминается о каменных плитах установленных вертикально, иногда с небольшим наклоном к подбою.

В работе, посвященной населению долины реки Бельбек в сарматскую эпоху, И.И. Гущина отмечает, что для рассматриваемых могильников подбойная камера отделялась от входной ямы каменными вертикально стоящими плитами, входные ямы часто забивались камнями (Гущина 1974: 34). О.Д. Дашевская указывает, что подбойные могилы в некрополях Юго-Западного Крыма составляют 33,5% от общего числа захоронений, чаще всего подбои перегорожены каменными плитами (Дашевская 1991: 26).

Н.А. Богданова характеризуя погребальный обряд подбойных могил из некрополей первых веков н.э., расположенных в долинах Крымских рек Альмы, Бельбека и Черной, приводит информацию о использовании для перекрытия плоских каменных плит, вкопанных наклонно к погребенному (Богданова 1982: 32). Для некрополя Херсонеса В.М. Зубарь отмечает, что подбойные могилы иногда закрывались вертикально поставленными плитами (Зубарь 1982: 18).

А.Е. Пуздровский подчеркивал, что конструкция подбойных могил Крымской Скифии отличается широким применением камня. Исследователь указывал на наличие различий в приемах сооружения между районами Центрального и Юго-Западного Крыма и отмечал, что заклады характеризовались значительной мощностью и тщательностью исполнения. По его данным, в месте перехода ступеньки из входной ямы в камеру укладывались один-два ряда плоских плит, на которые устанавливались вертикально собственно плиты заклада, иногда достигая двух-трех слоев. Щели между камнями заполнялись мелкими обломками. Оставшееся во входной яме пространство забивалось и заклинивалось бутовым камнем (Пуздровский 2007: 109).

С.А. Мульд характеризуя конструкции подбойных могил населения Крыма I—V вв. отмечает, что заклады состоят преимущественно из каменных плит, поставленных на ребро. Иногда перекрытия представлены более фундаментальными конструкциями, состоящими из 2—3 рядов плит. Нередко заклады отсутствуют вовсе, а могилы полностью заполнены грунтом. Помимо этого, в единичных случаях отмечаются деревянные заклады и заклады в виде каменной кладки на каменном растворе (Мульд 1996: 284—285).

На материалах могильника Нейзац авторам раскопок удалось проследить некоторое разнообразие в типах перекрытия подбойных ниш. В специальной работе, посвященной погребальным сооружениям указанного некрополя, С.А. Мульд подробно рассмотрел характеристику закладов. Наиболее распространенным, по его мнению, можно считать вариант, когда каменные плиты устанавливаются на ребро. В отдельных случаях встречен ряд уплощенных камней с установленными на них вертикальными плитами. Так же на памятнике известны могилы с закладом, сложенным из камней небольших размеров в виде иррегулярной кладки в 3—4 ряда. Для 55 непотревоженных комплексов характерно

отсутствие каменного заклада, исследователь предполагает, что в таких случаях использовались деревянные загородки (Мульд 2016: 47).

В опубликованном монографическом издании, посвященном могильнику Севастопольский (Совхоз-10), приведена информация о том, что подбой обычно закрывала одна большая плита, либо несколько плит или бутовый камень. Отмечается так же, что в ряде могил каменный заклад не прослежен, для подобных случаев предполагается, что заклад мог быть деревянным (Стржелецкий и др. 2003—2004: 37). В публикации материалов могильника Бельбек IV авторы указывают, что подбойные камеры закрывались вертикально стоящими каменными плитами, которые под тяжестью земли часто оказывались в сильно наклонном положении (Гущина, Журавлев 2016: 9). В могильниках Чернореченский и Инкерманский описание подбоев дается в каждой могиле, при этом для Чернореченского указывается, что подбои перекрывались большими плоскими необтесанными каменными плитами, поставленными на ребро, при этом высота их превышала высоту подбоя (Бабенчиков 1963: 90). Помимо вышеуказанных памятников необходимо обратить внимание на перекрытие подбоя в могиле № 12 некрополя Красный Мак. В двухподбойной могиле северный подбой был перекрыт комбинированно из каменных плит и можевеловых столбиков, которых сохранилось 10. Южный подбой был перекрыт только подобными столбиками. Высота их достигала 0,8—0,85 м. (Лобода 2005: 202—203, рис. 14).

Таким образом можно констатировать, что, исходя из опубликованных данных для подавляющего большинства погребений Центрального и Юго-Западного Крыма характерно наличие перекрытия именно из вертикально установленных плит. Для отдельных комплексов некоторых памятников известны и другие варианты размещения камня в перекрытии подбоя. Помимо этого, выявлены погребения и без каменного перекрытия. Более подробного анализа каменных закладов или выделения их типов исследователями произведено не было.

Ещё меньше внимания исследователи уделяли вопросу о хронологических различиях разных типов закладов. К примеру И.Н. Храпунов отмечал, что в материалах выделенной им нейзацкой археологической культуры в более ранних могилах использовалась кладка из мелких камней при общем преобладании в некрополях закладов из плит (Храпунов 2019: 34).

В полевом сезоне 2018 г. отдельным отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции был открыт и полностью исследован новый грунтовый могильник римского времени Фронтовое 3 (Гавритухин и др. 2020; Свиридов, Язиков 2023). Материалы этого некрополя позволяют обратиться к более подробному рассмотрению вопроса о способах разграничения пространства входной ямы и погребальной ниши в подбойных захоронениях, использовавшихся населением Юго-Западного Крыма в первой половине I тыс. н.э.

Для проведения анализа типов перекрытия подбоев в настоящей работе использованы данные по 363 отдельным подбоям, происходящим из одноподбойных и двухподбойных могил некрополя Фронтовое 3 (рис. 1).

Классификация подбоев могильника Фронтовое 3

По материалам Фронтового 3 выявлены два основных типа перекрытия подбоя: первый — без использования каменного заклада, второй — с применением камня (рис. 2). Погребений, относящихся к первому типу, на памятнике открыто 38 (10,5%) (рис. 1: а). В подобных могилах захоронение совершалось либо без применения какого-либо перекрытия, либо использовался деревянный заклад, который в силу особенностей почвы не сохранился (рис. 3: 1) В одном случае между входной ямой и подбоем располагался материковый выступ.

В погребениях, где присутствовал каменный заклад, можно выделить пять вариантов его размещения.

Вариант 1. Заклад в виде одного, часто не полного ряда камней. Всего подобная практика зафиксирована не менее 17 раз (4,7%) (рис. 1: б). При таком расположении камни чаще уложены плашмя, размещаются как по всей длине подбоя, так и в отдельные его зонах (рис. 3: 2).

Возможно, что при совершении погребения подобные камни могли служить своеобразной подпоркой для деревянного перекрытия. Ранее к погребениям с закладом в виде одного ряда камней нами был отнесены и комплексы в которых мелкие одиночные камни подпирают непосредственно костяк погребённого (пример на рис. 3: 3) (Свиридов, Язиков 2022: рис. 1: д). Позже стало очевидно, что расположение отдельных камней под черепом, рукой или ногой погребенного является традицией, связанной с комплексом мероприятий, направленных на размещение усопшего в могиле, а не с перекрытием подбоя. Практика «подклада» камней под погребенного выявлена как в могилах без каменного заклада, так и в могилах с каменным перекрытием, а также в отдельных случаях у погребенных в грунтовых склепах.

Вариант 2. (43 случая — 11,8%) представлен плитами различного размера, установленными на ребро, часто с наклоном к подбою (рис. 1: в). Пространство между плитами в большинстве случаев аккуратно закладывалось мелким камнем, в отдельных случаях плиты были подпертыми вторым рядом грубых камней (рис. 4: 1, 3, 4).

Вариант 3, наиболее многочисленный (129 случая — 35,5%), представлен размещением вертикальных плит на одном или нескольких уровнях горизонтальных камней (рис. 1: г, 4: 2, 5—7), в отдельных случаях встречается комбинация навала камней с расположенным со стороны подбоя одним рядом вертикально установленных плоских камней (рис. 4: 8).

Вариант 4 представлен бессистемным навалом камней различного размера и формы (94 случая — 25,9%) (рис. 1: д). В таких могилах заклад может занимать как все пространство входной ямы до свода подбоя, так и только нижнюю ее часть (рис. 5: 1—3).

В отдельный, **Вариант 5** выделена система организации заклада, когда крупные, зачастую плоские камни укладывались горизонтально, подобно регулярной кладке (42 случая — 11,6%) (рис. 1: е, 5: 4—6). Четвертый и пятый варианты зачастую очень схожи по составу и вероятнее всего являются различными приемами одной традиции перекрытия подбоя.

Планиграфия и хронология подбоев могильника Фронтовое 3

Различные типы и варианты перекрытия подбоя распространены на памятнике неравномерно (рис. 1). Для ранней части могильника, датированной последними десятилетиями I —первой половины II вв. характерно разнообразие. Преобладает расположение вертикально установленных крупных плит непосредственно на дно входной ямы. Незначительно представлены перекрытия подбоев из плит, установленных на горизонтально уложенные камни. Для этой же части характерно большинство погребений без каменного заклада, а также локальное сосредоточение комплексов с рядом камней по дну.

С середины — второй половины II в ситуация меняется. Значительно увеличивается количество могил, в которых каменные плиты расположены не только на земле, но и на горизонтально уложенных рядах из камня. Чаще всего таких рядов зафиксировано два, но встречаются заклады, в которых насчитывается по 3, 4 или даже 5 рядов, расположенных под вертикально установленными камнями. С этого же периода активно начинает применяться практика бессистемного навала камней или положения камней горизонтально в своеобразную кладку. Судя по планиграфии распространения погребений с каменными закладами, различные практики перекрытия подбоев используется населением параллельно. К первой половине III в. перестают совершаться погребения без каменного заклада. Для середины III века в центральной части могильника выделяется компактная группа погребений, в которых заклад перекрыт хаотичным набросом камней или камни уложены горизонтально. В тоже время в центральной части и на ЮЗ локально выявлены неглубокие, зачастую безинвентарные погребения с одним рядом камней. Погребения с перекрытием подбоя в виде горизонтально уложенных камней или хаотичного наброса совершаются до первой половины IV в. Среди поздних комплексов могильника, расположенных на крайнем юго-западе, распространена только практика использования вертикально установленных плит на земле или на горизонтально уложенных камнях. Другие формы заклада не встречаются.

Забутовка входной ямы камнем не характерна для погребальных комплексов могильника, подобные случае единичны. Чаще в верхних слоях заполнения присутствуют один или несколько крупных камней.

В результате проведенного анализа способов перекрытия подбоев на Фронтовом 3 было выявлено, что практика сооружения заклада менялась с течением времени, одни варианты выходили из употребления, другие получали распространение. В связи с этим важным моментом является сравнение полученных по материалам могильника данных с другими синхронными памятниками региона.

Распространение различных типов и вариантов подбоев в синхронных некрополях ближайшей округи Херсонеса

Полученные по материалам некрополя Фронтовое 3 результаты были подвергнуты сравнению с другими синхронными памятниками, распложёнными по берегам рек Черная и Бельбек, относящиеся к ближайшей округе Херсонеса. Всего на обозначенной территории известно не менее 16 могильников, изученных в различной степени (Зайцев 2022: рис. 1). Для сравнения форм перекрытия подбойной ниши нами были детально рассмотрены материалы некрополей Бельбек IV, Севастопольский (Совхоз-10), Чернорченский, Инкерманский. Эти погребальные памятники округи Херсонеса раскопаны наиболее полно, а их материалы доступны для анализа либо по архивным данным, либо по публикациям.

По могильнику Севастопольский были проанализированы данные из археологических отчетов по 240 отдельным подбоям (Стржелецкий 1956; 1961; 1962; 1964; 1965). Погребальные сооружения на некрополе зачастую прорезаны или перекрыты урновыми захоронениями или каменными ящиками, но несмотря на это, по текстовому описанию и иллюстрациям удалось установить, что перекрытие подбойных могил имеет определенную вариативность. Значительно преобладает заклад в виде вертикально установленных плит (тип 2, вариант 2), всего подобная практика отмечена в 116 комплексах (рис. 6: 1, 3). Расположение вертикальных камней на горизонтальных (тип 2, вариант 3) отмечено в 4 случаях. Вместе они составляет 50% от общего количества рассмотренных комплексов. Отсутствие каменного заклада (тип 1) отмечено в 40 могилах (17%). Перекрытие подбоя бутовым камнем в виде навала (тип 2, вариант 4) или ряда камней (тип 2, вариант 1) выявлено в 79 случаях (33%) (рис. 6: 2, 4—5).

Для могильника Бельбек IV выборка составила 216 отдельных подбоев (Гущина, Журавлев 2016; Труфанов, Стоянова 2023). Практически всегда заклад представлял собой вертикально установленные камни (тип 2, вариант 2), всего подобных случаев 191, для 9 комплексах указанно, что горизонтальные установлены на вертикальных (тип 2, вариант 3), вместе это составляет 93,5%. В 14 случаях (6,5%) судя по описанию и планам подбой перекрывал один ряд или навал из не крупных камней, либо камни были уложенные горизонтально (тип 2, варианты 1, 4, 5). Погребальные сооружения могильника Бельбек IV датированы авторами публикации. Можно отметить, что в 7 случаях могилы, в которых заклад представлен в виде вариантов 4 или 5 второго типа соотносились со временем не ранее второй половины II в., а некоторые и началом III в. Тогда как всего восемь комплексов из 189 имеющих вертикальный заклад (тип 2, вариант 2) датируется не ранее второй половины II в.

В Чернореченском некрополе открыто 38 подбойных захоронений. Данные из отчета несколько отличаются от опубликованных в 1963 г. материалов. В подавляющем большинстве погребений заклад представлен плитами, установленными на ребро (тип 2, вариант 2) (92,1%). Судя по данным отчета, по крайней мере для трех случаев (могилы 50, 59, 72 по полевой нумерации) характерен был заклад из бутового камня отмеченный как «большое число мелких камней», «камней сравнительно небольшой величины», «грубых камней», который может быть соотнесен с вариантом 4, типа 2, и составляет 7,9% от общего количества подбойных могил (Веймарн 1948).

В Инкерманском могильнике из 26 подбойных могил заклад описан у 20 комплексов (Веймарн 1963). Практически всегда он представлен перекрытием из 2—4 плит, установленных вертикально, пространство между которыми закрыто более мелким камнем (тип 2, вариант 2) (рис. 6: 6). В одном случае (могила 30) вертикальные плиты были установлены на горизонтальных (тип 2, вариант 3).

Вывод

В отдельной сводной таблице приведено сравнение полученных в результате анализа данных (рис. 7). Для унификации в таблице объединены в одну группу перекрытия из вертикально поставленных плит и вертикально поставленных плит на горизонтальных камнях, как варианты несомненно близких традиций. В одну группу данных объединены также сведения о каменных навалах и горизонтально уложенных камнях, которые скорее всего так же являются вариантами близких традиции (для Фронтового 3 сюда же отнесен и вариант заклада в виде одного неполного ряда камней). В результате анализа типов перекрытия подбойных захоронений на рассматриваемых памятниках можно указывать на два основных момента. Первый момент — для большинства памятников характерна вариабельность перекрытия, при этом преобладает каменный заклад из вертикально установленных плит. Для отдельных некрополей (Фронтовое 3 и Севастопольский) вариативность перекрытия подбоя шире в типологическом плане, для других (Инкерманский или Бельбек IV) она меньше. Могильники Фронтовое 3 и Севастопольский сближает в процентном соотношении наличие могил без каменного заклада и могил с навалом камня, при этом количество могил с перекрытием подбоя в виде навала камней достаточно высоко для обоих памятников. Напротив, для некрополей Бельбек IV, Инкерманский и Чернореченский не характерно наличие погребений без каменных закладов, а также минимально выявлены погребения с закладом в виде навала.

Второй момент — судя по материалам некрополей существует хронологическая привязка отдельных типов перекрытия подбоев. Наиболее ярко она выражена на могильнике Фронтовое 3, проявляется и на других памятниках (Бельбек IV, Севастопольский), но в значительно меньшей степени. В частности, перекрытие подбоя навалом камней, рядами бутового камня или камнем, уложенным горизонтально характерно для периода с середины II до конца III — начала IV вв. Погребения без каменного перекрытия характерны для ранних периодов могильника Фронтовое 3 и Севастопольский.

Детальное рассмотрение типов закладов в подбойных могилах — направление мало разработанное. В статье представлены предварительные наблюдения по ряду могильников расположенных в течении рек Бельбек и Черная. Дальнейший анализ и накопление материалов по другим памятникам Юго-Западного Крыма поможет лучше понять не только структуру и особенности сооружения погребальных сооружений, но и позволит делать более взвешенные выводы об возможной этнической или культурной составляющей отдельных особенностей в обустройстве погребальных сооружений.

Литература

Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского. В: Шульц П.Н. (отв. ред). *История и археология древнего Крыма*. Киев: АН УССР, 94—141.

Бабенчиков В.П. 1963. Чорноріченський могильник. *Археологічні пам'ятки УРСР* 13, 90—122.

Богданова Н.А. 1982. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму. В: Талис Д.Л. (ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Ч. 2. Москва: ГИМ, 31—39, 97—99 (Тр. ГИМ 54).

Веймарн 1948: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 188-191. Веймарн Е.В. Отчет о полевых работах в Инкермане в 1948 г.

Веймарн Е.В. 1963. Археологические работы в районе Инкермана. Инкерманский могильник. *Археологічні пам'ятки УРСР* 13, 15—42.

Высотская Т.Н. 1987. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников). В: Айбабин А.И., Высотская Т.Н., Зубарь В.М. (ред. кол.). *Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. — VII в. н.э.).* Киев: Наукова думка, 40—67.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91—110.

Гущина И.И. 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму (По материалам некоторых могильников I—IV вв. *СА* 1, 40—51.

Гущина И.И. 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). В: Талис Д.Л. (ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Ч. 1. Москва: ГИМ, 32—64, 127—145.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Западном Крыму*. Ч. 1. Москва: Исторический музей.

Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).

Зайцев Ю.П. 2022. Некрополи Крымского бабрбарикума I—IV вв. н. э. В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (отв. ред.). *Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи*. Москва: ИА РАН, 102—122.

Зубарь В.М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н.э.* Киев: Наукова думка.

Лобода И.И. 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983—1984 гг. *МАИЭТ* XI, 192—251.

Мульд С.А. 1996. Могильники варварского населения Крыма I—V вв. н.э. *МАИЭТ* V, 279—303, 541—548.

Мульд С.А. 2016. Погребальные сооружения могильника Нейзац. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* II. *20 лет исследований могильника Нейзац*, 37—75.

Пуздровский А.Е. 1994. О сарматах в Крыму. *МАИЭТ* IV, 397—405.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2022. Могильник Фронтовое 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (отв. ред.). *Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи*. Москва: ИА РАН, 15—21.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2023. *Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму*. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 1).

Стржелецкий 1956: Архив ГИАМЗ Херсонес Таврический. Ф. 1. Д. 747/1-3. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника в совхозе № 10 в 1956 г.

Стржелецкий 1961: Архив ГИАМЗ Херсонес Таврический. Ф. 1. Д. 854/1-6. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III—IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы «Сахарная головка» на территории Совхоза «Севастопольский» № 10 в 1961 г.

Стржелецкий 1962: Архив ГИАМЗ Херсонес Таврический. Ф. 1. Д. 856/1,3а,3б. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника (III—IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы «Сахарная головка» на территории парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (№ 10) в 1962 г.

Стржелецкий 1964: Архив ГИАМЗ Херсонес Таврический. Ф. 1. Д. 1160/, 1308. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника (III—IV вв.) на территории совхоза «Севастопольский» (быв. № 10) в Инкерманской долине.

Стржелецкий 1965: Архив ГИАМЗ Херсонес Таврический. Ф. 1. Д. 1189, 1190. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника (III—IV вв.) на территории теплично-паркового хозяйства совхоза «Севастопольский» (быв. № 10) в Инкерманской долине.

Стржелецкий и др. 2003—2004: Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. 2003—2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27—277.

Труфанов А.А., Стоянова А.А. 2023. *Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.)*. Симферополь: ИТ «Ариал» (Археологические памятники Северного Причерноморья 5).

Храпунов И.Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. н.э.)*. Lublin: UMCS (Monumenta Studia Gothica II).

Храпунов И.Н. 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму *РА* 1, 32—49.

References

Babenchikov, V.P. 1957. In: Shults, P.N. (ed). *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma (History and archeology of ancient Crimea)*. Kyiv: AN USSR, 94—141 (in Russian).

Babenchikov, V.P. 1963. In *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 13, 90—122 (in Ukrainia).

Bogdanova, N.A. 1982. In: Talis, D.L. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological research in the south of Eastern Europe)*. Pt. 2. Moscow: GIM, 31—39, 97—99 (Proceedings of the State Historical Museum 54) (in Russian).

Veimarn 1948: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 188-191. Veimarn E.V. Otchet o polevich rabotach v Incermane v 1948 g.

Veimarn, E.V. 1963. In *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* 13, 15—42 (in Russian).

Vysotskaya, T.N. 1987. In: Aybabin, A.I., Vysotskaya, T.N., Zubar, V.M. (eds.). *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma (VII v. do n.e. — VII v. n.e.) (Materials for the ethnic history of Crimea (7th century BCE — 7th century CE))*. Kyiv: Naukova dumka, 40—67 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).

Gushchina, I.I. 1967. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 40—51 (in Russian).

Gushchina, I.I. 1974. In: Talis, D.L. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological Research in the South of Eastern Europe)*. Pt. 1. Moscow: GIM, 32—64, 127—145 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Zapadnom Krymu (The Belbek IV Roman Necropolis in Western Crimea)*. Pt. 1. Moscow: Istoricheskiy muzey (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (The Late Scythians in Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-7) (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The Frontovoye-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 102—122 (in Russian).

Zubar, V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n.e. (Necropolis of Tauric Chersonesos of the 1st — 4th centuries CE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Loboda, I.I. 2005. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XI, 192—251 (in Russian).

Muld, S.A. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* V, 279—303, 541—548 (in Russian).

Muld, S.A. 2016. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE))* II. *20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats (20 years of research at the Neizats burial ground)*, 37—75 (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 1994. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* IV, 397—405 (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The Frontovoe-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 15—21 (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2023. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman burial ground Frontovoe 3 in the South-West Crimea)*. Moscow: IA RAN (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33. Pt. 1) (in Russian).

Strzheletskiy 1956: Arkhiv GIAMZ Chersones Tavricheskiy. F. 1. D. 747/1-3. Strzheletskiy S.F. Otchet o raskopkakh mogil'nika v sovchoze No. 10 v 1956 g.

Strzheletskiy 1961: Arkhiv GIAMZ Chersones Tavricheskiy. F. 1. D. 854/1-6. Strzheletskiy S.F. Otchet o raskopkakh позднеантичного mogil'nika (III—IV вв.) v Incermanskoi doline k yugu ot gori «Saharnaya golovca» na territorii sovchoza "Sevastopol'sciy" No. 10 v 1961 g.

Strzheletskiy 1962: Arkhiv GIAMZ Chersones Tavricheskiy. F. 1. D. 856/1, 3a, 3б. Strzheletskiy S.F. Otchet o raskopkakh mogil'nika (III—V vv.) v Incermanskoi doline k yugu ot gori "Saharnaya golovca" na territorii parnicovogo hozayistva sovchoza "Sevastopol'sciy" (No. 10) v 1962 g.

Strzheletskiy 1964: Arkhiv GIAMZ Chersones Tavricheskiy. F. 1. D. 1160/, 1308. Strzheletskiy S.F. Otchet o raskopkakh mogil'nika (III—IV вв.) na territorii sovchoza "Sevastopol'sciy" (byv. № 10) v Incermanskoi doline.

Strzheletskiy 1965: Arkhiv GIAMZ Chersones Tavricheskiy. F. 1. D. 1189, 1190. Strzheletskiy S.F. Otchet o raskopkakh mogil'nika (III—IV вв.) na territorii teplichno-parnicovogo hozayistva sovchoza "Sevastopol'sciy" (biv. № 10) v Incermanskoi doline.

Strzheletskiy et al. 2003—2004: Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I., 2003—2004. In *Stratum plus* 4, 27—277 (in Russian).

Trufanov, A.A., Stoyanova, A.A. 2023. *Nekropol' Bel'bek IV (issledovaniya 2021 g.) (Belbek IV necropolis (research of 2021))*. Simferopol: IT "Arial" (Archaeological monuments of the Northern Black Sea region 5) (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoye (III—IV vv. n.e.) (Druzhnoe burial ground (3rd — 4th centuries CE))*. Lublin: UMCS (Monumenta Studia Gothica II) (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2019. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 1, 32—49 (in Russian).

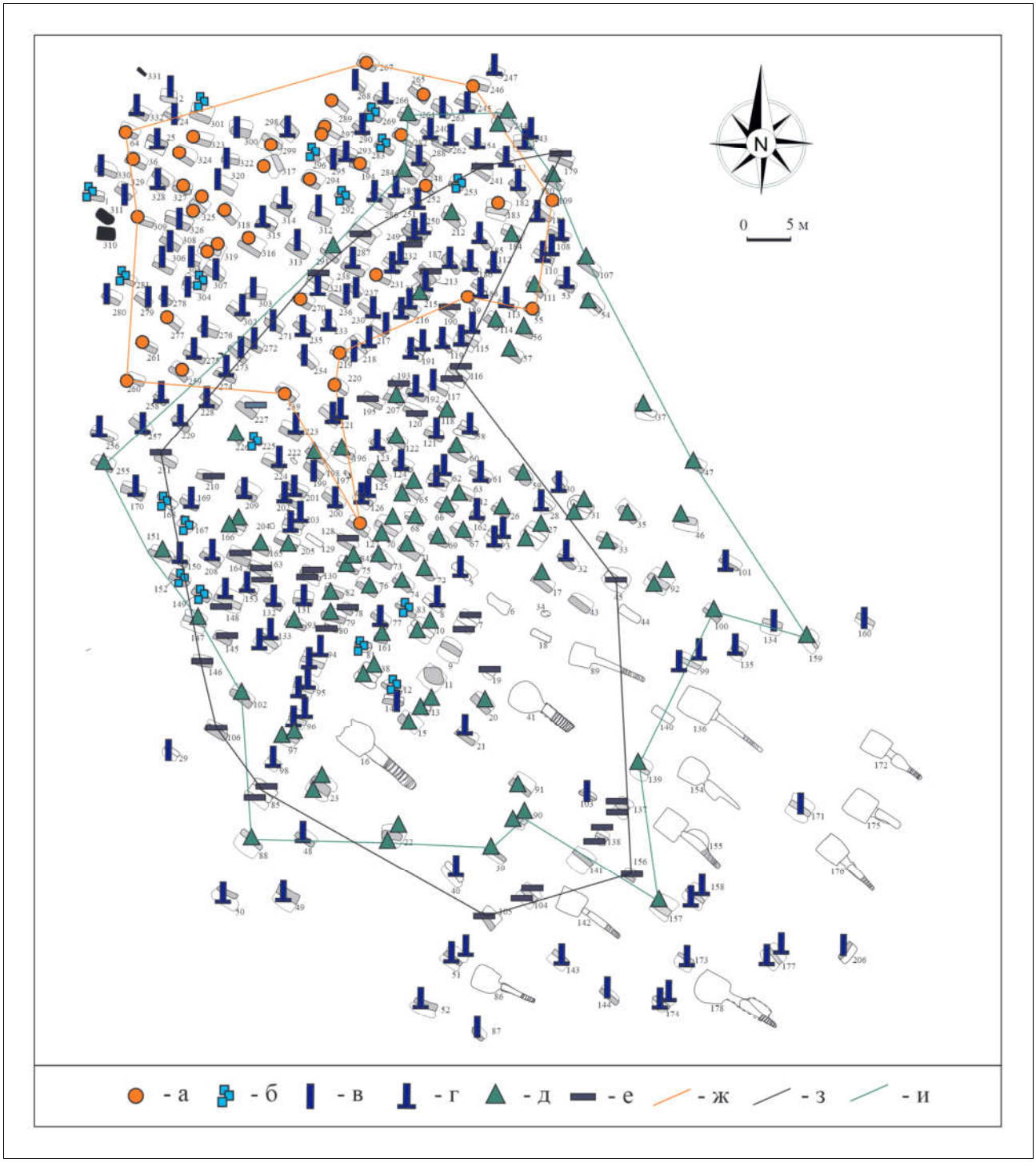


Рис. 1. Некрополь Фронтовое 3. Планиграфия распространения типов перекрытия подбоя: *а* — каменный заклада отсутствует; *б* — ряд камней; в — вертикальные камни; *г* — вертикальные на горизонтальных камнях; *д* — навал камней; е — горизонтально уложенные камни; *ж* — зона распространения могил без каменного заклада; *з* — зона распространения могил с горизонтально уложенными камнями; *и* — зона распространения могил с навалом камней.

Fig. 1. Cemetery Frontovoe 3. The planography of the of the grave covering: *а* — there is no stone foundation; *б* — a row of stones; в — vertical stones; *г* — vertical on horizontal stones; *д* — the bulk of the stones; *е* — horizontal stones; *ж* — the area of distribution of graves without a stone foundation; *з* — the area of distribution of graves with horizontal stones; *и* — the area of distribution of graves with a lot of stones.

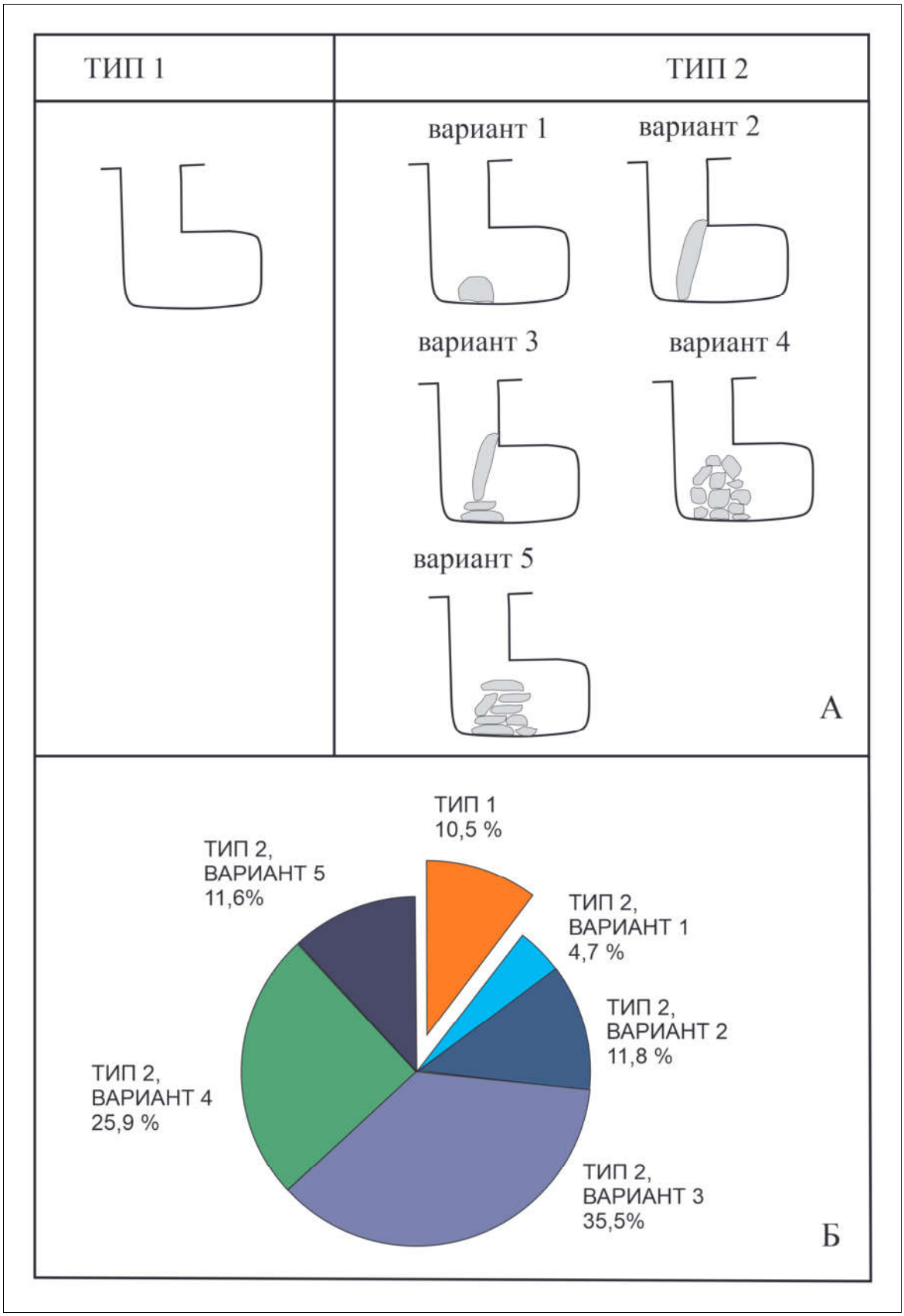


Рис. 2. Классификация перекрытия закладов могильника Фронтовое 3.

Fig. 2. Classification of the overlap of the burial grounds Frontovoe 3 cemetery.

Рис. 3. Некрополь Фронтовое 3. *1* — могила 277; *2* — могила 283; *3* — могила 64.

Fig. 3. Cemetery Frontovoe 3. *1* — grave 277; *2* — grave 283; *3* — grave 64.

Рис. 4. Некрополь Фронтовое 3. *1*— могила 235; *2* — могила 314; *3* — могила 276; *4* — могила 305; *5* — могила 266; *6* — могила 315; *7* — могила 188; *8* — могила 286.

Fig. 4. Cemetery Frontovoe 3. *1*— grave 235; *2* — grave 314; *3* — grave 276; *4* — grave 305; *5* — grave 266; *6* — grave 315; *7* — grave 188; *8* — grave 286.

Рис. 5. Некрополь Фронтовое 3. *1* — могила 110; *2* — могила 255; *3* — могила 58; *4* — могила 207; *5* — могила 137; *6* — могила 122.

Fig. 5. Cemetery Frontovoe 3. *1* — grave 110; *2* — grave 255; *3* — grave 58; *4* — grave 207; *5* — grave 137; *6* — grave 122.

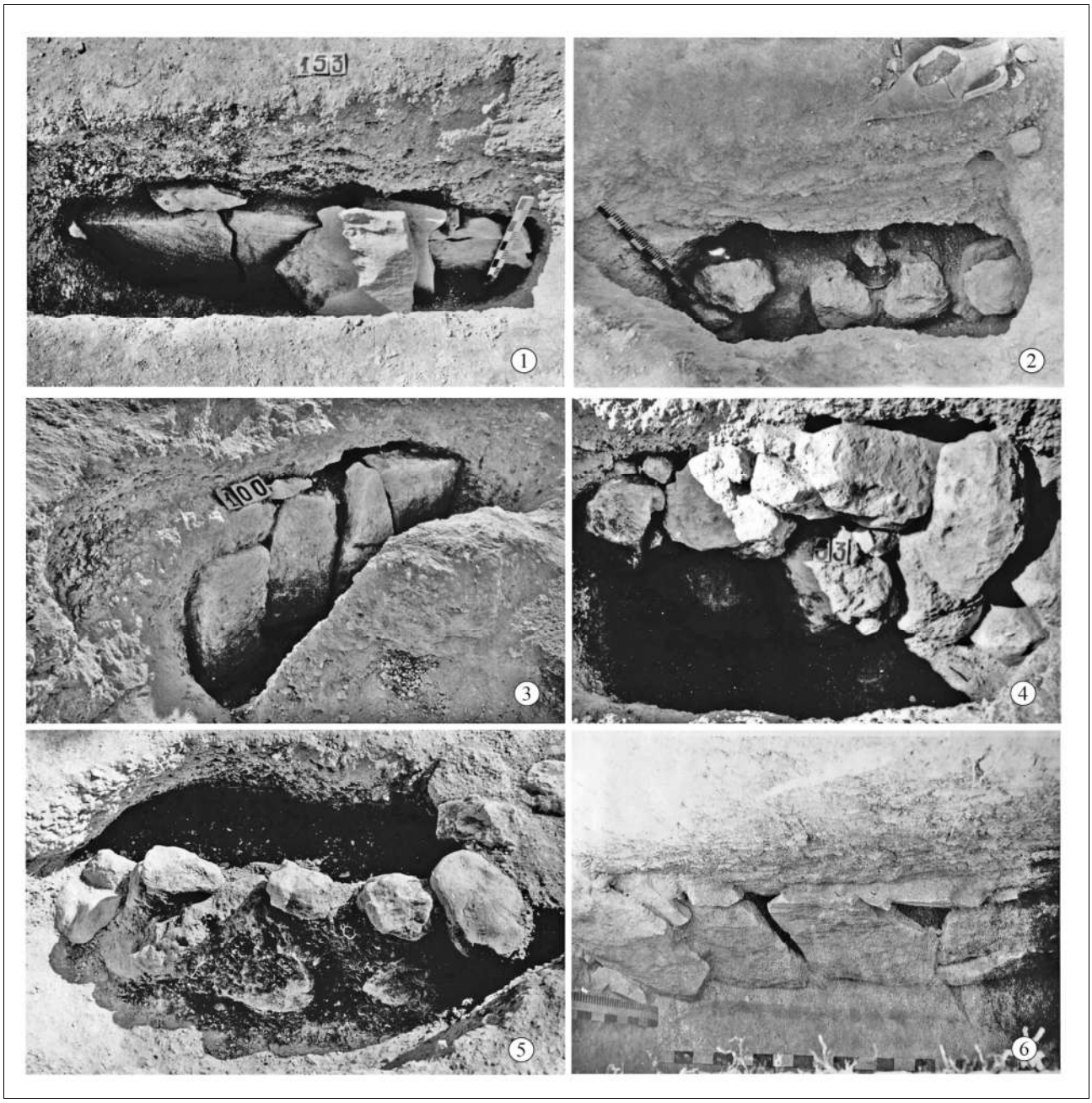


Рис. 6. Некрополь Севастопольский (Совхоз-10): *1* — могила 153 (по Стржелецкий 1962: 7); *2* — могила 76 (по Стржелецкий 1956: 5); *3* — могила 100 (по Стржелецкий 1962: 48); *4* — могила 53 (по Стржелецкий 1962: 18); *5* — могила 62 (по Стржелецкий 1962: 25). **Некрополь Инкерманский:** *6* — могила 16 (по Веймарн 1948: 38).

Fig. 6. Cemetery Sevastopol (Sovchoz-10): *1* — grave 153 (after Strzheletskiy 1962: 7); *2* — grave 76 (after Strzheletskiy 1956: 5); *3* — grave 100 (after Strzheletskiy 1962: 48); *4* —grave 53 (after Strzheletskiy 1962: 18); *5* — grave 62 (after Strzheletskiy 1962: 25). **Cemetery Inkermansky:** *6* — grave 16 (after Veimarn 1948: 38).

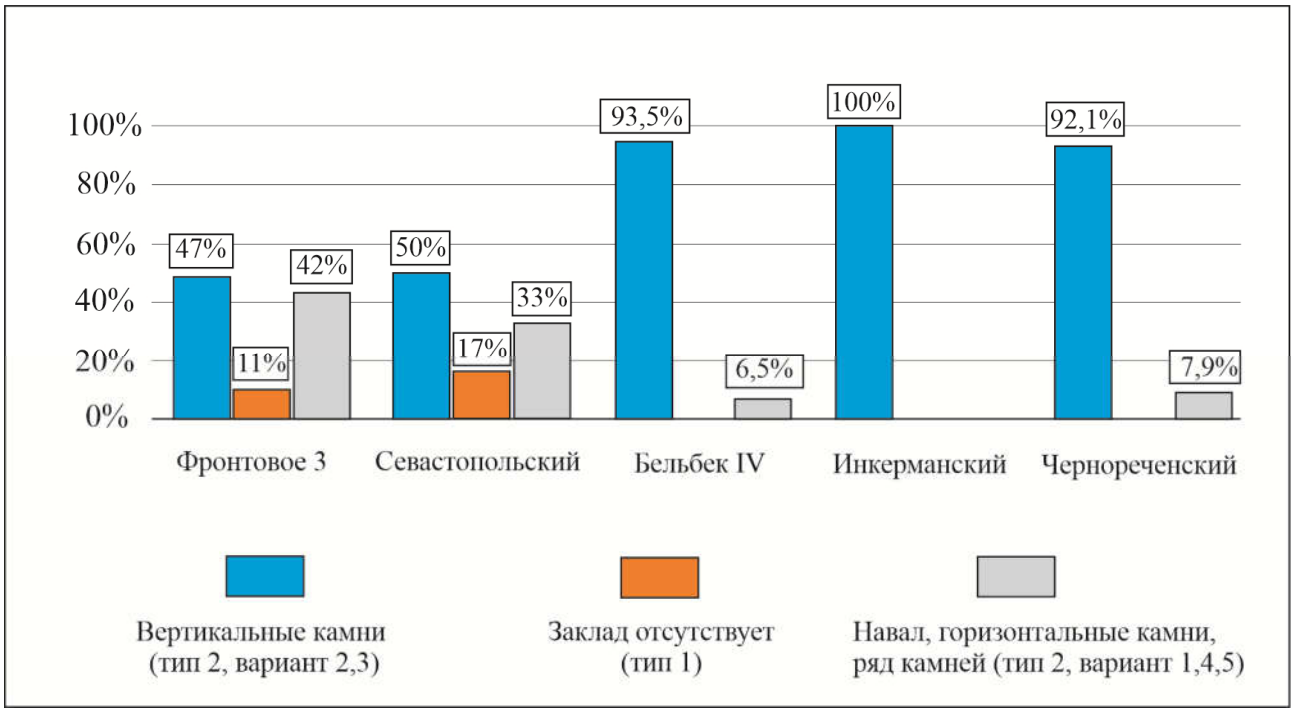


Рис. 7. Соотношение типов перекрытия подбоев в некрополях Фронтовое 3, Севастопольский (Совхоз-10), Бельбек IV, Инкерманский, Чернореченский.

Fig. 7. Typology of the grave covering in the necropolises of Frontovoe 3, Sevastopol (Sovchoz-10), Belbek IV, Inkermansky, Chernorechensky.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.72.24.020

С.В. Язиков

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ЩИТОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 И КИЛЬ-ДЕРЕ 1*

В научный оборот вводятся находки трёх щитовых умбонов и их рукоятей из могил 41 и 136 некрополя Фронтовое 3 и могилы 245 могильника Киль-Дере 1 (Юго-Западный Крым, окрестности Севастополя). Два умбона из Фронтового 3 относятся к типу К1, а рукояти — к типу S1, форме 2 по Цилингу. Умбон из Киль-Дере 1 принадлежит типу К2, рукоять — типу Х по Цилингу. Детали щитов свидетельствуют, что все трое погребённых были воинами-всадниками. Находки относятся к позднему периоду существования памятников — IV в. н. э. В этом хронологическом отрезке появились погребения с боевыми щитами, имеющими значение характерного маркёра связей населения Крыма с народами Севера. Трансформация римской армии, связанная с варваризацией, коснулась и Крыма, входившего в сферу интересов Римской империи.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, могильник Фронтовое 3, могильник Киль-Дере 1, умбоны, манипула, погребение, погребальный обряд.

Сведения об авторе: Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН.

Контактная информация: 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

S.V. Yazikov

METAL PARTS OF SHIELDS FROM THE ROMAN PERIOD BURIAL GROUNDS FRONTOVOE 3 AND KIL-DERE 1

Three shield bosses (umboes) equipped with shield grips are published that were found in the graves 41 and 136 of the burial ground Frontovoe 3 and in the grave 245 of the burial ground Kil-Dere 1. Both sites are located in Southwestern Crimea, near Sevastopol. Two shield bosses from Frontovoe 3 are of the K1 Type, and their grips belong to the S1 Type, Form 2, after Ziling. The umbo from Kil-Dere 1 is of the K2 Type, and the grip is of the X Type, after Ziling. Based on these finds, the burials are interpreted as graves of warrior horsemen who were buried there during the late chronological phase of the formation of the sites, i.e. in the 4th century CE. It was during this very period that the graves often contained battle shields, which are now excellent indicators of the relationship between the Crimean population and the peoples of the North. They demonstrate the transformation of the Roman army as a result of the barbarization of terrains under the control of the Roman Empire, and Crimea in particular.

Key words: South-Western Crimea, Roman times, Frontovoye burial ground 3, Kil-dere 1 burial ground 1, umbones, maniple, burial, funeral rite.

About the author: Yazikov Sergey Vladimirovich, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 117292, Russian Federation, Moscow, Dmitriya Ulyanova street, 19, Institute of Archeology RAS, e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00396-П, «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур»).

Статья поступила в номер 31 июля 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.

© С.В. Язиков, 2024.

Могильник Фронтовое 3, расположенный вблизи поселка Фронтовое в Нахимовском районе г. Севастополя и исследованный в 2018 г., датируется концом I — началом V в. н.э. Некрополь оказался абсолютно не тронут грабителями. Всего было изучено 332 могилы. Погребальные сооружения представлены четырьмя типами: подбойные захоронения, грунтовые склепы, грунтовые могилы с перекрытием из каменных плит, а также погребение в амфоре (Свиридов, Язиков 2019: 186). Детали щитов находились среди погребального инвентаря в двух грунтовых склепах — 41 и 136.

В 2019 г. в ходе разведки под строительство автодороги Таврида на участке перехода через реку Черная на безымянном холме ее левого берега был выявлен могильник Киль-Дере 1 в Нахимовском районе г. Севастополь. Он датируется I—IV вв. н.э. Памятник подвергся сильному систематическому ограблению — из 421 могилы нетронутыми остались 29 могильных комплексов. Погребальные сооружения представлены в основном подбойными захоронениями с одним или двумя подбоями. Вторым по распространённости типом могильных конструкций являются погребения в грунтовых ямах. В 13 случаях погребение совершалось в каменных ящиках. Также на могильнике Киль-Дере 1 было обнаружено 4 кремации в амфоре (Язиков, Свиридов 2022а: 136). Умбон с рукоятью находились в каменном ящике могилы 245.

Умбон — металлическая накладка, размещенная посередине щита. Судя по всему, помимо функции защиты руки воина, такая деталь увеличивала общую прочность всего щита. При наличии шипа в центральной части умбона, с помощью такого щита можно было атаковать, а не только защищаться. Умбоны изготавливались из железа, бронзы, латуни, имели различные формы — округлые, прямоугольные. В центре имелась выпуклая часть — калотта, прикрывавшая отверстие для ручки — манипулы.

Умбоны из некрополей Фронтовое 3 и Киль-Дере 1 относятся к двум вариантам одного типа с отличиями в форме калотты и наличием горизонтальной каннелюры. Находка из могильника Киль-Дере 1 имеет полусферическую форму калотты и каннелюр — тип К2 (Zieling 1989: 123)[1], а оба умбона из могильника Фронтовое 3 — коническую калотту, каннелюра отсутствует — тип К1 (Zieling 1989: 121). Рукояти из некрополя Фронтовое 3 к типу S1 форма 2 по Цилингу, а манипула из могильника Киль-Дере 1 — к типу X по Цилингу (Zieling 1989: 210, 225—227).

Как уже было сказано выше, металлические детали щитов были обнаружены всего в трех могилах: в грунтовых склепах 41 и 136 могильника Фронтовое 3 и в каменном ящике могилы 245 некрополя Киль-Дере 1. Остановимся подробно на каждой находке.

Могильник Фронтовое 3

Могила 41

Грунтовый склеп обнаружен в юго-восточной части могильника Фронтовое 3, камера имела прямоугольную форму размером 325×280 см и находилась к западу от входной ямы.

Вдоль южной стенки погребальной камеры был похоронен мужчина старше 45 лет. Антропологический анализ[2] показал наличие у него прижизненных травм ключицы, переломов парных локтевых костей. Погребенный располагался вытянуто на спине головой на восток — юго-восток, в районе его ног зафиксировано скопление компактно уложенных костей другого взрослого индивида — женщины 30-39 лет.

Железный умбон щита находился около западной стенки погребальной камеры (рис. 1: 1), поставленный на ребро с небольшим наклоном в сторону стенки камеры и обращенный

[1] В данной работе для определения типов умбонов и манипул используется классификация Н. Цилинга, которая на сегодняшний день является наиболее актуальной (Zieling 1989).

[2] Обработку антропологического материала проводили М.В. Добровольская и Н.Г. Свиркина, за что им огромное спасибо.

выпуклой стороной к стенке. Умбон (№ 839[3]) относится к типу К1 по Н. Цилингу (Zieling 1989: 121) (рис. 1: 1). Он имеет диаметр 21,5 см, его высота 6,9 см. Рант широкий, наклонный, шейка также сужается кверху, калотта сфероконической формы, слегка закругляется сверху. Н. Цилинг датирует данный тип К 1 периодом С2/С3 (260—375 гг.), но также он мог бытовать и в период D (360—410 гг.), согласно хронологии европейского Барбарикума (Zieling 1989: 123—124).

Между умбоном и лепным кувшином лежала железная рукоять щита, ориентированная по линии север — юг (рис. 1: *2*) Манипула (№ 840) — тип S1 форма 2 по форме окончания напоминает «веер» (Zieling 1989: 210, 211, Taf. 28: 2) (рис. 1: 2), рукоять щита имела длину 21 см, ширину 7,4 см, была изготовлена из железной пластины полусферической формы с расширяющимися концами и крепилась к щиту при помощи заклепок, точное их количество установить не удалось.

Помимо этих предметов, погребение сопровождалось богатым комплексом находок. За головой погребенного находилось краснолаковое блюдо (рис. 1: 4) с массивным, отогнутым горизонтально наружу венчиком, на низком кольцевом поддоне, оно датируется от середины до конца IV в. н.э. (Arsen'eva, Domżalski 2002: 426). Внутри блюда находились фрагменты стакана из прозрачного стекла с валикообразным венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 1: 5). Сосуды такой формы были широко распространены в Юго-Западном Крыму, например, на могильнике Совхоз 10 или на могильнике Дружное (форма 108 по К. Айсингс) (Храпунов 2002: 56, рис. 99: 8; Стрежелецкий и др. 2003—2004: 122). Согласно К. Айсингс, подобные сосуды появляются в III в. н.э., но наибольшее распространение получают в IV в. н.э. (Isings 1957: 134).

Рядом с блюдом располагались две стеклянные колбы со сферическим туловом и вогнутым дном. Один из сосудов в верхней части горла декорирован несколькими горизонтальными стеклянными нитями (рис. 1: 6, 7). Схожие по форме сосуды были обнаружены на могильниках Дружное и Нейзац (Храпунов 2002: рис. 89: 2, 112: 7; Шабанов 2011: рис. 106: 62—65), относятся к форме 101 по К. Айсингс, датирующейся III—IV вв. н.э. (Isings 1957: 119).

Также в склепе 41 найдено оружие ближнего боя: железный меч в деревянных ножнах (рис. 1: 8), железный кинжал (рис. 1: 9) и детали конской упряжи с кольцевыми псалиями. Железный меч в деревянных ножнах, имел размеры: длина клинка 78 см, черенка 12 см, лезвие имеет линзовидное сечение шириной у пяты 5,5 см, сужается к острию. Меч морфологически близок к типу 2 по классификации А. М. Хазанова, имеет треугольное основание клинка и датируется II—IV вв. н.э. (Хазанов 1971: 17) (рис. 1: 8). К такому типу относятся находки из могильника Озерное 3, а также из могилы №37 Инкерманского некрополя (Веймарн 1957: рис 3, 6; Лобода 1977: рис 1: 4, 10). Кинжал также относится к типу 2 по Хазанову и имеет размер: клинок длиной 33 см и черенок 6,5 см. Сечение клинка линзовидное шириной у пяты 4,5 см. (рис. 1: 9) (Хазанов 1971: 17).

В центральной части грудной клетки погребённого зафиксированы фрагменты серебряной подвязной, двучленной, фибулы типа Амброз группы 16 подгруппы 2, серии 1, которые датируется IV в. н.э. (Амброз 1966: 66) (рис. 1: 12). Аналогичные застежки происходят из могильника Дружное (Храпунов 2002: рис. 104: 14).

Обнаружена серебряная пряжка с овальной рамкой и овальным щитком, с тремя заклепками (рис. 1: 10). Данный тип пряжек широко распространен в Крыму в IV в. Аналогии представлены на могильниках Дружное и Озерное 3 (Лобода 1977: рис 4: 5; Храпунов 2002: 48;). По классификации В. Ю. Малашева ее можно отнести к типу П 10 (Малашев 2000: 196). Бронзовая монета Лициния, фоллис, Гераклея, 313 г. чеканки (рис. 1: 11).

В северо-восточном секторе дна погребальной камеры, ближе к центральной части зафиксирована светлоглиняная узкогорлая позднегераклейская амфора с дипинти, варианта CIVF по С.Ю. Внукову (рис. 1: 3). По его мнению, данный тип стал поступать в Крым не ранее конца III в. н.э. и ввозился до начала V в. н.э. (Внуков 2016: 43). Аналогичные амфоры были обнаружены в подбойной могиле и склепах № 1 и № 2 на некрополе Озерное, в склепе № 1 Инкерманского

[3] Здесь и далее номера по полевой описи.

могильника в ходе работ 1940 г., в могилах на северо-восточном участке могильника Киль-Дере 1 (Стржелецкий 1947: рис 7; Лобода 1977: рис 1: 7, 5: 6, 6: 3; Язиков, Свиридов 2022: рис 6: 1).

Исходя из вышеизложенного, можно с большой вероятностью считать, что погребение было совершено в период второй трети IV в. н.э.

Умбоны

Аналогии в Крыму. Находки в погребениях 181 (1902 г.) и 154 (1904 г.) из Керчи М.М. Казанский относит к типу К1 (Kazanski 1994: fig. 2: 21, 22). Известен умбон в могиле № 3 некрополя Чатыр-Даг, его диаметр 19,0 см, высота 7,5 см (Мыц и др. 2006: таб. 7: 4). Авторы работы приводят ему параллели из Норвегии и Шлезвиг-Гольштинии и относят к типу Va по Я. Бёманну (Bemann, Hahne 1999: 463; Мыц и др. 2006: 151). При этом исследователи считают, что данный умбон морфологически близок к типу К1 по Н. Цилингу. Могила 3 некрополя Чатыр-Даг по совокупности обнаруженного материала датируется второй половиной III — началом IV вв. н.э.

В Белогорском районе (п. Некрасово) в грабительском отвале были найдены фрагменты умбона, после реставрации которого определены размеры: диаметр 26,35 см и высота 9 см. Отличительной особенностью данного экземпляра, являются 9 бронзовых заклепок с высокими сфероидными накладками на шляпке, возможно, ранее позолоченные (Захаров и др. 2018: рис. 10). Авторы статьи относят данную находку также к типу К1 и датируют периодом C3/D1 (350/360—400/410 гг.).

На могильнике Сувлу-Кая в склепах № 10 и № 25 находились два умбона с рукоятями, которые, как и в склепах из Фронтового 3, были прислонены к стене погребальной камеры. Первый экземпляр имел размеры: диаметр 20,5 см, высоту 10 см; второй — диаметром 22,2 см и высотой 9,5 см. Погребения датируются концом IV — началом V вв. н.э. (Волошинов, Масякин 2022: рис. 13: 1, 6, 7)[4]. Умбоны из Сувлу-Кая также относятся к типу К1.

В материалах некрополя Пантикапея известны (раскопки 2000—2002 гг.) четыре железных умбона щитов (Лысенко, Юрочкин 2004: 126). Экземпляры из склепов № 4, 5, 115 авторы относят к типам К1 и К2, но отмечают, что они сохранились неполностью. Исходя из реконструкции, предложенной авторами, сложно с уверенностью говорить о принадлежности данных фрагментов к определенным типам.

Находки за пределами Крыма. Умбон из Абхазии с широкими полями и сфероконической калоттой (Шапка-Абгыдзраху, погребение 54) морфологически близок к типу К1 (Казанский 2015: рис. 1: 18). В контексте черняховской культуры известны находки двух умбонов из Могошани (Mogoshani) и Компанийцев. Они также имеют широкий рант и цилиндроконическую калотту (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 1, 9). Погребение № 2 А могильника Жабинец (Zabinets), что находится на территории Польши, относится к пшеворской культуре (Zieling 1989: Taf. 14: 2). В могильнике самбийско-натангийской культуры Путилово 2-Гаутен на Самбийском полуострове в погребении 22 обнаружен умбон с рукоятью (Скворцов 2022: таб. 146: 1). Он был помещен в могилу куполом вниз, имел шесть заклепок и рукоять, в погребении использовался как емкость, в которой были обнаружены сложенные после кремации вещи. Его размеры — диаметр 23,9 см, высота 10,4 см (Скворцов 2022: 227). Находки данного типа умбонов зафиксированы у германцев Центральной Европы и на территории между Одером и Эльбой, а также в Скандинавии и Балтии. По мнению М.М. Казанского, это свидетельствует в пользу германского происхождения типа К1. Экземпляры, происходящие с территории Ближнего и Среднего Востока, могут быть римскими прототипами (Kazanski 1994: 440—441).

[4] Выражаю благодарность А.А. Волошинову, М.М. Казанскому и В.В. Масякину за личные консультации в ходе работы над статьей.

Манипулы

Рукояти щитов, подобной формы как в могиле 41 некрополя Фронтового, были распространены в Барбарикуме в регионах к востоку от Эльбы. Большая часть находок происходит из Польши и Силезии, меньшая — из Бранденбурга и районов Нижней Эльбы. Находки из Украины можно рассматривать как импорт из пшеворской культуры. Некоторые находки данного типа происходят из Северной Европы (Zieling 1989: 211). М.М. Казанский указывает также на возможное германское происхождение типа S1, отмечая, что находки данного типа манипул практически не известны в восточной части Римской империи (Kazanski 1994: 449). Согласно Н. Цилингу, время их бытования с позднеримской эпохи и, возможно, в фазу С2 (260—310 гг.), также они присутствуют в погребениях, датируемых периодом С2—С3 (260—375 гг.) (Zieling 1989: Tabl. 2; Kazanski 1994: 449).

На территории Крымского полуострова только один схожий вариант рукояти был обнаружен в погребении 154 в Керчи в 1904 г. (Kazanski 1994: 449). Чаще они встречаются среди находок черняховской культуры (3 экземпляра); манипула из Компанийцев обнаружена вместе с умбоном типа Цилинг К1 (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 2, 4, 8). Данный тип металлических рукоятей щитов найден в абхазских погребениях: на могильнике Шапка-Абгыдзраху в погребении 54, могильнике Цибилиум 1 в погребениях 17, 41, 61, 119, 349. Абхазские комплексы датируются эпохой Великого переселения народов (Казанский 2015: 44). На могильнике Путилово 2-Гаутен также с умбоном типа К1 присутствовала схожей формы манипула (Скворцов 2022: таб. 146: 1). Судя по находкам, данная форма была широко распространена на территории Самбии и Натангии (Радюш, Скворцов 2008: 122). Авторы работы составили подробный перечень зафиксированных находок деталей щитов в регионе.

Могила 136

Грунтовый склеп обнаружен в восточной части могильника Фронтовое 3. Погребальная камера прямоугольной формы, размером 300×230 см в придонной части. Дромос имел длину до 30 см. Вход в него перекрывала известковая плита. Ступенька отсутствовала. Входная яма имела подпрямоугольную форму, длиной 460 см, ширина доходила до 55 см.

На дне камеры выявлено 5 костяков, расположенных параллельно друг другу вытянуто на спине, перпендикулярно длинной оси склепа. Сохранность плохая, практически все кости представлены тленом, что усложнило определение пола и возраста. Нумерация костяков велась от дромоса. У всех погребенных в ногах и за головой обнаружены следы деревянного тлена, скорее всего, захоронение осуществлялось в деревянных колодах или гробах.

В юго-западном углу камеры, за головой погребенного №5 находился железный умбон щита, прислоненный к стене склепа (рис. 2: 1), и рукоять от щита, обнаруженная рядом с ним (рис. 2: 2). Умбон №1695 типа К1 (Zieling 1989: 121) имеет классическую форму диаметром 22 см и высотой 8 см. Рант широкий, конический, шейка также сужается кверху, калотта конической формы. Манипула № 1696 типа S1 формы 2 (Zieling 1989: 210) имела длину 17,3 см и ширину 4,8 см, изготовлена из железной пластины с расширяющимися концами, имеющими форму веера. С каждой стороны имелось по паре гвоздей для крепления (аналогии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41).

В склепе вместе с погребенными находилось большое количество инвентаря:

- Светлоглиняные узкогорлые, позднегераклейские амфоры (рис. 2: 3) представлены пятью экземплярами (аналогии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41). Краснолаковое блюдо (рис. 2: 6) относится к понтийской группе. Данный вариант был широко представлен (13 экз.) на могильнике Фронтовое 3 (Суханов и др. 2021: 441). Датируется с середины IV — до середины V в. (Arsen’eva, Domżalski 2002: 426). Второе краснолаковое блюдо (рис. 2: 5) с массивным, отогнутым горизонтально наружу венчиком, на низком кольцевом поддоне датируется серединой — концом IV в. н.э. (Arsen’eva, Domżalski 2002: 426). Краснолаковая

миска (рис. 2: 7) имеет неправильную полусферическую форму с коротким загнутым внутрь бортиком, на кольцевом поддоне. Данные миски были популярны в первой половине — середине IV в. (Суханов и др. 2021: 452). Три светильника имеют каплевидную форму (рис. 2: 17, 18, 19 они близки к «биконическим светильникам» Причерноморья, которые датируются концом III—IV вв. н.э. (Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 141, 142, там же приведены аналогии).

- Колба из зеленоватого стекла (рис. 2: 11) идентична находкам из склепа № 41 (аналогии и датировки смотреть выше). Стакан из прозрачного стекла с отогнутыми наружу валикообразным венчиком, на кольцевом поддоне, фрагментированный (рис. 2: 9) (аналогии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41). Два представленных стеклянных кувшина из склепа (рис. 2: 8, 10) обладают характерными признаками: тулово орнаментировано тонкими нитями стекла, дно на кольцевом поддоне, ручка профилирована тремя валиками и крепится одним концом к тулову сосуда в нижней части, другим — к горлу и венчику. Подобные сосуды широко распространены на памятниках IV в. в Крыму (см. подробнее Шабанов 2011: 154—157).
- Бронзовая, подвязная, двучленная фибула (рис. 2: 14), вторая фибула имеет схожие детали с незначительными различиями (рис. 2: 15). Третья фибула, также бронзовая, но спинка фасетированная (рис. 2: 16). Все они относятся к группе 16 подгруппе 2, южные фибулы 1 серии, согласно классификации А. К. Амброза (Амброз 1966: 66), как и фибула из склепа № 41. Бронзовая пряжка с уступом у основания язычка также аналогична находке из склепа № 41 (аналогии и датировки смотреть выше) (рис. 2: 13).
- Восьмеркообразные, еще их называют грибовидные, янтарные бусы-подвески (рис. 2: 12). были распространены в Крыму во второй половине III—IV вв., основное время бытования получают в IV в. (Мастыкова 2016: 173, аналогии там же). По мнению А.А. Стояновой, данные подвески указывают на контакты германцев с местным населением (Стоянова 2004: 293). Железный короткий меч был обнаружен за головой погребенного № 5 при разборе инвентаря, имел длину 49 см и ширину лезвия 4,2 см. Основание клинка имеет прямой угол с рукоятью-штырем. Его можно отнести к типу 3 по классификации А. М. Хазанова (Хазанов 1971: 17). В III—IV вв. мечи этого типа становятся массивнее и шире, сечение приближается к ромбическому (Хазанов 1971: 21). Такими же характеристиками обладают находки мечей из могильника Нейзац (Храпунов 2010: 535). С внешней стороны левого плеча погребенного расчищены железные удила с кольцевыми псалиями.

Исходя из вышеизложенного, можно с большой вероятностью считать, что погребение было совершено в период второй трети IV в.

Могильник Киль-Дере 1

Могила 245

Стоить отметить уникальность для памятников Юго-Западного Крыма погребений в каменных ящиках на могильнике Киль-Дере 1.[5]

Могила была разрушена грабительским шурфом, в ней обнаружен каменный ящик с фрагментами плит крышки. Размеры каменного ящика составили 1,97×0,58 м, высота стен — 0,5 м. На дне его были обнаружены разрозненные останки погребенного мужчины возрастом 20—55 лет. Рядом с ними находились фрагменты умбона и манипулы в сильно фрагментированном состоянии (28 фр.)[6]. Там же была обнаружена бронзовая монета Антонина Пия[7], период чеканки 143—144 гг. н.э. (рис. 3: 6).

Умбон № 1315 типа К 2 (Zieling 1989: 123—124. Там же аналогии) (рис. 3: 1) имеет полусферическую калотту и горизонтальную каннелюру у основания, рант конический. Один из

[5] Более подробно данный тип могильных сооружений рассмотрен в статье (Язиков, Свиридов 2022б: 46—64).

[6] Реставрацией умбона и манипулы занималась реставратор высшей категории С.С. Шимкус, за что ей крайне благодарен.

[7] Благодарность Е.И. Рузаевой за определение монет из могильника Киль-Дере 1.

краев ранта загнут, возможно носил ритуальный характер. Диаметр умбона 18,3 см, высота 6,2 см, рант меньше, чем у экземпляров с Фронтового 3, имеются четыре отверстия для крепления к деревянной части щита. Данный вариант морфологически схож с вариантом К 1, но имеет меньшие по размеру поля. Также его можно было бы отнести к варианту Н 2 (Zieling 1989: 102—104). Основные признаки типа Н 2: низкая сфероконическая калотта, слегка заостренная, слабо выраженное горизонтальное углубление у основания и довольно широкие поля. Ближайшие аналогии — находка умбона на Ай-Тодорском могильнике (Харакс) (Kazanski 1994: 438, fig 2: 6). Наш экземпляр обладает ярко выраженной каннелюрой и другими характерными признаками типа К 2. Ближе всего — находка из Торнби (Tornby) (1870) с полусферической калоттой (Zieling 1989: taf. 14: 124: 4). Исследователи датируют данный тип временем С2\С3 (260—375 гг.) и не исключают его бытование в период D 1 (360/370—400/410 гг.). Также считается наиболее вероятным германское происхождение данного варианта, и форма, типичная для Скандинавии, откуда она распространилась по другим территориям (Zieling 1989: 123—124; Kazanski 1994: 439—440).

Рукоять типа Х из могилы 245 некрополя Киль-Дере 1 (Zieling 1989: 225—227) (рис. 3: 2) имела длину 15,7 см, ширину 3—5,2 см, изготовлена из железной пластины с расширяющимися концами, имеющими трапециевидную форму. Место хвата рукояти профилированное, вогнуто-выпуклое. Судя по двум сохранившимся отверстиям на краях ранта умбона, манипула крепилась при помощи двух заклепок. Исследователи выделяют три варианта данного типа, исходя из количества крепежных заклепок — от 1 до 3 на каждой из сторон. Н. Цилинг в своей работе, говоря о времени бытования типа Х, относит один экземпляр к периоду В 2 (70/80—160/170 гг.), остальные — к С1—С3 (180/200—250/270, 300/320-350/370 гг.). М.М. Казанский, говоря о распространении данного типа в Понтийском регионе, на основании датировок комплексов, где они были обнаружены, делает вывод о бытовании их в начале периода Великого переселения народов (Zieling 1989: 226; Kazanski 1994: 451).

Между южной торцевой стенкой каменного ящика и стеной могильной ямы, было расчищено скопление предметов погребального инвентаря, расположенных in situ. У торцевой стены зафиксировано краснолаковое блюдо (рис. 3: 3), с усеченно-коническим туловом на кольцевом поддоне; которое относится к распространенной разновидности понтийской краснолаковой посуды, датируется серединой IV до середины V вв. (Arsen’eva, Domżalski 2002: 426). По материалам могильника Фронтовое 3 блюда подобной формы датируются в пределах первой половины — середины IV века (Суханов и др. 2021: 452, рис. 2: 1—13).

Вплотную к блюду, с южной его стороны находилась кость животного. Сверху кости лежал железный нож. С востока от блюда рядом друг с другом располагались два стеклянных сосуда (рис. 3: 4, 5). Первый — стакан (рис. 3: 4), относится к форме 96 по К. Айсингс. По ее мнению, подобные сосуды появляются в III в. н.э. и широко распространяются в IV в. н.э. (Isings 1957: 113). Из ближайших памятников известны аналогии среди погребений IV в. В некрополе Озерное 3 (Лобода 1977: 242, 250, рис. 3), а также среди погребений второй половины III — IV вв. н.э. на могильниках Дружное и Фронтовое 3 (Храпунов 2002: 20—21, рис. 99: 8; Гавритухин и др. 2020: рис. 4: 9). Второй — кубок (рис. 3: 5) может быть отнесен к форме 108 по К. Айсингс и датируется концом III — IV вв. Он похож на сосуд из могилы №119 некрополя Киль-Дере 1 (Язиков, Свиридов 2022: рис. 2: 12), лишь имеет отличие в виде вогнутого дна. Аналогичный сосуд был обнаружен в подбойной могиле № 224 могильника Нейзац (Шабанов 2011: рис. 2: 14). Могила может быть датирована IV в. н.э.

Аналогии в Крыму. Умбон данного типа был обнаружен в склепе №2 могильника Озерное 3, располагался в юго-западной части камеры, у стены, за головой погребенного. Погребение сопровождалось инвентарем времени С3 (300/320—350/370 гг.) и монетой Лициния (308—324 гг.). Умбон имел диаметр 22,5 см и высоту 9 см (Лобода 1977: 245, рис 6: 21, 22). В своей работе Н. Цилинг упоминает данный экземпляр, указывая на его германское происхождение, и отмечает, что его диаметр больше, чем у остальных умбонов данного типа (Zieling 1989: 123, 124). К типу К 2 также относится умбон из склепа 19/7 Сиреневой бухты (Масленников 1997: рис. 44, 45).

Находки за пределами Крыма. На левобережье Нижнего Дуная в кургане 17 могильника Курчи обнаружен железный умбон с рукоятью, морфологически близкий находке из некрополя Киль-Дере 1. Он имел полусферическую калотту, канелюр и плоский рант, что нехарактерно для типа К 2, однако, это могло быть вызвано и деформацией щита (Симоненко 2010: 150, рис. 121а: 1—1б). Нередки находки данного варианта умбона в могильниках Абхазии — в погребениях 41, 223, стадии II (320/330—400/410 гг.), 60, 61, стадии III (380/400—440/450 гг.) могильника Цибилиум 1, Апушта, Лар в погребении 12, а также в погребении 25/38 Шапка-Апианча стадии III. М.М. Казанский в своей статье подробно описывает их, указывая, что они были распространены среди позднеримского вооружения на территории Балкан, Градац/Saldum, Свищов/Novae, а также Ближнего Востока (Казанский 2015: 42). Помимо этого, они являются одним из распространённых типов на территории Самбии в период С2 (250/260—300/320 гг.) римского времени (Радюш, Скворцов 2008: 126). Умбоны типа К 2 были типичны для Скандинавии, находки данной формы происходят из Ютландии, Фюнена, Готланда и т.д. (Zieling 1989: 124).

Находкой, морфологически самой близкой к найденной на Киль-Дере 1, является манипула из погребения 3 могильника Чатыр-Даг; она также имела две заклепки для крепления. Также с территории Абхазии: могильник Шапка-Абгыдзраху, могила 6 и могилы 104 Цибилиум 1 (Мыщ и др., 2006: таб. 7: 5; Kazanski 1994: 451). В Крыму этот тип, но другие его варианты представлены экземплярами с могильников Озерное 3 и Ай-Тодор (Лобода 1977: 245, рис 6: 21, 22; Kazanski 1994: fig 5: 16) и одним экземпляром из Керчи (Kazanski 1994: 451, fig 5: 18). Известны находки на территориях черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 6, 14, 15), цебельдинской культуры (Kazanski 1994: 451, Fig 5: 10,11,13,17,19-26), пшеворской культуры (Godlowski 1994: Abb. 1: 60—61, 67). В работе Н. Цилинга говорится о 43 известных экземплярах, ареал распространения которых охватывает территорию пшеворской культуры у германцев Центральной и Северной Европы. Также автор отмечает относительно частое появление типа X (4 экз.) на побережье Черного моря, что связывает с импортом или подражанием из пшеворской культуры (Zieling 1989: 225—226).

* * *

В связи с тем, что могильнику Фронтовое 3 удалось избежать участи быть разграбленным, как немногим другим некрополям Крыма, мы можем довольно детально реконструировать снаряжение воинов. У погребенного из могилы 41 присутствует длинный меч, характерный для всадников, что подтверждается наличием конской упряжи, короткий меч (рис. 1: 9), который мог являться и наконечником копья, как показано в реконструкции (рис. 4). В могиле 136 этого же могильника у погребенного № 5 также присутствуют удила и меч длиной 50 см. Каменный ящик могилы 245 могильника Киль-Дере 1 был частично ограблен, среди находок присутствуют детали меча, пара коротких ножей и фрагменты удил.

Всех троих погребенных можно отнести к всадникам с полным набором вооружения. Возможно, они относились к группе профессиональных воинов, приближенной к вождю дружины. Не каждый воин мог позволить себе иметь такой набор вооружения — это следует из того, что погребения с таким набором экипировки более не встречаются на могильниках Фронтовое 3 и Киль-Дере 1. Также должна была соответствовать высокому уровню или статусу, определенный социальный уровень/ранг и его военная подготовка.

Как мы видим, в IV в. н.э. обряд помещения щита в могилу уже был характерен как для Крыма, в частности, так и для всего Северного Причерноморья, включая и территорию Абхазии. М.М. Казанский, при рассмотрении наиболее ранних погребальных комплексов со щитами в Северном и Восточном Причерноморье предложил три причины появления этого обряда: первая — это, исходя из археологических данных, проникновение во II в. н.э. носителей германской культуры в Крым; вторая — влияние фракийских воинских обычаев на погребальный обряд Крыма в связи с размещением в Херсонесе римских легионов, в состав которых входили фракийские вспомогательные части; третья — воздействие

аристократической культуры эллинизированного римского Востока (Казанский 2018: 136). Находки щитов во II в. н.э. очень редки, ситуация меняется к середине III в., что связано с началом Скифских войн и миграцией германских племен в Северное Причерноморье, для которых наличие щитов в погребениях было распространено (Ščukin 1993: 326; Каргопольцев, Бажан 1992: 118). Данный обряд хорошо фиксируется в кельтских, германских культурах Западной и Центральной Европы, от которых он попадает в римское время к фракийцам, балтам, прибалтийским финнам и оказывается на понтийских берегах (Казанский 2018: 133). Находки умбонов, относящихся к III в., происходят из могил 152 и 306 некрополя Нейзац. И. Н. Храпунов считает, что они появились в Крыму еще до готских походов (Храпунов 2010: 551). На могильнике Бельбек 1 фрагменты щитов обнаружены в трех могилах второй половины — конца III в., сохранность которых, к сожалению, оставляет желать лучшего, что осложняет определение их типов (Журавлев и др. 2021: 34, 67, 73).

В пределах Римской империи и на ее границах в поздний период происходят изменения, связанные с армией, а именно варваризация, вместе с которой римские легионы берут на вооружение как тактику, так и оружие соседствующих народов. Как мы видим, данные изменения коснулись и территории Крыма. М.Б. Щукин считает, что возрождение ранних форм варварских умбонов во второй половине — конце IV в. н.э. является свидетельством смены тактики боя от сомкнутого строя к индивидуальному, о чем, по его мнению, также говорит наличие коротких мечей-кинжалов с вырезами у основания, которые могли использоваться как вспомогательное оружие (Щукин 2011: 177). Нельзя точно сказать представителями какого войска были погребенные на могильниках Фронтовое 3 и Киль-Дере 1, было ли это местное население, получившее данное вооружение вследствие торговых, культурных контактов или добычи в ходе набегов на соседние территории (германцами, готами, римлянами, аланами и т.д.) или это было пришлое население, которое хоронило своих умерших по своему обряду. Мужчина из могилы 41 по изотопному соотношению стронция ($^{87}Sr/\ ^{86}Sr = 0{,}708473$) [8] в эмали зуба оказывается в пределах значений других индивидов из могильника Фронтовое 3, что может указывать на общность территории на которой родились и провели детство (Добровольская и др. 2023). Исследование изотопного состава азота и углерода костной ткани и стронция эмали, ряда индивидов из могильников Киль-Дере 1 и Фронтовое 3, показало, что редких индивидов можно отнести к мигрантам первого поколения (Добровольская и др. 2023: 150). Однако на основании археологических данных мы можем подметить ряд моментов. В IV в. н.э. происходят изменения в вооружении воинов Крыма, происходит милитаризация общества. Исследователи отмечают, что различные виды оружия встречаются намного чаще в могилах IV в., чем в предшествующих веках (Храпунов 2010: 552; Волошинов, Масякин 2022: 157). Также обращает на себя внимание факт, что основная часть вооружения, в том числе и щитов, была обнаружена в склепах, которые в это время распространяются по территории Крыма.

Литература

Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР*. Москва: Наука (САИ Д1-30).

Веймарн Е.В. 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948г. В: Шульц П.Н. (отв. ред.). *История и археология древнего Крыма*. Киев: АН УССР, 219—232.

Внуков С.Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36—47.

Волошинов А.А., Масякин В.В. 2022. Могильник Сувлу-Кая III — первой половины V в. в юго-западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря. В: Мастыкова А.В.,

[8] Количественное определение вариаций стронция производилось в Центре изотопных исследований Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского. Анализ результатов произведен М.В. Добровольской и Н.Г. Свиркиной.

Хайрединова Э.А. (отв.ред.). Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи. Москва: ИА РАН, 146—173.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. *РА* 2, 91—110.

Добровольская и др. 2023: Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., Язиков С.В. Свиридов А.Н., 2023. Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтовое 3 и Киль-Дере 1. *Stratum plus* 4, 139—154.

Щукин М.Б., 2011. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооруения). *Stratum plus* 4, 167—178.

Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В. 2021. Могильник Бельбек 1 и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печёнкина в 1903—1905 гг. *Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического* V.

Захаров В.А., Лобанов В.И., Шаров О.В. 2018. Германское погребение в Восточном Крыму. Реставрация и предварительная атрибуция находок. *БИ* XXXVII, 225—245.

Казанский М.М. 2015. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. *Scripta Antiqua* 4, 33—60.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1992. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (К вопросу о хронологии и исторической интерпретации). *ПАВ* 2, 113—126.

Лобода И.И. 1977. Раскопки могильника Озёрное III в 1963—1965гг. *СА* 4, 236—252.

Лысенко Л.В., Юрочкин В.Ю. 2004. Некрополь Пантикапея—Боспора (по материалам исследований 2000—2002 гг.). В: Мыц В.Л. *О древностях южного берега Крыма и гор Таврических*. Киев: Стилос.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ* V, 304—323.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону: Терра, 194—232.

Мастыкова А.В. 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе. *Stratum plus* 4, 173—190.

Мыц и др. 2006: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Радюш О.А., Скворцов К.В. 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры В: Карнап-Борнхайм К. и др. (ред.). Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Germania—Sarmatia. Калининград: Янтарный сказ, 122—157.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. *КСИА* 255, 185—201.

Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История.

Скворцов К.Н. 2022. *Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов.* Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований 29).

Стоянова А.А. 2021. Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма. *ПИФК* 4, 92—120.

Стржелецкий В.Ф. 1941. Раскопки в Инкермане в 1940 г. *СА* IX, 283—302.

Суханов Е.В., Гавритухин И.О., Нессель В.А. 2021. Краснолаковая керамика второй половины III — начала V в. из могильника Фронтовое 3. *КСИА* 263, 441—456.

Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва. Наука.

Храпунов И.Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры).* Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skiadjiwskiej.

Храпунов И.Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. *Monumenta archaeologica Barbarica series gemina.* T. II. Lodz; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 535—555.

Шабанов С.Б. 2011. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996—2011 гг.). *МАИЭТ* XVII,141—191.

Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2022а. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований. В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (отв.ред.). *Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи*. Москва. ИА РАН, 136—145.

Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2022б. Каменные ящики могильника Киль-Дере 1. *КСИА*. 268, 46—64.

Arsen'eva T.M., Domialski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Bemann J., Hahne G. 1999. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde. Bericht der RGK* 75, 283—640.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow*. Roma: L'erma di Bretschneider.

Godłowski K. 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit. In Carnap-Bornheim C. v. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und bar-barischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 169—178.

Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen: J.B. Wolters.

Kazanski M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. In: Carnap-Bornheim C. v. (Hrsg.). *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Marburger Kolloquium 1994*. Marburg; Lublin: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 429—485.

Ščukin M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *L'armée romaine et les Barbares du IVe au VIIe siècle. Actes de colloque international*. Rouen: Assotiation française d'archéologie mérovingienne; Saint Germain en Laye: Musée des Antiquités nationales, 323—334.

Zieling N.,1989. *Studien zu germanischen Schildcn der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*. Oxford: B.A.R (BAR. International Series 505).

References

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the South of the European Part of the USSR)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-30) (in Russian).

Veimarn, E.V. 1957. In: Shults, P.N. (ed.). *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma (History and archeology of ancient Crimea)*. Kyiv: AN USSR, 219—232 (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2016. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 36—47 (in Russian).

Voloshinov, A.A., Masyakin, V.V. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The Frontovoye-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 146—173 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).

Dobrovol'skaya et al. 2023: Dobrovol'skaya, M.V., Svirkina, N.G., Yazikov, S.V. Sviridov, A.N., 2023. In *Stratum plus* 4, 139—154 (in Russian).

Shchukin, M.B., 2011. In *Stratum plus* 4, 167—178 (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B., Bel'skiy, S.V. 2021. In *Gerakleyskiy sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo (Heraclean collection. Materials and sources for the study of the chora of Tauric Chersonesos)* V (in Russian).

Zakharov, V.A., Lobanov, V.I., Sharov, O.V. 2018. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXVII, 225—245 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2015. In Scripta Antiqua 4, 33—60 (in Russian).

Kargopol'tsev, S.Yu., Bazhanm, I.A. 1992. In *Peterburgskiy arkheologichaekiy vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 2, 113—126 (in Russian).

Loboda, I.I. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 236—252 (in Russian).

Lysenko, L.V., Yurochkin, V.Yu. 2004. In: Myts, V.L. *O drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (On the Antiquities of the Southern Coast of Crimea and the Tauride Mountains)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Magomedov, B.V., Levada, M.E. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* V, 304—323 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 194—232 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2016. In Stratum plus 4, 173—190 (in Russian).

Myts et al. 2006: Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoy epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — a Roman-era necropolis in Crimea)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Radyush, O.A., Skvortsov, K.V. 2008. In: Karnap-Bornkhaym, K. et al. (eds.). *Drevnosti Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov. Germania—Sarmatia (Antiquities of Central and Eastern Europe in the era of Roman influence and migration of peoples. Germania—Sarmatia)*. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, 122—157 (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2019. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 255, 185—201 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2010. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya (in Russian).

Skvortsov, K.N. 2022. *Elitnye pogrebeniya estiyev v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (Elite burials of the Aestii during the Great Migration Period)*. Moscow: IA RAN (Materials of rescue archaeological research 29) (in Russian).

Stoyanova, A.A. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 4, 92—120 (in Russian).

Strzheletskiy, V.F. 1941. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* IX, 283—302 (in Russian).

Sukhanov, E.V., Gavritukhin, I.O., Nessel', V.A. 2021. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 263, 441—456 (in Russian).

Khazanov, A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the military affairs of the Sarmatians)*. Moscow. Nauka (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv. nashey ery) (The burial ground Druzhnoe (3rd — 4th centuries CE))*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skíadjiwskiej (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2010. In: *Monumenta archaeologica Barbarica series gemina*. T. II. Lodz; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 535—555 (in Russian).

Shabanov, S.B. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XVII,141—191 (in Russian).

Yazikov, S.V., Sviridov, A.N. 2022a. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The Frontovoye-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 136—145 (in Russian).

Yazikov, S.V., Sviridov, A.N. 2022b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)*. 268, 46—64 (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Domialski, K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Bemann, J., Hahne, G. 1999. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde. Bericht der RGK* 75, 283—640.

Chrzanovski, L., Zhuravlev, D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow*. Roma: L'erma di Bretschneider.

Godłowski, K. 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit. In Carnap-Bornheim, C. v. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und bar-barischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 169—178.

Isings, C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen: J.B. Wolters.

Kazanski, M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. In: Carnap-Bornheim, C. v. (Hrsg.). *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Marburger Kolloquium 1994*. Marburg; Lublin: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 429—485.

Ščukin, M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *L'armée romaine et les Barbares du IVe au VIIe siècle. Actes de colloque international*. Rouen: Assotiation française d'archéologie mérovingienne; Saint Germain en Laye: Musée des Antiquités nationales, 323—334.

Zieling, N. 1989. *Studien zu germanischen Schildcn der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*. Oxford: B.A.R (BAR. International Series 505).

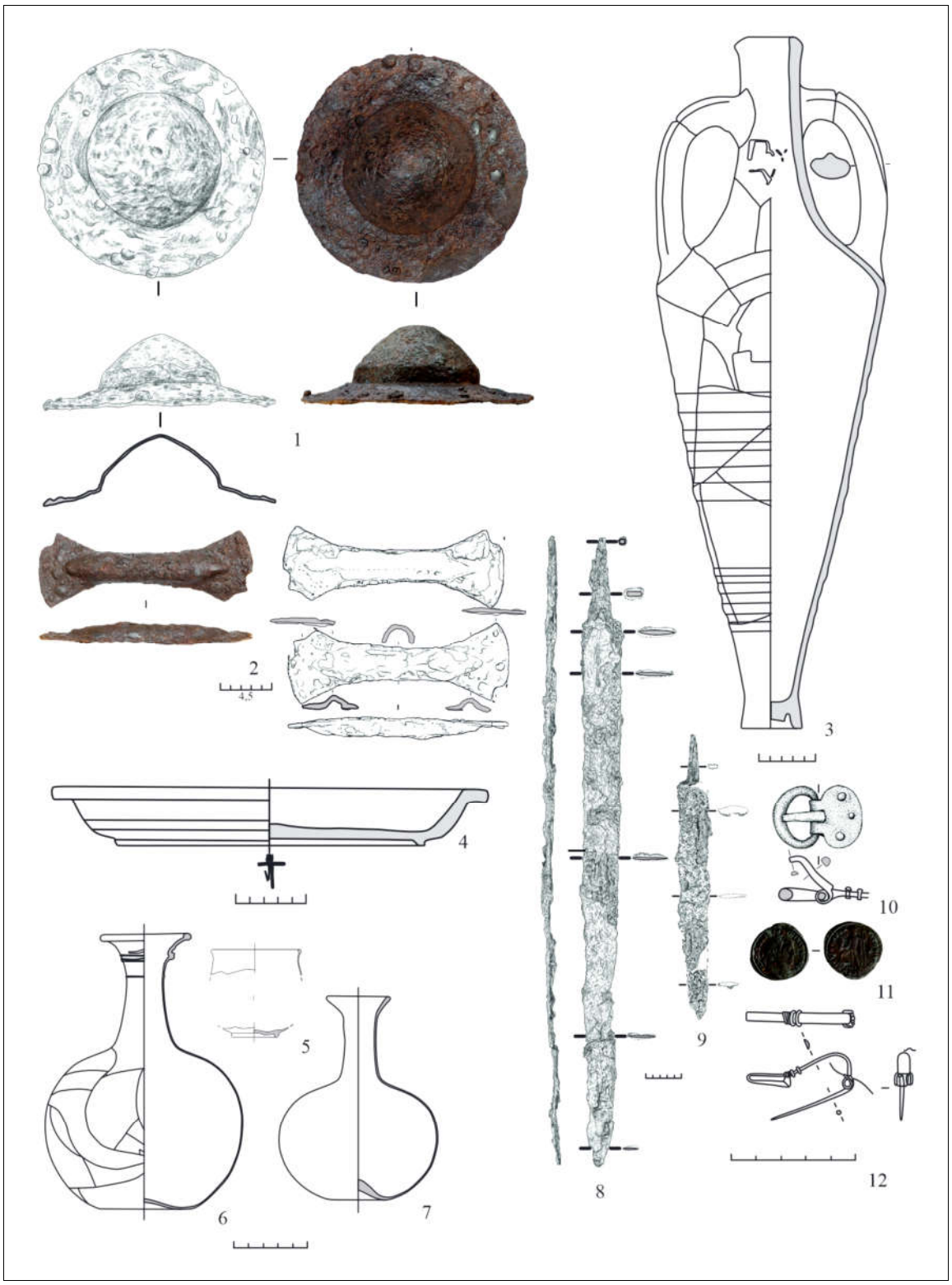


Рис. 1. Находки из могилы № 41 могильника Фронтовое 3. *1* — умбон железный; *2* — манипула железная; *3* — амфора; *4* — блюдо краснолаковое; *5* — стакана стеклянного фрагменты; *6* — колба стеклянная; *7* — колба стеклянная; *8* — меч железный; *9* — кинжал железный; *10* — пряжка бронзовая; *11* — монета бронзовая; *12* — фибула серебряная.

Fig. 1. Finds from grave No. 41 of the necropolis Frontovoe 3. *1* — iron umbon; *2* — iron maniple; *3* — amphora; *4* — red–lacquer dish; *5* — glass fragments; *6* — glass flask; *7* — glass flask; *8* — iron sword; *9* — iron dagger; *10* — bronze buckle; *11* — bronze coin; *12* — silver fibula.

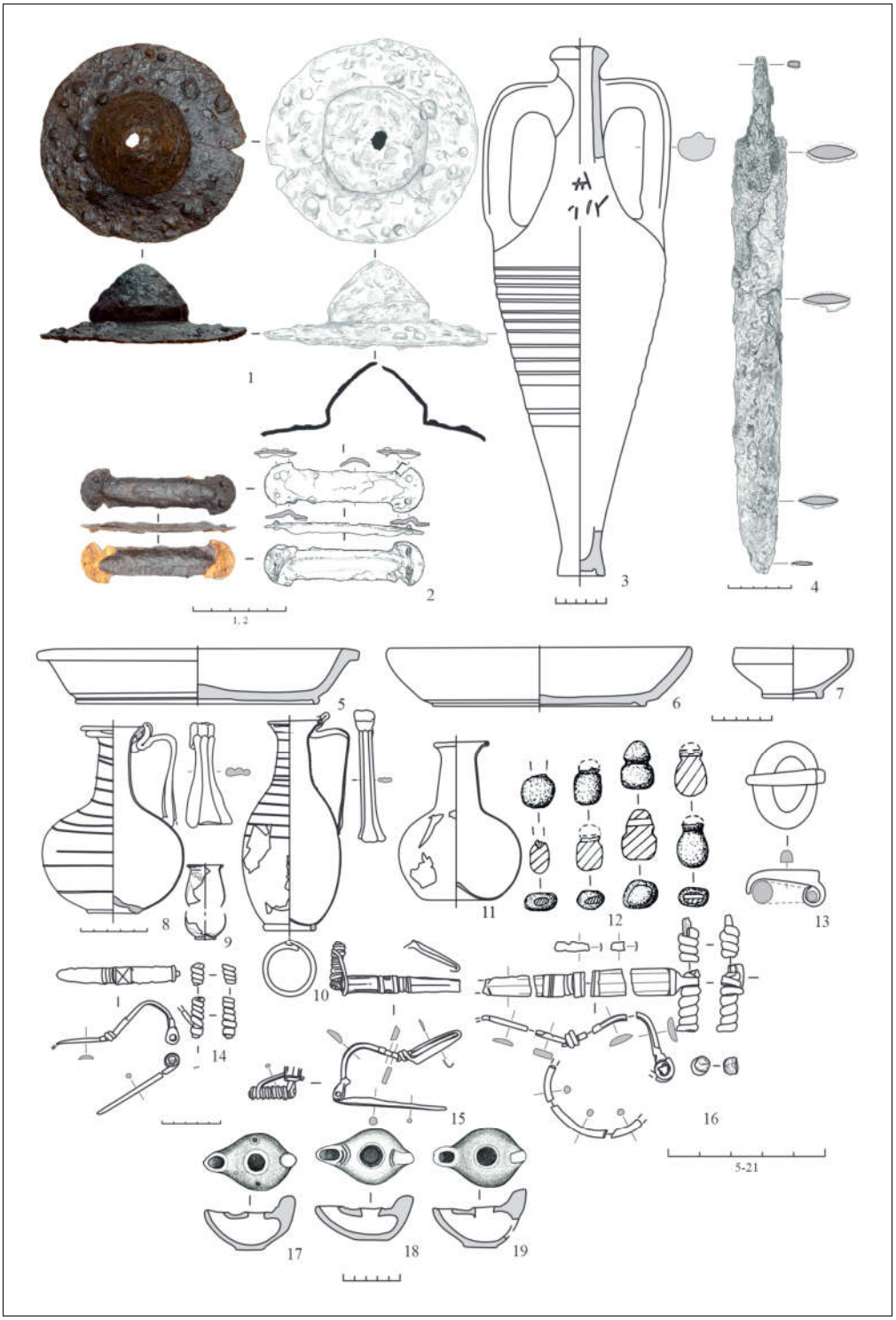


Рис. 2. Находки из могилы № 136 могильника Фронтовое 3. *1* — умбон железный; *2* — манипула железная; *3* — амфора; *4* — меч железный; *5* — блюдо краснолаковое; *6* — блюдо краснолаковое; *7* — миска краснолаковая; *8* — кувшин стеклянный; *9* — стакан стеклянный; *10* — кувшин стеклянный; *11* — колба стеклянная; *12* — бусы янтарные; *13* — пряжка бронзовая; *14* — фибула бронзовая; *15* — фибула бронзовая; *15* — фибула бронзовая; *17—19* — светильники краснолаковые.

Fig. 2. Finds from grave No. 136 of the necropolis Frontovoe 3. *1* — iron umbon; *2* —iron maniple; *3* — amphora; *4* — iron sword; *5* — red-lacquer dish; *6* — red-lacquer dish; *7* — red-lacquer bowl; *8* — glass jug; *9* — glass glass; *10* — jug glass; *11* — glass flask; *12* — amber beads; *13* — bronze buckle; *14* — bronze fibula; *15* —bronze fibula; *15* — bronze fibula; *17—19* — red-lacquer lamps.

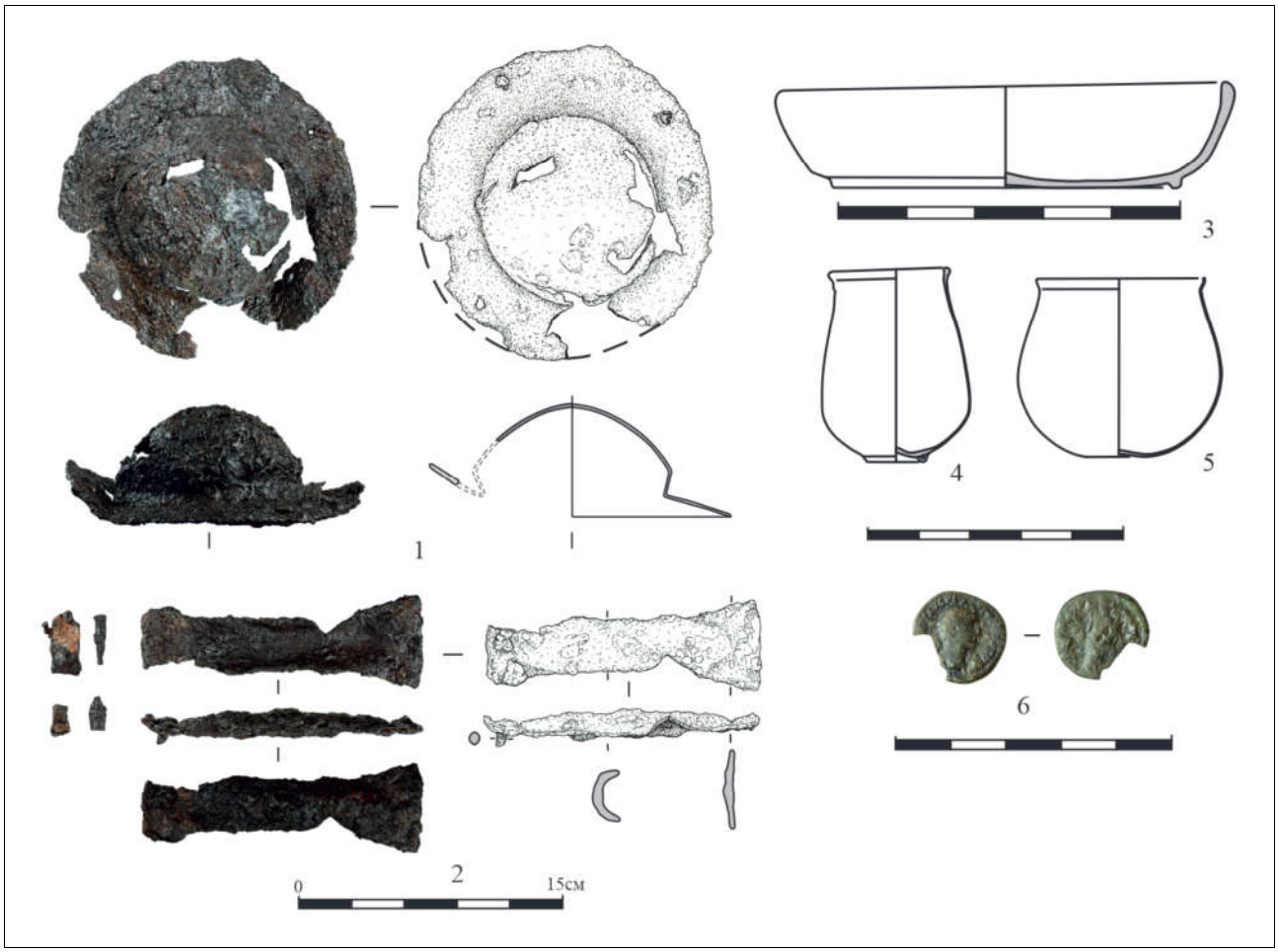


Рис. 3. Находки из могилы № 245 могильника Киль-Дере 1. *1* — умбон железный; *2* — манипула железная; *3* — блюдо краснолаковое; *4* — стакан стеклянный; *5* — кубок стеклянный; *6* — монета бронзовая.

Fig. 3. Grave grave No. 245 of the Kil-dere burial ground 1. *1* — iron umbon; *2* — iron maniple; *3* — red–lacquer dish; *3* — glass cup; *5* — glass cup; *6* — bronze coin.

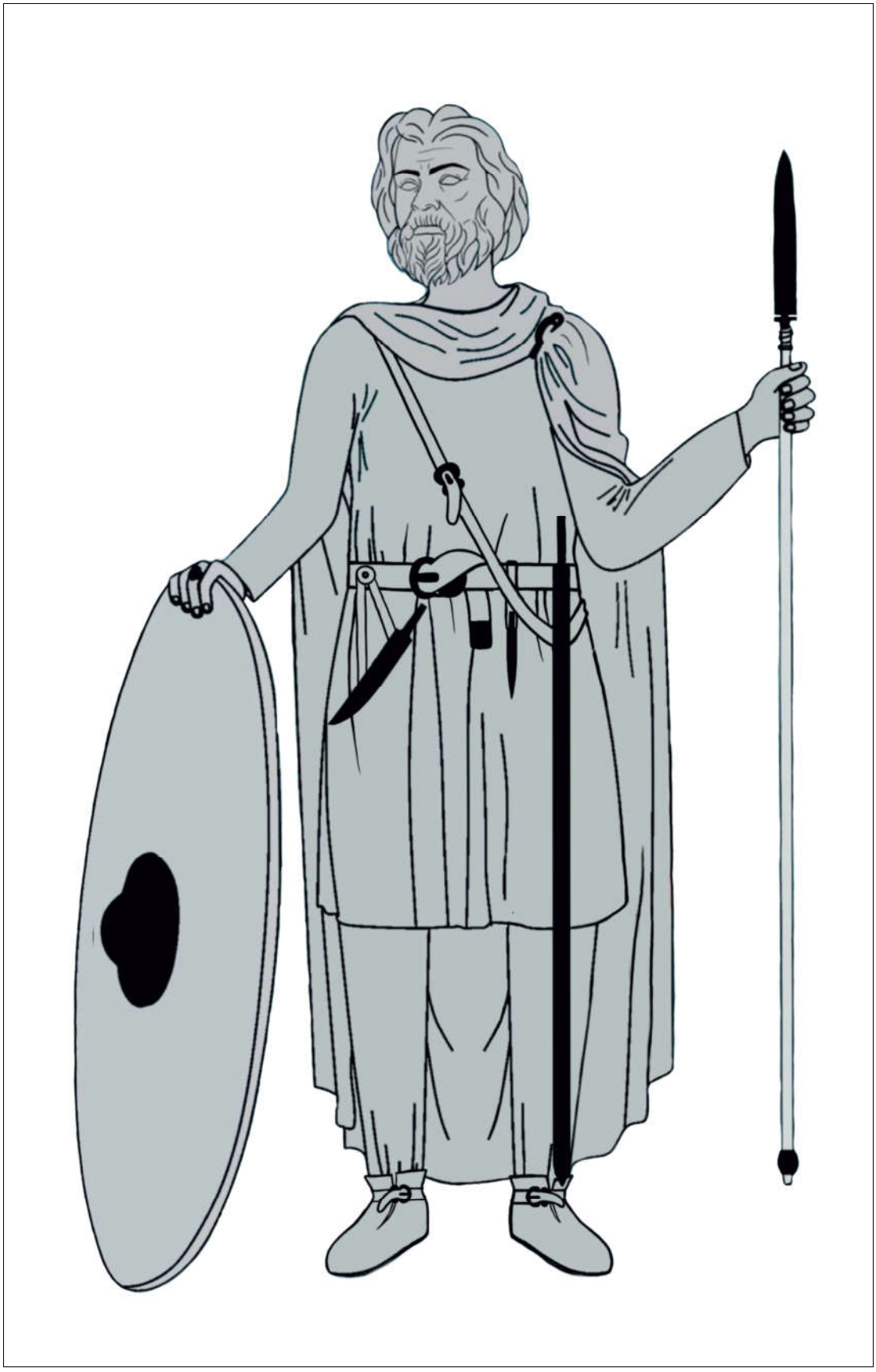


Рис. 4. Реконструкция снаряжения воина из могилы № 41 могильника Фронтовое 3.

Fig. 4. Reconstruction of the warrior's equipment from grave No. 41 of the necropolis Frontovoe 3.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.55.37.021

С.А. Яценко

ТАМГИ САРМАТОВ, СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХУНА И ХУННУ*

Рассмотрен единственный в евразийской Степи район, где найдена серия более ранних точных аналогий царских тамгам с монет хуна Средней Азии и Северо-Западного Индостана конца IV — середины VI вв. н.э. Это Европейская Сарматия к западу от устья Дона, и такие находки, за одним исключением, датируются серединой II — серединой III вв. н.э. Они концентрируются в трех зонах — в Центральном Крыму, в районе Ольвии и у устья Дона (рис. 9). В основных городах Боспора они отсутствуют. Анализирутся 7 типов клановых эмблем (рис. 2—8), идентичные образцы которых известны позже у правителей всех 4 групп «иранских гуннов». Сарматские кланы, использовавшие эти тамги, не входили в состав высшей аристократии и не представлены в большинстве мест, где проводились важные акции (от последних остались большие скопления знаков). В связи с полученным результатом кажутся интересными три свидетельства китайских и римских историков об аланах в Центральной Азии и Индостане в гуннское время.

Ключевые слова: тамги, ранние аналогии тамгам царей хуна в Средней Азии и Индостане, Европейская Сарматия II—III вв. н.э., хуна, хунну, аланы.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

TAMGAS OF SARMATIANS, TRANSOXIANA' HŪNĀ AND XIONGNU

The article considers the only area in the Eurasian Steppe where a series of earlier exact analogies of the royal tamgas from the coins of the Hūṇā of Transoxiana and North-Western Hindustan of the late 4th — mid 6th cc. CE were found. This is European Sarmatia to the west of the mouth of the Don and such finds, with one exception, date back to mid. 2nd — mid. 3rd cc. CE. They are concentrated in three zones — in the Central Crimea, in Olbia region and at the mouth of Don (fig. 9). They are absent in the main cities of Bosporus. 7 types of clan emblems are analyzed (figs. 2—8) the identical samples of which are known later for the rulers of all 4 groups of the "Iranian Huns". The Sarmatian clans that used these tamgas were not part of the highest aristocracy and are not represented in most places where important actions were held (large accumulations of signs remained from them). In connection with the obtained result, three evidences of Chinese and Roman historians about the Alans in Central Asia and Hindustan in the Hunnic period seems interesting.

Key words: tamgas, early analogies of the tamgas of the Hūṇā kings in Transoxiana and Hindustan, European Sarmatia of the 2nd — 3rd cc. CE, Hūṇā, Xiongnu, Alans.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

«Гуннская проблема» очень сложна и имеет много аспектов. Понятно, что с помощью какого-либо одного вида источников (антропологии, нумизматики, анализа древних текстов, региональной погребальной орядности и др.) мы увидим, в лучем случае, лишь малую ее часть. Однако наука сегодня, фактически, находится именно на этом уровне. Неясно, среди

* Статья поступила в номер 12 августа 2024 г.
Принята к печати 27 августа 2024 г.

© С.А. Яценко, 2024.

прочего, *происхождение* основных групп, *называвшихся в целом в Индии на брахми Hūṇā*, оказавшихся в оазисах Средней Азии и скоро захвативших и северо-запад древней Индии (Гандхара, Пенджаб) — *кидаритов*[1], *алхонов, незак и эфталитов* (см., например: Enoki 1969—1970; Litvinsky 1996: 123—173; Kurbanov 2010; Balogh 2020). наводнивших эти территории волнами после середины IV в., а их политическое влияние длилось примерно до 540 г. Власть кидаритов зашаталась, когда шах Пероз захватил столицу Бактрии к 468 г., однако после 475 г. стали активны эфталиты, а около 500 г. в западную Индию вторглись алхоны (см., например: Bakker 2020: XV—XVIII). Получилось так, что мы сегодня куда больше знаем (хотя также поверхностно) о *субкультуре правящих слоев* этих этнических групп; наши сведения о рядовых скотоводах «южных гуннов» ничтожны. Особую роль здесь сыграли монеты, чеканенные завоевателями в Бактрии, на северо-западе Индостана и отчасти в Согде (см., например: Göbl 1967; Ilyasov 2003; Cribb 2010; Errington 2010; Alarm 2016). Важным элементом облика этих монет часто являются фамильные и клановые эмблемы, удостоверительные знаки и маркеры сопричастности к значимым акциям — *тамги (*иран. *нишан)*[2] (Яценко и др. 2019: 18—21). В поисках этнокультурных и иных связей разных групп центральноазиатских хуна были частичные попытки найти этим знакам серию точных и близких аналогов на других территориях (см., прежде всего: Ilyasov 2003; Воронятов 2013), которые, однако, не получили активного продолжения. Некоторые из таких эмблем даже пережили ненадолго арабское завоевание в VIII в., став, возможно, своеобразными эмблемами регионов (Яценко и др. 2019: 323—326).

Отдельный вопрос — *возможная преемственность в использовании таких тамг среднеазиатскими хионами как от монгольских хунну, так и от более западных кочевников Европы*. В последнем случае исследователей отчасти интересовали вероятное копирование части хуннуских тамг сарматами в связи с предполагаемой исключительной сакральной значимостью первых (Богданов 2017: 13) и конкретнее — на территории Южного Казахстана (Воронятов 2013: 56—57). Со своей стороны замечу, что число идентичных знаков для обоих регионов совершенно ничтожно[3], хотя одна из этих тамг — не простая, а царская: она принадлежала правителю Боспора с сарматским именем Иненсимей (234—239) (Давыдова, Миняев 2003: рис. 21: 5; ср.: Яценко 2001: 48—49, рис. 5: 85; 2019: 241—242, рис. 4)[4]. При этом вероятные заимствования рассматривались «в целом» и еще *не анализировались по хронологии, регионам и социальным группам* (коллег, как это популярно среди археологов, интересовали скорее *категории артефактов*).

Некоторые исследователи видят в ряде погребений отдельных некрополей неуловимых для письменных источников потомоков северных хунну начала II — середины IV вв. н.э.[5] в

---

[1] Это наименование часть авторов связывают с правителем Кидарой (寄多羅/Jiduoluo), и, соответственно, не видят в кидаритах этнической группы. Однако в кочевом мире евразийской Степи ближайшие потомки подданных / сторонников сильного правителя действительно иногда образовывали этносы. Характерные примеры для средневековья — узбеки и ногайцы.

[2] Я признателен за помощь коллегам, предоставившим изобразительный материал: А.А. Тишкину (Барнаул), А.Т. Сулайманову (Бишкек) и Дж.Я. Ильясову (Ташкент), за указания на публикации: М.С. Гаджиеву (Махачкала).

[3] Е.С. Богданов приводит в своей статье в качестве идентичных лишь *три простые формы*, бытовавшие у разных народов до недавних пор (Богданов 2017: 13)., а С.В. Воронятов характеризует несколько близких, но *не идентичных*форм (Воронятов 2013: 48—49).

[4] Нас не должно смущать, что на хуннуском поселении Дурены в Забайкалье этот знак был вырезан на гончарном круга ремесленника: ведь мы не знаем, были ли у хунну такие тамги метками мастера (нередко — пленного или иного зависимого человека) или знаком его покровителя.

[5] В самом деле, даже всегда очень интересовавшиеся этногенезом и династийными связями кочевников китайские авторы (добавлю, что в IV—VI вв. половиной Китая правили династии кочевого происхождения) *не упоминают ни о каких хунну (匈奴) и их прямых потомках ни в Средней Азии, ни южнее, ни западнее* ее с 36 г. до н.э. (гибель войска Чжичи на окраинах Кангюя) по 455 г. н.э. (прибытие в столицу Северной Вэй г. Пинчэн, к императору Вэньчэн-ди посольства из страны Сутэ / бывшей *Альньляо* (Яньцай) в низовьях Сырдарьи, где незадолго воцарились именно выходцы из хунну: Шофанбэйчэн, цзюань 31), то есть молчат о них *почти 5 столетий* (Кюнер 1961: 130—131; Яценко и др. 2020: 29, 43).

Южном Казахстане (в центре исторического Кангюя на Средней Сырдарье) (Подушкин 2012); другие стремятся обнаружить их на Южном Урале (на восточной перифериии позднесарматской культуры) (Боталов, Гуцалов 2000)[6]. Письменных источников для уточнения происхождения разных групп среднеазиатских хуна материалов явно недостаточно. Так, Мовсес Хоренаци в связи с событиями второй половины IV в. называет кидаритов «*кушанами*», правящими в Балхе (Ching Chao-jung, Galambos 2020: 154—155). Официальные китайские источники указывают, что эфталиты (Yeda/嚈噠 или Hua/滑）*являлись потомками больших юэчжей* (Вэйшу, 102) (которые в Средней Азии оказались не только в Бактрии, но и были задержаны усунями во II—I вв. до н.э. где-то в районе оз. Балхаш, а также образовали, видимо, часть элиты в Хорезме, Кангюе и Согде: Яценко и др. 2020: 27). Однако, затем им пришлось уйти с границ Китая на север, и там они оказались включены в объединение Gaoju/Gaoche/高车. Позже они мигрировали на запад в Бактрию (как это сделали ранее их предки), и их столица находилась к югу от Амударьи (Балх?) (Суйшу, 83) (Ching Chao-jung, Galambos 2020: 45, 49). Самоназвание и иноназвание этих групп Hūṇā/Hiyon, вероятно, является *псевдо-этнонимом*, т.к. реальных этнически специфичных элементов культуры «имперских» хунну у среднеазиатских и европейских гуннов практически нет[7]: речь идет о приписывании себе происхождения от знаменитых народов или кланов прошлого, что было весьма обычно в мировой истории.

Здесь не место подробно рассматривать разные стороны названных концепций происхождения среднеазиатских хуна. Я коснусь только такого важного источника (в т.ч. по генеалогии знати), как эмблемы-тамги, и надо ясно сказать, что *прямые совпадения корпуса знаков Южного Урала и Кангюя в период I — середины IV вв.* (см., например: Яценко 2001: рис. 6; Яценко и др., 2019: 164, рис. 1; Яценко и др. 2020: рис. 6.2, 6.8) *со знаками хунну отсутствуют*. Не найдем мы точных аналогов им и в памятниках догуннской Бактрии, Согда, Хорезма и северо-западных районов Индостана[8]. Итак, мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: *знаков будущей аристократии хуна юга Трансоксианы и более южных регионов нет в предшествующее время ни на этих территориях, ни на более северных землях (где коллеги предполагают формирование культуры будущих гуннов IV—VI вв.), ни на исторической родине хунну к северу от древнего Китая*. Что же касается тамгопользования у гуннов и Восточной Европы, и Центральной Европы (венгерские пушты) в IV—V вв., то оно, несмотря на немалый объем исследований, археологически не выявлено (иными словами об актуализации тамгопользования у этих групп говорить по каким-то причинам не приходится, и сравнительного материала из этого источника мы не получим).

Остается лишь попробовать поискать аналогии тамгам на монетах правителей кидаритов, алхонов, незак и эфталитов *в других регионах Великой Степи*. И такой регион (единственный!) «легко» (после определенной технической работы) обнаруживается. *Именно и только в нем документирована целая серия будущих тамг правителей бактрийских и индийских хуна*, причем она датируется сравнительно незадолго до «явления миру» гуннов в середине IV в. н.э., а зона их бытования довольно компактна. Ниже мы рассмотрим серию подобных примеров. Понятно, что при нынешнем уровне наших знаний часть возникающих при этом вопросов пока останется без ответа.

---

[6] В соседнем Западном Казахстане в предгуннское время (III—IV вв.) оригинальных местых тамг известно крайне мало. Так, на Мангустау, в уникальном портовом городе Каракабак на северо-востоке Каспия, вначале существования оборонительного «вала Байлама» (в III в. н.э.) на плите, вмонитрованной в эту стену, есть серия тамг (Астафьев, Богданов 2023: рис. 1—2). Три из них известны на западе у сарматов, семь остальных оригинальны.

[7] Исключение являются единичные бронзовые котлы особой формы (Боковенко, Засецкая 1993), возможно — реликвии, однако формы посуды в кочевом мире заимствовались довольно часто. Такие элементы воинской субкультуры, как особые пряжки поясов, костяные накладки на лук и штандарты с надувными драконами, весьма рано получили широкое распространение, включая оседлые народы Евразии (в том числе отчасти — в армии Римской империи).

[8] Часть эмблем из *поселений* исторического ядра Кангюя на Средней Сырдарье явно относится к *рядовым* кланам или хозяевам ремесленных мастерских, однако возникшего затруднения это не устраняет.

Обратимся, однако, для начала *к собственно тамгам хунну* времен Империи. О них несколькими авторами написано уже немало, но многие ключевые вопросы остаются нерешенными. Прежде всего, мы не знаем определенно, использовались ли тамги у хунну только знатью (когда и рядовые работники пользовались защитой ее эмблем), как это было, видимо, у сарматов и еще недавно твердо установлено для их потомков — осетин, или они были и у рядовых кланов (помимо более простых зарубок, фигурных вырезов на ушах животных из своих стад и т.п.). Знаки эти часто имеют довольно сложные, трудные для запоминания формы, и это неспроста (знание эмблематики у знати было жизненно необходимо). Высказывалось и весьма экзотическое мнение о происхождении корпуса хуннуских эмблем от … форм китайских иероглифов — сложнейшей письменности мира (Богданов 2017: 11—12)[9]. На каких изделиях в первую чередь наносились тамги хунну? По сравнению с сарматами перечень этих категорий будет очень невелик: это, прежде всего, *скопления* тамг в свобразных наскальных святилищах (Юго-Западная Монголия), где есть и другие фигуративные изображения той эпохи: каньон р. Цаган-гол (рис. 1: 1, 3—6)[10], скала в Яман ус) (рис. 1: 2, 6), на китайских лаковых чашечках из могил знати (на таком сосуде может быть до трех разных тамг) (Воронятов 2013: рис. 1—2; 2018; Эрдэнэ-Очир и др. 2021: 67, 239—240, 288), из «своих» изделий — на гончарном круге ремесленников, обычно, видимо, иноэтничных, и астрагалах (коленных чашечках овцы) для гадания (на них преобладают, однако, простейшие метки явно не тамгового характера, а технические для собственно гадания/игры), в единичных случаях — на оселке или на поясной пряжке (Давыдова 1995: табл. 15: 15, 134: 4, 184: 18; Давыдова, Миняев 2003: табл. 21: 5, 96: 2; Воронятов 2013: рис. 6: 1; Богданов 2017: рис. 4—7). Иными словами, неоднократно тамги хунну из собственных «изделий» наносились лишь на… гадательные кости барана; из продукции чужих мастеров приоритет, разумеется, отдавался различным небольшим сосудам. Размещение тамг на сосудах хунну и сарматов сходно (Воронятов 2013: 48—52), но лишь в той степени, в какой похожи во многом жесткие условия кочевого быта Степи в разные эпохи и обусловленные ими традиции.

Перейдем теперь к материалам того единственного региона, где известна целая серия тамг, идентичных более поздним знакам правителей «иранских гуннов» Трансоксианы и Северо-Западного Индостана. Это — *Сарматия, причем вовсе не азиатская ее часть* к востоку от Дона, как можно было бы ожидать (там ряд коллег ищет зону зарождения новых гуннских группировок), а, напротив — *исключительно Европейская Сарматия к западу от Дона* (рис. 9).

Тамга Т1

Она затем была связана с ранней волной хуна — кидаритами. Так, она представлена на монетах клана Кота Кула (рис. 2: 2), а позже — на монетах правителей Термеза в Бактрии (рис. 2: 3). Однако самый ранний образец этого знака известен в совсем ином регионе Степи — в Центральном Крыму, в склепе № 169 (бывш. № 2) середины II — сердины III вв. сарматского некрополя Нейзац в Центральном Крыму (15 км к востоку от Симферополя) (Ilyasov 2003: 142, pl. II: 7; Яценко 2018: 236) (рис. 2: 1).

[9] Увы, приводимые параллели двух совершенно разных по назначению знаковых систем — китайской иероглифики и хуннуских тамг — обычно не вполне точны, а ситуация, когда бы вся система знаков тамгового типа была бы заимствована из письменности соседей, исследователям по тамгам ни на одном из континентов сегодня не известна (ср., например: Evans Pim, Yatsenko, Perrin 2010). Во многих случаях путаются обычная китайская орнаментика изделий ханского времени и иероглифика.

[10] Знаки ранних кочевников из этого местонахождения петроглифов без должных оснований вначале отнесли к большим юэчжам (Вайнберг, Новгородова 1976: 71), хотя китайские хроники локализуют последних гораздо дальше на юго-восток — на границе Ганьсу и Синьцзяна, недалеко от древнего г. Джаову. В последние годы в Юго-Западной Монголии открыты памятники хунну (мне довелось участвовать в их раскопках), но не погребения, которые можно соотнести с ранними юэчжами. Помимо двух названных пунктов с сериями знаков, в остальных на территории Монголии мы не можем пока достоверно отличить тамги-петроглифы и иные изображениях хунну от дохуннуских, сакского времени. Они давно и плохо опубликованы фрагментами, и пока нет достаточных оснований датировать их на основе стилистики сопровождающих изображений животных и людей.

Тамга Т2

Этот знак позже был связан с эфталитами и с алхонами, он особенно популярен на монетах правителя Тобазани / Гобозико. На реверсе его монет мы подчас видим четыре таких тамги по кругу «на боку», причем ясно, что было допустимо разворачивать знак под разными углами (рис. 3: 2). Ранний прототип этого знака известен один — в погребении 106 грунтового скифо-сарматского могильника Бельбек IV на границе Центрального и Западного Крыма. Это погребение датируется первой половиной III в. н.э. (рис. 3: 1). Тамга представлена на женском «брачном» зеркальце-подвеске одной из попавших сюда сарматок. Разные варианты близких знаков имеются в это время и на других подобных зеркалах из грунтовых некрополей данного района (в том же Бельбеке IV и в Нейзаце) (Яценко 2018: рис. 1: № 11—12; 11: № 5). Крымская тамга имеет в центре кружка точку. Возможно, это технологическая особенность производства зеркала, однако именно такой знак высечен на одном из валунов в знаменитом скоплении петроглифов Саймалыташ I в Кыргызстане (рис. 3: 3).

Тамга Т3

Это была в дальнейшем тамга алхонов, представленная, в частности, на монетах Хингилы, Джавухи и Мехамы (рис. 4: 2—4). Простой вариант ее изображения (без портрета правителя и т.п.) известен в столице Чача — на городище Канка в Ташкентском оазисе (рис. 4: 6); гравирован он и на парадной серебряной посуде (рис. 4: 7). Однако самый ранний образец такой сарматской тамги представлен на обломке мраморной плиты, происходящей, видимо, из Ольвии (рис. 4: 1). Один такой знак (он изображен, по сравнению с хуна, вверх ногами, что вполне допускалось у ранних кочевников) гравирован на участке 2 под лестницей во дворике храма Байте III у западного обрыва-чинка плато Устюрт (рис. 4: 5). Этот поврежденный землетрясением храм продолжал использоваться в I—III вв. и находился вне зоны контроля «южных» хуна. Здесь, на караванной дороге через Устюрт, господствуют сарматские тамги, но есть и знаки Хорезма (в т.ч. царские), кушанские и кангюйские (Яценко и др. 2019: 67—81). Этот нишан видим также на рубеже IV—V вв. на печати царя Албании Асвагена и, видимо, других правителей этой страны (Гаджиев 2003: 105—107, рис. 1—2).

Тамга Т4

Она известна на дополнительных эфталитских штемпелях на сасанидских монетах (рис. 5: 2) и (в «перевернутом» виде) на одной из «сасанидских» гемм (рис. 5: 3). Впервые такой знак мы видим на груди антропоморфного скифо-сарматского надгробия с городища Кермен-Кыр в Центральном Крыму (рис. 5: 1). Верхняя половина этой тамги была помещена в своеобразный прямогольный «киот» (без нижней части), прочерченный тонкой линией. Точно в такой же «киот» была помещена тамга, близкая типу Т 5, на одном из все еще не опубликованных фрагментов плит, найденных в 1993 г. в Танаисе.

Тамга Т5

Представлена на эфталитском штемпеле на сасанидских монетах (рис. 6: 1). Однако до того она гравирована на мраморном льве № 1 из кургана у Ольвии, в нижней части его хребта (рис. 6: 2—3). Близкий знак представлен на серебряной упряжи в уже упомянутом склепе № 169 середины II — сердины III вв. в могильнике Нейзац (рис. 6: 4—5).

Тамга Т6

Эта тамга эфталитского круга изображалась на монетах династии Асбара, чеканившихся, по мнению А.И. Наймарка, с начала V в. в Бухаре (см., например, Наймарк 1995: 31, 37) (рис. 7: 4). Ранние прототипы этого знака во II-III вв. известны на трех женских «брачных» зеркалах-подвесках из разных участков меото-сарматского грунтового некрополя Кобяково у устья Дона (рис. 7: 1—2), а один из них — в подбое 3 I—II вв. в восточном некрополе Неаполя Скифского (Яценко 2018: 224—226, 230—234) (рис. 7: 3).

Тамга Т7

Этот знак позже известен на монетах хуна-незак (рис. 8: 5). Однако ранее он несколько раз представлен у сарматов. Дважды он вырезан рядом на голове скульптуры льва № 2 из-под Ольвии (рис. 8: 1—2), а также гравирован на одной из сторон свинцового «жетона» (видимо — амулета) с городища Ольвии (рис. 8: 4). Он также дважды изображен на разных плоскостях плиты из Танаиса в музее Новочеркасска (рис. 8: 3).

Приведенных примеров достаточно, чтобы у нас возникло несколько вопросов. Каковы закономерности размещения таких тамг на территории Европейской Сарматии? Что означает единственная серия точных аналогов знакам среднеазиатских и индостанских хуна, известная именно у более ранних западных групп сарматов I—III вв. н.э.? Как и в чем эти наблюдения меняют наши представления о соотношении сарматских группировок и будущих хуна?

Еще один специфический памятник, в котором мы видим граффити с тамгами трех типов из нашей серии — *каменный храм Байте III* на западном краю плато Устюрт, построенный примерно в IV в. до н.э., после замлетрясения вскоре полузаброшенный и частично обновленный в I—III вв. н.э. (именно в это время здесь появилось множество тамг). Два знака алхонов Т2 (№ 250) и гуннов-незак Т7 (№ 195) встречены в противоположном входу отсеке крестовидного дворика, у разных углов его стены (участок 3, где, наряду с большинством сарматских, есть знаки Хорезма, в т.ч. самый популярный царский БІ). Второй раз тамга Т7 нанесена уже снаружи храма, слева от входа, среди серии сарматских. Еще один знак алхонов Т3 высечен на важном участке 2 у лестницы во дворике (Яценко и др. 2019: 62-81, рис. 3; 6: №№ 182, 195, 250; 298—306, рис. 1). Интерпретировать графитти с этого места отдыха древних караванов из разных стран не всегда легко, но, видимо, это уже *граффити подданных хуна — торговцев из Бактрии или Согда*, ставивших знак своего правителя при молитвах в святилище (как это делали ранее купцы из Хорезма).

Выводы

Выявленная нами картина исключает случайные совпадения. Нетрудно заметить, что в Сарматии есть *всего три небольших зоны находок* будущих царских тамг хуна, и в каждой из них они встречены неоднократно — Центральный и Юго-Западный Крым, район Ольвии и у устья Дона. Они встречены как на портативаных артефактах, так и на стене склепа, в скоплениях на каменных плитах и скульптурах. При этом важно, что в Пантикапее — столице Боспора (откуда происходит множество сарматских тамг всех периодов на различных типах объектов) таких находок нет; нет их и на Азиатской стороне Боспора (Фанагория, Горгиппия и др.). В этом государстве они представлены лишь в самом отдаленном и изолированном районе в глубине сарматской Степи — Танаисе и его ближней округе. В случае, когда известна более узкая дата объектов, *они относятся к началу позднесарматской эпохи* (столетие с середины II до середины III вв. н.э.)[11]. В скоплениях тамг наши знаки не только редки, но и в случаях использования имеют малый размер и находятся на периферии общей композиции (то есть они не входили в число

[11] Исключение — вариант тамги Т6 в одной из могил I—II вв. в восточном некрополе Неаполя Скифского (рис. 7: 3). К середине III в. н.э. все поселения, с которых в Сарматии происходят тамги изучаемой серии (Ольвия, Танаис, Неаполь Скифский, Кобяково, Кермен-Кыр), погибли в результате предвижений готов и их союзников.

инициаторов важных акций); они отсутствуют на вещах в могилах «царского» и «княжеского» рангов. Так что перед нами, конечно — кланы не рядовых скотоводов, но и не представители высшей знати; однако у азиатских гуннов эти эмблемы вскоре стали царскими (княжескими). Они гравированы на изделиях, связанных как с женской субкультурой («брачные» зеркала-подвески, жетон-амулет), так и, вероятно, с мужской (надгробие, скопления тамг из античных сооружений). При этом далее в использовании таких знаков в кочевом мире следует (до появления в европейской Степи и на юге Средней Азии гуннов) *лакуна около 120 лет, когда они у сарматов не документируются*. Не менее важно то, что здесь представлены знаки *разных* (всех четырех) будущих среднеазиатско-индостанских группировок хуна. При этом во многих самых известных и крупных скоплениях знаков («писаная плита» 1871 г. и вход склепа 1872 г. из Пантикапея; стела из Кривого Рога, пещеры на Ак-Кае, большая серия плит из Танаиса в Новочеркасске и музее «Танаис» др.[12]) они отсутствуют, но неоднократно встречены на обоих скульптурных мраморных лежащих львах (последние найдены в одном кургане у Ольвии в начале XIX в., и самые поздние знаки на них относятся к первой половине IV в. н.э.: Яценко 2001: 62: прим. 4) а также на единственной (!) из многочисленных подобных плит Танаиса[13]. На востоке ареала (у устья Дона) отмечены только знаки эфталитов (Т6) и гуннов-незак (Т7), которые известны и в более западных пунктах; уникальных (единственных) находок той или иной формы тамги здесь нет. Это говорит о низовьях Дона как о менее значимом в плане изучаемых тамг регионе. Типы «гуннских» тамг (кроме Т1 и Т5) чаще выявлены только / также на портативных изделиях; в районе Ольвии (Т3, Т5, Т7) они чаще гравированы на каменных плитах или скульптурах из построек. Это наблюдение делает практически невероятным нанесение таких знаков путешественниками издалека. Как раз в основном районе концентрации будущих царских эмблем «иранских гуннов» (вокруг низовий Днепра) Птолемей (Geogr. III, 5, 10), видимо — в связи с экспансией племен позднесарматской культуры, локализует племя Chuni[14].

В нашем случае *исключительно сарматские ранние аналогии* царским тамгам хуна Трансоксианы и Северо-Западного Индостана заставляют внимательнее присмотреться к различным разрозненным свидетельствам IV—V вв. *о роли групп «аланов» на востоке*. Таких любопытных сообщения у нас, как минимум, три. *Во-первых*, это уже приведенная (прим. 5) информация из «Шофанбэйчэн» (31) о том, что единственое владение в Средней Азии где воцарились с середины IV в. именно *потомки хунну* — это бывшая страна аланов (Аланьляо) в низовьях Сырдарьи; при новых господах она стала именоваться Сутэ. То, что хунну стали контролировать именно и только давнюю (с I в. н.э.) территорию аланов в Средней Азии (и лишь очень малую часть Западного Туркестана), само по себе интересно и важно. *Во-вторых*, это смущающее современных ученых сообщение такого прекрасно информированного и близкого императру автора, как Аммиан Марцеллин, о том, что в последней четверти IV в. (после вторжения гуннов и в Среднюю Азию и в Европу) аланы (их историк хорошо отличает от европейских гуннов и среднеазиатских хионитов) живут далеко на востоке группами на огромных пространствах вплоть до верховьев реки Ганг в Индии (то есть как раз на территории, занятой «иранскими гуннами» (Res Gestae, XXXI, 2, 12). *В-третьих*, согласно «Сяньтаншу» (221), в период владычества этих номадов такой важный город, как Бухара в Согде, назывался Аланьми/(阿濫密, и сам этот термин стал титулом правителей из самаркандского правящего клана в ряде мелких княжеств у устья Заравшана (Яценко и др. 2020: 66)[15]. Все это — сообщения официальных или близких к высшей власти надежных источников, и о них вновь стоит подумать.

[12] Последняя коллекция из 16 фрагментов плит с тамгами, найденная в Танаисе в 1993—1994 гг., до сих пор не опубликована (Яценко 2001: 73, прим. 10), хотя мне отчасти доступна.

[13] Музей истории донского казачества в Новочеркасске, № II-205 (Яценко 2001: 74, рис. 23а).

[14] Никаких археологических признаков формирования в это время некой новой культуры «на основе монгольских хунну» в Центральном Крыму и низовьях Днепра за почти полтора века интенсивных раскопок обнаружено не было. Они были заселены группами восточноиранских сарматов и поздних скифов.

[15] Отдельная интересная тема — наличие на самом раннем монетном чекане Бухары (основанном на подражании греко-бактрийскому Евтидему) одной и той же тамги, близкий образец которой нанесен на одно из бывших

Литература

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. 2023. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама». *Археология Казахстана* 2, 131—147.

Богданов Е.С. 2017. Происхождение тамг хунну. *НАВ* 16/2, 5—32.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете хунно-гуннскихсвязей. *ПАВ* 3, 73—88.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы урало-казахстанских степей*. Челябинск: Рифей.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии. В: Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. (ред.). *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. Москва: Наука, 66—74.

Воронятов С.В. 2013. Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами. *НАВ* 13, 48—59.

Воронятов С.В. 2018. Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа. In: 2018 International Conference DONG-ACORE. Busan: [s.n.], 17—44.

Гаджиев М.С. 2003. Гемма-печать царя Албании Асвагена. *ВДИ* 1, 102—119.

Давыдова А.В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. 1. *Иволгинское городище*. Санкт-Петербург: Фонд «АзиатИКА».

Давыдова А.В. Миняев С.С. 2003. *Комплекс археологических памятников у с. Дурены*. Санкт-Петербург: Фонд «АзиатИКА».

Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Крапивина В.В. 2004. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии. В: Зинько В.Н. (ред.). *БЧ* V. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 205—208.

Кюнер Н.В. 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва: Восточная литература.

Наймарк А.И. 1995. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде. *Нумизматика Центральной Азии* 1, 29—50.

Подушкин А.Н. 2012. К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе). *Stratum plus* 4, 31—53.

Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.

Торбат Ц., Батсух Д, Баянхуу Н. 2012. Хуннугийн археологийн тамгууд Люаньди овгийн тамга болох нь. *Studia archaeological Instituti archaeologici Academiae scientiarum Mongolicae* XXXII / 9, 136—161.

Эрдэнэ-Очир и др. 2021: Эрдэнэ-Очир Н., Цэвэндордж Д., Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2021. *Ноён уулын дурсгалын археологийн шинэ судалгаа*. Уланбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2018. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus* 6, 217—242.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.

Яценко и др. 2019: Яценко С.А., Смагулов Е.А., Рогожинский А.Е., Табалдиев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г.Б. 2019. *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ (на русск. и англ. яз.).

Яценко и др. 2020: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. 2020. *Археология и история Кангюйского государства*. Шымкент: Әлем.

Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6, 277—311.

Alarm M.A. 2016. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westturken in Zentralasien und Indien. Wien: Kunsthistoricshen Museum16.

Bakker H. 2020. Huns in the Central and South Asia: a Timeline. In: Balogh D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, XV—XVIII.

Balogh D. (ed.). 2020. *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History.* Groningen: Barkhuis.

боспорских надгробий (ср.: Драчук 1975: табл. IX: № 653), а зеркально отраженный идентичный знак представлен среди других сарматских на рухнувшем своде храма в Байте III (Яценко и др. 2019: 82, рис. 6: № 76). На эту тему А.И. Наймарком подготовлена статья «Alans and Euthydemus". Но это другая и более ранняя история, а свидетельств связи ее именно с аланами не имеется.

Batbold N. 2011. Rock Art of the Xiongnu. In: Tsevendorj E., Saruulbuyan J. (eds.) *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the Fisrst Nomadic Empire in Mongolia*. Ulabaatar: G. Eregzen, 96—101.

beastcoins.com: 1: Beast Coins. URL: https://www.beastcoins.com (дата обращения 12.04.2024).

Ching Chao-jung, Galambos I., 2020. Chinese Sources. In: Balogh D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, 2—112.

cngcoins.com: 1: CNG. Classical Numismatic Group, LLC. URL: https://www.cngcoins.com (дата обращения 12.04.2024).

coinindia.com: 1: CoinIndia. URL: https://coinindia.com (дата обращения 12.04.2024).

Cribb J. 2010. The Kidarites. The Numismatic Evidence. In: Alarm M., Klimburg-Salter D., Inaba V., Pfisterer M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 91—146.

en.numista.com: 1: Nunismata. URL: https://en.numista.com (дата обращения 12.04.2024).

etsy.com: 1: The “Sasanian” seal. URL: https://www.etsy.com/dk-en/listing/1060255937/sasanian-carnelian-agate-stone-stamp (дата обращения 12.04.2024).

Enoki K. 1969—1970. On the Date of Kidarites (1-2). *The Memoirs of the Toyo Bunko* 27—28, 1—26, 13—38.

Errington E. 2010. Differences in the Patterns of Kidarite and Alkhon Coin Distribution at Begram and Kashmir Smast. In: Alarm M., Klimburg-Salter D., Inaba V., Pfisterer M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 147—168.

Evans Pim J., Yatsenko S.A., Perrin O.T. (eds.). 2010. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books.

Göbl R. 1967. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Vol. I—IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Ilyasov J.Ya. 2003. On a Number of Central Asian Tamgas 1. *Silk Road Art and Archaeology* IX, 131—157.

Kurbanov A. 2010. The Hephthalites: Archaeological and Historical Analysis. PhD Thesis. Berlin: Free University.

Litvinsky B.I. (ed.). 1996. *History of Civilization of Central Asia*. Vol. III. *The Crossroads of civilizations, A.D. 250 to 750*. Paris: UNESCO (Multiple history [8]).

mongolija.upese.lt: 1: Tips and facts for travelers to Western Mongolia. URL: http://mongolija.upese.lt /index.php/en/the-river-tsagan-gol (дата обращения 12.04.2024).

Nowgorodowa E. 1980. Alte Kunst der Monglei. Leipzig: E.A. Seeman Verl.

zeno.ru: 1: ZENO.RU - Oriental Coins Database. URL: https://www.zeno.ru (дата обращения 12.04.2024).

References

Astaf’yev, A.E., Bogdanov, E.S. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2, 131—147 (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2017. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16/2, 5—32 (in Russian).

Bokovenko, H.A., Zasetskaya, I.P. 1993. In *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 3, 73—88 (in Russian).

Botalov, S.G., Gutsalov, S.Yu. 2000. *Gunno-sarmaty uralo-kazakhstanskikh stepey (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Rifey (in Russian).

Vaynberg, B.I., Novgorodova, E.A. 1976. In: Gafurov, B.G., Litvinskiy, B.A. (eds.). *Istoriya i kul’tura narodov Sredney Azii (drevnost’ i sredniye veka) (History and culture of the peoples of Central Asia (antiquity and the Middle Ages))*. Moscow: Nauka, 66—74 (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2013. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 13, 48—59.

Воронятов С.В. 2018. Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа. In: 2018 International Conference DONG-ACORE. Busan: [s.n.], 17—44.

Gadjiev, M.S. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 102—119 (in Russian).

Davydova, A.V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks (Ivolginskiy archaeological complex)*. Vol. 1. *Ivolginskoye gorodishche (Ivolginskoe settlement)*. Saint Peterburg: Fond “AziatIKA” (in Russain).

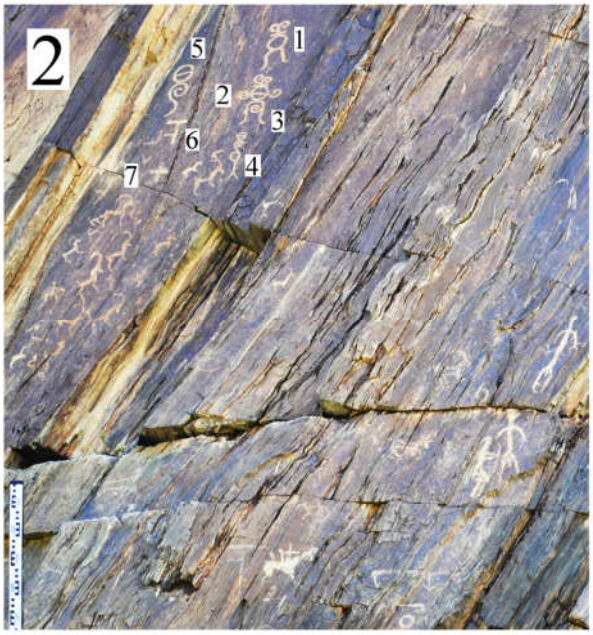
Davydova, A.V. Minyaev, S.S. 2003. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u s. Dureny (Complex of archaeological monuments near the Dureny village)*. Saint Peterburg: Fond “AziatIKA” (in Russain).

Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor’ya. Tamgoobraznye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Systems of signs of the Northern Black Sea region. Tamga-shaped signs of the North Pontic periphery of the ancient world in the first centuries of our era)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Krapivina, V.V. 2004. In: Zinko, V.N. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* V. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ya. Etnicheskiye protsessy (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Ethnic processes)*. Kerch: TSAI BF “Demetra”, 205—208 (in Russian).

Kyuner, N.V. 1961. *Kitayskiye izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral’noy Azii i Dal’nego Vostoka (Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Naymark, A.I. 1995. In *Numizmatika Tsentral'noy Azii (Numismatics of Central Asia)* 1, 29—50 (in Russian).
Podushkin, A.N. 2012. In *Stratum plus* 4, 31—53 (in Russian).
Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).
Torbat, Ts., Batsukh, D, Bayankhuu, N. 2012. In *Studia archaeological Instituti archaeologici Academiae scientiarum Mongolicae* XXXII / 9, 136—161 (in Mongolian).
Erdene-Ochir et al. 2021: Erdene-Ochir, N., Tsevendordj, D., Polosimak, N.V., Bogdanov, E.S. 2021. *Noyon uulyn dursgalyn arkhyeologiin shine sudalgaa (A new archaeological study of the mountain monument)*. Ulanbaatar: Soyombo Printing KhKhK (in Mongolian).
Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2018. In *Stratum plus* 6, 217—242 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).
Yatsenko et al. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, J.Ya., Babayarov, G.B. 2019. *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS (in Russian and English).
Yatsenko et al. 2020: Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoyev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskii, A.Ye., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archeology and history of the Kangju state)*. Shymkent: Elem (in Russian).
Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6, 277—311 (in Russian).
Alarm, M.A. 2016. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westturken in Zentralasien und Indien. Wien: Kunsthistoricshen Museum16.
Bakker, H. 2020. Huns in the Central and South Asia: a Timeline. In: Balogh, D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, XV—XVIII.
Balogh, D. (ed.). 2020. *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History.* Groningen: Barkhuis.
Batbold, N. 2011. Rock Art of the Xiongnu. In: Tsevendorj, E., Saruulbuyan, J. (eds.) *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the Fisrst Nomadic Empire in Mongolia*. Ulabaatar: G. Eregzen, 96—101.
beastcoins.com: 1: Beast Coins. Available at: https://www.beastcoins.com (accessed 12.04.2024).
Ching Chao-jung, Galambos, I., 2020. Chinese Sources. In: Balogh, D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, 2—112.
cngcoins.com: 1: CNG. Classical Numismatic Group, LLC. Available at: https://www.cngcoins.com (accessed 12.04.2024).
coinindia.com: 1: CoinIndia. Available at: https://coinindia.com (accessed 12.04.2024).
Cribb, J. 2010. The Kidarites. The Numismatic Evidence. In: Alarm, M., Klimburg-Salter, D., Inaba, V., Pfisterer, M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 91—146.
en.numista.com: 1: Nunismata. Available at: https://en.numista.com (accessed 12.04.2024).
Enoki, K. 1969—1970. On the Date of Kidarites (1-2). *The Memoirs of the Toyo Bunko* 27—28, 1—26, 13—38.
Errington, E. 2010. Differences in the Patterns of Kidarite and Alkhon Coin Distribution at Begram and Kashmir Smast. In: Alarm, M., Klimburg-Salter, D., Inaba, V., Pfisterer, M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 147—168.
etsy.com: 1: The "Sasanian" seal. Available at: https://www.etsy.com/dk-en/listing/1060255937/sasanian-carnelian-agate-stone-stamp (accessed 12.04.2024).
Evans Pim, J., Yatsenko, S.A., Perrin, O.T. (eds.). 2010. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books.
Göbl, R. 1967. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Vol. I—IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
Ilyasov, J.Ya. 2003. On a Number of Central Asian Tamgas 1. *Silk Road Art and Archaeology* IX, 131—157.
Kurbanov, A. 2010. The Hephthalites: Archaeological and Historical Analysis. PhD Thesis. Berlin: Free University.
Litvinsky, B.I. (ed.). 1996. *History of Civilization of Central Asia*. Vol. III. The Crossroads of civilizations, A.D. 250 to 750. Paris: UNESCO (Multiple history [8]).
mongolija.upese.lt: 1: Tips and facts for travelers to Western Mongolia. Available at: http://mongolija.upese.lt /index.php/en/the-river-tsagan-gol (accessed 12.04.2024).
Nowgorodowa, E. 1980. *Alte Kunst der Monglei*. Leipzig: E.A. Seeman Verl.
zeno.ru: 1: ZENO.RU - Oriental Coins Database. Available at: https://www.zeno.ru (accessed 12.04.2024).

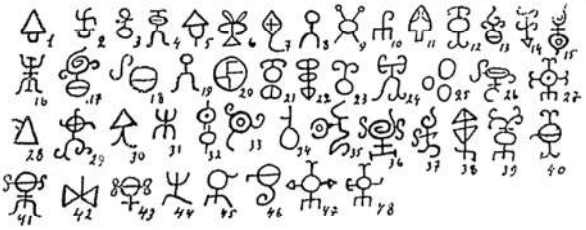

2
1
2
3
4
5
6
7

1

4
1
2
3
4
5
6

II
3

1
2
0 10
3
4
5


6

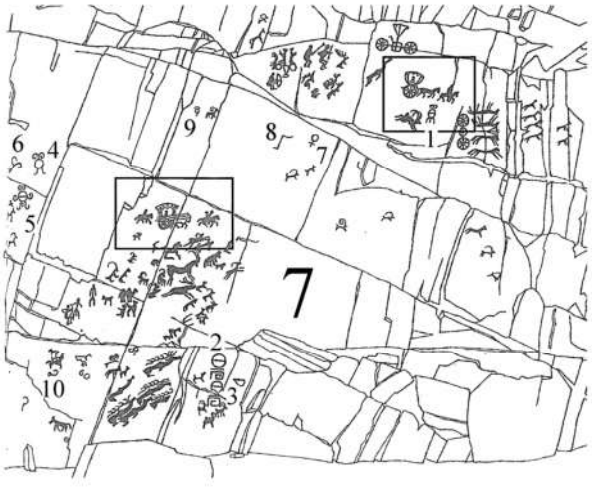

7
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 1. Скопления тамг хунну в Юго-Западной Монголии: *1* — каньон р. Цаган-гол, Гоби-Алтайский аймак (по mongolija.upese.lt: 1); *2* — Яман ус, Ховдский аймак, фото А.А. Тишкина; *3—6* — Цаган-гол, различные участки (по Nowgorodowa 1980; Вайнберг, Новгородова 1976: рис. 5); *6* — сводка тамг Цаган-гола по Ц. Доржсурэну (по Торбат, Батсух, Баянхуу 2012: зур. 13); *7* — Яман ус (по Batbold 2011: 97).

Fig. 1. Tamgas Accumulations of Xiongnu in the South-Western Mongolia: *1* — canyon of Tsagaan Gol River, Gobi-Altai Aimag (after mongolija.upese.lt: 1); *2* — Yamaan us, Khovd Aimag, photo by A.A. Tishkin; *3—6* — Tsagaan Gol, various sites (after Nowgorodowa 1980; Wainberg, Novgorodova 1976: fig. 5); *6* — summary of tamgas inTsagaan Gol by Ts. Dorjsuren (after Torbat, Batsukh, Bayankhuu 2012: zur. 13); *7* — Yamaan us (after Batbold 2011: 97).

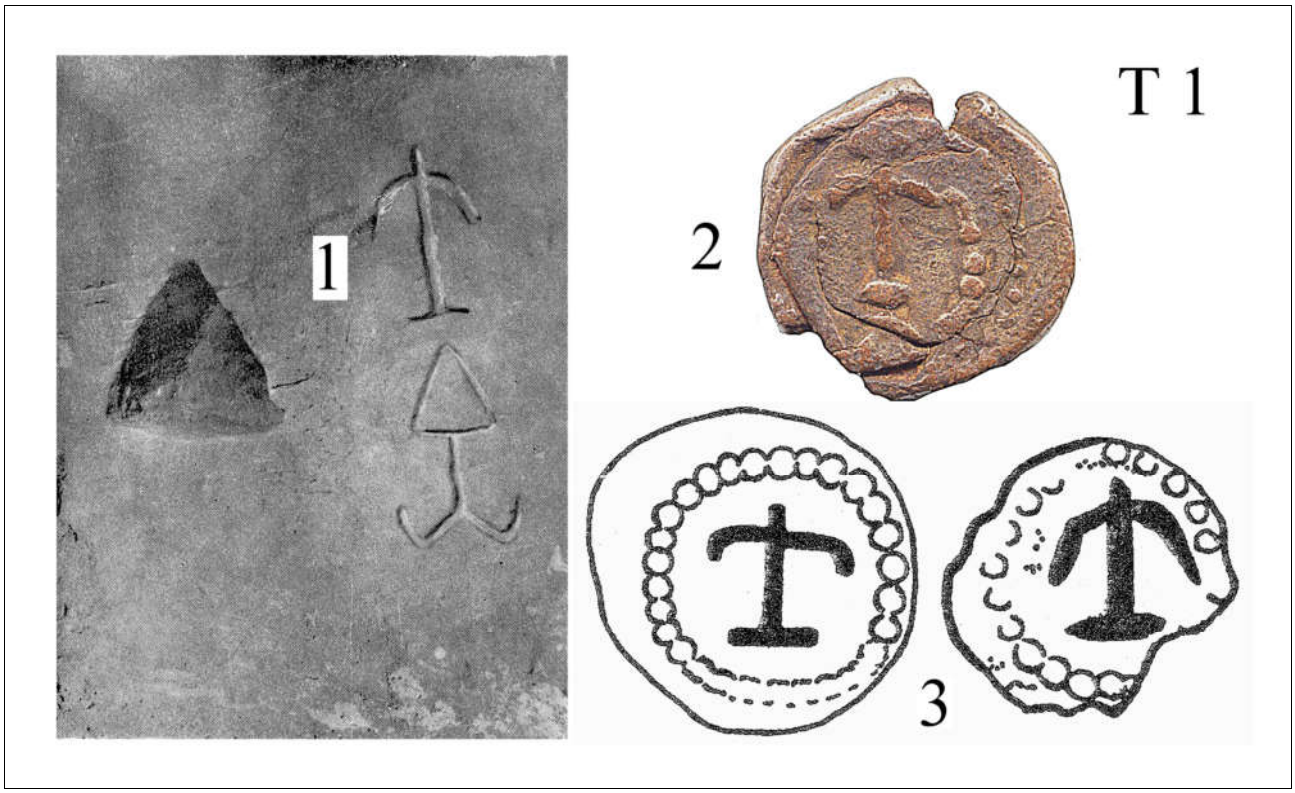


Рис. 2. Тамга кидаритов и ее прототип: *1* — Нейзац, стенка склепа 169 (по Соломоник 1959: № 34); *2* — монета Кота Кулы, Пенджаб (по en.numista.com: 1: No. pieces50014); *3* — монеты правителей Термеза (Бактрия) (по Яценко и др. 2019: 325, рис. 5: 3).

Fig. 2. Tamga of Kidarites and its Prototype: *1* — Neizats, the wall of the crypt 169 (after Solomonik 1959: No. 34); *2* — coin of Kota Kula, Punjab (after en.numista.com: 1: No. pieces50014); *3* — coins of the rulers of Termez (Bactria) (after Yatsenko et al. 2019: 325, fig. 5: 3).

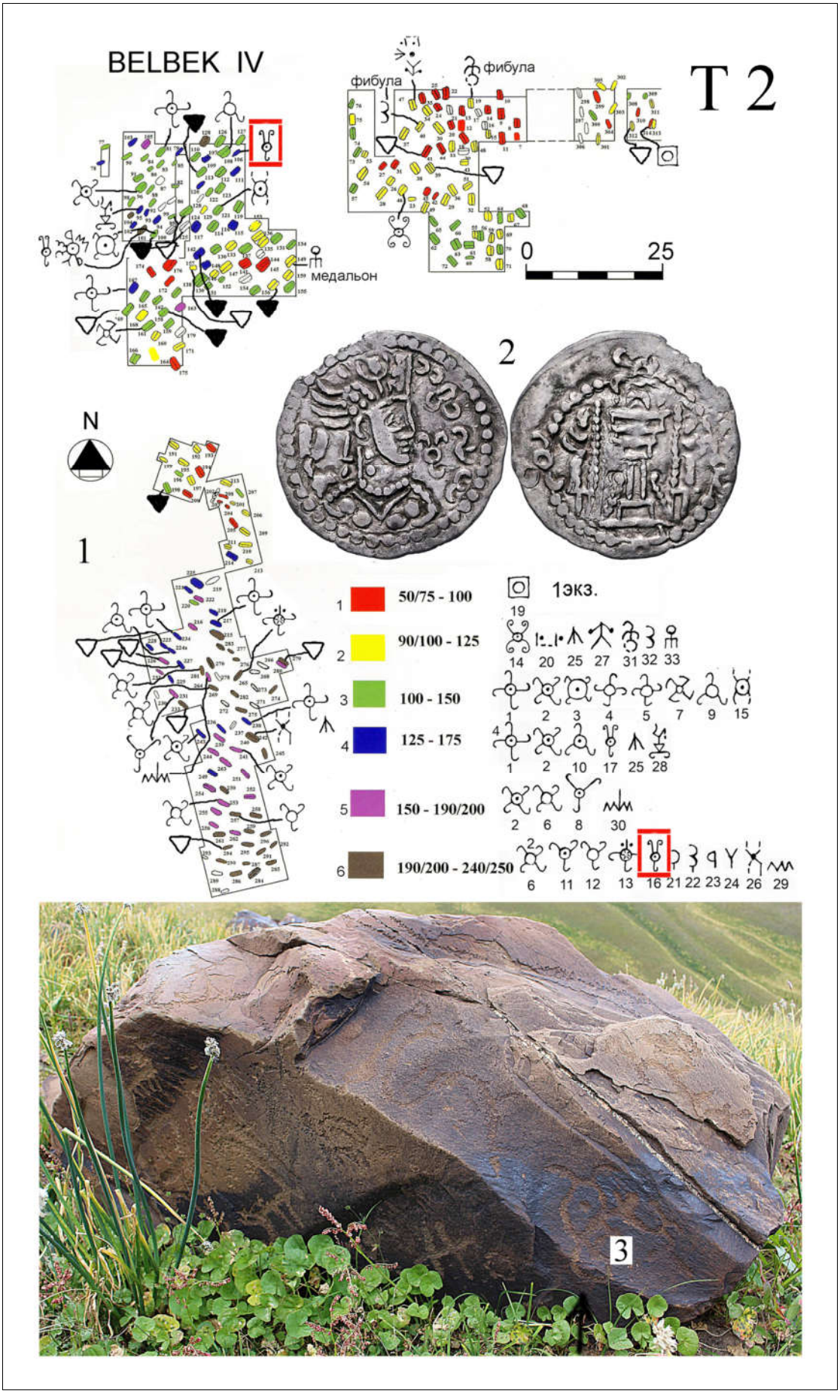

BELBEK IV
Т 2
фибула
фибула
0
25
медальон
2
N
1
1 50/75 - 100
2 90/100 - 125
3 100 - 150
4 125 - 175
5 150 - 190/200
6 190/200 - 240/250
1экз.
19
14 20 25 27 31 32 33
1 2 3 4 5 7 9 15
4
1 2 10 17 25 28
2 6 8 30
2
6 11 12 13 16 21 22 23 24 26 29
3

Рис. 3. Тамга правителей алхонов и эфталитов и ее прототип: *1* — Бельбек IV (Крым), могила 106, брачное зеркало-подвеска, 200—250 гг. н.э. (основа: Яценко 2018: рис. 1); *2* — монета Тобазани (по en.numista.com: 1: pieces191139); *3* — Саймальташ I (фото А.Т. Сулаймановой).

Fig. 3. Tamga of the rulers of Alchons and Ephthalites and its Prototype: *1* — Belbek IV (Crimea), grave 106, marriage mirror pendant, 200-250 CE (base on: Yatsenko 2018: Fig. 1); *2* — Tobazani coin (after en.numista.com: 1: pieces191139); *3* — Saimalytash I (photo by A.T. Sulaimanova).

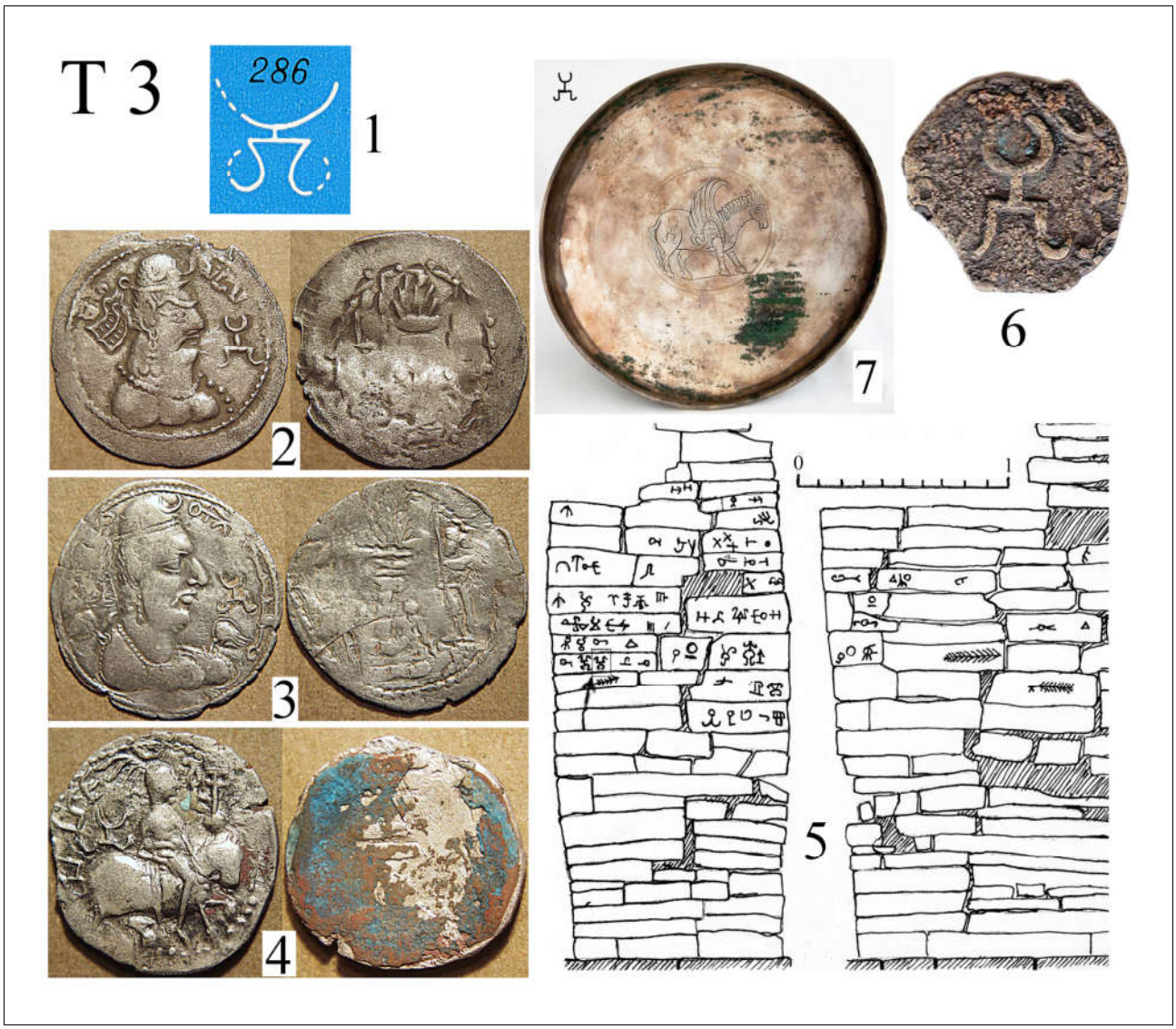


Рис. 4. Тамга правителей алхонов и ее прототип: *1* — фрагмент мраморной плиты, Ольвия?, Одесский университет (по Драчук 1975: табл. V: 286); *2* — Мехама (по coinindia.com: 1: No. H074v-665.51); *3* — Хингила (coinindia.com: 1: No. H061-607.2); *4* — Джавуха (по coinindia.com: 1: No. H117-513.07); *5* — святилище Байте III, скопление 2 (по Яценко и др. 2019: 70, рис. 3); *6* — городище Канка / Харашкет (фото Дж.Я. Ильясова); *7* — чаша из Фонда Марджани (по Яценко и др. 2019: 318, рис. 4: 7).

Fig. 4. Tamga of the Alchon rulers and its Prototype: *1* — fragment of a marble slab, Olvia?, Odessa University (after Drachuk 1975: pl. V: 286); *2* — Mechama (after coinindia.com: 1: No. H074v-665.51); *3* — Khingila (coinindia.com: 1: No. H061-607.2); *4* — Javukha (after coinindia.com: 1: No. H117-513.07); *5* — Bayte III sanctuary, cluster 2 (after Yatsenko et al. 2019: 70, fig. 3); *6* — Kanka Hillfort / Kharashket (photo by J.Ya. Ilyasov); *7* — a bowl from Marjani Foundation (after Yatsenko et al. 2019: 318, fig. 4: 7).

Рис. 5. Тамга эфталитов и ее прототип: *1* — позднескифское надгробие I—II вв., Кермен-Кыр (по Соломоник 1959: № 22); *2* — эфталитские штемпели на драхме в стиле Пероза (beastcoins.com: 1: Z7406); *3* — «сасанидская» печать (по etsy.com: 1).

Fig. 5. Hephthalite Tamga and its Prototype: *1* — Late Scythian tombstone of the 1st — 2nd cc. CE, Kermen-Kyr (after Solomonik 1959: No. 22); *2* — Ephthalite stamps on the drachma in the Peroz style (beastcoins.com: 1: Z7406); *3* — the “Sasanian” seal (after etsy.com: 1).

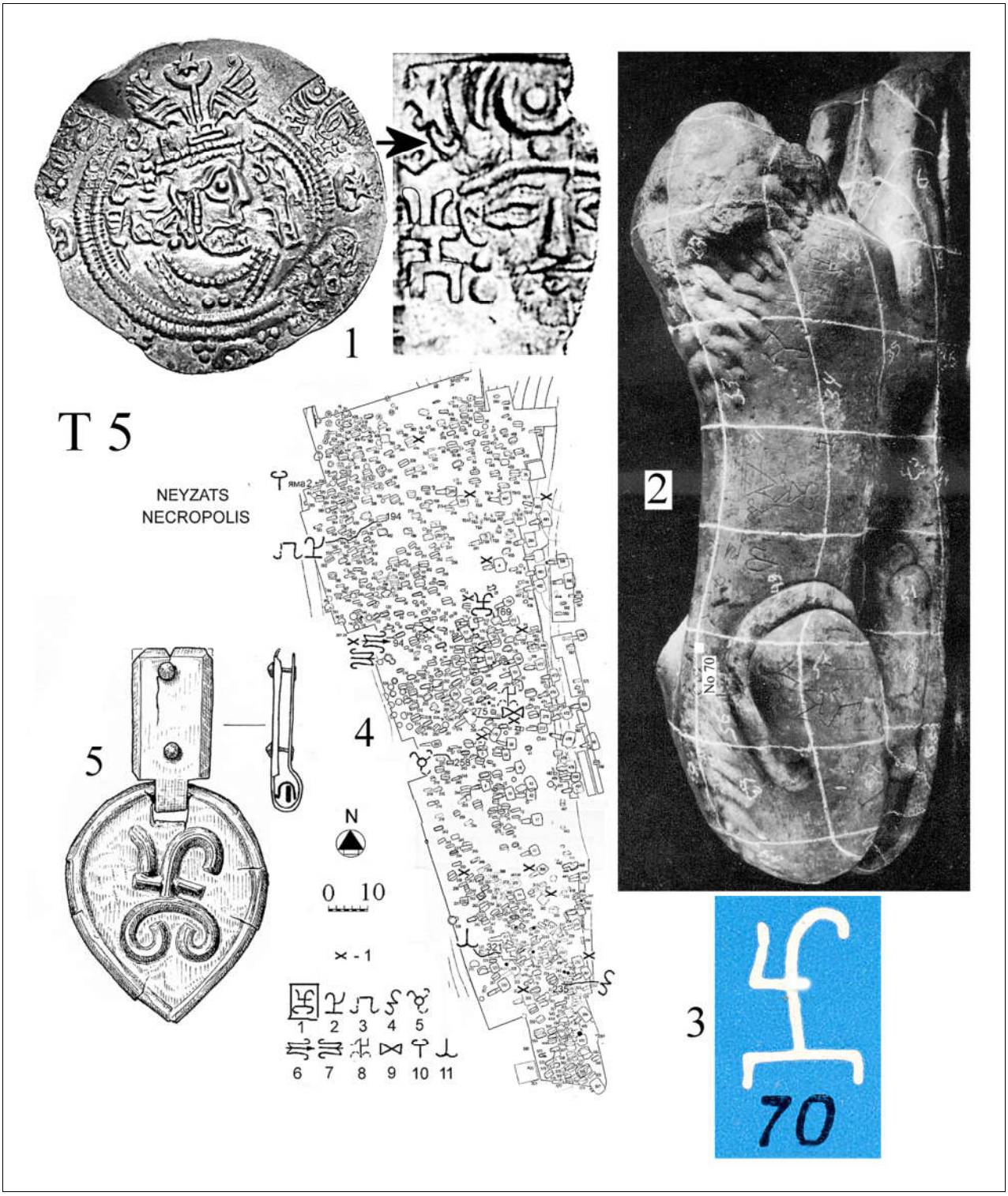


Рис. 6. Тамга эфталитов, ее прототип и аналогии: *1* — сасанидская драхма с эфталитским штемпелем (по cngcoins.com: 1: №. 198172); *2—3* — мраморный лев № 1 из кургана у Ольвии (по Драчук 1975: табл. XLIII—XLIV); *4* — план некрополя Нейзац, Крым (основа: Яценко 2018: рис. 11); *5* — деталь конской упряжи. Нейзац, могила 169 (основа: Яценко 2018: рис. 12: 1).

Fig. 6. The Hephthalite tamga, its Prototype and Analogies: *1* — the Sassanian drachma with the Hephthalite stamp (after cngcoins.com: 1: No. 198172); *2—3* — marble lion No. 1 from the barrow near Olbia (after Drachuk 1975: pls. XLIII—XLIV); *4* — plan of the necropolis of Neizats, Crimea (base on: Yatsenko 2018: fig. 11); *5* — detail of horse harness. Neizats, grave 169 (base on: Yatsenko 2018: fig. 12: 1).

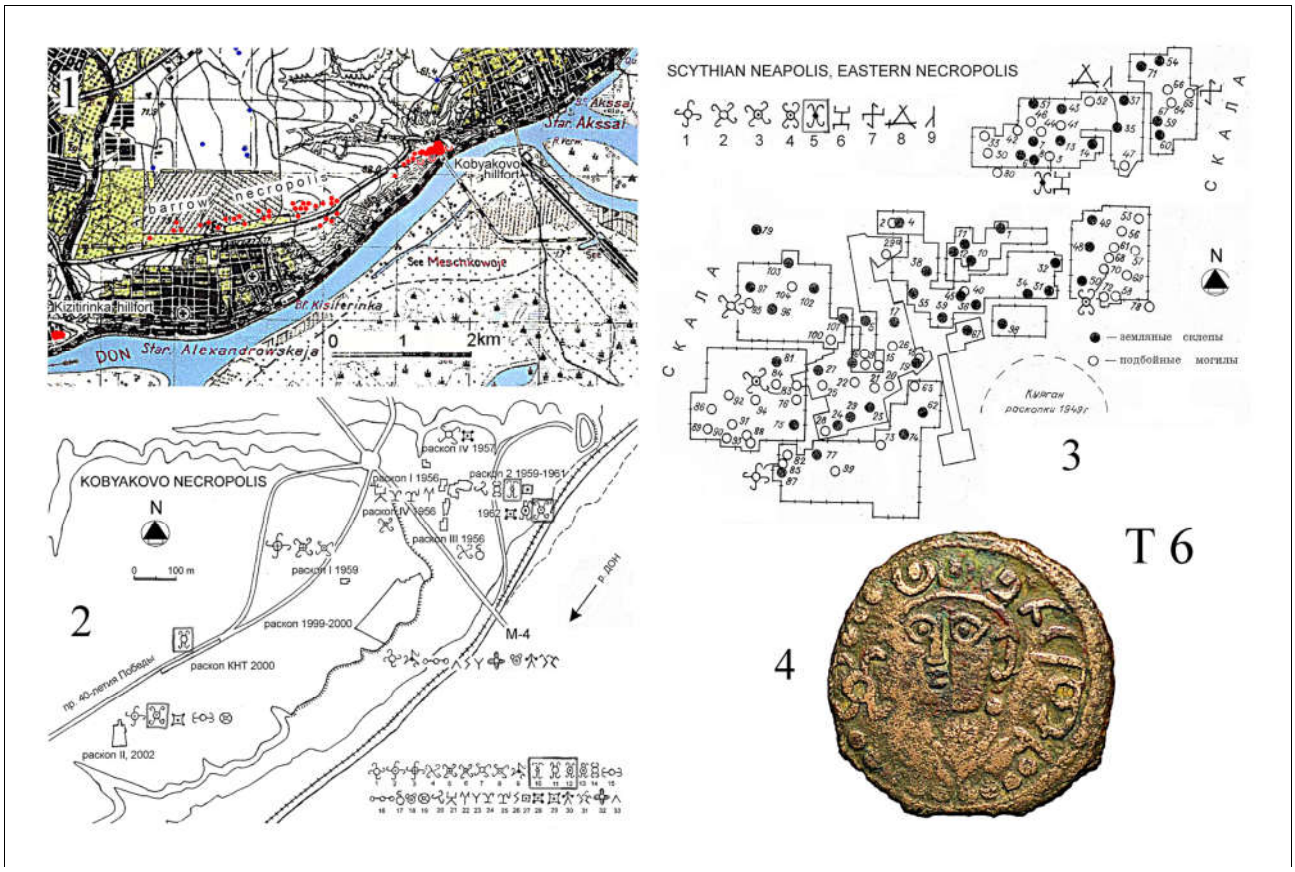


Рис. 7. Тамга бухарской династии Асбара и ее прототип: *1* — план Кобякова городища и некрополя (основа — немецкая карта 1941 г., рис. автора); *2* — находки вариантов тамги на свадебных зеркалах-подвесках, грунтовый некрополь Кобяково (основа: Яценко 2018: рис. 7); *3* — восточный некрополь Неаполя Скифского (основа: Яценко 2018: рис. 4: I); *4* — бухарская монета (по zeno.ru: 1: No. #183397).

Fig. 7. Tamga of the Bukhara Asbar Dynasty and its Prototype: *1* — plan of the Kobyakovo Hillfort and necropolis (based on the German map of 1941, fig. by the author); *2* — finds of tamga variants on wedding pendant mirrors, Kobyakovo ground necropolis (base on: Yatsenko 2018: fig. 7); *3* — The Eastern necropolis of Scythian Neapolis (base on: Yatsenko 2018: fig. 4:I); *4* — Bukhara coin (по zeno.ru: 1: No. #183397).

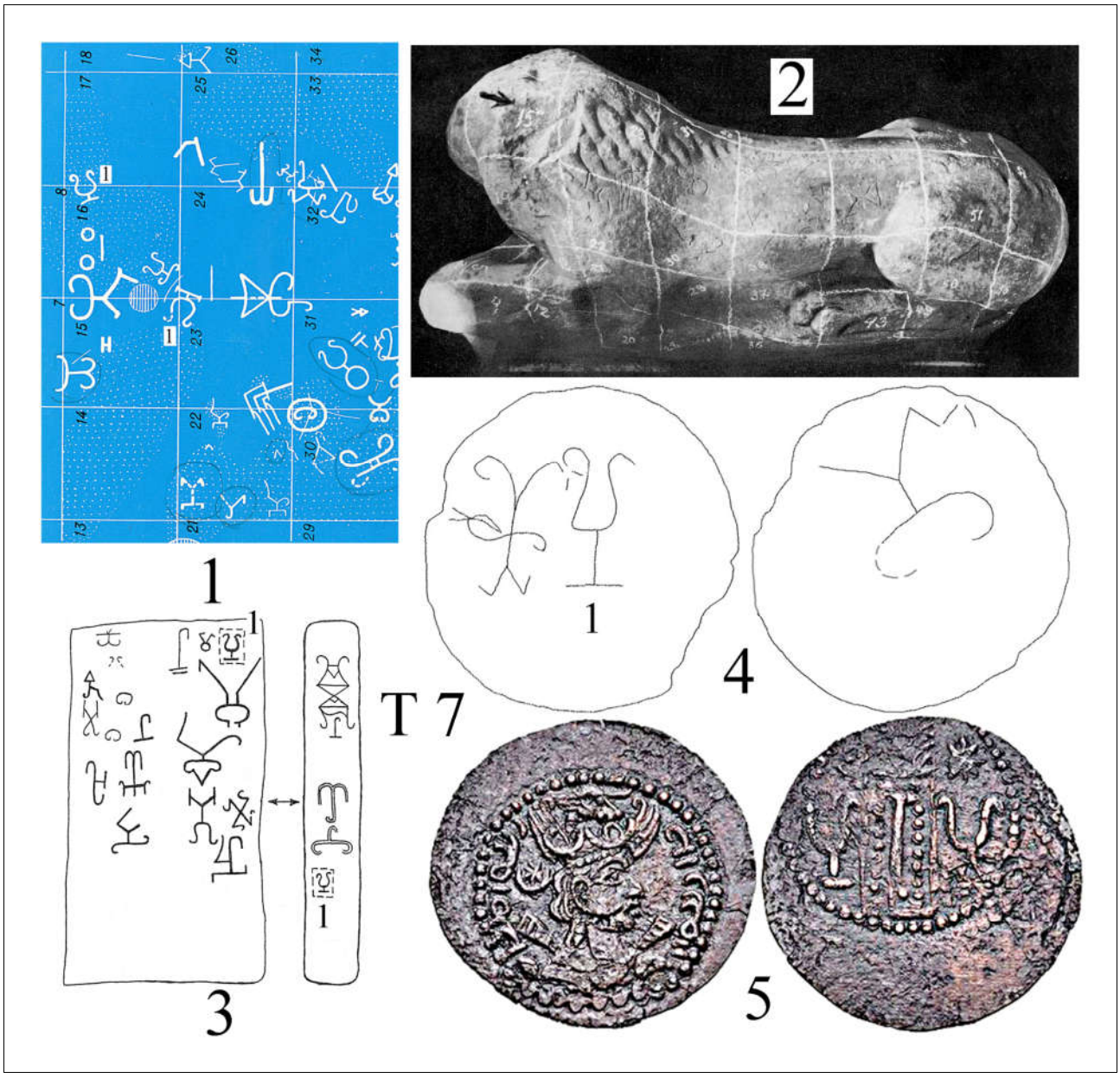


Рис. 8. Тамга незак-хуна и ее прототип: *1—2* — мраморный лев № 2 из кургана у Ольвии (по Драчук 1975: табл. XLIX—L); *3* — плита из Танаиса, Новочеркасский музей (по Яценко 2001: рис. 23а); *4* — свинцовый жетон (амулет) из Ольвии (по Крапивина 2004: рис. 2); *5* — монета незак-гуннов (по cngcoins.com: 1: № 320761).

Fig. 8. Tamga of Nezak Hūṇā and its Prototype: *1-2* — marble lion No. 2 from the barrow near Olbia (after Drachuk 1975: Table XLIX-L); *3* — stone slab from Tanais, Novocherkassk Museum (after Yatsenko 2001: Fig. 23a); *4* — lead token (amulet) from Olbia (after Krapivina 2004: fig. 2); *5* — the coin of the Nezak Hūṇā (after cngcoins.com: 1: No. 320761).

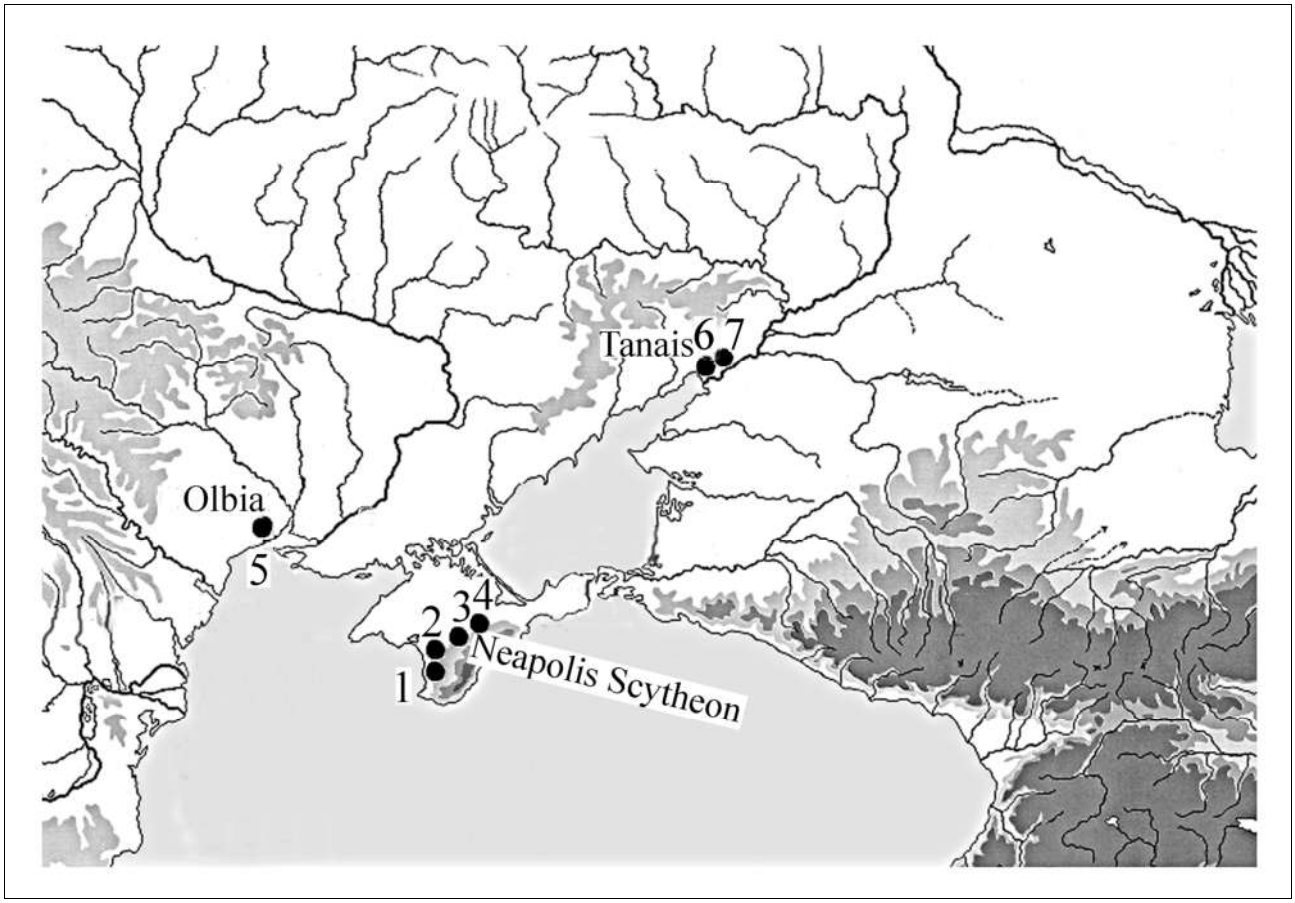


Рис. 9. Распределение тамг, идентичных знакам поздних правителей «иранских гуннов», в Европейской Сарматии I—III вв. н.э.: *1* — Бельбек IV; *2* — Кермен-Кыр; *3* — Неаполь Скифский, восточный некрополь; *4* — Нейзац; *5* — Ольвия и ближайшая округа; *6* — Танаис; *7* — Кобяково (рисунок автора).

Fig. 9. Distribution of Tamgas, Identical to the Signs of the Late "Iranian Huns" Rulers, in European Sarmatia of the 1st — 3rd cc. CE: *1* — Belbek IV; *2* — Kermen-Kyr; *3* — Scythian Neapolis, eastern necropolis; *4* — Neizats; *5* — Olbia and the nearest district; *6* — Tanais; *7* — Kobyakovo (drawing by the author).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.60.29.022

А.А. Внуков, С.В. Ярцев, Е.В. Шушунова, В.Г. Зубарев

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФИГУРНЫХ ПОРТУПЕЙНЫХ ПРЯЖЕК ИЗ ВОЖДЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ С. ПОРОГИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

Главной целью статьи является социокультурный анализ фигурных портупейных пряжек из вождеского сарматского захоронения с. Пороги, датируемого последней четвертью I в. н.э. Рассматриваемый артефакт не имеет аналогов в Северном Причерноморье и является уникальным предметом ювелирного искусства с явно восточными признаками. Выбитая на нем сцена мифологического сюжета, выполненная в зверином стиле, в которой заглавным героем выступает всадник монголоидной внешности на экзотической «лошади» (пантере или барсе), по мнению авторов, происходит из Ханьского Китая. Во время правления императора У-ди подобные сюжеты на золотых украшениях использовались для демонстрации высшей элиты своей власти и привилегий. Коллектив исследователей полагает, что подобные предметы не могли быть импортным товаром в Северное Причерноморье, т.к. в империи Хань они имели большое сакральное значение. К II в. до н.э. золото стало все чаще использоваться в личных украшениях знати и служило символом власти. К варварам, кочующим на северной границе империи, они попадали лишь в качестве преподнесенных богатых подарков, откупа или заключения союзных договоров. В этой связи примечательно связать появление анализируемых пряжек с хунну Клавдия Птолемея, ойкумену которых древний географ локализировал в Европейской Сарматии. По мнению авторов, пряжки могли попасть к хунну во время многочисленных военных кампаний этих варваров против Древнего Китая. Авторы соглашаются с мнением отечественных исследователей, что захоронение у с. Пороги, судя по оставленному в нем погребальному инвентарю, является сарматским. Хуннские предметы вооружения в нем позволяют говорить о связях сарматов Инисмея с азиатскими пришельцами. Контекст погребения из Порогов позволяет сделать вывод, что какая-то часть хунну вошла в состав номадов сарматского царя. Такому положению дел, по мнению научного коллектива, свидетельствуют найденные в захоронении костяные обкладки сложносоставного лука хуннского типа и изображения сложносоставных тамг сарматского лидера, которые демонстрировали его власть не только над собственным родовым кланом, но и над подчиненными племенами, в том числе и пришедших из Азии хунну.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Китай, Хань, сарматы, хунну, варварский мир, власть, с. Пороги, золотые украшения.

Сведения об авторах: Внуков Артем Андреевич[1], ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ярцев Сергей Владимирович[2], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Шушунова Елена Валерьевна[3], кандидат исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич[4], доктор исторических наук, Тульский государственные педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: [1-4]300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, e-mail: [1]vnukovartemy@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru; [3]schuschunova.elena@yandex.ru; [4]parosta@mail.ru.

---

* Работа выполнена за счет гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 15 июня 2024 г.
Принята к печати 12 июля 2024 г.

© А.А. Внуков, С.В. Ярцев, Е.В. Шушунова, В.Г. Зубарев, 2024.

A.A. Vnukov, S.V. Yartsev, E.V. Shushunova, V.G. Zubarev

SOCIAL AND CULTURAL ANALYSIS OF A FIGURED BELT BUCKLES FROM THE CHIEF BURIAL IN THE POROGI VILLAGE AND ITS HISTORICAL CONTEXT

The main purpose of the article is a social and cultural analysis of a figured belt buckles from the Sarmatian chief burial in the village of Porogi, dating the last quarter of the 1st century CE. The artefact under consideration has no analogues in the Northern Black Sea region. It is a unique piece of jewellery art with clearly oriental features. According to the authors, the mythological animal-style scene embossed on it, where the main character is a rider of Mongoloid appearance on an exotic "horse" (panther or leopard), comes from Han dynasty. During the reign of Emperor Wu of Han, similar plots on gold jewellery were necessary for the upper elite to demonstrate their authority and privileges. Researchers believe that such items could not be imported to the Northern Black Sea coast, as they had a great sacral significance in the Han dynasty. By the 2nd century BCE, gold was increasingly used in personal jewellery and served as a status symbol. The barbarians roaming on the northern border of the empire received it only as rich gifts, payoffs or when concluding treaties of alliance. Therefore, it is noteworthy to connect the appearance of the analysed figured belt buckles with the Xiongnu of Claudius Ptolemy, whose ecumene the ancient geographer localised in European Sarmatia. According to the authors, these buckles could have come to the Xiongnu during the numerous military campaigns with ancient China. The authors agree with the domestic researchers' opinion that the burial near the village of Porogi is Sarmatian according to the grave goods left in it. Xiongnu armament supplies in it indicate only the connection of the Sarmatians under Inesmey with Asian aliens. The context of the burial from the Porogi allows the authors to conclude that some part of the Xiongnu joined the nomads of the Sarmatian king. According to the research team, this is evidenced by the bone covers of a compound bow of the Xiongnu type found in the burial and images of compound tamgas of the Sarmatian leader, which served to demonstrate his authority not only over his own clan, but also over the subordinate tribes, including the Xiongnu who came from Asia.

Key words: Northern Black Sea region, China, Han dynasty, Sarmatians, Xiongnu, barbaric world, authority, the village of Porogi, gold jewellery.

About the authors: Vnukov Artem Andreevich[1], Assistant Professor of the History and Archaeology department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Yartsev Sergey Vladimirovich[2], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Shushunova Elena Valer'evna[3], PhD (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Viktor Gennadyevich[4], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: [1-4]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, e-mail: [1]vnukovartemy@yandex.ru; [2]s-yartsev@yandex.ru; [3]schuschunova.elena@yandex.ru; [4]parosta@mail.ru.

Археологических свидетельств проникновения хунну в Северное Причерноморье не так много. К примеру, М.Б. Щукин среди памятников, которые свидетельствуют о связях региона с кочевниками из Азии, выделял захоронение у с. Пороги на Среднем Днестре, и сходные с этим комплексом находки из «Соколовой Могилы» на Южном Буге и Мокры из Среднего Поднестровья (Щукин 2005: 223—224). Археологический комплекс в контексте сармато-хуннских связей рассматривал С.В. Ярцев. Он, как и М.Б. Щукин, не отрицал, что какая-то группа хунну в конце I — начале II в. н.э. могла проникать в Северное Причерноморье и растворяться в местной среде, теряя свою этническую самобытность (Ярцев 2014: 119). Таким образом, в их исследованиях комплекс из с. Пороги стал свидетельством возможной достоверности сообщения Клавдия Птолемея о раннем появлении хунну в Восточной Европе.

Два знатных сарматских впускных захоронения у с. Пороги были исследованы экспедицией Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И. Лобая в 1984 г. (Симоненко, Лобай 1991: 4). Первое погребальное сооружение представляло собой катакомбу, с прямоугольной входной ямой и камерой, которая имитировала кочевническую

кибитку. Деревянный саркофаг, который был размещен ближе к западной стенке сооружения, был прямоугольной формы, с вертикальными стенками и плоской крышкой. Длина саркофага составляла 1,9 м, ширина — 0,75, а его высота — 0,5 м. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, черепом на север. Погребальный инвентарь состоял из гривны, серебряного кубка, золотого браслета, выполненных в зверином стиле, портупейного набора, а также предметов вооружения — лук с костяными накладками, колчан со стрелами, короткий меч с кольцевым навершием, железный кинжал (Симоненко, Лобай 1991: 10—28).

Во втором погребении была захоронена женщина. Погребальный инвентарь состоял из височных подвесок, золотого ожерелья, двух серебряных перстней, золотых бляшек, серебряного круглого зеркала, бронзовой фибулы и различных гончарных и лепных изделий (Симоненко, Лобай 1991: 28—34).

А.В. Симоненко и Б.И. Лобай характеризуют эти погребения как сарматские, с уникальными типом погребального сооружения — катакомбы, наличие саркофага, который был непосредственно связан с высоким статусом погребенного (Симоненко, Лобай 1991: 38). О высоком положении покойного свидетельствует и наличие сложносоставных тамг на ряде предметов первого погребения, а также уникальные ювелирные изделия (рис. 1), часть которых не имеет аналогов в Северном Причерноморье. Речь идет о портупейных пряжках, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, центральным сюжетом которой является сцена терзания зверя.

В центре литых золотых пряжек, идентичных по композиции, изображен монголоидной внешности мужчина, сидящий на экзотическом коне, в данном случае пантере или барсе, в обеих руках всадник держит задние лапы S-образных мифических животных. В интерпретации А.В. Симоненко и Б.И. Лобая — это орлиноголовые грифоны, которые в свою очередь терзают животное. Внутренние стороны фигурок на обеих пряжках полые, на поверхности видны следы литья. Фигурки отлиты в технике «потерянного воска» с последующей напайкой гнезд, доработкой резцом и инкрустацией (Симонеко, Лобай 1991: 19—22).

Аналоги подобных изделий, выполненных в той же технике, найдены в ходе археологических исследований на севере Афганистана в некрополе Тиллятепе. В данном контексте нас интересуют предметы, обнаруженные советско-афганской экспедицией в 1978—1979 гг., в погребении I и погребении II. В первом случае — это семь однотипных пластин с изображениями фигур мужчин, держащих на плечах дельфинов (рис. 2). Данные предметы, как и бляшки из с. Пороги не повторяют друг друга, все они имеют незначительные отличия, которые как-бы покадрово воспроизводят движение головы мужчины. По мнению В.И. Сарианиди это свидетельствует о том, что пластины были изготовлены по индивидуальным матрицам. Автор также склонен полагать, что мотив человека с дельфином на спине и кормовым веслом в руке редок в греко-римском искусстве, однако некоторые элементы композиции, в частности украшение тела дельфина рыбьей чешуей указывает на местную бактрийскую переработку, привнесенную из греко-римского мотива (Сарианиди 1989: 52).

Вторая интересующая нас композиция (рис. 3) является центральной частью литых фигурных подвесок «государь—драконоборец» (Сарианиди 1989: 59—60). Сцена, вылитая на подвесках в сюжетном плане имеет параллели с изображением из с. Пороги. Главной отличительной чертой фигур из Тиллятепе являются этническая принадлежность «государя», идеальное фронтальное положение выполненной модели и отсутствие мифического скакуна. Однако крылатые фантастические существа также изображены в S-образной форме и повторяют анатомию животных из с. Пороги, за исключением лицевой части. В данном случае «драконы» или «грифоны» не имеют орлинообразной головы, а представлены в виде хищников с рогатыми лошадиноподобными мордами с широко разинутыми зубастыми пастями. Подвески, как и бляшки из катакомбного погребения Северо-Западного Причерноморья инкрустированы бирюзовыми вставками. Исследователи сходятся во мнениях, что источником подобных сюжетов является симбиоз искусства Ахеменидской империи и сибирского звериного стиля (Сарианиди 1989: 52; Henri-Paul 2012: 94—99).

Французский археолог Анри-Поль Франкфорт считает, что подобные ювелирные изделия демонстрируют связи Бактрии с сарматами и, прежде всего, с хунну (Francfort 2012: 94—99).

Особый интерес в данном контексте представляет пряжка из погребения IV (рис. 4), орнамент которой изображает фигуру китайской женщины, путешествующей в повозке, запряженной кошачеобразными хищниками. Существует большая вероятность, что данное изделие было отлито в Китае, но благодаря активности кочевников оказалось в Бактрии (Leidy 2012: 113). Надо отметить, что золотые изделия являлись символом власти в Китае. В эпоху династии Хань производство золотых и серебреных украшений строго регламентировалось, только две официальные мастерские в провинции Шу могли изготавливать их. Неофициальная же добыча золота строго наказывалась (Leidy 2012: 112—122).

Важно отметить и то, что стилистическая схожесть китайской, бактрийской и эллинистической традиции объясняется тесным взаимодействием регионов Евразии на протяжении нескольких веков с IV в. до н.э. вплоть до первых веков нового тысячелетия. Ханьские мастера заимствовали не только технологии декоративного искусства, но и сюжетные особенности. В частности, заимствование сюжетов скифо-звериного стиля (противостояние животных, одиночные животные с развернутыми задними конечностями и пр.) при императоре У-Ди и его преемниках было вызвано потребностью элиты в демонстрации своей власти и привилегий (Leidy 2012: 112—122), в том числе и над степными варварами.

К хунну, с которыми императоры династии Хань на протяжении трех веков взаимодействовали в качестве обменов посольств и войн, дорогие изделия на раннем этапе могли попадать в виде богатых подарков, в рамках политики «пяти искушений» или контактов с ханьскими перебежчиками (Гумилев 1993: 159), среди которых могли быть ремесленники, преступники, рабы или иные эксплуатируемых категорий.

При императоре Сяо-вэне ханьцами в 157 г. до н.э. для торговли с кочевниками были открыты пограничные рынки. Торговые пункты функционировали даже в период активизации набегов хунну на Китай. В более позднее время подобные украшения могли оказаться у кочевников в результате их одаривания за вассальную службу. Так, в 52 г. до н.э. Хуханье получил от китайского императора богатые дары, в числе которых были инкрустированный меч, кинжал, лук с большим числом стрел, 10 алебард, колесница, седло и сбруя (Крадин 2020: 123). Безусловно, все эти вещи имели статусный характер и оседали лишь на высшей ступени хуннской социальной пирамиды (Крадин 2020: 127). Следовательно, данные атрибуты власти передавались по наследству в среде одного аристократического клана. Оказаться в распоряжении других кочевников они могли лишь в ходе военных столкновений или заключенных брачных союзов.

В эпоху Великого переселения народов данная модель поведения была свойственна и европейским гуннам. К примеру, можно вспомнить претензии Аттилы к равеннской администрации в отношении брака с Гонорией. «Он [гуннский вождь] объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Плацидии Августы, с причитающейся частью царских сокровищ» (Iord. Get., 224). В германском легендариуме также сохранился интересный эпизод, в котором гуннский «королевич» Хлёд требовал выдать ему законное наследство. В числе вещей, оговоренных им готам, значились и статусные вещи. «Я хочу половину наследия Хейдрека: доспехов, мечей, скота и приплода, сокровищ казны, жерновов скрипящих, рабов и рабынь с их ребятами вместе, и лес знаменитый, что Мюрквид зовется, на готской земле могилы священные, камень чудесный в излучинах Данпа, кольчуг половину, у Хейдрека бывших земель и людей и блестящих колец» (Песнь о Хлёде 2010: 373—374).

Одним из явных свидетельств хунну и ханьского Китая, выступают не только золотые изделия. Примечательно, что среди китайского импорта хуннских шаньюням было достаточное количество тканевых изделий, на которых, если судить по Ноин-Улинской коллекции, был запечатлен не только замысловатый орнамент, но и аппликации со сценами охоты грифона на оленя. Для примера можно вспомнить войлочный ковер из кургана № 6,

пади Суцзуктэ, найденный монголо-тибетской экспедицией в 1924 г. Подобные вещи напрямую свидетельствуют о связях хунну с Китаем и их адаптации к культурным традициям империи (Сутягина 2020: 218—223).

Исходя из всего вышесказанного, с определенной точностью можно констатировать, что рассматриваемые нами пряжки были произведены либо в ханьском Китае, либо мастерами самих хунну. Первый вариант нам представляется более предпочтительным, т.к. изображенный на пряжках «герой» не соответствует представлениям кочевников о моде. Чаще всего эстетический идеал красоты мужчин хунну, если судить по изображениям на памятниках декоративного искусства кочевников, представляется в виде воина с круглым лицом, с короткой массивной шеей и узкой талией. Изображенные мужчины обычно представлены однотипными прическами, с зачесанными назад волосами, достигающими плеч (Яценко 2023: 108—114). В рассматриваемых нами изображениях голова «мифического героя» круглая с приплюснутым теменем, а прическа, переданная рельефным завитком, напоминает узел волос. Тем не менее, в сюжетном плане, пряжки полностью соответствуют предпочтениям хунну и их любви к мифологическим и героическим сюжетам. Впрочем, это наблюдение не снижает возможности появления данных вещей в Северно-Западном Причерноморье с первой волной азиатских номадов. Хунну, скорее всего, были единственными преемниками и распространителями ханьских вещественных ценностей (Савинов 2020: 36). Можно заключить, что подобные изделия достались представителю сарматской элиты в результате его контактов с хунну.

Важным на наш взгляд, хотя и косвенным доказательством о связи азиатских кочевников с сарматами свидетельствуют сложносоставные тамги, которые могут выступать в качестве маркера политической обстановки, сложившейся в степи. В погребении 1 у с. Пороги обнаружено несколько предметов с тамгами: меч, гривна, парадный и портупейный пояс, а также серебряный кубок с зооморфной формой. Все знаки, нанесенные на предметы, имеют общую (нижнюю) родовую часть, тогда как верхние различны. Существует несколько вариантов трактовки такого положения дел. Среди них А.В. Симоненко и Б.И. Лобай также выделяют демонстрацию главенства одного кочевнического клана над другим (Симоненко, Лобай 1991: 66—67). Обнаруженные тамги, по всей видимости, могут относиться и к одной центральноазиатской династии, в которой доминировал культ легендарных героических предков, широко известных на Востоке. Аналоги их родовых знаков обнаруживаются не только в Северном Причерноморье, но и Сасанидском Иране и даже в Монголии (Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 451—457).

О связях сарматов Северного Причерноморья с хунну свидетельствуют и предметы, входящие в так называемую «хуннскую триаду». В погребении 1 с. Пороги, как мы уже писали выше, был обнаружен лук с костяными накладками хуннского типа и наконечники стрел. Этот вид оружия имел сакральное значение в среде номадов и мог выполнять роль социального маркера как у средневековых кочевников (Казанский 2020: 101). К примеру, у вождей европейских гуннов, судя по материалам из Якушовиц и Печюсег, имелись особые луки с золотыми пластинами, которые выражали их власть на занятой территории (Laszlo 1951: 91—106; Harmatta 1951: 150).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы должны констатировать, что погребальный инвентарь с. Пороги отражает не только сарматскую идентичность, но и имеет заметные этноконтактные следы сарматов с азиатскими кочевниками. Погребения из с. Пороги, возможно, свидетельствует в пользу достоверности сообщения Клавдия Птолемея в «Руководстве по географии» о расселении Xouvoi в Европейской Сарматии. И хотя в историографии сложились противоречивые точки зрения на счет этой локализации *хуну*, ряд отечественных и зарубежных исследователей все же не отказывали данному сообщению в достоверности.

Среди исследователей, которые отрицали возможное раннее появление хунну в Европе был венгерский археолог Я. Харматта. Он считал, что Клавдий Птолемей перепутал Танаис—Сырдарью с Танаисом Доном (Harmatta 1976: 280—282; Буданова, Горский, Ермолова 2017: 117). В интерпретации Я. Харматты *Xouvoi* Птолемея следует локализировать не в Северном Причерноморье, а в Центральной Азии, откуда благодаря римским легионерам донеслись слухи об этом племени до античного мира (Harmatta 1976:

280—282). Британский классицист Э.А. Томсон считал данные античного географа сомнительными (Tompson 2004: 25), тогда как его заокеанский коллега О. Менхен-Хелфен лишь скорректировал неверное представление Птолемея, расселив его гуннов на правом, или левом берегу Днестра, вблизи северо-западного побережья Черного моря. Он отождествил Xouvoi с уругундами, которых считал гуннами (Maenchen-Helfen 1973: 444—455). Согласно «Новой истории» Зосима это племя в течение 50-х гг. III в. вместе с готами, боранами и карпами разоряло провинции Римской империи и даже предприняло морской поход в Азию межу 255—258 гг. (Zos., I, 27). В отношении этнической принадлежности уругундов, исследователи за последние полвека не пришли к общему знаменателю. В историографии существует версия о кельтском происхождения этого племени. К примеру, А.В. Богачев, А.В. Кузнецов, А.А. Хохлов считает их одной из ветвей кельтов-ругов (Богачев, Кузнецов, Хохлов 2019: 108).

В свою очередь, М.И. Артамонов допускал, что уже во II в. отдельные отряды хунну, пока основная их масса оставалась в Приуралье, проникали далеко на запад, вплоть до Днестра (Артамонов 2021: 54—55). Недостоверными данные Птолемея считает Я.В. Пилипчук (Пилипчук 2019: 5—33), И.П. Засецкая, напротив, считала сообщение Птолемея достоверным. Согласно ее мнению судьба птолемеевских гуннов остается неясной, но вполне возможно, что пришельцы были ассимилированы местным сарматским населением. В качестве доказательства возможного проникновения хунну далеко на запад, она привела погребение I в. н.э. Сусловского могильника в Нижнем Поволжье, совершенного по сарматскому обряду с родовым оружием пришельцев (Засецкая 1994: 137—138).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что погребения у с. Пороги являются возможным примером достоверности сообщения Клавдия Птолемея о хунну в Северо-Западном Причерноморье. В ходе боевых столкновений первого столетия нового тысячелетия конфедерации северных хунну с Ханьской империей, динлинами и сяньби, первые были вынуждены двинуться на запад в поисках новых пастбищ. Возможно, именно в связи с событиями 48—94 гг. н.э. на востоке, стоит связывать появление первой волны хунну в Европе.

Литература

Артамонов М.И. 2021. *История хазар*. Санкт-Петербург: Издатель Геннадий Маркелов.

Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. 2019. Рутены—руги—русь: века, дороги, судьбы. Самара: Вояджер: мир и человек.

Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2017. *Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Гумилев Л.Н. 1993. *Хунну. Степная трилогия*. Санкт-Петербург: Тайм-аут; Компас.

Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)*. Санкт-Петербург: АО «Элипс Лтд».

Казанский М.М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе. *МАИЭТ* XXV, 90—167.

Крадин Н.Н. 2020. *Империя хунну*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.

Песнь о Хлёде 2010. В: Кузнец Е., Занозина Н. (ред.). *Библиотека героического эпоса*. Т. 2. *Старшая Эдда*. Москва: Книжный клуб книговек, 372—381.

Пилипчук Я.В. 2019. Пересматривая гуннскую хронологи. *Научный Татарстан* 1, 5—33.

Савинов Д.Г. 2020. Последовательность и динамика распространения влияния хуннских традиций с Востока на Запад (и с Запада на Восток?). *Теория и практика археологических исследований* 2 (30), 35—58.

Сарианиди В.И. 1989. *Храм и некрополь Тиллятепе.* Москва: Наука.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Сутягина Н.А. 2020. Реконструкция внутреннего убранства Ноин-Улинских гробниц (по материалам раскопок Монголо-Тибетской экспедиции). В: Никоноров В.П., Кирчо Л.Б., Стоянов Е.О. (ред.). *Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения*

д.и.н. И.Н. Хлопина (10-12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 218—223. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223.

Щукин М.Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и чреняховская культура)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Ярцев С.В. 2014. *Северное Причерноморье в Римский период и проблема готской экспансии.* Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. Сообщение Аммина Марцеллина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во время правления императора Юлиана. В: Зинько В.Н., Зинько А.В. (ред.). *БЧ* XXIV. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях.* Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 448—460.

Яценко С.А. 2023. Костюм в памятниках искусства хунну. В: Бусова В.С., Кашуба М.Т., Ковалев А.А., Лурье В.М., Николаев Н.Н., Стоянов Е.О., Трубникова В.Б. (ред.). *«Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948—2020).* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 108—114.

Francfort H-P. 2012. Tillya Tepe and Its Connections with the Eurasian Steppes. Afghanistan. In: Aruz J., Fino E.V. (eds). *Forging Civilizations along the Silk Road.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 88—101.

Harmatta J. 1951. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica* 1, 107—151.

Harmatta J. 1976. L'Apparition des Huns en Europe orientale. *Acta Antiqua academae scientiarum Hungaricae* 24, 277—283

Laszlo G. 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica* 1, 91—106.

Leidy D.P. 2012. Links, Missing and Otherwise: Tillya Tepe and East Asia. In: Aruz J., Fino E.V. (eds.). *Forging Civilizations along the Silk Road.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 112—121.

Maenchen-Helfen J.O. 1973. *The wold of the Huns. Studies in Their History and Culture.* Los Angeles: University of California Press.

Thompson E.A. 2004. *The Huns.* Maldem, MA: Blackwell Publishing Ltd.

Yan Liu. 2020. The Han Empire and the Hellenistic world: prestige gold and the exotic horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20, 175—198.

References

Artamonov, M.I. 2021. *Istoriya khazar (History of the Khazars)*. Saint Peterburg: Izdatel' Gennadiy Markelov (in Russian).

Bogachev, A.V., Kuznetsov, A.V., Khokhlov, A.A. 2019. *Ruteny—rugi—rus': veka, dorogi, sud'by (Ruthenians-Rugians-Rus: Centuries, Roads, Fates)*. Samara: Voyadzher: mir i chelovek (in Russian).

Budanova, V.P., Gorskiy, A.A., Ermolova, I.E. 2017. *Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty (The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and Social Aspect)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Gumilev, L.N. 1993. *Khunnu. Stepnaya trilogiya (The Huns. Steppe Trilogy)*. Saint Petersburg: Taym-aut; Kompas (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov Yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV—V vv.) (The Culture of the Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Era (Late 4th — 5th Centuries))*. Saint Petersburg: AO "Elips Ltd" (in Russian).

Kazanski, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XXV, 90—167 (in Russian).

Kradin, N.N. 2020. *Imperiya khunnu (The Xiongnu Empire)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko (in Russian).

Pesn' o Khlode 2010. In: Kuznets, E., Zanozina, N. (eds.). *Biblioteka geroicheskogo eposa (Library of the heroic epic)*. Vol. 2. *Starshaya Edda (The Elder Edda)*. Moscow: Knizhnyy klub knigovek, 372—381 (in Russian).

Pilipchuk, Ya.V. 2019. In *Nauchnyy Tatarstan (Scientific Tatarstan)* 1, 5—33 (in Russian).

Savinov, D.G. 2020. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (30), 35—58 (in Russian).

Sarianidi, V.I. 1989. *Khram i nekropol' Tillyatepe (The Temple and Necropolis of Tillyatepe)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e. (Pogrebeniya znati u s. Porogi) (Sarmatians of the Northwestern Black Sea Region in the 1st Century CE (Burials of the Nobility near of the Porogi Village))*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Sutyagina, N.A. 2020. In: Nikonorov, V.P., Kircho, L.B., Stoyanov, E.O. (eds.). *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii (stanovleniye, razvitiye i vzaimodeystviye urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv): Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. A.M. Mandel'shtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. I.N. Khlopina (10-12 noyabrya 2020 g., Sankt-Peterburg) (Ancient and Medieval Cultures of Central Asia (Formation, Development, and Interaction of Urbanized and Pastoral Societies): Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences A.M. Mandelstam and the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences I.N. Khlopin (November 10-12, 2020, Saint Petersburg))*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 218—223. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223 (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskiy put' (goty, Rim i chrenyakhovskaya kul'tura) (The Gothic Path (Goths, Rome, and the Chrenyakhov Culture))*. Saint Peterburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU (in Russian).

Yartsev, S.V. 2014. *Severnoye Prichernomor'ye v Rimskiy period i problema gotskoy ekspansii (The Northern Black Sea Region in the Roman Period and the Problem of Gothic Expansion)*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).

Yartsev, S.V., Shushunova, Ee.V., Vnukov, A.A. 2023. In: Zinko, V.N., Zinko, A.V. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* XXIV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh (Bosporus Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions)*. Simferopol; Kerch: BF "Demetra", 448—460 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2023. In: Busova, V.S., Kashuba, M.T., Kovalev, A.A., Lur'ye, V.M., Nikolaev, N.N., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (eds.). *"Poyushchiye strely Maodunya": khunnu ot neizvestnosti do imperii: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyayeva (1948—2020) ("Singing Arrows of Maodun": the Xiongnu from Obscurity to Empire: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Sergei Stepanovich Minyaev (1948—2020))*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 108—114 (in Russian).

Francfort, H-P. 2012. Tillya Tepe and Its Connections with the Eurasian Steppes. Afghanistan. In: Aruz, J., Fino, E.V. (eds). *Forging Civilizations along the Silk Road.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 88—101.

Harmatta, J. 1951. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica* 1, 107—151.

Harmatta, J. 1976. L'Apparition des Huns en Europe orientale. *Acta Antiqua academae scientiarum Hungaricae* 24, 277—283

Laszlo, G. 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica* 1, 91—106.

Leidy, D.P. 2012. Links, Missing and Otherwise: Tillya Tepe and East Asia. In: Aruz, J., Fino, E.V. (eds.). *Forging Civilizations along the Silk Road.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 112—121.

Maenchen-Helfen, J.O. 1973. *The wold of the Huns. Studies in Their History and Culture.* Los Angeles: University of California Press.

Thompson, E.A. 2004. *The Huns.* Maldem, MA: Blackwell Publishing Ltd.

Yan Liu. 2020. The Han Empire and the Hellenistic world: prestige gold and the exotic horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20, 175—198.

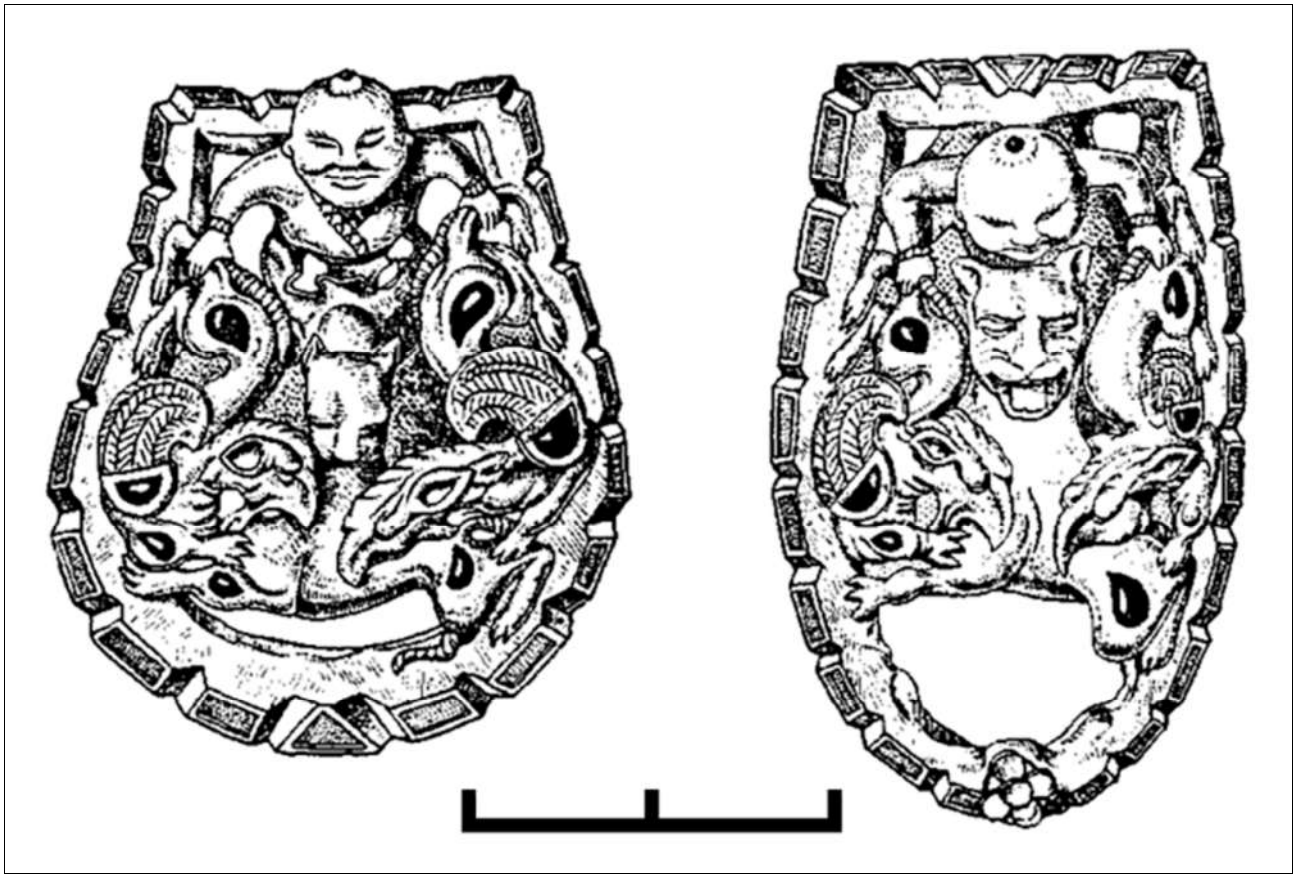


Рис. 1. Пряжки из катакомбного погребения с. Пороги (по Симоненко, Лобай 1991: 20—21)**.**

Fig. 1. Buckles from the catacomb burial of the Porogi Village (after Symonenko, Lobai 1991: 20—21).

Рис. 2. «Человек с дельфином» из погребения I, некрополь Тиллятепе (по Сираниди 1989: 52).

Fig. 2. "Man with a dolphin" from burial I, Tillyatepe necropolis (after Siranidi 1989: 52).

Рис. 3. Подвески «государь-драконоборец» из погребения II, некрополь Тиллятепе (по Francfort 2012: 95).

Fig. 3. Pendants of the "dragon-slayer sovereign" from burial II, Tillyatepe necropolis (after Francfort 2012: 95).

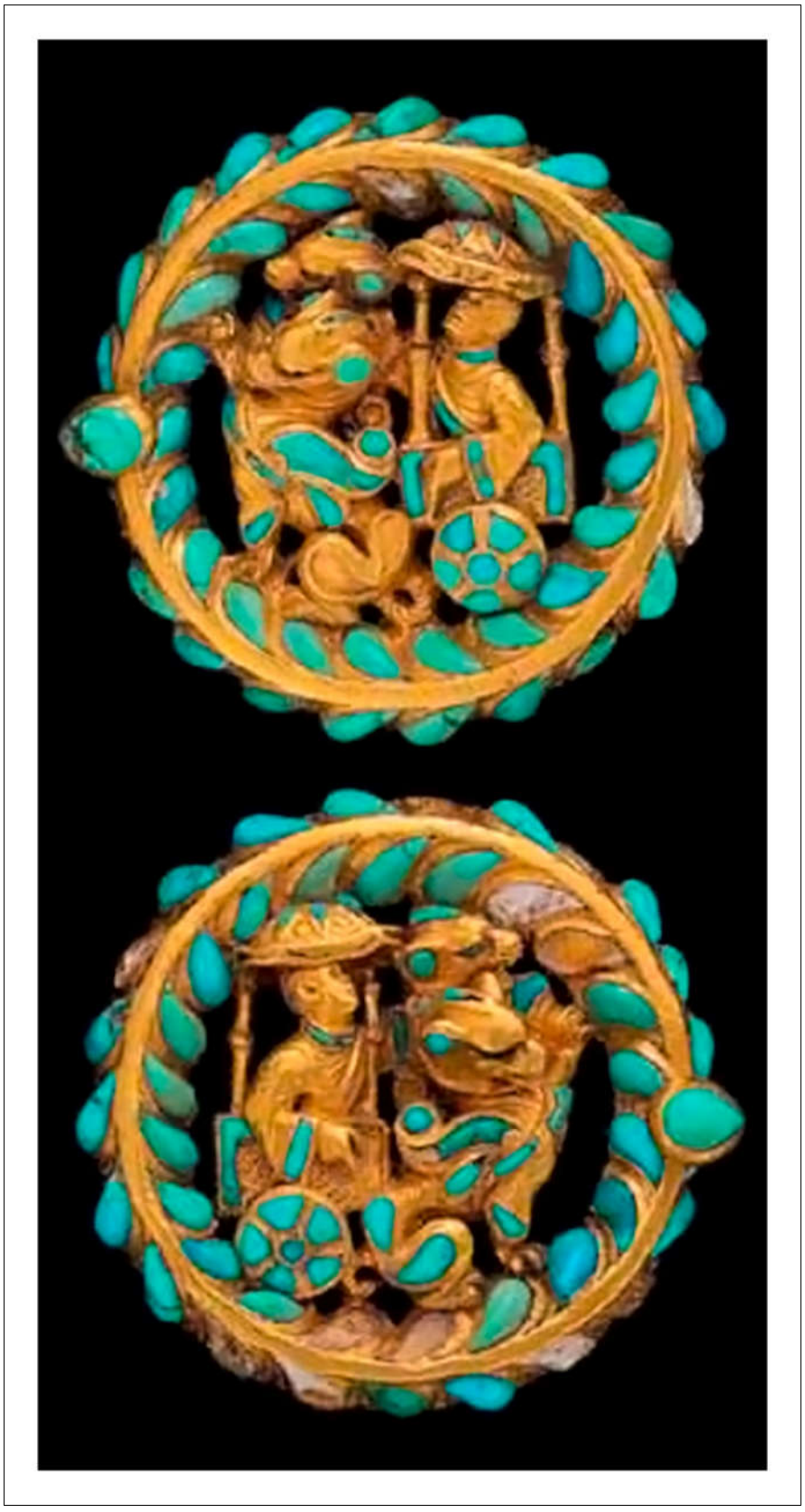


Рис. 4. Литая инкрустированная пряжка из погребения IV, некрополь Тиллятепе (по Leidy 2012: 113)**.**

Fig. 4. Cast inlaid buckle from burial IV, Tillyatepe necropolis (after Leidy 2012: 113)**.**

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.46.72.023

Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова, А.Ж. Назаров

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ С НАДПИСЬЮ «MUHAMMAD» ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ*

В статье впервые в научный оборот вводятся материалы «исламского мира», полученные во ходе археологических работ на городище Джанкент. В VII—IX вв. Средняя Азия и Казахстан попадают в ареал арабских завоеваний, здесь возникают мусульманские государства с местной исламизированной аристократией. Средневековые исторические источники упоминают, что города вдоль Шелкового пути населялись мусульманами и тюрками, власть в них принадлежала тюркским правителям. Городище Джанкент — один из хорошо изученных средневековых памятников в восточной части Приаралья, который упоминается, как столица Огузского государства. В ходе археологического исследования, получены материалы, которые дают возможность по-новому взглянуть на взаимоотношения между тюрками-огузами и Арабским халифатом. Археологические и нумизматические материалы свидетельствуют, что происходит налаживание торговли между центрами Арабского халифата и народами, проживающими на территории степной части Евразии, это подтверждают также находки вещей с исламскими символами и куфическими надписями на арабском языке. Перстень с куфической надписью из Джанкента не только показывает экономическое и политическое положение Южного Казахстана в VIII—IX/X вв. но и точно документирует смену эпохи, стилей, культуры и вкусов тюркских племен в период господства Арабского халифата на Евразийском континенте.

Ключевые слова: торевика, Приаралье, Джанкент, эпоха древних тюрков, огузы, ислам.

Сведения об авторах: Дарменов Рустем Турарбекович[1], главный инспектор по охране объектов историко-культурного наследия, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозоқ»; Хасенова Бакыт Мулдашевна[2], PhD (History), ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Назаров Агабек Женисбекулы[3], PhD-докторант, Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54, блок 6, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, e-mail: alicar@inbox.ru; [3]120001, Казахстан, г. Кызылорда, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

Rustem Darmenov, Bakyt Khassenova, Agabek Nazarov

SIGNET RING WITH AN INSCRIPTION “MUHAMMAD” FROM THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF JANKENT

The article presents the materials of “Islamic world”, obtained during archaeological works on the settlement of Jankent that are introduced into the scientific circulation for the first time. In 7th — 9th cc., Central Asia and Kazakhstan were faced with the Arab conquests, as a result of which the Muslim states with the local Islamized aristocracy were appeared. The medieval historical sources describe that the Muslims and Turks inhabited the cities along the Silk Road, where the power belonged to the Turkic rulers. The settlement of Jankent is one of the well-studied medieval settlements in the eastern part of the Aral Sea region, which is considered as the capital of the Oghuz State. The archaeological study provided a new perspective on the relationship between the Oghuz Turks and the Arab Caliphate. The archaeological and numismatic materials testify that there was an establishment of trade between the centers of the Arab caliphate and the peoples living in the territory of the

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP 1967844 «Торевтика карлуков: художественные традиции и технологии»).

Статья поступила в номер 4 апреля 2024 г.
Принята к печати 25 апреля 2024 г.

© Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова, А.Ж. Назаров, 2024.

steppe of Eurasia. The Jankent ring not only shows the economic and political position of South Kazakhstan in the 8th — 9th — 10th cc., but it also documents precisely the change of epoch, styles, culture and tastes of the Turkic tribes during the reign of the Arab Caliphate on the Eurasian continent.

Key words: toreutics, Aral Sea region, Jankent, Ancient Turkic, Oghuz, Islam.

About the authors: Darmenov Rustem[1], Chief Inspector for the Protection of Historical and Cultural Heritage Objects, State History and Cultural Museum-Reserve "Bozok"; Khassenova Bakhyt[2], PhD (History), Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology; Nazarov Agabek[3], PhD-student, T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts.

Contact information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, Tauelsizdik Avenue, 54, Block 6, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]050010, Kazakhstan, Almaty, Dostyk Avenue, 44, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, e-mail: alicar@inbox.ru; [3]120001, Kazakhstan, Kyzylorda, Korkyt Ata Kyzylorda University, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

Введение

Ибн Умар сказал:
«Пророк носил золотое кольцо, затем снял его и надел серебряное кольцо с надписью
«Мухаммад — посланник Аллаха»
и сказал:
«Никто не должен ничего писать на надписи этого моего кольца».

Sunan Abi Dawud, хадис 4218

В изучении религий, укоренившихся на территории Средней Азии и Казахстана, привлекаются в большинстве своем исторические источники, а также этнографические исследования и очень редко археологические материалы. Для периода господства политеистических религий и многообразия культов и ритуалов у древних народов и племен, археологические материалы дополняют и позволяют нам дать частично интерпретацию мировоззрения древнего человека. Но не все из таких примеров по привлечению археологии можно признать корректными. Одной из главных проблем использования раннесредневековых археологических материалов из Средней Азии и Казахстана в период господства Арабского халифата и насаждения «исламской культуры», что их очень затруднительно объяснить только с точки зрения насильственной исламизации населения, приходится учитывать, что предметы могли попасть путем военного захвата добычи, торговли или дарения.

В VIII в. Средняя Азия и Казахстан попадают в ареал арабских завоеваний, здесь возникают мусульманские государства с местной исламизированной аристократией. Тюрко-согдийско-арабские войны привели к тому, что сюда начали переселять арабов, в том числе миссионеров ислама и создавать центры исламской культуры (Ибн ал-Асир 2006: 212; Большаков 1980: 132—136). Резко возросли торговые и культурные связи между городами Средней Азии и Казахстана в связи с появлением торговых колоний мусульманских стран: «И зачастили торговые караваны из Бухары и Самарканда в него, сбывая утварь и ткани» (Материалы по истории 1988: 104—105). О том, что мусульмане жили в городах тюрков-огузов дает информацию Ибн Хаукаль: «... в Новом Селении живут мусульмане и вместе с тем — оно столица государства гузов», «Вблизи от него (находится) Дженд и Хора, в обоих живут мусульмане, а власть принадлежит огузам» (Ибн Хаукаль 1939: 184). Источники отмечали, что население городов Тараз, Шалджи, Мирки, Навикат, Фарункат и др. состоят из «мусульман и тюрков», а далее на восток шла «страна войны и неверия» (Ал-Истахри 1939: 178).

Тюрки-огузы впервые упоминаются в работе Ибн Хордадбека «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», где автором дается перечень племен, в который вошли печенеги, кимаки, кыпчаки и гузы (Ибн Хордадбек 1939: 144). Ал-Истахри характеризует территорию Огузского государства следующими словами: «… пределы страны гузов — то, что находится между хазарами и кимаками, страной карлуков и булгар и границами мусульманских стран

от Джуржана до Фараба и Испиджаба»…. «…все границы Маверенахра — место военных действий, от Хорезма до окрестностей Исфиджаба с тюрками-гузами…» (Ал-Истахри 1939: 167, 178). Ал-Идриси в сочинении «Нузхат ал-муштак» пишет: «… города гузов многочисленны и они тянутся друг за другом на север и восток» (Ал-Идриси 1939: 220).

Впервые упоминание Джанкента появляется в труде Ибн Русте «Китаб ал-а'алак ан-нафиса», который отмечает: «... на западном его берегу — горы, называемые Сиякух, на восточном — заросли переплетающихся между собой деревьев; через них почти невозможно пройти или проехать, кроме как по узкой и неровной дорожке, по которой ходят дикие кабаны, и (по дороге) к северному концу берега, по которой ездит царь населения, называемого Новое Селение» (Ибн Русте 1939: 150). Во всех письменных источниках городище Джанкент обозначается разными названиями, которые одинаково переводятся, как «новый город»: Янгикент (тюркское «янги» — новый, «кент» — поселение или город); ал-Карьят ал-Хадиса, ал-Мадина ал-джадида (арабское «карьят» и «мадинатун» означают город, а «хадисун» и «джадидун» — новый); Дих-и-нау: (персидское «дих» означает селение, а «нау» — новый) (Зиливинская и др. 2011: 27—37).

Материалы исследования

Джанкент — один из главных городов Огузской державы и наиболее изученный в археологическом плане памятник своего времени. Впервые объект посетили поручик Д. Гладышев и геодезист Муравин в 1762 г., когда следовали по пути из Орска в Хиву. Геодезист Муравин сообщает, что остатки города Янкент сохранились на острове, который «… с одной стороны… обошло Аральское море, с другой — Сыр-Дарья река, с третьей — из Сыр-Дарьи в Аральское Море пал проток Карасар… по которому растет камыш, так как на болоте…» (Ханыков, 1851: 33—34). Описание развалин городища Джанкент мы встречаем у топографов, военных, послов и географов — П.И. Рычкова (Топография 1887), А.И. Лёвшина (Лёвшин 1832), А.И. Макшеева (Макшеев 1856), Л.Л. Мейера (Мейер 1865) и др.

Первые археологические исследования Джанкента проводились сотрудниками Императорской Археологической комиссии (ИАК) (ИАК 2009; Длужневская 2011). Так, в 1867 г. по поручению Археологической комиссии П.И. Лерх и его помощник М.К. Приоров впервые провели археологические раскопки на городище Джанкент. Ротмистр М.К. Приоров провел съемку местности в окрестностях памятника. К сожалению, чертежи съемки в отчете П.И. Лерха не были опубликованы. Лерх дает более подробную характеристику Джанкента, по сравнению с предшественниками (Лерх 1870: II). Им были раскопаны четыре объекта в центральной и западной части городища. Исследователь пришел к заключению, что памятник представляет собой остатки городища Янгикент, упоминаемого в средневековых письменных источниках (Лерх 1870: I—VII).

Городище Джанкент расположено в дельте Сырдарьи, в 2 км к юго-западу от села Жанкент Казалинского района Кызылординской области (рис. 1: 2—3). Согласно топографической съемке 2005 г., размеры памятника составляют 375(420)×225 м. Памятник имеет Т-образную форму — прямоугольник с расширением в восточной части, вытянутый с востока на запад. Цитадель расположена в северо-западном углу городища, размерами 100×100 м. Она возвышается на 8 м над окружающей местностью и на 3—4 м над средним уровнем площади памятника. По мнению С.П. Толстова, Джанкент в конце IX — начале X в. «заново укрепляется по хорезмийскому» типу (Толстов 1947: 68).

На городище Джанкент в настоящее время ведутся работы на десяти объектах. Наиболее хорошо изучен раскоп № 1, который был заложен в 2005 г. (работы продолжаются) в северо-восточной части городища на обширном холме овальной формы размерами 35×30 м (Курманкулов и др. 2007; Зиливинская и др. 2011; Сводный отчет 2010; Сыдықова Тәжекеев, 2013). Здесь на площади более 3000 кв.м обнаружен жилой городской квартал. Планировка четко показывает улицы, идущие в широтном и меридиональном направлениях. Ширина

улиц 2—3 м. Общее число вскрытых помещений на территории раскопа № 1 — около 72 ед. Застройка квартала — однотипная. В верхнем строительном периоде здесь были дома с одно- или двухкомнатными жилыми помещениями. Стены сложены из сырцового кирпича размерами 31,5×21,5×6 см и 20,7×22×5 см. В нижних строительных горизонтах размеры кирпичей расширились до 40—39×21—20×7—6 см.

Обсуждение и краткие выводы по результатам изучения городища Джанкент опубликованы в работах К.М. Байпакова, Ж. Курманкулова, И.А. Аржанцевой, Э.Д. Зиливинской, Ж.Т. Сыдыковой, А.А. Тажекеева, Р.Т. Дарменова, С.У. Билалова и Г.Т. Амиргалиной (Курманкулов и др. 2007; Байпаков 2007: 35—61; Аржанцева, Тажекеев 2014; Тажекеев и др. 2020а: 409—421; Билалов и др. 2021).

Было выявлено, что архитектурный тип жилищ с городища Джанкент восходит к наиболее традиционным архаичным типам в среднеазиатской городской архитектуре. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае — это отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, во всех случаях следуя единому «*традиционному типу*». Интерьер основного «*центрального*» помещения характеризовался наличием большой «П или Г-образной» суфы, занимавшей почти всю площадь помещения, кроме небольшого участка пола перед входом, вымощенный квадратным обожженным кирпичом. В центре такой вымостки под одним из кирпичей обязательно устраивался поглотительный колодец — крупный хум, куда стекала грязная вода. Эта так называемая площадка «*ташнау*». Высота суфы обычно 50—60 см, т.е. в высоту встроенного в нее одного, иногда двух тандыров. В центре жилой комнаты имелись однотипные очаги, они представляли собой прямоугольные открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанных из половинок, разрезанных вдоль сырцов. Конструкция данных очагов известна в Средней Азии и Хорезме еще с последних веков до н.э. и они были распространены в средневековье повсеместно (Воронина 1963: 87—92; Неразик 1966: 75). Очаги использовались, как для отопления, так и для ритуальных нужд (Вишневская, Рапопорт 1979). С северной стороны вплотную к очагам были приставлены керамические очажные подставки в виде протом баранов (қошқар), развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе (рис. 1: 3—4) (Зиливинская 2013: 100—107; Дарменов, Тажекеев 2018: 109—122).

Чаще для хранения продуктовых припасов имелось специальное помещение-кладовая. Оно располагалось обычно перед стеной жилого помещения, и вход в нее мог быть с уровня суфы жилого помещения. Площадь кладовых обычно составляла одну четвертую часть жилого помещения и в них стояли и были вкопаны под уровень пола большие керамические сосуды-хранилища (хумы) (Тажекеев и др. 2020б: 88—97).

Новые материалы с городища Джанкент дают нам возможность снова поднять вопрос перехода группы тюрков-огузов в ислам. На территории шахристана во время археологических работ были получены находки, свидетельствующие о проживании мусульман в городе и об изменении религиозных представлений местного населения. Также нами фиксируется изменение архитектурно-планировочного принципа жилых помещений на раскопе № 1, в позднем периоде I строительного горизонта происходят закладка и ремонт помещений. В жилых помещениях исчезает центральный очаг с подставкой-алтарем с протомами барана. Результаты раскопок этих объектов были опубликованы (Зиливинская и др. 2011: 27—39; Зиливинская 2013: 100—107; Дарменов, Тажекеев 2018: 109—122).

Наиболее массовым материалом, показывающим взаимоотношения населения Джанкента с внешним миром, являются монеты (определение выполнено науч. сотр. Института востоковедения РАН Е.Ю. Гончаровым). Наиболее ранние взаимоотношения

огузов и арабов фиксируются по выявленным новым типам серебряных монет, которые внешне оформлены по образцу афригидских драхм (рис. 2: 6).

1. Лицевая сторона во все поле — мужской профиль вправо. На голове корона, перед лицом сверху вниз арабским письмом куфи «ʿАбдаллах ибн Тахир», в одну или (в одном случае) две строки.

2. Обратная сторона в поле крупно — всадник на коне, обращенный лицом вправо и держащий в протянутой руке жезл или нагайку. По кругу — стандартная надпись крупными массивными буквами хорезмийским алфавитом; над крупом коня «Мухаммад» арабским письмом куфи (Гончаров, Настич 2013: 82).

Монеты отличаются содержанием арабских легенд на обеих сторонах; имя или титул «Джабуйа Арслан», «Н.мидж? Й.мидж? ...? / Н.мих? Й.мих? Джабуйа», «Джабуйа, царь гуззов, клиент повелителя верующих», «из того, о чем повелел Джабуйа, царь гуззов, клиент повелителя верующих», «<…> из того, о чем повелел Джабу(йа, царь) гузз(ов …)», «Бал? / Йал? Джабуйа, царь (гуззов), клиент (повелителя верующих)» «Бал? / Йал? Джабуйа» (Гончаров, Настич 2013). Е.Ю. Гончаров и В.Н. Настич отмечают слово ğa-būyah (ябгу), оно неизменно прилагается к правящим особам, которые на монетах прямо названы «царями гуззов» и «клиентами амира верующих» (мавла амир ал-му’минин).

Вторым именем, присутствующим на всех найденных арабо-огузских монетах, является ʿАбдаллах ибн Тахир — третий по счету представитель династии Тахиридов (213—230/828—845), наместник Хорасана с 215/830 г. (Ибн-Аль-Асир 2006: 156). По словам ал-Бала Зури, «Абдаллах ибн Тахир направил своего сына Тахира ибн ʻАбдаллаха в поход на страну гузов. Он завладел местами, в которых до него никто ещё не бывал (из арабов)» (ал-Бала Зури, 1987). Следует отметить, что данное упоминание ал-Балазури является самым ранним сообщением о гузах в исторической литературе.

Тут же на раскопе № 1 в жилых помещениях выявлено около двух десятков медных монет Саманидской державы. Все саманидские фельсы одновременные и относятся к правлению эмира Абд ал-Малик ибн Нух Саманид. Чекан Бухары. 343—350 г.х./954—961 гг. и 347—348 г.х./958—960 гг. (рис. 2: 5) (Аржанцева и др. 2010: 49—51).

Другой группой материалов, показывающих изменения в религиозно-культовой практике населения Джанкента, является керамика. Была выявлена глазурованная керамика, изготовленная из красной высокоожелезненной глины, сформованная на гончарном круге из хорошо промешанной глины, качественного обжига. Черепки изделий плотной структуры, в изломе розового, светло-розового цвета. Ассортимент глазурованных изделий небольшой. Весомая часть находок представлена категорией — столовая посуда (чаши, горшки и кувшины). Есть несколько образцов из категории «предметы специального назначения» — светильники. На них нанесен орнамент, имитирующий арабскую надпись, сделнную куфическим почерком или в стиле «куфи» (рис. 2: 2—3) (Амиргалина, Билалов 2022: 142—156). В коллекции керамических изделий имеется еще одно изделие с надписью (рис. 2: 4).

В 2011 г. на городище Джанкент, на раскопе № 1 на дневной поверхности случайно был обнаружен перстень — ювелирный предмет, несущий в себе не только своеобразную художественно-эстетическую красоту, но ритуально-обрядовую нагрузку.

Перстень (рис. 2: 1). Выполнен из оловянно-свинцовой латуни. Состав Zn — 13,4%, Pb —12,41%, Sn — 3,44% (Рузанова 2014: 180, рис. 3: 10). Сохранились щиток и небольшой фрагмент шинки с одной стороны. Плоский щиток в виде удлиненного шестиугольника, с боковыми наклонными сторонами. В небольшой узкий ободок на лицевой поверхности вписано имя «Мухаммад» на арабском языке (перевод Е.Ю. Гончарова). В месте соединения щитка и шинки, по обе стороны размещены заостренные выступы листовидной формы.

Несмотря на то, что данный интересный артефакт был обнаружен при случайных обстоятельствах, мы склонны отнести его к первым векам распространения ислама, так как по составу металла он совпадает с предметами торевтики с городища, датируемыми данным временем.

В VIII—XI вв., судя по археологическим материалам, массово выявляются ювелирные и керамические изделия, декорированные арабскими надписями в стиле «куфи»: «Власть от Аллаха», «довольствуюсь Аллахом», «Благороднейшее из богатств — отказ от желаний», «(Имей) терпение, прежде чем (высказывать) мнение», «От Аллаха степень» и т.п. (Настич 1975: 97; Ильясова и др. 2016: 396, 403).

Переход в новую религию происходил не только военным путем, но и мирным. В 943 г. тюрки Жетысу и Южного Казахстана, по мнению О.К. Караева, добровольно приняли ислам и здесь сложилась первая тюркская исламская династия — Караханиды (Караев 1983: 95). У Джамала Карши сказано: «Сатук Бугра-хан ал Муджахид Абд ал Карим ибн Базир Арслан-хан ибн Тангла (Билга) Бахур (Нахур) Кадр-хан из рода Афрасиаба ибн Пушанг ибн Алп ибн Рисиман», «он был первым среди тюркских хаканов, кто принял ислам в пределах Кашгара и Ферганы в правление правоверных в государстве ал-амир ар-Рашид Абд ал-Малика ибн Нуха ас-Самани» (История Казахстана 2006: 101).

Вхождение крупных городов Южного Казахстана и Жетысу в ойкумену исламского мира привело к образованию этно-религиозных групп тюрков, принявших ислам — туркоман, что означает «похожий на тюрка» (ал-Бируни 19633: 19). Неофиты и местное население, подражая арабам и материальной культуре исламского мира, стремились получить вещи, несущие в себе религиозную символику. Как сообщает Ибн Фадлан, об огузах: «Мне приходилось иногда слышать от них: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Аллаха». Тем самым они как бы подражают мусульманам, которые проезжают у них, но настоящей веры в них нет…. И таково правило тюрка, — всякий раз, как он услышит мусульманина, произносящего «Слава Аллаху» и «Нет бога, кроме Аллаха», он говорит то же, что и он» (Ибн Фадлан 1939: 155—164).

Также надо отметить, что проникновение ислама и исламской культуры среди местного неарабского населения вызвало появление культурно-политического движения *шу'убизм*, которые отрицали претензии арабов на руководящую роль в культурной, а иногда, и политической жизни стран ислама (Бартольд 1971: 359—370). Движение это имело два основных направления. Военное представляло собой формирование сословия тюркских воинов «гулямов» возглавляемых представителями доисламских тюрко-согдийских династий Средней Азии и Казахстана. Также происходило формирование новых духовно-культурных центров и создание суфийских тарикатов, таких, как йассавиййа, хваджаган-накшбандийа, кубравийа и ‘ишкийа, слава о которых распространилась в этом регионе, а впоследствии и по всему исламскому миру.

Уже VIII в., по данным Ас-Сам’ани, в Средней Азии появились первые суфии тюркского происхождения из богатых и аристократических семей — это ‘Абдаллах ибн ал-Мубарак ал-Ханзали ал-Марвази и Насафа Му’аз ибн Йа’куб ал-Касани ан-Насафи, построивший на свои средства соборную мечеть и рибат для суфиев в Насафе (Камалиддинов 1993: 184).

Суфизм, как аскетическое движение в исламе, по мере географического продвижения на восток и запад, впитывал в себя древневосточные, неоплатонические и христианские традиции, а также испытывал индийско-буддийское влияние (Шиммель 1999: 13—26). Суфийские учения среди местного населения Средней Азии и Казахстана привели к появлению «народного ислама», который был пропитан культами и ритуалами доисламских верований. В частности, это привело к возрастанию роли мистики, предчувствия и прорицаний, сновидений и символов в ежедневной жизни (Абдуллаева 2000: 6).

Магические надписи наносились на самые разнообразные предметы: зеркала, украшения, одежду, медицинские инструменты, замки, ульи, посуду, ножницы и так далее, то есть на вещи, которые окружали человека в быту и были важны для него (Резван 2001: 321—351).

Перстень-печать с древнейших времен является главным атрибутом, удостоверительным знаком, подтверждая личность правителя и членов царствующего дома и т.п. Легенда перстня-печати состояла из имени, титула и имени отца владельца, самого правителя, а также содержала изображение родового герба. В персидском языке термин «печать» — muhr, используемый в Иране и Индии, а в турецком — mühür. В сефевидском Иране мухр-дар был хранителем печати и работал в составе канцелярии (Floor 2001: 68). Массовое появление печатей в Арабском халифате связано с взаимоотношениями Византийской империи. В своем труде Futūḥ al-Buldān утверждает, что в 7/628 г., «когда посланик Аллаха собирался написать царю греков (ар-Рум), кто-то сказал ему, что они не прочтут письмо, если оно не будет запечатано. Тогда он сделал серебряное кольцо, я почти вижу его белизну на своей руке, и выгравировал на нем «Мухаммад — посланник Аллаха»» (Clark Murgotten 1924: 256).

После завоевания Ирака в 637 г. мусульманские завоеватели унаследовали от Сасанидов сложную систему управления, которая должна была послужить полезной основой для создания собственной централизованной бюрократии. Этого добились первые правители, в частности Зияд ибн Абихи, наместник халифа Му'авии (661—80) в 669—673 гг. Зияд ввел систему канцелярии в сасанидском стиле, а вместе с ней и отдел, который использовал печати для регистрации документов, а Зияд описывается как «первый араб, который ввел диван зимама и печать в подражание тому, что делали персы» для скрепления документов (Morony 1984: 66—67).

Перстни, декорированные арабской надписью почерком «куфи», не редкость для территории Средней Азии и Казахстана в период экспансии Арабского государства. Относительно хорошо сохранившиеся перстни датируются временем после монгольского нашествия и утверждения новых династий, а также второго ренесанса ислама среди кочевников. О ранних перстнях-печатей с надписями и талисманами мусульманского Востока, аналогичных джанкенскому перстню, содержится информация в каталоге Британского музея — «Печати и амулеты» (Porter 2017) и в Оксфордском каталоге исламских печатей и талисманов (Kalus 1986).

В каталогах представлены перстни, изготовленные из оловяно-свинцовой бронзы. Формы перстней — шестигранные, со скошенными сторонами. На них нанесенены строки углового шрифта с вильчатыми наконечниками. Слово «Мухаммад» может быть прочитано в четырех различных вариантах (Porter 2017: 45, fig. 117). По мнению В. Поттер, появление свинцово-бронзовых перстней-печатей связано с влиянием Византийской империи, в основном они участвовали в экономической жизни в ранний исламский период, вторично печати появляются в Османский период (Porter 2017: 3—4).

О том, как мусульмане носят перстни-печатки, дает информацию Э. Лейн в своем труде «Рассказ о нравах и обычаях современных египтян, написанный в Египте в 1833—1835 годах»: «На мизинце правой руки носят перстень-печатку, который обычно из серебра, с сердоликом или другим камнем, на котором выгравировано имя владельца. Имя обычно сопровождается словами «раб его» (означающими «слуга или поклонник Бога»), а часто и другими словами. «Бога», выражающими веру человека в Богу и т.д. ... Кольцо с печатью используется для подписания писем и других и других документов, и его оттиск считается более действительным, чем знак ручная» (Lane 1978: 48).

Печать пророка Мухаммада (khātam), согласно хадисам «Сахих Муслима» Муслима ибн аль-Хаджжадж изготовлена полностью из серебра, как ободок, так и само кольцо: «Посланник Аллаха подобрал для себя серебряный перстень, который носил на руке. Потом этот перстень носил у себя на руке Абу Бакр, потом — Умар, а потом — Усман. И это продолжалось тех пор, пока он не упал с руки Усмана в колодец Арис (в роще близ мечети Куба). На этом перстне была выгравирована надпись «Мухаммад, посланник Аллаха» (Сафиуллин 2021; Signet-Rings (Kitab Al-Khatam) / сайт Sunnah). Считается, что он не рекомендовал использовать золото для изготовления печатей.

Перстни-амулеты в исламе, по мнению суфиев, восходят к самому Пророку. Так, суфий Ибн Араби ввел специальную доктрину святости в мистицизме, где пророк Мухаммад стоит высшее

всех, благодаря тому, что служит Печатью Пророков (Хатим ал-анбийа) и открыто говорит о том, что есть Печать Святых (Хатим ал-аулийа), в которой проявляется Дух пророка Мухаммада (Арберри 2002: 166). Как отметила Аннемари Шиммель, «Пророк Мухаммад» является главным стержнем в духовной цепи суфизма. Его вознесение сквозь небеса в Божественное присутствие, на которое намекают первые строки суры 17, стало прототипом духовного восхождения мистика к личной близости с Богом (Шиммель 1999: 30). Суфии в своих определениях различных мистических состояний опирались на хадисы, которые восходили к пророку Мухаммаду или приписывались ему. Любое направление в исламе и суфизме находило в хадисах материал для подтверждения своих представлений. Личность пророка Мухаммада в короткий срок приобрела огромное значение для духовной жизни общины мусульман, и средневековые суфии считали его идеальным человеком, причиной и целью творения, сподвижником Бога. Поэтому в средневековом исламском мире люди всех сословий часто прибегали к магическому лечению, к профилактической и лечебной силе имени пророка Мухаммада, аятов и сур.

В средневековом исламском мире появляются ритуальные печати «Пира-Хранителя» (islamology.ru: 1) или «печать-талисман» (мухр-и дуо), используемые в обрядах мусульман Средней Азии и Казахстана. В этнографии зафиксирован обряд, бытующий у горожан Средней Азии, связанный с именем знаменитого суфия, ханбалитского богослова и проповедника ʻАбд ал-Кадира ал-Джилани (1077—1166), эпонима суфийского братства кадирийа (Шиммель 1999: 196). Он имел прозвище Мухйи ад-дин, «оживляющий религию» и являлся шейхом Востока, а термин дастгир («хранитель», «помощник», «покровитель») — один из титулов ʻАбд ал-Кадира ал-Джилани.

В честь своего патрона послушники Абд ал-Кадира, каждый год в четвертый месяц мусульманского лунного календаря или 11-го числа каждого месяца мусульманского календаря проводят обряд Хатм-и йаздахум — «рецитация одиннадцатого» и песнопения «читали наизусть весь Коран каждую ночь, стоя на одной ноге». Он — гаус-и а’зам, «Величайшая Помощь», и пир-и дастгир, «Старец-наставник, держащий за руку» для поддержки (Шиммель 1999: 196; Троицкая 1928: 173—199).

Печати-амулеты, посвященные шейху ʻАбд ал-Кадира ал-Джилани, представляют собой круглые серебряные или медные пластины с петлевидной или цилиндрической ручкой на тыльной стороне. Рядом с ручкой (у края основной пластины) припаяны тонкие пластинки разной формы — определители направления оттиска. Диаметр основных пластин 60—64 мм, вес до 44 г. (islamology.ru: 1). Надпись в картушах по кругу: «О великий покровитель, творение (?) Аллаха! Дай мне приют с позволения Аллаха святостью Мухаммада б. ʻАбдаллаха — да благословит его Аллах и да приветствует!» (islamology.ru: 1).

Заключение

Арабский халифат, как и до него, Персия, стремились заполучить контроль за торговлей шелком и другими товарами с Китаем, что привело к экспансии на восток в VIII в., и создало благоприятные условия для возникновения крупных экономических форпостов, где шла торговля с тюркскими государствами. Купцы были иногда единственными представителями арабско-мусульманского мира, которые не только вели торговлю, но и проповедовали ислам среди местного населения. Нумизматические материалы свидетельствуют о том, что происходит налаживание торговли между центрами Арабского халифата и народами, проживающими на территории степной части Евразии, это подтверждают также находки вещей с исламскими символами и куфическими надписями на арабском языке (Давидович 1960: 92—117; Путешествие Ибн Фадлана 2016).

Перстень с куфической надписью из Джанкента не только показывает экономическое и политическое положение Южного Казахстана в VIII—IX/X вв. но и точно документирует смену эпохи, стилей, культуры и вкусов тюркских племен в период господства Арабского халифата на Евразийском континенте.

Литература

Абдуллаева Ф.И. 2000. *Персидская кораническая экзегетика (Тексты, переводы, комментарии)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение (Культура и идеология мусульманского Востока II).

Акишев и др. 1982. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1982. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI—XVIII вв.). В: Неразик Е.Е. (отв. ред.). *Жилище народов Средней Азии и Казахстана*. Москва: Наука, 121—136.

Ал-Идриси. 1939. Извлечения из «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» или «Китаб-роджер» *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 220—222.

Ал-Истахри. 1939. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 167—181.

Амиргалина Г.Т., Билалов С.У. 2022. Глазурованная керамика раннесредневекового городища Джанкент. В: Оңғар А. (ред.). *Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей.* Т. 3. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 142—156.

Арберри А.Дж. 2002. *Суфизм. Мистики ислама*. Москва: Сфера.

Аржанцева и др. 2009. Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. 2009. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005—2007 гг. Кызылорда.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. 2010. Исследования «болотных городищ»: архивы и новые материалы. В: Герасимова М.М. (отв. ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий.* Москва: РАН ИА ТАУС, 389—406.

Ахмад ибн Иахйа ибн Джабяр ал-Бала Зури. 1987. *Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булден»).* Душанбе: Дониш.

Байпаков К.М. 2007. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана. *Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан* 1 (253), 35—61.

Бартольд В.В. 1965. Работы по исторической географии. В: *Сочинения.* Т. III. Москва: Наука.

Билалов и др. 2021. Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К., Амиргалина Г.Т., Құрманиязов Ы.С., Назаров А.Ж. 2021. Археологические работы на городище Джанкент в полевом сезоне 2020—2021 гг. Оңғар А. (ред.). *Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26—27 октября 2021 г.)*. Т. 2. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 138—154.

Бируни, Абу Рейхан. 1957. Памятники минувших поколений. В: *Избранные произведения*. Т. 1. Ташкент: АН УзССР.

Большаков О.Г. 1980. К истории Таласской битвы (751 г.). В: Ольдерогге Д.А. (ред.). *Страны и народы Востока*. Вып. 22. Москва: Восточная литература, 132—136.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе. В: Виноградов А.В. (отв. ред.). *Этнография и археология Средней Азии.* Москва: Наука, 105—112.

Воронина В.Л. 1963. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии. *Советская этнография* 6, 81—83.

Гончаров Е.Ю., Настич В.Н. 2013. Монеты сырдарьинских огузов IX в. В: Кляшторный С.Г. (отв. ред.). *Тюркологический сборник 2011—2012.* Москва: Наука; Восточная литература, 80—91.

Давидович Е.А. 1960. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. *Нумизматика и эпиграфика* 2, 92—117.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. 2018. Ритуальные очаги на городище Жанкент. *Народы и религии Евразии* 17 (4), 109—122.

Длужневская Г.В. 2011. *Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859—1959 гг. (по документам Научного архива Института истории и материальной культуры РАН).* Санкт-Петербург: ЭлекСис.

Жилин А.Н. 1982. Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана. В: Неразик Е.Е., Жилина А.Н. (ред.). *Жилище народов Средней Азии и Казахстана*. Москва: Наука, 137—164.

Зиливинская и др. 2011. Зиливинская Э.Д., Сыдыкова Ж. Т., Билалов С. У. 2011. Раскопки жилого квартала на городище Джанкент. В: Васильев Д.В. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды.* Астрахань: Астраханский университет, 27—37.

Зиливинская Э.Д. 2013. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент. *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук* 3, 100—107.

Ибн ал-Асир. 2006. *ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории)*. Ташкент: Фан.

Ибн Русте. 1939. Извлечения из «Китаб ал-а'алак ан-нафиса». *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 150—155.

Ибн Фадлан. 1939. Извлечения из «Записки». *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 155—164.

Ибн Хордадбек. 1939. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик». *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 144—146.

Ильясова и др. 2016. Ильясова С.Р. Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. 2016. *«Нет блага в богатстве». Глазурированная керамика Ташкентского оазиса IX—XII вв.* Москва: Фонд Марджани.

Императорская археологическая комиссия (1859—1917): к 150-летию со дня основания. 2009. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

История Казахстана в арабских источниках. Извлечения из сочинений XII—XVI вв. 2006. Т. 3. Алматы: Дайк-пресс.

Камалиддинов Ш.С. 1993. В: Булгаков П.Г. (ред.). *«Китаб ал-ансаб» Абу са'да 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии.* Ташкент: Фан.

Караев О. 1983. *История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.)*. Фрунзе: Илим.

Курманкулов и др. 2007. Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.КТ. 2007. Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Кызылорда.

Лёвшин А.И. 1832. *Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей.* Ч. I. Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя.

Лерх П.И. 1870. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. В: *Отчет ИАК*. Типография ИАН, 1—10.

Макшеев А.И. 1856. Описание низовьев Сырдарьи. *Морской сборник* Т. 23, 448—527.

Материалы по истории 1988: Ахмедов Б.А. (ред.). 1988. *Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв.* Ташкент: Фан.

Мейер Л. 1865. Киргизская степь Оренбургского ведомства. В: *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба.* Санкт-Петебург: Главное управление Генерального штаба.

Настич В.Н. 1975. Поясная накладка из Отрара. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Древности Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 97—105.

Неразик Е.Е. 1966. *Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса)*. Москва: Наука.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar: кат. выставки. 2016. Государственный Эрмитаж. Москва: Издательский дом Марджани.

Резван Е.А. 2001. *Коран и его мир.* Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Рузанова С.А. 2014. *Следы металлообрабатывающего ремесла на городище Джанкент.* В: Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. (сост). *Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011—2014 гг.)*. Алматы: Арыс, 178—188.

Сафиуллин Р. 2021. *Каким был перстень Пророка?* URL: https://islam.ru/content/person/54209 (дата обращения: 30.01.2024).

Смагулов Е.А. 2004. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников. В: Хабдулина М.К. (отв. ред.). *Мобилизованный археологией.* К 80-летию К.А. Акишева (1924—2003). Астана: ЕНУ, 104—113.

Сыдықова Ж.Т., Тәжекеев Ә.Ә. 2013. Тұран өркениеті. *Мәдени мұра* 4, 37—46.

Тажекеев и др. 2020а. Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Султанжанов Ж.К., Шарапова К.А. 2020. Археологические исследования на городище Джанкент в 2019 г. В: Байтанаев Б.А. (гл. ред.). *Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований: Материалы международной научно-практической конференции.* Т. 2. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 409—421.

Тажекеев и др. 2020б. Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К. 2020. Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент. *Археология Казахстана* 1 (7), 88—97.

Толстов С.П. 1947. Города гузов. *Советская этнография* 3, 57—102.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. 1887. Оренбург: Типография Б. Бреслина.

Троицкая А.Л. 1928. Женский зикр в старом Ташкенте. В: Карский Е.Ф. (ред.). *Сборник музея антропологии и этнографии.* Ленинград: АН СССР, 173—199.

Ханыков Я.В. 1851. *Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным.* Санкт-Петербург: Типография Министерства Внутренних Дел.

Шиммель А. 1999. *Мир исламского мистицизма.* Москва: Алетейа, Энигма.

Якубов Ю. 1988. *Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма).* Душанбе: Дониш.

Clark Murgotten F. 1924. *The origins of the Islamic state.* Pt. 2. *Being a translation from the Arabic, accompanied with annotations geographic and historique notes of the Kitab Futuh Al-Buldan of al-Imam abu-l 'Abbas Ahmad ibn-Jabir al-Balahuri*. New York: Columbia University.

islamology.ru: 1: Мухр-и Пир-и Дастгир. URL: https://islamology.ru/content/мухр-и-пир-и-дастгир/ (дата обращения 30.01.2024).

Kalus L. 1986. *Catalogue of Islamic Seals and Talismans, Ashmolean Museum, Oxford*. Oxford: Oxford University Press.

Lane E.W. 1895. *An account of the manners and customs of the modern Egyptians: written in Egypt during the years 1833—1835.* London: East-West Publ.

Morony M.G. 1984. *Iraq after the Muslim Conquest.* Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Porter V. 2011. *Arabic and Persian Seals and Amulets in the British Museum.* London: The British Museum Research Publication.

Signet-Rings (Kitab Al-Khatam), Hadith 4218. URL: https://sunnah.com/abudawud/36/5 (дата обращения 28.01.2024).

References

Abdullaeva, F.I. 2000. *Persidskaya koranicheskaya ekzegetika (Teksty, perevody, kommentarii) (Persian Quranic exegesis (Texts, translations, commentaries))*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (Culture and Ideology of the Muslim East II) (in Russian).

Akishev et al. 1982. Akishev, K.A., Baipakov, K.M., Erzakovich, L.B. 1982. In: Nerazik, E.E. (ed.). *Zhilishe narodov Sredney Azii i Kazahstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan.* Moscow: Nauka, 121—136 (in Russian).

Al-Idrisi. 1939. In: *Materialy po istorii turkmen i Turkmeni (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan)*. T. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 220—222 (in Russian).

Al-Istahri. 1939. In: *Materialy po istorii turkmen i Turkmeni (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan)*. T. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 167—181 (in Russian).

Amirgalina, G.T., Bilalov, S.U. 2022. In: Ongar, A. (ed.). *Evraziiskaya stepnaya civilizaciya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda. Materialy v mezhdunarodnogo kongressa arheologii evrazijskih stepei (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. Materials in the International Congress of Archeology of the Eurasian Steppes).* Vol. 3. Almaty; Turkestan: Margulan Institute of Archaeology,142—156 (in Russian).

Arberri, A.J. 2002. *Sufizm. Mistiki islama (Sufism. Mystics of Islam)*. Moscow: Sfera (in Russian).

Arzhanceva et al. 2009. Arzhanceva, I.A., Zilivinskaya, E.D., Karamanova, M.S. Ruzanova, S.A., Utkelbaev, K.Z., Sydykova, Zh.T., Bilalov, S.U. 2009. Svodnyi otchet ob arheologicheskih rabotah na gorodishe Dzhankent v 2005—2007. Kyzylorda.

Arzhanceva, I.A., Ruzanova, S.A. 2010. In: Gerasimova, M.M. (ed.). *Arheologiya i paleoantropologiya evrazijskih stepey i sopredelnyh territorii (sbornik statei) (Archaeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories (collection of articles))*. Moscow: RAS IA TAUS, 389—406 (in Russian).

Ahmad ibn Iahja ibn Dzhabyar al-Bala Zuri. 1987. *Zavoevanie Horasana (Izvlechenie iz sochineniya "Futuh al-bulden") (Conquest of Khorasan (Extract from the work "Futuh albulden")).* Dushanbe: Donish (in Russian).

Baipakov, K.M. 2007. In *Izvestiya Nacionalnoi Akademii nauk Respubliki Kazahstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 1 (253), 35—61 (in Russian).

Bartold, V.V. 1965. In: *Sochineniya (Essays)*. Vol. 3. Moscow: Nauka (in Russian).

Bilalov et al. 2021. Bilalov, S.U., Tazhekeev, A.A., Darmenov, R.T, Sultanzhanov, Zh.K., Amirgalina, G.T., Kurmaniyazov, Y.S., Nazarov, A.Zh. 2021. In: Ongar, A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2021: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Velikaya step v kontekste etnokulturnyh issledovaniy", posvyashennoj 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 30-letiyu Instituta arheologii im. A.H. Margulana (g. Almaty, 26—27 oktyabrya 2021 g.) (Margulanov readings-2021: materials of the international scientific and practical conference "Great step in the context of*

ethnocultural research", dedicated to the 30th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, October 26—27, 2021). Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 138—154 (in Russian).

Biruni, Abu Reihan. 1957. *Izbrannye proizvedeniya (Selected works).* Vol. 1. Tashkent: AN UzSSR (in Russian).

Bolshakov, O. G. 1980. In: Olderogge, D.A. (ed.). *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)*. Iss. 22. Moscow: Vostochnaya literatura, 132—136 (in Russian).

Vishnevskaya, O.A., Rapoport, Yu.A. 1979. In: Vinogradov, A.V. (ed.). *Etnografiya i arheologiya Sredney Azii (Ethnography and archeology of Central Asia)*. Moscow: Nauka, 105—112 (in Russian).

Voronina, V.L. 1963. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)* 6, 81—83 (in Russian).

Goncharov, E.Yu., Nastich, V.N. 2013. In: Klyashtornyi, S.G. (ed). *Tyurkologicheskii sbornik 2011—2012 (Turkological collection)*. Moskow: Nauka; Vostochnaya literatura, 80—91 (in Russian).

Davidovich, E.A. 1960. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and epigraphy)* 2, 92—117 (in Russian).

Darmenov, R.T., Tazhekeev, A.A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and religions of Eurasia)* 17(4), 109—122 (in Russian).

Dluzhnevskaya, G.V. 2011. *Arheologicheskie issledovaniya v Centralnoj Azii i Sibiri v 1859—1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arhiva Instituta istorii i materialnoj kultury RAN) (Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859—1959 (according to documents from the Scientific Archive of the Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Sciences)).* Saint Petersburg: ElecSys (in Russian).

Zhilin, A.N. 1982. In: Nerazik, E.E., Zholina, A.N. (eds.). *Zhilishe narodov Srednei Azii i Kazahstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: Nauka, 137—164 (in Russian).

Zilivinskaya et. al. 2011: Zilivinskaya, E.D., Sydykova, Zh.T., Bilalov, S.U. 2011. In: Vasiliev D.V. (ed.). *Voprosy istorii i arheologii srednevekovyh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of history and archaeology of medieval nomads and the Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhanskiy universitet, 27—37 (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2013. In *Izvestiya Nacionalnoi akademii nauk Respubliki Kazahstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan). Social Sciences and Humanities Series* 3, 100—107 (in Russian).

Ibn al-Asir. 2006. *al-Kamil fi-t-ta'rih (Complete History)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Ibn Fadlan. 1939. In: *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan).* Vol. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 155—164 (in Russian).

Ibn Hordadbek. 1939. In: *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 144—146 (in Russian).

Ibn Ruste. 1939. In: *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan).* Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 150—155 (in Russian).

Ilyasova et al. 2016: Ilyasova, S.R. Ilyasov, J.Ya., Imamberdyev, R.A., Ishakova, E.A. 2016. "*Net blaga v bogatstve". Glazurirovannaya keramika Tashkenskogo oazisa IX—XII vv. ("There is no good in wealth".Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th — 12th centuries.)*. Moscow: Marjani Foundation (in Russian).

Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859—1917): k 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kulturnogo naslediya (Imperial Archaeological Commission (1859—1917): on the 150th anniversary of its founding. At the origins of Russian archaeology and protection of cultural heritage). 2009. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (in Russian).

Istoriya Kazahstana v arabskih istochnikah. Izvlecheniya iz sochinenii XII—XVI vekov (History of Kazakhstan in Arabic sources. Extracts from the works of the 12th — 16th centuries). 2006. Vol. 3. Almaty: Daik Press (in Russian).

Kamaliddinov, Sh.S. 1993. In: Bukgakov, P.G. (ed.). *"Kitab al-ansab" Abu sa'da 'Abd al-Karima ibn Muhammada as-Sam'ani kak istochnik po istorii i istorii kultury Sredney Azii (Kitab al-ansab" by Abu sa'd 'Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani as a source on the history and cultural history of Central Asia).* Tashkent: Fan (in Russian).

Karaev, O. 1983. *Istoriya Karahanidskogo kaganata (X — nachalo XIII vv.) (History of the Karakhanid Kaganate (10th — beginning of the 13th centuries)).* Frunze: Ilim (in Russian).

Kurmankulov et al. 2007. Kurmankulov, Zh.K., Arzhanceva, I.A., Zilivinskaya, E.D., Ruzanova, S.A., Sydykova, Zh.T. 2007. Materialy Dzhankentskoi arheologicheskoy ekspedicii. Kyzylorda.

Lyovshin, A.I. 1832. *Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kaisackih ord i stepei (Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes).* Pt. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Krayya (in Russian).

Lerh, P.I. 1870. In: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (Report of the Imperial Archaeological Commission).* Saint Petersburg: IAK, 1—10 (in Russian).

Maksheev, A.I. 1856. In *Morskoi sbornik* (*Marine collection)* 23, 448—527 (in Russian).

Materialy po istorii 1988: Akhmedov, B.A. (ed). *Materialy po istorii Srednei i Centralnoi Azii X—XIX vv.* Tashkent: Fan (in Russian).

Meier, L. 1865. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami generalnogo shtaba (Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff).* Saint Petersburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba (in Russian).

Nastich, V.N. 1975. In: Akishev, K.A. (ed.). *Drevnosti Kazahstana (Antiquities of Kazakhstan).* Alma-Ata: Nayka, 97—105 (in Russian).

Nerazik, E.E. 1966. *Selskie poseleniya afrigidskogo Horezma (po materialam Berkut-kalinskogo oazisa) (Rural settlements of Afrigid Khorezm (based on materials from the Berkut-Kala oasis)).* Moscow: Nauka (in Russian).

Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put ot Bagdada do Bulgara (Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar). 2016. Exhibition catalogue. State Hermitage Museum. Moscow: Marjani house Publishing house (in Russian).

Rezvan, E.A. 2001. *Koran i ego mir (Koran and its world).* Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Ruzanova, S.A. 2014. In: Arzhantseva, I.A., Tazhekeev, A.A. (eds.). *Kompleksnye issledovaniya gorodisha Dzhankent (raboty 2011—2014 gg.) (Traces of metalworking craft at the site of Jankent. Comprehensive studies of the Jankent settlement (works of 2011—2014)).* Almaty: Arys, 178—188(in Russian).

Safiullin, R. 2021. Kakim byl persten Proroka? (What was the Prophet's ring like?) Available at: https://islam.ru/content/person/54209 (accessed 30.01.2024).

Smagulov E.A. 2004. In: Khabdulina, M.K. (ed.). *Mobilizovannyj arheologiei. K 80-letiyu Akisheva Kimalya Akishevicha (1924—2003) (Mobilized by archaeology. To the 80th anniversary of Akishev Akishevich Kimal (1924—2003)).* Astana: Eurasian National University, 104—113 (in Russian).

Sydykova, Zh.T., Tazhekeev, A.A. 2013. In *Madeni mura (Cultural heritage)* 4, 37—46 (in Kazakh).

Tazhekeev et al. 2020a: Tazhekeev, A.A., Darmenov, R.T., Bilalov, S.U., Sultanzhanov, Zh.K., Sharapova, K.A. 2020. In: Baytanbaev, B.A. (ed.). *Velikaya Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (The Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference).* Vol. 2. Almaty: IA im. A.H. Margulana, 409—421 (in Russian).

Tazhekeev et al. 2020: Tazhekeev, A.A., Darmenov, R.T., Sultanzhanov, Zh.K. 2020. In *Arheologiya Kazahstana (Archaeology of Kazakhstan)* 1 (7), 88—97 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1947. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)* 3, 57—102 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (On the ancient deltas of Oksa and Yaksarta).* Moskow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Topografiya Orenburgskoj gubernii. Sochinenie P.I. Rychkova 1762 goda (Topography of Orenburg province. Essay by P.I. Rychkova of 1762). 1887. Orenburg: Tipography of B. Breslin (in Russian).

Troickaya, A.L. 1928. In: Karskyi, E.F. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography).* Leningrad: AN SSSR, 173—199 (in Russian).

Hanykov, Ya.V. 1851. *Poezdka iz Orska v Hivu i obratno, sovershennaya v 1740—1741 godah Gladyshevym i Muravinym (Trip from Orsk to Niva and back, made in 1740—1741 by Gladyshev and Muravin).* Saint Petersburg: Aletheia, Enigma (in Russian).

Shimmel, A.1999. *Mir islamskogo misticizma (The World of Islamic Mysticism).* Moskow: Aletheia, Enigma (in Russian).

Yakubov, Yu. 1988. *Rannesrednevekovye selskie poseleniya gornogo Sogda (k probleme stanovleniya feodalizma) (Early medieval rural settlements of mountainous Sogd (to the problem of the formation of feudalism)).* Dushanbe: Donich (in Russian).

Muhr-i Pir-i Dastgir. Available at: https://islamology.ru/content/мухр-и-пир-и-дастгир/ (accessed 30.01.2024) (in Russian).

Clark Murgotten, F. 1924. *The origins of the Islamic state.* Pt. 2. *Being a translation from the Arabic, accompanied with annotations geographic and historique notes of the Kitab Futuh Al-Buldan of al-Imam abu-l 'Abbas Ahmad ibn-Jabir al-Balahuri.* New York: Columbia University.

islamology.ru: 1: Muxr-i Pir-i Dastgir. Available at: https://islamology.ru/content/мухр-и-пир-и-дастгир/ (accessed 30.01.2024).

Kalus, L. 1986. *Catalogue of Islamic Seals and Talismans, Ashmolean Museum, Oxford*. Oxford: Oxford University Press.

Lane, E.W. 1895. *An account of the manners and customs of the modern Egyptians: written in Egypt during the years 1833—1835.* London: East-West Publ.

Morony, M.G. 1984. *Iraq after the Muslim Conquest.* Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Porter, V. 2011. *Arabic and Persian Seals and Amulets in the British Museum.* London: The British Museum Research Publication.

Signet-Rings (Kitab Al-Khatam), Hadith 4218. Available at: https://sunnah.com/abudawud/36/5 (accessed 28.01.2024).

Рис. 1. *1—2* — Джанкент. Общий вид (фото из архива Джанкентской экспедиции); *3* — Джанкент. Раскоп № 1. Помещение № 6. Общий вид (фото Р.Т. Дарменова); *4* — Джанкент. Раскоп № 1. Центральный очаг с подставкой-алтарем, украшенной протомами баранов (фото Р.Т. Дарменова).

Fig. 1. *1—2* — Jankent. General view (photo from the archive of the Jankent expedition); *3* — Jankent. Excavation 1. Premises No. 6. General view (photo R.T. Darmenov); *4* — Jankent. Excavation No. 1. Central hearth with altar stand decorated with ram protomes (photo by R.T. Darmenov).

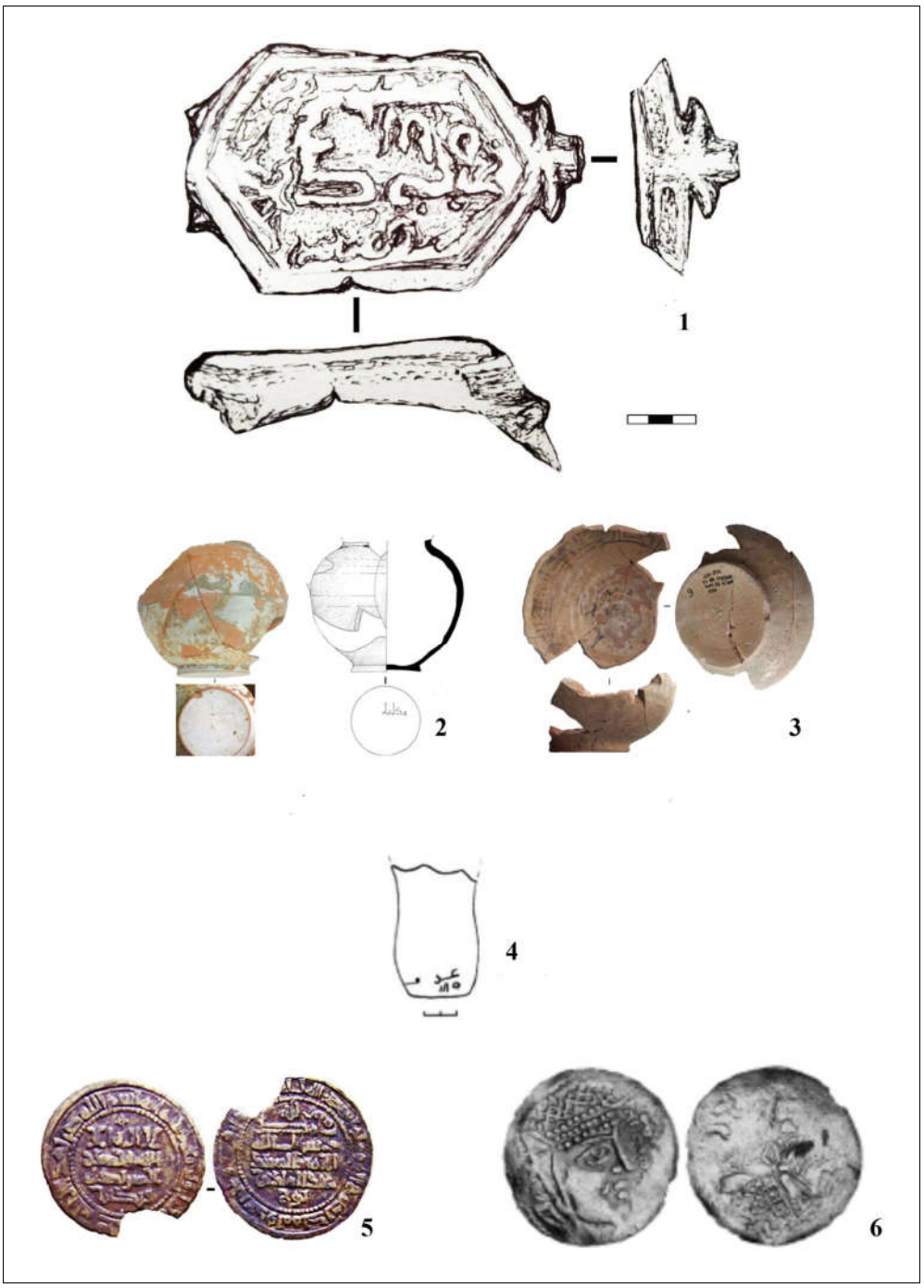


Рис. 2. *1* — Джанкент. Раскоп № 1. Перстень с надписью «Muhammad» (рисунок А. Назарова); *2—3* — Джанкент. Раскоп № 1. Фрагменты керамической посуды с куфической надписью (фото Г.Т. Амиргалиной); *4* — Джанкент. Цитадель. Фрагменты керамической посуды с куфической надписью (рисунок Ильина Р.); *5* — Джанкент. Раскоп № 1. Фельс, Саманид Абд ал-Малик ибн Нух 348 г.х / 959—960 гг. (фото С. Рузанова); *6* — Города Джанкентской группы. Драхма Огузского ягбу (фото Е.Ю. Гончарова, В.Н. Настича).

Fig. 2. *1* — Jankent. Excavation 1. Ring with inscription « Muhammad » (drawing by A. Nazarov); *2—3* — Jankent. Excavation No. 1. Fragments of ceramic ware with the Kuphic inscription (photo by G.T. Amirgalina); *4* — Jankent. Citadel. Fragments of ceramic ware with the Kuphic inscription (drawing by R. Ilyin); *5* — Jankent. Excavation No. 1. Fels, Samanid Abd al-Malik ibn Nuh 348 Hijra / 959—960 (Photo by S. Ruzanov); 6 — Settlements of the Jankent group. Drahma of the Oghuz Yagba (Photo by E.Yu. Goncharov, V.N. Nastych).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.85.12.024

М.С. Гаджиев, А.Л. Будайчиев, А.М. Абдулаев

ПОДЗЕМНОЕ КИРПИЧНОЕ ЗДАНИЕ XI — НАЧАЛА XIII ВВ. В ШАХРИСТАНЕ ДЕРБЕНТА (БАБ АЛ-АБВАБА)*

При рытье котлована для частного дома в старой части Дербента было обнаружено подземное помещение, в ходе расчистки и раскопок которого были определены его параметры, конструктивные особенности, датировка и возможное назначение.

Сооружение представляет небольшое прямоугольное кирпичное помещение на каменном основании, перекрытое полуциркульным сводом. Его внутренние размеры: 256—258×180—194 см, высота 210—215 см. В центре поперечной юго-западной стены расположен проем с лестничным маршем наверх, в центре остальных трех стен — арочные ниши. Здание возведено из обожженных кирпичей (20—23×20—23×4 см, редко 25×25×4 см) цепной кладкой на известковом растворе. На стенах зафиксирована известковая штукатурка. Пол помещения частично выложен обломками кирпичей на глиняном растворе. Свод имеет ширину 180 см, высоту 65 см. Он сложен из поставленных на ребро в один ряд полуформатных кирпичей (20—22×10—12×4 см). Конструкция стен и ниш указывает на то, что кирпичное помещение, впущенное в слои сасанидского и арабского времени (V—IX вв.), сооружалось в котловане, являлось подземным и частью какого-то более крупного архитектурного комплекса.

Рядом с помещением была выявлена часть монументальной каменной стены (толщина ок. 90 см, высота св. 330 см) крупного, очевидно, общественного здания. Эта стена также впущена в слои сасанидского и арабского времени. По показательной поливной и неполивной керамике кирпичное помещение и выявленная монументальная стена датируются XI — серединой XIII в.

Стратиграфическое положение, взаиморасположение и датировка этих двух архитектурных объектов предполагает их конструктивную взаимосвязь в рамках одного архитектурного комплекса. Вероятно, открытое подземное сооружение представляет собой помещение для ритуального уединения типа *халват-хана* или *чилла-хана* при *ханака* или мечети города.

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, Баб ал-абваб, домонгольский период, кирпичная архитектура, ритуальное помещение, халват-хана, чилла-хана.

Сведения об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович[1], доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН; Будайчиев Арсен Лахманович[2], Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН; Абдулаев Абдула Магомедович[3], Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН.

Контактная информация: [1-3]367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, e-mail: [1]murgadj@rambler.ru; [2]arseneihae@yandex.ru; [3]realhigh87@mail.ru.

M.S. Gadjiev, A.L. Budaychiev, A.M. Abdulaev

UNDERGROUND BRICK BUILDING OF THE 11th — EARLY 13th CENTURIES IN SHAHRISTAN OF DERBENT (BAB AL-ABWAB)

When digging a foundation pit for a private house in the old part (mahalla) of Derbent, an underground room was discovered, during the clearing and excavation of which its parameters, design features, dating were determined and possible purpose.

The structure is a small rectangular brick room on a stone base, covered by a semicircular vault. Its internal dimensions: 256—258×180—194 cm, height 210—215 cm. In the center of the transverse southwest

* Статья поступила в номер 11 января 2024 г.
Принята к печати 27 января 2024 г.

© М.С. Гаджиев, А.Л. Будайчиев, А.М. Абдулаев, 2024.

wall there is an opening with a staircase to the top, in the center of the other three walls there are arched niches. The building was erected from burnt bricks (20—23×20—23x4 cm, rarely 25×25×4 cm) with chain masonry on lime mortar. Lime plaster is fixed on the walls. The floor of the room is partially lined with fragments of bricks on clay mortar. The vault has a width of 180 cm, a height of 65 cm and is composed of half-standard bricks placed on a rib in one row (20—22×10—12×4 cm). The design of the walls and niches indicates that the brick room, entered into the layers of the Sasanian and Arabic times (V—IX centuries), was built in a pit, was underground and part of some larger architectural complex.

Near the premises, part of the monumental stone wall (thickness approx. 90 cm, height above 330 cm) of a large, obviously public building was revealed. This wall is also let into the layers of Sasanian and Arabic times. According to indicative glazed and unglazed ceramics, the brick room and the identified monumental wall date from 11th — mid 13th century CE.

The stratigraphic position, mutual location and dating of these two architectural objects implies their structural relationship within the same architectural complex. Probably, an open underground structure is a room for ritual solitude such as a *halwat-khana* or *chilla-khana* at the *khanaqa* or mosque of the city.

Key words: Dagestan, Derbent, Bab al-abwab, Pre-Mongol period, brick architecture, ritual room, khalwat-khana, chilla-khana.

About the authors: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich[1], Prof., Dr. of History, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Budaychiev Arsen Lakhmanovich[2], Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Abdulaev Abdula Magomedovich[3], Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Contact Information: [1-3]367030, Russia, Makhachkala, 75 M. Yaragsky St., Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: murgadj@rambler.ru, arseneihae@yandex.ru, realhigh87@mail.ru.

Введение

В марте 2020 г. в ГБУ «Дербентский государственный историко-архитектурный и археологический музей-заповедник» поступила информация о выявлении объекта, обладающего признаками объекта археологического наследия, на земельном участке, расположенном по адресу: г. Дербент, 1-й магал, квартал 112, дом № 16 (рис. 1). Этот земельный участок находится в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой V — начала XX веков достопримечательного места «Цитадель и исторический город в крепостных стенах Дербента», где запрещается проведение строительных, земляных работ без осуществления археологического наблюдения.

Выявленный объект был обнаружен при несанкционированных земельных работах во время рытья котлована под строительство частного дома на месте ранее существовавшего здесь строения. По данному факту была осуществлена проверка факта правонарушения, по итогам которой был составлен соответствующий акт, строительно-земляные работы остановлены.

В результате предварительного осмотра участка было установлено, что в строительном котловане на глубине -2,8—3,2 м от современной дневной земной поверхности выявлено заваленное грунтом, частично разрушенное в ходе земляных работ прямоугольное кирпичное помещение размером ок. 2,6×1,9 м, перекрытое полуциркульным сводом (рис. 2).

В июне—июле 2020 г. после ослабления режима самоизоляции, вызванного пандемией коронавируса, по согласованию с Агентством по охране культурного наследия Республики Дагестан и Дербентским государственным историко-архитектурным и археологическим музеем-заповедником в рамках проекта формирования комфортной городской среды в старой части Дербента, включенной в 2003 г. в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (World Heritage List: Citadel, Ancient City and Fortress Buildings of Derbent), Дербентская новостроечная археологическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН осуществила изучение обнаруженного объекта.

Выявленный объект

Участок, на котором был выявлен объект археологического наследия, расположен в магале 1 (рис. 1). Историческое название *магал*, как обозначение кварталов в старой части Дербента, происходит от араб. *махалла* — «городской квартал», синонимичного термину араб. *кисм*, который употребляли арабские авторы IX—X вв. для обозначения кварталов Баб ал-абваба (Дербента), в каждом из которых была возведена мечеть. Обнаруженный памятник расположен в центре средневекового (домонгольского времени) шахристана Дербента между верхней и средней поперечными оборонительными стенами (Гаджиев, Гаджиев 2024).

Строительный котлован имел размеры 4,5×6,5 м при глубине до 3 м. Обнаруженный объект — подземное кирпичное помещение — расположен в северо-западном углу котлована и частично выходит за его пределы (рис. 2). Работы на объекте начались с расчистки опавшего при рытье котлована грунта и частично рухнувшего кирпичного свода помещения, почти доверху заполнивших выявленное помещение. В грунте, представлявшем собой серый, серо-коричневый рыхлый суглинок с бутовым камнем, насыщенный обломками и редкими целыми средневековыми обожженными кирпичами, было обнаружено незначительное количество фрагментов средневековой керамической посуды.

Показательные фрагменты керамики представлены следующими экземплярами:

- красноглиняный кувшин с обломанным сливным носиком;
- фрагмент стенки красноглиняной чаши с легкой гравировкой (дуга) по белому ангобному покрытию и зеленой и марганцевой росписью под желтоватой поливой (рис. 3: 1);
- фрагмент утолщенного слабовыделенного венчика красноглиняной толстостенной чаши с белыми ангобными подтеками под прозрачной зеленой поливой;
- фрагмент вертикального бортика с утолщенным венчиком и стенки округлобокой красноглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой (рис. 3: 2);
- фрагмент вертикального бортика с утолщенным Т-образным венчиком и стенки округлобокой коричневоглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу и зеленой и марганцевой росписью под желтой прозрачной поливой; по верху венчика нанесены поперечно-наклонные марганцевые полоски между двумя марганцевыми концентрическими окружностями по краям венчика (рис. 3: 3);
- фрагмент невыделенного венчика и стенки красноглиняной чаши-пиалы с наружным гравированным декором по белому ангобу и марганцевой и зеленой росписью, совмещенной с гравировкой под прозрачной желтоватой поливой; внутри — та же полива по белому ангобу (рис. 3: 4);
- фрагмент стенки белокашинной чаши; внутри — легкие широкие каннелюры, бирюзовая полива; снаружи — голубая полива; подражание китайскому/корейскому селадону (рис. 3: 5);
- фрагмент тонкостенной белокашинной чаши-пиалы с утоньшенным невыделенным венчиком; снаружи — темно-синяя полива; внутри — светло-голубая полива и люстровая кайма по внутреннему краю венчика (рис. 3: 6);
- фрагмент кольцевого поддона и стенки коричневоглиняной чаши с зеленой пятнистой прозрачной поливой по белому ангобу; имеются следы от подставки-сипаи (рис. 3: 7);
- фрагмент кольцевого поддона коричневоглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу и желтой и марганцевой росписью, совмещенной с гравированным декором, под прозрачной светло-салатной поливой (рис. 3: 8);
- фрагмент кольцевого поддона и стенки округлобокой коричневоглиняной чаши с зеленой прозрачной поливой по белому ангобу (рис. 3: 9).

Из этого слоя происходит также одна индивидуальная находка — лощило из кончика рога (олень, косуля?), основание которого ровно срезано, кончик заполирован; длина 5,2 см, d основания (среза) 1,7 см (рис. 18: 1).

Представленные экземпляры керамической посуды, в особенности обломки монохромных чаш с гравировкой по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой, чаш с полихромной росписью, совмещенной с гравированным рисунком, являются характерными для керамики Дербента (Кудрявцев 1981: 84, 88—91, 104, 105, рис. 6, 7: 1, 7) и всего Южного Кавказа предмонгольского времени (XI — начала XIII в.), выступая своеобразными хронологическими индикаторами (Шелковников 1957: 18—22, 24—27, 29, 30, рис. 9—11; Якобсон 1959: 252, 254, 278, рис. 3; Ахмедов 1985: 28; 2003: 380; Бабаян 1985: 26; Мицишвили 1985: 4—5; Ахмедов 1992: 59; Достиев 1989: 196—198, 200, 201, рис. 3, 5; 1999: 63, 64, 66—68, рис. 17: 5, 6, 20, 21; Аракелян 2003: 346, табл. 163: 4; Рамишвили 2003: 309, 310).

Два образца кашинной керамики, представляющие иранский импорт, также хорошо укладываются в эту датировку. Этой датировке не противоречат и целые экземпляры и обломки обнаруженных обожженных кирпичей—плинф, имеющие размеры 20×20×4 см, реже 22—23×22—23×4 см и 25×25×5 см. Кирпичи такого формата получают распространение в Дербенте и на Восточном Кавказе с XI в. и существуют вплоть до XVI—XVII в. Отметим также находки в завале полуформатных кирпичей, как изготовленных в соответствующей форме, так и сделанных путем специального разлома целых плинф.

Ниже завала следовал старый натечный слой, очевидно, постепенно заполнивший помещение через лестничный проход (см. ниже) в юго-западной стене после того, как помещение было заброшено. Этот слой, заполнявший все помещение на толщину 45—50 см, представлял собой светлый серо-коричневый мелкодисперсный рыхлый суглинок, насыщенный угольками, битым обожженным кирпичом, кусочками известкового раствора, фрагментами керамики, немногочисленным мелким бутовым камнем. При этом отметим, что основная масса керамики слоя была сконцентрирована в юго-западной половине помещения, где расположен входной проем. В процессе снятия этого слоя обозначилась планировка выявленного небольшого кирпичного помещения с полуциркульным (коробовым) сводом, узким входным проемом в одной стене и нишами в каждой из остальных трех стен.

Керамический комплекс верхней части этого слоя (-4,55—4,75 м от 0) представлен образцами глазурованной, неполивной столовой, кухонной и тарной керамики. Он относительно слабо насыщен обломками керамической посуды в отличие от нижней части слоя.

Поливная керамика представлена следующими хронологически показательными фрагментами:

- стенка белокашинной чаши с двусторонней голубой кобальтовой поливой (рис. 4: 1);
- отогнутый широкий венчик с закругленным краем, орнаментированный по верху гравированным пояском (зигзагообразная линия меж концентрических линий) по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой (рис. 4: 2);
- стенка красноглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу и зеленой и коричневой пятнами, совмещенными с гравированным декором; имеется коническое ремонтное отверстие (рис. 4: 3);
- кольцевой поддон красноглиняной чаши с прозрачной зеленой поливой по белому ангобу (рис. 4: 4).

Неполивная столовая керамика этой части слоя не столь презентативна и представлена только несколькими формообразующими фрагментами красноглиняных кувшинов — венчиков, ручки, кольцевого поддона.

Кухонная керамика из верхней части слоя представлена хронологически показательными фрагментами:

- утолщенного наружу венчика коричневоглиняного котла закрытого типа с примесью толченой ракушки в тесте; под венчиком — многорядный врезной поясок;
- коричневоглиняного котла закрытого типа со следами копоти с примесью песка, чуть утолщенным закругленным венчиком и валиком под ним (рис. 4: 5);
- сероглиняного котла закрытого типа с невыделенным венчиком и шишечкой на тулове (рис. 4: 6);

- сливным носиком грубого коричневоглиняного (в изломе — серый) котла с невыделенным венчиком, с примесью шамота в тесте;

- верхней части коричневоглиняного горшка с широким горлом и чуть утолщенным невыделенным венчиком; в месте плавного перехода от тулова к горлу — врезная волнистая линия (рис. 4: 7);

- верхней части котла закрытого типа с невыделенным венчиком, с наклонной ручкой подтреугольной формы, валиком с пальцевыми вдавлениями, с примесью шамота в тесте (рис. 4: 8).

Тарная керамика представлена фрагментами крупных красноглиняных сосудов с широкими низкими горловинами с верхней горизонтальной площадкой и с окаймляющим пояском из косых точечно-зубчатых наколов в основании горла (рис. 4: 9) и с валиком с насечками в основании горла (рис. 4: 10).

Керамический комплекс нижней части слоя (-4,75—4,95 м от 0) также представлен образцами поливной, неполивной столовой, кухонной и тарной керамики. Эта часть натечного слоя весьма насыщена обломками керамической посуды.

Поливная керамика характеризуется хронологически показательными фрагментами:

- невыделенного утоньшенного венчика красноглиняной белоангобированной чаши с полихромной (черной, коричневой) росписью под прозрачной желтоватой поливой (рис. 5: 1), весьма напоминающей по своей цветовой гамме иранскую керамику типа Sari ware X—XI вв.;

- чаши с высоким бортиком с невыделенным утоньшенным венчиком, декорированном снаружи гравировкой (вертикальные прямоугольные рамки) по белому ангобу, совмещенной с полихромной (желтой, коричневой) росписью под прозрачной желтоватой поливой; внутри — та же полива по белому ангобу; на краю венчика — марганцевые мазки (рис. 5: 2);

- стенки красноглиняной чаши с внутренней геометрической гравировкой по белому ангобу под прозрачной желтой поливой (рис. 5: 3);

- округлобокой красноглиняной чаши с невыделенным венчиком, украшенным снаружи гравировкой по белому ангобу с двусторонней зеленой прозрачной поливой (рис. 5: 4);

- округлобоких коричневоглиняных тарелок с отогнутым наружу широким венчиком с гравированным рисунком по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой (рис. 5: 5, 6);

- округлобокой коричневоглиняной тарелки с отогнутым наружу венчиком с гравированным декором по белому ангобу под прозрачной желтоватой поливой (рис. 5: 7);

- невыделенного утоньшенного венчика и сферического тулова светло-коричневоглиняного сосуда (ваза?) с наружной гравировкой по белому ангобу и полихромной росписью (зеленой, коричневой, горчичной), совмещенной с гравированным рисунком (вертикальные прямоугольные рамки) (рис. 5: 8);

Среди поливной керамики также представлены два образца импортной (иранской) кашинной керамики. Это стенка сосуда из плотного белого кашина с односторонней глухой светло-голубоватой поливой и фрагмент кольцевого поддона чаши из такого же плотного белого кашина, покрытого снаружи темно-синей глухой поливой, а на внутренней поверхности — светло-голубой поливой с росписью люстром (рис. 5: 9).

Неполивная столовая керамика представлена, в частности, фрагментами:

- стенки белоглиняного сосуда;

- стенки коричневоглиняного кувшина с многорядным линейно-волнистым пояском по плечику и белым ангобным покрытием;

- стреловидного венчика округлобокой красноглиняной миски (рис. 6: 1);

- узкого горла и плечика красноглиняного кувшина с концентрическими бороздками-поясками по горлу и переходу к тулову (рис. 6: 2);

- красноглиняных кружек со сферическим туловом, низким широким горлом, утолщенным венчиком, с ленточной ручкой, на верхней ровной площадке которой нанесены врезные линии (рис. 6: 3, 4);

- красноглиняного сосуда со сферическим туловом и низким широким горлом с утолщенным наружу венчиком; в основании горла и на плечике опоясывающие валики с вдавлениями гребнем; тулово и горло покрыты горизонтальным лощеными полосками (рис. 6: 5);

- сферического плоскодонного красноглиняного горшочка с вертикальным горлом, закругленным венчиком; по горлу — врезные линии; на тулове - полосчатое лощение (рис. 6: 6); найден на уровне пола помещения (-4,88—4,94 м от 0).

Кухонная керамика нижней части слоя представлена показательными фрагментами:

- утолщенного венчика с многорядным врезным волнистым пояском под ним коричневоглиняного горшка (рис. 7: 1);

- коричнево-серого котла закрытого типа с закругленным венчиком и валиком под ним, с ногтевые вдавлениями по плечикам (рис. 7: 2);

- коричневоглиняных котлов закрытого типа с треугольной и трапециевидной ручками-держалками (рис. 7: 4, 5);

- коричневоглиняных котлов с ручками круглого сечения (рис. 7: 6, 7).

Тарная керамика представлена фрагментом крупного сосуда с широким низким горлом с утолщенным наружу венчиком с верхней горизонтальной площадкой; в основании горла валик с насечками (рис. 7: 8); фрагмент горла этого же сосуда был найден в верхней части слоя (рис. 4: 10).

Отметим также характерные находки фрагментов керамических дисковидных крышек для тарных и иных сосудов с низким валиком-бортиком и вдавлениями по краю диска, с грубым тестом с примесью дресвы, песка, шамота, а также крупных толстостенных лоханей-*тагара* с подобным грубым тестом примесью дресвы, шамота. В слое встречено также много обломков и целых кирпичей такого же формата, что и в завале открытого помещения.

Комплекс керамики из данного слоя заполнения выявленного в строительном котловане помещения аналогичен таковому из завала и датируется в диапазоне XI — начала XIII в. Не вдаваясь в немалочисленные аналоги отметим, что в слое представлены те же хронологически показательные фрагменты керамической посуды — чаши с гравировкой по белому ангобу под зеленой и желтоватой поливой, с полихромной росписью, совмещенной с гравированным рисунком и др. Выделяется единственный фрагмент чаши с полихромной росписью, характерный для X—XI вв. (рис. 5: 1). Для XII — начала XIII в. характерны найденные фрагменты иранских кашиновых изделий, расписанных люстром.

При расчистке входного лестничного прохода в юго-западной стене помещения (рис. 2: б) наблюдался тот же слой — серо-коричневый рыхлый натечный суглинок с древесными угольками, битыми и целыми обожженными кирпичами, кусочками известкового раствора, фрагментами керамики. Но обратим внимание на меньшую насыщенность здесь слоя керамикой.

Показательные и формообразующие образцы керамики из заполнения входного проема представлены следующими фрагментами:

- стенки коричневоглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу и зеленым и коричневым растеками под прозрачной желтоватой поливой; имеется след от подставки-сипаи (рис. 8: 1);

- красноглиняной округлобокой чаши с отогнутым венчиком с желтой-зеленой и коричневой росписью под прозрачной поливой (рис. 8: 2);

- стреловидных венчиков красноглиняных округлобоких мисок (рис. 8: 4);

- треугольной ручкой-держалкой коричневого котла с примесью песка в тесте (рис. 8: 5);

- коричневоглиняного округлодонного приземистого котла со сливным носиком, сосцевидным налепом и двойным волнистой окаймляющим пояском, со следами песчаной подсыпки на гончарном круге (рис. 8: 6).

Данные образцы керамики также датируются в рамках домонгольского периода (XI — начало XIII в.). В заполнении прохода также представлены аналогичные обожженные кирпичи, но преимущественно чуть более крупного формата 22—25×22—25×4 см.

В результате расчистки выявленного помещения были выяснены его основные параметры и конструктивные особенности.

Сооружение представляет собой самостоятельное замкнутое небольшое кирпичное помещение (рис. 9—12) на низком каменном основании, почти прямоугольное в плане, перекрытое кирпичным полуциркульным (коробовым) сводом. Внутренние размеры сооружения составляют: длина 256—258 см, ширина 180 (юго-западная стена) — 194 (северо-восточная стена) см. Высота от уровня пола до верха свода составляет 210 см. Западная часть свода прогнулась под тяжестью (?) почти трехметровой толщи вышележащего грунта.

Помещение ориентировано продольной осью почти по направлению СВ—ЮЗ. В центре поперечной юго-западной стены расположен входной проем (рис. 9, 11: А, Б, 12: А), в центре остальных трех стен имеются арочные ниши (рис. 9: а, 10, 11, 12: Б—Г).

Сооружение возведено на известковом растворе из стандартных кирпичей размером 20—23×20×23×4 см, чаще использовались кирпичи размером 20×20×4 см, реже — 25×25×4 см. Кладка послойная цепная. Толщина швов в среднем 1,5—2 см. Стены и арки входного проема и стрельчатой арки северо-восточной поперечной стены сложены из квадратных кирпичей размером 20—22×20—22×4 см, частично использованы и полуформатные кирпичи (20—22×10—12×4 см). В кладках свода и арок ниш продольных стен использованы исключительно полуформатные кирпичи. На стенах в отдельных местах фиксируются небольшие участки со следами известковой штукатурки. Кирпичные стены возведены на основании, сложенном из двух-трех рядов грубо подработанных рваных камней размером в среднем 26—30×28—32×15—16 см, положенных на известковом растворе. Уровень подошвы каменного основания соответствует в целом уровню пола помещения (-4,85—5,00 м с понижением в центре помещения), частично выложенному из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе (рис. 9: а, 11: А). На уровне пола фиксировались участки со скоплениями древесных угольков (рис. 9: а).

Поперечная юго-западная стена (рис. 9, 12: А) имеет высоту 215 см (высота от уровня пола до центра коробового свода), длину 180 см. Каменное основание кирпичных стен сложено из двух рядов камней на высоту 30 см. Выше стена имеет кладку из 30 рядов кирпичей на высоту 185 см.

В центре этой стены устроен входной проем (рис. 9, 1: А, Б, 12: А). Его ширина 57—59 см, высота 160—162 см. Проем перекрыт полуциркульной аркой из квадратных кирпичей, поставленных на ребро. Высота арки 28 см. Порог отсутствует, лестничный марш ведет наверх с уровня пола, т.е. он не имеет в отличие от стен помещения каменного цоколя. Каждая ступень лестницы сложена, как правило, из положенных плашмя двух кирпичей целого формата и одного полуформатного кирпича. Зачищены шесть лестничных ступеней, из них нижние четыре ступени сложены по высоте из кладки в пять кирпичей, а 5-ая и 6-ая ступени — из четырех. Ступень 1: высота 33 см, ширина марша 20 см. Ступень 2: высота 30,5 см, ширина марша 20 см. Ступень 3: высота 29 см, ширина марша 15 см. Ступень 4: высота 30 см, ширина марша 20 см. Ступень 5: высота 22 см, ширина марша 20 см. Ступень 6: высота 22 см, ширина марша 20 см. Входной проем прослежен в длину на 120 см. Далее лестничный марш не исследовался из-за наличия завала и опасности проводимых работ по расчистке лестничного прохода.

Продольная северо-западная стена (рис. 9: а, 10: а, 12: Б) имеет высоту 132 см, далее следует карниз из двух рядов кирпичной кладки (высота 10 см), выступающий за грань стены на 4 см. Кладка карниза в центральной части прогнута вместе со сводом в результате деформации, очевидно, из-за давления вышележащего грунта. Высота каменного основания стены, сложенного из трех рядов камней, составляет 52—53 см. Далее следует кладка из 14 рядов кирпичей на высоту 79—80 см.

В центре этой стены устроена ниша, перекрытая полуциркульной аркой (рис. 9: а, 10: а, 11: А, В, 12: Б). Ниша расположена на высоте 57 см от уровня пола. Ширина ее 74 см, высота 50—53 см, глубина 35 см (1,5 кирпича). Основание ниши было выложено положенными плашмя кирпичами — in situ сохранились целый и лежащий за ним полуформатный кирпичи. Боковые

стенки ниши имеют пять рядов кладки на высоту 24 см. Ниша перекрыта полуциркульной (дуговидной) аркой из поставленных на ребро полуформатных кирпичей в один ряд. Высота полуциркульной арки 35 см. Кирпичи основания арки выступают за грань кладки ниши на 3—4 см. Выше арки следуют ряд кладки стены и затем два ряда кирпичей карниза.

Поперечная северо-восточная стена (рис. 9: а, 10: б, 12: В) сохранилась на высоту max. 210 см — ее восточная половина разрушена. Каменное основание стены сложено из двух рядов кладки на высоту 35 см и выше следует 31 ряд кирпичей на высоту 175 см.

В центре северо-восточной стены устроена двойная ниша (рис. 9: а, 10: б, 11: А, Б, 12: В). Наружная ниша имеет высоту 110 см, ширина ее 79 см, глубина 27 см. Основание ниши расположено на высоте 40—42 см от уровня пола. На высоте 52 см (11 рядов кирпича) от основания ниши боковые стены ниши выступают на 4 см и далее следует 6 рядов кирпича. Наружная ниша перекрыта стрельчатой аркой из поставленных в один ряд на ребро квадратных кирпичей. Высота арки 20 см. Внутренняя ниша устроена в центре задней стенки наружной ниши, имеет высоту 64 см, ширину 49 см, глубину 10 см. Таким образом, общая глубина двойной ниши составляет 37 см. Внутренняя ниша перекрыта ложной ступенчатой аркой (высотой 27 см), образованной пятью рядами кирпичей, положенных плашмя с симметричным напуском на 3—8 см каждого следующего ряда кладки. Кирпичное основание ниш сохранилось частично.

Продольная юго-восточная стена (рис. 9: а, 10: в, 12: Г) имеет высоту 121—126 см от уровня пола до карниза. Высота каменного цоколя, сложенного из двух рядов грубо подработанных камней, составляет 30 см. Высота кирпичной кладки стены составляет 17 рядов кирпичей на высоту 92 см. Выше следует карниз из двух рядов кирпичей (высота 10 см), выступающих за грань стены на 4 см. Кладка карниза в центральной части немного прогнулась, очевидно, из-за давления перекрывавшего грунта.

В центре юго-восточной стены сделана ниша (рис. 10: в, 11: А, В, 12: Г), перекрытая аркой. Ниша расположена на высоте 45 см от уровня пола. Ширина ее 73 см, высота 69 см, глубина 27—30 см. Основание ниши выложено положенными плашмя кирпичами — in situ сохранились четыре кирпича (из них два выступают из кладки стены, один целый кирпич и один полуформатный). Боковые стенки ниши имеют по семь рядов кладки. Ниша перекрыта полуциркульной аркой из поставленных на ребро полуформатных кирпичей в один ряд. Высота арки 38 см. Кирпичи основания арки выступают за грань кладки боковых стен ниши на 6—7 см. Выше арки следуют ряд кладки стены и затем два ряда кирпичей карниза.

Здание имело полуциркульный (коробовый) свод, опирающийся на карниз и несущие стены (рис. 9: б, 10: б, 11: А, Б, 12). Свод в значительной степени в восточной и южной частях разрушен, а в северо-западной части деформирован — прогнут под тяжестью толщи накрывающего грунта. Наиболее хорошо сохранился свод у юго-западной стены и входного проема здания. Ширина свода 180 см, высота 65 см (расстояние от карниза до верха свода). Свод выложен из поставленных на ребро в один ряд кирпичей размером 20—22×10—12×4 см. В кладке свода использованы полуформатные кирпичи — как изготовленные в форме, так и обломанные посередине половинки квадратных кирпичей-плинф. Отметим также, что в обломе свода наблюдается до трех слоев кирового покрытия (азерб. *qir* — природный нефтепродукт, смесь нефти и асфальта с песчанистым или глинистым материалом, встречается в виде натёков в местах выхода нефтеносных пластов на поверхность) общей толщиной до 5 см, предохранявшего сооружение от просачивания влаги и грунтовых вод (такое кировое покрытие толщиной до 3—5 см применялось в недавнем прошлом для заливки крыш традиционных плоскокровельных домов).

Раскоп XXXIV: стратиграфия, хронология

После зачистки внутреннего пространства помещения в площади котлована был заложен раскоп в целях выяснения внешних параметров здания, толщины стен, характера и хронологии культурных напластований, накрывающих сооружение, примыкающих к нему с внешней стороны и подстилающих его. Раскоп, получивший, согласно продолжающейся нумерации, цифровое обозначение XXXIV, заложен в соответствии с ориентировкой выявленного здания, имеющего направление длинной оси почти по линии СВ—ЮЗ, т.е. углами по странам света с незначительным отклонением (рис. 11: А, 13, 14). Раскоп заложен вдоль юго-восточной и северо-восточной стен здания, оказавшихся площади котлована (рис. 11: А, 13, 14). Вследствие этого раскоп приобрел Г-образный план. Длина раскопа (юго-западная сторона раскопа вдоль соответствующей стены выявленного здания) составила 4 м, а ширина вдоль северо-восточной поперечной стены — 1,8 м. При этом расстояние от внутренней грани продольной юго-восточной стены расчищенного здания до юго-восточного борта заложенного раскопа составило 1,1 м, а расстояние от внутренней грани поперечной северо-восточной стены расчищенного помещения до юго-восточного борта раскопа составило 2 м.

За нулевую отметку (репер) (±0) был принят западный угол строительного котлована, соответствующий современной дневной поверхности (пешеходная зона). Южный угол раскопа (стык юго-восточной стенки раскопа и котлована) расположен на глубине -2,60 м от ±0, восточный — -2,71 м и северный — -2,65 м (рис. 11: А, 13, 14).

Выявленное помещение было перекрыто сверху толщей культурных напластований мощностью от 2,8 м (толщина от ±0 до верха свода) до 3,5 м (толщина от ±0 до верха юго-западной стены выявленного здания). При рытье строительного котлована большая часть этих напластований, накрывавших помещение, была срыта. При начале исследований эта толща (слои 1—3) накрывала частично северо-западную, юго-западную части сооружения и лестничный проход, которые уходят в борта котлована. Накрывающие обнаруженное помещение культурные напластования хорошо «читались» в профилях бортов. Они представляли собой в верхней части (*слои 1, 2*) (на глубину до 2 м от ±0) неоднократно переотложенный, с перекопами серый, средней плотности грунт с включением бутового и обработанного камня от ранее существовавших здесь современных (XIX—XX вв.) зданий с полуподвальными нижними помещениями, остатки стен которых были видны в профилях бортов котлована (рис. 16, 17: А).

Ниже слоев 1 и 2 следовал мощный однородный *слой 3* (рис. 13, 16, 17: А), датируемый в целом в диапазоне VIII—IX — первой трети XIII в. и который представлял светло-коричневый, местами светло-серо-коричневый рыхлый грунт (суглинок) с включениями древесных угольков, бутового камня, относительно редких фрагментов керамики. Толщина слоя, судя по профилям котлована, достигает от 2,4 м в западной, северной и восточной частях котлована до 3,6 м в южной части, менее потревоженной современным (XIX—XX вв.) строительством (перепад высот — верхних отметок слоя — обусловлен тем, что верхняя часть слоя срыта поздними строительными работами). Отметим, что из северо-восточного борта с отметок -2,00—2,20 м от ±0 (верхняя часть слоя 3) происходят типичные образцы керамики XI — начала XIII в., в т.ч. обломок верхней части лощеного коричневоглиняного сфероконуса с узким горлом (рис. 18: 3), фрагмент светло-коричневоглиняной крупной округлобокой тарелки с чуть утолщенным отогнутым венчиком с зеленой, марганцевой и коричнево-желтой росписью, совмещенной с гравировкой по белому ангобу под прозрачной желтоватой поливой (рис. 18: 4), фрагмент стенки пережженной коричневоглиняной чаши с гравировкой по белому ангобу под прозрачной зеленой поливой (рис. 18: 5). С отметки -2,7—2,9 м происходит и фрагмент резной штуковой (ганчевой) панели, орнаментированной линиями, коническими и треугольным углублениями (рис. 20: 1).

Из сохранившейся нижней части слоя 3 (-2,80—4,15 м), не тронутой ковшом экскаватора и вскрытой в раскопе в пространстве между юго-восточным и северо-восточным бортами раскопа и соответствующими стенками выявленного кирпичного сооружения (рис. 11: А; 13,

14), происходит 230 фрагментов керамических изделий, из которых только 27 формообразующих. Наиболее показательными являются фрагменты:

- отогнутого венчика сероглиняного кувшина (рис. 19: 1) и стенки сероглиняного тонкостенного кувшина с основанием ленточной ручки;

- утолщенного загнутого венчика полусферического сероглиняного котла с овальной ручкой-держалкой с примесью песка в тесте (рис. 19: 2);

- утолщенного закругленного венчика коричневоглиняного горшка с примесью песка в тесте;

- стреловидных венчиков широкоустных красноглиняных мисок типа *тагара* (рис. 20: 4—7), в том числе с наружным окаймляющим тулово пояском из волнистой и прямой врезных линий (рис. 19: 7) и с белым ангобным покрытием и с примесью шамота и дресвы в тесте (рис. 19: 4);

- широкого горла с верхней горизонтальной площадкой коричневоглиняного тарного сосуда с валиком с вдавлениями по наружному краю венчика;

- низкого, широкого горла с утолщенным отогнутым венчиком с наружной бороздкой тарного бежевоглиняного сосуда;

- низкого, широкого горла с утолщенным подпрямоугольным отогнутым венчиком красноглиняного тарного сосуда с серым изломом;

- слива красноглиняного кувшина-ойнохои;

- низкого, широкого горла с утолщенным подпрямоугольным в сечении венчиком красноглиняного тарного сосуда (рис. 19: 8);

- раструбовидного низкого, широкого горла крупного красноглиняного горшковидного сосуда; тесто чистое; в основании горла — валик с косыми вдавлениями (рис. 19: 9);

- овальных и округлых в сечении ручек красно- и коричневоглиняных кувшинов, крепившиеся к венчику и к плечикам сосуда (рис. 19: 10, 11).

Кроме массового керамического материала из слоя 3 происходит ряд индивидуальных находок. Это фрагмент донца и придонной части сосуда (бокал) из прозрачного зеленоватого стекла с рельефной розеткой от литейной формы на внешней стороне дна (рис. 20: 2) и стенки сосуда с валиками из черного непрозрачного стекла (рис. 20: 3).

Характеризуя керамический комплекс исследованной нижней части слоя 3, обратим внимание на полное отсутствие в ней глазурованной керамической посуды, которая появляется в Дербенте в конце VIII — начале IX в. (Гаджиев, Кузеева 2007: 194—198; 2018: 426—428). При этом, как отмечалось ранее, из верхней части слоя 3 происходят изделия, характерные для XI — начала XIII в.. Вместе с тем, в нижней части слоя 3 представлены характерные для арабского времени (VIII—X вв.) миски со стреловидным венчиком. Эти наблюдения над керамическим комплексом нижней части слоя, в которую было впущено выявленное подземное кирпичное здание (см. ниже), позволяют датировать его VIII—IX вв.

Ниже слоя 3 с отметки -4,15—4,20 м от ±0 следовал предматериковый *слой 4* (рис. 14—16, 17: А), представлявший достаточно однородный серо-коричневый, иногда с серо-зеленоватыми органическими прослойками, средней плотности суглинок с редкими вкраплениями угольков. Мощность слоя достигает 1,30—1,40 м, его основание лежит на отметке -5,50—5,52 м. Ниже следовал плотный коричневый материковый суглинок (т.н. каштановые почвы). При этом отметим, что уровень материка ниже уровня пола кирпичного сооружения на 0,5—0,55 м.

Из слоя 4 происходит 104 обломка керамической посуды, из которых только 17 формообразующих. Наиболее показательными являются фрагменты:

- стенки лощеного коричневоглиняного кувшина с каннелюрованным туловом, характерный для IV—V вв. (рис. 21: 1);

- узкого горла с подтреугольным венчиком коричневоглиняного кувшина (рис. 21: 2);

- утолщенного закругленного венчика коричневоглиняной миски (рис. 21: 3);

- раздвоенных венчиков крупных толстостенных розово-коричневых котловидных тарных сосудов с наружным белым ангобным покрытием и с примесью песка в тесте, представляющих характерные образцы сасанидской керамики (рис. 21: 4, 5);

- широкого, с верхней горизонтальной площадкой венчика светло-коричневого тарного сосуда с наружным белым ангобным покрытием, с примесью песка в тесте (рис. 21: 6), представляющего типичный образец сасанидской тарной керамики;

- невыделенного венчика раструбовидной горловины сероглиняного горшка с примесью кварца (рис. 21: 7);

- невыделенного, чуть отогнутого венчика красноглиняного красноангобированного лощеного сосудика (рис. 21: 8);

- стенки красноглиняного кувшина с ногтевыми вдавлениями на плечике (рис. 21: 9);

- утолщенного наружу венчика светло-коричневоглиняного тарного сосуда с низким горлом (рис. 21: 10);

- венчика коричневоглиняной миски с примесью песка в тесте (рис. 21: 11);

- утолщенного наружу венчика коричневоглиняного сосуда с широким, низком горлом, представляющий характерный образец сасанидской керамики (рис. 21: 12);

- слив, сжатый двумя налепными полосками коричневоглиняного лощеного кувшина (рис. 21: 13);

- стенок белоангобированных сосудов с бежевым, бежево-розовым, светло-коричневоглиняного тестом с примесью песка в тесте, представляющий характерный образец сасанидской керамики (рис. 21: 14, 15);

- невыделенного венчика красноглиняного кувшина с серым изломом;

- стенок штрихованной коричневоглиняной тарной керамики;

- округлой в сечении ручки грубого коричневоглиняного кувшина с серым изломом.

Описанная керамика слоя 4 представляет в целом характерный для V—VII вв. комплекс. В слое представлено немало образцов сасанидской керамики, выделяющейся на фоне местной керамики структурой и цветом теста, белым ангобным покрытием, своими формами и находящей аналоги как в сасанидских слоях других объектов Дербента, так и на сасанидских памятниках Восточного Кавказа (Торпах-кала, Паласа-сыртское городище, Гильгильчайская стена, Беш-Бармак и др.) (Ахундов 1987: табл. XL, XLI; Халилов, Кошкарлы, Аразова 1991: 56—58, 105—106, табл. XXI, XXIIIa, XLII; Алиев и др. 2004: 461, рис. 18; Aliev et al. 2006: fig. 19; Гаджиев, Магомедов 2008: 284, 296, рис. 10: 1—31), Ирана (см., напр.: Keal, Keal 1981: fig. 7—19) и Юго-Западного Туркменистана (Губаев 1968: рис. 19: 1—3, 6, 20: 2, 5; Губаев, Кошеленко 1970: 98, 102, рис. 34: 10, 19, 21, 37: 10, 12, 14). Здесь отсутствуют фрагменты керамики, характерные для арабского периода, глазурованная керамика, появляющаяся в Дербенте на рубеже VIII—IX вв., но представлены также типичные образцы местной каннелюрованной и красноангобированной керамики, характерные для IV—V вв. и встречающиеся изредка и в слоях VI века (Гаджиев 1984: 49, 52, 54—56, табл. I: 22, II: 9—11, III: 1—5; 1998. 267—276). Исходя из характера керамического комплекса и стратиграфического положения слоя 4, его можно датировать в диапазоне V—VII вв.

В слое 4 также найдены фрагмент (половина) дисковидной крышки, сделанной из стенки коричневоглиняного толстостенного тарного сосуда (края диска обиты) (рис. 22: 1), керамический овальный диск (заготовка пряслица) из стенки тонкостенного коричневоглиняного сосуда (d = 26—32 мм) (рис. 20: 4) и крупный обломок керамического шлака с сильно оплавленной поверхностью, размерами 30—31×28×23 см и весом 18,5 кг (рис. 22, *2*), возможно, представляющий сильно оплавленные, спекшиеся кирпичи от какой-то печной конструкции (?).

В результате вскрытия нижней части слоя 3, предварительно датируемого VIII—IX вв., и слоя 4, относимого к V—VII вв., были частично вскрыты наружные фасы юго-восточной и северо-восточной стен выявленного в котловане кирпичного здания, и обнаружена монументальная каменная стена, получившая обозначение стена 1 (рис. 11: А, 14, 15, 17).

Как показали раскопки, обе вскрытые стены кирпичного помещения сложены на ширину всего лишь в один ряд кладки кирпича (рис. 13, 14), т.е. имеют толщину 22—24 см, при высоте около 1,6 м, с выпячиванием кладки в местах устройства ниш. При этом наружный фас кладок не отличается ровной поверхностью, тщательностью, не имеет штукатурной

обмазки. Также зафиксировано, что верхние два ряда кладки северо-восточной двойной ниши и верхний (последний) ряд задней стенки юго-восточной ниши сложены снаружи из кирпичей, поставленных на ребро широкой гранью в фас, а не плашмя (рис. 14). Такая конструкция несущих стен представляется весьма легкой, непрочной и слабой в условиях ее наземного функционирования. И эти факты, как и факт, указывающий на то, что это помещение, построенное из кирпичей, которые появляются и распространяются с XI в., впущено в окружающие его культурные слои сасанидского и арабского времени (V—X вв.), свидетельствует о том, что это было подземное помещение, сооруженное в вырытом для него котловане и являвшееся частью какого-то более крупного архитектурного комплекса.

В этой связи большой интерес представляет выявленная в ходе вскрытия слоев 3 и 4 рядом с северо-восточной стенкой кирпичного помещения монументальная стена 1 (рис. 11: А, 14, 15, 17). Стена сложена из крупного и среднего бутового и подработанного камня регулярной кладкой, цепным (иногда перебивающимся) способом, на вязком глиняном растворе, с панцирной укладкой крупных камней в наружный и внутренний фас и более мелкого и среднего бута в тело стены. Прослеженная длина стены составляет 185 см, ее продолжения уходят соответственно в юго-восточный борт раскопа и северо-западный борт строительного котлована. Сохранившаяся высота стены составляет 13—21 ряд кладки (max. 3,3 м); толщина стены составляет 88—90 см.

По своим параметрам она существенно превосходит несущие стены обычных жилищно-хозяйственных архитектурных комплексов и, вероятно, связана с каким-то крупным общественным (?) зданием.

Стратиграфическое положение этой монументальной стены показывает, что к ней примыкает нижняя и средняя часть отложений слоя 3, верхняя часть которого и накрывает ее, а нижняя часть стен впущена в верхнюю часть слоя 4 (рис. 15, 16: Б, 17). Т.е. время ее функционирования приходится на период отложения слоя 3, а прекращение функционирования связано с завершающим периодом отложения 3. То есть время бытования стены 1 приходится на широкий хронологический диапазон в рамках VIII—IX — начала XIII в., которым был датирован слой 3. Траншея под фундамент стены 1 не прослежена, а определить по характеру кладки уровень, отделяющий цокольную часть фундамента от его подземной части, не представилось возможным. Учитывая глубину залегания нижней части стены 1 можно полагать, что она (и здание, которому она принадлежит) была сооружена с началом отложения слоя 3 — разница между отметкой начала отложения слоя 3 и подошвой стены составляет 102—116 см, что может соответствовать глубине фундамента столь мощной стены. Это позволяет соотнести возникновение стены и здания, с которым она связана, с датировкой нижней части слоя 3, т.е. датировать их сооружение VIII—IX вв.

Подошва стены 1 находится ниже основания стен и уровня пола кирпичного помещения на 30—33 см. Вскрытое подземное кирпичное помещение, как показал характер ее кладки, было впущено в нижнюю часть слоя 3 и в верхнюю часть слоя 4, не доходя до материка 50—60 см. Иначе говоря, кирпичное помещение было сооружено после отложения нижней части слоя 3, датированной выше указанным временем, и приходится на период начала отложения верхней части слоя 3, выше датированной XI — началом XIII в.

Обращает внимание, что выявленная стена 1 и северо-западная стена кирпичного сооружения имеют относительно близкое стратиграфическое и хронологическое положение и взаиморасположение, они строго параллельны и отстоят друг от друга на расстоянии всего лишь 65 см (рис. 11: А, 14). Это позволяет предполагать их взаимосвязь в рамках одного архитектурного комплекса и думать, что кирпичное помещение находилось в или рядом с архитектурным комплексом, который представляет монументальная стена 1. Конечно, более широкие по площади раскопки, которые на данном этапе невозможны, могли бы ответить на поставленные вопросы.

Интерпретация выявленных объектов

Выявленное подземное кирпичное сооружение, датируемое XI — началом XIII в., представляет несомненный интерес, как археологический, архитектурный и историко-культурный объект. Подобные подземные помещения ранее не встречались при раскопках Дербента. Судя по публикациям, не известны они и на других памятниках Восточного Кавказа и в целом Кавказа. Исключение составляют подземные кирпичные склепы-усыпальницы золотоордынского и тимуридского времени (см., напр.: Зиливинская 2015: 57, 58, 125—132). Но говорить, что вскрытое помещение, расположенное в центре шахристана, представляет собой склеп, не приходится. Судить о назначении данного подземного помещения сложно, но то, что рядом с ним выявлены остатки монументальной стены какого-то крупного здания, и оба сооружения, как показано выше, были, очевидно, взаимосвязаны, позволяет полагать, что выявленное подземное кирпичное помещение являлось частью более крупного архитектурного сооружения, очевидно, общественного назначения, на что указывает, как отмечалось, монументальных характер выявленной стены, возведение которой относится к VIII—IX вв. Сказанное ставит вопрос не о бытовом (подвал/погреб), а культовом назначении данного подземного сооружения.

Таковым могла быть одна из квартальных мечетей средневекового Дербента. О строительстве в городе помимо центральной соборной Джума-мечети (араб. *Масджид Джами*) и семи квартальных мечетей — Хазарской, Палестинской, Дамасской, Химсской, Кайсарской, Джазирской, Мосульской, названных по происхождению жителей того или иного квартала, сообщает хроника *«Дербенд-наме»* (Derbend-Nâmeh 1851: 543—544; Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993: 32—33), автором протографа которой являлся дербентский историограф, хадисовед, шафиит Йусуф ал-Лакзи ал-Баби (ум. ок. 1089—90) (Аликберов 1998: 238—240).

Эта же хроника сообщает о строительстве квартальных мечетей и в правление халифа Харуна ар-Рашида (786—809) (Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993: 39—40).

Если верна предложенная версия о том, что подземное кирпичное помещение, которое датируется XI — началом XIII в., являлось частью крупного общественного здания, то можно полагать, что оно представляет собой помещение для ритуального уединения типа *халват-хана* или *чилла-хана* при квартальной мечети города. Не должно вызывать удивления появление в Дербенте в условиях широкого распространения суфизма в указанный период (Аликберов 2003) суфийской практики уединения (перс. *чилла*, араб. *арба'ин* — букв. «сорок [дней и ночей уединения]»; араб. *халва* — «уединение») в одиночной камере с целью достижения близости к Богу и Его поминания (*зикр*), созерцаний (*муракба*) и размышлений (*тафаккур*) — одного из основополагающих принципов аскетизма и воздержания в суфизме (араб. *зухд*) (см., напр.: Landolt 1997: 990—991; Акимушкин 1991: 267; Кныш 2004: 365—367).

Дербентский теолог-ашарит и мистик Мухаммад Абу Бакр ад-Дарбанди (ум. 1145) в своей суфийской энциклопедии *«Райхан ал-хакаик ва-бустан ад-дакаик»* («Базилик истин и сад тонкостей») уделил специальное внимание на суфийскую практику богослужения, которую называет «исповеданием сорока дней» или «сорокадневным подвижничеством» (*та'аббуд ал-арба'ин*) и в основе которой лежал *хадис* «У того, кто послужит Аллаху сорок утр [подряд], появятся источники мудрости, которые истекут из сердца на язык» (Аликберов, 2003: 668—670), восходящий к преданию о 40-дневном уединении пророка Мусы на горе Синай. А.К. Аликберов замечает, что «ад-Дарбанди (Райхан, 82а—83а) подробно описывает условия и обряды сорокадневного уединения, время, место и виды молитв, число *рак'ат*ов в каждой из молитв и их последовательность» (Аликберов 2003: 668—670).

В этой связи упомянем один из реальных эпизодов, приводимый Мухаммадом ад-Дарбанди в своем труде, о практике уединения, а именно его беседу в суфийской обители (*завийа*) Дербента с суфием и аскетом Абу Рашидом Кийа аз-Захидом, который ему, в частности,

сообщил, что он «некоторое время жил посреди моря вон на том острове, который называется островом Ибн Сахла[1], а цель моя была изолироваться от людей» (Аликберов 2003: 215).

Сказанное свидетельствует о существовании в суфийской среде Дербента в XI—XII вв. практики затворничества, уединения (араб. *халва*) в том числе, учитывая приведенные археологические данные, и в специальной одиночной камере — *халват-хана* или *чилла-хана*. Эта практика уединенного богослужения в маленьком темном, как правило, подземном помещении впоследствии стала одной из основ учения тариката *Халватийа*, зародившегося в конце XIV в. и получившего широкое распространение в Северо-Западном Иране и государстве ширваншахов Дербенди (см.: Алескерова 2015), важнейшим центром которого наряду с Баку и Шемахой выступал Дербент.

Подобные подземные одиночные камеры при мечетях, мавзолеях известны на мусульманском Востоке (напр., чилла-хана при мечети Хызра и могиле Сузук-ата в Сайраме, при мавзолеях Ахмада Йасави в Туркестане, Зайнутдина-бобо, Ибрагима-ота и Ходжи-Аламбардора в Ташкенте и др.), в том числе и в Дагестане, где их появление и распространение связано, очевидно, в основном с деятельностью суфийского ордена Халватийа в XV—XVII вв. и в последующее время (см.: Хапизов, Шехмагомедов, Абдулмажидов 2017: 70—81; Khapizov, Shekhmagomedov, Abdulmazhidov 2017: 303—309). Особый интерес представляет небольшое подземное, по местным преданиям, молитвенное помещение в одной из старинных датированных мечетей Дагестана — в Джума-мечети селения Рича (Южный Дагестан)[2], разрушенной во время вторжения монголов в 1239 г., заново отстроенной в 1250 г., перестроенной в 1280 г. (Лавров 1966: 83, 85; Шихсаидов 1984: 42—47), достраивавшейся в 1452 г. в связи с постройкой минарета и ремонтировавшейся в 1503 г. (Закарьяев, Гасанов 2020: 23—26). К сожалению, точно датировать это подземное помещение в Рича не представляется возможным, можно только хронологически соотнести его со временем функционирования мечети.

Судя по археологическим данным, коррелируемым с информацией нарративных источников, выявленное в Дербенте подземное помещение, как и рядом располагавшееся монументальное здание, прекратили свое функционирование в первой трети XIII в. в связи с катастрофическими военно-политическими событиями этого времени — вторжениями монгол (Джебэ и Субудая, Букдая) и последнего хорезмшаха Джелал ад-Дина. Как уже неоднократно обращалось на то внимание, в результате этих событий значительно сократилась численность населения и территория обживания города (Гамзатов 1982: 72—73), прекратили свое существование многие объекты Дербента — от городских свалок до значимых культовых мест (Гаджиев 2010: 20—37; Гаджиев и др. 2015: 183—195; Гаджиев и др. 2017: 177—201; Гаджиев и др. 2019: 10—19).

В заключении отметим, что выявленное в Дербенте небольшое подземное помещение имеет определенные параллели с так называемым подземным склепом, открытом в мечети Нижнего Джулата (Зиливинская 2015: 125—132) и вторично использовавшемся (как и зал самой мечети) в качестве погребальной камеры. Они проявляются, прежде всего, в подземном характере и небольшом размере помещения, наличии стенных стрельчатых арочных ниш. Нахождение внутри и под полом мечети позволяет интерпретировать эту подземную камеру в мечети Нижнего Джулата как помещение для ритуального уединения и созерцательного затворничества *чилла-хана* или *халват-хана*, учитывая датировку памятника, распространение ислама и суфизма в Золотой Орде (Сайфетдинова 2014: 75—78; Mirgaleev 2016: 89—101; Бородовская 2017: 82—94), возможное распространение тариката халватийа в Улусе Джучи. Последнее предположение основывается на информации о

[1] Остров Ибн Сахла (*джазират ибн ас-сахл*) — он же остров Баб ал-абваба (*джазират Баб ал-абваб*) Ибн Хаукала и *«Худуд ал-'Алам»*, «остров неядовитых змей» Абу Хамида ал-Гарнати и Хамдаллаха Казвини — см.: Гаджиев 2008: 193—202; 2012: 103—106.

[2] Эта подземная камера, о которой слышали местные жители, но не было известно ее точное местонахождение, была выявлена в 2022 г. при проведении работ по разработке проекта реставрации мечети. Информация предоставлена Б.Х. Гаджиевым (ООО «НПЦ туризма и краеведения»), которому выражаем свою благодарность.

проповеднической деятельности в Дешт-и Кипчаке и Золотой Орде шейхов ордена халватийа Саййида Йахйи Бакуви Ширвани (ум. 1466) и Маджид ад-дина Ширвани (ум. 1563) (Алескерова 2010: 46; 2014: 12—13; Сайфетдинова 2014: 76; Mirgaleev 2016: 98; см. также: DeWeese 1994; Vicdani 1995). Не исключено, что некоторые другие подобные подземные сооружения при мавзолеях, известные на мусульманском Востоке и обычно рассматриваемые как погребальные склепы, но не содержащие захоронение, следует интерпретировать как камеры для ритуального уединения *чилла-хана*, *халват-хана*.

Литература

Акимушкин О.Ф. 1991. Халватӣйа. В: Прозоров С.М. (отв. ред.). *Ислам. Энциклопедический словарь*. Москва: Наука, 267—268.

Алескерова Н.Э. 2010. Начальный ширванский период в развитии братства Халватийа (вторая половина XIV — первая половина XVI в.). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 13. Вып. 4, 38—47.

Алескерова Н.Э. 2014. Основные дочерние ответвления братства Халватийа в XV—XVI веках. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 13. Вып. 2, 5—15.

Алескерова Н. 2015. *Суфийское братство Халватийа*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Алиев и др. 2004: Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. 2004. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены. *ПИФК* XIV, 441—465.

Аликберов А.К. 1998. ал-Лакзи Йусуф. В: Прозоров С.М. (отв. ред.). *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Вып. 1. Москва: Восточная литература, 238—240.

Аликберов А.К. 2003. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.)*. Москва: Восточная литература.

Аракелян Б.Н. 2003. Армения в IX—XIII веках. Ремесло, декоративное искусство, письменность. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века*. Москва: Наука, 342—350.

Ахмедов Г.М. 1985. Характерные особенности средневековой поливной керамики Азербайджана. В: *Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья — Истоки и пути распространения» (21—25 окт. 1985 г.). Тезисы*. Тбилиси: Мецниереба, 27—29.

Ахмедов Г.М. 2003. Азербайджан в IX—XIII вв. Ремесло и торговля. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века*. Москва: Наука, 378—386.

Ахмедов Р.Дж. 1992. *Керамика Баку IX—XVII вв*. Баку: Элм.

Ахундов Т.И. 1987. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане (середина III тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). Дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

Бабаян Ф.С. 1985. Развитие поливной полихромной керамики в Армении IX—XIII вв.: *Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья — Истоки и пути распространения» (21—25 окт. 1985 г.). Тезисы*. Тбилиси: Мецниереба, 25—27.

Бородовская Л.З. 2017. Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды. *Исламоведение* 8 (3), 82—94.

Гаджиев М.С. 1984. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени. В: Маммаев М.М. (отв. ред.). *Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 47—72.

Гаджиев М.С. 1998. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17—20 ноября 1997 г.* Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 267—276.

Гаджиев М.С. 2008. Загадочный остров Баб ал-абваба. В: Давудов О.М. (отв. ред.). *Северный Кавказ в древности и средние века. Сборник статей, посвященный 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева*. Махачкала: ДНЦ «Институт истории, археологии и этнографии», 193—202.

Гаджиев М.С. 2010. Баб ал-кийама — средневековое мусульманское культовое место в Дербенте. В: Аликберов А.К., Бобровников В.О. (отв. ред.). *Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова*. Москва: Издательский дом Марджани, 20—37.

Гаджиев М.С. 2012. Загадки острова неядовитых змей. *Труды Географического общества РД* 40. Махачкала, 103—106.

Гаджиев М.С., Гаджиев Б.Х. 2024. К исторической топографии Дербента в позднесасанидский период. В: Коробов Д.С. (ред.). *Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI века. XXXIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Е.И. Крупнова*. Москва: ИА РАН.

Гаджиев М.С., Кузеева З.З. 2007. Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1). В: Гаджиев М.С. и др. (ред. коллегия). *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе»*. Махачкала: Эпоха, 194—198.

Гаджиев М.С., Кузеева З.З. 2018. О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента. В: Кочкаров У.Ю. (отв. ред.). *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Карачаевск, 22—29 апреля 2018 г. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университ им У.Д. Алиева, 426—428.

Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. 2008. Торпах-кала — Куро-аракское поселение и Сасанидское городище в Южном Дагестане. В: Мерперт Н.Я., Кореневский С.Н. (отв. ред.). *Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева*. Москва: ТАУС, 276—297.

Гаджиев и др. 2015: Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. 2015. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X — нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение). *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 3, 183—195.

Гаджиев и др. 2017: Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К. 2017. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 1, 177—201.

Гаджиев и др. 2019: Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А. 2019. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента. *Вестник Кемеровского государственного университета* 1, 10—19.

Гамзатов Г.Г. 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII—XVII вв.). *СА* 1, 71—79.

Губаев А. 1968. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка. *Каракумские древности* II. Ашхабад: Ылым.

Губаев А., Кошеленко Г.А. 1970. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе. *Каракумские древности* III. Ашхабад: Ылым, 89—104.

Достиев Т.М. 1989. Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI—XIII вв.). *СА* 3, 193—206.

Достиев Т.М. 1999. *Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX — середина XIII в.)*. Баку: Бакинский Государственный Университет.

Закарьяев З.Ш., Гасанов М.А. 2020. Эпиграфика XII—XVIII вв. из агульского селения Рича: новые данные. *История, археология и этнография Кавказа* 16 (1), 6—49.

Зиливинская Э.Д. 2015. *Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа*. Нальчик: КБИГИ.

Кныш А.Д. 2004. *Мусульманский мистицизм: краткая история*. Санкт-Петербург: ДИЛЯ.

Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 1. *Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения*. Москва: Наука.

Мицишвили М.Н. 1998. Поливная керамика средневековой Грузии (IX—XIII вв.). Автореферат диссертации … доктора исторических наук. Тбилиси.

Рамишвили Р.М. 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья (X—XIII вв.). Материальная и духовная культура. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века*. Москва: Наука, 308—320.

Сайфетдинова Э.Г. 2014. Суфийские традиции в духовной культуре золотой Орды. *Золотоордынское обозрение* 1 (3), 75—78.

Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. *Археологические памятники северо-восточного Азербайджана. Свод археологических памятников Азербайджана*. Вып.1. Баку: Элм.

Хапизов Ш., Шехмагомедов М., Абдулмажидов Р. 2017. Суфийский орден халватийа в Горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI—XVII вв.). *Исламоведение* 8 (1), 70—81.

Шелковников Б.А. 1957. *Поливная керамика из раскопок города Ани*. Ереван: АН Армянской ССР.

Шихсаидов А.Р. 1969. *Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.)*. Махачкала: Типография Дагестанского ФАН СССР.

Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М-Р. 1993. *Дагестанские исторические сочинения.* Москва: Наука, Восточная литература.

Якобсон А.Л. 1959. *Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) (По материалам раскопок 1953—1955 гг.)*. Москва; Ленинград: АН СССР, 228—302 (МИА 67).

Aliev et al. 2006: Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M. 2006. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations. *Ancient East and West* 5 (1—2), 143—177.

Derbend-Nâmeh 1951: Kazem-Beg A. 1851. *Derbend-Nâmeh, or the History of Derbend.* Saint Petersburg: Imperial academy of Sciences.

De Weese D. 1994. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.

Keal E.J., Keal M.J. 1981. The Qal'eh-i Yazdigird Pottery: A statistical approach. *Iran* 19, 33—80.

Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M., Abdulmazhidov R. 2017. The Khalwatiyya sheikhs in Dagestan (16th — 17th centuries). *Iran and the Caucasus* 21 (3), 303—309.

Landolt H. 1997. Khalwa. In: van Donzel E., Lewis B., Pellat Ch. (eds.). *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 4. *Iran—Kha*, Leiden: Brill, 990—991.

Mirgaleev I. 2016. The islamization of the Golden Horde: new data. *Golden Horde Review* 1, 89—101.

Vicdani S. 1995. *Tarikatlar ve Silsileleri. Tomar-i Turuk-i Aliyyeden Halvetiyye Silsilenamesi*. Istanbul: Enderun kitabevi.

World Heritage List: Citadel, Ancient City and Fortress Buildings of Derbent. URL: https://whc.unesco.org/en/list/1070/ (дата обращения 6.01.2024).

References

Akimushkin, O.F. 1991. In: Prozorov, S.M. (ed.). *Islam. Enciklopedicheskij slovar (Islam. Encyclopedic dictionary)*. Moscow: Nauka, 267—268 (in Russian).

Aleskerova, N.E. 2010. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, seriya 13 (Bulletin of St. Petersburg University, series 13)* 4, 38—47 (in Russian).

Aleskerova, N.E. 2014. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, seriya 13 (Bulletin of St. Petersburg University, series 13)* 2, 5—15 (in Russian).

Aleskerova, N. 2015. *Sufijskoe bratstvo Halvatiya (Halwatiya Sufi Brotherhood)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

Aliev et al. 2004: Aliev, A.A., Aliev, I.N., Gajiev, M.S., Geitner, M.G., Kohl, F.L., Magomedov, R.G. 2004. In *Problemy of istory, filologii, culture (Problems of History, Philology, Culture)* XIV, 441—465 (in Russian).

Alikberov, A.K. 1998. In: Prozorov, S.M. (ed.). *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii. Enciklopedicheskiy slovar' (Islam in the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary)*. Iss. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 238—240 (in Russian).

Alikberov, A.K. 2003. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiyskaya entsiklopediya "Rayhan al-haka'ik" (XI—XII vv.) (The Era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'ik" (the 11th — 12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Arakelyan, B.N. 2003. In: Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (eds.). *Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epohu srednevekovya: IV—XIII veka (Archaeology. Crimea, Northeast Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th — 13th centuries)*. Moscow: Nauka, 342—350 (in Russian).

Ahmedov, G.M. 1985. In: *Materialy I Simpoziuma po probleme "Polihromnaya polivnaya keramika Zakavkazya — Istoki i puti rasprostraneniya" (21—25 okt. 1985 g.). Tezisy (Proceedings of the 1st Symposium on the problem "Polychrome irrigation ceramics of Transcaucasia — Sources and ways of distribution" (October 21—25, 1985). Theses)* Tbilisi: Mecniereba, 27—29 (in Russian).

Ahmedov, G.M. 2003. In: Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (eds.). *Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epohu srednevekovya: IV—XIII veka (Archaeology. Crimea, Northeast Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th — 13th centuries)*. Moscow: Nauka, 378—386 (in Russian).

Ahmedov, R.Dzh. 1992. *Keramika Baku IX—XVII vv. (The Pottery of Baku of the 9th — 17th centuries.)*. Baku: Elm (in Russian).

Ahundov, T.I. 1987. Historical topography of the settlements and the settlement system in Northeast Azerbaijan (mid-3rd millennium BCE — mid-1st millennium CE). Candidate dissertation. Leningrad.

Babayan, F.S. 1985. In: *Materialy I Simpoziuma po probleme "Polihromnaya polivnaya keramika Zakavkazya — Istoki i puti rasprostraneniya" (21—25 okt. 1985 g.). Tezisy (Proceedings of the 1st Symposium on the problem "Polychrome irrigation ceramics of Transcaucasia — Sources and ways of distribution" (October 21—25, 1985). Theses)* Tbilisi: Mecniereba, 82—94 (in Russian).

Borodovskaya, L.Z. 2017. In *Islamovedenie (Islam Studies)* 8 (3), 82—94 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 1984. In: Mammaev, M.M. (ed.). *Drevnie promysly, remeslo i torgovlya v Dagestane (Ancient industries, craft and trade in Dagestan)*. Mahachkala: Institute of History, Language and Literature, 47—72 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kultury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii). Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii. 17—20 noyabrya 1997 g. (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (issues of chronology). Materials of the II International Archaeological Conference November 17—20, 1997)*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzej im. P.V. Alabina, 267—276 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2008. In: Davudov, O.M. (ed.). *Severnyy Kavkaz v drevnosti i srednie veka. Sbornik statey, posvyashennyy 80-letiyu chl.-korr. RAN, prof. R.M. Munchaeva (North Caucasus in Antiquity and the Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of the corresponding member of RAS, Prof. R.M. Munchaev)*. Makhachkala: DNTS «Institut istorii, arkheologii i etnografii», 193—202 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2010. In: Alikberov, A.K., Bobrovnikov, V.O. (eds.). *Dagestan i musul'manskiy Vostok. Sbornik statey v chest' professora A.R. Shikhsaidova (Dagestan and the Muslim East. Collection of articles in honor of Professor A.R. Shikhsaidov)*. Moscow: Mardzhani, 20—37 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2012. In *Trudy Geograficheskogo obshestva RD (Proceedings of the Geographical Society of Republic of Dagestan)* 40. Makhachkala, 103—106 (in Russian).

Gadjiev, M.S., Gadjiev, B.H. 2024. In: *Korobov, D.S. (ed.). Dostizheniya i perspektivy izucheniya arheologii Severnogo Kavkaza v XX — pervoj chetverti XXI veka. XXXIII Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Krupnova (Achievements and Prospects for the Study of Archeology of the North Caucasus in the 20th — first quarter of the 21st century. XXXIII Krupnov's readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of E.I. Krupnov)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).

Gadjiev, M.S. Kuzeeva, Z.Z. 2007. In: Gadjiev, M.S. et al. (eds.). *Arheologiya, etnologiya i folkloristika Kavkaza: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii "Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze" (Archaeology, Ethnology and Folkloristics of the Caucasus: Proceedings of the International Scientific Conference "The Latest Archaeological and Ethnographic Research in the Caucasus").* Mahachkala: Epoha, 194—198 (in Russian).

Gadjiev, M.S., Kuzeeva, Z.Z. 2018. In: Kochkarov, U.Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kulturnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekove. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii XXX "Krupnovskie chteniya" po arheologii Severnogo Kavkaza. Karachaevsk, 22—29 aprelya 2018 g. (Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Materials of the 30th International Scientific Conference "Krupnov Readings" on archaeology of the North Caucasus. Karachaevsk, April 22—29, 2018)*. Karachaevsk: Aliev Karachay-Cherkess State University, 426—428 (in Russian).

Gadjiev, M.S., Magomedov, R.G. 2008. In: Merpert, N.Ya., Korenevskiy, S.N. (eds.). *Arheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka. Sbornik k 80-letiyu chl.-korr. RAN, prof. R.M. Munchaeva (Archeology of the Caucasus and the Middle East: Collection of essays for the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R.M. Munchaev)*. Moscow: TAUS, 276—297 (in Russian).

Gadjiev et al. 2015: Gadjiev, M.S., Abiev, A.K., Budaychiev, A.L., Abdulaev, A.M., Shaushev, K.B. 2015. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 3, 183—195 (in Russian).

Gadjiev at al. 2017: Gadjiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abdullaev, A.M., Abiev, A.K. 2017. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 1, 177—201 (in Russian).

Gadjiev et al. 2019: Gadjiev, M.S., Taymazov, A.I., Budaychiev, A.L., Abiev, A.K., Abdullaev, A.M., Magomedov, Yu.A. 2019. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)* 1, 10—19 (in Russian).

Gamzatov, G.G. 1982. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 71—79 (in Russian).

Gubaev, A. 1968. In: *Karakumskie drevnosti (Karakum Antiquities)* II. Ashkhabad: Ylym (in Russian).

Gubaev, A., Koshelenko, G.A. 1970. In: *Karakumskie drevnosti (Karakum Antiquities)* III. Ashkhabad: Ylym, 89—104 (in Russian).

Dostiev, T.M. 1989. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 3, 193—206 (in Russian).

Dostiev, T.M. 1999. *Srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbajdzhana (IX — seredina XIII v.) (Medieval archaeological sites of Northeast Azerbaijan (9th — mid-13th century)*. Baku: Baku State University (in Russian).

Zakaryaev, Z.Sh., Gasanov, M.A. 2020. In *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus* 16 (1), 6—49 (in Russian).

Zilivinskaya, E,D. 2015. *Madzhar i Nizhnij Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskih gorodov Severnogo Kavkaza. (Majar and Lower Julat. From the history of the Golden Horde cities of the North Caucasus)*. Nalchik: KBIGI (in Russian).

Knysh, A.D. 2004. *Musulmanskiy misticizm: kratkaya istoriya (Muslim mysticism: A brief history)*. Saint Petersburg: DILYa (in Russian).

Lavrov, L.I. 1966. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i tureckom yazykah. Ch. 1. Nadpisi X—XVII vv. Teksty, perevody, kommentarii, vvedenie i prilozheniya (Epigraphic monuments of the North Caucasus in the Arab, Persian and Turkish languages. Part 1. Inscriptions of the 10th — 17th centuries. Texts, translations, comments, introduction and applications)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mitsishvili, M.N. 1998. Glazed pottery of Medieval Georgia (9th — 13th centuries). Abstract of a dissertation on Doctor of Historical Sciences. Tbilisi (in Russian).

Ramishvili, R.M. 2003. In: Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (ed.). *Arheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epohu srednevekovya: IV—XIII veka (Archaeology. Crimea, Northeast Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: 4th — 13th centuries)*. Moscow: Nauka, 308—320 (in Russian).

Sayfetdinova, E.G. 2014. In *Golden Horde Review* 1 (3), 75—78 (in Russian).

Khalilov, Dzh.A., Koshkarly, K.O., Arazova, R.B. 1991. *Arheologicheskie pamyatniki severo-vostochnogo Azerbajdzhana. Svod arheologicheskih pamyatnikov Azerbajdzhana (Archaeological sites of Northeastern Azerbaijan. The Code of Archaeological Sites of Azerbaijan)* 1. Baku: Elm (in Russian).

Khapizov Sh., Shehmagomedov M., Abdulmazhidov R. 2017. In: *Islamovedenie (Islamic Studies)* 8 (1), 70—81 (in Russian).

Shelkovnikov, B.A. 1957. *Polivnaya keramika iz raskopok goroda Ani (Glazed pottery from the excavations of the city of Ani)*. Erevan: Publishing House of the Armenian SSR Academy of Sciences (in Russian).

Shihsaidov, A.R. 1969. *Islam v srednevekovom Dagestane (VII—XV vv.) (Islam in Medieval Dagestan, 7th — 15th centuries)*. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Shihsaidov, A.R. 1984. *Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X—XVII vv. kak istoricheskij istochnik (The Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th—17th centuries as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shihsaidov, A.R., Ajtberov, T.M., Orazaev, G.M-R. 1993. *Dagestanskie istoricheskie sochineniya (Dagestan historical handwritten writings)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959. *Khudozhestvennaya keramika Baylakana (Oren-kala) (Po materialam raskopok 1953—1955 gg.) (Artistic ceramics of Baylakan (Oren-kala) (Based on excavation materials from 1953—1955))*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 228—302 (Materials and research on archaeology of the USSR 67) (in Russian).

Aliev et al. 2006: Aliev, A.A., Aliev, I.N., Gadjiev, M.S., Gaither, M.G., Kohl, Ph.L., Magomedov, R.M. 2006. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations. *Ancient East and West* 5 (1—2), 143—177.

Derbend-Nâmeh 1951: Kazem-Beg, A. 1851. *Derbend-Nâmeh, or the History of Derbend.* Saint Petersburg: Imperial academy of Sciences.

De Weese, D. 1994. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.

Keal, E.J., Keal, M.J. 1981. The Qal'eh-i Yazdigird Pottery: A statistical approach. *Iran* 19, 33—80.

Khapizov, Sh.M., Shekhmagomedov, M., Abdulmazhidov, R. 2017. The Khalwatiyya sheikhs in Dagestan (16th — 17th centuries). *Iran and the Caucasus* 21 (3), 303—309.

Landolt, H. 1997. Khalwa. In: van Donzel, E., Lewis, B., Pellat, Ch. (eds.). *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 4. *Iran—Kha*, Leiden: Brill, 990—991.

Mirgaleev, I. 2016. The islamization of the Golden Horde: new data. *Golden Horde Review* 1, 89—101.

Vicdani S. 1995. *Tarikatlar ve Silsileleri. Tomar-i Turuk-i Aliyyeden Halvetiyye Silsilenamesi*. Istanbul: Enderun kitabevi.

World Heritage List: Citadel, Ancient City and Fortress Buildings of Derbent. Available at: https://whc.unesco.org/en/list/1070/ (accessed 6.01.2024).

Рис. 1. Дербент. Космоснимок с указанием местоположения объекта (по Google Earth).

Fig. 1. Derbent. Satellite photo indicating the location of the object (after Google Earth).

Рис. 2. Дербент. Часть котлована с обнаруженным кирпичным сооружением. Вид с востока.

Fig. 2. Derbent. Part of the pit with the discovered brick structure. View from the east.

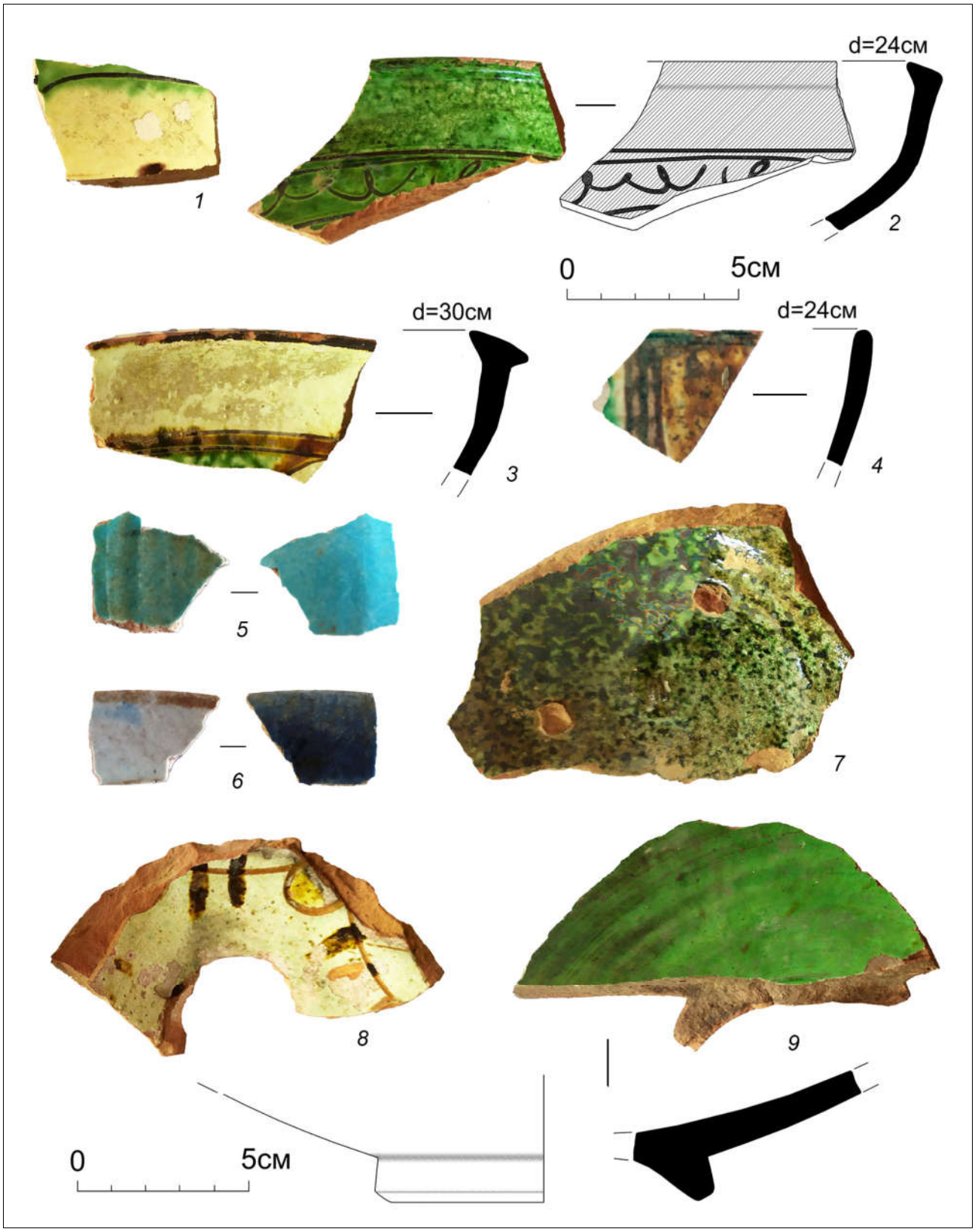


Рис. 3. Дербент. Фрагменты керамики из завала в выявленном кирпичном сооружении.

Fig. 3. Derbent. Fragments of pottery from the collapsed soil in the revealed brick structure.

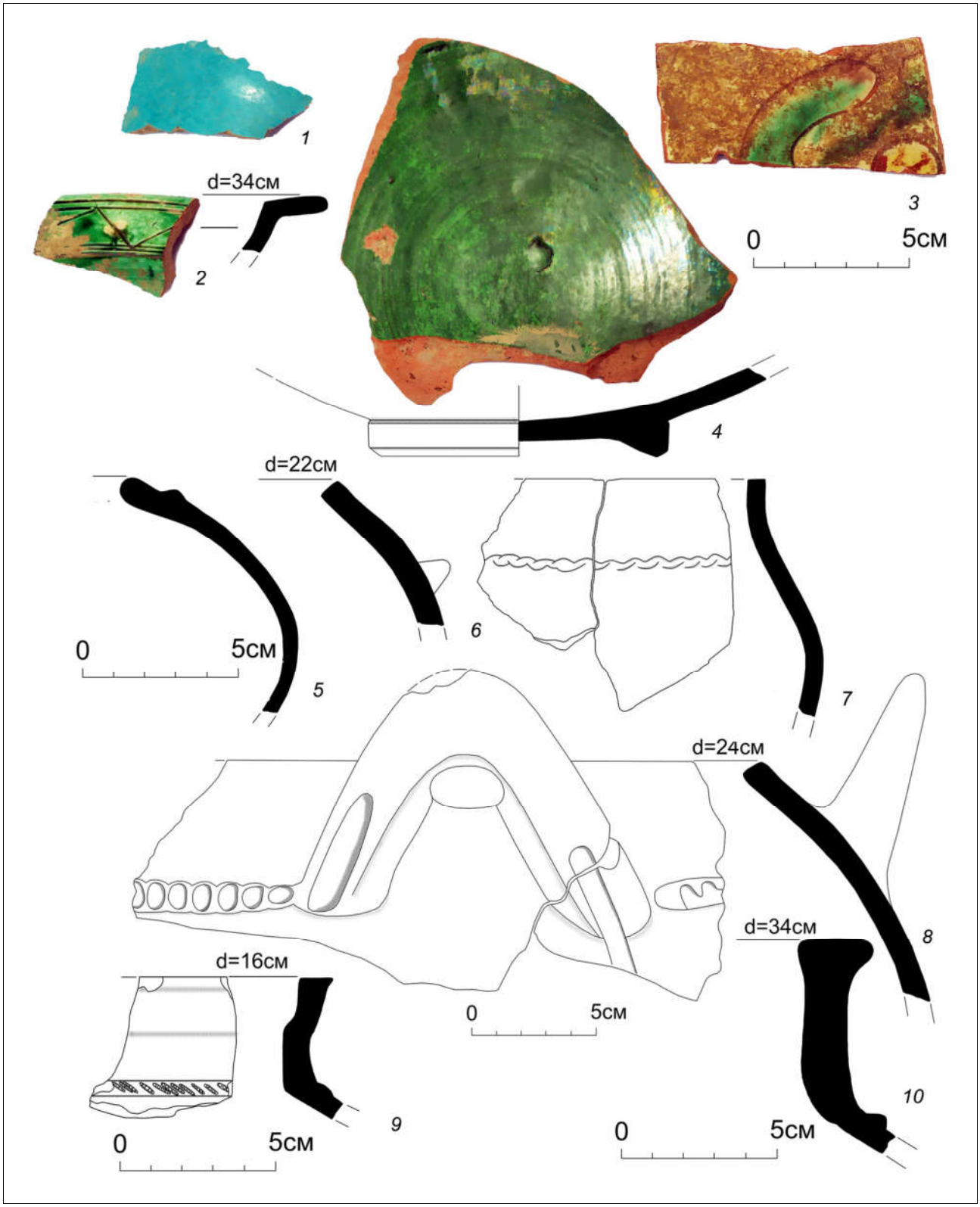


Рис. 4. Дербент. Фрагменты керамики из верхней части слоя 1 в заполнении кирпичного помещения.

Fig. 4. Derbent. Ceramic fragments from the upper part of the layer 1 in the brick room.

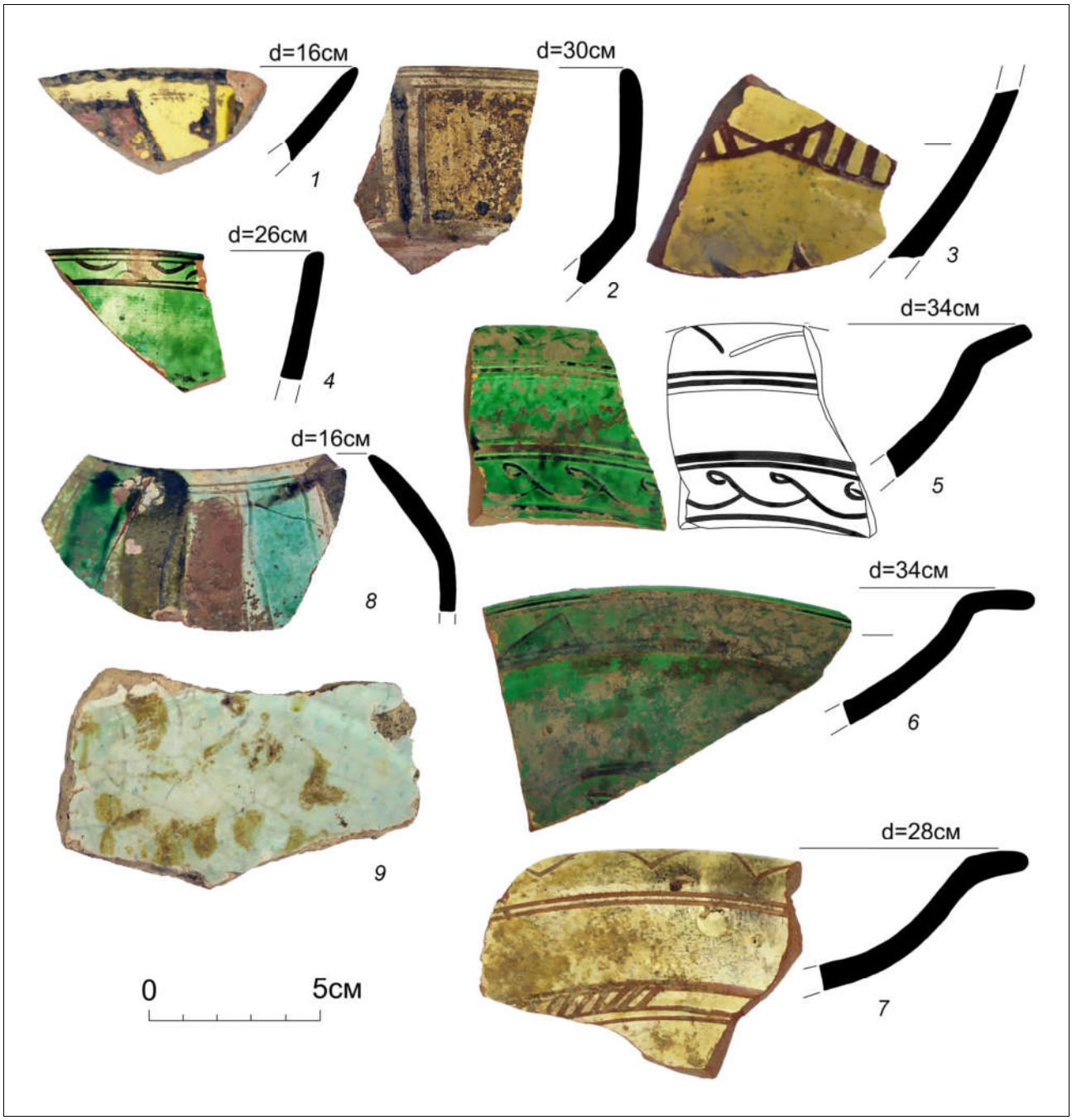


Рис. 5. Дербент. Фрагменты поливной керамики из нижней части слоя 1 в заполнении кирпичного помещения.

Fig. 5. Derbent. Fragments of glazed pottery from the lower part of the layer 1 in the brick room.

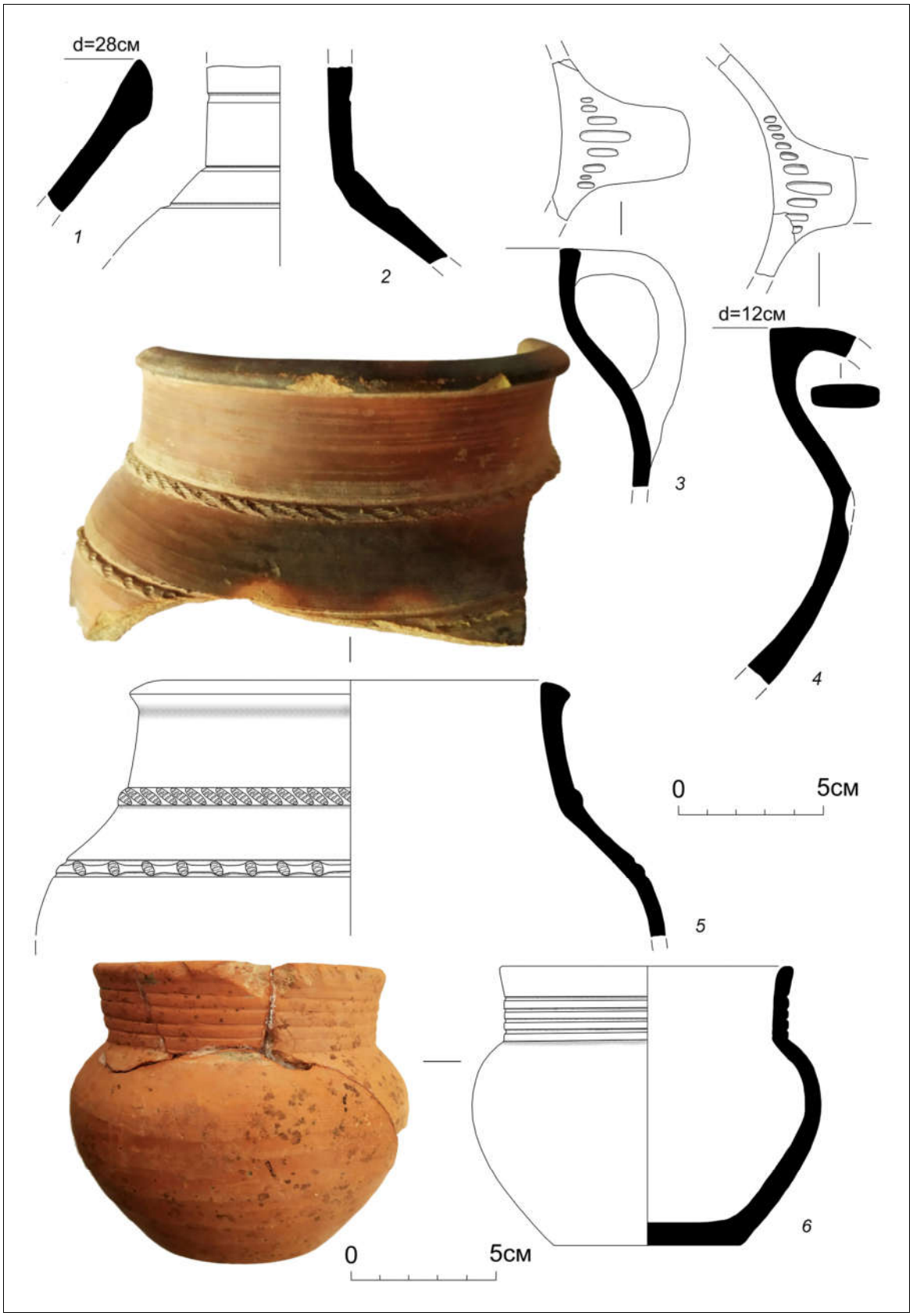


Рис. 6. Дербент. Фрагменты столовой неполивной керамики из нижней части слоя 1 в заполнении кирпичного помещения.

Fig. 6. Derbent. Fragments of unglazed pottery from the lower part of the layer 1 in the brick room.

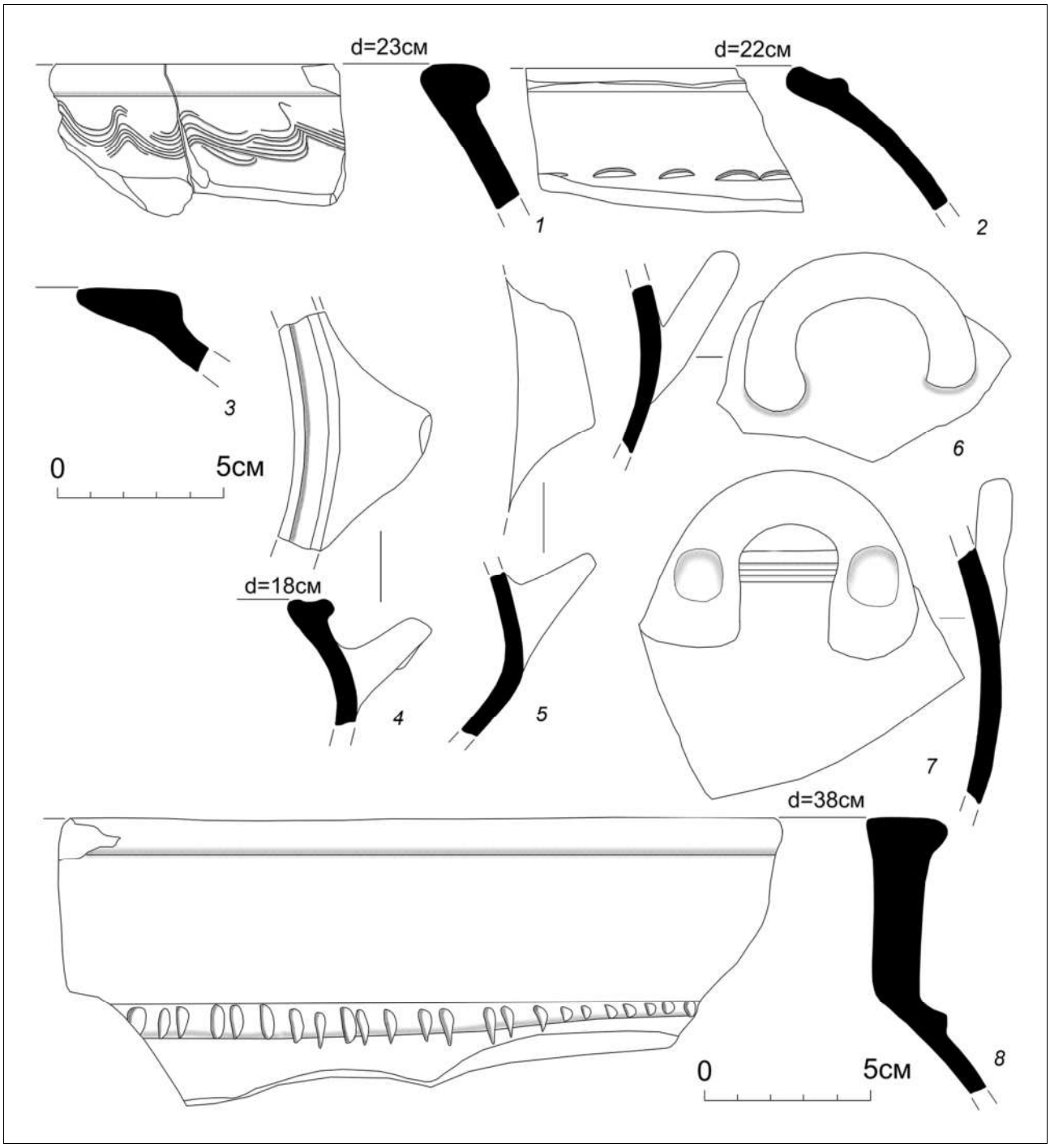


Рис. 7. Дербент. Фрагменты кухонной и тарной керамики из нижней части слоя 1 в заполнении кирпичного помещения.

Fig. 7. Derbent. Fragments of kitchen and container pottery from the lower part of the layer 1 in the brick room.

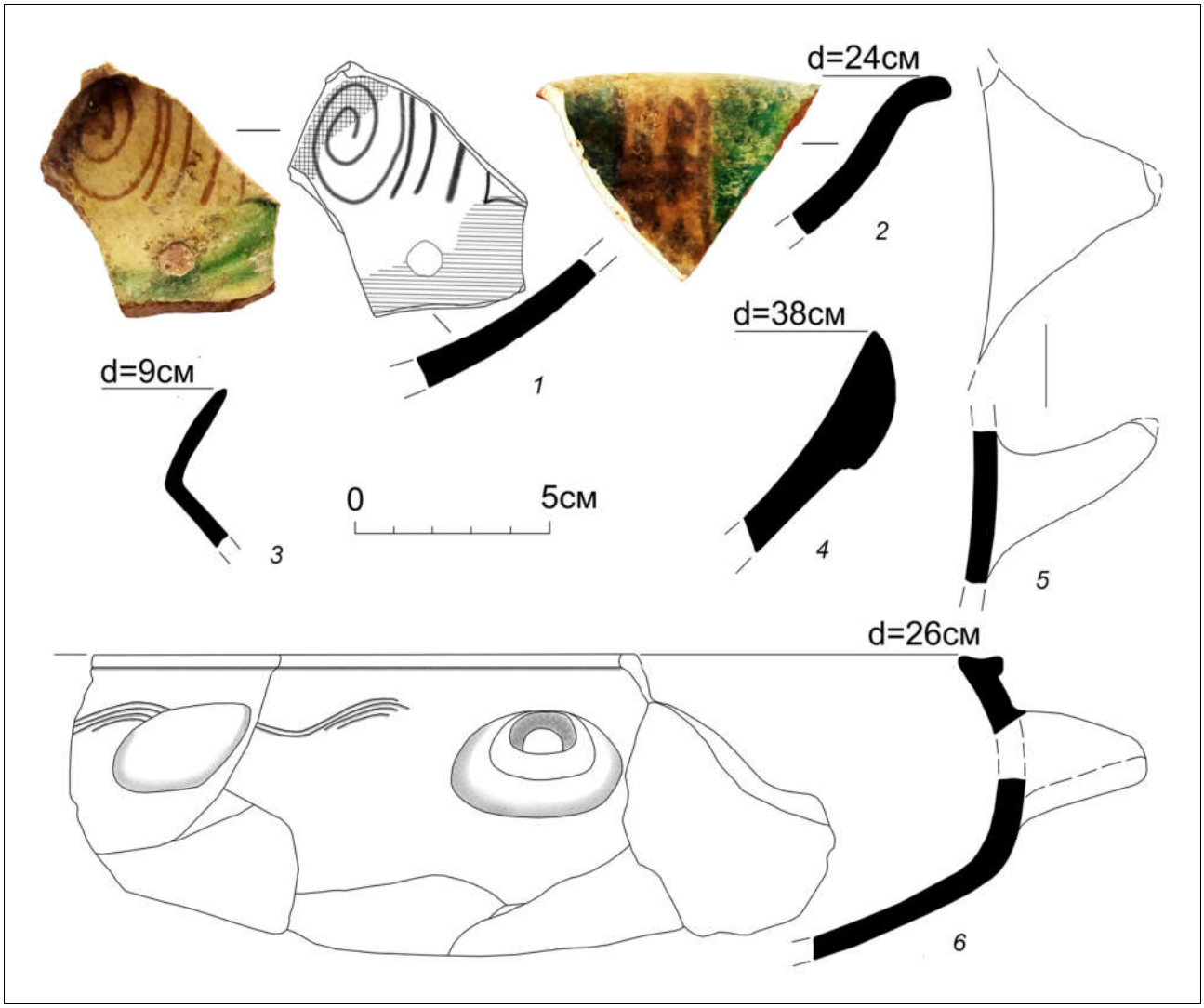


Рис. 8. Дербент. Фрагменты поливной керамики из заполнения лестничного прохода кирпичного помещения.

Fig. 8. Derbent. Fragments of glazed pottery from the filling of the staircase of the brick room.

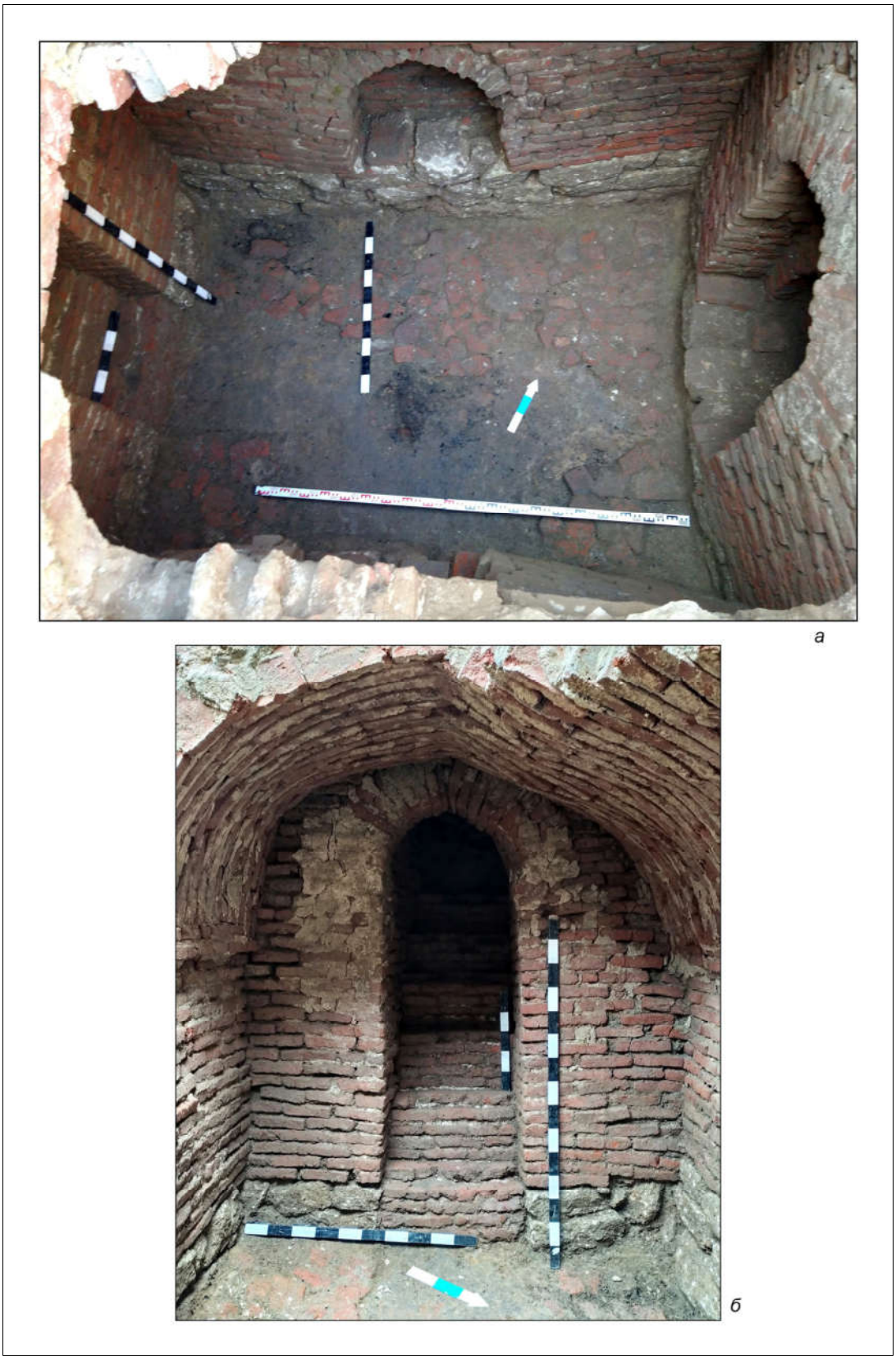


Рис. 9. Дербент. Подземное кирпичное помещение: *а* — общий вид сверху с ЮЮВ; *б* — юго-западная стена с входным лестничным проемом, вид с СВ**.**

Fig. 9. Derbent. Underground brick room: *а* — general view from SSE; *б* — south-west wall with entrance staircase opening, view from NE**.**

Рис. 10. Дербент. Подземное кирпичное помещение: *а* — северо-западная стена, вид с ЮВ; *б* — северо-восточная стена, вид с ЮЗ; *в* — юго-восточная стена, вид с СЗ.

Fig. 10. Underground brick room: *а* - northwest wall, view from SE; *б* - northeast wall, view with SW; *в* — southeast wall, view from the NW.

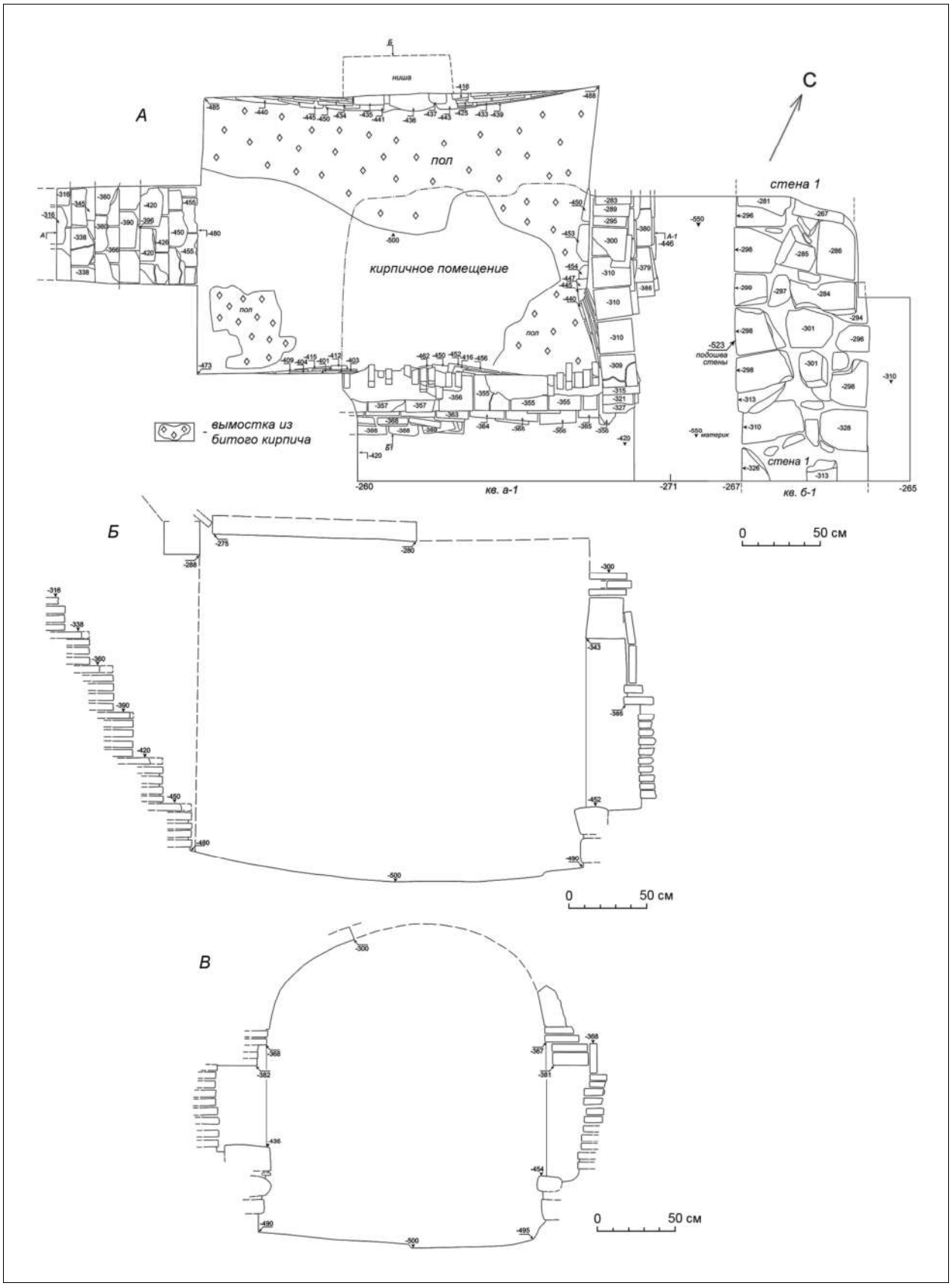


Рис. 11. Дербент. Подземное кирпичное помещение. План и разрезы.

Fig. 11. Derbent. Underground brick room. Plan and sections.

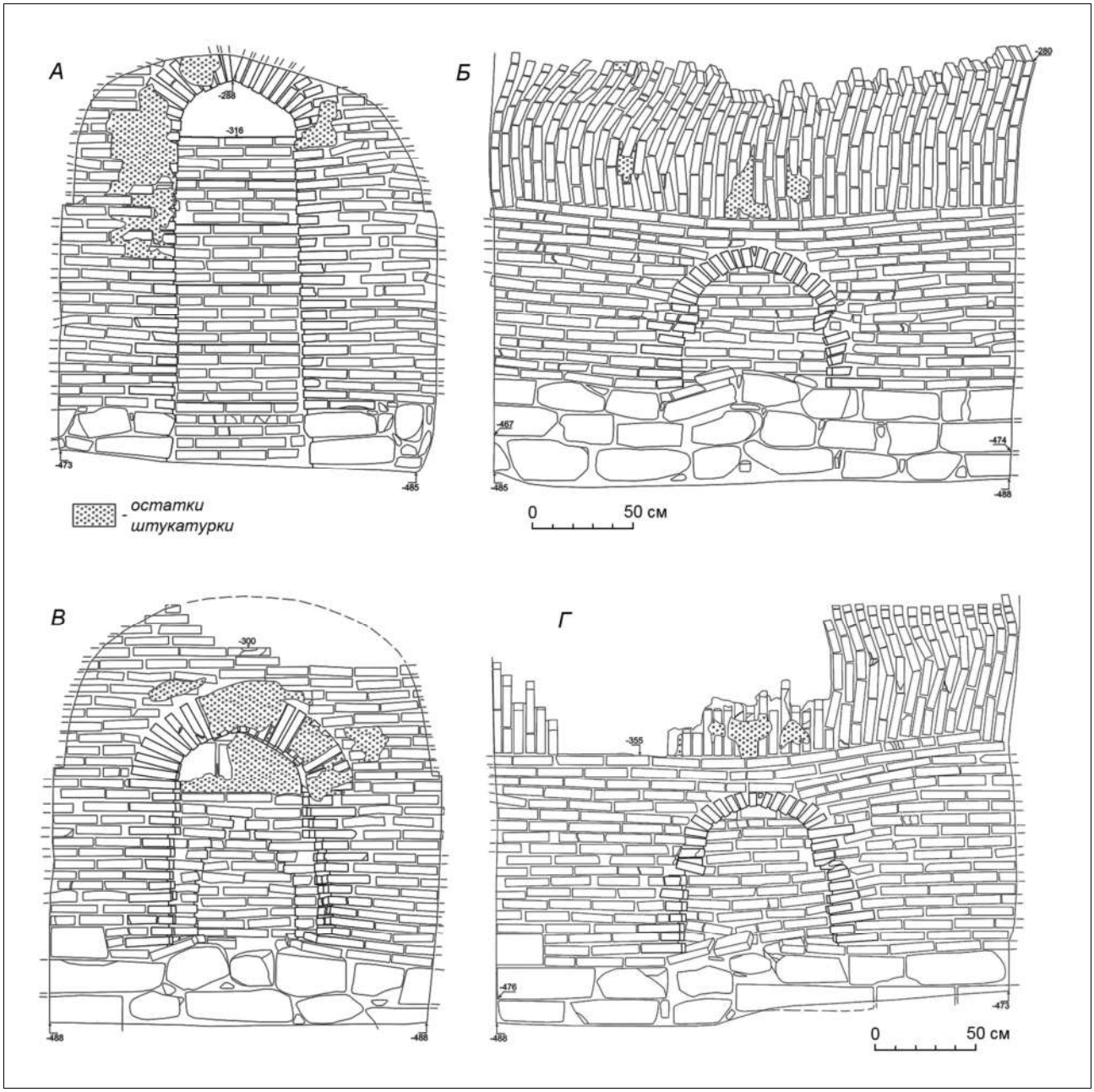


Рис. 12. *Дербент. Подземное кирпичное помещение. Внутренние фасы юго-западной* (*А*)**, северо-западной** (*Б*)**, северо-восточной** (*В*) **и юго-восточной** (*Г*) **стен.**

Fig. 12. Derbent. Underground brick room. Facings of southwest (*А*)**, northwest** (*Б*)**, northeast** (*В*) **and southeast** (*Г*) **walls.**

Рис. 13. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV: *а* — вид с ЮВ; *б* — вид с СЗ.

Fig. 13. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV: *а* — a view from SE; *б* —view with NW.

Рис. 14. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV: *а* — вид с востока; *б* — вид с ЮЗ.

Fig. 14. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV: *а* — a view from east; *б* — view with SW.

Рис. 15. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Монументальная стена 1: *а* — вид с юга; *б* — вид с ЮЗ**.**

Fig. 15. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Monumental wall no. 1: *а* — a view from south; *б* — view with SW**.**

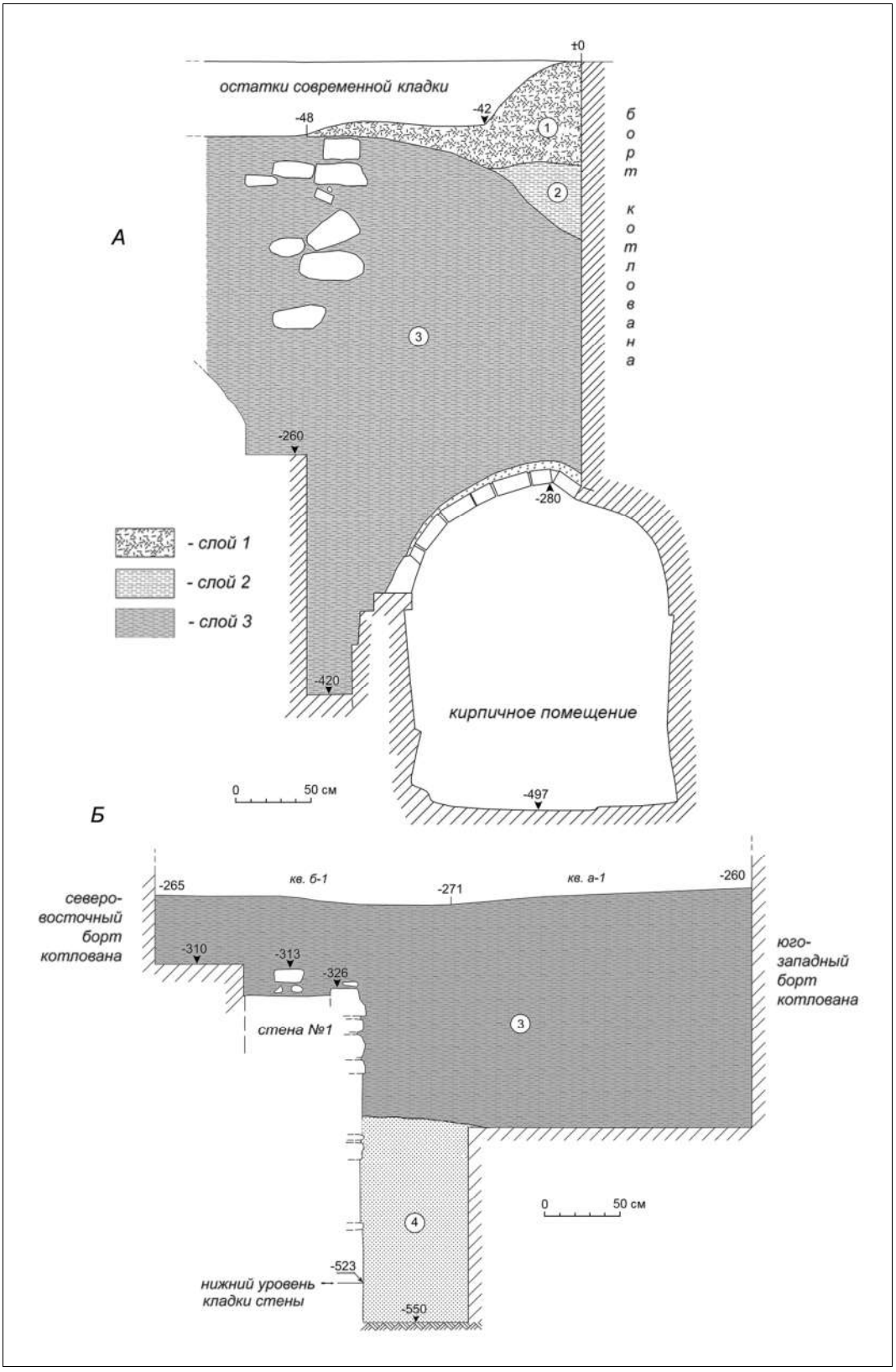


Рис. 16. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Профили культурных напластований: *А* — юго-западный борт раскопа и котлована; *Б* — юго-восточный борт раскопа.

Fig. 16. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Profiles of cultural strata: *A* — southwest side of excavation and construction pit; *Б* — southeast side of excavation site.

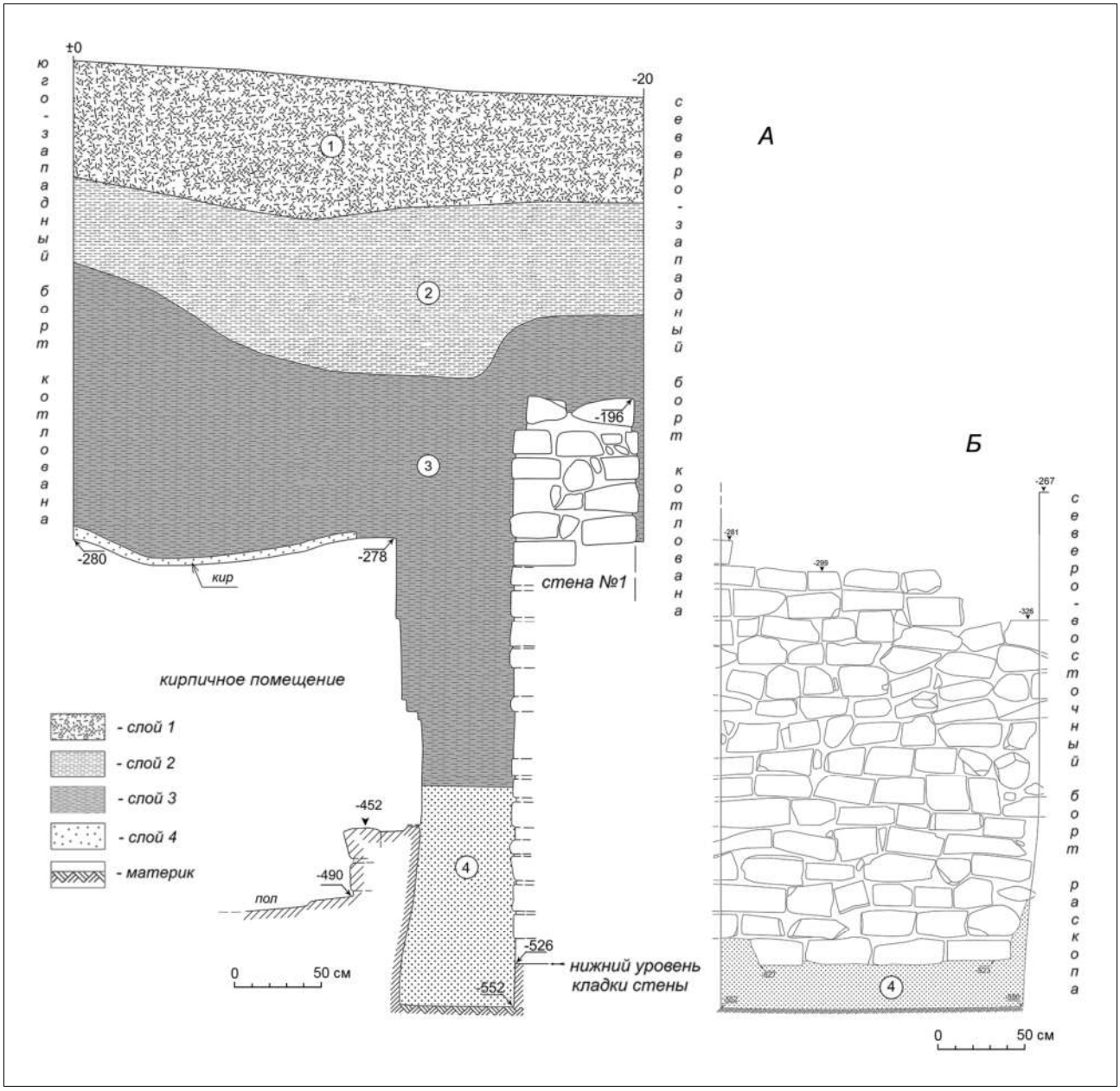


Рис. 17. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV: *А* — северо-западный борт раскопа и котлована; *Б* — юго-западный фас монументальной стены 1**.**

Fig. 17. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV: *А* — northwest side of excavation and construction pit; *Б* - southwest face of monumental wall no. 1**.**

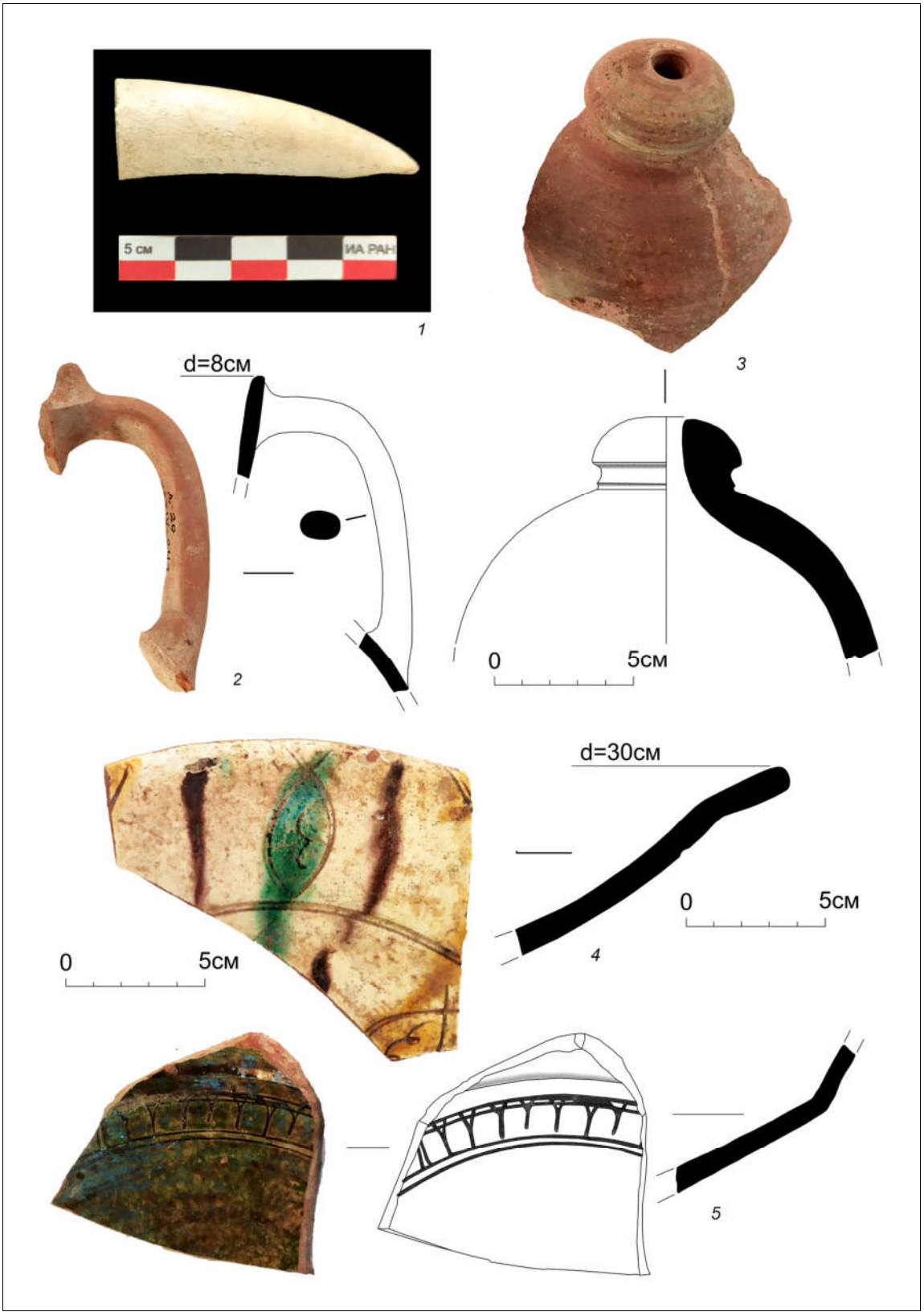


Рис. 18. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Костяное лощило (*1*) из завала помещения и фрагменты керамики (*2—5*) из слоя 3 северо-западного борта строительного котлована.

Fig. 18. Derbent. Underground brick room. Bone patchwork (*1*) from collapsed soil of the room and fragments of pottery (*2—5*) from layer 3 of north-west side of construction pit.

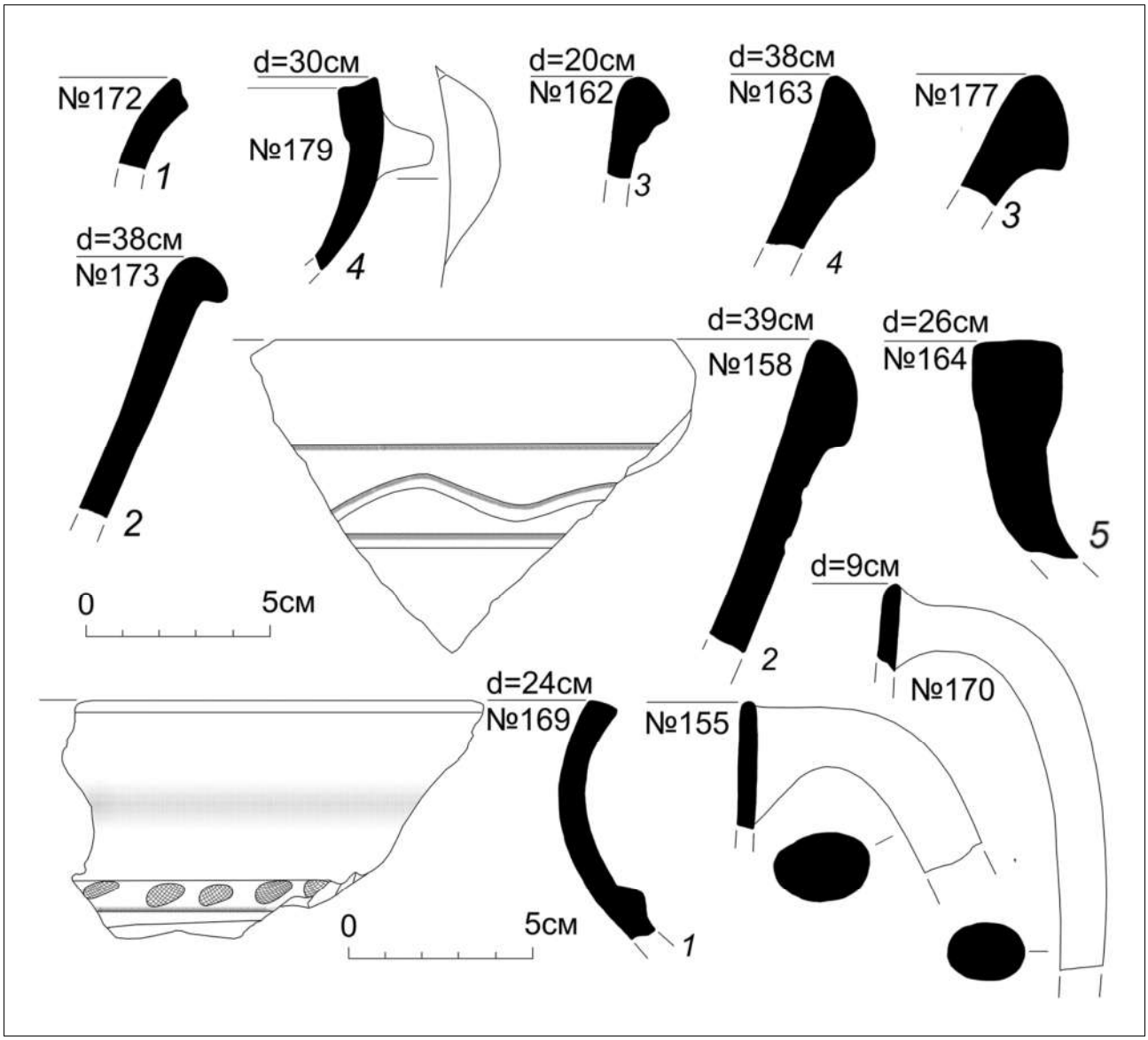


Рис. 19. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Керамика из нижней части слоя 3.

Fig. 19. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Pottery from the low part of layer 3.

Рис. 20. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Фрагменты резного штука (*1*), стеклянных сосудов (*2, 3*) из слоя 3 и заготовка керамического пряслица (*4*) из слоя 4.

Fig. 20. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Fragments of stucco panel (*1*), glass vessels (*2, 3*) from layer 3 and ceramic workpiece of squirrel (*4*) from layer 4.

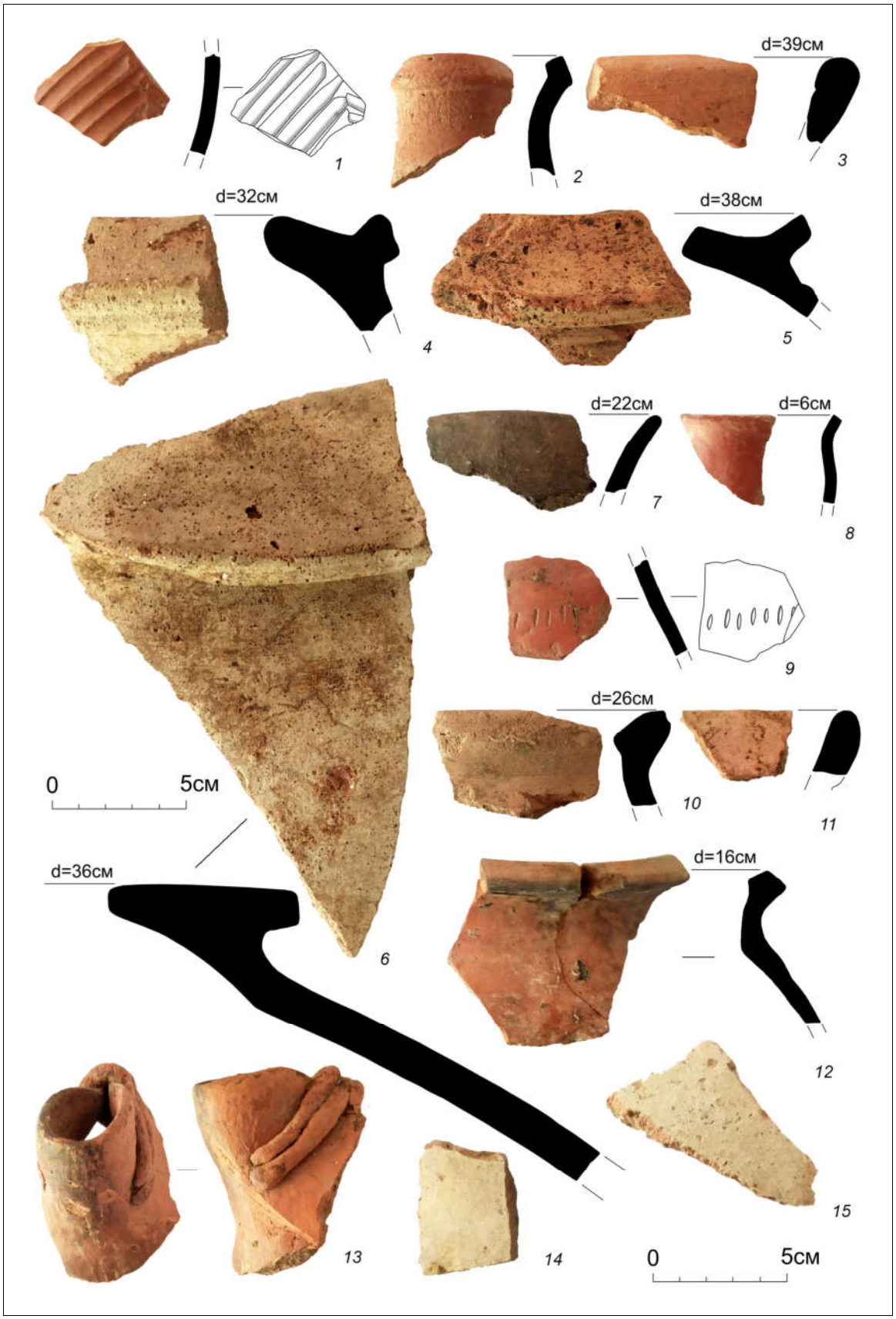


Рис. 21. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Фрагменты керамики из слоя 4.

Fig. 21. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Fragments of pottery from layer 4.

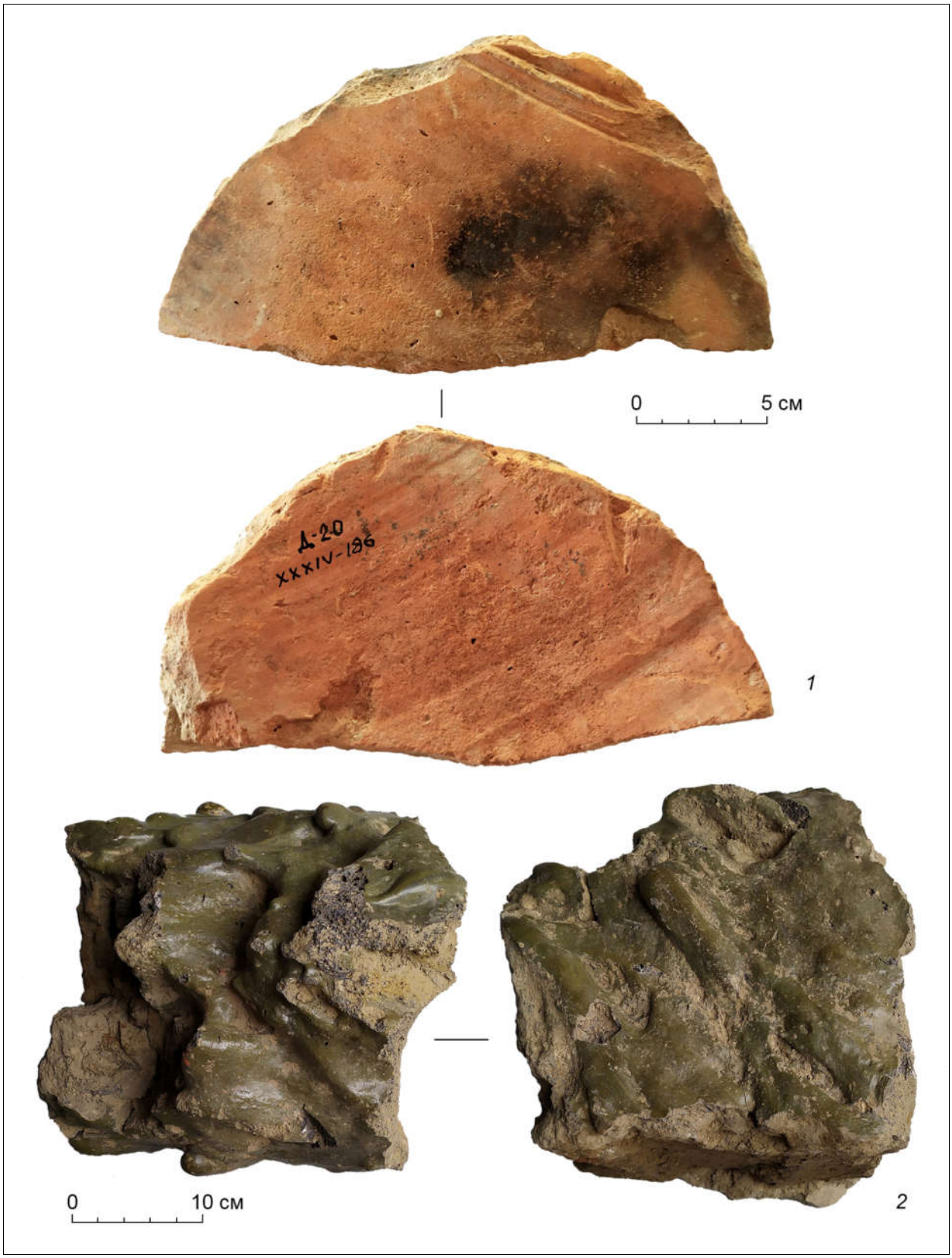


Рис. 22. Дербент. Подземное кирпичное помещение. Раскоп XXXIV. Обломок керамической крышки (*1*) и кусок шлака (*2*) из слоя 4.

Fig. 22. Derbent. Underground brick room. Excavation site XXXIV. Fragment of ceramic lid (*1*) and a piece of slag (*2*) from layer 4.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.17.22.025

Sz. Rosta, Gy. Gulyás, Zs. Gallina, I. Pánya, A. Türk

SIGNIFICANT RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH THE PAST 30 YEARS ON THE MONGOL INVASION (1241—42) IN MEDIEVAL HUNGARIAN KINGDOM*

The article presents the latest results of archaeological research into the events of the Mongol invasion against the Kingdom of Hungary in the Carpathian Basin in 1241—42. Despite the wealth of written sources, archaeology could not provide any serious evidence of the events of the Mongol invasion in Hungary for a long time. However, for a long time there was no clear and reliable evidence of massacres and widespread destruction, which could be judged from the descriptions of contemporaries, often of an apocalyptic nature. The archaeology of the invasion period, the youngest field of Hungarian archaeology to become an independent discipline, is today one of the most dynamically developing fields. The full development of the archaeology of the Mongol invasion period is connected with the appearance of new sites as a result of recent targeted and planned research.

Key words: archaeology, Hungary, Mongol invasion, Middle Ages, treasures, eastern-type weapons, defence ditch system, geophysical methods.

About the authors: Rosta Szabolcs[1], PhD (History), Kecskeméti Katona József Museum; Gulyás Gyöngyi[2], Ásatárs Ltd; Gallina Zsolt[3], Ásatárs Ltd, Pánya István[4], PhD (Geography), Kecskeméti Katona József Museum; Türk Attila[5], PhD (History), Pázmány Péter Catholic University, Institute of Archaeological Sciences.

Contact information: [1,4]6000, Hungary, Kecskemét, 1. Bethlen boulevard, e-mail: [1]rosta@kkjm.hu; [4]Panyaistvan@gmail.com; [2,3]6000, Hungary, Kecskemét, 12. Futár St., e-mail: [2]ggyongyi77@gmail.com; [3]gallinazsolt@gmail.com. [5]1088, Hungary, Budapest, 1. Mikszáth sqr., e-mail: turk.attila@btk.mta.hu.

С. Рошта, Дь. Гуяш, Ж. Галлина, И. Панья, А. Тюрк

ВАЖНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ 30 ЛЕТ, ПОСВЯЩЕННЫХ МОНГОЛЬСКОМУ НАШЕСТВИЮ (1241—42) В СРЕДНЕВЕКОВОМ ВЕНГЕРСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

В статье представлены новейшие результаты археологических исследований события монгольского нашествия против Венгерского королевства в Карпатском бассейне в 1241—42 гг. По сравнению с богатством письменных источников, археология долгое время не могла предоставить никаких серьезных свидетельств событий монгольского нашествия в Венгрии. Однако долгое время не было четких и достоверных свидетельств массовых убийств и широкомасштабных разрушений, о которых можно было судить по описаниям современников, часто апокалиптического характера. Археология периода нашествия, самая молодая область венгерской археологии, ставшая самостоятельной дисциплиной, сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся направлений. Полноценное развитие археологии периода нашествия связано с появлением новых объектов в результате последних целенаправленных и плановых исследований.

Ключевые слова: археология, Венгрия, монгольское нашествие, средневековья, клады, оружие восточного типа, система оборонительных рвов, геофизические методы.

* The study was carried out in the framework of the project PPKE-BTK-KUT-23 and the HUN-REN BTK MŐK 2024 programme. The illustrations were edited by Péter Óvári in the framework of the PPKE-BTK Mester és tanítványa project. The English translation was proofread by Attila Weldon, the Russian translation by Igor Kim.

Статья поступила в номер 11 апреля 2024 г.
Принята к печати 12 мая 2024 г.

© Sz. Rosta, Gy. Gulyás, Zs. Gallina, I. Pánya, A. Türk, 2024.

Сведения об авторах: Рошта Сабольч[1], PhD (History), Кечкемети Катона Йожеф Музеум; Гуяш Дьёндьи[2], Ашатарш ООО; Галлина Жолт[3], Ашатарш ООО; Панья Иштван[4], PhD (Geography), Кечкемети Катона Йожеф Музеум; Тюрк Аттила[5], PhD (History), Институт археологии Католического университета Петера Пазманя.

Контактная информация: [1,4]6000, Венгрия, г. Кечкемет, 1. Bethlen бульвар, e-mail: [1]rosta@kkjm.hu; [4]Panyaistvan@gmail.com; [2,3]6000, Венгрия, г. Кечкемет, 12. Futár ул., e-mail: [2]ggyongyi77@gmail.com; [3]gallinazsolt@gmail.com; [5]1088, Венгрия, г. Будапешт, 1. Mikszáth пл., e-mail: turk.attila@btk.mta.hu.

Introduction

The Mongol invasion of 1241—42 (Fig. 1: 1) was a defining and poignant event of our past, which still persists in the collective memory of Hungarians nearly 800 years later. These few years are the best documented short period in the history of Árpád-era Hungary, as the attack of unprecedented power and the brutal destruction it caused attracted great attention both at home and abroad. For generations of historians, the question of the usability of contemporary sources and the extent of the devastation, as well as its short- and long-term effects, have been a constant source of debate. Throughout the past century, Hungarian historiography gave very different answers to these questions.

Despite the plenitude of written sources, archaeology has for a long time been unable to produce any serious evidence of the events of the Mongol invasion. The only tangible evidence of the invasion was the horizon of sporadic finds of coins in the ground. However, for a long time there was little clear and credible evidence of the mass killings and widespread destruction that could be inferred from contemporary descriptions, often of an apocalyptic nature, and which were accompanied by gangrenous ruins. One of the few exceptions was an artefact complex in Esztergom, discovered in 1952, where a victim identified as a goldsmith lay in a burnt and collapsed building (Fettich 1968). The other phenomenon came to light during excavations in Kisfalud near the castle of Szabolcs in 1971—74, where the death of an individual thrown into a grain storage pit of an Árpád-era settlement was linked to the Mongol invasion by István Fodor (Fodor 1975).

The low number of clear phenomena related to the Mongol invasion, the lack of direct evidence and the paucity of finds seemed to support the view that contemporary eyewitness accounts are fundamentally exaggerated in terms of the scale and intensity of the destruction and cannot be used to reconstruct events, or can only be used through a strong filter.

With the increase in the quantity of archaeological excavations, and then in the 1970s and 1980s, the number of sites where — still mostly based on settlement phenomena — a destruction horizon of the mid-13th century could be archaeologically detected began to increase. This indirect evidence is provided by villages of the Árpád period where burnt buildings and hidden valuable objects suggest that the abandonment of the settlement was not peaceful, or at least hasty.

Breakthrough in the archaeological research of the Mongol period in Hungary

Since the mid-1990s, new horizons have opened up for archaeology, resulting in the provision of large-scale projects that allow the survey of large, mainly linear surfaces. And in the mid-2000s, in parallel with the increase in the volume of infrastructure works, there has been a major breakthrough in the field of the Mongol period. From then on, complex sites with indirect evidence, previously unknown to Hungarian archaeology, came into view.

In 1996, at the Hejőkeresztúr-Vizekköze site on the M3 motorway, Mária Wolf discovered for the first time in Hungary a site where weapons, other utensils and fragmentary human remains were found in a building in a context clearly related to the Mongol invasion. In addition, other skeletal fragments were scattered in settlements. The moment of destruction was linked by the excavator to a very specific event, the Battle of Muhi (Wolf 1997; 2014).

In 2001, Tamás Pusztai, also in connection with the Battle of Muhi, discovered the skeletons of two men buried in a pit at the medieval settlement of Mohi (Pusztai 2014).

In 2005—2006, Gyöngyi Gulyás unearthed what is perhaps the most well-known and heart-wrenching moment of the Mongol invasion in the Bürgeházi field near Cegléd, during a road construction excavation (Fig. 2). The image of two small children and their mother's skeleton crawling into the oven of a house buried in the ground received national publicity through the press. In other buildings in the Mongol-ravaged settlement, other unburied skeletons lay in disarray (Gulyás 2014).

During the construction of the 47th road between 2004—2006, several longitudinal sections of an Árpád-era settlement were excavated at the Orosháza-Bónum site. On the surface of the trail, 23 buildings with rich artefactual material, victims of a fire during the latest phase of the village's life, were identified. In some of these, as well as in additional trenches and pits, archaeologists found the abnormally lying bodies of 22 individuals (Gyucha, Rózsa 2014).

In 2009, an excavation led by Gábor Serlegi was carried out on the right bank of the Danube, on Dunaföldvár-Ló hill, prior to the construction of the M6 motorway. In the area of the destroyed Árpád-period village, phenomena essentially similar to the previous ones were found: thick layers of burnt remains, human remains in an anomalous position, partial and complete anatomical order in the settlement objects. Anthropological analysis was able to isolate the remains of 33 individuals (Szilágyi, Serlegi 2014).

In 2009, on the route of the DN 800 natural gas pipeline, Gábor Wilhelm uncovered one of the most prominent monuments of the Mongol invasion. In a burnt-out, small building buried in the ground next to the Haladás Tsz at Szank, alongside bone material belonging to 34 individuals (17 women and 17 children), were jewellery, coins and other valuables from the period's treasure horizon. In addition to the fittings of the building and objects typical of the period, a spur and an oriental spear enrich the finds. Following the excavation, the exact location of two Mongol-period medals from decades earlier were also recovered nearby (Wilhelm 2014).

In 2013, Zsolt Gallina and Gyöngyi Gulyás uncovered clear traces of the murderous events on the outskirts of Csanádpalota. The site, according to *Rogerius*' data, was located near the village of Pereg, which was certainly destroyed by the Mongols. In addition to the skeletal remains of two young individuals lying in an anomalous position, which can be accurately dated by coins, a very interesting phenomenon was also found and linked to the events of the Mongol invasion. In the area of the destroyed settlement, a harnessed horse was found buried alone, undoubtedly in accordance with Eastern custom. The archaeologists who excavated the site have raised the plausible possibility that tangible traces of the Mongol invasion, including the burial of the horse, which is said to have been a major source of the area's fierce influence, could be linked to one of the nomadic groups fighting in the area (Gulyás, Gallina 2014).

In 2011, a conference was held in Kiskunfélegyháza to present these new types of sites, focusing on the Mongol period. This meeting introduced a new perspective to the study of the archaeological remains of the Mongol period. In 2014, arranging the lectures of the conference, a volume entitled *"Carmen Miserabile" — A tatárjárás magyarországi emlékei* processed and presented the excavation results of these sites, which, unlike the previous ones, were able to show the shocking reality of the destruction by archaeology (Carmen Miserabile 2014).

Targeted research of the Mongol invasion sites in Hungary

The recent archaeological successes have therefore been largely due to the large-scale excavations associated with road building and other above mentioned projects. The archaeology of the Mongol period, the youngest field of Hungarian archaeology to become an independent discipline, is now one of the most dynamically developing areas. However, this also required a qualitative improvement of quantitative indicators. The full development of Mongol archaeology is due to the emergence of new sites as a result of recent targeted and planned research. In recent years, the authors of these pages in particular have had the opportunity to investigate sites where, in

addition to the traces of mass killings, there has been an opportunity to identify the various characteristic patterns of destruction.

The central region of the country, the Kiskunság, which stretches along the Danube-Tisza river, is of particular importance in the study of the Mongol invasion in Hungary. This part of the country, which includes today's Bács-Kiskun county and the southern, flatland part of Pest county, was the area most exposed to the devastation of the 1241—42 Mongol invasion. Kiskunság is a natural geographic unit on the one hand, and a historical-cultural unit on the other. The settlement of the nomadic Cumans in 1246 in a region that had become essentially empty as a result of the Mongol devastation played a decisive role in its development. Recent interdisciplinary research on the history of settlements shows that the destruction of settlements with churches during the Mongol invasion reached 90—100% in some parts of the Kiskunság (Pánya, Rosta 2024: 159). Thus, it is no coincidence that the most recent findings are concentrated in this region.

In 2016, an excavation at Kiskunmaja revealed a ploughed-out coin and two concentrations of large quantities of burnt human bone. Although the deep ploughing that preceded the planting of the vineyards had caused significant destruction of the features, important observations were nevertheless made. Two buildings, buried in the ground about 100 m apart and burnt down, contained both complete and partial human skeletons. The coins recovered during the excavation led by Szabolcs Rosta, belonging to two medals, can all be classified as Mongol-period coins. Silver jewellery and items of costume jewellery, as well as objects belonging to the fittings of the building, are also common components of Mongol-period artefact assemblages (Rosta 2018a). Anthropological analysis has isolated the remains of 15 children and 16 adult women, as well as 3 men, i.e. at least 34 individuals. Besides post-mortem animal chewing, several of the human bones showed signs of undoubtedly deliberate 'flaying' with a cutting instrument (Fig. 3: 3). These latter traces can be interpreted as evidence of starvation anthropophagy in the sources (Buzár, Bernert 2018). The complexity of the site is compounded by the presence of a church, 1 km from the site, also destroyed and fortified by a triple system of defensive ditches (Rosta, Pánya 2022: 281, 286).

The former Pétermonostora, located in the upper Monastery of the present-day Bugac Municipality, is an important site for research into the Árpád period. A series of excavations started by Szabolcs Rosta in 2010 and continuing almost continuously since have revealed the details of an urban settlement of the Árpád period on an area of 200 hectares. Pétermonostora, established in the 1040s on the royal road connecting Szeged with Pest, passing through the central part of the country, is identified as the economic and sacral centre of the Homokhátság region. The destruction of this important centre can be linked to the Mongol invasion of 1241—1242, for which there is multiple direct evidence. During an excavation in 2016, the remains of children and a young woman were found lying in an abnormal position in a row among burnt buildings in the central part of the civil settlement. This destruction horizon also included the anatomically arranged carcasses of several slain young animals. In the double ditch system (c. 600 m long) built around the monastery for protection, the skeletons of dead children and animals lying in an anatomical order but in an abnormal pose mark the destruction horizon. In addition, in the sections of trench excavated between 2020 and 2023 lay a huge quantity of partially processed animal remains (Rosta 2018a).

The Abaújvár Castle, built in the first half of the 11th century, was one of the important centres of the Árpád-era Hungarian Kingdom. During excavations in the 1970s, an iron deposit of agricultural tools had already been discovered. But clear evidence of the Tartar invasion was only uncovered in 2019, thanks to the research under the Árpád dynasty Programme (2018—2023). During the excavation led by Mária Wolf, a large amount of metal objects were found with the help of metal detecting volunteers from the Herman Ottó Museum. In addition to another iron deposit, an extremely valuable treasure trove buried in a pot was unearthed. Furthermore, three buried individuals could be linked to the events of the Tartar invasion. The name of Abaújvár is mentioned in a letter of 2 February 1242, which lists the castles in Hungary that could potentially be the starting point of a counterattack against the Mongols (Bakos et al. 2020).

New perspectives ont he archaeological research of the Mongol period in Hungary

The number of Mongol period sites in the Kiskunság region is extended by two important sites, which offer even more realistic phenomena than the example of Csengele. Tázlár-Templomhegy and Szank-Kápolnahely, only 14 km apart, are currently the best researched and best known Mongol sites in Hungary. They have several features in common that closely link them, the most striking of which is the series of tangible phenomena that indicate the siege of their former fortified churches.

From 2003, Zsolt Gallina and Gyöngyi Gulyás, during their excavations at Tázlar, came across a triple system of ditches, very similar in size and structure to the one on Csengele (Horváth 2001), and which was also built around a church with Árpád-period antecedents. Although the excavation series, which is still ongoing, has yet to fully investigate the phenomena, the defensive nature of the ditch system during the Mongol period and the complete destruction of the settlement at that time are beyond dispute. In fact, in one of the largest triple moat systems known to date, a complex gateway defence system has been excavated, with tangible traces of a siege. The lower, burnt decay layer of the ditches contained a large number of Árpád-period artefacts and building rubble. Dozens of skeletons of individuals who had undoubtedly died violently, lying in an abnormal position, animal remains and elements of oriental weaponry are all evidence for the events of the Mongol invasion. The excavation archaeologists, and the authors of these lines, have also reconstructed some of the details of the attack, based on the structural features of the fortifications, the spatial distribution of weapons and the dead (Gallina et al. 2021).

In the area at Szank, the Mongol-era coin hoards, the earlier inspected massacre unearthed in 2009 and the destroyed fortified churches showed a strong involvement in the events of 1241—1242. In Szank-Kápolnahely, the excavation of a medieval church and its surroundings was launched for touristic purposes. During 2017, 2021 and 2022, the fortification with a double concentric ditch, situated around the Árpád-era church, was fully excavated. At the bottom of the burnt trenches, a large number of both western-type weapons of the defending Hungarians and eastern-type weapons of the attackers were found (Fig 1: 2). Beside them lay the remains of dozens of human skeletons belonging to individuals in various states of complete and partial anatomical order. In several cases the bones showed signs of perimortem combat injuries (Fig 3: 1, 2). The trenches also contain coins and treasure finds that provide a firm indication of the time of the atrocities (Rosta 2018a: 151—196; 2018b: 186—192).

The scientific impact of the above-mentioned sites in the Kiskunság region point far beyond themselves. The results obtained from these sites will allow general conclusions to be drawn and will significantly influence the direction of future research. One of the most spectacular conclusions drawn from the above examined evidence is the recognition of the system of lowland forts which now comprises more than 100 sites, built up from necessity in 1241 (Rosta, Pánya 2022). The archaeological legacy of the Mongol period can be precisely delineated on the basis of complex sites identified by means of characteristic artefact assemblages and the development and widespread availability of technical and technological tools over the last decade such as geophysical methods, drone photography, metal detectors and certain IT programmes. In addition to the treasure troves, the main group of Mongol heritage finds, other types of objects and phenomena indirectly linked to this horizon can now be identified. Furthermore, the new archaeological findings allow a deeper historical analysis of the authenticity of contemporary accounts. The new results also highlight the growing museum-friendly and civilian use of metal detectors throughout the country (model of community archaeology in Hungary), which assists tremendously in finding treasures day after day, which were once hidden from the Mongol army. Today, reconstruction work is also under way at several sites (Bugac, Szank and Tázlar) to make the remains of the Mongol invasion accessible to the public and to preserve its tragic memory for later generations.

References

Bakos, G., Sipos, E., Tóth, Cs., Wolf, M. 2020. Tatárjárás kori kincslelet az abaújvári ispáni várból. In: *Magyar Régészet* 9, 52—61. https://doi.org/10.36245/mr.2020.4.3

Buzár, Á., Bernert, Zs. 2018. Bugac-Felsőmonostor-Csitári tanya és Kiskunmajsa-Jonathermál tatárjárás kori lelőhelyek csontmaradványainak embertani vizsgálata. *Archaeologiai Értesítő* 143, 203—213.

Carmen Miserabile 2014: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum.

Fettich, N. 1968. Ötvösmester hagyatéka Esztergomban a tatárjárás korából (Hinterlassenschaft eines goldschmiedes in Esztergom aus der Zeit des Tatareneinfalles). *A Komárom Megyei Múzeumok Közleményei* 1, 157—196.

Fodor, I. 1976. Vorbericht über die Ausgrabungen am Szabolcs-Vontatópart und in Szabolcs-Kisfalud. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarium Hungaricae* 28, 371—382.

Gallina, Zs., Gulyás, Gy., Kotán, D., Pánya, I., Rosta, Sz. 2021. Tatárjárás Tázláron. In: *Emlékkönyv a Thorma János Múzeum 145. évfordulójára.* Ed. Szakál, A. Kiskunhalas: Thorma János Múzeum, 25—44.

Gulyás Gy., Gallina, Zs. 2014. Magányos kun lósír Csanádpalotáról. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum,151—168.

Gulyás, Gy. 2014. Egy elpusztult tatárjáráskori ház Cegléd határában. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 29—56.

Gyucha, A., Rózsa, Z. 2014. „…egyesek darabokra vágva, egyesek egészben": A tatárjárás nyomainak azonosítási kísérlete egy dél-alföldi településen. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 57—68.

Horváth, F. 2001. *A csengelei kunok ura és népe*. Budapest: Archaeolingua.

Pánya, I., Rosta, Sz. 2024. „*Ecclesia cum duabus turribus*…" Egyháztopográfiai kutatások a Duna—Tisza közén. In: Lantos A. (ed.). *A középkor kutatásának újabb eredményei Bács-Kiskun megyében.* Kalocsa: Viski Károly Múzeum, 153—181.

Pusztai, T. 2014. Buzogánnyal, tarsollyal és késtok merevítővel eltemetett halott a muhi csatából. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 141—150.

Rosta, Sz. 2014. Pétermonostora pusztulása. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 193—230.

Rosta, Sz. 2018a. A tatárjárás régészetének újabb távlatai két kiskunsági lelőhely eredményeinek fényében. *Archaeologiai Értesítő* 143, 151—196.

Rosta, Sz. 2018b. Egy új lehetőség kapujában — tatárjáráskori védművek a Kiskunságban. *Genius Loci — Laszlovszky* 60, 186—192.

Rosta, Sz., Pánya, I. 2022. Gondolatok a síkvidéki középkori erődítésekről — egy topográfiai kutatási program váratlan hozadéka. *Arceologia Cumanica* 5, 275—335.

Sz. Wilhelm, G. 2014. „Akiket nem akartak karddal elpusztítani, tűzben elégették" Az 1241. évi pusztítás Szank határában. In: *„Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Eds. Sz. Rosta, V. Székely, Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 81—109.

Szilágyi, M., Serlegi, G. 2014. Nád közé bújtak…? Egy a tatárjárás során elpusztult település maradványai Dunaföldvár határában. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 127—140.

Wolf, M. 2014. Régészeti adatok a muhi csata történetéhez. In: Rosta, Sz., V. Székely, Gy. (eds.). *"Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére.* Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 69—80.

Wolf, M. 1997. Hejőkeresztúr-Vizeközze. Árpád-kori település a XI—XIII. századból (Hejőkeresztúr-Vizeközze. Settlement of the Árpád period from the 11th — 13th century). In: Raczky P. et al. (eds.). *Utak a múltba. Az M3-as autópálya régészeti leletmentései*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 139—143.

Wolf, M. 1999. Árpád-kori település Hejőkeresztúr határában (Ansiedlung in der Feld für Hejőkeresztúr aus der Arpaden-Zeit). In: *A népvándorláskor fiatal kutatói 8. találkozójának előadásai. Veszprém, 1997. november 28—30.* Ed. Perémi, Á. Veszprém: Laczkó Dezső Múzeum, 166—178.

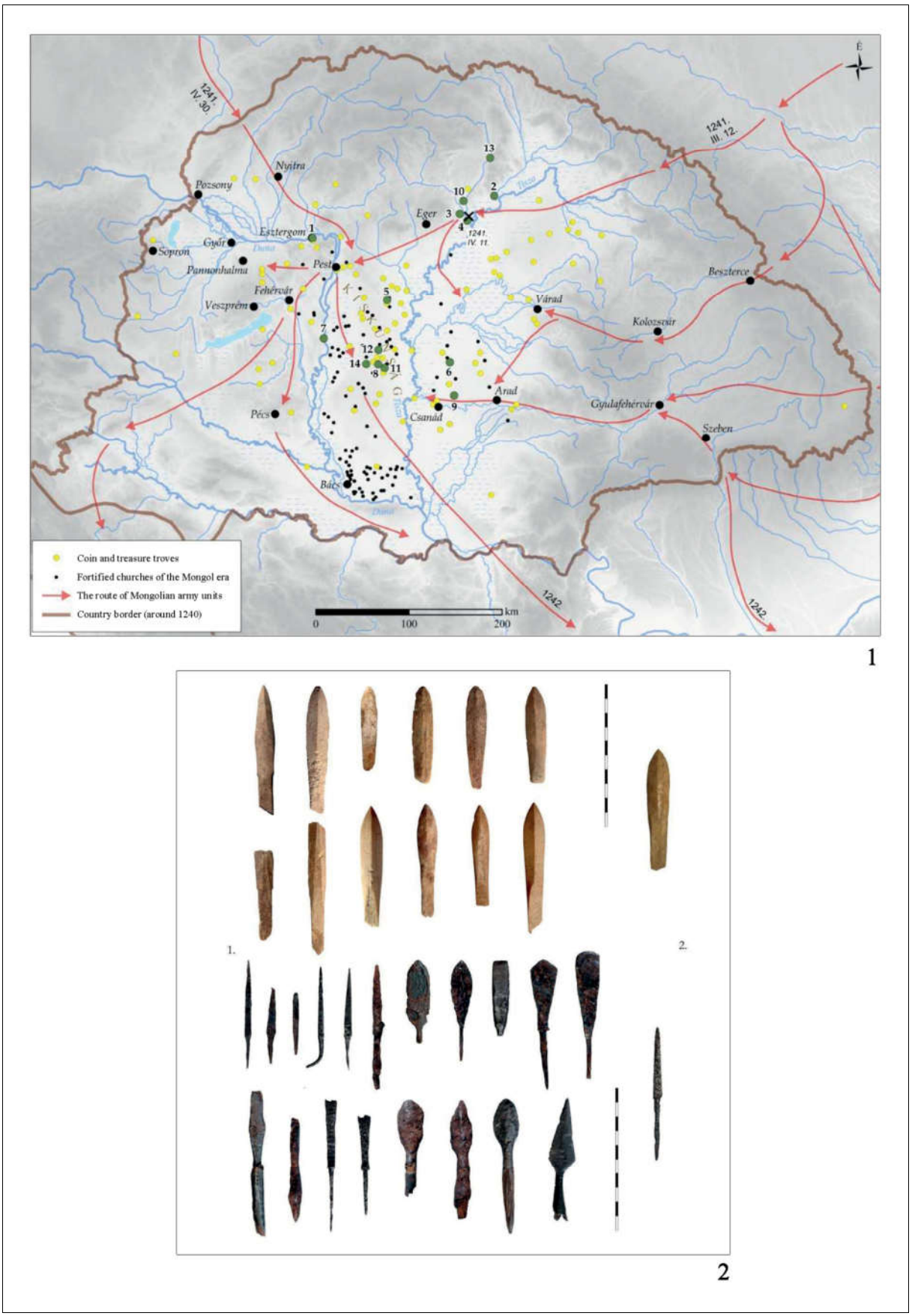


Fig. 1. The Mongol invasion of the territory of the medieval Kingdom of Hungary (*1*) **(1241—42) and the geographical location of the archaeological sites related to it** (map by I. Pánya); *2* — **Eastern type bone and iron arrowheads** (Photos by Sz. Rosta).

Fig. 2. Human remains excavated from an Árpád-era house after the Mongol invasion: *1—2* — Cegléd, Bürgeházi-dűlő (Photos by Gy. Gulyás).

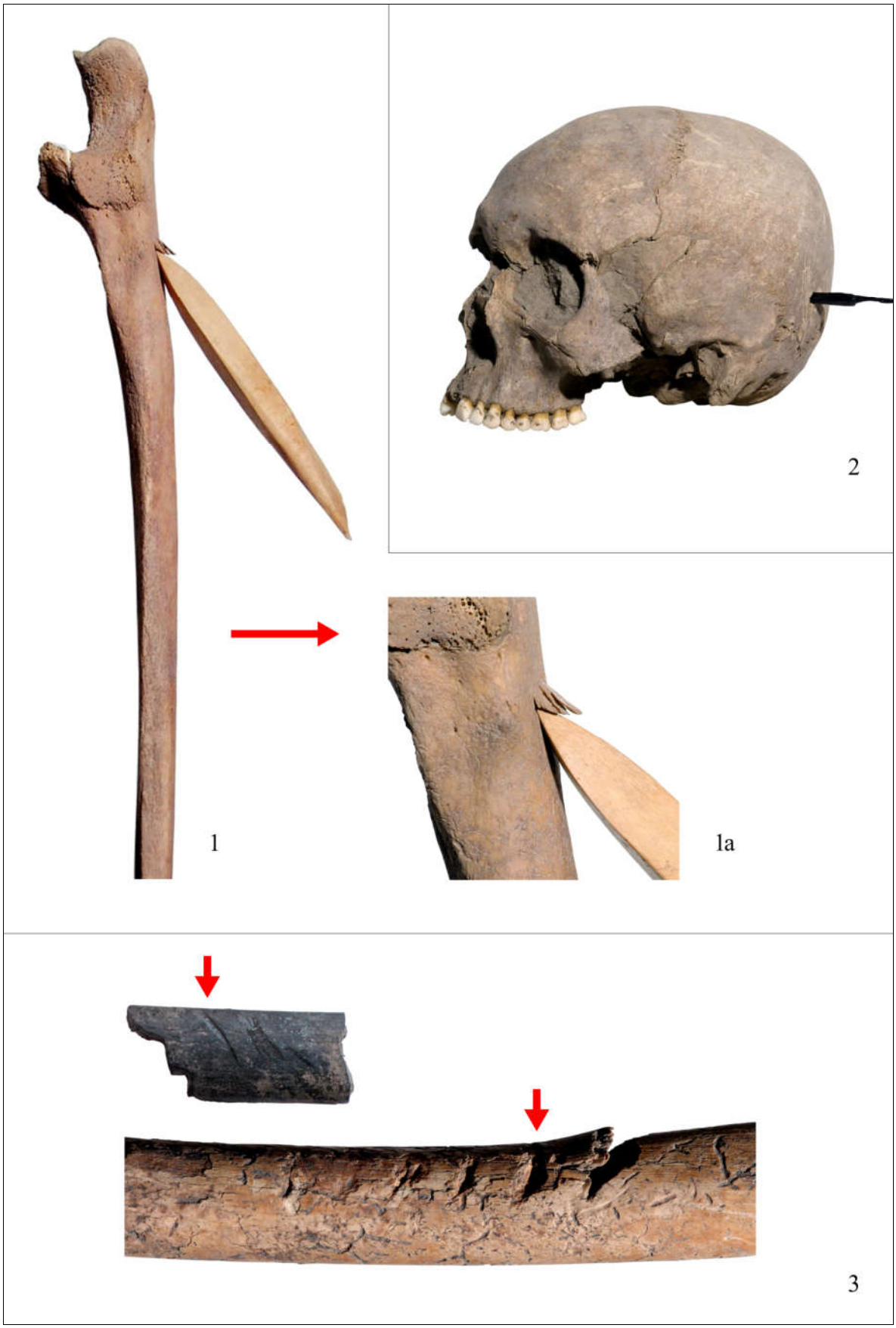


Fig. 3. Battle injuries caused by Mongol weapons: *1—2* — Szank-Kápolnahalom (Photos by Sz. Rosta); **Traces of cannibalism on human bones, as mentioned even in written sources, as a result of starvation of population:** *3*— Kiskunmajsa-Jonathermál (Photos by Sz. Rosta).

История

History

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.76.46.026

М.А. Ведешкин

КОНСТАНЦИЙ ХЛОР И ВЕЛИКОЕ ГОНЕНИЕ*

В статье рассматривается проблема участия цезаря Констанция Хлора в Великом гонении императора Диоклетиана. Анализируя информацию о якобы имевших место симпатиях цезаря к христианству, автор приходит к выводу, что все они являются производными от пропаганды его сына Константина I или же сознательными фальсификациями представителей церковной историографии, пытавшихся выставить отца первого христианского императора в наилучшем свете. В частности, на Констанция не влияла его «благочестивая супруга» Елена, он не называл дочь «христианским» именем, не был поклонником культа Аполлона—Sol и тем более монотеистом. Более того, в проведении гонения цезарь придерживался инструкций своих старших коллег и аккуратно исполнял предписания первого указа августа Диоклетиана. При этом, в ряде регионов, находившихся под его управлением гонения даже приобрели более кровавый характер, чем было предусмотрено.

Ключевые слова: поздняя античность, поздняя Римская империя, тетрархия, Констанций Хлор, Константин I, Великое гонение.

Сведения об авторе: Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН; Институт общественных наук РАНХиГС.

Контактная информация: 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т., 32а, Институт всеобщей истории РАН; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, Институт общественных наук РАНХиГС, e-mail: balatar@mail.ru.

M.A. Vedeshkin

CONSTANTIUS CHLORUS AND THE GREAT PERSECUTION

The article deals with the problem of *caesar* Constantius Chlorus' participation in the Great Persecution of Emperor Diocletian. Analyzing the information about *caesar*'s alleged sympathies to Christianity, the author concludes that all of them are derived from the propaganda of his son Constantine I or conscious falsifications of representatives of church historiography, who tried to put the father of the first Christian emperor in the best light. Constantius was neither influenced by his "pious wife" Helena, nor did he give his daughter a "Christian" name, he was not an adherent of the cult of Apollo—Sol and even more so a monotheist. Moreover, in conducting the persecution *caesar* followed the instructions of his senior colleagues and carefully executed the first decree of August Diocletian. At the same time, in several regions under his rule the persecution became bloodier than it was stipulated.

Key words: Late Antiquity, Later Roman Empire, Tetrarchy, Constantius Chlorus, the Great Persecution, Constantine I.

About the author: Vedeshkin Mikhail Alexandrovich, PhD (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Institute for Social Sciences, RANEPA.

Contact information: 119334, Russia, Moscow, Leninsky av., 32a, Institute of General History, Russian Academy of Sciences; 119571, Russia, Moscow, Vernadskogo av., 82, Institute for Social Sciences, RANEPA, e-mail: balatar@mail.ru.

В христианских источниках, освещавших Великое гонение (303—313), образ отца Константина I — цезаря запада Констанция Хлора выгодно отличается от описания августов

* Статья поступила в номер 31 мая 2024 г.
Принята к печати 15 июня 2024 г.

© М.А. Ведешкин, 2024.

Диоклетиана, Макимиана Геркулия и цезаря востока Галерия. В этих трудах Констанций описывался веротерпимым и миролюбивым государем, который симпатизировал или даже покровительствовал христианам и не принимал никакого (или почти никакого) участия в гонениях, которые его соправители обрушили на последователей новой веры. Опираясь на эти свидетельства, многие поколения хронистов и агиографов были склонны представлять Констанция Хлора благочестивым императором, почти христианином, если не по имени, то по своим душевным качествам[1]. Впоследствии эта точка зрения укоренилась и в научной традиции. Вместе с тем, казалось бы, окончательно и бесповоротно закрепившиеся в историографии представления о симпатиях Констанция к христианству и его фактическом неучастии в гонении не столь неоспоримы, как может показаться на первый взгляд.

Один из самых распространенных аргумент в пользу того, что Констанций Хлор в целом был расположен к христианству, сводится к тому, что цезарь якобы симпатизировал последователям новой веры из-за того, что его первая жена (или конкубина)[2] Елена с детства исповедовала эту религию[3], о чем, в частности, сообщали Феодорит Киррский и пс. Геласий Кизикинский (Theod. HE. I.18.1; Gelas. Cyz. HE. III.6.1). Однако свидетельство Евсевия, согласно которому Елена приняла христианство под влиянием своего сына Константина (Euseb. V. Const. III.47), т.е. уже после 312 г., явно свидетельствуют против того что она исповедовала новую веру при жизни Констанция[4]. Даже если предположить, что лично знавший Елену[5] современник тех событий Евсевий ошибался, а церковные историки последующего столетия правы[6], религиозные предпочтения Елены едва ли могли сподвигнуть Констанция Хлора саботировать политику старших соправителей. Констанций покинул Елену не позднее 289 г.[7], то есть как минимум за четырнадцать лет до начала Великого гонения. Иными словами, совершенно неясно, каким образом Елена могла влиять на деятельность своего бывшего мужа (или сожителя). Едва ли Констанций мог осмелиться противодействовать решениям старшего августа из-за воспоминаний о женщине, с которой у него некогда была связь. В целом, нет никаких оснований считать, что супруги тетрархов как-либо влияли на их религиозную политику. К примеру, зафиксированные Лактанцием симпатии по отношению к христианству законной жены Диоклетиана Приски, а также их дочери и по совместительству супруги Галерия Валерии (Lact. De Mort. XV.1), не спасли живших в восточных провинций последователей новой веры от преследований.

Далее, следует обратиться к т.н. «казусу Анастасии» — одной из дочерей Констанция от второго брака (Anon. Val. I.5.14; Amm. XXVI.6.14). По мнению ряда исследователей, она носила явно «христианское» имя, что якобы свидетельствует о расположение ее отца к новой

---

[1] Труды Евсевия Кесарийского и Лактанция будут обсуждаться отдельно. В сочинении Геласия Кесарийского, Констанций предстает боголюбивым императором, превратившем свой домен в спокойную гавань для христиан (Gelas. Caes. fr. 4a, ed. Wallraff, Stutz, Marinides), а Сократ Схоластик и вовсе заявлял, что Констанций «оставил эллинское богослужение» (I.2). У Иоанна Эфесского именно Констанций Хлор, а не его сын Константин был обращен в христианство папой Сильвестром (Mich. Syr. Chron. VII.1, p. 241 ed. Chabot). Об этом известии, см. Дьяконов 1908: 195—199. Иоанн Никиусский сообщал, что в отличие от своих соправителей Констанций Хлор вовсе не преследовал последователей новой веры, защищал их святилища от надругательств и увещевал христиан молиться за него «Истинному Богу» (John. Nik. LVII.14—18). Cf. Sym. Mag. Chron. 87; Georg. Amart. Chron. IX.42; Zon. Chron. XII.32.619.

[2] Обсуждение проблемы формально-юридического статуса союза Елены и Констанция выходит за рамки этого исследования. Подробнее, см. Drijvers 1992: 17ff; Heinen 1998: 228; Миролюбов 2021: 107—111; Hillner 2023: 34ff.

[3] Couzard 1911: 10—12; Lebreton and Zeiller 1949: 1194; Рудоквас 2001: Гл. 1; Stephenson 2015: 3.

[4] Несмотря на то, что Евсевия нельзя заподозрить в беспристрастности, у «отца церковной истории» не было никаких мотивов замалчивать исконную приверженность матери августа христианству, если бы таковая действительно имела место. См. Aland 1960: 223.

[5] Drijvers 1992: 3.

[6] Как напр. в Elliott 1987: 422.

[7] О дате, см. Barnes 1982: 125—126; Nixon and Rodgers 1995: 71—72, n. 35; Williams 1997: 64; Leadbetter 1998: 74—77; Leadbetter 2010: 60—62; Barnes 2011: 35—42.

вере[8]. Вместе с тем представления о том, что это имя могло свидетельствовать о приверженности христианству выглядит не убедительно — в рассматриваемую эпоху оно использовалось не только христианами, но также иудеями[9] и даже язычниками. В частности, в IV в. некий Анастасий установил изваяние Геркулеса на Родосе (AE 1949, 234)[10]. Иными словами, оним «Анастасия/Анастасий» не имел явных религиозных коннотаций, и, следовательно, имя дочери Констанция не может рассматриваться в качестве аргумента в пользу его симпатий к христианству.

В качестве доказательства особого расположения Констанция Хлора к христианам подчас рассматривается и рассказ Евсевия о том, что новую веру исповедовало множество придворных цезаря запада (Eus. V. Const. I.16—17)[11]. Однако все тот же Евсевий и его современник Лактанций сообщали, что до начала Великого Гонения христиан привечали и при дворах других тетрархов. В частности, новую веру исповедовали сановники и члены свиты Диоклетиана (Lact. De mort. X.2—4; Euseb. HE. VIII.1.3), в том числе Дорофей, Горгоний и Петр (Euseb. HE. VIII.1.4; 6.3—5; 7), часть гвардии (Pass. Maximil. 2; Theon. Ep. ad Luc. 1), а также служившие при никомедийском дворе евнухи (Lact. De mort. XV.2), в том числе препозит священной опочивальни Лукиан (Theon. Ep. ad Luc)[12]. Как известно, это обстоятельство ничуть не помешало Диоклетиану развязать гонение.

Кроме того, в литературе встречается упоминание о том, что Констанций Хлор был «солярным монотеистом» и как таковой симпатизировал другой монотеистической религии — христианству[13]. Эти представления выводится из двух традиций. Первая восходит к Евсевию Кесарийскому, который в своей поздней работе «De Vita Constantini» сообщал о том, что отец его героя стремился «выражать любовь к Богу всего» (πρὸς τὸν ἐπὶ πάντων θεὸν φιλίαν ἐσπένδετο — V. Const. I.13), «весь свой дом, вместе с детьми, женой и домашними, посвящал одному Царю Богу, так что общество собравшегося в его дворце народа ничем не отличалось от Церкви Божьей» (παισὶ καὶ γαμετῇ σὺν οἰκετῶν θεραπείᾳ πάντα τὸν αὐτοῦ οἶκον ἑνὶ τῷ παμβασιλεῖ θεῷ καθιέρου, ὡς μηδὲν ἀποδεῖν ἐκκλησίας θεοῦ τὴν ἔνδον ἐν αὐτοῖς βασιλείοις συγκροτουμένην πληθύν - ibid. I.17) и «в свох делах полагался лишь на Бога-Спасителя» (ἐν πάσαις ταῖς ἑαυτοῦ πράξεσι τὸν σωτῆρα θεὸν ἐπικαλούμενος — ibid. II.49)[14].

Вторая традиция — пропаганда Константина I, с 310 и по 324 г. продвигавшая его связь с культом Аполлона и Sol Invictus. В панегирике, прочитанном в честь Константина в 310 г.[15], анонимный галльский ритор сообщал, что во время посещения одного из галльских храмов императору было видение Аполлона, пообещавшего ему власть над миром (Pan. Lat. VI (6).21). Примерно в то же время на монетных типах Константина появляется легенда, провозглашавшая его «спутником Солнца» (Soli Invicto comiti, e.g. RIC VII.1; 2; 3v; 4; 98)[16]. Свидетельством того,

[8] Alföldi 1948: 6; Vogt 1963: 43; Barnes 1981: 4; Elliott 1987: 421—422; Lane Fox 1988: 568—569; Elliot 2005: 21; Smith 1997c: 189; Smith 1997b: 200; Kulikowski 2016: 213; Миролюбов 2017: 91; Миролюбов 2020: 147, сн. 14; Demandt 2022: 198. Некоторые авторы допускают, что она могла взять новое имя после обращения в христианство под давлением своего брата Константина I. E.g. Lane Fox 1988: 569; Grünewald 1990: 81—82; Chausson 2002: 143; Jones 2014: 11—12.

[9] Ilan 2008: 212; Ilan 2012: 197.

[10] См. PLRE I: 59 (Anastasius 2).

[11] См. напр. Smith 1997b: 201.

[12] Впрочем, не исключено, что письмо Феоны Александрийского — единственный источник, упоминающий Лукиана, является позднейшей подделкой. Ссылки на литературу, см. в Bruce 1980: 137, n. 39.

[13] Maurice 1911: 382ff; Castritius 1969: 30; Baynes and Chadwick 1972: 7—8; Barnes 1981: 36—37; Digeser 2000: 127.

[14] Об этих сообщениях, см. Smith 1997a. Впоследствии эта концепция получила развитие у зависимых от Евсевия авторов церковных историй V—VI вв., которые подчас описывали Констанция Хлора как христианина. См. выше, сн. 1. Насколько мне известно, достоверность этих свидетельств признает один только Т.Г. Эллиот. См. Elliott 1987: 422—423.

[15] Панегирик традиционно датируется 310 г. (Nixon and Rodgers 1995: 212—213.; Шабага 1997: 25.).

[16] Подробнее об упоминающих Sol Invictus монетах Константина, см. Richardson 2021. В первые годы правления Константина его легитимность зиждилась на принадлежности к «династии Геркулиев». Пропаганда

что культ Аполлона — Sol Invictus был важен не только для Константина, но и для его отца — Констанция Хлора, в свою очередь обнаруживаются в трудах внука последнего — Юлиана Отступника, заявлявшего, что он является «рабом бога [Солнца] в третьем колене» (πρὸ τριγονίας ἀπὸ πολλῶν πάνυ προπατόρων ἐφεξῆς τῷ θεῷ δουλεῦσαι —Jul. Or. IV.131c)[17]. Основываясь на этих данных, некоторые исследователи выдвигали предположение, что Аполлон—Sol являлся официальным покровителем (conservator) цезаря Констанция Хлора (по аналогии с Диоклетианом-Иовием и Максимианом-Геркулием)[18].

Иными словами, представления о «солярном монотеизме» Констанция I выводятся из механистического соединения «евсевианской» традиции, в которой цезарь запада назван монотеистом и пропаганды Константина I, прославлявшей связь правящей династии с культом Аполлона — Sol Invictus. «Отец церковной истории» безо всякого смущения корректировал биографии Константина и его отца (см. ниже). Тезис о приверженности Констанция Хлора культу Аполлона — Sol Invictus также вызывает серьезные сомнения. В частности, солярные божества вовсе не упоминаются в панегириках в честь цезаря запада (Pan. Lat. VIII(3); IX(4)), что было бы странно в случае, если Констанций действительно был страстным почитателем Аполлона—Sol. Более того, как показал проведенный М.Д. Смитом анализ монетных типов Констанция, это божество не играло никакой особой роли в официальной пропаганде его режима: из пятидесяти семи монетных типов Констанция с религиозной тематикой, упоминания Sol встречаются только на пяти, что составляет 9% от общего числа[19]. При этом у Констанция было тридцать четыре монетных типа с упоминаниями Геркулеса (60%), считавшегося покровителем его названного отца августа Максимиана. В целом, это можно было бы списать на подчиненное положение цезаря запада по отношению к Максимиану Геркулию, однако и после того, как Констанций стал августом запада и получил полную свободу в выборе форм трансляции идеологии своего режима, ситуация не изменилась. За то время пока он являлся старшим членом императорской коллегии не было отчеканено ни одной монеты с упоминанием Sol[20]. Иными словами, представляется, что и монотеизм, и приверженность культу Аполлона—Sol были приписаны Констанцию «задним числом».

Впрочем, без обсуждения степени реального участия Констанция Хлора в проведении Великого гонения все вышеперечисленные доводы могут рассматриваться лишь в качестве косвенных свидетельств. В написанной ок. 338 г.[21] биографии первого христианского августа Евсевий Кесарийский полностью отводил от Констанция подозрения от участия в гонениях и восхвалял его как друга, покровителя и заступника христиан, который «лишь притворялся идолопоклонником», а на деле служил Единому богу (V. Const. I.13; 16—17). Приблизительно то же, правда уже без упоминания о мнимом язычестве Констанция,

---

идеологии тетрархии еще больше усилилась после того, как Константин взял в жены дочь Максимиана Геркулия Фаусту (Pan. Lat. VII (5).2.5). Мятеж и смерть Максимиана в 310 г., равно как и последовавшее осложнение отношений с его сыном Максенцием вынудило августа запада пересмотреть свою религиозную политику. Культ Геркулеса явно ассоциировался с династией Максимиана и более не подходил для пропаганды режима Константина. Заменой «неудобному» Геркулесу стал для Константина культ Аполлона—Sol. Тогда же было объявлено, что Константин, якобы, происходит от рода императора Клавдия II Готского (Pan Lat. VI (6).2). Иными словами, после 310 г. пропаганда Константина начинает формировать альтернативные способы легитимации его власти, основанные на божественном покровительстве Аполлона-Sol и фиктивной родственной связи с популярным императором III столетия. См. напр. Миролюбов 2021: 81—96.

[17] Видимо Юлиан искренне верил в разработанную его дядей пропагандистскую конструкцию. Ср. напр. с его заявлениями о том, что он является потомком Клавдия II (Jul. Or. I.6d; II.51c; Caes. 313d).

[18] Castritius 1969: 26; Hoffmann 1969: 173ff; Barnes 1981: 12; Corcoran 2012: 5.

[19] Для сравнения, у восточного коллеги Констанция — Галерия было, как минимум, пятнадцать монетных типов с упоминанием Sol (20%). См. Smith 1997b: 204; Smith 2000: 480.

[20] Smith 1997b: 205—506; Smith 2000: 484—485.

[21] Текст был составлен после провозглашения сыновей Константина августами 6 сентября 337 г. (cf. Cons. Const. a. 337 и Euseb. V. Const. IV.68) и до смерти самого Евсевия в мае 339 г. О дате, см. Barnes 1981: 263; 279.

Евсевий сообщал в составленных после 324 г. редакциях своей «Historia Ecclesiastica»[22]. В ней Константий прославлялся как благонравнейший государь, который «всю свою жизнь был... к Божественному учению очень расположен... он вовсе не участвовал в войне против нас, оберегал своих подданных христиан от вреда и обид, не разорял церквей и ничего иного против нас не придумывал» (τὸν πάντα βίον... θείῳ λόγῳ προσφιλέστατα διαθέμενος… καθ' ἡμῶν πολέμου μηδαμῶς ἐπικοινωνήσας, ἀλλὰ καὶ τοὺς ὑπ' αὐτὸν θεοσεβεῖς ἀβλαβεῖς καὶ ἀνεπηρεάστους φυλάξας καὶ μήτε τῶν ἐκκλησιῶν τοὺς οἴκους καθελὼν μήθ' ἕτερόν τι καθ' ἡμῶν καινουργήσας - HE. VIII.13.12—13, пер. СПбДА; cf. VIII.Supp.). Вместе с тем, в написанной в 311 г.[23] краткой версии «De Martyribus Palaestinae» тот же автор не только не упоминал о расположении Константия Хлора к последователям новой веры, но и de facto констатировал что на подконтрольных цезарю запада территориях гонения продолжались с 303 по 305 г.: «Галлия и Запад… не страдав от войны и в продолжение полных двух лет, весьма скоро удостоились Божьего смотрения и мира» (Γαλλία τε καὶ ὅσα κατὰ δυόμενον ἥλιον... οὐδ' ὅλοις ἔτεσιν δυσὶ τοῖς πρώτοις τοῦ διωγμοῦ τὸν πόλεμον ὑπομείναντα, ταχίστης ἠξιώθησαν ἐπισκοπῆς τε θεοῦ καὶ εἰρήνης — Mart. Pal. XIII).

Не сложно заметить, что по мере усиления позиций Константина Евсевий все явственнее приукрашивал личность Константия и его религиозную политику. Покуда Константин I был малоинтересным для Евсевия правителем далекого запада, историк лишь отмечал, что вскоре после обретения титула августа Константий I свернул гонения. После того, как Константин обрел единоличную власть над империей Евсевий начал создавать новый образ отца правящего государя — Константий превратился в благодетеля и покровителя христиан. Наконец, в своем панегирике уже покойному Константину он изображал его отца, Константия, почти христианским государем. Как видно, Евсевий был не только Отцом Церковной истории, но мастером исторического ретуширования.

Обратимся к Лактанцию, который в отличие от Евсевия не был уличен в правках своих произведений в угоду менявшейся политической конъюнктуре и в целом считается более надежным свидетелем, чем его восточный современник. Более того, на момент написания своего труда «De mortibus persecutorum» (ок. 314—321 г.)[24] Лактанций был учителем сына Константина (и, соответственно, внука Константия Хлора) Криспа. Следовательно, он находился при дворе и был достаточно хорошо осведомлен о галльских делах. В своем сочинении апологет сообщал, что «Константий, видимо, чтобы не противоречить приказам старших, допустил разрушение собраний (т. е. стен, которые можно восстановить), истинный же храм Божий, что находится внутри людей, оставил в целости» (Constantius, ne dissentire a maiorum praeceptis videretur , conventicula, id est parietes, qui restitui poterant, dirui passus est, verum autem dei templum, quod est in hominibus, incolume servavit — Lact. De Mort. XV.7, пер. М.В. Тюленева). Как видно, это сообщение Лактанция прямо противоречит позднейшим свидетельствам Евсевия, полностью отрицавшим саму возможность какого-либо участия Константия Хлора в гонениях. Впрочем, Лактанций все же пытался убедить своих читателей, что цезарь запада не допускал кровопролития и вообще проводил гонения лишь «для виду».

Евсевий и Лактанций писали на разных языках и в разных уголках империи. Вместе с тем есть нечто объединяющее эти тексты — все они были составлены уже после того, как сын и наследник Константия Хлора Константин I прекратил гонения, открыто поддержал христианство и стал кумиром для переживших преследования сторонников новой веры.

[22] Ранее считалось, что финальная (третья или четвертая) редакция этого текста была составлена в 324—325 гг., однако обнаружение сирийского перевода «Historia Ecclesiastica» в котором были опущены свидетельства о казненном в 326 г. сыне Константина Криспе, свидетельствует в пользу того, что Евсевий продолжил вносить правки в свой текст. См. Barnes 1980; Louth 1990; Burgess 1997: 483ff; Hollerich 2021: 30—32.

[23] О дате, см. Barnes 1980: 194—195.

[24] См. Barnes 1973: 39; Creed 1984: xxxiii—xxxv.

Иными словами, все названные авторы были весьма расположены к Константину и всячески превозносили его деяния. Отблески славы сына, очевидно, должны были осветить и его отца.

Вместе с тем позднейшая традиция сохранила имена ряда подданых Констанция Хлора пострадавших во время Великого Гонения. В частности, в составленной в конце V в. редакции «Martyrologium Hieronymianum»[25] упоминается о мученичестве Августия, епископа британского города Августа (Brittania civi. Auguria epc. et mar. — Mart. Hier. VII. Id. Feb.)[26]. Несмотря на то, что в списках мартиролога время смерти Августия не уточняется, авторы последующих поколений, как правило, причисляли его к числу жертв Диоклетианова гонения[27]. Некоторые сведения о преследованиях британских христиан сохранились в труде писавшего в середине VI в. Гильды: «Обитатели Британии приняли заповеди теплохладно, однако и их не обошли девятилетние гонения тирана Диоклетиана. Во время этих гонений по всему миру разрушались церкви, найденные рукописи святых писаний сжигались на улицах, а избранные пастыри Божьего стада сбивались вместе с их невинными овцами, чтобы и следа христианской веры нельзя было отыскать ни в одной из провинций. История церкви повествует о том, какое в ту пору было смятение, какая резня, какие казни всех возможных видов, какое падение отступников, какие славные венцы мучеников, какая бешеная ярость их палачей и, напротив, какое терпение святых»[28] (Gild. De Exc. 9, пер. В. В. Эрлихмана). Далее Гильда сообщал имена троих британских мучеников, а именно Албана Веруламского, а также Аарона и Юлия из города легионов, т. е. Эборака (Gild. De Exc. 9—12). Впрочем, дата мученичества Албана, Аарона и Юлия также вызывает споры[29]. Несмотря на то, что большинство исследователей признает сообщение Гильды о том, что они пострадали во времена Диоклетиана достоверными[30], некоторые авторы допускают, что описанные британским монахом события могли произойти во времена гонения Деция, Валериана[31] или даже Септимия Севера[32].

Что касается Галлии, то информация о местных мучениках времен Великого Гонения еще более туманна. Сохранились составленные не ранее конца IV в.[33] мученические акты пострадавших в гонение Диоклетиана и Максимиана братьев Донатиана и Рогациана из Намнеты (Act. SS. Mai V. 280—281)[34]. Кроме того, в агиографической литературе VII и последующих столетий встречаются упоминания, что в царствование Диоклетиана и Максимиана христиан Галлии преследовал «префект» Рикциовар или Рикций Вар. Среди его жертв позднейшие мартирологи упоминают свв. Валерия, Руфа, Квинтина, Криспина и др.

[25] Duchesne 1898.

[26] «Augusta, cui nunc Londini nomen» в «Мартирологе Узуарда» (PL CXXIII: col. 739).

[27] См. O'Hanlon 1875: vol. II, 387—390; Воскобойников, Попов 2000. Некоторые исследователи полагают, что мученичество Августа следует датировать первой половиной — серединой III в. Merrifield 1983: 210; Birley 1988: 152. Впрочем, единственным аргументом в пользу ранней датировки являются ссылки на все тех же Евсевия и Лактанция, которые, как было показано выше, пытались отвести от Констанция Хлора подозрения в участии в Великом Гонении.

[28] quae, licet ab incolis tepide suscepta sunt, apud quosdam tamen integre et alios minus usque and persecutionem dioceltiani tyranni nouennem, in qua subuersae per totum mundum sunt ecclesiae et cunctae sacrae scripturae, quae inueniri potuerunt, in plateis exustae et electi sacerdotes gregis domini cum innocentibus ouibus trucidati, ita ut ne uestgium quidem, si fieri potuisset, in nonnullis prouinciis christianae religionis appareret, permansere. tunc quantae fugae, quantae strages, quantae diuersarum mortium poenae, quantae apostatarum ruinae, quantae gloriosorum martyrum coronae, quanti persecutorum rabidi furores, quantae e contrario sanctorum patientiae fuere.

[29] Наиболее ранним свидетельством о почитании культа Албана является сообщение Констанция Лугдунского о паломничестве героя его агиографического труда Германа Осерского к могиле мученика в середине V в. (Const. V. Germ. XVI; XVIII). См. Thompson 1984: 55. Само сочинение агиографа датируется второй половиной — концом V в. См. Thompson 1984: 1, n. 1. Во второй половине следующего столетия о мученичестве Албана Британского упоминал Венанций Фортунат (Ven. Fort. Carm. VIII.4.155). Впрочем, эти авторы ничего не говорили о времени мученичества Албана.

[30] E.g. Болотов 1910: 151; Lydgate 1974: 40—42; Sharpe 2002; George 2009: 31—32; Speed 2014: 105.

[31] Thomas 1981: 47—48; Lambert 2010: 69.

[32] Morris 1968; Garcia 2010: 55. Ср. Frend 1965b: 527, n. 126; Barnes 2010: 307—312.

[33] Delanoue 1904: 11.

[34] Их культ существовал уже в V в. (Mart. Hier. VIII. Kl. Iun; Greg. Tur. De Gl. Mart. 59).

Несмотря на то, что в своем классической статье о мучениках «рикциоварова гонения» К. Жулльен признавала вероятность того, что свидетельства о преследовании христиан в Северной Галлии могут отражать реальные события конца III — начала IV в.[35], современные исследователи в целом довольно настороженно относятся к сведениям агиографического «цикла Рикциовара»[36]. По мнению ряда авторов, в северной Галлии Меровингской эпохи не хватало «своих» святых, что вынуждало местных агиографов выставлять мучениками представителей разгромленного в 280-х гг. движения мятежников-багаудов, в которых с VI в. подчас видели христиан[37]. Таким образом, свидетельства о британских и галльских мучениках Великого Гонения происходят из сравнительно поздних источников, достоверность которых вызывает серьезные сомнения.

Вместе с тем, под управлением цезаря Запада скорее всего находился еще один регион, а именно Испания. Следует оговориться о том, что, основываясь на сообщении Лактанция, рассказывавшего о том, что в рамках I тетрархии Констанций Хлор получил в управление Галлию и Британию, а Италия, Африка и Испания остались под властью Максимиана Геркулия (De mort. VIII.3), большинство исследователей считает, что с 293 по 305 г. Испанский диоцез не входила в домен цезаря Запада[38]. Традиционно считается, что испанские провинции перешли под власть Констанция лишь после принятия им титула августа в 305 г., то есть одновременно с прекращением гонения на западе. Вместе с тем ряд свидетельств позволяет пересмотреть эту, казалось бы, устоявшуюся схему. В частности, автор написанной ок. 325—330 г.[39] биографии Константина I Праксагор Афинский упоминал о том, что Констанций управлял Испанией с момента формирования тетрархии (Phot. Bibl. Cod. 62 [PG 103: 117—118, v.l. 84]). Впрочем, это сообщение Праксагора сохранилось лишь в достаточно туманном пересказе патриарха Фотия[40]. Однако, свидетельства о принадлежности испанского викариата Констанцию Хлору этим не ограничиваются. В написанном ок. 356—359 г.[41] панегирике в честь августа Констанция II, цезарь Юлиан, будущий Отступник, говорил о том, что в то время, когда Максимиан Геркулий царствовал над Римом, Италией, Ливией, Сицилией и Сардинией (т.е. до 305 г.), Констанций Хлор управлял: «воинственнейшими народами Галатии (т.е. Галлии), и западными иберами» (т.е. испанцами), и островами в Океане (т.е. Британией)» (ὅ γε μὴν τοῦ πατρὸς γεννήτωρ Γαλατίας ἔθνη τὰ μαχιμώτατα καὶ τοὺς Ἑσπερίους Ἴβηρας καὶ τὰς ἐντὸς Ὠκεανοῦ νήσους - Jul. Or. II.51d). Сообщение Юлиана достаточно однозначно. Его надежность подкрепляется тем обстоятельством, что его адресат Констанций II был внуком Констанция Хлора по отцу и внуком Максимиана Геркулия по матери, а автор, сам Юлиан — внуком Констанция по отцу и правнуком Максимиана по матери[42]. Думается, что и адресат, и автор речи были хорошо осведомлены о пределах владений их предков. Далее, ок. 358—360 гг.[43]. Аврелий Виктор писал, что при разделе провинций между Диоклетианом и его соправителями Констанцию достались «галльские земли, лежащие за Альпами» (quae trans Alpes Galliae sunt- Aur. Vict.

[35] Jullian 1923.

[36] Jones, Martindale, and Morris 1971: 766; Barnes 1982: 190; Meijns 2013: 116—128; Gaillard 2015: 210—211.

[37] Дмитриев 1940: 111; Van Dam 1985: 53—56; Shean 2010: 199—200.

[38] Christol and Sillières 1980: 75, n. 22; Barnes 1982: 13, 196—197; Corcoran 2000: 185; de Ste. Croix 2006: 95—96; Циркин 2010: 16; Clercq 1954: 120—123. Альтернативную точку зрения, см. в Williams 1899: 26; Koch 1916: 65, n. 1; Lydgate 1974: 41; Bruce 1980: 131; Князьский 2010: 44; Попов 2015: 349.

[39] Millar 1969: 15; Janiszewski 2006: 361—363; Smith 2007: 359—360.

[40] К тому же упоминание Испании в числе территорий, подвластных Констанцию, сохранилось не во всех рукописях «Μυροβίβλιον». Например, в издании Беккера приводится лишь «Κωνστάντιος Βρετανίας ἔβασίλευσε» (FHG IV.9: 2).

[41] Различные варианты датировки речи, см. в Drake 2012: 39.

[42] См. генеалогические таблицы династий Диоклетиана и II Флавиев в Jones, Martindale, and Morris 1971: 1128—1129. В ряде источников вторая жена Констанция Хлора и бабка Юлиана Феодора именуется не дочерью, но падчерицей Максимиана, что, впрочем, не принципиально для рассматриваемой темы. О проблемы родственных связей Максимиана и Феодоры, см. Barnes 1983: 33—34.

[43] О дате составление «De Caesaribus», см. Bird 1984: 10.

De Caes. 39.30). Можно предположить, что, составляя свой исторический труд Аврелий Виктор ориентировался на современное ему административное деление империи. В этом случае под упомянутыми «галльскими землями» должна подразумеваться вся территория префектуры Галлия, в состав которой в том числе входил и диоцез Испания. К этому можно прибавить данные Созомена, также упоминавшем о том, что в рамках I тетрархии Испания управлялась Констанцием (Soz. I.6). Иными словами, большинство источников IV—V вв., описывавших территориальное разделение империи в период I тетрархии, сходятся на том, что Испания находилась в сфере влияния Констанция не с 305 г., а с 293 г.[44].

Известия о пострадавших в эпоху тетрархов испанских мучениках сохранились в поэтическом цикле Пруденция «Peristephanon»[45]. В частности, в нем упоминается о страстях Эметерия и Хелидония (I), Евлалии Меридской (III), Винценция (V) и 18 мучеников цезаравгустанских (IV). Несмотря на жанровую ограниченность этого источника, в факте мученичество по меньшей мере некоторых из героев Пруденция сомневаться не приходится. В частности, Эметерия и Хелидония происходили из Калагурры — родного города Пруденция[46]. Сам поэт появился на свет спустя немногим более сорока лет после окончания гонения[47] и вполне мог получить информацию о событиях из уст очевидцев. Жертвой развернувшихся в Испании преследований также являлся епископ Осий Кордубский, вошедший в историю с титулом «исповедника»[48]. Несмотря на то, что Осий был долгожителем[49] на время его сознательной жизни выпало лишь одно гонение, а именно Великое Гонение Диоклетиана[50]. Таким образом, есть весомые основания считать, что по меньшей мере на части управляемых Констанцием территорий гонение было вовсе не таким «вегетарианским», как заявлял Лактанций.

Иными словами, гонения на христиан все же затронули владения Констанция Хлора. Однако, судя по всему, на территории вверенных попечению цезаря запада провинций мучеников было совсем немного. Для того, чтобы объяснить этот феномен следует обратиться к юридической базе Великого Гонения. Как известно правовой основой для преследования христиан стали четыре эдикта. Первый из них, опубликованный 24 февраля 303 г., предписывал

---

[44] Т. Барнс полагал, что приведенное Аврелием Виктором и Праксагором строгое четырехчастное территориальное разделение империи между тетрархами применимо лишь к положению 299—305 гг., что , впрочем, в данном контексте не принципиально (Barnes 1982: 196—197.). Вершителем судеб империи в любом случае оставался Диоклетиан. Он без всякого стеснения вмешивался в дела западных провинций, о чем, в частности, свидетельствует участие старшего августа в управлении формально подчиненной Максимиану Проконсульской Африкой. См. Epitome Codicis Hermogeniani 2 (FIRA^2 2.665); Mos. et Rom. legum collatio 15.3. Иными словами, даже август запада, соправитель и «брат» Диоклетиана Максимиан находился в подчиненном положении по отношению к восточному соправителю. Очевидно, что автономия цезарей, являвшихся младшими членами императорской коллегии, была еще более ограничена. К примеру, они были не вполне свободны от вмешательства августов даже при подборе своих придворных. См. Pan. Lat. IX(IV).6; комм. Nixon and Rodgers 1995: 158, n. 26; Corcoran 2000: 268—269. Этот взгляд на распределение властных полномочий в I тетрархии в целом подтверждается сообщениями Аврелия Виктора, Юлиана Отступника и Аммиана Марцеллина, представлявших Макимиана, Галерия и Констанция не более, чем покорными исполнителями воли Диоклетиана. См. Aur. Vict. De. Caes. XXXIX.29; 36; Jul. Caes. 315a—315b; Amm. XIV.10. Согласно концепции У.Л. Лэдбеттера, цезари и вовсе были лишь номинальными «коллегами» августов и «в действительности не обладали никакой независимой исполнительной властью» (Leadbetter 2010: 72—73.). Иными словами, Констанций Хлор едва ли имел возможность сколь-либо заметно корректировать деятельность чиновников на местах, в том числе и в проведении в жизнь религиозной политики августов.

[45] Прочие рассказы об испанских мученичествах эпохи Великого Гонения не достоверны. См. de Ste. Croix 2006: 56—57.

[46] См. Hershkowitz 2013: 19.

[47] Hershkowitz 2013: 19.

[48] Ссылки на источники, см. Clercq 1954: 130—131.

[49] По данным Сульпиция Севера, скончавшийся вскоре после 357 г. Осий прожил более ста лет (Sulp. Sev. Chron. II.40).

[50] Сам епископ, впрочем, связывал с его Масимианом Геркулием См. Athan. Hist. Ar. 44. В целом, обвинение Максимиана в проведении гонения весьма логично — он являлся августом Запада, и следовательно, именно он в итоге нес ответственность за проведение гонения.

разрушение молелен, сожжение книг, конфискацию богослужебной утвари, лишение христиан всех должностей и почестей, запрещал последователям новой веры выступать в суде, а также возвращал императорских вольноотпущенников-христиан в рабское состояние (Lact. De mort. XIII; Euseb. Mart. Pal. Praef.; Euseb. HE. VIII.2)[51]. Летом 303 г. был издан второй эдикт, согласно которому надлежало арестовать всех священнослужителей (Euseb. HE. VIII.2; VIII.6; Mart. Pal. Praef.)[52]. В ноябре 303 г. в честь двадцатилетия правления Диоклетиана была объявлена всеобщая амнистия (Euseb. Mart. Pal. II). Тогда же был издан третий эдикт, предписывавший понуждать томящихся в заключении клириков к хотя бы формальному жертвоприношению и освобождать поддавшихся (Euseb. HE. VIII.2; VIII.6)[53]. Наконец в 304 г. Диоклетиан и Галерий опубликовали четвертый эдикт, обязавший всех подданных совершить жертвоприношение (Euseb. Mart. Pal. III; Lact. De mort. XV)[54].

Как было показано Дж. де Сент-Круа в западной половине империи исполнялись лишь положения первого эдикта, не предписывавшего понуждать христиан к обязательному жертвоприношению[55]. Более того, по свидетельству Лактанция, в разъяснении к своему указу Диоклетиан «приказал, чтобы это предприятие было проведено без кровопролития» (eam rem sine sanguine transigi iuberet — Lact. De Mort. XI.8). Несмотря на то, что некоторые наместники излишне усердствовали в исполнении воли божественных августов и допускали умерщвление христиан[56], в подавляющем большинстве случаев, от действия этого закона постановления пострадали лишь те клирики и миряне, которые позволяли себе критиковать политику императоров, противодействовали закрытию церквей или же отказывались сдавать свои священные книги[57] и богослужебную утварь, иными словами, активно демонстрировали свое стремление обрести «мученический венец».

Как видно, при реализации политики своих старших соправителей Констанций I четко следовал духу и букве первого эдикта: разрушал здания христианских собраний и молелен, но старался избегать кровопролития (Lact. De mort. XV.7; Lact. De Mort. XI.8). Это конечно же не исключало вероятности того, что отдельные особо ретивые чиновники на местах (такие как, полулегендарный «Рикциовар» или же британский наместник, на которого Беда Достопочтенный возлагал ответственность за казнь Албана [Bed. HE. I.7])[58] могли проявлять излишнее усердие в истреблении последователей новой веры. Более того, представители знати того или иного города имели возможность поднять чернь на христианский погром или же донести властям на запрещенную деятельность общины последователей новой веры. Наконец, жаждавшие мученичества христиане могли спровоцировать власти на применение крутых мер[59]. Иными словами, во владениях Констанция Хлора почти наверняка были мученики.

Поскольку на западе преследования прекратились сразу после того, как Констанций стал августом, император явно не испытывал особой неприязни к христианам. При этом нет никаких оснований полагать, что он был «другом» последователей новой религии. По сведениям Евсевия, получив высшую власть, он лишь прекратил гонение (Mart. Pal. XIII). При этом новый август запада не возвратил находившимся под его властью христианским общинам

[51] Об эдикте от 23 февраля 303 года см.: Corcoran 2000: 179—181; de Ste. Croix 2006: 35—45; Clarke 2008: 650—651.
[52] Corcoran 2000: 181; Clarke 2008: 652—653.
[53] Corcoran 2000: 181—182; Clarke 2008: 867—869.
[54] Corcoran 2000: 182; Clarke 2008: 867—869.
[55] См. полемику де Сент-Круа с У.Х.К. Френдом (Frend 1965b: 205—503; Frend 1965a.) в de Ste. Croix 2006: 79—98.
[56] О том, что проведение гонения в конкретной провинции в значительной степени зависело от характера наместника, см. Lact, Div. Inst. V.11.
[57] При этом, согласно данным актам африканских мучеников, подчас представители власти вполне удовлетворялись выдачей *любых* книг или же заявлением христианских священнослужителей, что у них нет никаких Священных Писаний (см. напр.: Aug. C. Cresc. III.27.30; Brev. Coll. III.13.25; Act. Felix. 12—14; 24).
[58] Миролюбов 2023: 182.
[59] К примеру, некий никомедийский христианин (возможно, Иоанн или Эвентий [PO X.13]), публично надругался над императорским эдиктом, за что и был сожжен на костре (Lact. De mort. XIII; Euseb. HE. VIII.5). Ср. Euseb. Mart. Pal. II.

их экспроприированную указом от 24 февраля 303 г. собственность. Это было сделано лишь после того, как на престол вступил его сын Константин (Lact. Div. Inst. I.13; De Mort. XXIV.9). Иными словами, Констанций лишь предвосхитил т. н. «эдикт Галерия» 311 г.[60], не более того.

Начало благочестивой легенды о «добром царе» Констанции, который был заступником за христиан было положено еще в первые годы правления его сына. Уже в 313 г., обращаясь к новому августу запада Константину, африканские последователи новой веры ничтоже сумняшеся заявляли, что в домене его отца христиане были спасены от гонения: «Мы просим тебя, наилучший император Константин, ведь что ты происходишь из праведного рода, ведь твой отец, в отличие от других императоров, не проводил гонения и была от них защищена Галлия» (rogamus te, Constantine optime imperator — quoniam de genere iusto es, cuius pater inter ceteros imperatores persecutionem non exercuit et ab hoc facinore inmunis est Gallia — Opt. I.22, пер. М.В.). Как видно — это свидетельство противоречит и раннему свидетельству Евсевия (Mart. Pal. XIII), и рассказу Лактанция (Lact. De Mort. XV.7), и позднейшим сообщениям об испанских мучениках и исповедниках. Иными словами, всего лишь через год после того, как власть Константина распространилась на Африку, местные христиане начали транслировать «официальную» версию истории Великого гонения, в которой не было места Констанцию.

Как видно, представления о Констанции Хлоре как «друге христиан», который вовсе не был вовлечен в Великое гонение, не выдерживают критики. Цезарь четко придерживался инструкций своих старших коллег и аккуратно исполнял предписания первого указа августа Диоклетиана. При этом, в ряде регионов, находившихся под его управлением (прежде всего в Испании) гонения даже приобрели более кровавый характер, чем было предусмотрено. Все позднейшие рассказы о каком-то особом благорасположении Констанция к последователям новой веры строятся на домыслах и допущениях или же являются продуктом пропаганды его сына Константина I. На Констанция не влияла его «благочестивая супруга» Елена, он не называл дочь «христианским» именем, не был поклонником культа Аполлона—Sol и тем более монотеистом. Судя по всему, новый образ Констанция Хлора был сознательно сконструирован придворными панегиристами его сына. Впоследствии, он был еще более приукрашен новыми поколениями христианских авторов, не жалевшими пышных славословий в адрес отца первого последователя новой веры на троне Римской империи.

Литература

Болотов В.В. 1910. *Лекции по Истории Древней Церкви*. Т. II. *История церкви в период до Константина Великого.* Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева.

Воскобойников О.С., Попов И.Н. 2000. Авгул. *Православная энциклопедия.* Т. I. Москва: Православная энциклопедия, 90.

Дмитриев А. Д. 1940. Движение багаудов. *ВДИ* 3—4, 101—114.

Дьяконов А.П. 1908. *Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды*. Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума.

Князьский И.О. 2010. *Император Диоклетиан и закат античного мира*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Миролюбов И.А. 2017. Анастасия, сестра Константина Великого, в контексте его династической политики. *ПИФК* 3/57, 90—98.

Миролюбов И.А. 2021. *Династическая политика императора Константина Великого*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Попов И.Н. 2015. Констанций Хлор. *Православная энциклопедия*. Т. XXXVII. Москва: Православная энциклопедия, 349—351.

Рудоквас А.Д. 2001. *Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого*. Санкт-Петербург: Центр антиковедения СПбГУ.

Циркин Ю.Б. 2010. *Испания от античности к Средневековью*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.

[60] Ср. Lact. De mort. XXXIII—XXXV; Euseb. HE. VIII.17. См. Keresztes 1983: 390ff; Corcoran 2000: 186—187.

Шабага И.Ю. 1997. *Славься, Император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия*. Москва: Московский университет.
Aland K. 1960. Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins. In: *Kirchengeschichtliche Entwürfe: alte Kirche, Reformation und Luthertum, Pietismus und Erweckungsbewegung*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 202—239.
Alföldi A. 1948. *The Conversion of Constantine and Pagan Rome*. Oxford: Clarendon Press.
Barnes T.D. 1973. Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29—46.
Barnes T.D. 1980. The Editions of Eusebius' Ecclesiastical History. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 21/2, 191—201.
Barnes T.D. 1981. *Constantine and Eusebius*. London: Harvard University Press.
Barnes T.D. 1982. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press.
Barnes T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: Mohr Siebeck.
Barnes T.D. 2011. *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Chichester, West Sussex, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell.
Baynes N.H, Chadwick H. 1972. *Constantine the Great and the Christian Church*. London: British Academy.
Bird H.W. 1984. *Sextus Aurelius Victor: A Historiographical Study*. Liverpool: Francis Cairns.
Birley A. 1988. *The People of Roman Britain*. London: Batsford Ltd.
Bruce L.D. 1980. A Note on Christian Libraries during the "Great Persecution," 303—305 A.D. *The Journal of Library History (1974—1987)* 15/2, 127—137.
Burgess R.W. 1997. The Dates and Editions of Eusebius' Chronici canones and Historia ecclesiastica. *The Journal of Theological Studies* 48/2, 471—504.
Castritius H. 1969. *Studien zu Maximinus Daia*. Kallmünz: M. Lassleben.
Chausson F. 2002. Une sœur de Constantin: Anastasia. In: Carrie J.-M., Testa R.L. (éds.). *"Humana Sapit". Études d'Antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini*. Turnhout, Brepols, 131—155.
Christol M., Sillières P. 1980. Constantin et la péninsule ibérique: à propos d'un nouveau milliaire. *Revue des Études Anciennes* 82/1, 70—80.
Clarke G. 2008. Third-century Christinity. In: Bowman A., Garnsey P., Cameron Av. (eds.). *The Cambridge Ancient History: The Crisis of Empire, A.D. 193—337*. Cambridge: Cambridge University Press, 589—671.
Clercq V.C. de. 1954. *Ossius of Cordova, a Contribution to the History of the Constantinian Period*. Washington, D.C.: Catholic University of California Press.
Corcoran S. 2000. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284—324*. New York: Clarendon Press.
Corcoran S. 2012. Grappling with the Hydra: Co-ordination and Conflict in the Management of Tetrarchie Succession. In: Bonamente G., Lenski N., Lizzi Testa R. (eds.). *Costantino prima e dopo Costantino*. Bari: Edipuglia, 3—16.
Couzard R. 1911. *Sainte Hélène, d'après l'histoire et la tradition*. Paris: Bloud & cie.
Creed J.L. 1984. *Lactantius. De mortibus persecutorum*. Oxford; New York: Clarendon Press.
Delanoue A. (Abbé) A. du texte. 1904. *Saint Donatien et saint Rogatien de Nantes*. Nantes: Dugas & Cie, Impremus.
Demandt A. 2022. *Diokletian: Kaiser zweier Zeiten*. München: C.H. Beck.
Digeser E.D. 2000. *The Making of a Christian Empire: Lactantius & Rome*. Ithaca; London: Cornell University Press.
Drake H.A. 2012. 'But I digress ...': rhetoric and propaganda in Julian's second oration to Constantius. In: Baker-Brian N., Tougher S. (eds.). *Emperor and author. The writings of Julian the Apostate*. Swansea: Classical Press of Wales, 35—46.
Drijvers J.W. 1992. *Helena Augusta: the mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross*. Leiden; New York: Brill.
Duchesne L. 1898. A propos du Martyrologe Hiéronymien. *Analecta Bollandiana* 17, 421—447.
Elliot T.G. 2005. *Christianity of Constantine the Great*. Scranton, PA: Bronx, NY: University of Scranton Press.
Elliott T.G. 1987. Constantine's Conversion: Do We Really Need It? *Phoenix* 41/4, 420—438.
Frend W.H. 1965. *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford: Basil Blackwell.
Frend W.H.C. 1965. A Note on the Great Persecution in the West. *Studies in Church History* 2, 141—148.
Gaillard M. 2015. Un «cycle» hagiographique du haut Moyen Âge en Gaule septentrionale: le «cycle des martyrs de Rictiovar». *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France* 2013/1, 210—213.
Garcia M.M. 2010. Saint Alban and the Cult of Saints in Late Antique Britain. Thèse de doctorat. Leeds.
George K. 2009. *Gildas's De excidio Britonum and the early British church*. Woodbridge: Boydell Press.
Grünewald T. 1990. *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Heinen H. 1998. Konstantins Mutter Helena: de stercore ad regnum. *Trierer Zeitschrift: für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete* 61, 227—240.
Hershkowitz P. 2013. *Prudentius, Poetry and Hispania*. PhD thesis. Birkbeck: University of London.
Hillner J. 2023. *Helena Augusta: Mother of the Empire*. New York: Oxford University Press.
Hoffmann D. 1969. *Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia dignitatum*. Düsseldorf: Rheinland-Verlag.
Hollerich M. 2021. *Making Christian History: Eusebius of Caesarea and His Readers*. Oakland, California: University of California Press.
Janiszewski P. 2006. *The Missing Link: Greek Pagan Historiography in the Second Half of the Third Century and in the Fourth Century*. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology.
Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. *A.D. 260—395*. Cambridge: Cambridge University Press.
Jones C.P. 2014. *Between Pagan and Christian*. Cambridge: Harvard University Press.
Jullian C. 1923. Questions hagiographiques: le cycle de Rictiovar. *Revue des Études Anciennes* 25/4, 367—378.
Keresztes P. 1983. From the Great Persecution to the Peace of Galerius. *Vigiliae Christianae* 37/4, 379—399.
Koch H. 1916. Die Zeit des Konzils von Elvira. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 17/1, 61—67.
Kulikowski P.M. 2016. *Imperial Triumph: The Roman World from Hadrian to Constantine*. London: Profile Books.
Lambert M. 2010. *Christians and Pagans: The Conversion of Britain from Alban to Bede*. New Haven: Yale University Press.
Lane Fox R.L. 1988. *Pagans and Christians*. San Francisco: HarperCollins.
Leadbetter B. 1998. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. In: Lieu S.N.C., Montserrat D. (eds.). *Constantine. History, Historiography and Legend*. London; New York: Routledge: 74—85.
Leadbetter W.L. 2010. *Galerius and the Will of Diocletian*. London; New York, NY: Routledge.
Lebreton J., Zeiller J. 1949. *The History of the Primitive Church: The Church in the Third Century*. New York: Burns, Oates & Washbourne.
Louth A. 1990. The Date of Eusebius' Historia ecclesiastica. *The Journal of Theological Studies* 41/1, 111—123.
Lydgate J. 1974. *The life of Saint Alban and Saint Amphibal*. Leiden: Brill.
Maurice J. 1911. La Dynastie Solaire des Seconds Fiaviens. *Revue Archéologique* 17, 377—406.
Meijns B. 2013. Martyrs, Relics and Holy Places: The Christianization of the Countryside in the Archdiocese of Rheims during the Merovingian Period. In: Steel C., Marenbon J., Verbeke W. (eds.). *Paganism in the Middle Ages: Threat and Fascination*. Leuven: Leuven University Press.
Merrifield R. 1983. *London: City of the Romans*. London: B.T. Batsford Ltd.
Millar F. 1969. P. Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions. *The Journal of Roman Studies* 59½, 12—29.
Morris J. 1968. The Date of Saint Alban. *Hertfordshire archaeology* 1, 1—8.
Nixon C.E.V., Rodgers B.S. 1995. *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyric Latini*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.
O'Hanlon J. 1875. *Lives of the Irish Saints: with Special Festivals, and the Commemorations of Holy Persons compiled from Calenfars, Martyrologies and Various Sources relating to The Ancient Church History of Ireland*. Dublin: James Duffy and Sons.
Richardson G.T. 2021. Constantine's SOLI INVICTO COMITI Coinage: Theme and Variations. *KOINON: The International Journal of Classical Numismatic Studies* 4, 128—153.
Sharpe R. 2002. Martyrs and Local Saints in Late Antique Britain. In: Thacker A., Sharpe R. (eds.). *Local Saints and Local Churches in the Early Medieval West*. Oxford; New York: Oxford University Press, 75—154.
Shean J.F. 2010. *Soldiering for God: Christianity and the Roman Army*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers.
Smith M.D. 1997. Eusebius and the Religion of Constantius I. *Studia Patristica* XXXIII: 133—140.
Smith M.D. 1997. The Religion of Constantius I. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 38/2, 187—208.
Smith M.D. 2000. The Religious Coinage of Constantius I. *Byzantion* 70/2, 474—490.
Smith R.B.E. 2007. A Lost Historian of Alexander "Descended from Alexander", and read by Julian? Praxagoras of Athens Reviewed in the Light of Attic Epigraphy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 56/3, 356—380.
Smith R.R.R. 1997. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century. *Journal of Roman Studies* 87, 170—202.
Speed G. 2014. *Towns in the Dark: Urban Transformations from Late Roman Britain to Anglo-Saxon England*. Oxford: Archaeopress Archaeology.
Ste. Croix G. de. 2006. *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.
Stephenson P. 2015. *Constantine: Roman Emperor, Christian Victor*. London: Abrams Press.
Thomas C.C. 1981. *Christianity in Roman Britain to Ad 500*. Berkeley: University of California Press.

Thompson E.A. 1984. *Saint Germanus of Auxerre and the End of Roman Britain*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press.
Van Dam R. 1985. *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley: University of California Press.
Vogt J. 1963. Pagans and Christians in the Family of Constantine the Great. In: Momigliano A. (ed.). *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century.* Oxford: Clarendon Press, 38—55.
Williams H. 1899. *Gildas: The Ruin of Britain, Fragments from Lost Letters, The Penitential together with The Lorica of Gildas*. London: The Honourable Society of Cymmrodorion.
Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York: Routledge.

References

Bolotov, V.V. 1910. *Lektsii po Istorii Drevney Tserkvi (Lectures on the History of the Ancient Church)*. Vol. II. *Istoriya tserkvi v period do Konstantina Velikogo (History of the Church in the Period before Constantine the Great)*. Saint Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva (in Russian).
Voskoboynikov, O.S., Popov, I.N. 2000. *Pravoslavnaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)*. Vol. I. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 90 (in Russian).
Dmitriyev, A. D. 1940. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3—4, 101—114 (in Russian).
D'yakonov, A.P. 1908. *Ioann Efesskiy i ego tserkovno-istoricheskiye trudy (John of Ephesus and His Church-Historical Works)*. Saint Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma (in Russian).
Knyaz'skiy, I.O. 2010. *Imperator Diokletian i zakat antichnogo mira (Emperor Diocletian and the Decline of the Ancient World)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
Mirolyubov, I.A. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture*) 3/57, 90—98 (in Russian).
Mirolyubov, I.A. 2021. *Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo (Dynastic policy of Emperor Constantine the Great)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
Popov, I.N. 2015. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)*. Vol. XXXVII. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 349—351 (in Russian).
Rudokvas, A.D. 2001. *Ocherki religioznoy politiki Rimskoy imperii vremeni imperatora Konstantina Velikogo (Essays on the religious policy of the Roman Empire during the time of Emperor Constantine the Great)*. Saint Petersburg: Tsentr antikovedeniya SPbGU (in Russian).
Tsirkin, Yu.B. 2010. *Ispaniya ot antichnosti k Srednevekov'yu (Spain from Antiquity to the Middle Ages)*. Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya (in Russian).
Shabaga, I.Yu. 1997. *Slav'sya, Imperator! Latinskiye panegiriki ot Diokletiana do Feodosiya (Glory to the Emperor! Latin Panegyrics from Diocletian to Theodosius)*. Moscow: Moskovskiy universitet (in Russian).
Aland, K. 1960. Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins. In: *Kirchengeschichtliche Entwürfe: alte Kirche, Reformation und Luthertum, Pietismus und Erweckungsbewegung*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 202—239.
Alföldi, A. 1948. *The Conversion of Constantine and Pagan Rome*. Oxford: Clarendon Press.
Barnes, T.D. 1973. Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29—46.
Barnes, T.D. 1980. The Editions of Eusebius' Ecclesiastical History. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 21/2, 191—201.
Barnes, T.D. 1981. *Constantine and Eusebius*. London: Harvard University Press.
Barnes, T.D. 1982. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press.
Barnes, T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: Mohr Siebeck.
Barnes, T.D. 2011. *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Chichester, West Sussex, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell.
Baynes, N.H, Chadwick, H. 1972. *Constantine the Great and the Christian Church*. London: British Academy.
Bird, H.W. 1984. *Sextus Aurelius Victor: A Historiographical Study*. Liverpool: Francis Cairns.
Birley, A. 1988. *The People of Roman Britain*. London: Batsford Ltd.
Bruce, L.D. 1980. A Note on Christian Libraries during the "Great Persecution," 303—305 A.D. *The Journal of Library History (1974—1987)* 15/2, 127—137.
Burgess, R.W. 1997. The Dates and Editions of Eusebius' Chronici canones and Historia ecclesiastica. *The Journal of Theological Studies* 48/2, 471—504.
Castritius, H. 1969. *Studien zu Maximinus Daia*. Kallmünz: M. Lassleben.
Chausson, F. 2002. Une sœur de Constantin: Anastasia. In: Carrie, J.-M., Testa, R.L. (éds.). *"Humana Sapit". Études d'Antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini*. Turnhout, Brepols, 131—155.

Christol, M., Sillières, P. 1980. Constantin et la péninsule ibérique: à propos d'un nouveau milliaire. *Revue des Études Anciennes* 82/1, 70—80.
Clarke, G. 2008. Third-century Christinity. In: Bowman, A., Garnsey, P., Cameron, Av. (eds.). *The Cambridge Ancient History: The Crisis of Empire, A.D. 193—337*. Cambridge: Cambridge University Press, 589—671.
Clercq, V.C. de. 1954. *Ossius of Cordova, a Contribution to the History of the Constantinian Period*. Washington, D.C.: Catholic University of California Press.
Corcoran, S. 2000. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284—324*. New York: Clarendon Press.
Corcoran, S. 2012. Grappling with the Hydra: Co-ordination and Conflict in the Management of Tetrarchie Succession. In: Bonamente, G., Lenski, N., Lizzi Testa, R. (eds.). *Costantino prima e dopo Costantino*. Bari: Edipuglia, 3—16.
Couzard, R. 1911. *Sainte Hélène, d'après l'histoire et la tradition*. Paris: Bloud & cie.
Creed, J.L. 1984. *Lactantius. De mortibus persecutorum*. Oxford; New York: Clarendon Press.
Delanoue, A. (Abbé) A. du texte. 1904. *Saint Donatien et saint Rogatien de Nantes*. Nantes: Dugas & Cie, Impremus.
Demandt, A. 2022. *Diokletian: Kaiser zweier Zeiten*. München: C.H. Beck.
Digeser, E.D. 2000. *The Making of a Christian Empire: Lactantius & Rome*. Ithaca; London: Cornell University Press.
Drake, H.A. 2012. 'But I digress ...': rhetoric and propaganda in Julian's second oration to Constantius. In: Baker-Brian N., Tougher S. (eds.). *Emperor and author. The writings of Julian the Apostate*. Swansea: Classical Press of Wales, 35—46.
Drijvers, J.W. 1992. *Helena Augusta: the mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross*. Leiden; New York: Brill.
Duchesne, L. 1898. A propos du Martyrologe Hiéronymien. *Analecta Bollandiana* 17, 421—447.
Elliot, T.G. 2005. *Christianity of Constantine the Great*. Scranton, PA: Bronx, NY: University of Scranton Press.
Elliott, T.G. 1987. Constantine's Conversion: Do We Really Need It? *Phoenix* 41/4, 420—438.
Frend, W.H. 1965. *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford: Basil Blackwell.
Frend, W.H.C. 1965. A Note on the Great Persecution in the West. *Studies in Church History* 2, 141—148.
Gaillard, M. 2015. Un «cycle» hagiographique du haut Moyen Âge en Gaule septentrionale: le «cycle des martyrs de Rictiovar». *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France* 2013/1, 210—213.
Garcia, M.M. 2010. Saint Alban and the Cult of Saints in Late Antique Britain. Thèse de doctorat. Leeds.
George, K. 2009. *Gildas's De excidio Britonum and the early British church*. Woodbridge: Boydell Press.
Grünewald, T. 1990. *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
Heinen, H. 1998. Konstantins Mutter Helena: de stercore ad regnum. *Trierer Zeitschrift: für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete* 61, 227—240.
Hershkowitz, P. 2013. *Prudentius, Poetry and Hispania*. PhD thesis. Birkbeck: University of London.
Hillner, J. 2023. *Helena Augusta: Mother of the Empire*. New York: Oxford University Press.
Hoffmann, D. 1969. *Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia dignitatum*. Düsseldorf: Rheinland-Verlag.
Hollerich, M. 2021. *Making Christian History: Eusebius of Caesarea and His Readers*. Oakland, California: University of California Press.
Janiszewski, P. 2006. *The Missing Link: Greek Pagan Historiography in the Second Half of the Third Century and in the Fourth Century*. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology.
Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. *A.D. 260—395*. Cambridge: Cambridge University Press.
Jones, C.P. 2014. *Between Pagan and Christian*. Cambridge: Harvard University Press.
Jullian, C. 1923. Questions hagiographiques: le cycle de Rictiovar. *Revue des Études Anciennes* 25/4, 367—378.
Keresztes, P. 1983. From the Great Persecution to the Peace of Galerius. *Vigiliae Christianae* 37/4, 379—399.
Koch, H. 1916. Die Zeit des Konzils von Elvira. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 17/1, 61—67.
Kulikowski, P.M. 2016. *Imperial Triumph: The Roman World from Hadrian to Constantine*. London: Profile Books.
Lambert, M. 2010. *Christians and Pagans: The Conversion of Britain from Alban to Bede*. New Haven: Yale University Press.
Lane Fox, R.L. 1988. *Pagans and Christians*. San Francisco: HarperCollins.
Leadbetter, B. 1998. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. In: Lieu S.N.C., Montserrat D. (eds.). *Constantine. History, Historiography and Legend*. London; New York: Routledge: 74—85.
Leadbetter, W.L. 2010. *Galerius and the Will of Diocletian*. London; New York, NY: Routledge.

Lebreton, J., Zeiller, J. 1949. *The History of the Primitive Church: The Church in the Third Century.* New York: Burns, Oates & Washbourne.
Louth, A. 1990. The Date of Eusebius' Historia ecclesiastica. *The Journal of Theological Studies* 41/1, 111—123.
Lydgate, J. 1974. *The life of Saint Alban and Saint Amphibal*. Leiden: Brill.
Maurice, J. 1911. La Dynastie Solaire des Seconds Fiaviens. *Revue Archéologique* 17, 377—406.
Meijns, B. 2013. Martyrs, Relics and Holy Places: The Christianization of the Countryside in the Archdiocese of Rheims during the Merovingian Period. In: Steel, C., Marenbon, J., Verbeke, W. (eds.). *Paganism in the Middle Ages: Threat and Fascination*. Leuven: Leuven University Press.
Merrifield, R. 1983. *London: City of the Romans*. London: B.T. Batsford Ltd.
Millar, F. 1969. P. Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions. *The Journal of Roman Studies* 59½, 12—29.
Morris, J. 1968. The Date of Saint Alban. *Hertfordshire archaeology* 1, 1—8.
Nixon, C.E.V., Rodgers B.S. 1995. *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyric Latini.* Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.
O'Hanlon, J. 1875. *Lives of the Irish Saints: with Special Festivals, and the Commemorations of Holy Persons compiled from Calenfars, Martyrologies and Various Sources relating to The Ancient Church History of Ireland*. Dublin: James Duffy and Sons.
Richardson, G.T. 2021. Constantine's SOLI INVICTO COMITI Coinage: Theme and Variations. *KOINON: The International Journal of Classical Numismatic Studies* 4, 128—153.
Sharpe, R. 2002. Martyrs and Local Saints in Late Antique Britain. In: Thacker, A., Sharpe, R. (eds.). *Local Saints and Local Churches in the Early Medieval West*. Oxford; New York: Oxford University Press, 75—154.
Shean, J.F. 2010. *Soldiering for God: Christianity and the Roman Army*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers.
Smith, M.D. 1997. Eusebius and the Religion of Constantius I. *Studia Patristica* XXXIII: 133—140.
Smith, M.D. 1997. The Religion of Constantius I. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 38/2, 187—208.
Smith, M.D. 2000. The Religious Coinage of Constantius I. *Byzantion* 70/2, 474—490.
Smith, R.B.E. 2007. A Lost Historian of Alexander "Descended from Alexander", and read by Julian? Praxagoras of Athens Reviewed in the Light of Attic Epigraphy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 56/3, 356—380.
Smith, R.R.R. 1997. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century. *Journal of Roman Studies* 87, 170—202.
Speed, G. 2014. *Towns in the Dark: Urban Transformations from Late Roman Britain to Anglo-Saxon England*. Oxford: Archaeopress Archaeology.
Ste. Croix, G. de. 2006. *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. New York: Oxford University Press.
Stephenson, P. 2015. *Constantine: Roman Emperor, Christian Victor*. London: Abrams Press.
Thomas, C.C. 1981. *Christianity in Roman Britain to Ad 500*. Berkeley: University of California Press.
Thompson, E.A. 1984. *Saint Germanus of Auxerre and the End of Roman Britain*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press.
Van Dam, R. 1985. *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley: University of California Press.
Vogt, J. 1963. Pagans and Christians in the Family of Constantine the Great. In: Momigliano, A. (ed.). *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century.* Oxford: Clarendon Press, 38—55.
Williams, H. 1899. *Gildas: The Ruin of Britain, Fragments from Lost Letters, The Penitential together with The Lorica of Gildas*. London: The Honourable Society of Cymmrodorion.
Williams, S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York: Routledge.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.19.85.027

Arkadi Akopov, Hasmik Matikyan, Armen Hayrapetyan

THE PRINCIPALITY OF TAYK IN THE CONTEXT OF THE REGIONAL POLICY OF THE BYZANTINE EMPIRE DURING THE REIGN OF BASIL II*

During the reign of Emperor Basil II, the Byzantine Empire intensified its policy of expansion in the eastern direction, thereby creating the prerequisites for the capture of new territories. The purpose of this paper is to demonstrate and highlight the significant role of the Principality of Tayk in the context of this policy, and also to illustrate the diplomatic success of the Byzantine Empire in the capture of Tayk. The Principality of Tayk reached its apogee during the reign of David Kuropalates Bagratid. As a consequence of the latter's heirless state, King Bagrat III of Georgia was designated the successor to Tayk. As a result of Basil II's astute and forward-thinking policies, the territory of the Tayk principality was first expanded, and subsequently, Bagrat III was deprived of his inheritance. In the end, Basil II was declared the heir of the Tayk principality. Despite the efforts of the Georgian establishment, Tayk was annexed to the Byzantine Empire at the end of Basil II's reign.

Key words: Byzantine Empire, David Kuropalates, Armenia, Georgia, Bagratids, Bardas Skleros, Bardas Phokas, Gagik I, Bagrat III.

About the authors: Akopov Arkadi[1], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Matikyan Hasmik[2], Candidate of Sciences (Philology), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Hayrapetyan Armen[3], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

Contact information: [1-3]3115, Armenia, Gyumri, 5a Vazgen Sargsyan St., Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, e-mail: [1]arkadone1@gmail.com, [2]hasvrej@mail.ru, [3]armenani@mail.ru.

А.А. Акопов, А.Г. Матикян, А.С. Айрапетян

КНЯЖЕСТВО ТАЙК В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ II

В период правления императора Василия II Византийская империя активизировала политику экспансии в восточном направлении, создавая тем самым предпосылки для захвата новых территорий. Цель данной статьи — показать роль княжества Тайк в контексте этой политики и проиллюстрировать дипломатические успехи Византийской империи в захвате Тайка. Княжество Тайк достигло своего апогея во время правления Давида Куропалата Багратида. Вследствие бездетности последнего, преемником Тайка был назначен грузинский царь Баграт III. В результате дальновидной и прозорливой политики Василия II сначала была расширена территория Тайкского княжества, а затем Баграт III был лишен наследства. В итоге наследником Тайкского княжества был объявлен Василий II. Несмотря на усилия грузинского истеблишмента, в конце правления Василия II Тайк был присоединен к Византийской империи.

Ключевые слова: Византийская империя, Давид Куропалат, Армения, Грузия, Багратиды, Бардас Склерос, Бардас Фокас, Гагик I, Баграт III.

---

* The work was supported by the Science Committee of RA, in the frames of the research project № 21T-2A292.

Статья поступила в номер 11 марта 2024 г.
Принята к печати 21 марта 2024 г.

© Arkadi Akopov, Hasmik Matikyan, Armen Hayrapetyan, 2024.

Сведения об авторах: Акопов Аркадий Артемович[1], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Матикян Асмик Гамлетовна[2], кандидат филологических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Айрапетян Армен Сергоевич[3], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения.

Контактная информация: [1-3]3115, Армения, г. Гюмри, ул. Вазгена Саргсяна, д. 5а, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения, e-mail: [1]arkadone1@gmail.com, [2]hasvrej@mail.ru, [3]armenani@mail.ru.

Introduction

The Tayk region is situated on the south-eastern coast of the Black Sea, also known as the XIV Ashkharh of Great Armenia. Following the Anti-Arab uprising of 774—775, the region underwent a significant transformation. During this period, the Bagratids, a noble family with familial ties to the previous rulers, the Mamikonians, assumed control of the region. Ashot Msaker (Meat-eater) Bagratid, a prominent figure of the Bagratid dynasty, established himself in Chakq (a district within Tayk located near the village of Ishkhanats). In the early 9th century, Ashot Meat-eater Bagratid constructed the formidable fortress of Kaghamakhi, which testifies to his power.

The Bagratids ascended to power in Kgharjq, which was situated to the north from Tayk. Over the course of the 9th to 10th centuries, the principality gradually expanded its territories. In the 10th century, the Principality of the Tayk Bagratids shared borders with the Kaysiks' (Marwanids) emirates and the Vanand district of Ayrarat in the south and southeast. To the northeast, the principality of the Tayk Bagratids was bordered by Georgia and the Byzantine Empire to the northwest. This expansion of power also resulted in the incorporation of some Georgian provinces, such as Meskheti, which contributed to the formation of a principality characterized by a diverse and mixed population (Tashyan 1921: 70).

During this period, the Bagratids of Tayk consolidated their position as a powerful state, strategically positioned between various neighboring entities. The principality's dynamic expansion and diverse population served to highlight its significance in the geopolitical landscape of the time.

The Rise of Tayk's Principality

During the 10th century, the Armenian and Georgian kingdoms had strong ties and close collaboration with the Tayk Principality. Tayk was of considerable strategic importance for both Byzantium and the South Caucasian countries, and was endowed with considerable local authority. This authority of the Tayk Principality reached its zenith under the rule of David Kuropalates (960s — 1001). Armenian historians, including Asoghik, Aristakes of Lastiver, and Matthew of Edessa, and Georgian chroniclers, glorified David Kuropalates for his notable achievements. Aristakes of Lastiver depicted him as a person of commanding presence, generous yet modest in his material wealth, and a true arbiter of peace (Aristakes of Lastiver 1912: 3). Matthew of Edessa further elaborated, describing David Kuropalates as a holy figure of God endowed with divine love (Matthew of Edessa 1898: 36). Georgian chroniclers regarded him as a benevolent and peaceful individual who supported monks, sponsored the construction of churches, and engaged in philanthropy (Tsulaya 1982: 57). According to Georgian chroniclers, David Kuropalates was a staunch advocate of the "united Georgian kingdom". This is evidenced by the fact that, having embraced the Chalcedonian faith, David Kuropalates considered himself a Georgian by religion (Nazaryan et al 2023: 741).

However, it is noteworthy that within the field of Georgian historiography, there exists an alternative perspective. Some scholars posit that chroniclers may have exaggerated Tayk's role, particularly under David Kuropalates, in the establishment of a unified Georgian state (Melikishvili 1973).

According to Georgian historical sources, in 975, Ivane Maroushis-dze — the eristavi (prince) of Kartli, was subjected to oppression by the lords of Kakheti. In response, he dispatched an envoy to David Kuropalates. As a diplomatic gesture, Ivane Maroushis-dze proposed that David would bring his forces to Kartli to govern it by himself or to pass it on to Bagrat — the son of Gourgen (the ruler of the northern part of Tayk) and Gurandukht — the daughter of the King of Abkhazia (Tsulaya 1982: 57).

David Kuropalates accepted Ivane Maroushis-Dze's proposal and established his authority over the central region of Kartli, specifically Uplistsikhe. David designated Bagrat as his successor with authority over Kartli, as he was heirless. He compelled the people of Kartli to recognise Bagrat as "the heir of Tao (Tayk), Kartli, and Abkhazia" (Kartlis tskhovreba 1955: 274), thereby consolidating Bagrat's position of authority.

These historical events, as outlined in Georgian records, are regarded as pivotal in the establishment of the unified Georgian state. In his historical analysis, I. Javakhishvili attributes the formation of the unified Georgian state to these events, marking a crucial chapter in the region's history (Javakhishvili 1960: 123—124). David Kuropalat developed his own imperial project, which was anti-Byzantine and pro-Bagratids. This is evident in almost all of his political actions up to 990 (Vinogradov, Kosourov 2019: 35).

In the late 970s, the Byzantine Empire encountered significant challenges. During the early years of Basil II Porphyrogenitus' (976—1025) reign, a rebellion led by Bardas Skleros, a prominent figure representing the Minor Asian nobility, erupted against him. Skleros was able to garner considerable support, which resulted in a significant portion of the empire's troops and almost all of Minor Asia being drawn into the revolt. In response to this challenge, the imperial authority mobilised all available resources to suppress the uprising. Meanwhile, the Arab emirates capitalised on the Empire's vulnerable position. During this pivotal period, the Marwanid emir Bat seized Manazkert.

In order to suppress the rebellion, Basil II requested the assistance of David Kuropalates. The noble Tornikios (Ioannis) Tornikian played an enormous role in the formation of this alliance(Asoghik 1885: 192). In return for David's support, Basil II promised him new territories, including Khaldoyarich, Klesura, Chormayri, Karin, Basen (Phasiane), the province of Mardali (or Sevuk Castle), Hark, and Apahunik (Asoghik 1885: 192), which would remain under his control until his death. David accepted the offer and, under the guidance of Lord Jojik and Tornikios Tornikian, dispatched a formidable military force of 12,000 troops in 979 to assist the imperial army. Tayk was a relatively minor power to have a military force of 12,000 troops. However, David Kuropalates demonstrated considerable diplomatic skills, enabling him to support the empire through his interactions with the Armenian and Georgian troops.

During the Battle of the Halis on the Saravane field, this military unit played a vital role. The engagement resulted in a significant defeat for Skleros' army, thereby demonstrating the efficacy of the alliance between Basil II and David in suppressing the revolt and maintaining stability on the Byzantine Empire's eastern frontier.

During Skleros' revolt, Basil II was confronted with considerable difficulties, yet he adopted a diplomatic approach that was characterized by nuance. The areas granted to David in recognition of his assistance were selected with a view to their strategic value. Some, such as Hark and Apahuniq, were not directly under Basil II's control. It is noteworthy that Khaldoyarich and Chormayri were possessions of the Tornikians, which added a layer of complexity to the territorial arrangements.

Despite the transfer of these territories, David discovered that Byzantium was unable to cede any land to Tayk at that precise moment. This was due to the fact that Hark and Apahuniq were not within Basil II's immediate jurisdiction. Although Khaldoyarich and Chormayri were under the control of the Tornikians, David primarily gained control over neighboring territories lying southward towards Tayk, including Karin and Basen (Stepanenko 1973: 221).

Basil II's policy was characterized by a strategic approach, indicating that Byzantium retained the potential to gain these lands in the future. Supposably David Kuropalates did not initially fully consider the complexities of Byzantine "compensation". However, he soon realised that, in exchange for his services, he held more of a right to occupy the rewarded areas than definitive ownership.

It was not until 990 that Hark and Apahuniq were officially transferred to David Kuropalates. During the siege of Manazkert, "Armenian Kuropalates David successfully occupied the region and resettled it with Georgians and Armenians" (Asoghik 1885: 266). This event marked a significant shift in the region's territorial dynamics.

Geopolitical Redistributions in the South Caucasus

During the 980s, a conflict arose within the Byzantine Empire between opposing factions. David Kuropalates allied himself with Bardas Phokas, a prominent figure from the Minor Asian nobility who was opposed to the empire. The Kuropalates supported Phokas due to their close relationship, which had developed during Phokas' tenure as the "Khaldian duke" (Skylitzis 1979: 64). David's personal connection with Phokas was a key factor in his decision to join forces with him.

Nevertheless, the alliance was not solely based on personal relationships. David Kuropalates felt betrayed, as he had not received the compensation promised by Basil II for almost a decade. The opportunity presented itself for David to seek revenge, particularly given that Basil II's diminished influence over Tayk's ruler had compromised his capacity to make prudent decisions.

At the same time, relations between Davit Kuropalates and Bagrat III (975—1014) deteriorated. According to Georgian chroniclers, the cause was that Rati Baghvashi, one of the rulers of Kartli, disobeyed Bagrat, who held the title of "King of United Georgia". In response, the Georgian king entered Kartli with the intention of capturing Rati Baghvashi, further escalating tensions between Davit Kuropalates and Bagrat III. In 988, tensions between Bagrat III and David Kuropalates led to a major conflict. Rati Baghvashi sought David's help, claiming that the real intention of Bagrat III was to eliminate Tayk's ruler (Tsulaya 1982: 59). According to M. Lordkipanidze, historical sources suggest that Rati Baghvashi, who conveyed this information, did not fabricate the threat and that the invasion was in fact directed against David Kuropalates.

In 988, as the situation escalated, an open confrontation took place. David, who was in a precarious position, sought help from King Smbat and "all the kings" of Armenia, including those of Kars, Vaspurakan, Syunik and the ruler of Caucasian Albania. They joined forces and gathered in the village of Dlivek in Javakheti.

The clash between the troops of David Kuropalates and Gourgen — the father of Bagrat III, took place at Gardatkhrili — on the border between Tayk and Shavshat. Gourgen's forces suffered a major defeat in this encounter. Bagrat III approached David after the defeat, explaining that his primary goal had been to punish Rati. He presented the conflict between him and David as a misunderstanding.

It is unclear whether David believed Bagrat III's explanation, but he released his forces upon hearing it. However, in exchange for granting freedom, David required Bagrat III to relinquish Sakureti Castle in Javaghq and surrender it to the Armenian king Smbat (Melkonyan 2003: 50).

Bagrat III's decision to invade David Kuropalates may appear unusual at first glance. David, an elderly figure, was set to eventually transfer his territories to Bagrat III, which raises questions about the motive behind such aggressive actions. This could be attributed to Bagrat's ambitious aspirations and the perceived vulnerability of David, possibly exacerbated by the latter's involvement in the Phokas revolt (Lordkipanidze 1974: 50). However, there is a speculative circumstance that is not explicitly mentioned in early sources but provides a logical explanation for Bagrat's actions. It is plausible that Bagrat's actions against David Kuropalates were orchestrated by Basil II, the Byzantine Emperor. It is possible that Basil II, who was in a serious state and seeking help from the Kievian Rus, extended his reach to Bagrat with a specific request (Lordkipanidze 1974: 50). This hypothesis proposes that Bagrat III's military actions were not solely motivated by personal ambition, but may have been influenced by a strategic alliance or

agreement with Basil II. If this hypothesis is indeed true, it could provide insight into the reasons behind the presence of Bagrat and his father Gourgen at Basil II's court following the death of David Kuropalates in 1001. The honours bestowed upon them for their previous services can be viewed in the context of their demonstrated loyalty and assistance to the Byzantine Emperor.

Following the defeat of Phokas by Basil II, David Kuropalates found himself in a challenging position. He was compelled to seek reconciliation and thus approached Basil II, expressing remorse, pledging obedience and submission. In response, Basil II demonstrated his diplomatic skills by granting David Kuropalates the right to occupy Hark and Apahuniq, which allowed the principality to expand its borders.

Basil II demonstrated a strategic understanding of the situation through his diplomatic manoeuvre. He permitted David to expand his territory, but on the condition that David Kuropalates would be willing to cede Tayk to the empire. This stipulation was predicated on the fact that David lacked a direct successor, as he was heirless. The relationship between David Kuropalates and the potential heir, Bagrat III, was characterized by a certain degree of tension, which presented an opportunity for Basil II to intervene.

This illustrates Basil II's astute diplomatic acumen. The Byzantine Empire achieved two significant outcomes: firstly, it eliminated Bagrat III as a real contender, and secondly, it solidified its rights over Tayk. This diplomatic manoeuvre may be seen to have manipulated the conflict between Bagrat and David, thereby demonstrating Basil II's ability to navigate complex political situations and to secure advantageous outcomes for the Byzantine Empire.

Following the demise of Armenian king Smbat II in 990, a close inter-allied relationship rapidly emerged between the ruler of Tayk and the newly-crowned king of Armenia — Gagik I. This alliance was founded upon their shared opposition to their common adversary, the Arabian Caliphate.

In the same year, discontent arose among the Arab population who had been displaced from Manazkert. This discontent was further exacerbated by the occupation of Manazkert by David Kuropalates. During the period of unrest, Atropatena's emir Mamlan exploited the situation to present himself as a protector of the Arabian elements in Armenia. He deployed his military forces against David, leading his army to the district of Tsaghkotn. Nevertheless, upon becoming aware of the numerical superiority of David Kuropalates and Gagik I, Mamlan's forces withdrew from Armenia during the night (Leo 1947: 626—627).

David Kuropalates was aware that upon his death, Byzantium without shedding a drop of blood could potentially gain control over all the territories he had acquired through many long-term wars. Despite this awareness, he sought to negotiate and alter some of the terms outlined in the forced peace treaty agreement imposed upon him after the defeat of Phokas. David Kuropalates demonstrated a strategic mindset and commitment to safeguarding the interests of his principality by navigating diplomatic challenges.

The clear fact that Bagrat and Gourgen would not be the heirs of David Kuropalates became evident around 987—988, resulting in minimal contact between David and his former heirs during this period. In this context of diplomacy, Gagik I emerged as a potential heir to David's territories, given the strong allied bonds between them and the Principality of Tayk, which primarily consisted of Armenian lands.

Under the spectrum of the prevailing political and military circumstances, Bagrat III demonstrated a willingness to align with the endeavours of David and Gagik, potentially influenced by directives from Basil II. This decision could prove advantageous for Bagrat in a number of ways: a) He could actively participate in the initiatives led by Tayk's ruler and the Armenian king, b)This would enhance his international standing, c) As a Georgian king, he could gain closer insight into the inner workings of Armenian and Tayk's rulers, d) Bagrat may have the opportunity to repair relations with the ruler of Tayk and potentially reclaim the position of direct heir, e) in case of necessity, Bagrat could prevent any actions taken by Gagik I and David Kuropalates towards him.

In the winter of 997, David Kuropalates implemented an active military policy and sent troops to invade Khlat. However, this campaign resulted in defeat for David. Subsequently, Arab emirates

attempted to regain territories previously taken from the Marwanids, with Apahuniq being a primary target. However, in 998, the joint forces of Tayk, Armenian, and Georgian powers defeated the Arab forces led by Atropatena's emir Mamlan, near Tsumb village, preventing their attempt to reclaim the territories.

The issue of the succession of David Kuropalates in the first quarter of the 11th century

According to Asoghik, David Kuropalates died during the Easter day of the Armenian year 449, specifically on 31 March 1001. Aristakes of Lastiver and Matthew of Edessa posit that Georgian archbishop Illarion played a controversial role in David's demise. Their sources allege that Illarion mixed poison into the liturgy eucharist, which David consumed. When the poison proved ineffective, Illarion was said to have strangled David on the day of Good Thursday (Aristakes of Lastiver 1912: 3). As a consequence of his actions, Illarion faced punishment from Basil II (Mattew of Edessa 1898: 38).

The demise of David Kuropalates has prompted investigations into the individuals who may have benefited from his demise. As previously indicated in early sources, Kuropalates was already of mature age, which could have provided a motive for those seeking to eliminate him. However, historical records do not provide complete information on the circumstances of his death, leaving room for speculation.

One potential scenario is related to the intricate political manoeuvring orchestrated by Basil II during Bardas Skleros' rebellion in the 970s. The relationship between the Armenian king and David Kuropalates in the 990s may have constituted an obstacle to Basil II's plans for Tayk. Following the demise of Tayk's sovereign, it is conceivable that Basil II may have sought a "legal" means to procure the territories, thus circumventing protracted and potentially intricate scenarios.

In this context, the Georgian archbishop Illarion could have been a mere instrument or a witness, possibly used to execute or cover up the act. If one were to posit that David Kuropalates' demise was intended to further a political agenda, Illarion's involvement could be viewed as a means to an end, whether as an active participant or a figure manipulated for that purpose. Academician Bartikyan is also a proponent of this standpoint, considering that the death of David Kuropalates was accelerated by the Byzantians that longed for invading Tayk (Bartikyan 1970: 81—92).

Following the death of David Kuropalates, Basil II undertook a visit to Armenia, during which he visited the newly achieved territories of Hark, Apahuniq, and Tayk. During this visit, Basil II proceeded to take possession of several districts, fortresses, and towns. In the Ekeghian district, the local population greeted him with enthusiasm. Bagrat III and his father Gourgen presented themselves to the Emperor. In recognition of their status, Basil II bestowed upon Gourgen the rank of magistres and conferred upon Bagrat III the title of kuropalates (Sumbat Davitis-dze 1979: 57).

It is also possible that David abandoned his intention to leave Tayk to the empire and chose a new heir. It is not excluded that David Kuropalates made a new will in favour of Armenian king. This hypothesis is confirmed not only by the good relations between Tayk and the Armenian rulers, but also by the fact that at the end of his reign the history of the "Copper City" David Kuropalates financed the translation from Arabic into Armenian. This arrangement also posed a threat to Bagrat III's interests. He had made a deal with Basil II during the revolt of Phokas, resulting in the loss of the monopoly on the heir of Tayk. Consequently, Bagrat would be disinclined to relinquish his last opportunity to secure his "piece" from Tayk, which was directly related to the transfer of Tayk to Byzantium.

As part of the territorial arrangement, a portion of David Kuropalates' areas was granted to Bagrat III "for use until death". However, in the winter of 1001—1002, Gourgen attempted to seize additional parts of Tayk from Byzantium, dissatisfied with the unfair share of Kuropalates' heritage. Gourgen's military actions in Tayk were met with considerable resistance from the town of Ughtik. In response, Basil II dispatched Nikephoras Kanikles to confront Gourgen. Subsequently, negotiations were held, during which the Byzantine side eventually agreed to Gourgen's territorial demands. This resulted in the expansion of his areas at the expense of David's former territories

(Takayshvili 1952: 63). Nevertheless, the precise delineation of the surrendered territories remained a challenge due to the inherent difficulty in distinguishing between the lands of David and Gourgen.

The sources indicate that Gagik I did not participate in the division of the territories of David Kuropalates. The reason for Gagik's absence is not explicitly stated in historical records. The reasons for Gagik I's reluctance to visit Basil II remain unclear. One possible explanation for his absence is that he was reluctant to adopt the titles of "kuropalates" or "magistres" which were accepted by Bagrat III and Gourgen. Alternatively, there may have been other factors at play. In 1001, Gagik I was involved in pressuring the rebellion of David Anhoghin (Landless), the king of Tashir-Dzoraget.

The political manoeuvring and territorial requisition of the Tayk Principality had a significant impact on the future of the South Caucasus. The alliance between David's Principality and Gagik I was regarded as a significant factor in resisting Byzantium's, the emirates of South-Western Armenia and Atropatena expansionary policies.

Following the death of Gourgen in 1008, the territories of David Kuropalates, including Tayk, were transferred to Bagrat III. Following the latter's passing in 1014, Giorgi I (1014—1027), Bagrat's son, was required by Basil II to return the domains that had been granted to his father for everlasting usage. Giorgi I, "who was proud of his upbringing, asserted that he would not relinquish any of his father's properties, including a single house" (Aristakes of Lastiver 1912: 7). Naturally, Basil II found this response challenging, but the astute emperor was not in a hurry to resolve the matter.

The reason for this was that the wife of Giorgi I, who was the sister of Gagik I and the daughter of King Sennacherim of Vaspurakan, had a strong ally in the Armenian king Gagik I, with whom he was also related by kinship (Stepanenko 2003: 267). One of the primary reasons Basil II delayed assuming control of Kuropalates's inheritance was the influance of king Gagik. However, upon the demise of Gagik I in 1021, the emperor redirected his armies towards the East, prioritising the succession disputes pertaining to Vaspurakan and David Kuropalates.

A contingent of Byzantine troops has established a camp on the field of Karin. The envoys dispatched by the emperor to demand allegiance from the Georgian king returned from their mission with no success. Furthermore, the town of Ughtik and its surrounding lands have been pillaged and devastated by Giorgi's troops, who have not inflicted any physical harm upon the local population (Aristakes of Lastiver 1912: 12). The army of Georgi I subsequently withdrew from Ughtik to Kogh (Kola) and then to Vanand. With the assistance of his military forces, the emperor successfully locates and overcomes the Georgian monarch in 1022, in the vicinity of the Shghpa location in Arsharunik — near Paghakatsis (Childir) lake. The Georgian monarch requests peace, but in exchange, he surrenders his three-year-old son Bagrat to the Byzantine Empire, surrenders 14 castles to Byzantium, and gives over David Kuropalates' holdings in Tayk, Javakhk, Ardahan, and Basen (Tsulaya 1982: 63).

Following the conflict in 1022, a distinct administrative territory within the Tayk — the Iberia region – was established in the Byzantine Empire (Arutyunova 1972: 91—102). The subsequent logical step for the Byzantine Empire was to incorporate the entirety of the Georgian kingdom into its domain. Another possible explanation is that the monarch of Georgia declined Basil II's request to draft a will that favoured Byzantium.

In the succession conflict that ensued following the demise of Gagik I, Giorgi advocated on behalf of Crown Prince Hovhannes-Smbat. He provided military supplies to the Georgian king in exchange for Giorgi's support during the conflict for the Armenian Crown, which coincided with the war between Georgia and Byzantium for Tayk and had a detrimental impact on Bagratid's kingdom of Ani.

As a result of Georgia's military defeat, king of Armenia Hovhannes-Smbat was forced to concede the capital Ani to Byzantium, thus confirming the demise of Ani's Bagratuni kingdom. Towards the end of December 1021, Catholicos Petros Getadardz, the Armenian king's envoy, visited Basil II in Trebizond. The emperor's wishes were carried out during the discussions. The same strategy that had been adopted at the outset of Basil II's Eastern strategy was also endorsed. In return for his compliance, Hovhannes-Smbat was bestowed with the titles of Master and

Permanent Archon of Ani and Mets Hayk. The Armenian king designated the emperor as his successor of his own volition, as he was without heirs, thereby justifying this point of agreement (Leo 1947: 673—674).

As a consequence of the fifty-year policy pursued by Basil II, the Byzantine Empire not only inherited David Kuropalates' estates with minimal effort, but it also successfully established the foundation for the subsequent and successful annexation of Ani — the capital of Bagratuni Armenia, to the empire in 1045.

Conclusion

From the latter part of the 10th century onwards, the Byzantine Empire pursued a more active foreign policy in the South-Eastern Black Sea region. The plan of annexing Armenia to the Byzantine Empire was consistently pursued by the emperors, most notably by Basil II. One of the most significant elements of this strategy was the incorporation of the Principality of Tayk, which would reinforce the eastern frontier of the empire. David Kuropalates Bagratid established a principality that extended beyond the geographical limits of Tayk. Having secured the support of Basil II, David Kuropalates proceeded to conquer neighbouring territories, reaching as far as Hark, Apahunik and Manazkert. As David Kuropalates had no children, he designated Bagrat III, the first king of unified Georgia, as his successor. Geopolitical events and the cunning policy of Basil II resulted in Bagrat being disinherited and Tayk being bequeathed by David Kuropalates to the Byzantine Empire. Among the potential successors to the Tayk principality was the Armenian king Gagik I. However, he did not participate in the division of Tayk following the death of David Kuropalates, as he was preoccupied with suppressing internal unrest. The final annexation of Tayk to the Byzantine Empire occurred following the demise of Gagik I in 1022. During his 50-year reign, Basil II not only expanded his territories at the expense of Armenian principalities, but also prepared the legal basis for the annexation of the kingdom of Ani to the Byzantine Empire, which was successfully implemented in 1045.

References

Adonts, N. 2002. Davit Kyurapagat (David Kuropalates). *Historical and Philological journal* 3, 3—37 (in Armenian).

Akopov A. 2013. *Tayq. varchajhoghovrdagrakan patkery' XVI daric XIX dari I eresnamyaky' (Tayk: Administrative and Demographic Picture from the XVI Century till the First Third of the XIX Century)*. Yerevan: Publ. of Institute of History NAS RA (in Armenian).

Nazaryan et al. 2023: Nazaryan, L., Nahatakyan, D., Hayrapetyan, A., Muradyan, H., Matikyan, H., Akopov, A., 2023. The spread of Chalcedonism in Tayk and its influence on the formation of the historical and cultural environment. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 736—744.

Aristakes of Lastiver. 1912. *Patmut'yun (History)*. Tiflis: Aghaneants' printing house (in Armenian).

Arutyunova, V. 1972. Iz istorii severovostochnyh pogranichnyh oblastey Vizantiyskoy imperii v 11-om veke (From the history of the north-eastern border regions of the Byzantine Empire in the 11th century). *Historical and Philologic journal* 1, 91—102 (in Russian).

Asoghik, S.T. 1885. *Patmut'yun tiezerakan (Universal History)*. Saint Petersburg: Typography of I. Skorokhodov (in Armenian).

Bartikyan, H. 1970. Hayastani nvachumy Byuzandakan kaysrut'yan koghmits' (Conquest of Armenia by the Byzantine Empire). *Historical and Philological journal* 2, 81—92 (in Armenian).

Javakhishvili, I. 1960. *Kartveli eris ist'oria (The history of the Georgian nation)*. Bk. 2. Tbilisi: Mecniereba (in Georgian).

Kartlis tskhovreba. 1955. (Kartli's life). Vol. 1. Tbilisi: Mecniereba (in Georgian).

Leo. 1947. *Hayots patmut'yun (History of Armenia)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Lordkipanidze, M. 1974. *Istoriya Gruzii XI — nachalo XIII veka: nauchno-populyarnyy ocherk (History of Georgia XI — beginning of XIII century: popular science essay).* Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Matthew of Edessa. 1898. *Zhamanakagrut'yun (Chronology).* Vagharshapat: Mother See of Holy Etchmiadzin (in Armenian).

Melikishvili, G. 1973. *Peodaluri sakartvelos p'olit'ik'uri gaertianeba da sakartveloshi peodalur urtiertobata ganvitarebis zogierti sak'itkhi (Political union of feudal Georgia and some issues of development of feudal relations in Georgia).* Tbilisi: Mecniereba (in Georgian).

Melkonyan, A. 2003. *Javakhk'y 19-rd darum yev 20-rd dari arrajin k'arrordin (Javakhk in the 19th Century and the First Quarter of the 20th Century).* Yerevan: Zangak-97 publication (in Armenian).

Skylitzis, I. 1979. *O'tar aghbyurnery' Hayastani ev hayeri masin, h. 10, Byuzandakan aghbyurner, III, t'argmanut'youny' bnagric, ar'ajabany' ev c'anot'agrut'yunnery' H. Bart'ikyani (Foreign sources about Armenia and Armenians, vol. 10, Byzantine sources, III, translation from the original, preface and notes by H. Bartikyan).* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Stepanenko, V. 1973. Apahunik v vizantiysko-taoskikh otnosheniyakh v period myatezha Vardy Sklira (976–979) (Apahunik in Byzantine-Tao relations during the rebellion of Bardas Skleros (976—979)). *Antichnaya Drevnost' i Srednie Veka* 10, 221—224 (in Russian).

Stepanenko, V. 2003. Eshhe raz o gruzinskom posol'stve v Ani v 1045 g. (k geneologii gruzinskih i armjanskih Bagratidov i Arcrunidov Vaspurakana) (Once again about the Georgian embassy to Ani in 1045 (to the geneology of the Georgian and Armenian Bagratids and Artsrunids of Vaspurakan)). *Antichnaya Drevnost' i Srednie Veka* 34, 265—274 (in Russian).

Sumbat, Davitis-dze. 1979. *Istoriya i povestvovanie o Bagrationah. Perevod, vvedenie i primechaniya M.D. Lordkipanidze (History and Narrative of the Bagrationes. Translation, introduction and notes by M.D. Lordkipanidze).* Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Takayshvili, E. 1952. *Arheologicheskaja ekspediciya v juzhnye provincii Gruzii 1917 goda (Archaeological expedition to the southern provinces of Georgia in 1917).* Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Tashyan, H. 1921. *Hay bnakch'ut'iwny Sev tsoven minch'ev Karin (The Armenian population from the Black Sea to Karin).* Vienna: Mkhitarians publication (in Armenian).

Tsulaya, G. 1982. *Letopis' Kartli (Chronicle of Kartli).* Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Vinogradov, A., Kosourov, D. 2019. Kto ob'edinil Gruziyu? David Kuropalat, Abhazskoe carstvo i Vizantiyskaja imperiya (Who United Georgia? David III Kouropalates, The Kingdom of Abkhazia, and the Byzantine Empire). *Antichnaya Drevnost' i Srednie Veka* 47, 29—49 (in Russian).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.95.42.028

Ю.В. Селезнев

«МОНГОЛЬСКИЙ/ОРДЫНСКИЙ ФАКТОР» В МЕЖКНЯЖЕСКИХ УСОБИЦАХ НА РУСИ В 1238—1300 ГГ.*

Степень вовлеченности русских земель в политическую культуру Монгольской империи определяется в том числе по количеству внутренних политических противоречий, устраняемых военной силой. Решительное вмешательство в их развитие или пресечение показывает степень суверенитета того или иного правителя на подвластных территориях. В историографии сформулированы оценочные характеристики вопроса. Если Н.М. Карамзин считает, что роль Орды была определяющей, то С.М. Соловьев отмечает, что ханы никак не влияли на политические процессы на Руси. Последующая историография развивает точку зрения Н.М. Карамзина: В.А. Кучкин указывает, что Орда часто прямо и опосредованно воздействовала на формирование территорий княжеств Руси; Л.Н. Гумилев констатирует, что русские князья для победы в усобицах активно призывали ордынские контингенты. Одной из задач исследования является выявление всех усобиц в русских княжествах в период с 1238 г. до 1300 г., с момента завоевания Руси до переноса митрополичьей кафедры из Киева во Владимир, а целью исследования — уяснение степени влияния включения Руси в систему политических отношений кочевой империи на междоусобные войны. Основой исследования стали данные русских летописей, выстраивающиеся в вербальную модель, которая представляет собой систему, способную так замещать объект познания, что ее изучение дает новое знание об объекте познания. В конечном счете, перед нами предстает картина влияния ордынской власти на междоусобные войны. Включение русских княжеств в политическую систему Орды значительно повлияло на формы и способы борьбы за власть на Руси, на количество и результаты междоусобных столкновений в русских княжествах.

Ключевые слова: Монгольская империя, Джучиев Улус, Орда, Русь, междоусобицы, русско-ордынские отношения, XIII в.

Сведения об авторе: Селезнев Юрий Васильевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1, Воронежский государственный университет, e-mail: orda1359@mail.ru.

Yu.V. Seleznev

“MONGOL/HORDE FACTOR” IN INTER-PRINCELY FEUDS IN RUSSIA IN 1238—1300

The degree of involvement of Russian lands in the political culture of the Mongol Empire is determined, among other things, by the number of internal political contradictions eliminated by military force. A decisive intervention in their development (even to the point of suppression) may reveal the degree of sovereignty of a particular ruler in the territories under his control. Historiography formulates the evaluative characteristics of the issue. If N.M. Karamzin believes that the role of the Horde was decisive, then S.M. Solovyov notes that the khans had no influence on the political processes in Rus’. Subsequent historiography develops N.M. Karamzin’s point of view, since V.A. Kuchkin points out that the Horde often directly and indirectly influenced the formation of the territories of the principalities of Rus’, while L.N. Gumilyov states that the Russian princes actively called upon Horde

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, https://rscf.ru/project/23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Статья поступила в номер 21 января 2024 г.
Принята к печати 15 февраля 2024 г.

© Ю.В. Селезнев, 2024.

contingents to win the strife. The study seeks to identify all known strife events which took place from 1238 to 1300 in the Russian principalities, from the moment of the conquest of Rus' until the transfer of the metropolitan see from Kyiv to Vladimir. Among the objectives of the study is the degree to which the inclusion of Rus' in the system of political relations of the nomadic empire influenced the internecine wars. The basis of the study was the data of Russian chronicles, which are built into a verbal model, representing a system capable of replacing the object of cognition in such a way that its study provides new knowledge about the object of cognition. Ultimately, we are presented with a picture of the influence of Horde power on internecine wars. The inclusion of Russian principalities in the political system of the Horde significantly influenced the forms and methods of struggle for power in Rus', the number and results of internecine clashes in the Russian principalities.

Key words: Mongol Empire, Juchi Ulus, Horde, Rus, civil strife, Russian-Horde relations, 13th century.

About the author: Seleznev Yuri Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Voronezh State University.

Contact information: 394018, Russia, Voronezh, University Square, 1, Voronezh State University, e-mail: orda1359@mail.ru.

История XIII столетия связана со становлением и ростом Монгольской империи. Курултай на реке Онон в 1206 г. зафиксировал объединение монгольских племен под властью Темуджина, которого провозгласили Чингиз-ханом. Военный конфликт монголов с государством хорезмшахов в 1219—1223 г. привел к завоеванию Чингиз-ханом Средней Азии и к войне с кипчаками/половцами. Один из корпусов монголов, во главе с Джебе-нойоном и Субедей-багатуром, совершая рейд в обход Каспийского моря, вышел в Северокавказские и Причерноморские степи, где разгромил половецкие войска. Половецкие князья, в частности Котян, обратились за поддержкой и помощью к русским князьям — своим родственникам (князь Мстислав Мстиславич Удатный, занимавший в тот момент галицкий стол, был женат на дочери Котяна). В течение 31 мая — 2 июня 1223 г. (Селезнев 2017в: 24—25) русско-половецкие войска потерпели сокрушительное поражение от монгольской армии.

Более того, по свидетельству «Повести о битве на Калке», отложившейся в Новгородской Первой летописи, князь Мстислав Романович Киевский и два его зятя — князья Андрей и Александр Дубровецкий — сдались Плоскине, который их связал и передал завоевателям (НПЛ 1950: 266—267). Автор повести отмечает, что пленные князья были раздавлены победителями под досками во время принятия пищи (НПЛ 1950: 63). Однако в НПЛ младшего извода указано, что таким образом были умерщвлены только двое из троих пленных князей (НПЛ 1950: 267). Показательно, что в китайской династической хронике «Юань ши» указано, что киевский князь Мстислав после битвы на Калке был пленен и препровожден ко двору Джучи-хана (Золотая Орда в источниках 2009: 223), старшего сына Чингиз-хана, где был казнен. Таким образом, уникальное свидетельство НПЛ подтверждается известием «Юань ши» о том, что князь Мстислав Романович Киевский — формальный глава Древнерусского государства — не погиб в ходе битвы на Калке, а был взят в плен и казнен в степях Прииртышья в ставке Джучи.

Эти два события — военное поражение (Селезнёв 2018: 18—24) и пленение главы государства — поставили вопрос о суверенитете Руси: в рамках завоевания русские княжества потеряли формального лидера, его харизма перешла к победителям. Сама по себе харизма в монгольском обществе представляла собой максимальную сакральность лидера и выполняла «защитную функцию для её обладателя», а также являлась «регулятором природы и социума в качестве мирового столба не только при жизни правителя, но и после его смерти» (Скрынникова 2013: 286). Именно поэтому монголы всячески стремились уничтожить носителя харизмы противника — главу государства и социума.

Однако реального завоевания Руси ещё не произошло. Лишь зимой 1237—1238 гг. монгольские армии во главе с внуком Чингиз-хана, сыном Джучи, Бату (Батыем) вторглись в Северо-Восточную Русь и прошли по ней огнем и мечем (Селезнев 2017в: 26—28). В марте 1239 г. пал Переяславль-Южный (Селезнев 2017в: 29), осенью того же года — Чернигов (Селезнев 2017в:

30). Зимой 1239/1240 гг. были разорены земли у Рязани, Мурома и Гороховца — монголы нанесли ещё один удар по северо-восточным регионам Руси (Селезнев 2017в: 31, 32). Зимой 1240/1241 гг. были покорены Киев и Галицко-Волынские земли (Селезнев 2017в: 33—34). Составитель Ипатьевской летописи обрывает свой перечень независимых киевских князей на 1240 г., когда «взяша Батыи Киевъ» (ПСРЛ. Т. II: 2; Селезнёв 2016: 123—130).

Парадоксально, но на протяжении всех этих драматических лет завоевания, усобицы в русских княжествах не утихали: даже внешняя опасность не остановила князей от борьбы за власть.

Тем не менее, включение русских княжеств в политические отношения Монгольской империи и Орды не могли не повлиять и на внутриполитическую борьбу на Руси. Н.М. Карамзин провозглашает опосредованное влияние Орды на прекращение княжеских междоусобиц — объединение княжеств вокруг Москвы упразднило причины усобиц. Само же возвышение Москвы прямо связывается с ханской властью: по мнению Н.М. Карамзина «порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій» (Карамзин 1842б: 215). Однако «государственное бытіе и Вѣра» «спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ» (Карамзин 1842б: 223).

С.М. Соловьев напротив отмечает, что «в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки <…> Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями» (Соловьев 1959: 58). В этой связи исследователь, скорее, констатирует рост количества междоусобных столкновений: «великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы <…> им оставалось на выбор: быть жертвою сильнейшего или других сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь восстания князей на великого с попранием всех старинных прав, родовых отношений» (Соловьев 1960: 192).

Л.Н. Гумилев констатирует, что вместо союза против ханской власти в XIII столетии «русские князья продолжали ездить кто в Орду, а кто в ставку Ногая и просить поддержки друг против друга» (Гумилев 1989: 543).

В свою очередь В.А. Кучкин подчеркивает, что «в период монгольского господства формирование территорий княжеств Северо-Восточной Руси проходило под опосредованным, а иногда и прямым воздействием Орды» (Кучкин 1984: 105).

Однако вопрос о влиянии ордынской власти на количество междоусобиц в русских княжествах остается открытым.

Для рассматриваемого времени первой такой усобицей следует считать изгнание с киевского стола князя Ярослава Всеволодовича (брата Юрия Всеволодовича Владимирского, погибшего в битве с монголами на Сити). Весной 1238 г. Ярослав покинул Киев, а князь Михаил Всеволодович (занимавший тогда Галич) «взя под нимъ» (ПСРЛ. Т. II: 777; Рудаков 2020: 412—413) столицу Руси. Летописи единодушно отмечают, что захват столицы был осуществлен с применением военной силы. Однако мощного сопротивления действиям князя Михаила не фиксируются (ПСРЛ. Т. II: 777; ПСРЛ. Т. VII: 144; ПСРЛ. Т. XL: 118).

Переместившись в Киев, князь Михаил Всеволодович в Галиче оставил своего сына Ростислава. Зимой 1238/1239 гг. князь Ростислав Михайлович выдвинулся в поход на Литву. Воспользовавшись отсутствием в городе значительных венных сил и князей, способных организовать оборону, город, которым некогда владел его отец, захватил князь Даниил Романович Волынский (ПСРЛ. Т. II: 777—778; ПСРЛ. Т. XL: 118). Князь Ростислав Михайлович вынужден был удалиться в Венгрию.

В конце 1239 г. потерял Киев и Михаил Всеволодович — его занял князь Ростислав Мстиславич Смоленский. Но и его, в свою очередь, изгнал из столицы князь Даниил Романович, оставив в городе своего тысяцкого Дмитра (ПСРЛ. Т. II: 782—783; ПСРЛ. Т. VII: 144—145; ПСРЛ. Т. XL: 118). Именно князь Даниил Романович Галицкий являлся формальным держателем столичного Киева в момент его падения под саблями монгольских всадников.

В конце 1239 — начале 1240 гг. князь Ярослав Ингваревич Межибожский захватил Каменец и пленил там жену князя Михаила Всеволодовича Черниговского, бежавшего к тому времени в

Венгрию. Супругой князя являлась сестра Даниила Романовича Галицкого, который способствовал её освобождению (ПСРЛ. Т. I: 469; ПСРЛ. Т. II: 782—783; ПСРЛ. Т. VII: 144).

До падения Киева фиксируется ещё одно боестолкновение, которое можно отнести к междоусобной борьбе. В августе—сентябре 1240 г. изгнанный с княжения псковичами в 1232 г. князь Ярослав Владимирович в сопровождение орденских союзников напал на Изборск и захватил его. Узнав о захвате Изборска псковичи (в Пскове в тот момент у власти находились сторонники князя Ярослава Всеволодовича Владимирского) попытались выбить Ярослава и немцев из крепости, но потерпели поражение. В битве был убит воевода Гаврила Гориславич. Далее Ярослав с немцами осадил Псков, пригнав под его стены пленных псковичей и подпалив посад. После недельной осады в городе произошел переворот, к власти пришли сторонники Ярослава Владимировича. Псков сдался ему. Ярославу были выданы дети видных бояр в качестве заложников. Посадником стал Твердислав Иванович. Сторонники суздальских князей бежали с семьями в Новгород (ПСРЛ. Т. I: 478—480; ПСРЛ. Т. III: 77—78, 294; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 225; ПСРЛ. Т. V. Вып. 1: 13; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2: 21; Livländische Reimchronik 1876: 48—50).

Продолжались споры и за Галицкий стол. В самый разгар похода монголов на Польшу и Венгрию, в 1241 г., князь Ростислав Михайлович Черниговский в союзе с болоховскими князьями блокировал крепость Бакота. Однако одержать победу в битве у городских ворот войскам Ростислава не удалось. Князь попытался склонить на свою сторону возглавлявшего оборону Бакоты печатника Кирилла. В ответ печатник вывел пехоту против черниговского князя. Ростислав не решился вступить в битву и ушел за Днепр (ПСРЛ. Т. II: 791).

Участие болоховских князей в осаде Бакоты на стороне князя Ростислава Михайловича вполне закономерно вызвало гнев князя Даниила Романовича. В следующем 1242 г. его войска опустошили болоховские земли, откупившиеся ранее от монголо-татар «хлебной данью» (ПСРЛ. Т. II: 792).

В то время как войска Даниила Романовича разоряли болоховские земли, князю Ростиславу Михайловичу при помощи влиятельного галицкого боярина Володислава Юрьевича удалось на короткое время занять Перемышль и Галич. В Перемышле князь Ростислав посадил княжить Константина Владимировича из рода пронских князей. Однако при приближении войск князей-Романовичей (Даниила и Василько), Ростислав бежал из Галича. Победители начали преследование черниговского князя, но узнав, что монголо-татары возвращаются из Венгрии, повернули назад. Занявший Перемышль Константин Владимирович также бежал из города. Князь Ростислав Михайлович был разгромлен проходившими через галицкую землю отрядами монголо-татар и бежал после этого в Венгрию (ПСРЛ. Т. II: 793—794; Толочко 2003: 250).

Возвращение во второй половине 1242 г. войск Батыя в Причерноморские степи имело большие геополитические последствия. В первую очередь необходимо отметить, что внук Чингиз-хана перенес центр своего государства в Поволжье. Вторым важным шагом стал вызов в ставку правителя князей всех завоеванных земель и княжеств: князья оказались перед выбором — отстаивать независимость с оружием в руках или признать власть монголо-татар. Первым в ставке Батыя оказался князь Ярослав Всеволодович Владимирский, который получил из рук кочевого владыки ярлык на «Русский улус»: «буде ты старѣи всем князем в Русском языцѣ» (ПСРЛ. Т. I: 470). В 1245 г. ставку Батыя посетило большинство русских князей (Селезнев 2017б: 107), что означало признание власти завоевателей и потерю суверенитета русских земель: отныне владельцем и распорядителем княжеских столов становился ордынский хан.

Это означало, в том числе, что верховным арбитром и судьёй в межкняжеских спорах становится именно правитель Орды (Селезнев 2017а: 32—33).

Однако наличие более высокой инстанции — верховной «царской» власти ордынского хана — не остановило междоусобной брани на Руси: борьба за власть и земли стала происходить в новых условиях.

В первую очередь надо отметить, что князь Ростислав Михайлович не оставил попыток занять Галицкий стол. Его союзником стал венгерский король Бела IV, на дочери которого князь женился в 1243 г. На рубеже 1243/1244 гг., в то время как князья Даниил и Василько Романовичи находились в походе на Люблинскую землю, князь Ростислав Михайлович получил помощь от своего тестя и вторгся в пределы Галицкого княжества. Ему удалось захватить Перемышль. Навстречу войскам князя Ростислава выступил князь Лев Данилович. Понимая, что сын Даниила «по молодости не мог сам вести войну», Романовичи отправили с ним дворского Андрея и бояр Иакова и Всеволода. Противники встретились на реке Сечнице, в битве на которой князь Лев Данилович потерпел поражение. В качестве причин неудачи молодого Романовича называется наличие у Ростислава большого количества пеших воинов и измена боярина Всеволода, который в самый ответственный момент битвы поворотил коня и бежал. Однако поражение галичан не сказалась на их боевом духе: они сумели организованно отступить и избежать плена. Князь Даниил Романович, узнав о результатах битвы, спешно перебросил войска к Перемышлю и заставил князя Ростислава отступить (ПСРЛ. Т. II: 797; ПСРЛ. Т. XL: 120).

В 1245 г. князь Ростислав Михайлович повторил попытку захватить Галицкое княжество. Его союзниками были тесть венгерский король Бела IV и краковский князь Болеслав V (женатый на другой дочери Белы IV).

Князю Даниил Романовичу Галицкому удалось также собрать внушительную коалицию. Кроме его брата князя Василько Романовича Волынского и сына Лев Даниловича (князя Перемышельского и Бельзского) в неё вошли польские войска князя Конрада Мазовецкого и литовские войска князя Миндовга, а также половцы.

Войска князя Ростислава Михайловича вторглись в пределы владений князя Даниила Романовича и осадили Ярослав. Не дожидаясь своих польских и литовских союзников, князь Даниил Романович вывел свои войска к осаждённой крепости.

Союзные князю Даниилу половцы форсировали реку Сан и стали угрожать противнику. Князь Ростислав, узнав об этом, оставил пехоту у города для противодействия возможной вылазке осаждённых, а конницу перевёл через овраг. Таким образом, за спиной войск Ростислава оказался овраг, за спиной войск Даниила — река.

Войско Ростислава составляли два полка, которые возглавил сам князь и венгерский воевода Фильний. Основной удар Ростислав хотел направить на полк Даниила, но галицкий князь выставил против него полк во главе с дворским Андреем. Позже к Андрею был послан резерв под руководством двадцати бояр, связав ещё сильнее силы Ростислава и оттягивая их к реке. При этом дружины трёх галицких бояр не выдержали и бросились в бегство.

Основные силы Даниил направил против полка венгерского воеводы Фильния. Первая атака галицких войск не принесла победы. Даниил был схвачен венграми, но смог вырваться. При этом, Лев Данилович сломал своё копьё о Фильния.

Вновь собрав силы, Даниил нанёс решающий удар по венграм. Он захватил венгерское знамя и разорвал его на две части. Князь Ростислав, видя поражение своих союзников, обратился в бегство. Его войско понесло большие потери убитыми и пленными, поскольку вынуждено было отступать через овраг.

Одновременно возглавлявший волынское войско князь Василько Романович обратил в бегство противника на фланге. Романовичи решили не продолжать преследование бежавших с поля боя иноземцев.

В ходе битвы был взят в плен венгерский воевода Фильня, а так же мятежный галицкий боярин Володислав. Оба они были казнены в тот же день (ПСРЛ. Т. II: 800—805; Пашуто 1968: 300, 301).

Ярославская битва стала развязкой в борьбе Даниила Романовича за галицкий престол и позволила, наконец, утвердить единство Галицко-Волынского княжества. Князь Ростислав Михайлович вынужден был вернуться к тестю, получил от него удел и провёл остаток жизни

в Венгрии. Поляки и венгры были вынуждены оставить все ранее занятые территории, отказавшись от своих притязаний.

Бела IV стал союзником Даниила, выдав за его сына Льва свою дочь Констанцию (1247 г.), после чего они провели совместный поход против императора Священной Римской империи Фридриха II Гогонштауфена (1248 г.).

Необходимо отметить, что все эти события происходили ещё до признания князем Даниил Романовичем Галицким верховенства Батыя. В октябре 1245 г. — в конце марта (в начале апреля) 1246 г. князь побывал в ставке хана и признал его верховенство (Горский 1996б: 63—64; Майоров 2016: 195—202).

Таким образом, за период завоевания Руси и признания власти завоевателей над русскими землями (1238—1245 гг.) зафиксировано десять междоусобиц. Практически более одного раза в год в том или ином княжестве вспыхивали споры за власть.

После признания верховенства ордынского правителя ситуация резко меняется. Следующая междоусобица упомянута в источниках через девять лет и связана с попыткой князя Изяслава Владимировича вернуть Галич, который он считал своей «отчиной» (в 1206—1208 и 1210—1211 гг. Галич занимал его отец — князь Владимир Игоревич). В 1254 г. правитель западного ордынского улуса Коренца (Куремса) блокировал г. Бакоту и выдвинулся к Кременцу. Князь Изяслав Владимирович также выдвинулся к Кременцу и настаивал на занятии Галича. Однако Коренца (Куремса) не поддержал князя Изяслава — полномочий менять князя в Галиче у него не было.

Тем не менее, князю Изяславу своими силами удалось занять Галич. Но внезапное нападение князя Романа Даниловича заставило князя Изяслава спрятаться на «комары церковной». После четырёхдневной осады Изяслав сдался в плен. О дальнейшей судьбе Изяслава ничего неизвестно. Предположительно, он был казнен по приказу князя Даниила Романовича Галицкого. В то же время дружина князя Льва Даниловича захватила двигавшихся «к Солем» слуг князя Изяслава, которых возглавлял боярин Фёдор. Самому боярину удалось бежать (ПСРЛ. Т. II: 826, 828—830, 838, 846; Селезнёв 2017в: 38; Черепнин 1977: 202).

Описание первой зафиксированной после признания власти ордынского хана усобицы показывает, что ордынские войска без распоряжения верховной власти предпочитали не вмешиваться в междоусобные схватки русских князей.

Следующий спор за власть с применением военной силы разгорелся в 1270 г. Тогда новгородцы изгнали великого князя владимирского Ярослава Ярославича с княжения и пригласили его племянника Дмитрия Александровича Переяславского. Однако последний отказался от их предложения. В то же время князь Ярослав отправил в Орду посланника с просьбой оказать ему военную помощь. Но в конфликт вмешался брат великого князя: Василий Костромской сумел убедить хана в правоте новгородцев, и, по данным летописей, ордынские войска были отозваны из похода с марша (ПСРЛ. Т. III: 88—89, 319—320; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 239—240; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 349—350; ПСРЛ. Т. VII: 170; ПСРЛ. Т. X: 148; ПСРЛ. Т. XXIII: 88; ПСРЛ. Т. XXV: 149; ПСРЛ. Т. XXVI: 93; ПСРЛ. Т. XXXIII: 73—74; Каргалов 1967: 164—165; Черепнин 1977: 203; Янин 2003: 222). Тем не менее, при заключении договора великого князя с Новгородом присутствовали ордынские послы. Причем, как отмечено на обороте грамоты, они прибыли с особыми полномочиями, которых в отношении новгородской земли ранее не отмечалось: «Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава с грамотой Чевгу и Баиши» (Грамоты 1949: 11). То есть, по сути, хан Менгу-Темир выдал особый ярлык Ярославу на княжении в Новгороде, а возведение в новгородские властители осуществляли уполномоченные ханские послы.

Показательно, что следующий великий князь владимирский Василий Ярославич (удельный князь Костромской), ранее выступавший защитником новгородских вольностей, в 1273 г. вступил в конфликт с «вольным» городом. Причины конфликта источники не называют. В.В. Каргалов выдвинул предположение, что выступление новгородцев «как-то связано с подготовкой новой татарской переписи» (Каргалов 1967: 165). Именно к этому году Новгородская IV летопись

относит «число второе из Орды от царя» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I: 243). Новгородцы вновь призвали на стол князя Дмитрия Александровича, который на сей раз, согласился. Однако великий князь Василий «с великим баскаком Иаргаманем, со князем Айдаром, с многими татары царевыми» разорил новгородские волости (в частности, взял Торжок, где посадил своего наместника). Одновременно тверской князь Святослав Ярославич «иде с татары царевыми, и воеваша Новгородцкиа власти: Волокъ, Бежечи, Вологду» (ПСРЛ. Т. X: 151—152). Князь Дмитрий Александрович выдвинул войска на Тверь. Одновременно направил своих послов к князю Василию Ярославичу, который послов принял, но «мира не дал». Новгородцы же решили изменить своё решение и призвать на княжения Василия Ярославича (ПСРЛ. Т. III: 89—90, 321—322; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1: 241—243; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 353—355; ПСРЛ. Т. VII: 172; ПСРЛ. Т. X: 151—152; ПСРЛ. Т. XXIII: 89; ПСРЛ. Т. 24: 101; ПСРЛ. Т. XXV: 151; ПСРЛ. Т. XXVI: 93—94; Насонов 1940: 21,23, 115; Черепнин 1977: 203; Феннел 1989: 175).

Дмитрий Александрович, видя неблагоприятное для себя развитие ситуации, предпочёл не вступать в военные столкновения и уйти в Переяславль. Туда же бежали и его сторонники новгородцы, в том числе посадник Павша и некий Роман. Таким образом, как отметил В.В. Каргалов, «в связи с продолжавшимся ослаблением великокняжеской власти непосредственное вмешательство татар в русские дела усиливалось» (Каргалов 1967: 165), а русские князья для решения своих внутренних противоречий активно привлекали ордынские военные силы.

Будучи уже великим князем владимирским Дмитрий Александрович сам оказался в конфликтной ситуации с Великим Новгородом. В 1278 г. великокняжеские войска совершили успешный поход на территорию карелов. Князь Дмитрий Александрович решил поставить там крепость Копорье для защиты побережья Балтийского моря. Вопреки данному ранее согласию новгородцы, опасаясь усиления великокняжеской власти на собственной территории, не позволяли князю Дмитрию оставить гарнизон в крепости. Князь Дмитрий Александрович в начале 1281 г. начал военный поход на Новгород. Новгородский архиепископ Климент, выступивший в роли посла, не смог уговорить князя не начинать военных действий. У реки Шелони сошлись противоборствующие армии и только здесь был заключен мир: в Копорье появился великокняжеский гарнизон (ПСРЛ. Т. III: 324; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1: 244; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 357; ПСРЛ. Т. VII: 175; ПСРЛ. Т. XVI: 55; ПСРЛ. Т. XXXIX: 94; ПСРЛ. Т. XLIII: 101).

В том же 1281 г. разразилась ссора между князьями Ростовской земли. Будучи не доволен разделом земель к великому князю Дмитрию Александровичу отъехал князь Константин Борисович. Его старший брат начал концентрировать в Ростове войска. Тем не менее, реальных военных действий удалось избежать: великий князь владимирский Дмитрий Александрович при посредничестве епископа Ростовского Игнатия примирил враждующих братьев (ПСРЛ. Т. VII: 175; ПСРЛ. Т. XVIII: 78).

Зимой 1281—1282 гг. в Северо-Восточной Руси начинается усобица между братьями-Александровичами. Андрей Александрович, удельный князь Городецкий, «испросивъ собе княжение великое подъ братомъ своимъ» (ПСРЛ. Т. XVIII: 78), выдвинулся с «погаными Татары» на Переяславль, где был удельным князем его старший брат Дмитрий, который и являлся великим князем владимирским. Ордынские войска разорили Муром и окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Ростова и Твери, а 19 декабря 1281 г. (о датировке событий см.: Бережков 1963: 286—287, 289, 356; Горский 2000: 15—16) захватили Переяславль. Князь Дмитрий покинул город и попытался укрыться в Копорье. Однако новгородцы, чьей территорией считалась крепость, отказали ему в убежище и он укрылся, скорее всего, у своего зятя Довмонта во Пскове. Андрей сел на столе в Новгороде (ПСРЛ. Т. I: 525; ПСРЛ. Т. III: 324; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 244; ПСРЛ. Т. V: 199; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 357; ПСРЛ. Т. VII: 175—176; ПСРЛ. Т. X: 159; ПСРЛ. Т. XVI: 55; ПСРЛ. Т. XVIII: 78; ПСРЛ. Т. XXIII: 91; ПСРЛ. Т. XXIV: 102; ПСРЛ. Т. XXV: 153; ПСРЛ. Т. XXVI: 94; ПСРЛ. Т. XXX: 96; ПСРЛ. Т. XXXIII: 75; ПСРЛ. Т. XXXVII: 165; Будовниц 1956: 81—82; Клюг 1994: 72—73; Кучкин 1984: 106—107; Черепнин 1977: 203—204).

Однако, как только ордынский отряд покинул пределы русских земель, несмотря на поддержку новгородцев, Андрей вынужден был уступить власть своему старшему брату. Князь Андрей Александрович направился в Орду. Его союзники, Святослав Александрович Тверской и Даниил Александрович Московский вместе с новгородцами, выдвинулись против вернувшегося в Переяславль князя Дмитрия Александровича. Последний вывел свои войска к Дмитрову. Коалиция его противников не рискнули на открытые военное давление: их войска остановились в пяти верстах от Дмитрова. Простояв так пять дней князья Святослав и Даниил направили к Дмитрию послов и заключили перемирие (ПСРЛ. Т. VII: 176; ПСРЛ. Т. XXXIX: 95).

Во второй половине 1282 г. городецкий князь вновь привел войска на Русь (ПСРЛ. Т. I: 525; ПСРЛ. Т. III: 324; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 244—245; ПСРЛ. Т. V: 199; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 357—358; ПСРЛ. Т. VII: 176; ПСРЛ. Т. X: 160—161; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: 34; ПСРЛ. Т. XVI: 55; ПСРЛ. Т. XVIII: 78; ПСРЛ. Т. XXIII: 92; ПСРЛ. Т. XXIV: 102; ПСРЛ. Т. XXV: 154; ПСРЛ. Т. XXVI: 94; ПСРЛ. Т. XXX: 97; ПСРЛ. Т. XXXIII: 71; Егоров 1985: 184; Феннел 1989: 192; Черепнин 1977: 204) и, как отмечает Симеоновская летопись «сътвори зло въ земли Суждалскои такоже якоже преже сказахом» (ПСРЛ Т. XVIII: 78). Князь Дмитрий предпочел бежать в Ногаеву Орду. Здесь ему удалось получить подтверждение своих властных полномочий, и уже в конце 1283 г. — начале (январь) 1284 г. он с ордынским отрядом и братом Андреем приводит к покорности новгородскую вольницу (ПСРЛ. Т. III: 325—326; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 245—246; ПСРЛ. Т. V: 200—201; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 359—360; ПСРЛ. Т. VII: 178; ПСРЛ. Т. X: 165—166; ПСРЛ. Т. XVIII: 79; ПСРЛ. Т. XXIII: 93; ПСРЛ. Т. XXV: 156; ПСРЛ. Т. XXVI: 95; ПСРЛ. Т. XXX: 97). На небольшое время усобица затихает.

По всей видимости, после смерти хана Менгу-Тимура, Андрею удается первым прибыть ко двору нового хана Туда-Менгу (вступил на престол в августе 1281 г.) за ярлыком на удел и убедить последнего, что великий князь Дмитрий не соответствует великокняжескому статусу. Необходимо отметить, что источники не фиксируют поездок Переяславского князя в степь до отъезда его к Ногаю в 1282 г. Возможно, инициатива походов исходила вовсе не от Андрея (или не только от него), а от новой верховной власти, потребовавшей личной явки великого князя ко двору хана за ярлыком. Когда же Дмитрий прибыл в ставку, пусть не хана, но не менее могущественного правителя (Селезнёв 2000: 70—75), формальности были соблюдены, и ордынская власть перестала поддерживать Андрея. Кроме того, по справедливому мнению А.А. Горского, «можно полагать, что за время длительного пребывания Дмитрия в его улусе Ногаю удалось, используя свое влияние при дворе Туда-Менгу (который вскоре после воцарения отошел от государственных дел) добиться подтверждения ярлыка на великое княжение, полученного Дмитрием прежде от Менгу-Тимура» (Горский 2000: 14—15).

Данная логика событий вписывается в следующий этап эскалации противостояния. В 1285 г. «князь Андреи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братью, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима» (ПСРЛ. Т. I: 526; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1: 246). Никаких карательных последствий данный шаг Дмитрия не имел. Такое могло быть лишь в случае, если «царевич» (а «царевичами» в русской письменной традиции называли чингизидов) действовал без ханского указа. Но тогда «царевич» должен был быть наказан ханом. Вероятно, такой факт не ускользнул бы от внимания летописца. Сложившиеся обстоятельства четко ложатся на тот факт, что именно к периоду 1285—1286 гг. следует относить отстранение от власти хана Туда-Менгу. Ведь, по сведениям Рашид-ад-Дина он царствовал «некоторое время». Затем власть узурпировали, «под тем предлогом, что он помешан», сыновья Менгу-Тимура, Алгуй и Тогрыл, и сыновья Торбу — Тула-Буга и Кунчек и «сами совместно царствовали пять лет». Поскольку убийство Тула-Буги и Алгуя произошло в 1291 г. (4 января — 23 декабря), то отречение Туда-Менгу необходимо отнести к 1285—1286 гг. При этом арабский автор Бейбарс отмечает, что Туда-Менгу правил также пять лет, а вступил он на престол в августе 1281 г. (Рашид-ад-Дин 1952: 83; Тизенгаузен 1884: 107—108). Полученная дата также соответствует мартовскому 1285—1286 гг. русских летописей. Вероятно, воспользовавшись безвластием в степи, Андрей

и привел ордынскую рать, которая была разгромлена Дмитрием. Данное поражение, а также то, что новым ханом Орды стал ставленник покровителя Дмитрия Ногая Тула-Бука, на время остудило притязания князя Андрея на великокняжеский престол.

Для периода 1285 г. фиксируется ещё одна усобица. Брянский князь Роман Михайлович «приходи ратью к Смоленьску». Разорив пригороды, князь Роман отступил (ПСРЛ. Т. I: 482; ПСРЛ. Т. VII: 179; ПСРЛ. Т. XVIII: 81; ПСРЛ. Т. XXV: 156; ПСРЛ. Т. XXX: 97). В данное время смоленским князем был Федор Ростиславич (занимавший и Ярославский стол). Вероятно, оборону города возглавлял его племянник и наместник Андрей Михайлович (удельный вяземский князь) (Селезнёв 2017г: 121—122). Более того, князь Фёдор являлся зятем ордынского хана — он был женат на дочери Менгу-Тимура. Выступление брянского князя против смоленского, имеющего столь могущественного покровителя в лице брата тестя (хан Туда-Менгу приходился братом Менгу-Тимуру), выглядит весьма не осмотрительным. Впрочем, именно ситуация с междуцарствием в Орде могла спровоцировать (как и князя Андрея Александровича Городецкого) на выступление князя Романа Брянского.

Исходя из расположения свидетельств в летописной статье о происшествиях 1285 г., мы можем предположительно уточнить хронологию последовательности событий. Московский летописный свод конца XV в. последовательно отмечает: 1) привлечение князем Андреем Александровичем ордынского царевича и разгром его князем Дмитрием совместно «со братьею»; 2) поход князя Романа Брянского к Смоленску; 3) вторжение литовских войск в Олешню и их отражение коалицией русских войск («и совокупишася на них Тферичи, Москвичи, Волочанѣ, Новотржьци, Дмитровци, Зубчане, Ръжевичи») (ПСРЛ. Т. XXV: 156). Последние событие завершилось разгромом литовцев в «канунъ спасову дни» (31 июля). Учитывая наблюдения А.Н. Насонова и А.А. Горского о том, что «братьями», выступившими в союзе с Дмитрием, были его единственный кроме Андрея родной брат Даниил Александрович Московский и двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской» (Насонов 1940: 73; Горский 2000: 16—17), можно предполагать, что отражение ордынского царевича и литовского вторжения происходили последовательно: московским и тверским войскам участвовать одновременно в двух военных акциях было бы весьма проблематично. Впрочем, даже если события происходили одновременно, указание на церковный праздник — Спасов день (1 августа) — позволяет локализовать события летом (июль—август) 1285 г.

В связи с нападением князя Романа Михайловича на владения ханского зятя обращает на себя внимание запись позднего (конца XVII столетия) Синодального II списка родословной книги (Бычкова 1975: 111). В нём, в частности, отмечено, что сын князя Михаила Черниговского Роман «былъ послѣ отца своего на княжении на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкие Князи, а убилъ его Царь во Ордѣ» (Родословная книга 1851: 68). Вполне вероятно, что одной из причин смертного приговора было обвинение в мятеже — военное противостояние с представителем правящего рода — зятем хана. Однако возмездие настигло «мятежника» в таком случае не сразу. Ещё Р.В. Зотов отметил, что около 1288 г. князь основал Свенский монастырь (Зотов 1892: 84). Тогда же, зимой 1287/1288 гг. князья смоленского и брянского княжеских домов (вероятно, князь Андрей Михайлович (смоленский наместник) и князь Олег Романович, как представитель своего отца князя Романа Брянского) участвуют в походе хана Тула-Буги на Польшу (Селезнёв 2017г: 121—122). В данный период в Орде существовало два политических центра. Один из них возглавлял Ногай, который «долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смещал тех из царей их, кто ему не нравился и ставил (тех), кого сам выбирал» (Селезнёв 2017г: 110—111). Именно так престол занял хан Тула-Буга и Алгуй, с которыми, однако у Ногая довольно быстро возникли противоречия. Несмотря на родственные связи с Алгуем — его сестра была замужем за ярославским князем — свидетельств о пребывании князя Фёдора в ставке хана в 1280-е гг. не фиксируется. Объяснением «охлаждению» отношений между ханским двором и ярославским князем может быть то, что у Алгуя и Анны (жены Фёдора) были разные матери: матерью Анны являлась Олджай-хатунь (мать Токты) или Султан-хатунь (мать Тудана), а матерью Алгуя — Джиджек-хатунь. Особая роль в ходе «Дюденевой рати» 1293 г. князя

Фёдора Ростиславича отмечена В.А. Кучкиным (Кучкин 1995: 98) и А.А. Горским (Горский 1996а: 78—81). Эта роль, на наш взгляд, могла быть напрямую связана с родственными связями князя (Селезнев 2017а: 132—133). В этой связи наказание князя Романа Михайловича до прихода к власти в Орде хана Токты (1291 г.) выглядит маловероятно: князь действовал на свой страх и риск или имел распоряжение Ногая, тогда как поддержка при ханском дворе князя Фёдора фактически отсутствовала — Токта и его родственники рассматривались в ставке опасными конкурентами (Золотая Орда в источниках 2003: 422).

В 1291 г. при активном участии Ногая ханом становится Токта (Тохта). Вероятно, ордынский временщик был вполне уверен в своем ставленнике. Однако тот начинает постепенно усиливать свою политическую роль. Источники донесли до нас известия о казнях в Орде. Наиболее массовые были произведены в период с декабря 1292 по декабрь 1293 г. (Тизенгаузен 1884: 109). Тогда же, летом—осенью 1293 г. в ходе «Дюденевой рати», был смещен с владимирского стола ставленник Ногая князь Дмитрий Александрович Переяславский. Источники фиксируют пребывание в ставке хана накануне ордынского вторжения князя Фёдора Ростиславича Смоленского и Ярославского и позволяют говорить о его особой роли при дворе. Мы можем предполагать, что именно тогда была осуществлена жалоба на действия князя Романа Михайловича Брянского и последний был казнен.

Это тем более вероятно в связи с тем, что в период с 1293 по 1297 г. власть в Брянском княжестве перешла к смоленским князьям, вероятнее всего, к Александру Глебовичу. Так, в письме рижского архиепископа к князю Фёдору Ростиславичу его наместником в Смоленске назван «князь брянский» (Горский 1996б: 32): «хотели ся темъ словомъ оправити и рекли такъ предъ княземъ Бряньскымъ…» (Грамоты 1857. № 3; Русско-Ливонские акты 1868: 18. № 34). А.А. Горский отмечает, что скорее всего, князь Александр овладел Смоленским столом, используя положение Федорова наместника. В случае верности такой интерпретации известия 1297 г., «в первом брянском князе смоленской ветви следует видеть Александра Глебовича» (Горский 1996в: 79).

Сама по себе «Дюденева рать» оказалась продолжением борьбы за владимирский великокняжеский престол. Показательно, что Симеоновская летопись отмечает только то, что «бысть въ Русскои земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровичя» (ПСРЛ. Т. XVIII: 82), тогда как Московский летописный свод подчеркивает, что «Князь Андреи Александровичь иде во Орду и со иными Русскими князи, и жаловася на брата своего на великого князя Дмитрея Александровичя» (ПСРЛ. Т. XXV: 157). То есть, в первом случае поход ордынских войск выглядит как инициатива хана, тогда как во втором — инициатива противников Дмитрия Переяславского. Надо полагать, что в данном случае интересы сторон совпали как нельзя лучше. В результате крупномасштабного нашествия было разорено 14 городов Владимиро-Суздальской Руси. Как отметил В.В. Каргалов, записи «о том, что Дюдень разрушил такое же количество городов, как и Батый (14), подчеркивают сопоставимость в глазах летописцев этих двух походов» (Каргалов 1967: 170). В начале 1294 г. Дмитрий умирает и владимирским князем безоговорочно становится его брат Андрей (ПСРЛ. Т. I: 483, 527; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 248; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 362—363; ПСРЛ. Т. VII: 180; ПСРЛ. Т. X: 169; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: 35; ПСРЛ. Т. XV: 406—407; ПСРЛ. Т. XVI: 56; ПСРЛ. Т. XVIII: 82—83; ПСРЛ. Т. XXIII: 93—94; ПСРЛ. Т. XXIV: 105—106; ПСРЛ. Т. XXV: 157; ПСРЛ. Т. XXVI: 95—96; ПСРЛ. Т. XXX: 98; ПСРЛ. Т. XXXIII: 76; ПСРЛ. Т. XXXVII: 71, 165; Борисов 1995: 15—16; Черепнин 1977: 205).

Однако до этих событий на территории русских княжеств фиксируется ещё несколько усобиц. В 1288 г. неповиновение владимирскому князю Дмитрию Александровичу оказал его недавний союзник князь Михаил Ярославич Тверской. Князь Дмитрий собрал внушительную коалицию: кроме переяславских и владимирских полков в неё вошли городецкие рати его брата-соперника князя Андрея, московские войска его брата князя Даниила, ростовская армия князя Дмитрия Борисовича, новгородский отряд во главе с посадником Андреем. Войска великого князя блокировали Кашин (фиксируется девятидневная осада) и разорили окрестности; была сожжена крепость Кснятин. Войска князя Михаила выдвинулись навстречу противнику и у

Кашина был заключен мир: главные силы в сражение не вступили (ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1: 247; ПСРЛ. Т. VI. Вып: 361; ПСРЛ. Т. VII: 179; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: 84; ПСРЛ. Т. XV: 406; ПСРЛ. Т. XVI: 56; ПСРЛ. Т. XVIII: 81; ПСРЛ. Т. XXX: 98; ПСРЛ. Т. XXXIX: 95).

В конце 1288 г. — начале 1289 г. обострились отношения в Галицко-Волынской Руси. Сразу после смерти бездетного князя Владимира Васильковича Волынского, который завещал свои владения князю Мстиславу Даниловичу Луцкому, князь Юрий Львович (племянник последнего занял Брест. Унаследовавший волынские владения, в том числе Брест князь Мстислав Данилович направил к своему брату Льву Галицкому (отцу Юрия) послов сообщив, что будет искать помощи у татар против племянника. Лев, не желая обострения отношений с Ордой, приказал сыну покинуть Брест. Последний выполнил распоряжение отца, но разграбил город, а также Каменец и Бельск (ПСРЛ. Т. II: 928—932). И в данном случае основные силы противоборствующих сторон в открытые боевые действия не вступили.

Иначе сложились обстоятельства в Воргольском и Липовичском княжествах (уделы Курского княжества). В рамках нарастания противоборства между Ногаем и центральной властью в лице хана Тула-Буги данные земли стали ареной борьбы за сферы влияния. Здесь, во владениях князей Воргольского и Липовичского, баскак Ахмат (вероятно, ставленник Ногая) организовал две слободы. В них начал стекаться народ, привлекаемый, видимо, установленными льготами. Это наносило экономический урон князьям, и они отправили жалобу хану Тула-Буге. Хан дал Олегу Рыльскому и Воргольскому «приставы» и слободы были уничтожены. Однако Ахмат привел войска от Ногая и разорил территорию княжества. Князья бежали: Святослав Липовичский в Воронежские леса, Олег — к Тула-Буге. В апреле Святослав «без царева слова» напал на баскаческий отряд и уничтожил его. Олег поссорился из-за этого с Липовичским князем, привел от хана отряд и убил Святослава с двумя сыновьями. Позже, его брат привел отряд, вероятно, от Ногая. Олег погиб (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2: 481—482; ПСРЛ. Т. VII: 176—178; ПСРЛ. Т. X: 162—165; ПСРЛ. Т. XVIII: 79—81; ПСРЛ. Т. XXIII: 92—93; ПСРЛ. Т. XXIV: 103—105; ПСРЛ. Т. XV: 154—156; ПСРЛ. Т. XXX: 97; Фёдоров-Давыдов 1973: 59, 72). Как надежно установил В.А. Кучкин, данные события произошли в 1289—1290 гг. (Кучкин 1996а: 7—39; 1996б: 48).

Проявлением междоусобицы можно рассматривать вынужденное оставление Переяславля князем Федором Ростиславичем: по итогам «Дюденевой рати» он вокняжился в «отчине» князя Дмитрия Александровича. Однако ему пришлось под давлением покинуть город. Уходя из Переяславля князь Фёдор разграбил и сжёг город (НПЛ: 328; ПСРЛ. Т. I: 484; Т. XVIII: 83; Горский 2000: 23; Карамзин 1842а: 89).

В 1296 г. князь Андрей Александрович Владимирский предпринял вторую попытку захватить Переяславль. Тогда княживший там князь Иван Дмитриевич находился в Орде, а «блюсти свою отчину» на период отсутствия он поручил князю Михаилу Ярославичу Тверскому. В ответ на движение армии князя Андрея Александровича тверской князь в союзе с князем Даниилом Александровичем Московским выступил к Юрьеву. И на этот раз князья не решились вступить в бой, ограничившись мелкими столкновениями отдельных передовых отрядов. Захватить Переяславль князю Андрею не удалось (ПСРЛ. Т. I: 484; ПСРЛ. Т. VII: 181; ПСРЛ. Т. XVIII: 83—84; ПСРЛ. Т. XXX: 99; Горский 2000: 25—27).

В следующем 1297 г. началось острое противостояние в Смоленском княжестве. Племянник князя Фёдора Ростиславича, занимавшего на тот момент стол в Смоленске, князь Александр Глебович отправился в Орду (ПСРЛ. Т. XXXIX: 96) и «взя лестию княжение» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 364). Вполне закономерно, что лишить престола шурина хана (Фёдор женат на сестре Токты), без санкции Орды было невозможно. Именно поэтому А.В. Кузьмин полагает, что князь Александр Глебович отправился в Сарай (Кузьмин 2017: 31). Однако надо помнить, что 1297 г. — это время обострения отношений между Ногаем и Токтой. Вполне вероятно, что князь Александр направился в ставку Ногая и там получил инвеституру. Такой вариант вероятен и в связи с последующими событиями. В 1298 г. князь Фёдор Ростиславич собрал армию и попытался овладеть Смоленском. Однако штурм оказался безуспешным, и князь Фёдор вернулся в Ярославль

(ПСРЛ. Т. I: 484; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: 250; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: 364; ПСРЛ. Т. VII: 182; ПСРЛ. Т. XVIII: 84; ПСРЛ. Т. XXIII: 94; ПСРЛ. Т. XXV: 158; ПСРЛ. Т. XXX: 99; ПСРЛ. Т. XXXIX: 96; Карамзин 1842а: 99; Кузьмин 2017: 32). В сентябре 1299 г. он скончался.

Однако борьба за власть в Смоленском княжестве продолжилась. В 1300 г. князь Александр Глебович вместе с братом Романом (князем мстиславльским) организовали поход на Дорогобуж, который принадлежал к владениям их двоюродного брата князя Андрея Михайловича Вяземского. Последний в 1280-е годы являлся наместником своего дяди князя Федора Ростиславича и, вероятно, выступал его союзником. Князь Андрей подтянул к Дорогобужу свои войска и в сражении под стенами крепости разгромил армию смоленского князя. Источники указывают потери в живой силе со стороны смолян до двухсот человек. В том числе погиб сын князя Александра Глебовича, а князь Роман Глебович получил ранение (ПСРЛ. Т. I: 485; ПСРЛ. Т. VII: 182; ПСРЛ. Т. X: 173; ПСРЛ. Т. XVIII: 84; ПСРЛ. Т. XXIII: 94; ПСРЛ. Т. XXX: 99). Вяземскому князю удалось отстоять свои суверенные права.

Осенью 1300 г. московский князь Даниил Александрович разгромил рязанские войска и взял в плен «нѣкакою хитростью» рязанского князя Константина Романовича. Отмечают источники и то, что «и много Татаръ избито бысть» (ПСРЛ. Т. I: 486; ПСРЛ. Т. VII: 183; ПСРЛ. Т. X: 173, 176; ПСРЛ. Т. XVIII: 85; ПСРЛ. Т. XXIII: 95; ПСРЛ. Т. XXV: 158; Борисов 1999: 75; Горский 2000: 28—29). Тот факт, что такие радикальные действия против ордынского контингента не повлекли за собой карательных мер, позволяет предполагать связь отряда татар с разгромленным в 1299 г. Ногаем или его сыном Джекой (Борисов 1999: 75; Селезнёв 2009: 70—71): хан Токта был заинтересован в расширении своего влияния. Князь Константин находился в плену до 1306 г., когда был убит по приказу князя Юрия Даниловича Московского.

* * *

Таким образом, за период 1238—1300 гг. зафиксировано 33 усобицы. Из них с 1238 г. до 1245 г., с момента начала вторжения монголо-татар и до времени оформления зависимости от Орды всеми завоеванными русскими княжествами, отмечено 10 вооруженных столкновений между князьями. После признания ордынской власти до завершения столетия в источниках встречаются упоминания о 23 усобицах. Для сравнения стоит отметить, что в первой половине XIII в. (с 1202 по 1245 гг.) фиксируется 87 конфликтов. То есть, мы наблюдаем резкое количественное уменьшение (в 4 (!!!) раза) вооруженных столкновений русских князей между собой. При этом 14 конфликтов из 23 (более половины (59%)) связаны с прямым или косвенным участием ордынских войск (то есть, вооруженное столкновение санкционировано верховной ханской властью). Ещё три конфликта (1294, 1298 и 1300 гг.) прямо или косвенно связаны с урегулированием отношений после вмешательства ханской власти с перераспределением столов на Руси. (Всего, таким образом, с ордынской властью связано 72% всех усобиц). В пяти случаях зафиксировано завершение конфликта переговорами (отсутствие боестолкновений или крупного (генерального) сражения): русские князья военных действий без санкции хана или без его войск предпочитают не вести.

Только поход князя Романа Михайловича Брянского на Смоленск описан как «чистая» усобица без какого бы то ни было влияния Орды. Однако если учитывать факт женитьбы смоленского князя Фёдора Ростиславчиа на дочери хана Менгу-Тимура и сестре хана Токты (Ранний список: Л. 165 об.; ПСРЛ. Т. XXXIII: 74—75), а также вероятную казнь князя Романа Брянского по решению ханского суда, то и здесь мы наблюдаем косвенный «ордынский фактор» в развитии вооруженного конфликта.

Если учитывать, что во второй половине XIII в. ордынские войска вторгались на Русь 12 раз (Селезнев 2017в: 36—60) (не считая участия в усобицах), то необходимо отметить подавляющее военно-политическое доминирование Орды в данный период на территории русских княжеств.

За рассматриваемый период в ходе усобиц чаще всего — пять раз — подвергались разорению территории Новгородской земли. Город Переяславль-Залесский и его округа

были разгромлен четырежды. По три раза военным нападениям подвергались Киев, Владимир, Юрьев, Торжок и их окрестности. Два раза — Волок Ламский, Муром, Суздаль, Ростов, Тверь; дважды осаждался Смоленск, но город оказался неприступным. По одному разу в ходе усобиц осаждались или разорялись: Бакота, Бежецкий верх, Бельск, Брест, Божский, Вологда, Воргол, Городец, Губин, Деревич, Дмитров, Дорогобуж, Дядьков, Изборск, Каменец, Кашин, Кобуд, Костроома, Кснятин, Кудина, окрестности Курска, Можайск, Москва, Перемышль, Псков, Рыльск, Рязань, Углич, Ярослав. Шесть усобиц (19% от общего числа) связаны с борьбой за верховную власть в Киеве или во Владимире.

Таким образом, необходимо признать, что включение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи и Джучиева Улуса значительно повлияло на формы и способы борьбы за власть на Руси. В первую очередь сократилось количество междоусобных войн. «Ордынский фактор» для развития внутриполитической вооруженной борьбы за власть во второй половине XIII столетия на Руси стал определяющим. Надо полагать, что верховная ордынская власть была заинтересована в стабильности на подконтрольных территориях, что должно было обеспечивать бесперебойные налоговые поступления в казну. Спорные вопросы выносились на ханский суд, который санкционировал вмешательство ордынских войск или применение вооруженных сил самими князьями. Русские владетели с оглядкой на «царя» смотрели на разрешение конфликтов военным путем, что, несомненно, связано с потерей ими суверенитета в данном вопросе. Тем не менее, сокращение общего числа междоусобиц в целом является благотворным фактором для развития земель и княжеств.

Литература

Бережков Н.Г. 1963. *Хронология русского летописания*. Москва: АН СССР.

Борисов Н.С. 1999. *Политика московских князей: конец XIII — начало XIV в.* Москва: МГУ.

Борисов Н.С. 1995. *Иван Калита*. Москва: Молодая гвардия.

Будовниц И.У. 1956. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. *Труды Отдела древнерусской литературы* XII, 79—104.

Бычкова М.Е. 1975. *Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

Горский А.А. 2000. *Москва и Орда*. Москва: Наука.

Горский А.А. 1996а. Политическая борьба на Руси XIII в. и отношения с Ордой. *Отечественная история* 3, 78—81.

Горский А.А. 1996б. *Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития*. Москва: Издательский центр Института российской истории РАН.

Горский А.А. 1996в. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.). Средневековая Русь 1, 76—110.

Грамоты 1949: Валк С.Н. (ред.). 1949. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Грамоты 1857: Напиерский К.Э. 1857. *Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Готским берегом в XII, XIII и XIV веке*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Гумилев Л.Н. 1989. *Древняя Русь и Великая степь*. Москва: Мысль.

Егоров. В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв*. Москва: Наука.

Золотая Орда в источниках 2003: Храпачевский Р.Н. (сост.). 2003. *Золотая Орда в источниках: (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи)*. Т. I. *Арабские и персидские сочинения*. Москва: Центр по изучению военной и общей истории.

Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.Н. (сост.). 2009. *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи*. Т. III. *Китайские и монгольские источники*. Москва: Центр по изучению военной и общей истории.

Зотов Р.В. 1892. *О черниговских князьях по Любецкому инодику о черниговском княжестве в татарское время (Летописи занятий Археографической комиссии за 1882—1884 гг.* Санкт-Петербург: Типографи братьев Пантелеевых.

Карамзин Н.М. 1842а. *История государства Российского*. Кн. 1. Т. 1—4. Санкт-Петербург: Издание И. Эйнерлинга.

Карамзин Н.М. 1842б. *История государства Российского*. Кн. 2. Т. 5—8. Санкт-Петербург: Издание И. Эйнерлинга.

Каргалов В.В. 1967. *Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники*. Москва: Высшая школа.

Клюг Э. 1994. *Княжество Тверское (1247—1485 гг.)*. Тверь: РИФ.

Кузьмин А.В. 2017. Социально-экономическая жизнь Среднего Поднепровья (1240—1299). *Экономическая история* 2016/2017, 7—64.

Кучкин В.А. 1984. *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв*. Москва: Наука.

Кучкин В.А. 1995. Первый московский князь Даниил Александрович. *Отечественная история* 1, 93—107.

Кучкин В.А. 1996а. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий. В: Водарский Я.Е. (ред., сост.). *Липецк: начало истории*. Липецк: Голос, 7—39.

Кучкин В.А. 1996б. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. *Средневековая Русь* 1, 5—57.

Майоров А.В. 2016. Даниил Галицкий в пути к хану Батыю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду. *Stratum plus* 6, 195—202.

Насонов А.Н. 1940. *Монголы и Русь*. Москва; Ленинград: АН СССР.

НПЛ 1950: Насонов А.Н. (сост.). 1950. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Пашуто В.Т. 1968. *Внешняя политика Древней Руси*. Москва: Наука.

ПСРЛ. Т. I: Карский И.Ф. (сост.). 1962. *Полное собрание русских летописей*. Т. I. *Лаврентьевская летопись*. Москва: Издательство восточной литературы.

ПСРЛ. Т. II: Шахматов А.А. (сост.). 1962. *Полное собрание русских летописей*. Т. II. *Ипатьевская летопись*. Москва: Издательство восточной литературы.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1: Шеффер П.Н. (сост.). 1917. *Полное собрание русских летописей*. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. *Новгородская IV летопись*. Петроград: Башмаков и Ко.

ПСРЛ. Т. V. Вып. 1: Насонов А.Н. (сост.). 2003. *Полное собрание русских летописей*. Т. V. Вып. 1. *Псковские летописи*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. V. Вып. 2: Насонов А.Н. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. V. Вып. 2. *Псковские летописи*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. VI. Вып. 1. *Софийская первая летопись старшего извода*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. VII: Клосс Б.М. (сост.). 2001. *Полное собрание русских летописей*. Т. VII. *Воскресенская летопись*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. X: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. X. *Никоновская летопись*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. XV. Вып. 1. *Рогожский летописец*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. XV. Вып. 2: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. XV. Вып. 2. *Тверской сборник*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. XVI: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. XVI. *Летопись Авраамки*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. XVIII: Клосс Б.М. (сост.). 2007. *Полное собрание русских летописей*. Т. XVIII. *Симеоновская летопись*. Москва: Знак.

ПСРЛ. Т. XXIII: Клосс Б.М. (сост.). 2004. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXIII. *Ермолинская летопись*. Москва: Языки славянской культуры.

ПСРЛ. Т. XXIV: Клосс Б.М. (сост.). 2000. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXIV. *Типографская летопись*. Москва: Языки русской культуры.

ПСРЛ. Т. XXV: Тихомиров М.Н. (сост.). 1949. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXV. *Московский летописный свод конца XV в*. Москва; Ленинград: АН СССР.

ПСРЛ. Т. XXVI: Тихомиров М.Н. (сост.). 1959. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXVI. *Вологодско-Пермская летопись*. Москва; Ленинград: АН СССР.

ПСРЛ. Т. XXX: Тихомиров М.Н. (сост.). 1965. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXX. *Владимирская летопись. Новгородская вторая летопись*. Москва: Наука.

ПСРЛ. Т. XXXIII: Лурье Я.С., Сербина К.Н. (сост.). 1977. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXXIII. *Холмогорская летопись*. Ленинград: Наука.

ПСРЛ. Т. XXXVII: Казакова Н.А., Сербина К.Н. (сост.). 1982. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXXVII. *Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв*. Ленинград: Наука.

ПСРЛ. Т. XXXIX: Кузьмина Л.Ф. (сост.). 1994. *Полное собрание русских летописей*. Т. XXXIX. *Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского*. Москва: Наука.

ПСРЛ. Т. XL: Анхимюк Ю.В., Завадская С.В., Новохатко О.В., Плигузов А.И. (сост.). 2003. *Полное собрание русских летописей*. Т. XL. *Густынская летопись*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

ПСРЛ. Т. XLIII: Новикова О.Л. (сост.). 2004. *Полное собрание русских летописей*. Т. XLIII. *Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского*. Москва: Языки славянской культуры.

Ранний список: Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 445 (Чертковых). № 173. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина.

Рашид-ад-дин 1960: Смирнова О.И. (пер.). 1960. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Родословная книга 1851: Родословная книга. 1851. *Временник ОИДР*. Кн. 10, 1—125.

Напьерски К.Е. (сост.). 1868. *Русско-Ливонские акты*. Санкт-Петербург: Издание Археографической комиссии.

Рудаков В.Н. 2020. Великий князь Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя. *Тетради по консерватизму* 3, 411—436.

Селезнёв Ю.В. 2000. Ногай — полководец и политик Золотой Орды. *Новик* 3, 67—77.

Селезнев Ю.В. 2009. *Элита Золотой Орды*. Казань: Фэн.

Селезнев Ю.В. 2017а. *Картины ордынского ига*. Воронеж: Издательский дом ВГУ.

Селезнев Ю.В. 2017б. *Русские князья при дворе ханов Золотой Орды*. Москва: Ломоносовъ.

Селезнев Ю.В. 2017в. *Русско-ордынские конфликты XIII—XV веков*. Москва: Квадрига.

Селезнёв Ю.В. 2017г. Заднепровские князья Галицко-Волынской летописи. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3 (69). Сентябрь, 121—122.

Селезнёв Ю.В. 2018. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»* 1, 18—24.

Скрынникова Т.Д. 2013. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ.

Соловьев С.М. 1959. *История России с древнейших времен*. Кн. 1. Москва: Издательство социально-экономической литературы.

Соловьев С.М. 1960. *История России с древнейших времен*. Кн. 2. Москва: Издательство социально-экономической литературы.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Толочко П.П. 2003. *Русские летописи и летописцы X—XIII вв*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Феннел Дж. 1989. *Кризис средневековой Руси, 1200—1304*. Москва: Прогресс.

Черепнин Л.В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С.Л. (отв. ред.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Москва: Наука, 186—209.

Янин В.Л. 2003. *Новгородские посадники*. Москва: Языки славянской культуры.

Livländische Reimchronik 1876: Meyer L. (Hrsg.). 1876. *Livländische Reimchronik. Mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*. Paderborn: Verlag von Ferdinand Schöningh.

References

Berezhkov, N.G. 1963. *Khronologiya russkogo letopisaniya (Chronology of Russian chronicles)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Karamzin, N.M. 1842a. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (History of the Russian State)*. Bk. 1. Vol. 1—4. Saint Petersburg: Izdaniye I. Eynerlinga (in Russian).

Karamzin, N.M. 1842b. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (History of the Russian State)*. Bk. 2. Vol. 5—8. Saint Petersburg: Izdaniye I. Eynerlinga (in Russian).

Kargalov, V.V. 1967. *Vneshnepoliticheskiye faktory razvitiya feodal'noy Rusi: Feodal'naya Rus' i kochevniki (Foreign Policy Factors in the Development of Feudal Rus': Feudal Rus' and Nomads)*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Klyug, E. 1994. *Knyazhestvo Tverskoye (1247—1485 gg.) (Principality of Tver (1247—1485))*. Tver: RIF (in Russian).

Kuz'min, A.V. 2017. In *Ekonomicheskaya istoriya (Economic History)* 2016/2017, 7—64 (in Russian).

Kuchkin, V.A. 1984. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X—XIV vv. (Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th — 14th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kuchkin, V.A. 1995. In *Otechestvennaya istoriya (Domestic history)* 1, 93—107 (in Russian).

Kuchkin, V.A. 1996a. In: Vodarskiy, Ya.Ye. (ed.). *Lipetsk: nachalo istorii (Lipetsk: the beginning of history)*. Lipetsk: Golos, 7—39 (in Russian).

Kuchkin, V.A. 1996b. In *Srednevekovaya Rus' (Medieval Rus')* 1, 5—57 (in Russian).

Mayorov, A.V. 2016. In *Stratum plus* 6, 195—202 (in Russian).

Nasonov, A.N. 1940. *Mongoly i Rus' (Mongols and Rus')*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

NPL 1950: Nasonov, A.N. (comp.). 1950. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Pashuto, V.T. 1968. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi (Foreign Policy of Ancient Rus')*. Moscow: Nauka (in Russian).

PSRL. T. I: Karskiy, I.F. (comp.). 1962. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. I. *Lavrent'yevskaya letopis' (Laurentian Chronicle)*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury (in Russian).

PSRL. T. II: Shakhmatov, A.A. (comp.). 1962. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. II. *Ipat'yevskaya letopis' (Ipatiev Chronicle)*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury (in Russian).

PSRL. T. IV. Ch. 1. Vyp. 1: Sheffer, P.N. (comp.). 1917. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. IV. Pt. 1. Iss. 1. *Novgorodskaya IV letopis' (Novgorod IV Chronicle)*. Petrograd: Bashmakov i Ko (in Russian).

PSRL. T. V. Vyp. 1: Nasonov, A.N. (comp.). 2003. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. V. Iss. 1. *Pskovskiye letopisi (Pskov Chronicles)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. V. Vyp. 2: Nasonov, A.N. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. V. Iss. 2. *Pskovskiye letopisi (Pskov Chronicles)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. VI. Vyp. 1: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. VI. Iss. 1. *Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda (Sofia's first chronicle, senior edition)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. VII: Kloss, B.M. (comp.). 2001. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. VII. *Voskresenskaya letopis' (Voskresenskaya Chronicles)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. X: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. X. *Nikonovskaya letopis' (Nikon Chronicle)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XV. Vyp. 1: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XV. Iss. 1. *Rogozhskiy letopisets (Rogozhsky chronicler)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XV. Vyp. 2: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XV. Iss. 2. *Tverskoy sbornik (Tver collection)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XVI: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XVI. *Letopis' Avraamki (Abrahamka Chronicle)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XVIII: Kloss, B.M. (comp.). 2007. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XVIII. *Simeonovskaya letopis' (Simeonovskaya Chronicle)*. Moscow: Znak (in Russian).

PSRL. T. XXIII: Kloss, B.M. (comp.). 2004. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXIII. *Ermolinskaya letopis' (Ermolinskaya Chronicle)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XXIV: Kloss, B.M. (comp.). 2000. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXIV. *Tipografskaya letopis' (Typographskaya Chronicle)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

PSRL. T. XXV: Tikhomirov, M.N. (comp.). 1949. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXV. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v. (Moscow chronicle code of the late 15th c.)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

PSRL. T. XXVI: Tikhomirov, M.N. (comp.). 1959. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXVI. *Vologodsko-Permskaya letopis' (Vologda-Perm Chronicle)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

PSRL. T. XXX: Tikhomirov, M.N. (comp.). 1965. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXX. *Vladimirskaya letopis'. Novgorodskaya vtoraya letopis' (Vladimirskaya Chronicle. Novgorodskaya Second Chronicle)*. Moscow: Nauka (in Russian).

PSRL. T. XXXIII: Lur'ye, Ya.S., Serbina, K.N. (comp.). 1977. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXXIII. *Kholmogorskaya letopis' (Kholmogory Chronicle)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

PSRL. T. XXXVII: Kazakova, N.A., Serbina, K.N. (comp.). 1982. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXXVII. *Ustyuzhskiye i Vologodskiye letopisi XVI—XVIII vv. (Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th — 18th cc.)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

PSRL. T. XXXIX: Kuz'mina, L.F. (comp.). 1994. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XXXIX. *Sofiyskaya pervaya letopis' po spisku I.N. Tsarskogo (First Sofia Chronicle according to the list of I.N. Tsarsky)*. Moscow: Nauka (in Russian).

PSRL. T. XL: Ankhimyuk, Yu.V., Zavadskaya, S.V., Novokhatko, O.V., Pliguzov, A.I. (compt.). 2003. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XL. *Gustynskaya letopis' (Gustynskaya Chronicle)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

PSRL. T. XLIII: Novikova, O.L. (comp.). 2004. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. XLIII. *Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo (Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

Ranniy spisok: Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. F. 445 (Chertkovykh). No. 173. Ranniy spisok Kholmogorskoy letopisi iz sobraniya A.I. Musina-Pushkina.

Rashid-ad-din 1960: Smirnova, O.I. (transl.). 1960. *Rashid-ad-din. Sbornik letopisey (Rashid ad-din. Collection of annals)*. Vol. II. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rodoslovnaya kniga (Genealogical Book). 1851. In *Vremennik Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh (Bulletin of the Society of Russian History and Antiquities)*. Bk. 10, 1—125 (in Russian).

Nap'erski, K.Ee. (comp.). 1868. *Russko-Livonskiye akty (Russian-Livonian Acts)*. Saint Petersburg: Izdaniye Arkheograficheskoy komissii (in Russian).

Rudakov. V.N. 2020. In Tetradi po konservatizmu (*Notebooks on Conservatism*) 3, 411—436 (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2000. In Novik 3, 67—77 (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2009. *Elita Zolotoy Ordy (The Elite of the Golden Horde)*. Kazan: Fen (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2017a. *Kartiny ordynskogo iga (Pictures of the Horde yoke)*. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2017б. *Russkiye knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy (Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans)*. Moscow: Lomonosov (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2017в. *Russko-ordynskiye konflikty XIII—XV vekov (Russian-Horde conflicts of the 13th —15th centuries)*. Moscow: Kvadriga (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2017g. In *Voprosy mediyevistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)* 3 (69). *September*, 121—122 (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2018. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki" (Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and Social Sciences")* 1, 18—24 (in Russian).

Skrynnikova, T.D. 2013. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana (Charisma and power in the era of Genghis Khan)*. Saint Petersburg: Eurasia (in Russian).

Solovyov, S.M. 1959. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen (History of Russia from Ancient Times)*. Bk. 1. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury (in Russian).

Solovyov, S.M. 1960. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen (History of Russia from Ancient Times)*. Bk. 2. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury (in Russian).

Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde)*. Vol. I. *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh (Extracts from the Arabian sources)*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian and Arabian).

Tolochko, P.P. 2003. *Russkie letopisi i letopiscy X—XIII vv. (Russian chronicles and chroniclers of 10th — 13th centuries)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy (Social structure of the Golden Horde)*. Moscow: MGU (in Russian).

Fennel, Dzh. 1989. *Krizis srednevekovoy Rusi, 1200—1304 (The crisis of medieval Rus', 1200—1304)*. Moscow: Progress (in Russian).

Cherepnin, L.V. 1977. In: Tikhvinskiy, S.L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (The Tatar-Mongols in Asia and Europa)*. Moscow: Nauka, 186—209 (in Russian).

Yanin, V.L. 2003. *Novgorodskie posadniki (Novgorod Posadniks)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

Livländische Reimchronik 1876: Meyer, L. (Hrsg.). 1876. *Livländische Reimchronik. Mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*. Paderborn: Verlag von Ferdinand Schöningh.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

«ПЛАТНЫЕ ДОРОГИ» В ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII—XIV ВВ.*

В статье анализируется статус и полномочия чиновников, обеспечивающих безопасность на торговых путях и взимавших дорожные пошлины в чингизидских государств XIII—XIV вв. В научный оборот впервые вводится русский перевод ярлыка о назначении начальника туткаулов (рахдаров) в монгольском Иране из трактата второй половины XIV в. «Дастур ал-катиб», написанного чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани. Публикация текста документа сопровождается междисциплинарным научным комментарием, в котором статус туткаула (рахдара) в монгольском Иране сравнивается с аналогичными институтами и в других государствах Чингизидов: Золотой Орде (Улусе Джучи), Чагатайском улусе, империи Юань, а также в более ранних и более поздних государствах. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правители-Чингизиды (продолжая политику своих предшественников) старались всемерно развивать коммуникации в своих владениях, обеспечивая комфорт и безопасность торговцев, которые, однако, должны были материально компенсировать властям затраты на поддержание торговых путей уплатой соответствующих налогов и сборов.

Ключевые слова: Монгольская империя, монгольский Иран, Улус Джучи, империя Юань, сборщики налогов, дорожные сборы, ханские ярлыки, правовое регулирование торговли.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Научный институт изучения Улуса Джучи; Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, 010000, ул. Пушкина, 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

"TOLL ROADS" IN THE CHINGGISID STATES OF 13th—14th CC.

The article is an analysis of status and activities of the officials who provided safety of trade routes and collected road taxes in the Chinggisid rulers of 13th—14th. There is the first introduction of the Russian

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, https://rscf.ru/project/23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Статья поступила в номер 24 июня 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2024 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2024.

translation of ilkhan's edict (yarlik) on the appointment of the head of tutkauls (rahdars) from the treatise " Dastur al-katib" written by Muhammad b. Hindushah Nahchivany, the official of Ilkhans, in the second half of the 14th c. Text of the document is supplemented by the interdisciplinary commentary with the comparison of tutkaul's status in the Mongol Iran with its analogues in other Chinggisid uluses: Golden Horde (Jochi Ulus), Chaghatai Ulus and Yuan Empire as well as with similar institutions in the earlier and later Asian states. The study gives a reason to state that Chinggisids (as well as their predecessors) made efforts to provide comfortable and safe communications for traders in their states, but the latter ones should compensate state expenses by paying the appropriate taxes.

Key words: Mongol Empire, Khulaguid state, Golden Horde, Yuan Empire, tax-collectors, road taxes, khans' yarliks, trade regulation.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Mustakimov Ilias Al'fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; 140104, Republic of Uzbekistan, Samarkand, Universitetskiy Av., 15, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin Str., 15B, Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Настоящее исследование до некоторой степени является продолжением статьи того же авторского коллектива, посвященной обеспечению безопасности торговых путей в тюрко-монгольских государствах XIII—XIV вв. (Абзалов и др. 2022). И если в той статье речь шла об активной борьбе правоохранительных структур чингизидских улусов с разбойниками на дорогах, здесь больше внимания будет уделено анализу политики поддержания надлежащего состояния торговых путей. Ответственность за эту деятельность несли специальные чиновники, которые в тюрко-монгольских государствах назывались туткаулами.

Термин «туткаул» неоднократно встречается в средневековых тюрко-монгольских источниках — ханских ярлыках и исторических сочинениях. Обращались к его анализу и исследователи. Однако, поскольку до сих пор они базировали свои выводы о статусе и функциях этих чиновников преимущественно на упоминаниях о них в ярлыках, которыми ханы жаловали иммунитеты (освобождение от налогов и сборов) и на этимологии термина, в историографии встречаются различные, в т.ч. и противоречивые представления о туткаулах.

Так, исходя из сведений ханских ярлыков (преимущественно джучидских государств — Золотой Орды и ее наследников) специалисты характеризовали туткаулов и как «заставщиков», и как «приставов», и как «посланников», встречались даже такие его определения как «казначей», «хранитель», «охранник», «инспектор» и т. д. (Радлов 1905: 1487; Федоров-Давыдов 1973: 98; Doerfer 1961: 252; Mostaert, Cleaves 1952: 434, 436—437). Не имея четкого представления о функциях различных представителей чингизидской администрации, некоторые авторы, видя связки «букаул-туткаул» и «караул-туткаул» считали эти должности синонимичными (Усманов 1979: 214), что в корне неверно (Мустакимов и др. 2023).

Устранить подобные противоречия и разночтения позволяет обращение к документу, в котором статус и полномочия туткаулов представлены исчерпывающим образом, поскольку это — ярлык о назначении на соответствующую должность, который впервые вводится в русскоязычный научный оборот в настоящей статье. Этот историко-правовой памятник сохранился в составе трактата «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани.

Ранее мы уже давали характеристику этому трактату и обосновывали его важность сведений (особенно включенных в его состав ярлыков ильханов) как источника по истории

системы власти и управления не только в монгольском Иране, но и других чингизидских государствах. Аналогичным образом мы обращали внимание на приоритет австрийского востоковеда Й. фон Хаммера-Пургшталя в изучении памятники и первом переводе на европейский язык ряда ярлыков из сочинения Нахчивани (Абзалов и др. 2022: 299). Поэтому ниже мы также публикуем перевод интересующего нас документа не только с оригинального персидского текста, но и с немецкого перевода Хаммера.

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer 1840: 513—514)[1]	**Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 165—167 араб. паг.)[2]**
XXXIV. Грамота [ярлык] командиру заставщиков (туткаулов и рахдаров), первый [образец] Поскольку несколько купцов и владельцев караванов сообщили, что на них напали разбойники в местности N., лишив их денег и их вьючных животных, некоторые из караванщиков были убиты, а некоторые ранены: таким образом, это известие было воспринято с крайним неудовольствием, и были приложены все усилия, чтобы положить этому безобразию конец. Поэтому, начиная с этого дня, служба дорожной стражи (рахдари) этих мест и путей передается Шемседдину Имре, который издавна занимался подобными делами и не позволял ворам и грабителям преследовать сынов пути (путников), ему поручается, чтобы он делал то же самое таким образом, которого можно ожидать от его способностей, чтобы он прилагал все усилия для истребления и уничтожения воров и разбойников с большой дороги, дабы он был проводником купцам и караванам в опасных местах и благополучно приводил их к месту их назначения. По этим причинам этот указ вступает в силу, дабы начальники и управляющие области N. признали его с сего числа главой дорожной стражи (рахдаром) и сборщиком пошлин (бадж-хуах) тех границ, закрыли врата всем тем, кто захочет вмешаться в это [его дело] и признавали его руку необремененной и сильной. Купцы и караванщики должны оплачивать обычные сборы, взимаемые таможней (баджджари), начальником заставы (туткаул) и дорожной стражей (рахдари) в порядке, указанном здесь: с лошади, верблюда, мула, осла, вола, овцы. Эти сборы следует передать ему, чтобы после совета и указаний Дивана их можно было бы [ему] расходовать.	**Раздел двадцать второй. О препоручении должности [главы/предводителя] туткаулов и рахдаров.** **Вид первый** Поскольку группа купцов и караванных торговцев вновь сообщила о том, что на такой-то дороге на них напали разбойники и отняли у них деньги, товары и вьючных животных, убили и ранили некоторых караванщиков, эта ситуация была расценена как неприемлемая и приложены старания для исправления и улучшения этого [сложившегося положения вещей]. [Поэтому,] начиная с этого дня служба дорожной стражи (*рахдари*) той дороги и всех прилегающих к ней местностей возлагается на Шамс ад-Дина Эмире[3], с давних времен занимающегося этим делом, по каковой причине у разбойников и грабителей не было возможности[4] нападать на путников. От его способностей и компетентности ожидается, что он поручит охрану путей своим расторопным и отважным нукерам и приложит все старания для истребления, уничтожения и искоренения разбойников и грабителей, будет предоставлять купцам и караванам охрану[5] в опасных местах для безопасного их препровождения к месту назначения. Посему этот указ издан с тем, чтобы хакимы и мутасаррифы такой-то провинции (ولایت) с начала сего года признавали его в качестве рахдара и сборщика баджа (باج خواه) с тех путей от пределов таких-то до пределов таких-то, понимали, что врата вмешивания [кого-либо в его дела] закрыты и *признавали его полномочия[6]. Пусть купцы и караваны уплачивают ему положенную пошлину [известную как] баджджари, тутгавули и рахдари нижеследующим образом: - с одной головы верблюда - … - с одной головы мула - … - с одной головы вьючной лошади - … - с одной головы осла - … - с одной головы быка - …

[1] Перевод с немецкого языка выполнен М.С. Гатиным.

[2] Перевод с персидского языка выполнен И.А. Мустакимовым.

[3] В других списках «Шамс ад-Дин Имре» (или «Шамс ад-Дин Эмре»), «Хизр-бек».

[4] Букв. «сил» (قدرت).

[5] Букв. «сопровождение» (بدرقه).

[6] Букв «признавали его руку сильной» (دست او قوی دانند).

	- с четырех голов овец, ягнят и коз - … Он же расходовал бы их в соответствии с [выписанными на него] переводными письмами и ассигновками (بروات و احالات) согласно документу, представленному в Диван. Писано по высочайшему повелению — да будет оно действовать вечно!

Дипломатический комментарий

Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит основные компоненты акта о назначении туткаула. С некоторой условностью, традиционную для европейских документов структуру, состоящую из начального протокола, основной части и эсхатокола, можно применить и к анализу нашего документа (Fragner 2016). Индивидуальный протокол разбираемого образца ярлыка включает лишь основную часть, с главными присущими ей компонентами, характерными как для персидской, так и чингизидской дипломатики. Вне зависимости от смены династии в Иране, структура основной части, в отличие от начального и конечного протоколов, а также средств аутентификации, не претерпевала особых изменений (Fekete 1977: 18). В соответствии с традицией инша Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани не включил в образец ярлыка начальный и конечный протоколы, как правило, независящие от содержания документа (Busse 1961: 211).

Представленный документ начинается с наррации («фикра-и хикая») союзом چون («поскольку»). Нарративная часть излагает обстоятельства, предшествовавшие изданию ярлыка о назначении Шамс ад-Дина Эмире на должность туткаула. В диспозиции («фикра-и хукмия») выражается решение правителя, а также даются предписания должностным лицам по отношению к назначаемому указом лицу.

Абстрактный формуляр документов о назначении на должность, в начальной ее части, как правило, включал в себя инвокацию, интитуляцию и инскрипцию (Herrmann 2004: 12; Fekete 1977: 60), и именно в них наиболее явственно должны были проявляться элементы чингизидской канцелярской культуры (Biran 2008: 386—389; Kim 2010: 61—78). Эта культура была достаточно устойчива и сохранялась, как видно из трактата «Дастур ал-катиб», и в период правления Джалаиров. Основная часть документа, как правило, начиналась с аренги, за которой шла формула промульгации. Как было уже указано, нарративная и диспозитивная часть в нашем образце представлены, но отсутствуют санкция и корроборация. Диспозитивная часть включает в себя адхортацию, в которой даны предписания должностным и заинтересованным лицам (хакимы и мутасаррифы вилайета, купцы и караваны). Завершал документ эсхатокол, включавший в себя место, время выдачи ярлыка, в нашем случае, за исключением аппрекации, этот компонент отсутствует.

Таким образом, структура рассматриваемого документа свойственна персидскому делопроизводству (Busse 1991: 309; Herrmann 2004; Fekete 1977: 18; Fragner 2016; Ястребова 2022). Автор не включил в образец ярлыка, в силу их шаблонности, свойственные чингизидской практике типичные части условного и абстрактного формуляра, в которых наиболее явственно должна была проявляться канцелярская традиция Чингизидов.

Историко-правовой комментарий

Обращаясь к содержанию документа, мы, прежде всего, обращаем внимание на обоснование его выдачи (наррацию): это сообщение торговцев о нападении на них разбойников и захвате их имущества. Нельзя не обратить внимание на сходство его с наррацией в ярлыке о назначении предводителя каравана (Абзалов и др. 2022: 300), что позволяет высказать предварительное предположение о сходстве должностей начальника каравана и туткаула.

Соответственно, для устранения этой опасности и предупреждения дальнейших нападений на соответствующем торговом пути назначается начальник «дорожной стражи» или предводитель

туткаулов (рахдаров). Важно обратить внимание на то, что речь идет не о рядовом туткауле, а именно об их командире, который уже поручает конкретные действия по охране дороги и защите проезжающих своим подчиненным — «расторопным и отважным нукерам».

Функции туткаулов, как следует из текста ярлыка, сводились к борьбе с грабителями на дорогах, сопровождении караванов и, как будет описано ниже, сборе дорожной пошлины. Эти же функции обладателей данной должности упоминают и современники — персидский государственный деятель Рашид ад-Дин и флорентийский торговец Франческо Балдуччи Пеголотти (Рашид ад-Дин 1946: 269; Pegolotti 1936: 19, 28).

Выше мы уже предположили сходство должностных обязанностей туткаулов и предводителей караванов, которое подтверждается соответствующими положениями о функциях тех и других. Единственным принципиальным отличием начальника каравана от туткаула, по-видимому, являлось то, что последний выполнял свои обязанности в пределах своего участка дороги: неслучайно основным вариантом перевода термина «туткаул» является «заставщик», т.е. чиновник, несший службу в пределах конкретной заставы, ответственной за ту или иную часть торгового пути. Начальник же каравана, вероятно, не был столь тесно связан территориальным границами: он мог осуществлять охрану каравана на всем пути его следования или преследовать разбойников в тех местах, о которых получал информацию или приказание от своего начальства.

Несомненно, обязанности, возлагавшиеся на туткаулов, являлись весьма ответственными — неслучайно в ярлыке дается характеристика лица, назначаемого на должность их предводителя, как «с давних времен занимающегося этим делом». Т.е. можно предположить, что названный в ярлыке Шамс ад-Дин Эмире и ранее выполнял аналогичный функции — возможно, изначально в должности рядового туткаула и теперь получил повышение.

Однако это — именно предположение, поскольку нам, к сожалению, не удалось найти информации об этом чиновнике в других исторических источниках. По мнению немецкого востоковеда Г. Дёрфера, «должность туткаула, кажется не пользовалась большим почетом» (Doerfer 1961: 251), поэтому вполне вероятно, что средневековые историки не сочли нужным упоминать в своих трудах какого-то начальника дорожной стражи, в ведении которого находилась всего лишь одна из дорог. Упоминания высокопоставленных туткаулов в источниках единичны (Вохидов 2007: 87, 94; Doerfer 1961: 251).

Имя Шамс ад-Дин Эмире показывает, что речь идет о чиновнике мусульманского вероисповедания. Поскольку нам неизвестно его происхождение, можно предположить, что он мог быть исламизированным тюрком или монголом. Однако имеется не меньше оснований считать, что он мог относиться и к подданным ильханов местного происхождения — в первую очередь, к персам[7]. Тот факт, что должности туткаулов могли занимать также и представители коренного населения монгольского Ирана, подтверждается наличием в ярлыке персидского аналога должности — «рахдар»: это позволяло как тюрко-монгольским, так и персидским адресатам ярлыка и другим лицам, которым он мог предъявляться, понимать, о какой должности идет речь.

Термин «рахдар» встречается еще в персоязычных источниках IX—X вв. в значении «проводник», т.е. уже изначально речь шла о лицах, отвечавших за сопровождение караванов еще задолго до установления монгольского владычества (Ибн Хордадбех 1986). В результате институт туткаула не был инородным на территории Ирана, став всего лишь тюрко-монгольским аналогом старинной персидской чиновной должности. Выходя за рамки хронологии настоящего исследования, можно отметить, что именно это название сохранилось впоследствии в персидской административной практике: о рахдарах упоминается и в персидских трактатах эпохи Сефевидов до XVIII в. включительно (Tadhkirat al-Muluk 1980: 76, 180), и даже в русских официальных документах начала XIX в. — применительно к Дагестану и

[7] В другом образце ярлыка о назначении на должность туткаула в качестве назначаемых фигурируют чиновник с тюркским имемен Айтегин (Нахчивани 1976: 167—168 араб. паг.).

Азербайджану (Акты 1870: 87; Саламов 2023: 114), которые, как известно, длительное время находились под владычеством Персии и, соответственно, испытали влияние ее традиций в т.ч. в сфере власти, управления и правоохранительной деятельности. Лишь в первой половине XIX в. в Закавказье было ликвидировано взимание налога рахдари в связи с формированием российской имперской системы застав и таможен (Иноземцева 2001: 108; Исмаилов 2010: 126).

В ярлыке довольно противоречиво представлено место туткаулов (включая их предводителя) в чиновной иерархии. Достоверно можно установить только то, что они не подчинялись региональной и местной гражданкой администрации, поскольку указом прямо запрещалось хакимам («гражданским» наместникам областей) и мутасаррифам (управители населенных пунктов). Учитывая вышеприведенное замечание Г. Дёрфера о не самом высоком статусе туткаулов, можно сделать вывод, что они вряд ли напрямую подчинялись центральным властям — везиру, дивану и, тем более, самому ильхану, хотя последний и назначал их на должность своим указом. Наиболее вероятным представляется, что они, относясь к правоохранительной системе, могли находиться в подчинении представителей военной администрации — скорее всего, темников или тысячников, в пределах их «десятичных» административно-территориальных единиц.

Особое место среди предписаний туткаулам является сбор ими дорожной пошлины с торговцев и караванов, который, впрочем, в большей степени позиционируется не столько как полномочие самих «заставщиков», сколько как обязанность проезжающих. В исследуемом документе эта пошлина фигурирует под тремя синонимичными названиями — «бадждари», «тутгавули» и «рахдари». Нельзя не заметить, что последние два термина напрямую связаны с тюрко-монгольским и персидским названиями должности «заставщиков», поэтому их включение в документ является вполне логичным и обоснованным. Что касается термина «бадждари», то о нем следует сказать отдельно.

«Бадждари» или просто «бадж» является также старинным налоговым институтом на территории Персии и государств, испытавших ее влияние. Подобно термину «рахдар», это понятие встречается уже в документах IX—X вв. (Заходер 1962: 169—170), хотя некоторые современные авторы утверждают, что впервые бадж стал взиматься еще в V—VI вв. (Исмаилов 2010: 21; Абдуллаев 2016: 38).

В некоторых персидских источниках бадж порой фигурирует в качестве некоего обобщающего обозначения налогов и сборов в пользу властей. Так, например, Хафиз Абру, сообщая об упорном сопротивлении правителей Гиляна власти персидских ильханов, сообщает: «Правители этой области [в свою очередь] не посчитали необходимым подчиниться [им] и установить бадж» (Хафиз Абру 2011: 31). Курдская аристократка Мах-Шараф-хатун Ардалани, сообщая о военных кампаниях одного из своих предков, упоминает, что его противники «были вынуждены покориться, обязались служить казне и платить налоги», а именно — харадж и бадж, которые являлись символами налогообложения, соответственно, сельского и городского населения (Мах-Шараф ханум 1990: 95, прим. 73). Сочетание баджа с хараджем — одним из основных налогов, предусмотренных шариатом, делал этот старинный персидский налоговый институт легитимным в глазах мусульман. Бадж (в связке с «хардж-караджат»: باج و خرج قراجات) упомянут в тарханном ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г. среди прочих налогов (Мустакимов 2013: 41). Бадж также взимался и в Османской империи (Тверитинова 1963: 56, 189, 194, 206). Таким образом, бадж был полностью интегрирован в мусульманскую систему налогов, сборов и повинностей.

Согласно персидскому ученому и государственному деятелю второй половины XIII в. Насир ад-Дину Туси, первоначально монголам взимание баджа «было не по вкусу» (Хатиби 1985: 92), однако, как видим из текста ярлыка, со временем они восприняли этот термин, который стал полным аналогом тутгавули и рахдари, при этом оставаясь привычным для многочисленного местного населения — особенно городского, т.е. торгового и ремесленного.

Некоторые исследователи считали бадж аналогом другого чингизидского налога — тамги (Бартольд 1966: 323; Мухамедъяров 2012: 159). Однако, как мы убедились, это не так: тамга взималась при пересечении границы, тогда как бадж являлся сбором за пользование дорогами

внутри государства. Слияние этих налогов, насколько нам известно, имело место лишь в позднем средневековье, причем даже не в Иране, а в Индии Великих Моголов (Почекаев 2022: 180)[8].

Сведения о туткаулах и о взимаемых ими налогах в источниках позволяют проследить применение этих институтов и в других государствах Чингизидов. Так, в Улусе Джучи туткаулы (заставщики», «дорожники») фигурируют в эпоху Золотой Орды (ярлыки Бердибека 1357 г. и Тюляка 1379 г. русской церкви, Токтамыша Бек-Хаджи 1381 г. и Тимур-Кутлуга Хаджи Мухаммеду и Махмуду 1398 г.), а также пост-ордынских государств (ярлыки крымского хана Менгли-Гирея 1467 г. и казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.) (Березин 1863: 73, 74; Радлов 1889: 23—24; Усманов 1979: 216, 218; Мухамедьяров 1967: 108; Мустакимов 2013: 42).

О наличии соответствующих чиновников в Чагатайском улусе, т.е. чингизидской Средней Азии свидетельствует упоминание взимания в ней баджа. Этот налог собирался со всех лиц, провозящих товары (торговцев и ремесленников) за исключением тех, кто имел тарханные грамоты, освобождавшие их от уплаты всех или части налогов. Он сохранялся еще и в XIX в. (Мукминова 1969: 68).

Китайские источники зафиксировали сведения о туткаулах также и в империи Юань, где они назывались «t'o-t'o-ho(huo)-sun» (Doerfer 1961: 253). Правда, если в государстве Хулагуидов, Улусе Джучи и Средней Азии они являлись служащими на заставах, то в чингизидском Китае это были своего рода инспекторы, осуществлявшие проверки и ревизии деятельности почтовых станций. Именно они обеспечивали соблюдение почтовыми служащими правил предоставления лошадей и провианта проезжающим, препятствовали взиманию незаконных или повышенных сборов с дипломатов или торговцев и определяли наказания для провинившихся (Ratchnevsky 1985: 276—277, 289). Подчинялись они так же, как туткаулы в других чингизидских улусах, не центральным властям, а региональной администрации. Впрочем, в отличие от улусов Джучи, Хулагу и Чагатая, в империи Юань институт туткаулов просуществовал не слишком долго: он получил повсеместное распространение к 1271 г., но уже в 1332 г. фактически перестал функционировать (Farquhar 1990: 220, 418).

И если в империи Юань туткаулы («тотохосуны») преследовали нарушителей из числа служащих на дорогах, то в других улусах именно они сами являлись субъектами преступлений. В частности, в монгольском Иране практика злоупотреблений туткаулами должностных полномочий получила весьма широкое распространение, что находило отражение даже в официальных правовых актах. Так, в проезжем ярлыке ильхана Абаги 1267 (или 1279) г. прямо запрещается туткаулам (равно как и другим чиновникам, в чьи полномочия входил сбор налогов и пошлин) взимать сборы с иностранных дипломатов (Тумахани 2011: 190; Шаймарданова 2014: 92—93). В ярлыке венецианским торговцам от ильхана Абу Саида 1320 г. чиновникам запрещено взимать бадж в большем размере, чем это предусмотрено действующим законодательством (Mas Latrie 1870: 24—25; Почекаев 2023: 10)[9].

Весьма выразительно описывает злоупотребления «дорожной полиции» Рашид ад-Дин. Согласно его сведениям, к концу XIII в. туткаулы постоянно требовали с проезжающих путевые сборы в произвольном размере, фактически грабя торговцев. Более того, нередко и простые местные жители выдавали себя за туткаулов, требуя сборов в свою пользу (Рашид ад-Дин 1946: 269). И хотя ильхан Газан во второй половине 1290-х гг. принял меры по борьбе с этими преступлениями, проблема сохранялась и в 1310-х гг.: тот же Рашид ад-Дин в письме своему сыну Джалал ад-Дину, назначенному хакимом Рума в 1314 г. требует, чтобы тот освободил дороги от «злонамеренных людей», и торговцы могли передвигаться без затруднений и опасений грабежа (Рашид ад-Дин 1971: 148—149). Беспокойство везира было вполне понятно: ведь в соседней Киликийской Армении жители итальянских колоний в конце XIII в. фактически

[8] Впрочем, некоторые современные авторы необоснованно придерживаются мнения, что рахдари и бадж являлись разными налогами (Абдуллаев 2016: 157).

[9] Интересно, что в итальянских переводах ярлыков дорожный сбор бадж переводится как pedaggio (Григорьев, Григорьев 2002: 16; Почекаев 2023: 14): этот термин и сегодня в Италии означает денежный сбор при проезде по платной автостраде, мосту или туннелю.

свернули свою деятельность именно по той причине, что с них взимались высокие дорожные пошлины, однако их уплата отнюдь не гарантировала безопасного проезда (Ciociltan 2012: 116).

Впрочем, нельзя не отметить, что сами особенности правового статуса туткаулов предрасполагали их к подобного рода злоупотреблениям. Ведь даже согласно анализируемому нами документу, они, во-первых, не подчинялись региональной и местной администрации, во-вторых, полученные дорожные сборы тратили на свои же нужды, не сдавая их в казну. Следовательно, они фактически не отчитывались за осуществляемую ими налоговую деятельность, и для них не существовало критериев, на основании которых можно было достоверно установить, взимали ли они столько, сколько прямо предписывалось ильханским указом (в приведенном тексте, как видим, установлены четкие ставки в зависимости от видов облагаемого имущества, хотя сами цифры и отсутствуют), или же больше.

Проведенное исследование вопроса позволяет нам сделать ряд выводов.

Во-первых, ярлык командиру туткаулов и рахдаров из собрания «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани дает нам четкое и исчерпывающее представление о статусе, требованиях к претенденту и должностных обязанностях туткаула.

Во-вторых, туткаулы были чиновниками, которые несли ответственность за безопасность на вверенных им участках торговых путей и за борьбу с дорожными грабителями. Таким образом, их определение как «дорожной стражи» или даже, как предлагает Г. Дёрфер, «полевой жандармерии» является применительно к ним вполне обоснованным.

В-третьих, принятие мер по борьбе с грабителями и обеспечению мер безопасности проезжающих свидетельствует о внимании, которое персидские ильханы (равно как и другие чингизидские правители) уделяли развитию торговли и торговой инфраструктуры, включая дороги и иные коммуникации. При этом содействие купцам не было безвозмездным — они должны были уплачивать на определенных заставах соответствующие дорожные сборы, которые, по сути, стали предшественниками современных «платных дорог». Отсутствие же надлежащего контроля за деятельностью туткаулов приводило к злоупотреблениям с их стороны в виде взимания завышенных сборов и пошлин с тех лиц, которые были официально освобождены от их уплаты.

Литература

Абдуллаев М. (ред.). 2016. *История Азербайджана (с древнейших времен до первых десятилетий XXI века)*. Баку: Baki Universiteti.

Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. 2022. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII—XIV вв. *МАИАСП* 14, 297—313.

Бартольд В.В. 1966. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. В: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. Москва: Восточная литература, 313—338.

Березин И. 1863. *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*. Сакнт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Вохидов Ш.Х. (пер.). 2007. *История Казахстана в персидских источниках*. Т. III. *Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии)*. Алматы: Дайк-Пресс.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. 2002. *Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Заходер Б.Н. 1962. *Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв.* Москва: Восточная литература.

Ибн Хордадбех 1986: Велиханова Н.М. (пер.). Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран.* Баку: Элм.

Иноземцева Е.И. 2001. *Дагестан и Россия в XVIII— первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений*. Махачкала: ДНЦ РАН.

Исмаилов Э.Р. 2010. *Очерки по истории Азербайджана*. Москва: Флинта.

Мах-Шараф ханум 1990: Васильева Е.И. (пер.). 1990. Мах-Шараф ханум Курдистани. *Хроника дома Ардалан.* Москва: Наука.

Мукминова Р.Г. 1969. Несколько слов о терминах тамга и бадж. *Общественные науки в Узбекистане* 11, 65—69.

Мустакимов И.А. 2013. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея. *Средневековые тюрко-татарские государства* 5, 31—47.

Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С. 2023. Институт букаула в тюрко-монгольских государствах: ильханская, джучидская и чагатайская традиция. *Oriental Studies* 16, 4, 702—717.

Мухамедьяров Ш.Ф. 1967. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. В: Александров В.А и др. (ред.). *Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова*. Москва: Наука, 104—109.

Мухамедьяров Ш.Ф. 2012. *Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.)*. Казань: Ихлас.

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). 1976. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Почекаев Р.Ю. 2022. *Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии*. Казань: Татарское книжное издательство.

Почекаев Р.Ю. 2023. Между дипломатией и правом: ярлык ильхана Абу Саида венецианцам 1320 г. (опыт междисциплинарного исследования). *Кунсткамера* 3 (21), 7—22.

Радлов В. 1889. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*, 3, 1—40.

Радлов В.В. 1905. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. III. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер.). 1971. Рашид ад-Дин. *Переписка.* Москва: Наука.

Саламов Н.М.-о. 2023. Правовое положение ханств северного Азербайджана в составе Российской империи (конец XVIII — начало XIX века). Дисс. … канд. юрид. наук. Иркутск.

Тверитинова А.С. (пер.). 1963. *Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.: Документы и материалы*. Москва: Восточная литература.

Тумахани Э.А. 2011. Лапидарные памятники ильханов: текстология и синтаксис. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета* 4, 16, 188—196.

Усманов М.А. 1979. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань: Казанский университет.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды.* Москва: Московский университет.

Хатиби С. 1985. *Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII—XIV вв.* Ашхабад: Ылым.

Хафиз Абру 2011: Тылышханов Э.Р. (пер., пред., коммент., указ.). Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). *Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»)*. Казань: ЯЗ.

Шаймарданова З.Д. 2014. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики. *Отан тарихы* 1, 91—100.

Ястребова О.М. 2022. О классификации и элементах оформления персидских документов эпохи Сафавидов. *Письменные памятники Восток* 19, 3 (50), 47—76.

Biran M. 2008. Diplomacy and Chancellery Practices in the Chagatai Khanate: Some Preliminary Remarks. *Oriente Moderno* 88, 2, 369—393.

Busse H. 1961. Persische Diplomatik im Überblick: Ergebnisse und Probleme. *Der Islam* 37, 202—245.

Busse H. 1991. Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.

Ciociltan V. 2012. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden; Boston: Brill.

Doerfer G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. *Mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Farquhar D.M. 1990. *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Fekete L. 1977. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente*. *Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai*. Budapest: Akademiai Kiadó.

Fragner B.G. 2016. Farmān. *Encyclopædia Iranica, online edition*. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/farman (дата обращения 24.01.2023).

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Kim H. 2010. Eastern Turki Royal Decrees of the 17th Century in the Jarring Collection. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17—20th Centuries*. Tokyo: The Toyo Bunko, 59—119.

Mas Latrie L. de. 1870. *Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribute a un roi de Tunis (Extrait de la Biblioteque de l'Ecole des Chartes)*. Paris: [s.n.].

Mostaert A., Cleaves F.W. 1952. Trois documents mongols des Archives Secretes Vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 15, 3/4, 419—506.

Pegolotti F.B. 1936: Evans F. (ed.). *Francesco Balducci egolotti. La pratica della mercatura*. Cambridge: The Medieval Academy of America.

Ratchnevsky P. 1985. *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux.

Tadhkirat al-Muluk 1980: Minorsky V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

References

Abdullaev, M. (ed.). 2016. *Istoriya Azerbaydzhana (s drevneyshikh vremen do pervykh desyatiletiy XXI veka) (History of Azerbaijan (since the earliest times to the first decades of the 21st century))*. Baku: Baki Universiteti (in Russian).

Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 297—313 (in Russian).

Bartold, V.V. 1966. In: Bartold, V.V. *Sochineniya (Collecred works)*. Vol. 4. Moscow: Nauka, 313—338 (in Russian).

Berezin, I. 1863. *Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva (Essay on the internal structure of the Jochi Ulus)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Vokhidov, Sh.Kh. (transl.) 2007. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh (History of Kazakhstan in the Persian sources)*. Vol. III. *Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchee genealogii) (Mu'izz al-ansab (Glorifying of genealogies))*. Almaty: Dayk-Press (in Russian and Persian).

Grigor'ev, A.P., Grigor'ev, V.P. 2002. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoye issledovanie* (*Collection of Golden Horde documents of the 14th century from Venice: Source study)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press (in Russian).

Zakhoder, B.N. 1962. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX—X vv. (Caspian compendium of information on the Eastern Europe, Gorgan and Volga Region in 9th—10th cc.).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Ibn Khordadbekh 1986: Velikhanova, N.M. (translr.). Ibn Khordadbekh. *Kniga putey i stran (The book of routes and countries)*. Baku: Elm (in Russian).

Inozemtseva, E.I. 2001. *Dagestan i Rossiya v XVIII — pervoy polovine XIX v.: problemy torgovo-ekonomicheskikh vzaimootnosheniy (Dagestan and Russia in 18th — first half of 19th c.: problems of trade and economic relations)*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS (in Russian).

Ismailov, E.R. 2010. *Ocherki po istorii Azerbaydzhana (Essays on history of Azerbaijan)*. Moscow: Flinta (in Russian).

Makh-Sharaf khanum 1990: Vasil'eva, E.I. (transl.). 1990. Makh-sharaf khanum Kurdistani. *Khronika doma Ardalan (The chronicle of Ardalan dynasty)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mukminova, R.G. 1969. In *Obschestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* 11, 65—69 (in Russian).

Mustakimov, I.A. 2013. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar states)* 5, 31—47 (in Russian).

Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu., Abzalov, L.F., Gatin, M.S. 2023. In *Oriental Studies* 16, 4, 702—717 (in Russian).

Muhamed'yarov, Sh.F. 1967. In: Aleksandrov, V.A et al. (eds.). *Novoe o proshlom nashey strany. Pamyati akad. M.N. Tikhomirova (New on the past of our country. In memory of academician M.N Tikhomirov)*. Moscow: Nauka, 104—109 (in Russian).

Muhamed'yarov, Sh.F. 2012. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gosudarstvenniy stroy Kazanskogo khanstva (XV — pervaya polovina XVI vv.) (Social-economic and political system of the Kazan Khanate (15th — first half of 16th cc.))*. Kazan: Ikhlas (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Pochekaev, R.Yu. 2022. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii (Chinggis' law: Legal heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and states of the Central Asia)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).

Pochekaev, R.Yu. 2023. In *Kunstkamera* 3 (21), 7—22 (in Russian).

Radlov, V. 1889. In *Zapiski Vostochnogo otdela Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archeological Society)* 3, 1—40 (in Russian).

Radlov, V.V. 1905. *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy (Experience of dictionary of the Turkic dialects)*. Vol. III. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk (in Russian).

Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.). 1946. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Salamov, N.M.-o. 2023. Legal status of the khanates of the northern Azerbaijan within the Russian Empire (end of 18th — beginning of 19th century). Thesis of candidate of legal sciences. Irkutsk.

Tveritinova, A.S. (transl.). 1963. *Agrarniy stroy Osmanskoy imperii XV—XVII vv.: Dokumenty i materially (Agrarian system of the Ottoman Empire of 15th—17th cc.: Documents and materials)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Tumakhani, E.A. 2011. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta (Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University)* 4, 16, 188—196 (in Russian).

Usmanov, M.A. 1979. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV—XVI vv. (Granted acts of the Jochi Ulus of 14th—16th cc.)*. Kazan: Kazanskiy universitet (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvenniy stroy Zolotoy Ordy (Social system of the Golden Horde)*. Moscow: Moskovskiy universitet (in Russian).

Khatibi, S. 1985. *Persidskie dokumental'nye istochniki po social'no-ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII—XIV vv. (Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th—14th cc.)*. Ashkhabad: Ylym (in Russian).

Khafiz Abru 2011: Alyshkhanov, E.R. (transl., intr., comments, index), Mirgaleyev, I.M. (ed.). 2011. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi ("Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida") ("Appendix to the Compendium of chronicles by Rashid")*. Kazan: YaZ (in Russian).

Shaymardanova, Z.D. 2014. In *Otan tarikhy* 1, 91—100 (in Russian).

Yastrebova, O.M. 2022. In *Pis'mennye pamiatniki Vostoka (Written monuments of the Orient)* 19, 3 (50), 47—76 (in Russian).

Biran, M. 2008. Diplomacy and Chancellery Practices in the Chagatai Khanate: Some Preliminary Remarks. *Oriente Moderno* 88, 2, 369—393.

Busse, H. 1991. Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.

Busse, H. 1961. Persische Diplomatik im Überblick: Ergebnisse und Probleme. *Der Islam* 37, 202—245.

Ciociltan, V. 2012. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden; Boston: Brill.

Doerfer, G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. *Mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Farquhar, D.M. 1990. *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Fekete, L. 1977. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai*. Budapest: Akademiai Kiadó.

Fragner, B.G. 2016. Farmān. *Encyclopædia Iranica, online edition*. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/farman (accessed 24.01.2023).

Hammer-Purgstall, J. von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann, G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Kim, H. 2010. Eastern Turki Royal Decrees of the 17th Century in the Jarring Collection. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17—20th Centuries*. Tokyo: The Toyo Bunko, 59—119.

Mas Latrie, L. de. 1870. *Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribute a un roi de Tunis (Extrait de la Biblioteque de l'Ecole des Chartes)*. Paris: [s.n.].

Mostaert, A., Cleaves, F.W. 1952. Trois documents mongols des Archives Secretes Vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 15, 3/4, 419—506.

Pegolotti F.B. 1936: Evans, F. (ed.). *Francesco Balducci egolotti. La pratica della mercatura*. Cambridge: The Medieval Academy of America.

Ratchnevsky, P. 1985. *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux.

Tadhkirat al-Muluk 1980: Minorsky, V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.87.20.030

Lamiya Gafar-zada

"*...ONE OF THEIR CHIEFE FESTIVALL DAIES*": THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE FIRST SAFAVID TRADE PRIVILEGES TO THE BRITISH*

Safavid-English relations were an important part of the international relations, an integral part of the "West — East" and "Christian world — Muslim world" systems. Safavid-English trade and economic relations became an integral part of the *global economy.* Although there is a significant body of works on Safavid-English relations, this article represents the first attempt to study the historical significance of the first trade privileges granted by the Safavids to the English merchants. Unlike the prevailing in historiography misconception that the Safavid Empire was interesting for Tudor England only as an object of England's colonial expansion, i.e. as a source of cheap raw materials and profitable markets for English goods, and most importantly, as a transit route to the markets of India and other states of the Far East, the conducted research revealed that England's interaction with the Safavid Empire wasn't a manifestation of English colonial policy, as most Western and Soviet historians used to present mistakenly; on the contrary, economic and political significance of the Safavid Empire in the region and beyond allowed her to conduct an independent external policy. It was determined that the penetration of English trading capital into the Safavid Empire depended neither on the Principality of Moscow, nor even on the desire of the English crown, but directly on the will of the Safavid Shah himself. Gaining trade privileges on the territory of the Safavid Empire was of strategic importance for the British, because the possibility of further advancement to East Asian markets directly depended on the success or failure of obtaining them from the Shah. For the first time in historiography, based on the information of Jenkinson himself, it was found that the first attempt by the British to establish trade relations with the Safavids was made back in 1553. As the first Eastern/Muslim country that Elizabethan England sought to ally with, Safavid Empire's trade privileges had a significant historical importance for the British, because they predated other such treaty agreements, like those with the Ottoman authorities and the Russian Tsar. The journeys of the agents of Moscow trading company to the Safavid Empire opened a new chapter in the history of both Anglo-Islamic and East-West relations, in addition to trade relations they led to a cultural exchange on the basis of "East — West" and "Islam — Christianity" dialogue.

Key words: Safavid-English relations, Safavid Empire, Tudor England, Shah Tahmasp I, Anthony Jenkinson, trade privileges, 1563, 1566, 1568, Moscow trading company.

About the author: Gafar-zada Lamiya, PhD, Associate Professor, Leading Researcher at Bakikhanov Institute of History and Ethnology of Azerbaijan National Academy of Sciences, Executive Secretary of the Academician Journal "Social Sciences" of the Presidium of the ANAS.

Contact information: AZ1143, Azerbaijan, Baku, Husain Javid ave., 115, e-mail: leo_558@mail.ru.

Ламия Кафар-заде

«*… ДЕНЬ ОДНОГО ИЗ САМЫХ БОЛЬШИХ ИХ ПРАЗДНИКОВ*»: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВЫХ СЕФЕВИДСКИХ ТОРГОВЫХ ПРИВИЛЕГИЙ АНГЛИЧАНАМ

Сефевидско-английские отношения были важной частью международных отношений, неотъемлемой частью систем «Запад — Восток» и «Христианский мир — Мусульманский мир». Сефевидско-английские торгово-экономические отношения стали составной частью *мировой экономики*. Хотя существует значительное количество работ по сефевидско-английским отношениям, данная статья представляет собой первую попытку изучить историческое значение первых торговых

* Статья поступила в номер 12 декабря 2023 г.
Принята к печати 30 декабря 2023 г.

© Ламия Кафар-заде, 2024.

привилегий, предоставленных Сефевидами английским купцам. В отличие от господствовавшего в историографии заблуждения, что империя Сефевидов была интересна для Тюдоровской Англии лишь как объект колониальной экспансии, а именно как источник дешевого сырья и прибыльных рынков сбыта английских товаров, а главное, как транзитный путь к рынкам Индии и других государств Дальнего Востока, проведенное исследование показало, что взаимодействие Англии с империей Сефевидов не было проявлением английской колониальной политики, как ошибочно представляло большинство западных и советских историков; напротив, экономическое и политическое значение империи Сефевидов в регионе и за его пределами позволяло ей проводить независимую внешнюю политику. Было установлено, что проникновение английского торгового капитала в империю Сефевидов зависело ни от Московского княжества, ни даже от желания английской короны, а непосредственно от воли самого сефевидского шаха. Получение торговых привилегий на территории империи Сефевидов имело стратегическое значение для англичан, поскольку возможность дальнейшего продвижения на рынки Восточной Азии напрямую зависела от успеха или же неудачи их получения от шаха. Впервые в историографии, основываясь на сведениях самого Дженкинсона, было установлено, что первая попытка англичан установить торговые отношения с Сефевидами была предпринята еще в 1553 г. Как первая восточная/мусульманская страна, к которой елизаветинская Англия стремилась установить союзнические отношения, торговые привилегии империи Сефевидов имели важное историческое значение для англичан, поскольку они предшествовали другим подобным договорным соглашениям, например, с властями Османской империи и русским царем. Путешествия агентов Московской торговой компании в Сефевидскую империю открыли новую главу в истории как англо-исламских отношений, так и отношений в рамках системы «Восток — Запад», помимо торгового взаимодействия они привели к культурному обмену на основе диалога систем «Восток — Запад» и «Ислам — Христианство».

Ключевые слова: сефевидско-английские отношения, Сефевидская империя, Тюдоровская Англия, шах Тахмасиб I, Энтони Дженкинсон, торговые привилегии, 1563 г., 1566 г., 1568 г., Московская торговая компания.

Сведения об авторе: Кафар-заде Ламия, доктор философии по истории, доцент, ведущий научный сотрудник Института Истории и Этнологии имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана, ответственный секретарь академического журнала «Общественные науки» Президиума НАНА.

Контактная информация: AZ1143, Азербайджан, г. Баку, пр. Гусейна Джавида, 115, e-mail: leo_558@mail.ru.

Introduction

Safavid-English relations were an important part of the history of international relations, an integral part of the diplomatic, economic and cultural ties of the “West — East” and “Christian world — Muslim world” systems. Although there is a significant body of works on Safavid-English relations among which should be mentioned works of Shakhmaliev (Shakhmaliev 1958), Akhmedov (Akhmedov 1967), Ferrier (Ferrier 1986), Küpeli (Küpeli 2012), Mahmudov (Mahmudov 1977; 1980; 1991; 2011a; 2011b; 2012), Kambay-zade (Kambay-zade 1991), Nəcəfli (Nəcəfli 2020), Gasan-zade (Gasan-zade 2007), Muganlinskiy (Muganlinskiy 1998), etc., due to the misconception prevailing in historiography, according to which the Safavid Empire was of interest to Tudor England only as a source of cheap raw materials and profitable markets for English goods, and most importantly, as a transit route to the markets of India and other states of the Far East, the desire of English traders to monopolize the trade in Safavid silk, economic strength and independency of the Safavid Empire is ignored by most of researchers and, as a result, she was mistakenly presented as an object of England’s colonial expansion, enslavement, and robbery. This article represents the first attempt to study the historical significance of first trade privileges granted by the Safavids to the British.

Sir Anthony Jenkinson's mission to the Safavid Empire: "*…We do hope … that of these small beginnings, greater moments of things shall hereafter spring…*"

With the accession of Queen Elizabeth I Tudor to the throne in 1558, a radical change was outlined in the history of England's diplomatic relations, resulting in today's rich history of Britain's relations with the Muslim world. The political situation in the international arena, as well as the difficult political and economic conditions that put Tudor England in a state of pariah on the European continent, forced the English crown to draw closer and establish close relationships with the Islamic world, which was a phenomenal event for that time. The break between Catholics and Protestants during the Reformation, the excommunication of Queen Elizabeth I and, as a result, the isolation of England opened a new page in the history of relations between England and the Islamic world, including the Safavid Empire — an era of not only political and economic cooperation, but at the same time, mutual cultural influence on each other began. Thus, starting from the 16th century in England, the attitude towards Islam gradually began to change from a "threat to Christianity" to a "potential ally". Queen Elizabeth I, who was a subtle politician, was well aware that the only way out of England's difficult geopolitical situation, isolation, and economic crisis at that time was rapprochement with the powerful and rich states of the Islamic world, including the Safavid Empire. As Professor J. Brotton points out, "for many English Catholics and Puritans such alliances were an abomination; to a number of statesmen and merchants they represented profit and made military sense" (Brotton 2016). It is not surprising that the initiative to establish relations with the Safavid Empire at that time came precisely from England itself. Over time, Safavid-English trade and economic relations became an integral part of the *global economy.*

While in Bukhara in 1558—1559, Queen Elizabeth's representative and the agent of Moscow trading company Anthony Jenkinson was thinking of heading to the Safavid Empire for reconnaissance purposes regarding the state of trade affairs there, but the complex socio-political situation both in the countries of Central Asia and in the Safavid Empire itself, in the result of which the paths turned out to be dangerous to pass, Jenkinson decided to refrain from traveling there. Moreover, as Jenkinson himself notes in his "*Declaration*", trade in the Safavid Empire seemed unpromising to him: "As touching the trade of Shamakye [Shamakhi] in Media, and Tebris [Tabriz], with other townes in Persia [Safavid Empire], I have enquired, and do well understande, that it is even like to the trades of Tartaria, that is little utterance, and small profite: and I have bene advertised that the chiefe trade of Persia [Safavid Empire] is into Syria, and so transported into the Levant [Mediterranean] Sea. The fewe shippes upon the Caspian Seas, the want of Marte [markets] and port Townes, the povertie of the people, and the ice, maketh that trade naught" (Hakluyt 1589: 358).

The question of the profitability of trade in the Safavid Empire raised great doubts among the leadership of the Moscow Trading Company itself, as can be seen from the memorandum from the company's management dated May 8, 1561, given to Jenkinson before being sent there. The management advised Jenkinson to take with him less gold and silver dishes, as well as other jewelry. Management also had doubts about the possibility of profitable sale of 80 bales with 400 pieces of karsies at "Swallow", intended for sale in the Safavid markets. However, the company's management did not lose hope of establishing a profitable trade in the territory of the Safavid Empire, which became clear from the plans for the next 2 years. Thus, the directive clearly states the main goals of the company in relation to the Safavid Empire, and with a long-term perspective: "We will also that you take with you such karsies, scarlet, and other clothes, or any other such wares of ours, as you shall thinke good, and so in the name of God to take your journey towards Persia [the Safavid Empire], either by the way of Astracan and Mare Caspium, or otherwise, as you shall see cause: and when God sendeth you into Persia [the Safavid Empire], our minde is, that you repaire unto the great Sophie [Shah Tahmasp I] with the Queenes Majesties letters, … and withall to procure letters of privilege or safeconduct of the sayd Sophie or other princes in as large and ample manner as you can, for the sure establishing of further trade in merchandise by us heereafter

to be made, frequented and continued in those parts, not onely that we may freely sell in all places within his dominions such wares as we cary thither, but also buy and bring away any maner of wares or merchandise whatsoever it be, that is for our purpose and commoditie within his dominions, with free passage also for us at all times, to passe as often as we will with our goods and merchandise into any part of India or other countreys thereunto adjoyning, and in like maner to returne through his dominions into Russia or elswhere" (Hakluyt 1589: 363). Moreover, in the case of a failed attempt to reach the Safavid Empire in 1561, Jenkinson was ordered not to deviate from the goal of reaching the lands of the Safavid Empire in the next 1562—1563.

As can be seen from the text of the directive of the governors of the Moscow Company, the geographical location of the Safavid Empire and the implementation of trading activities on its territory was important for the company, both economically and strategically, because from here there was a direct opportunity for further penetration of English trading capital into the Indian and neighboring markets, attempts to achieve which have previously failed by the British.

The audience of the English ambassador Sir Anthony Jenkinson with the Safavid Shah Tahmasp I, which took place on November 20, 1562 in Qazvin, although it was of historical significance, being the first official reception of a representative of the English crown by the Safavids, did not bring England the expected results in full. Due to the prevailing socio-political conditions, the Shah was forced to refuse Queen Elizabeth I Tudor's proposal to establish bilateral trade relations and, under the pretext that "...[the Safavids] have no need to have friendship with unbelievers..." ordered Jenkinson to leave the palace. However, the real reason for the Shah's reluctance to establish any kind of relationship with England was not the difference in the religious affiliations of the two peoples, but the political factor. Jenkinson turned out to be a pawn in the Ottoman-Safavid negotiations (Mayers 2016: 175—176). Thus, shortly before Jenkinson was received by the Shah, an Ottoman delegation arrived in Qazvin, with which the Amasya Peace Treaty of 1555 was extended. The establishment of friendly and trade relations with England could have a negative impact on the already shaky Ottoman-Safavid relations, because primacy in the trade market of the Safavid Empire, along with the Venetians, was in the hands of Ottoman trade capital. Thereby, the emergence and strengthening of English trade capital in local markets could deal a significant blow to the economic interests of Ottoman traders, who received large profits from the European-Asian transit trade passing through the Safavid territories. As K. Meshkat noted, "Jenkinson's proposals for a new trade had become inextricably bound up with the ratification of the Turco-Persian [Ottoman-Safavid] peace treaty…" (Meshkat 2005: 78). As follows from the "*Declaration*" of Jenkinson himself, his plans collapsed precisely after the conversation of the Ottoman ambassador Khosrow Pasha with the Shah and reporting to the last dissatisfaction of the Ottoman traders with the possible conclusion of a trade agreement with England: "The Turkes [Ottoman] Ambassadour was not then come into the land [the Safavid Empire], neither any peace hoped to be concluded, but great preparation was made for warre, which was like much to have furthered my purpose, but it chanced otherwise. For the Turkes [Ottoman] Ambassadour being arrived, and the peace concluded, the Turkish [Ottoman] merchants there at that time present, declared to the same Ambassadour, that my comming thither … would in great part destroy their trade, and that it should be good for him to persuade the Sophy [Shah Tahmasp I] not to favour me, as his Highnesse meant to observe the league and friendship with the great Turke his master, which request of the Turkish [Ottoman] merchants, the same Ambassadour earnestly preferred…" (Hakluyt 1589: 370).

In addition, as L. Kafar-zade notes, "...the persistent desire of the English crown to establish trade relations with the Russian state could smoothly develop into the formation of a new political opponent of the Ottomans in the person of England, and the commonality of interests between England, the Moscow principality and the Safavid Empire could involuntarily lead to the emergence of a new military-political triangle of these states, which the Ottoman Empire was clearly aware of" (for more details, see: Kafar-zade 2022).

Despite the fact that, as R. Ferrier notes, Sir Anthony Jenkinson's audience with Shah Tahmasp I, "...ended in ignominy..." (Ferrier 1985), the former did not give up the goal set for him both by the English Queen herself, Elizabeth I Tudor, and by the leadership of the Moscow Trading

Company, "that of these small beginnings, greater moments of things shall hereafter spring, both to our furniture and honours, and also to the great commodities, and use of our peoples", i.e. establishing trade relations between England and the Safavid Empire. Despite the failure to establish relations with the Safavid Empire, Jenkinson managed to identify the trade potential of the Safavid Empire and attract the attention of the Moscow Company's trading agents to it (Nəcəfli 2020: 346). As K. Meshkat notes, "Jenkinson's journey to Persia [Safavid Empire] was a source of national pride to the Elizabethans if only because he had succeeded in travelling so far…" (Meshkat 2005: 90). Despite the Shah's refusal to cooperate with England, while still in Moscow in the winter of 1563, Jenkinson was already actively involved in planning and preparing a new expedition to the Safavid Empire, the implementation of which he entrusted to T. Alcock, G. Wrenne and R. Cheinie, who made up the group of the second expedition to the Safavid Empire in 1563—1565.

Of great scientific interest are the dialogues that took place between English agents, the ruler of Shirvan Abdullah Khan (fig. 1) and Shah Tahmasp I, which allow us to reveal the nature of Safavid-English relations. In general, during the period from 1562 to 1568, when trade privileges were granted to English merchants, there were 9 receptions of English agents, provided to them both by the ruler of Shirvan and by Shah Tahmasp I himself. It is noteworthy that, despite the fact that the main goal of the English crown was precisely the establishment of bilateral trade relations, but the descriptions of the receptions of English agents show that the Safavids, along with the economic side, were also significantly interested in another aspect – the political one. At almost every reception, English agents, along with questions about the power and state of English lands, were asked the following identical questions: "...whether that we of England had friendship with the Turks [Ottomans] or not…?" (Hakluyt 1589: 370), "...whether the Emperor of Almaine, the Emperor of Russia, or the great Turke [Ottoman] Sultan, were of most power..." (Hakluyt 1589: 367), "...of the power of the Emperour of Almaine, king Philip, and the great Turke, and which of them was of most power …" (Hakluyt 1589: 370), "…of king Philip, what overthrow he gave the Turks [Ottomans] at the siege of Malta. ... And what townes the Emperour had wonne..." (Hakluyt 1589: 380), "…of king Philip, and of his wars against the Turke at Malta" (Hakluyt 1589: 416).

As can be seen from the questions asked to English agents, the Safavids acted from the position of their political interests in the international arena, depending on the configuration of political powers and the geopolitical situation in the region.

Trade privileges of 1563 as a starting point of Safavid-English relations

As is known, the Ottoman-Safavid wars, repeated over several centuries, almost never left the agenda of the political history of the Safavid Empire. Therefore, it is not surprising that, despite the "unwillingness" expressed by the Shah to have any kind of relationship with the "unbelievers" in 1562, the real reason for which was indicated above, in 1566 and 1568 Shah Tahmasp I was so supportive of English agents and good-naturedly granted them a number of trade privileges, for, being a wise and far-sighted politician, he was clearly aware that, even despite the conclusion of the Treaty of Amasya in 1555, the concluded peace was quite shaky and the Ottoman-Safavid conflict could break out at any moment. England seemed to the Shah as a potential ally, especially since at that time it was not economically connected with the Ottoman Empire; on the contrary, according to Jenkinson, the British "...never had friendship with them [the Ottomans], and that therefore they [the Ottomans] would not suffer us to passe through their countrie into the Sophie his dominions [the Safavid Empire]" (Hakluyt 1589: 370). In addition, during the period when English trading capital was looking for ways to penetrate the Safavid markets, the Safavid Empire was experiencing a severe socio-economic crisis. As S. Mamedov notes, the Ottoman-Safavid wars not only "...brought untold disasters to the local population of the Safavid Empire...", but also "...they had a negative impact on the economy of the entire Transcaucasia, as they were accompanied by robbery and terrible devastation" (Mamedov 1993: 170). In addition, as Y. Mahmudov notes, such "friendliness" came from Azerbaijan's foreign trade positions. After the Ottoman conquests,

Azerbaijan was forced out of trade in the regions of the Mediterranean and Black Sea, and mainly the cities of Northern Azerbaijan had no choice for trade relations with the outside world but to expand trade along the Volga-Caspian route. Export to foreign markets on favorable terms of raw silk, which was the main wealth of the country, was the main condition for the economic revival of the state, and with the beginning of relations with England, conditions were once again created for the expansion of silk trade (Mahmudov 1980: 13). Shah Tahmasp I saw a way out of this situation in the Volga-Caspian trade route (Əzimli 2014: 175). Note that in 1565 the Shah abolished the collection of a number of taxes, including the tax on artisans and traders — *tamga*.

G. MacLean and N. Matar note that the trade privileges granted by Shah Tahmasp I to the British in 1566 and 1568 were an attempt to distract them from the Ottoman markets (MacLean, Matar 2011: 17).

A letter from Arthur Edwards to Sir Thomas Lodge dated April 26, 1566 contains a rather interesting fact. Thus, Edwards notes that "...at my last being in the presence of the Shaugh [Shah], it was saide to me, that Master Anthonie Jenkinson did proffer to take all the rawe silke in those parties, delivering cloth, and other commodities for the same" (Hakluyt 1589: 383). It becomes obvious that in 1562, despite the Shah's refusal to establish friendly and trade relations with England, Shah Tahmasp I had a conversation with Jenkinson about the prospect of Safavid-English trade relations.

In view of the above and the fact that in 1566 and 1568 Shah Tahmasp I himself with great pleasure granted trade privileges to English merchants, it can be assumed that it is quite possible that the trade privileges granted to English traders in the territory of Shirvan by its ruler Abdullah Khan in 1563 were also granted precisely by decree of the Shah himself. Thus, the Shah probably sought not to offend or disappoint his Ottoman counterpart Sultan Suleiman, with whom the so difficultly achieved Peace of Amasya of 1555 had recently been reaffirmed, and at the same time, realizing the good prospects for future Safavid-English trade relations, the Shah did not want to lose a Tudor England as a possible profitable partner. This is probably what was discussed in the "*Declaration*" of Anthony Jenkinson, where he indicates that Shally Murzey, "…sonne to the king of Hyrcane…", told him that "...not to doubt of anything, putting me [Jenkinson] in hope that I should have good faccelle with the Sophie [Shah Tahmasp I], and good intertainment" (Hakluyt 1589: 371). It is surprising that the Safavid Shah, who categorically refused to establish friendly and trade relations with England, because "...[the Safavids] have no need to have friendship with unbelievers...", and even intending to send Jenkinson to the Ottoman Sultan as a gift, suddenly on the day of Jenkinson's departure from Qazvin — March 20, 1563 — radically changes his attitude towards him, obliges Abdullah Khan to treat him favorably and even sends him "*a rich garment of cloth of golde*," which was later presented by Jenkinson to the Moscow Tsar Ivan the Terrible. The above assumption is reflected in the words of the ruler of Shirvan Abdullah Khan himself in a conversation with Jenkinson in April 1563 in Javat: "…But the Sophie [Shah Tahmasp I] himselfe meant mee much good at the first, and thought to have given me good entertainement, and so had done, had not the peace and league fortuned to have bene concluded betweene them and the great Turke [Sultan Suleiman]. Neverthelesse, sayd he, the Sophie [Shah Tahmasp I] hath written unto me to entertaine you well, and you are welcome into my countrey, and so hee intreated mee very gently…" (Hakluyt 1589: 371—372). The name of the charter itself issued in 1563 deserves attention: "*A copie of the priviledges given by Odbolowcan king of Hircania to the companie of English merchants Adventurers for trade in Russia, Persia and Mare Caspium…*" (fig. 2). It is noteworthy that in the title of the charter of privileges, despite the fact that it was granted by the ruler of Shirvan, it is not Shirvan itself that is indicated as the area of distribution of privileges, but "Persia" (i.e. the Safavid Empire) (!), although, as Y. Mahmudov rightly noted, independent maintenance of relations with the Moscow principality and exemption of English traders from customs duties on the territory of Shirvan indicate the formal dependence of the ruler of Shirvan on the Safavid Shah (Mahmudlu 2012: 224—225; Mahmudov 2011a: 552).

The dialogue between the ruler of Shirvan and Jenkinson attracts special attention. To the question of Abdullah Khan, "...whether that we of England had friendship with the Turks

[Ottomans] or not…?" Jenkinson replied that "...we [the British] never had friendship with them, and that therefore they would not suffer us to passe through their countrie into the Sophie his dominions [the Safavid Empire]" (Hakluyt 1589: 370). It is obvious that even before 1562, i.e. before meeting with the Safavid Shah himself, the British took steps towards establishing trade relations with the Safavids. Perhaps as early as 1553, at a reception with the Ottoman Sultan Suleiman in Aleppo, when Jenkinson managed to obtain a safe conduct for trade in Ottoman territories, the latter also tried to achieve the right of free passage to the Safavid lands. However, as it later became known, he failed. Although Jenkinson then managed to achieve trading privileges for English merchants in the Ottoman Empire, nevertheless, as D. Fischer notes, "...his expectation was greater than his achievement" (Fischer 1970: 74).

Among the most basic articles of trade privileges granted by Abdullah Khan to English merchants in 1563 are the following:

- providing guarantees of free, duty-free and safe trade;
- guarantees of safe passage and unlimited stay of English traders on the territory;
- protection from the arbitrariness of local officials (Hakluyt 1589: 374).

Prof. Efendiev notes that "the privileges received by Jenkinson in Azerbaijan are very reminiscent of the so-called capitulations that the European states of primitive accumulation of capital sought and received in the backward socio-economic countries of the East" (Efendiev 1981: 247). However, we allow ourselves to disagree with this statement. The Mediterranean trade route, which served as a link in European-Asian trade and connected the Safavid markets with the Mediterranean ones, was under the control of Ottoman and Venetian trading capital, while the Volga-Caspian trade route was under the control of Russian trading capital, which is why the Safavids were forced to conduct international trade through intermediaries, paying high customs and duties, which was an economic blow to the treasury of the Safavid Empire. In addition, Shah Tahmasp I, as history has shown, being a wise and far-sighted politician, sensibly assessed the complex socio-economic conditions in the Safavid Empire that had developed after many years of the Ottoman-Safavid war, which made it difficult to conduct trade activities here. According to the evidence of the English agents themselves in their letters to the top management of the company, robbery and plunder of trade caravans by local bandits were a common phenomenon. As O. Efendiev himself notes, "the insecurity of the personality and property of merchants, bribery and harassment of the Shah's officials and military men had a negative impact on the state of domestic and foreign trade in the Safavid state" (Efendiev 1981: 242). Considering the fact that the key requirement of all English agents in conversations with the Shah was to ensure their safe passage and that 7 out of 8 articles of trade privileges granted to English merchants in 1566, and 8 out of 9 articles of trade privileges granted in 1568 were dedicated to issues of ensuring the safety of both the personalities and goods of English merchants, then we can safely say that these privileges of the Shah were a kind of compensation, encouragement to English merchants for conducting trading activities here in such dangerous conditions. The complexity of conducting trading activities in the Safavid Empire is demonstrated by the words of the English agent Lawrence Chapman: "Better it is therefore in mine opinion to continue a beggar in England during life, then to remaine a rich merchant seven yeeres in this countrey [Safavid Empire]…" (Hakluyt 1589: 415).

Moreover, as E. Vaughn emphasizes, privileges were granted voluntarily and as a sign of favor, therefore they could be changed or even revoked at any time (Vaughn 1912: 204). Granting trade privileges Shah Tahmasp I noted that "...if my [Shah's] letters were not to my mind, in time to come they should be mended. …When wee shall see their [the English crown's] reasonable requests, we will shew them our farther good will…" (Hakluyt 1589: 381), which indicates that the Shah was in no hurry to immediately grant the English trading agents wide trading privileges, but assessed the possibility of further their expansion depending on the benefit for his state. By the way, Prof. N. Mehdizadeh, defining the limits of English ambitions, points out that the exclusive access of the

British to the Safavid Empire, their exclusive rights here, as well as the Safavid-English alliance itself as a whole always depended exclusively on the Safavid Empire (Mehdizadeh 2020).

R. Ferrier characterizes Jenkinson's mission to the Safavid Empire as "not anauspicious start" (Ferrier 1985) and notes that "as Abd al-Ali Khan [Abdullah Khan] died [October 2, 1565] before trade became of much importance, they [trade privileges] were not in themselves very significant..." (Ferrier 1986: 50). However, we do not agree with this statement, because it was Sir Anthony Jenkinson's persistence and devotion to the idea that inspired the following English agents to receive further trading privileges from the Shah. The historical significance of these trade privileges is priceless, for it was these trade privileges that entered the history of Safavid-English relations as the starting point for the emergence and further development of trade relations between the two states, which over time opened the way for the development of Safavid-English relations in various spheres of society. As D. Fischer notes, "this privilege was the basis of the second voyage [of the British] into Persia [the Safavid Empire]..." (Fischer 1970: 102). Y. Mahmudov emphasizes that "English traders, who managed to snatch wide trade privileges from the ruler of Shirvan, began to flock to Azerbaijan" (Mahmudov 1980: 15). L. Lockhart holds an identical opinion, emphasizing that "the success achieved on this occasion led to several other expeditions from England to Persia by the Russian route" (Lockhart 1986: 384).

As R. Ferrier himself emphasizes, "although this treaty was in fact of limited practical significance it does predate other such treaty agreements, like those with the Ottoman authorities and the Russians and is, therefore, of some comparative historical importance" (Ferrier 1986: 51, no. 9). Moreover, what is more significant is that, as J. Brotton stresses, "Jenkinson's success … paved the way for further and even closer alliances between Elizabethans and Muslims over the next four decades. Thanks to Jenkinson, the Islamic world had come just a little closer to England" (Brotton 2016).

So, the most important result and achievement of Jenkinson's diplomatic mission to the Safavid state was the protection certificates and trade privileges for English merchants, granted to him by the Shirvan ruler in 1563. However, the result of Anthony Jenkinson's mission to the Safavid empire was not limited to this. The work he did here had far-reaching consequences, as evidenced by Arthur Edwards, who was the first in 1566 and 1568 to obtain directly from Shah Tahmasp I himself a number of trading privileges for English merchants in the Safavid Empire: "Master Anthonie Jenkinson hath deserved great commendation at all your worships hands: for the good report of his well and wise doings in those parts, was oftentimes a comfort to me to heare thereof, and some good helpe to me in my proceedings" (Hakluyt 1589: 383). It is not surprising that, despite the Shah's refusal to cooperate with the "infidel" England, even Queen Elizabeth I herself, 17 years after Anthony Jenkinson was received by Shah Tahmasp I, in her letter to Shah Muhammad Khudabendeh in 1579, characterized his mission as an "*honourable ambassade*".

Safavids' trade privileges of 1566 and 1568

As history has shown, the Shah's favor towards the British, the establishment and further development of Safavid-English relations directly depended on the current geopolitical situation. As D. Fischer notes, "political relations of one kind or another were always a problem for the British in Persia [the Safavid Empire]" (Fischer 1970: 101). Despite the conclusion of the Amasya Peace Treaty and its prolongation, Ottoman-Safavid relations were in a tense state, which was manifested even in the trade and economic sphere. The conflict could break out at any moment. Echoes of the emerging conflict were noticeable already in 1565. It is no coincidence that in 1566 the Shah favored the British and even granted them the so desired by the English crown and management of the Moscow company trade privileges. Thus, from a conversation between Arthur Edwards and Shah Tahmasp I, which took place on June 29, 1566, it follows: "I was asked by the Shaugh [Shah] if you were able to bring him yeerly one hundred thousand pieces of kersies, and clothes. And I answered him, saying, your Worships were able to furnish his countrey with two hundred thousand.

Whereat his Highnesse rejoyced: for the Turkes [Ottoman] Ambassador the last yere, as divers have told mee, did put the Shaugh [Shah] in despaire, saying, that the Turke [Sultan Suleiman] would not permit any cloth to be brought into his Countrey" (Hakluyt 1589: 381). O. Küpeli rightly emphasizes that the reason for the interest of the Safavid Shah was not proximity to them, but threat from the Ottoman ambassador, who threatened to block the supply of cloth from Ottoman ports to Safavid markets if the Safavids violated the peace. Shah Tahmasp I was concerned with the issue of providing local markets with European goods and considered the British as an alternative (Küpeli 2012: 378). As a consequence, the sudden good nature, openness and readiness of the Safavid Shah for Safavid-English cooperation only four years after refusal to Jenkinson is striking: "The Shaugh [Shah] himselfe is desirous to bargaine with you, who will give monie, silke, and other wares as we will, and take our wares as we may affoord them, willing me himselfe to bring such wares as we might gaine by him" (Hakluyt 1589: 382). As Y. Mahmudov emphasizes, when the Shah, isolated from the Mediterranean and Black Sea trade, as well as from access to the Indian Ocean, granted trade privileges to the British, he was motivated by the desire to export raw silk on favorable terms through the establishment of broad trade ties with England (Mahmudov 1980: 27).

Trade privileges of 1566: "The 29. of June, is one of their chiefe festivall daies"

In his letter addressed to the leadership of the Moscow Company dated August 8, 1566, the English agent in the Safavid Empire Arthur Edwards describes his audience with Shah Tahmasp I, which took place on May 29, 1566. Edwards testifies to the goodwill and interest of the Shah, what Sir Anthony Jenkinson was not destined to see in 1562: "He willed me twise to come neerer him, demanding what were my requests: and having heard them, he promised me his gracious letters" (Hakluyt 1589: 380). "You will hardly beleeve what long and gracious talke he had with me, which I assure you continued two houres, which was strange unto the people, and other merchant strangers." (Hakluyt 1589: 384). As Edwards notes, this attitude of the Shah towards him caused great surprise even among the Shah's retinue: "It was strange to his people (knowing our religion) to see me so long in talke with him, willing his Secretarie before mee to write what he was desirous of…" (Hakluyt 1589: 380). Edwards also reports that the Shah presented him, even his translator and some other Englishman with clothes, which was a sign of honor. Moreover, the day of his second audience with Shah Tahmasp I, when the latter granted him a charter with privileges, i.e. Edwards characterizes June 29, 1566 as "*one of their chiefe festivall daies*". Edwards also testifies to the Shah's openness to dialogue with England and his reverent attitude towards the subsequent wishes of the English side: The Shah told him "...if my [Shah's] letters were not to my mind, in time to come they should be mended. …When wee shall see their [the English crown's] reasonable requests, we will shew them our farther good will…" (Hakluyt 1589: 381)

The year 1566 turned out to be fateful both for the English trading agents themselves and for Safavid-English relations in general. The trade privileges granted by Shah Tahmasp I to English trading agents on June 29, 1566, which consisted of 8 articles (fig. 3) and actually repeated the contents of the articles of trade privileges and letters of safe conduct granted to them by the ruler of Shirvan in 1563, slightly more expanded and reinforced the rights of English traders in the Safavid Empire. Among the main privileges are the following ones:

- The right to freely pass through the lands of the Safavid Empire to neighboring countries;
- Buy and sell any type of goods;
- Trade duty-free with both foreign and local merchants;
- Determination of the mechanism for regulating debt obligations of debtors;
- Official patronage and protection of English merchants by the highest authorities;
- Reimbursement of debts of local merchants to the British, etc.

Particular attention is drawn to the article about the non-payment of duties and fees by English merchants even under the heirs of the Safavid Shah, which in turn indicates the far-reaching plans of both the British and the Safavids for trade cooperation between the two states.

So, as B. Akhmedov notes, the third British trade expedition to the Safavid Empire "in some respects... marked an important stage in the implementation of the Company's intentions. As a result of this expedition, not only were English merchants restored in Shamakhi, but the task set by Jenkinson now seemed completed through successful negotiations for privileges in Qazvin" (Akhmedov 1966: 96).

Trade privileges of 1568: "*…all written in Azure and gold letters, and delivered unto the lord keeper of the Sophie his great seale*"

In 1568, Arthur Edwards managed to somewhat expand trading privileges. From a conversation between Arthur Edwards and the Shah in 1568, which lasted two hours, one can see the Shah's interest in Edwards' proposal to import strategically important goods (kersey, cloth, etc.) into the Safavid Empire, bypassing intermediaries represented by the Venetian and Ottoman traders, which would have cost them much cheaper and faster: "…All which things liked him so well, that shortly after he granted to the saide Arthur Edwards other privileges for the trade of merchandize into Persia [the Safavid Empire], all written in Azure and gold letters, and delivered unto the lord keeper of the Sophie [Shah] his great seale." (Hakluyt 1589: 416—417).

In July 1568, Shah Tahmasp I generously granted the English agent Arthur Edwards new trading privileges, consisting of 9 articles identical to the above (fig. 4). Attention is immediately drawn to the first article, which grants English merchants the right of free passage to Gilan, famous as one of the main centers of the silk industry, which so attracted the British. In addition, the articles of trade privileges were aimed at strengthening measures of assistance of the Shah's subjects in transporting and ensuring the safety of English goods.

In Edwards's *Notes* on the fourth journey to the Safavid Empire, special attention is paid to "*one principal article for servants and merchants",* namely, the conversion by the British from Christianity to Islam, which gave the agents the right to arrest "converts." However, this article was not listed in the text of the privileges themselves. The fact that the 1566 privileges end at the eighth article, and the 1568 privileges begin with the tenth article, suggests that perhaps this article did originally exist, but was subsequently removed from the list.

Let us note one more important fact: not a word is said in any of the trade privileges about allowing English traders to pass through the territories of the Safavid Empire in the direction of China, India and other countries of the East, which once again denies the entrenched concept that the economic significance of the Safavid Empire for England was only within the framework of using it as a possible transit point on the way to the East. In addition, this fact is confirmed by the words of agent Thomas Banister himself. According to Banister, who was honored with a personal meeting with Shah Tahmasp I in 1569, despite the fact that the Shah gave him a fairly friendly welcome and "hee being come to the Shaugh [Shah Tahmasp I] was received and entertained of him with great favour and speciall countenance and had the most part of all his requests granted him, this onely excepted…" The exception was the agent's request to allow him to transport a certain number of horses to India through the Safavid possessions. As Banister himself notes, "...the Shaugh [Shah Tahmasp I] seemed loth to yeeld thereunto, and yet did not altogether denie it, but referred it to some further time." (Hakluyt 1589: 419). Although one of the articles of trade privileges of 1566 guaranteed the passage of English traders to neighboring lands, apparently, they were not able to use it, and the article was of a formal character. By the way, when in 1570 Mr. Lionel Plumtree joined a caravan heading to China, he was caught up with the Shah's subjects on the way and forced to return back under the pretext of "the danger of the route." As E. Vaughn notes, this was "...the first definite attempt to carry out the instructions of the Company in regard to such an overland route, and its success would have meant the completion of the plans originally

outlined by Jenkinson in connection with the first Persian [Safavid] voyage", however, "though for a time it seemed as if their hopes would be realized, the refusal of the Shah to permit Bannister to proceed to India practically marked the end of the movement in that direction." (Vaughn 1912: 177, 197). Let us note that the meeting between Thomas Banister and the Shah took place during the fifth trade expedition of English agents to the Safavid Empire, i.e. before this, the British had at least four times already had the opportunity to have a personal conversation with the Shah (in 1562, twice in 1566 and in 1568!) and received trade privileges three times (in 1563, 1566 and 1568), but they dared to hint at a request to pass to India only in 1569. As D. Fischer notes, the success of establishing direct access to East Asian markets directly depended on the Shah's permission to pass through his lands (Fischer 1970: 78). This fact once again proves the inconsistency of the concept prevailing in historiography that the Safavid Empire was an object of colonial expansion of England and was of interest to the latter only as a source of cheap raw materials and a market for profitable sales of its goods, and most importantly it was not a "means" to reach the markets of India and China for the British, but a separate goal of trade and economic policy. O. Efendiev was the first researcher to refute the idea of colonial expansion of England in relation to the Safavid Empire. As O. Efendiev rightly notes, "the Safavid state was one of the largest Asian powers of that time. It resisted the aggression of the powerful Ottoman Turkey, which occupied the Balkans and terrified all of Europe. There is no doubt that the Safavid state could have given a proper rebuff to England if the activities of the Moscow Company posed a real threat" (Efendiev 1981: 250). Ya. Makhmudov holds an identical opinion (Makhmudov 1991: 176—177).

In addition, the Shah's goodwill also had a positive effect on the attitude of the rest of the population towards English merchants. As Arthur Edwards reports, "Since the receiving of the Shaughes [Shah Tahmasp I's] letters, I have eaten in company of good Dukes and others, who before would not come neere me. … I doubt not but we shall live here from hencefoorth in quietnes: for now in all places where I come, I am friendly used with the best" (Hakluyt 1589: 381).

Thus, trade with the Safavid Empire, which once seemed to the British a dubious and unpromising enterprise, began to acquire increasing economic and strategic significance for them over the years. English trading agents, inspired by the trading privileges received from the Shah, believed that "the commodities which the merchants may have by this trade into Persia [Safavid Empire] are thought to be great, and may in time perhaps be greater then the Portugals trade into the East Indies…" (Hakluyt 1589: 417). The famous researcher of Anglo-Russian relations and the Moscow Company I. Lyubimenko emphasizes that "...it was the period of the 60—70s [of the 16th century], coinciding with six trips of the British to Persia [the Safavid Empire], that was considered by the company to be the time of its heyday, when the income was enormous and the number of members was especially large" (Lyubimenko 1933: 731).

An interesting fact attracts attention: whether it is a coincidence or not, almost all trade privileges issued by the Principality of Moscow to English traders were granted or expanded shortly after the issuance of trade privileges to the British, both by the ruler of Shirvan and twice by Shah Tahmasp I himself. For example, Jenkinson achieved the expansion of existing trade privileges from Tsar Ivan the Terrible immediately upon returning to Moscow from the Safavid Empire, having received trade privileges from Abdullah Khan in 1563; the next royal trade privileges in 1567 and 1569, the latter of which are considered "the culminating point of the success of the British in Russia" (see: Lyubimenko 1933: 739), were also received by the British after the extradition protection certificates and trade privileges by the Safavid Shah in 1566 and 1568. It is possible that Ivan the Terrible, glorified for his favor to the English as the "English king", was well aware of how necessary it was for English trading capital to obtain these trading privileges both in the Moscow Principality itself and in the Safavid Empire, and, seeing that the British had already received them from the Safavid Shah, the Tsar, by issuing them trade privileges hoped to persuade the English queen, with whom he also wished to marry, to the military and political alliance he so desired, to provide him with artillery and military supplies, to provide him and his family with asylum in England in the event of a popular uprising and to turn privileges into a tool of

manipulation, which, as we know, did not come true and led over time to the curtailment of the trading activities of the British in the Moscow principality (Mayers 2016: 203—224). By the way, Jenkinson regifted the robe given to him by the Safavid Shah not to the English queen, whose subject he was, but to Ivan the Terrible. In addition, Jenkinson acted as Tsar's sales agent. After returning from the Safavid Empire back to Moscow, Ivan the Terrible promised Jenkinson to reward him for the work done, and also expressed a desire to entrust him with "*affaires*" again. Jenkinson asked the Tsar to grant new, broader trading privileges to the English, "...which immediately was graunted..." (Hakluyt 1589: 373). As Jenkinson himself notes, he even had the audacity to personally control whether the privileges were properly written out: "...Having penned a briefe note howe I meant to have the same priviledges made, I repaired daily to the Secretarie for the perfecting of the same, and obtained it under his Majesties broad seale…" (Hakluyt 1589: 373). On this score, the point of view of B. Andrea is interesting, "Jenkinson gave this robe to Ivan upon his return to the Russian court rather than retaining it for Elizabeth, which may have been part of the terms he had contracted with the tsar. Yet, it does suggest his doubled allegiances" (Andrea 2011: 181). According to J. Brotton, "Jenkinson's success justified the connection of Russia with Persia [Safavid Empire] in the minds of London's political and commercial elite…" (Brotton 2016). Consequently, B. Akhmedov's statement that "the implementation of British plans for colonial expansion in Azerbaijan depended, first of all, on the position of the Russian state..." does not correspond to reality (Akhmedov 1967: 29—30), for during this period, as can be seen from contemporary sources, Ivan the Terrible, in order to realize his own military-political goals, was forced to indulge the wishes of the British.

After the death of Shah Tahmasp I in 1576, the Safavid Empire found itself in a difficult socio-political situation as a result of the increased feudal strife, as well as economic damage after the Ottoman conquests of the Safavid lands, which made it impossible to continue active trade relations between the British and the Safavids due to the emerging danger of its conduct and the finding of the main trade routes in the hands of the Ottomans. In addition, a significant role was also played by the dissatisfaction of the Russian Tsar Ivan the Terrible with the strengthening of the position of English trading capital, which led to his introduction of a ban on trade along the Volga-Caspian route. The Tsar's dissatisfaction was also based on the danger that could come from Safavid-English political and economic cooperation, because the Moscow principality, which captured the Kazan and Astrakhan khanates in 1552 and 1556, respectively, subsequently planned to further strengthen its political influence in the East (Makhmudov 1991: 176). Although the sixth British trade expedition to the Safavid Empire was forced to be the last, further history, namely further persistent attempts of English trading capital to continue its activities here, prove that, despite all the difficulties that it had to face here for many years, England did not abandon its idea of establishing close trade relations with the Safavid Empire.

Conclusion

So, the analysis of the articles of protection lists and trade privileges granted by the Safavid Shah to English merchants helps to determine the essence and nature of Safavid-English trade relations. For the first time in historiography, based on an analysis of source material, it was assumed that, although Shah Tahmasp I refused to establish any kind of relations with Tudor England under the pretext of not wanting to be friends with the "unbelievers", in all likelihood, the initiative of granting trade privileges on behalf of the ruler of Shirvan came directly from the Shah himself, "chained" by a treaty with the Ottomans, the violation of which could lead to disastrous consequences for the Safavid Empire. Radical change in the attitude of the Shah towards establishing trade relations with the British after just 4 years, when Ottoman-Safavid relations began to deteriorate, and as a result granting of trade privileges in 1566 and 1568 confirms the above assumption.

It was found that trade privileges on the territory of the Safavid Empire were of strategic importance for the British, because the possibility of further advancement to East Asian markets directly depended on the success or failure of obtaining them from the Shah, which in turn proves the untenability of the concept that the Safavid Empire attracted English trading capital only as an object of colonial policy. It was proven that the Safavid Empire was of a separate economic interest for England, and was not just a "means" on the way to reaching India. Moreover, it was determined that the penetration of English trading capital into the Safavid Empire depended neither on the Principality of Moscow, nor even on the desire of the English crown, but directly on the discretion of the Safavid Shah himself.

Besides, for the first time in historiography, based on the information of Jenkinson himself, it was suggested that the first attempt by the British to establish relations with the Safavids was made back in 1553.

A detailed analysis of the articles of trade privileges showed that they were neither "capitulations" in nature nor the result of the English colonial policy towards the Safavid Empire, but, on the contrary, were a kind of encouragement from the Safavid authorities to the English traders for conducting trade in the most difficult and dangerous conditions on their territories. Also, during the study, the possibility of an interconnection in the time was identified in the issuance of trade privileges to English traders by the Safavid Shah and the Russian Tsar Ivan the Terrible.

Moreover, the historical significance of trade privileges was that they were not limited to the economic sphere, but had far-reaching consequences for both peoples. These trade privileges laid the foundation for future Safavid-English relations, which covered various spheres of activity of the peoples of two different civilizations, ranging from trade, economics, politics, the formation of a religious worldview, culture, art, literature, theaters, ending with daily life and even sports, thereby making contribution to enriching the history of relations within the "West — East" and "Christendom — Muslim world" systems.

References

Akhmedov, B. 1967. From the history of trade relations between England and the Safavid state. 2nd half of the 16th century. PhD Thesis. Baku: Baku State University.

Akhmedov, B. 1966. Tretya ekspeditsiya anglichan v gosudarstvo Sefevidov (1565—1567 gody) (The third expedition of the British to the Safavid state (1565—1567)). *Uchenye zapiski AGU. Seriya istorii i filosofii (Scientific notes of ASU. History and Philosophy Series)* 8, 90—97 (in Russian).

Andrea, B. 2011. Elizabeth I and Persian Exchanges. In: Beem, C. (ed.). *The Foreign Relations of Elizabeth I. Queenship and Power*. New York: Palgrave Macmillan, 169—199.

Əzimli, D. 2014. *Azərbaycanın Qərbi Avropa ölkələri ilə ticarət əlaqələri və Türkiyə (XV əsrin II yarısı – XVII əsrin I yarısı) (Trade relations of Azerbaijan with Western European countries and Turkey (2nd half of the 15th century – 1st half of the 17th century))*. Baku: Turxan (in Azerbaijani).

Brotton, J. 2016. *This Orient Isle: Elizabethan England and the Islamic World.* London: Allen Lane. Available at: https://www.ysk-books.com/en/show/book/this-orient-isle-elizabethan-england-and-the-islamic-world-pdf (accessed 22.08.2023).

Efendiev, O. 1981. *Azerbaydzhanskoe gosudarstvo Sefevidov (Azerbaijan Safavid State)*. Baku: Elm (in Russian).

Ferrier, R.W. 1985. *Anglo-Iranian Relations i. Safavid to Zand Periods.* Available at: https://www.iranicaonline.org/articles/anglo-iranian-relations-i (accessed 21.11.2023).

Ferrier, R.W. 1986. The Terms and Conditions under which English Trade Was Transacted with Safavid Persia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 49(1), 48—66.

Fischer, D. 1970. The Development and Organization of English Trade to Asia: 1553—1605. PhD Thesis. London: University of London.

Gasan-zade, D. 2007. *Anglo-sefevidskie otnosheniya v kontse 16 — nachale 17 vekov (po materialam angliyskikh istochnikov) (Safavid-English relations at the end of the 16th — beginning of the 17th centuries (based on materials from English sources))*. Baku: Bakı Universiteti (in Russian).

Hakluyt, R. 1589. *The Principal Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation, made by Sea or ouer Land to the most remote and farthest distant Quarters of the earth at any time within the Compasse of these 1500 yeers: Devuided into three several parts, according to the positions of the Regions whereunto they were directed.* London: Imprinted by George Bishop and Ralph Newberie, Deputies to Christopher Barker, Printer to the Queenes most excellent Majestie.

Kafar-zade, L. 2022. Missiya Entoni Dzhenkinsona v Sefevidskoe gosudarstvo: pochemu iz "skromnogo nachala" ne voznikli "velikie posledstviya"? (Anthony Jenkinson's Mission to the Safavid State: Why Didn't "Great Consequences" Arose from "Humble Beginnings"?). *Klio (Clio)* 08 (188), 32—43. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_08_32 (in Russian).

Kambay-zade, Kh. 1991. Relations between the Safavid state and Western European countries (end of the 16th – first third of the 17th centuries). PhD Thesis. Baku: Baku State University.

Küpeli, Ö. 2012. Safevi Ülkesinin İngiliz Konukları (İngiliz Tacirlerin İran Seyahatleri, 1562—1581) (British Guests of the Safavid Country (Persian Travels of British Merchants, 1562—1581)). *History Studies* 4/1, 373—385 (in Turkish).

Lockhart, L. 1986. European contacts with Persia, 1350—1736. In: Jackson, P., Lockhart, L. (eds.). *The Cambridge History of Iran.* Vol. VI. Cambridge: Cambridge University Press, 373—411.

Lyubimenko, I. 1933. Torgovye snosheniya Rossii s Angliey i Gollandiey s 1553 po 1649 god (Trade relations between Russia and England and Holland from 1553 to 1649). *Izvestiya AN SSSR. VII Seriya. Otdelenie obshchestvennykh nauk (Proceedings of the USSR Academy of Sciences. VII Series. Department of Social Sciences)* 10, 729—754 (in Russian).

MacLean, G., Matar, N. 2011. *Britain and the Islamic World, 1558—1713.* Oxford; New York: Oxford Press.

Mahmudlu, Y. 2012. *Səyyahlar, kəşflər, Azərbaycan (Travelers, discoveries, Azerbaijan)*. Bakı: Təhsil (in Azerbaijani).

Mahmudov, Y. 2011a. İngilis səyyahı Antoni Cenkinson Azərbaycanda (British traveler Anthony Jenkinson in Azerbaijan). In: Mahmudlu, Y. *Seçilmiş əsərləri (Selected works).* Vol. I. Baku: Təhsil, 550—554 (in Azerbaijani).

Mahmudov, Y. 1980. *Odlar yurduna səyahət (Journey to the land of fire).* Bakı: Gənclik (in Azerbaijani).

Mahmudov, Y. 1977. *Səyyahlar Azərbaycana gəlir (Travelers come to Azerbaijan).* Baku: Gənclik (in Azerbaijani).

Mahmudov, Y. 2011b. The first English traders in Azerbaijan. *Visions of Azerbaijan* (September-October 2011), 54—59. Available at: http://www.visions.az/en/news/328/c749315/ (accessed: 12.11.2023).

Makhmudov, Ya. 1991. *Vzaimootnosheniya gosudarstv Akkoyunlu i Sefevidov s zapadnoevropeyskimi stranami (II polovina XV — nachalo XVII veka) (Relations between the Akkoyunlu and Safavid states with Western European countries (II half of the 15th — early 17th century)).* Baku: Bakinskiy universitet (in Russian).

Mamedov, S. 1993. *Azerbaydzhan po istochnikam XV — pervoy poloviny XVIII vv. (Azerbaijan according to sources of the 15th — first half of the 18th centuries).* Baku: Elm (in Russian).

Mayers, K. 2016. *The First English Explorer: The life of Anthony Jenkinson (1529—1611) and his adventures on route to the Orient.* Croydon: Troubador Publishing Ltd.

Meshkat, K. 2005. *The journey of Master Anthony Jenkinson to Persia (1562).* A Thesis Presented to The Department of Literature, Area Studies and European Languages The University of Oslo in Partial Fulfilment of the Requirements for The Cand. Philo. Degree. Oslo: University of Oslo.

Mehdizadeh, N. 2020. *The Last Goodbye: Robert Sherley's "Vltimum Vale" in Safavid Persia.* Available at: https://memorients.com/articles/the-last-goodbye-robert-sherleys-vltimum-vale-in-safavid-persia (accessed 27.07.2023).

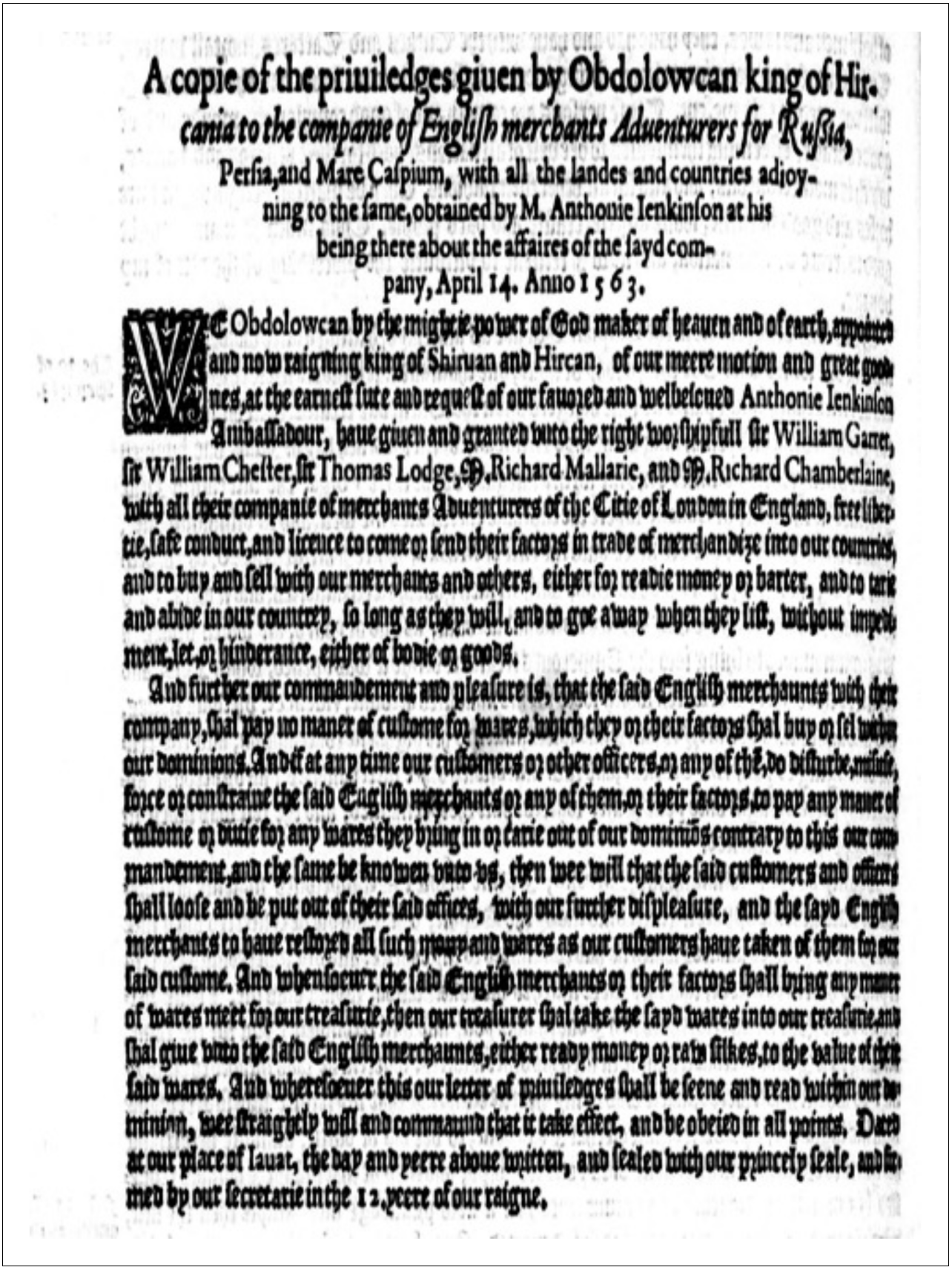
Muganlinskiy, R. 1998. *Azerbaydzhanskie gosudarstva XV—XVI vv. v angliyskoy istoriografii (Azerbaijani states of the XV—XVI centuries. in English historiography).* Baku: Bakinskiy universitet (in Russian).

Nəcəfli, T. 2020. *Azərbaycan Səfəvi dövlətinin xarici siyasəti (Türkiyə tarixşünaslığında) (Foreign policy of the Safavid state of Azerbaijan (in Turkish historiography)).* Baku: Turxan NPB (in Azerbaijani).

Shakhmaliev, E. 1958. From the history of the trade policy of European powers in the Near East in the 16th century. PhD Thesis. Baku: Bakinskiy universitet (in Russian).

Vaughn, E. 1912. English trading expeditions into Asia under the authority of the Muscovy Company (1557—1581). In: Gerson, A. (ed.). *Studies in the history of English commerce in the Tudor Period.* New York: D. Appleton and Company, 127—210.

Fig. 1. Shirvan ruler Abdullah Khan receiving English voyager Anthony Jenkinson (O. Sadiqzadeh, the Azerbaijan National History Museum).



A copie of the priuiledges giuen by Obdolowcan king of Hir-
cania to the companie of Engliſh merchants Aduenturers for Ruſsia,
Perſia, and Mare Caſpium, with all the landes and countries adioy-
ning to the ſame, obtained by M. Anthonie Ienkinſon at his
being there about the affaires of the ſayd com-
pany, April 14. Anno 1563.

WE Obdolowcan by the mightie power of God maker of heauen and of earth, appointed and now raigning king of Shiruan and Hircan, of our meere motion and great goodnes, at the earneſt ſute and requeſt of our fauored and welbeloued Anthonie Ienkinſon Ambaſſadour, haue giuen and granted vnto the right worſhipfull ſir William Garret, ſir William Chelter, ſir Thomas Lodge, M. Richard Mallarie, and M. Richard Chamberlaine, with all their companie of merchants Aduenturers of the Citie of London in England, free liberty, ſafe conduct, and licence to come or ſend their factors in trade of merchandize into our countries, and to buy and ſell with our merchants and others, either for readie money or barter, and to tarie and abide in our countrey, ſo long as they will, and to goe away when they liſt, without impediment, let, or hinderance, either of bodie or goods.

And further our commandement and pleaſure is, that the ſaid Engliſh merchaunts with their company, ſhal pay no maner of cuſtome for wares, which they or their factors ſhal buy or ſel within our dominions. And if at any time our cuſtomers or other officers, or any of thē, do diſturbe, miſuſe, force or conſtraine the ſaid Engliſh merchants or any of them, or their factors, to pay any maner of cuſtome or dutie for any wares they bring in or carie out of our dominiōs contrary to this our commandement, and the ſame be known vnto vs, then wee will that the ſaid cuſtomers and officers ſhall looſe and be put out of their ſaid offices, with our further diſpleaſure, and the ſayd Engliſh merchants to haue reſtored all ſuch money and wares as our cuſtomers haue taken of them for our ſaid cuſtome. And whenſoeuer the ſaid Engliſh merchants or their factors ſhall bring any maner of wares meet for our treaſurie, then our treaſurer ſhal take the ſayd wares into our treaſurie, and ſhal giue vnto the ſaid Engliſh merchaunts, either ready money or raw ſilkes, to the value of their ſaid wares. And whereſoeuer this our letter of priuiledges ſhall be ſeene and read within our dominion, wee ſtraightly will and commaund that it take effect, and be obeied in all points. Dated at our place of Iuuat, the day and yeere aboue written, and ſealed with our princely ſeale, and ſigned by our ſecretarie in the 12. yeere of our raigne.

Fig. 2. A text of privileges granted by the ruler of Shirvan Abdullah Khan I to the British in 1563 (after Hakluyt 1589: 374).

Another letter of Arthur Edwards, written in Astracan, the 16. of Iune, 1567. at his returne in his first voyage out of Persia, to the right Worshipfull companie, trading into Russia, Persia, and other the North and Northeast partes.

The Shaughs letters to the Moscouie company.

IT may please your Worships, that herein I haue written not onely certaine articles of your priuiledge, but also the Gouernours names, with the Consuls, Assistants, and generalitie. Also such commodities as the Prince or Emperour of the Countrey hath written in one of his letters, directed to your Worships, to be sent him, with other notes, which I thought good to be remembred, as may appeare hereafter following. Your priuiledge is written, granted, and giuen in the names of these fiue persons following, to wit, sir William Garrard, sir William Chester, gouernours, sir Thomas Lodge, Master Anthony Ienkinson, Master Thomas Nichols, and Arthur Edwards.

1. First it is granted, that you shall pay no manner of customes, or tolles, any kind of ways, now, nor in time comming, vnto his heires after him. And that all English Marchants, such as you shall appoint nowe, and hereafter, shall and may passe and repasse into all places of his dominions, and other Countreyes adioyning, in the trade of marchandise, to buy and sell all manner of commodities, with all manner of persons.

2. Item that in all places where any of our Marchants shall haue their resort, or abiding, his chiefe Gouernours, Rulers, and Iustices shall take heede vnto vs, being our aide and defence against all euill persons, punishing those that shall doe vs any wrong.

3. Item that for all such debts as shall be owing by any manner of person, iustice shall be done on the partie, and we paid at the day.

4. Item that no manner of person, of whatsoeuer estate or degree they be of, shall be so hardie as to take any kind of wares, or any guifts, without any leaue and good will.

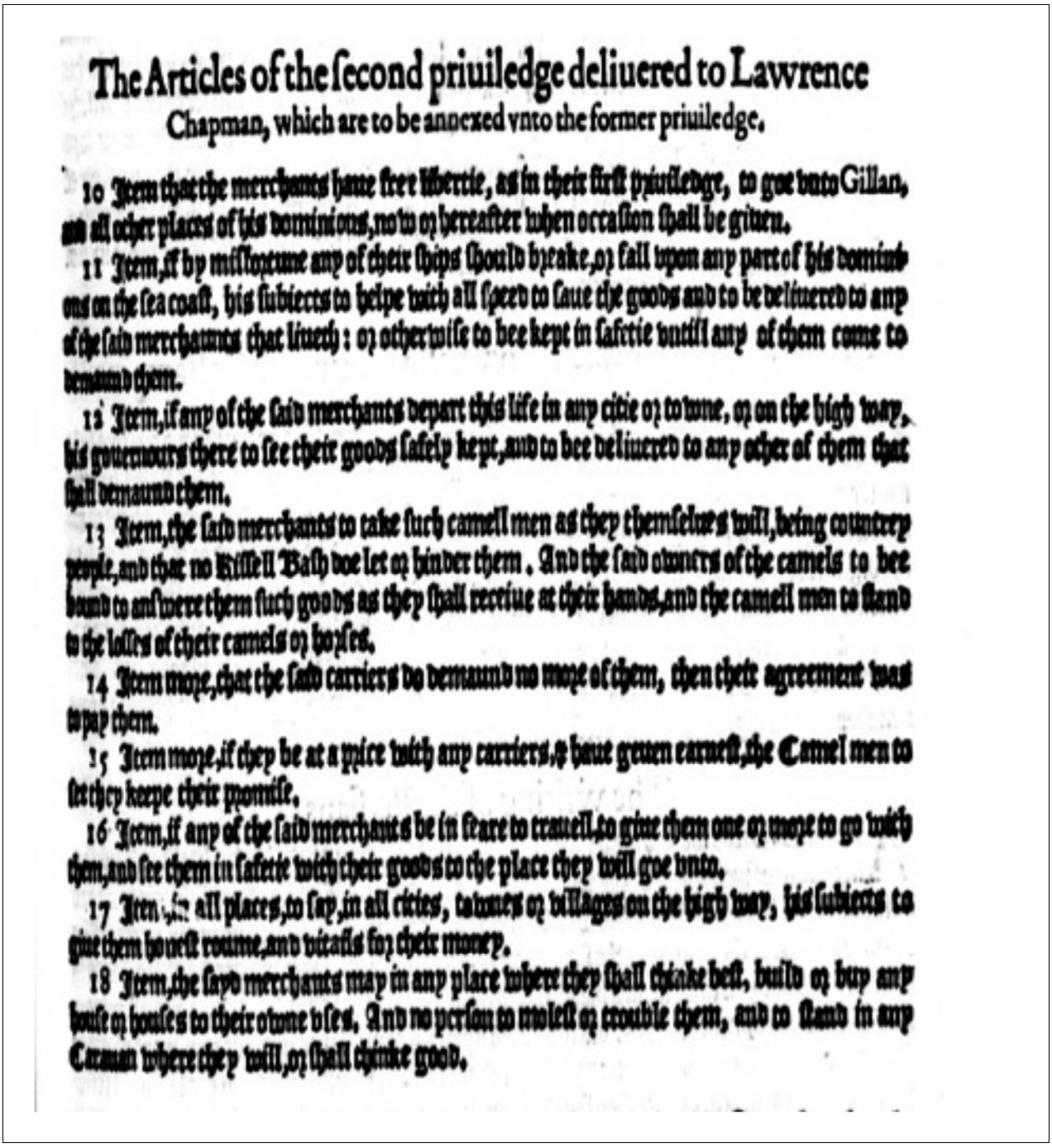
5. Item if by chance medley any of our Marchants or seruants, as God forbid, should kill any of his subiects, that no part of your goods shall be touched or medled withall, neither any parte but the offendour, and true iustice to be ministred, and being any of vs, not to suffer without the Princes knowledge, and aduise.

6. Item that all such debts as are nowe owing, or hereafter shall be, are to be [illegible] vnto any of vs, in the absence of the other, be the partie dead, or aliue.

7. Item that no person returne any kinde of wares backe againe, being once bought or solde.

8. Item that when God shall send your goods to shoare, presently his people shall helpe vs a land with them.

Fig. 3. A text of trade privileges granted by the Shah Tahmasp I to the British in 1566 (after Hakluyt 1589: 384).



The Articles of the ſecond priuiledge deliuered to Lawrence Chapman, which are to be annexed vnto the former priuiledge.

10 Item that the merchants haue free libertie, as in their firſt priuiledge, to goe vnto Gillan, and all other places of his dominions, now or hereafter when occaſion ſhall be giuen.

11 Item, if by miſfortune any of their ships ſhould breake, or fall vpon any part of his dominions on the ſea coaſt, his ſubiects to helpe with all ſpeed to ſaue the goods and to be deliuered to any of the ſaid merchants that liueth: or otherwiſe to bee kept in ſafetie vntill any of them come to demaund them.

12 Item, if any of the ſaid merchants depart this life in any citie or towne, or on the high way, his gouernours there to ſee their goods ſafely kept, and to bee deliuered to any other of them that ſhall demaund them.

13 Item, the ſaid merchants to take ſuch camell men as they themſelues will, being countrey people, and that no Villell Bath doe let or hinder them. And the ſaid owners of the camels to bee bound to anſwere them ſuch goods as they ſhall receiue at their hands, and the camell men to ſtand to the loſſes of their camels or boxes.

14 Item more, that the ſaid carriers do demaund no more of them, then their agreement was to pay them.

15 Item more, if they be at a price with any carriers, & haue giuen earneſt, the Camel men to ſee they keepe their promiſe.

16 Item, if any of the ſaid merchants be in feare to trauell, to giue them one or more to go with them, and ſee them in ſafetie with their goods to the place they will goe vnto.

17 Item, in all places, to ſay, in all cities, townes or villages on the high way, his ſubiects to giue them howſe roume, and victails for their money.

18 Item, the ſayd merchants may in any place where they ſhall thinke beſt, build or buy any houſe or houſes to their owne vſes. And no perſon to moleſt or trouble them, and to ſtand in any Caruan where they will, or ſhall thinke good.

Fig. 4. A text of trade privileges granted by the Shah Tahmasp I to the British in 1568 (after Hakluyt 1589: 417).

Военная история

Military History

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.46.95.031

У.М. Агатай, Ж.М. Сабитов, З.О. Ибадуллаева, Н.А. Досымбетов

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В НОГАЙЛИНСКО-КАЗАХСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ*

В статье рассмотрены материалы ногайлинско-казахского героического эпоса, содержащих сведения о различных названиях и особенностях применения огнестрельного оружия. Ранее данные материалы не становились объектом специального научного исследования и не были переведены на иностранные языки, в том числе на русский язык. На основе комплексного анализа фольклорных и письменных источников предпринята попытка выявления оригинальных названий, а также некоторые обстоятельства появления и применения огнестрельного оружия ногаями, татарами и казахами эпохи Нового времени. На основании изучения собранных, систематизированных и проанализированных источников выявлены и атрибутированы основные термины и словосочетания для обозначения огнестрельного оружия, применяемого в ногайлинско-казахском героическом эпосе. Так, в частности, установлено, что в эпоху Нового времени воины-кочевники западного и восточного Дешт-и Кипчака, Крымской степи, а также казахских ханств и улусов северо-восточного Прикаспия, Арало-Сырдарьинского региона, Семиречья, Сарыарки, Алтая, использовали такие разновидности огнестрельного оружия, как *зеңбірек* (пушка), *топ* или *доп* (крупнокалиберная пушка), *мылтық* (ружье), *түзу мылтық* («прямое» ружье), *самқал* (ружье-шамхал), *жез айыл* (ружье-джезаил), *қара мылтық* («черное» (обычное?) ружье), *орама мылтық* («обернутое» ружье), *серіппелі ақберен* («превосходное» ружье с пружинным механизмом), *шаппалы мылтық* (ружье с курком), *қырлы мылтық* («ружье с гранями» или «граненное ружье»), *мысық құлақ мылтық* (ружье — «кошачье ухо»), *күлдір мамай* (кульдур мамай), *қозы көш* (коз-коч), *ақ мылтық* («белое» ружье). В рамках комплексного анализа собранные и систематизированные материалы ногайлинско-казахского героического эпоса могут привлекаться для изучения военно-культурного наследия тюркских и монгольских народов Евразии Нового времени.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, тюркский героический эпос, Ногай, казахи, история Казахстана, Улус Джучи.

Сведения об авторах: Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы[1], докторант (археология и этнология), Научный институт изучения Улуса Джучи; Национальный музей Республики Казахстан; Сабитов Жаксылык Муратович[2], PhD (политология), Научный институт изучения Улуса Джучи; Ибадуллаева Зылиха Омирбековна[3], кандидат исторических наук, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Досымбетов Нурлыбек Айдарбекович[4], докторант (археология и этнология), Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; 010000, Казахстан, г. Астана, просп. Тауелсиздик 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи, e-mail: babasan@yandex.kz; [3]010008, Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: ibadullaeva.72@mail.ru; [4]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко 28, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, e-mail: nur_dos88@mail.ru.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP23490261 «Историческая биография Ногая и его роль в истории джучидской государственности»).

Статья поступила в номер 31 мая 2024 г.
Принята к печати 15 июня 2024 г.

© У.М. Агатай, Ж.М. Сабитов, З.О. Ибадуллаева, Н.А. Досымбетов, 2024.

O.M. Agatay, Zh.M. Sabitov, Z.O. Ibadullayeva, N.A. Dossymbetov

FIREARMS IN THE NOGHAIC-KAZAKH HEROIC EPOS

The article considers the materials of Noghaic-Kazakh heroic epos containing information about various names and peculiarities of firearms use. Earlier these materials have not become the object of special scientific research and have not been translated into foreign languages, including Russian. On the basis of a comprehensive analysis of folklore and written sources, the attempt was made to identify the original names, as well as some circumstances of the appearance and use of firearms by the Noghai, Tatars and Kazakhs of the New Age. Based on the study of collected, systematised and analysed sources, the main terms and phrases used in the Noghaic-Kazakh heroic epic to denote firearms, have been identified and attributed. In particular, it has been established that in the New Age the nomadic warriors of Western and Eastern Desht-i Kipchak: the Crimean steppe, as well as the Kazakh khanates and uluses of the northeastern Caspian and the Aral-Syrdarya regions, Zhetysu, Saryarka and Altai used such varieties of firearms as *zenbirek* (cannon), *top* or *dop* (large-calibre cannon), *myltyk* (gun), *tuzu myltyk* (“straight” gun), *samkal* (shamkhal gun), *zhez ayil* (jezail gun), *kara myltyk* (“black” (ordinary?) shotgun), *orama myltyk* (“wrapped” shotgun), *serippeli akberen* (“perfect” shotgun with a spring mechanism), *shappaly myltyk* (shotgun with a trigger), *kyrly myltyk* (“shotgun with facets” or “faceted shotgun”), *musyk kulak myltyk* (“a cat’s ear” shotgun), *kuldir mamay* (kul’dur mamay), *kozy kosh* (koz-kech), *ak myltyk* (“white” shotgun). The analysis of the collected and systematised materials has shown that within the framework of a comprehensive analysis of sources, the Noghaic-Kazakh heroic epic can be used to study the military and cultural heritage of the Turkic and Mongolian peoples of Eurasia in the New Age.

Key words: firearms, Turkic heroic epic, Nogai, Kazakh, history of Kazakhstan, Ulus of Jochi.

About the authors: Agatay Otkirbay Mıltıqbayulı[1], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), Research Institute for Jochi Ulus Studies; National Museum of the Republic of Kazakhstan; Sabitov Zhaxylyk Muratovich[2], PhD (Political Science), Research Institute for Jochi Ulus Studies; Ibadullayeva Zylikha Omirbekovna[3], Candidate of Historical Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University; Dossymbetov Nurlybek Aidarbekovich[4], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov.

Contact information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies, 010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Avenue, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies, e-mail: babasan@yandex.kz; [3]010008, Kazakhstan, Astana, 2 Satpayev St., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: ibadullaeva.72@mail.ru; [4]050010, Kazakhstan, Almaty, 28 Shevchenko St., Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov, e-mail: nur_dos88@mail.ru.

Введение. Важным направлением современных археологических, исторических, оружиеведческих и этнографических исследований является изучение вооружения кочевников Казахстана и сопредельных территорий эпохи Средневековья и Нового времени. В основе подобных исследований, как правило, лежит комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников. В то же время указанные источники не всегда позволяют уточнить вопросы, связанные с оригинальными наименованиями различных видов наступательного и защитного вооружения, особенностями их применения в бою, транспортировке и т.п. Ответы на некоторые из этих вопросов содержатся в материалах ногайлинско-казахского героического эпоса.

Материалы. Исследование основано на комплексном анализе фольклорных и письменных источников.

Основным видом **фольклорных источников** является казахский героический эпос ногайлинского цикла: *«Қарасай—Қази»* сказителя Ш. Карибаева; «*Ертедегі Шора батыр»* сказителя Мусабая; «*Еңсегей бойлы Ер Есім»* — казанский вариант эпоса «*Қисса Қамбар»*; *«Барақ батыр»*; исторические сказания — «*Төле би»*, *«Абылай туралы жыр»*, *«Сырым*

батыр», *«Жанқожа батыр»*, *«Қобыланды-баты»* сказителя Мергенбая; казанский вариант эпоса «*Қобыланды батыр» — «Мырзаш батыр»; «Орта жүз Олжабай батыр»*.

Письменные источники представлены материалами «*Кара таварих»* Утемиш-хаджи, сказанием армянского священника Стефана, *посольскими книгами,* посвященными связям Ногайской орды и Московского государства, трудами Ч. Валиханова, записями английского путешественника Макгрегора, книгой «*Северная и Восточная Тартария»* Н. Витсена, «*Джами ат-таварих»* Кадыр Али-бека, словарями В. Радлова и др., а также современными научными трудами по оружиеведению.

Целью настоящего исследования является уточнение роли ногайлинско-казахского героического эпоса в изучении огнестрельного оружия тюркских воинов-кочевников Евразии Нового времени. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

а) выявить и атрибутировать основные термины и словосочетания, применяемые в ногайлинско-казахском героическом эпосе для обозначения огнестрельного оружия;

б) рассмотреть вопрос появления огнестрельного оружия у воинов-кочевников Евразии Нового времени;

в) выявить соответствие огнестрельного оружия в ногайлинско-казахском героическом эпосе с их описаниями в письменных источниках;

г) выявить особенности применения огнестрельного оружия кочевниками региона на основе анализа материалов ногайлинско-казахского героического эпоса.

Результаты исследования. В ногайлинско-казахском героическом эпосе известны такие наименования огнестрельного оружия, как *зеңбірек*, *доп*, *мылтық*, *түзу мылтық, самқал, жез айыл, қара мылтық*, *орама мылтық*, *серіппелі ақберен, шаппалы мылтық, қырлы мылтық*, *мысық құлақ мылтық, күлдір мамай, қозы көш, ақ мылтық*. Перечисленные виды огнестрельного оружия в целом можно разделить на две категории: артиллерийское орудие и ручное огнестрельное оружие. Если первое во многих случаях используется в военных действиях на специально отведенных участках фронта, обслуживается расчетом из нескольких человек, то второе — воин использует в пешем порядке или верхом на коне.

Время появления высокотехнологичного для средних веков вида огнестрельного вооружения у кочевников Евразии до сих пор точно не определено. Тем не менее, из разных исторических источников известно об его использовании воинами Великой степи уже со времен золотоордынского эмира-беклярибека Едиге в армии Улуса Джучи. В древнерусских письменных источниках содержатся сведения о том, что в 1409 г. Едиге окружил Москву с целью сбора неуплаченной дани князем Василием I, и для устрашения непокорных требовал у тверского князя Ивана Михайловича обеспечить войско артиллерией (Пенской 2018: 116). О наличии артиллерии (пушек) у хана Золотой Орды Кадырберды в битве против эмира Едиге пишет Утемиш-хаджи в «*Кара таварих»*: «У хана Кадырберды были пушки. Едиге бек избрал своего сына Кейкуата в качестве иравула. Хан выпустил снаряд из пушки — Кейкуат не выдержал, его лицо обгорело, упал на землю. Затем обмотал лицо знаменем бека» (Утемиш-хаджи 2017: 70, 144).

Во времена Ногайской орды, возникшей после распада Улуса Джучи — Золотой Орды, в армии ногаев, вероятно, тоже частично применялось огнестрельное оружие. Так, А.А. Ялбулганов утверждает, что основным вооружением ногайского воина были лук, стрелы, копье, а, начиная с середины XVI в., у них появляется огнестрельное оружие (Ялбулганов 1998: 13). По нашему мнению, здесь под «огнестрельным оружием» имеется в виду ручное огнестрельное ружье.

Сведения о применении огнестрельного оружия крымскими татарами и ногаями, содержащиеся в европейских, русских и османских письменных источниках, были собраны, систематизированы и детально проанализированы российским оружиеведом и военным историком Л. Бобровым (Бобров 2016: 281—324). Важное значение имеет тот факт, что эти данные хорошо коррелируются со сведениями степных эпических сказаний и иными фольклорными материалами.

Об использовании пушек крымскими татарами и ногаями известно, в частности, из сказания армянского священника Стефана из крымского города Кафа в 1603 г.:

«Услышав то Мухаммед-Кирей,
Собрал народ татарский
И другой именуемый Ногайским:
Купно с ними двинулся на город (*Кафу*),
Бесчисленно их было тысяч,
И всадников мириады,
Их было тысяч семьдесят.
И осадили город с суши
Были при них даже пушки».

***«Песнь о Кафе»* (Айвазовский 1975: 451).**

В одном из вариантов ногайлинского-казахского эпоса «*Карасай—Кази»*, описывающего османо-крымско-ногайский военный поход в Персию, встречается свидетельство об использовании огнестрельного оружия ногайскими воинами. К примеру, в варианте[1] Ш. Карибаева рассказывается о применении ружья неразлучным спутником военачальника Адиль-Гирая — Казием во время боевых действий в Персии[2]:

Саблями рубили,
Копьями кололи,
И, из ружья стреляли,
Кызылбаши сильно встревожились,
Подумали, «умрем» здесь[3].

Принимая во внимание вышеуказанные данные, ~~мы~~ считаем, что крымские татары и ногаи вместе с османскими янычарами использовали огнестрельное оружие уже с ~~в~~ XVI в. в ходе военных мероприятий против Персии (Аствацатурян 2002: 203).

Данное положение подтверждается объективными фактами исторического процесса Московского княжества, геостратегическое, геополитическое и торгово-экономическое положение которого, начиная со второй половины XVI в., толкает его к военным действиям по захвату восточных земель «ниже Итиля-Волги». Первым крупным государственным образованием на этом пути становится Казанское ханство.

До этого, в период со второй половины XV в. до первой половины XVI в. между Московским княжеством и Казанским ханством произошло 13 войн; 7 нападений были предприняты Москвой, 6 — Казанским ханством (Худяков 1923: 116). В мае 1530 г. после усугубления безвыходного дипломатического кризиса, князь Василий III отправляет на покорение Казани войска с тяжелой артиллерией (Кирпичников 1976: 93). В июле того же года русские дружины окружают город, однако начать масштабную атаку не решаются. Казанский хан Сафа-Гирай бежал было из города, но неожиданно началась буря. Казанцы использовали этот момент и перешли в контрнаступление.

Данный факт подтверждает исследователь русских летописей В. Волков, который приводит следующие сведения: «… в те поры туча пришла грозна и дождь был необычен

[1] Настоящий вариант эпосов «*Қараса» и «Қази»* был записан Шаяхметом Карибаевым и опубликован в 1944 г. (Бабалар сөзі 41: 418).

[2] Здесь и далее в сносках дается оригинальный вариант текста и ссылка на литературу. Перевод на русский язык выполнен У.М. Агатаем.

[3] «*Қылышпенен шапқылап,*
Көк найзамен сұққылап,
Тағы атты мылтықты
Қызылбас жаман тарықты
«Өлемін» деп қорықты» (Бабалар сөзі 41: 374).

велик, и который был наряд пищали; привезен на телегах на обозных к граду, а из них было стрелять по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поимали тот весь наряд…». Судя по описанию автора, контратака завершилась полной победой русских, татары же «захватили часть артиллерии — 70 пищалей и телег «гуляй-города», на которых они были установлены» (Волков 2011: 89).

Некоторые эпизоды произошедших событий, вероятно, находят аналогии в ногайлинско-казахском героическом эпосе. Например, в эпосе «*Ертедегі Шора батыр»* сказителя Мусабая, где главный герой сказания Шора-батыр атакует противника, который имел пушки и ружья:

На огонь пушки,
На пулю как зерно[4].

Конечно, эти сведения могут носить вымышленный автором сказания характер. Однако если предположить, что Шора-батыр[5] из племени тама в эпосе — это Чура Нарыков, военно-политический деятель Казанского ханства первой половины XVI в., проведший много сражений с русскими князьями, то описываемые в эпосе события о его сражениях против русских могут быть очень близки к правде.

Если обратить внимание на Узбекское и Казахское ханства, то можно установить, что воины восточного Дешт-и Кипчака начали использовать огнестрельное оружие, начиная с XVI—XVII вв. Здесь первым нашего внимания заслуживает вид огнестрельного оружия, именуемый — «*топ»* или *«доп»* — крупнокалиберное артиллерийское орудие. Названный термин в казахской традиционной военной лексике был предположительно заимствован из османского — طوپ топ или из чагатайского — توپ топ (Радлов 1905: 1220). Как видим, этот термин тогда стал широко использоваться в лексике казахского языка и языках других народов Средней Азии.

К примеру, в историческом предании «*Еңсегей бойлы Ер Есім»*[6] говорится о применении в войске Есим-хана *доп*-пушек и целых артиллерийских систем:

Доп, пушку ставят,
Направив на сторону врага[7].

По мнению К. Ахметжана, *доп*-пушка на мусульманском Востоке появилась в XV в. Она предназначалась для прицельной дальней стрельбы. Артиллерийское орудие устанавливалось «на прямолинейном деревянном станке на специальной установке, носимой тремя-четырьмя людьми, с более длинным и тонким стволом (калибром) по сравнению с мортирой». Основным материалом, используемым для литья *доп*-пушек была медь. Из-за формы снаряда-ядра в виде круглого шара, это орудие в тюркском языке стали называться как «доп», буквально «мяч». Ствол пушки устанавливался на двух или четырехколесном лафете. Оружиевед приводит аналогию, где близким по форме и механизму, но крупным аналогом *доп*-пушки были русский «Царь-пушка», английский «Монс Мэг» и османо-турецкое крупное артиллерийское орудие «Дарданелла» (Ахметжан 2016: 50, 51).

---

[4] «*Зеңбіректің шоғына,*
Бір дүмбел мылтық оғына» (Бабалар сөзі 45: 53).

[5] По сведениям специалистов, воспользовавшись ослаблением Москвы после смерти Василия III во время «переходного периода» 1536—1540 гг., татары под предводительством хана Сафа-Гирая совершили несколько атак на русские земли (Худяков 1923: 93). В одном из таких походов в Костромском направлении участвовал Чура Нарыков вместе с 8-тысячным войском (Исхаков 2009: 155). Следовательно, в 1526—1546 гг. Чура Нарыков — Шора-батыр был высокопоставленным военачальником в Казанском ханстве при хане Сафа-Гирае.

[6] Эпос об Есим хане был записан в 1940 г. поэтом, сказителем К. Байболовым из Ленгерского района, близ г. Шымкент. В эпосе описывается война между Есим-ханом — ханом Казахского ханства и правителем Ташкента Турсыном (Қазақ қолжазбаларының 1975: 84—87).

[7] «*Доп, зеңбірек қояды,*
Жау тарапқа оңғарып» (Бабалар сөзі 56: 123).

Согласно фольклорным данным, в Средней Азии и Казахском ханствах *доп*-пушки использовались, начиная с XVI в. Кроме того, в воинской структуре среднеазиатских и казахских ханств имелись специалисты, которые были ответственны за расчеты пушек, обслуживали, использовали по назначению артиллерийские орудия и в мирное, и военное время. Так, например, в вышеуказанном эпосе «*Еңсегей бойлы Ер Есім»* в казахской армии указывается несколько воинских специализаций (*топбаши*) в контексте рассказа о взятии Есим-ханом Ташкента, и его войн с Турсуном:

Военачальник, десятник,
Караульный, курбаши.
Запрягнув к арбе пушек,
Укомплектовав огнеприпасы,
Довели [все это] до сведения топбаши[8].

В этом же эпосе, помимо *доп*-пушек, встречается средне -и(или) мелкокалиберное артиллерийское орудие — *зеңбірек*, перевозимое верхом на верблюдах или на телегах:

На каждую вороту-арка,
Ставит по тысячу воинов.
Стрельнув залпом из пушек-зеңбірек,
Разрушит орду-ставку хана.
Массой кликнув клич «Аллах»,
Казахи бросятся в атаку стремглав[9].

Согласно словарю В. Радлова, термин *зеңбірек* в казахский язык и языки народов Средней Азии заимствован или из персидского: زنبرك — «маленькая пушка на верблюдах, самострел» или из чагатайского: زنبورك — «пушка» (Радлов 1911а: 897, 898).

В отличие от *доп*-пушки, упомянутое артиллерийское орудие — «*зеңбірек»* представляло собой легкую пушку, которая стреляла маленькими пороховыми ядрами. Аналогом пушек-*зеңбірек* можно назвать древнерусскую «пищаль» или европейский «фальконет». Пушки-*зеңбірек* отливали, как правило, из бронзы. Орудие состояло из двух конструктивных частей: казенника и ствола (Ахметжан 2016: 56—58).

Стоит отметить, что в героических эпосах нет сведений о точных размерах, конструктивных частях, механизме и др. данных о *доп*-пушках и пушках-*зеңбірек*. Упоминание о других видах тяжелой артиллерии в письменных, в частности, в персидских источниках XVI в., дает основание утверждать, что в армиях среднеазиатских ханств того времени использовали, например, артиллерийские орудия типа *зарбзанг* (*тарбазан*), *туп-е* (*туфенг*) (Кушкумбаев 2001: 70; Ахметжан 2016: 52—55). Кроме того, по фольклорным источникам, начало использования казахами орудий тяжелой артиллерии (*доп*-пушек, и пушек-*зеңбірек*) приходится на эпоху правления Есим-хана. В частности, есть факты их появления в руках казахских ханов, правивших в присырдарьинских городах. Однако в аутентичных письменных источниках нет сведений об

[8] «*Әскербасы, онбасы,*
Қарауылшы, құрбасы.
Арбаға таңып зеңбірек,
Оқ-дәрісін түгендеп,
Хабарланды топ басы (Бабалар сөзі 56: 167).
[9] *Әр дарбаза аузына,*
Мыңнан әскер қояды.
Зеңбірек атып, талқандап,
Ордасын ханның бұзады.
Аллалап тегіс ұран сап,
Қазақтың бәрі ұрады» (Бабалар сөзі 56: 156–157).

использовании казахами тяжелой артиллерии в XVI в. Вполне возможно, казахские сказители-*акыны* ретрополировали исторические события, имевшие место в XVIII в. Речь идет о борьбе казахов с ойратами — *калмаками* и с русскими — *ындысами* в более раннее время, в нашем случае, в период правления Есим-хана.

Судя по письменным данным, степные ханы и султаны использовали тяжелую артиллерию в середине XIX в., то есть при Кенесары-хане. Во время похода против кыргызов войском Кенесары-хана использовались пушки-*зеңбірек*. Их транспортировали на верблюдах. Перед началом битвы верблюдов опускали на колени, с них снимали орудия, а для точности стрельбы использовали остов телеги. Наряду с этим, в источниках упоминаются стрелки, наводившие пушки (Артықбаев 2014: 62).

Также следует отметить, что в ногайлинско-казахском героическом эпосе огнестрельное оружие встречается не только у казахов, есть оно также и у главных героев — ногайлинцев и крымских татар. Эти сведения подтверждаются письменными источниками. Например, крымские ханы и ногайские *мурзы* получали огнестрельное оружие (артиллерийские установки, пищали), а также боеприпасы к ним, от Османской империи и Московского государства соответственно (Бобров 2016: 283—301).

Так, в «*Посольской книге»,* посвященной связям Ногайской орды и Московского государства, зафиксирована переписка правителей ногайского улуса с канцелярией Ивана IV. Многие ногайские *мурзы* (Чемаш, Урак, Келмагмет, Янай и др.) просили выслать им вооружение в качестве знака дружбы[10]. К примеру, в 1551 г. ногайский *мурза* Исмаил в своем письме царю Ивану IV в целях «сотрудничества и союзничества» просит отправить деньги, огнестрельные оружия и доспехи: «Другом нас себе назовешь, и ты нам куны[11] дай. Да прислал бы ми еси пушечника, да пищальника и с пищалью, да полный доспех с шеломом» (Продолжение 1791: 266).

Далее, в 1551 г. в одном из дипломатических писем видим, что Исмаил просил у Ивана IV вместе с огнестрельным оружием (пушки, пищали) прислать и умеющих из них стрелять стрелков: «Да тюменской шавкал нам недруг, и ты б нам прислал две невеликие пушки и с стрелцы вместе, чтоб с одново с нами недруга нашего повоевали» (Посольские книги 2006: 45).

Для укрепления своего стратегического положения Москве необходимо было увеличивать численность войск и приобретать союзников, поэтому она широко применяла практику раздачи подарков и подкупа ногайских правителей. В свою очередь, такая практика также была выгодна для осуществления своих военно-политических планов некоторым «промосковским» ногайским *биям* и *мурзам* (Жирмунский 1974: 426, 479, 480), которые активно осваивали этот вид огнестрельного оружия (пищалей, пушек).

Если ногайские *мурзы* получали огнестрельное оружие благодаря военно-политическому союзу с московскими правителями, то крымские ханы еще ранее получали такое вооружение от Османской Порты (Купели 2014: 227, 228). Первые сведения о наличии у Крымского ханства воинов, вооруженных османским огнестрельным оружием, датируется концом XV в. (Бобров 2016: 283, 284, 295, 301). Наличие артиллерии, полученной крымскими татарами и ногайцами от османских турок, подтверждает сообщение посольства, полученное московским князем Василием III в 1521 г.: «… и салтан Сяленъби (Османский султан Селим I — *А.У.*) прислал, государь, в Азов с Синанагаю три каюки, а на каюкех государь по осмидесят человек, да по пятидесят пушек, да по пятидесят, государь, пищалей...» (Памятники 1895: 672).

[10] Ногайские правители были хорошо осведомлены в том, что русские правители в это время уже наладили производство артиллерийских орудий типа пищалей и пушек. Так, с воцарением на Московском престоле в 1547 г. Ивана IV в русском войске на основе пищальников было сформировано новое стрелецкое войско (Кирпичников 1976: 77—81). Впервые они были собраны во время правления князя Василия III из жителей посада для участия в походах. Пищальники служили при Иване III при осадной артиллерии (Алексеев 2018: 543). Кроме того, пищальники входили и в состав кавалерии. Побывавший во дворце Ивана IV в 1560 г. венецианец Франческо Тьеполо писал: «... во время отца нынешнего герцога (Ивана IV — *А.У.*) впервые появился у них отряд конных аркебузьеров...» (Тьеполо 1940: 342).

[11] Денежная единица Древней Руси, серебряная монета.

Кроме того, крымский хан Сахиб-Гирай в Грамоте от 1537 г. предупреждает малолетнего Ивана IV (фактически его администрацию) об отказе от войны с Казанью[12]: «…в наших волях татарские рати, а опроче пушечного и пищального наряду счасливаго хандикеря[13] вселенского величества конную рать и янычер холопов взяв, иду…»[14] (Флоря 2001: 236, 238). За пять лет до этого, в 1532 г., когда Сахиб-Гирай возвращался из Стамбула в Крым в качестве хана, Порта выделила ему наряду с другим огнестрельным вооружением также и пушки (Купели 2014: 227).

Подчеркнем, что в ногайлинско-казахском героическом эпосе артиллерийские орудия (пушки, пищали) редко упоминаются во владении главных героев — казахов. Наоборот, его чаще использовали их противники, такие, как «калмаки» (ойраты), «кызылбаши» (сефевиды) и «ындысы» (русские). Это связано с тем, что вплоть до конца Нового времени военные формирования кочевников Великой степи состояли, преимущественно, из легкой конницы, в которой применялись более удобные для этого вида войск традиционные виды вооружения, такие, как сабли, копья и дальнобойные луки. Еще одна причина — изготовление качественных артиллерийских орудий требовало особых навыков и умений. Это отдельная отрасль производства, требующая наличия производства металла, металлообработки и другой продукции, получаемой в совершенно иных хозяйственно-культурных условиях, в оседло-городской среде.

В ногайлинско-казахском героическом эпосе огнестрельное оружие, используемое воинами индивидуально, обозначалось общим словом *мылтық* («ружье»). По мнению В. Радлова, корень термина происходит от «мылта» телеутского диалекта тюркского языка (Радлов 1911b: 2144), что переводится на русский язык как «фитиль». Данный термин в современном казахском языке эволюционировал в форме — «білте», отсюда и название «білтелі мылтық» («фитильное ружье»). Само ружье впоследствии получило название по основной своей детали.

На раннем этапе Нового времени ружья в целом были тяжелыми, с прямыми прикладами, длинными стволами, без курка и бойка, с простыми фитилями. Такие ружья кочевники Великой степи использовали вплоть до XVIII в. (Ахметжан 2016: 74—77). К примеру, в эпосе «*Қисса Қамбар*»[15] упоминание о ружье приводится вместе с прилагательным словом «черный»:

Из прямого, черного ружья,
— Если не смогу выстрелить — мне испытание,
Из-за моего выстрела,
Если сломается приклад — мне испытание[16].

В ногайлинско-казахском героическом эпосе встречается ружье под названием «*самқал*», также встречается в вариантах «*самғал*», «*шамхал*», «*шумхал*», «*шамбал*». По словарю Ю. Рубинчика, слово «*самқал*» происходит от персидского شمخال, что означает «мушкет; старинное фитильное или кремнёвое ружьё, пищаль» (Рубинчик 1970: 114). По данным Ч. Валиханова, который писал о

[12] В то время на казанском троне восседал противник промосковских военно-политических сил, племянник крымского хана Сахиб-Гирая — Сафа-Гирай.

[13] Измененный вариант термина *худавандигяр* обозначал древних правителей Персии – «*монарх», «величайший правитель»*. Позднее термин стал указывать титул султанов Османской империи (Жирмунский 1974: 451).

[14] Позднее, летом 1552 г., это предупреждение Сахиб-Гирая было реализовано во времена правления Даулет-Гирая I, когда Иван IV планировал масштабный поход против Казани, чтобы изменить направление массированной атаки московской армии. Даулет-Гирай I с объединенным крымско-ногайским войском, янычарами и артиллерией вышел в поход на Тулу, то есть нанес удар в тыл русским (Алексеев 2018: 544).

[15] Данный вариант эпоса был издан в Казани в 1888 г. (Бабалар сөзі 43: 357—364).

[16] «*Түзу қара мылтықты,*
— Ата алмасам, маған серт.
Атқаныма шыдамай,
Дүміңнен кетсең маған серт» (Бабалар сөзі 43: 71).

вооружении казахов XIX в., «*самқал*-ружья» представляли собой «длинные и тяжелые ружья, которые бьют на 700 шагов» (Валиханов 1985: 39).

Английский путешественник Макгрегор, побывавший в 1870-х годах в Хорасане и северо-западных районах Афганистана, увидев огнестрельное оружие местных народов под названием «шумхал», описал его следующим образом: «шумхал ... представляет собой длинное, тяжелое ружье с фитильным или кремневым замком, дальность стрельбы от 300 до 400 ярдов и имеющую две железные опоры, называемые «шах» (MacGregor 1879: 298—299).

В работах по оружиеведению мы видим, что этим словом обозначают отдельный вид огнестрельного оружия с длинным стволом, предназначенный для стрельбы с крепостных стен, используемый специально в фортификационных целях (Ахметжан 2016: 93—95). В казахском героическом эпосе этот вид оружия упоминается как оборонительный. К примеру, в упомянутом выше эпосе «*Ертедегі Шора батыр»* описывается сюжет, когда главный герой совершает атаку на укрепление, охраняемое противником с этим видом ружья:

На огонь пушек,
На плотный ряд самкал,
Атакует один, не боясь[17].

Вообще, в первое время «скорость, дальность и точность стрельбы у фитильных и кремневых ружей была ниже, чем у лука и арбалета», однако это преимущество было восполнено за счет «плотности стрельбы из огнестрельного оружия и возможности вести огонь из укрытий» (Бобров 2012а: 296—299). Эти характеристики огнестрельного оружия находят косвенное подтверждение и в фольклорных материалах. К примеру, в отмеченном выше эпосе приводится сюжет, в котором герой эпоса Шора-батыр, попав в окружение неприятеля, своей саблей пытается развеять плотный дым от выстрелов огнестрельного оружия:

Стоявшего налегке Шору,
Солдаты снова окружили.
Много солдат, окружившие,
Выстрелят [в Шору] скопом
Накрылось поле дымом[18].

Вероятно, *самкал*-ружье использовалось и во время восстания под предводительством Кенесары в середине XIX в. Дело в том, что в сказании Нысанбай-*жырши* о Кенесары встречается очень много упоминаний о казахах, воевавших с данным видом ружья. Кроме этого, встречаются они и в пословицах, например: «Он екі шамғал, жүз мылтық — Кенекем келген секілді» («Двенадцать шамхалов, сто ружей — похоже пришел мой Кенесары»). По мнению казахского этнографа Ж. Артыкбаева, ружьями самхал/шамхал с длинным стволом казахи называли ружья, пришедшие из Хивы, от туркменов и каракалпаков. Из-за невозможности вести стрельбу из этих ружей верхом на коне, из них стреляли, спустившись на землю (Артықбаев 2014: 62).

Еще один вид огнестрельного оружия, упоминаемый в казахском героическом эпосе — это «*жез айыл»*, который, возможно, происходит от урдусского «Juz-á-il, جزایل large musket,

[17] «*Зеңбіректің шоғына,*
Самқалдың қалың жеріне,
Қорықпай жалғыз келеді (Бабалар сөзі 45: 68).
[18] *Жаяу тұрған Шораны*
Сандаттар қайта қамады.
Қамап тұрған көп сандат,
Жабыла мылтық атады,
Түтін қаптап жатады» (Бабалар сөзі 45: 65).

wall-piece, a swivel» (Thompson 1838: 213), то есть «большой настенный мушкет на вертлюгах». Например, в эпосе «*Барақ батыр»*[19] говорится:

Хромой майор Романов,
Намереваясь стрелять в Барака,
Установит ружье-жез айыл[20].

По нашему мнению, данное оружие изначально представляло собой тяжелое, фитильное, крупнокалиберное ружье с длинным стволом, которое крепилось на вертлюге. Побывавший в плену в Туркестане в первой половине XIX в. сибирский казак Максимов, рассказывая об увиденных у казахов и русских казаков «жез айыл», описывает их как пушку-*зеңбірек*: «Джезайлы т.е. длинные ружья, возят на верблюдах. На седле в передней луке делается гвоздь и шпиль, на котором эти пушки вращаются. Пушки льет в Кокан англичанин Мустафа ...» (Артықбаев 2014: 63).

По другим данным, позднее этим оружием называлось любое фитильное или кремневое длинноствольное ружье, которое было в арсенале афганцев, сикхов и др. народов Азии в XVIII—XIX вв. Так, специально исследовавший *жез айыл*-ружье Д. Милосердов, ссылаясь на английские источники XIX в., дает ему следующую характеристику: «Ружье (джезайль «joozaeel») стандартного размера стоит около восемнадцати рупий. Выстрел производится обычно при помощи запального фитиля, но некоторые из лучших образцов имеют кремнёвый замок. Встречаются также ружья, в которых используются оба способа (т.е. и с запальным фитилем, и с замком) на случай, если замок откажет. Было установлено, что размеры такой винтовки были следующими: калибр № 17 (*16,5 мм*), длина ствола — сорок пять дюймов (*115 см*), — общая длина винтовки шестьдесят шесть дюймов (*168 см*), раздвоенная подпорка (сошки) двадцати шести дюймов (*66 см*) в высоту, а весь вес ружья составляет шестнадцать с половиной фунтов (*7,5 кг*)» (Милосердов 2018: 201).

Сравнив описания *самкал*-ружье и *жез айл*-ружье, обнаруживаем, что по классу и огнестрельным характеристикам они являются одним и тем же оружием, которые были в употреблении у народов Персии и Афганистана в эпоху Нового времени. Разница только в том, что на персидском языке это оружие называлось «шамхал», а на урду — «жез айыл». На основании этих данных, считаем, что, по всей видимости, эти ружья в XVIII—XIX вв. экспортировались из Персии, Афганистана и Индии в среднеазиатские ханства, а от них поступали к казахским ханам-султанам и воинам, что в дальнейшем нашло свое отражение в устных сказаниях степных поэтов-акынов.

По данным письменных и фольклорных источников, среднеазиатские мастера и торговцы традиционно продавали (и обменивали на скот) казахам различные виды вооружения, в т.ч. огнестрельные ружья. В конце XVII в. торговля «пищалями» была развернута даже в столице казахских ханов — г. Туркестане. Позднее, начиная с XVIII в., в казахском ханствах и улусах были организованы собственные «мастерские» по изготовлению огнестрельных ружей. Кроме того, «основная часть боеприпасов (пули, порох), а также ружейная амуниция изготавливалась самими казахами» (Бобров 2012b: 107).

Особо необходимо подчеркнуть, что в первое время основным потребителем ружей в казахской армии и ополчении были султаны и влиятельные военачальники-батыры. Но, по мере увеличения экспорта и популярности этого вида оружия, их начали приобретать и рядовые воины. Так, по данным Л.А. Боброва, «в конце XVI—XVII вв. число ружейных стрелков в казахских войсках обычно исчислялось сотнями, а в XVIII в. тысячами воинов. В случае необходимости они могли сводиться в отдельные ударные отряды» (Бобров 2012b: 108—109).

---

[19] Эпос был записан Б. Искаковым и Т. Беккожиной во время экспедиции 1961—1962 гг. из уст сказителя Е. Кулпыбаева, жителя Муйнакского района Каракалпакской АССР (Бабалар сөзі 60: 399—405).

[20] «*Ақсақ майыр Романов,*
Атайын деп Барақты,
Жез айыл мылтық құрады» («Бабалар сөзі» 60: 52).

В своем труде «*Северная и Восточная Тартария»* голландский купец Н. Витсен привел описание вооружения казахов периода правления Тауке-хана: «На пространствах между городами кочуют татары, которых местные жители называют «Казакской Ордой». Они мусульмане, говорят на татарском языке, быстрые всадники, прекрасные воины, вооруженные луком, стрелами, копьями. Также они вооружены длинными ружьями, привезенными из Индии, фитили этих ружей делаются из ваты» (История Казахстана 2006: 87).

Использование ружей в казахской армии в XVII в., в эпоху правления Тауке-хана также подтверждается фольклорными материалами. Так, в историческом сказании «*Төле би»*[21] Тауке-хан и Толе-би во время составления свода законов «*Жеті жарғы»* определили одним из видов *кун'*а — возмещения убийцей потерпевшей стороне — *қара мылтық* (Бабалар сөзі 57: 45), то есть, «черное» («обычное»? или «простое/типовое») ружье.

Письменные источники подтверждают, что во времена правления казахских ханов Джангира и Тауке применение огнестрельных ружей было широко распространено, как в казахском войске, так и ополчении. Например, в отряде «Джангира, состоявшего в 1643 г. из 600 воинов, не менее 300 были вооружены ружьями», а в отборном отряде «Аблая в середине XVIII в. огнестрельным оружием были снабжены около половины и более воинов» (Бобров 2012b: 109).

Действительно, в сказаниях упоминаются случаи использования ружей казахами в период правления хана Абылая в XVIII в. К примеру, в сказании «*Абылай туралы жыр»*[22] упоминается *орама мылтық* — «обернутое»? ружье и *оқшантай* — мешочек для пуль, и, свойственная для воинов-кочевников XVIII в. тактика обороны «жанды қамал» («живая крепость»), которая образуется из коней и верблюдов в форме огромного круга, квадрата или овала (Бобров 2012b: 115—116):

Многочисленные стрелки кунгратов,
Будучи боевое? выстраданное,
Обернутое черное ружье,
Взяв на колено свои,
Заполнили порохом его дуло.
Из коня сделав ограду,
Вытряхнув патронташ-окшантай,
Нажали на боек? [ружья]![23]

Ружье под названием «орама» известно кочевым племенам Евразии, начиная с XVII в. Так, например, по «*Джами ат-таварих»* Кадыр Али-бека на инаугурации казахского султана Ураз-Мухаммеда в Касимове, во время правления Бориса Годунова, встречается упоминание об «обернутом ружье» — «uram uram mïltïq» (Кадыр Али-бек 2022: 112, 170). Использование глагола «орама» («обернутый») в названии этого вида ружья связано с оборачиванием сырой кожей деревянной подставки — ложа под железным стволом (Ахметжан 2016: 72—73). Т.е. «ствол вкладывался в деревянное ложе и плотно стягивался металлическими кольцами-фиксаторами, проволокой или специальными кожаными петлями» (Бобров, Худяков 2008: 183—184).

---

[21] Основной сюжет эпоса состоит из рассказов о жизни авторитетнейшего бия казахов XVII—XVIII вв. Толе би, которые были собраны К. Байболовым (Бабалар сөзі 57: 363).

[22] Впервые данный эпос об Абылай-хане по устным сказаниям записан Ч. Валихановым в 1855 г. Рукопись эпоса хранится в фондах Центрального Государственного архива литературы и искусства в Москве (Бабалар сөзі 57: 373).

[23] «*Қоңыраттың көп мерген,*
Күйінде болған сол байғұс
Орама қара мылтықты
Тізеге ала отырды,
Аузын бір оққа толтырды.
Аттан бір қорған соғысты,
Оқшантайын қағысты,
Басын бір басып қалысты!» (Бабалар сөзі 57: 255).

На кожаных наборных поясах казахских воинов были специальные мешочки для ношения фитиля и пороха, а также мешочек для пуль — *оқшантай*. В ствол и на полку засыпался дымный порох, а в ствол забивалась пуля. Бывали случаи, когда фитиль и порох промокали из-за дождя или высокой влажности и не загорались.

Еще одним составным элементом ружей были вилки-сошки — *мосы*. Сошки обычно делались из рогов сайгака, но встречаются и длинные варианты, сделанные из березы. На их концах, упираемых в землю, делались специальные наконечники из металла. В связи с этим, стрельба из фитильных ружей отнимала немало времени, а также всаднику требовалось спуститься на землю (Артықбаев 2014: 62).

Следующий вид ружья, встречающийся в эпосе, называется *серіппелі ақберен*, что переводится как «превосходное ружье с пружинным механизмом». Этот вид ружья мы встречаем в эпосе «*Сырым батыр*»[24], где главный герой сравнивает себя с этим ружьем, готовясь стрельнуть из него:

Я — заряженный акберен-ружье,
Взвел на пружинный курок, приготовив огонь[25].

По В.Радлову термин «берен» в казахский язык пришел из чагатайского بيران — «лучший бархат» или из кыргызского — «лучшая сталь» (Радлов 1911b: 1596). Но в казахском фольклоре этот термин широко использовался для характеристики живых существ и тех неодушевленных предметов, которые отличались великолепием, красотой, прочностью и уникальностью. Например, *берен сұңқар* («лучший сокол»), *берен мылтық* («лучшее ружье»), *берен жігіт* («лучший джигит-молодец»), *берен садақ* («лучший лук») и т.д. (Кайдаров 1973: 30).

В ногайлинско-казахском героическом эпосе встречается также похожее на него ружье с названием «*шаппалы мылтық*», что переводится как «ружье с курком». К примеру, в эпосе «*Қисса Қамбар*» говорится:

Курковое ружье с прицелом,
Стоит с пулей, нестрелянной[26].

По всей видимости, данное ружье с названием «*шаппалы мылтық*», как и упомянутое выше «*ақберен*-ружье», является фитильно-курковым ружьем, вероятно, с пружинным механизмом. Эти названия появились после установки курка с ударником на ружье, что повысило качество стрельбы. То есть, функции и структурные элементы этих ружей значительно улучшились, в связи с чем им и было дано такое название. Стволы у этих ружей были длинными, в среднем 200 см (Ахметжан 2016: 72, 79—82, 104—107).

По конструкции пружина (*серіппе*) казахского фитильного ружья, как правило, имела змеевидную форму в виде изогнутого двухплечевого рычага: «задний конец которого представлял собой спусковой крючок, а передний, раздвоенный на конце — фитильный курок (*шаппа — А.У.*), в котором защемлялся кусок тлеющего трута или фитиля. При давлении на спусковой крючок курок с фитилем наклонялся вниз, на полку, и воспламенял затравочный порох» (Бобров, Худяков 2008: 176). Таким образом, судя по названию, эти образцы представляли собой усовершенствованные для своего времени фитильные ружья с пружинным механизмом, которые казахские воины начали применять в XVIII—XIX вв.

---

[24] Указанный эпос о Сырым-батыре записан в 1949 г. по инициативе С. Бекболатова, проживавшего в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области, КазССР (Бабалар сөзі 60: 415). Сырым-батыр — герой освободительной борьбы казахов Младшего жуза против русской администрации во второй половине XVIII в.

[25] «*Мен — оқтаулы ақберен,*
Серіппелі тиіп, от алдым» (Бабалар сөзі 60: 367).

[26] «*Шаппалы мылтық нұсқалы,*
Атылмай оғы тұрар» (Бабалар сөзі 43: 63).

Следующий вид ружья, упоминаемый в героическом эпосе, это «*қырлы мылтық*», которое дословно переводится на русский язык как «ружье с гранями» или граненное ружье». Например, в эпосе «*Жанқожа батыр*»[27] говорится об одной битве казахов:

Где-то айбалтой, а где-то палицой [дерутся],
Ружье-винтовке зажег? растянутый фитиль[28].

По фольклорным материалам данный вид ружья используется с прилагательным «қырлы» («граненный»). Дело в том, что первоначально стволы ружей были гладкими, но в связи с развитием технологии увеличения убойной силы выстрела при производстве ружей в стволах стали делать винтовые нарезы. По мнению К. Ахметжана, казахское прилагательное «қыр» происходит от арабского «хиир», буквально обозначающее «грань». По сути, этот термин представлял собой эквивалент слову «винт». Позднее в России ружья стали называть винтовками (Ахметжан 2016: 110).

Еще одно название ружья, встречающиеся в героическом эпосе, это «*мысық құлақ»,* что буквально переводится как «ружье — кошачье ухо». Это ружье встречается во многих вариантах рассматриваемого нами эпоса. Так, в ногайлинско-казахском эпосе «*Қобыланды-батыр»* сказителя Мергенбай-жарау говорится:

Ружье-мысык кулак на шее,
Черный сухарь в кармане[29].

В других вариантах эпоса, например, в казанском варианте эпоса «*Қобыланды батыр»*[30], оно называется как ружье «*масақ құлақ»*:

На руке ружье-масак кулак,
Черный сухарь в кармане
На руке револьвер-алтыатар[31].

Если в первом варианте говорится о ружье воина сефевида-*кызылбаша*, то во втором –— дается описание русского воина с ружьем. Тем не менее, считаем, что и в первом варианте сказитель имел в виду русского солдата, т.к. этот эпос был записан в 1954 г., и, можно заметить, что он был адаптирован согласно идеологии и цензуре того времени. К тому же и в первом, и втором вариантах говорится о провизии русского воина в походе в виде высушенного хлеба — «сухарь»*,* что в эпосе называется «сукар/сухар». Кроме этого, если в первом варианте живший в XV в. кипчак Кобыланды-батыр еще мог сражаться с сефевидами-*кызылбашами* (в то время о существовании фитильных ружей у кочевых воинов было неизвестно), то во втором варианте

[27] Эпос о Жанкожа-батыре был записан в 1971 г. собирателем фольклора, родословной-*шежіре* О.Султановым из Казалинского района Кызылординской области, КазССР (Бабалар сөзі 62: 355). Жанкожа-батыр происходит из рода алшын Младшего жуза, который вел борьбу против Кокандского и Хивинского ханств во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.

[28] «*Әр жерде айбалта мен шоқпар ұрып,*
Қырлыға білте басты шұбырмалы» (Бабалар сөзі 62: 284).

[29] «*Мысық құлақ мылтық мойнында,*
Қара сукар қойнында» (Бабалар сөзі 38: 70).

[30] Данный эпос о Кобыланды-батыре впервые был записан М. Туякбаевым в исполнении сказителя Б. Толымбаева, проживавшего в Карабалыкской волости Костанайского уезда, и издан в 1914 г. в г. Казань (Бабалар сөзі 36: 455).

[31] «*Масақ құлақ мылтық қолында,*
Қара сухар қойнында,
Алтыатары қолында» (Бабалар сөзі 36: 48).

Кобыланды-батыр никак не мог пересекаться с русским воином, вооруженным револьвером. Очевидно, что это более поздние вставки сказителей-рассказчиков.

Говоря об этимологии названия «*мысық құлақ»,* то свое название оно получило из-за одной составной части казахского фитильного ружья. Так, по утверждению К. Ахметжана: «С появлением фитильных курков с правой стороны ствола, возле запального отверстия казенной части, устанавливалась небольшая железная полочка с прорезью для закладывания зажигательного пороха. Казахи назвали этот элемент «ухом». У некоторых экземпляров эта деталь была похожа на ухо кошек» (Ахметжан 2016: 80). Таким образом, казахские сказители эпосов представили этот вид ружья своим слушателям согласно названию маленькой, но характерной его детали.

Еще одно название ружья привлекло особое внимание, оно широко известно в казахской традиционной военной лексике и оружиеведческой науке как «*күлдір мамай»*. Из эпоса «*Мырзаш батыр»*[32] известно, что этот вид ружья изобрел казахский кузнец Мамай, а издаваемый им при стрельбе звук обусловил появление второго слова (*күлдір*) в названии — «күлдір Мамай»:

Был у казахов кузнец по имени Мамай,
Славный мастер, золотые руки он.
Народ дал ему имя «Бог железа»,
Затеяв сам, смастерил одно ружье.
Сделал порох из предмета, называемый Акжол,
Из него же отлил свинцовую пулю.
Как обычно вставляет пулю в ствол,
Затем, поджигает фитиль(?) вовремя.
Из меди установил мушку,
И пуля не промахнувшись, точно поражает цель.
Мамай был доволен, сделав свое ружье,
.....
Так, ружье назвали кульдур Мамай,
Много чего было сказано в этой поэме,
Если кульдур — это звук ружья,
То, мастер, который изготовил ее — Мамай[33].

[32] Эпос «*Мырзаш батыр»* сложился приблизительно в конце XIX в. у найманских родов, населявших регионы Восточного Туркестана, Зайсана и Алтая, он был записан из уст С. Нуралина. Рукопись эпоса впервые сдана в Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова в 1963 г. По результатам исследований ученых-фольклористов, Мырзаш Алиярулы — батыр из племени найман, живший в 1824—1888 гг., в 1857 г. (в возрасте 53 лет) сопровождал русского путешественника, географа Н. Пржевальского из Кульджи в Гучен. Сам Пржевальский в своих воспоминаниях писал о нем, как о батыре, «хорошо знающем земли региона, умелом, барантаче» (Бабалар сөзі 63: 422—427).

[33] «*Қазақтан Мамай деген ұста шықты,*
Қолдан келмес өнері болмас тіпті.
«Темірдің Құдайы» деп атапты жұрт,
Өзі ойлап жасатты бір мылтықты.
Ақжол деген бір заттан дәрі жасап,
Тағы осыдан қорғасын оқ құйыпты.
Кәдімгідей мылтыққа оқ салады,
Дер кезінде от бергіш от алады.
Таза мыстан қаруыл орнатыпты,
Қойған жерге мүлт кетпей оқ барады.
Мылтық жасап Мамайдың көңілі толған,
.....
Мылтықтың атын қойған күлдір Мамай,
Бір дастан айта берсек көп сөз талай.
Күлдір деген мылтықтың даусы болса,
Жасаған ұстасының аты — Мамай» (Бабалар сөзі 63: 216).

Судя по содержанию эпоса, становится понятным, что название этого ружья произошло от антропонима. Если говорить о слове «күлдір», то, действительно, в древнетюркском словаре М. Кашгари слово «küldrä» — означает глагол, связанный со звуком «бульк», получаемым при падении камня в воду (Древнетюркский словарь 1969: 325). Однако, немецкий лингвист, алтаист Г. Дерфер в своем словаре слово «قلدر quldur» из талышского и азербайджанского диалектов тюркских языка переводит его как «драчун», «обладатель нечистой силы», «великан», «задиристый человек», «маститый вор» (Doerfer 1967: 498).

Казахский оружиевед К. Ахметжан в результате изучения источников казахской устной литературы, в которых это ружье упоминается вместе с именем Абылай-хана и его потомков, а, в конце концов, достается в наследство Кенесары, — называет его родовым ружьем. По мнению специалиста, личное ружье Кенесары (күлдір мамай? — *А.У.*) могло в качестве трофея в 1845—1846 гг. попасть к кыргызам во время его столкновений с ними. Это ружье досталось манапу Ж. Карабекову и хранилось в его роду до взятия Пишпекской крепости русскими. Затем, после взятия Пишпека русскими, ружье Кенесары было подарено полковнику Колпаковскому внуком Карабекова Молла-Мырзой. После этого, ружье демонстрировалось на всероссийской выставке в отделении Степного генерал-губернаторства, затем оно перешло в фонды Омского музея, где его следы и затерялись (Ахметжан 2016: 96—97).

В своих исследованиях мы обнаружили, что выше упомянутое фитильно-курковое ружье «*күлдір мамай*» встречается в эпосе не только вместе с именами Абылая и Кенесары, но и с другими героями. По нашему мнению, такими ружьями могли пользоваться казахские ханы, султаны-*төре*, а также влиятельные военачальники XVIII—XIX вв.

В этнографическом сочинении о казахском вооружении Ч. Валиханова, написанном во второй половине XIX в., о ружье «күлдір-мамай» дается лишь краткое описание. Согласно мнению ученого, его название происходит от глагола «құлдырамақ» («взвиваться», «лететь», «носиться»). Кроме этого, отмечается, что оно было дорогой вещью и передавалось по наследству от отца к сыну, огнестрельное оружие среди казахов было большой редкостью (Валиханов 1985: 37).

Следующее название, которое встречается среди огнестрельного оружия казахских воинов XIX в., это «*коз-коч*». По сведениям Ч. Валиханова, это одно из собственных имен ружья (Валиханов 1985: 37). По мнению казахского историка-оружиеведа А. Кушкумбаева, ружье «*көз-кеч*» получило свое название благодаря своей точности, в переводе оно означает «ружье, пробивающее глаз» (Кушкумбаев 2001: 72), а, по утверждению Ж. Артыкбаева, ружье так названо из-за своей дальнобойности, что дословно переводится как ружье — «ягнячья перекочевка». Дело в том, что в казахском традиционном быту «қозы көш» («ягнячья перекочевка») обозначало расстояние в 7—8 км (Артықбаев 2014: 61—62), следовательно, название этого ружья связано с данным понятием, то есть, дальность стрельбы от таких ружей была больше, чем других огнестрельных ружей.

По нашему мнению, ружья «*күлдір мамай*» и «*қозы көш*» (или «*көз кеш*») представляли собой собственные имена фитильно-курковых ружей, которые были в употреблении у казахских ханов-султанов или крупных военачальников XVIII—XIX вв. Как известно, тюркские воины своим боевым коням и оружиям давали имена. Поэтому, вполне возможно, что среди степняков традиция наименования собственными именами наиболее эффективных видов огнестрельного оружия осталась и в более поздние времена.

В героическом эпосе ружью, помимо собственно боевой функции, придавалось особое сакральное значение, оно выполняло этнокультурную функцию — батыры приносили клятву на ружьях. По этой причине применительно к ружью вербально использовался белый цвет — *ақ*. К примеру, в эпосе «*Орта жүз Олжабай батыр*»[34] описывается случай принесения клятвы между джунгарским хунтайджи Галдан-Цереном и Олжабай-батыром из племени аргын:

[34] Вариант эпоса об Олжабай-батыре был записан в виде рукописи в 1939 г. арабской вязью в Илийском районе Алматинской области, КазССР (Бабалар сөзі 59: 355—356). Согласно фольклорным данным, Олжабай-

Чтобы жить в мире и согласии,
Дали клятву, целуя дуло белого ружья[35].

В целом же, огнестрельное оружие с начала появления в Великой степи стало оцениваться казахскими воинами как ценный вид вооружения, и передавалось по наследству от отца к сыну. Ружья бережно хранились в сундуках, в завернутом виде. В сказаниях старое сравнение «*оқ-жебе дарымас»* («не пронзит стрела») сменилось на сравнение «*мылтық оғы алмас»* («пуля не возьмет»). Важность ружья в материальной жизни казахов в целом, и в среде воинов, в частности, была очень высока. Более того, ружье считалось одним из «семи сокровищ» казахского народа. Например, во время джута и бескормицы одно ружье и одна борзая собака-*тазы* могли прокормить целый аул.

Выводы. Соглашаясь с мнением оружиеведа Л. Боброва, отметим, что казахские воины «первыми среди кочевых народов Центральной и Средней Азии стали массово применять ручное огнестрельное оружие». Более того, «по степени оснащенности огнестрельным оружием в конце XVI — середине XVII вв. казахи превосходили все другие кочевые народы Центральной и Средней Азии. Позднее они уступили первенство джунгарам» (Бобров 2012b: 109, 122). В целом, появление у воинов-кочевников огнестрельного стрелкового оружия (фитильных ружей) оказало существенное влияние на эволюцию тактического искусства тюркских воинов Восточной Европы и Центральной Азии. Например, в ходе сражений часть номадов сходила с коня и вела огонь по противнику, поддерживая атаку конницы, а в случае резкого изменения диспозиции противника спешенные всадники немедленно садились на коней и вступали в сражение уже с другими видами вооружения (сабли, палицы, айбалта-топоры и др.). Также казахи вели оборонительные бои мобильными отрядами. Воины-*мергены* делали ставку не на скорость стрельбы, а на точность и меткость, успешно применяли «живые крепости» из коней и верблюдов. Эти и другие тактические приемы позволяли казахам одерживать победы над своими противниками, в том числе над армиями оседлых народов. Кроме того, интенсивное применение казахскими воинами ружей и новой боевой тактики стимулировало развитие военного искусства у ойратов, киргизов, каракалпаков, башкир и волжских калмыков (Бобров 2012a: 299; 2012b: 123—124; 2016: 281—324).

Тем не менее, распространение и массовое применение огнестрельного оружия среди соседей населения Великой степи кардинально изменило эволюцию всего военного дела в мировом историческом масштабе. Этот период описан как «общий кризис номадизма», который снизил его влияние на мировой военно-политической арене (Кушкумбаев 2001: 70).

Отмечая высокое значение фольклорных материалов для изучения военного дела номадов Дешт-и Кипчака, необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что значительная часть произведений посвящено историческим личностям ногаев, татар и казахов XV—XVI вв., вооружение и военные реалии эпоса, в большинстве случаев, отображают военную практику казахских кочевников XVIII—XIX вв. Подводя итог, необходимо отметить, что многие виды и типы вооружения воинов-кочевников упомянутые в ногайлинско-казахском эпосе, соответствуют подлинным образцам огнестрельного оружия дистанционного боя, применявшихся номадами Казахстана и сопредельных территорий в эпоху Нового времени. Материалы ногайлинско-казахского эпоса могут привлекаться в рамках комплексного анализа источников по изучению военно-культурного наследия казахов, ногаев, крымских татар и ойратов указанного исторического периода.

батыр был приближенным военачальником Абылая-султана и хана казахов Среднего жуза, времен казахо-джунгарских войн XVIII в.

[35] «*Дүниеде татулықпен тұрмақ болып,*
Серттесіп, ақ мылтықтың аузын жалап» (Бабалар сөзі 59: 64).

Литература

Айвазовский Г. 1875. Песнь о Кафе. *ЗООИД* IX, 450—452.
Алексеев Ю.Г. 2018. *Военная история допетровской России*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.
Артықбаев Ж.О. 2014. Қазақтың хандық замандағы әскери істі ұйымдастыру және от қаруды пайдалану мәселелері. *Мәдени мұра = Культурное наследие* 4 (55), 58—64.
Аствацатурян Э.Г. 2002. *Турецкое оружие*. Санкт-Петербург: ООО ТПГ Атлант.
Ахметжан Қ.С. 2016. *Қазақтың отты қаруларының тарихы*. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 36: Қосан С. (ред.). 2006. *Батырлар жыры*. Т. 36. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 38: Қосан С. (ред.). 2006. *Батырлар жыры*. Т. 38. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 41: Қосан С. (ред.). 2007. *Батырлар жыры*. Т. 41. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 43: Қосан С. (ред.). 2007. *Батырлар жыры*. Т. 43. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 45: Қосан С. (ред.). 2007. *Батырлар жыры*. Т. 45. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 56: Қорабай С. (ред.). 2009. *Тарихи жырлар*. Т. 56. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 57: Қорабай С. (ред.). 2009. *Тарихи жырлар*. Т. 57. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 59: Қосан С. (ред.). 2009. *Тарихи жырлар*. Т. 59. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 60: Қосан С. (ред.). 2009. *Тарихи жырлар*. Т. 60. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 62: Қасқабасов С. (ред.). 2010. *Тарихи жырлар*. Т. 62. Астана: Фолиант.
Бабалар сөзі 63: Қасқабасов С. (ред.). 2010. *Тарихи жырлар*. Т. 63. Астана: Фолиант.
Бобров Л.А, Худяков Ю.С. 2008. *Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
Бобров Л.А. 2012a. Луки казахских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Вопросы производства, конструкции и боевого применения. В: Кушкумбаев А.К. (ред.). *Военное дело Улуса Джучи и его наследников*. Астана: Фолиант.
Бобров Л.А. 2012b. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI — середине XIX вв. *Война и оружие. Новые исследования и материалы* I, 105—135.
Бобров Л.А. 2016. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV — середины XVII вв. *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск V. *Стояние на реке Угре 1480—2015*. Ч. II, 210—388. URL: http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov/ (дата обращения 20.06.2023).
Валиханов Ч.Ч. 1985. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. В: Маргулан А.Х. (отв. ред.). *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии.
Волков В.А. 2011. *Ратные подвиги древней Руси*. Москва: Алгоритм.
Древнетюркский словарь 1969. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.). 1969. *Древнетюркский словарь*. Ленинград: Наука.
Жирмунский В.М. 1974. *Тюркский героический эпос*. Ленинград: Наука.
Исхаков Д.М. 2009. *Исторические очерки*. Казань: Фэн.
История Казахстана 2006: Ерофеева И.В. (пер.; сост.). 2006. *История Казахстана в западных источниках XII—XX вв.* Т. 6. Ч. 2. Алматы: Санат.
Кадыр Али-бек. 2022: В: Алимов Р. (пер., комм.), Миргалеев И.М. (ред.). *Джами ат-таварих*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
Кайдаров А.Т. 1973. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этно-лингвистическое объяснение. *Известия АН КазССР* 6, 25—34.
Кирпичников А.Н. 1976. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Ленинград: Наука.
Купели О. 2014. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана. *ЗО* 2 (4), 226—242.
Кушкумбаев А.К. 2001. *Военное дело казахов в XVII—XVIII веках*. Алматы: Дайк-Пресс.
Қазақ қолжазбаларының 1975: Ысқақов Б. (ред.). 1975. *Қазақ қолжазбаларының ғылыми сипаттамасы*. Т. I. Кт. 1. Батырлар жыры. Алматы: Ғылым.
Милосердов Д.Ю. 2018. Джезайль — знаковое ружье Афганистана. В: *VI Международная научно-практическая конференция «Мир оружия: история, герои, коллекции». Тульский государственный музей оружия. 3—5 октября 2018*. Москва: ИП Карпов А.Н., 200—206.
Памятники 1895: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. 1895. *СбРИО* 95.

Пенской В.В. 2018. *Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в.* Москва: ООО Центрполиграф.

Посольские книги 2006: Мустафина Д.А., Трепавлов В.В. (сост.). *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551—1561 гг.* Казань: Татарское книжное издательство.

Продолжение 1791: Румовский С.Я. (ред.). 1791. *Продолжение Древней российской вивлиофики*. Ч. 7. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Радлов В.В. 1905. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. III. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Радлов В.В. 1911a. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. IV. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Радлов В.В. 1911b. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. IV. Ч. 2. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Рубинчик Ю.А. 1970. *Персидско-русский словарь*. Т. II. Москва: Русский язык.

Тьеполло Ф. 1940. О делах Московских. *Исторический архив* 3, 305—388.

Утемиш-хаджи 2017. В: Миргалеев И.М. (транскр., ред.), Сайфетдинова Э.Г. (транскр., перев.), Хафизов З.Т. (транскр.). *Кара таварих*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Флоря Б.Н. 2001. Две грамоты хана Сахиб-Гирея. *Славяне и их соседи* 10, 236—240.

Худяков М. 1923. *Очерки по истории Казанского ханства*. Казань: Государственное издательство.

Ялбулганов А.А. 1998. *Очерки военной истории ногайцев*. Москва: МЦ МПО.

Doerfer G. 1967. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. 3. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

MacGregor C.M. 1879. *Narrative of a Journey Through the Province of Khorassan and on the N. W. Frontier of Afghanistan in 1875*. London: WM H. Allen & Co.

Thompson J.T. 1838. *A Dictionary of Oordoo and English*. Serampor: Compiler.

References

Ayvazovskiy G. 1875. In *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of history and antiquities)* IX, 450—452 (in Russian).

Alekseev, Yu.G. 2018. *Voennaya istoriya dopetrovskoy Rossii (Military History of pre-Petrine Russia)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko (in Russian).

Artykbaev, Zh.O. 2014. Qazaqtyŋ khandyq zamandagy askeri isti uyymdastyru zhane ot qarudy paydalanu maseleleri (Problems of Organization of Military Art and Use of Firearms During the Kazakh Khanate Period). *Madeni mura = Cultural Heritage* 4 (55), 58—64 (in Kazakh).

Astvatsaturyan, E.G. 2002. *Turetskoe oruzhie (Turkish Weapons)*. Saint Petersburg: OOO TPG Atlant (in Russian).

Akhmetzhan, K.S. 2016. *Qazaqtyŋ otty qarularynyŋ tarikhy* (*History of Kazakh Fire Arms*). Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 36: Kosan, S. (ed.). 2006. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Vol. 36. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 38: Kosan, S. (ed.). 2006. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Vol. 38. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 41: Kosan, S. (ed.). 2007. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Vol. 41. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 43: Kosan, S. (ed.). 2007. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Vol. 43. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 45: Kosan, S. (ed.). 2007. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Vol. 45. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 56: Korabay, S. (ed.). 2009. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 56. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 57: Korabay, S. (ed.). 2009. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 57. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 59: Kosan, S. (ed.). 2009. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 59. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 60: Kosan, S. (ed.). 2009. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 60. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 62: Kaskabasov, S (ed.). 2010. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 62. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sozy 63: Kaskabasov, S (ed.). 2010. Tarikhi zhyrlar *(Historical Epos)*. Vol. 63. Astana: Foliant (in Kazakh).

Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) (The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th — the first half of the 18th century)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).

Bobrov, L.A. 2012a. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.).*Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov: Sbornik nauchnykh statey (Military Affairs of Ulus of Joci and His Heirs: A Collection of Scientific Articles)*. Astana: Foliant, 296—328 (in Russian).

Bobrov, L.A. 2012b. In *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* (*War and Arms. New Research and Materials*) I, 105—135 (in Russian).

Bobrov, L.A. 2016. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki (History of Military Affairs: Studies and Sources)*. Special Issue V. *Stoyanie na reke Ugre (Standing on the Ugra River) 1480—2015*. Pt. 2. Available at: http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov (accessed 28.03.2016) (in Russian).

Valikhanov, Ch.Ch. 1985. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Sobranie cochinenii v pyati tomakh (Collected Works in Five Volumes)*. Vol. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsya Kazakhskoi sovetskoi ensiklopedii (in Russian).

Volkov, V.A. 2011. *Ratnye podvigi drevney Rusi (Feats of Arms of Ancient Rus')*. Moscow: Algoritm (in Russian).

Drevnetyurkskii slovar' 1969: Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Sherbak, A.M. (ed.). *Drevnetyurkskii slovar' (Old Turkic Vocabulary)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Zhirmunskiy, V.M. 1974. *Tyurkskiy geroicheskiy epos (Turkic Heroic Epos)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Iskhakov, D.M. 2009. *Istoricheskie ocherki (Historical Essays)*. Kazan: Fen (in Russian).

Istorya Kazakhstana 2006: In: Erofeeva, I.V. (transl., compil.). 2006. *Istorya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII—XX vv. (History of Kazakhstan in Western Sources of the 12th — 20th Centuries)*. Vol. 6. Pt. 2. Almaty: Sanat (in Russian).

Kadyr Ali-bek 2022. In: Alimov, R. (transl., comm.), Mirgaleev, I.M. (ed.). *Dzhami at-tavarix (Jami at-tavarih)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Kaydarov, A.T. 1973. In *Izvestia Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Bulleten of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 6, 25—34 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Military Affairs in Rus' in the 13th—14th Centuries)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Kupeli, O. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2 (4), 226—242 (in Russian).

Kushkumbaev, A.K. 2001. *Voennoe delo kazakhov v XVII—XVIII vekakh (Military Affair of the Kazakhs in the 17th — 18th Centuries)*. Almaty: Dayk-Press (in Russian).

Qazaq qolzhazbalarynyn 1975. In: Ysqaqov, B. (ed.). *Qazaq qolzhazbalarynyn gylymi sipattamasy (Scientific Description of Kazakh Manuscripts)*. Vol. I. Bk. 1. *Batyrlar zhyry (Heroic Epos)*. Almaty: Gylym (in Kazakh).

Miloserdov, D.Yu. 2018. In *VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Mir oruzhiya: istoriya, geroi, kollektsii". Tul'skiy gosudarstvennyy muzey oruzhiya. 3—5 oktyabrya 2018 (VI International Scientific and Practical Conference "The World of Weapons: History, Heroes, Collections". Tula State Museum of Weapons. October 3—5, 2018)*. Moscow: IP Karpov A.N., 200—206 (in Russian).

Pamyatniki 1895: In *Sbornik Russkogo Imperatorskogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Russian Imperial Historical Society)* 95 (in Russian).

Penskoy, V.V. 2018. Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mikhaila Romanova. Vtoraya polovina XV — nachalo XVII v. *(Military Affairs of Muscovy. From Vasily the Dark to Mikhail Romanov. Second Half of the 15th—beginning of the 17th Century.)*. Moscow: OOO Tsentrpoligraf (in Russian).

Posol'skie knigi 2006. In: Mustafina, D.A., Trepavlov, V.V. (compil.). 2006. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii c Nogaiskoi Ordoi. 1551—1561 gg. (Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1551—1561)*. Kazan: Tatarskoe knijnoe izdatel'stvo (in Russian).

Prodolzheniye 1791. In: Rumovskiy, S.Ya. (ed.). 1791. *Prodolzhenie Drevney rossiyskoy vivliofiki (Continuation of Ancient Russian Vivliophics)*. Pt. 7. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1905. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. III. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1911a. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1911b. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Rubinchik, Yu.A. 1970. *Persidcko-russkii slovar' (Persian-Russian Dictionary)*. Vol. II. Moscow: Russkiy yazyk (in Russian).

T'epolo, F. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 3, 305—388 (in Russian).

Utemish-khadzhi 2017. In: Mirgaleev, I.M. (transcr., ed.), Saifetdinova, E.G. (transcr., transl.), Khafizov, Z.T. (transcr.). *Kara tavarikh (The Black History)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Florya, B.N. 2001. In *Slavyane i ikh sosedi (Slavs and Their Neighbors)* 10, 236—240 (in Russian).

Khudyakov, M. 1923. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva (Essays on the History of the Kazan Khanate)*. Kazan: Gosudarstennoe izdatel'stvo (in Russian).

Yalbulganov, A.A. 1998. *Ocherki voennoi istorii nogaitsev (Essays on the Military History of the Noghais)*. Moscow: MTs MPO (in Russian).

Doerfer, G. 1967. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. 3. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

MacGregor, C.M. 1879. *Narrative of a Journey Through the Province of Khorassan and on the N. W. Frontier of Afghanistan in 1875*. London: WM H. Allen & Co.

Thompson, J.T. 1838. *A Dictionary of Oordoo and English*. Serampor: Compiler.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.23.88.032

Л.А. Бобров, У.М. Агатай, С.С. Хасенов

КОЛЬЧАТОЕ НАГОЛОВЬЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — СЕРЕДИНЫ XIX ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН*

В статье проанализировано уникальное кольчатое наголовье (ҚРҰМ нқ ҚЖ 13), хранящееся в Национальном музее Республики Казахстан. На основании особенностей покроя, артефакт атрибутирован, как один из вариантов кольчатых «башлыков». Ближайшие аналоги происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири. В Казахстане и Мавераннахре (в частности, в Коканде) кольчатые «башлыки» продолжали бытовать вплоть до середины XIX в. Уникальность рассматриваемого образца заключается в том, что при изготовлении тульи использованы плоские «байданные» кольца. Нижняя граница распространения кольчатых «башлыков» с «байданной» тульей в регионе предварительно локализована второй половиной XVI — началом XVII вв., то есть периодом существования Казахского ханства. Наиболее вероятно, что наголовье из НМРК было изготовлено в XVII—XVIII вв. мастерами Мавераннахра или сопредельных территорий и находилось на вооружении казахского, узбекского или, менее вероятно, ойратского (джунгарского) воина. Артефакт представляет собой яркий образец центральноазиатских кольчатых боевых наголовий и является наглядным примером военно-культурных взаимоотношений казахов с Бухарским ханством, Кокандом и другими государственными образованиями региона.

Ключевые слова: история Казахстана, Казахское ханство, казахи, кольчатое наголовье, кольчужный капюшон, кольчатый «башлык».

Сведения об авторах: Бобров Леонид Александрович[1], доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет; Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы[2], докторант (археология и этнология), научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи; младший научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан; Хасенов Сырым Серикказинович[3], старший научный сотрудник отдела Истории Казахстана, Национальный музей Республики Казахстан.

Контактная информация: [1]630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1, Новосибирский государственный университет, e-mail: spsml@mail.ru; [2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; 010000, Казахстан, г. Астана, просп. Тауелсиздик 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [3]010000, Казахстан, г. Астана, просп. Тауелсиздик 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: syrymhasenov22@gmail.com.

L.A. Bobrov, O.M. Agatay, S.S. Khasenov

MAIL COIF OF THE SECOND HALF OF THE 16th — MID 19th CENTURIES FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article analyses a unique mail coif (ҚРҰМ нқ ҚЖ 13) stored in the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Based on its design features, the mail coif is attributed as one of the variants of ringed “bashlyks”. The closest analogues were found from the territory of Central Asia and Southern Siberia. In Kazakhstan and Maverannahr (in particular, in Kokand) the mail “bashlyks” were used until the middle of

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV — первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика»).

Статья поступила в номер 11 августа 2024 г.
Принята к печати 30 августа 2024 г.

© Л.А. Бобров, У.М. Агатай, С.С. Хасенов, 2024.

the 19th century. The model is unique because the production of crown used flat “baydana” rings. The late period of the spread of ringed “bashlyks” with a “baydana” crown in the region was previously localized in the second half of the 16th — early 17th centuries, that is, the period of the existence of the Kazakh Khanate. It is likely that the mail coif of the National Museum of the Republic of Kazakhstan was made in the 17th—18th centuries by craftsmen of Maverannahr or neighboring territories and was in service with Kazakh, Uzbek or, less likely, Oirat (Dzungarian) warriors. The artifact is a vivid model of Central Asian mail coifs and is a vivid example of the military-cultural relations of the Kazakhs with the Bukhara Khanate, Kokand and other state entities of the region.

Key words: history of Kazakhstan, Kazakh Khanate, kazakhs, ring mail coif, chainmail hood, ringed “bashlyk” (mail coif).

About the authors: Bobrov Leonid Alexandrovich[1], Dr. Sc. (History), Professor of Archeology and Ethnography Department, Novosibirsk State University; Agatay Otkirbay Mıltıqbayulı[2], PhD Candidate (Archaeology and Ethnology), researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies; junior researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan; Khasenov Syrym Serikkazinovich[3], senior researcher at the Department of History of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan.

Contact information: [1]630090, Russia, Novosibirsk, 1 Pirogov St., Novosibirsk State University, e-mail: spsml@mail.ru; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Avenue, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [3]010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Avenue, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: syrymhasenov22@gmail.com.

Основными разновидностями металлических боевых наголовий азиатских воинов эпохи Средневековья и Нового времени являются шлемы различных типов, миссюрки и кольчатые наголовья[1]. Наибольший интерес специалистов-оружиеведов традиционно привлекают шлемы. Значительно реже объектом научного исследования становятся миссюрки. Кольчатые наголовья изучены в наименьшей степени[2]. Последний факт затрудняет всестороннее изучение защитного вооружения азиатских народов. В подобных условиях, введение в научный оборот кольчатых наголовий хранящихся в отечественных и зарубежных музейных и частных собраниях представляет собой актуальную и весьма важную научную задачу.

В витрине «Южный Казахстан. XVIII в.» Национального музея Республики Казахстан (НМРК, г. Астана) экспонируется кольчатое наголовье (ҚРҰМ нқ ҚЖ 13), представляющее несомненный научный интерес для отечественных и иностранных оружиеведов, археологов и этнографов (рис. 1). Ранее данное наголовье, хотя и упоминалось в некоторых обобщающих работах (Ахметжан 2007: 156), еще не становилось объектом научного исследования. Фотографии его также не публиковались.

Цель данной статьи — ввести кольчатое наголовье ҚРҰМ нқ ҚЖ 13 из собрания НМРК в научный оборот, представить его подробное описание, указать основные размеры, изучить его музейную историю, уточнить место находки, датировку и атрибуцию.

---

[1] Иногда кольчатые наголовья именуются в научных работах «кольчужными», что представляется не совсем верным. Применительно к корпусным кольчатым доспехам в отечественном оружиеведении применяются термины «кольчуга», «пансырь» и «байдана». Атрибуция доспеха производится на основе размеров, формы и системы соединения колец (Бобров, Борисенко, Худяков 2012: 62—64). Рассматриваемые в настоящей работе боевые наголовья также сплетены из разных типов колец («кольчужных», «пансырных» и «байданных»). Данный факт побуждает нас распространить на них те же принципы, что используются при классификации корпусных панцирей. Таким образом, любое кольчужное наголовье является кольчатым, но не каждое кольчатое наголовье (в том числе рассматриваемое в настоящей работе) является кольчужным.

[2] Первые научные описания позднесредневековых центральноазиатских кольчатых наголовий были выполнены только в начале XXI в. (Ахметжан 2007: 153, 156, рис. 21; Бобров, Худяков 2008: 470, 471, рис. 194: 5, 6).

Рис. 1. Кольчатое наголовье № КРУМ нк КЖ 13, НМРК. Общий вид вполоборота (фото К.К. Мусина)**.**

Fig. 1. Mail coif № KRUM nk KZh 13, NMRK. General view in half a turn (photo by K.K. Musin)**.**

Место обнаружения, история хранения и экспонирования кольчатого наголовья в музейных собраниях Казахстана

Изучение документации позволяет проследить основные этапы музейной истории интересующего нас кольчатого «башлыка», а также уточнить время его передачи в НМРК.

Самое раннее известное нам упоминание о наголовье в казахстанской служебной документации датируется 2000 г. В этот период оно уже хранилось в фондах Президентского центра культуры Республики Казахстан (ПЦКРК).

В акте приема № 64 от 19 декабря 2000 г. интересующий нас образец защитного вооружения описан следующим образом: «Дулыга-шлем. Кызыл-Ординская обл., XVIII в. Мет. черного цв., плетение, р-р. 33×25 см. Случайная находка в Жана-Кургане в 2000 г. Головной убор в форме шлема с боковыми лопастями, сплетено из колец. В теменной части имеется отверстие. В лобной и затылочной части кольца разошлись. Изделие заржавело» (Қазакстан Республикасы 2000: 3). В том же документе указан присвоенный «изделию» инвентарный номер — КП № 1057.

Таким образом, кольчатое наголовье было обнаружено в 2000 г. в Южном Казахстане на территории Жанакорганского района. Последний расположен на юго-востоке Кызылординской области РК, к северу от р. Сырдарья.

По причине реорганизации ПЦКРК и завершения строительства здания для нового государственного музея, было принято решение передать рассматриваемый образец защитного вооружения в экспозицию Национального музея Республики Казахстан. Согласно акту приема № 141/25 это произошло 16 ноября 2015 г. Посредником передачи экспоната (в виду ликвидации ПЦКРК) выступило РГУ «Национальная картинная галерея «Астана».

В 2017 г. кольчатое наголовье стало объектом реставрационных работ (акт выдачи от 25.01.2017 г.). Объем и виды данных работ, к сожалению, установить не удалось.

В настоящее время, как уже отмечалось выше, наголовье экспонируется в витрине «Южный Казахстан. XVIII в.» НМРК. Оно поддето под украшенный серебряной насечкой цельнокованый железный шлем ҚРҰМ нқ ҚЖ 114.

О некоторых особенностях изучения азиатских кольчатых наголовий

В отличие от шлемов, подробная типология азиатских кольчатых наголовий до сих пор не разработана. Вместе с тем они заметно отличаются между собой по площади защитного покрытия, особенностям покроя, форме и системе соединения колец.

Нет единства и в терминах обозначающих данную разновидность защитного вооружения. В научной литературе они определяются, как кольчатые/кольчужные капюшоны, «башлыки», кольчатые/кольчужные «шапочки», «чепцы», «койфы» (англ. *mail coif*) и т.д.

В настоящей работе под кольчатым наголовьем мы понимаем особую разновидность защиты головы (а в некоторых случаях, головы и шеи, или головы, шеи и верхней части корпуса) целиком изготовленную (сплетенную) из металлических колец.

Главное отличие миссюрки от кольчатого наголовья заключается в отсутствии у последнего металлического «наплешника» — уплощенной или слабовыпуклой пластины размещенной на макушечной части тульи[3].

Применительно к рассматриваемым в настоящей работе материалам мы предлагаем выделить два основных типа кольчатых наголовий, которые различаются по покрою и площади защитного покрытия:

[3] Промежуточное положение между указанными разновидностями защитного вооружения занимают кольчатые наголовья с металлическими навершиями в виде небольших пластинок уплощенной, выпуклой или конической формы. Подобные навершия (в отличие от «наплешников» миссюрок) служили не столько для защиты воина, сколько для украшения наголовья и/или крепления плюмажа.

1. «Чепец» — кольчатое (как правило, полусферическое) наголовье с ровным нижним краем, без наушников и назатыльника, прикрывающая лишь верхнюю часть головы воина (преимущественно по линии лоб-затылок). По всей видимости, подобные кольчатые «чепцы» снабжались матерчатыми или кожаными завязками, которые фиксировались под подбородком. В противном случае, кольчатая тулья «чепца» могла нашиваться на подшлемник из органических материалов.

2. «Башлык» — кольчатое наголовье с наушниками лопастевидной (удлиненно-треугольной или удлиненно-трапециевидной) формы. Выделяется два основных варианта «башлыков» — с назатыльником и без него.

Как «чепец», так и «башлык» должны были носиться поверх подшлемника из органических материалов. Не исключено, что роль подшлемников, в некоторых случаях могли выполнять различные виды головных уборов с низкой округлой тульей. В научной литературе широко распространено мнение, что кольчатые наголовья поддевались под металлические шлемы и фактически выполняли роль бармиц. Однако данный способ ношения «чепцов» маловероятен, так как они не имели панцирных лопастей для защиты ушей и шеи. Практика ношения под шлемами кольчатых «башлыков» представляется более реалистичной, тем более, что некоторые из центральноазиатских шлемов лишены отверстий для крепления бармицы. Кроме того, судя по некоторым материалам, кольчатые «башлыки» с подшлемниками могли поддеваться под верхний головной убор (см. ниже).

Наряду с особенностями покроя при описании и изучении кольчатых наголовий необходимо учитывать особенности оформления формирующих их колец. По аналогии с кольчатыми корпусными доспехами представляется возможным выделить следующие разновидности кольчатых «чепцов» и «бащлыков»: «кольчужные», «пансырные», «байданные». Кроме того, стоит отметить, что наголовье могло быть выполнено из разных типов колец. Такие наголовья могут быть отнесены к категории комбинированных («пансырно-кольчужных», «байдано-кольчужных», «байдано-пансырных»). В тех случаях, когда тулья изготовлена из одного типа колец, а наушники и (или) назатыльник из другого, то определявшим параметром при атрибуции являются кольца тульи: кольчужное наголовье с «пансырными» наушниками, «байданное» наголовье с кольчужными наушниками и «пансырным» назатыльником и т.д.

Выражаем надежду, что дальнейшее изучение ориентальных кольчатых наголовий позволит создать более дробную типологию данной разновидности защитного вооружения.

Описание кольчатого наголовья ҚРҰМ нқ ҚЖ 13

По материалу изготовления наголовье относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу кольчатых, по форме тульи — к типу полусферических.

Наличие наушников при отсутствии ярко выраженного назатыльника позволяет определить его, как кольчатый «башлык» — вариант 1 (рис. 2).

Размеры изучаемого образца защитного вооружения: 33 на 25 см (ширина наушников — 11,5 см). Вес — 1,35 кг.[4]

Наголовье изготовлено из клепаных колец круглой и овальной формы (рис. 3: 1—3)[5]. При изготовлении защитного покрытия используется так называемое «одинарное плетение», когда в кольцо вставлено четыре соседних (рис. 3: *2*). При этом размеры и оформление колец в разных частях «башлыка» различаются весьма существенно (рис. 3: 2, 3).

[4] Все замеры наголовья в настоящей статье выполнены У.М. Агатаем.

[5] Интересно, что мастер старался зашлифовывать не только расклепанные на противоположной стороне острия заклепок, но и, по возможности, сами шляпки заклепок (рис. 3: 1).

Рис. 2. Кольчатое наголовье из НМРК: *1* — вид спереди; *2* — вид слева; *3* — вид справа; *4* — вид сзади (фото К.К. Мусина)**.**

Fig. 2. Mail coif from NMRK: *1* — front view; *2* — left side view; *3* — right side view; *4* — rear view (photo by K.K. Musin)**.**

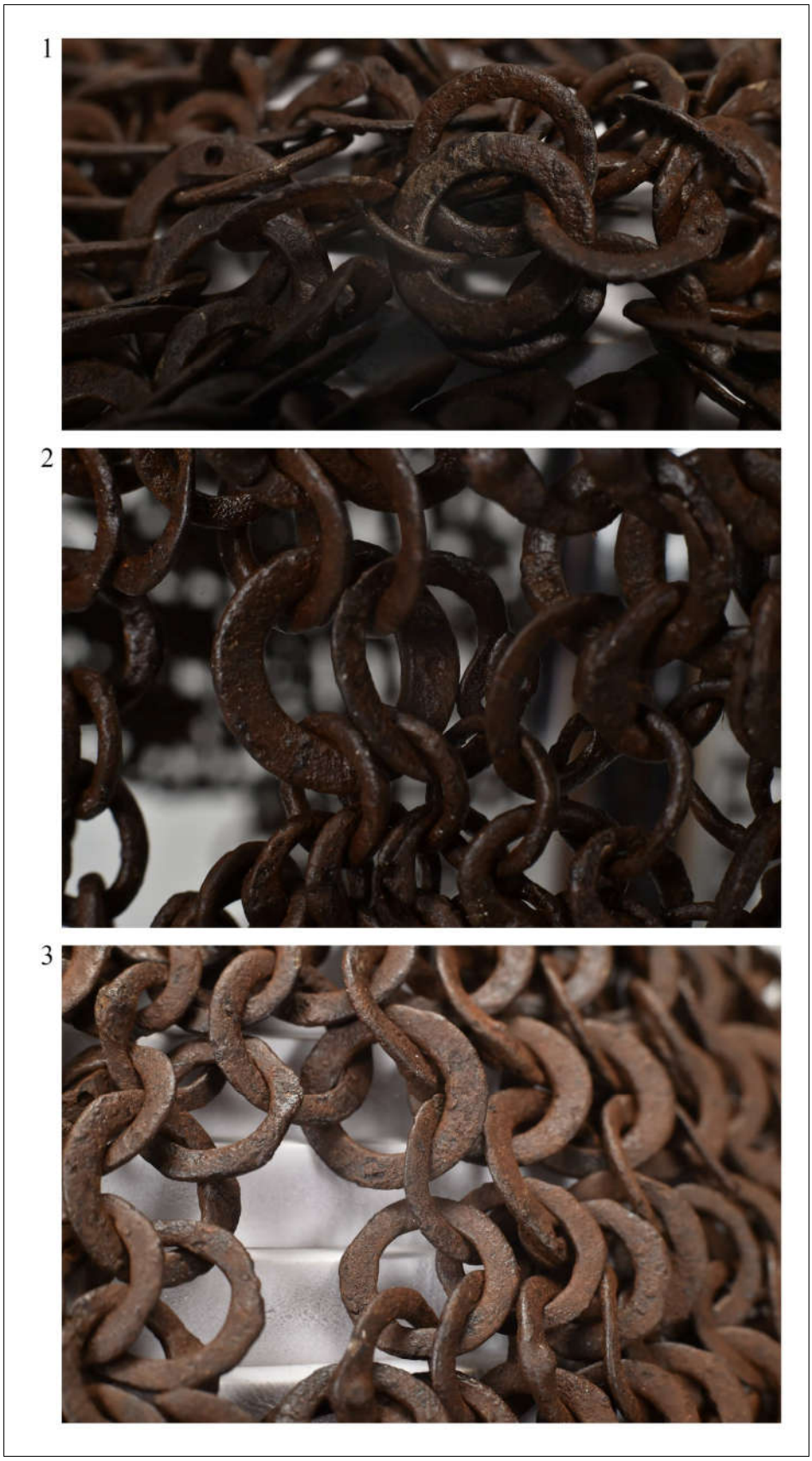


Рис. 3. Кольчатое наголовье из НМРК. Фрагменты тульи и наушников (фото К.К. Мусина)**.**

Fig. 3. Mail coif from NMRK. Fragments of crown and ears (photo by K.K. Musin)**.**

Тулья сплетена из больших плоских («байданных») колец (рис. 3). Диаметр ок. 1,4—1,9 см, ширина — 0,3 см, толщина: 0,1 см. Наушники выполнены из более мелких плоских («байданных»), уплощенных («пансырных») и округлых в сечении («кольчужных») колец (рис. 3: 2). Диаметр ок. 1,1—1,2 см, ширина 0,15—0,2 см, толщина: 0,15—0,2 см.

Самые мелкие кольца с округлым сечением формируют переднюю нижнюю часть наушников. Вероятно, это было сделано для повышения эластичности данных защитных элементов, что имело важное значение в тех случаях, когда лопасти стягивались и фиксировались ремешками под подбородком или в районе горла.

Защитное покрытие наголовья имеет существенные повреждения. Налобная часть разорвана, а большая часть колец от нее утеряна (рис. 2: 1). Из-за этого лицевой вырез кажется намного более глубоким, чем он был первоначально. Лицевая лопасть «башлыка» вероятно, имела прямой нижний край, который проходил по линии лба или бровей воина[6]. Большие разрывы кольчатого полотна фиксируются также на затылочной части наголовья и несколько меньшие — на боковых сторонах тульи и наушниках «башлыка» (рис. 2). Значительная часть колец (особенно «байданных») лишилась соединительных заклепок и «гвоздей» (рис. 3: 1).

Датировка и атрибуция

Кольчатые наголовья были, в целом, не характерны для воинов Великой степи и сопредельных территорий эпохи поздней Древности и раннего Средневековья[7]. Рост их популярности фиксируется в последующий период развитого Средневековья. По мнению М.В. Горелика: «Кольчужная защита головы появляется на Востоке с Запада, во время монгольского нашествия, то есть во второй трети XIII в.» (Горелик 2008: 143).

Подлинные образцы кольчатых наголовий обнаружены в погребении 1 кургана 2 у поселка Южный Новопокровского района Краснодарского края, курганах могильника «Криница» и «Молоканова щель» в районе Геленджика, погребении № 33 Келийского могильника в Республике Ингушетия (Горелик 2008: 143, 156, 157; Мужухоев, Нарожный, Чахкиев 2017: 177—180), в кургане 3 и погребении 45 у с. Цемдолина под Новороссийском, курганах 14 и 15 могильника на западном склоне горы Чухабль (также в районе Новороссийска)[8] и др. По сообщению А.В. Дмитриева он неоднократно сталкивался с находками сильно спекшихся «кольчужных шапочек» сопровождавших некоторые погребения кочевников в Восточном Причерноморье (Мужухоев, Нарожный, Чахкиев 2017: 179). В фондах Государственного исторического музея хранится кольчужная «шапочка» сплетенная из уплощенных клепаных и цельных колец. По данным археолога С.Ю. Каинова она происходит из так называемой «Бывшей коллекции Сатановского» составленной из предметов, полученных в ходе несанкционированных раскопок на юге России. Окалина на поверхности колец позволила С.Ю. Каинову предположить, что «шапочка» происходит из погребения, проведенного по обряду трупосожжения. Кроме того, некоторое количество аналогичных предметов из числа случайных находок и несанкционированных раскопок хранится в настоящее время в частных коллекциях. На сегодняшний день, общее количество кольчатых наголовий обнаруженных на территории Восточного Причерноморья, Северного Кавказа и сопредельных территорий предположительно превышает 15 экз.

[6] На фотографиях первоначальной ширине налобника «башлыка» примерно соответствует нижний край белого навершия стойки, на которую помещено наголовье (рис. 2: 1—3).

[7] По мнению некоторых исследователей, кольчужный «чепец», нашитый на подшлемник с широкими наушами, может быть изображен на одной из фресок Пенджикента (объект XXII, помещение 1, северо-западный угол). Однако данное изображение известно преимущественно по схематическим прорисовкам. Поэтому уверенно утверждать, что на нем показан именно кольчужный «чепец» в настоящее время затруднительно.

[8] Информация предоставлена к.и.н., старшим научным сотрудником Государственного исторического музея С.Ю. Каиновым.

Большинство исследователей сходятся на том, что данные образцы защитного вооружения могут быть датированы золотоордынским временем.

Среди упомянутых находок численно преобладают кольчатые наголовья, скроенные в виде «чепца» с невысокой полусферической тульей и ровным нижним краем, хотя встречаются и иные варианты покроя[9].

Многочисленность подобных находок на территории западной части Улуса Джучи при их практически полном отсутствии среди синхронных центральноазиатских материалов позволяет предположить, что распространение кольчатых наголовий шло с запада на восток. Стоит также отметить, что большинство известных центральноазиатских образцов заметно отличаются по своему покрою от золотоордынских аналогов. Это, а также особенности оформления колец и общая сохранность предметов, позволяют предположить, что центральноазиатские кольчатые «башлыки» относятся к более позднему историческому периоду, чем их западные аналоги, скроенные в виде «чепцов», «балаклав», «капюшонов» и др.

В настоящее время, нам известно о 12 кольчатых наголовьях покроя «башлык», которые могут быть отнесены к комплексу вооружения воинов Центральной Азии и сопредельных территорий.

Данные предметы хранятся в Национальном музее Республики Казахстан (г. Астана, РК), Центральном ггосударственном музее Республики Казахстан (г. Алматы, РК), Северо-Казахстанском областном историко-краеведческом музее (г. Петропавловск, РК), Музее автономного района Внутренняя Монголия (г. Хух-Хото, КНР), Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (г. Томск, РФ), Минусинском региональном краеведческом музей им. Н.М. Мартьянова (г. Минусинск, РФ), Тульском государственном музее оружия (г. Тула, РФ), а также иных отечественных и зарубежных музейных и частных собраниях (рис. 4, 5, 6: 1).

Среди данных материалов присутствуют оба упомянутых выше варианта кольчатых «башлыков» (с назатыльником и без него). Наушники и назатыльники наголовий изучаемой серии имеют лопастевидную (удлиненно-трапециевидную) или удлиненно-треугольную форму. Численно преобладают «башлыки» сплетенные из клепаных уплощенных и округлых в поперечном сечении колец. Плоские и широкие «байданные» кольца встречаются относительно редко[10]. У некоторых «башлыков» на макушке фиксируются сквозные отверстия, у других кольца «заплетены» в небольшой «узелок»-*жинс* (рис. 4: 1, 7).

Среди частных коллекционеров бытует мнение, что наголовья рассматриваемого образца относятся к комплексу вооружения хевсуров — жителей северо-восточной Грузии. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не подтверждают данную гипотезу. В тех случаях, когда представляется возможным уточнить место находки или источник поступления предмета, как правило, выясняется, что он происходит с территории Центральной Азии или сопредельных с ней регионов. Достоверно зафиксировано бытование кольчатых наголовий типа «башлык» среди казахов, кокандцев, мусульман Восточного Туркестана. Ряд наголовий серии, вероятно, принадлежали бухарцам, джунгарам и их южно-сибирским вассалам.

---

[9] Так, например, в погребении № 33 Келийского могильника была обнаружена кольчатая «балаклава» с вырезами для глаз и бронзовым воронковидным навершием с трубкой-втулкой для плюмажа (Мужухоев, Нарожный, Чахкиев 2017: 177—180). Схожее боевое наголовье изображено на миниатюре к поэме «Варга и Гюльша», хранящейся в музее дворца Топкапы (г. Стамбул) и датируемой первой половиной — серединой XIII в. Отметим также, что в указанном произведении показаны несколько вариантов покроя кольчатых наголовий. Причем преобладающей разновидностью, являются кольчужные капюшоны-«койфы» европейского образца снабженные «пелериной» прикрывающей горло, верхнюю часть груди и спины.

[10] Вместе с тем отметим, что корпусные панцири из плоских колец (*байданы*) отнюдь не являлись оружейной экзотикой для народов Центральной Азии XVII – начала XIX вв., как иногда полагают. Целые *байданные* доспехи и их фрагменты происходят с территории Казахстана, Мавераннахра, Восточного Туркестана, Западной Монголии, Южной Сибири и др. (Бобров 2016: 214, 215). Известные материалы позволяют утверждать что «байданный» набор кольчатой структуры бронирования был достаточно популярен среди воинов рассматриваемого региона.

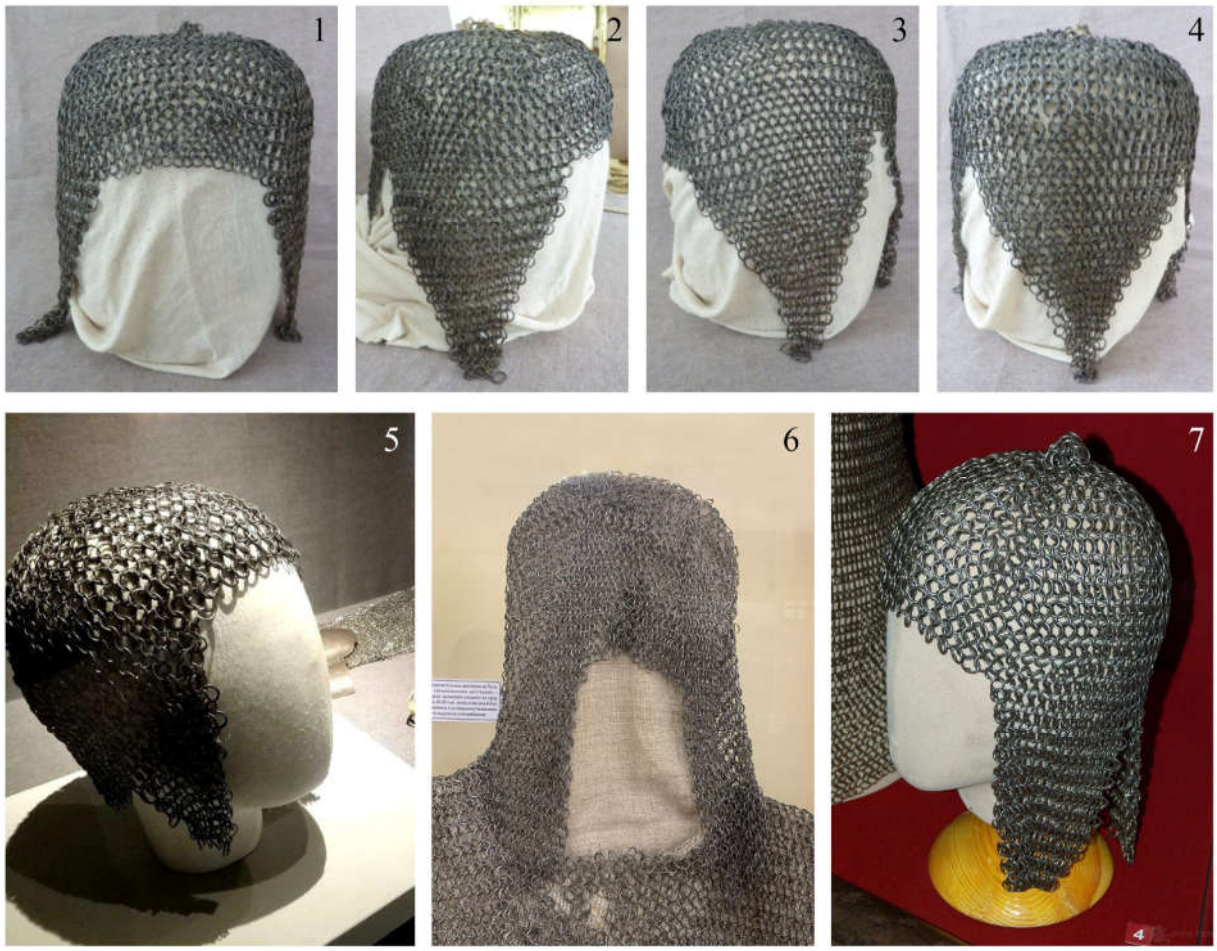


Рис. 4. Кольчатые наголовья XVII — середины XIX вв. с территории Центральной Азии и Южной Сибири: *1—4* — МАЭС ТГУ (четыре проекции); *5* — МАРВМ; *6* — МРКМ; *7* — из частной коллекции**.**

Fig. 4. Mail coifs from the 17th — mid-19th centuries from the territory of Central Asia and Southern Siberia: *1—4* — MAES TSU (four projection); *5* — IMM; *6* — MLLM; *7* — from a private collection.

В то же время нам не известно ни одного подобного наголовья, которое могло бы быть надежно отнесено к хевсурскому комплексу вооружения. Обычно, в качестве аргумента в пользу данной версии приводятся фотографии хевсурских воинов конца XIX — начала XX в. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что на этих фотографиях запечатлены не кольчатые «башлыки», а традиционные для Кавказского региона миссюрки. Тем не менее, мы не исключаем возможности бытования кольчатых наголовий среди воинов Северного Кавказа и Закавказья в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, однако данный вопрос требует дополнительного изучения.

Наряду с панцирниками Центральной Азии кольчатые «башлыки» применяли воины Индии. Однако индийские наголовья, как правило, отличаются от своих центральноазиатских аналогов не только некоторыми особенностями покроя, но и наличием небольшой металлической пластины или бляхи на макушке тульи, к которой нередко добавлялась трубка-втулка для плюмажа (Носов 2011: 147, 148).

Таким образом, кольчатый «башлык» из НМРК может быть отнесен к комплексу защитного вооружения центральноазиатского воина. Однако не менее важен вопрос о времени его изготовления и возможных хронологических границах бытования.

В данной связи, особый интерес представляет кольчатый «башлык» из собрания Музея автономного района Внутренняя Монголия (МАРВМ, г. Хух-Хото, КНР). Он имеет схожие размеры и покрой, хотя и сплетен без применения плоских «байданных» колец, а наушники имеют не удлиненно-трапециевидную, а удлиненно-треугольную форму (рис. 4: 5). Данный предмет, помимо прочего, интересен еще и тем, что он входит в состав комплекса защитного вооружения включающего кольчатый панцирь, створчатые наручи и пластинчатый пояс-корсет-*бельдемчи* (рис. 5). Ранее данный доспешный комплект принадлежал *вану хошуна* Дорвон Хуухэд (Сыцзы). Считается, что он был привезен в Южную Монголию после походов цинских войск в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1755—1759 гг. (Бобров 2022: 13). Особенности конструкции и оформления предметов свидетельствуют в пользу данной датировки.

Тем не менее, отмечая сходство наголовий из МАРВМ и НМРК необходимо подчеркнуть, что подобные образцы защитного вооружения могли применяться воинами региона и значительно позднее середины XVIII в. Об этом свидетельствуют, как вещественные, так и изобразительные и письменные источники.

Глава российской дипломатической миссии в Бухару Я.П. Гавердовский, участвовавший в сражении с казахами в сентябре 1803 г., отмечал, что те «голову и лицо завешивают также железною сеткою» (История Казахстана 2007: 188). С высокой долей вероятности, под «железною сеткою», покрывающей голову воина, подразумевается именно кольчатое наголовье: «К военной одежде принадлежат также панцири или кольчуги *саут*, делаемые из железной из кольца в кольцо перевитой проволочной сетки, имеющей подобие рубашки. Киргизцы (казахи — *Л.Б.*) покрываются ими сверх всего платья; а потом на грудь, спину и плечи накладывают иногда железные или жестяные листы, стягивая их между собой ремнями. *Голову и лицо завешивают также железною сеткою* или из железных листьев сделанною шапочкою, вершину коей украшают иногда перьями. Под низ таковой брони, дабы облегчить ее давление, надевают толстое войлочное платье» (История Казахстана 2007: 188).

В казахском эпическом сказании о батыре Жанкожи Нурмухамедулы (XIX в.)[11] упоминается некий элемент защитного вооружения («дулығалы сауыт»), который использует противник главного героя — хивинский батыр Аимбет. Судя по сообщениям цинских авторов второй половины XVIII в. термином «сауыт» тюрки Центральной Азии обычно обозначали кольчатый панцирь, а термином «дуулга» — шлем (Бобров, Пастухов 2021: 199, 200, 203). Не исключено, что в данном случае под «дулығалы сауыт» подразумевается кольчатое наголовье[12].

На европейской гравюре середины — второй половины XIX в. изображен «Каспийский киргиз» (p. Kaspi-Kirgise), то есть казах с восточного побережья Каспийского моря (рис. 6: 3). Не смотря на некоторые условности изображения, многие детали костюма и вооружения (пика с узким пером, «яблоком» на шейке и бунчуком, щит с умбонами, колпак с разрезными полями, сапоги на высоком каблуке и др.) переданы достаточно достоверно. Для темы настоящего исследования особый интерес вызывает тот факт, что под колпаком казахский воин носит кольчатое наголовье или миссюрку с кольчужной бармицей. Схожая практика подтверждается и данными казахского эпоса. Так, например, в сказании о Олжабай-батыре (XVIII в.)[13] отмечается, что он перед боем «поверх *дулыга*-шлема плотно надевает [свой] *тельпек*[14]» (Бабалар сөзі 59: 73).

[11] Жанкожа Нурмухамедулы (1774—1860) — батыр из рода алшын казахского Младшего жуза. Проживал в нижнем течении Сырдарьи и Присырдарьинском регионе. Участвовал в боях против войск Российской империи, Хивинского и Кокандского ханств.

[12] Однако, судя по контексту произведения, возможен и иной вариант перевода. В этом случае, указанное словосочетание обозначает «доспех».

[13] Олжабай-батыр — батыр из племени аргын казахского Среднего жуза. Проживал в Сарыарке (Северный Казахстан). Участник боев с ойратами в XVIII в.

[14] *Тельпек* — у туркмен разновидность папахи, в широком смысле слова головной убор вообще. Интересно, что на фотографиях начала XX в. хевсуры северо-восточной Грузии также иногда позируют в папахах надетых поверх миссюрок.

Рис. 5. Кольчатый «башлык», панцирь, створчатые наручи и пластинчатый пояс-*бельдемчи* из бывшего собрания *вана хошуна* Дорвон Хуухэд (Сыцзы), Уланчаб, Музей автономного района Внутренняя Монголия (г. Хух-Хото, КНР). Данные предметы защитного вооружения были предположительно привезены в Южную Монголию из Джунгарии и Восточного Туркестана по результатам цинских военных походов 1755—1759 гг. (по Бобров 2022).

Fig. 5. Ringed “bashlyk” (mail coif), armor, hinged bracers and plated belt-beldemchi from the former collection of the van of khoshun Dorwon Huuhed (Sizi), Ulanchab, Museum of the Inner Mongolia Autonomous Region (Hohhot, PRC). These items of defensive armament were presumably brought to Southern Mongolia from Dzungaria and East Turkestan as a result of the Qing military campaigns of 1755—1759 (after Bobrov 2022).

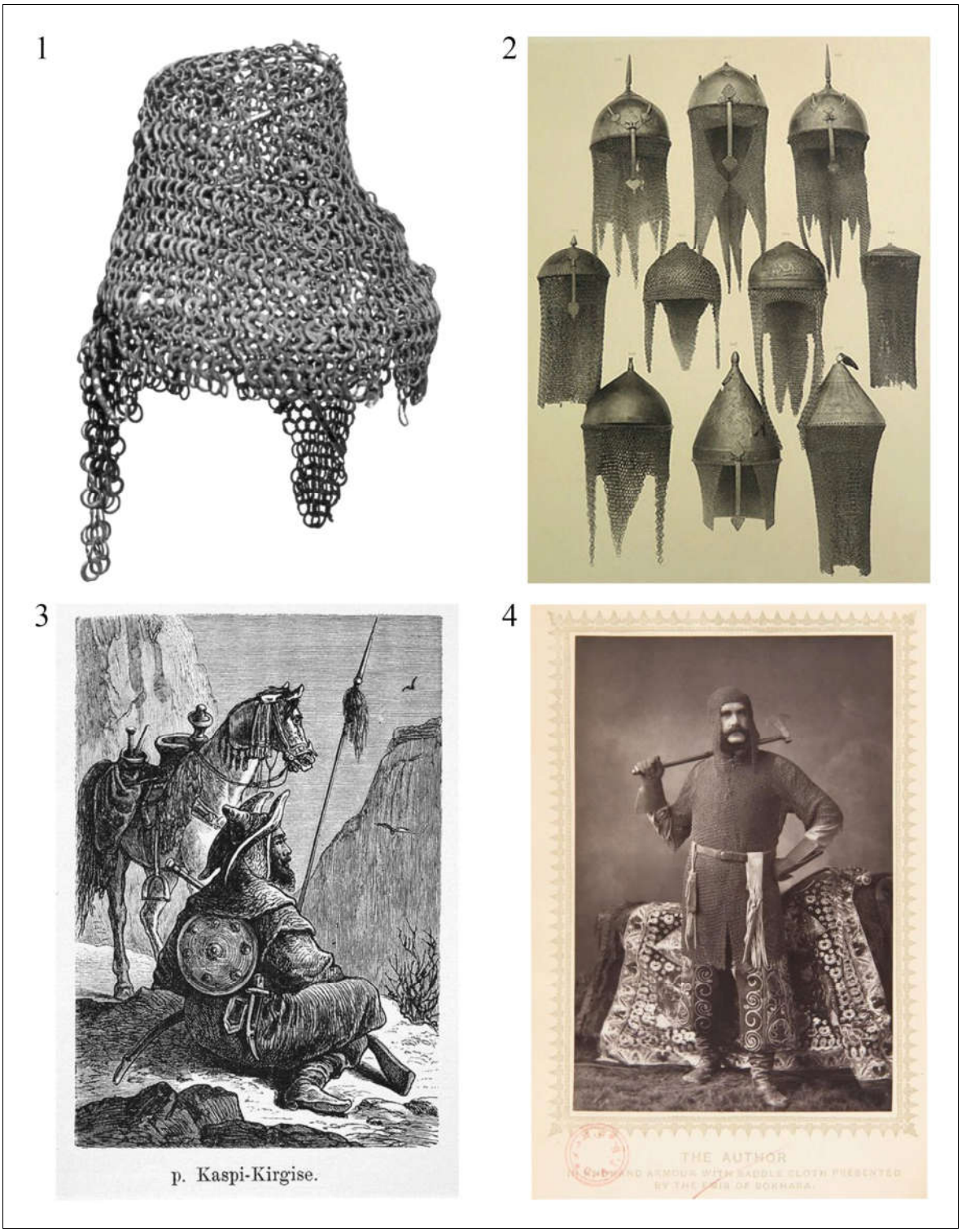


Рис. 6. Кольчатые наголовья, миссюрки, шлемы и их изображения: *1* — ЦГМРК (по Ахметжан 2007); *2* — кольчатое наголовье из книги Г. Мозера (в центре фотогр.); *3* — гравюра середины — второй половины XIX в. «Каспийский киргиз» (казах); *4* —путешественник Генри Ланделл в кокандском кольчатом наголовье (по Lansdell 1885).

Fig. 6. Ringed mail coif, “misurka”, helmets and their depictions: *1* — CSMRK (after Akhmetzhan 2007); *2* — ringed mail coif from G. Moser’s book (on the center of the photo); *3* — engraving from the mid — to late 19th century titled “Caspian Kyrgyz” (Kazakh); *4* — traveler Henry Lansdell in Kokand ringed mail coif (after Lansdell 1885).

В книге «Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv», опубликованной в 1885 г., приведена фотография ее автора — члена Королевского азиатского и Королевского географического общества Генри Ланселла (H. Lansdell, 1841—1919). На ней британский путешественник позирует перед фотографом в кокандском доспехе[15] состоящем из кольчатого «башлыка» и панциря (рис. 6: 4).

Среди коллекции путешественника Г. Мозера, посещавшего в последней четверти XIX в. Туркестан и казахские степи наряду с иранскими, индийскими, кавказскими и центральноазиатскими шлемами и миссюрками присутствует кольчатое наголовье с длинными остроугольными наушниками и назатыльником (рис. 6: 2). По своему покрою, оно практически аналогично тем, что мы встречаем среди центральноазиатских и южносибирских материалов (рис. 4: 1—4).

Приведенные сведения изобразительных, письменных и фольклорных источников не позволяют ограничить время бытования кольчатых «башлыков» в регионе XVIII в.[16] Весьма вероятно, что они могли применяться казахскими и туркестанскими воинами в первой половине и даже в середине XIX в.

Несколько сложнее определить возможную нижнюю границу бытования кольчатого наголовья из собрания НМРК, так как в настоящее время достоверно не установлено время появления подобных образцов защитного вооружения в рассматриваемом регионе. Учитывая факт применения мастером плоских «байданных» колец рассматриваемого образца в качестве нижней границы следует указать вторую половину XVI — начало XVII вв. (Бобров 2016: 212—215). Дальнейшее изучение вопроса, возможно, позволит уточнить нижнюю хронологическую границу появления подобных образцов защитного вооружения у кочевников Центральной Азии и их оседлых соседей.

Где мог быть изготовлен изучаемый предмет защитного вооружения? И представитель какого народа был его первым владельцем? Как уже отмечалось выше, кольчатый «башлык» из собрания НМРК был обнаружен на юге современного Казахстана, к северу от р. Сырдарья. В период позднего Средневековья и раннего Нового времени этот район являлся местом ожесточенного противоборства казахов, узбеков и ойратов (к югу-востоку от места обнаружения наголовья располагался знаменитый г. Сайрам разрушенный джунгарами). Оформление наголовья, а также место его обнаружения позволяют предположить, что кольчатый «башлык» мог входить в состав комплекса вооружения казахского, узбекского или, менее вероятно, ойратского (джунгарского) воина.

Особенности боевого применения. В завершении отметим некоторые особенности эксплуатации и боевого применения кольчатых наголовий. Как уже отмечалось выше, они носились поверх подшлемников из органических материалов. Кроме того сверху мог одеваться металлический шлем или головной убор. В первом случае, наушники и назатыльник «башлыка» выполняли роль бармицы, во втором — панцирный «башлык» выступал в качестве основной защиты головы от оружия противника.

Стоит отметить, что высокая многослойная и (или) стеганая тулья казахских шапок «малакай» уже сама по себе защищала голову воина от рубящих ударов противника (Бобров 2012: 214—220). Этот момент особо подчеркивал участник боев с казахами в 1803 г. Я.П. Гавердовский, который отмечал, что «…конусообразные их шапки много способствуют к сохранению головы от сабельных ударов...» (История Казахстана 2007: 435). Сочетание стеганой тульи «малакая» или иной высокой шапки с кольчатым «башлыком» надетым поверх подшлемника (рис. 6: 3) должно было существенно повысить защитные свойства подобного комбинированного наголовья[17].

[15] Кокандское происхождение защитного вооружения особо подчеркивается в сопроводительной подписи. При этом сообщается, что боевой топор был приобретен в Бухаре.

[16] Вопреки расхожему мнению, «байданы» не исчезли из обихода воинов Центральной Азии в XVIII в., а продолжали применяться вплоть до первой половины XIX в. включительно. Так, например, до нашего времени дошла «байдана» второй половины XVIII — первой половины XIX вв. принадлежавшая султану-правителю Младшего жуза казахов Оренбургского края Арыстану Джантюрину (Бобров 2016: 215).

[17] Схожий эффект наблюдался и при одновременном ношении кольчатого панциря и толстого стеганого халата. Последний обычно одевался поверх кольчуги, в результате чего металлический доспех оказывался помещен между двумя халатами (более тонким — нижним и стеганым верхним). Судя по отзывам

Выводы

На основании изучения музейной документации установлено, что кольчатое наголовье было обнаружено в 2000 г. в Южном Казахстане, к северу от р. Сырдарья, в районе Жанакоргана (юго-восточная оконечность Кызылординской области). В том же году оно поступило в Президентский центр культуры Республики Казахстан (инв. № КП № 1057), а в конце 2015 г. было передано в НМРК (инв. № ҚРҰМ нқ ҚЖ 13).

Наголовье изготовлено из трех типов круглых и овальных колец. Полусферическая тулья сплетена из больших плоских «байданных», а лопастевидные наушники из более мелких плоских, уплощенных («пансырных») и округлых в сечении («кольчужных») колец. Это, а также особенности покроя наголовья позволяют определить его как «байданный башлык с пансырно-кольчужными наушниками».

Ближайшие аналоги кольчатого «башлыка» из собрания НМРК происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири и датируются периодом позднего Средневековья и Нового времени.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных материалов показал, что кольчатые наголовья продолжали бытовать Казахстане и Мавераннахре вплоть до середины XIX в. Время появления и распространения «байданной брони» из плоских клепаных колец на территории Центральной Азии в настоящее достоверно не установлено, что затрудняет определение нижней хронологической границы изготовления рассматриваемого «бащлыка». Учитывая датировки ранних восточноевропейских и западноазиатских «байдан» можно предположить, что кольчатое наголовье из НМРК не старше второй половины XVI — начала XVII вв. Однако в дальнейшем, по мере изучения данной разновидности кольчатой брони и эволюции центральноазиатских кольчатых «башлыков» указанная датировка может быть несколько скорректирована.

На сегодняшнем этапе развития отечественного оружиеведения, кольчатое наголовье из собрания НМРК может быть датировано второй половиной XVI — серединой XIX вв. При этом наиболее вероятным периодом его бытования следует считать XVII—XVIII вв.

Технологические особенности изготовления и оформления кольчатого «башлыка» позволяют предположить, что он был выполнен ремесленниками Мавераннахра или иных сопредельных территорий. Однако полностью исключать возможность степного происхождения наголовья также нельзя.

Учитывая место обнаружения кольчатого «башлыка», владельцем наголовья являлся казахский, узбекский или, менее вероятно, ойратский (джунгарский) воин.

Кольчатые наголовья типа «башлык» носились поверх подшлемников из органических материалов или головного убора с низкой тульей. Они могли поддеваться под шлемы (выполняя роль бармицы), под шапку, колпак и т.д. Сочетание высокой (многослойной и/или стеганой) тульи со стальным кольчатым защитным покрытием на органической основе в виде подшлемника, должно было позитивно сказаться на защитных свойствах подобного комбинированного наголовья.

Кольчатый «башлык» № ҚРҰМ нқ ҚЖ 13 из собрания НМРК представляет собой яркий пример центральноазиатских кольчатых боевых наголовий позднего Средневековья и раннего Нового времени. Дальнейшее изучение подобных наголовий позволит уточнить многие воспросы связанные с эволюцией комплекса защитного вооружения народов Центральной Азии на завершающем этапе его существования, как самостоятельного военно-исторического феномена.

современников, подобная комбинированная защита, основанная на сочетании перемежающихся слоев металлического и органического покрытия, могла защитить своего владельца не только от холодного оружия противника, но и, при определенных условиях, от пистолетной и даже ружейной пули.

Литература

Қазақстан Республикасы Президенттік мәдениет орталығы. 11. Музей қоры. 11—12. Орталық бөлімдерінің жинаған (алғаш, есеп) экспонаттарының қабылдап-өткізу актілері. Астана қаласы. 2000 жыл.

Ахметжан К.С. 2007. *Этнография традиционного вооружения казахов*. Алматы: Алматыкітап.

Бабалар сөзі 59: Қосан С. (ред.). 2009. *Тарихи жырлар*. Т. 59. Астана: Фолиант.

Бобров Л.А. 2012. Казахская воинская шапка «малакай» XVIII—XIX веков. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 11. Вып. 7, 213—220.

Бобров Л.А. 2016. «Полубайдана» казахского воина из Карагандинского областного историко-краеведческого музея. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 15. Вып. 5, 211—216.

Бобров Л.А. 2022. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. *Parabellum novum: Военно-исторический журнал* 17 (50), 5—33.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. 2012. *Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI—XVII вв. Вооружение и военная организация*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Бобров Л.А., Пастухов А.М. 2021. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи». *Монголоведение*. Т. 13. № 2, 186—221.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. 2008. *Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Горелик М.В. 2008. Золотоордынские латники Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 9.

История Казахстана 2007: Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. (сост.). *История Казахстана в русских источниках XVI—XX вв. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века.* Т. 5. Алматы: Дайк-Пресс.

Носов К.С. 2011. *Традиционное оружие Индии*. Москва: Эксмо.

Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2017. Воинское погребение № 33 Келийского могильника (Горная Ингушетия). *Археология Евразийских степей* 5, 177—184.

Lansdell H. 1885. *Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington.

References

Akhmetzhan, K.S. 2007. *Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov (Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry)*. Almaty: Almatykitap (in Russian).

Babalar sozy 59: Kosan, S. (ed.). 2009. *Tarikhi zhyrlar (Historical Epos)*. Vol. 59. Astana: Foliant (in Kazakh).

Bobrov, L.A. 2012. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University, Series: History, Philology)*. Vol. 11. No. 7, 213—220 (in Russian).

Bobrov, L.A. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University, Series: History, Philology)*. Vol. 15. No. 5, 211—216 (in Russian).

Bobrov, L.A. 2022. In *Parabellum novum: Voyenno-istoricheskiy zhurnal* (*Parabellum novum: Military Historical Journal)*. Vol. 17 (50), 5—33 (in Russian).

Bobrov, L.A., Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2012. *Russkie voiny na yuzhnykh rubezhakh Sibiri v kontse XVI—XVII vv. Vooruzhenie i voennaya organizatsiya (Russian Soldiers on the Southern Borders of Siberia in the Late 16th —17th Century. Armament and Military Organization)*. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Bobrov, L.A., Pastukhov, A.M. 2021. In *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. Vol. 13. Pt. 2, 186—221 (in Russian).

Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) (The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th — the first half of the 18th Century))*. Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU (in Russian).

Gorelik, M.V. 2008. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on Archeology North Caucasus)* 9 (in Russian).

Istoriya Kazakhstana 2007: Erofeeva, I.V., Zhanaev, B.T. (eds.). 2007. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI—XX vv. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka (History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th — 20th Centuries. The First Historical and Ethnographic Descriptions of the Kazakh Lands. First Half of the 19th Century).* Vol. 5. Almaty: Dayk-Press (in Russian).

Nosov, K.S. 2011. *Traditsionnoe oruzhie Indii (Traditional Weapons of India)*. Moscow: Eksmo (in Russian).

Muzhokhoev, M.B., Narozhnyi, E.I., Chakhkiev, D.Yu. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archeology Eurasian Steppes)* 5, 177—184 (in Russian).

Lansdell, H. 1885. *Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington.

Нумизматика

Numismatics

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.33.27.033

Ilya Prokopov, Mariana Slavova

THE COIN HOARD FROM THE SARNITSA VILLAGE, HASKOVO REGION. TOWARDS THE QUESTION OF CLARIFYING THE ORIGIN OF THASOS IMITATIONS OR BARBARIZATION*

The article examines one of the well-preserved coin hoards consisting exclusively of imitations or barbarizations of tetradrachms traditionally minted on the island of Thasos. A homogeneous coin find of this kind is characteristic of the area where the latest coinage took place. Actually, these are the last-ever tetradrachms minted in Thrace in the 1st century BCE. Since numismatics still hardly can tell "imitation" from "barbarization" with any certainty, both are still used here on equal terms. However, the long-standing dispute over which coins are real imitations of Thasos tetradrachms is about to be settled. The large series of tetradrachms, which can hardly be differ from the original Thasos ones and are called "of the Thasos type", should be defined as imitations. They were issued by the Roman administration of the Balkans. All the rest, which lack a clear issuer and generally go far beyond the limits of good style and inscription, can be called barbarized. This is why the coin hoard from Sarnitsa is worth republishing.

Key words: Thrace, Thasos, tetradrachm, imitation, barbarization, homogeneous.

About the authors: Prokopov Ilya[1], PhD (Archaeology, Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), Professor, SouthWest University "Neofit Rilski", University of Library Studies and Information Technologies; Slavova Mariana[2], Haskovo Regional History Museum.

Contact information: [1]2700, Bulgaria, Blagoevgrad, 66 Ivan Mihaylov Str., South-West University "Neofit Rilski", e-mail: ilya.prokopov@gmail.com; [2]6300, Bulgaria, Haskovo, Svoboda Square 19, Haskovo Regional History Museum, e-mail: mslavova59@abv.bg.

Илья Прокопов, Мариана Славова

МОНЕТНЫЙ КЛАД ИЗ СЕЛА СЫРНИЦА, ХАСКОВСКИЙ РЕГИОН. К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФАСОССКИХ ПОДРАЖЕНИЙ ИЛИ ВАРВАРИЗАЦИИ

В статье рассматривается один из хорошо сохранившихся монетных кладов, состоящих исключительно из образцов имитации или варваризации тетрадрахм, обыкновенно выпускавшихся на острове Фасос. Этот вид однородных монетных находок характерен для района, где происходила самая поздняя чеканка, и перед нами одни из последних тетрадрахм, отчеканенных во Фракии в I в. до н.э. Поскольку вопрос о различиях «подражания» и «варваризации» до сих пор не решен, здесь используются оба термина. Думается, однако, что давний спор о том, какие монеты являются действительными подражаниями фасоским, вот-вот завершится. Большую серию тетрадрахм «фасоского типа», которые выпускались римской администрацией Балкан и почти не отличаются от оригинальных, следует определить как собственно подражания. Тетрадрахмы же без четкого эмитента и выходящие за рамки хорошего стиля и легенды, следует называть варваризированными. Эти соображения и заставили переиздать клад из Сырницы.

Ключевые слова: Фракия, Фасос, тетрадрахма, подражание, варваризация, гомогенность.

Сведения об авторах: Прокопов Илья[1], PhD (Archaeology, Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), профессор, Юго-Западный университет «Неофит Рилски», Университет библиотековедения и информационных технологий; Славова Мариана[2], Хасковский региональный исторический музей.

* Статья поступила в номер 11 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 мая 2024 г.

© Ilya Prokopov, Mariana Slavova, 2024.

Контактная информация: [1]2700, Болгария г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66, Юго-западный университет «Неофит Рилски», e-mail: ilya.prokopov@gmail.com; [2]6300, Болгария, г. Хасково, Площадь Свободы, 19, Хасковский региональный исторический музей, e-mail: mslavova59@abv.bg.

The Sarnitsa village is located in the municipality of Mineralni Bani, Haskovo region, with coordinates: 41.866667° N. 25.3° E. It is an old mining center at the foot of the Rhodope massif "Mechkovets". In the vicinity of the village, there are traces of many ancient mines where gold, silver, and lead were mined. The coin hoard was discovered in 1958 in the locality named "Petrov Pozar" (Gerasimov 1962: 228). It was first published by Dimcho Aladzhov (Aladzhov 1970: 16—19; 1997: 260—264).

The coins are kept in the fund of the Regional Historical Museum in Haskovo under inv. No. H-2. The treasure consists of 12 silver coins — imitations of the Thasos tetradrachms. As empirical data, the coins are published in the book of the museum collection (CCCHBulg VII 2017: 180—183, No. 1017—1028). The present publication aims to examine the coin hoard in his own natural setting. In addition, it is located very close to a metal mining and manufacturing center.

Like several other small coin finds already published, it is of small volume. Its composition is homogeneous and belongs to the group of coin hoards described later.

The treasure from the village of Sarnitsa is numbered 372 and is marked on the map with a circle. Together with the finds from the village of Bolarino (IGCH 975) (mixed) — No. 33, and the village of Stroino (IGCH 924) (mixed) — No. 363, marked with rectangles, form a kind of triangle. This is the area of the greatest concentration of coin finds with imitations of the Thasos. Identifying links through the coin seals connects these three coin finds.

Homogeneous coin hoards in southeastern Bulgaria, listed from west to east:

Smolyan area — ?, Smolyan region. Hoard of unspecified coins. All of them were rough Thasos imitations. Only 4 coins are in the Smolyan Regional History Museum. Published (Prokopov 1991: No. 158—161; CCCHBulg. III 2011: 40—41, No. 89—92).

Sarnitsa — 1958, Haskovo region (ICHB I 2017: 694). Content 12 rough barbarizations of Thasos tetradrachms. Kept in Haskovo Regional Museum. (Gerasimov 1962: 228). Published (Aladzhov 1970: 16—19; 1997: 260—264; Prokopov, Slavova 2018: 7—16).

Pravoslav — 1960, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 632; Prokopov 2006: 247; 2016: 317, No. 277). The coins — 5 tetradrachms imitations of Thasos, were found in 1960. The hoard was scattered. The coins were not published. It dates back to the middle of the 1st century BCE (Gerasimov 1963: 261).

Medovo — 1998, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 303, No. 627; Prokopov 2006: 179; 2016: 303, No. 210) Hoard of silver coins. All 5 are imitations of Thasos tetradrachms, minted at the end of the 1st century BC. (Prokopov, Minkova 1998: 563—584, Taf. 578—584).

Naydenovo — 1998, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 630; Prokopov 2006: 193; 2016: 306—307, No. 227). Contains 3 rough Thasos imitations (Prokopov, Minkova 1998: 563—584, Taf. 578—584). In RIM-Stara Zagora, there is a group of three coins filed under one number — No. 3092.

Zetyovo — 1945, Chirpan district, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 621—622; Prokopov 2006: 332; 2016: 285—286, No. 129). Contains tetradrachms - Thasos imitations (Gerasimov 1946: 243).

Oryahovitsa — 1963, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 631; Prokopov, Minkova 1998: 563—584, Taf. 578—584; Prokopov 2006: 210; 2016: 312, No. 251). The coins — an unspecified number of imitations from Thasos were found in 1963. They date from the middle of the 1st century BCE. From this hoard in the museum in Stara Zagora, there are 2 coins filed under one number — No. 3272 (Gerasimov 1964: 243).

Radnevo — 1951 (formerly Gypsovo), Stara Zagora region (ICHB I 2017: 633; Prokopov 2006: 106; 2016: 276, No. 83). A small find of about 36 Tasso imitations Of the find, only 7 barbarized Thasos tetradrachms were inventoried in the numismatic fund of the Archaeological Museum in Nova Zagora under No. 1002—1007 and 1015 (Gerasimov 1952: 404).

Radnevo — 1980+, Stara Zagora region (ICHB I 2017: 633; Prokopov 2006: 248; 2016: 318, No. 285). The coin hoard was discovered in the 1980s. It consisted only of rough imitations of Thasos tetradrachms. The find is scattered. The coins are not published.

Sabrano — 1971 (Sabranovo II), Nova Zagora area, Sliven region (ICHB I 2017: 557; Prokopov 2006: 264; 2016: 323—324, No. 311) The coins were found on 16.03.1971, in the locality “Orta Koria” about 200 m southeast of the village. Their quantity is not specified. In the Archaeological Museum in Nova Zagora, 7 Thasos imitations are preserved under inventory number 1935. The coins have not been published (Gerasimov 1979: 134—141).

Nova Zagora — 1965, Sliven region (ICHB I 2017: 550; Prokopov 2006: 203; 2016: 309, No. 236). Only 5 tetradrachms, Thasos imitations, are known. The concealment took place in the 1st century BCE (Gerasimov 1967: 188).

Mladovo — , Sliven region. A hoard with imitations of Thasos tetradrachms. Of them, only one entered the museum in Nova Zagora under inventory number 1153. The coins were not published.

Palauzovo — 1956, Straldzha area, Yambol region (ICHB I 2017: 752; Prokopov 2006: 220; 2016: 313, No. 256). They were found in 1956 in fields near the village. There is information about 8 tetradrachms — Thasos imitations. The find is scattered. The coins are not published. It dates back to the middle of the 1st century BCE (Gerasimov 1959: 358).

Karnobat area — 1916, Burgas region, IGCH 967. (ICHB I 2017: 49; Prokopov 2006: 143; Prokopov 2016: 289—290, No. 148) Contains an unspecified amount of silver tetradrachms — there is information about 20 Thasos imitations (Mushmov 1919: 163). 18 coins have been preserved in the collection of NAIM-BAS, Sofia.

In addition to the reports in the annual bulletins and published coin finds composed of rough Thasos imitations, the collection of NAIM-BAS contains several without data on the location. These are 4 parts of similar finds made up of rough barbarian coins from the same type found in Bulgaria:

Group 1. There are 8 tetradrachms preserved in the collection of NAIM-BAS Sofia — Thasos imitations, under inventory Nos. VI, 1—8. Coins not published;

Group 2. In the collection of NAIM-BAS Sofia, 4 tetradrachms — Thasos imitations, under inventory numbers 2007—2010, have been preserved. Coins not published;

Group 3. 3 tetradrachms — Thasos imitations under inventory numbers 8232—8234 are preserved in the collection of NAIM-BAS Sofia. Coins not published;

Group 4. In the collection of NAIM-BAS Sofia, 5 tetradrachms — Thasos imitations, under inventory No. 9989—9993, are preserved. Coins not published.

Coin hoards from South-Eastern Bulgaria are the main group concentrated in a relatively small area. Apart from them, there is information about 3 more of this type from Central Northern Bulgaria. Of these, 2 hoards are scattered and have not been seen and published: Byala Slatina, Vratsa region (ICHB I 2017: 180; Prokopov 2006: 59; 2016: 269, No. 51). 35 tetradrachms are known — Thasos imitations (Gerasimov 1943: 282); Staro selo (formerly Sayevo), Lovech region (ICHB I 2017: 313; Prokopov 2006: 270; 2016: 335, No. 371) The coins were found during plowing, near the village, in a ceramic vessel. The find consisted of silver coins — 36 pieces. Tetradrachms Thasos imitations. Only one coin hoard has been preserved. It is kept in the collection of NAIM-BAS Sofia. He is from the village of Mindya, Veliko Tarnovo region, inv. nos. 10837—10839. Not published. It will be included by I. Prokopov in the corpus of Tassoian imitations and barbarization.

In our previous publication (Prokopov, Slavova 2018: 7—16) we identified the coins from the find in the village of Sarnitsa as the "Second" and "Third" group of Tasos imitations (Prokopov 2011: 337—344). This definition is unfortunately not accurate. The long-standing dispute over which Thasos coins are imitations is about to be settled. It is very important to justify with a solid argumentation how to divide the imitations themselves into groups. At this stage, there are two main options. The division into 2 groups: imitations and imitations-rough barbarizations. In the process of solving this scientific problem, we will call the coins from the hoard from the village of Sarnitsa — rough Thasos barbarization. With them, the engravers have lost the connection with the original coin issues used for a prototype. For their model, they used other rough imitations.

The authors of this article have already published another, very important coin find — from the Dolno Botevo village, Haskovo region (Prokopov, Slavova 2016: 815—825). It is mixed, and the dating of the Thasos imitations is made possible by a Roman republican denarius present in it. The find was hidden in the period after 50 and before 29 BCE. This result provides guidelines for the time of circulation and concealment of this type of coin hoards in the period around the middle to the end of the 1st century BCE.

The corpus on tetradrachms — imitations of Thasos is in the process of completion and allows some conclusions to be drawn. They are based on a comparison of coin dies and allow us to trace the distribution of this coin type. Another important observation is the presence of identic coins from other hoards.

Catalogue

1. AR Tetradrachm, 31.3/32.7 mm; 13.84 g; 12 h; Inv. No. H-2/11. There is only one coin match — from an auction sale (Gorny & Mosch, 2015: 1022) (Fig. 1: 1).

2. AR Tetradrachm, 33,5/32,7 mm; 16,72 g; 12 h; Inv. No. H-2/12. There is a match with some single finds and with 3 coins from different collections (Lukanc 1996: 1297, 1480) (Fig. 1: 2).

3. AR Tetradrachm, 33,3/33,8 mm; 16,29 g; 7 h; Inv. No. H-2/9. There are no matches (Fig. 1: 3).

4. AR Tetradrachm, 34,6/33,5 mm; 15,21 g; 10 h; Inv. No. H-2/8. There is a match with only one coin from the Budapest collection (Lukanc 1996: 1885) (Fig. 1: 4).

5. AR Tetradrachm, 35,3/32,9 mm; 15,56 g; 9 h; Inv. No. H-2/4. There is a complete parallel: one is from the hoard from the Bolarino village, Plovdiv (Callataÿ, Prokopov 1995: 5-12). It was inventoried under H-2281 in the collection of RAM-Plovdiv; one coin is from an auction sale (Fig. 1: 5).

6. AR Tetradrachm, 33,2/32,3 mm; 16,24 g; 12 h; Inv. No. H-2/3. This and the two coins numbered 7 and 8 were struck from the same pair of dies. They have a complete parallel with one coin from the coin hoard from the village of Stroyno, Yambolsko (Prokopov 2015: 212—224), and one from the NAIM-BAS collection, listed under No. 10540 (Fig. 1: 6; X-ray FA Table 1).

7. AR Tetradrachm, 35,0/33,7 mm; 16,98 g; 12 h; Inv. No. H-2/6 (Fig. 1: 7).

8. AR Tetradrachm, 33,5/32,0 mm; 16,59 g; 12 h; Inv. No. H-2/10 (Fig. 1: 8; X-ray FA Table 2).

9. AR Tetradrachm, 28,5/28,1 mm; 15,57 g; 12 h; Inv. No. H-2/2. There are 7 matches: one coin from the NAIM-BAS collection, filed under No. 9992; two coins from Budapest (Lukanc 1996: 1755—1756); one from Leiden (Lukanc 1996: 1758); one from Zurich (Lukanc 1996: 1759) and two from an auction (Fig. 1: 9).

10. AR Tetradrachm, 32,6/32,8 mm; 16,08 g; 1 h; Inv. No. H-2/7. There are no matches. (Fig. 1: 10).

11. AR Tetradrachm, 32,9/31,2 mm; 16,59 g; 12 h; Inv. No. H-2/5. There are no matches (Fig. 1: 11).

12. AR Tetradrachm, 32,2/33,1 mm; 16,99 g; 1 h; Inv. No. H-2/1. This is the only coin where the obverse has the head of Dionysus facing left. This type is much less common. For this coin, so far, no direct parallel has been recorded either (Fig. 1: 12).

The most important conclusion from comparing the coin stamps is the coincidence with coins from the treasures from the village of Bolarino, Plovdiv, and the Stroyno village, Yambol. These two treasures are published and dated. However, they are not homogeneous, like the one from the Sarnitsa village. Their composition suggests that they are earlier than the commentary hoard. The coins dated the latest in Bolarino and Stroino are the earliest in Sarnitsa.

In addition to the two coins that create a connection with other similar treasures from today's South Bulgaria, there are also several much cruder imitations, which are characteristic of the middle of the 1st century BCE. The absence of the coin types characteristic of the earlier period in South-Eastern Bulgaria — tetradrachms of Thasos, Maroneia, and Athena "New Style" places the treasure from Sarnitsa after 72 BCE. This is the time of Lucullus' campaign in Thrace, accompanied by the cessation of several coinages. On the other hand, there is no republican denarius in its composition, which places it before 42 BCE, when the battle of Philippi took place. During this battle bounties were paid in republican denarii to the Thracian allies of both sides of the conflict. Until then, the spread of Roman republican denarii was weak in this part of Thrace (Paunov, Prokopov 2013: 107—130). The process of entry of the Roman republican denarius into Thrace was accelerated especially after the battle of Actium in 31 BCE. The events and facts on this topic have been clarified based on the collective findings and the results of archaeological research (Filipova et al. 2011: 44—53).

Thus, the small treasure is characteristic of local communities using the imitations. The most saturated area with them is in Southeast Thrace. East from the Maritza River to the Black Sea coast and south to the Tekirdag region of Turkey. All in all, this could be defined as a small family treasure.

Table 1. **X-ray fluorescence analysis**

Obverse		**Reverse**	
Ag	98.34 0.03	**Ag**	97.89 0.03
Cu	0.98 0.03	**Cu**	0.98 0.02
Au	0.36 0.02	**Pb**	0.65 0.01
Pb	0.31 0.01	**Au**	0.40 0.01
		Ga	0.08 0.01

Table 2. **X-ray fluorescence analysis**

Obverse		**Reverse**	
Ag	98.70 0.02	**Ag**	98.32 0.03
Cu	0.76 0.02	**Cu**	0.99 0.02
Au	0.37 0.01	**Au**	0.39 0.01
Pb	0.166 0.007	**Pb**	0.30 0.01

References

Aladzhov, D.V. 1970. Malka kolektivna nakhodka ot "varvarski imitatsii" na tasoski tetradrakhmi (A small collective find of "barbaric imitations" of Thasos tetradrachms). *Numizmatika* (*Numismatics*) II.3, 16—19 (in Bulgarian).

Aladzhov, D.V. 1997. *Selishta, pametnitsi, nakhodki ot Khaskovskiya kraĭ* (*Settlements, monuments, finds from the Haskovo region*). Haskovo: Atar-95 Ltd., 260—264 (in Bulgarian).

Callataÿ, F., Prokopov, I. 1995. The Boljarino Hoard (IGCH 975 — near Plovdiv). *Revue belge de numismatique et de sigillographie* 141, 5—12.

CCCHBulg. III 2011: Prokopov, I. (ed.). *Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria*. Vol. III. *The Nismatic Collection of the Regional Historical museum at Smolyan (Central Rhodopes). Coins from the 5th century BC to the 6th century AD)*. Sofia: ProVias.

CCCHBulg. VII 2017: Prokopov, I. (ed.). *Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria*. Vol. VII. *Numismatic Collection of the museum at Haskovo. Coins and coin hoards from VI to I century BC*. Sofia; Haskovo: ProVias.

Filipova, S.S., Paunov, E.I, Prokopov, I.S. 2011. Moneti i monetni nakhodki ot prouchvaneto na "Karakochovata mogila" i na "Chitashkata mogila" v s. Bratya Daskalovi, Starozagorska oblast (Coins and coin finds from the study of the "Karakochova mogila" and the "Chitashka mogila" in the village of Bratya Daskalovi, Starozagorsk region). In: Tonkova, M. (ed.). *Trako-rimski dinastichen tsentŭr v raĭona na Chirpanskite vŭzvisheniya* (*Thraco-Roman dynastic center in the area of the Chirpan Heights*). Sofia: Municipality Bratya Daskalovi Publishing, 44—53.

Gerasimov, T.D. 1943. Kolektivni nakhodki na moneti prez 1940 g. (Collective Finds of Coins in 1940). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XII, 450—457 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1946. Kolektivni nakhodki na moneti prez poslednite godini (Collective finds of coins in recent years). *Izvestiya na Balgarskiya Arheologicheski institut (Bulletin of the Bulgarian Institute of Archaeology)* XV, 235—234 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1952. Kolektivni nakhodki na moneti prez poslednite godini (Collective finds of coins in recent years). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XVIII, 400—404 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1959. Kolektivni nahodki ot moneti prez 1956 i 1957 g. (Collective Finds of Coins in 1956 and 1957). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XXII, 356—366 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1962. Monetni sakrovishta, namereni v Balgariya prez 1958 i 1959 g. (Coin treasures found in Bulgaria in 1958 and 1959). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XXV, 225—237 (in Bulgarian).

Gerasimov, T. D. 1963. Monetni sakrovishta, namereni v Balgariya prez 1960 i 1961 g. (Coin treasures found in Bulgaria in 1960 and 1961). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XXVI, 257—270 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1964. Monetni sakrovishta, namereni v Balgariya prez 1962 i 1963 g. (Coin treasures found in Bulgaria in 1960 and 1961). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XXVII, 237—248 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1967. Monetni sakrovishta, namereni v Balgariya prez 1966 g. (Coin treasures found in Bulgaria in 1966). *Izvestiya na Arheologicheskiya institut (Bulletin of the Archaeological Institute)* XXX, 187—192 (in Bulgarian).

Gerasimov, T.D. 1979. Trésors monétaires trouvés en Bulgarie au cours de 1968, 1969 et 1970. *Bulletin de l'Institut Archéologique* XXXV, 134—141.

Gorny & Mosch 2015. Auction 229, 10 March 2015, Lot 1022, München.

ICHB I: Teodossiev, N.M. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nakhodki ot Bulgariya (An Inventory of Coin Hoards from Bulgaria)*. Vol. I. *Ot domonetnata epokha do 498 g. sl. Khr. (From the Pre-Coin Era to 498 CE)*. Sofia: Teodossiev, N.M (ed.) (in Bulgarian).

IGCH 1973 Thompson, M., Mørkholm, O., Craay, C.M. (eds). *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York: The American Numismatic Society.

Lukanc I. 1996. *Les Imitations des monnaies d'Alexandre le Grand et de Thasos*. Vol. 1. Wetteren: Cultura.

Mushmov, N. A. 1919. Kolektivni nahodki na moneti (Collective Finds of Coins). *Izvestiya na Balgarskoto Arheologichesko Drujestvo 1916—18* (*Announcements of the Bulgarian Archaeological Society 1916—18*) VI, 161—164 (in Bulgarian).

Prokopov, I.S. 1985. Za razprostranenieto na srebŭrnite tetradrakhmi s imeto na kvestora Ezilas v yugozapadnite bŭlgarski zemi i tyakhnoto datirane (On the distribution of the silver tetradrachms with the name of the quaestor Ezilas in the southwestern Bulgarian lands and their dating). *Numizmatika* (*Numismatics*) IX.1, 3—11 (in Bulgarian).

Prokopov, I.S. 1991. *Numizmatichna kolektsiya na Smolyanskiya muzeĭ V v. pr. Khr. — VI v.* (*Numismatic collection of the Smolyan Museum 5th century BCE — 6th century*). Sofia: SIDA (in Bulgarian).

Prokopov, I.S. 2006. *Die Silberprägung der Insel Thasos und die Tetradrachmen des "Thasischen Typs" von 2-1. Jh. v. Chr.*, Berlin: Akademie Verlag (Grieschisches Münzwerk).

Prokopov, I.S. 2011. The Imitations of Late Thasian Tetradrachms: Chronology, Classification and Dating. — In: Holmes N. (ed.). *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress*, *Glasgow*, *31 August — 4 September 2009*. London: Spink's, 337—344, pls. 1—5.

Prokopov, I.S. 2015. Monetno sŭkrovishte ot s. Stroĭno, Yambolsko i monetnata tsirkulatsiya v yugoiztochna Trakiya prez ÍÍ-Í v. pr. Khr. (A coin hoard from the village of Stroyno, Yambolsko and the coin circulation in southeastern Thrace in the 2nd — 1st centuries BCE). In: *Maritsa-Iztok. Arkheologicheski prouchvaniya* (*Maritsa-Iztok. Archaeological Studies*) 7, 212—224 (in Bulgarian).

Prokopov, I.S. 2016. *Parichni masivi v Trakia prez II—I v.pr. Hr. Kam istoriata na osnovnite srebarni monetosechenia* (*Money Supply in Thrace in the 2nd — 1st century BCE. To the History of the main Silver Coinage*). Sofia: ProVias; Sdruzhenie "Bulgarska muzeina kamara" (CCCHBulg.M 1) (in Bulgarian).

Prokopov, I.S., Minkova, M.P. 1998. Die Münzen des 2-1 Jhs. v. Chr. in der Sammlung des Historischen Museum von Stara Zagora. In: Peter U. (ed.). *Stephanos nomismatikos: Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag*. Berlin: Akademie Verlag (Grieschisches Münzwerk) 565—579.

Prokopov, I. S., Slavova, M. A. 2016. Monetnoto sakrovishte ot s. Dolno Botevo, Haskovska oblast — novi danni kam datirane na kasnite tasoski imitatsii (The coin hoard from the village of Dolno Botevo, Haskovo region — new data on the dating of late Thasos imitations). In: Borisov, B (ed.) *VTU "Sv. Sv. Kiril i Metodiĭ" i bŭlgarskata arkheologiya. Prof. d-r B. Borisov — uchenitsi i priyateli.* (*VTU "St. St. Cyril and Methodius" and Bulgarian archaeology. Prof. Dr. B. Borisov — students and friends.*) Vol. II. Veliko Tarnovo: IVIS, 815—825.

Prokopov, I.S., Slavova, M.A. 2018 Monetnoto sakrovishte ot selo Sarnitsa, Haskovska oblast — shtrih kam izyasnyavane na proizhoda na tasoskite imitatsii (The coin treasure from the village of Sarnitsa, Haskovo region — a step towards clarifying the origin of the Tasian imitations). In: Petrova, A., Bakalov, N. (ed.) *Collection of reports from the scientific conference "Museum Chronicles — 90 years of organized museum work in the city of Haskovo", November 16-17, 2017*. Haskovo: Regional History Museum Haskovo Publishing, 7—16.

Fig. 1. The coin hoard from the Sarnitsa Village, Haskovo region.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.61.25.034

Vedat Keleş, Fatma Kızılyalçın Oyarçin

ROMAN PROVINCIAL COINS FOUND IN THE EXCAVATIONS OF THE SLOPE BATH OF PARION (2008—2018)*

This article focuses on the Roman provincial coins found during the excavations of the Parion Slope Bath between 2008 and 2018. A total of 58 coins were discovered, which belonged to Parion (41), Alexandria Troas (7), Coela (6), Lampsakos (2), Byzantion (1), and Ilion (1). The earliest of the coins dates to the reign of Julius Caesar (45 BCE), and the latest to the reign of Gallienus (253—268 CE). Seven of the coins are Pseudo-Autonomous. The coins found in the excavations of the Slope Bath represent three centuries, from the first Roman colonial coins minted by Parion during the reign of Julius Caesar to the end of the Gallienian period, when Parion minted its last colonial coins. The coins consist of examples of six different cities and 19 different emperors/empresses. Most of the coins are from Parion's own mint, with 41 samples (71%). Furthermore, the coins recovered from the Slope Bath, which was built in the 1st century CE, underwent extensive renovation in the 4th century CE and is assumed to have fallen into disuse in the late 5th century CE, support the suggestions for the construction and early use phases of the bath. The coins in question also provide essential information about both the usage phases of the building and the circulation of Roman provincial coins in Parion, as well as the relations of Parion with the surrounding cities during the Roman Period.

Key words: Parion, slope bath, coin, province of Rome.

About the authors: Keleş Vedat[1], Doctor of Archaeology, Professor, Ondokuz Mayıs University, Department of Archaeology; Kızılyalçın Oyarçin Fatma[2], Doctor of Archeology, Atatürk University, Graduate School of Social Sciences, Department of Classical Archaeology.

Contact information: [1]55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, e-mail: vedat.keles@omu.edu.tr; [2]25240, Turkey, Erzurum, Atatürk University, e-mail: fatmakizilyalcin@gmail.com.

Ведат Келеш, Фатма Кызылялчин Оярчин

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ ПРИ РАСКОПКАХ БАНИ НА СКЛОНЕ ПАРИОНА (2008—2018)

В этой статье рассматриваются римские провинциальные монеты, найденные при раскопках бани на склоне Париона в период с 2008 по 2018 г. Всего было обнаружено 58 монет, принадлежавших Парион (41), Александрии Троаде (7), Коэле (6), Лампсаку (2), Византию (1) и Илиону (1). Самая ранняя из монет датируется правлением Юлия Цезаря (45 г. до н.э.), а самая поздняя — правлением Галлиена (253—268 гг. н.э.). Семь монет являются псевдоавтономными. Монеты, найденные при раскопках бани на склоне, представляют три столетия, от первых римских колониальных монет, отчеканенных Парионом во время правления Юлия Цезаря, до конца периода Галлиена, когда Парион чеканил свои последние колониальные монеты. Монеты состоят из образцов шести разных городов и 19 разных императоров/императриц. Большинство монет из собственного монетного двора Париона, 41 образец (71%). Кроме того, монеты, извлеченные из Склоновой бани, которая была построена в I в. н.э., подверглась масштабной реконструкции в IV в. н.э. и, как предполагается, вышла из употребления в конце V века н.э., подтверждают предположения о строительстве и ранних этапах использования бани. Рассматриваемые монеты также предоставляют важную информацию как о фазах использования здания, так и о обращении римских провинциальных монет в Парионе, а также об отношениях Париона с окружающими городами в римский период.

Ключевые слова: Парион, баня на склоне, монета, римская провинция.

* Статья поступила в номер 25 июня 2024 г.
Принята к печати 5 июля 2024 г.

© Vedat Keleş, Fatma Kızılyalçın Oyarçin, 2024.

Сведения об авторах: Ведат Келеш[1], доктор археологии, профессор, Университет Ондокуз Майыс, факультет археологии; Кизильялчин Оярчин Фатьма[2], доктор археологии, Университет Ататюрка, Высшая школа социальных наук, кафедра классической археологии.

Контактная информация: [1]55200, Турция, г. Самсун, Университет Ондокуз Майыс, e-mail: vedat.keles@omu.edu.tr; [2]25240, Турция, г. Эрзерум, Университет Ататюрка, e-mail: fatmakizilyalcin@gmail.com.

Introduction

The ruins of the city of Parion, located in the village of Kemer in the northern Troad Region, within the borders of the Biga district of Çanakkale province, are concentrated on the Bodrum Cape, which extends like a tongue towards the sea to the northeast of the village, and along the coasts (Fig. 1; Başaran 1999: 349; 2001: 19; 2006: 185; 2008: 133; 2012: 297; Keleş, Çelikbaş 2014: 75—84; Filges 2015: 38; Çelikbaş 2016: 6; Oyarçin 2017: 36; Keleş, Oyarçin 2019a: 337; 2019b: 191; 2022: 1). Parion, which was continuously inhabited from the 8th century BCE to the 14th century CE, was founded as a Greek colony in 709 BCE (Keleş, Oyarçin 2022: 2). The historical process of Parion shows that the city reached its peak strength and was most influenced by environmental factors since its foundation during the Roman Period (Başaran 2008: 133—137; Keleş 2019: 819; 2020: 523). The Romans recognized the strategic importance of the Hellespontus Region at the end of the Republican Period. The Roman administration took advantage of this and transformed Parion into a Roman colony as part of their colonial planning. This was done to Romanize the region more effectively and to use Parion as a military base, thus increasing their influence in the area (Özsait 1999: 123—132; Sayar 2015: 163—166; Oyarçin 2017: 43; Keleş, Oyarçin 2022: 5). Parion was first granted colony status in 45 BCE during the reign of Julius Caesar.

Fig. 1. Parion City Aerial Photograph (Parion excavations archive).

The C G I P legend, *Colonia Gemella/Gemina Iulia Pariana*, found on Parion coins from this period, evinces this transformation and indicates that the city's former name, *Parion*, used for about seven centuries, was changed to *Colonia Gemella/Gemina Iulia Pariana* (SNG France 5, Mysie, no. 1415—1418; RPC I 2259; SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 7, no. 89—95). After Parion was granted colony status, Roman settlers were settled in the city, and the Romanisation process — described as the assimilation of various peoples across a vast region through deliberate policies of the Roman Empire—began to be implemented within the city. This not only improved Parion's military and economic status but made it one of the most respected cities representing Rome in the Propontis. After Parion became a Roman colony, architectural activities in the city accelerated, leading to the construction of various public buildings, such as the Theatre, Odeion, Agora, and Roman Baths, including the Slope Bath, which constitutes the subject of this study.

Roman Provincial Coins Found in Parion Excavations

The scientific archaeological excavations in Parion between 2005 and 2020 revealed 4757 coins as surface finds in 18 different areas and parts of the city, most of which belong to the Late Roman Period (Oyarçin 2020: 619—628). 355 Roman provincial coins were unearthed, representing 7% of the total number of coins discovered (Kızılyalçın Oyarçin 2023: 45, 116). While 273 of the Roman provincial coins, which include examples from 17 different cities, were struck by Parion itself, the second mint with the highest representation rate is Alexandria Troas, with 39 coins (Fig. 2). The graph showing the distribution of Roman provincial coins reveals that 77% are from Parion. Of the remaining 23%, 11% are from Alexandria Troas, 3% from Coela, 4% from other Roman colonial cities besides Parion and Alexandria Troas, and 5% from neighbouring cities near Parion. Additionally, reflecting Parion's status as a Roman colony, 92% of the Roman provincial coins are Roman colonization coins.

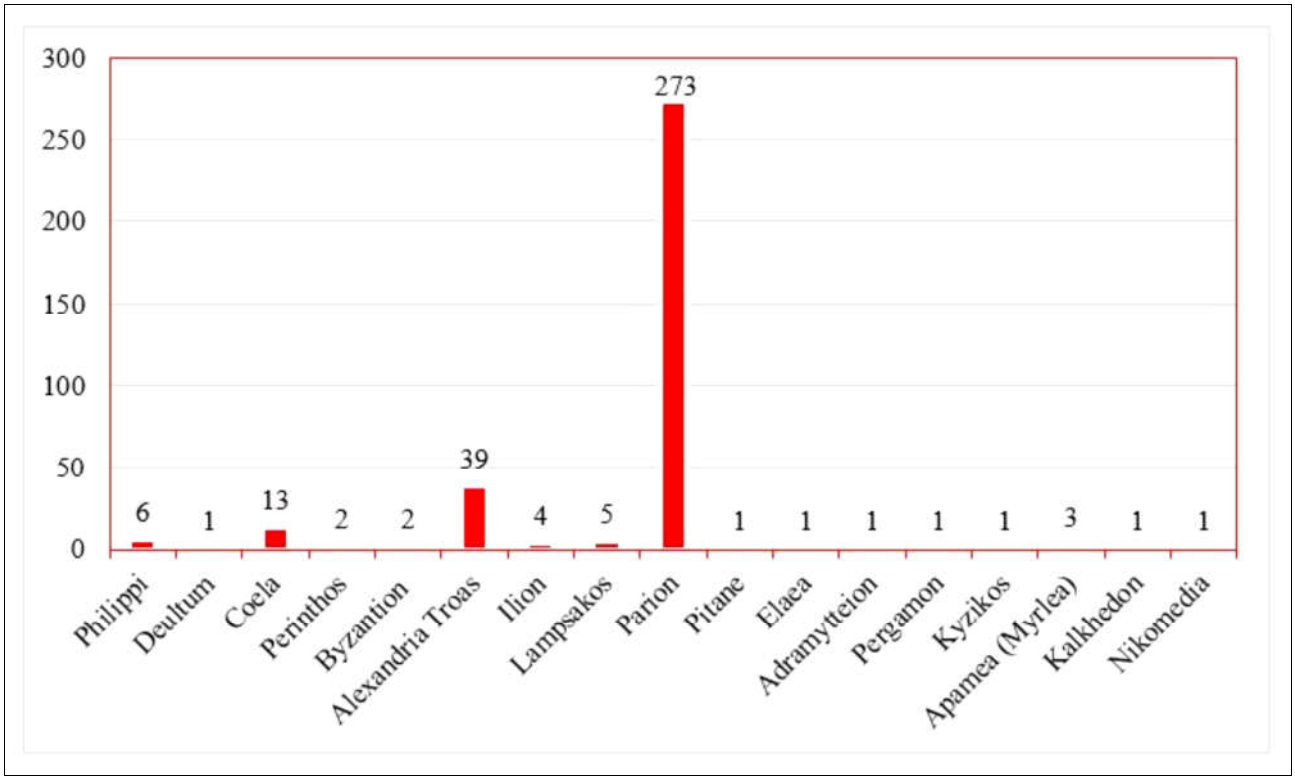


Fig. 2. The Numerical Distribution of Roman Provincial Coins Found in Parion Excavations According to Mints.

Parion excavations unearthed 355 Roman provincial coins recovered from 18 different buildings and surface finds from other parts of the city (Fig. 3). In terms of findspots, the highest number of coins was recovered from the South (Tavşandere) Necropolis with 61 samples (17%), followed by significant public buildings located in the centre of the city: the Slope Bath (58 coins, 16%), the Theatre (57 coins, 16%), the Roman Bath (46 coins, 13%), the Odeion (33 coins, 9%), the Acropolis/Sondage 11 (29 coins, 8%), and the Agora (16 coins, 5%).

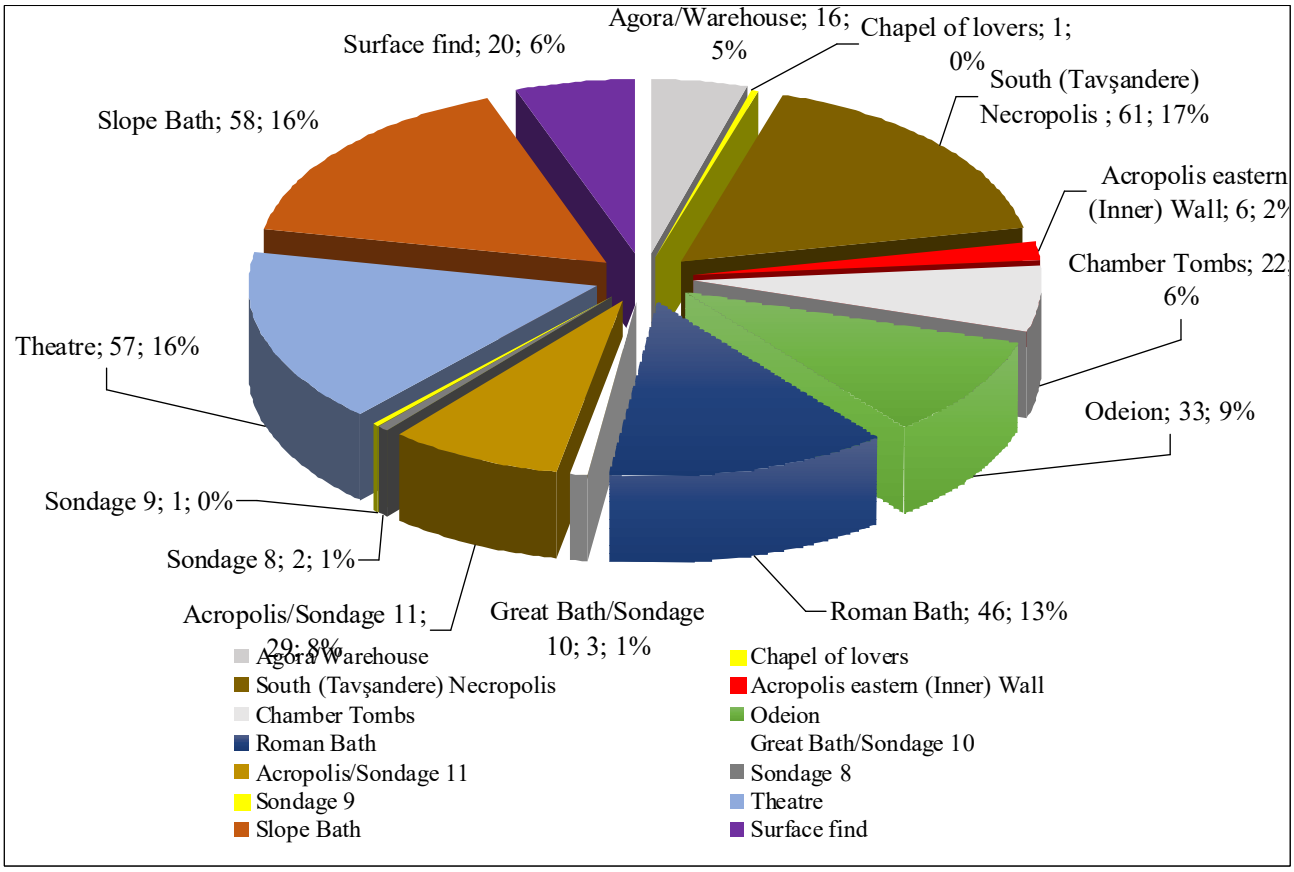


Fig. 3. Numerical and Percentage Distribution of Roman Provincial Coins from Parion by Find Locations.

Parion Slope Bath Excavations

The first excavations at the Slope Bath, located on the western slope of the hill 300 m east of Parion Acropolis, Roman Theatre, and Roman Bath, started in 2008 (Çelikbaş 2013: 67). Most of the excavations at the Slope Bath have been completed to date, and the building extends over an area of 793.2 m² (Fig. 4). Six main rooms were identified in the Slope Bath: apodyterium, frigidarium, tepidarium, laconicum, caldarium, latrina, and praefurnium, all of which were destroyed (Yılmaz 2022: 134). The location of the Parion Slope Bath and its unique features, such as the laconicum and its boutique architecture compared to other public baths, indicate that this place was intended for a high-level class (Yılmaz 2022: 125—152).

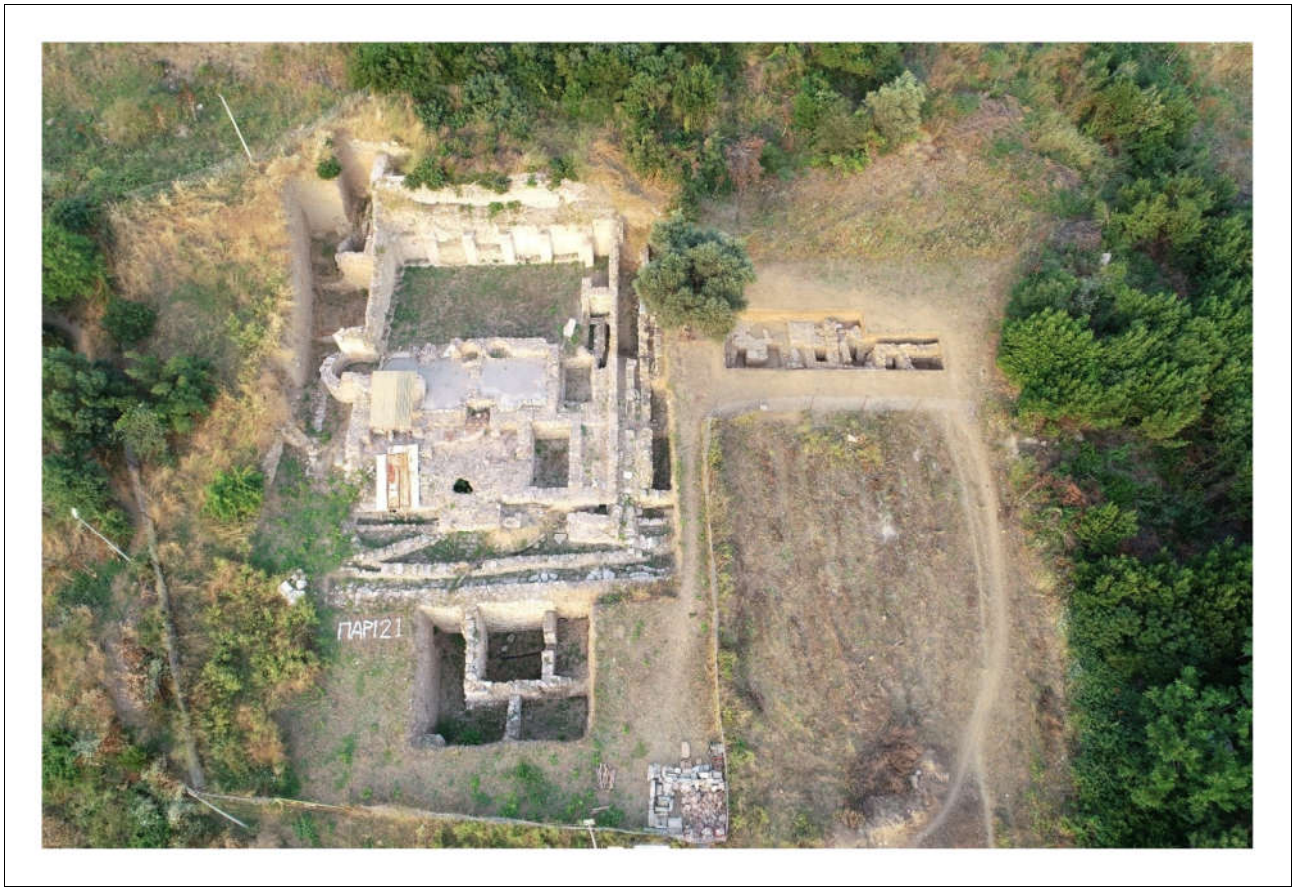


Fig. 4. Parion Slope Bath (Parion excavations archive).

The materials examined in connection with the archaeological layers indicate that the building was first used in the 1st century CE. Data obtained from the excavations of the Slope Bath suggest that the early phases of the building were significantly altered due to intensive use in the 4th century CE. By the end of the 5th century CE, the building began to lose its primary function and was repurposed for storage (Keleş et al. 2018: 276—277). The Slope Bath, used for a long time, underwent repairs and changes during various periods. Consequently, many of the remains preserved today belong to the later construction and repair phases (Çelikbaş, Oyarçin 2014: 70). The archaeological data obtained from the excavations of the Slope Bath indicate that it is a unique example of Roman Anatolian bath architecture. Due to its Hellenistic and Italic elements, the Slope Bath is interpreted as a blend of Hellenistic Greek and Italic baths originating in Pompeii (Yılmaz 2022: 151). The figurines depicting Roman Legion eagles and Legionary soldiers symbolizing the Roman Empire found in the Slope Bath are pretty remarkable and suggest that the structure was a Legion Bath specially designed for Veteran soldiers coming to Parion from Rome (Kasapoğlu 2015: 281).

Roman Provincial Coins Found in the Excavations of Parion Slope Bath

A total of 1374 coins were found in the Slope Bath of Parion during the excavations between 2008 and 2020. It was possible to identify the period of 947 of the coins found in the building, which yielded the highest number of coins in Parion. In contrast, 427 could not be dated precisely due to their very low condition or corrosion (Fig. 5). However, although it is not possible to determine which emperor the coins belong to due to their low metal quality and the fact that most of them were found in the sewage drains of the bath, the metrological characteristics of the coins suggest that most of them are Late Roman coins from the second half of the 5th century CE, typically under 10 mm in diameter and weighing around 1.00 g.

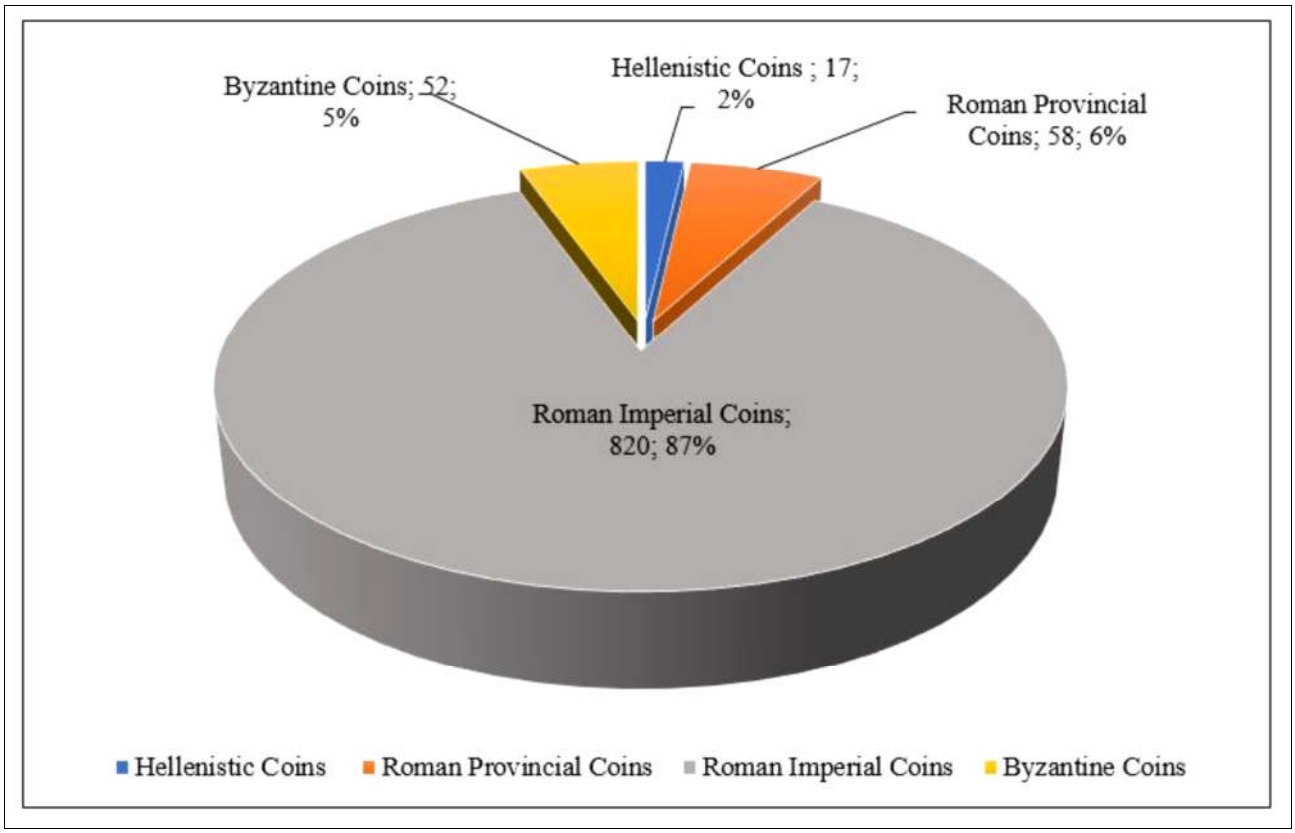


Fig. 5. Numerical and Percentage Distribution of the Coins Found in the Parion Slope Bath according to Periods.

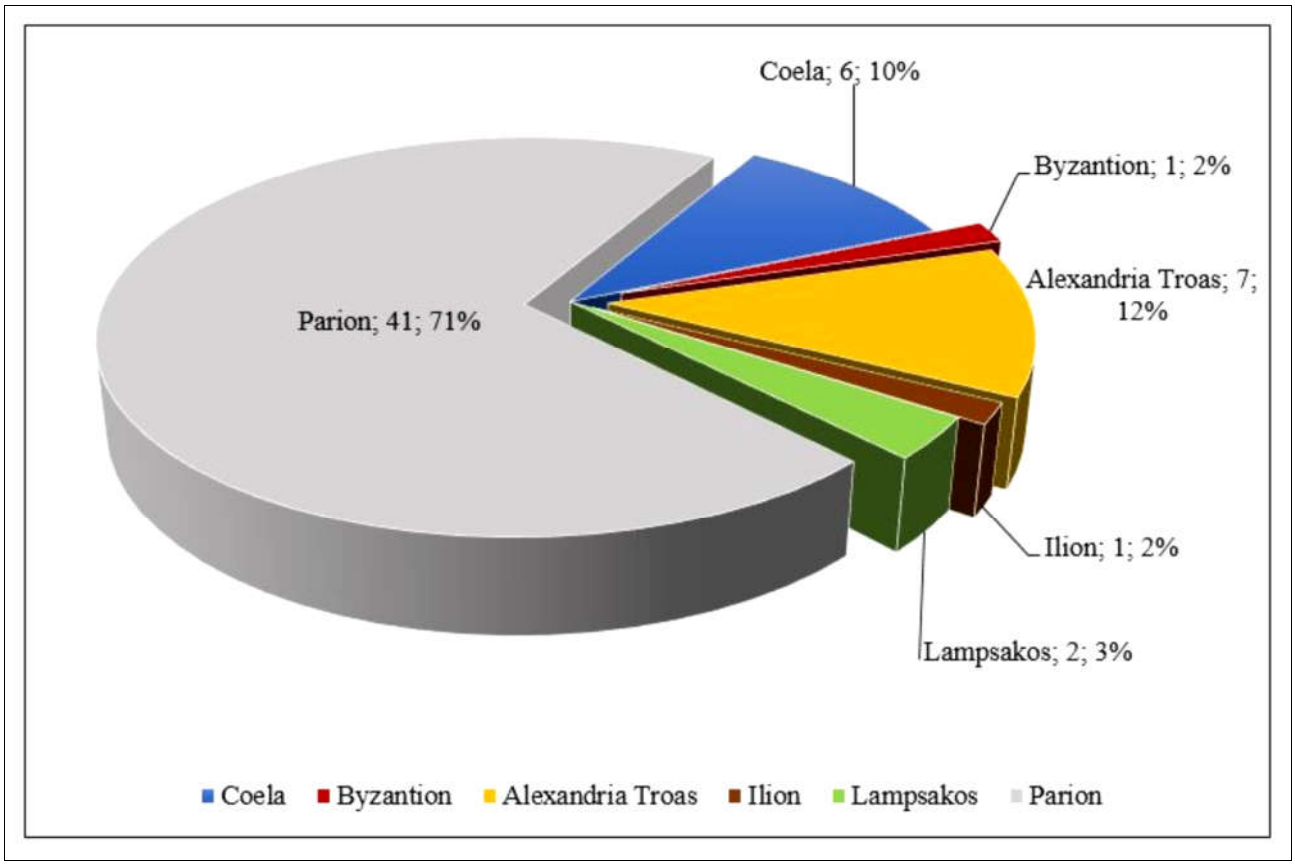


Fig. 6. Distribution of Roman provincial coins found at the Parion Slope Bath according to their places of mints.

Considering that most of the 820 Roman Imperial coins found in the Slope Bath consist of Late Roman coins, it can be inferred that the majority of the coins found in the Slope Bath date to the second half of the 5th century CE when the building was destroyed and went out of use (Keleş et al. 2018: 269—304; Oyarçin 2020: 619—628). 58 (6%) of the coins found in the Slope Bath are Roman provincial coins. The overall distribution of the coins recovered from the building is as follows: 87% (820 coins) belong to the Roman Empire, 5% (52 coins) to the Byzantine Period, and 2% (17 coins) to the Hellenistic Period (Fig. 6).

The distribution of Parion coins per emperors/empresses is as follows: Six coins belong to Caracalla (198—217 CE), five coins to Gallienus (253—268 CE), three coins each minted during the reigns of Valerian I (253—260 CE), Valerian II (256—258 CE) and Valerian I — Gallienus (253—260 CE), two coins each belong to Julius Caesar (45 BCE), Claudius I (41—54 CE), Trajan (98—117 CE) and Hadrian (117—138 CE). One each belong to Augustus (27 BCE — 14 CE), Antoninus Pius (138—161 CE), Marcus Aurelius (161—180 CE), Commodus (177—192 CE), Plautilla (212 CE), Diadumenianus (218 CE), Severus Alexander (222—235 CE), Philippus I (244—249 CE), Aemilianus (253 CE), and Cornelia Supera (253 CE).

The emperor of the three coins minted in Parion found during the excavations at the Slope Bath cannot be identified due to their poor condition. Notably, a coin from the 2011 excavations belonging to the reign of Valerian I holds significant importance as it is one of the unpublished coin types of the city. The obverse of this coin features the emperor's radiate, draped, and cuirassed bust facing to the right, accompanied by the [IMP] VALERIANVS P F AVG legend. The reverse of the coin is marked by the C G I - H P legend and depicts Genius standing to the left, holding a cornucopia in his left hand and Victoria in his right, making an offering to a flaming altar in the lower left (Cat. No. 47/AOG 32).

The poor condition of the obverse of two of the seven coins found during the excavations of the Slope Bath of Alexandria Troas made it impossible to determine which emperor they belonged to. Of the remaining five coins, three belong to Gallienus (253—268 CE), one was minted in the name of Valerian I (253—260 CE), and one is a pseudo-autonomous coin dated to the mid-3rd century CE, featuring Tyche's head on the obverse. Coela has six coins, three of which belong to the reign of Caracalla (198—217 CE), while the remaining three cannot be identified due to the poor condition of their obverse. Lampsakos minted two coins, one dating to the reign of Julius Caesar (45 BCE) and one to the reign of Gallienus (253—268 CE). Regarding the coins from the other two cities, the coin from Ilion belongs to the reign of Geta (209—212 CE), while the coin from Byzantion is a pseudo-autonomous coin with a bust of Artemis on the obverse, dated to the mid-2nd century CE.

Conclusion

Parion was inhabited for an extended period due to its strategic and geopolitical position, fertile lands, fishing opportunities, and the significance of the Parion harbour as a trading station until the mid-14th century CE (Rose et al. 2007: 90). The uninterrupted use of the Parion harbour as a trading station for centuries indicates that the city was an active, wealthy, and thriving trading centre. Parion was one of the most respected cities in the region, enjoying many privileges from Rome, thanks to its geopolitical and geostrategic significance and its colony status during the Roman Period. The construction of three baths in close proximity within the city following its designation as a Roman colony suggests the wealth and luxury of Parion. The location of these bath near the harbours indicates that some may have been built for guests arriving for trade, underscoring the ancient city's importance in maritime commerce (Çelikbaş, Oyarçin 2014: 70—71; Yılmaz 2022: 125—194).

The excavations at Parion's Slope Bath, built in the Italic style serving the city's elite and guests coming for trade, yielded 58 Roman State coins. Therefore, according to their findspot, the distribution of the Roman provincial coins found in the excavations in Parion reveals that the Slope Bath is among the buildings that yielded the highest number of coins, with a representation rate of 16%. Furthermore, the distribution of the Roman provincial coins recovered from the Parion Slope

Bath per the emperors/empresses shows that the representation rate of the early period coins is higher in this structure thanks to its construction in the 1st century CE compared to the buildings built in the 2nd century CE.

Another critical point is that the coins in the Slope Bath, which were addressed to the city's higher-level people, include examples of 19 different emperors/empresses and six different cities. Seventy-one percent of the Roman provincial coins found during the excavations at the Slope Bath are Parion's mints. Of the remaining 29%, 12% belong to Alexandria Troas, 10% to Coela, 2% to Ilion and Byzantion, and 3% to Lampsakos. Because Parion was a Roman colony, 41 of the Roman provincial coins found during the excavations are Roman colonization coins. The Roman provincial coins belonging to foreign cities consist of coins from five neighbouring cities quite close to and easily accessible from Parion: two are located at a distance of 0-100 km from the city, while three are 100—200 km away. These coins were probably brought to Parion by officials, soldiers, or citizens from the cities where the coins were minted.

Regarding the numerical distribution of the coins found in the excavations of Parion Slope Bath according to foreign cities, another remarkable point is the high representation rate of Alexandria Troas and Coela coins. The high representation of Alexandria Troas coins is due to the economic and political importance of the city in the region. The circulation of Alexandria Troas coins in the Troad Region reveals that they were found intensively in various cities such as Ilion and Assos besides Parion. Moreover, the published coin finds from the Troad Region show that the coins minted by the city itself constitute the highest number of samples, while Alexandria Troas is the city represented with the second highest number of examples (Çizmeli Öğün 2014: 175—182). Parion and Alexandria Troas were colonial cities in the Troad Region where Rome was represented, so the high representation of Alexandria Troas coins in Parion is reasonably expected. Coela coins are represented by significantly more coins than other cities, possibly because Coela was a busy harbour and trade city like Parion, located very close to Parion. The Coela and Byzantion coins are also crucial in terms of indicating some relations between Parion and Thracia during the Roman Period.

It is observed that a significant part of the Roman provincial coins found in the excavations of the Parion Slope Bath consists of Parion's mints. It is understood from the fact that the Roman colonization coins of Parion are represented in a considerably higher number and type among the coins dated to the Early Roman Period recovered from the Parion excavations that Parion minted a considerably higher number and type of coins compared to the previous periods with the privileges it gained with the acquisition of Roman colony status. The Roman provincial coins found in the excavations cover an extended period, from the first Roman colonial coins minted during the reign of Julius Caesar to the end of the reign of Gallienus, when the city minted colonial coins for the last time. The uninterrupted representation of approximately three centuries in the excavations indicates that the bath was actively used during this period. The data obtained from the Parion excavations suggest that the Parion Slope Bath, built in the 1st century CE and underwent extensive renovation in the 4th century CE, was out of use by the end of the 5th century CE (Keleş et al. 2018: 277). Therefore, the Roman provincial coins analyzed within the scope of this article support the suggestions regarding the construction and usage phases of the bath. Furthermore, the Roman provincial coins found in the Parion Slope Bath were dropped when the bath was used for its primary function and do not represent any destruction phase in the structure. In conclusion, the Roman provincial coins found during the excavations of the Parion Slope Bath are archaeological finds that provide essential information about both the usage phases of the building and the circulation of Roman provincial coins in Parion and Parion's relations with the surrounding cities during the Roman Period.

Table 7. **Distribution of Roman Provincial Coins from the Parion Slope Bath according to Emperors/Empresses and Mints.**

Mints Emperors/Empresses	**Coela**	**Byz.**	**Alex. Troas**	**Ilion**	**Lamp.**	**Parion**	**Total**
Julius Caesar (45 BCE)					1	2	3
Augustus (27 BCE — 14 CE)						1	1
Claudius I (41—54 CE)						2	2
Trajan (98—117 CE)						2	2
Hadrian (117—138 CE)						2	2
Antoninus Pius (138—161 CE)						1	1
Marcus Aurelius (161—180 CE)						1	1
Commodus (177—192 CE)						1	1
Caracalla (198—217 CE)	3					6	9
Geta (209—212 CE)				1			1
Plautilla (212 CE)						1	1
Diadumenianus (218 CE)						1	1
Severus Alexander (222—235 CE)						1	1
Philippus I (244—249 CE)						1	1
Aemilianus (253 CE)						1	1
Cornelia Supera (253 CE)						1	1
Valerian I (253—260 CE)			1			3	4
Gallienus (253—268 CE)			3		1	5	9
Valerian I-Gallienus (253—260 CE)						3	3
Valerian II (256—258 CE)						3	3
Pseudo-Autonomous (151—200 CE)		1					1
Pseudo-Autonomous (mid-3rd century CE)			1				1
Coins of Uncertain Emperor	3		2			3	8
Total	**6**	**1**	**7**	**1**	**2**	**41**	**58**

CATALOGUE

Coela

Caracalla, 198—217 CE

Obv. [ANTO]NI[NVS AVG]
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, right.
Rev. AEL MVNIC[IP]
Prow of galley, right; above cornucopia. In exergue: CO[EL]
Ref. SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 2, no. 16.

1. AE, 19 mm, 4.15 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOF 008.

Obv. ANTONINVS AVG
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, right.
Rev. AEL MVNICIP
Prow of galley, right; above cornucopia. In exergue: COEL
Ref. SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 2, no. 16.

2. AE, 19 mm, 3.24 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 019.

Obv. ANTONINVS [PI AV]
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, right.
Rev. [AE]L MVNCI[P]
Prow of galley, right; above cornucopia. In exergue: CO[EL]
Ref. SNG Turkey *3*, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 2, no. 15; SNG Cop. Thrace, plt. 17, no. 876.

3. AE, 18 mm, 3.82 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOF 009.

Coins of Uncertain Emperor

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Emperor, right.
Rev. [ ]
Prow of galley, right; above cornucopia.

4. AE, 19 mm, 3.41 g, 2 h, 2012/Slope Bath, Excavation Code Number: ASE 040a.

5. AE, 18 mm, 4.08 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFH 065o.

Rev. [ ]NI CO[ ]
6. AE, 20 mm, 3.17 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFV 028s.

Byzantion

Pseudo-Autonomous, 151—200 CE

Obv. No legend. Draped bust of Artemis, right; to l., quiver; to r., bow.
Rev. [BYZANTIΩN]
Crescent surmounted by star.
Ref. RPC IV.1, 3908, (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 1: 3908); Schönert-Geiß, Byzantion, no. 1908—18.

7. AE, 24 mm, 3.78 g, 12 h, 2018/Slope Bath, Excavation Code Number: BCS 015.

Alexandria Troas

Pseudo-Autonomous, Mid — 3rd century CE

Obv. CO [ALEX TRO]
Draped bust of Tyche, right; behind her, vexillum inscribed AV CO
Rev. COL AVG
Horse grazing, right. In exergue: TROA
Ref. RPC IX, 475.

8. AE, 23 mm, 5.60 g, 6 h, 2015/Slope Bath, Excavation Code Number: CBH 015.

Valerian I, 253—260 CE

Obv. [IMP] C VALERIANVS [AVG]
Radiate head of Valerian I, right.
Rev. COL [AV] TRO
Genius standing left, holding Victory over lighted altar and cornucopia.
Ref. Bellinger Troy, A432, (Variation).

9. AE, 22 mm, 3.95 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 031.

Gallienus, 253—268 CE

Obv. IMP LICIN GALLIENVS
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, right.
Rev. COL AVG
She wolf, right, suckling Twins. In exergue: TRO
Ref. SNG Cop. Troas, plt. 5, no. 200—201.

10. AE, 22 mm, 5.30 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 036.

Obv. IMP LICIN GALLIENVS
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, right.
Rev. COL AVG
Horse grazing, right. In exergue: TRO
Ref. Bellinger Troy, A451; SNG Cop. Troas, plt. 5, no. 204.

11. AE, 21 mm, 4.88 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: APK 001.

Obv. IMP LICIN GALLIENVS
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, right.
Rev. COL AVG
Horse grazing, right. In exergue: TRO
Ref. Bellinger Troy, A451; SNG Cop. Troas, plt. 5, no. 204.

12. AE, 20 mm, 4.61 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMU 001.

Coins of Uncertain Emperor

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Emperor, right.
Rev. COL [AVG TROAD]
Statue of nude Marsyas standing on base, left, raising arm, holding wineskin over shoulder.

13. AE, 24 mm, 5.30 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AGB 041—1.

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Emperor, right.
Rev. [ ]
Horse grazing, right.

14. AE, 21 mm, 5.57 g, 11 h, 2013/Slope Bath, Excavation Code Number: BAU 004.

Ilion

Geta, 209—212 CE (198—209 as Caesar)

Obv. Π CЄΠΤΙ — ΓЄΤΑC ΚΑΙ
Bare-headed bust of Geta wearing cuirass and paludamentum, right.
Rev. CΚΑΜΑΝΔΡΟC
The river-god Skamandros reclining, left; holding reed-stalk, arm resting on urn.
In exergue: ΙΛΙΕΩΝ
Ref. SNG Cop. Troas, plt. 10, no. 427.

15. AE, 23 mm, 9.00 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 033.

Lampsakos

Julius Caesar, 45 BCE

Obv. Laureate head of Julius Caesar, right.
In contrmark, between cornucopia [C G], at bottom right [I L]
Rev. [Q LVCRETIO L PONTIO IIVIR M TVRIO LEG]
Priest ploughing with ox, right.
Ref. RPC I, 2268; SNG France 5, Mysie, no. 1260.

16. AE, 23 mm, 7.89 g, 12 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFH 065f.

Gallienus, 253—268 CE

Obv. ΑVΤ Π ΛΙ ΓΑΛΛΙΗΝΟC
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, right.
Rev. ΛΑ[Ν] – ΨΑΚΗΝΟ
Tyche standing, left; holding rudder and cornucopia.
Ref. Kovacs XII, 179.

17. AE, 22 mm, 3.49 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 017.

Parion

Pseudo-Autonomous, Julius Caesar, 45 BCE

Obv. C G P I
Female head right; wearing stephane.
Rev. Praefericulum, on the left [M]VC PIC; on the right [III]I I D D D
Ref. RPC I, 2253; BMC Mysia, 77—79.

18. AE, 16 mm, 2.84 g, 11 h, 2018/Slope Bath, Excavation Code Number: BVA 019.

Obv. C G I P
Female head right; wearing stephane.
Rev. D D; praefericulum.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1415—1418; RPC I, 2259; SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 7, no. 89—95, (Variation).

19. AE, 17 mm, 4.40 g, 12 h, 2012/Slope Bath, Excavation Code Number: ATT 003.

Pseudo-Autonomous, Valerian I – Gallienus, 253—260 CE

Obv. [PA]RIOC CH
Head of Parius/Paris, r.
Rev. [DEO AIS CO] C G I H P
Asclepius seated, r., holding with right hand right fore-hoof of bull standing, I.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1429—1430.

20. AE, 23 mm, 5.94 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 002.

Obv. [ ]
Head of Parius/Paris, r.
Rev. C [G I H] P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. BMC Mysia, 83, (Variation).

21. AE, 19 mm, 3.18 g, 12 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFH 065ı.

Obv. PARIO CON[DIT]
Head of Parius/Paris, I.
Rev. C G I H P
Genius sacrificing left over altar, holding patera and cornucopia.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1424—1425.

22. AE, 21 mm, 4.60 g, 5 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AGB 048.

Tiberius, 14—37 CE

Obv. [TI AVG]
Bare head of Tiberius, r.
Rev. No legend. Two priests ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1449—1455; RPC I, 1657; SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 11, no. 175—181; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 283; BMC Mysia, 89—91.

23. AE, 18 mm, 3.40 g, 2 h, 2015/Slope Bath, Excavation Code Number: CBM 010.

Claudius I, 41—54 CE

Obv. [TI CLAV AVG]
Bare head of Claudius I, I.
Rev. No legend. Two priests ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 284.

24. AE, 18 mm, 3.47 g, [ ] h, 2015/Slope Bath, Excavation Code Number: CBM 004.

Obv. TI CLAV [AV]G
Bare head of Claudius I, I.; Countermark: Capricorn.
Rev. No legend. Two priests ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 285; SNG France 5, Mysie, no. 1458.

25. AE, 18 mm, 3.62 g, 6 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CFF 015.

Trajan, 98—117 CE

Obv. [ ]
Laureate head of Trajan, r; Countermark: Capricorn.
Rev. [ ]
Draped bust of Plotina on I. and Marciana on r. facing one another. Draped and diademed bust of Plotina, r.; draped and diademed bust of Marciana, I.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1468; RPC III, 1543.

26. AE, 18 mm, 3.60 g, 12 h, 2018/Slope Bath, Excavation Code Number: CKT 025.

Obv. [IMP] TRA[IANVS AVG]
Laureate head of Trajan, r.
Rev. [ ]
Draped bust of Plotina on I. and Marciana on r. facing one another. Draped and diademed bust of Plotina, r.; draped and diademed bust of Marciana, I.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1468; RPC III, 1543.

27. AE, 17 mm, 3.72 g, 6 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CFB 004.

Hadrian, 117—138 CE

Obv. [IMP] CAESAR [TRAIAN HADR]
Laureate, draped and cuirassed bust of Hadrian, r.
Rev. [IANVS AVG]
Priest ploughing with two oxen, r. In exergue: [C G I P]
Ref. RPC III, 1540.

28. AE, 18 mm, 4.33 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFV 28—I.

Obv. [HADRIANVS AVG P P]
Bare head of Hadrian, I.
Rev. [ ]
Priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC III, 1542; SNG Turkey *3*, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 12, no. 198.

29. AE, 17 mm, 4.56 g, 11 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFH 068.

Antoninus Pius, 138—161 CE

Obv. [ANTONINVS AVG]
Laureate head of Antoninus Pius, r.
Rev. VЄRVS [ЄT FAVSTINA AV]
Head and bust facing each other. Head of Marcus Aurelius, r., draped bust of II. Faustina, I.
Ref. RPC IV.2, 9079, (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 2 — Variation).

30. AE, 21 mm, 4.11 g, 12 h, 2013/Slope Bath, Excavation Code Number: BAJ 002.

Marcus Aurelius, 161—180 CE

Obv. [ ]
Laureate head of Marcus Aurelius, r.
Rev. C G I H PA[R]
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. RPC IV.2, 11258, (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 3).

31. AE, 23 mm, 6.12 g, 6 h, 2014/Slope Bath, Excavation Code Number: BVC 006.

Commodus, 177—192 CE

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Commodus, r.
Rev. [C G I H P]
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. RPC IV.2, 3153, (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 4); BMC Mysia, 103.

32. AE, 26 mm, 10.35 g, 2 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AGB 041—7.

Caracalla, 198—217 CE

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.
Rev. [ ]
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG Turkey *3*, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 13, no. 220; SNG France 5, Mysie, no. 1494—1495; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 296.

33. AE, 25 mm, 10.37 g, 2 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AGA 007.

Obv. ANTON–INVS PIVS AV
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.
Rev. C G I H P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG Turkey *3*, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 13, no. 220; SNG France 5, Mysie, no. 1494—1495; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 296.

34. AE, 17 mm, 3.05 g, 6 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CFB 008.

Obv. ANTONIN – VS PIVS AV
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.

Rev. C G I H PA – R
She wolf, r., suckling Twins.
Ref. SNG Turkey *3*, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 13, no. 218; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 295.

35. AE, 23 mm, 7.31 g, 7 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 080.

Obv. ANTONI[ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.
Rev. C G I H / PA
Priest ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1498; SNG Deutschland, München, plt. 84, no. 2357; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 293.

36. AE, 15 mm, 2.38 g, 6 h, 2012/Slope Bath, Excavation Code Number: ASB 018a.

Obv. ANTONI – NVS PIVS
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.
Rev. C G I H / PA
Priest ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1498; SNG Deutschland, München, plt. 84, no. 2357; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 293.

37. AE, 15 mm, 2.06 g, 7 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AHZ 004.

Obv. ANTONI – [NVS PIVS]
Laureate, draped and cuirassed bust of Caracalla, r.
Rev. C G I H / PA
Priest ploughing with two oxen, r.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1498; SNG Deutschland, München, plt. 84, no. 2357; SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 293.

38. AE, 15 mm, 1.72 g, 12 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFV 028—2.

Plautilla, 212 CE

Obv. [ ]
Diademed and draped bust of Plautilla, r.
Rev. [ ]
Artemis Phosphoros, r.; holding torch in each hand.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1499.

39. AE, 18 mm, 1.51 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 009.

Diadumenianus, 218 CE

Obv. M OPEL DIADVME[NIANVS CAE]
Bare-headed bust of Diadumenianus wearing cuirass and paludamentum, r.
Rev. C G I H – PA
Genius standing left, holding Victory over lighted altar and cornucopia.

40. AE, 21 mm, 4.16 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFV 033.

Severus Alexander, 222—235 CE

Obv. [ ] ALEXANDER
Laureate, draped and gorgoneion cuirassed bust of Severus Alexander, r.
Rev. C G I H P[AR]
She wolf, r., suckling Twins.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1506; SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 13, no. 225.

41. AE, 22 mm, 6.11 g, 1 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AHZ 003.

Philippus I, 244—249 CE

Obv. [ ] PHILIP[ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Philippus I, r.
Rev. C G I H PA
Priest ploughing with two oxen, r.
Ref. RPC VIII, (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 5).

42. AE, 17 mm, 2.47 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 012.

Aemilianus, 253 CE

Obv. IMP M AEM AIMILIANVS A
Laureate, draped and cuirassed bust of Aemilianus, r.
Rev. C G I H P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1517.

43. AE, 15 mm, 2.78 g, 12 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CER 013.

Cornelia Supera, 253 CE

Obv. [ ]
Diademed and draped bust of Cornelia Supera, r.
Rev. [C G I] H [P]
Genius sacrificing left over altar, holding patera and cornucopia.
Ref. RPC IX, 383.

44. AE, 21 mm, 4.28 g, 12 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AMV 018.

Valerian I, 253—260 CE

Obv. [IMP] [VALERIANVS] [P F AVG]
Radiate, draped and cuirassed bust of Valerian I, r.
Rev. C G I H P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 304; SNG Deutschland, Samm. v. Aulock Mysien, plt. 41, no. 1343; BMC Mysia, 116.

45. AE, 21 mm, 3.98 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AFH 067.

Obv. [ ]
Radiate, draped and cuirassed bust of Valerian I, r.

Rev. [ ]
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 7, no. 304; SNG Deutschland, Samm. v. Aulock Mysien, plt. 41, no. 1343; BMC Mysia, 116.

46. AE, 16 mm, 4.08 g, 6 h, 2009/Slope Bath, Excavation Code Number: AHZ 001.

Obv. [IMP] VALERIANVS P F AVG
Radiate, draped and cuirassed bust of Valerian I, r.
Rev. C G I – H P
Genius standing left, holding Victory and cornucopia; to left, lighted altar.

47. AE, 21 mm, 4.45 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 032.

Gallienus, 253—268 CE

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. C G I H P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1527; SNG Deutschland, Samm. v. Aulock Mysien, plt. 41, no. 1346.

48. AE, 21 mm, 3.28 g, 2 h, 2014/Slope Bath, Excavation Code Number: BVU 006.

Obv. [I IMP EG] GALLIENVS AVG
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. C G I H P
She wolf, r., suckling Twins.
Ref. SNG Turkey 3, Çanakkale Museum, vol. 1, plt. 14—15, no. 238—241.

49. AE, 20 mm, 2.89 g, 6 h, 2008/Slope Bath, Excavation Code Number: ADA 006.

Obv. [IΛΛP LI]CINN GA
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. [C G I H P]
The radiate figure, holding a shield and a spear, on facing Biga on top of two-storied monument; behind, the wall, flanked on either side by a column surmounted by a standing figure, each holding a spear.
Ref. BMC Mysia, 123—124, (Variation).

50. AE, 29 mm, 9.90 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 034.

Obv. IΛΛR IICI – NN CK
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. C [G I H P]
Emperor on horse galloping, r.; holding spear.
Ref. BMC Mysia, 122; SNG Deutschland, Samm. v. Aulock Mysien, plt. 41, no. 1345, (Variation).

51. AE, 31 mm, 9.07 g, 12 h, 2018/Slope Bath, Excavation Code Number: CFD 063.

Obv. IMP C [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Gallienus, r.
Rev. C G I H [P]
Emperor on horse galloping, r.; holding spear.

Ref. BMC Mysia, 122; SNG Deutschland, Samm. v. Aulock Mysien, plt. 41, no. 1345.

52. AE, 29 mm, 8.79 g, 6 h, 2011/Slope Bath, Excavation Code Number: AOG 029.

Valerian II, Caesar 256—258 CE

Obv. [VALERI]ANVS NOBIL [CAES]
Laureate, draped and cuirassed bust of Valerian II, r.
Rev. C G I H P
Capricorn, r.; on which cornucopia, between legs, globus.
Ref. SNG France 5, Mysie, no. 1541.

53. AE, 20 mm, 3.46 g, 12 h, 2008/Slope Bath, Excavation Code Number: AEI 001.

Obv. [ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Valerian II, r.
Rev. C G I H [PA]
Genius standing left, holding Victory over lighted altar and cornucopia.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 8, no. 310.

54. AE, 23 mm, 5.80 g, 12 h, 2015/Slope Bath, Excavation Code Number: CAP 022.

Obv. VALERIAN[ ] NOB[IL] C[ ]
Laureate, draped and cuirassed bust of Valerian II, r.
Rev. C G I H PA
Genius standing left, holding Victory over lighted altar and cornucopia.
Ref. SNG Cop. Mysia, plt. 8, no. 310.

55. AE, 22 mm, 4.57 g, 6 h, 2014/Slope Bath, Excavation Code Number: BUZ 003.

Coins of Uncertain Emperor

Obv. [ ]
Laureate head of Emperor, r.
Rev. [C G I H P]
Two priests ploughing with two oxen, r.

56. AE, 20 mm, 3.25 g, 2 h, 2014/Slope Bath, Excavation Code Number: BVU 002.

57. AE, 19 mm, 4.62 g, 12 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CFB 014.

Obv. [ ]
Bare head of Emperor, r.
Rev. [C G I H P]
Priest ploughing with two oxen, r.

58. AE, 18 mm, 4.33 g, 12 h, 2016/Slope Bath, Excavation Code Number: CFF 014.

References

Başaran, C. 1999. Parion 1997 Araştırmaları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* I, 349—364.

Başaran, C., Tavukçu, A.Y. 2001. Kuzey Troas-Parion Yüzey Araştırması 1999. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 18 (2), 225—236.

Başaran, C. 2006. Parion: Karanlıktan Gün Işığına. In: Takaoğlu, T. (ed.). *Anadolu Arkeolojisine Katkılar 65. Yaşında Abdullah Yaylalı'ya Sunulan Yazılar.* İstanbul: Hitit Color, 185—200.

Başaran, C. 2008. Parion'dan Persia'ya Yol Gider. In: Delemen, İ., Çokay-Kepçe, S., Özdizbay, A., Turak, Ö. (eds.). *Prof. Dr. Haluk Abbasoğlu'na 65. Yaş Armağanı/Euergetes.* Antalya: Suna-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, 133—137.

Bellinger, A.R. 1961. *Troy, The Coins*. Princeton: Princeton University Press (Supplementary Monograph 2).

BMC Mysia: Wroth, W. 1892. *A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, Catalogue of the Greek Coins of Mysia*. London: British Museum.

Çelikbaş, E. 2013. Yamaç Yapısı. In: Başaran, C. (ed.). *Antik Troas'ın Parlayan Kenti Parion. 1997—2009 Yılları Yüzey Araştırmaları, Kazı ve Restorasyon Çalışmaları.* İstanbul: Ege Publications, 67—76.

Çelikbaş, E., Oyarçin, K. 2014. Parion Yamaç Hamamı. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi* (3), No. 4, 61—85.

Çelikbaş, E. 2016. 2005—2014 Parion Kazısı Metal (Bronz-Demir-Kurşun) Buluntuları. PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

Çizmeli Öğün, Z. 2014. Smintheion Definesi ve Alexandria Troas Sikkelerinin Akdeniz Havzası'ndaki Dolaşımı. In: Dörtlük, K., Tekin, O., Boyraz Seyhan, R. (eds.). *Birinci Uluslararası Anadolu Para Tarihi ve Numismatik Kongresi, Suna-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, 25—28 Şubat 2013*. İstanbul: Oksijen Basım ve Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti, 171—196.

Filges, A. 2015. *Münzbild und Gemeinschaft. Die Prägungen der römischen Kolonien in Kleinasien.* Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH (Frankfurter Archäologische Schriften).

Kasapoğlu, H. 2015. Parion Antik Kenti Roma Dönemi Terracotta Figürinleri (2004—2013). PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

Keleş, V., Çelikbaş, E. 2014. Parion Roma Kolonizasyon Sikkeleri. *Arkeoloji ve Sanat Dergisi*, 145, 75—84.

Keleş, V., Çelikbaş, E., Oyarçin, K. 2018. Bir Grup Geç Roma Sikkesi Işığında Parion Yamaç Hamamının Son Kullanım Evresi Hakkında Görüşler. *Seleucia* VIII (1), 269—303.

Keleş, V. 2019. Parion Pseudo-Otonom Darpları. In: Keleş, V., Kasapoğlu, H., Ergürer, H. E., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Cevat Başaran'a 60. Yaş Armağanı.* Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publications, 819—837.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2019a. Anonymous Folles Found in Parion Excavations. *Seleucia* 1 (9), 335—358.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2019b. Parion Odeion'undan Bir Geç Roma Definesi. *TÜBA-AR* 1 (24), 189—208.

Keleş, V. 2020. Toprak Kuleler Mevkii Oda Mezarlarından Ele Geçen Sikkeler. In: Keleş, V. (ed.). *Propontis and Surrounding Cultures.* İstanbul: Ege Publications, 523—534.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2022. *Parion Akropolü Doğu (İç) Suru Geç Roma Definesi*. İstanbul: Ege Publications.

Kızılyalçın Oyarçin, F. 2023. Parion Kazılarında Bulunan Roma Eyalet Sikkeleri. PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

Oyarçin, K. 2017. Parion'da 2005—2014 Yılları Arasında Ele Geçen Geç Roma ve Erken Bizans Dönemi Sikkeleri (MS 3. — 7. Y.Y.). PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

Oyarçin, K. 2020. The Early Byzantine Period of Parion in Ligth of Numismatic Data. In: Keleş, V. (ed.). *Propontis and Surrounding Cultures.* İstanbul: Ege Publications, 619—628.

Özsait, M. 1999. Küçük Asya'da Roma Kolonileri. In: Başgelen, N., Çelgin, G., Çelgin, A.V. (eds.). *Zafer Taşlıklıoğlu Armağanı Anadolu ve Trakya Çalışmaları* I. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Publications, 123—132.

Rose, C.B., Tekkök, B., Körpe, R. 2007. Granicus River Valley Survey Project, 2004—2005. *Studia Troica* (17), 65—150.

RPC I: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. 1992. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69).* Pt. I. *Introduction and Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

RPC III: Amandry, M., Burnett, A. 2015. *Roman Provincial Coinage*. Vol. III. *Nerva, Trajan and Hadrian (AD 96—138). France*. Pt. I. *Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

RPC IX: Hostein, A., Mairat, J. 2016. *Roman Provincial Coinage*. Vol. IX. *From Trajan Decius to Uranius Antoninus (AD 249—254). France*. Pt. I. *Introduction and Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

Sayar, M.H. 2015. Parion'da Divus Vespasianus Augustus'a Bir Sunu. In: Başaran, C., Keleş, V. (eds.). *Parion Kazıları 10. Yıl Armağanı.* Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publications, 163—166.

Schönert-Geiß, E. 1970. *Griechisches Münzwerk. Die Münzprägung von Byzantion*. Teil I: Berlin: Autonome Zeit.

SNG Cop. Mysia: Breitenstein, N. 1945. *Sylloge Nummorum Graecorum*: *The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum.* Vol. 19. *Mysia.* Copenhagen: Einar Munksgaard.

SNG Cop. Thrace: Schultz, S., Zahle, J. 1942. *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum: Thrace*. Pt. I. *The Tauric Chersonese—Thrace (Mesembria)*. Copenhagen: Einar Munksgaard.

SNG Cop. Troas: 1945. Breitenstein, N., Schwabacher, W. 1945. *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum: Troas*. Copenhagen: Einar Munksgaard.

SNG Deutschland: Kraft, K., Emin Bosch, C., von Aulock, H. 1959. *Sylloge Nummorum Graecorum: Deutschland.* Sammlung v. Aulock. *Troas-Aeolis—Lesbos.* 5. Heft-Nr. 1439—1767. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

SNG France 5: Amandry, M., Levante, E. 2001. *Sylloge Nummorum Graecorum. France*. Vol. 5. *Dèpartement Des Monnaies, Mèdailles Et Antiques, Mysie.* Paris: Bibliothèque Nationale De France; Numismatica Ars Classica.

SNG Turkey 3: Tekin, O., Altınoluk, S., Körpe, F. 2009. *Sylloge Nummorum Graecorum. Turkey 3. Çanakkale Museum.* Vol. 1. *Roman Provincial Coins of Mysia*, *Troas etc.* İstanbul: Turkish Institute of Archaeology.

Yılmaz, A. 2022. Parion Roma Hamamları. PhD Thesis. Erzurum: Atatürk University.

Kovacs XII, 179: Ancient Coinage of Lampsakos, Mysia. Available at: https://www.wildwinds.com/coins/greece/mysia/lampsakos (accessed: 17.05.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 1: RPC IV.1, 3908: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138—192): Cyrenaica to Bithynia—Pontus. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3908 (accessed 28.06.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 2: RPC IV.2, 3153: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138—192): Asia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3153 (accessed 28.06.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 3: RPC IV.2, 9079: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138—192): Asia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/9079 (accessed 28.06.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 4: RPC IV.2, 11258: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138—192): Asia. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/11258 (accessed 28.06.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 5: RPC VIII: Philip I (AD 244—249). Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/type/42651 (accessed 28.06.2024).

Plate 1. Coela (*1—6*), **Byzantion** (*7*) **and Alexandria Troas** (*8—12*) **coins.**

Plate 2. Alexandria Troas (*13, 14*), **Ilion** (*15*), **Lampsakos** (*16, 17*) **and Parion** (*18—21*) **coins.**

Plate 3. Parion (*22—30*) **coins.**

Plate 4. Parion (*31—39*) **coins.**

Plate 5. Parion (*40—48*) **coins.**

Plate 6. Parion (*49—57*) **coins.**

Plate 7. Parion (*58*) **coins.**

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.95.95.035

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

КЛАД РИМСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ТЕТРАДРАХМ III В. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ*

Объектом изучения стал монетный клад, найденный в начале XXI в. в окрестностях Севастополя. К сожалению, значительную его часть разобрали местные жители. В кладе, судя по доступным для изучения монетам, отложились римские провинциальные тетрадрахмы, отчеканенные в III в. в провинциях Сирия и Месопотамия. Самая ранняя выпущена при Каракалле; имеются также тетрадрахмы Диодумениана и Элагабала (по 1 экз.). Большинство же монет (11) отчеканены от имени Филиппа I Араба и Филиппа II. Примечательно, что десять из них выпущены в последний год жизни этих императоров. Семь тетрадрахм отчеканены при Траяне Деции. Позднейшие монеты выпущены от имени Требониана Галла (4 экз.), причем две — в последний год его правления. Монеты, вероятно, поступили в Таврику в качестве добычи, полученной варварами в малоазийском походе вскоре после гибели Требониана Галла.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Таврика, римские провинциальные тетрадрахмы.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович[1], Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович[2], кандидат исторических наук, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет.

Контактная информация: [1]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество, e-mail: rgo@rgo.ru; 3498838, Израиль, г. Хайфа, пр-т Аба-Хуши, 199, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Denis Andriyevskiy, Michael Choref

A TREASURE OF ROMAN PROVINCIAL TETRADRACHMS OF THE 3RD CENTURY FROM THE VICINITY OF SEVASTOPOL

The object of the study is a coin hoard found at the beginning of the 21st century in the vicinity of Sevastopol. Unfortunately, a significant part of it was taken apart by local residents. Judging by the coins available for the study, the hoard included Roman provincial tetradrachms minted in the 3rd century in the provinces of Syria and Mesopotamia. The earliest coin was issued under Caracalla; some tetradrachms belong to Diodumenian (1) and Elagabalus (1). Most of the coins (11) were minted on behalf of Philip I the Arab and Philip II. It is noteworthy that ten of them were issued in the last year of the lives of these emperors. Seven coins were minted under Trajan Decius. The later coins (4 items) were issued on behalf of Trebonianus Gallus, with a pair of them dated back to the last year of his reign. It is assumed that the coins of the hoard arrived in Taurica as the booty captured by the barbarians during their campaign in Asia Minor shortly after the death of Trebonianus Gallus.

Key words: history, archeology, numismatics, Taurica, Roman provincial tetradrachms.

About the authors: Andriyevskiy Denis[1], Russian Geographical Society; Choref Michael[2], PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa.

Contact information: [1]190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society, e-mail: rgo@rgo.ru; [2]3498838, Israel, Haifa, 199 Aba-Hushi Avenue, The Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

В 2023 г. нам стало известно, что в округе Севастополя местными жителями на земной поверхности была найдена россыпь античных монет. По словам находчиков, все они были

* Статья поступила в номер 10 января 2024 г.
Принята к печати 25 января 2024 г.

© Д.В. Андриевский, М.М. Чореф, 2024.

однотипными. К сожалению, значительная часть сокровища была разобрано местными жителями и оказалась нам недоступной. Удалось изучить только часть монет. Так что наши выводы о составе клада вряд ли есть основания считать полными и исчерпывающими. Однако полагаем, что ввод в научный оборот доступных нам сведений об этом сокровище не только допустим, но и необходим. Ведь нет оснований сомневаться в том, что для выработки объективного представления о ходе исторических процессов необходимо тщательно учитывать фактический материал. Так что крайне важно своевременно фиксировать и вводить в научный оборот как можно больше нумизматических артефактов (Абрамзон 2010; Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2022; Андриевский 2022a; 2022b; 2023; Андриевский, Чореф 2021; 2022a; 2022b; 2023; Анохин 2010a; 2010b; 2010c; Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018; Брайчевський 1959; Кропоткин 1961; 1962; 1967; 2000; Пиоро, Герцен 1977; Сапрыкин 2005; Синика, Чореф 2018; Столярик 1992; Скворцов, Чореф 2020; Чореф 2013; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019a; 2019b; 2020; 2022; Чореф, Якушечкин 2016; Яценко, Чореф 2022). Учитывая это обстоятельство, перейдем к описанию монет из изучаемого комплекса.

1. Каракалла (198—217). Чекан Лаодикеи (Сирия). Выпуск 209—211 гг.
Л.с.: [AYT KAI] ANTϢNINOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ YΠATOC TO Δ. Орел в рост, держит в клюве лавровый венок. Между его ног — звезда. Голова орла развернута влево.
Тетрадрахма, чекан Лаодикеи.
Биллон. Вес — 12,25 г. Диаметр — 2,5 см. Монета сильно потерта, возможно, обгорела (рис. 1: 1).
(Prieur 1164).

2. Диадумениан (217—218). Чекан Эдессы (Месопотамия). Выпуск 217—218 гг.
Л.с.: [M OΠEΛ ANTϢNEI]NOC KAICAP. Бюст императора в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ YΠATOC. Орел в рост, его голова развернута вправо. В клюве он держит лавровый венок. Между его ног — святилище с фронтоном.
Тетрадрахма, чекан Эдессы.
Биллон. Вес — 12,06 г. Диаметр — 2,5 см. Монета сильно потерта (рис. 1: 2).
(Prieur 867 var).

3. Элагабал (218—222). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 218—220 гг.
Л.с.: [AVT] K M A ANTϢNEINO[C CEB]. Бюст императора, развернутый вправо.
О.с.: [ΔH]MAPX EΞ YΠATOC [TO B]. Орел, его голова развернута вправо. В клюве — лавровый венок. По сторонам головы орла буквы Δ и E. Между ног — шестиконечная звезда.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,21 г. Диаметр — 2,5 см. Монета сильно потерта (рис. 1: 3).
(Prieur 249A).

4. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIΠΠOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC YΠATO Δ. Орел шагает влево, его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,35 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 1).
(Prieur 438).

5. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,30 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 2).
(Prieur 438).

6. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIППOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC YПATO Δ. Орел шагает вправо, его голова развернута вправо. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,35 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 3).
(Prieur 439).

7. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Биллон. Вес — 12,32 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 4).
(Prieur 439).

8. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Биллон. Вес — 12,30 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 5).
(Prieur 439).

9. Филипп I Араб (244—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Биллон. Вес — 12,25 г. Диаметр — 2,45 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 6).
(Prieur 439).

10. Филипп II (247—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 244 г.
Л.с.: MAP IOVΛI ΦIΛIППOC KECAP. Бюст императора в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ OYCIAC. Орел, его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Орел стоит на пальмовой ветви. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,37 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 7).
(Prieur 332).

11. Филипп II (247—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIППOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ OYCIAC YПATO Δ. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,96 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 8).
(Prieur 466).

12. Филипп II (247—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIППOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ OYCIAC YПATO Δ. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,85 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 9).
(Prieur 475).

13. Филипп II (247—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIППOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞ OYCIAC YПATO Δ. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,05 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 10).
(Prieur 476).

14. Филипп II (247—249). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K M IOYΛI ΦIΛIППOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPC EΞOYCIAC YПATO Δ. Орел, идущий вправо. Его голова развернута вправо. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — ANTIOXIA. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,93 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 2: 11).
(Prieur 493).

15. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K ГAI ME KYIN ΔEKKIOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC. Орел, идущий вправо. Его голова развернута вправо. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — пальмовая ветвь. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,96 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 1).
(Prieur 498).

16. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,11 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 2).
(Prieur 498).

17. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K ГAI ME KYIN ΔEKKIOC CEB. Бюст императора в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — пальмовая ветвь. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,05 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 3).
(Prieur 500).

18. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже. Под изображением императора — четыре точки.
О.с.: Тоже.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,21 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 4).
(Prieur 505).

19. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: Тоже. Под изображением императора — пять точек.
О.с.: Тоже.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,12 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 5).
(Prieur 528).

20. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249 г.
Л.с.: AYTOK K ΓAI ME KYIN ΔEKKIOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо. Под изображением императора — две точки.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC. Орел, идущий вправо. Его голова развернута вправо. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — пальмовая ветвь. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,96 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 6).
(Prieur 539).

21. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 249—250 гг.
Л.с.: AYT K Γ ME KY ΔEKIOC TPAIANOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо. Под обрезом — две точки.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Под орлом — пальмовая ветвь. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,91 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 3: 7).
(Prieur 564).

22. Требониан Галл (251—253). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 251—253 гг.
Л.с.: AYTOK K Γ OYIB TPEB ΓAΛΛOC CEB. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: ΔHMAPX EΞOYCIAC. Орел, идущий влево. Его голова развернута влево. В клюве держит лавровый венок. Между ног птицы — «А». Под орлом — пальмовая ветвь. Ниже — SC.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,92 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 4: 1).
(Prieur 656).

23. Требониан Галл (251—253). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 251—253 гг.
Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже.
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 12,11 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 4: 2).
(Prieur 656).

24. Требониан Галл (251—253). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 251—253 гг.
Л.с.: Тоже. Под обрезом — две точки.
О.с.: Тоже. Между ног птицы — «B».
Биллон. Вес — 12,10 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 4: 3).
(Prieur 658).

25. Требониан Галл (251—253). Чекан Антиохии (Сирия). Выпуск 251—253 гг.
Л.с.: Тоже. Под изображением — «S».
О.с.: Тоже. Между ног птицы — «S».
Тетрадрахма, чекан Антиохии.
Биллон. Вес — 11,73 г. Диаметр — 2,5 см. Монета хорошей сохранности (рис. 4: 3).
(Prieur 664).

Как видим, монеты из клада — разновременные. Добавим также, что они дошли до нас в различном состоянии. Так, три из них, самые ранние, были выпущены от имени императоров первой четверти III в.: представителей дома Северов Каракаллы (рис. 1: 1) и Элагабала (рис. 1: 3), а также Диадумениана (рис. 1: 2) — сына и номинального соправителя Макрина. Эти монеты сильно стерты. Определенно, они длительное время находились в обращении. Большая часть прочих монет из изучаемого клада была отчеканена при Филиппе I Арабе (рис. 2). Причем как от имени самого императора (рис. 2: 1—6), так и его сына и номинального соправителя Филиппа II (рис. 2: 7—11). Примечательно и то, что почти все их монеты (рис. 2: 1—6, 8—11) выпущены в последний год правления Филиппа I Араба. Они хорошей, можно даже сказать — кладовой сохранности. Складывается впечатление, что эти монеты почти не участвовали в обращении. Только тетрадрахма, выпущенная в первый год правления Филиппа I Араба от имени его сына Филиппа II, на тот момент еще цезаря, довольно сильно изношена. В свою очередь, позднейшие монеты, отчеканенные от имени Траяна Деция (рис. 3) и Требониана Галла (рис. 4) также практически не стерты.

Полагаем, что выявленные обстоятельства позволяют датировать исследуемый комплекс. И установить обстоятельства его выпадения из обращения. Определенно, мы имеем дело со срезом состава денежного обращения, в котором находились как новые, недавно отчеканенные, так и старые монеты, пусть и изношенные, но привычные, и, в силу этого обстоятельства, ценимые населением.

Подчеркнем, что изучаемые тетрадрахмы были отчеканены в первые десятилетия эпохи антониниана. А порча и быстрое обесценение монет этой группы увеличивало спрос на деньги как прежних выпусков, так и привычных разновидностей. Которые, как правило, продолжали использоваться в качестве средства сбережения.

Однако в Таврике происходили наблюдалась иная ситуация. Дело в том, что большинство памятников античных нумизматики, найденных на территории полуострова — херсонесского, римского императорского или боспорского чекана (Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2022; Кропоткин 1961: 63—66, № 566—639; Сапрыкин 2005: 137—187; Труфанов 2010; Чореф 2013). Однако Херсонес в период «второй элевтерии» чеканил только бронзовые монеты (Анохин 1977: 80—88, 152—156, № 250—308, табл. XVII—XXI; Anokhin 1980: 75—85, 152—158, No. 250—308, pl. XVII—XXI), которые не могли служить средством сбережения. В свою очередь, стопа боспорского статера в тот период неоднократно и значительно снижалась. Что побудило даже подданных боспорских государей копить антониниани (Чореф 2013: 204—205). Как видим, на полуострове ощущался сильный дефицит полноценных и стабильных денег. Их роль могли исполнять римские провинциальные монеты, однако они на полуострове крайне редки (Абрамзон 2010: 495—496; Андриевский, Чореф 2022а; Кропоткин 1961: 64, 65, 66, № 585, 597, 600, 612, 614, 631; Сапрыкин 2005: 145, 146, 148, 149, 161, 162). Приходим к выводу, что сам факт обнаружения изучаемых тетрадрахм на территории полуострова крайне примечателен.

Считаем своим долгом заметить, что вряд ли эти монеты могли попасть в Таврику в результате торговых контактов. Ведь римские провинциальные монеты III в. сирийского и месопотамского чекана

не известны ни на Боспоре, ни в Херсонесе. Практически не использовали их в Таврике и легионеры (Кропоткин 1961: 66, № 632—634; Сапрыкин 2005: 151—152, 155). Собственно, факты обнаружения провинциальных монет на месте или близ их лагерей — единичны (Андриевский 2022: 222, № 1—4, рис. 1: 1—4; Андриевский, Чореф 2022a: 360—361, № 1—3, 6, 7). Не выявлены они и в античных святилищах (Новиченкова 2015: 49—53; Новиченкова, Новиченкова 2017: 261; Сапрыкин 2005: 149).

Но, пожалуй, стоит учесть то обстоятельство, что изучаемые монеты были отчеканены в период «скифских войн». Так что они вполне могли поступить на полуостров как добыча северопричерноморских варваров. Причем вряд ли они были захвачены в ходе похода в придунайские и балканские провинции Рима в 250—251 гг., закончившегося гибелью Траяна Деция и Геренния Этруска. Ведь добычей варваров тогда стали монеты, обращавшиеся в этих регионах. Не случайно в Долининский клад выпали анонинианы (Пиоро, Герцен 1974: 81—90; Herzen 1995: 178; Чореф 2013: 202—204). Заметим также, что Антиохийский монетный двор при Требониане Галле наладил эмиссию монет этого номинала (RIC IVc: No. 79—96; Christol 1980: 70, 71). Вернее всего, изученные тетрадрахмы были доставлены на полуостров в результате набегов на восточные провинции Римской империи. Этим обстоятельством следует объяснять уже отмеченный факт отсутствия подобных монет среди находок в таврических полисах и на близлежащих к ним территориях.

Находим это обстоятельство крайне важным. Ведь по свидетельству Зосимы (Zos., I, 31—35), в 254 г. бораны и остготы (Циркин 2015: 197), захватив боспорские корабли, совершили неудачный набег на Питиунт. Отразивший их набег римский военачальник Сукцессиан, был назначен за эту победу Валерианом I префектом претория. Причем ему было поручено восстановление Антиохии (Zos., I, 32, 1—2) — базы для подготовки войны с Персией (Циркин 2015: 197). Так что есть все основания полагать, что монеты антиохийского чекана могли поступать и в гарнизоны, размещенные для защиты северо-восточных областей Малой Азии. Однако набег, предпринятый варварами в 257 г., привел к разграблению Питиунта, а также Фасиса и Трапезунда (Zos., I, 32, 1—2). Полагаем, что в результате этого похода монеты из Передней Азии могли оказаться в Таврике.

Литература

Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477—521.

Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Ворошилова О. М. 2022. Монеты небоспорского происхождения из некрополя Фанагории. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.-сост.). *XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное*. Симферополь; Керчь: ООО «Соло Рич», 9—14.

Андриевский Д.В. 2022a. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2022b. Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма. *МАИАСП* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010.

Андриевский Д.В. 2023. Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель. МАИАСП 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022a. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022b. Римские денарии из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2023. Новые находки римских денариев из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030.

Анохин В.А. 2010a. Клад римских монет из с. Жуковичи. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 171—174.

Анохин В.А. 2010b. Находки римских монет в Украине. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 155—170.

Анохин В.А. 2010c. Римские монеты в Украине. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 145—154.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чореф М.М. 2018. Клад римских монет I—II вв. из Среднего Поочья. *МАИАСП* 10, 436—457.

Брайчевський М.Ю. 1959. *Римська монета на території України*. Київ: АН УРСР.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Кропоткин В.В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Е4-4).

Кропоткин В.В. 1967. *Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры*. Москва: Наука.

Кропоткин В.В. 2000. Дополнения к списку находок римских монет. *Stratum plus* 6, 20—117.

Новиченкова Н.Г. 2015. *Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло*. Симферополь: Н. Оріанда.

Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В. 2017. Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму. *Античный мир и археология* 18, 252—274.

Пиоро И.С., Герцен А.Г. 1974. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области. *НиС* 5, 81—90.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001.

Столярик Е.С. 1992. *Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III — начало XIII в.)*. Киев: Наукова думка.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Циркин Ю.Б. 2015. *«Военная анархия» в Римской империи*. Санкт-Петербург: Нестор-История (Историческая библиотека).

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—215.

Чореф М.М. 2016. Следы Великого шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне. *Stratum plus* 6, 319—327.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019b. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2022. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чореф М.М., Якушечкин А.В. 2016. Клад антонинианов, найденный у с. Перевального (Крым). *МАИАСП* 8, 579—591.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

Anokhin V.A. 1980. *The Coinage of Chersonesus IV Century B.C. — XII Century A.D*. Oxford: BAR (BAR International Series 69).

Christol M. 1980. A propos de la politique extérieure de Trébonien Galle. *RN*. 6e série. T. 22, 63—74.

Herzen A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan E.A., Grazia Curletti M., Ischio G. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.

Prier M, Prier K. 2000. *A type corpus of the Syro-Phoenician tetradrachms and their fractions from 57 BC to AD 253*. Lancaster, Pa.: Classical Numismatic Group.

RIC IVc: Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.

References

Abramzon, M.G. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1 (27), 477—521 (in Russian).

Abramzon, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O. M. 2022. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds). *XXIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noye i material'noye (XXIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Sacred and material)*. Simferopol; Kerch: OOO "Solo Rich", 9—14 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010a. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 171—174 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010b. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 155—170 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010c. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 145—154 (in Russian).

Ahmedov, I.R., Gavrilov, A.P., Choref, M.M. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 436—460 (in Russian).

Braychevs'kiy, M.Yu. 1959. *Rims'ka moneta na teritorii Ukraini (Roman coin in the territory of Ukraine)*. Kyiv: AN URSR (in Ukrainian).

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1962. *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Byzantine coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources E4-4) (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1967. *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoy Evropy v I tysjacheletii nashee ery (Economic relations in Eastern Europe in the 1st millennium CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kropotkin, V.V. 2000. In *Stratum plus* 6, 20—117.

Novichenkova, N.G. 2015. *Gornyy Krym: II v. do n.e. — II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoye sedlo (Mountain Crimea: 2nd century BCE — 2nd century CE. According to the materials of the excavations of the sanctuary near the Gurzuf saddle pass)*. Simferopol: N. Orianda (in Russian).

Novichenkova, N.G., Novichenkova, M.V. 2017. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 18, 252—274 (in Russian).

Pioro, I.S., Gertsen, A.G. 1974. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 5, 81—90 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348. (in Russian).
Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).
Stolyarik, E.S. 1992. *Ocherki monetnogo obrashheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v pozdnerimskoe i vizantiyskoe vremya (konec III — nachalo XIII v.) (Essays on monetary circulation of the Northwest Black Sea in the late Roman and Byzantine period (end of 3rd — the beginning of 13th cc.)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).
Tsirkin, Iu.B. 2015. *"Voyennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii ("Military Anarchy" in the Roman Empire)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria (Historical Library) (in Russian).
Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—215 (in Russian).
Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 6, 319—327 (in Russian).
Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).
Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).
Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).
Choref, M.M., Yakushechkun, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 579—591 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147 (in Russian).
Anokhin, V.A. 1980. *The Coinage of Chersonesus IV Century B.C. — XII Century A.D*. Oxford: BAR (BAR International Series 69).
Christol, M. 1980. A propos de la politique extérieure de Trébonien Galle. *RN*. 6e série. T. 22, 63—74.
Herzen, A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan, E.A., Grazia Curletti, M., Ischio, G. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.
Prier, M, Prier, K. 2000. *A type corpus of the Syro-Phoenician tetradrachms and their fractions from 57 BC to AD 253*. Lancaster, Pa.: Classical Numismatic Group.
RIC IVc: Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.

Рис. 1. Тетрадрахмы первой четверти III в.: Каракаллы (*1*), Диадумениана (*2)* и Элагабала (*3*).

Fig. 1. Tetradrachms of the first quarter of the 3rd c.: Caracalla (*1*), Diadumenian (*2*) and Elagabalus (*3*).

Рис. 2. Тетрадрахмы Филиппа I Араба (*1—6*) **и Филиппа II** (*7—11*)**.**

Fig. 2. Tetradrachms of Philip I the Arab (*1—6*) **and Philip II** (*7—11*).

Рис. 3. Тетрадрахмы Траяна Деция.

Fig. 3. Tetradrachms of Trajan Decius.

Рис. 4. Тетрадрахмы Требониана Галла.

Fig. 4. Tetradrachms of Trebonianus Gallus.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036

М.М. Чореф

ЛИТЫЕ ПОДРЕЗАННЫЕ РЕПЛИКИ БОСПОРСКИМ СТАТЕРАМ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Изучение нумизматики подразумевает отнюдь не только исследование монет официальной эмиссии и реплик им. Не менее важно проследить длительность и характер их использования в процессе обращения, а также установить технологии их изготовления. Особо актуальна эта проблема для переходных периодов истории, таких как эпоха, предшествовавшая Великому переселению народов. Ведь подражания тогда могли изготавливать как привыкшие к монетам местные жители, так и пришельцы-варвары. Важно выяснить побудительные причины выпуска реплик и локализовать такие эмиссии.

Меня интересуют литые подрезанные подражания статерам Рескупорида V. Полагаю, что эти артефакты выпускали для культовых нужд. Учитываю тот факт, что варвары Северного Причерноморья и Таврики издавна использовали местные и привозные монеты не только как средства платежа и сбережения, но и в качестве вотивов. Однако уже к середине IV в. приток такого рода артефактов в регионы их проживания значительно сократился. Свою роль сыграло и прекращение эмиссии боспорских статеров. В результате был налажен выпуск литых копий привычных монет.

Примечательно то, что на привлекших мое внимание репликах заметны следы ретуширования изображений и надписей. Эту операцию, очевидно, проводили для придания подражаниям товарного вида и, что немаловажно, копировали две разновидности статеров Рескупорида V, что вряд ли было бы целесообразным, если бы реплики выпускали в одном эмиссионном центре. Допускаю, что интересующие меня артефакты изготовляли в двух удаленных друг от друга мастерских. Одна из них, выпускавшая подражания статерам 620 г. б.э. — с бюстами на аверсе и реверсе, выявленным В.А. Сидоренко в составе Керченского клада деградированных боспорских статеров 2009 г., — находилась в Восточной Таврике, а вторая, лившая копии монет с изображениями императора и орла на шаре на оборотной стороне, судя по отсутствию ее продукции в составе вышеупомянутого сокровища, могла действовать в ином регионе, вполне возможно — на Северном Кавказе.

Есть определенные основания считать, что после прекращения официальной эмиссии на периферии государства Тибериев Юлиев возникли региональные монетные дворы, выпускавшие два вида литых подражаний, что может свидетельствовать как об идеологических, так и политических предпочтениях местного населения, создавших этнополитические образования, хоть и независимые от позднейших боспорских царей, но, в тоже время, сохранивших тесную религиозную и культурную связь с подконтрольными им центрами.

Полагаю, что изучаемые подражания изготавливали аланские кланы Восточной Таврики и Северного Кавказа после прекращения эмиссии от имени Тибериев Юлиев и до того момента времени, когда состав населения Боспора и Северного Кавказа значительно изменился. Вернее всего, речь должна идти о 372 г. Тогда началось гуннское нашествие в Восточную Европу. Точнее, в том году гунны разгромили алан Северного Кавказа и Восточной Таврики. Гибель их этнополитических объединений привела к прекращению эмиссии литых и подрезанных подражаний статерам Рескупорида V.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Боспор, Рескупорид V, реплики статерам.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет.

Контактная информация: 3498838, Израиль, г. Хайфа, пр-т Аба-Хуши, 199, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

* Статья поступила в номер 7 января 2024 г.
Принята к печати 19 января 2024 г.

© М.М. Чореф, 2024.

Michael Choref

CAST TRIMMED REPLICAS OF BOSPORAN STATERS AS A SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION

The study of numismatics does not only mean the study of coins of official issue and replicas of them. It is equally important to trace the duration and nature of their use in the circulation process, as well as to establish technologies for their production. This problem is especially relevant for transitional periods of history, such as the one preceding the Great Migration. After all, imitations could then be made by both local residents accustomed to coins and barbarian aliens. It is important to find out what prompted them to release the replicas, as well as to localize such emissions.

The author is interested in cast trimmed imitations of staters of Rhescuporis V. He believes that these artifacts were produced for ritual purposes and takes into account the fact that the barbarians of the Northern Black Sea region and Taurica have long used local and imported coins not only as means of payment and savings, but also as votives. However, by the mid-4th century, the influx of this kind of artifacts into the regions where they lived has decreased significantly. The cessation of the issue of Bosporan staters has also played its role. As a result, the production of cast copies of familiar coins was launched.

It is noteworthy that the replicas under study display traces of retouching of images and inscriptions. This operation was obviously carried out to give the imitations a marketable appearance. And, importantly, they copied two types of staters of Rhescuporis V, which would hardly have been advisable if the replicas had been produced at the same emission center. The author admits that the artifacts in question were made in two workshops remote from each other. One of them, which produced imitations of staters of 620 BE — with busts on the obverse and reverse, identified by V.A. Sidorenko as part of the Kerch hoard of degraded Bosporan staters in 2009, — was located in Eastern Taurica, while the second one, which casted copies of coins with the images of the emperor and an eagle on the ball on the reverse, judging by the absence of its products in the above-mentioned hoard, could have operated in another region, quite possibly in the North Caucasus.

There are certain reasons to believe that after the cessation of official emission, regional mints arose on the periphery of the state of the Tiberian-Julian dynasty, producing two types of cast imitations. This may indicate both the ideological and political preferences of the local population, who created ethno-political formations, although independent from the later Bosporan kings, but nonetheless retaining close religious and cultural ties with the centers under their control.

The author believes that the imitations under scrutiny were produced by the Alan clans of Eastern Taurica and the North Caucasus after the cessation of emission on behalf of the Tiberian-Julian dynasty and until the point in time when the composition of the population of the Bosporus and the North Caucasus changed significantly. Most likely, we should choose the year of 372 as the starting point of these events, just when the Huns defeated the Alans of the North Caucasus and Eastern Taurica, and the Hunnic invasion of Eastern Europe began. The collapse of their ethno-political associations led to the cessation of the emission of cast and trimmed imitations of staters of Rhescuporis V.

Key words: archaeology, history, numismatics, Bosporus, Rhescuporid V, replicas of staters.

About the author: Choref Michael, PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa.

Contact information: 3498838, Israel, Haifa, 199 Aba-Hushi Avenue, The Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

В 2019 г. вышла в свет небольшая статья «Нумизматика Боспора: о причинах подрезки статеров и подражаний им» (Чореф 2019с). В ней была сформулирована и обоснована точка зрения по поводу атрибуции литых[1] и подрезанных[2] реплик боспорским статерам, отчеканенным

[1] Сразу же замечу, что такого рода реплики хорошо известны, изучены и уже давно введены в научный оборот. Сведения о них приведены во множестве публикаций. Упомяну лишь немногие из них, с моей точки зрения, наиболее интересные и перспективные (Фролова 1997: 76; Абрамзон, Фролова 2008: 47—49; Сидоренко 2011: 459, 475, 523, 568—569, № 944—951, табл. I, прил. 1; Ярцев 2013: 268—282; Чореф 2019с: 3—16). Полагаю, что следует учесть и то обстоятельство, что в Таврике в III в. обращались литые реплики римским денариям

при Рескупориде V (314—342/3). Полагаю, что эти артефакты являлись вотивами[3], эмиссия которых началась как следствие сокращения притока монет официального чекана[4] в населенные варварами регионы Таврики и Северного Причерноморья в IVв.[5] (Чореф 2019c: 9).

За прошедшие годы видение проблемы прошло значительную эволюцию. Начну с того, что удалось выявить еще одну их разновидность. Если в 2019 г. были известны только многочисленные и разнообразные реплики статеров 620 г. б.э. с бюстами боспорского царя и римского императора на аверсе и на реверсе (рис. 1), то сравнительно недавно в поле моего внимания оказались куда более редкие подражания с изображением императора и орла на шаре на оборотной стороне[6] (рис. 2). Полагаю, что они также заслуживают тщательного изучения.

(Чореф 2013: 202, рис. 2: 6, 7; Андриевский, Чореф 2023: 765—766, рис. 3), которые могли изготавливать и на полуострове (Чореф 2013: 202, рис. 2: 6, 7).

[2] Эту операцию проделывали тщательно, но весьма небрежно (рис. 1, 2). Вернусь к этому обстоятельству в свое время.

[3] Да, древние мастера могли изготовить множество отливок сразу. Иное дело — ретуширование. Эта технология в силу своей трудоемкости неприменима на официальном монетном дворе. Не было смысла задействовать ее и фальшивомонетчикам. Собственно, методика подрезки изображений и надписей на отчеканенной или отлитой монете не была свойственна античным денежным дворам. Ее законность удостоверяли оттиски штемпелей, а не следы резца. Да и мастерам было значительно удобнее изготовить штемпели, а не подрезать уже готовую к использованию монету. Полагаю, что это обстоятельство крайне интересно и заслуживает истолкования. Но уже в настоящий момент есть основания считать, что объекты нашего исследования не столько реплики платежных средств, изготавливаемые для участия в обращении, сколько особо чтимые предметы, себестоимость которых была значительно выше, чем у копируемых в процессе их производства денег государственного чекана. Т.к. такого рода деятельность вряд ли можно считать рациональной, заключаем, что выпускали не фальшивые монеты, а широко востребованные предметы культа — обереги или вотивы. Но, вернее всего, с учетом многочисленности их находок и разнообразия оформления (рис. 1, 2), а также отсутствия каких-либо приспособлений для ношения, мы имеем дело с последними.

[4] Подчеркну, что на варварской периферии Причерноморья привозные античные монеты, равно как и подражания им, отнюдь не редки (Гилевич 1968; Сапрыкин 2005; Абрамзон 2010; Труфанов 2010; Новиченкова, Новиченкова 2017; Синика, Чореф 2018; Чореф 2019a; 2020; Андриевский 2022b; 2023; Андриевский, Чореф 2021; 2022a; 2022b; 2023). Добавлю, что прослеживается периодизация денежного обращения в Таврике, разработанная с учетом видов используемых платежных средств. Полагаю, что конец III — IV вв. следует выделить в период позднеримских бронзовых монет — статеров — варварских подражаний (Чореф 2013: 206—211, рис. 4, 5).

[5] В эпоху античности большинство эмитентов выпускало неполноценные, своего рода кредитные деньги. Речь идет о низкопробных отбеленных, посеребренных, позолоченных, а также о субэратных монетах. Но их чеканили наряду с полноценными деньгами. При этом использовали одни и те же штемпели. Так что у пользователей не возникало чувство отторжения. Иная ситуация сложилась в III в., когда римские монетные дворы стали выпускать в основном кредитные деньги: сначала антонинианы, а затем фоллисы, обращавшиеся на рынке с учетом условной, хотя и законодательно установленной, причем весьма завышенной стоимости. Да, полноценные монеты из золота и серебра, равно как и бронза римского чекана продолжали поступать в Таврику и Северное Причерноморье (Кропоткин 1961: 63—66; Столярик 1992: 9—39; Сапрыкин 2005: 171—187; Абрамзон 2010: 495—496; Труфанов 2010: 238—241; Андриевский 2022b; Андриевский, Чореф 2022a: 360—361, № 6—10, рис. 2: 6—10). Но деньги из драгоценных металлов, в силу своей высокой стоимости, не могли на уровне, достигнутом в первые столетия римского периода, обслуживать мелкие сделки на местных рынках. Причем, как правило, они выпадали в клады или служили сырьем для изготовления знаковых украшений (Андриевский 2022b: 224, № 7, рис. 1: 7). В любом случае, полноценные деньги не могли использоваться в качестве привычных местному населению малоценных вотивов. Стоит учесть и то обстоятельство, что в последние два века существования Римской империи ее население периодически страдало от дефицита разменной монеты. Дело в том, что правившие тогда императоры столь неохотно чеканили малостоящую медь, что временами были вынуждены передавать ее эмиссию на откуп. Причем по эдикту 354 г. была категорически запрещена перевозка денег для продажи из одной провинции в другую (Мэттингли 2005: 216—217). Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в 340-гг. прекратилась денежная эмиссия на Боспоре (Фролова 1997: 372), монетные дворы которого в последние десятилетия чеканили только деградированные статеры, которые, в силу традиционности своего оформления и низкой стоимости используемого для их изготовления сплава, служили разменными деньгами. Так что возникший в тот период в регионе дефицит платежных средств небольшого номинала был весьма ощутимым.

[6] Сразу же замечу, что нахожу это обстоятельство — многочисленность и разнообразие подражаний первой разновидности и очевидную редкость и немногочисленность вариаций второй крайне важным и интересным. Обращусь к его истолкованию несколько ниже.

Ставлю перед собой следующие задачи. Во-первых, попробую объяснить сам факт выпуска двух разновидностей этих артефактов. Во-вторых, попытаюсь локализовать центр (центры ?) эмиссии изучаемых подражаний. И, наконец, в-третьих, планирую сформулировать и вынести на научное обсуждение точку видение на проблему датировки этих реплик, выявить и истолковать причины, приведшие как к началу, так и к прекращению их выпуска.

Полагаю, что разрешение этой проблемы позволит не только по-новому взглянуть на проблему этнических, культурных и религиозных контактов между населением центральных регионов Боспорского царства и его периферии, но и локализовать региональные центры, возникшие на удаленных от Пантикапея территориях в период выпуска изучаемых подражаний. И, что, как мне кажется крайне важно, увязать их эмиссию с конвой исторических событий и этнических процессов, произошедших в Северном Причерноморье и в Таврике в эпоху поздней античности.

Начну с описания разновидностей реплик[7].

1. Л.с.: Бюст длинноволосого мужчины, по-видимому, боспорского государя, развернутый вправо. Вокруг различимы буквосочетания «BACI» и «KOVP». Изображение и надпись подрезаны. На ряде монет (рис. 1: 1, 2) просматривается небольшой венок, выполненный в низком рельефе[8], размещенный правее губ боспорского царя. Вполне возможно, что его изображение присутствовало и на формах, используемых при изготовлении прочих реплик этого вида. Но используемая в тот период времени довольно кустарная технология литья не всегда позволяла воспроизвести столь незначительные элементы оформления. По той же причине на репликах на различимы все буквы легенды аверса. Велика вероятность и того, что следы плохо отлившегося венка срезали при ретушировании более рельефных изображений.
   О.с.: Мужской бюст с короткими волосами вправо. В нем следует видеть изображение римского императора. В первом случае его венчает диадема без, а во втором — с длинными лентами[9]. По сторонам хорошо видны символы «К» и «Х». Есть все основания полагать, что это обозначения даты по б.э. Изображение и надпись подрезаны.

Сразу же замечу, что артефакты этой разновидности давно и хорошо известны. Так, в 2009 г. в Керчи был найден клад из 951 монеты, в составе которого сохранились 8 весьма схожих литых подрезанных копий статеров Рескупорида V (Сидоренко 2011: 459, 475, 523, 568—569, № 944—951, табл. I, прил. 1). Фотографии модифицированных реплик его монет, причем этой же разновидности, приведены на сайте «Старая монета» (starayamoneta.ru: 1) (рис. 1: 1, 5). На них также хорошо заметны следы подрезки. Подчеркну, что представляется возможность установить оригиналы этих подражаний. Полагаю, что оригиналом реплик, изображения которых приведены на рис. 1, является статер 620 г. б.э. (323/324 г.). Об этом говорит венок на аверсе и размещение буквенных обозначений даты по сторонам фигуры императора на реверсе (Анохин 1986: № 769, табл. 39: 769; 2011: № 2168). В результате активного использования рабочие поверхности форм реверса выгорали. Вследствие этого на реверсе ряда монет этой разновидности не просматриваются концы лент диадемы, венчающей бюст императора (рис. 1: 1—4). Но она обязательно должна была быть. Ведь речь идет о непременном атрибуте верховной власти. Не случайно она присутствует на

[7] Изображения и краткие описания изучаемых реплик приведены в каталоге «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1). Так, на рис. 1 приведены фотографии артефактов, сведения о которых размещены в нем под номерами 000-5179-1, 000-5179-3, 000-5179-4, 000-5179-5, 000-5179-7, 000-5179-9, 000-5179-10, 000-5179-11 и 000-5179-12. В свою очередь, на рис. 2 воспроизведены фотографии реплик под номерами 000-5179-2, 000-5179-6 и 000-5179-8, представленных в этом же каталоге.

[8] Очевидно, что имеем дело с победной символикой.

[9] Истолкование этого обстоятельства приведено ниже.

многих репликах этой разновидности (рис. 1: 5—9). Как уже было сказано выше, следы этого элемента оформления могли быть повреждены или удалялись в ходе подрезки[10].

2. Л.с.: Бюст длинноволосого мужчины, вернее всего — боспорского царя, развернутый вправо. Правее губ изображенного просматривается дифферент Ψ. Композиция обрамлена надписью, от которой сохранились буквосочетания «ВА» и «PICKOVP» (рис. 2: 1). Изображение и символы подрезаны.
О.с.: Мужской бюст с короткими волосами вправо. Его голову венчает диадема. Правее лица изображенного — развернутая влево крупная птица, по-видимому, орел, стоящий на шаре. В нижней правой части монетного поля, под изображением птицы, виден символ «А» (рис. 2: 1).

Точное определение прототипа (прототипов ?) реплик второй разновидности вряд ли представляется возможным. Дело в том, что при Рескупориде V, а его бюст, судя по стилистике изображения и по легенде аверса, был размещен на лицевой стороне этих подражаний, было выпущено семь разновидностей статеров с орлом на шаре на реверсе. Такие монеты чеканили в 611 г. б.э. (314/5 г) (Frolova 1983: 61, 209; Фролова 1997: 323; Чореф 2019b: 111, 113, 116, рис. 1: 2), 619 г. б.э. (322/323 г.) (Анохин 1986: № 768а, табл. 38: 768а; 2011: № 2166; Frolova 1983: 65, 219—220; Фролова 1997: 333—334;), в 620 г. б.э. (323/324 г.) (Анохин 1986: № 769а, табл. 39: 769а; 2011: № 2169; Frolova 1983: 66, 227—228; Фролова 1997: 342—345), в 621 г. б.э. (324/325 г.) (Анохин 1986: № 770а, табл. 39: 770а; 2011: № 2172; Frolova 1983: 67, 232; Фролова 1997: 348—350), в 622 г. б.э. (325/326 г.) (Анохин 1986: № 771б, табл. 39: 771б; 2011: № 2175; Frolova 1983: 67, 234; Фролова 1997: 350—351) и в 623 г. б.э. (326/7 г.) (Анохин 1986: № 772, 772а, 772б, 772г, 772ж, табл. 39: 772, 772а, 772б, 772г, 772ж; 2011: № 2183, 2187, 2190; Frolova 1983: 68, 69, 70, 244; Фролова 1997: 357—358) и в 630 г. б.э. (333/4 г.) (Анохин 1986: № 776, табл. 39: 776; Frolova 1983: 73, 255; Фролова 1997: 371). Очевидно, что статеры с таким символом могли быть выпущены в память о победах, одержанных в те годы вышеупомянутым царем (Чореф 2019b: 116).

Сам же факт копирования статеров Рескупорида V для вотивов говорит о том, что он был весьма почитаемым правителем. Вполне возможно, что мы имеем дело со свидетельствами культа этого государя[11]. Причем, как видим, пиетет к нему был распространен не только на территории Боспорского государства, но и на его периферии.

Полагаю, что нельзя обойти внимание весьма немаловажное обстоятельство. Как помним, реплики первой разновидностей были выявлены в закрытом комплексе — в Керченском кладе деградированных статеров 2009 г. (Сидоренко 2011: 459, 475, 523, 568—569, № 944—951, табл. I, прил. 1). Нахожу это обстоятельство крайне важным. Есть все основания полагать, что интересующие меня артефакты служили если и не законным, то вполне привычным для боспорян средством платежа и сбережения[12]. Причем вряд ли они видели в них жетоны. Ведь какие-либо обозначения, размещенные для легализации их нахождения в обращении, на изучаемых подражаниях не выявлены (Чореф 2013: 208—209, рис. 3: 1—4).

Подчеркну, что речь идет не о чеканных репликах, выпущенных в ущерб обращению, а о литых и подрезанных копиях[13], с учетом использованных в их производстве технологий, оформленные со значительным отходом от оригинала. Так что, есть все основания полагать, что

[10] Нахожу это обстоятельство крайне важным. Очевидно, что с большим вниманием оформляли аверс, на котором размещался бюст боспорского государя.

[11] Эти же обстоятельства мотивировали неизвестных эмитентов выпускать чеканные подражания статеру Рескупорида IV (242/243—253/254, 254/255—257/258, 261/262—267/268, 275/276—276/277) чекана 560 г. б.э., которые, как полагаю, вотивами не являлись (Чореф 2023).

[12] Мы рассмотрим этот аспект несколько ниже.

[13] Напомню, что их производство обходилось значительно дороже, чем подлинных монет. Замечу, что литые реплики римских монет, выпущенные в ущерб обращению, не ретушировали (Bastien 1985; Prokopov, Paunov 2004).

раз они служили традиционными вотивами, то, в силу этого, ценились населением, ощущавшим дефицит привычных монет после прекращения эмиссии боспорских статеров[14] (Чореф 2019c: 9). Констатирую тот факт, что реплики первой разновидностей были привычными для жителей западной части Боспорского государства средствами платежа и сбережения. Допускаю, что их могли изготавливать в том же регионе.

Сразу же замечу, что считаем этот вывод достаточно плодотворным. Ведь он позволяет истолковать тот факт, что реплики второй разновидности не выпали в таврические клады. Допускаю, что их выпускали в ином регионе. Вполне возможно, что их лили и подрезали на Северном Кавказе. Учитываю то обстоятельство, что в 2004 и в 2006 гг. на Кубани, в окрестностях г. Усть-Лабинска и у ст. Воронежской были обнаружены две литые подрезанные бронзовые копии электровых боспорских статеров второй половины II — начала III в. (Завьялов 2007 29; Чореф 2019c: рис. 1: 1, 2), вернее всего — Евпатора (154/5—170/1) или Савромата II (174/175—210/211), служившие вотивами (Чореф 2019c: 6). Традиция выпуска такого рода реплик могла сохраняться довольно долго, до тех пор, пока пользователи ощущали потребность в широко востребованных атрибутах культа.

В любом случае, копировались широко распространенные памятные монеты (рис. 1, 2). Вполне возможно, что реплики выпускались с учетом предпочтений потенциальных пользователей, в памяти которых были запечатлены события, нашедшие свое отражение в выпусках статеров с изображением венка на аверсе и орла на реверсе.

Перехожу к разрешению третьей задачи. И сразу же замечу, что нахожу ее самой важной и интересной. Дело в том, что сам факт выпуска реплик позднейшим боспорским монетам говорит о том, что их эмитенты не были подконтрольны боспорским властям, но, в тоже время, находились в зоне культурного влияния его центров. Ведь, как помним, копировали привычные населению монеты чекана Тибериев Юлиев (Чореф 2019c). Следовательно, у нас есть все основания для констатации того факта, что Боспорское государство к тому времени успешно преодолело кризис «скифских войн», а этнический состав населения в зонах эмиссии реплик если и менялся, то незначительно. Об этом свидетельствуют и итоги археологических, ономастических и эпиграфических исследований, а также результаты изучения памятников торевтики.

Есть все основания полагать, что во второй половине III — третьей четверти IV вв. близ Пантикапея и Феодосии расселились аланы, лояльные Тибериям Юлиям (Даньшин 1990: 53—56). Они привнесли в Таврику Т-образные склепы. Причем они не потеснили местных жителей. Так, боспорцы и в IV в. хоронили своих покойников в выложенных плитами земляных могилах, характерных для греческого населения региона с эллинистического периода. Сарматы продолжили погребать умерших в подбойных могилах. Причем представители всех этнических групп использовали склепы с лежанками (Айбабин 1999: 38—39).

Подчеркнем, что нет оснований полагать, что изучаемые реплики изготавливались с санкции германских вождей. Их набеги в эпоху «скифских войн» также не привели к заметному изменению этнического состава населения Восточной Таврики и Северо-Восточного Причерноморья[15] (Айбабин 1999: 38). А после победы Тейрана[16] (КБН 1965: № 36; КБН 2004:

[14] То же обстоятельство побудило скифского династа Патия выпустить серебряные реплики тетроболам саммеотов, чеканенным в Нимфее (Андриевский 2022a).

[15] Нельзя обойти вниманием надгробие членов парахристианского фиаса (КБН 1965: № 1099; КБН 2004: № 1099), найденное близ ст. Тамань в 1868 г. По мнению В.П. Яйленко, в нем упомянуты гунны Дуджага Савага комит, Хоримаг Даппаей, Трофим Омар, Салдих Мидах, Табулгай Аттай, Малдаг Кандись и Севраг. Ученый полагает, что упомянутые в нем лица служили в пограничной страже. Он датирует этот текст 403—502 гг. В.П. Яйленко заключил, что вышеупомянутые лица защищали границы завоеванного гуннами Боспорского царства (Яйленко 2010: 426—433, 439—454; 2016: 909—910). Немаловажно и то, что ученый также выявил надпись гуннской царицы (Б)оарекс и гуннского царя Грода (Керченский музей, инв. № Кл-532 (К-3174); Яйленко 2016: 877—884). Но они, по «Хроникам» Малалы и Теофана, жили в 527/8 г. В любом случае, у нас нет оснований полагать, что гунны могли влиять на ситуацию в Боспоре до 372 г. В тоже время

№ 36) они потеряли всякое влияние на Боспор[17] (Айбабин 1999: 38). Добавим так же, что германские древности третьей четверти III в. в европейской части Боспора довольно редки. Причем многие из них были найдены на городищах, поселениях и в некрополях местного греческого и сармато-аланского населения[18] (Айбабин 1999: 44).

В свою очередь, о значительном влиянии ираноязычных кочевников Северного Причерноморья и Таврики в догуннский период не только на положение дел в южных регионах Восточной Европы, но и в Средней Азии свидетельствует широкое распространение их тамг (Яценко 2001; 2009; 2018; 2020; Яценко, Рогожинский 2021). Есть все основания видеть в них могущественных и деятельных союзников Тиберия Юлиев.

Однако на изучаемых подражаниях нет тамг. Нахожу это обстоятельство крайне интересным и примечательным. Ведь речь идет о столь популярных в среде ираноязычных кочевников знаки собственности. Складывается впечатление, что эмитенты не стремись информировать пользователей о своей роли в выпуске подражаний. Что, в свою очередь, может быть истолковано как довод в пользу утверждения, что эти артефакты выпускались исключительно для насыщения денежного обращения. Но это предположение, как уже было сказано выше, нет оснований считать перспективным. Как помним, изучаемые реплики были ретушированы. Так что производство было крайне затратным и, следовательно, дорогостоящим. Единственным, с моей точки зрения, логичным объяснением этого явления может быть очередная констатация факта пиетета эмитентов по отношению к Рескупориду V. Очевидно, что предводители аланских кланов, распорядившись копировать его монеты и санкционировав использование созданных таким образом реплик в качестве вотивов, не считали допустимым разместить на этих изделиях какую-либо эмиссионную информацию.

Перейдем к памятникам торевтики. Крайне примечательны знаковые ювелирные изделия — серебряные сбруйные бляхи, обтянутые золотой фольгой и декорированные тисненными витыми жгутами и гнездами со вставками крупного шлифованного сердолика. Эти артефакты были обнаружены в Керчи в могилах Рескупоридов, изученных в 1837 и 1841 гг. (Айбабин 1999: рис. 17: 1—5, 7—9, табл. IV: 3). Дело в том, что аналогичным образом декорированные элементы конской сбруи были найдены в погребениях из Керчи, хранящиеся в British Museum в составе коллекции А.Л. Бертье-Делагарда (Айбабин 1999: рис. 17: 1), из Азова (конец III — первая половина IV вв.), обнаруженных в некрополе Веселая Роща II

этнический состав населения Боспора в 340—360 гг., с учетом данных ономастики, был довольно стабильным (КБН 1965: 846—909).

[16] Крайне примечательно и то, что при Тейране (266/7, 275/6—278/9) сохранилась традиционная административная система (КБН 1965: № 36; КБН 2004: № 36). Поздейшие боспорские государи придерживались традиционной политики поддержки полисов и культовых центров (КБН 1965: № 65, 66, 67, 1112; КБН 2004: № 65, 66, 67, 1112). Однако боспорские надписи свидетельствуют о том, что полисные элиты стремились поддерживать тесные контакты с римскими властями (КБН 1965: № 64, 1051; КБН 2004: № 64, 1051). Мы наблюдаем реакцию на агрессивную политику Фофорса (285/286—309/310) (Чореф 2020).

[17] Есть все основания полагать, что готы Меотиды поддерживали тесные контакты с боспорскими властями. Так, О.В. Шаров заключил (Шаров 2009: 162—195; 2010: 252—283), что готы сначала заселили северное побережье Азовского моря (Шаров 2009: 173—177; 2010: 254), а после двинулись во Фракию (Iord. Get., 38). Ученый подчеркнул, что для похода на Херсонес боспорский царь «привлек варваров с северного берега Меотиды, в культуре которых сочетаются позднесарматские и германские черты» (Шаров 2009: 166; 2010: 254).

[18] Важный вклад в изучение германских древностей на Боспоре сделали М.М. Казанский и А.В. Мастыкова (Казанский 1997a: 48—51; 1997b: 181—193; 1999: 277—297; 2006: 26—41; 2016b: 137—162; Казанский, Мастыкова 2007: 169—177), которые изучили артефакты германского происхождения, обнаруженные на Боспоре: подвязные арбалетные и двупластинчатые фибулы, трехслойные гребни, умбоны щитов, а также черняховскую керамику. По их мнению, эти артефакты использовались в периоды C3—D1 (300/320—400/410 гг.). Они имеют аналогии в черняховских древностях (Казанский 1999: 277—281; 2016a: 60). М.М. Казанский и А.В. Мастыкова также опубликовали золотую гривну из Фанагории, найденную в детском погребении 1842 г. (Казанский, Мастыкова 2007: рис. 1). Она имеет четкие аналогии среди скандинавских и германских древностей второй половины III в. Немаловажно и то, что М.М. Казанским были выделены наиболее ранние находки на Боспоре, которые можно было сопоставить с типами изделий, характерными для культур германского облика периода C2 (250/260—320/330 гг.) (Казанский 1999: 277—281; 2016a: 60).

(Ставрополье, вторая половина III в.), из ст. Тимошевской (Северный Кавказ), из Кишпека (Кабардино-Балкария) и пряжки из Херсонеса с усадьбы Массаксуди (датируются последней четвертью IV в.), височные подвески, браслеты и пряжка из погребений второй половины III — первой половины IV в. из Приднепровья, Подонья и Прикубанья, а также крымских погребениях первой группы (вторая половина III в.): Черная Речка (могилы 3, 35 и 45), Дружное (захоронение 2 в склепе 1, могила 24), Бельбек III (могила 2) и второй группы (второй половины IV в.): Черная Речка (могила 2) (Айбабин 1999: 43).

Есть все основания полагать, что как в Таврике, так и на Северном Кавказе бытовал единый стиль оформления знаковых украшений. Полагаем, что это обстоятельство может быть объяснен только с учетом уже отмеченного факта расселения во второй половине III — третьей четверти IV вв. в этих регионах алан, вожди которых входили в состав боспорской элиты.

Но вернусь к изучаемым репликам. Есть все основания полагать, что их выпускали некие группы варваров, вернее всего — аланы, кочевавшие как в Восточной Таврике, так и на Северном Кавказе. Безусловно, они были независимыми от Боспора, но выпущенные на подконтрольным им территориях подражания могли использоваться в качестве платежных средств[19] на территории последнего[20]. Допускаем, что подражания первой разновидности выпускали аланские кланы, кочевавшие в восточной часть Таврики. А реплики второго типа чеканили их соплеменники на Северном Кавказе.

В любом случае, производством изучаемых реплик не занимались профессиональные монетчики. В результате чего была налажено литье подражаний. Ведь оно было по силам ремесленникам, имевшим навыки работы с расплавленным металлом. Этим же обстоятельством следует объяснять и непрофессиональное ретуширование подражаний. Самобытные монетчики пытались предать товарный вид своим изделиям. Однако эта задача была для них весьма сложна. Подчас они искажали изображения и надписи неумелой подрезкой. Прихожу к выводу, что изучаемые реплики изготовили не в боспорских полисах, где работали профессиональные литейщики, чеканщики и монетчики, а в достаточно удаленных от Боспорского пролива региональных центрах, вполне возможно, что в кочевых становищах.

Это вполне очевидное допущение видится мне крайне важным. Оно позволяет установить верхнюю границу периода эмиссии изучаемых реплик. Очевидно, что значительные изменения в составе населения региона должны были если не ликвидировать, то, по крайней мере, значительно снизить спрос на подражания боспорским монетам[21].

Полагаю, что единственным возможным событием такого рода, причем крайне значимым, является начало гуннского похода в Европу. Ведь именно это нашествие и привело к значительным подвижкам населения. Так, в 372 г. гунны форсировали Волгу и разгромили алан-танаитов и алан Прикубанья, а также совершили набег на Восточную Таврику[22]. В 375 г. ими была

[19] Вполне возможно, что вожди аланских кланов, эмитировавших изучаемые реплики, были родичами Тиберия Юлиев. Вернее всего, близкими родственниками Рескупорида V. Этим обстоятельством можно объяснить их пиетет по отношению к этому государю. Вполне возможно, что они также принимали активное участие в его войнах, активно поддерживая царскую армию. И, в память об этом, использовали копии статеров Рескупорида V с победной символикой в качестве вотивов. В любом случае, есть все основания для констатации того факта, что боспоряне ценили изучаемые реплики как законные платежные средства, выпущенные от имени представителей правящей династии.

[20] Как верно заметили В.М. Зубарь и В.Н. Зинько, «прекращение боспорской чеканки нельзя рассматривать в качестве показателя полного сворачивания товарно-денежных отношений». Исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что в обращении остались статеры прежних эмиссий. Кроме того, в регион поступала римская бронзовая монета (Зубарь, Зинько 2006: 234). Добавим, что денежное обращение усваивало и реплики боспорским статерам (Сидоренко 2011: 459, 475, 523, 568—569, № 944—951, табл. I, прил. 1).

[21] Речь идет только об изучаемых разновидностях копий статерам Рескупорида V. Дело в том, что нам известны иные группы литых и чеканенных, но не ретушированных реплик статерам этого государя. Мы введем их в научный оборот в ближайшее время.

[22] Присутствие гуннов в Таврике до 440-х гг. было эпизодическим. М.М. Казанский подчеркнул, что столица Боспорского царства тогда не пострадала (Казанский 2021: 109, 110). Государство Тиберия Юлиев попало под влияние гуннов только после подчинения ими гуннов-акациров (Казанский 2021: 110, 117).

сокрушена держава Германариха (ум. 375) (Kazanski 1991: 62—63; Кузнецов 1992: 63—64). О быстротечности и значимости произошедших тогда в Причерноморье событий говорит то, что в 376 г. вестготы и остготы, спасаясь от голода и от гуннов, при поддержке аланов перешли Дунай (Кузнецов 1992: 64). Им удалось в 378 г. разгромить Валента в сражении при Адрианополе. На рубеже IV—V вв. гунны вошли в Таврику. Со временем, к 440-м гг., они захватили степную часть полуострова и западную часть Боспорского царства (Айбабин 1999: 73—74; Казанский 2021). Так гунны уничтожили два крупных этно-политических образования, вернее всего — аланских, существовавших на ближней периферии государства Тибериев Юлиев.

Есть все основания считать, что эти события и привели не только к значительным подвижкам в составе населения Таврики и Северного Причерноморья. Были дискредитированы старые и возникли новые культов. Полагаю, что 372 г. мог стать верхней границей периода выпуска первой (рис. 1) и второй (рис. 2) разновидностей подражаний боспорским статерам (рис. 2).

Осталось дать ответ на еще один вопрос. Следует истолковать разнообразие подражаний первой и немногочисленность вариации второй групп. Полагаю, что это явление можно объяснить следующим образом — аланы Восточной Таврики выпускали свои реплики в больших количествах, и, соответственно, чаще меняли литейные формы вследствие того, что во-первых, они были сильнее и влиятельнее в экономическом смысле, и, во-вторых, что весьма немаловажно, выпущенные ими подражания пользовались спросом в боспорских полисах, и, следовательно, выпадали в клады. А аланы Северного Кавказа могли выпускать реплики только для собственных нужд, и, следовательно, в меньших количествах с использованием немногочисленных литейных форм.

Полагаю, что в ходе исследования удалось не только дать ответы на поставленные вопросы: локализовать эмиссии этих реплик, выявить и истолковать причины, приведшие к выпуску двух их разновидностей, датировать эти артефакты, а также скоррелировать скрупулезность, с которой они изготавливались и низкий профессиональный уровень проработки размещенных на них изображений и надписей. Есть все основания считать, что мы имеем дело с копиями боспорских статеров, выпущенных в память о победах Рескупорида V. Эти подражания представляли собой вотивы, призванные заменить дефицитные во второй половине IV в. боспорские статеры. Реплики выпускали в Восточной Таврике (первая разновидность) и на Северном Кавказе (вторая разновидность) с санкции вождей аланских кланов, по-видимому, родичей Тибериев Юлиев. Эмиссия этих подражаний прекратилась в результате нашествия вторжения гуннов в Причерноморье.

Литература

Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477—521.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2008. *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. 1. *1834—2005 гг.* Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина (БИ Supplement 2).

Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.

Андриевский Д.В. 2022a. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2022b. Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма. *МАИАСП* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010.

Андриевский Д.В. 2023. Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель. *МАИАСП* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022a. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022b. Римские денарии из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2023. Новые находки римских денариев в Байдарской долине (Крым). *МАИАСП* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Гилевич А.М. 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. *НиС* III, 3—61.

Даньшин Д.И. 1990. Танаиты и Танаисцы во II—III вв. н.э. *КСИА* 197, 51—56.

Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ* XII.

Казанский М.М. 1997a. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье. В: Айбабин А.И. (ред.). *Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 48—51.

Казанский М.М. 1997b. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. В: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. (отв. ред.). *Stratum + ПАВ*. Санкт Петербург; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь-Метониум», 181—193.

Казанский М.М. 1999. Готы на Боспоре Киммерийском. В: Гладких В.И. (отв. ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев: Товариство археологii та антропологii, 277—297.

Казанский М.М. 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время. В: Терпиловский Р.В. (гл. ред.). *Готы и Рим*. Киев: Стилос, 26—41.

Казанский М.М. 2016a. «Понтийский лимес» в эпоху Позднеримской имерии и северные варвары. *МАИЭТ* XXI, 58—83.

Казанский М.М. 2016b. Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. *БИ* XXXIII, 137—162.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2007. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Кимме рийском в позднеримское время. *БЧ* VIII. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты.* Керчь: Деметра, 169—177.

Казанский М.М. 2021. Гунны на Боспоре Киммерийском. *БИ* XLII, 108—131.

КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Кузнецов В.А. 1992. *Очерки истории алан*. Владикавказ: Ир.

Мэттингли Г. 2005. *Монеты Рима*. Москва: Collector's Books.

Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В. 2017. Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму. *АМА* 18, 252—274.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Стоярик Е.С. 1992. *Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время, конец III — начало XIII в*. Киев: Наукова думка.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 211—341/342 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—216.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019b. К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V. В: Ткачук М.Е., Атанасов А.А. (ред.). *В поисках сущности: сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева*. Кишинев: Stratum plus, 109—118.

Чореф М.М. 2019c. Нумизматика Боспора: о причинах подрезки статеров и подражаний им. *Tractus Aevorum* 6 (1), 3—16.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2023. Подражание статеру Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. как источник исторической информации. *Русин* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2.

Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.

Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.

Яйленко В.П. 2016. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Ярцев С.В. 2013. Проблемы денежного обращения на Боспоре во второй половине IV в. *Восточная Европа в древности и в средневековье* 25, 268—282.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I—III вв. н.э. *ДБ* 13, 539—552.

Яценко С.А. 2018. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus* 6, 217—242.

Яценко С.А. 2020. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I—IV вв. н.э. *Археологическое наследие* 1 (3). *Античность, скифы, сарматы*, 409—420.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Bastien P. 1985. Imitations of Roman Bronze Coins, A.D. 318—363. *Museum Notes (American Numismatic Society)* 30 (1985), 143—177.

bosporan-kingdom.com: 1: Монеты Боспора. URL: bosporan-kingdom.com (дата обращения 31.12.2023).

Frolova N.A. 1983. *The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 242—341/342*. Oxford: BAR (BAR International Series 166).

Kazanski M. 1991. Les Goths (Ier — VIIe siecles ap. J.-C.). Paris: Errance.

Prokopov I., Paunov E. 2004. *Cast Forgeries of Classical Coins from Bulgaria*. Sofia: SPP (CCCHBulg. 3).

starayamoneta.ru: 1: Сомнительные монеты Боспорского царства. URL: http://www.starayamoneta.ru /forum/messages/forum71/topic111757/message1085755/#message1085755 (дата обращения 31.12.2023).

References

Abramzon, M.G. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1 (27), 477—521 (in Russian).

Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2008. *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet (Corpus of Bosporan Deposits of Ancient Coins)*. Vol. I: *1834—2005* (Bosporan Studies 2).

Aibabin, A.I. 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea)*. Simferopol: DAR (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Dan'shin, D.I. 1990. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 197, 51—56 (in Russian).

Gilevich, A.M. 1968. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* III, 3—61 (in Russian).

Zubar, V.M., Zin'ko, V.N. 2006. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XII (in Russian).

Kazanski, M.M. 1997a. In Aibabin, A.I. (ed.). *Mezhdunarodnaia konferentsiia «Vizantiia i Krym». 6—11 iiunia 1997 (Byzantine Empire and Crimea: Abstracts of the International Conference, 6—11 June 1997)*. Simferopol: National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Oriental Studies named after A. E. Krymsky, Crimean Branch, 48—51 (in Russian).

Kazanski, M.M. 1997b. In Vakhtina, M.Yu., Vinogradov, Yu.A. (eds.). *Stratum + Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev: Business-Elita, 181—193 (in Russian).

Kazanski, M.M. 1999. In Gladkikh, V.I. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (One Hundred Years of Chernyakhov Culture)*. Kyiv: Society for Archaeology and Anthropology, 277—297 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2006. In Terpilovskii, R.V. (ed.-in-chief). *Goty i Rim (Goths and Rome)*. Kyiv: Stilos, 26—41 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2016a. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXI, 58—83 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2016b. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporos Studies)* XXXIII, 137—162 (in Russian).

Kazanski, M.M., Mastykova, A.V. 2007. In *Bosporskie chteniia (Bosporan Readings)* VIII. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob'ekty (Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Shrines and Sacred Objects)*. Kerch: Demetra, 169—177 (in Russian).

Kazanski, M.M. 2021. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XLII, 108—131 (in Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Kuznetsov, V.A. 1992. *Ocherki istorii alan (Essays on the history of the Alans)*. Vladikavkaz: Ir (in Russian).

Mettingli, G. 2005. *Monety Rima (Coins of Rome)*. Moscow: Collector's Books (in Russian).

Novichenkova, N.G., Novichenkova, M.V. 2017. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 18, 252—274 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348 (in Russian).

Stoyarik, E.S. 1992. *Ocherki monetnogo obrashcheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v pozdnerimskoye i vizantiyskoye vremya, konets III — nachalo XIII v. (Essays on the coin circulation of the North-Western Black Sea region in late Roman and Byzantine times, the end of the 3rd — beginning of the 13th centuries)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).

Frolova, N. A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BCE — Middle of 4th Century CE))*. Pt II. *Monetnoe delo Bospora 211—341/342 gg. n. e. (Bosporan Coinage in 211—341/342 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—216 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).

Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).

Choref, M.M. 2019b. In: Tkachuk, M.E., Atanasov, A.A. (eds.). *V poiskakh sushchnosti: cbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeva (In search of essence: a collection of articles in honor of the 60th Anniversary of N.D. Russev)*. Kishinev: Stratum plus, 109—118 (in Russian).

Choref, M.M. 2019c. In *Tractus Aevorum* 6 (1), 3—16 (in Russian).

Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).

Choref, M.M. 2023. In *Rusin* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2 (in Russian).

Sharov, O.V. 2009. Bosporus and Barbarian World of Central and Eastern Europe in Late Roman Time (Middle 2nd — Middle 4th Centuries AD)). Dr. hab. Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n.e. — V v. n.e. (Millenar Bosporan State. History and Epigraphycs of Bosporus in 6th Century BCE — 5th Century CE)*. Moscow: Grif i K (in Russian).

Yailenko, V.P. 2016. *Istoriia i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n.e. — VII v. n e. (History and Epigraphics of Olbia, Chersonesos and the Cimmerian Bosporus in 7th Century BCE — 7th Century CE)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).

Yartsev, S.V. 2013. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i v srednevekovye (Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages)* 25, 268—282 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signstamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 539—552 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2018a. In *Stratum plus* 6, 217—242 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2020. In *Arkheologicheskoye naslediye (Archaeological heritage)* 1 (3). *Antichnost', skify, sarmaty (Antiquity, Scythians, Sarmatians)*, 409—420 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).

Bastien, P. 1985. Imitations of Roman Bronze Coins, A.D. 318—363. *Museum Notes (American Numismatic Society)* 30 (1985), 143—177.

bosporan-kingdom.com: 1: Coins of Bosporus. Available at: bosporan-kingdom.com (accessed 31.12.2023).

Frolova, N.A. 1983. *The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 242—341/342*. Oxford: BAR (BAR International Series 166).

Kazanski, M. 1991. Les Goths (Ier — VIIe siecles ap. J.-C.). Paris: Errance.

Prokopov, I., Paunov, E. 2004. *Cast Forgeries of Classical Coins from Bulgaria*. Sofia: SPP (CCCHBulg. 3).

starayamoneta.ru: 1: Dubious coins of the Bosporan kingdom. Available at: http://www.starayamoneta.ru /forum/messages/forum71/topic111757/message1085755/#message1085755 (accessed 31.12.2023).

Рис. 1. Литые и подрезанные подражания статерам Рескупорида V первой разновидности (по bosporan-kingdom.com: 1: № 000-5179-1, 000-5179-3, 000-5179-4, 000-5179-5, 000-5179-7, 000-5179-9, 000-5179-10, 000-5179-11, 000-5179-12).

Fig. 1. Cast and trimmed imitations of staters of Rhescuporis V of the first variety (after bosporan-kingdom.com: 1: No. 000-5179-1, 000-5179-3, 000-5179-4, 000-5179-5, 000-5179-7, 000-5179-9, 000-5179-10, 000-5179-11, 000-5179-12).

Рис. 2. Литые и подрезанные подражания статерам Рескупорида V второй разновидности (по bosporan-kingdom.com: 1: № 000-5179-2, 000-5179-6, 000-5179-8).

Fig. 2. Cast and trimmed imitations of staters of Rhescuporis V of the second variety (after bosporan-kingdom.com: 1: No. 000-5179-2, 000-5179-6, 000-5179-8).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.45.74.037

Ersin Çelikbaş, Kasım Oyarçin

THE FIRST NUMISMATIC EVIDENCE FROM THE INNER CASTLE BAPTISTERY OF PAPHLAGONIAN HADRIANOPOLIS*

The subject of this article is the sixteen coins found in the Inner Castle Baptistery, where excavations began in 2022. The archaeological datas from these excavations revealed that the Inner Castle Baptistery was built in the 5th century CE. It remained in use with its original function until the end of the 7th century CE, undergoing various repairs and additions. The last phase of the building consists of the remains of a wall built with earthen mortar. Given the long-term use of the Inner Castle Baptistery, the coins discovered during the excavations are dated from the period of Licinius I (314 CE) to that of Michael VII Ducas (1071—1078 CE). The numismatic datas from the Inner Castle Baptistery are significant as they corroborate the archaeological findings related to the building's construction, use, and renovation periods. These findings are also essential to understand the Middle-Late Byzantine Period of the city. Until the 2022 excavations, most of the coins discovered in the Hadrianopolis excavations were from the Late Roman and Early Byzantine periods, with only a few exceptions. The dominance of coins from these periods, coupled with the lack of post-8th century CE data, except for a few surface finds not directly associated with the buildings, suggested that the city might have been abandoned during this century. However, the sixteen coins from the Inner Castle Baptistery, which is the focus of this study, are crucial in providing archaeological evidence that Hadrianopolis continued to be inhabited during the Middle-Late Byzantine Period, at least until the end of the 11th century CE.

Key words: Paphlagonia, Hadrianopolis, Late Roman, Byzantium, Baptistery, Coin.

About the authors: Çelikbaş Ersin[1], Associate Prof. Dr., Karabuk University, Faculty of Letters, Department of Archaeology; Oyarçin Kasım[2], Associate Prof. Dr., Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology.

Contact information: [1]78050, Turkey, Karabük, Karabuk University, e-mail: ersincelikbas@gmail.com; [2]55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, e-mail: kasimoyarcin@omu.edu.tr.

Эрсин Челикбаш, Касым Оярчин

ПЕРВЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БАПТИСТЕРИЯ ВНУТРЕННЕГО ЗАМКА ПАФЛАГОНСКОГО АДРИАНОПОЛЯ

Предметом этой статьи являются шестнадцать монет, найденных в баптистерии Внутреннего замка, в котором в 2022 г. начались раскопки. Археологические данные этих раскопок показали, что баптистерий Внутреннего замка был построен в V в. н.э. Он оставался в эксплуатации по своей первоначальной функции до конца VII в. н.э., подвергаясь различным ремонтам и дополнениям. Последняя фаза здания состоит из остатков стены, построенной с использованием глиняного раствора. Учитывая долгосрочное использование баптистерия Внутреннего замка, монеты, обнаруженные во время раскопок, датируются периодом от Лициния I (314 г. н.э.) до периода Михаила VII Дуки (1071—1078 гг. н.э.). Нумизматические данные из баптистерия Внутреннего замка имеют важное значение, поскольку они подтверждают археологические находки, связанные с периодами строительства, использования и реконструкции здания. Эти находки также необходимы для понимания средне-поздневизантийского периода города. До раскопок 2022 г. большинство монет, обнаруженных при раскопках Адрианополя, относились к позднеримскому и ранневизантийскому периодам, за исключением нескольких исключений. Доминирование монет этих периодов в сочетании с отсутствием данных после VIII в. н.э., за исключением нескольких поверхностных находок, не связанных напрямую со зданиями, предполагало, что город мог быть заброшен в этом столетии. Однако шестнадцать монет из баптистерия Внутреннего замка, которые являются предметом данного исследования, имеют

* Статья поступила в номер 20 июня 2024 г.
Принята к печати 5 июля 2024 г.

© Ersin Çelikbaş, Kasım Oyarçin, 2024.

решающее значение для предоставления археологических доказательств того, что Адрианополь продолжал быть заселенным в средне-поздневизантийский период, по крайней мере до конца XI в. н.э.

Ключевые слова: Пафлагония, Адрианополь, поздний Рим, Византия, баптистерий, монета.

Сведения об авторах: Челикбаш Эрсин[1], доцент, доктор наук, Университет Карабюк, факультет литературы, кафедра археологии; Оярчин Касым[2], доцент, доктор наук, Университет Ондокуз Майыс, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии.

Контактная информация: [1]78050, Турция, г. Карабюк, Университет Карабюк, e-mail: ersincelikbas@gmail.com; [2]55200, Турция, г. Самсун, Университет Ондокуз Майыс, e-mail: kasimoyarcin@omu.edu.tr.

Introduction

Paphlagonian Hadrianopolis covers the area known as Viranşehir, located 3 km west of the Eskipazar district centre in Karabük province (Fig. 1). The site's remains are spread across the villages of Budaklar, Büyükyaylalar, Çaylı, and Beytarla, with a concentration of ruins in Budaklar Village and Hacı Ahmetler Neighbourhood (Keleş et al. 2012: 39; Keleş 2021: 4). Hadrianopolis, situated between Southern Paphlagonia and Bithynia, is believed to have been founded in the 1st century BCE. Historical records indicate that the city was originally within the borders of the province of Galatia and was known as "Kaisareis Proseilemmentiai" before it was renamed Hadrianopolis (Matthews et al. 2009: 182; Keleş et al. 2019: 199). The city's name was changed to Hadrianopolis due to the construction activities of Roman Emperor Hadrian (117—138 CE) and his aid to the city. Scientific studies in Hadrianopolis began in 2003 with rescue excavations made by the Karadeniz Ereğli Museum. In 2006, the Decree of the Council of Ministers authorized the first scientific excavations, and the scientific excavations in the city continue to this day (Çelikbaş 2019: 75). A general evaluation of the city of Hadrianopolis in light of the existing remains recovered from the excavations carried out to date shows that it reflects the urban texture of the Late Roman-Early Byzantine period rather than that of the Roman period cities (Fig. 2). Although the epigraphic finds in Hadrianopolis are dated between the 1st and 3rd centuries CE, the excavations do not support this date range architecturally. However, the finds recovered during the excavations carried out in 2020 indicate that the settlement in the region has existed since the Late Chalcolithic Period. In other words, the traces of life in the area where Hadrianopolis was founded date back to Chalcolithic Period (Kalkan, Çelikbaş 2022: 417—431). The fact that most of the buildings unearthed during the excavations in Hadrianopolis date back to the Late Roman and Early Byzantine periods shows that the city had a significant position during these periods. Hadrianopolis was represented by clergy of different ranks, such as deacons, priests, and bishops, in ecumenical and local religious meetings, including the First Council of Nicaea in 325, the Council of Chalcedon in 451, the Synod of Constantinople in 518, and the III Council of Constantinople in 680—681 (Darrauzès 1975: 42; Belke 1996: 156; Lamberz 2004: 66; Verim 2019: 279—280; Verim 2020: 384). The inscriptions found around the city evinced that Hadrianopolis was an important trade centre during the Byzantine Period. An inscription dating to the 6th century CE mentions the fur trade, while another inscription dated to the 5th — 6th centuries CE mentions a furrier. These inscriptions highlight the city's role in commerce and the specific significance of the fur trade in its economic activities during this period (Feissel, Kaygusuz 1985: 406; Verim 2019: 279). In addition, the presence of around 25 grape press stones around the city indicates significant viticulture activity in Hadrianopolis. These press stones suggest that producing wine or other grape-based products was an essential part of the city's economy, further highlighting its agricultural and commercial significance during the Byzantine Period (Eliüşük 2022: 6—7). The status of Hadrianopolis, which was quite strong in the Early Byzantine Period, is not yet known regarding the Middle and Late Byzantine periods. Many coins have been found during the excavations of Hadrianopolis from 2003 to 2022, but most of these are dated to the Late Roman and Early Byzantine periods (Laflı et al. 2016: 187—206; Oyarçin 2019:

442—451; Oyarçin 2021: 171—190)[1]. The fact that the excavations carried out in the city to date have not yielded any data other than a few coins dating from after the 8th century CE — recovered as surface finds and with an unclear relationship to the structures—suggests that the city may have been abandoned during this century (Laflı et al. 2016: No. 15—19; Oyarçin 2021: 171—190)[2]. On the other hand, the numismatic data from the Inner Castle Baptistery, excavated in 2022, have provided new archaeological and numismatic insights into the city's Middle and Late Byzantine periods.

Hadrianopolis Inner Castle Baptistery Excavations

The Inner Castle Baptistery was initially designated as Sondage-2 and identified through geophysical and archaeogeoradar works conducted southwest of the Square Structure in Hadrianopolis in 2013 (Fig. 3). Excavations at the site commenced in 2022 by establishing nine 5 × 5 m trenches. The excavation of nine trenches — C-3, C-4, C-5, D-3, D-4, D-5, E-3, E-4, E-5, and F-5 — was completed (Fig. 4). These excavations uncovered a hot water pool measuring 1.79 meters wide and 2.25 meters long, complete with a praefurnium and a hypocaust. In addition, a fountain, tumed from a sarcophagus was unearthed in Trench C-5. The design and placement of the fountain indicate that it was added during the final phase of the building's use. Trenches C-4, D-4, and E-4 revealed rooms designated as No. 1, 2, and 3, all featuring floor mosaics. Room No. 1 measures 5.40 m in length and 3.70 m in width. The mosaics are adorned with various motifs, including bird figures, amphorae, pomegranates, ducks, pheasants, poultry, chickens, floral and geometric decorations. Some sections of the mosaic floor were damaged, and gaps were created due to the construction of walls belong to second phase within the building. Rooms 2 and 3 are similar in size to Room 1. The floors of these rooms yielded remnants of destroyed mosaics. Room 2 features mosaics with geometric patterns, while Room 3 contains mosaics with bird and deer motifs. In the southern part of Room 2, a cruciform pool measuring 3.80 × 3.40 m was uncovered. Based on the marble pavement fragments found in this area, it is evident that the pool's interior and exterior were covered with marble. The form of this pool and its similarities to other examples suggest that the building was a baptistery. Notable parallels include the Baptistery of Anemurium Centre 13 C Church from the second half of the 5th century CE (Uygun Yazıcı 2019: Fig. 7), the Baptistery of Alahan Monastery, estimated to have been built in 440—442 CE (Uygun Yazıcı 2019: Fig. 3), and the Baptistery of Arykanda Arif Kale Episcopal Church, also estimated to have been constructed around the same date (Akar 2022: Fig. 131). These examples share similar characteristics and periods, supporting the conclusion that this building was a baptistery with a central baptismal pool covered with mosaics. In addition, the square piers on all sides of the Baptistery pool indicate that the pool was centrally located within a collonaded arcade. Mosaics, ceramics, coins, and small finds suggest that the building was constructed in the 5th century CE and remained in use until the 7th century CE with various renovations and additions. The second phase, starting from the 7th century CE, marks a period of significant structural changes to the building. During this phase, the northern part of the building was divided into three rooms and continued to serve a different function. The repurposing of the baptistery is evident from the walls added in the second phase, which were constructed over the cruciform pool. The final phase of the building is identified by the remains of a wall close to the surface, discovered during the excavation of the east wall. Coins recovered from the soil layer were removed during the excavation in this area, where the wall was built with simple mud mortar, and indicate that the building remained in use at least until the 11th century CE.

[1] During the 2020 excavations at Hadrianopolis, five Roman provincial coins dating to the Marcus Aurelius and Lucius Verus periods were discovered. This finding confirms that Hadrianopolis was a city that minted its own coins during the Roman period (Çelikbaş, Oyarçin 2022: 179—188).

[2] In addition to these five coins from the Middle to Late Byzantine period, a lead seal dating to the 11th century CE was also found in the same context during the excavations of the Hadrianopolis Inner Castle Baptistery (Oyarçin, Çelikbaş 2023: 478).

Hadrianopolis Inner Castle Baptistery Coins

The 2022 excavations at the Hadrianopolis Inner Castle Baptistery discovered sixteen coins dating from the reign of Licinius I (308—324 CE) to Michael Ducas VII (1071—1078 CE). The chronological distribution of the coins reveals that two belong to the Late Roman, nine to the Early Byzantine, and the remaining five to the Middle-Late Byzantine periods (Table 1). The two Late Roman coins found in the Inner Castle Baptistery, one dating to the reign of Licinius I and the other to Constantine I, were both minted in Heraclea and are of the A3 denomination. There are nine coins dating to the Early Byzantine Period, one example each belonging to Justinian I (527—565 CE) and Focas (602—610 CE). Four of the remaining seven coins are dated to Heraclius (610—641 CE) and three to Constans II (641—668 CE). While one of the nine Early Byzantine coins found in the Inner Castle Baptistery was minted in Nicomedia, the rest were minted in Constantinople. The distribution of Early Byzantine coins by denomination shows that six coins are one follis (40 nummia), while the remaining coins are in three different denominations: three-quarter follis (30 nummia), half follis (20 nummia), and quarter follis (10 nummia). Of the five coins dating to the Middle-Late Byzantine period found in the Inner Castle Baptistery, two are Anonymous follis (976—1092 CE), two are from Constantinus Ducas X (1059—1067 CE), and one is from Michael Ducas VII (1071—1078 CE). All of these coins are follis and were minted at the Constantinople mint.

When compared to other studies published on the coins found in Hadrianopolis, the periodical distribution of the coins from the Inner Castle Baptistery is consistent with the overall findings (Laflı et al. 2016: 187—206; Oyarçin 2019: 442—451; Oyarçin 2021: 171—190). The 21 Byzantine coins recovered during the Hadrianopolis excavations from 2005 to 2008 date from the reign of Justin I (518—527 CE) to that of Romanos IV (1068—1071 CE) (Laflı et al. 2016: 194). The distribution of the coins by mint shows that all of the readable examples were minted in Constantinople (Laflı et al. 2016: 187—206). An evaluation of the distribution of the coins according to the denominations shows that one silver coin is in miliaresion, nine of the bronze coins are in follis, two are in half follis, one is in decanummia, three are in anonymous follis, while five coins are in poor condition, and their denominations are illegible. The distribution of the nine coins recovered during the 2017 and 2019 excavations in Hadrianopolis Northwest Necropolis Church according to emperors shows that Constantius II (337—361 CE), Valentinian II (375—392 CE), and Justinian I (527—565 CE) are represented by one coin example each, while five coin examples dated to the Heraclius Period (610—641 CE) (Oyarçin 2019: 442—451). One Late Roman coin is in low condition, and the emperor and mint are not clear. One of the two Late Roman coins, whose emperor and mint can be identified, is from the mint of Cyzicus, while the other is from the mint of Constantinople. Three of the Late Roman coins are in the AE3 denomination, and the other three are in AE4 (follis/nummus). Four Byzantine coins were struck in Constantinople, one in Cyzicus, and the minting place of one is not readable. The distribution of the coins by denomination shows that five are in follis (40 nummia), while one is in half follis (20 nummia). During the 2010—2014 Hadrianopolis excavations[3], 14 coins were recovered, consisting of 6 Late Roman coins and 8 Byzantine coins, dating between Licinius I (321—324 CE) and Michael Ducas VII (1071—1078 CE) (Oyarçin 2021: 171—190). The mint of the 6 Late Roman coins is unknown, while two are from Constantinople and one from Heraclea. As for the Byzantine coins, five are from the mint of Constantinople and one from Nicomedia, while the mint of two is unknown. Of the Early Byzantine coins with identifiable denominations, 4 are one follis (40 nummia), and 1 is a half follis (20 nummia). For the Middle-Late Byzantine Period, one coin is an anonymous follis, and the other, from the reign of Michael Ducas VII, is also a follis. The comparison of the Inner Castle Baptistery

[3] The Hadrianopolis excavations from 2010 to 2014 primarily focused on the restoration and conservation of previously excavated structures, geophysical studies, construction of the excavation house, and resolving infrastructure issues. As a result, the excavation work was restricted to the unfinished parts of the restored and conserved structures. Consequently, all coins analyzed in this study were recovered as surface finds from or around the buildings in the city or during minor excavations related to restoration studies (Keleş et al. 2012: 39—52; Keleş et al. 2014: 437—447; Keleş et al. 2015: 661—670).

coins with the previous numismatic data obtained during the excavations in Hadrianopolis shows that they are compatible. In the distribution of coins according to emperors, there is a significant density in the coin finds belonging to this period, which is in line with the city's strong Late Roman and Early Byzantine periods. Regarding the distribution of Hadrianopolis coins according to the mints, it is remarkable that most of the Early Byzantine coins consist of minted in Constantinople. An analysis of the distribution of Early Byzantine coins according to denominations reveals that the representation rate of small denominations is relatively low, and most of them are one follis (40 mummia). Notably, no coins are in the pentanummia denomination among the published coins from the Hadrianopolis excavations.

Conclusion

The sixteen coins found during the Hadrianopolis Inner Castle Baptistery 2022 excavations can be divided into three main groups: Late Roman, Early Byzantine, and Middle-Late Byzantine. The coins dated to the Late Roman Period represent the phase in which the building was constructed. In contrast, the Early Byzantine coins represent the second phase in which significant changes were made in the building from the 7th century CE and later. The five coins dated to the Middle-Late Byzantine Period represent the final phase of the building's use, during which it had remains of walls close to the surface, constructed with simple mud mortar. Thus, these coin finds support the archaeological data related to the construction, renovation, and usage periods of the Inner Castle Baptistery. Another important finding from the coins of the Inner Castle Baptistery concerns the city's Middle-Late Byzantine Period. Most of the archaeological data obtained from excavations in Hadrianopolis to date have been dated to the Late Roman and Early Byzantine periods. While the city has a solid Late Roman and Early Byzantine presence, excavations have yielded little data from the 8th century CE, aside from a few surface finds in or around the buildings. Consequently, the data suggest that fearing Arabic raids, the inhabitants of Hadrianopolis left the city in the 8th century CE and moved to Kimistene, a more sheltered location (Laflı, Gürler 2010: 17—62; Laflı, Kan Şahin 2010: 427—432; Patacı 2011: 27—50; Patacı et al. 2012: 163—172; Cumalıoğlu et al. 2014: 187—208). However, the coins recovered from the Inner Castle Baptistery are crucial for demonstrating that the city was not abandoned then and that a small settlement continued to exist after the 8th century CE. In conclusion, the excavations at the Inner Castle Baptistery have provided valuable archaeological data from the first season and have confirmed that settlement in the city persisted into the Late Byzantine Period, at least until the end of the 11th century CE. Future archaeological work on the building will significantly contribute to understanding the city's Middle and Late Byzantine periods.

CATALOGUE

Licinius I 308—324 CE

Heraclea

313—314 CE

Obv. IMP C VAL LICIN LICINIVS P F AVG
Laureate head of emperor, right.
Rev. IOVI CONS-ERVATORI AVGG
Jupiter standing half left, chlamys hanging from left shoulder, holding Victory on globe and sceptre; eagle with a wreath in its beak at foot left. B in right field. In exergue: SMH[T]
Ref. RIC VI, 73.

1. AE3, 23 mm, 3.11 g, 6 h, Excavation Code Number: AHK 24.

Constantine I 307—337 CE

Heraclea

326 CE

Obv. CONSTAN-TINVS AVG
Laureate head of emperor, right.
Rev. DN CONSTANTINI MAX AVG around VOT XXX within wreath. In exergue: SMH[ ]
Ref. RIC VII, 82; LRBC I, 876.

2. AE3, 18 mm, 2.19 g, 5 h, Excavation Code Number: AHG 258.

Justinian I 527—565 CE

Constantinople

Decanummium

527—538 CE

Obv. [DN IVST]INIANVS PP [AVC]
Bust right with diadem, cuirass and paludamentum.
Rev. I, above cross, to left and right stars. In exergue: CON
Ref. DOC I, p. 82, no. 34.

3. AE, 25 mm, 4.43 g, 5 h, Excavation Code Number: AHJ 312.

Focas 602—610 CE

Nicomedia

Half Follis

Type 2

Obv. [ƏM] FOCA - PERP AVC
Bust facing, wearing consular robes and crown with cross on circlet, holding mappa and cross.
Rev. XX, above cross, to right illegible, In exergue: NIKO
Ref. DOC II/I, p. 179-180, no. 62—68; MIB II, p. 132, no. 72—73.

4. AE, 26 mm, 6.16 g, 7 h, Excavation Code Number: AHJ 420.

Heraclius 610—641 CE

Constantinople

Follis

619—624 CE

Type 3

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger. Crosses in upper field to left and right.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right X[ ], beneath Γ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 289—290, no. 92—94.

5. AE, 29 mm, 8.12 g, 7 h, Excavation Code Number: AHG 3.

624—629 CE

Type 4

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger.
Rev. M, to left monogram, above cross, to right X[ ], beneath Δ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 292—294, no. 99—103.

6. AE, 29 mm, 6.48 g, 6 h, Overstruck; Excavation Code Number: AHJ 358.

631—632 CE

Type 5

Obv. To left Heraclius standing, with mustache and long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip. To right Heraclius Constantine standing, with short beard, wearing chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, cross, to right K.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross and C, to right X/X/II, beneath B, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 297, no. 107a.

7. AE, 25 mm, 4.45 g, 6 h, Excavation Code Number: AHG 2.

Three Quarter Follis

629—630 CE

Obv. To left Heraclius standing, with mustache and long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip. To right Heraclius Constantine standing, with short beard, wearing chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, star.
Rev. Λ, to left A/N/N/O, above cross, to right [X/X], beneath Δ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 301, no. 117d.

8. AE, 25 mm, 5.92 g, 7 h, Excavation Code Number: AHM 42.

Constans II 641—668 CE

Constantinople

Follis

Type 4

644—648 CE

Obv. [ЄNTδT ONIKA]
Constans II standing facing, beardless, wearing crown surmounted by cross, holding long cross in his right hand and globus cruciger in his left.
Rev. M, to left A/N/A, above cross, to right N/Є/O/Ϛ, date and officina illegible.
Ref. DOC II/II, p. 446—449, no. 63—68.

9. AE, 23 mm, 2.90 g, 7 h, Excavation Code Number: AHM 91.

Type 5a

651—652 CE

Obv. ЄNTδT O[NIKA]
Constans II standing facing, bearded, wearing chlamys and crown with cross, holding long cross in his right hand and globus cruciger in his left.
Rev. M, to left A/N/A, above cross, to right [N/Є/O/Ϛ], beneath A and in exergue: [I] A.
Ref. DOC II/II, p. 450, no. 69.

10. AE, 21 mm, 3.58 g, 7 h, Excavation Code Number: AHG 270.

Obv. ЄN[TδT ONIKA]
Constans II standing facing, bearded, wearing chlamys and crown with cross, holding long cross in his right hand and globus cruciger in his left.
Rev. M, to left A/N/A, above cross, to right N/Є/O/Ϛ, officina and in exergue: illegible.
Ref. DOC II/II, p. 450, no. 69.

11. AE, 25 mm, 4.07 g, 7 h, Excavation Code Number: AHG 93.

Anonymous Folles 970—1092 CE

Class A2 (Variation Indefinite)

AD 976 (?) — 1030/35

Obv. +ЄMMA NOVHΛ
Bust of Christ facing, bearded, with nimbus cross having two pellets in each arm, wearing tunic and himation; right hand raised in blessing in sling of cloak, left holds book of Gospels with ornament of dots on cover. To left and right pellets.
Rev. In four lines: +IhSЧS / XRISTЧS / bASILЄЧ′ / bASILЄ′
Ref. DOC III/II, p. 650—675, A2.

12. AE, 33 mm, 15.20 g, 6 h, Excavation Code Number: AHK 35.

Class C

AD 1042 (?) — 1050

Obv. +ЄMMA NOVHΛ
Half – length figure of Christ Antiphonetes facing, bearded, with cross nimbus having pellet in each arm, wearing tunic and himation; right hand raised in blessing in front of body; left holds book with ⊡ on cover (usually obscure). In field: $\overline{IC}$ / $\overline{XC}$
Rev. Jeweled cross with pellet at end of each arm. In angles of cross: $\overline{IC}$ - $\overline{XC}$ / NI - KA
Ref. DOC III/II, p. 681, C.1; Tekin 1999, p. 180, 235; Ünal 2012, p. 80, 208; Demirel Gökalp 2017, p. 100, 1005; Evans 2018, p. 243, 1247.

13. AE, 30 mm, 8.42 g, 6 h, Excavation Code Number: AHG 333.

Constantine X Doukas 1059—1067 CE

Constantinople

Anonymous Folles

Type 2

1059—1067 CE

Obv. ✠ЄMMA NOVHΛ; Bust of Christ facing, with long beard and cross nimbus having pellet in each arm, wearing tunic and himation; right hand raised before breast in blessing, left holds book with in cover ornamentation. To left and right: $\overline{\text{IC}}$ / $\overline{\text{XC}}$
Rev. ✠KѠNRΛCI ΛЄVCOΔOVK; Bust of emperor facing, bearded, wearing modified loros and crown with cross and pendilia. In right hand, cross held vertically; in left akakia.
Ref. DOC III/II, p. 777, 9.1; BMC II, p. 519, 32; Tekin 1999, p. 190, 282; Sear 2006, p. 363, 1854; Ünal 2012, p. 88, 313; Demirel Gökalp 2014, p. 100, 789; Demirel Gökalp 2017, p. 110, 1216; Ünal et al. 2017, p. 89—90, no. 229.

14. AE, 26 mm, 9.93 g, 5 h, Excavation Code Number: AHM 41.

15. AE, 26 mm, 4.44 g, 6 h, Excavation Code Number: AHG 399.

Michael VII Doukas 1071—1078 CE

Constantinople

Anonymous Folles

Obv. No inscription. Bust of Christ facing, bearded, with the cross behind head, wearing tunic and himation; right hand raised before breast in blessing left holds a book from beneath. In the field, $\overline{\text{IC}}$ and $\overline{\text{XC}}$ above lateral arms of the cross, six-pointed stars beneath them.
Rev. ✠MIX ΛHΛ RΛCIOΔ
Bust of emperor facing, bearded, wearing modified loros with collar-piece and crown with cross and pendilia, holding in right hand labarum, in left globus cruciger.
Ref. DOC III/II, p. 818-819, no. 14a; Demirel Gökalp 2009, p. 126—127, no. 899—906.

16. AE, 27 mm, 8.42 g, 6 h, Overstruck; Excavation Code Number: AHJ 158.

References

Akar, T. 2022. Arykanda Arif Kale Piskoposluk Kilisesi ve Vaftizhanesi. Master Thesis. Ankara: Hacettepe University.

Belke, K. 1996. *Tabula Imperii Byzantini*. Bd. 9. *Paphlogonien und Honorias*. Wien: Österreichischen Akademie Der Wissenschaften.

BMC II: Wroth, W. 1908. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London: Longmans & Co.

Cumalıoğlu, A., Kan Şahin, G., Patacı, S. 2014. Hadrianoupolis Çalışmalarının Paphlagonia Arkeolojisine Katkıları. In: Erciyas, B., Sökmen, E. (eds.). *Yerleşim Arkeolojisi Serisi 4, Arkeoloji'de Bölgesel Çalışmalar Sempozyum Bildirileri.* İstanbul: Ege Yayınları, 187—208.

Çelikbaş, E. 2019. Hadrianoupolis Kilise C Yapısı'nda Ele Geçen İki Adet Yün Tarağı Üzerine Değerlendirme. *TÜBA-KED* 20, 73—82.

Çelikbaş, E., Oyarçin, K. 2022. Roman Provincial Coins of Paphlagonian Hadrianopolis. *The Numismatic Chronicle* 182, 179—188.

Darrauzès, J. 1975. Listes Épiscopales du Concile de Niceé (787). *Revue des études Byzantines* S. 33, 5—76.

Demirel Gökalp, Z. 2009. *Yalvaç Müzesi Bizans Sikkeleri*. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları.

Demirel Gökalp, Z. 2014. *Malatya Arkeoloji Müzesi Bizans Sikkeleri Kataloğu*. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları.

Demirel Gökalp, Z. 2017. *Kütahya Müzesi Bizans Sikkeleri*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları.

DOC I: Bellinger, A.R. (ed.). 1991. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. I. *Anastasius to Maurice (491—602)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

DOC II/I: Bellinger, A.R., Grierson, P. (eds.). 1993. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. II. Pt. I. *Phocas and Heraclius (602—641)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

DOC II/II: Bellinger, A.R., Grierson, P. 1993. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. II. Pt. II. *Heraclius Constantine to Theodosius III (641—717)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

DOC III/II: Grierson, P. 1993. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III. Pt. II. *Basil I to Nicephorus III (867—1081)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Eliüşük, M. 2022. Paphlagonia Hadrianoupolisi'nde Üretim ve Ticaret. *Oannes* 4-1, 1—20.

Evans, J.D. 2018. *Coins from the Excavations at Sardis: Their Archaeological and Economic Contexts Coins from the 1973 to 2013 Excavations*. London: Archaeological Exploration of Sardis.

Feissel, D., Kaygusuz, İ. 1985. Un Mandament impérial du VIe siècle dans une inscription d'Hadrianoupolis d'Honoriade. *Centre de Recherche d'historie et civilisation de Byzance, Travaux et Mémoires* 9, 397—419.

Kalkan, E., Çelikbaş, E. 2022. New Findings From Prehistoric Period in Western Black Sea Region: Hadrianopolis (Karabük-Eskipazar) Prehistoric Pottery. *Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi* 8 (16), 417—431.

Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. 2012. Hadrianoupolis 2010 Yılı Çalışmaları (İlk Sezon). *33. Kazı Sonuçları Toplantısı.* 1. cilt. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 39—52.

Keleş, V., Klavuz, B.N., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. 2014. Hadrianoupolis 2012 Yılı Kazı ve Restorasyon Çalışmaları. *35. Kazı Sonuçları Toplantısı.* 3. cilt. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 437—447.

Keleş, V., Klavuz, B.N., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. 2015. Hadrianoupolis 2013 Yılı Çalışmaları. *36. Kazı Sonuçları Toplantısı.* 3. cilt. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 661—670.

Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. 2019. Paphlagonia Hadrianoupolisi: Antik Çağ'da Bir Haç Merkezi. In: Demir, T., Ekici, M., Dinç, M.Ş., Tarhan, Ç.M. (eds.). *Rıfat Ergeç Armağanı*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 199—206.

Keleş, V. 2021. Tarihi ve Lokalizasyonu. In: Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Paphlagonia Hadrianoupolis'i: (2010-2014 Sezonları).* Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 3—8.

Laflı, E., Gürler, B. 2010. Paphlagonia Hadrianoupolisi'nde 2003-2008 Yılları Arasında Yapılan Arkeolojik Çalışmaların Eski Anadolu Tarihine Katkıları. *Presented at the XVI. Türk Tarih Kongresi,* Kongreye Sunulan Bildiriler. I. Cilt. *Eski Anadolu Uygarlıkları, 20-24 Eylül 2010, Ankara*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 17—62.

Laflı, E., Kan Şahin, G. 2010. Hadrianoupolis ve Çevresinden Geç Orta Çağ Sırlı Seramik Örnekleri. In: Pektaş, K., Cirtil, S., Özgün Cirtil, S., Öztaşkın, G.K., Özdemir, H., Aktuğ, E., Uykur, R. (eds.). *XIII. Ortaçağ ve Türk Dönemi Kazıları ve Sanat Tarihi Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri.* 14-16 Ekim 2009. Denizli: Pamukkale Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sanat Tarihi Bölümü Yayınları No: 1, 427—432.

Laflı, E., Lightfoot, C.S., Ritter, M. 2016. Byzantine coins from Hadrianoupolis in Paphlagonia. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 40 (2), 187—206.

Lamberz, E. 2004. *Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II)*. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

LRBC I: Carson, R.A.G., Hill, P.V., Kent, J.P.C. 1990. *Late Roman Bronze Coinage*. London: Spink and Son Ltd.

Matthews, R., Metcalfe, M., Cottica, D. 2009. Landscapes with Figures: Paphlagonia Through the Hellenistic, Roman and Byzantine Periods, 330 BC-AD 1453. In: Matthews, R., Glatz C. (eds.). *At Empires' Edge: Project Paphlagonia, Regional Survey in North Central Turkey*, London: British Institute at Ankara, 175—227.

MIB II: Hahn, W. 1975. *Moneta Imperii Byzantini*. Bd. II. *Von Justinus II bis Focas (565—610)*. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Oyarçin, K. 2019. Sikke Buluntuları Işığında Hadrianoupolis Kilise C Yapısı. *Uluslararası Geçmişten Günümüze Karabük ve Çevresinde Dini, İlmi ve Kültürel Hayat Sempozyumu Bildirileri Kitabı*. Karabük: Karabük Üniversitesi Yayınları, 442—451.

Oyarçin, K. 2021. 2010-2014 Yılları Sikke Buluntuları. In: Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Karabük-Eskipazar Paphlagonia Hadrianoupolis'i (2010—2014 Sezonları)*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 171—190.

Oyarçin, K., Çelikbaş, E. 2023. A Byzantine Lead Seal from Paphlagonian Hadrianopolis. *Art-Sanat Dergisi* 20, 469—484.

Patacı, S. 2011. Paphlagonia Hadrianoupolis'i Hamam A ve A Kilisesi Mozaikleri. *Journal of Mosaic Research* 4, 27—50.

Patacı, S., Öz, A.A., Laflı, E. 2012. Paphlagonia Hadrianoupolis'i Mozaik Buluntuları: Ön Değerlendirmeler. *Journal of Mosaic Research* 5, 163—172.

RIC VI: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1967. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VI. *From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313)*. London: Spink and Son Ltd.

RIC VII: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1966. *The Roman Imperial Coinage*. Vol VII. *Constantine and Licinius*. London: Spink and Son Ltd.

Sear, D.R. 2006. *Byzantine Coins and Their Values*. London: Seaby Publications.

Tekin, O. 1999. *Bizans Sikkeleri*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.

Uygun Yazıcı, S. 2019. Anadolu'da Erken Hıristiyanlık Dönemi Vaftizhaneleri: Kilikia, Pamphylia, Lykia Örnekleri. PhD Thesis. Eskişehir: Anadolu University.

Ünal, C. 2012. *Manisa Müzesi Bizans Sikkeleri*. Manisa: Celal Bayar Üniversitesi Yayınları.

Ünal, C., Tatar, Ö., Toy, M. 2017. *Tunay Demran Koleksiyonu*. İzmir: Şehzadeler Belediyesi Kültür Yayınları.

Verim, E. 2019. Paphlagonia'da Bir Piskoposluk Merkezi: Hadrianoupolis Antik Kenti. *Uluslararası Geçmişten Günümüze Karabük ve Çevresinde Dini, İlmi ve Kültürel Hayat Sempozyumu Bildirileri Kitabı*. Karabük: Karabük Üniversitesi Yayınları, 276—289.

Verim, E. 2020. Paphlagonia Hadrianoupolis'i Kilise A Mimarisi Üzerine Yeni Bir Değerlendirme. *Safran Kültür ve Turizm Araştırmaları Dergisi* 3 (3), 383—407.

Table 1. **Hadrianopolis Inner Castle Baptistery Coins According to Emperors, Mints and Denominations**

Mint	Constantinople				Nicomedia	Heraclea	**Total**
Denomination	**Anonymous Folles**	**Follis**	**Three Quarter Follis**	**Decanummium**	**Half Follis**	**AE3**	
Licinius I						1	1
Constantine I						1	1
Justinian I				1			1
Focas					1		1
Heraclius		3	1				4
Constans II		3					3
Anonymous follis	2						2
Constantine X. Doukas	2						2
Michael VII Doukas	1						1
Total	**5**	**6**	**1**	**1**	**1**	**2**	**16**

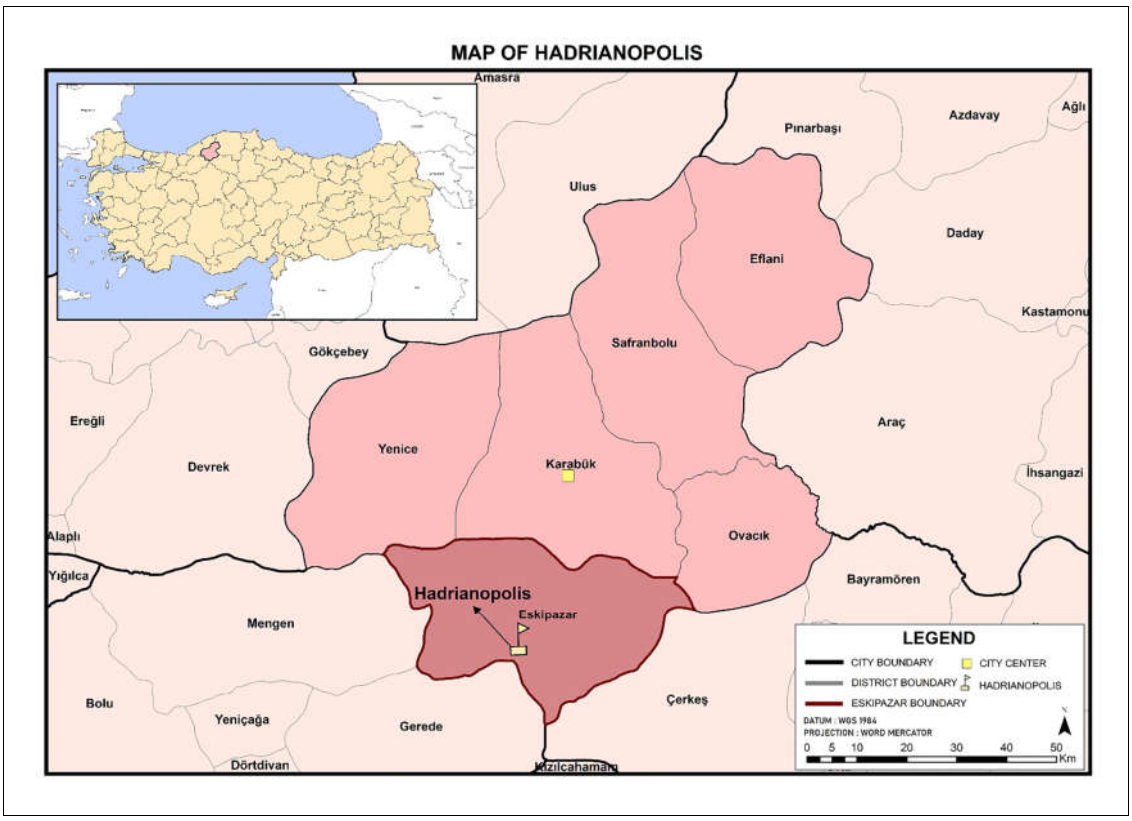


Fig. 1. Karabük and Hadrianopolis (Excavation Archive).

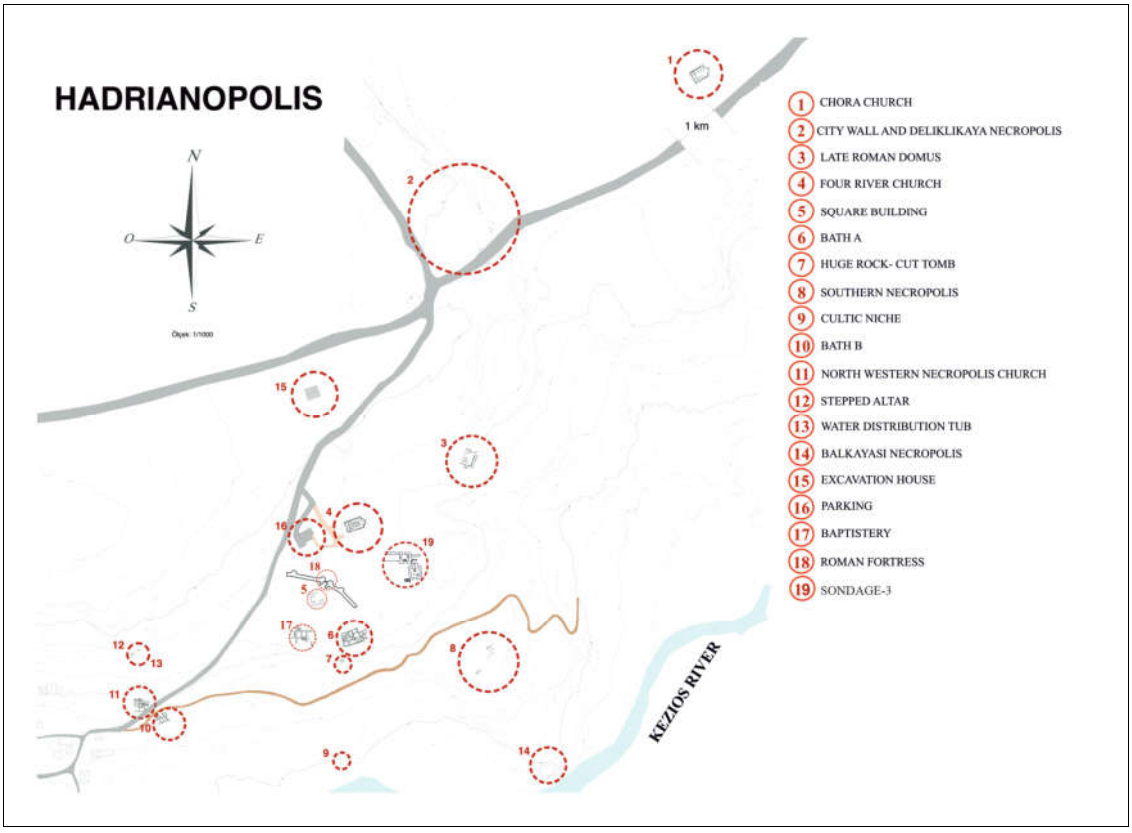
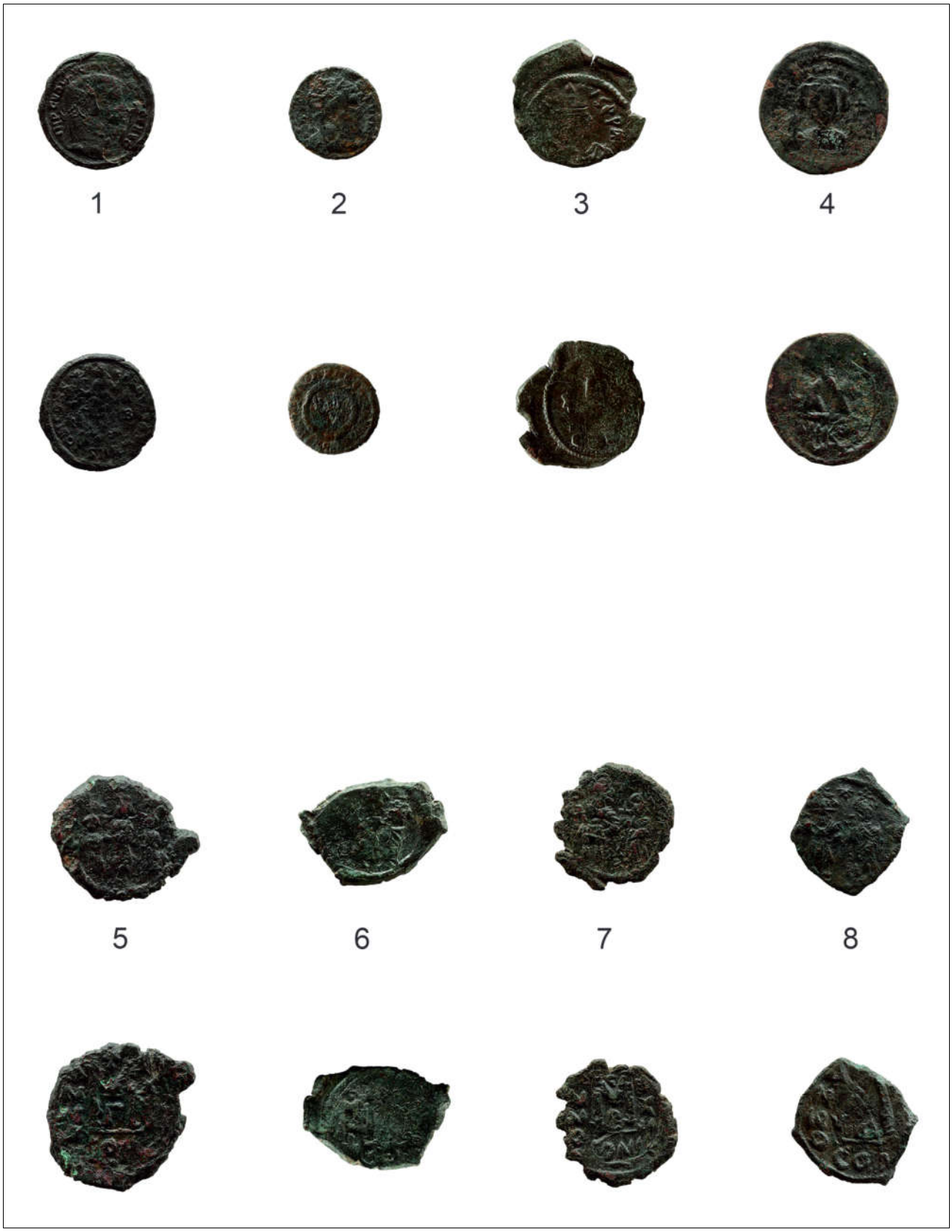


Fig. 2. Hadrianopolis City Plan and the Location of Inner Castle Baptistery within the City Plan (Excavation Archive).

Fig. 3. The aerial view of the Inner Castle Baptistery.

Fig. 4. Aerial view of the Inner Castle Baptistery after the excavations in 2022.



Pl. 1. Hadrianopolis Inner Castle Baptistery Coins.

Pl. 1. Hadrianopolis Inner Castle Baptistery Coins (continued).

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.78.53.038

П.Н. Петров, Ж.М. Белтенов

К ВОПРОСУ О ЗОЛОТЫХ ДИНАРАХ ЧИНГИЗИДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НЕКОТОРЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.)*

Целью публикации является каталогизация золотых динаров Чингизидов с читаемыми названиями монетных дворов. Из-за плохого качества чеканки и обламывания/обрезки динаров есть серьезные сложности с определением года выпуска монет и названий монетных дворов, хотя известны монеты, вовсе не имевшие указаний имён дворов. В каталоге собрано в основном по одному динару каждого монетного двора, что позволяет проследить их функционирование в период с 618/1221 г. по 670-е/1270-е гг. описания монет Центральной Азии приводятся с учетом продукции Хорасана. Кроме 30-ти монетных дворов, постоянно чеканивших золотую монету, эмиссии динаров осуществляли монетные дворы Имила, Пулада, Кайалыка, Алмалыка, Кара-Корума, Поволжского Сарая и других центров, названия которых пока остаются непрочитанными. Источниками информации служили научные публикации, аукционисты, база данных Zeno.ru и личный фотоархив П.Н. Петрова.

Ключевые слова: Чингизиды, Великая Монгольская империя, XIII в., монетный двор, золото, монета, динар, каталог монет.

Сведения об авторах: Петров Павел Николаевич[1], кандидат исторических наук, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Белтенов Жасулан Мазулаевич[2], докторант Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и Высшего образования Республики Казахстан.

Контактная информация: [1]050059, Республика Казахстан, г. Алматы, Центральный Государственный музей Республики Казахстан, микрорайон «Самал-1», д. 44, e-mail: ppnsainhan@gmail.com; [2]050010, Республика Казахстан, г. Алматы, Институт философии, политологии и религиоведения, ул. Шевченко, д. 28, e-mail: zhassbell@mail.ru.

P.N. Petrov, J.M. Beltenov

ON THE ISSUE OF THE GOLD DINARS OF THE CENTRAL ASIAN CHINGGISIDS (SOME NUMISMATIC MATERIALS OF THE FIRST HALF OF THE 13TH CENTURY)

A catalog of Genghissid gold dinars with the names of mints is presented. When examining coins, both the year of issue and the name of the mint are sometimes poorly readable. This is due to the poor quality of coinage and the breaking/trimming of coins during circulation, though the experts are well aware of coins that did not have mint names at all. In the catalog, there is at least a dinar for a mint, which enabled us to record the activity of mints during the period from 618/1221 until the 670s/1270s. When describing the coins of Central Asia, the coinage of Khorasan is taken into account. We have counted 30 mints which used to issue coins of gold. In addition to these, the issue of dinars was carried out in Imil, Pulad, Kayalyk, Almalyk, Kara-Korum, Volga Sarai, as well as in some unidentified centers. The sources of information were scholarly editions, auctioneers, Zeno.ru database, as well as P.N. Petrov's personal photographic archive.

Key words: Chingizids, the Great Mongol Empire, 13th century, mint, gold, coin, dinar, coin catalog.

* Статья подготовлена в рамках программы BR21882416 «Историческая география Центральной Азии».

Статья поступила в номер 10 августа 2024 г.
Принята к печати 25 августа 2024 г.

© П.Н. Петров, Ж.М. Белтенов, 2024.

About the authors: Petrov Pavel Nikolaevich[1], PhD (History), Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; Beltenov Zhassulan Mazulayevich[2], doctoral student at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Contact information: [1]050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Samal-1, 44, e-mail: ppnsainhan@gmail.com; [2]050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, 28 Shevchenko St., e-mail: zhassbell@mail.ru.

Введение

В первое пятидесятилетие существования Великой Монгольской империи (с 618/1221 г.) монетное обращение обслуживалось медной (фалсами), медной посеребренной (дирхамами), серебряной (дирхамами) и золотой (динарами) монетами. Отдельно следует упомянуть монеты, называемые джиталами, которые могут быть из меди или серебра, или сплавов с другими металлами, весом около 3 г. Причем, на тех территориях, где население привыкло к использованию определенных типов и металлов, монет новые власти традицию не меняли и продолжали чеканку денежной продукции аналогичного вида и из привычных металлов, но с частично измененным содержанием легенд. Особенностью денежного обращения в XIII в. является его локальность в большей или в меньшей степени на разных территориях. Единого денежного рынка в Империи для медных, медных посеребренных и серебряных монет не существовало, т.е. в разных эмиссионных центрах чеканилась монета индивидуального оформления и метрологических параметров. Эта продукция была ориентирована на обеспечение потребностей именно местных рынков и рынков ближайшей округи. Конечно, медные монеты и тем более серебряные дирхамы выходили за рамки округи и попадали в отдаленные регионы страны, но имели они там хождение или нет не ясно, да и их количество было столь мало, что никак не могло влиять на характер монетного обращения на рынках в соседних и тем более в отдаленных регионах страны.

В это время золотой динар являлся «объединяющим» звеном в торговых отношениях между разными регионами империи. Если серебряная монета в потенциале не должна была иметь границ обращения в государстве, то золотой динар не имел таких границ в реальности. В кладах 630-х — 660-х гг.х. из Казахстана встречаются динары и монетных дворов Хорасана, и Синьцзяна вместе с местной продукцией: Тараза, Отрара, Дженда. Важно отметить, что эти динары не были стандартизованы по весу, а их золотое содержание поддерживалось властями постоянным и оно составляло около 50—60% от веса монеты, что подмечали ученые и ранее (Федоров-Давыдов 1960: 136—137; Давидович 1972: 30). При этом ~50—40% монетного сплава соответственно составляло серебро.

С экономической точки зрения низкопробная золотая монета превратила динар в реальное средство обращения, доступное населению (Давидович 1972: 31), а с другой стороны, обращаясь вместе с высокопробными динарами предшествующих периодов и династий, позволяла изымать эти высокопробные экземпляры из обращения (в результате сбора налогов) с колоссальной прибылью для казны. Вес целых монет колебался в пределах от ~1 г до 7 г. Понятно, что чеканка осуществлялась при отсутствии технического задания на соблюдение жесткого весового стандарта, т.е. при последующем контроле за продукцией по системе *эль марко*. Поскольку золото было дорогим металлом (примерно в 10 раз дороже серебра), а рынку требовалось много разновесных «монет», то динары ломались на части в ходе торговли, о чем говорят многочисленные клады и свидетельствуют выводы ученых (Федоров-Давыдов 1960: 136—137; Давидович 1972: 30). Обломки могли быть как крупными (в ¼—½ размера монетного кружка), так и мелкими — весом менее 0,2 г. Такое обращение золота сложилось в Центральной Азии еще до завоевания Чингизидов, и оно определило качество чеканки монет из этого металла. При условии, что выпускные данные часто помещались в круговой легенде, которая редко целиком попадала на монетный кружок, основная масса динаров не может быть атрибутирована однозначно из-за отсутствия на экземплярах выпускных сведений. Наиболее удачным для исследователя является случай, когда монетный двор указывался в поле монеты. В большинстве

же случаев невозможно установить не только год выпуска (Album 2011: 211, No. 1964—C1967), но и название монетного двора. Представляется перспективным для атрибуции динаров использование метода поштемпельного анализа, но это не только трудоемкий процесс, но и требующий огромного количества нумизматического материала, доступ к которому ограничен по различным обстоятельствам. В тоже время, значимость этого нумизматического источника крайне велика для понимания динамики товарно-денежных отношений во второй трети XIII в., взаимосвязи регионов и многих иных вопросов. Любое серьезное исследование, опирающееся на данные нумизматического источника, начинается с составления каталога монет.

Целью настоящей публикации является начало каталогизации золотых динаров Чингизидов по монетным дворам для установления работавших монетных производств. В настоящий каталог включены монеты только тех эмиссионных центров, названия которых читаются в надписях однозначно. При этом, нами не ставится задача учесть все известные типы или варианты золотых монет каждого из приведенных монетных дворов или привести исчерпывающую библиографию по ним. Как правило, в каталоге дано описание одной монеты на каждый эмиссионный центр, а в фототаблице помещено ее изображение. Каталог охватывает территорию Центральной Азии, не затрагивая территории Китая (Синьцзян), Пакистана, стран Ближнего Востока и Кавказа. Рассматривая любую тему восточной мусульманской нумизматики невозможно обойти вниманием базовую работу С. Албума, на которую ориентируются все ученые и исследователи мира — «Перечень исламских монет» (Album 2011). На страницах 210—214 помещен раздел, посвященный редким монетам Великой Монголии (Чингизидам). Автор сообщает, что в Центральной Азии отмечается по меньшей мере 25 монетных дворов, бивших золотые динары (Album 2011: 210).

В каталог не попали монеты: с неоднозначной атрибуцией — регион Термез / Балх / Саганиан (Schwarz 2002: 166—167, No. 1498) — Балх или Валвалидж (Album 222: 10, No. 56148); с ошибочной атрибуцией — указан монетный двор Шум вместо Сам[арканд] (Auction Album 2011: lot 797); с сомнительной для авторов этого каталога атрибуцией — Тун (Z/68443), т.к. монеты этого типа массово встречаются в кладах Узбекистана и на юге Казахстана, что представляется необычным для продукции с дальних окраин Хорасана и вопрос требует отдельного изучения; относимые к «монетному двору» Орду ал-Аʿзам (например, Z/329661; 334585; Album 2011: 211, No. D1967) поскольку это не название монетного двора, а указание на эмитента (Петров 2006: 19—22); а также опущены монеты, на которых название есть, но неясно как его прочесть (авторам известно 2 таких монетных двора).

Каталог золотых динаров

Астарабад

Аст 1. Астарабад, анонимный, 629 г.х.
Auction Morton 2019: lot 83. (в=4,16), (фототабл. 1: 1).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний не виден), разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا الله / محمد رسول الله / علي ولي الله / باستراباد.
Справа — علي, слева — утрачено, над легендой поля — виньетка.
Кругом — виден фрагмент легенды из Корана XXXXVIII: 29, IX: 33 и LXI: 9.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний не виден), разделены круговой легендой.
В поле: باستراباد/ الجاقان / العادل / الاعظم.
Справа — بضرب, слева — ﴿عل﴾يه؟, под легендой поля — виньетка.
Кругом — фрагмент выпускной легенды: … سنة تسع و عشرين و ستمائه …
Легенды Л.с. и О.с. восстановлены по другим одновариантным экземплярам.

Бадахшан

Бдх 2. Бадахшан, анонимный, год утрачен.
Auction Album 2011: lot 774. (в=3,39), (фототабл. 1: 2).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: بدخشان / لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Справа и внизу — по виньетке, слева — три точки.
Кругом фрагментарно — Коран IX: 33.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: • منين / (!) الله ا / مير المو / لناصر لد / ين ا.
Кругом — выпускная легенда, сохранившаяся частично: … الدينار بدخشان ! سنة …
Легенды Л.с. и О.с. восстановлены по нескольким экземплярам.
(Auction Album 2011: lot 771—773, 785; Auction Baldwin's 2007: No. 423).

Барчанлиг

Брч 3. Барчанлиг, анонимный, [6]x(1, 2 или 4) г.х.
Auction Album 2011: lot 764 (в.= 2,89), (фототабл. 1: 3).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله ا / لا الله محمد / رسول الله / ا لناصر.
Кругом фрагментарно: … سنة ا… ﴿با﴾رچين …
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: بارچنلغ / الجاقان / الاعظم / ضرب.
Кругом фрагментарно: …ر بيلد بارچنلغ سنة ا…
(Петров и др. 2014: 80, № 1; Петров и др. 2023: 80, № 1); он же — Z/134580.

Бухара

Бхр 4. Бухара, титул Чингизхан, год утрачен?
Z/69221 (в.=2,36; д=22), (фототабл. 1: 4).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (не видны), разделены круговой легендой (утрачена).
В поле: بخارا / لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Под легендой поля — крупный кружок (иногда точка).
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (не видны), разделены круговой легендой (утрачена).
В поле: جنكز خان / العادل / الاعظم.
Под легендой поля — крупная точка, над легендой — виньетка.
(Auction Baldwin's 2007: № 421; Fedorov and others 2008: 34—35, № 267 — [в=4,38]);
Z/5001 (в=3,35); Z/69222 (в=3,36; д=22,5).

Бхр 5. Бухара, анонимная, [6]58 г.х.
Федоров-Давыдов 1960, 119, тип 3 (метрология не приводится).
Легенды приводятся как у первого публикатора.
Приводится изображение монеты из фотоархива П.Н. Петрова почти аналогичной монеты Бхр 5а (в=4,0; д=24), (фототабл. 1: 5а).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله وحده / لاشريك له / بخارا.
Под легендой поля — виньетка.
Кругом: بسم الله ضرب هذا الدينار ببلدة بخارا سنة ثمان خمسين.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله / بخارا.
Над легендой поля — виньетка. Кругом — Коран IX: 33.

Авторам известны экземпляры аналогичного оформления и легенд с годами 657 и 659(?) гг.х. Z/46127 (в=3,29; д=25,5); (Auction Album 2011: lot 781, 786—788 — но у них есть отличия в оформлении; Федоров-Давыдов 1960: 119—121, типы 4 — (65х г.х.), типы 5—11 — год не сохранился; Auction Baldwin's 2008: № 440 — [в=1,95]).

Вахш

Вхш 6. Вахш, анонимная, дата — раби ал-ахир 618 г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова, (в=3,6), (фототабл. 1: 6).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: الله ﴿ ! ﴾ الدين / رسول الله ناصر ﴿ ! ﴾ محمد.
Над легендой поля — виньетка, под легендой — изображение лука со стрелой.
Кругом: ﴿ر﴾بيع الاخ﴿ر﴾ ﴿ ! ﴾ سـ ﴿نـ﴾ـة ﴿ ! ﴾ ثمان عشـ﴿ر﴾ـه ﴿ ! ﴾ و ستمائه …
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле — калима: ﴿ا﴾لناصر الد / ين الله / لا اله الا الله / وحش.
Под легендой поля — виньетка.
Круговая легенда фрагментарна. Читаются лишь отдельные слова, возможно — Коран LXI:13: ﴿الرحمن﴾ الرحيم نصر ﴿من﴾ الله و فتغ ﴿قريب وبشد المومنين﴾.

Газна

Гзн 7. Газна, титул Чингизхан, 618 г.х.
Z/119583 (в=5,2; д=27), (фототабл. 1: 7).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا الله / محمد رسول الله / الناصر الدين الله / امير المومنين.
Вверху и справа от легенды поля — по виньетке.
Кругом — Коран IX:33: هو الذى ارسل رسوله بالهدى و دين الحق ليظهره على الدين كله.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: الجاقان/ العادل / الاعظم / جنكز خان.
Справа и слева — по виньетке.
Кругом — выпускные данные: ضرب هذ﴿ا﴾ الدينار • ببلد • غزنه فى شهور سنة ثمان عشره و ستمائه.
(Auction Baldwin's 2009: №579; Auction Album 2011: lot 758 — [в=4,09]);
Z/119584 (в=4,02; д=25); Z/4939 (в=5,97; д=24).

Герат

Грт 8. Херат, Мункка каан, 655 г.х.
Z/160619 (в=3,75; д=22—23), (фототабл. 1: 8).
Л.с. Картуш — внешний одинарный круговой линейный ободок.
В поле: لا اله / لا﴿!﴾ لله﴿!﴾ محمد/ رسول الله / هراة.
Вверху над первой строкой легенды поля — виньетка.
Круговая легенда (видна фрагментарно) обрамляет легенду поля.
О.с. Картуш — внешний одинарный круговой линейный ободок.
В поле: هراة / مونككا ﴿!﴾ / قاان العادل / زيد ع﴿دله﴾.
Круговая выпускная легенда обрамляет легенду поля: … سنه خمس و خمسين ستمائه…
(Федоров-Давыдов 1960: 118, тип 1 — другого типа).

Дамган

Дмг 9. Дамган, Мункка каан, год утрачен.
Z/236436 (в=3,68; д=26—28), (фототабл. 1: 9).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой (видны следы только внутреннего ободка).
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Круговая легенда с выпускными данными невидна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой (видны следы только внутреннего ободка).
В поле: دامغان / منكو قان/ العادل / ﴿الا﴾عظم / دامغان.
Круговая легенда с выпускными данными невидна.
Z/70324 (в=3,36; д=27—28); Z/70359 (в=3,6; д=27).

Дахистан

Дхс 10. Дахистан, анонимный, год утрачен.
Z/90273 (в=3,43; д=22—23), (фототабл. 1: 10).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
По четырем сторонам легенды поля — по виньетке.
Круговая легенда фрагментарна: …﴿ و الدين ﴾…عظم …
Часть круговой видна на аналогичном экз. Z/252874.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: دهستان / القاان ا﴿!﴾ / العادل / الاعظم.
Справа и слева легенды поля — по виньетке, внизу — утрачено.
Круговая легенда фрагментарна: … ﴿نار﴾ الدي﴿!﴾ ضرب هذ …
Z/252874 (в=2,72; д=21); (Auction Album 2011, lot 765 — [в=3,09] монеты другого типа).

Дхс 11. Дахистан, анонимный, год утрачен.
Auction Album 2011: lot 765 (в=3,09) — фотоизображение здесь не приводится.
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
По четырем сторонам легенды поля — по виньетке.
Круговая легенда утрачена.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: دهستان / الجاقان / العادل / الاعظم.
Внизу — виньетка; справа — ضرب; слева — неясное читаемое слово.
Круговая легенда фрагментарна — видна лишь часть выпускной формулы.

Дженд

Джн 12. Дженд, анонимный, год утрачен.
Z/104436 (в=3,94; д=24), (фототабл. 1: 12).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний утрачен), разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Кругом — видны отдельные буквы от надписи.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний утрачен), разделены круговой легендой.
В поле: جند / الا مام الا / عظم الناصر لدين / الله امير ا / لمومنين.
Кругом — утрачено.
(Петров и др. 2023: 62, № 2).

Джн 13. Дженд, анонимный, 62х г.х.
Z/15467 (в=3,34; д=22—23,4; Au — 68—70%; Ag — 22—25%), (фототабл. 1: 13).
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / ﴿ا﴾لله حمد ﴿!﴾ / رسول الله / الناصر.
Кругом: неясно.
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: جند / الا مام الا / عظم الناصر لد / ين الله امير المو/ منين.
Кругом фрагментарно: ﴿؟﴾ عشرين و ستمائه …
(Петров и др. 2023: 63, № 3, 4—5 — другие типы динаров).

Исфараин

Исф 14. Исфараин, анонимный, [6]56(?) г.х.
Mansour, Ramadan 2012: 12 (№ 1 — в=4,45; № 2 — в=3,45) — фотоизображение не приводится.
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Кругом — Коран IX: 33.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: اسفراين / الجاقان / العادل / الاعظم.
Кругом: выпускные сведения с указанием словами цифр года видны фрагментарно, причем, не совсем ясно чтение года — написано или [6]56 г.х., или [6]х5 г.х. с харфом *вав* ошибочно перед словом год. Поэтому у года поставлен знак (?).
Внизу, слева и справа легенды поля — по виньетке.
Для монеты № 2 указано, что название монетного двора Исфараин стоит на О.с. внизу поля, вместо виньетки.

Карзуван

Крз 15. Карзуван, анонимный, [6]44 г.х.
Auction Album 2011: lot 792 (в=3,62), (фототабл. 2: 15).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / ﴿ر﴾سول ﴿الله﴾.
Над легендой поля — виньетка, справа, слева и внизу — утрачено.
Кругом — выпускная легенда, фрагментарно: … كرزوان سنة …
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: المومنين / . ؟. ﴿الناصر﴾ عظم / الا مام الا.
Кругом: выпускные сведения с указанием словами цифр года — видны фрагментарно: …﴿سد﴾نة اربع و ار﴿بعين﴾…

Курраман

Крм 16 и 16а. Курраман, анонимный, год не указан.
Z/46513(в=0,9) ~ ¼ полновесного динара, (фототабл. 2: 16);
Z/22502 (в=3,17), (фототабл. 2: 16а).
Л.с. Картуш — тройной круговой ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точеный).
В поле — угрожающая легенда фрагментарно: … سلـ / كناه كار /… هر كه سـ.
Над легендой поля — виньетка.
О.с. Картуш — тройной круговой ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точеный).
В поле: فى بلد / كرمان.

Мерв

Мрв 17 и 17а. Мерв, Менгу каан, год утрачен.
Auction Album 2014: lot 543 (в=3,02) — Мрв 17, (фототабл. 2: 17);
Фотоархив П.Н. Петрова — Мрв 17а (в=3,88; д=20—21), (фототабл. 2: 17а).
Л.с. *№ Мрв 17* — Картуш не виден.
В поле: ﴿الله﴾ رسول / محمد /... اله لا.
Над легендой поля — виньетка, внизу — утрачено.

№ Мрв 17а — Картуш — два круговых линейных ободка (внешний не виден), разделены круговой легендой.
В поле: ﴿!﴾ الله اله لا / محمد ر / سول الله.
Кругом — видны отдельные буквы.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: منكو قان / العادل.
Над легендой поля — точки и галочка, под легендой — виньетка.
У № Мрв 17 — круговая надпись не видна.
У № Мрв 17а — кругом — выпускные сведения, фрагментарно: ... ضرب مرو.
(Auction Album 2014: lot 544 — [в=3,36]).

Нахшеб

Нхш 18. Нахшеб, анонимный, год утрачен.
Z/329655 (в=3,27; д=21) — из коллекции В.Ю. Аликперова, (фототабл. 2: 18).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: ﴿رسول الله﴾ محمد / الله الا / اله لا.
Над легендой поля — виньетка.
Кругом — выпускная легенда фрагментарна и не читается.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: نحشب / لا اله الا / الله وحده / لا شريك له.
Кругом — легенда фрагментарна и не читается.
Другие типы динаров — Z/329637 (в=4,37; д=22) и Z/329636 с отверстием (в=2,96; д=21) с именем ан-Насир ли-дин Аллаха.

Нишапур

Ншп 19. Нишапур, анонимный, год утрачен. Имитация.
Z/179061 (в=3,9), (фототабл. 2: 19).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: الله / الناصر لدين / رسول الله / محمد الله / الا اله لا.
Кругом: ... ﴿بور﴾ نيشا الدينار هذا...
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: ... / المستضى لا مير /الله رسول / محمد الله / الا اله لا.
Кругом — легенда видна фрагментарно и не читается.

Комметарий в zeno by S.Album: «This is an example of early Great Mongol imitative coinage, circa 1220s to the 1240s. It is indeed a muling of two different obverses (or reverses, depending on what the other side might have contained), one citing al-Mustadi, the other al-Nasir, the al-Nasir side revealing most of the mint name, almost certainly Nishapur. The al-Nasir die may have been an actual late Seljuq or Khwarizmshah dies, of a later copy based on that. The al-Mustadi side is very poorly engraved, and probably a later die copying one side of an early Ghorid issue

(many early Ghorid coins cite al-Mustadi). This is a classic example of why one must be very careful when determining the date of a coin. Just because al-Mustadi died in 575 / 1180 AD does not mean that the coin MUST have been struck no later than AH575 — imitative coins can be based on anything found in circulation, and could have been struck decades later, even a century later».

Ншп 19а. Нишапур, анонимный, год утрачен. Имитация.
(Mansour, Ramadan 2012: № 714a — [в=3,19]). Здесь фото не приводится.
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله / الناصر لدين الله.
Над легендой поля — виньетка.
Кругом — выпускная легенда фрагментарна и не читается.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله / الناصر لدين الله.
Над легендой поля — виньетка.
Кругом — выпускная легенда фрагментарна, видно название монетного двора: … نيشابور …
(Mansour, Ramadan 2012: № 714б — [в=4,03]) — другой тип динара, монетный двор указан в поле Л.с. и О.с.

Орду

Орд 20. Орду [=Баласагун], анонимный, год [6]20 г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова, (фототабл. 2: 20).
Л.с. Картуш — сложносоставной: в четверной круговой ободок (внешний и два внутренних — линейные, между ними — точечный) вписан квадрат.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
В сегментах: вверху — ارسله; слева — بالهدى; внизу — ودين; справа — الحق.
О.с. Картуш — сложносоставной: в четверной круговой ободок (внешний и два внутренних — линейные, между ними — точечный) вписан квадрат.
В поле: لا مام ا /لا عظم امير/ المومنين.
В сегментах: вверху — باردو; слева — ضرب; внизу — فى شهور; справа — عشرين.
(Петров и др. 2023: 44, фототабл. I/5; Жолдасов 2021: 34 и 36, № 1 — обломан [в=4,77; д=20—24] экз. музея Азрет Султан в г. Туркестан атрибутирован с неточностями).

Важным вопросом в данном случае являет вопрос отождествления данного монетного двора Орду с Баласагуном (городище Бурана в Кыргызстане). Существует три веских причины относить данный монетный двор Орду к Баласагуну. Первый довод — одинаковость оформления и легенд этих динаров с дирхамами того же Орду 620 г.х. (Петров и др. 2012: 169—170, № 5—7). Второй довод — эти серебряные дирхамы находят исключительно в Кыргызстане и подавляющее большинство из них в округе современного археологического памятника Бурана. И третий довод — еще Б.Д. Кочнев отмечал, что укороченный вариант коранической легенды (IX: 33) на среднеазиатских монетах XII — начала XIII вв. становится «абсолютно преобладающим». И самое важное в данном случае то, что впервые этот вариант легенды обнаруживается на монетах Караханидов именно на дирхемах Куз Орду (он же Баласагун) (Кочнев 2006: 50).

Отрар

Отр 21. Отрар, анонимный, [6]47 г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова (в=3,11), (фототабл. 2: 21).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول لله﴿!﴾ / اترار.
Над легендой поля — виньетка, справа — крупная точка.
Кругом — выпускная легенда: … الدينار بلده اترار سنة سبع اربـ﴿عن﴾….
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: قاان / الا مام الا / عظم النا / صر لد ين / الله.
Справа и слева от легенды поля — по крупной точке.
Кругом — выпускная легенда: … ﴿ال﴾دينار ﴿بـ﴾لده اترار … ضرب.
(Mayer T. 1998: 14—15, №7; Байтанаев и др. 2020: 149, 202, № 9264).

Сабзавар

Сбз 22. Сабзавар, анонимный, год утрачен.
Z/180623 (в=5,76; д=24,5-27,5), (фототабл. 2: 22).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (частично виден только внутренний), разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول ا﴿لله﴾.
Над легендой поля — виньетка.
Круговая легенда не видна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله وحده / لاشريك له / سبزوار.
Круговая легенда видна фрагментарно, не читается.
Z/176282 (в=4,36).

Самарканд

Смр 23. Самарканд, с титулом Чингизхан, год утрачен [621] г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова, (фототабл. 2: 23).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (частично виден только внутренний), разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول الله.
Круговая легенда с выпускными сведениями не видна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: خانى / چنكز خان / العادل الاعظم / شاه جهان/ كير.
Круговая легенда с выпускными сведениями не видна.
Z/265552 — аналогичный экз.; (Auction Baldwin's 2013: № 5131 — [в=3,23] 625 г.х.; Петров и др. 2023: 44, фототабл. I/1 — этот же экз.); Z/328267 (в=6,28; д=22) — другой тип, год 621/620 гг.х.

Серахс

Срх 24. Серахс, анонимный, год утрачен.
Auction Album 2011: lot 843 (в=3,26). Фото не приводится.
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (частично виден только внутренний), разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول ﴿الله﴾.
Справа в поле: سرخس.

Круговая легенда не видна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (частично виден только внутренний), разделены круговой легендой.
В поле: عظم﴿الا﴾ / … العادل / منكو قان / خانى.
Круговая легенда не видна.

Тараз

Трз 25. Тараз, анонимный, 638 г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова (в= 2,84; д=27), (фототабл. 2: 25).
Л.с. Картуш — виден один круговой линейных ободок.
В поле — калима: ﴿رسول الله﴾ / محمد الله / لا اله الا / طراز.
Круговая легенда не видна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: العادل / الاعظم.
Кругом: ضر﴿ !﴾ هذا الدينار… ﴿طر﴾از سنة ثمان و ثلثين و ستمائه.
(Петров и др. 2023: 166, 170, фототабл. 27/1).

Табас

Тбс 26. Табас, Менгу каан, год утрачен.
Z/291679 (в= 2,95), (фототабл. 3: 26).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: … / ﴿!﴾ الناصر لد / رسول الله / محمد الله / لا اله الا.
Кругом — утрачено.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (виден только внутренний), разделены круговой легендой.
В поле: الجاقان / العادل لا ﴿!﴾ عظم / منكو خان / طبس.
Кругом — утрачено.

Термез

Трз 27. Термез, анонимный, 6xx г.х.
Z/236100 (в= 2,89; д=23-24), (фототабл. 3: 27).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: رسول الله / محمد الله / لا اله الا.
Кругом — виден лишь фрагмент цифр года: ستمائه.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (виден только внутренний) разделены круговой легендой.
В поле: ترمذ / لاشريك له / وحده الله / لا اله الا / الله.
Кругом — утрачено.

Тус

Тус 28. Тус, анонимный, 6xx г.х.
Фотоархив П.Н. Петрова (источник поступления фотографии неясен, изображение монеты здесь не приводится).
Л.с. Картуш — в два круговых линейных ободка, разделенных круговой легендой, вписан квадрат.
В поле: رسول الله / محمد الله / لا اله الا.
В четырех сегментах картуша — طوس.

Кругом — неясно.
О.с. Картуш — в два круговых линейных ободка, разделенных круговой легендой, вписан квадрат.
В поле: القاان / العادل / الاعظم.
В четырех сегментах картуша — طوس.
Кругом — выпускная легенда и фрагмент года: ضرب هذا الدينار... ستمائه.

Ходженд

Хдж 29. Худжанд, анонимный, год утрачен.
Z/219385 (в=3,06), (фототабл. 3: 29).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: خجند / لا اله الا / الله محمد / رسول الله / النا صر لد ين / الله.
Слева — три точки, справа — утрачено.
Кругом — утрачено.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: ﴿!﴾ امير المومن / لد ين الله / صر عظم النا / لا مام الا ﴿ا﴾.
Вверху (над легендой поля) — следы надписи, внизу — изображение «растительных побегов» из внутреннего ободка, слева и справа — по три точки.
Кругом — утрачено.
(Федоров-Давыдов 1960: 123—125, типы 20—26).

Хорезм

Хвр 30. Хваризм, Менгу, год утрачен.
Z/242125 (в=3,8; д=21), (фототабл. 3: 30).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний не виден), разделены круговой легендой.
В поле: رسول الله / الله محمد / لا اله الا.
Над легендой — знак, напоминающий букву «Х», под легендой — крупная точка.
Кругом — надпись фрагментарна.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка (внешний не виден), разделены круговой легендой.
В поле: خوارزم / الجاقان الا / عظم / منكو.
Кругом — надпись фрагментарна.
Z/168899 (в=3,6; д=25), Z/54553 (в=2,3; д=23) и т.д. — разных типов.

Шаш

Шаш 31. Шаш, анонимный, год утрачен.
Фотоархив П.Н. Петрова, (фототабл. 3: 31).
Л.с. Картуш — тройной круговой линейный ободок (один внешний и два внутренних), разделен круговой легендой.
В поле — калима: رسول الله / شاش / الله محمد / لا اله الا.
Над легендой поля — виньетка, справа и слева — по кружочку.
Кругом: ضرب هذا الدينار بلده شاش ...
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: الله / العادل ا / لاعظم.
Справа и слева — по кружочку.
Кругом — фрагментированная надпись, не читается.

Существует и золотой динар Ташкенда, но с тамгой одного из сыновей Кайду, следовательно, можно ожидать обнаружение чеканного золота с таким названием монетного двора и в период существования Великой Монгольской империи.

ШАФУРКАН

Шфр 32. Шафуркан, анонимный. Год [65]3 г.х.
Z/90124 (в=4,01; д=22,8-25,8), (фототабл. 3: 32).
Л.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: لا اله الا / الله محمد / رسول اه ﴿!﴾.
Кругом: … ضرب شفوركان سنة ثلث.
О.с. Картуш — два круговых линейных ободка, разделены круговой легендой.
В поле: العادل / مونككا ﴿!﴾ / قاان.
Последнее слово в поле написано некорректно в виде — النادله.
Круговая легенда фрагментарна и прочтению не поддается.

Итак, нами приведена продукция 30 монетных дворов, чеканивших золотую монету. Кроме этих производств эмиссии таких динаров осуществляли монетные дворы Имила (Z/318316; Auction Album 2021: lot 577), Пулада (Mayer 1998: 50—51, № 407), Кайалыка (Петров и др. 2023: 177, № 1), Алмалыка (Федоров-Давыдов 1960: 125, тип 27), Кара-Корума (Z/268350), Поволжского Сарая и ряда других центров, в том числе, название которых пока остается непрочитанными. Среди них есть и монетные дворы, работавшие на территории Казахстана. Выявление всех эмиссионных центров (и их идентификация с историческими населенными пунктами и областями), обеспечивавших потребности рынков империи чеканным золотом, а затем по возможности выяснение регулярности и динамики их работы с 618/1221 по начало 670-х/1270-х годов позволит понять причины отказа от золотой чеканки в некоторых отсоединившихся от империи государствах — Джучидском и Чагатаидском ханствах при сохранении выпуска динаров Хулагуидами.

Литература

Байтанаев и др. 2020: Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Брагин А.О. 2020. *Денежное обращение в Южном Казахстане в III—XV вв.* Кн. I. Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана.

Давидович Е.А. 1972. *Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.).* Москва: Наука.

Жолдасов Т. 2021. *Коллекция монет XIII века из музейного фонда РГКП «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан».* Туркістан: «Алтын Кітап баспасы» ЖШС.

Кочнев Б.Д. 2006. *Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209 гг.).* Ч. 1. *Источниковедческое исследование*. Москва: ООО Издательский дом «София».

Петров П.Н. 2006. Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-А'зам. *Нумизматика* 11, 19—22.

Петров и др. 2012: Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В. 2012. Баласагун и Орда — монетные дворы Чуйской долины первой трети XIII века. *Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук* 3, 168—177.

Петров и др. 2014: Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. 2014. *Монетное дело и обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана.* Алматы: Хикари.

Петров и др. 2023: Петров П.Н., Атыгаев Н.А., Белтенов Ж.М. 2023. *Деньги на «Шелковом пути» (территория Казахстана, XIII—XIV вв.).* Алматы: ЦГМ РК.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. *НиЭ* II, 118—140.

Album 222: *Catalog price 222*. *World Coins*. Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.

Album S. 2011.*Checklist of Islamic Coins. Third Edition*, *November 2011*. Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.

Auction Album 2011. *Stephen Album Rare Coins. Auction 10. April, 2011.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.

Auction Album 2014. *Stephen Album Rare Coins. Auction 18. Januari, 2014.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.

Auction Album 2021. *Stephen Album Rare Coins. Auction 40. 13—15 May, 2021.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.

Auction Baldwin's 2007. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 13. 30 October 2007.* London: Baldwin's Auctions.

Auction Baldwin's 2008. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 14. 8 July 2008.* London: Baldwin's Auctions.

Auction Baldwin's 2009. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 16. 20 October 2009.* London: Baldwin's Auctions.
Auction Baldwin's 2013. *Baldwin's the Name for Numismatics. The Horus collection. Islamic Coin Auction 24. 9 May 2013*. London: Baldwin's Auctions.
Auction Morton & Eden 2019. *Auction 103. 24 October 2019*. URL: https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=3454&cid=104333 (дата обращения 14.08.2024).
Fedorov et al. 2008: Fedorov M., Kočnev B., Kurbanov G., Voegeli M. 2008. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Buḫārā / Samarqand* XVa *Mittelasien / Central Asia* I. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Schwarz F. 2002. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Balḫ und Die Landschaften am Oberen Oxus* XIV c *Ḫurāsān* III. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Mayer T. 1998. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Nord- und Ostzentralasien* XV b *Mittelasien II*. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Mansour A., Ramadan M. 2012. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Naysābūr, Sabzawār und die Münzstätten in Ǧuwayn* XIV a *Ḫurāsān I*. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Zeno: Zeno — Oriental coins database. URL: www.zeno.ru (дата обращения 14.08.2024).

References

Baitanaev et al. 2020: Baitanaev, B.A., Petrov, P.N., Bragin, A.O. *Denejnoe obrashenie v Ujnom Kazahstane v III—XV vv. (Money Circulation in Southern Kazakhstan in the 3rd — 15th cc.)* Bk. I. Almaty: Institut arheologii im A.H. Margulana (in Russian).
Davidovich, E.A. 1972. *Denejnoe hozaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoevania i reforma Mas'ud-beka (XIII v.) (Monetary Economy of Central Asia after the Mongol Conquest and the Reform of Mas'ud-bek (13th c.))*. Moscow: Nauka (in Russian).
Zholdasov, T. 2021. *Kollekciya monet XIII veka iz muzeynogo fonda RGKP "Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyi muzey-zapovednik "Azret Sultan" (Collection of 13th Century Coins from the Museum Fund of the State Enterprise "Azret Sultan State Historical and Cultural Museum-Reserve")* . Turkistan: "Altyn Kitap baspasy" ZhShS (in Russian).
Kochnev, B.D. 2006. *Numizmaticheskaya istoriya Karahanidskogo kaganata (991—1209 gg.) (Numismatic History of the Karakhanid Khaganate (991—1209))*. Pt. 1. *Istochnikovedcheskoe issledovanie (Source Study)*. Moscow: OOO Izdatel′skiy dom "Sofiya" (in Russian).
Petrov, P.N. 2006. In. *Numizmatika (Numismatics)* 11, 19—22 (in Russian).
Petrov et al. 2012: Petrov, P.N., Kamyshev, A.M., Akindinov, S.V. 2012. In *Izvestiya Nacional'noy Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya obshestvennyh i gumanitarnyh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences and Humanities Series)* 3, 168—177 (in Russian).
Petrov et al. 2014: Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. 2014. *Monetnoe delo i obrashenie v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvah Chagataidov i Juchidov na territorii Kazahstana (Coinage and circulation in the Great Mongol Empire, the Chagataid and Juchid states on the territory of Kazakhstan)*. Almaty: Hikari (in Russian).
Petrov et al. 2023: Petrov, P.N., Atygaev, N.A., Beltenov, Zh.M. 2023. *Den'gi na "Shelkovom puti" (territoriya Kazahstana, XIII—XIV vv.) (Money on the "Silk Road" (territory of Kazakhstan, 13th — 14th centuries))*. Almaty: CGM RK (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* II, 118—140 (in Russian).
Album 222: *Catalog price 222. World Coins*. Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.
Album, S. 2011.*Checklist of Islamic Coins. Third Edition, November 2011*. Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.
Auction Album 2011. *Stephen Album Rare Coins. Auction 10. April, 2011.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.
Auction Album 2014. *Stephen Album Rare Coins. Auction 18. Januari, 2014.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.
Auction Album 2021. *Stephen Album Rare Coins. Auction 40. 13—15 May, 2021.* Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins.
Auction Baldwin's 2007. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 13. 30 October 2007.* London: Baldwin's Auctions.
Auction Baldwin's 2008. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 14. 8 July 2008.* London: Baldwin's Auctions.
Auction Baldwin's 2009. *Baldwin's Auctions. Islamic Coin Auction 16. 20 October 2009.* London: Baldwin's Auctions.
Auction Baldwin's 2013. *Baldwin's the Name for Numismatics. The Horus collection. Islamic Coin Auction 24. 9 May 2013*. London: Baldwin's Auctions.
Auction Morton & Eden 2019. *Auction 103. 24 October 2019*. Available at: https://www.numisbids.com/n.php?p=sale&sid=3454&cid=104333 (accessed 14.08.2024).
Fedorov et al. 2008: Fedorov, M., Kočnev, B., Kurbanov, G., Voegeli, M. 2008. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Buḫārā / Samarqand* XVa *Mittelasien / Central Asia* I. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Schwarz, F. 2002. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Balḫ und Die Landschaften am Oberen Oxus* XIV c *Ḫurāsān* III. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Mayer, T. 1998. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Nord- und Ostzentralasien* XV b *Mittelasien II*. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Mansour, A., Ramadan, M. 2012. *Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Naysābūr, Sabzawār und die Münzstätten in Ǧuwayn* XIV a *Ḫurāsān I*. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth.
Zeno: Zeno — Oriental coins database. Available at: www.zeno.ru (accessed 14.08.2024).

Фототаблица 1. Золотые динары XIII в. Чингизидов: *Аст 1* — Астарабад; *Бдх 2* — Бадахшан; *Брч 3* — Барчанлиг; *Бхр 4 — Бхр 5а* — Бухара; *Вхш 6* — Вахш; *Гзн 7* — Газна; *Грт 8* — Герат; *Дмг 9* — Дамган; *Дхс 10* — Дахистан; *Джн 12 — Джн 13* — Дженд.

Photo table 1. Gold dinars of the 13th century of the Genghisids, made at mints: *Аст 1* — Astarabad; *Бдх 2* — Badakhshan; *Брч 3* — Barchanlig; *Бхр 4 — Бхр 5а* — Bukhara; *Вхш 6* — Vakhsh; *Гзн 7* — Ghazna; *Грт 8* — Heart; *Дмг 9* — Damgan; *Дхс 10* — Dahistan; *Джн 12 — Джн 13* — Jend.

Фототаблица 2. Золотые динары XIII в. Чингизидов, битые на монетных дворах: *Крз 15* — Карзуван; *Крм 16 — Крм 16а* — Курраман; *Мрв 17 — Мрв 17а* — Мерв; *Нхш 18* — Нахшеб; *Ншп 19* — Нишапур; *Орд 20* — Орду; *Отр 21* — Отрар; *Сбз 22* — Сабзавар; *Смр 23* — Самарканд; *Трз 25 — Тараз.*

Photo table 2. Gold dinars of the 13th century of the Genghisids, made at mints: *Крз 15* — Karzuvan; *Крм 16* — Kurraman; *Мрв 17 — Мрв 17а* — Merv; *Нхш 18* — Nakhsheb; *Ншп 19* — Nishapur; *Орд 20* — Ordu; *Отр 21* — Otrar; *Сбз 22* — Sabzavar; *Смр 23* — Samarkand; *Трз 25* — Taraz.

Фототаблица 3. Золотые динары XIII в. Чингизидов, битые на монетных дворах: *Тбс 26* — Табас; *Трм 27* — Термез; *Хдж 29* — Ходженд; *Хвр 30* — Хорезм; *Шаш 31* — Шаш; *Шфр 32* — Шафуркан.

Photo table 3. Gold dinars of the XIII century of the Genghisids, made at mints: *Тбс 26* — Tabas; *Трм 27* — Termez; *Хдж 29* — Khojend; *Хвр 30* — Khorezm; *Шаш 31* — Shash; *Шфр 32* — Shafurkan.

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.24.64.039

П.Н. Петров, А.Е. Рогожинский

ХРОНОЛОГИЯ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ АСПАРА (ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)*

Целью статьи является введение в научный оборот нумизматического комплекса с городища Аспара (Казахстан), собранного в ходе археологических исследований 2021—2023 гг. Впервые с 1964 г. на памятнике обнаружены 43 монеты, 33 из которых поддаются атрибуции. Для оценки относительного уровня товарно-денежных отношений в средневековой Аспаре приводится сравнительный анализ нумизматического материала из средневекового г. Нузкет (городище Шиш-тобе в Кыргызстане). Установлено, что атрибутируемые монеты из Аспары относятся к таким государствам: Тюргешский каганат, Китай династии Тан, Саманиды, Восточный Караханидский каганат, держава каракитаев, Китай династии Северная Сун, Чагатаидское ханство, держава амира Тимура и Кокандское ханство. Монета Коканда отложилась на памятнике, когда город уже не существовал. Установлена принципиальная возможность начала активизации товарно-денежных отношений в Аспаре в VIII в. Выяснилось, что монетное обращение прерывалось трижды: первый раз в IX в., второй — с конца X по середину XI в., третий — со второго десятилетия XIII в. до начала XIV в. Товарно-денежные отношения прекращаются в начале XV века (видимо, после смерти амира Тимура). Имеющаяся нумизматическая информация задает больше вопросов, чем предоставляет ответов. Требуется дальнейшее изучение этого археологического памятника.

Ключевые слова: городище Аспара, Казахстан, VIII—XIX вв., Тюргешский каганат, Саманиды, Караханиды, Чагатаидское ханство, Кокандское ханство, раскопки, нумизматические находки, монета, дирхам.

Сведения об авторах: Петров Павел Николаевич[1], кандидат исторических наук, Центральный Государственный музей Республики Казахстан; Рогожинский Алексей Евгеньевич[2], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1]050059, Республика Казахстан, г. Алматы, Центральный Государственный музей Республики Казахстан, микрорайон «Самал-1», д. 44, e-mail: ppnsainhan@gmail.com; [2]050010, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, e-mail: alexeyro@hotmail.com.

P.N. Petrov, A.E. Rogozhinsky

THE CHRONOLOGY OF COMMODITY-MONEY RELATIONS IN THE MEDIEVAL TOWN OF ASPARA (BASED ON NUMISMATIC ARTIFACTS)

The purpose of the paper is to introduce the numismatic record from Aspara city-site (Kazakhstan) into scholarly discussion. The coins were collected during archaeological research in 2021—2023. For the first time since 1964, 43 coins were discovered, including 33 attributable finds. With the aim to assess the relative level of commodity-money relations in medieval Aspara, comparative analysis of numismatic record from the medieval city of Nuzket (Shish-tube city-site in Kyrgyzstan) was carried out. The attributable coins from Aspara belong to the following states: the Türgesh

* Статья подготовлена П.Н. Петровым и А.Е. Рогожинским в рамках проекта КН МНВО РК ИРН BR21882346 «Древность и средневековье Алматы: исследование и сохранение археологического наследия».

Авторы выражают искреннюю признательность за консультативную помощь: А.М. Камышеву, В.Н. Настичу, В.А. Беляеву, В.А. Калинину и А.О. Брагину.

Статья поступила в номер 15 августа 2024 г.
Принята к печати 30 августа 2024 г.

© П.Н. Петров, А.Е. Рогожинский, 2024.

Qaghanate, the Tang dynasty, the Samanids dynasty, the Eastern Qarakhanid Qaghanate, the Qara Khitai, the Northern Song dynasty, the Chaghataid Khanate, the state of Amir Timur, and the Khoqand Khanate. The Khoqand coin was lost in Aspara when the city no longer existed. The authors have established the fundamental possibility of the beginning of the activation of commodity-money relations in Aspara in the 8th century. It was recorded that the coin circulation has been interrupted there at least three times: first in the 9th century, then from the late 10th to the mid-11th century, and finally from the second decade of the 13th to the early 14th century. Commodity-money relations ceased in the early 15th century (apparently, after the death of Amir Timur). There is a need for further study of this archaeological site.

Key words: Ashpara settlement, Kazakhstan, 8th — 19th centuries, Turgesh khaganate, Samanids, Karakhanids, Chagatai Khanate, Kokand Khanate, excavations, numismatic finds, coin, dirham.

About the authors: Petrov Pavel Nikolaevich[1], PhD (History), Central State Museum of the Republic of Kazakhstan; Rogozhinsky Alexey Evgenievich[2], Candidate of Historical Sciences, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Contact informations: [1]050059, Republic of Kazakhstan, Almaty, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Samal-1, 44, e-mail: ppnsainhan@gmail.com, [2]050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Dostyk, 44, e-mail: alexeyro@hotmail.com.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот нумизматического комплекса, собранного в ходе археологических исследований городища Аспара в 2021—2022 гг.

Городище Аспара (рис. 1) расположено у северных предгорий Кыргызского Алатау, в 2 км к западу от русла одноименной реки, входящей в число левых притоков р. Чу (Шу), на восточной окраине с. Андас батыр (бывший Чалдавар) в Меркенском районе Жамбылской области Республики Казахстан. Ближайшими крупными памятниками средневековой городской культуры являются городище Мерке (Мирки) в 25 км к западу и городище Шиш-тобе (Нузкет) в 30 км к востоку, на территории Кыргызстана. Средневековый город Аспара возник в предгорьях Кыргызского Алатау и функционировал на торговой трассе из Тараза в Суйаб и ее северном ответвлении в сторону перевалов Кордай и Чокпар.

Значительный вклад в изучение городища Аспара внесли В.В. Бартольд (1894). А.Н. Бернштам (1940). Г.И. Пацевич (1941) и П.Н. Кожемяко (1954), однако, первые археологические раскопки произведены только в 1964—1965 гг. Л.Б. Ерзаковичем (Ерзакович 1968). Благодаря его исследованиям установлено, что на территории шахристана после XII в. какие-либо постройки не возводились; строительные конструкции послемонгольского времени обнаружены лишь на цитадели городища. Здесь в раскопе у восточной стены крепости найдена серебряная монета амира Тимура, чеканенная в 1392—1393 гг., находкой которой положено начало формированию нумизматической коллекции с Аспары.

После долгого перерыва исследования на городище были продолжены в 2012 и 2014 гг. казахстанскими археологами А.А. Нуржановым и Е.Ш. Акымбеком под общим руководством К.М. Байпакова. На цитадели и шахристане городища Е.Ш. Акымбеком заложены раскопы и шурфы, из которых получены новые данные по стратиграфии и планировке памятника караханидского и тимуридского времени, но сведений о монетных находках в отчете и публикациях исследователя не содержится (Байпаков, Акымбек 2014; Байпаков 2016: 167—183). Также в 2012 г. в юго-западном углу цитадели А.А. Нуржановым поставлен раскоп 2 (в 25 м к югу от раскопа Л.Б. Ерзаковича), исследование которого не было завершено.

Археологические изыскания на городище Аспара возобновились в 2021—2022 гг. и осуществлялись Шу-Таласским отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана сначала под руководством А.А. Нуржанова (1957—2021), затем А.Е. Рогожинского. Предварительные результаты проведенных исследований опубликованы в серии статей (Буранбаев 2021; Рогожинский, Камалдинов 2022; Рогожинский и др. 2023).

Прежде всего, в 2021 г. были завершены работы на раскопе 2 (11×16 м), а в 2022 г. дополнительно исследован прилегающий участок застройки на раскопе 2а (10×15 м). Раскопками на цитадели вскрыт комплекс жилых и хозяйственных построек XIII—XIV вв., возведенных на строительных остатках предшествующего караханидского времени XI—XII вв. Впервые на памятнике из разных

строительных горизонтов получены пять радиоуглеродных дат, соотносящихся с вещевыми комплексами XI—XII вв. и XIII — конца XIV в., а также с новыми монетными находками на раскопе 2 (1 экз.) и раскопе 2а (12 экз.). Кроме того, в течение двух полевых сезонов на территории центральных руин городища Аспара и прилегающей округи проводился систематический сбор нумизматических материалов, пополнивший коллекцию находок еще 30-ю экземплярами монет разных эмиссий. К сожалению, часть монет обнаружена в отвалах на внешней стороне крепостных валов и на оплывших бортах старых раскопов А.А. Нуржанова (1 экз.) и Е.Ш. Акымбека (6 экз.). Эти объекты нельзя рассматривать как материалы поверхностных сборов при анализе распределения нумизматических находок на территории памятника, но они существенно дополняют общую картину хронологии товарно-денежных отношений средневекового города Аспара и не могут быть игнорированы. Наконец, следует добавить, что ни одной монетной находки пока не получено с шахристана городища, центральная часть территории которого в 1960—1970-е гг. выровнена с помощью тракторной техники и использовалась как сельское футбольное поле.

Рис. 1. Цитадель и шахристан городища Аспара на космоснимке Google Earth.

Fig. 1. Citadel and Shahristan of the Aspara settlement on the Google Earth satellite image.

В 2021 г. выполнена аэрофотосъемка городища Аспара, на основе которой разработан детальный план памятника (рис. 2). Установлено, что его центральные развалины являются возвышенностью подпрямоугольной в плане формы размером 300×240 м. Выделяются цитадель и шахристан. Цитадель — наиболее высокий участок городища с двумя въездами на верхнюю площадку с севера и с юга. Цитадель занимает природную возвышенность площадью более 20 000 м^2, вдоль южного и западного склона которой пролегает русло ручья, ныне его пойма сильно заболочена. К востоку от цитадели — низкая часть города, на которой размещался шахристан, окруженный крепостными сооружениями с размерами: северная стена — 200 м, восточная — 230 м, южная — 130 м. Вдоль основания восточной

стены цитадели проходит глубокий ров, отделяющий ее от шахристана. К восточной стене шахристана снаружи примыкает круглая башня. Еще одна башня примыкает к северной стене цитадели. Территория рабада полностью занята современной сельской застройкой.

Анализ состава нумизматического комплекса

Изучение монет с Аспары начнем с их атрибуции, результаты которой сведены в таблицу №1. Фотоизображения монет приведены на фототаблицах 1 и 2, номера монет соответствуют номерам в таблицах 1 и 2. Всего зафиксировано 43 монетные находки, причем 11 экземпляров (~26%) не поддаются атрибуции ввиду сильной поверхностной коррозии, уничтожившей все изображения и надписи. Общее количество нумизматических объектов не столь велико, и не позволяет осуществить полноценный статистический анализ для оценки характера и особенностей монетного обращения в городе Аспара в течение многих веков его существования. Но хронологическое разнообразие нумизматического материала вполне красноречиво свидетельствует в пользу возможности именно хронологической оценки активности товарно-денежных отношений в изучаемом городе.

Таблица 1. **Нумизматические находки на городище Аспара в 2021—2022 гг.**

№ п/п	Век, н.э.	Вес, г	Диаметр, мм	Монетный двор	Год, г.х./ г. н.э.	Эмитент	Кол-во, шт.	Примечание
Карлуки под протекторатом Тюргешского каганата (?)								
* 1	VIII? или (XI — начало X)? в. н.э.	1,56	23	Не указан	-	Арслан Кюль Иркин	1	АЕ. Обломок. (Фототабл.1: 1). (Настич 1989: 117, табл. I, № 219; Камышев 2002: 101, № 46; 2014: 194, № 8 сверху страницы).
Династия Тан, Китай								
2	VIII	2,69	24	Не указан	713-732 гг.н.э.	кай-юань тун-бао; Сюань Цзун (712—756 гг.н.э.)	1	АЕ. Тип II. 1 вэнь.
** 3	VIII—IX	2,46	19	Куча	Период цзянь-чжун 780-783 гг.н.э.	цзянь-чжун тун-бао; Дэ Цзун (779—805) гг. н.э.	1	АЕ. Обломок. 1 вэнь. (Фототабл.1: 3).
Эмират Саманидов								
4	X	2,42	25	Бухара	364	Мансур I б. Нух	1	АЕ. Фалс. (Фототабл.1: 4).
5	X	1,97	23,5	Ахсикан	357	Мансур I б. Нух и Абу-л-Фаварис Клыч, Ахмад б. Али	1	АЕ. Фалс. Вырезан кусочек с краю. (Фототабл.1: 5).

Таблица 1. **Нумизматические находки на городище Аспара в 2021—2022 гг. (продолжение)**

№ п/п	Век, н.э.	Вес, г	Диаметр, мм	Монетный двор	Год, г.х./ г. н.э.	Эмитент	Кол-во, шт.	Примечание
Саманиды или Караханиды								
6	X—XI	2,32	27	Утрачено	утрачен	Утрачено	1	AE. Фалс. Куфический. Отверстие. Местами обломаны края. (Фототабл.1: 6).
Восточно-Караханидский каганат								
7, 8	XI	4,90; 4,24.	22,5; 22,5.	Утрачено	~ 440-е — 450-е	Утрачено	2	AE/Pb. Дирхам. Чеканка. (Фототабл.1: 7).
*** 9	XI	4,35	22	Утрачено	вторая половина XI в. н.э.	Утрачено	1	AE/Pb. Дирхам? Литье по форме с оттиском монеты. (Байтанаев и др. 2020: 122, № 3492)
*** 10, 11—13, 14, 15—19, 20, 21—23	XI—XII	4,74; 7,89; 5,90; 3,50; 3,70; 3,61; 3,57; 5,00; 4,28; 5,40; 4,48; 6,52; 6,03; 5,06.	23; 23,5; 25; 21; 22; 22; 21; 24; 23; 23,5; 25; 22,6; 22; 27.	Без изображений и надписей	14	AE/Pb. Дирхам? (Байтанаев и др. 2020: 74 и 133, №287-299). (Фототабл.1: *11, 21*).		
Каракитаи								
24	XII	2,46	19	Не указан	[548]	Анонимный	1	AE. Фалс. Обломок ½. Имя халифа ал-Мустаршид. (Кошевар, Алай 2016).
25	XII	1,7	21	Не указан	[548]	Анонимный	1	AE. Фалс. (Фототабл.1: 25). Имя халифа утрачено.
Караханиды или хорезмшахи Ануштегиниды								
26	XIII	3,01	28	[Параб]	[600-617]	Утрачен	1	AE/AR. Дирхам. Монеты Параба обоих династов оформлены одинаково, и если не видно имен и титулов, они не различимы.

Таблица 1. **Нумизматические находки на городище Аспара в 2021—2022 гг. (продолжение)**

№ п/п	Век, н.э.	Вес, г	Диаметр, мм	Монетный двор	Год, г.х./ г. н.э.	Эмитент	Кол-во, шт.	Примечание
Династия Северная Сун								
**** 27	XI	1,68	24	Не указан	период юань-ю 1086—1094 гг. н.э.	юань-ю тун-бао; Чжэ Цзун (1085-1100) гг.н.э.	1	AE. 1 вэнь. (Фототабл.1: 27). Почерк «малый чжуань»
Чагатаидское ханство								
28	XIV	1,56	24,5	[Отрар]	Тип [707]	Анонимная	1	AE/AR. Медный посеребренный дирхам. (Фототабл.1: 28). Сильно поврежден коррозией. (Петров и др. 2014: 96 и 214, № 47).
Государство амира Тимура								
29	XIV	1,51	16	[Самарканд]	785	Суйургатмиш и амир Тиур	1	AR. Мири. (Фототабл.1: 29). (Байтанаев и др. 2019: 46—47, № 4).
30	XIV	1,35	15,5	[Самарканд]	785	Суйургатмиш и амир Тимур	1	AR. Мири. (Фототабл.1: 30). (Байтанаев и др. 2019: 46—47, № 4).
31	XIV	1,29	17,5	Утрачен	[790—800]	Махмуд и амир Тимур	1	AR. Мири. (Фототабл.1: 32).
Кокандское ханство								
***** 32	XIX	3,64	17,5	Хуканд Латиф	[12]75 / 1276	Анонимный [Молла хан]	1	AE. Фулус-и джадид. (Фототабл.1: 32). (Nastich, Schuster 2017: 144, # NS-K49).
Атрибуции не поддаются								
33—43	?	4,22; 1,40; 3,68; 6,00; 2,56; 2,38; 3,86; 4,80; 1,30; 1,61; 1,15.	22,5; 22; 23; 23; 22; 28,5; 24; 22; 27; 27; 22,5.	Утрачено	11	AE. Поверхность монет сильно изъедена и часто истончена. (Фототабл.1: 42). Одна монета состоит из 3 мелких обломков.		

* Монеты Арслана Кюль Иркина не имеют четкой датировки (фототабл. 1: 1—2). Монета (фототабл. 1: 2) из базы zeno.ru приведена в качестве целого образца. Так А.М. Камышев склонен относить их к выпускам карлукского правителя Ферганы под протекторатом тюргешского кагана благодаря совпадению его имени с именем на монете и присутствию двух тамг — карлуков и тюргешей (Камышев 2002: 101, № 46; 2014: 194, № 8 сверху страницы). Тогда монету можно относить к периоду 751—766 гг. н.э., т.е. VIII в. н.э. Другая датировка была предложена ранее В.Н. Настичем — конец IX — начало X в. н.э. (Настич 1989: 117, табл. I: № 219). Затем Г.Б. Бабаяров предположил возможность их чеканки даже VII-VIII вв. (Бабаяров 2016: 912). IX в. и началом X в. предлагает ее датировать П.Б. Лурье (Лурье 2022: 52). Неуверенность авторов в однозначности датировки монет этого эмитента выразилась в заглавии раздела в табл. 1 и 2 со знаком вопроса. Тем не менее, в данном случае мы принимаем для дальнейших рассуждений датировку выпуска этих монет VIII в., как наиболее раннюю из возможных, предпочитая не рассматривать и не сравнивать доводы каждой из упомянутых сторон, поскольку это не является темой настоящей статьи. Отметим несколько важных особенностей обращения и находки монеты: во-первых, найдена была не целая монета, а ее обломок (монеты китайского облика, т.е. с квадратным отверстием, часто встречаются в находках в виде обломков), но когда, кто и почему ломал эти монеты — в настоящее время неясно; во-вторых, монеты тюргешского типа долго обслуживали потребности населения на местных рынках, вплоть до X в.; в-третьих, данный обломок найден на стене цитадели вместе с серьгой-подвеской салтовского типа, соотносимой с IX веком. Если монеты Кюль Иркина действительно выпускались в VIII в., то ввиду длительности обращения они или их обломки вполне могут встречаться в археологических слоях IX—X вв.

** Бронзовые монеты этой матрицы отливались в Синьцзяне в Куче для нужд танской армии, стоявшей в протекторате Аньси (протекторат учрежден династией Тан в 640 г.н.э. для контроля над Таримской впадиной и просуществовал до 790-х гг. н.э.).

***Данные монеты крайне сложно поддаются атрибуции. В работе (Байтанаев и др. 2020: 88, 1 и 2 группа; 74, № 287—299) — литые монеты/заготовки отнесены П.Н. Петровым к середине XII в., т.е. к периоду господства каракитаев. В настоящее время, по мере накопления новой информации об особенностях монетного обращения в Восточно-Караханидском каганате датировка этих выпусков несколько смещается в сторону хронологического интервала: вторая половина XI — начало XII вв. н.э. Т.е. к периоду господства Караханидов. Выпуск же таких монет свидетельствует о глубочайшем экономическом кризисе в каганате.

**** Монеты династии Северная Сун массово были привнесены в местное монетное обращение с приходом орд Чингисхана и позднее — в период существования Великой Монгольской империи. Время прекращения поступления этих монет из Китая, видимо, связано с созданием Чагатаидского ханства или в начале 660-х /1260-х гг. Время вывода их из обращения пока не удается проследить с необходимой точностью, однако, в начале XIV в. вэней Северная Сун в составе кладов (или утерянных «кошельков») медных монет нами пока не фиксировалось.

***** Фулус Коканда бит во второй год правления Молла хана и помечен двумя годами: 1275/1858—1859 г. — с одной стороны монеты, и 1276/1859—1260 г. — с другой стороны. Такая монета *мул* зафиксирована впервые. В каталоге (Nastich, Shuster 2017) эта разновидность отсутствует.

Фототаблица 1. Монеты из находок с городища Аспара. Номера монет соответствуют номерам в таблицах 1 и 2.

Photo table 1. Coins from the finds at the settlement of Aspara. The coin numbers correspond to the numbers in Tables 1 and 2.

Фототаблица 2. Монеты из находок с городища Аспара. Номера монет соответствуют номерам в таблицах 1 и 2.

Photo table 2. Coins from the finds at the settlement of Aspara. The coin numbers correspond to the numbers in Tables 1 and 2.

Из таблицы видно, что монетное обращение в городе фиксируется с VIII в. и вплоть до начала XV в. Похоже, оно не было непрерывным. Пока мы не имеем подтверждения о монетных находках IX в. Для этого столетия в жизни города действительно могли возникнуть сложности, а, возможно, находки монет этого времени еще нас ждут впереди.

Крайне любопытным представляется факт отсутствия караханидских монет периода единого Караханидского каганата. Массово в находках обнаруживаются только нумизматические объекты каганата после его разделения на Восточный и Западный (Давидович 1968: 67—76) в 431/1039—1040 гг. Это событие связано с принятием Ибрахимом б. Насром в этот год ханского титула — верховного правителя Западно-Караханидского каганата. Столицей каганата стал Самарканд (Кочнев 2006: 193). Во главе восточной части со столицей Баласагун встали Хасаниды, потомки Бугра-хана Харуна б. Сулаймана — первого завоевателя Мавераннахра и основателя каганата. Все обнаруживаемые медно-свинцовые дирхамы на Аспаре относятся к периоду 440-х гг.х. и позднее, когда разгорелась междоусобная борьба в Восточно-Караханидском каганате. Складывается предварительное впечатление о хронологическом разрыве в товарно-денежных отношений в городе между периодом господства Саманидов и Караханидов (как минимум с конца 380-х/990-х гг. до 440-х/1050-х гг.). Надеемся, что последующие нумизматические находки либо подтвердят наше наблюдение, либо опровергнут его.

Единственный медный посеребренный дирхам с Отрарского оазиса, битый в области Параб в первые два десятилетия XIII в. дает намек на возможное время запустения в городе из-за действий хорезмшаха Мухаммада б. Текеша в ходе его борьбы с Кучлуком. Ввиду отсутствия пока монетных находок на памятнике, датируемых периодом третье десятилетие — конец XIII в., установить год возникновения зольного слоя по нумизматическим данным невозможно. По этой причине поддерживается его «радиоуглеродная дата пожарного слоя FTMC-UD18, 803±27 BP с калиброванными значениями 1225—1261 CE (68,3%) и 1211—1278 CE (94,8%)» (Рогожинский, Камалдинов 2022: 323). Хронологическое подтверждение этой датировки дает бронзовая литая китайская монета династии Северная Сун, найденная в раскопе 2, которая была утеряна, вероятнее всего, именно в период монгольского завоевания. Время их использования на местных рынках было достаточно длительным и, видимо, они были в ходу еще в конце XIII в. По наблюдениям П.Н. Петрова, об этом позволяют судить находки этих вэней слипшимися вместе с монетами монгольской империи и затем Чагатаидского ханства этого периода на разных археологических памятниках Казахстана. В данном случае метод хронологической дифференциации нумизматических находок с памятника не применим для установления времени утраты вэней Северной Сун именно в XI в. На закрытых археологических объектах XI в. эти монеты отсутствуют.

Таким образом, наблюдается еще один явный временной интервал, в течение которого не фиксируется монетных утрат на городище — с начала XIII в. (не позднее второго десятилетия) и до начала XIV в. (первое десятилетие). Серебряные дирхамы, медные посеребренные дирхамы и медные фалсы XIII в., битые в улусе Чагатая в Великой Монгольской империи, редкостью не были и должны встречаться на городищах, если эти монеты обслуживали потребности местных рынков. В данном случае таких утрат пока археологически не выявлено.

Важной особенностью изучаемого комплекса является полное отсутствие находок серебряных и золотых монет (и их обломков) периода VIII — начала XIII вв. Свидетельствует ли этот факт об уровне благосостоянии населения города, сказать сложно, так как археологами не раскапывалась торговая площадь города, где монетных утрат допускалось больше всего. Следует учитывать, что именно оценка количества монет и металла, из которого они изготовлены, для каждого периода позволяет достоверно судить об относительном количестве населения, его благосостоянии, динамике товарно-денежных отношений и т.д.

Монет Чагатаидского ханства на памятнике встречено пока немного — 2 экземпляра. Один из них найден на бровке раскопа 2012 г. Е. Акымбека (№ 28 в табл. 1 и 2; фототабл. 1/28). Вторая монета (обе с тамгой Дувы) — случайная находка, обнаружена в огороде в ходе земляных работ, в 100 м от крепости шахристана (с территории рабада).

Период существования государства Тимура отметился утратами серебряных мелких монет — мири (= ¼ танга серебром) (фототабл. 2: 29—31). И это также примечательно. Несмотря на колоссальное количество обращавшихся в это время фулусов (медных монет), помеченных монетным двором Самарканд (784—786 гг.х.), ни одной такой монеты пока не найдено, но обнаружено чеканное серебро также 780-х — 800 гг.х. Кроме того, монету хана Махмуда и амира Тимура 795/1392—1393 года (атрибуция Е.А. Давидович) обнаружил и Л.Б. Ерзакович в 1965 г. в предпольном слое помещения 9 (Ерзакович 1968: 92). Совершенно очевидно, что речь идет также о серебряной монете. Находки аналогичных мири в ходе раскопок 2021—2022 гг. являются закономерными. В 800/1397—1398 г. амир Тимур распорядился укрепить цитадель Аспары и какое-то время здесь находился гарнизон (Ерзакович 1968: 92, 96, прим. 17).

Итак, исходя из скудного нумизматического материала, обнаружены три хронологические лакуны в жизни города (IX в., с конца X по середину XI в. и со второго десятилетия XIII в. до начала XIV в.), в течение которых активность товарно-денежных отношений могла либо сильно замедлиться, либо вовсе прекратиться. Существовал ли при этом город, нумизматический источник сообщить не может. А письменные источники сообщают о нем крайне скудные сведения только для конца XIV в. — начала XV в.

Анализ распределения монет по площади памятника

Некоторую полезную информацию дает оценка распределения нумизматических находок по площади памятника. Планиграфия находок приведена на рис. 2, а их распределение — в таблице 2. Кроме того, на рис. 3 показано распределение находок монет в раскопе 2а (2022 г.).

Таблица 2. **Распределение нумизматических находок 2021—2022 гг. по территории городища Аспара**

№ п/п	МД	Год, г.х./г. н.э.	Эмитент	Место находки
Карлуки под протекторатом Тюргешского каганата(?)				
1	Не указан	VIII? или (XI — нач. X)? в.н.э.	Арслан Кюль Иркин	АЕ. Обломок. Стена цитадели, юго-восточный угол нижней площадки.
Династия Тан, Китай				
2	Не указан	713—732 гг. н.э.	кай-юань тун-бао; Сюань Цзун (712-756 гг.н.э.)	АЕ. Раскоп 2а, объект 1, помещение 2.
3*	Куча	Период цзянь-чжун 780-783 гг. н.э.	цзянь-чжун тун-бао; Дэ Цзун (779-805) гг.н.э.	АЕ. Обломок. Подъёмный материал.
Эмират Саманидов				
4	Бухара	364	Мансур I б. Нух	АЕ. Фалс. Раскоп 2а, в северо-западной части (в 3 м от восточного борта, и в 6 м от южного борта).

Таблица 2. **Распределение нумизматических находок 2021—2022 гг. по территории городища Аспара (продолжение)**

№ п/п	МД	Год, г.х./г. н.э.	Эмитент	Место находки
5	Ахсикан	357	Мансур I б. Нух и Абу-л-Фаварис Клыч, Ахмад б. Али	AE. Фалс. Подъёмный материал. Северная стена и ров шахристана.
Сасаниды или Караханиды				
6	Утрачено	утрачен	Утрачено	AE. Фалс. Куфический. Отверстие. Раскоп 2а.
Восточно-Караханидский каганат				
7	Утрачено	~ 440-е — 450-е	Утрачено	AE/Pb. Дирхам. Чеканка. Цитадель (южная часть), нижняя площадка. глубина 0 см.
8	Утрачено	~ 440-е — 450-е	Утрачено	AE/Pb. Дирхам. Чеканка. Раскоп 2а, в северо-восточной части (в 1,2 м от восточного борта, и в 1,3 м от северного борта).
9**	Утрачено	2 полов. XI в.н.э.	Утрачено	AE/Pb. Дирхам? Литье по форме с оттиском монеты. Подъёмный материал.
10**, 11—13, 14, 15—19, 20, 21—23	Без изображений и надписей			AE/Pb. Дирхам? 10 Подъёмный материал на восточной части крепостной стены цитадели напротив (с восточной стороны) раскопа № 2 11 Подъёмный материал с цитадели (со стены). глубина 0 см. 12 Раскоп 2а, в северо-восточной части (в 0,8 м от восточного борта, и в 1,2 м от северного борта). 13 Цитадель (южная часть), нижняя площадка. На поверхности. 14 нет информации 15 — не монета (обломок колечка) 16 Раскоп 2а. 17 Из отвала раскопа Е. Акымбека (2012) в северной части цитадели. 18 нет информации. 19 Подъёмный материал. 20 Подъёмный материал. Юго-западный угол цитадели. 21 Подъёмный материал с крепостной стены цитадели. 22 С северной бровки раскопа 2012 г. Е. Акымбека. 23 Подъёмный материал
Гурханы каракитаев				
24	Не указан	[548]	Анонимный	AE. Фалс. Обломок ½. Имя халифа ал-Мустаршид. Подъёмный материал
25	Не указан	[548]	Анонимный	AE. Фалс. Имя халифа утрачено. Из отвала раскопа Е. Акымбека в северной части цитадели.
Караханиды или Ануштегиниды				
26	[Параб]	[600-617]	Утрачен	AE/AR. Дирхам. Подъёмный материал. Рабад. (В огороде частного хозяйства).

Таблица 2. **Распределение нумизматических находок 2021—2022 гг. по территории городища Аспара (продолжение)**

№ п/п	МД	Год, г.х./г. н.э.	Эмитент	Место находки
Династия Северная Сун				
27***	Не указан	период юань-ю 1086—1094 гг. н.э.	юань-ю тун-бао; Чжэ Цзун (1085-1100) гг.н.э.	AE. Раскоп 2, в западной части раскопа в сырцовом завале, глубина 0,9—1,1 м.
Чагатаидское ханство				
28	[Отрар]	Тип [707]	Анонимная	AE/AR. Медный посеребренный дирхам. С бровки раскопа 2012 г. Е.Акымбека в северной части цитадели.
Государство амира Тимура				
29	[Самарканд]	785	Суйургатмиш и амир Тиур	AR. Мири. Раскоп 2а, улочка (в 2 м от западного борта, и в 7.8 м от северного борта).
30	[Самарканд]	785	Суйургатмиш и амир Тимур	AR. Мири. Раскоп 2а, в северо-западной части (в 3,8 м от восточного борта, и в 6,2 м от северного борта).
31	Утрачен	[790—800]	Махмуд и амир Тимур	AR. Мири. Подъёмный материал в 0,5 м южнее раскопа 2а (помещение № 1, объект 1), в дерне.
Кокандское ханство				
32****	Хуканд Латиф	[12]75 / 1276	Анонимный [Молла хан]	AE. *Фулус-и джадид*. Подъёмный материал.
Атрибуции не поддаются				
33-43	Утрачено			AE. Поверхность монет сильно изъедена и часто истончена. 1 монета состоит из 3 мелких обломков. 33 Из отвала раскопа 2012 г. (Нуржанова А.А.) 34 Раскоп 2а — улочка (в 1,7 м от восточного борта, и в 7,9 м от северного борта), глубина 55 см. 35 Подъёмный материал 36 Подъёмный материал с центральной части цитадели. глубина 0 см. 37 Подъёмный материал 38 Раскоп 2а, в западной части (улочка), глубина 2 см. 39 Подъёмный материал 40 — 3 обломка. Северная стена цитадели. Северо-восточный угол. Подъёмный материал. 41 Из отвала раскопа Е.Акымбека (2012 г.) в северной части цитадели. 42 Раскоп 2а, в центральной части улочки, глубина 0,8 м. 43 Подъёмный материал.

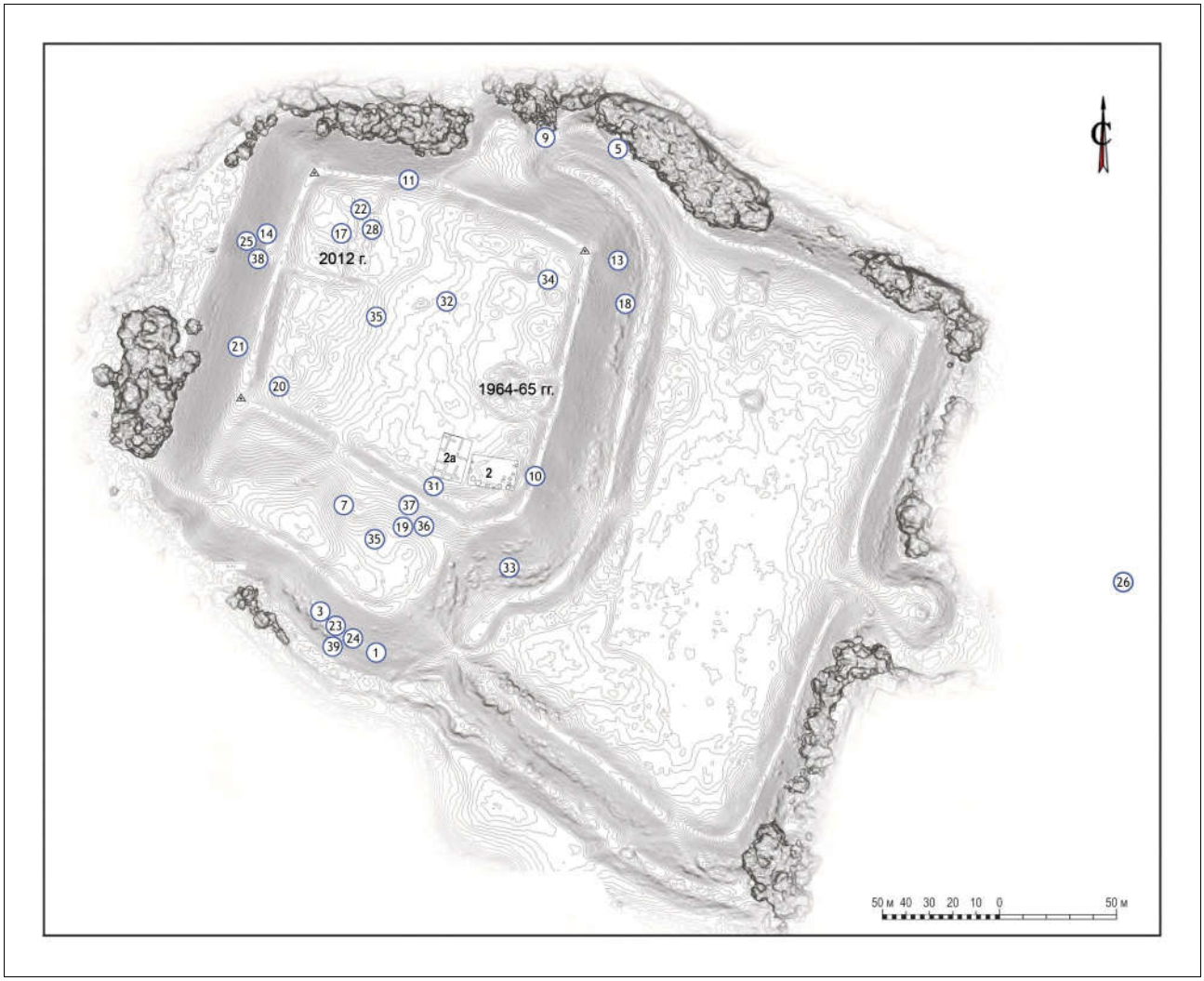


Рис. 1. Планиграфия нумизматических находок 2021—2022 гг. на городище Аспара. Цитадель, шахристан. Съемка — Е. Казизов, Выполнил К. Искаков. Раскопы: 1964—1965 гг. — Л.Б. Ерзакович; 2012 — Е. Акымбек; *2* — А. Нуржанов (2012), А.Е. Рогожинский (2021); *2a* — А.Е. Рогожинский (2022). Цифры в кружках — номера монет, как в таблицах 1 и 2.

Fig. 2. The planography of numismatic finds from 2021—2022 at the Aspara settlement. Citadel, shahristan. Shooting E. Kazizov, performed by K. Iskakov. Excavations: 1964—1965 — L.B. Erzakovich; 2012 — E. Akymbek; *2* — A. Nurzhanov (2012), A.E. Rogozhinskiy (2021); *2a* — A.E. Rogozhinskiy (2022). The numbers in the circles are the coin numbers as in Tables 1 and 2.

Рис. 3. Распределение нумизматических находок в раскопе № 2а (2022 г.) городища Аспара. Цифры в кружках — номера монет, как в таблицах 1 и 2.

Fig. 3. The distribution of numismatic finds in excavation No. 2a (2022) of the Aspara settlement. The numbers in the circles are the coin numbers as in Tables 1 and 2.

При анализе распределения находок монет на памятнике обращает на себя внимание то, что основная их масса найдена в цитадели. При этом ни одной монеты Параба начала XIII в караханида Кутлуг Билга (до 607/1210—11 г.) или хорезмшаха Мухаммада из рода Ануштегинидов (с 607/1210—11 по 617/1220 гг.), когда их монеты чеканил этот монетный двор, на цитадели пока не встречено, а на территории рабада обнаружен. Это может свидетельствовать, что при монголах в XIII в. цитадель могла быть заброшена, в то время как на территории бывшего рабада товарно-денежные отношения могли сохраняться. Надо иметь в виду, что медные посеребренные дирхамы, битые до прихода Чингизидов, обращались в общей массе медных посеребренных монет вместе с чингизидскими выпусками вплоть до начала 660-х/1260-х гг., а, возможно, и дольше. Поэтому отнесение утраты монеты № 26 (табл. 1 и 2) к началу XIII в., согласно метода хронологической дифференциации находок, является условным.

Что касается самой старшей монеты (VIII в. ?) изучаемого комплекса, то это подъемный материал с территории городища, и без подкрепления этой информации дополнительными данными сложно делать заключение о начале товарно-денежных отношений в Аспаре именно в это столетие. Тем не менее находка обломка монеты Арслан Кюль Иркина не может быть проигнорирована в нашем исследовании. Важным подспорьем в установлении возможности возникновения монетного обращения в Аспаре в VIII в. может оказаться сравнение комплекса нумизматических находок с его развалин с аналогичным комплексом находок с соседнего археологического памятника.

Сравнение монетных комплексов с Аспары и Шиш-тобе

Любые сведения о характере и продолжительности монетного обращения в городе, изучаемом археологами, интересно и значимо особенно в том случае если этот населенный пункт в прошлом стоял на торговом пути. Но для понимания его роли на караванной трассе, для оценки относительной динамики товарно-денежных отношений необходимо сравнение параметров нумизматических находок с соседними городами, существовавшими с ним одновременно. На этом пути существует одно очень серьезное препятствие — далеко не все близлежащие археологические памятники изучены в одинаковой степени. Многие археологические объекты практически не изучались, и сведений о монетных находках на них нет. В нашем случае для сравнения был выбран археологический памятник в Кыргызстане — Шиш-тобе (в 30 км по прямой от Аспары), отождествленный А.Н. Бернштамом со средневековым Нузкетом, время существования которого было определено исследователем в пределах периода согдийской колонизации — до периода после X в. (Бернштам 1950: 24). П.Н. Кожемяко, впервые снявший план всего городища в 1955 г. и предложивший схему развития города, отнес его зарождение к VI в.н.э., а прекращение функционирования — к XII в. (Кожемяко 1959: 94). К настоящему времени эти датировки П.Н. Кожемяко не подвергнуты пересмотру, как и отождествление самого объекта с развалинами Нузкета.

Городище расположено на северной окраине города Кара-Балта и практически не исследовалось, если не считать нескольких разведочных шурфов (Кожемяко 1959: 79—84). В советское время на территории памятника была пробурена артезианская скважина, вода из которой превратила в озера часть территории города. Другая же часть (цитадель) оказалась занята современным кладбищем (рис. 4). Кроме современного кладбища, на его территории пять лет назад соорудили пруд, а еще ранее на городище вырыли два огромных котлована для утилизации промышленных отходов. Современное состояние памятника расценивается как аварийное.

Рис. 4. Аэрофотосъемка городища Шиш-тобе (видна затопленная территория и кладбище, расположившееся на цитадели). Фото 2021 г. сделано Д.В. Лужанским.

Fig. 4. Aerial photography of the settlement of Shish-tobe (we see the flooded area and the cemetery located on the citadel). The photo of 2021 was taken by D.V. Luzhansky.

Тем не менее археологи и население время от времени находят на этом памятнике и рядом с ним нумизматические объекты. Проанализируем имеющиеся сведения.

По сообщениям А.М. Камышева на городище в районе Карабалтинского городища Шиш-тобе были зафиксированы следующие находки:

- на полях восточнее городища — монета основателя индо-парфянской династии Гондофара (Гундофара), правившего в конце I в. до н.э. в городе Таксила (север современного Пакистана);
- Римская империя, фоллис IV в., Лициний II (315—324);
- литые чачские монеты VII—VIII вв. с изображение «льва» и вилообразной тамгой, относимые к «Тарнавчу»;
- кладик второй половины VIII в. из 11 монет, шесть из которых — чачской отливки «Тарнавча», еще две — Тюргешского каганата, а три другие — Карлукского каганата;
- более десятка бронзовых монет, приписываемые Сулук-кагану, с портретом и надписью — слева βγy = *божественный господин* и справа от портрета prn = *слава*;
- монеты середины VIII в. с легендой Арслан Кюль Иркин (739—744 гг.) (Камышев 2002: 63);
- монета карлукского кагана, на лицевой стороне с тамгами — *(p/k-w-p-'k?) = Купок (Кепек или Кобак),* далее согд. *xwt'w = царь*. На противоположной же стороне написано: *bgy x'rlwx x'x'n pny = монета господина кагана карлуков* (Камышев 2009: 71);

- бронзовые монеты (середины IX — до первой половины X в.) — тяжеловесные литые имитации китайских монет;

- византийская монета конца X — начала XI в.;

- XI в. клады и массовые единичные находки караханидских монет;

- зафиксированы монеты XIV в., битые в Чагатаидском ханстве в качестве единичных находок (Петров, Кошевар 2004: 227);

- в 2011 г. — небольшой клад второй половины XIV в. медных джучидских монет Хорезма, Сарай ал-Джадида и Гулистана (Петров Кошевар 2004: 227);

- в 2012 г. был обнаружен тимуридский фулус XV в. — Карши 832 г.х. с квадратным надчеканом «данги / зарб / Самарканд» ~860-х гг.х. - самая младшая из тимуридских монет, найденных в Чуйской долине.

Но это не вся имеющаяся информация о монетных находках на памятнике и в его ближайших окрестностях. Часть информации была собрана П.Н. Петровым, Е.А. Смагуловым, К.М. Байпаковым, а также собрана и обработана В.Г. Кошеваром. Приведем эти данные.

Поблизости от Шиш-тобе был найден небольшой клад-кошелек начала IX в. — 7 серебряных дирхамов с младшей монетой 192/807—808 гг. Публикуется впервые (атрибуция П.Н. Петрова):

- Омайады — ал-Куфа, 100 г.х.; Васит, 121 и 125 г.х.

- Аббасиды — Мадинат ас-Салам, 160 г.х., с именем халифа Махди — 2 экз.; Мадинат ас-Салам, анонимные, 190 г.х и 192 г.х. (192/808 г.).

На Шиш-тобе было обнаружено 4 клада караханидских дирхамов XI в.: в 1960 г. ~ 3000 монет (Оморов, Федоров 1975: 63—70); в 1976 г. — два клада 4859 дирхамов (Винник, Федоров 1983: 64—75); в 2006 — более 2159 шт. (исследовал В.Г. Кошевар) младшая монета 450 г.х. По сведениям местного населения, часто встречаются одиночные находки караханидских медно-свинцовых монет. Кроме того, по данным П.Н. Кожемяко среди единичных находок были и дирхамы XII в. (атрибуция Петра Никитовича) (Винник, Федоров 1983: 67).

Сведений о находках кладов монет Чагатаидского ханства XIII—XIV вв. с этого археологического памятника у нас нет, но собралась информация о единичных находках.

Монет периода Великой Монгольской империи не встречено (первой—второй третей XIII в.).

Чагатаидское ханство. Все монеты серебряные. *Последняя треть XIII в.*: *дирхамы* — Алмалык 661 г.х. — **1** экз. [в=2,02; д=19] (фототабл. 3: ш1); 666 (?) г.х. тамга () — **1** экз. [в=1,62; д=20] (фототабл. 3: ш2); *фракции дирхамов* — МД не указан, год не указан, тамга () с точками над под и между линиями тамги — **3** экз. [в=0,51 и 0,47; д=11 и 11,5]; Алмалык [бит в Тарсакенте] низкопробный, тамга Кайду (), год?, анонимный, с тибетскими буквами *Мам* (Петров, Камышев 2020: 269, тип 4.1.1 и рис. 1: 7—9) — **1** экз. (фототабл. 3: ш3) и год 679 г.х. — **1** экз. (фототабл. 3: *ш4*); МД не указан, анонимный, тамга (), 67[2] г.х. (Петров, Камышев 2020: 268, тип 1.2 и рис. 1/4) — **1** экз.; МД не указан, массово встречается на городище Шыбынды (Петров и др. 2023: 8), тамга () с точками над под и между линиями тамги, год не указан (на некоторых вариантах — 681 г.х.) — **2** экз. [в=0,64 и 0,49; д=18] (фототабл. 3: *ш7*); фракции дирхама — МД не указан, 2 тамги на разных сторонах монетного кружка (и) — эти монеты чаще встречаются на территории Кыргызстана в районе Бишкека — Кара-Балта — **1** экз. (фототабл. 3: ш8); *дирхамы*: — Хотан?, тамга (), год не виден — **1** экз. (фототабл. 3: ш5); Отрар (МД не виден), тамга Кайду ( ), 670 г.х. (в=1.92; д=22,3) — **1** экз. (фототабл. 3: ш6); МД утрачен, тамга Кайду ( ) (в=1,90; д=22) — **1** экз.; Самарканд (*ахтийар*), анонимный, [689 — ~700] гг.х. — **1** экз.; Бухара, рубеж XIII—XIV вв., год не указан — **1** экз. Итого: 16 шт.

XIV век.: дирхамы — Бухара, Кепек хан, 725 — **1** экз. и [723—725] г.х. — **3** экз.; Самарканд, Кепек хан, 725 г.х. — **1** экз.; Бухара, анонимный с изображением сдвоенной ваджры, 7[26] г.х. —

1 экз. и 726 г.х. — **1** экз.; динары — Термез, Йесун-Тимур хан, [738—739] г.х. — **1** экз. (фототабл. 3: ш10); Отрар, Халил-Аллах хан, 743 г.х. — **1** экз. (фототабл. 3: ш11). Итого: 9 экз.

Джучидское ханство. Все монеты медные. *Вторая половина XIV в.* Кладик из 7 пулов:

Хваризм — Джанибке хан, [756] (Федоров-Давыдов 1965: № 9); Навруз хан, [761] (Федоров-Давыдов 1965: № 14); анонимный, 767 (Федоров-Давыдов 1965: № 20); анонимный, [770] (Федоров-Давыдов 1965: № 35; Иванов 2000: 32, № 69); *Сарай ал-Джадида* — Килдибек хан, 763 (Лебедев, Павленко 2008: 466, № 36/17а); Азиз-Шейх, 767 (Лебедев, Павленко 2008: 466, № 38/19а); *ас-Сарай ал-Джадида* — Азиз-Шейх, 767 (см. Z/235313). Время тезаврации tpq 770/1368—1369 г.

Единичные находки: пул — Хваризм, Навруз хан, [761] г.х., (в=2,17№; д=18) — 1 экз. Итого джучидских монет — 8 экз.

Первая половина XV в. Серебряная монета: акча — [Аллах?] Орду Базар, Барак хан, без года — 1 экз. (фототабл. 3: *ш9*).

Фототаблица 3. Монеты из находок на городище Шиш-тобе.

Photo table 3. Coins from the finds at the settlement of Shish-tobe.

Для удобства сравнения имеющихся данных о нумизматических находках на Аспаре и Шиш-тобе сведем их в таблицу 3.

Таблица 3. **Распределение монетных комплексов по государственной принадлежности, собранных с территории и с ближайшей округи городищ Аспара и Шиш-тобе**

Гос-во (династия)	**Век, н.э.**	**Городище Шиш-тобе, кол-во, шт.**	**Городище Аспара, кол-во, шт.**
Индо-Парфия, дин. Гондофара	I до н.э.	1	-
Римская империя	IV	1	-
Чач	VII—VIII	+	-
Тюргешский каганат Арслан Кюль Иркин	VIII	>10	1
Тюргешский каганат		Кладик 11 шт. с карлукскими и чачскими + >500 единичные нах.	-
Карлукский каганат		Кладик 11 шт. с тюргешскими и чачскими + более 30 единичные нах.	-
«Сулук» каган		>10	-
Китай дин. Тан	VIII	~600	2
Аббасиды	начало IX	-	-
Тяжелые литые подражания кит монетам дин. Тан	IX — первая половина X	~500	-
Дин. Саманидов	X	-	2
Византия	кон. X — нач. XI	1	-
Дин. Саманидов или Караханидов	X—XI	-	1
Восточно-караханидский каганат	первая половина XI	-	-
	вторая половина XI	Клады ~10000 шт. + много единичных	17
Караханиды	XII	количество?	-
Каракитаев гос-во	середина XII	-	2
Караханиды или Ануштегиниды	началоXIII	-	1
Китай дин Северная Сун	XII (поступили в XIII)	-	1
Великая Монгольская империя	вторая треть XIII	-	-
	~ середина XIII	2	-
Чагатаидское ханство	конец XIII	14	-
	XIV	9	2
Золотая Орда	начало вторая половинаXIV	Клад 7 + единичная 1 = 8	-
Государство Тимура и Тимуридов	конец XIV	-	4
	XV	1	-
Золотая Орда	первая треть XV	1	-
Итого:	**> 11700**	**33**	

Несмотря на отсутствие сколько-нибудь значительных стационарных археологических исследований городища Шиш-тобе, монетных находок с памятника и его ближайшей округи удалось зафиксировать существенно больше, чем с изучаемого городища Аспара. Отчасти это связано с разрушением археологического объекта Шиш-тобе и выходу монет на поверхность, но в большей степени — с большим количеством населения, жившем в Нузкете по сравнению с Аспарой и, соответственно, с большей активностью товарно-денежных отношений. Видимо, Нузкет являлся торговым логистическим центром на данном участке трассы *Шелкового пути*, который возник задолго до Аспары.

Хронологическое совпадение находок монет отмечается в VIII в., при Караханидах во второй половине XI в. (в первой половине этого столетия, как и в Аспаре, монет не обнаруживается) и в период существования Чагатаидского ханства в XIV. Возможно, на Аспаре следует в будущем ожидать находок продукции монетных дворов: Чагатаидского ханства конца XIII в., Золотой Орды второй половины XIV в., тяжелых литых подражаний китайским монетам династии Тан IX — первой половины X в., Чача и тюркских каганов VIII в.

Присутствие в Аспаре фалсов Саманидов X в. указывает на источник их поступления в средневековый город по трассе, проходившей через Испиджаб на Тараз и далее на Аспару. На территории Казахстана восточнее Аспары находки как минимум медных монет этой династии нами пока не фиксировались.

Итак, сравнение хронологического состава нумизматических находок с двух городищ, существовавших в течение нескольких веков одновременно и находившихся на относительно небольшом расстоянии друг от друга, позволило убедиться в неслучайности обнаружения единичных монет на Аспаре, и особенно в возможности начала товарно-денежных отношений в средневековом городе не позднее VIII в.

Литература

Бабаяров Г.Б. 2016. Древнетюркские титулы и эпитеты на согдоязычных монетах Средней Азии эпохи раннего средневековья. *Мир большого Алтая* 2 (4.2), 897—917.

Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. 2019. *Монеты династии Тимуридов на территории Южного Казахстана. Каталог.* Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана.

Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Брагин А.О. 2020. *Денежное обращение в Южном Казахстане в III—XV вв.* Кн. I. Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана.

Барнштам А.Н. 1950. Итоги работ 1940 г. в Северной Киргизии. *МИА* 14. *Древние города Чуйской долины. Труды Семиреченской археологической экспедиции*. Москва; Ленинград: АН СССР, 22—29.

Буранбаев Р.Н. 2021. Обзор письменных и археологических источников по средневековым городищам Аспара и Шаруашылык (Шу-Таласское междуречье). *Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая* 4 (103), 172—182.

Винник Д.Ф., Федоров М.Н. 1983. Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе В: Давидович Е.А. (ред.). *Киргизия при Караханидах*. Фрунзе: ИЛИМ, 64—75.

Давидович Е.А. 1968. О двух караханидских каганатах. *Народы Азии и Африки* 1, 67—76.

Ерзакович Л.Б. 1968. О позднесредневековом городище Аспара. В: Кадырбаев М.К. (отв. ред.). *Новое в археологии Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 85—97.

Иванов Н.Н. 2000. Монетные сборы в археологическом маршруте Хорезмской экспедиции. *Древности Поволжья и других регионов.* Вып. III. *Нумизматический сборник*. Т. 2, 24—45.

Камышев А.М. 2002. *Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. (История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана).* Бишкек: «Раритет Инфо».

Камышев А.М. 2009. Монеты карлуков с городища Шиш-Тюбе. *XV Всероссийская нумизматическая конференция Тезисы докладов и сообщений*. Ростов-на-Дону, 20—25 апреля 2009. Москва: ФГУК ГИМ, 71—73.

Камышев А.М. 2014. *Нумизматика Кыргызстана*. Бишкек: Национальный Банк Кыргызской Республики.

Кожемяко П.Н. 1959. *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*. Фрунзе: АН Киргиз. ССР.

Кочнев Б.Д. 2006. *Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209).* Ч. 1. *Источниковедческое исследование*. Москва: ООО Издательский дом «София».

Кошевар В.Г., Алай А.В. 2016. Монеты из Чуйской долины периода правления карахытаев. В: Байтанаев Б.А. (отв. ред.). *Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Сборник научных статей*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 356—371.

Лебедев В.П., Павленко В.М. 2008. Монетное обращение золотоордынского города Маджар. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. *Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 415—486.

Лурье П.Б. 2022. *Заметки по хронологии тюрко-согдийских монет Семиречья. Talas (Талас)*. Стамбул: Союз муниципалитетов тюркского мира.

Настич В.Н. 1989. Монетные находки с городища Красная Речка (1978—1983 гг.). В: Лившиц В.А. и др. (ред.). *Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции*. Фрунзе: Илим, 96—120.

Оморов М.Н., Федоров М.Н. 1975. По поводу клада караханидских монет с городища Шиш-Тепе. *Труды Кыргызского государственного университета, серия исторических наук*. Вып. 13, 63—70.

Петров П.Н., Кошевар В.Г. 2004. Клад № 4 из Киргизии (монетные фракции реформы Мас`уд-бека). *Древности Поволжья и других регионов*. Вып V. Т. 4. Москва; Нижний Новгород: Информэлектро, 226—234.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. 2014. *Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана*. Алматы: Хикари.

Петров П.Н., Камышев А.М. 2020. Новый чагатаидский монетный двор XIII—XIV вв. (к нумизматике городища Кара-Джигач). В: Байтанаев Б.А. (гл. ред.). *Маргулановские чтения — 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.)*. Т. I. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 266—285.

Петров П.Н., Атыгаев Н.А., Белтенов Ж.М. 2023. *Деньги на «Шелковом пути» (территория Казахстана, XIII—XIV вв.)*. Алматы: Хикари.

Рогожинский А.Е., Камалдинов И.Р. 2022. Средневековые городища Аспара и Шаруашылык (предварительные результаты исследований в 2021—2022 гг.). *Edu.e-history.kz. электрондық ғылыми журналы* 3 (31), 354—362.

Рогожинский и др. 2023: Рогожинский А.Е., Камалдинов И.Р., Буранбаев Р.Н., Калдыбаева Г.А. 2023. Итоги новых исследований средневековых городищ Аспара и Шаруашылык в 2021—2023 гг. В: Онгарулы А. (гл. ред.). *Маргулановские чтения — 2023 (Алматы, 30—31 март 2023)*. Т. I. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 318—327.

Федоров-Давыдов Г.А. 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. *Нумизматика и эпиграфика* V, 179—224.

Nastich V., Schuster W. 2017. *Bremer Beiträge zur Münz- und Geldgeschichte*. Bd. 10. *Catalog of Pre-Modern Central Asia Coins 1680—1923*. Bremen: Bremer Numismatische Gesellschaft.

Zeno: Zeno — Oriental coins database. URL: www.zeno.ru (дата обращения 10.08.2022).

References

Babayarov, G.B. 2016. In *Mir bol'shogo Altaya (The World of Great Altai)* 2 (4.2), 897—917 (in Russian).

Baytanaev, B.A., Bragin, A.O., Petrov, P.N. 2019. *Monety dinastii Timuridov na territorii Yuzhnogo Kazakhstana. Katalog (Coins of the Timurid dynasty in the territory of Southern Kazakhstan. Catalogue)*. Almaty: Institut arkheologii im A.Kh. Margulana (in Russian).

Baytanaev, B.A., Petrov, P.N., Bragin, A.O. 2020. *Denezhnoye obrashcheniye v Yuzhnom Kazakhstane v III—XV vv. (Money circulation in Southern Kazakhstan in the 3rd — 15th centuries)*. Bk. I. Almaty: Institut arkheologii im A.Kh. Margulana (in Russian).

Barnshtam, A.N. 1950. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)* 14. *Drevnie goroda Chuyskoy doliny. Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Ancient cities of the Chui valley. Works of the Semirechye archaeological expedition)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 22—29 (in Russian).

Buranbaev R.N. 2021. In *Vestnik KazNU im. Al'-Farabi. Seriya istoricheskaya (Bulletin of the Al-Farabi Kazakh National University. Historical series)* 4 (103), 172—182 (in Russian).

Vinnik, D.F., Fedorov, M.N. 1983. In: Davidovich, E.A. (ed.). *Kirgiziya pri Karakhanidakh (Kyrgyzstan under the Karakhanids)*. Frunze: ILIM, 64—75 (in Russian).

Davidovich, E.A. 1968. In *Narody Azii i Afriki (Peoples of Asia and Africa*) 1, 67—76 (in Russian).

Erzakovich, L.B. 1968. In: Kadyrbaev, M.K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (New in the archeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 85—97 (in Russian).

Ivanov, N.N. 2000. In *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov (Antiquities of the Volga region and other regions)*. Iss. III. *Numizmaticheskiy sbornik (Numismatic collection)*. Vol. 2, 24—45 (in Russian).

Kamyshev, A.M. 2002. *Rannesrednevekovyy monetnyy kompleks Semirech'ya. (Istoriya vozniknoveniya denezhnykh otnosheniy na territorii Kyrgyzstana) (Early medieval coin complex of Semirechye (History of the emergence of monetary relations in the territory of Kyrgyzstan))*. Bishkek: "Raritet Info" (in Russian).

Kamyshev, A.M. 2009. In XV *Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya Tezisy dokladov i soobshcheniy. Rostov-na-Donu, 20—25 aprelya 2009 (XV All-Russian Numismatic Conference Abstracts of papers and communications. Rostov-on-Don, April 20—25, 2009)*. Moscow: FGUK GIM, 71—73 (in Russian).

Kamyshev, A.M. 2014. *Numizmatika Kyrgyzstana (Numismatics of Kyrgyzstan)*. Bishkek: Natsional'nyy Bank Kyrgyzskoy Respubliki (in Russian).

Kozhemyako, P.N. 1959. *Rannesrednevekovye goroda i poseleniya Chuyskoy doliny (Early medieval cities and settlements of the Chui valley)*. Frunze: AN Kirgiz. SSR (in Russian).

Kochnev, B.D. 2006. *Numizmaticheskaya istoriya Karakhanidskogo kaganata (991—1209) (Numismatic history of the Karakhanid Khaganate (991—1209))*. Pt. 1. *Istochnikovedcheskoe issledovanie (Source study)*. Moscow: OOO Izdatel'skiy dom "Sofiya" (in Russian).

Koshevar, V.G., Alay, A.V. 2016. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Kul'turnoye naslediye Evrazii (s drevnosti do nashikh dney). Sbornik nauchnykh statey (The cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day). Collection of scientific articles)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 356—371 (in Russian).

Lebedev, V.P., Pavlenko, V.M. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya (The steppes of Europe in the Middle Ages)*. Vol. 6. *Zolotoordynskoe vremya (The Golden Horde time)*. Donetsk: DonNU, 415—486 (in Russian).

Lur'ye, P.B. 2022. *Zametki po khronologii tyurko-sogdiyskikh monet Semirech'ya. Talas (Talas) (Notes on the chronology of the Turkic-Sogdian coins of Semirechye. Talas (Talas))*. Stambul: Soyuz munitsipalitetov tyurkskogo mira (in Russian).

Nastich, V.N. 1989. In: Livshits, V.A. et al. (ed.). *Krasnaya Rechka i Burana. Materialy i issledovaniya Kirgizskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Krasnaya Rechka and Burana. Materials and research of the Kyrgyz archaeological expedition)*. Frunze: Ilim, 96—120 (in Russian).

Omorov, M.N., Fedorov, M.N. 1975. In *Trudy Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kyrgyz State University, series of historical sciences)*. Iss. 13, 63—70 (in Russian).

Petrov, P.N., Koshevar, V.G. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov (Antiquities of the Volga region and other regions)*. Iss. V. Vol. 4. Moscow; Nizhniy Novgorod: Informelektro, 226—234 (in Russian).

Petrov, P.N., Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. 2014. *Monetnoye delo i denezhnoye obrashcheniye v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Dzhuchidov na territorii Kazakhstana (Coinage and Money Circulation in the Great Mongol Empire, the Chagatayid and Jochid States on the Territory of Kazakhstan)*. Almaty: Khikari (in Russian).

Petrov, P.N., Kamyshev, A.M. 2020. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya — 2020: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Velikaya step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy» (g. Almaty, 17—18 sentyabrya 2020 g.) (Margulan Readings — 2020: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research" (Almaty, September 17—18, 2020))*. Vol. I. Almaty: Institut arkheologii im. A.KH. Margulana, 266—285 (in Russian).

Petrov, P.N., Atygaev, N.A., Beltenov, Zh.M. 2023. *Den'gi na "Shelkovom puti" (territoriya Kazakhstana, XIII—XIV vv.) (Money on the "Silk Road" (territory of Kazakhstan, 13th — 14th centuries))*. Almaty: Khikari (in Russian).

Rogozhinsky, A.E., Kamaldinov, I.R. 2022. In *Edu.e-history.kz* 3 (31), 354—362 (in Russian).

Rogozhinsky et al. 2023: Rogozhinsky, A.E., Kamaldinov, I.R., Buranbaev, R.N., Kaldybaeva, G.A. 2023. In: Ongaruly, A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya — 2023 (Almaty, 30—31 mart 2023).* Vol. I. *(Margulanov readings — 2023 (Almaty, March 30—31, 2023))*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 318—327 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1965. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V, 179—224 (in Russian).

Nastich, V., Schuster, W. 2017. *Bremer Beiträge zur Münz- und Geldgeschichte*. Bd. 10. *Catalog of Pre-Modern Central Asia Coins 1680—1923*. Bremen: Bremer Numismatische Gesellschaft.

Zeno: Zeno — Oriental coins database. Available at: www.zeno.ru (accessed 10.08.2022).

Эпиграфика

Epigraphy

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.49.60.040

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПОСВЯТИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ АСПУРГА, НАЙДЕННОЙ В 2013 Г. В ГОРГИППИИ*

Получение объективных представлений об исторических явлениях и процессах возможно только в результате комплексного изучения максимально широкого круга разнообразных источников информации, пригодных для их освещения. Ведь последние могут быть недостоверными, противоречивыми, плохо сохранившимися или неверно истолкованными. В любом случае необходима непредвзятая и скрупулезная критика источников и результатов их изучения. Только она помогает избежать необоснованных или ошибочных выводов. Данные тезисы иллюстрируются примером критики и толкования посвятительной надписи Аспурга на мраморном постаменте, найденном в Горгиппии в 2013 г. Артефакт изучен и опубликован Н.В. Завойкиной, А.М. Новичихиным и В.А. Константиновым. Так как Аспург представлен в надписи как φιλορώμαιος, он на тот момент был признан Римом. Однако у него тогда не было титулов βασιλεὺς μέγας и φιλοκαίσαρος. Аспург лишь гордился своим происхождением от βασιλέως μεγάλου Ἀσανδρόχου. Так что есть все основания датировать надпись первыми годами его правления. Интерес к этому памятнику обусловлен тем, что первооткрыватели датировали надпись 303 г. б.э. (6/7 г. н.э.), на основании чего сделали вывод, что Аспург к тому времени взошел на боспорский трон. Но этот вывод противоречит результатам нумизматических исследований. Ведь статеры с монограммой этого государя, содержащей указание на царский титул, начали чеканить только в 311 г. б.э. (14/15 г. н.э.). Автор вынужден заметить, что исследователи неверно прочли дату, приведенную в последней строке надписи, и настаивает на том, что изучаемый текст высекли в 315 г. б.э. (18/19 г. н.э.). Таким образом, нет оснований для корректировки общепризнанных представлений на вопрос о дате провозглашения Аспурга царем Боспора.

Ключевые слова: археология, история, эпиграфика, Боспор, Аспург.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет.

Контактная информация: 3498838, Израиль, г. Хайфа, пр-т Аба-Хуши, 199, Институт археологии Зинмана, Хайфский университет, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Michael Choref

ON THE QUESTION OF DATING THE DEDICATORY INSCRIPTION OF ASPURGUS FOUND IN 2013 IN GORGIPPIA

Obtaining objective ideas about historical phenomena and processes is only possible as a result of a comprehensive study of the widest possible range of various sources of information suitable for covering them. This is for the reason that the historical evidence may be unreliable, contradictory, poorly preserved or misinterpreted. Hence, an unbiased and scrupulous criticism of both the evidence and the results of its study is necessary. It is this approach which helps to avoid unfounded or erroneous conclusions. The author illustrates these theses using the example of the dedicatory inscription of Aspurgus placed on a marble pedestal found in Gorgippia in 2013. The artifact was studied and published by N.V. Zavoikina, A.M. Novichikhin, and V.A. Konstantinov. Judging by the fact that Aspurgus is presented there as φιλορώμαιος, he was recognized by Rome at that time. However, he did not have the titles βασιλεὺς μέγας and φιλοκαίσαρος being only proud of his descent from βασιλέως μεγάλου Ἀσανδρόχου. So there is every reason to date the inscription back to the early years of his reign. The author's interest in this inscription stems from the fact that the discoverers dated it back to 303 BE (6/7 CE), and it was this very basis on which they concluded that Aspurgus had ascended the Bosporan

* Статья поступила в номер 3 марта 2024 г.
Принята к печати 15 марта 2024 г.

© М.М. Чореф, 2024.

throne by that time. But this proposal contradicts with numismatic data. Specifically, staters with monograms of this sovereign, containing an indication of the royal title, have started to be minted as early as in 311 BE (14/15 CE). The author is forced to note that the researchers misread the date given in the last line of the inscription, and insists that the text under study was carved in 315 BE (18/19 CE). Hence, there is no reason to reinterpret generally accepted ideas about the date of proclaiming Aspurgus the king of the Bosporus.

Key words: archaeology, history, epigraphy, Bosporus, Aspurgus.

About the author: Choref Michael, PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa.

Contact information: 3498838, Israel, Haifa, 199 Aba-Hushi Avenue, The Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Мой интерес к истории царствования Аспурга отнюдь не случаен. Ведь речь идет об основателе династии Тиберие Юлиев, правящей Боспором более пять столетий (Болгов, Зайцева 2019; Зубарь, Зинько 2006: 229—230; Сапрыкин 2018: 580—582), до момента гибели этого государства. Причем объем доступных сведений об этом государе крайне невелик (Сапрыкин 2002a: 207). К сожалению, древних историков не заинтересовало его правление[1]. В тоже время Аспург сделал все возможное для своего увековечивания.

Начну с того, что нам известны его многочисленные монеты. Особо информативными являются статеры, выпускавшиеся при нем почти[2] ежегодно (Анохин 1986: № 288—290, 297—320; 1999: 130—134, рис. 35, 37: 1—5, 38; 2011: № 1386, 1391—1420, 1422; Фролова 1997: 64—73, 196—204, табл. XII—XVII, XCVI: 3; Чореф 2013: 145; 2019a: 97—116; Frolova, Ireland 2002: 7—8, 64—66, pl. XLI: 4—24 — XLII: 1—17).

Нельзя обойти вниманием и многочисленные лапидарные надписи[3], обнаруженные не только на территории Боспорского государства (Блаватская 1965: 197—209; Завойкина 2016a: 208—212, № 1, рис. 1, 1a; 2023; Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 680—692; КБН 1965: № 39—42, 958, 985; КБН 2004: № 39, 40, 41, 42, 958, 985; Кузнецов 2008: 56—58; Сапрыкин 2002b: 156, 159—160; Яйленко 2010: 256—259, 491—493; IOSPE I²: No. 37; SEG XXXII: No. 790; SEG XLI: No. 614; SEG XLVI: No. 940), но и в Херсонесе (IOSPE IV: No. 147; IOSPE I²: No. 573; IOSPE III: No. 118; SEG XLII: No. 699). Одна из них, найденная в Горгиппии в 2013 г. (рис. 1), стала объектом моего изучения.

В особую группу источников следует выделить знаки[4], известные на бронзовых монетах этого государя[5]. Речь идет о тамгах и [6] (рис. 2: 1, 2), выявленных на его семисах (Анохин 1986: 150,

---

[1] Весьма показательно то, что Страбон писал об аспургианах, но не упомянул Аспурга (Strabo, XI, 2, 11, XII, 3, 29).

[2] Статеры с монограммой чеканили в 307 (10/11 г. н.э.), в 308 (11/12 г. н.э.) и в 310 (13/14 г. н.э.) гг. б.э. (рис. 2: 3—5) (Анохин 2011: № 1386; Чореф 2019a: 102, рис. 1: 1, 2; bosporan-kingdom.com: 1: № 000-5281-1, 288-4947-1).

[3] Подчеркну, что нет оснований недооценивать лапидарные памятники. Они являются ценнейшими, подчас единственными источниками исторической информации (Бондаренко, Иващенко 2019; Гаджиев, Гасанов 2021; Иващенко, Синика 2017; Каргин 2020; Павличенко, Чистов 2020; Шульга 2021; Чореф 2022a; Fishel, Nosonovsky 2020; Nosonovsky 2021; Phiphia, Kobakhidze 2021), позволяющими осветить темные или слабо изученные моменты истории. Собственно, это обстоятельство и побудило меня обратить внимание на надпись 2013 г. из Горгиппии.

[4] О перспективах и результатах их изучения см.: (Винокуров, Чореф 2021; 2022; Чореф 2016; 2020; 2021a, 2022a; 2022c; Яценко 2001; 2019; 2023; Яценко, Сланов, Хупинаев 2023; Яценко, Рогожинский 2021; Яценко, Чореф 2022; Yatsenko 2019).

[5] На них размещена его монограмма . Есть все основания согласиться со справедливым заключением Н.В. Завойкиной, что в этой лигатуре не могло быть зашифровано «царь Рескупорид» или «царь Реметалк» (Завойкина 2016b; 2023: 152). Действительно, как уже было сказано выше, в этой аббревиатуре куда больше букв, чем требуется для передачи слова βασιλέυς и имени государя. Так, будет грубейшей ошибкой игнорировать факт наличия в ее составе символов «П» и «О», очерчивающих лигатуру справа, слева и сверху. Настаиваем на том, что следует читать как «πολειτάρχου βασιλέως ἄρχοντος Ἀσποῦργου» (Чореф 2019a: 102). К слову, изучение этой монограммы началось еще на заре становления нумизматики как науки. Так, уже Д. Сестини удалось выработать единую схему дешифровки лигатур , , , и (Sestini 1831: 67, 69—72). Он заключил, что буквосочетание «ВА» использовали для шифрации слова βασιλέως — «царя». Ученый трактовал верхние детали вышеперечисленных монограмм как букву «Ω», по его мнению, являвшуюся одой из литер титула боспорского государя (Sestini 1831: 67). В любом случае, Д. Сестини не игнорировал элементы боспорских лигатур.

№ 318, табл. 12: 318; 2011: № 1389; Фролова 1997: 31, 203—204, табл. XVII: 8—14; Чореф 2013: 148, прим. 68, рис. 9: 5; 2019а: 98; Яценко 2019: 237, рис. 1: 1; Frolova, Ireland 2002: 69, pl. XLVI: 8—14). Первый из них также присутствует на керамических изделиях: на кирпичах из Горгиппии (Алексеева 1997: 141; Гайдукевич 1947: 26; Новичихин 2011: 70; Цветаева 1975: 100), на фрагменте коричневоглиняной амфоры из Анапской Батарейки (Емец 2005: 204, табл. VIII: 5) и на тринадцати мисках, схороненных в пифосе на территории античного поселения у с. Владимировка (Онайко, Дмитриев, Масленников 1978: 135; Онайко, Дмитриев 1981: 98, рис. 5: 6, 6а). Этот знак обнаружен и на костяном инструменте из Кеп (Емец 2005: 204, табл. VIII: 2). Он размещен на закладной плите с монограммами и знаками, найденной в 2000 г. при раскопках «Цитадели» гор. Артезиан (Винокуров 2004: 82, рис. 1: 2, 3; 2006: 41; Винокуров, Чореф 2021: 209, 212, 214, рис. 1; 2022: 20, 25, рис. 1; Яценко 2009: рис. 2: 1; 2019: 237). Тамга известна также на изделиях из серебра: на двух сосудах из сарматского погребения № 14 из кургана № 2 близ станицы Михайловская Курганинского района Краснодарского края (Каминская, Каминский, Пьянков 1985: 234), на фиале из Ново-Александровки I (Раев 2008: 55) и на ложке из разрушенной сарматской могилы у с. Косика Енотаевского района Астраханской области (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 151, 153, 154, рис. 9: 1). Она вырезана на гагатовом амулете из погребения 6/11 первого Чертовицкого могильника в низовьях р. Воронеж (Медведев 1990: 41, рис. 12: 2). Ее удалось выявить на деревянном сосуде из захоронения около с. Козырка близ Ольвии (Симоненко 1999: 114, 118, рис 1: 4). В этих тамгах есть все основания видеть знаки сарматских кланов (Драчук 1975: 58, 68), поддерживавших Аспурга (Чореф 2019а: 98). С.А. Яценко обратил внимание и на то обстоятельство, что символ является зеркальным отражением обозначения . Вполне возможно, что он принадлежала родственной Аспургу семье или клану. Причем ареал его использования был довольно широк. Тамга была вырезана на кувшине с поселения у с. Ильич на Фанталовском полуострове (Емец 2012: № 1039), размещена на «энциклопедии» из Керчи и на небольшой плите из Танаиса (Яценко 2001: рис. 9: а, 21: 2). А схожий на нее знак описан на надгробии из Пантикапея (Драчук 1975: табл. XXXVIII: 246). Принимаю и по мере возможности развиваю точку зрения С.А. Яценко — эти тамги принадлежали родственным кланам.

---

[6] Не могу обойти вниманием замечания Н.В. Завойкиной, приведенные в статье «Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации» (Завойкина 2024). Исследователь заключила, что привлекшие мое внимание семисы с тамгой не являются подлинными. Причем она допустила, что эти монеты — литые. Свой тезис Н.В. Завойкина никак не обосновала. Правда, она подчеркнула, что места обнаружения двух из трех монет этой разновидности «неясны». Что, по ее мнению, также не свидетельствует о подлинности артефактов. И, наконец, она обратила внимание на «нестандартное размещение тамги» на этих монетах (Завойкина 2024: 152, прим. 4). При этом она сослалась на экспертное мнение М.Г. Абрамзона. В свою очередь, замечу, что монеты чеканные, т.к. мелкие детали их оформления не только не расплывчаты, но и безупречно оттиснуты. Это хорошо видно на фотографии наилучшим образом сохранившегося из трех известных экземпляров (рис. 2: 2, 2а) (bosporan-kingdom.com: 1: № 318-4730-1). Судя по скосу на аверсе, этот семис отчеканен на литой заготовке. Что соответствует античной технологии монетного производства. Так что нет никаких оснований сомневаться в подлинности семисов Аспурга с тамгой . В любом случае, если Н.В. Завойкина так уверена в своем выводе, то почему же она иллюстрирует свои статьи (Завойкина 2023; 2024) изображениями монет из электронного каталога «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1), в котором опубликованы «сомнительные» бронзы (bosporan-kingdom.com: 1: № 318-4730-1, 318-4730-2, 318-4730-3)? В свою очередь замечу, что сам факт обнаружения какой-либо разновидности уникальных или редких монет не в археологическом слое, не в ходе официально проведенных раскопок не смущал ни наших предшественников, ни современников. И если Н.В. Завойскина решит «воздержаться от их использования в научных изысканиях» (Завойкина 2024: 133, прим. 4), то она, тем самым, только сделает одолжение, причем не только мне, но и многим ученым, специализирующимся на изучении монетного дела Боспорского государства. Что же касается замечания о «нестандартном размещении тамги», то кто видел ГОСТ-ы, принятые на монетных дворах Боспора при Аспурге? И неужели царские монограммы Аспурга однотипны? И их размещали только на одном и том же месте? Может быть, его статеры и ассарии с аббревиатурами , , , и , особенно бронза с последней лигатурой (рис. 2: 10), также, по логике Н.В. Завойкиной, не являются подлинными? Замечу, что для обоснования такого рода заключения нужны отнюдь не эпатажные и голословные заявления, а доказательства, чего в привлекшей мое внимание статье Н.В. Завойкиной нет (Завойкина 2024). И, замечу, что вряд ли они будут убедительными. Констатирую факт или неверного понимания комментария А.Г. Абрамзона, или предвзятого отношения к артефактам, сам факт существования которого не укладывается в чьи-либо концепции. В любом случае, мне подставилась очередная возможность проиллюстрировать тезис о необходимости тщательной и непредвзятой критики как источника, так и результатов его изучения.

Немаловажную информацию о статусе Аспурга сохранили монограммы группы [7] (, , , и) (рис. 2: 6—10), выявленные на его золотых и бронзовых монетах[8]. Дело в том, что они были размещены вместо вполне, на первый взгляд, ожидаемой легенды βασιλέως Ἀσπουργου. В свое время мною были высказаны соображения по этому вопросу (Чореф 2019a: 109—111). Настаиваю на том, что Аспург изначально не был ординарным для раннего принципата клиентальным царем. Вполне возможно, что в римском мире его воспринимали как одного из варварских вождей, который благодаря браку с Гепеирией I он стал одним из младших представителей рода Сапеев—Зенонидов[9] и возвысился до элиты Империи. Так что не случайно на его бронзовых монетах разместили бюст государя[10]. В тоже время на них отсутствует легенда с именем и титулом правителя, а вместо нее размещены монограммы группы , в которых есть все основания читать «πολειτάρχου βασιλέως ἄρχοντος Ἀσπουργου» (Чореф 2019a: 102). По той же причине в текстах надписей он представлялся как βασιλεὺς и φιλορώμαιος. Лишь после победы над скифами между 14/15 и 23 гг. н.э. (Горончаровский 2000: 236; Зубарь, Зинько 2006: 148; Сапрыкин 2002b: 160) Аспург удостоился дружбы императора.

Нельзя также обойти вниманием и уникальный памятник искусства — бюст царя из Пантикапея[11] (рис. 3). Вслед за С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2014: 308—324) полагаю, что в нем следует видеть изображение Аспурга. Не случайно и то, что его бюст из Пантикапея оформлен столь неординарно: на ниспадающих прядях пробуравлены многочисленные углубления для крепления бронзовых позолоченных звезд. Такое размещение украшений не типично ни для Боспора, ни для Понтийского региона, ни для всего эллинского мира (Савостина 2012). Есть все основания считать их данью восточной традиции.

Подчеркну, что вопрос о родословной Тиберий Юлиев все еще остается спорным. Ряд ученых считает, что Аспург был родоначальником синдо-меотской династии (Горемыкина 1955: 128—131; Anderson 1934: 268; Kiessling 1912: Col. 1028; Rostovtzeff 1919: 99—103). В тоже

[7] Привожу изображения монет, опубликованных в электронном каталоге «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1: № 000-4191-16, 000-4765-1, 297-4766-1298-4500-1, 300-4274-1). И сразу же замечу, что нахожу спорным следующее умозаключение Н.В. Завойкиной: «Август запретил Аспургу … употребление царской монограммы» (Завойкина 2023: 151). Дело в том, что семисы этого государя, на реверсе которых размещена аббревиатура , следует датировать как раз началом правления этого государя (Анохин 1986: 150, № 318, табл. 12: 318; 2011: № 1389; Фролова 1997: 31, 203—204, табл. XVII: 8—14; Яценко 2019: 237, рис. 1: 1; Frolova, Ireland 2002: 69, pl. XLVI: 8—14), вернее всего, периодом времени, когда он царствовал в восточной части Боспора и еще не был признан Римом (Чореф 2013: 148, прим. 68, рис. 9: 5; 2019a: 98). В любом случае, найти какое-либо подтверждение умозаключению Н.В. Завойкиной, разве что если повезет обнаружить нужный экземпляр «Acta Diurna», вряд ли удастся.

[8] Методика прочтения этих аббревиатур, а также результаты их дешифровки изложены в (Чореф 2013; 2019a).

[9] Родственного Юлиям (Сапрыкин 2002a: 212).

[10] Не могу принять следующий тезис Н.В. Завойкиной «Август запретил Аспургу … даже изображение портрета боспорского царя на медных монетах» (Завойкина 2023: 152). Дело в том, что в античном мире в доримский период не было общепринято размещать на разменных деньгах бюсты государей или членов их семей. К примеру, такие изображения отсутствуют на бронзовых монетах Птолемеев (Андриевский 2022; 2023; Андриевский, Чореф 2021; Σβορώνος 1904a; 1904b; 1904c; 1904d). Зато они известны на разменных деньгах Селевкидов (Hoover 2007; Houghton 1983; SC 1.1; SC 1.2; SC 2.1; SC 2.2). Не выявлены портреты государей на бронзе и меди (Смекалова, Дюков 2001: 56—57) Понтийского царства (de Callataÿ 1997; Чореф 2018) и, что немаловажно, Боспора доримского периода (Анохин 1986; 2011; Frolova, Ireland 2002). Учтем и то обстоятельство, что на монетах с монограммой , которые есть все основания приписать к чекану Полемона I (Чореф 2013; 2017), изображения этого правителя также отсутствуют. Так что Августу нечего было запрещать. Куда важнее сам факт появления бюста Аспурга на его ассариях. О значимости такого рода элементов оформления, ставших основными элементами монетного типа, см. (Чореф 2019b; 2021b; Яценко, Чореф 2022). Этот факт может быть истолкован только как явная, причем немаловажная уступка Аспургу. Замечу, что изображения царей фракийских династов — современников первых Юлиев—Клавдиев и членов их семей присутствуют на их бронзовых монетах (Arslan, Peter, Stolba 2021: No. 106—115, 391—400, 541—554, 923—950, 1281—1284, 1511; Youroukova 1976: 90—100, No. 158—168, 170—213, pl. XXI, XXII: 176, 188—193, XXIII, XXIV—XXV, XXVI). Однако эти государи чеканили и серебро (Youroukova 1976: 92, No. 169, pl. XXII: 169). В очередной раз убеждаемся в том, что римляне считал Аспурга могущественным правителем, но отнюдь не столь значительным, как царственные родичи его супруги Гепеирии.

[11] Полагаю, что на Алтаре мира нет изображений Динамии и Аспурга (Чореф 2019a: 107—108).

время их оппоненты видят в нем предка сарматских государей[12] (Виноградов, Горончаровский 2017: 178; Мошкова 1989: 213, 214; Сапрыкин 2002b: 134). Нет единой точки зрения и по вопросу, был ли он сыном Асандра (48/47—19/18 гг. до н.э.) (Сапрыкин 2002a: 207—208; 2002b: 135—136; 2018: 567) или Асандроха (Яйленко 2010: 254). Существует также гипотеза, что Аспург приходился приемным сыном первого из вышеупомянутых государей[13] (Виноградов 1994: 153—155, прим. 26; Виноградов, Горончаровский 2017: 183).

Подчеркнем, что несмотря на многовековое изучение, биография Аспурга все еще не изучена в полной мере. Так что крайне важен ввод в научный оборот вновь обнаруженных источников исторической информации. А также их тщательная атрибуция и критика полученных в ходе исследования результатов.

Перехожу к объекту исследования — к мраморному постаменту с надписью из Горгиппии (рис. 1), обнаруженному в 2013 г. (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681). Артефакт был найден одним из жителей ст-цы Анапской при разборе старого каменного дома на ул. Терской в Анапе, на участке между ул. Ленина и Черноморской[14]. В настоящее время постамент хранится в собрании ГБУККК «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына» (Инв. № КМ 13449/1). Это прямоугольный каменный блок 35 × 30 × 24,5см, верхние и нижние края которого были обрамлены профилированными валиками, в настоящее время сбитыми везде, кроме верхнего края лицевой стороны и нижнего края левой боковой (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681, рис. 1). На верхней плоскости сохранилось прямоугольное углубление размерами 18 × 13,5 см и глубиной 2,5 см для установки скульптуры (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681, рис. 2). На фронтальной стороне постамента сохранилась шестистрочная надпись (рис. 1). Расстояние между строками — 0,7—1 см. Высота букв — 1,3—1,6 см. Надпись сохранилась удовлетворительно. Повреждены начало первой, а также окончания первой, второй, четвертой и шестой строк. Кроме того, поверхность надписи выветрена и испещрена многочисленными щербинками, образовавшимися в результате воздействия известкового раствора (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681). Но, как верно отметили исследователи, эти обстоятельства лишь «несколько искажают облик отдельных букв» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 682).

Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин прочли в ней:

βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς],
φιλορώμαιος, ὁ ἐκ βασιλέ[ως]
μεγάλου Ἀσανδρόχου,
ἀνέθηκεν Ἑρμῆι καὶ Ἡρακ[λεῖ]
γυμνασιαρχοῦντος
Δάσει Γρείπου ἐν τῶι ΓΤ΄ ἔ[τει].

Они перевели ее следующим образом:

«Царь Аспург, друг римлян, (происходящий) от великого царя Асандроха,
посвятил Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа, в 303 году».

[12] Эту точку зрения изначально поддерживал и М.И. Ростовцев (Ростовцев 1918: 149).

[13] Как верно заметил С.Ю. Сапрыкин, эта «гипотеза, не подтверждаемая ни одним из источников» (Сапрыкин 2002a: 207). Так что есть достаточно оснований считать этот вопрос закрытым. Однако все же рискну акцентировать внимание читателя на поднятой Ю.Г. Виноградовым проблеме. Напомню, что допущение ученого строилось на том, что на монетах Аспурга присутствует сарматская тамга ⥣ (Виноградов 1994: 153—155, прим. 26). Но на его бронзах известно и обозначение ⧖ (Чореф 2013: 148, прим. 68, рис. 9: 5; 2019a: 98, рис. 1: 11). Нахожу это обстоятельство весьма немаловажным. Есть все основания полагать, что Аспурга в начале его правления поддерживали представители двух сарматских кланов, использовавших символы ⥣ и ⧖.

[14] Артефакт был передан в Анапский археологический музей В.А. Константиновым.

На основании этого исследователями был сделан вывод, что Аспург был провозглашен царем Боспора и другом римлян не позже 303 г. б.э. (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 682).

Сразу же замечу, что это умозаключение кажется мне вполне логичным и перспективным. Ведь, как уже было сказано выше, известны семисы Аспурга с монограммой и со знаками и (рис. 2: 1, 2), однотипные бронзам с лигатурой[15] [16] (рис. 2: 3), выпущенным, как считаю, в восточной части Боспорского государства от имени известного только по монетам династа Митридата[17]. Так что есть все основания полагать, что Аспург на

[15] Что же касается монограммы (первый вариант —), также привлекшей внимание Н.В. Завойкиной (Завойкина 2024: 136), то, полагаю, что в ней следует читать имя триумвира Марка Дурмия, ведавшего чеканкой золота и серебра в Риме в 19/18 г. до н.э. (Sutherland 1984: 64). На всех его монетах выбивалась надпись «M. DVRM[IVS] IIIVIR». Вернее всего, он исполнял свою должность не только в столице Империи, но и в провинциях и в зависимых царствах. Допускаю, что Марк Дурмий курировал эмиссию золота на Боспоре. Судя по периоду использования монограммы , с 12/11 г. до н.э. по 7/8 г. н.э., он контролировал качество местных статеров (Чореф 2013: 141, рис. 5: 1—6, 6: 1). К сожалению, моя статья «Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики», вышедшая более десяти лет назад, в которой изложен и обоснован этот тезис, так и не оказалась в поле зрения Н.В. Завойкиной. Игнорирую ее соображения (Завойкина 2024: 147) по поводу датирования монограмм и (частично разрушенная лигатура) без какой-либо попытки их дешифровки как явно непрофессиональные. Замечу только, что рассуждения исследователя о «притянутости» датировки тамг на закладной плите из Артезиана не менее забавны. Если «предметы с тамгами, которые отмечают присутствие представителей сарматского мира, появляются на территории Боспорского государства не ранее второй половины 1 в. до н.э.» (Завойкина 2024: 148), то это отнюдь не означает, что сарматы не могли кочевать на сопредельных Боспору территориях до этого времени. И что они могли вмешиваться влиять на события в Северном Причерноморье и в Таврике (Сапрыкин 2018: 360—368; Vinogradov 2003: 217—226). Действительно, в первой половине III в. до н.э. ближняя хора Херсонеса подверглась нападению скифов и сарматов (IOSPE I^2: No. 343; IOSPE III: No. 51; SEG XLVIII: No. 1168). Царь сайев Сайтафарн на рубеже III—II вв. до н.э. брал дань с Ольвии (IOSPE I^2: 32). Полиен сохранил легенду о сарматской царице Амаге, правящей в конце III — в начале II в. до н.э. Нам важно то, что она заключила союз с Херсонесом (Polyaen., VIII, 56). Из надписи царя Аргота (начало II в. до н.э.) мы узнаем о его победе над «меотами» (сирако-меотами), одержанной ради дружбы и любви к «эллинам» (IOSPE III: No. 600; SEG LIII: No. 775; SEG LVI: No. 889). Сармат Гатал упомянут в тексте мирного договора, подписанного Фарнаком I с Евменом в 179 г. до н.э. (Polyb., XXV, 2). Царь роксоланов Тасий (Strabo, VII, 17) был союзником Палака во время Диофантовых войн, сведения о которых сохранили памятники херсонесской эпиграфики (IOSPE I^2: No. 352, 353; IOSPE III: No. 8, 9). Особо тесные контакты были у сарматов с Боспором. Так, царь сираков Арифарн оказал помощь Эвмелу (Diod., XX, 22, 23). В 80—70 гг. III в. до н.э. на месте Елизаветовского городища возник боспорский торговый эмпорий, позже был основан Танаис. Около середины II в. до н.э. сарматы обложили данью Боспорское царство (Strabo, VII, 4, 3—4). Позже они заключили союз с Митридатом VI Евпатором Дионисом (App., XII, III, 15). Сарматы вместе с Фарнаком II сражались при Зеле, а позже штурмовали Пантикапей и Феодосию (App., XII, XVII, 120). Так что их лидеры вполне могли стать союзниками Махара. И, к слову, слои и сооружения городища Артезиан датируются не по знакам, а по археологическому материалу (Винокуров 2021: 15; Винокуров, Чореф 2022: 15—16).

[16] Вынужден обратить внимание читателя на очередное алогичное заявление Н.В. Завойкиной. Цитирую: «В монетном деле Аспурга известны монеты с монограммой ВА-М» (Завойкина 2024: 133). Однако разобрать имя этого государя в лигатуре не представляется возможным. Если два ее первых символа являются сокращением «βασιλέως», что общепринято, то остается только буква «М», отсутствующая в имени Ἀσπούργος. Или Н.В. Завойкина считает, что все недатированные боспорские бронзы с монограммами можно будет приписать все тому же Аспургу? Но тогда смысл дешифровки лигатур на памятниках боспорской нумизматики теряется. И где хоть какое-то мало-мальски приемлемое обоснование этого заявления? Тезис «Выпуск монет с ВА-М приходится примерно на 310—311 г. б.э. (11—12 г. н.э.) и связан с победой Аспурга над скифами и таврами» (Завойкина 2024: 133) не заслуживают даже критики. Ведь Аспурга не звали Митридатом. Забавно и то, что годом ранее она декларировала, что «подтверждается мнение о принадлежности выпусков статеров с монограммами ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ одному боспорскому правителю» (Завойкина 2023: 156). По ее логике, он придумал их с целью запутать позднейших историков. Но чуть ниже читаем «Очевидным представляется один непреложный факт — они не связаны с именем царя Аспурга. Их появление на боспорском золоте следует связывать, как представляется, с деятельностью Августа». А на следующей странице видим: «В целом, новое посвящение из Горгиппии поддерживает вывод о чеканке статеров с монограммами ΔΥΜ, ΔΜ, ΚΝΕ, ΠΑ, ΠΑΡ в правление Аспурга с той лишь существенной оговоркой, что к этому времени он уже носил официальный титул царя Боспора» (Завойкина 2023: 157). Это при том, что в состав последних не входит буквосочетание «ВА». Прихожу к выводу, что рассуждения Н.В. Завойкиной о боспорских монограммах следует попросту игнорировать.

[17] Вслед за А. фон Заллетом и А.В. Орешниковым (Орешников 1892: 16—18), читаю в монограмме «βασιλέως Μιθραδάτου». Династ Митридат чеканил бронзы трех номиналов: ассарии, семисы и триенсы

момент их эмиссии также был одним из региональных владык, правивших на территориях, неподконтрольных Полемону I (Чореф 2019a: 103).

Замечу, что в тот период времени высекали надписи в честь восточно-боспорских династов. Так, известны надписи царицы Динамии, найденные в подконтрольных ей регионах Боспорского государства и датируемые периодом правления Полемона I в его западной части. Речь идет о текстах на постаменте статуи государыни из Фанагории (КБН 1965: № 979; КБН 2004: № 979) и о посвящении в ее честь из Танаиса (Иванчик, Тохтасьев 2009), а также о сооруженном ею надгробии Матиана, сына Зайдара (Яйленко 2010: 669—671, рис. 87, 87a). Примечательно то, что во всех этих надписях Динамия славилась как φιλορώμαιος, а ее отца Фарнака II и деда Митридата VI Евпатора титуловали βασιλεὺς μέγας и βασιλεὺς βασιλέων соответственно (КБН 1965: № 979; КБН 2004: № 979; Иванчик, Тохтасьев 2009).

Сам факт отсутствия подобного рода текстов с именем Митридата[18] может быть истолкован как довод в пользу допущения о его недостаточно высоком статусе. Вполне возможно, что в тот период времени он был лишь одним из вождей, контролировавшем часть Восточного Боспора. Подчеркну, что Митридат, судя по монограмме 𐢡𐢠𐢣, также был царем. Но не всего Боспора, а одного из его восточных регионов. Таким же региональным лидером был в тот период времени и Аспург.

Однако вернемся к надписи 2013 г. из Горгиппии. Если ее прочтение, предложенное Н.В. Завойкиной, В.А. Константиновым и А.М. Новичихиным верно, то у нас есть все основания полагать, что Аспург в 303 г. б.э. был значительно влиятельнее Митридата. Хотя напомню, что эти государи (Чореф 2019a: 103) чеканили однотипные бронзы одного номинала. Причем, как уже было сказано выше, на монетах первого из них размещали тамги 𐢛 и 𐢜. По-видимому, так правитель информировал своих подданных о поддержке его режима сарматскими кланами.

Вполне возможно, что знаки 𐢛 и 𐢜 являлись также эмиссионными обозначениями[19]. Причем семисы без них Аспург не выпустил. Прихожу к выводу, что Аспург чеканил эти монеты только при поддержке сарматских кланов.

(Анохин 1986: 150, № 294, 295, 296, табл. 11: 294, 295, 296; 2011: 1388—1390; Фролова 1997: 193—194, табл. X: 18—30; Чореф 2013: 147—148, рис. 9: 1—3; 2019a: 103; Frolova, Ireland 2002: 61—62, pl. XXXIX: 18—30). Тезис Н.В. Завойкиной о «монограмме ВАМ на медной монете» (Завойкина 2023: 152), по логике исследователя, единственной разновидности, появился в результате ее полного незнакомства с боспорским нумизматическим материалом. Только это обстоятельство позволило ей писать, что «самый поздний выпуск меди с монограммой ВАМ относится к 310 г. б.э. (13/14 г.)» (Завойкина 2023: 157). Но разве на этих монетах есть обозначение даты выпуска? В тоже время Н.В. Завойкина признает, что монограмма 𐢠𐢡 появилась на статерах при Аспурге, в 307 г. б.э. (Завойкина 2023: 157). Но куда важнее следующие. Ассарии Митридата однотипны разменным монетам крупнейшего номинала с монограммой 𐢠𐢡𐢢 (Анохин 1986: 148, № 270, табл. 10: 270; 2011: № 1374; Фролова 1997: 183, табл. V: 18; Frolova, Ireland 2002: 53, pl. XXXIV: 17, 18), в которой читаю «Πολέμονος βασιλέως εὐσεβοῦς» (Чореф 2013: 133). Полагаю, что это обстоятельство может быть истолковано только как стремление заявить о преемственности, о законности его власти. Решение копировать ранние ассарии Полемона I с бюстом Гелиоса, а не позднейшие монеты этого номинала с изображением Геракла, может быть также объяснено религиозными предпочтениями Митридата. Дело в том, что Гелиоса, в котором видели Митру—Гойтосира, чтили не только в качестве общеиранского бога солнца и солнечного света, гаранта стабильности в кочевом мире, но и как одного из покровителей Митридатидов (Сапрыкин 2009: 87—89). Изображения этого божества, к слову, известны на монетах Савмака (Чореф 2022b).

[18] Отсутствие упоминаний об известном только по монетам династе Митридате в списке родичей Аспурга и предков Тиберия Юлиев может быть истолковано как свидетельство того, что они если и приходились друг другу родственниками, поскольку считали себя Ахеменидами, то довольно дальними. Обстоятельства его жизни и правления установить сложно, ведь на его бронзе нет привычных для Боспора эмиссионных обозначений, в т.ч. дифферентов. Однако их отсутствие весьма показательно. Полагаю, что монеты династа Митридата отчеканили в Пантикапее, на царском монетном дворе (Чореф 2013: 22—23). Но вряд ли его правление было продолжительным. И, судя по неизвестности статеров с монограммой 𐢠𐢡𐢣, Митридат не был признан Римом. Вернее всего, этот династ был низложен и погиб в ходе борьбы с Аспургом, ставшего полетархом и архонтом Пантикапея в 307 г. б.э. и чеканившего до 310 г. б.э. включительно статеры с монограммой 𐢠𐢡 (рис. 2: 3—5) (Анохин 2011: № 1386; Чореф 2019a: 102, рис. 1: 1, 2; bosporan-kingdom.com: 1: № 000-5281-1, 288-4947-1).

[19] Не случайно тамгу 𐢛 размещали левее бюста Ареса (рис. 2: 1), а знак 𐢜 — правее этого изображения (рис. 2: 2).

Но, ad rem. Нахожу результаты эпиграфических и нумизматических исследований противоречивыми. Попытаюсь решить эту проблему, проведя критику источников.

Начну с того, что семисы с обозначениями , и [20] довольно многочисленны. Нет оснований сомневаться в том, что они были выпущены при Аспурге, причем в период его правления в восточной части Боспорского государства. Иное дело — надпись 2013 г. из Горгиппии. Ведь, как заметили исследователи, результаты воздействия агрессивной внешней среды «несколько искажают облик отдельных букв» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681). Так что ее прочтение гипотетически может быть уточнено. И, в связи с этим, обращаю внимание читателей на то обстоятельство, что Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин не сочли нужным выявить особенности почерка резчика. А без этого, как мне кажется, разбор надписи, пострадавшей от воздействия агрессивной внешней среды, не может быть убедительным.

В свою очередь замечу, что особенности почерка резчика вполне различимы[21]. Так, на мой взгляд, весьма интересное написание у «Г». Она примечательна тем, что довольно крупна, ее вертикальная гаста всегда слегка изогнута, причем с заметным наклоном вправо в верхней части. В свою очередь, литера «Е» весьма на нее не схожа. Она не столь крупная, угловатая, ее прямая вертикальная составляющая без заметного наклона вправо, а средняя поперечная гаста обозначена точками. Что же касается «I», то у резчика получилась узкая, с крупными точками в верхней и в нижней частях.

Кроме того, исследователи не уделили должного внимания лексическому анализу текста. Однако надпись в этом аспекте крайне интересна. Дело в том, что слово γυμνασιαρχοῦντος, занимающее всю ее пятую строку[22], в прочих боспорских надписях не выявлено. Хотя упоминания гимнасиархов в античных текстах из Северо-Восточного Причерноморья отнюдь не редки. Так, в них присутствуют слова γυμνασιάρχην (КБН 1965: № 90, 103, 1263, 1264, 1277—1280, 1282, 1287, 1288; КБН 2004: № 90, 103, 1263, 1264, 1277—1280, 1282, 1287, 1288; SEG XLVI: No. 958), γυμνασιαρχήσας (КБН 1965: № 823; КБН 2004: № 823), γυμνασίαρχος (КБН 1965: № 1140; КБН 2004: № 1140) и γυμνασιάρχης (КБН 1965: № 1260a, 1268; КБН 2004: № 1260a, 1268). Добавлю также, что вполне уместны написания ἄρχων и ἄρχοντος (Дворецкий 1958: 244, 245; Δημητριακου 1953a: 1023, 1026; Sophocles 1914: 259—260), а также γυμνᾶσιάρχης и γυμνασίαρχος (Дворецкий 1958: 335; Δημητριακου 1953b: 1711, 1712; Sophocles 1914: 341). Что же касается слова γυμνασιαρχοῦντος, то оно присутствует в ряде надписей III в. до н.э. — III в. н.э. из Аттики (Agora XV: No. 310; IG II^2: No. 1945, 1946, 2047, 2327, 2875, 2883, 2998, 2999, 3151; SEG XVI: No. 137; SEG XXXII: No. 216), Беотии (IG VII: No. 1669, 4239; IG XII Suppl.: No. 646; SEG III: No. 421), Мегар (IG VII: No. 29, 31), Дельф (FD III 2: No. 24), Фессалии (IG IX.2: No. 1.7, 2.522, 2.539; SEG XIII: No. 391, 389; SEG XXVIII: No. 505; SEG XXXI: No. 578), Эпира (SEG XXXVIII: No. 570), Македонии (SEG XVI: No. 391; SEG XXVI: No. 738; SEG XXX: No. 556[A], 556[B]; SEG XLIII: No. 383), Делоса (ID: No. 1580, 1922—1927, 1929, 1930, 1932—1934, 1947, 1949—1953, 1956, 2594, 2596, 2599, 2600, 2603), Эгейских о-вов (IG XII.4.2: 473, 1006, 1010, 1016; IG XII.4.5: 4066), Киклад (IG XII.5: No. 137, 145, 464, 1019; SEG XXVI: No. 971, 972, SEG XXVIII: No. 706), Самоса (IG XII.6: 1: 173, 2:1227; SEG XLII: No. 779), Эвбеи (IG XII.9: No. 916; IG XII Suppl.: No. 646; SEG XXVII: No. 603), Карии (Halikarnassos: No. 72, 110; I.Kaunos: No. 41), Ионии (Ephesos: No. 256, 386, 535, 536, 537, 541, 603, 868, 971, 1135, 1635, 1707; IK Priene: No. 326; Priene: No. 160), Лидии (SEG XLIX: No. 1696; TAM V.2: No. 1203, 1204, 1206, 1208), Миссии (IMT Kyz Kapu Dağ: No. 1471; IMT Kaïkos: No. 918; IvP II: No. 323, 323[1], 465, 465[1]), Вифинии (IK Kios: No. 16) и Памфилии (SEG XVII:

[20] Так, в каталоге-архиве «Монеты Боспора» приведены сведения о пяти монетах со знаком (bosporan-kingdom.com: 1: № 318-4729-1, 318-4729-3, 318-4729-4, 318-4729-5, 318-4729-6) и трех монетах с тамгой на аверсе (bosporan-kingdom.com: 1: № 318-4730-1, 318-4730-2, 318-4730-3).

[21] Обращаю внимание только на те буквы, выявление особенностей написания которых позволит уверенно датировать изучаемую надпись.

[22] Нахожу этот факт весьма интересным и примечательным. Вернусь к нему несколько ниже.

No. 640). Вполне возможно, что изучаемая надпись была составлена высокообразованным человеком. В результате в ней появилось несвойственное эпиграфике региона, но широко распространенное в эллинском мире слово γυμνασιαρχοῦντος.

Перейдем к последней строке надписи (рис. 1). Принимаю заключение, к которому пришли Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин — в ней содержится указание на дату создания надписи. По мнению исследователей, ее высекли в 303 г. б.э. Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин разобрали в ее конце фразу «ἐν τῶι ΓΤ΄ ἔ», которую они дополнили как «ἐν τῶι ΓΤ΄ ἔτει» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 682).

Это умозаключение не кажется мне убедительным. Напомню, что исследователи не провели графологическое исследование, не выявили и не учли особенности почерка резчика. А без этого разобрать довольно плохо сохранившийся фрагмент надписи, пострадавшей от многовекового внешнего воздействия (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 681), довольно трудно. Причем выводы, полученные в ходе такого исследования, вполне могут оказаться ошибочными.

Но, как уже было сказано выше, почерк мастера вполне различим. Напомню, что «Г» у него получалась с наклоненной вправо и со слегка изогнутой вертикальной гастой. Однако «Е» получилась весьма несхожей на нее. У нее прямая, без заметного наклона вертикальная гаста. А средняя поперечная составляющая обозначена точками. В тоже время «І» у резчика получилась узкая, с крупными точками в верхней и в нижней частях.

Обратим внимание на последнюю строку изучаемой надписи. Настаиваю на том, что в ее правой части нет «Г». Учитываю то обстоятельство, что в этом фрагменте текста отсутствует символ с наклоненной вправо и изогнутой вертикальной гастой. Хорошо видно, что у буквы, которую Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин приняли за «Г», прямая вертикальная гаста. Учитывая это обстоятельство, заключаю, что речь должна идти о «Е». Некоторые сомнения вызывает то обстоятельство, что ее средняя поперечная составляющая почти не просматривается. Но, как помним, ее обозначали точками. А одна из них, размешенная в правой части, вполне сохранилась. В тоже время просматриваемая конфигурация буквы, ее вертикальной, а также верхней и нижней поперечной гаст, не оставляет сомнений — в этом фрагменте надписи присутствует именно «Е».

Правее этого символа просматривается вертикальная черточка. Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин писали, что «вертикальная гаста *гаммы* повреждена тонкой косой выбоиной, которая тянется от верхнего правого угла буквы», причем ее пересекает «почти прямая выщербина, идущая от нижнего основания *йоты*» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 682). Но весьма схожий символ был размещен левее «Е». Правда, он сохранился несколько лучше, что позволило исследователям уверенно атрибутировать его как «І» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 682). Развивая вывод Н.В. Завойкиной, В.А. Константинова и А.М. Новичихина, заключаю, что по сторонам «Е» были вырезаны две одинаковых буквы. Причем, как верно отметили исследователи, от правой сохранилась вертикальная черточка и просматриваются следы точки в верхней части. Определенно, это «І»[23]. Правее нее читается очевидная «Т». Прихожу к выводу, что в изучаемом фрагменте надписи было высечено буквосочетание «ЕІТ». Если мое прочтение верно, то исследуемый текст был создан в 315 г. б.э. (18/19 г. н.э.).

Чем же важен этот вывод? Во-первых, он не противоречит практически общепринятой точки зрения на вопрос о дате прихода Аспурга к власти. Как верно отметили Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин, «поездка Аспурга к римскому императору упомянута в его письмах горгиппийцам, датирующихся 15 или 16 г., а с 14 г. на Боспоре чеканятся золотые статеры с легендой ΒΑΡ, которую традиционно рассматривают как царскую

[23] Полагаю, что этот фрагмент поверхности слишком велик (рис. 1), чтобы трактовать его как отступ между буквами, как верно заметили исследователи, элементами обозначения даты. Учитываю и то обстоятельство, что ряд литер в надписи сохранились столь же плохо, хотя вполне угадываемы. Речь идет «В», «А», «Σ» и «Λ» о в слове βασιλεὺς, «А», «Σ» и «Г» в имени царя Ἀσπούργος, «Σ» в титуле φιλορώμαιος и «Е» в ἐκ (рис. 1). Так что у нас есть все основания полагать, что на этом фрагменте поверхности вполне могла быть высечена «І».

монограмму Аспурга». И что «принято считать, что в результате поездки в Рим осенью 14 г. — начале 15 г. Аспург после смерти Августа получил от Тиберия подтверждение своего царского титула и возобновил с новым императором договор о дружбе с Римом» (Завойкина, Константинов, Новичихин 2018: 683). Согласимся, что у нас нет оснований полагать, что этот государь принял титул φιλορώμαιος до его признания Римом. А появление надписи было обусловлено умиротворением Боспора в результате этого события.

Заключаю, что на постаменте было высечено:

βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς],
φιλορώμαιος, ὁ ἐκ βασιλέ[ως]
μεγάλου Ἀσανδρόχου,
ἀνέθηκεν Ἑρμῆι καὶ Ἡρακ[λεῖ]
γυμνασιαρχοῦντος
Δάσει Γρείπου ἐν τῶι ΕΙΤ΄ ἔ[τει].

Перевожу надпись следующим образом:

«Царь Аспург, друг римлян, (происходящий) от великого царя Асандроха,
посвятил Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа, в 315 году».

Напомню, что монограмма появилась на статерах Аспурга только в 311 г. б.э. (рис. 2: 3) (Анохин 1986: 150, № 297, табл. 11: 297; 2011: № 1391; Фролова 1997: 197, табл. XII: 4; Чореф 2019a: 101, рис. 1: 3; Frolova, Ireland 2002: 7, 74, pl. XLI: 4). Раньше, в 307—310 гг. б.э. в обращение регулярно поступали золотые с аббревиатурой (Чореф 2019a: 102, рис. 1: 1, 2). Полагаю, что эти монеты также чеканили от имени Аспурга. Судя по отсутствию эмиссионных символов, их чеканили на царском монетном дворе Пантикапея. Выпускать такие статеры могли после гибели Полемона I и династа Митридата, но до момент признания римлянами царского титула Аспурга. Читаю в монограмме фразу «πο[λειτάρχου] ἄρ[χοντος] Ἀ[σποῦργου]» (Чореф 2019a: 102). Таким образом, учитываю все составляющие монограммы. Полагаю, что ее основанием является «П». Ее венчает несомненная «О». В центре и справа от «П» читаются «А» и «Р».

Вполне возможно, что Аспург после гибели Полемона I и династа Митридата правил в качестве царя варваров и архонта Боспора и Феодосии (Блаватская 1965: 202). Таким образом, он на время вернулся к традиционному для Боспора status quo, сложившемуся при Спартокидах.

В сложившейся ситуации Рим сделал ставку на Аспурга. Не зря этот династ совершил путешествие в столицу Империи. Он успешно позиционировал себя там как преданного и могущественного вассала Рима. В свою очередь, царь делал многое для популяризации своего режима в Северо-Восточном Причерноморье. Он старался позиционировать себя как филэллина, как правителя, поддерживающего полисы. Причем благодеяния государя прославляясь в надписях (Блаватская 1965: 197—209; КБН 1965: № 39, 40; КБН 2004: № 39, 40; Сапрыкин 2002b: 159; SEG XLI: No. 614; SEG XLVI: No. 940). В этом аспекте весьма показательны распоряжения Аспурга 312 г. б.э. из Горгиппии. Так, из текста Рескрипта А следует, что граждане этого полиса были благорасположены к нему, по-видимому, они оказали этому государю поддержку в период борьбы за власть над Боспором. И, что было не менее важно, «соблюли себя в полной безмятежности» во путешествия Аспурга в Рим. В благодарность государь установил для них правила родственного наследования по «закону Евпатора». Очередным благодеянием стал и Рескрипт В. Аспург снизил налоги на сельхозпродукцию (Блаватская 1965: 197—209; Сапрыкин 2002b: 159; SEG XLI: No. 614; SEG XLVI: No. 940). Нам же важно то, что царь благодарит горгиппийцев, по логике вещей — граждан полиса. Принимаю точку зрения В.П. Яйленко. Горгиппия получила статус полиса

задолго момента составления этих документов (Яйленко 2016: 795, прим. 58). Ведь для развития органов самоуправления требовалось время.

В свою очередь заметим, что письма Аспурга были отправлены не полисным магистратам — указания на их должности в тексте отсутствуют, а царским наместникам Панталеонту и Феангелу. Следовательно, эти документы информируют нас о начале процесса ограничения полисных свобод[24]. Так что не случайно они датируется по б.э.

В этом аспекте изучаемая надпись весьма примечательна. Ведь она была высечена при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа, по логике вещей, являвшимся архонтом-эпонимом. Не случайно он упомянут в последней строке текста, там же, где размещено указание на дату.

Нахожу это обстоятельство крайне интересным. К сожалению, Н.В. Завойкина, В.А. Константинов и А.М. Новичихин не обратили на него внимания. Они ограничились лишь констатацией того факта, что «в Северном Причерноморье существование гимнасиев и гимнасиархов засвидетельствовано эпиграфическими памятниками» (Завойкина, Новичихин, Константинова 2018: 685). Однако в Александрии в римский период самым влиятельным магистратом был гимнасиарх. Он был представителем граждан и защитником их свобод (Левек 1989: 61). В этом аспекте крайне интересны языческие «жития мучеников». Так, весьма примечательно повествование о ходе процесса граждан Александрии против царя Агриппы II, состоявшегося при Клавдии I (BGU II: No. 511, col. I, II). Для нас важно то, что в делегацию жителей полиса входил гимнасиарх Исидор. В пылу судебных прений последний заявил, что он «не раб и не сын музыкантши, а гимнасиарх славного города Александрии» и оскорбил императора. За что был казнен. При Коммоде произошло аналогичное событие. Приговоренный к казни гимнасиарх александрийцев Аппиан потребовал себе повязку и белые сандалии, а после прокричал: «Сбегайтесь, римляне, и посмотрите, как ведут на казнь одного от века гимнасиарха и посланника александрийцев!» (P. Oxy I: No. 33).

Есть все основания согласиться с выводом, сделанным С.А. Грингофом. Гимнасиархи в эллинистический период принимали активное участие в работе органов самоуправления и, в тоже время, играли активную роль в воспитании молодежи (Грингоф 2009: 33). Вполне возможно, что они сохранили свое положение в ряде полисов и в первые века римского владычества. Однако политика имперских властей привела к низведению их до уровня второразрядных городских магистратов.

Однако, как верно заметил С.А. Грингоф, «роль этой должности в политической системе Боспорского государства на данном этапе установить не представляется возможным, однако и недооценивать ее нельзя» (Грингоф 2009: 33). Примечательно и то, что в Горгиппии ранее была найдена надпись[25] с упоминанием гимнасиарха (КБН 1965: № 1140; КБН 2004: № 1140). Это список имен с отчествами, вернее всего, список синода. Причем указан род занятий только одного лица. Речь идет о гимнасиархе[26] Фарнакионе.

Как уже было сказано выше, в позднейших боспорских текстах выявлено довольно много упоминаний гимнасиархов (КБН 1965: № 90, 103, 823, 1140, 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277—1280, 1282, 1287, 1288; КБН 2004: № 90, 103, 823, 1140, 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277—1280, 1282, 1287, 1288). Примечательно то, что все они приведены в списках имен. Причем гимнасиархи упомянуты в них отнюдь не в первых строках. Следовательно, лидерами полисов они не являлись. И только в изучаемом тексте гимнасиарх Дасий, сыне Грипа выступает в роли архонта-эпонима.

Нахожу это обстоятельство весьма немаловажным. Есть все основания полагать, что упомянутый в изучаемом тексте гимнасиарх Дасий, сыне Грипа, был лидером Горгиппии. Вполне возможно, что он сконцентрировал в своих руках власть над городом в смутные годы борьбы восточно-боспорских династов с Полемоном I и друг с другом. Причем усиление

[24] Как верно заметил В.П. Яйленко, нам не известны следы какой-либо законотворческой деятельности боспорских полисов римского периода (Яйленко 2016: 795).

[25] Высечена не ранее середины II в. н.э. (КБН 1965: № 1140).

[26] Читается γυμνασίαρχος.

боспорских полисов в тот период стало возможным только с санкции Рима. Август видел в них противовес царям (Яйленко 2016: 795). А сам факт упоминания его в тексте посвящения Аспурга говорит о том, что Дасию, сыну Грипа удалось сохранить свое положение в первые годы правления этого государя.

Допускаю, что по этой причине слову γυμνασιαρχοῦντος была уделена отдельная строка надписи. Речь явно шла о лидере полиса. И это слово приведено в форме, не характерной для позднейших боспорских текстов.

Как видим, надпись 2013 г. сохранила сведения о системе самоуправления в Горгиппии. Ее в 315 г. б.э. возглавлял гимнасиарх Дасий, сыне Грипа. Есть все основания видеть в нем архонта-эпонима. Кроме него городом управляли царские наместники, упомянутые в Рескриптах Аспурга. Царь же, что следует из оформления текста, не считал тогда нужным ограничивать права местного самоуправления. Что, в свою очередь, не противоречит моей точки зрения на вопрос о дате появления надписи. Ее могли создать после признания Аспурга Римом и до его победы над скифами.

Итак, в ходе исследования была проведена критика источника — надписи царя Аспурга из Горгиппии, найденной в 2013 г. В результате проведения графологического анализа удалось уточнить ее датировку. При этом были задействованы результаты нумизматических исследований. Которые, в свою очередь, также подверглись непредвзятой и скрупулезной критике. Точнее, привлечение результатов изучения статеров Аспурга, а есть все основания считать их безупречно датируемым нумизматическим материалом, позволил отказаться от безусловно ошибочной точки зрения, согласно которой он мог стать царем Боспора в 303 г. б.э.

Результаты атрибуции тамг и уточнили наши представления о сущности режима Аспурга до гибели Полемона I. Есть все основания полагать, что он тогда был одним из восточно-боспорских династов, ведущих войну с вышеупомянутым государем. Определенно, Аспург до 307 г. б.э., т.е. до выпуска первой серии статеров с монограммой , не выпускал монеты ни в одном из значимых боспорских городов: ни в Пантикапее, ни в Фанагории, ни в Горгиппии. При этом Аспург опирался на сарматские кланы, использовавшие эти тамги. Что, подчеркну, не противоречит моему прочтению обозначения даты изучаемой надписи. Есть все основания считать, что Аспург стал царем Боспора по воле императора Тиберия. Ведь не случайно он стал родоначальником династии Тиберия Юлиев.

Кроме того, был проведен лексический анализ текста. Полагаю, что наличие в нем слова γυμνασιαρχοῦντος, размещенного на отдельной строке, может быть объяснено только стремлением как можно точнее отобразить расстановку сил в системе управлении городом..

Тот же факт, что гимнасиарх Дасий, сыне Грипа был упомянут в изучаемой надписи в качестве архонта-эпонима говорит о том, что он возглавлял самоуправление этого полиса. Появление же изучаемой надписи может быть объяснено только признанием гражданской общиной Горгиппии Аспурга в качестве царя Боспора.

Но куда важнее следующее. Есть все основания полагать, Горгиппия в 315 г. б.э. являлась полисом. Причем Аспург тогда не стремился ограничить права городского самоуправления. Ему удастся это сделать позже, после победы над скифами.

Полагаю, что удалось выработать объективное видение ситуации на Боспоре в первые годы правления Аспурга. Выношу результаты моего исследования на научное обсуждение.

Литература

Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.

Андриевский Д.В. 2022. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2023. Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель. *МАИАСП* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга. *СА* 2, 197—209.

Болгов Н.Н., Зайцева И.В. 2019. Тиберий Юлий Дуптун — последний царь Боспора и политика императора Анастасия. *МАИАСП* 11, 517—526.

Бондаренко Д.В., Иващенко М.В. 2019. Амфорные клейма из зольника № 2 святилища Викторовка I в Нижнем Побужье. *МАИАСП* 11, 635—646.

Виноградов Ю., Горончаровский В. 2017. *Военная история Боспорского царства*. Москва: Ломоносовъ.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.

Винокуров Н.И. 2004. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 78—88.

Винокуров Н.И. 2021. Раскопочные работы Артезианской археологической экспедиции Московского педагогического государственного университета (МПГУ) В 2020 году. *История и археология Крыма* 15, 14—26.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207—217.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2022. Писаница из цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования. *Русин* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2.

Гаджиев М.С., Гасанов М.А. 2021. Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической надписью мусульманского некрополя Дербента XI—XII вв. *МАИАСП* 13, 942—953. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.28.23.035.

Гайдукевич В.Ф. 1947. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. *КСИИМК* XVII, 22—27.

Горемыкина В.И. 1955. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. *УЗМПИ* 11, 130—140.

Горончаровский В.А. 2000. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже н.э. *Stratum plus* 3, 229—236.

Грингоф С.А. 2009. Особенности полисного устройства городов на Боспоре в первые века н.э. *Via in tempore* 15 (70), 33—37.

Дворецкий И.Х. 1958. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1. *А—Л*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3 (206), 141—179.

Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Емец И.А. 2005. *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского*. Москва: Спутник +.

Емец И.А. 2012 *Граффити и дипинти из античных городов Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу)*. Москва: Спутник.

Завойкина Н.В. 2016a. Новые надписи Фанагории (находки разных лет). В: Завойкин А.А. (ред.). *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 4. *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2. Москва: Институт археологии РАН, 208—229.

Завойкина Н.В. 2016b. Царь Аспург. Он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). XVII *Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. Керчь: ООО «Соло-Рич», 160—166.

Завойкина Н.В. 2023. Аспург — царь Боспора (9/8 г. до н. э. — 38 г. н. э.). *ДБ* 28, 149—167.

Завойкина Н.В. 2024. Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации. *Hypanis* 5, 132—152.

Завойкина Н.В., Константинов В.А., Новичихин А.М. 2018. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии. *ВДИ* 78 (3), 680—692.

Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ* XII.

Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. 2009. Царица Динамия и Танаис. *ВДИ* 3, 95—107.

Иващенко М.В., Синика В.С. 2017. Амфорные клейма из Надлиманского городища. *МАИАСП* 9, 484—533.

Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. 1985. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье). *СА* 4, 228—234.

Каргин Ю.Ю. 2020. Керамические клейма из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях античной Горгиппии в 2018 г. *МАИАСП* 12, 914—995.

КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (отв. ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Bibliotheca classica Petropolitana*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Кузнецов В.А. (отв. ред.). 2008. *Фанагория*. Москва: Северный паломник.

Левек П. 1989. *Эллинистический мир*. Москва: Наука.

Медведев А.П. 1990. *Сарматы и лесостепь: по материалам Подонья*. Воронеж: Воронежский университет.

Мошкова М.Г. 1989. Среднесарматская культура. В: Мелюкова А.И. (отв. ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 177—191 (Археология СССР).

Новичихин А.М. 2011. Аборака. *ИАА* 10, 68—73.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. 1981. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска. *КСИА* 168, 93—100.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В., Масленников А.А. 1978. Раскопки античного поселения у с. Владимировка. В: Рыбаков Б.А. (ред.). *АО 1977*. Москва: Наука, 135.

Орешников А.В. 1892. *Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья*. Москва: Типография и словолитня О.О. Гербека.

Павличенко Н.А., Чистов Д.Е. 2020. Килики Пифея и Дейнона из раскопок Березани и их археологический контекст. *МАИАСП* 12, 887—913.

Раев Б.А. 2008. Италийские и восточно-эллинистические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья. В: Засецкая И.П. (науч. ред.). *Сокровища сарматов. Каталог выставки*: *к 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского*. Санкт-Петербург; Азов: Азовский музей-заповедник, 53—57.

Ростовцев М.И. 1918. *Эллинство и варварство на Юге России*. Петроград: Огни.

Савостина Е.А. 2012. *Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте*. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина (БИ. Suppl. 8).

Сапрыкин С.Ю. 2002a. Аспург, царь Боспора. *ДБ* 5, 207—223.

Сапрыкин С.Ю. 2002b. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю. 2009. *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. Москва; Тула: Гриф и К.

Сапрыкин С.Ю. 2014. Митридат Евпатор или Аспург? К идентификации портрета царя из Пантикапея. *ДБ* 18, 308—324.

Сапрыкин С.Ю. 2018. *Древнее Причерноморье*. Москва; Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 114. Сер. 2; Исторические исследования 65).

Симоненко А.В. 1999. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави. *Археологія* 1, 106—118.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. *Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. I. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* М.: Эдиториал УРСС.

Цветаева Г.А. 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии. *КСИА* 143, 99—101.

Шульга Д.П. 2021. Несторианское христианство в Танском Китае (по материалам эпитафии Ми Цзифэня). *МАИАСП* 13, 934—941. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.71.57.034.

Чореф М.М. 2013. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 127—156.

Чореф М.М. 2016. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* 4, 119—124.

Чореф М.М. 2017. Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации. *МАИАСП* 9, 441—467.

Чореф М.М. 2018. Анонимные медные и бронзовые монеты Митридата IV Евпатора Диониса как источник исторической информации. *Magistra Vitae* 2, 182—190.

Чореф М.М. 2019a. К вопросу о статусе Аспурга как монарха. *Stratum plus* 6, 97—116.

Чореф М.М. 2019b. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2021a. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источники исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2021b. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.

Чореф М.М. 2022a. К вопросу о цели посольства Наймана и Махеса в Рим, или к просопографии Понтийского царства. *МАИАСП* 14, 407—418. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.78.29.021.

Чореф М.М. 2022b. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чореф М.М. 2022c. Тамги на драхмах Рескупорида IV как источник исторической информации. *Stratum plus* 4, 59—70.

Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.

Яйленко В.П. 2016. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. —VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История (Исторические исследования).

Яценко С.А. 2001 *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I—III вв. н. э. *ДБ* 13, 539—552.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.

Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. Из истории культуры народов Северного Кавказа 16, 436—468.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х. 2023. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы. *МАИАСП* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147.

Agora XV: Meritt B.D., Traill J. 1974. *Inscriptions: The Athenian Councillors*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens 15).

Anderson J.G.C. 1934. The Eastern Frontier under Augustus. In: Cook S.A., Adcock F.E., Charlesworth M.P. (eds.). *CAH*. Vol. X. Cambridge: University Press, 239—283.

Arslan M., Peter U., Stolba V.F. 2021. *Antike Münzen von Thrakien und Moesien: Aus öffentlichen und privaten Sammlungen der Türkei*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG (Griechisches Münzwerk).

BGU II: *Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Urkunden No. 362—696*. 1898. Bd. 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

bosporan-kingdom.com: 1: Монеты Боспора. URL: https://bosporan-kingdom.com (дата обращения 31.01.2024).

de Callataÿ F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. *Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan* XCVIII. *Numismatica Lovaniensia* 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

Ephesos: McCabe D.F. 1991. *Ephesos Inscriptions. Texts and List*. Princeton: The Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

FD III 2: Colin C. (ed.). 1929. *Fouilles de Delphes*. Vol. III. *Épigraphie*. Fasc. 2. *Inscriptions du trésor des Athéniens* Paris: E. de Boccard.

Fishel A., Nosonovsky M. 2020. The structure of Karaite gravestone inscriptions from Çufut-Qal'eh and methodology of Hebrew Epigraphy. *МАИАСП* 12, 996—1014.

Frolova N., Ireland S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

goskatalog.ru: 1: Постамент статуи с греческой надписью. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=40031503 (дата обращения 31.01.2024).

Halikarnassos: McCabe D.F. (ed.). 1991. *Halikarnassos Inscriptions. Texts and List*. Princeton: The Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

Hoover O.D. 2007. *Coins of the Seleucid Empire from the collection of Arthur Houghton*. Pt. II. New York: The American Numismatic Association (Ancient coins in North American collections).

Houghton A. 1983. *Coins of the Seleucid Empire from the collection of Arthur Houghton*. Pt. I. New-York: The American Numismatic Association (Ancient coins in North American collections).

I.Kaunos: Marek Ch. (ed.). 2006. *Die Inschriften von Kaunos*. München: C.H. Beck (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 55).

ID: Roussel P., Launey M. (eds.). 1937. *Inscriptions de Délos*. Paris: Librairie Ancienne Honore Champion.

IG IX.2: Kern O. (ed.). 1908. *Inscriptiones Graecae*. Vol. IX. Fasc. 2. *Inscriptiones Thessaliae*. Berlin: G. Reimer.

IG XII.6: Hallof K. (ed.). 2000. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 6. *Inscriptiones Chii et Sami cum Corassiis Icariaque*. Berlin: Reimer.

IG XII.9: Ziebarth E. (ed.). 1915. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Fasc. 9. *Inscriptiones Euboeae insulae*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG II^2: Kirchner J. (ed.). 1913—1940. *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. Pt. I—III. Berlin: Georgium Reimerum.

IG VII: Dittenberger W. (ed.). 1892. *Inscriptiones Graecae*. Vol. VII. *Inscriptiones Megaridis, Oropiae, Boeotiae*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG XII Suppl.: Hiller von Gaertringen F. (ed.). 1939. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Supplementum. *Addenda to IG XII, 2—3, 5, and 7—9*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG XII.4.2: Bosnakis D., Hallof K. (eds.). 2012. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 4. *Inscriptiones Coi, Calymnae, Insularum Milesiarum*. Pt. II. *Inscriptiones Coi insulae: catalogi, dedicationes, tituli honorarii, termini*. Berlin; New York: De Gruyter.

IG XII.4.5: Bosnakis D., Hallof K. (eds.). 2021. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 4. *Inscriptiones Coi, Calymnae, Insularum Milesiarum*. Pt. V. *Inscriptiones Calymnae et insularum Calymniarum*. Berlin; Boston: De Gruyter.

IG XII.5: Hiller von Gaertringen F. (ed.). 1903—1909. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Fasc. 5. *Inscriptiones Cycladum*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IK Kios: Corsten Th. 1985. *Die Inschriften von Kios*. Bonn: Habelt (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 29).

IK Priene: Blümel W, Merkelbach R., Rumscheid F. 2014. *Die Inschriften von Priene*. Vol. I—II. Bonn: Habelt (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 69).

IMT Kyz Kapu Dağ: Barth M., Stauber J. (eds.). 1996. *Inschriften Mysia & Troas* [IMT]. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7.

IMT Kaïkos: Barth M., Stauber J. (eds.). 1996. Inschriften Mysia & Troas. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7.

IOSPE I^2: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

IOSPE III: Макаров И. *Древние Надписи Северного Причерноморья*. Т. 3. *Надписи Херсонеса и окрестностей*. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/Chersonesus/index-ru.html (дата обращения 10.02.2024).

IOSPE IV: Latyschev B. 1901. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. IV. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

IvP II: Fränkel M. (ed.). 1895. *Die Inschriften von Pergamon*. Vol. II. Berlin: Spemann (Altertümer von Pergamon. Bd. VIII.2).

Kiessling M. 1912. Gorgippia. In: Kroll W. (Her.). *RE*. Bd. 7. Stuttgart: J.B. Metzler, 1620—1629.

Nosonovsky M. 2021. Hebrew gravestone inscriptions from Jewish cemeteries in the Raysn region (Belarus and Ukraine). *МАИАСП* 13, 954—970.

P. Oxy I: Grenfell B.P., Hunt A.S. 1898. The Oxyrhynchus Papyri. Pt. I. London: London Egypt Exploration Society.

Phiphia N, Kobakhidze E. 2021. To the question of the identifying king Amazasp of Iberia, queen Dracontis and a royal official Anagranes mentioned in three Greek inscriptions found in Mtskheta. *МАИАСП* 13, 925—933.

Priene: McCabe D.F. 1987. *Priene Inscriptions. Texts and List*. Princeton: Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

Rostovtzeff M. 1919. Queen Dynamis of Bosporus. *JHS* 39, 88—109.

SC 1.1: Houghton A., Lorber C. (eds.). 2002a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 1. *Seleucus I through Antiochus III*. Vol. I. *Introduction, Maps, and Catalogue*. New York: The American Numismatic Society.

SC 1.2: Houghton A., Lorber C. (eds.). 2002b. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 1. *Seleucus I through Antiochus III*. Vol. II. *Appendices, Indices, and Plates*. New York: The American Numismatic Society.

SC 2.1: Houghton A., Lorber C., Hoover O. (eds.). 2008a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 2. *Seleucus IV through Antiochus XIII*. Vol. I. *Introduction, Maps, and Catalogue*. New York: The American Numismatic Society.

SC 2.2: Houghton A., Lorber C., Hoover O. (eds.). 2008a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 2. *Seleucus IV through Antiochus XIII*. Vol. II. *Appendices, Indices, and Plates*. New York: The American Numismatic Society.

SEG III: Roussel P., Tod M.N., Ziebarth E. (eds.). 1927. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. III. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XIII: Woudhead A.G., Tod M.N., Woodward A.M. (eds.). 1956. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XIII. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XVI: Woudhead A.G., Tod M.N., Woodward A.M. (eds.). 1959. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XVI. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XVII: Woudhead A.G. (ed.). 1960. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XVII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVI: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1979. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVI. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1980. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVIII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1982. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXX: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1983. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXX. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXXI: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1984. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXI. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXXII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1985. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXXVIII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1991. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLI: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1994. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLI. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLII: Pleket H.W., Stroud R.S., Strubbe J.H.M. (eds.). 1995. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLII Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLIII: Pleket H.W., Stroud R.S., Strubbe J.H.M. (eds.). 1996. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLVI: Pleket H.W., Stroud R.S., Chaniotis A., Strubbe J.H.M. (eds.). 1999. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLVIII: Pleket H.W., Stroud R.S., Chaniotis A., Strubbe J.H.M. (eds.). 2001. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XLIX: Pleket H.W., Stroud R.S., Chaniotis A., Strubbe J.H.M. (eds.). 2002. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIX. Leiden; Boston: Brill.

SEG LIII: Chaniotis A., Corstein T., Stroud R.S., Tybout R.A. (eds.) 2007. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. LIII. Leiden; Boston: Brill.

SEG LVI: Chaniotis A., Corstein T., Stroud R.S., Tybout R.A. (eds.) 2010. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. LVI. Leiden; Boston: Brill.

Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.

Sophocles E.A. 1914. *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (From B.C. 146 to A.D. 1100)*. Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press.

Sutherland C.H.V. 1984. *RIC*. Vol. I. — From 31 BC to AD 69. London: Spink and Son Ltd.

TAM V.2: Herrmann P. (ed.). 1981—1989. *Tituli Asiae Minoris*. Vol. V. *Tituli Lydiae linguis Graeca et Latina conscripti*. Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Vinogradov Ju.A. 2003. Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period. *BSS* 1, 217—226.

Yatsenko S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8(4), 555—742.

Youroukova Y. 1976. *Coins of the Ancient Thracians*. Oxford: British Archaeological Reports (BAR Supplementary Series 4).
Δημητριακου Δ. 1953a. *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης: δημοτικη, καθαρευουσα, μεσαιωνικη, μεταγενεστερα, αρχαια.* Τ. Β. Αθήναι: ΔΟΜΗ.
Δημητριακου Δ. 1953b. *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης: δημοτικη, καθαρευουσα, μεσαιωνικη, μεταγενεστερα, αρχαια.* Τ. Δ. Αθήναι: ΔΟΜΗ.
Σβορώνος I.N. 1904a. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Α΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος I.N. 1904b. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Β΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος I.N. 1904c. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Γ΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος I.N. 1904d. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Δ΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.

References

Alekseeva, E.M. 1997. *Antichnyi gorod Gorgippiia (Ancient Town of Gorgippia)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
Andriyevskiy, D.V. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).
Andriyevskiy, D.V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029 (in Russian).
Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).
Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).
Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
Blavatskaya, T.V. 1965. In *Sovetskaiya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 197—209 (in Russian).
Bolgov, N.N., Zaitseva, I.V. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 517—526 (in Russian).
Bondarenko, D.V., Ivashchenko, M.V. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 635—646 (in Russian).
Vinogradov, Yu.G., Goroncharovskii, V.A. 2017. Voennaya istoriya Bosporskogo tsarstva (Military History of the Bosporus Kingdom). Moscow: Lomonosov (in Russian).
Vinogradov, Yu.G. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 151—170 (in Russian).
Vinokurov, N.I. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 7, 78—88 (in Russian).
Vinokurov, N.I. 2021. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and archeology of Crimea)* 15, 14—26 (in Russian).
Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 207—217 (in Russian).
Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2 (in Russian).
Gadjiev, M.S., Gasanov, M.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 942—953. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.28.23.035 (in Russian).
Gaydukevich, V.F. 1947. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 22—27 (in Russian).
Goremykina, V.I. 1955. In *Uchenye zapiski Mogilevskogo pedagogicheskogo instituta (Scientific Bulletin of the Mogilev Pedagogical Institute)* 11, 130—140 (in Russian).
Goroncharovskii, V.A. 2000. In *Stratum plus* 3, 229—236 (in Russian).
Gringof, S.A. 2009. In *Via in tempore* 15 (70), 33—37 (in Russian).
Dvoretskiy, I.Ky. 1958. *Drevnegrechesko-russkiy slovar' (Ancient Greek-Russian dictionary)*. Vol. 1. A—Λ. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey (in Russian).
Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3 (206), 141—179 (in Russian).

Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Sign Systems in Northern Pontic Region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Emets, I.A. 2005. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Bospora Kimmeriiskogo (Graffiti and Dipinti from the Classical Towns and Settlements of Cimmerian Bosporus)*. Moscow: Sputnik + (in Russian).

Emets, I.A. 2012. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu) (Graffiti and Dipinti from Classical Towns and Settlements of the Northern Black Sea Region: Materials for the Corpus)*. Moscow: Sputnik (in Russian).

Zavoikina, N.V. 2016a. In Zavoikin, A.A. (ed.). *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy (Phanagoria: Results of Archaeological Investigations)*. Vol. 4. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on Archaeology and History of Phanagoria)*. Iss. 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 208—229 (in Russian).

Zavoikina, N.V. 2016b. In: Zinko, V.N., Zinko, E.A. (eds.). *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya (17th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages: Researchers and Research)*. Kerch: Solo-Rich, 160—166 (in Russian).

Zavoikina, N.V. 2023. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 28, 149—167 (in Russian).

Zavoikina, N.V. 2024. In *Hypanis* 5, 132—152 (in Russian).

Zavoikina, N.V., Konstantinov, V.A., Novichikhin, A.M. 2018. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 78 (3), 680—692 (in Russian).

Zubar, V.M., Zin'ko, V.N. 2006. *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XII (in Russian).

Ivantchik, A.I., Tokhtas'ev, S.R. 2009. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 95—107 (in Russian).

Ivashchenko, M.V., Sinika, V.S. 2017. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 484—533 (in Russian).

Kaminskaia, I.V., Kaminskii, V.N., Pyankov, A.V. 1985. In *Sovetskaya Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 228—234 (in Russian).

Kargin, Yu.Yu. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 914—995. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00029 (in Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Kuznetsov, V.A. (ed.). 2008. *Fanagoriia (Phanagoria)*. Moscow: Severnyi palomnik (in Russian).

Levesque, P. 1989. *Ellinisticheskiy mir (The Hellenistic World)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Medvedev, A.P. 1990. *Sarmaty i lesostep': po materialam Podon'ya) (Sarmatians and Forest-Steppe Zone : on the Materials from the Don River Region)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Moshkova, M.G. 1989. In Meliukova, A.I. (ed.). *Stepi evropeiskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Moscow: Nauka, 177—191 (Archaeology of the USSR 11) (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-Archaeological Almanac)* 10, 68—73 (in Russian).

Onaiko, N.A., Dmitriev, A.V., Maslennikov, A.A. 1978. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 g. (Archaeological Discoveries in 1977)*, 135 (in Russian).

Onaiko, N.A., Dmitriev, A.V. 1981. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 168, 93—100 (in Russian).

Oreshnikov, A.V. 1892. *Materialy po drevney numizmatike Chernomorskogo poberezh'ya (Materials on ancient numismatics of the Black Sea coast)*. Moscow: Tipografiya i slovolitnya O.O. Gerbeka (in Russian).

Pavlichenko, N.A.,. Chistov, D.E. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 887—913 (in Russian).

Raev, B.A. 2008. In Zasetskaia, I.P. (ed.). *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki (Treasures of Sarmatians. A Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg; Azov: Azov Museum-Reserve, 53—57 (in Russian).

Rostovtsev, M.I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii (Iranians and Greeks in South Russia)*. Petrograd: Ogni (in Russian).

Savostina, E.A. 2012. *Ellada i Bospor. Grecheskaia skul'ptura na Severnom Ponte (Hellas and Bosporus: Greek Sculpture in the Northern Pontic Region)*. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina (Bosporan Studies. Supplementum 8) (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2002a. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 5, 207—223 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2002b. *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch (The Bosporan Kingdom on the Border of Two Epochs)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2009. *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni (Religion and Cults in the Kingdom of Pontus in Hellenistic and Roman Times)*. Moscow; Tula: Grif i K (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2014. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 18, 308—324 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2018. *Drevneye Prichernomor'ye (Ancient Black Sea region)*. Moscow; Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya (Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Iss. 114. Ser. 2; Historical Studies 65) (in Russian).

Symonenko, A.V. 1999. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 1, 106—118 (in Ukrainian).

Smekalova, T.N., Dyukov, Yu. L. 2001. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Ol'viya, Tira (Coin alloys from the Black Sea states. Bosporus, Olbia, Tiras)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet (in Russian).

Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BCE — Middle of 4th Century CE))*. Pt. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n. e. — 210/211 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 49/48 BC — 210/211 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Tsvetaeva, G.A. 1975. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 143, 99—101 (in Russian).

Shulga, D.P. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 934—941. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.71.57.034 (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 6, 127—156 (in Russian).

Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 4, 119—124 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 441—467 (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In *Magistra Vitae* 2, 182—190 (in Russian).

Choref, M.M. 2019a. In *Stratum plus* 6, 97—116 (in Russian).

Choref, M.M. 2019b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591 (in Russian).

Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).

Choref, M.M. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).

Choref, M.M. 2021b. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).

Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 407—418. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.78.29.021 (in Russian).

Choref, M.M. 2022b. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).

Choref, M.M. 2022c. In *Stratum plus* 4, 59—70 (in Russian).

Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n.e. — V v. n.e. (Millenar Bosporan State. History and Epigraphycs of Bosporus in 6th Century BCE — 5th Century CE)*. Moscow: Grif i K (in Russian).

Yailenko, V.P. 2016. *Istoriia i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n.e. — VII v. n e. (History and Epigraphics of Olbia, Chersonesos and the Cimmerian Bosporus in 7th Century BCE — 7th Century CE)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signstamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 539—552 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2023. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the cultural history of the peoples of the North Caucasus)* 16, 436—468 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Slanov, A.A., Khutinaev, A.Kh. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147 (in Russian).

Agora XV: Meritt, B.D., Traill, J. 1974. *Inscriptions: The Athenian Councillors*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens 15).

Anderson, J.G.C. 1934. The Eastern Frontier under Augustus. In: Cook, S.A., Adcock, F.E., Charlesworth, M.P. (eds.). *CAH*. Vol. X. Cambridge: University Press, 239—283.

Arslan, M., Peter, U., Stolba, V.F. 2021. *Antike Münzen von Thrakien und Moesien: Aus öffentlichen und privaten Sammlungen der Türkei*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG (Griechisches Münzwerk).

BGU II: *Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Urkunden No. 362—696*. 1898. Bd. 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

bosporan-kingdom.com: 1: Coins of Bosporus. Available at: bosporan-kingdom.com (accessed 31.01.2024).

de Callataÿ, F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. *Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan* XCVIII. *Numismatica Lovaniensia* 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

Ephesos: McCabe, D.F. 1991. *Ephesos Inscriptions. Texts and List*. Princeton: The Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

FD III 2: Colin, C. (ed.). 1929. *Fouilles de Delphes*. Vol. III. *Épigraphie*. Fasc. 2. *Inscriptions du trésor des Athéniens* Paris: E. de Boccard.

Fishel, A., Nosonovsky, M. 2020. The structure of Karaite gravestone inscriptions from Çufut-Qal'eh and methodology of Hebrew Epigraphy. *Materialy po arkheologii i istorii antichno3go i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 996—1014.

Frolova, N., Ireland, S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

goskatalog.ru: 1: Statue pedestal with Greek inscription. Available at: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=40031503 (accessed 31.01.2024).

Halikarnassos: McCabe, D.F. (ed.). 1991. *Halikarnassos Inscriptions. Texts and List*. Princeton: The Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

Hoover, O.D. 2007. *Coins of the Seleucid Empire from the collection of Arthur Houghton*. Pt. II. New York: The American Numismatic Association (Ancient coins in North American collections).

Houghton, A. 1983. *Coins of the Seleucid Empire from the collection of Arthur Houghton*. Pt. I. New-York: The American Numismatic Association (Ancient coins in North American collections).

I.Kaunos: Marek, Ch. (ed.). 2006. *Die Inschriften von Kaunos*. München: C.H. Beck (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 55).

ID: Roussel, P., Launey, M. (eds.). 1937. *Inscriptions de Délos*. Paris: Librairie Ancienne Honore Champion.

IG IX.2: Kern, O. (ed.). 1908. *Inscriptiones Graecae*. Vol. IX. Fasc. 2. *Inscriptiones Thessaliae*. Berlin: G. Reimer.

IG XII.6: Hallof, K. (ed.). 2000. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 6. *Inscriptiones Chii et Sami cum Corassiis Icariaque*. Berlin: Reimer.

IG XII.9: Ziebarth, E. (ed.). 1915. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Fasc. 9. *Inscriptiones Euboeae insulae*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG II^2: Kirchner, J. (ed.). 1913—1940. *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. Pt. I—III. Berlin: Georgium Reimerum.

IG VII: Dittenberger, W. (ed.). 1892. *Inscriptiones Graecae*. Vol. VII. *Inscriptiones Megaridis, Oropiae, Boeotiae*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG XII Suppl.: Hiller von Gaertringen, F. (ed.). 1939. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Supplementum. *Addenda to IG XII, 2—3, 5, and 7—9*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IG XII.4.2: Bosnakis, D., Hallof, K. (eds.). 2012. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 4. *Inscriptiones Coi, Calymnae, Insularum Milesiarum*. Pt. II. *Inscriptiones Coi insulae: catalogi, dedicationes, tituli honorarii, termini*. Berlin; New York: De Gruyter.

IG XII.4.5: Bosnakis, D., Hallof, K. (eds.). 2021. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. *Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum*. Fasc. 4. *Inscriptiones Coi, Calymnae, Insularum Milesiarum*. Pt. V. *Inscriptiones Calymnae et insularum Calymniarum*. Berlin; Boston: De Gruyter.

IG XII.5: Hiller von Gaertringen, F. (ed.). 1903—1909. *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII. Fasc. 5. *Inscriptiones Cycladum*. Berlin: Apud Georgium Reimerum.

IK Kios: Corsten, Th. 1985. *Die Inschriften von Kios*. Bonn: Habelt (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 29).

IK Priene: Blümel, W, Merkelbach, R., Rumscheid, F. 2014. *Die Inschriften von Priene*. Vol. I—II. Bonn: Habelt (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 69).

IMT Kyz Kapu Dağ: Barth, M., Stauber, J. (eds.). 1996. *Inschriften Mysia & Troas* [IMT]. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7.

IMT Kaïkos: Barth, M., Stauber, J. (eds.). 1996. Inschriften Mysia & Troas. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7.

IOSPE I²: Latyschev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

IOSPE III: Makarov, I. *Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea Coast)*. Vol. 3. *Nadpisi Chersonesa i okrestnostey (Inscriptions of Chersonesos and Vicinity)*. Available at: http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/Chersonesus/index-ru.html (accessed 10.02.2024).

IOSPE IV: Latyschev, B. 1901. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. IV. Petropoli: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

IvP II: Fränkel, M. (ed.). 1895. *Die Inschriften von Pergamon*. Vol. II. Berlin: Spemann (Altertümer von Pergamon. Bd. VIII.2).

Kiessling, M. 1912. Gorgippia. In: Kroll, W. (Her.). *RE*. Bd. 7. Stuttgart: J.B. Metzler, 1620—1629.

Nosonovsky, M. 2021. Hebrew gravestone inscriptions from Jewish cemeteries in the Raysn region (Belarus and Ukraine). *Materialy po arkheologii i istorii antichno3go i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 954—970.

P. Oxy I: Grenfell, B.P., Hunt, A.S. 1898. The Oxyrhynchus Papyri. Pt. I. London: London Egypt Exploration Society.

Phiphia, N, Kobakhidze, E. 2021. To the question of the identifying king Amazasp of Iberia, queen Dracontis and a royal official Anagranes mentioned in three Greek inscriptions found in Mtskheta. *Materialy po arkheologii i istorii antichno3go i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 925—933.

Priene: McCabe, D.F. 1987. *Priene Inscriptions. Texts and List*. Princeton: Institute for Advanced Study (The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia).

Rostovtzeff, M. 1919. Queen Dynamis of Bosporus. *JHS* 39, 88—109.

SC 1.1: Houghton, A., Lorber, C. (eds.). 2002a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 1. *Seleucus I through Antiochus III*. Vol. I. *Introduction, Maps, and Catalogue*. New York: The American Numismatic Society.

SC 1.2: Houghton, A., Lorber, C. (eds.). 2002b. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 1. *Seleucus I through Antiochus III*. Vol. II. *Appendices, Indices, and Plates*. New York: The American Numismatic Society.

SC 2.1: Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. (eds.). 2008a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 2. *Seleucus IV through Antiochus XIII*. Vol. I. *Introduction, Maps, and Catalogue*. New York: The American Numismatic Society.

SC 2.2: Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. (eds.). 2008a. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. 2. *Seleucus IV through Antiochus XIII*. Vol. II. *Appendices, Indices, and Plates*. New York: The American Numismatic Society.

SEG III: Roussel, P., Tod, M.N., Ziebarth, E. (eds.). 1927. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. III. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XIII: Woudhead, A.G., Tod, M.N., Woodward, A.M. (eds.). 1956. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XIII. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XVI: Woudhead, A.G., Tod, M.N., Woodward, A.M. (eds.). 1959. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XVI. Lugduni Batavorum: Apud A.W. Sijthoff.

SEG XVII: Woudhead, A.G. (ed.). 1960. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XVII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVI: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1979. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVI. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1980. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVII. Amsterdam: J.C. Gieben.

SEG XXVIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1982. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XXX: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1983. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXX. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XXXI: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1984. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXI. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XXXII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1985. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XXXVIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1991. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLI: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1994. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLI. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLII: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Strubbe, J.H.M. (eds.). 1995. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLII Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Strubbe, J.H.M. (eds.). 1996. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLVI: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Chaniotis, A., Strubbe, J.H.M. (eds.). 1999. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLVIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Chaniotis, A., Strubbe, J.H.M. (eds.). 2001. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.
SEG XLIX: Pleket, H.W., Stroud, R.S., Chaniotis, A., Strubbe, J.H.M. (eds.). 2002. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XLIX. Leiden; Boston: Brill.
SEG LIII: Chaniotis, A., Corstein, T., Stroud, R.S., Tybout, R.A. (eds.) 2007. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. LIII. Leiden; Boston: Brill.
SEG LVI: Chaniotis, A., Corstein, T., Stroud, R.S., Tybout, R.A. (eds.) 2010. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. LVI. Leiden; Boston: Brill.
Sestini, D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Sophocles, E.A. 1914. *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (From B.C. 146 to A.D. 1100)*. Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford; Oxford University Press.
Sutherland, C.H.V. 1984. *RIC*. Vol. I. From 31 BC to AD 69. London: Spink and Son Ltd.
TAM V.2: Herrmann, P. (ed.). 1981—1989. *Tituli Asiae Minoris*. Vol. V. *Tituli Lydiae linguis Graeca et Latina conscripti*. Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
Vinogradov, Ju.A. 2003. Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period. *BSS* 1, 217—226.
Yatsenko, S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8(4), 555—742.
Youroukova, Y. 1976. *Coins of the Ancient Thracians*. Oxford: British Archaeological Reports (BAR Supplementary Series 4).
Δημητριακου, Δ. 1953a. *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης: δημοτικη, καθαρευουσα, μεσαιωνικη, μεταγενεστερα, αρχαια.* Τ. Β. Αθήναι: ΔΟΜΗ.
Δημητριακου, Δ. 1953b. *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης: δημοτικη, καθαρευουσα, μεσαιωνικη, μεταγενεστερα, αρχαια.* Τ. Δ. Αθήναι: ΔΟΜΗ.
Σβορώνος, I.N. 1904a. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Α΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος, I.N. 1904b. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Β΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος, I.N. 1904c. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Γ΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.
Σβορώνος, I.N. 1904d. *Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων*. Μεπ. Δ΄. Αθήναι: Σακελλαρίου.

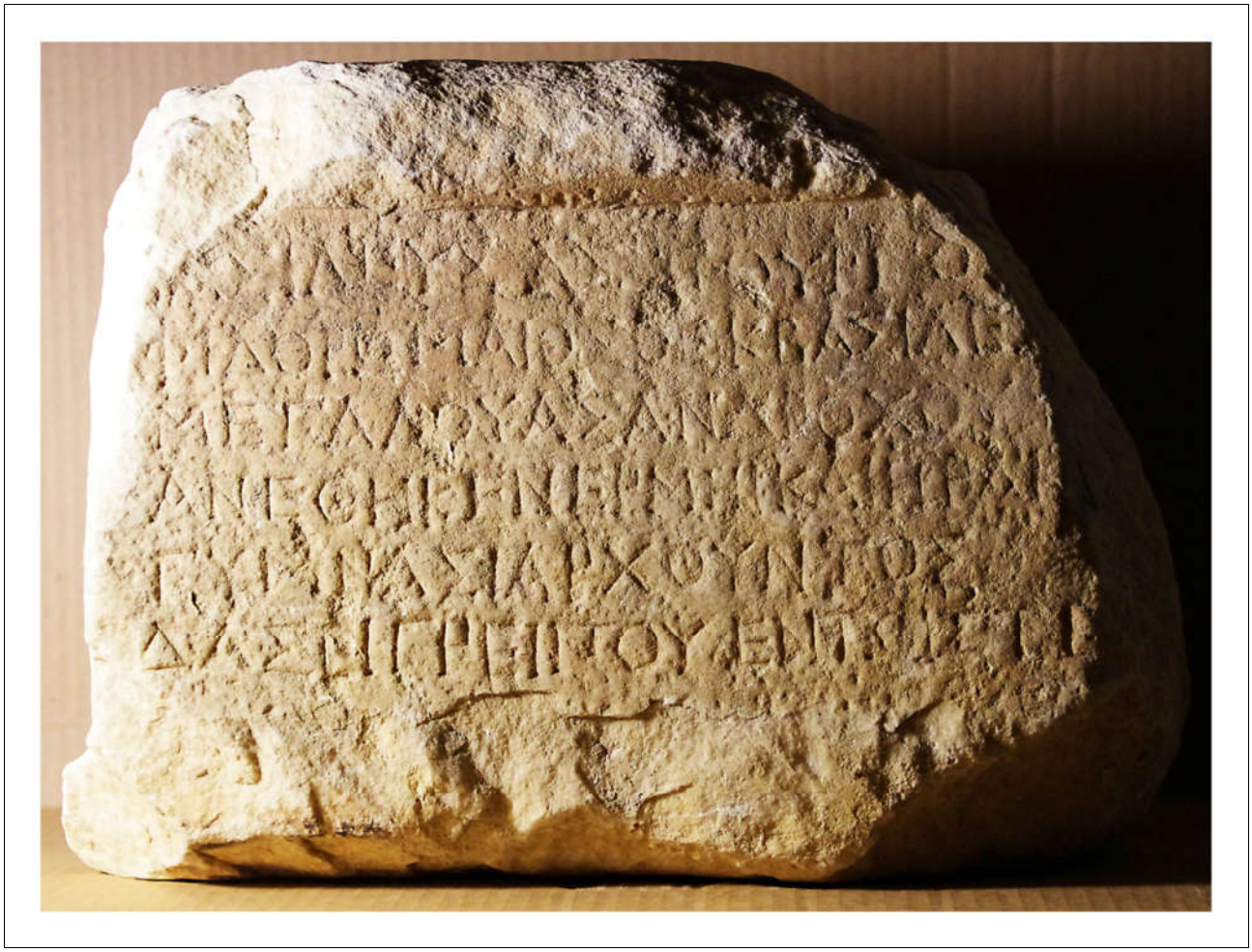


Рис. 1. Надпись Аспурга из Горгиппии, найденная в 2013 г. (по goskatalog.ru: 1).

Fig. 1. Inscription of Aspurgus from Gorgippia, found in 2013 (after goskatalog.ru: 1).

Рис. 2. Монеты Аспурга: *1, 2* — семисы с тамгами 𐢠 (*1*) и 𐢡 (*2*); *3—5* — статеры с монограммой 𐢢; *6—9* — статеры с монограммами 𐢣 (*6*), 𐢤 (*7*), 𐢥 (*8*), 𐢦 (*9*); *10* — ассарий с монограммой 𐢧 (по Анохин 2011: № 1386; Чореф 2019а: 102, рис. 1: 1, 2; bosporan-kingdom.com: 1: № 000-4191-16, 000-4765-1, 000-5281-1, 288-4947-1, 297-4766-1, 298-4500-1, 300-4274-1, 318-4730-1, 318-4729-3).

Fig. 2. Coins of Aspurgus: *1, 2* — semisi with tamgas 𐢠 (*1*) and 𐢡 (*2*); *3—5* — staters with monogram 𐢢; *6—9* — staters with group monograms 𐢣 (*6*), 𐢤 (*7*), 𐢥 (*8*), 𐢦 (*9*); *10* — assarion with a monogram 𐢧 (after Anokhin 2011: No. 1386; Choref 2019a: 102, fig. 1: 1, 2; bosporan-kingdom.com: 1: No. 000-4191-16, 000-4765-1, 000-5281 -1, 288-4947-1, 297-4766-1, 298-4500-1, 300-4274-1, 318-4730-1, 318-4729-3).

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах.
АВ	—	Археологические вести.
АДІУ	—	Археологія і давня історія України.
АМА	—	Античный мир и археология.
АН	—	Академия наук.
АН СССР	—	Академия наук СССР.
АН УССР	—	Академия наук УССР.
АО	—	Археологические открытия.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БИ	—	Боспорские исследования.
БЧ	—	Боспорские чтения.
ВДИ	—	Вестник древней истории.
ВИ	—	Вопросы истории.
ВОКМ	—	Волгоградский областной краеведческий музей.
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	—	Государственный исторический музей.
ГМИИ им. А.С. Пушкина	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГМИНВ	—	Государственный музей искусства народов Востока.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж.
ДБ	—	Древности Боспора.
ДБК	—	Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа / Antiquités du Bosphore Cimmérien: conservées au Musée Impérial de l'Ermitage. T. 1—3. Санкт-Петербург / St. Pétersbourg, 1854.
ДонНУ	—	Донецкий Национальный университет.
ДП	—	Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко.
ЗО	—	Золотоордынское обозрение.
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА КН МОН РК	—	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук.
ИАК	—	Известия археологической комиссии.
ИВ РАН	—	Институт востоковедения Российской академии наук.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
КБН 1965	—	Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	—	Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Т. I—II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
КБНИИ	—	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАИАСП	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАР	—	Материалы и исследования по истории России.
МАРВМ	—	Музей автономного района Внутренняя Монголия.
МАЭ	—	НИИ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» РАН.
МАЭ ИЭИ УНЦ РАН	—	Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.

МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИ КВАЭ — Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИА ЮР — Материалы и исследования по археологии Юга России.
МИАД — Материалы и исследования по археологии Дона.
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан.
МРКМ — Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова.
НА БИКАМЗ — Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.
НА ВКИКМЗ — Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.
НА ГИАМЗХТ — Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический.
НА ИИАЭ ДФИЦ РАН — Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
НА ИИАЭ ДФИЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник.
НАН РК — Национальная академия наук Республики Казахстан.
НиС — Нумизматика и сфрагистика.
НиЭ — Нумизматика и эпиграфика.
НМРК — Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, КНР РК).
ОАК — Отчет императорской археологической комиссии.
ПА — Поволжская археология.
ПАВ — Петербургский археологический вестник.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
ПЦКРК — Президентский центр культуры Республики Казахстан (г. Астана, РК).
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РК — Республика Казахстан.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СбРИО — Сборник Русского исторического общества.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УАВ — Уфимский археологический вестник.
ЮНЦ — Южный научный центр.
AA — Archäologischer Anzeiger.
ABC — Antiquités du Bosphore Cimmérien.
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.

Adelt.	—	Αρχαιολογικόν Δελτίον.
AGD	—	Antike Gemmen in deutschen Sammlungen.
AM	—	Athenische Mitteilungen.
ARV²	—	Beazley, J. D. 1963. Attic Red-Figure Vase-Painters. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
ASMOSIA	—	Association for the Study of Marble & Other Stones in Antiquity.
BABesch	—	Bulletin Antieke Beschaving.
BAR	—	British Archaeological Reports.
BCAA	—	Bonn Contributions to Asian Archaeology.
BCH	—	Bulletin correspondance hellénique.
BÉFAR	—	Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome.
BJb	—	Bonner Jahrbücher.
BSA	—	Annual of the British School at Athens.
BSS	—	Black Sea Studies.
Bull. Ep	—	Bulletin épigraphique.
Coin Hoards XI	—	Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. 2021. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus. Leuven; Paris; Bristol: Peeters.
CRAI	—	Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
CVA	—	Corpus Vasorum antiquorum.
ESA	—	Eurasia Septentrionales Antiqua.
IARPotHP	—	International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period.
IOSPE I2	—	Latyschev B. 1916. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli: Императорская академия наук.
IOSPE3 III	—	Макаров И. 2017. Древние Надписи Северного Причерноморья. Т. 3. Надписи Херсонеса и его окрестностей. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/corpora /chersonesos/index-ru.html.
IrAnt	—	Iranica Antiqua.
JAS	—	Journal of archaeological science.
JbRGZM	—	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
JDAI	—	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JdI	—	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
JGS	—	Journal of Glass Studies.
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.
LSJ	—	Liddell H.G., Scott R. (comp). 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford: University Press.
MDAFA	—	Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan.
OIP	—	Oriental Institute publications.
OSF	—	Open Science Framework.
Pottery, Peoples and Places	—	Bilde P.G., Lawall M. (eds.). 2016. Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Aarhus: Aarhus University Press (BSS 16).
RASMI	—	Rassegna di studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano.
RIC	—	The Roman Imperial Coinage.
RPC	—	Roman Provincial Coinage.
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecum.
SRAA	—	Silk Road Art and Archaeology.
StCI	—	Studii clasice.
TÜBA-AR	—	Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi = Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology.
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Журнал ежегодно публикует оригинальные статьи на русском и на английском языках.

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает…»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутсвуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.). Дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015).

При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 16 (2024)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2024. — 846 стр.

Подписано к печати 20.12.2024

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 61.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

MAIASP. No. 16 (2024)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2024. — 846 pp.

Endorsed for print December 20, 2024.

Cimmeria Publishing,
"MAIASP" Journal:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

Format 60×84⅛. Font "Times".
Internet journal. Order No. 61.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

На обложке — фотография амфориска III—II вв. до н.э. (Аттика ?). Найден в Глином (Слободзейский район, Молдова) в 2000 г. (фото С.О. Симоненко).

On the cover is a photograph of an amphorisk from the 3rd —2nd centuries BCE (Attica?). Found in Glinoe (Slobodzeya district, Moldova) in 2000 (photo by S.O. Simonenko).